

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

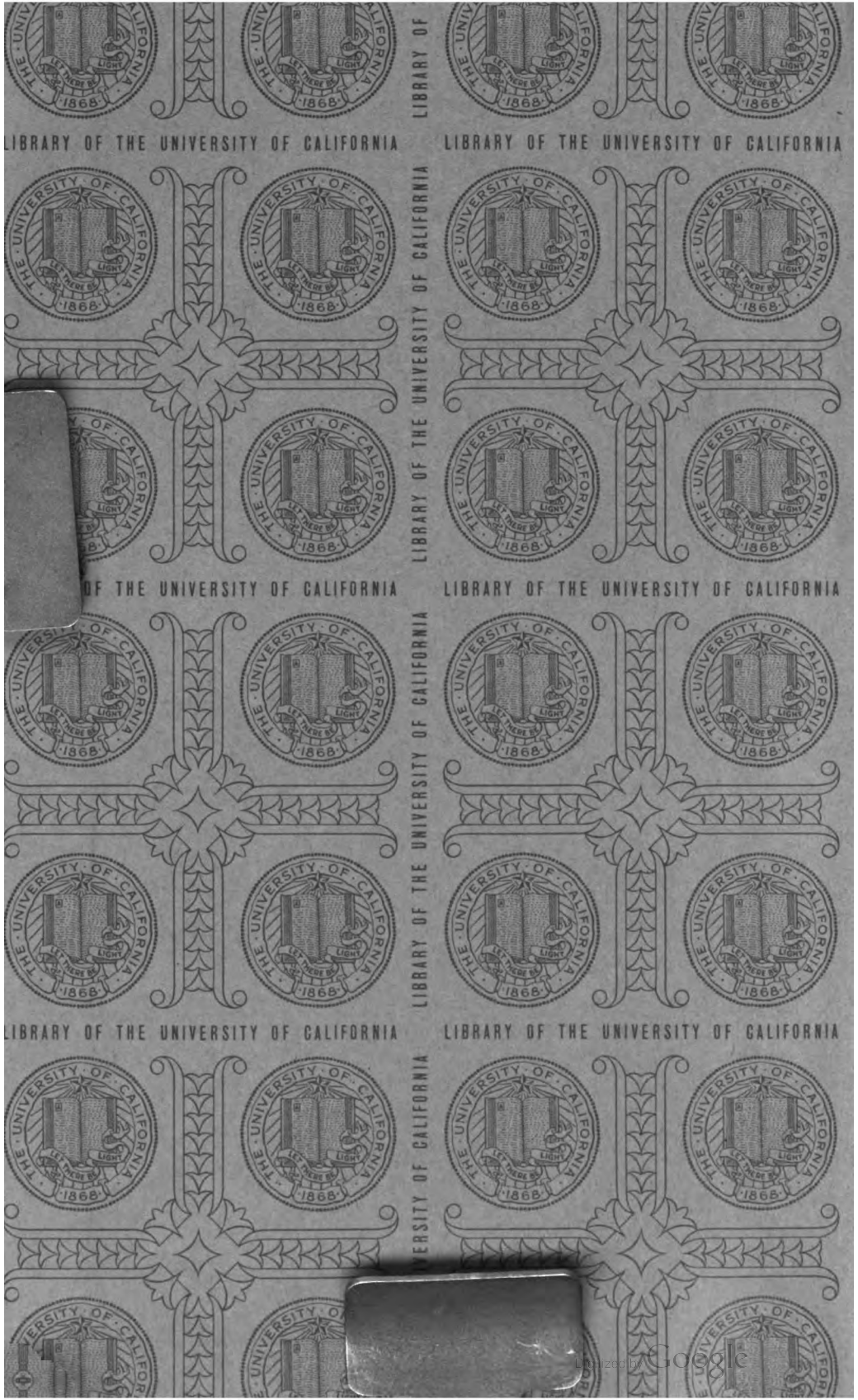
We also ask that you:

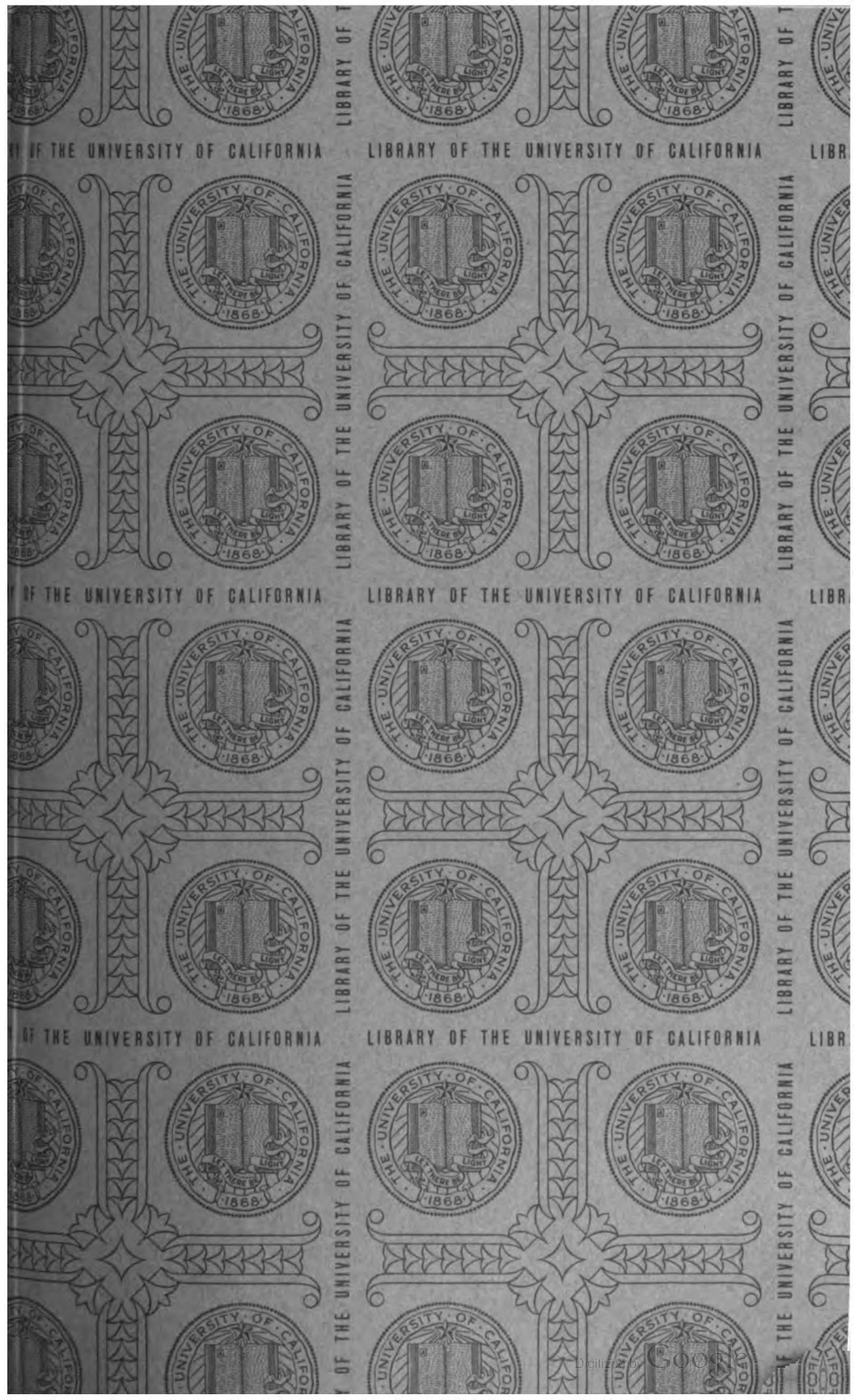
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАРТЪ.

1879.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Кварталъ. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1879.

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О преміи фрейлины М. С. Мухановой за жизнеописание императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ . . . . . А. Никитскаго.

Господствующая группа выводовъ . . . . . М. И. Каринскаго.

Новѣйшіе памятники древне-чешскаго языка. В. И. Ламанскаго.

Матеріалы для внутренней исторіи Византійскаго государства . . . . . В. Г. Васильевскаго.

Объ учебныхъ пособіяхъ для преподаванія естественной исторіи въ реальныхъ училищахъ . . . . . Н. Кричагина.

Слово пр. Амвросія о началахъ христіанскаго воспитанія.

Замѣтка по поводу отчета о педагогическомъ отдѣлѣ Парижской всемірной выставки . . . . . В. Ѳ. Эвальда.

Объ одномъ учебникѣ русской исторіи для начальныхъ школъ.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университетовъ, б) низшихъ училищъ.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертка)

Russia. Min. nar. pros.

ЖУРНАЛЬ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90-1.

1878.

L451
A4
v. 202

THE UNIVERSITY
OF MICHIGAN

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи въ Рижской Александровской гимназій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ представленнаго директору рижской александровской гимназій русскимъ обществомъ гор. Риги капитала въ 1000 руб., заключающагося въ 5% облигаціи 2-го восточнаго займа, одной стипендіи при названной гимназій, съ наименованіемъ оной: „стипендія 2-й саперной бригады“; при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

2. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Стерлитамакской прогимназій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе при Стерлитамакской прогимназій, на проценты съ пожертвованнаго покойнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Базилевскимъ капитала въ одну тысячу руб., заключающагося въ 10 облигаціяхъ 1-го восточнаго займа, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Ѳедоровича Базилевскаго“.

3. (10-го января 1879 года). Обь учрежденіи стипендіи при Казанской Маріинской женской гимназіи.

Педагогическій совѣтъ Казанской Маріинской женской гимназіи ходатайствовалъ обь учрежденіи при названномъ учебномъ заведеніи на проценты съ отказаннаго, по духовному завѣщанію вдовою поручика Е. М. Тахтаровою, капитала въ девятьсотъ пятьдесятъ руб., заключающагося въ 5% облигаціяхъ восточнаго займа, одной стипендіи имени покойнаго мужа жертвовательницы „поручика Андрея Николаевича Тахтарова“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи.

4. (10-го января 1879 года). Обь учрежденіи стипендіи въ Самарской гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилоствѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ представленнаго директору Самарской гимназіи гражданами гор. Самары капитала въ 2,300 р. заключающагося въ пяти 5% облигаціяхъ 2-го восточнаго займа, трехъ стипендій при названной гимназіи, съ наименованіемъ оныхъ: „стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Алексѣевича Бильбасова“, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

5. (10-го января 1879 года). Обь учрежденіи стипендіи при Муромскомъ реальномъ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе, на проценты съ пожертвованнаго Муромскимъ купеческимъ обществомъ капитала въ 1,500 руб., заключающагося въ 3-хъ 5% билетахъ государственнаго банка 4-го выпуска, при Муромскомъ реальномъ училищѣ, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія потомственнаго почетнаго гражданина Прокопія Степановича Зворыкина“: при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

6. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургской 1-й гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ на учрежденіе при С.-Петербургской 1 гимназіи, на проценты съ представленнаго женою маіора Екатериною Роштейнъ директору названной гимназіи капитала въ 1,000 руб., заключающагося въ облигаціи 2-го восточнаго займа, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія Ефима Роштейна“; при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвовательницу.

7. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ.

Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что московская городская дума, желая почтить заслуги покойнаго гласнаго этой думы князя Черкаскаго, внесла въ московское губернское казначейство, на имя московскаго университета, шесть тысячъ рублей, заключающіеся въ облигаціяхъ восточнаго займа, на учрежденіе при означенномъ университетѣ, одной стипендіи имени В. А. Черкаскаго.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ, въ 10-й день января сего года, на удовлетвореніе означеннаго ходатайства Московской городской думы и повелѣлъ оную благодарить.

8. (10-го января 1879 года). О принятіи пожертвованія, сдѣланнаго статскимъ совѣтникомъ И. С. Хаминнымъ.

Почетный попечитель Иркутской мужской гимназіи и предѣдатель попечительнаго совѣта Иркутской женской гимназіи, статскій совѣтникъ И. С. Хаминновъ изъявилъ желаніе пожертвовать министерству народнаго просвѣщенія:

1) Именннй двухъэтажный домъ съ подваломъ, помѣщающійся на Трапезниковской улицѣ гор. Иркутска, приспособленный уже къ нуждамъ предполагаемой къ открытію въ семь городѣ женской прогимназіи и стоящій, по однѣмъ строительнаго отдѣленія главнаго управленія Восточной Сибири, 60 т. р.:

2) 46 облигацій Восточнаго займа 1877 г. съ №№ 81401 по 81440 включительно, по 1060 р. каждая, съ 18-ю купонами, всего на сумму

40000 р., на предметъ содержанія, изъ процентовъ съ этого капитала, въ помянутомъ домѣ женской прогимназіи.

При этомъ жертвователь ходатайствовалъ о присвоеніи сему заведенію наименованія: „женская прогимназія Ивана Степановича Хаминова“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день января сего года на сіе Высочайше соизволилъ.

9. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Рижской женской Ломоносовской гимназіи.

Полечитель дерптскаго учебнаго округа донесъ министру народнаго просвѣщенія, что по поводу возвращенія 2-й саперной бригады изъ похода въ Турцію, русское общество гор. Риги пожелало выразить свое сочувствіе къ доблестнымъ войскамъ этой бригады, доставило директору Рижской александровской гимназіи одну 5-ти процентную облигацію 2-го восточнаго займа въ тысячу руб., съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала была учреждена при Рижской женской Ломоносовской гимназіи стипендія, съ присвоеніемъ ей наименованія: „стипендія 2-й саперной бригады“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть благодарить жертвователей.

10. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендій въ Астраханской гимназіи.

Довѣренный вдовы купчихи Анны Петровны Вейнеръ, коллежскій ассесоръ Хлѣбниковъ представилъ директору Астраханской гимназіи капиталъ въ 4000 руб., заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, для употребленія процентовъ съ оного на уплату за обученіе въ названной гимназіи шести бѣдныхъ мальчиковъ, по расчету нинѣ взимаемой платы за обученіе въ сей гимназіи, по 30 рублей въ годъ съ ученика, съ тѣмъ, чтобы если эта плата будетъ увеличена или уменьшена, то въ первомъ случаѣ величество стипендіатовъ соразмѣрно должно уменьшиться, а въ послѣднемъ увеличиться.

По всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія о семъ, Государь Императоръ, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Астраханской гимназіи, на изъясненныхъ основаніяхъ, шести сти-

пенсій, съ наименованіемъ оныхъ: „стипендіи имени купца Петра Антоновича Веймара“; при чемъ Его Императорскому Высочеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

11. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ.

Съ разрѣшеніемъ Министерства народнаго просвѣщенія открыта была между профессорами, преподавателями и служащими въ московскомъ университетѣ, а равно между студентами оного, добровольная подписка, для образованія капитала на учрежденіе при семъ университетѣ стипендіи для дѣтей вдовъ, павшихъ въ минушую войну, и для дѣтей врачей, участвовавшихъ въ кампаніи, и, кромѣ того, разрѣшено было нѣкоторымъ профессорамъ университета прочесть нѣсколько публичныхъ лекцій, сборъ за слушаніе которыхъ долженъ былъ поступить на усиліе того же стипендіальнаго капитала.

Попечитель Московскаго учебнаго округа, доносилъ министру народнаго просвѣщенія, что подписка и сборъ за слушаніе публичныхъ лекцій дали капиталъ, который, по обращеніи въ 5% билеты государственнаго банка, составилъ четыре тысячи руб., кода тайствовало объ учрежденіи на проценты съ этого капитала одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія 12-го апрѣля 1877 года“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, Высочайше на сіе соизволилъ, и повелѣлъ благодарить жертвователей.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

22-го декабря 1878 года. (№ 13). Присвадуются, за отличіе: въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники: ректоръ Императорскаго Новороссійскаго университета ординарный профессоръ сего университета Николай Годовицкій, окружный инспекторъ харьковскаго учебнаго округа Петръ Лужановъ, директоры гимназій: Пензенской, Карлъ Вауеръ, Варшавской первой мужской, Ефимъ Крыжановскій и Александровской Николаевской, Алексѣй Смирновъ, директоры реальныхъ училищъ: Елабужскаго, Яковъ Кубли, Тверскаго, Александръ Кривоносъ и Иваново-Вознесен-

скаго; Иванъ Бордиговъ, директоръ Московскаго учительскаго института Александръ Малининъ, директоръ Виленскаго варшавскаго высшаго женскаго училища Николай Тунильевъ, начальники учебныхъ дирекцій: Квѣцкой, Андрианъ Бопыловъ и Холмской, Петръ Рублевскій, ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ и директоръ главной физической обсерваторіи Генрихъ Вильдъ, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: с.-петербургскаго: Федоръ Петрушевскій, Владиміръ Ламанскій, Василій Сергѣевичъ, Александръ Боркянь и Николай Мейншуткинъ, Казанскаго: Михайлъ Субботинъ и баронъ Фридрихъ Розенъ, Дерптскаго, Густавъ Флоръ и Новороссійскаго: Федоръ Шнедовъ и Яковъ Вальдъ, почетный попечитель Александровской Керченской гимназійи Дмитрій Посполитани и членъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія Егоръ Замисловскій и коллежскій совѣтникъ, ординарный профессоръ Императорскаго варшавскаго университета Карлъ Юрвевичъ.

Въ статскіе совѣтники: коллежскіе совѣтники: экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Александръ Волконъ, инспекторъ Сандомірской мужской прогимназійи Михайлъ Брашановскій, инспекторъ-руководитель и преподаватель Сѣвницкой учительской семинаріи Василій Юрвевичъ и бывший учитель Варшавской пятой мужской гимназійи Осипъ Ланинскій, коллежскій ассесоръ, учитель Плоцкой мужской гимназійи Константинъ Дылевскій, титулярный совѣтникъ, бывший учитель Варшавскаго реальнаго училища Антонъ Ржондковскій, неимѣющіе чиновъ: директоръ Сувальской мужской гимназійи Петръ Михайловскій, экстраординарные профессора Императорскаго Варшавскаго университета: Дмитрій Самоковасовъ, Феликсъ Навроцкій и Генрихъ Лучкевичъ, учитель и исправляющій должность инспектора Варшавской третьей мужской гимназійи Николай Троицкій, инспекторы мужскихъ прогимназій: Ченстоховской, Северіанъ Воронковъ, Пултуской, Николай Саениъ и Пинчевской, Антонъ Линниченко, учитель и исправляющій должность инспектора Влодавскаго реальнаго училища Руфинъ Ржаникынъ, инспекторъ-руководитель Ленчицкой учительской семинаріи Егоръ Тарасовъ и учителя Варшавскихъ мужскихъ гимназій: второй, Владиславъ Складовскій и шестой, Фридрихъ Веттихеръ.

Въ коллежскіе совѣтники: неимѣющіе чиновъ: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Фе-

дору Зигель, учитель и исправляющій должность инспектора Бѣль-ской мужской гимназіи Маркелъ Лавровскій, учителя мужскихъ гимназій: Варшавской четвертой, Эмилианъ Конопчинскій и Сувалкской, Иванъ Пожерскій, учитель Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Карлъ Шмидтъ, учитель Варшавской ветеринарной школы Людвикъ Цихоцкій и исправляющій должность учителя сей же школы, лекаръ Елеазаръ Гольдсobelъ, со старшинствомъ: Зигель съ 1-го августа 1876 года, Лавровскій съ 16-го января 1878 года, Конопчинскій съ 20-го іюля 1875 года, Пожерскій съ 16-го сентября 1877 года, Шмидтъ съ 20-го іюля 1876 года, Цихоцкій съ 5-го Января 1871 года, и Гольдсobelъ съ 23-го мая 1877 года.

Въ коллежскіе ассесоры: неизмѣнщій чина, учитель Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ Августъ Барановскій, со старшинствомъ съ 1-го января 1876 года.

Въ коллежскіе секретари: неизмѣнщій чина, учитель приготовительнаго класса Сандомирской мужской прогимназіи Юліанъ Цѣпейко, со старшинствомъ съ 1-го Августа 1876 года.

29-го декабря 1878 года. (№ 14). Назначаются: Оружійный инспекторъ с.-петербургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михайловъ—помощникомъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ларинъ — окружнымъ инспекторомъ с.-петербургскаго учебнаго округа.

Утверждаются: гвардія подпоручикъ Томара—вновь почетнымъ попечителемъ Лубанской гимназіи, на трехлѣтіе, съ 1879 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго с.-петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фаминцичъ—адъюнктомъ Императорской академіи наукъ по ботаникѣ, съ 1-го декабря 1878 года, съ оставленіемъ на службѣ при университетѣ.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Овсянниковъ—съ 1-го февраля по 15-е мая 1879 года.

Учитель Θεодосіевской прогимназіи Якубовичъ—съ 15-го мая по 15-е ноября 1879 года.

Кандидаты Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Соловья и Харьковскаго Кунлеваскій—на два года и Казанскаго, Васильевъ—на одинъ годъ.

1-го января 1879 года. (№ 1). Производятся, за отличіе: въ

тайные совѣтники: дѣйствительные статскіе совѣтники: попечитель Дерптскаго учебнаго округа Андрей Сабуровъ, помощникъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа Николай Воронцовъ-Вельяминовъ, ректоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета ординарный профессоръ сего университета Андрей Бакетовъ, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Георгій Гизартовскій, ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Андрей Чугуновъ и причисленный къ Министерству народнаго просвѣщенія, почетный попечитель Курской гимназии Аполлонъ Звѣгинцевъ.

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники, директоръ С.-Петербургскаго учительскаго института Карлъ Семтъ-Илеръ и чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія Валентинъ Шелашниковъ.

Въ статскіе совѣтники: почетные попечители гимназій: Лубецкой, отставной гвардіи подпоручикъ Левъ Томара и С.-Петербургской шестой, потомственный почетный гражданинъ Павелъ Лихачевъ, коллежскій совѣтникъ, доцентъ Императорскаго Казанскаго университета Дмитрій Корсаковъ и надворный совѣтникъ, доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета баронъ Викторъ Розень.

Въ коллежскіе совѣтники: надворный совѣтникъ, дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія Иванъ Оношкочичъ-Яцyna и немѣющій чина, почетный попечитель Глуховскаго учительскаго института Самонъ Терещенко.

Производится, за полезную дѣятельность въ Коллежскіе совѣтники: почетный членъ Московскаго совѣта дѣтскихъ приютовъ, подполковникъ Набывковскаго богадѣленнаго дома, не имѣющій чина Федоръ Терещенко.

Въ коллежскіе ассесоры: почетный корреспондентъ Императорской публичной библиотеки, потомственный почетный гражданинъ Александръ Неустроевъ.

Производится въ коллежскіе регистраторы: почетный попечитель Норовской учительской семинаріи Сергій Бангвальскій, помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія Владиміръ Дьяковъ и состоящій при канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа писецъ по найму, Московскій мѣщанинъ Федоръ Мальцевъ.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать слѣдующія награды:

По министерству Народнаго Просвѣщенія, 1-го сего января:

Ордена: Св. Александра Невского: тайнымъ совѣтникамъ: Товарищу Министра Народнаго Просвѣщенія, сенатору князю Ширинскому-Шихнатову и помощнику директора Императорской публичной библіотеки Вычкову.

Вѣлаго Орла: ректору Императорскаго варшавскаго университета, тайному совѣтнику Влагѣвѣщенскому и заслуженному профессору Императорскаго московскаго университета, тайному совѣтнику Щурѣвскому.

Св. Владимира 2-й степени: тайнымъ совѣтникамъ: члену совѣта Министерства Народнаго Просвѣщенія Полону; помощнику попечителя московскаго учебнаго округа Иванову; заслуженному ординарному профессору Императорскаго казанскаго университета Котельникову и члену ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія Ходлеву.

Св. Анны 1-й степени: действительнымъ статскимъ совѣтникамъ: вице-директору департамента Народнаго Просвѣщенія Дьянову; директору московской третьей гимназіи Малиновскому и причисленному въ Министерство Народнаго Просвѣщенія Ренару.

Св. Станислава 1-й степени: действительнымъ статскимъ совѣтникамъ: председателю виленьской комисіи для разбора и изданія древнихъ актовъ Головацкому; директору кренигадтской гимназіи Яншлу; директору архангельской гимназіи Циацкому; директору орловской гимназіи Гриценкову; директору витебской гимназіи Шефлеру; директору Харьковской первой гимназіи Тядомовичу; заслуженному ординарному профессору Императорскаго московскаго университета Сомодлевскому; заслуженному ординарному профессору Императорскаго дерптскаго университета Шмидту; ординарному профессору Императорскаго с.-петербургскаго университета Деотунису; ординарному профессору Императорскаго медовскаго университета Новацкому; ординарному профессору Императорскаго московскаго университета Богданову; ординарному профессору Императорскаго казанскаго университета Яншевскому; сверхштатному заслуженному ординарному профессору Императорскаго университета св. Вла-

димира Гогоцкому; сверхштатному ординарному профессору Императорскаго казанскаго университета Зедарштету; директору народныхъ училищъ Московсвой губерніи Красноѣвкову и почетному попечителю Симферопольской гимназіи Маравли.

Св. Владимира 3-й степени съ мечами—ординарному профессору Императорскаго университета св. Владимира, статскому совѣтнику Гарничъ-Гарницкому.

Св. Владимира 3-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: директору Московской первой гимназіи Лебедеву; директору череповскаго реального училища Вѣлинскому; директору Новочернассвой учительской семинаріи Протополову; директору главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Граффу; начальнику радомской учебной дирекціи Лебединцеву; ординарному профессору Императорскаго с.-петербургскаго университета Фаминцину; ординарному профессору Императорскаго казанскаго университета Доброворскому; ординарному профессору Императорскаго казанскаго университета Степанову; ординарному профессору Императорскаго университета св. Владимира Эргардту; ординарному профессору Императорскаго университета св. Владимира Ващенко-Захарченко; ординарному профессору Императорскаго университета св. Владимира Сидоренко; бывшему ординарному профессору Императорскаго варшавскаго университета Александровичу; директору народныхъ училищъ Олонекской губерніи Соколову; почетному попечителю астракарской гимназіи Сергѣеву; статскимъ совѣтникамъ: дѣлопроизводителю V класса департамента народнаго просвѣщенія Тимофееву; директору уральской войсковой гимназіи Матвѣеву; директору ливенскаго реального училища Вѣлину; директору пеневѣжской учительской семинаріи Воричевскому; ординарному профессору Императорскаго московскаго университета Толстопятову; ординарному профессору Императорскаго университета св. Владимира Ромеру; ординарному профессору Императорскаго университета св. Владимира Веду; директору житомирскаго еврейскаго учительскаго института Варскому; почетному попечителю ливенскаго реального училища Вѣлаго; экстраординарнымъ профессорамъ Императорскаго московскаго университета Тельскому и Кожевникову; экстраординарному профессору Императорскаго с.-петербургскаго историко-филологическаго института Сочолову; наставнику-руководителю въ гимназіи Императорскаго с.-петербургскаго историко-филологическаго института Гаарилдову; ин-

спектору калужской гимназіи Данилову; инспектору востромской гимназіи Азаревичу; инспектору с.-петербургской шестой прогимназіи Звѣреву; инспектору егорьевской прогимназіи Шереметевскому; штатному учителю радомской женской гимназіи, завѣдывающему тою же гимназіею Попову; врачу при гатчинской учительской семинаріи Дихареву и коллежскому совѣтнику, экстраординарному профессору Императорскаго московскаго университета Герцу.

Св. Владимира 4-й степени: статскимъ совѣтникамъ: директору ревельской александровской гимназіи Гюберъ-фонъ-Грейффельсу; директору гродненской гимназіи Таглину; директору сумской гимназіи Сябилову; директору прибалтійской учительской семинаріи Занцевичу, инспектору московской первой гимназіи Вилману; инспектору виленскаго реальнаго училища Виноградову; заслуженному преподавателю с.-петербургской первой гимназіи Дыткину, заслуженному преподавателю с.-петербургской пятой гимназіи Закржевскому; преподавателю с.-петербургской первой гимназіи Гинтовту; преподавателю Императорской первой казанской гимназіи Жбиковскому; преподавателю с.-петербургской введенской прогимназіи Константинову; преподавателю въ с.-петербургскомъ реальномъ училищѣ Анонимову; врачу вологодской гимназіи Соколову; коллежскимъ совѣтникамъ: преподавателю въ с.-петербургской третьей гимназіи Семенникову; преподавателю виленскаго реальнаго училища Полозову; врачу при пансіонѣ лазаревскаго института восточныхъ языковъ Кивокурцеву; надворнымъ совѣтникамъ: директору народныхъ училищъ Псковской губерніи Скларову; завѣдывающему хозяйственною частію въ Императорской публичной библиотекѣ Плетеневу; почетному смотрителю виттегорскаго уѣзднаго училища Преснякову; титулярному совѣтнику почетному смотрителю с.-петербургскаго андреевскаго городскаго училища Бенардаки; губернскимъ секретарямъ: почетному смотрителю с.-петербургскаго владимірскаго городскаго училища Юрьеву и учителю приготовительнаго класса архангельской гимназіи Невлюдову; коммерціи совѣтнику Владимиру Спиридонову, послѣднему съ правами, предоставляемыми ст. 196 учр. орд. и друг. знак. отл. изд. 1876 г. т. I св. зак.

Св. Станислава 3-й степени—неимѣющему чина, почетному попечителю одесской второй прогимназіи Карлу Росси.

Государь Императоръ, согласно удостоенію Комитета Министровъ

Всеполномочѣннѣе соизволилъ, 22-го сего декабря, пожаловать по Министерству Народнаго Просвѣщенія ордена:

Св. Ащій 2-й степени: проректору и ординарному профессору Императорскаго казанскаго университета, дѣйствиельному статскому совѣтнику Леваковскому; статскимъ совѣтникамъ: директорамъ гимназій: слудкой—Носовичу и радомской мужской—Маркіановичу; директорамъ реальныхъ училищъ: великолукскаго—Гречинѣ и скопинскаго—Львову; директору вольской учительской семинаріи Зяницкому; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: харьковскаго: Лазаревичу, Оболенскому, Имшенецкому, Шерцлю, Якобію и Лебедеву и дерптскаго: Тейхмюллеру и Руссову; ординарному профессору историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Люперольскому; директору народныхъ училищъ Саратовской губерніи Панову; виленскому директору народныхъ училищъ Снитко; директору и старшему учителю перновской гимназіи Ливену; экстраординарному профессору Императорскаго харьковскаго университета Бріо; секретарю совѣта Императорскаго казанскаго университета Фастринскому; библиотекарю Императорскаго харьковскаго университета Балахскому; инспекторамъ гимназій: симбирской—Христофорову; александровской рижской—Москвину и кievской первой—Сѣвильскому; исправляющему должность инспектора могилевской гимназіи, заслуженному преподавателю сей гимназіи Фетисову; инспекторамъ прогимназій: жидринской—Цапенко и варшавской второй мужской—Олешкевичу; исполняющему обязанности инспектора александровскаго орловскаго реального училища, учителю сего училища Аралову; инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: Вятской—Предтеченскому и Пермской—Шимонко; начальнику отдѣленія канцеляріи варшавскаго учебнаго округа Сѣчювскому; учителямъ гимназій: казанской второй—Раппенгейму; симбирской—Степанову; кievской первой—Регаме; оренбургской—Голубкову; пензенской—Короваеву; ярославской—Малиновскому; московской первой—Каленову; варшавской первой мужской—Роде; александровской николаевской—Токарскому и вятской женской—Хватунову; учителю московской первой прогимназіи Павлову и врачу московскаго учительскаго института Клименкову; коллежскимъ совѣтникамъ: директорамъ гимназій: петровской мужской—Мигулину и рязанской—Кульчицкому; директорамъ реальныхъ училищъ: новочеркаскаго—Зубкову и пинскаго—Витте; исправляющему должность директора тульскаго реального училища,

Зернову; директору острожской прогимназіи, Омельянскому; директорамъ учительскихъ санітарій: воронежской—Захарову и мелодиченской—Дурову; директору народныхъ училищъ Воронежской губерніи—Ларионову; экстраординарнымъ профессорамъ: Императорскихъ университетовъ: с.-петербургскаго—Веселовскому и харьковскаго—Кучину; инспектору пермской гимназіи Фронцкевичу; исправляющему должность инспектора въѣздной мужской гимназіи, учителю сей гимназіи Яновскому; исправляющему должность инспектора с.-петербургскаго второго реального училища, учителю сего училища Вильде; доценту Императорскаго с.-петербургскаго университета Лебедеву; помощнику бібліотекаря Императорскаго харьковскаго университета Засядно; заслуженному преподавателю гимназіи Императорскаго человеколюбиваго общества Фицтумъ фонъ-Эвстедту; учителямъ гимназій: московскихъ, четвертой—Вислюцкому; и пятой—Лебедеву и казанской третьей—Юшкевичу; учителю бобруйской прогимназіи Петряевскому; учителю главнаго въѣзднаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Иверсену; врачу торопецкихъ уѣзднаго и приходскаго училищъ Ламберти и старшему учителю дерптской гимназіи Швейдеру; надворнымъ совѣтникамъ: директору варяйскаго реального училища Аристову; директору с.-петербургской пятой прогимназіи Морю; директору народныхъ училищъ Пензенской губерніи Ильченку; старшему помощнику бібліотекаря перваго отдѣленія бібліотеки Императорской академіи наукъ Першцетскому и штатному учителю сувалкской женской гимназіи, завѣдывающему оною Дурову; коллежскимъ ассессорамъ: директору тамбовской гимназіи Тихому; директору харьковскаго реального училища Шихову; исправляющему должность директора поливановской учительской семинаріи Морелю; почетному почетному таганрогской гимназіи Ковалевскому; ординарному профессору Императорскаго варшавскаго университета Колосову; директору витебской дирекціи народныхъ училищъ Масловскому; инспектору института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Грушецкому; исправляющему должность инспектора плоцкой мужской гимназіи, учителю сей гимназіи Аргѣву; инспектору варшавской первой мужской прогимназіи Соловьевичу; инспектору народныхъ училищъ состоящей при управленіи кievскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской Соловьеву; учителю с.-петербургской шестой гимназіи Лосеву и штатному смотрителю и учителю при введецкомъ уѣзд-

номъ училищъ Бому; неизбраннымъ чиновъ: директору александровской гимназій смоленскаго земства въ городѣ Вязьмѣ Николаю Заксу; директору училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ Эрнесту Шульце; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: новороссійскаго—Никодиму Бомдакову и варшавскаго—Григорію Симоненко и Митрофану Гамину; инспекторамъ гимназій: Вилежской—Юліану Шокальскому и Московской четвертой—Якову Гринчаку, исправляющему должность инспектора Сувалъской мужской гимназій, учителю сей гимназій Павлу Моссаповскому; исправляющему должность инспектора Облденской мужской гимназій, учителю сей гимназій Петру Сотничевскому; инспектору Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Ивану Анопову; помощнику инспектора сего училища Константину-Ипполиту Маркевичу; учителю того же училища Владиміру Карнову и учителю С.-Петербургской третьей гимназій Василю Шемакину.

Св. Станислава 2-й степени: статскимъ совѣтникамъ: директору Борочанской прогимназій Николаеву; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго—Янжулу, Дювернуа и Умову и св. Владиміра—Паульсону; ординарному профессору Демидовскаго юридическаго лица Сокольскому; директору народныхъ училищъ Оренбургской губерніи Раскопову; экстраординарному профессору Императорскаго Московскаго университета Зернову; инспектору Устюженской прогимназій Окунькову; учителямъ гимназій: Нижегородской—Нелидову; Ярославской—Шаблонскому; Олонецкой—Дюливье; Смоленской—Лебедеву; Уфимской—Благовѣщенскому и Житомирской: Мартиновскому и Мануйловичу; старшему учителю Рижской городской гимназій Гроссу; воспитателю при пансіонѣ С.-Петербургской Ларинской гимназій Ширмахеру; учителямъ реальныхъ училищъ: Новгородскаго—Николаевскому; Одесскаго—Сергѣеву и Вѣлостовскаго Шмиду; коллежскимъ совѣтникамъ: директору Пензенской прогимназій Понову; директору Гольдингенской гимназій Бютнеру; инспекторамъ гимназій: Императорской Казанской первой—Гвоздеву; Немировской—Дзюблевскому и Оренбургской—Громачевскому; инспекторамъ прогимназій: Лебедянкой—Ингенцкому и Рыбинской—Захарбекову; инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: Тверской—Тяжелову и Полтавской—Охрицкому; лектору Императорскаго Московскаго университета Гемиліану; исправляющему должность инспектора Киевскаго реального училища, учителю сего училища Дьяченко; учителямъ

гимназій: С.-Петербургской второй—Кожину; Императорскаго дворянскаго кадетскаго общества—Александрову; Кронштадтской — Титкову, Калужской—Троицкому; Московской пятой—Шало; Орловской—Гейслеру; Императорской Кавказской первой—де-Тресселю и Киевской первой—Чернунову; учителю Киевской высшихъ классовъ прогимназій Давидовичу; учителямъ учительскихъ институтовъ: Московскаго—Варава и галковского—Олиферову; Мануйловичу; учителемъ дворянскаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Зоммеру и старшему учителю Рижской губернской гимназій Медеру; надворнымъ совѣтникамъ: окружному инспектору С.-Петербургскаго учебнаго округа Фоккову; директору Новочеркасской гимназій Канскому; директору Порѣцкой учительской семинарій Гурлади; ординарному профессору Императорскаго Московскаго университета Чупрову; инспектору Тульской гимназій Гайману; исполняющему обязанности инспектора Казанской третьей гимназій, учителемъ сей гимназій Ломоносову; инспектору Александровской Сергеевской прогимназій Синисону; инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: С.-Петербургской—Семька, Ярославской: Оздѣсьеву и Андреевскому, Орловской—Андрееву и Владиміревой: Дранкину и Попову; правителю канцелярій почетнаго Кавказскаго учебнаго округа Андриану; учителемъ и воспитателемъ при пансіонѣ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Квицалѣ; учителямъ гимназій: С.-Петербургской ларинской—Вѣлесереву, Елецкой—Клушину, Нижегородской—Розанову и Тамбовской—Медянину; учителямъ реальныхъ училищъ: Московскаго—Глади, Новочеркаскаго—Наушану и Дивабургскаго—Вененду; учителямъ Симферопольской татарской учительской школы Синсаревскому; смотрителямъ и учителямъ двухклассныхъ городскихъ училищъ: Васильковскаго—Ансенко и Черваскаго—Поволоцкому; штатному смотрителю и учителемъ Дерптскаго уѣднаго училища Брутану; учителямъ гимназій: Ревальской губернской—Борку, Дерптской—Германсову и Митавской—Киммелю, и учителю Ваускаго уѣднаго училища Келлеру; коллежскимъ ассессорамъ: директору Невежской учительской семинарій Николаевскому; исправляющему должность экстраординарнаго профессора при специальныхъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Муркосу; инспектору Новочеркасской гимназій Калмыкову; инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: С.-Петербургской—Петрову, Вологодской—Пономареву, Псковской—Ниландеру, Харьковской Иванову и Рязанской—

Евдокимову; учителю Варшавской первой женской гимназіи Давскому; учителю Московскаго реальнаго училища Исмаилову, и учителю С.-Петербургской второй прогимназіи Рядковскому; почетному почетнику Харьковскаго реальнаго училища, оставленному в поруку Браселю; директору народныхъ училищъ Рязанской губерніи, коллежскому секретарю Кормилядину; пенсійнымъ чиновникъ директору Вытегорской учительской семинаріи Ивану Блюдуке; ординарнымъ профессорамъ Императорскаго Дерптскаго университета Фердинанду Гершедьману и Вильгельму Гершедьману; исправляющему должность учителя института селскаго хозяйства ильсведотва въ Новой Александріи Оттону Кубицкому; учителямъ мужскихъ гимназій: Варшавскихъ: второй — Владиславу Рудзинскому, пятой — Адаму Маншевскому и шестой — Генриху Гольдбергу; Либавской — Александру Андреевскому и Холмской — Осипу Баллискому; штатному учителю Варшавской четвертой женской гимназіи и заведывающему ея Юлію Стефановичу; исправляющему должность учителя Шавельской гимназіи Владимиру Фражену и настоятелю Владимирской учительской семинаріи Семону Нелетикѣ;

Св. Анны 3-ей степени статскимъ совѣтникамъ: учителю Тверской гимназіи Кронбергу и учителю С.-Петербургской шестой прогимназіи Радзакѣму; коллежскимъ совѣтникамъ: исправляющему должность инспектора Новгородскаго реальнаго училища Бураковскому; ученому секретарю Императорскаго Дерптскаго университета Мазингу; заслуженнымъ преподавателямъ гимназій: С.-Петербургской третьей — Кесслеру и Кривитадтской — Бараксину; учителямъ гимназій: Астраханской — Сивиницкому и Томасу, Житомирской — Шаврову, Александровской-Николаевской — Миллеру и Таврической — Мальцову; учителямъ прогимназій: С.-Петербургской третьей — Галактионову и Виленской — Сербову и настоятелю Карачевской учительской семинаріи Петрову; надворнымъ совѣтникамъ: инспектору Алатырской прогимназіи Кочкину; исполняющему обязанности инспектора Бердянской гимназіи, учителю сей гимназіи Богданову; исполняющему обязанности инспектора Екатеринбургскаго реальнаго училища, учителю сего училища Соловьеву; инспекторамъ народныхъ училищъ: губерній: Вятской — Коробову, Костромской — Алякринскому и Черниговской — Котлярову; учителямъ гимназій: С.-Петербургской третьей — Федотову, Псковской — Прохазкѣ, Николаевской-Царскосельской — Соколову, Московской третьей — Черному, Рязанской — Павлову, Вятской — Шустову, Виленской — Карпинскому,

Одесской третьей—Тимошенякову и Александровской Нарденской—
 Вастуреду; учителямъ прогимназіи: Волыской—Воздвиженскому и
 С.-Петербургской шестой—Смирновскому; наставнику младшей
 учительской семинаріи Вердеревскому; учителю планнаго и высшаго
 училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ
 С.-Петербургѣ Федоченко, учителю училища при евангелическо-лю-
 теранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ Веселову; учителю
 казеннаго учительскаго института Цикликову; штатному сто-
 тригелю и учителю Итуменскаго уѣзднаго училища, Новову; смотря-
 щему и учителю временнаго двухкласснаго городского училища
 Мольникову; старшему учителю дерптской гимназіи Треффару;
 учителю с.-петербургской введенской прогимназіи Свешанову и со-
 труднику археографическаго комитета министерства народнаго про-
 свѣщенія Рѣшеткину; коллежскимъ ассессорамъ: секретарю общества
 Императорскаго Московскаго университета Волыкову; исполня-
 ющему обязанности инспектора младшей гимназіи, учителю сей гим-
 назіи Овдичинову; инспектору и старшему учителю училища при
 реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ Тихомазу; приватному
 канцларіи почетнаго дерптскаго учебнаго округа Гейрих-
 сену; учителямъ гимназіи: николаевской-парикомельской—Фомин-
 цеву и александровской-наволоковской—Допукину, младшему на-
 блюдателю главной физической обсерваторіи Горбаченно; исправ-
 ляющему должность столоначальника канцларіи почетнаго мо-
 сковскаго учебнаго округа Фелицину; инспектору и учителю рис-
 сунга реальнаго для гражданъ училища Вергу; учителю с.-петер-
 бургской третьей гимназіи Пономаренно; штатнымъ смотрителемъ
 уѣздныхъ училищъ: пермскаго Новову; лавинковаго Орлеву;
 тверскаго Купреяшеву и клинскаго Васильеву; помощнику мис-
 сійныхъ наставниковъ немировской гимназіи Гребенковскому; учите-
 лямъ приготовительныхъ классовъ гимназіи: николаевской-парикомель-
 ской Соколову и московской четвертой Виноградеву и с.-пе-
 тербургской введенской прогимназіи Эпшюву; титулярнымъ совѣт-
 никамъ: исполняющему должность директора новинской учительской
 семинаріи Токаревскому; секретарю управленія учебными заведе-
 ніями Туркестанскаго края Недеринѣ; учителямъ гимназіи: калин-
 ской мужской Вальцевскому; Императорскаго членовлюбимаго об-
 щества Швелю; учителю лазаревскаго института восточныхъ язы-
 ковъ Сивохину и письмоводителю вологодской гимназіи Чевскому;
 коллежскимъ секретарямъ: директору вержачской учительской семи-

наріи Омариному; инспектору народныхъ училищъ Тамбовской губерніи Калкину; наставнику землемѣрной учительской семинаріи Невскагоскому; старшему учителю дерптской гимназіи Снитенсу; учителямъ гимназій: с.-петербургской третьей Торопову и архангельской Фредегату; исправляющему должность архитектора Императорской академіи наукъ, губерискому секретарю Вольтенгагену; инспекциомъ чиновъ: инспектору с.-петербургской второй гимназіи Фридриху Гельбке; доценту Императорскаго дерптскаго университета Владимиру Мавзигу; учителямъ гимназій: вострѣвской Ивану Колликовскому, варшавскихъ мужскихъ: третьей Антону Краевскому и первой Ивану Неводворскому; радѣвской мужской Павлу Пиреку и сѣдлецкой мужской Антону Сѣроцинскому; учителю реальнаго училища Александрѣ Матушевскому; учителю варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ Александрѣ Раковскому; старшему учителю ниволовской лубской гимназіи Адольфу Фельдту и учителю варшавской первой женской гимназіи Петру Кадрову.

Св. Станислава 3-й степени: статскіи совѣтникамъ: учителямъ гимназій: лубской Серебрянникову и тульской Филькевичу и учителю временнучскаго реальнаго училища Синегубу; младшимъ совѣтникамъ: лектору Императорскаго новороссійскаго университета Хонякевичу; учителямъ гимназій: немировской—Вертинореву; архангельской—Бейвелю и александровской верненской—Басекину; сверхштатному учителю верненской гимназіи Рестоцкому; воспитателю при пансіонѣ новгородской гимназіи Фишеру; учителямъ реальныхъ училищъ: бѣлоцерковскаго Бушману и Вожовскому и александро-маріинцаго-саратовскаго Васильеву, учителя танканинской мужской прогимназіи Пфениху, штатному учителю холмской учительской семинаріи Милотину и смотрителю и учителю ливольскаго двухкласснаго городского училища Рилицкому; надворнымъ совѣтникамъ: исполняющему обязанности инспектора полтавской гимназіи, учителю сей гимназіи Павловичу, доцентамъ Императорскихъ университетовъ: московскаго Снегиреву и графа Комаровскому и дерптскаго Вальцу, главному надзирателю ломоносовской семинаріи Милованову, учителямъ гимназій: вологодской Аляхину, мѣлтавской Изволинскому, уфимской Виначеву каменецъ-подольской Мавродіади, харьковской первой Клемму, гродненской Морозову, могилевской Корноухову; херсонской Преображенскому и кашиневской Пилони, учителямъ прогимназій: с.-петербургской введенской Попову и каменской Андриенко, учителю

приготовительнаго класса московской третьей гимназіи Тацкову, учи-
 телемъ одесскаго реальнаго училища Шманкевичу и Бучинскому,
 наставнику благовѣщенской учительской семинаріи Успенскому,
 врачу кievской первой гимназіи Чешкину, смотрителю и учителю
 владимирь-волынскаго двух-класснаго городского училища Верещен-
 кому, старшему учителю рижской губернской гимназіи Косыбору и
 учителю аренбургской гимназіи Шенбергу; коллежскимъ ассессорамъ:
 инспектору народныхъ училищъ Вятской губерніи Шляпину, ин-
 спектору минской дирекціи народныхъ училищъ Лазареву, учите-
 лемъ институтовъ: лазаревскаго восточныхъ языковъ Ветеру и Ни-
 жегородскаго-александровскаго Полигарпову; учителямъ гимназій,
 состоящей при императорскомъ вѣдомствѣ институтѣ князя Безбородко
 въ Нѣжинѣ—Михайловскому; провинціальной—Керберу; с.-петер-
 бургской натеи—Дробляву; конгородскихъ мужской и женской—
 Восскому; смоленской—Сперанскому; витебской—второй—Су-
 хотину; александровской резельской—Клузому; лубовской Кузь-
 менко; александровской сумской—Заблудскому и Неворалу; кур-
 ской—Цардѣ и Романкевичу; его королевскаго вѣдомства Герцога
 Эдинбургскаго бѣлгородской—Лебедеву, бердичевской—Явочичу и
 аманьеской—Шадо; учителямъ реальныхъ училищъ: екатеринос-
 лавскаго Вальдену; липецкаго—Ольшескому; винницкаго—Хе-
 цуриани; саратовскаго—Васстраеву; вренчугскаго—Морачев-
 скому и курскаго—Маркову; учителямъ прогимназій: киевской
 первой—Сафинскому; александровской сарнуховской Арефьеву, се-
 дерийской—Иванову и одесской первой—Тыщенко; учителямъ инсти-
 тутовъ; с.-петербургскаго учительскаго—Смирнову и витебскаго
 еврейскаго учительскаго—Лобачевскому; почетному смотрителю зо-
 лотопольскаго уѣзднаго училища Иванову; штатному смотрителю и
 учителю быховскаго уѣзднаго училища Ондерскому; смотрителю
 и учителю липовскаго двухкласснаго городского училища Дятлов-
 кому; учителямъ гимназій: александровской рижской—Каллистову
 и погародской—Тарицыну; учителю виленскаго еврейскаго учи-
 тельскаго института Калугину; штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ
 училищъ: львовскаго—Авулову; задонскаго—Аракину; галицкаго—
 Левашову; подольскаго—Мешушко и васьлскаго—Архангель-
 скому; помощникамъ классныхъ наставниковъ прогимназій: вилен-
 ской—Трофимову и острожской—Винарскому; учителю ватской
 маринской женской гимназіи Кочкину; учителямъ приготовитель-
 ныхъ классовъ: исконской гимназіи—Стефаневичу и с.-петербург-

скаго шестой прогимназіи—Дуркину и учителю быковского уѣзднаго училища Тимонову; титулярнымъ совѣтникамъ инспектору народныхъ училищъ, состоящей при управленіи кievскаго учебнаго округа инспекціи сѣхъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской, Малиновскому; учителямъ реальныхъ училищъ: Красноуфимскаго, Реснянскаго и Сумскаго, Порубижевскому; почетнымъ смотрителямъ училищъ: Атчинскаго уѣзднаго Смоленскому и петрозаводскаго городского, Симоновичу; столоначальнику канцеляріи попечителя Казанскаго учебнаго округа Исполатовскому; старшему учителю перновской гимназіи Внндеру; учителю Виленскаго еврейскаго учительскаго института Резанову; штатному смотрителю Муржскаго уѣзднаго училища Соболеву; помощнику инспектора наставниковъ Уфимской гимназіи Левитскому; нисъмоводителю Пензенской гимназіи и бухгалтеру пансіона Владислаову; учителю, состоящему при Виленскомъ учительскомъ институтѣ городского училища Кудравцеву; учителю Тверской Марининской женской гимназіи Кельяну; учителю училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ Брокнеру; учителямъ приготовительныхъ классовъ гимназій: Императорской казанской первой, Соколову; Смоленской, Любимову и Тагайрогаевой, Сомеву; учителю Полтавскаго реальнаго училища, оставшему штабъ-капитану Стогову; колезскимъ секретарямъ: исправляющему должность инспектора Брянской прогимназіи Полову; сверхштатному доценту института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Хлудзюшскому; исправляющему должность завсучера Императорской академіи наукъ Федорову; лаборанту химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета Потылицину; учителямъ гимназій: Ніжнискій — Сребницкому и Орловской Нивольевской женской — Азбукину; почетному смотрителю Каргопольскаго двухкласснаго городского училища Ратькову; смотрителю и учителю Уманскаго двухкласснаго городского училища Васенно; чиновнику по счетной части Императорскаго Дерптскаго университета Яковсену; учителю приготовительнаго класса Кіевской третьей гимназіи Слѣсаревскому; помощникамъ классныхъ наставниковъ: Кіевской второй гимназіи, Каховскому; Екаторинбургской гимназіи, Бурдяну и Харьковской прогимназіи, Оноприенко-Шелковому; учителю городского при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ училища Васильеву; учителямъ приготовительныхъ классовъ гимназій: Ковенской Измайлову; Александровской Керченской Филиппову; Кишиневской, Комарницкому и Сиферопольской,

Константинову и училищу Ревельскаго: уѣздному училищу Паудеру; губернскаго секретаря: учителя Елатеринбургскаго реальнаго училища Волдыреву; младшему помощнику библиотекаря второго отдѣленія библиотеки Императорской академіи наукъ Ламбану; учителю Одесской второй гимназіи фонъ-Венетву и помощнику классныхъ наставниковъ Курской гимназіи Нелову; помощнику классныхъ наставниковъ Елатеринской гимназіи, инспектору регистратуры Цепову; немѣющимся членамъ: секретарю совѣта и ректору Императорскаго Варшавскаго университета Ивану Смиглевскому; исправляющему должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Безбородко въ Пѣтербургѣ Александръ Добіанну; исполняющимъ обязанности инспектора гимназій: учителями гимназій: его королевскаго высочества Герцога-Однбургскаго, Вѣлгородской Юліи Фелицеры и тамбовской—Григорію Холодному; исправляющему должность инспектора Саратовскаго реальнаго училища Михаилу Вулдерову; инспектору училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ Адольфу Бергману; исправляющему должность инспектора чувашскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа Ивану Яковлеву; инспектору народныхъ училищъ Курской губерніи Владиміру Мелья; законоучителю свѣтосвѣтскаго исповѣданія Варшавской третьей женской гимназіи Адольфу Фревейну; учителямъ гимназій: С.-Петербургскихъ: второй—Юсифу Коанчу, Михаилу Самрѣлану и Юсифу Клеменчичу, пятой—Николаю Карповичу и Ларинской—Алгону Колоколову; Николаевской Марскосельской—Николаю Добровельскому; Олонедской Павлу Виноградову; Московскихъ: первой—Николаю Фокту; второй—Михаилу Владиславлеву и Степану Рожанцевскому и четвертой—Петру Писареву; Орловской—Михаилу Полюдерову; Владимирскихъ мужской и женской—Андрю Истомину; Тульской—Отто Дрейеру; Вятской—Анатолю Каваринову; Казанской третьей—Дмитрію Адамантову; Черниговской—Владиміру Колодыко; Елатеринбургской—Эдуарду Мартену; Харьковской первой—Ричарду Шерцелю; Усть-медвѣдницкой—Михаилу Суханову; Ковенской—Дмитрію Струменскому; Минской—Ивану Далюку; Витобской—Алексѣю Сапунову; Глинкинской—Ивану Маркову; Анапьевской—Владиміру Охрѣменко; Симферопольской—Алексію Кашнару и Алексію Перлштейну; Бердянской—Павлу Немировичу-Данченко; Варшавской третьей мужской—Александрю Антульскому; Ломжинской мужской—Александрю Вейсу и Одесской маринской женской—Адольфу Дрен-

геру, штатному учителю Варнавскій четвертой женской гимназіи Комостатину Елѣдницкому; исправляющему должность учителя Ковельской гимназіи Карлу Зейбергу; учителямъ реальнѣхъ училищъ: С.-Петербургскаго юрлага: Эдуарду Михельсему и Фёдору Миниковскому; новгородскаго—Николаю Тальтину, череповскаго: Александрю Демскому и Фёдору Лаврову, сергіевскаго и вельскаго—Ивану Введенскому, сизранскаго—Николаю Берякову, сумскаго—Андрю Маевскому и бѣлостокскаго—Павлу Двукраеву; учителямъ прогимназіи: С.-Петербургской четвертой—Александрю Якубову, Шуйской—Иосифу Янушкѣ, бѣльской—Николаю Облецкому, ржевской—Ивану Смирнову, домельской—Ивану Керсову прилужской: Владиміру Мокрицкому, и Василію Жуконскому, суржковской—Викторину Судьянскому, веронской: Ячешлаву Волоскому и Петру Босыхъ и вѣрненской женской, исправляющему должность инспектора ея прогимназіи—Евгенію Груздеву; исправляющему должность учителя бѣльской прогимназіи, Комостатину Казанцеву; штатному учителю вѣлденской женской прогимназіи, завѣдывающему онею Льву Соколову; старшимъ надиреторамъ пансіона лицей Цесаревича: Николаю Фердинанду Георгу Меню и Карлу Вулье; наставникамъ учительскѣхъ семинарій: вельской—Ивану Писоццесеву, пюцкой—Михаилу Каминскому, новоторской: Владиміру Флерову и Николаю Горѣлову, и ярославской—Александрю Мацаковскому; учителю острождскаго женскаго графа Бандова учителя, Фёдору Кутиевичу; учителю московскаго учительскаго института Нилу Колосову; врачу-доктору учительской семинаріи Николаю Вишнякову; учителямъ, инспекторамъ городскѣхъ училищъ: С.-Петербургскаго андреевскаго—Павлу Верёсову, петрозаводскаго—Андрю Кориллову, новгородскаго—Александрю Соболькину, ярославскаго—Петру Лебедеву, думовицкаго—Василію Вахтерову и веземскаго—Василію Рѣдственскому, лаборанту института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Антону Орловскому; помощникамъ класонныхъ наставниковъ прогимназіи: С.-Петербургской претлей—Ивану Киріановичу и устюженской—Николаю Васильеву; письмоводителю маршавской шестой мужской гимназіи Юліану Вояновичу и учителямъ городскѣхъ училищъ петрозаводскаго—Николаю Кокушкину и вернавскаго приходскаго—Граціану Адаму Хмѣлевскому.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (5-го августа 1878 г.). Положеніе о стипендіи имени Императора Александра I при Олонецкой гимназійи.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, послѣдовавшаго въ 21-й день марта 1878 г., при Олонецкой гимназійи учреждается стипендія на счетъ процентовъ съ капитала въ 300 руб., пожертвованнаго Петрозаводскою городскою думою въ память столѣтія со дня рожденія императора Александра I, съ наименованіемъ оной „Александровскою“, въ память незабвенныхъ благодѣяній для г. Петрозаводска Александра I.

2) Означенный капиталъ, въ 5% билетахъ государственнаго банка, хранится въ Петрозаводскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Олонецкой гимназійи, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Проценты съ означеннаго капитала получаютъ директоромъ Олонецкой гимназійи и употребляются на уплату за обученіе въ гимназійи одного стипендіата.

4) Право избранія стипендіата предоставляется Петрозаводскою городскою думою; право же смѣщенія со стипендіи за недобрыя поведеніе и безуспѣшность принадлежитъ педагогическому совѣту Олонецкой гимназійи.

2. (29-го августа 1878 г.). Положеніе о стипендіи имени Императора Александра I при Устюженской мужской прогимназійи.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) Стипендія имени Императора Александра I-го учреждается Устюженскою городскою думою при Устюженской мужской прогимназійи на проценты съ капитала 1100 р., пожертвованнаго на этотъ предметъ городомъ, въ память двукратнаго посѣщенія г. Устюжны въ Возѣ почившимъ Государемъ Императоромъ и въ ознаменованіе исполнѣвшагося столѣтія со дня рожденія Его Величества.

2) На учрежденіе этой стипендіи послѣдовало 21-го марта 1878 г. Высочайшее соизволеніе.

3) Капиталъ, обезпечивающій означенную стипендію, заключается въ облигаціяхъ Восточнаго займа, которыя, составляя непримосновенную собственность Устюженской прогимназіи, хранятся въ уѣздномъ казначействѣ въ специальныхъ средствахъ прогимназіи. Проценты съ означеннаго капитала берутся учебнымъ начальствомъ прогимназіи по полугодіямъ и выдаются стипендіату помѣсячно. Если стипендіатъ не освобожденъ отъ платы за право ученія, то изъ полученныхъ денегъ удерживается та часть, которая слѣдуетъ за право ученія и вносится въ установленные сроки въ прогимназію; остальные же деньги выдаются стипендіату помѣсячно.

4) Стипендіею имѣетъ право пользоваться воспитанникъ Устюженской прогимназіи, сынъ одного изъ бѣднѣйшихъ постоянныхъ жителей города, отличающійся успѣхами и поведеніемъ.

5) Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту прогимназіи. Педагогическій совѣтъ выбираетъ въ кандидаты на стипендію двухъ или нѣсколькихъ достойнѣйшихъ и бѣднѣйшихъ учениковъ, если таковые найдутся и сообщаетъ объ этомъ городской думѣ, которая и даетъ свое согласіе на избраніе одного изъ нихъ. Если же не найдется двухъ или нѣсколькихъ достойнѣйшихъ учениковъ, то педагогическій совѣтъ избираетъ одного стипендіата и сообщаетъ о томъ городской думѣ.

6) Въ случаѣ временнаго незамѣщенія означенной стипендіи, проценты съ капитала, оставшіеся невыданными въ видѣ стипендіи, обращаются въ пособіе вновь поступающему стипендіату.

7) При выборѣ стипендіата наблюдается, чтобы избраніе происходило по истеченіи полугодія.

3. (7-го сентября 1878 г.). Правила составленія, храненія и употребленія особаго капитала, принадлежащаго Обществу вспоможенія нуждающимся ученикамъ С.-Петербургской шестой гимназіи и назначеннаго, съ Высочайшаго разрѣшенія, послѣдовавшаго 14 августа 1878 г. на воспитаніе въ этой гимназіи одного изъ сиротъ офицеровъ, павшихъ въ войнѣ съ турками.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра.)

§ 1. Капиталъ составляется какъ изъ пожертвованій членовъ об-

щества, лицъ, въ нему не принадлежащихъ, такъ и другими путями, изыскиваемыми правленіемъ общества.

§ 2. Суммы, назначенныя на воспитаніе такого сироты, по обращеніи въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, находятся въ вѣдѣніи правленія общества и хранятся, на основаніи § 10 устава общества, но не сливаются съ другими суммами этого общества и по нимъ ведется особая отчетность, на основаніи отчетности, опредѣленной уставомъ общества.

§ 3. До составленія капитала въ 2,000 р., съ котораго проценты достаточны не только на уплату за право обученія сироты въ гимназій, но на его одежду и учебныя пособія, всѣ одновременныя пожертвованія, по обращеніи въ поименованныя выше процентныя бумаги, остаются неприкосновенными вмѣстѣ съ процентами на нихъ.

§ 4. Пожертвованія лицъ, обязавшихся вносить ихъ ежегодно, за отчисленіемъ въ неприкосновенный капиталъ 10%, обращаются съ августа 1876 г. на плату за обученіе въ шестой гимназій сына одного изъ офицеровъ русской арміи (въ обществѣ, а не въ частномъ смыслѣ), убитыхъ или умершихъ отъ ранъ, полученныхъ въ нынѣшнюю 1877—1878 г. войну противъ турокъ, независимо отъ народности и религіи, къ которымъ принадлежать сироты.

§ 5. Остатокъ такихъ ежегодныхъ пожертвованій, за отчисленіемъ 10% въ неприкосновенный капиталъ обращается на доставленіе такому сиротѣ одежды, учебныхъ пособій, и, если будетъ возможно, и на содержаніе сироты у родныхъ или у посторонняго лица, известнаго своею добросовѣстностію правленію общества или педагогическому совѣту шестой гимназій.

§ 6. Взносъ пожертвованій лицъ, обязавшихся вносить ежегодно известную сумму, можетъ быть раздѣленъ на два срока: къ 15 августа и 15 января съ льготнымъ мѣсяцемъ; не внесеніе и въ льготный мѣсяць считаются выбывшими, а не внесенное ими пожертвованіе, если сумма годичнаго взноса не будетъ достигать ста руб., распределяется между членами правленія общества, по взаимному соглашенію. Педагогическому совѣту шестой гимназій предоставляется право принять и на себя часть этихъ взносовъ.

§ 7. По составленіи неприкосновеннаго капитала въ 2000 р., процентами съ которыхъ уплачивается плата за обученіе, пріобрѣтеніе одежды и учебныхъ пособій, ежегодныя пожертвованія обращаются: а) на содержаніе сироты у его родныхъ или у лица, означеннаго § 5,

полагая на это не болѣе 25 р. въ мѣсяцъ, и б) на увеличеніе основнаго капитала.

§ 8. Съ августа 1878 г. ненарасходованная въ теченіе года сумма (за отсутствіемъ желаніи воспользоваться ею согласно съ ея назначеніемъ) ежегодныхъ взносовъ съ нарощенными на нее процентами, обращается въ основной капиталъ, назначенный на воспитаніе такого рода сироты.

§ 9. Никакихъ расходовъ, кромѣ непосредственно касавшихся только избраннаго сироты, какъ изъ основнаго капитала, такъ и изъ ежегодныхъ взносовъ производиться не можетъ; расходы на печатаніе отчета, объявленій, почтовые и др. производятся или на личные средства днаго правленія, или изъ общей суммы общества.

§ 10. По мѣрѣ увеличенія капитала увеличивается и число сиротъ, принимаемыхъ на свое кончатіе обществомъ.

§ 11. По выходѣ изъ возраста сиротъ, оставшихся послѣ офицеровъ, павшихъ въ нѣмѣнскую войну, весь капиталъ присоединяется къ общимъ суммамъ общества и расходуется на основаніи устава.

§ 12. Для замѣщенія вакансіи такого ученика, правленіе входить въ сношеніе съ учрежденіемъ, которому вѣрено устройство семействъ вонновъ, павшихъ на полѣ брани, и если будетъ въ числѣ указанныхъ сиротъ близкій родственникъ кого нибудь изъ учившихся или учившихся въ С.-Петербургской нѣстой гимназіи, то ему отдается преимущество передъ другими. Избранный стипендіатъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 14-го августа 1878 г., называется стипендіатомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Цесаревны Маріи Феодоровны.

4. (28-го сентября 1878 г.). Положеніе о стипендіи „памяти Евгенія Стахѣва“ при 6-й С.-Петербургской прогимназіи. (Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 19 день сентября 1878 года учреждается при 6-ой С.-Петербургской прогимназіи одна стипендія на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго женою титулярнаго сѣвѣтника Любовью Константиною Стахѣвою капитала въ 1000 р.

2. Означенный капиталъ, заключающійся въ билетѣ перваго Восточнаго займа въ тысячу рублей за № 77815, хранится неприкосновеннымъ въ числѣ специальныхъ средствъ названной прогимназіи.

3. Избранному на эту стипендію ученику присвоивается наименование „стипендіата памяти Евгѣя Стухіева“.

4. Стипендіа назначается всею суммою одному достойнѣйшему бѣдному ученику 6-й С.-Петербургской гимназіи, а не имѣющъ видѣть. Выборъ этого ученика, а равно и лишеніе его этой стипендіи и замѣщеніе оной другимъ ученикомъ, предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназіи.

5. На полученіе стипендіи „памяти Евгѣя Стухіева“ имѣть право только дѣти христіанскихъ исповѣданій.

6. Въ случаѣ выхода неиспользованнаго выше билета Восточнаго займа на № 77815 въ тиражъ, педагогическій совѣтъ приобретаетъ въ замѣну оного новый таковой же билетъ или какія-либо другія процентныя бумаги изъ числа помечованныхъ въ Высочайше утвержденномъ 28-го мая 1876 г. положеніи комитета г. министровъ. Могущій же произойти отъ такового обмѣна остатокъ употребляется въ пользу бѣдныхъ учениковъ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта.

5. (7-го Октября 1878 г.). Положеніе о стипендіяхъ майора Максима Павловича Подколзина при Воронежской мужской гимназіи на капиталъ въ 100,000 р.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При Воронежской мужской гимназіи учреждается на проценты изъ ста тысячъ руб. внесенныхъ на вѣчное время въ Харьковский городской купеческій банкъ губернскимъ секретаремъ Федоромъ Никитичемъ Морозовымъ, отъ имени вдовы статскаго совѣтника Алии Максимовны Биевской, двадцать шесть стипендій, по двѣсти пятьдесятъ руб. каждая. Стипендіи эти, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 27-го августа 1875 г., именуются стипендіями майора Максима Павловича Подколзина, по имени отца жертвовательницы.

2) Стипендіатами могутъ быть только дѣти православнаго исповѣданія и русскіе подданные.

3) Стипендіями имени Подколзина должны пользоваться преимущественно сироты и дѣти бѣднѣйшихъ родителей, безъ различія сословія, но безусловными стипендіатами должны быть: дѣти ротмистра Александра Христофоровича Гаушильдтъ, коллежскаго ассесора Ивана Степановича Сovenko, коллежскаго секретаря Ивана Николаевича Карташева, смотрителя Ровенскаго почтоваго отдѣленія Василія Федоровича Родченко, сыновья Яковъ и Иванъ Житомірскаго мѣщанина

Валентина Михайловича Кузьминскаго, и одинъ изъ сыновей Старобѣльскаго мѣщанина Ивана Алексѣевича Соколова, Максимъ.

4) Изъ числа стипендій двѣ отдаются пожизненно въ распоряженіе губернскаго секретаря Федора Никитича Морозова, которому предоставляется право назначать стипендіатовъ по своему усмотрѣнію, безъ всякихъ ограниченій въ выборѣ ихъ, при чемъ Морозову предоставляется право давать и назначеніе тѣмъ деньгамъ, какія образуютъ остатки, если представленныя въ его распоряженіе стипендіи будутъ оставаться нѣкоторое время неважными.

5) Замѣщеніе остальныхъ стипендій, согласно воли покойной Бывовской, предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта Воронежской гимназій, при чемъ совѣтъ руководствуется основаніями, изложенными выше въ пп. 2 и 3 и, если признаетъ почему-либо нужнымъ, приглашаетъ въ засѣданія, назначенныя для избранія стипендіатовъ, учредителя стипендій Федора Никитича Морозова или входитъ съ нимъ въ письменныя сношенія.

6) Стипендіаты помѣщаются преимущественно, а сироты исключительно, въ пансіонѣ при гимназій, съ платою за cadaго по 250 руб. въ годъ, и только по особо-уважительнымъ причинамъ, каждый разъ съ разрѣшенія педагогическаго совѣта гимназій, при согласіи на то Федора Никитича Морозова, могутъ быть выдаваемы стипендіи, въ томъ же размѣрѣ на руки родителямъ стипендіатовъ, или лицамъ, уважительно рекомендованнымъ родителями, въ сроки, какіе признаетъ удобнымъ учебное начальство.

7) Воспринимать, развѣ удостоенный стипендію, можетъ быть лицо ея только тогда, когда оное, по правиламъ учебнаго заведенія, подлежитъ совершенному исключенію изъ заведенія.

8) Искожде образоваться остатки, по неполному комплекту стипендіатовъ или по другимъ причинамъ, должны дѣлиться, по окончаніи cadaго года, на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна причисляется въ основному капиталу на стипендіи въ гимназій, назначеніе которыхъ предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта, безъ всякихъ ограниченій, постановленныхъ въ настоящихъ условіяхъ, а другая часть употребляется: а) по постановленію педагогическаго совѣта гимназій—на первоначальное обаведеніе въ пансіонѣ вновь поступившихъ стипендіатовъ и б) съ разрѣшенія высшаго начальства—на приобрѣтеніе ученыхъ и учебныхъ пособій для гимназій и вообще на нужды гимназій и пансіона.

9) Если по указанію опыта, встрѣтится надобность въ измѣненіи

или дополненіи настоящихъ правилъ, то совѣту нижеслѣдующимъ предоставляется право ходатайствовать о соответствующихъ измѣненіяхъ; но положенія, выраженные въ нихъ 2 и 3, измѣляемы быть не могутъ.

6. (27-го октября 1878 г.). Положеніе о стипендіи статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина, при Костромской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Завѣщанная вдовою статскаго совѣтника Марією Федотовною Макиною, по духовному завѣщанію, утвержденному С.-Петербургскимъ окружнымъ судомъ, сумма три тысячи руб. назначается для учрежденія при Костромской гимназіи стипендіи имени покойнаго мужа ея, статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина.

2) Капиталь этотъ, обращенный въ 5% банковые билеты, хранится въ Костромскомъ губернскомъ казначействѣ, на одинаковыхъ основаніяхъ вмѣстѣ съ другими суммами, и составляетъ неприкосновенную собственность гимназіи. Проценты съ капитала, въ количествѣ ста пятидесяти руб. въ годъ, употребляются на содержаніе стипендіата.

3) Стипендіатъ избирается, по опредѣленію педагогическаго совѣта Костромской гимназіи, преимущественно изъ дѣтей крестьянъ, бывшихъ крѣпостныхъ людей покойнаго статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина, а за неимѣніемъ таковыхъ крестьянскихъ дѣтей, — изъ сиротъ обдѣлѣнныхъ мѣстныхъ городскихъ обывателей, заслуживающихъ пособія по своимъ успѣхамъ и поведенію. Выборъ представляется на утвержденіе начальства Московскаго учебнаго округа.

4) По количеству процентовъ съ капитала представляется возможность избираемаго стипендіата содержать въ состояніи при гимназіи пансіонѣ, если родители, воспитатели или родственники найдутъ для себя возможнымъ къ получаемымъ съ капитала процентамъ — 150 руб. ежегодно вносить добавочныя деньги, соответственно взимаемой въ пансіонѣ платѣ, на содержаніе и первоначальное обзаведеніе воспитанника; при несогласіи же на то родителей и воспитателей, проценты съ капитала должны быть выдаваемы имъ на руки, по ассигновкамъ директора гимназіи, въ началѣ каждаго полугодія, по 75 руб. въ одинъ разъ.

5) Какъ при выборѣ стипендіата исключительное вниманіе обращается на успѣхи и поведеніе избираемаго, то при значительномъ

пятилѣтніи успѣховъ къ концу учебнаго года, выходящія не въ болѣе или притомъ; призывающіе педагогическіе совѣты гимназій въслѣдъ уважительнымъ, или при неудовлетворительности поведенія, педагогическому совѣту, съ разрѣшенія начальства Московскаго учебнаго округа, предоставляется право лишать стипендіи такого стипендіата, въ которомъ будетъ замѣчена вышеуказанная переменѣна къ худшему и опредѣлять на мѣсто его другаго, болѣе достойнаго.

6) Могушіе образоваться по какому-либо случаю остатки отъ процентовъ должны храниться на особомъ счету, и изъ этихъ остатковъ, по постановленію педагогическаго совѣта, съ утвержденіемъ попечителя Московскаго учебнаго округа, могутъ выдаваться особия пособія окончившимъ входить успѣшно гимназическій курсъ стипендіатамъ Макина.

7) По окончаніи въ заведеніи курса, стипендіатъ не подлежитъ никакимъ обязательствамъ.

8) Стипендія эта, учреждается съ Высочайшаго разрѣшенія, послѣдовавшаго 17-го октября 1878 г.

7. (27-го октября 1878 года). Положеніе о стипендіи при Ярославской губернской гимназій имени статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При Ярославской гимназій учреждается съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 17-го октября 1878 г., стипендія имени статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина, на счетъ процентовъ съ капитала въ 3,000 р., оставленнаго вдовое его, по духовному завѣщанію, утвержденному С.-Петербургскимъ окружнымъ судомъ.

2) Помертвованный капиталъ хранится въ Ярославскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Ярославской гимназій, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неизрасходованнымъ. Проценты съ оного 150 р. ежегодно употребляются на означенную стипендію.

3) Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту гимназій и утверждается попечителемъ округа. Стипендіатъ (одинъ или нѣсколько) избирается преимущественно изъ дѣтей крестьянъ, бывшихъ крѣпостныхъ людей покойнаго статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина, а за неимѣніемъ таковыхъ крестьянскихъ дѣтей—изъ сиротъ бѣднѣйшихъ мѣстныхъ городскихъ обывателей.

4) Проценты съ означеннаго капитала обращаются въ уплату за

учене стипендіата, на покупку учебныхъ книгъ для него, на одежду и обувь, и въ случаѣ остатка, на уплату части за содержание и квартиру.

5) Стипендіатъ пользуется стипендіею до окончанія курса учения или до выхода его по какому-либо причинамъ изъ гимназій, но въ время пребыванія его въ заведеніи могутъ быть лишены стипендіи за малбуйствность въ наукахъ, зависящую не отъ болѣзни или причинъ, признанныхъ педагогическимъ совѣтомъ вполне уважительными, или за неодобрительное поведеніе, влѣдствіе опредѣленія о томъ педагогическаго совѣта и съ утвержденія попечителя Московскаго учебнаго округа.

6) По окончаніи въ заведеніи курса, стипендіатъ не подлежитъ никакимъ обязательствамъ.

7) Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ должны храниться на особомъ счету и изъ нихъ, по постановленію педагогическаго совѣта, съ утвержденія попечителя Московскаго учебнаго округа, могутъ выдаваться особыя пособія окончившимъ вполне успѣшно гимназическій курсъ стипендіатамъ Макина.

V. ПРИКАЗЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

9-го декабря 1878 года. (№ 18) Утверждаются: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, тайный совѣтникъ Ковалевскій — вновь деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, со 2-го августа 1878 года, на три года.

Ординарные профессора Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительные статскіе совѣтники Фирсовъ и Ковалевскій — деканами сего университета: первый — историко-филологическаго факультета, съ 9-го сентября 1878 по 17-е августа 1880 года, а второй — медицинскаго факультета, съ 16-го сентября 1878 года, на три года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Надлеръ — вновь деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета, съ 11-го сентября 1878 года, на три года.

Ординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лицей, докторъ государственнаго права Дитятинъ — ординарнымъ профессоромъ
часть ССП, отд. 1.

Императорскаго Харьковскаго университета, до кафедръ исторія русскаго права, съ 11-го ноября 1878 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ арабской словесности, статскій совѣтникъ Гиргасъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ арабской словесности, съ 16-го октября 1878 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ славянской филологіи, коллежскій совѣтникъ Первольфъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ славянской филологіи.

Доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра, докторъ русской исторіи, коллежскій совѣтникъ Антоновичъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ русской исторіи, съ 29-го мая 1878 года.

Исправляющій должность директора народныхъ училищъ Калужской губерніи, коллежскій секретарь Унковскій—въ настоящей должности.

Инспекторъ Могилевской дирекціи народныхъ училищъ, коллежскій совѣтникъ Поповъ исправляющимъ должность директора Виленской дирекціи народныхъ училищъ.

Исполняющій обязанности инспектора въ Омской гимназій, преподаватель сей гимназій, коллежскій совѣтникъ Сидорскій—директоромъ Омской гимназій.

Старшій учитель лицей Цесаревича Николая Лавровскій—директоромъ Месневской 6-й гимназій.

Исправляющіе должность директоро́въ реальныхъ училищъ: Тульскаго, коллежскій совѣтникъ Зерновъ, и Камнянскаго, титулярный совѣтникъ Германъ—въ настоящихъ должностяхъ.

Членъ временной Комиссіи по устройству Виленской публичной бібліотеки, съ состоящимъ при ней музеемъ, и по заведенію оныхъ, статскій совѣтникъ Гвайта—директоромъ Вилнонскаго реального училища.

Дѣйствительные статскіе совѣтники Мандерштернъ и Бѣлуха-Коханевскій, статскій совѣтникъ Синадскій, коллежскій совѣтникъ Волховъ, коллежскій асессоръ Алексеевъ, титулярный совѣтникъ Поповъ и гвардіи подпоручикъ Томара—членами почетельства Полтавскаго реального училища, на три года.

Членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣт-

никъ Батюшковъ—почетнымъ попечителемъ Устюженской прогимназіи, на три года.

Инспекторъ Рыбинской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Захарбековъ—директоромъ сей прогимназіи.

Опредѣляется: потомственный почетный гражданинъ, 1-й гильдіи купецъ Соловьевъ—почетнымъ попечителемъ Киржачской учительской семинаріи, Владимирской губерніи, съ 4-го ноября 1878 года.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: преподаватель Черниговской духовной семинаріи, коллежскій секретарь Лилеевъ, съ назначеніемъ исправляющимъ должность наставника студентовъ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, съ 17-го ноября 1878 года.

Оставляются на службѣ: на три года: Директоръ Могилевской гимназіи, статскій совѣтникъ Фурсовъ, съ 19-го октября 1878 года.

На пять лѣтъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, тайный совѣтникъ Ковальскій, со 2-го августа 1878 года.

Исправляющій должность ординарнаго профессора въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Эминъ, съ 7-го октября 1878 года.

Директоръ народныхъ училищъ Пермской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Чоглоковъ, съ 26-го октября 1878 года.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на зимнее вакаціонное время 1878 года: Директоръ Сувальской мужской гимназіи Михайловскій—въ С.-Петербургѣ и Нѣжинѣ.

На восемнадцать дней: Начальникъ Варшавской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Щебальскій—въ С.-Петербургѣ.

Съ 15-го декабря 1878 года по 7-е января 1879 года: Директоръ Виленскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Голубиновъ—въ С.-Петербургѣ, по болѣзни.

На двадцать девять дней: Начальникъ Плоцкой учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Захаровъ—въ С.-Петербургѣ.

За границу: съ 20-го декабря 1878 по 8-е января 1879 года: лекторъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскій совѣтникъ Тернеръ.

На двадцать восемь дней: ординарный профессоръ Император-

скаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Ковалевскій и учитель Александровской Керченской гимназій Шухачъ; изъ нихъ Ковалевскій по болѣзни.

На одинъ мѣсяць: преподаватель С.-Петербургскаго втораго реальнаго училища, священникъ Мордрелль, по болѣзни.

На зимнее вакаціонное время 1878 года: учитель Варшавской первой мужской гимназій, статскій совѣтникъ Рюде и классная дама Варшавской второй женской гимназій Щебальская.

На зимнее вакаціонное время 1878 года и двадцать девять дней: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гельмингъ.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: Уфимскому губернскому предводителю дворянства, въ званіи камеръ-юнкера, статскому совѣтнику Новикову—за плодотворную его дѣятельность на пользу устроеннаго имъ пансіона для учениковъ Уфимской гимназій.

Валдайскому уѣзному предводителю дворянства, коллежскому секретарю Кршивицкому—за усердную и полезную дѣятельность его по народному образованію въ Валдайскомъ уѣздѣ.

Почетному почителю Новочеркасскаго реальнаго училища, отставному есаулу Иловайскому—за пожертвованія его въ пользу сего училища.

Члену Рылъскаго уѣзднаго училищнаго совѣта Деменкову—за усердіе его на пользу Рылъскихъ приходскихъ училищъ.

Законоучителю Промзинскаго двухкласснаго училища, Алатырскаго уѣзда, священнику Кудѣевскому—за усердное отношеніе его къ дѣлу народнаго образованія.

Доктору Борнгаупту въ Ригѣ—за продолжительную и полезную его педагогическую дѣятельность.

Увольняются, согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Никольскій—отъ должности декана медицинскаго факультета сего университета, съ 16-го сентября 1878 года.

Заслуженный экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Окатовъ—отъ службы при семъ университетѣ, съ 23-го сентября 1878 года.

Директоръ Виленской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Снитко и директоръ Бѣлостокскаго реальнаго училища,

статскій совѣтникъ Рончевскій — отъ службы, съ дозволеніемъ имъ носить въ отставку мундирный полкафтанъ, послѣдней должности присвоенный; изъ нихъ Рончевскій съ 23-го ноября 1878 года.

Исключаются изъ списковъ умершіе: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности князь Вяземскій, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, тайный совѣтникъ Ковалевскій и директоръ народныхъ училищъ Черниговской губерніи, статскій совѣтникъ Кулжинскій.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: — „атласъ географическихъ свѣтовъ съ очерченіемъ материковъ ихъ, картографическаго заведенія А. Ильина С.-Петербургъ 1875 г., цѣна 30 к.—допустить въ видѣ пособия для гимназій, мужскихъ и женскихъ и для реальныхъ училищъ.

— Книгу „Русская хрестоматія. Изд. 17 безъ перемѣнъ. Т. I. Прова. Соч. А. Галахова. С.-Петербургъ, 1879 г.“ — одобрить какъ учебное пособие для мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій.

— Книгу „Вѣтъ Грековъ и Римлянъ. Соч. Ф. Ф. Велишскаго. Переводъ съ чешскаго членовъ кievскаго отдѣленія общества классической филологіи и педагогикъ, подъ редакцію И. Я. Ростовцева. Выпуски I, II, III и IV. Прага, 1878 г.“ — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, а также для раздачи преуспѣвающимъ воспитанникамъ высшихъ классовъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Солонъ и его стихотворенія. Историко-филологическое изслѣдованіе О. Гордіевича. Варшава 1877 г.“ — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Теоретическая, практическая и аналитическая химія, въ приложеніи къ искусствамъ и промышленности, Муспратта. Переводъ со втораго и третьяго нѣмецкаго изданія. Редакція и дополне-

нія проф. Клттары. Томъ первый. Съ 288 политипажамп. Москва — С.-Петербургъ 1868—1878. Цѣна 7 руб.; съ пересылкою 8 р. 50 к.⁴ — рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ реальныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія въ 10 день текущаго Января Высочайше соизволилъ, въ виду измѣнившихся мѣстныхъ условій г. Омска освободить Главнаго Инспектора училищъ западной Сибири отъ обязанности участвовать въ Попечительномъ Совѣтѣ Омской женской, почетныхъ гражданъ Поповыхъ, гимназій, а преподавателя, въ качествѣ инспектора, отъ предсѣдательства въ педагогическомъ совѣтѣ этого заведенія и возложить сіи обязанности, согласно §§ 10 и 17 положенія о женскихъ гимназіяхъ и общему корадку, существующему въ сихъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, на Директора Омской мужской гимназій.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра, Народнаго Просвѣщенія въ 10 день текущаго января Высочайше соизволилъ: 1, на присвоеніе двухклассному начальному народному училищу Министерства Народнаго Просвѣщенія въ селѣцѣ Владимірскомъ, Вышневолоцкаго уѣзда, Тверской губерніи, наименованія Алексѣевско-Сназвинскія училищемъ, съ тѣмъ, чтобы ежегодно 9-го января, 16-го апрѣля, 20-го октября и 13 ноября были совершаемы панихиды въ училищѣ въ память покойныхъ мужа и сына жертвовательницы Свазиной и 2, на учрежденіе при этомъ училищѣ званія почетнаго блюстителя, съ тѣмъ, чтобы на сію должность, былъ назначенъ сынъ жертвовательницы Владиміръ Свазинъ, по смерти же его, это званіе оставалось за семействомъ покойнаго мужа вдовы Свазиной, если кто-либо изъ родныхъ его изъявитъ согласіе принять на себя обязанность; въ случаѣ же отказа ихъ, чтобы былъ назначаемъ почетнымъ блюстителемъ училища Вышневолоцкій Уѣздный Предводитель Дворянства.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ, въ 10 день сего января, на постановку въ актовомъ залѣ будущаго Сибирскаго Уни-

верситета портретовъ покойнаго извѣстнаго благотворителя отечественнаго просвѣщенія, статскаго совѣтника Демидова, пожертвовавшаго въ 1803 г. 100 т. р. асс. на Сибирскій университетъ, а равно потомственникъ почетныхъ гражданъ Цибульскаго и Сибирякова, пожертвовавшихъ на тотъ же предметъ по 100 т. сер. каждый и на помѣщеніе въ томъ же актовомъ залѣ мраморной доски съ занесеніемъ на ней Томской городской думы, пожертвовавшей въ пользу Сибирскаго Университета 30 т. р. а равно кочергия совѣтника Трапезникова, принесшаго въ даръ на сей университетъ 10 т. р. и полковника Богдановна, пожертвовавшаго 4000 р. на учрежденіе при Сибирскомъ университетѣ стипендіи.

—Г. министръ народнаго просвѣщенія предложеніемъ отъ 30 декабря 1878 года разрѣшилъ помощнику Казанскаго учебнаго округа учредить при кафедрѣ зоотоміи медицинскаго факультета Императорскаго Казанскаго университета должность сверхштатнаго помощника провектора, съ производствомъ лицу, избѣвшему занять эту должность содержанія по пятисотъ рублей въ годъ, изъ остатковъ отъ личнаго состава означеннаго университета.

—Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія, 23 истекшаго декабря, утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Ягтиской Александровской прогимназіи размѣръ платы за ученіе, съ начала будущаго 1879-80 учебнаго года, въ I, II, III, и IV классахъ названной прогимназіи сорока р., а въ приготовительномъ по двадцати пяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

—Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія, 23 истекшаго декабря, разрѣшилъ увеличить плату за обученіе въ Харьковскихъ гимназіяхъ, прогимназіи и реальномъ училищѣ до тридцати руб. въ годъ, а въ приготовительномъ классѣ гимназіи до двадцати руб. въ годъ съ каждаго ученика.

О преміи Фрейлины М. С. Мухановой за жизнеописаніе императрицы Маріи Феодоровны.

Ея Императорскаго Величества Фрейлина М. С. Муханова обратилась въ Академію Наукъ съ письмомъ, въ которомъ она изложила, что „сохраняя въ сердцѣ своемъ благоговѣнную память къ почивающей

въ Божѣ государинѣ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, при которой ея отецъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Сергій Ильичъ Мухановъ, долго служилъ оберъ-цятмейстеромъ, и сама она, состоя фрейлиною, провела лучшіе, незабвенные годы своей жизни, и воспоминала любвеобильную христіанскую дѣятельность этой государини на благо и счастье ввѣривъ ея въ свое попеченіе дѣтей, сиротъ и бѣдныхъ, — она поставила священнымъ обѣтомъ своего сердца сохранить по возможности воспоминаніе о ней, ея жизни и дѣяніяхъ для всѣхъ соотечественниковъ, кому памятенъ и дороги бывшія ея заботы на поприщѣ благотворительности, и что въ этомъ nambrени она хотѣла бы посылно содѣйствовать къ тому, чтобы у насъ, на русскомъ языкѣ, явилось полное жизнеописаніе покойной императрицы". Съ этою цѣлью г-жа Муханова представила въ Академію 5,000 руб., назначивъ ихъ для выдачи, отъ имени Академіи, въ видѣ преміи, за лучшее жизнеописаніе императрицы Маріи Феодоровны.

Вслѣдствіе сего Академія Наукъ, съ Высочайшаго соизволенія, приглашаетъ всѣхъ желающихъ принять участіе въ соисканіи этой преміи, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

- 1) Срокъ для этого соисканія назначается пятилѣтній, такъ что отвѣтныя сочиненія должны быть доставлены въ Академію не позже 1-го марта 1884 г.
- 2) На соисканіе преміи допускаются лишь рукописныя сочиненія на русскомъ языкѣ.
- 3) Авторъ имѣетъ право выставить на сочиненіи свое имя, или же скрыть оное въ запечатанномъ пакетѣ, снабженномъ особымъ девиномъ.
- 4) О послѣдствіяхъ конкурса на премію будетъ доведено до общаго свѣдѣнія въ публичномъ собраніи Академіи 29-го декабря 1884 года.
- 5) Премія будетъ состоять изъ капитала въ 5,000 р. и изъ процентовъ, которые наростутъ на этотъ капиталъ по день присужденія преміи. Вся эта сумма, капиталъ вмѣстѣ съ процентами, назначается автору утѣтительнаго преміей сочиненія.
- 6) Премія будетъ уплачена автору не прежде, какъ по представленіи имъ въ Академію печатнаго экземпляра его труда.
- 7) Ея Императорскому Высочеству Государинѣ Великой Княгинѣ Цесаревнѣ благоугодно было соизволить на то, чтобы, согласно желанію фрейлины Мухановой, сочиненіе, которое будетъ награждено учрежденною ею преміей, было при изданіи своемъ въ свѣтъ посвящено Августайшему Имени Ея Высочества.

ОЦЕРКЪ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ ВЪ ВЕЛИКОМЪ НОВГОРОДѢ. ¹⁾

II.

Устройство Новгородской церкви въ XIII вѣкѣ.

Въ древней Руси церковь вообще стояла въ тѣсной связи съ общимъ ходомъ гражданской жизни и пользовалась въ немъ чрезвычайно важнымъ значеніемъ. Но нигдѣ связь эта не была столь тѣсною и значеніе церкви столь могущественнымъ, какъ въ Великомъ Новгородѣ. Причины такого явленія скрываются въ характерѣ самаго новгородскаго быта. Чѣмъ слабѣе было политическое сознание Новгородцевъ, чѣмъ менѣе юридической опредѣленности представляло новгородское политическое устройство, тѣмъ болѣе оно нуждалось въ содѣйствіи со стороны общественныхъ силъ. А единственною общественною силою въ Новгородѣ, способною къ дѣятельности, и была именно церковь, и потому не удивительно, что вмѣшательство ея въ гражданскую жизнь мы видимъ повсюду, гдѣ только въ немъ чувствовалась необходимость. Сообразно съ двоякимъ значеніемъ церкви, какъ нравственнаго авторитета и какъ матеріальной силы, и это вмѣшательство отличалось частію нравственнымъ, частію же матеріальнымъ характеромъ. Прежде всего паденіе княжеской власти въ Новгородѣ сдѣлало этотъ богатый городъ господиномъ, государемъ обширной земли; а между тѣмъ сознание Новгородцевъ о государ-

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. еевральскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.
часть ССII, отд. 2.

ствѣ было еще слишкомъ шаткимъ, чтобъ оно само по себѣ могло сдѣлать ихъ способными нести вынавшее на ихъ долю бремя и препятствовать ползти врознь отдѣльнымъ частямъ Новгородской области. Въ этомъ затруднительномъ положеніи какъ нельзя болѣе встали явилась на помощь церковь и восполнила недостатокъ политическаго сознанія Новгородцевъ религиозною идеей о связи Великаго Новгорода съ его патрональною святыней, съ храмомъ св. Софіи, Премудрости Божіей. Подъ вліяніемъ этого представленія Великій Новгородъ со всѣми его пригородами и волостями сталъ въ глазахъ Новгородцевъ какъ бы отчиною св. Софіи. Съ св. Софіей тѣсно связывалось у Новгородцевъ самое понятіе объ отечествѣ: вмѣсто того чтобъ говорить: умремъ за отечество, за родину, Новгородцы восклицали: положимъ головы или изомремъ чашу за св. Софію¹⁾. Подобнымъ образомъ, на обладаніи этою святыней Новгородцы основывали и свои притязанія на господство надъ всѣми своими пригородами и волостями, потерявшими уже значительную долю уваженія къ правамъ Новгорода, которыя вытекали изъ простаго старѣйшинства. Новгородскія владѣнія были прежде всего пригороды и волости св. Софіи и только затѣмъ уже Великаго Новгорода²⁾. Любопытнымъ поясненіемъ этой связи новгородскаго владѣчества съ св. Софіей служатъ слова, сказанныя въ 1215 году, очевидно—отъ лица Новгородцевъ, Мстиславомъ Удалымъ въ отвѣтъ на притязанія князя Ярослава управлять Новгородомъ изъ Торжка. „Да не будетъ Новый Торгъ Новгородомъ, ни Новгородъ—Торжкомъ, но гдѣ св. Софія, тамъ Новгородъ“³⁾. Но, сливая понятія о Новгородѣ съ понятіемъ о св. Софіи, Новгородцы естественно ставили самую судьбу перваго подъ особенное покровительство послѣдней. Покрову св. Софіи Новгородцы приписывали отвращеніе отъ себя всѣхъ несчастій; ея „стояніемъ“ или

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 62, 1270 г.: «Новгородцы же послаша къ нему Лазоря Моисевича: княже, судимъ еси на св. Софію; пойдѣ, ать изъмремъ честно за св. Софію... Тамъ же, 71, Н. 1315 г.: «Не выдаемъ Аванасья, но изомремъ вси честно за св. Софію». Тамъ же, III, 99, 1398 г.: «или пакы изнамдемъ свою отчину къ св. Софіи и къ Великому Новгороду, пакы ли свои головы положимъ за св. Софію и за своего попомана за Великіи Новгородъ»...

²⁾ П. С. Р. Л. III, 98, 1398 г.: «и цѣловаша крестъ за единъ братъ како имъ св. Софіи и Великому Новгороду пригородовъ и волостей поискати». Тамъ же, III, 99, 1398 г.: «благослови, господине отче владыко, поискати св. Софіи пригородовъ и волостей»...

³⁾ П. С. Р. Л., III, 33, 1215.

заступничествомъ, объяснили они все свои успешныя дѣйствія и подвиги и потому искали ея благословенія при канатѣ каждаго важнаго дѣла ¹⁾.

Еще болѣе обширное поприще для вліянія церкви на гражданскую жизнь открывали слабыя стороны Новгородскаго общественнаго устройства. Какъ известно, органомъ народной воли въ Новгородѣ было народное собраніе, вѣче. Но рѣшавшая дѣятельность отличалась такою неопредѣленностью, что открывала подлѣбный просторъ для частнаго произвола. Всякая случайная сходка людей, коль скоро только она была довольно многочисленна, смотрѣла на себя, какъ на самодержавное вѣче, постановляла рѣшенія и тотчасъ же приводила ихъ въ исполненіе. Однако пока княжеская власть пользовалась въ Новгородѣ еще остатками своего первоначальнаго значенія, она служила нѣкоторымъ противовѣсомъ этой частной управѣ ²⁾. Но когда съ введеніемъ, въ половинѣ XIII столѣтія, обычной управлять Новгородомъ вмѣсто князей посредствомъ великокняжескихъ намѣстниковъ, княжеская власть тамъ окончательно упала, естественно явилась потребность въ другой силѣ, которая возмѣстила бы въ общественной жизни потерянную опору. Силою этою является церковь или ея представитель, Новгородскій владыка. Съ этого времени, для того чтобы вѣчевое постановленіе имѣло въ глазахъ Новгородцевъ полное значеніе, стало необходимымъ, чтобы оно сопровождалось „Новгородскимъ словомъ“, и какъ торжественнымъ выраженіемъ этого слова, благословеніемъ владыки. Благословеніе владыки являлось такимъ образомъ въ Новгородѣ не простымъ свидѣтельствомъ религіознаго настроенія общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительнымъ факторомъ общественной жизни. Въ особенности содѣйствіе этого фактора было важно въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ Новгородцевъ требовалось полное единодушіе. Когда въ 1398 году Новгороду приходилось отстаивать отъ великаго князя Василія свои Двинскія владѣнія, то Новгородцы, какъ бы не полагаясь на силу одного собственнаго рѣшенія положить головы за св. Софію, сочли необходимымъ торжественно скрѣпить его

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 74, 1327 г.: «приде рать Татарьская... и просто рещи всю землю Русьскую положиша пусту, толко Ноньгородъ убоуде Богъ и св. Софья». Тамъ же, III, 53, 1240 г.: «князь же Олександръ не умедли нимало, съ Новгородци и съ Ладожаны приде на ня (Съевъ) и побѣди ѿ силою св. Софья... Тамъ же, III, 49, 1234 г.

²⁾ Русск. Лив. Акты, стр. 57, 1331 г.: «darna quam des konighes rechter egn unn sloch de Rusien ut deme hove».

санкціей владыки, били послѣдному объ этомъ челомъ и выступили въ походъ только по полученіи требуемаго благословія¹⁾. Но и при обыкновенномъ теченіи дѣлъ всѣ важнѣйшіе акты вѣчевой дѣятельности необходимо требовали санкціи владыки. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить то обстоятельство, что, начиная съ XIV столѣтія, большая часть Новгородскихъ договорныхъ и уставныхъ грамотъ многозначительно начинается благословіемъ владыки и въ концѣ скрѣплена его пастырскою печатью. Было бы, конечно, несправедливо приписывать вѣчевымъ рѣшеніямъ, скрѣпленнымъ владычешкою санкціей, безусловную силу. Напротивъ, и послѣ введенія такого порядка въ Новгородѣ нерѣдко находились люди, отваживавшіеся дѣйствовать прямо вопреки опредѣленію вѣча и указанію владыки. Лука Вареломеевъ, напримѣръ, вопреки опредѣленію всего Новгорода собралъ въ 1342 году шайку приверженцевъ, пошелъ на Двину и взялъ на щить всю Заволоцкую землю²⁾. Но важно уже то, что глазамъ большинства Новгородцевъ подобныя дѣйствія представлялись яснымъ произволомъ и не вызвали съ его стороны никакого подражанія. Такъ, когда въ 1406 году Псковичи просили прибывшихъ къ нимъ на помощь Новгородцевъ ударить на Литву, тѣ отвѣчали, что владыко не благословилъ, а Великій Новгородъ не указалъ идти имъ на Литву, но что они готовы помочь Псковичамъ противъ Нѣмцевъ³⁾.

Была еще другая сторона въ вѣчевой дѣятельности Великаго Новгорода, которая дѣлала необходимымъ пастырское вмѣшательство. Мы разумѣемъ именно борьбу вѣчевыхъ партій. Такъ какъ способъ составленія вѣчевыхъ рѣшеній основывался не на большинствѣ, а на единогласіи, то междоусобная борьба лежала въ принципѣ самаго новгородскаго устройства. Коль скоро только при такомъ условіи на вѣчѣ возникало

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 98—99, 1398 г.: «Новгородци ркоша своему господину владыцѣ... и биша челомъ... благослови, господине отче владыко, поискати св. Соєи пригородъ и волостей... и владыка Іоаннъ благослови своихъ дѣтей и воеводъ Новгородскихъ и весьхъ вои». —

²⁾ П. С. Р. Л., III, 81, 1342 г.: «Лука Вареломеевъ, не послушавъ Новгорода и митрополча благословія и владычня, скопивъ съ собою холоповъ сбоевъ, и поведе за Волокъ на Двину... и взя всю землю Заволоцкую... на щить».

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 197, 1406: «и весь Псковъ биша челоуцъ Новгородскимъ воеводамъ: «поѣдите, господа, съ нами на Литву истити крове крестьяньскыя»; они же отвѣщаше тако: «насъ владыко не благословилъ ити на Литву, а Новгородъ намъ не указалъ; но идемъ съ вами на Нѣмци».

равногласіе, и каждая партія, чувствуя за собою нѣкоторую силу, считала возможнымъ отстаивать свое мнѣніе до конца, то вопросъ могъ быть рѣшенъ только вооруженною борьбой. Такъ оно въ дѣйствительности нерѣдко и случалось, и если отрывавшіяся вслѣдствіе вѣчевой розни усобицы и не доходили по большей части до своихъ крайнихъ послѣдствій, то только благодаря примирительному вмѣшательству церкви, которое являлось тутъ во всемъ его ослѣпительномъ блескѣ. Въ тѣхъ случаяхъ именно, когда раздоръ между частями, составлявшими вѣче, доходилъ до того, что дѣлались безсильными всѣ внушенія разума, когда между соперниками отрывались частныя мелкія столкновенія, стоявшія жизни не одному изъ горожанъ, когда наконецъ враждебныя партіи, отождествлявшіяся мало по малу, сообразно съ развитіемъ борьбы, съ двумя сторонами, на которыя раздѣлялся городъ, съ оружіемъ въ рукахъ становились другъ противъ друга, готовы ежечасно перейти въ жестокую свалку,—въ то время въ лагерь враждующихъ или же на мосту, раздѣлявшемъ противниковъ, появлялся вдругъ Новгородскій владыка, окруженный соборомъ новгородскаго духовенства, въ священномъ облаченіи и съ крестами; а иногда, когда владыка былъ еще только нареченнымъ,—даже въ сопровожденіи стараго епископа, вызваннаго изъ монастыря, и начиналъ благословлять обѣ стороны и увѣщавать ихъ разойтись ¹⁾. И какъ сильно ни было бы раздраженіе между новгородскими партіями, голосъ пастыря, внушавшій своимъ духовнымъ дѣтямъ, что усобица станетъ только причиною запустѣнія города и источникомъ похвалы поганыхъ, въ такихъ случаяхъ никогда не оставался безъ дѣйствія: противники немедленно вступали въ переговоры съ владыкой и благодаря его содѣйствію и наставленіямъ, если и не примирались вполне, то по крайней мѣрѣ расходились по домамъ безъ свалки. Умѣнье достигнуть подобнаго результата, или какъ тогда выражались, „установить порадъ“, сами Новгородцы вмѣняли въ особенную заслугу своихъ пастырей. Какъ ни высоко цѣнилось ихъ значеніе, какъ учителей, дѣйствующихъ на своихъ духовныхъ дѣтей то словомъ, то обличеніемъ или запрещеніемъ, тѣмъ не менѣе роль миротворцевъ, водворяющихъ

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 87, 1359 г.: «и пріиде владыка Моисей изъ монастыря, а Олексѣя, поимя съ собою и архимандрита и игумена, и благослови ихъ (враждующихъ), рекъ имъ: дѣти! не доспѣйте себѣ брани, а поганымъ похвалы, а св. церквямъ и мѣсту сему пустоты, не съступайтеся на бои и пріаща слово его и разидошася».

крестомъ согласіе между согражданами, была дѣлана Новгородцами въ своихъ владѣяхъ выше всего ¹⁾).

Вѣчевая рознь не всегда однако разрѣшалась открытымъ междоусобіемъ. Усобица вообще предполагаетъ нѣкоторое равенство силъ противниковъ, а такое равенство не всегда существовало, и очень часто слабѣйшая сторона, не рассчитывая на успѣхъ, сама уже заранѣе отказывалась отъ всякаго дѣятельнаго отпора. Но при возбужденіи страстей и въ этихъ случаяхъ дѣло не обходилось безъ вошющихъ насилій. Раздраженная противодѣйствіемъ своихъ соперниковъ торжествующая сторона была не въ состояніи обуздывать свой гнѣвъ и нерѣдко подвергала своему преслѣдованію если и не всю массу своихъ противниковъ, то по крайней мѣрѣ тѣхъ лицъ, которыя въ ея средѣ играли выдающуюся роль, не отступая при этомъ ни предъ какими средствами. Въ такихъ обстоятельствахъ положеніе преслѣдуемыхъ было бы совершенно безвыходнымъ, еслибы церковь и тутъ не являлась со своимъ спасительнымъ покровомъ и не давала бы въ своихъ храмахъ пріюта какъ для собственности, такъ и для личности гонимыхъ. Такъ какъ собственность больше всего подвергалась опасности въ случаѣ вражды, то болѣе предусмотрительные граждане держали даже обыкновенно свое имущество постоянно въ церквахъ, гдѣ для этого нарочно устраивались особыя подцерковныя палаты; остальные же прибѣгали къ этой мѣрѣ только тогда, когда имъ уже начинала грозить дѣйствительная опасность ²⁾). Къ концу независимаго существованія Новгорода эта мѣра оказывалась уже не вполне надежною: побѣдители тогда уже не останавливались и предъ святостью церквей и подвергали обыску и эти послѣднія. Но долгое время однако защита, оказываемая церквами, была совершенно достаточною, и вторженіе въ храмы съ цѣлію похищенія частныхъ имуществъ

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 108, 1418 г.: «слышавъ же владыка Симеонъ усобную распу промежи своими дѣтми... повелѣ предстоящимъ съзрати стборъ свои... иде на мость... Услышавъ же оны страна пришествіе святителево, и приде пос. Феодоръ Тимоосевичъ съ шныи посадинны и съ тысячскими повлочитися владыцѣ; владное послуша моленія ихъ, посла архим. Варлама, и отда своего духовного, и протодіакона, на Ярославль дворъ, да подадутъ благословеніе степенному посадику... и тысяцкому... да идутъ въ домы своя — и разидошася... Ср. П. С. Р. Л., IV, 118, 1418 г. Тамъ же, III, 82, 1342.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 137, 1418 г.: «и отъ лютыя браніи и усобнаго губительства начаша животы свои носити въ церковь».

являлось въ гонимыхъ болѣе чистота сокровищемъ святости ¹⁾. Подобно собственности, церковь представляла въ своихъ храмахъ убѣжище и для личности князей. Застигнутые грозой, Новгородцы спѣшили спастись отъ ярости протиганиковъ бѣгствомъ въ первый ближайшій храмъ: но въ видахъ болѣе безопасности, они предпочитали направляться преимущественно на владычній дворъ, то-есть, къ св. Софіи ²⁾. Не всегда, конечно, бѣгство на владычній дворъ спасало несчастныхъ отъ мести народнои; по крайней мѣрѣ мы знаемъ примѣры, когда народная казнь разражалась на самомъ владычномъ дворѣ: очевидно, надъ лицами, искавшими у владыки пріюта въ своемъ „безвременнѣ“ ³⁾. Но тѣмъ не менѣе бывали случаи, когда заступничество владыки спасало несчастныхъ. Такъ, когда въ 1287 году Новгородцы, по замѣчанію лѣтописца, „безъ исправы“, то-есть, безъ разбора дѣла возстали на бывшего посадника Семена Михайловича, то послѣдній былъ скрытъ владыкою въ храмѣ св. Софіи, продержанъ тамъ до слѣдующаго дня и тѣмъ избавленъ отъ вѣрной смерти, такъ какъ въ теченіе ночи всѣ страсти уже улеглись совершенно ⁴⁾.

Независимо отъ регулированія вѣчевой дѣятельности, владыка имѣлъ въ Новгородѣ большое значеніе и какъ исполнительный органъ. Исполнительная власть вообще не отличалась въ Новгородѣ надлежащимъ развитіемъ и всего менѣе могла обходиться безъ содѣйствія постороннихъ силъ. Въ особенности замѣчаніе это справедливо по отношенію къ вѣшнимъ дѣламъ. Съ паденіемъ княжеской власти, Новгородцы совсѣмъ лишились органа, который могъ бы служить ихъ представителемъ въ отношеніи къ сосѣдямъ. Не мудрено поэтому, что и тутъ пришлось прибѣгнуть къ помощи Новгородскаго

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 126, 1447 г.: «оуъ же оговоѣи 18 человекъ и по аго рѣчь чепъ князь съ мосту сметаша, а князь дѣми разграбиша и изъ церкви вывоаша жидоты ихъ, а преже того по церквамъ не искивали». Тамъ же, IV, 117, 1418 г.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 61, 1270 г., «начаша изгонити кн. Ярослава изъ города и съвошиша вѣче на Ярослава дворѣ, и убиша Ивака, а инии вбѣгоша въ Ниогу святѣ»...

³⁾ П. С. Р. Л., III, 65, 1290 г.: «убиша Самола Радъшинича на владычнѣмъ дворѣ». Тамъ же, VI, 206, 1477 г.: «а потомъ и того Овина убиша, и брата его Бузну, у владыки на дворѣ».

⁴⁾ П. С. Р. Л., III, 65, 1287 г.: «бысть мятежъ великъ въ Новгородѣ на Семена Михайловича; вѣста на него весь Новгородъ, бѣ неправы... а Семень прибѣжа къ владыцѣ, и владыка проводи ѿ св. Софію, и тако ублюде Богъ, и заутра снядохася въ любовь».

владыки, какъ единственнаго въ обществѣ авторитетнаго дѣятеля. И дѣйствительно, представительство Новгородца предъ сосѣдями вскорѣ стало одною изъ обязанностей владыки и въ случаѣ какихъ-либо дѣлъ или недоразумѣній съ Новгородомъ всѣ сосѣди, какъ иноземцы, такъ и свои соплеменники, начали обращаться или прямо къ вѣсту, или же къ Новгородскому владыкѣ, минуя совсѣтъ великокняжескаго намѣстника ¹⁾. Обязанность эта ложилась на владыку тѣмъ полнѣе, что дѣло шло тутъ не просто объ одномъ почетномъ представительствѣ Новгородца, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень часто и объ исполненіи епископомъ или подчиненнымъ ему духовенствомъ и всѣхъ вытекавшихъ изъ него сношеній съ сосѣдами. Оно и понятно. Сношенія съ сосѣдами очень часто сопровождались договорами, и потому необходимо требовалось, чтобы они велись не иначе, какъ людьми грамотными: а знаніе грамотности составляло въ древней Руси непремѣнную обязанность только одного духовенства, остальное же народонаселеніе обладало этимъ качествомъ только случайно. Кромѣ того, при исполненіи своихъ обязанностей послы подвергались въ древности нерѣдко насиліямъ. Къ концу своего независимаго существованія, Новгородцы старались устранить это зло тѣмъ, что ставили судьбу пословъ подъ охрану договоровъ. Въ условія послѣднихъ они занесли статьи, гарантировавшія пословъ отъ произвольнаго задержанія на чужбинѣ ²⁾. Но въ древнѣйшее время эта цѣль достигалась тѣмъ, что посольства составлялись изъ такихъ лицъ, которыя уже однимъ своимъ саномъ внушали извѣстное уваженіе, а именно изъ представителей духовенства, изъ епископовъ, архимандритовъ и священниковъ. Такъ было во всѣхъ краяхъ Руси. Смоленскій князь, отправляя въ 1224 году пословъ въ Ригу для заключенія торговаго договора, конечно, не случайно выбралъ для этой цѣли попа Іеремію. Во Псковѣ веденіе сношеній съ сосѣдами также поручалось обыкновенно представителямъ мѣстнаго „божія священства“ ³⁾. Это общее

¹⁾ П. С. Р. Л., VI, 204, 1476 г.: «И князь велики пошоловалъ, богомольцу своему архіеп. Феоселу и отчннъ своей Новугороду перемирія взети велѣлъ съ ними (Шведами) по старинѣ... Тамъ же, III, 97, 1307 г.: «спреходиша послове Псковскіи... и биша челомъ господину архіеп. Великаго Новугорода владыцѣ Іоанну... чтобы господинъ нашъ Великій Новъградъ нелюбѣа отдавъ, а насъ бы крѣпкъ въ старину».

²⁾ С. Г. Г. и Д., I, 28, № 20, 1471 г.: «А про послы и про жузцы Новугородские, тѣхъ вамъ не примати». Тамъ же, I, 4, № 3, 1270.

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 184, 1391.

древней Руси имение имѣло мѣсто и въ Великомъ Новгородѣ: и тамъ, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ случаяхъ, въ члѣнѣ посольства, составленнаго изъ депутатовъ вѣча, являлся или самъ владыка, или же какое-либо другое лицо изъ окружавшаго его новгородскаго духовенства ¹⁾.

Подобно участию въ вѣчевой жизни, и во внѣшнихъ сношеніяхъ роль владыки носила примирительный характеръ. Вѣрный своему религіозному званію, Новгородскій владыка обращалъ свои заботы главнымъ образомъ на поддержаніе добрыхъ отношеній съ сосѣдями. И старанія его не пропадали даромъ. Сколько можно судить по отношеніямъ Новгорода къ своему младшему брату Пскову, внушенія владыки, подкрѣпленныя какими-либо религіозными представленіями, въ родѣ мысли о предстоящей близкой кончинѣ міра, наводили у заинтересованныхъ сторонъ довольно благосклонный пріемъ и не мало содѣйствовали установленію между ними дружественныхъ связей ²⁾. Въ особенности же примирительная роль владыки получала важное значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда Великій Новгородъ находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Владыки являлись въ то время не простыми представителями, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ходатаями за свою родину, и притомъ такими, ходатайство которыхъ, благодаря богоугодной жизни многихъ настоярей, выслушивалось съ гораздо большимъ вниманіемъ, чѣмъ просьбы простыхъ мирянъ. Въ самомъ дѣлѣ, новгородская исторія не лижена примѣровъ, показывающихъ, что представительство владыки сопровождалось иногда для Новгородцевъ благомыслими послѣдствіями, что благодаря ему, великіе князья восточной Руси нѣрѣдко дѣлали уступки въ своихъ требованіяхъ отъ Великаго Новгорода. Такъ извѣстно, что владыка Нифонтъ хотя и не смогъ склонить въ 1148 году Юрія Долгорукаго къ миру съ Новгородомъ,

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 91, 1380 г.: „Биша челомъ весь Новгородъ... владыкѣ Алексѣю: чтобы еси, господине, ялся ѡхати къ в. кн. Дмитрею Ивановичу и владыка яря челобитіе своихъ дѣтей“... Тамъ же, IV, 79, 1339 г.: „послаша Новгородци Езуму Твердислава и Олександра Борисовича съ други, а отъ владыки сестричича его Матвея за море, къ Свейскому королю, посольствомъ“...

²⁾ П. С. Р. Л., III, 97, 1397 г.: „и владыко Іоаннъ благослови Великій Новгородъ дѣтей своихъ: чтобы есте, дѣти, мое благословеніе пріяли, а Псковичемъ бы есте нелюбья отдали, а свою братію молодшую пріяли бы есте по старинѣ; занеже, дѣти, видите, уже послѣднее время, были бы есте за единъ братъ въ христіанствѣ... и весь Великій Новгородъ благословеніе владыки Іоанна пріяли, а отъ Псковичъ нелюбья отложили“... Тамъ же, IV, 208, 1484.

тѣмъ не менѣе вслѣдствіе благоприспособленія, которое имѣло-
вался въ Суздаль, успѣлъ-таки добиться освобожденія нѣкѣхъ
Новгородцевъ и всѣхъ новгородскихъ купцовъ. Подобнымъ образомъ
властѣ Ѳеофілу удалось побудить Ивана III къ нѣкоторому хотя и
не особенно значительному уменьшенію контрибуціи, наложенной на
Великій Новгородъ послѣ борьбы 1471 года ¹⁾. Легенда сообщаетъ
даже, что любви только вслѣдствіе просьбъ архіепископа Іоны Отен-
скаго, великій князь Василій II отмянулъ ударъ, который онъ пред-
полагалъ нанести самостоятельности вольнаго города. По ея разказу, въ
битвѣ владыки Іоны въ Москвѣ, Василій II въ присутствіи метро-
полита жаловался представителю Новгорода на пренебреженіе его
духовныхъ дѣтей къ своему великому князю, и пріѣдъ въ раздраже-
ніе, сталъ было уже грозить ему поднятіемъ руки на его родину. Но
святитель успѣлъ обезоружить великаго князя, обещавъ ему, въ
случаѣ снисхожденія къ своимъ согражданамъ, испросить его сыну
у Бога не только торжество надъ всѣми его врагами и укрѣпленіе
въ рукѣ его русскихъ хоругвей, но и свободу отъ нѣгъ Ордынскихъ
царей ²⁾.

Не менѣе благотворнымъ было посредничество Новгородскаго вла-
дыки въ сношеніяхъ съ иностранцами, которые хотя и жили въ Вели-
комъ Новгородѣ, но составляли тамъ какъ бы государство въ госу-
дарствѣ. Мы разумѣемъ именно ганзейскихъ купцовъ. Въ бурное
время среднихъ вѣковъ положеніе иностранцевъ на чужбинѣ было правде
незавиднымъ и не обходилось безъ самыхъ вопиющихъ нарушеній
права гостеприимства. Новгородъ не составлялъ въ этомъ отношеніи
никогого исключенія и въ обращеніи своемъ съ иностраннымъ купече-
ствомъ далеко не всегда удерживался отъ несправедливостей. Поэтому,
если мы знаемъ, что Нѣмцы питали особенное расположеніе къ Нов-
городскимъ епископамъ и величали, напримѣръ, владыку Евѣмія I
„добрымъ покровителемъ и защитникомъ нѣмецкаго купечества“, то
источники этого расположенія мы должны искать не въ чемъ иномъ,
какъ въ томъ вниманіи, которое Новгородскій владыка удѣлялъ спра-

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 1148 г.: „ходи архіеп. Неоонтъ Суздалю, мира дѣла,
къ Гюргивѣ, и пріятъ ѿ съ любовью Гюрги... и Новотържцѣвъ всѣ выправи и
гость весь цѣль... по мира не дасть“. Тамъ же, IV, 242, 1471 г.: „а еще сверхъ
того на нихъ 17 тысящъ рублевъ копейного прикончалъ, ино владычня ради
челобитья тысячу отдалъ, а 16 тысящъ то вся Новгородцемъ отправить къ сво-
ему государю“... Ср. А. А. Э., I, 65, № 90, 1471 г.

²⁾ Пим. Стар. Русск. Лит., IV, 32.

ведливымъ требованіямъ нѣмецкихъ гостей ¹⁾. Дѣйствительно, Новгородскій владика имѣлъ много путей быть полезнымъ для иноземнаго купечества. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ собитѣ, который собирался въ его комнатахъ по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ, касавшимся купечества, и, конечно, пользовался въ немъ своимъ вліяніемъ не въ ущербъ послѣднему ²⁾. Затѣмъ, въ качествѣ представителя Новгорода предъ иноземцами, онъ доставлялъ нѣмецкимъ гостямъ, встрѣтившимъ какое-либо затрудненіе или несправедливость на его родинѣ, скорѣйшій доступъ къ новгородскимъ властямъ посредствомъ своихъ приставовъ. Такъ, когда въ 1375 г. имущество одного нѣмецкаго гостя было захвачено при содѣйствіи правительственныхъ (посадника и тысячскаго) приставовъ Новгородцемъ Максимомъ Авакумовымъ, и самъ купецъ былъ брошенъ въ ладью и подвергся тамъ побоямъ, какъ злодѣй, то нѣмецкое купечество тотчасъ же обратилось къ владыкѣ съ жалобой на дурное обращеніе, и владика, принявъ въ немъ участіе, далъ ему своего пристава къ посаднику и тѣмъ побудилъ послѣдняго къ наряженію немедленнаго разбора дѣла ³⁾. Подобнымъ образомъ, когда въ 1412 (?) году нѣмецкій гость былъ схваченъ однимъ Новгородцемъ и посаженъ въ погребу, то товарищи хлопотали о немъ не только у тысячскаго, но и у владыки, и этимъ путемъ добились того, что задержанный былъ отданъ на поруки ⁴⁾. Наконецъ, Новгородскій владика съ его подчиненнымъ духовенствомъ служилъ обыкновенно довѣреннымъ лицомъ иноземнаго купечества въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднему во время

¹⁾ *Baltische Monatschrift*, XX, 138. Письмо Дерпта къ Ревелю отъ января 1430 г. о незадолго предъ тѣмъ умершемъ Новгородскомъ епископѣ говорить: «de een god vorheger unde beschotmer des Dudschen soermannes is gewesen».

²⁾ *Bunge*, *Urkundenbuch*, IV, 531, 1406.

³⁾ *Bunge*, U.—B., III, 298, 1375 г. «Des quam Maxime Obakenen cumraun mit II prestaven, de hadde em geven de hertoge und de borch greve, und nam Iohannes Bruñswikes gud und siner geselschap mit gewelde und mit macht, und vorden ene ane sinen dank in de lodien und slogen ene und stoten ene als enen misdeder... Do dat geschen was des morgens vro, do genge wi also vort vor den biseop van Nowerden, dem klagede wi, wo ovele men uns hondelte ynd deme was is let, und gaf nns sinen prestaven vort mede an den borchgreten. De antworde uns also: he wolde beboden de heren und se wolden sik bespreken».

⁴⁾ *Bunge*, U.—B., IV, 814, 1412 (?) г.: «Dit vorvoiget wi, also wi beste konden, erst vor deme hertoge. darna vor deme bischepe, vor deme borchgreve and vor alle Novgarden... См. еще *Гильдебранда Отчеты о розысканіяхъ въ римскихъ и ревельскихъ архивахъ*, С.-Пб. 1877, стр. 35, № 58, 1425 г.

недоразумѣній приходилось оставлять съестіемъ Великій Новгородъ. Нѣмецкіе гости имѣли въ Новгородѣ известную осѣдлость, которую нельзя было перевозить каждый разъ туда и обратно. Ничего поэтому не оставалось, какъ поручить попеченіе о ней тому лицу, которое пользовалось въ Новгородѣ большимъ авторитетомъ, и въ которомъ нельзя было предполагать никакихъ корыстныхъ склонностей. Оно такъ на самомъ дѣлѣ и случилось, и нѣмецкіе гости при каждомъ оставленіи Новгорода вручали обыкновенно одни изъ заветанныхъ ключей отъ варяжской церкви, служившей вмѣстѣ съ тѣмъ и складочнымъ мѣстомъ иноземнаго имущества, въ руки владыки, который и сохранялъ ихъ до перваго востребованія ¹⁾. Бывали впрочемъ случаи, что владыка отказывался принять на сохраненіе предлагаемые ему ключи; но кажется, это имѣло мѣсто только во времена крайняго раздора между Нѣмцами и Великимъ Новгородомъ ²⁾.

Наравнѣ съ внѣшнею, владыка имѣлъ значеніе исполнительнаго органа и во внутренней жизни Великаго Новгорода. Въ особенности это должно быть связано о торговой дѣятельности послѣдняго. Какъ извѣстно, въ Византіи уже со времени Юстиніана и даже еще раньше обнаруживается вмѣшательство епископовъ въ управленіе городскимъ имуществомъ и въ городскую администрацію ³⁾. Такъ, между прочимъ епископы приобрѣли себѣ тамъ право участія при выборѣ смотрителей за лѣсами, равно какъ и право самаго надзора за сохраненіемъ орудій мѣры, которыя положено было содержать въ церквахъ ⁴⁾. Обычай византійской жизни не прошли безслѣдно и для древней Руси, и здѣсь подъ ихъ вліяніемъ епископы получили въ свое вѣдѣніе отдѣльную отрасль торговой жизни, обнимавшую наблюденіе за

¹⁾ Hans. Urb., 269, 1354 г.: «wan men untvaret, so scal men de slotete besegelen und don den enen deme bishope von Nougarden, den anderen deme abate van sunte Iuriane». *Vingbe*, B.—U., IV, 604—605, 1408 (?) г.: «des is he wedder van dar (изъ Новгорода) gekomen und secht, wo dat de bishop nicht to hus en is... und dat he de Russchen bref, den wi em mede deden, an den bishop sprekende, antwarde (вручилъ) dem borchgreven und hertogen, und leet enen jungen man in sine stede deme borchgreve und hertoge seden, dat se em helpen wolden tom bishope, wanner he to hus queme, dat em de slotel tor kerken antwardet scholde warden umme dat bilde ut to nemende, und dem bishope de slotete weder to adtwarde».

²⁾ *Гилдебрандъ*, Отчеты о разысканіяхъ въ римскомъ и ревальскомъ архивахъ, С.-Пб. 1877, стр. 47, № 207, 1443 г.

³⁾ *Gieseler*, Lehrbuch der Kirchengeschichte. 1845, B. I, 2-te Abth., 1394.

⁴⁾ *Неволинъ*, Пол. Собр. Сов., VI, 256.

орудіяи вѣса и мѣры и судъ по поводу возникавшихъ отсюда дѣлъ. Такъ Новгородскій владыка долженъ былъ ежедневно осматривать равныя орудія мѣры, и если замѣчалъ въ нихъ какую-либо порчу, то подвергалъ надсмотрщиковъ денежному штрафу. Доходы, получавшіеся этимъ путемъ, распределялись на три части: одна изъ нихъ шла въ казну св. Софїи, то-есть, владыкѣ, другая въ храмъ св. Іоанна Предтечи, въ прѣтворѣ котораго сохранялись орудія мѣры, третья же сохранимъ, такъ какъ въ контролирующей дѣятельности владыки соотсіе были его непосредственными помощниками ¹⁾.

Кромѣ торговой жизни, дѣятельность владыки замѣчается и въ судебной сферѣ. Мы говорили уже раньше, что церковь стремилась распространить свой судъ и на нѣкоторые области жизни гражданской, и именно на дѣла семейныя. На сколько удалось ей осуществить эти стремленія на практикѣ, рѣшить довольно трудно. Несомнѣнно однако то, что независимо отъ семейныхъ дѣлъ, на которыхъ церковь изъясляла свои притязанія, какъ на область, исключительно ей принадлежащую, Новгородскій владыка имѣлъ, по примѣру Византіи, свою долю участія и въ общей судебной жизни Великаго Новгорода. Мы разумѣемъ именно посредническій судъ владыки. Какъ на одно изъ проявленій подобнаго суда, нужно смотръть на разборъ владыкой Алексѣемъ во второй половинѣ XIV столѣтія тяжбаго дѣла Новгородца Астафія съ посадникомъ Александромъ, возникшаго, во всему вѣроятію, изъ того, что послѣдній предъявлялъ на Астафія претензію въ нѣкоторой суммѣ денегъ, данной тому собственно въ качествѣ платы за землю ²⁾. На этотъ же посредническій судъ владыки указываетъ, кажется, и то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ грамотахъ Новгородцевъ между собой завладѣ, опредѣленный на случай неустойки, назначался

¹⁾ Повесть о началѣ Печерск. мон., стр. 102: «И азъ всмотрѣхъ въ Фотїа патрїарха Переградскаго грамоты... Аже стоитъ въ грамотѣ: торговая вся вѣсы, мѣры, и скалцы воцаны и пудъ медовый, и гривеники рублевал, и всякая извѣсть иде на торгу промежъ людьми, отъ Бога тако установлено есть: епископу блюсти безъ павости, ни умаливати, ни умноживати, а на всакїй годъ завѣщивати; а скривитсѣ, а кому приказано, и того казнити, близко смерти, а животь его на трое: треть живота св. Софїи, а другая треть св. Іоанну, а третья треть социмъ и Новугороду».

²⁾ А. Юр., стр. 430, XIV в.: «И была отду моему (говоритъ Астафїей въ завѣщанїи) говорка съ Александромъ предъ владыкою Олексѣемъ о томъ сребрѣи и отмоглася Александра отецъ мой».

отчасти и въ пользу Новгородскаго епископа ¹⁾. Владыки даже, кажется, не довольствовались опредѣленною въ ихъ пользу частью, а хотѣли брать себѣ весь закладъ. Но крайней мѣрѣ мы знаемъ, что къ концу новгородскаго существованія Новгородъ, съ успѣхомъ своей власти, великіе князья стали требовать, чтобы заклады рязнскихъ грамотъ дѣлились по ровну между ними и Новгородскими епископами ²⁾. Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ прибавить, что въ случаяхъ чрезвычайнаго княжескаго суда, примѣръ котораго являютъ намъ послѣдніе дни Великаго Новгорода, владыка сталъ на поруку людей, обвиненныхъ въ важныхъ преступленіяхъ и потому подлежащихъ тяжелой отвѣтственности ³⁾.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду только одно нравственное воздѣйствіе церкви на общую жизнь Великаго Новгорода; но не менѣе важно было и ея матеріальное вліяніе. Мы видѣли уже, что первоначальнымъ источникомъ содержанія церкви служила десятина изъ княжескихъ доходовъ, которая съ теченіемъ времени была отчасти замѣнена въ Новгородѣ опредѣленною ежегодною денежною суммою. Но десятина, дававшаяся князьями не иначе, какъ опредѣленнымъ церквамъ, обыкновенно епископскимъ, могла поэтому самому служить источникомъ содержанія церкви только въ самую первую пору церковной жизни, когда церковей было еще очень мало; когда же, съ распространеніемъ христіанства, число ихъ значительно увеличивалось, явилась потребность въ другихъ источникахъ содержанія. Подобнымъ образомъ и пошлины, взимаемыя церковью за производство суда и совершеніе другихъ церковныхъ дѣяній, не могли служить общимъ источникомъ для содержанія церкви, такъ какъ онѣ поступали исключительно въ пользу духовныхъ властей, но никакъ не въ руки монастырей и низшаго духовенства. Такимъ образомъ, обезпеченіе дальнѣйшаго существованія церкви необ-

¹⁾ А. Юр., стр. 270: «А кто сія (рядъ по мѣрѣ) порушить, дастъ князю и владыцѣ десять гривенъ золота». Тамъ же, стр. 270: «а кто сія рядъ порушить, дастъ судіѣ три тысячи бѣлъ».

²⁾ А. А. Ф., I, 43, № 58, 1456: «А что закладъ въ рязнскихъ грамотахъ, а то велѣхомъ имати княземъ великимъ съ владыкою на виноватомъ отъ сего докончанія».

³⁾ П. С. Р. Л., VI, 203, 1476 г.: «а товарищевъ ихъ (главныхъ виновниковъ) всѣхъ велѣлъ князь великии своимъ приставомъ подавати на поруки на крѣпки, въ полуторѣ тысячѣ рублевъ въ истцевыхъ да въ своей винѣ безъ урока; и велѣлъ ихъ за себя архїепископъ».

ходимо требовало присоединенія еще какого-либо новаго источника церковныхъ доходовъ. Нетрудно догадаться, откуда могла выдѣствоваться новая источникъ церковнаго содержанія. Въ эпоху натуральнаго хозяйства — а такое эпохой и является рассматриваемое время — единственнымъ источникомъ всякаго богатства является земля. Землю платится даже въ это время правительственнымъ лицамъ за отправление службъ. Понятно поэтому, что земля же должна была стать и подспорьемъ въ содержаніи церкви. Въ дѣйствительности случилось даже нечто гораздо большее. Поземельные владѣнія, жертвуемыя частію правительствомъ для увеличенія церковныхъ доходовъ, частію простыми гражданами для поминъ души, равно какъ и приобретаемыя самою церковью при помощи купли, вскорѣ достигли у новгородскаго духовенства такого развитія, что далеко оставили за собою всѣ остальные источники содержанія церкви ¹⁾. Въ особенно большомъ количествѣ земли скопилось въ рукахъ Новгородской владычной каѳедры. Извѣстныя подъ названіемъ владычины, земли эти встрѣчались во всѣхъ краяхъ Новгородской области — и во Псковѣ, и въ Торжкѣ, и въ Заволочьѣ; между ними были какъ простыя села, такъ и дѣльныя волости; и даже маленькіе городки ²⁾. Объ общемъ количествѣ ихъ мы легко составимъ себѣ приблизительное понятіе, если только вспомнимъ, что у Новгородскаго владыки были отписаны Іваномъ III въ 1478 году десять волостей, составляющихъ 311 сохъ, и такъ какъ нодѣ сохой разумѣлся человекъ, папущій на трехъ копахъ или самъ третьей, то предполагается земледѣльческое населеніе не менѣе какъ въ тысячу человекъ. А между тѣмъ, эти десять волостей не составляли даже и маловныя земель Новгородскаго владыки ³⁾.

Присоединеніе новаго источника церковныхъ доходовъ уже само по себѣ дѣлало Новгородскаго владыку однимъ изъ самыхъ могуще-

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 61, 1352. А. И., I, 16, № 7, 1396—97 г.: «А что погосты и села и земли и воды и пощанцы, что потягло къ церкви Божьей, или купле, или кто далъ по души памяти дѣля, а въ то ни единъ христіанинъ не въступается. Тамъ же, I, 131, № 82, 1467 г.: «слышахъ, что которые люди православнн, отходя сего свѣта... писали свои грамоты духовнымъ, а подавали свои села и свои имѣнія... св. Соѳіи Божіи мудрости и по всѣмъ св. церквамъ и по монастыремъ». Тамъ же, I, 126, № 77, 1463.

²⁾ С. Г. Г. и Д., I, 4, № 3, 1270 г.: «А село св. Соѳіи исправи изъ св. Соѳіи». П. С. Р. Л., III, 99, 1398 г.: «повхавъ, господо, князь великого боярннъ... на св. Соѳіи волость на Вель»... Тамъ же, III, 101, 1401 г.: «горѣ владычнн городокъ Мольватици».

³⁾ П. С. Р. Л., VI, 216, 1478 г.

ственныхъ поземельныхъ собственниковъ Великаго Новгорода. Но это могущество еще увеличивалось приобретениемъ тѣхъ правъ и привилегій, которыя вообще были свойственны землевладѣльцамъ Великаго Новгорода. Общее правило, опредѣлявшее въ Новгородѣ отношеніе землевладѣльцевъ къ крестьянамъ, влечло, что въ отсутствіи господара или владѣльца земли княжескіе судьи не могли судить въ области подчиненныхъ первымъ людей, старостъ, половниковъ и холоповъ: судъ надъ ними долженъ былъ переноситься въ подобныхъ случаяхъ въ самый Новгородъ. Нѣтъ никакого основанія думать, чтобы это правило не распространилось на важнѣйшаго господара, на Новгородскаго владыку ¹⁾. Землевладѣльцы далѣе нерѣдко получали освобожденіе отъ всякаго вмѣшательства правительства въ судъ надъ ихъ крестьянами. Церковь не только раздѣляла съ другими землевладѣльцами эту привилегію, но гораздо лучше ихъ умѣла выпрашивать у правительства подобныя льготы, вслѣдствіе чего члены духовенства въ большей части случаевъ пользовались и привилегіей собственнаго суда надъ ихъ крестьянами со всеми связанными съ нимъ доходами. Новгородскій владыка самъ не составлялъ въ этомъ отношеніи никакого исключенія ²⁾. Къ чести Новгородскихъ епископовъ должно быть однако сказано, что приобретенное ими могущество не только не пропадало безслѣдно для Великаго Новгорода, но и служило для него существенною опорой. Великому Новгороду недоставало военныхъ силъ, и этотъ недостатокъ чувствовался тѣмъ осязательнѣе, чѣмъ болѣе съ движеніемъ исторической жизни впередъ въ Новгородцахъ падала старинная личная удаля. Церковь и тутъ не оставляла его безъ выручки. Конечно, Новгородскій владыка никогда не превращался, какъ это нерѣдко замѣчается на западѣ, въ надменнаго феодала, у котораго въ одной рукѣ былъ посохъ, а въ другой мечъ; но тѣмъ не менѣе онъ выставлялъ отъ себя особенный полкъ, называвшійся владычнымъ стягомъ и руководившійся въ своихъ дѣйствіяхъ инструкціями, данными владыкой. Значеніе этой помощи будетъ намъ совершенно яснымъ, если только мы вспомнимъ, что уклоненію владычнаго стяга отъ борьбы съ великимъ кня-

¹⁾ С. Г. Г. и Д., I, 7, № 6, 1305 г.: «а старостъ, ни холопа, ни рабы: безъ господара, твоимъ судиямъ не судити». Тамъ же, I, 14, № 10, 1307 г.: «А холопа и половника не судити твоимъ судиямъ безъ господара, судити князю въ Новгородѣ»...

²⁾ А. Зап. Р., I, 88, № 71, по 1479 г.

земь Московскимъ Новгородци принимавали свое поражение на Шелони въ 1471 году ¹⁾).

Но Великій Новгородъ чувствовалъ недостатокъ не только въ военныхъ силахъ, но еще гораздо болѣе въ матеріальныхъ средствахъ. И въ этомъ затрудненіи его выручала омыть-таки не кто иной, какъ Новгородскій владѣица, располагавшій богатой казною, которая хранилась на полетахъ св. Софій и потому известна подъ названіемъ Софійской. Правда, нѣкоторые ученые, какъ напримѣръ г. Прилежаевъ, объясняютъ поддержку, которую оказывала Новгороду Софійская казна, тѣмъ, что якобы послѣдняя собственно была не болѣе, какъ только казна самаго Великаго Новгорода, что главнымъ источникомъ ея богатства служили избытки городской экономіи, которые Новгородъ препровождалъ въ руки владѣицы на сохраненіе. Г. Прилежаевъ утверждаетъ даже, что суммы, накопившіяся отъ такихъ вкладовъ и получавшія названія отъ имени тѣхъ владѣицъ, при которыхъ онѣ образовались, какъ напримѣръ, „владычье Моисеево скопленіе“, „скопленіе владычье Алексѣево“, поступали въ полное безотчетное распоряженіе владѣицы наравнѣ съ тѣми доходами, которые шли въ Софійскую казну изъ собственныхъ церковныхъ источниковъ ²⁾. Въ запискѣ контроля надъ владѣицей въ его распоряженіяхъ городскими суммами, Великій Новгородъ оставилъ за собою, по мнѣнію почтеннаго изслѣдователя, только право обращаться къ Софійской казнѣ за пособіемъ въ случай нужды ³⁾. Такое представленіе дѣла кажется намъ однако не только не согласнымъ съ характеромъ новгородскаго быта, но и совершенно лишенымъ всякой фактической подкладки. Нечего ужѣ говорить о томъ, что мы не знаемъ ничего объ избыткахъ городской экономіи, а тѣмъ болѣе о вкладахъ со стороны Новгорода къ Софійскую казну. Мы не имѣемъ даже никакихъ оснований предполагать существованіе послѣднихъ. Лѣтописныя свидѣтельства, приводимыя г. Прилежаевымъ въ пользу своего мнѣнія, указываютъ на совершенно противное. Выраженіе: владычье

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 127—128, 1471 г.: «А коневая рать не пошла къ нѣшей рати на ерокъ въ пособіе, занеже владычье стягъ не хотяху ударитися на княжую рать, глаголюще: «владыка намъ не вельгъ на великого князя руки подыти, посладе насъ владыка на Псковичъ».

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 64, 1861 г.: «А въ Новгородѣ повонина городъ каменныи, вземше сребро въ св. Софьи, владычиа Моисеева скопленіа». Владычную касседу занималъ тогда уже преемникъ Моисея, Алексѣй.

³⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. за июль 1875 г., стр. 106—107.

Моисеево скопленіе, скопленіа владычне Алексѣево, именовываютъ ясно, что тутъ идетъ рѣчь о владычныхъ капиталахъ, а отнюдь не о новгородскихъ; въ противномъ случаѣ слѣдовало бы ожидать выраженія: скопленіе Великаго Новгорода. Къ тому же заключенію приводятъ и нѣкоторые другія данныя. Еслибы капиталы Софійской казны были результатомъ сбереженія самаго Великаго Новгорода, то владыка, съ одной стороны, не имѣлъ бы никакого основанія называть „своими“ суммы, даваемые въ пособіе великому городу, какъ это прямо отмѣчается лѣтоисчислю въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ни употреблять ихъ, съ другой стороны, на тѣмъ дѣлѣ, которыя не имѣли съ Новгородомъ рѣшительно ничего общаго, какъ на примѣръ, на возведеніе костровъ или башенъ въ Псковѣ. А между тѣмъ подобныя траты со стороны владыки были не совсѣмъ безпримѣрны въ новгородской исторіи ¹⁾.

Какъ бы то однако ни было, несомнѣнно одно, что, при богатствѣ Софійской казны, Великій Новгородъ считалъ себя въ правѣ смотрѣть на нее какъ на казну общественную, и прибѣгалъ къ матеріальной помощи владыки при каждомъ затруднительномъ случаѣ. А эти затруднительныя случаи наступали почти всегда, когда Новгородцамъ приходилось платить большую военную контрибуцію или же производить какую-либо общественную постройку. Намъ известны два примѣра участія владыки въ уплатѣ контрибуціи, наложенной съѣздами на Великій Новгородъ. Первый изъ нихъ относится къ 1386 году, когда изъ восьми тысячъ рублей контрибуціи владыкой были уплачены изъ своей казны три; а второй къ 1428 году, когда къ десяти тысячамъ, даннымъ Порховомъ и самимъ Новгородомъ, владыко прибавилъ еще отъ себя тысячу для выкупа плѣнныхъ ²⁾. Что же касается до произведенія общественныхъ построекъ, то содѣйствіе владыки было тутъ весьма разнообразнымъ и крайне характернымъ для новгородскаго быта. Прежде всего у Великаго Новгорода почти со-

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 195, 1400 г.: «Пріѣхалъ владыко Иванъ въ Псковъ и повелѣ Захарыи послати наняти наймитовъ ставити костеръ подъ Псковомъ, а владыко свое серебро далъ».

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 94, 1386 г.: «Новгородцы взяли съ полатей у св. Софьи 3000 рублевъ, и послаша князю въ Ямъ»; Тамъ же, III, 140, 1428 г.: «и тогда пріѣзда владыка Еуемій къ Порхову съ послами Новгородскими и докончаша Витовту другую 5000 серебра, а шестую тысячу на полати». Тамъ же, V, 263, 1428 г.: «а шестую тысячу рублевъ владыка свою далъ за немолъ». Ср. П. С. Р. Л., III, 238, 1428 г.

всѣмъ на быдо собственныя зданія для своихъ общественныхъ учреждений. Послѣдніе кончилились поэтому обыкновенно или при переездахъ, какъ это замѣчается на торговой укрѣпѣ, или же на владычьемъ дворѣ. Такъ известно, что въ комнатахъ владыки происходили какъ новгородской суды, такъ и совѣщаніе вправительственныхъ лицъ¹⁾. Новгородъ, вѣдь, не обладалъ совсемъ техническими средствами на тотъ случай, когда потребности его не могли быть удовлетворены церковью непосредственно, и когда, слѣдовательно, ему приходилось производить общественныя сооруженія самому. Напротивъ, Новгородскій владыка, какъ глава церкви, обязанъ былъ заботиться о постройкѣ храмовъ и въ особенности о приданіи блараженія св. Софій, содержать для этой цѣли свои особенныя дружины мастеровъ и даже вызывалъ ихъ изъ друиныхъ краевъ древней Руси, а иногда еще и изъ пѣмечныхъ городовъ²⁾. Неудивительно поэтому, что владыка былъ въ Новгородѣ чуть ли не постояннымъ распорядителемъ и даже руководителемъ общественныхъ работъ. Въ большей части случаевъ участіе владыки въ постройкахъ ограничивалось однимъ руководствомъ надъ работами и обуславливалось предварительнымъ приглашеніемъ со стороны Новгородцевъ. Такъ, въ 1352 году владыка по просьбѣ Великаго Новгорода ѣздилъ въ Орѣховъ нарядить каменные костры, а въ 1400 г. положилъ основаніе въ Новгородѣ новой каменной крѣпости³⁾. Не менѣе, особенно когда гѣ дѣлу принимались благодетельныя побужденія, владыка производилъ общественныя сооруженія и по собственному плану, своими людьми и на свои средства. Такъ, одними собственными силами владыки были построены въ 1290 году скудальница для погребенія мертвыхъ во время свирѣпствовавшего тогда мора, а въ 1338 г.—новый Волховскій мостъ⁴⁾. На-

¹⁾ А. А. Э., I, 62, № 87, 1470—1471 г.: «А намѣстнику твоему судити съ посадникомъ во владычнѣ дворѣ, на пошломъ мѣстѣ». Ср. тамъ же, I, 71, № 92, 1471; *Vunge*, U.—B., IV, 531, 1406 г.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 111, 1439 г.: «постави... владыко Еуемен полату въ дворѣ у себе; а дверей у ней 30; а мастерамъ давали ламецкии, изъ заморіа, съ новгородскими мастерами». Ср. тамъ же, III, 81, 1342 г.

³⁾ П. С. Р. Л., III, 85, 1352 г.: «Добиша челоуъ Новгороды владыцѣ Василію: «якобы еси, господине, ѣхалъ, нарядилъ костры во Орѣховѣ».—и оуѣ ѣхавъ нарядилъ». Тамъ же, II, 101, 1400 г.: «Заложъ владыка Іоанъ городъ дѣтинець камень отъ св. Бориса и Глѣба».

⁴⁾ П. С. Р. Л., III, 46, 1290 г. Тамъ же, III, 78, 1338 г.: «дѣлаша мостъ новъ.... поведѣніемъ владыки Василія; самъ бо владыка присталъ тому и почалъ п кончалъ своими людьми, и много добра сотвори христіаномъ».

конецъ, даже въ тѣхъ обстоятельствахъ, когда Великій Новгородъ не нуждался въ техническихъ средствахъ владыки, отъ все-таки не могъ обходиться по крайней мѣрѣ безъ денежнаго пособія со стороны св. Софій. И софійская казна охотно сужала его послѣдними. Такъ извѣстно, что въ 1361 году средства на постройку новаго каменнаго города были даны св. Софией, а въ 1391 году софійская казна ссудила Новгородъ цѣлыми пятью тысячами рублей, которая и были распределены затѣмъ по городскимъ концамъ съ цѣлю сооруженія въ нихъ каменныхъ костровъ или башенъ ¹⁾.

Положеніе, занятое церковью въ общей жизни Великаго Новгорода, не осталось безъ вліянія какъ на ея отношенія къ свѣтской власти, такъ отчасти даже и на ея внутреннее устройство. Церковь была въ Новгородѣ не только хранительницею религіознаго преданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ самыхъ видныхъ общественныхъ дѣятелей. Поэтому было бы болѣе чѣмъ странно ожидать, чтобы пріобрѣтенія, которыя были сдѣланы Новгородомъ въ церковной области въ половинѣ XII столѣтія, и которыя доставили церкви извѣстную степень самостоятельности, достались исключительно въ руки мѣстнаго духовенства, и чтобы мірская власть не захотѣла сама имѣть въ церковныхъ дѣлахъ свою долю вліянія. Въ дѣйствительности случилось даже нѣчто большее. Міръ успѣлъ не только пріобрѣсти вліяніе на дѣла церкви, но даже въ извѣстной степени и подчинить послѣднюю своей власти, присвоивъ себѣ право избранія главы мѣстной церкви, принадлежавшее прежде Киевскому митрополиту. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ участія въ пользованіи этимъ правомъ ни мало не устранились и представители мѣстнаго Новгородскаго духовенства, Софійне или члены Софійскаго собора, игумены и рядовое священство; но во всякомъ случаѣ они выражали собою только одну изъ вліятельныхъ силъ, и притомъ далеко не самую рѣшительную ²⁾. Рѣшающій голосъ при избраніи Новгородскихъ владыкъ принадлежалъ не кому иному, какъ органу народной воли, вѣчу, въ составъ котораго, кромѣ духовенства, входили и всѣ остальные граждане Великаго Новгорода, начиная съ

¹⁾ П. Р. С. IV, 64, 1361; тамъ же, IV, 98, 1391 г.: «А Новгородци взяли серебра 5000 у св. Софьи, съ полатей, скопленія владыки Алексея, и раздѣлаша на пять концевъ, по 1000 на конецъ, и изоставиша костры каменны, по обѣмъ сторонамъ острога у всякой улицы». Ср. тамъ же, 233, 1391.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 21, 1193 г.: «Новгородци же съ княземъ Ярославомъ и съ игумены, съ Софьяны, и съ попы, съдумавъше, изволиша Богомъ избрана Мартурія». См. тамъ же, III, 19, 1186.

князя и знатнѣйшихъ Новгородцевъ и кончалъ черными людьми ¹⁾. И какъ представитель міра, народа, вѣче, подобно религіознымъ общинамъ первыхъ вѣковъ христіанства, дѣйствовало въ этой роли естественно совершенно свободно, ни мало не стѣсняясь соображеніями монашескаго или іерархическаго характера. Оно останавливало свой выборъ одинаково на лицахъ какъ чернаго, такъ и бѣлаго духовенства, и только впоследствии мало по малу утвердился обычай, по которому избранный вѣча, если только онъ оказывался лицомъ, принадлежавшимъ къ бѣлому духовенству, долженъ былъ по крайней мѣрѣ послѣ выбора принять монашеское званіе ²⁾. Еще менѣе вѣче стѣснялось іерархическими соображеніями. Во владыки, конечно, нерѣдко избирались игумены, іеромонахи, священники, но точно также нерѣдко и простые чернецы, не имѣвшіе никакой степени священства: все дѣло зависѣло тутъ отъ народнаго желанія ³⁾. Единственное ограниченіе, которое, кажется, имѣло мѣсто при выборѣ главы Новгородской церкви, состояло въ томъ, что избираемое лицо должно было принадлежать къ духовному званію. По крайней мѣрѣ намъ неизвѣстно ни одного примѣра, чтобы владычня сана былъ удостоенъ кто-либо изъ мирянъ.

Не смотря на отсутствіе всякихъ постороннихъ стѣсненій, выборъ владыки въ Новгородѣ, благодаря соперничеству вѣчевыхъ партій, былъ все-таки дѣломъ весьма труднымъ. Поэтому для облегченія его, Новгородцы уже заранѣе прибѣгали обыкновенно къ содѣйствію стараго владыки и просили его „благословить“ кого-либо на свое мѣсто или указать на одно или нѣсколькихъ лицъ, которыя могли бы служить ему преемниками. Указаніе это однако должно быть считаемо не за особенную форму избранія владыки, какъ думаютъ нѣкоторые ученые, а только за рекомендацію кандидатовъ, ничуть не устранявшую собственной дѣятельности вѣча. Имѣла ли мѣсто эта рекомендація, или нѣтъ, выборъ въ концѣ концовъ все-таки составлялъ дѣло

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 67, 1299 г.: «и съ званаше вѣче у св. Соелы, князь Георгій Андреевичъ, со всеми Новгородцы, въведоша его (Феохтиста игумена) съ поклономъ и посадиша ѱ въ владыкъ на дворѣ».

²⁾ П. С. Р. Л., III, 75, 1330 г.: «възлюбиха весь Новгородъ... Григорія Благыу іереа бывша св. безсеребряникъ Козмы и Даміана на Холпін улицы и повелѣша ему пріяти св. ангельскій образъ».

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 63, 1359 г.: «Новгородцы въведоша на сѣни Алексѣя чернца томъ же звыма владыка поставленъ бысть дьякономъ и потомъ въ Теери».

самого вѣча ¹⁾). При этомъ, если вѣчу удавалось прійти къ единогласному рѣшенію, избраніе считалось совершившимся, новозбранный владыка тотчасъ же или черезъ нѣкоторое время былъ торжественно возводимъ вѣчемъ во владычній дворъ ²⁾). Но коль скоро вѣче раздѣлялось въ своихъ жезліяхъ, то обыкновенный порядокъ вѣчевыхъ рѣшеній не представлялъ никакихъ средствъ къ дальнѣйшему движенію дѣла: нельзя же было каждой партіи проводить въ представители церкви собственного кандидата съ оружіемъ въ рукахъ. Въ подобныхъ случаяхъ ходъ избранія владыки былъ подчиненъ особенному порядку, любопытному для характеристики новгородскаго быта. Какъ оно ни казалось бы естественнымъ, однако Новгородцы и тутъ не дали мѣста рѣшенію большинства голосовъ; въ замѣтъ его былъ введенъ жеребій, на исходъ котораго Новгородцы смотрѣли, какъ на проявленіе воли Божіей: поэтому всѣ владыки, достигшіе своего званія этимъ путемъ, считались избранными не людьми, а Богомъ и св. Софіей ³⁾). Самый процессъ жеребьеванія происходилъ уже не на Ярославль дворъ, гдѣ обыкновенно было заявлено о необходимости избранія новаго владыки, а на вѣчѣ у св. Софійи и совершался слѣдующимъ образомъ ⁴⁾): Имена трехъ кандидатовъ, опредѣлявшихся уже заранѣе, писались на особенныхъ жребіяхъ, которые, по приложеніи къ нимъ посадникомъ его должностной печати, и поимѣщались затѣмъ на престолѣ св. Софійи ⁵⁾). Къ выниманію жеребь-

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 63, 1274 г.: «посадникъ Павла съ мужи старайшими биша челомъ Далмату: кого, отче, благословишь на свое мѣсто пастуха намъ и учителя? Далмать же нарече два игумена.. коего себѣ излюбите, того вамъ благословлю. Иде посадникъ на Иоанъ дворъ и съ зва Новгородци и сказа имъ слово Далматово; и възлюбиха вси Богомъ възлюбленнаго Климента»... См. тамъ же, III, 69, 1308.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 19, 1186 г.: «Новгородцы же съ ин. Мьстиславомъ... сѣдумавъше, изволивши себѣ поставити брата его Ильинъ Гаврила». См. также предыдущую ссылку.

³⁾ П. С. Р. Л., III, 86, 1359 г.: «и много гадавшє посадникъ, и тысцскыи а весь Новгородъ, игумены и попове, и не изволивша себѣ отъ человекъ избраніи сѣтворити, но изволивша себѣ отъ Бога пріяти извѣщеніе и уповати на милость его, кого Богъ похощетъ и св. Софья, того знаменаетъ»... См. тамъ же, III, 21, 1193 г., и 45, 1229 г.

⁴⁾ П. С. Р. Л., IV, 235, 1471 г.

⁵⁾ П. С. Р. Л., IV, 95, 1388 г.: «и избравша три игумены, и сѣтворивша три жребья: въ первый написаша игумена св. Спаса съ Хутынъ Ивана... и посадникъ Михайлъ Даниловичъ самъ жребья печаталъ, и положиша на престолѣ въ св. Софьи».

евъ приступали однако не тотчасъ по совершеши этой операціи, а только послѣ отправленія литургіи, въ продолженіе которой Новгородцы стояли вѣчемъ предъ храмомъ св. Софіи ¹⁾). Для снятія жеребьевъ съ престола въ древнѣйшее время обыкновенно выбирались люди, отъ которыхъ всего меньше можно было ожидать какой-либо фальши, а именно слѣпцы, княжескія дѣти. Выбраннымъ же въ первоначальное время считался тотъ, чей жеребій былъ первый вынесенъ къ народу ²⁾). Но въ XIV столѣтіи порядкомъ этотъ подвергся значительнымъ измѣненіямъ. Съ этого времени обязанность снимать жеребьи возлагалась обыкновенно на старшаго священника (протопопа) Софійскаго собора, да и избраннымъ считался уже не тотъ, чей жеребій былъ первымъ вынесенъ къ народу, а тотъ, чей жеребій оставался послѣднимъ на престолѣ ³⁾). Смотра на жеребьеваніе, какъ на проявленіе воли Божіей, Новгородцы естественно должны были съ теченіемъ времени прійти къ убѣжденію, что съ ихъ стороны будетъ гораздо послѣдовательнѣе считать избраннымъ того, на кого какъ указывала бы св. Софія, оставляя его жребій при себѣ, то-есть, на своемъ престолѣ ⁴⁾).

По избраніи и возведеніи во владычныя сѣни, новоизбранный назывался нареченнымъ владыкой и въ вѣрной надеждѣ на посвященіе отъ митрополита въ ближайшемъ будущемъ немедленно же приступалъ къ управленію церковью. Определеннаго срока, въ теченіе котораго владыкѣ непременно нужно было быть посвященнымъ въ свой санъ, не существовало: нѣкоторые епископы оставались въ званіи нареченныхъ владыкъ нѣсколько мѣсяцевъ, другіе же — дѣльне года и даже по нѣсколькx, по три и по шести лѣтъ ⁵⁾). Все дѣло зависѣло

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 95, 1388 г.: «И начаша іереи съборомъ литургію пѣти а Новгородцы стояша вѣчемъ у св. Софьи»...

²⁾ П. С. Р. Л., III, 21, 1193 г.: и послаша съ вѣча слѣпца, да коего намъ Богъ дастъ, и вынеса Божією благодатію Мартурія... Тамъ же, III, 45, 1229 г.: «и послаша изъ гридьвнцѣ владыцѣвъ княжца Ростислава... и вылся Спурдонъ»...

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 95, 1388 г.: «и по отпѣты св. службы, протопопъ Измаило вземъ съ престола изнесе на вѣче жребій Аеонасьевъ, и потомъ Поревневъ, а Иваковъ остался на престолѣ»... Тамъ же, III, 106, 1415; 110, 1421 г.

⁴⁾ П. С. Р. Л., III, 86, 1359 г.: «и избраша себѣ три мужа... и положиша триѣ жребіе на престолѣ въ св. Софьи, утвердивше себѣ слово, его же восхощеть Богъ и св. Софія Премудрость Божіа, своему престолу служебника имѣти, того да оставитъ на престолѣ своемъ».

⁵⁾ П. С. Р. Л., III, 181, 1325, 183, 1424 и 1429 гг.

туть отъ случайныхъ обстоятельствъ, главнымъ образомъ отъ того, была ли замѣщена митрополичья кathedра на Руси, и гдѣ въ данное время находился на лицо глава Русской церкви ¹⁾. Коль скоро только мѣстопробываніе митрополита становилось достовѣрно извѣстнымъ, и митрополичьи поклонники, пріѣхавъ въ Новгородъ, возвѣщали о согласіи его совершить посвященіе, Новгородскій владыка немедленно же отправлялся къ нему въ сопровожденіи особенной свиты, состоявшей изъ духовныхъ лицъ и бояръ и служившей для митрополита гарантіей въ дѣйствительности желанія Новгородцевъ имѣть извѣстное лицо своимъ епископомъ ²⁾. Поставленіе въ епископы естественно должно было сообразоваться съ тѣмъ званіемъ, которое носилъ нареченный владыка. Если народный избранникъ уже раньше имѣлъ степень священства, то митрополитъ, понятно, совершалъ только одинъ обрядъ хиротонисанія; если же нареченный владыка былъ простымъ чернецомъ, то его предварительно посвящали въ діаконы и священники. Временами это посвященіе совершалось совершенно независимо отъ митрополита, въ сосѣднемъ съ Новгородомъ епископскомъ городѣ, а именно въ Твери: такъ, по крайней мѣрѣ былъ посвященъ въ Твери чернецъ Алексѣй въ 1359 году ³⁾. Но обыкновенно и ставленіе въ низшія степени совершалось самимъ митрополитомъ, или по крайней мѣрѣ подъ его руководствомъ, одновременно съ посвященіемъ въ епископскій санъ ⁴⁾. Самый обрядъ хиротонисанія состоялъ изъ двухъ частей—изъ знаменанія или церковнаго нареченія и собственно посвященія, которыя совершались въ различные дни и въ различныхъ церквахъ ⁵⁾. Если хиротонисаніе происходило, какъ

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 67, 1299 г.: «и посадиша ѿ въ владычии дворѣ, донде увѣдають, гдѣ митрополитъ».

²⁾ П. С. Р. Л., III, 75, 1331 г.: «Пріидоша послове отъ митрополита изъ Волинской земли... зовуще Василія къ митрополиту на поставленіе... поиде препод. Василія въ Волинскую землю къ митрополиту на поставленіе, а съ нимъ баше бояре Новгородскіи». Тамъ же, IV, 96, 1388 г.: «пріѣхаша поклоньщани съ Москвы отъ Пумина митрополита позывати на поставленіе владыку»... Тамъ же, III, 25, 1201 г.

³⁾ П. С. Р. Л., III, 87, 1359 г.: «поставлень бысть Алексѣй чернецъ, шестинитъ, въ діаконы и въ помы отъ Тверского епископа Теодора».

⁴⁾ П. С. Р. Л., III, 45—46, 1230 г.

⁵⁾ А. А. Э., I, 471, № 375, 1456 г.: «митрополитъ же возставъ, руку протягъ. Яко же знамянати, глаголетъ всегласно сице: «благодать пресв. Духа... имѣеть ты епископомъ». П. С. Р. Л., VI, 242, 1498 г.: «и знаменалъ митрополитъ внука крестомъ, глаголя: «во имя Отца, и Сына и Св. Духа»; и князь великій поло-

оно временемъ случалось, въ самомъ Новгородѣ, то посвященіе совершалось въ церкви св. Бориса и Глѣба, а посвященіе—въ св. Софій. Если же посвященіе имѣло мѣсто въ Москвѣ, то первое совершалось въ церкви Успенія, а второе—въ храмѣ св. Михаила. Къ концу независимаго существованія Новгородцы однако достигли того, что и въ Москвѣ посвященіе ихъ владыкъ стало отправляться въ главномъ храмѣ, то-есть, въ Успенскомъ соборѣ¹⁾. Большая часть владыкъ оставалась съ тѣми же именами, которыя они носили и до своего посвященія; но нѣкоторымъ митрополитъ еще разъ перемѣнялъ имя, не смотря на то, что нареченные владыки, сообразно съ утверждавшимся въ Новгородской церкви обычаемъ, предъ посвященіемъ принимали монашество, и слѣдовательно, уже раньше носили не мірское, а монашеское имя. Такъ чернецъ Сампсонъ былъ посвященъ митрополитомъ въ епископы въ 1416 году подъ именемъ Евимія²⁾.

Сравнительно съ другими властями Великаго Новгорода, положеніе Новгородскихъ владыкъ въ силу святости самаго ихъ сана было гораздо болѣе устойчивымъ; но и его келья назвать однако совершенно изъятымъ отъ всѣхъ превратностей судьбы. Перемѣны, слѣдовавшія непрерывно одна за другою въ гражданской жизни Новгорода, не могли не отражаться и на положеніи владыки, такъ какъ вслѣдствіе этихъ перемѣнъ владыка легко становился въ противорѣчіе съ господствовавшей партией. Въ особенности шатко было положеніе такъ называемыхъ нареченныхъ владыкъ. Благодаря измѣненію въ расположеніи народа, иному нареченному владыкѣ не удавалось дожидаться и посвященія отъ митрополита: вмѣсто предполагаемаго посвященія онъ подвергался неожиданно изгнанію изъ владычнаго двора и удаленію въ монастырь, изъ котораго былъ призванъ.

и въ шапку на вѣжа, и митрополитъ благословилъ вѣжа». Тамъ же, III, 165, 1571.

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 67, 1300 г.: «Пріѣхъ Максимъ митрополитъ въ Новгородъ и Ростовскимъ еп. Семенъ и Теерскій еп. Андрей и поставиша архіепископа Новгороду Θεоктиста; знаменаша его въ церкви св. Бориса и Глѣба мѣсяца іюня 28, того же мѣсяца и поставиша его въ св. Софій». Тамъ же, V, 243, 1388 г.: «поставленъ бысть Иванъ архіепископомъ Новгороду, въ преименитой церкви св. вел. арх. Михаила пресв. митроп. Пуминемъ... и знаменанъ бысть въ церкви св. Вогородици Пуминомъ митрополитомъ съ прочими епископы». Ср. П. С. Р. Л., III, 94, 1388 г., 106, 1416 г.; А. А. Э., I, 99, № 91, 1431 г.: «а ставится нашему владыцѣ въ дому Пречистые и у гроба св. Петра чудотворца въ Москвѣ».

²⁾ П. С. Р. Л., III, 106, 1416; 110, 1424 г.

Такъ, въ 1228 году чуть не съ побѣдами прогнанъ былъ съ владычнаго двора нареченный владыка Арсеній подъ тѣмъ предлогомъ, что будтобы по его волѣ Новгородъ постигла продолжительная оттепель, причинившая народу много вреда. Подобнымъ образомъ былъ удаленъ въ 1421 году Феодосій: въ вину ему было поставлено то, что онъ былъ шестиницъ, то-есть, пришлецъ, а не настоящій Новгородецъ ¹⁾. Однако и посвященіе не совсѣмъ спасало владыкъ отъ переменъ въ расположеніи народа: лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить нерѣдкіе примѣры добровольнаго оставленія владыками своей кathedры. Нѣтъ сомнѣнія, что въ подобныхъ случаяхъ не оставались безъ вліянія и личныя причины, въ родѣ склонности къ монашескому уединенію, немощи или престарѣлости; но одними ими объяснять дѣла нельзя ²⁾. Съ одной стороны, многіе владыки по оставленіи нерѣдко снова возвращались на кathedру: такъ владыка Моисей управлялъ Новгородскою епархіей два раза, отъ 1325 по 1330 г., и отъ 1352 по 1359 годъ, владыка Алексій—также два, отъ 1359 по 1375 г., и отъ 1375 по 1386 годъ ³⁾. Съ другой стороны, есть примѣры, показывающіе, что оставленіе владыкою кathedры „по своей волѣ“ было въ сущности невольнымъ, вынужденнымъ обстоятельствами. Таково было, на примѣръ, удаленіе по своей волѣ въ 1228 году владыки Антонія, не задолго передъ тѣмъ воротившагося на родину изъ Перемышля: въ сущности оно было не чѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ проискова Арсенія: не даромъ же впоследствии Новгородцы обвиняли послѣдняго, что онъ выпроводилъ владыку Антонія и сѣлъ на владычнѣмъ

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 44, 1228 г.: «въдвиге (дьяволъ) на Арсенія мужа кротка и смѣрена храму велику, простую чадъ; и створше вѣче на Ярославѣ дворѣ, и поидоша на владычнѣ дворѣ, речуче: того дѣла стоить тепло дълго, выпроводилъ Антонія владыку на Хутино, а самъ сѣлъ давъ мзду князю; — и акы злодѣя пхажуще за воротъ выгнаша, малѣ Богъ ублюде отъ смѣрти... Тамъ же, III, 110, 1424 г.: «послаша Новгородци Феодосіа въ свой монастырь». Тамъ же, IV, 120, 1423 г.: «а ржчи тако: не хотимъ шестиница владыкою». Ср. П. С. Р. Л., III, 110, 1421 г.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 68, 1308 г.: «выиде архіеп. Феоктистъ изъ владычнѣ двора, своего дѣла нездоровіа, благословилъ Новгородъ». Тамъ же, III, 75, 1330.

³⁾ П. С. Р. Л., III, 73, 1325; 75, 1330; 86, 1359 г. Тамъ же, III, 90, 1375 г. «съиде влад. Алексіа съ владычества, по своей воли... Новгородцы же въ то время... послаша къ митрополиту... чтобы благословилъ сына своего владыку Алексіа въ домъ св. Софіа на свои святительскій степенъ, и митрополитъ благослови... а Новгородци вѣчемъ стаха на Ярославѣ дворѣ и послаша съ челобитіемъ къ владыкѣ, и владыка пріа челобитіе».

столю, давъ мѣду князю¹⁾. Не всегда однако партія, достигшая господства въ Новгородѣ и недовольная владыкой, дожидалась его добровольнаго удаленія; бывали случаи, что вѣче, помимо всякаго разрѣшенія со стороны митрополита, низлагало собственною властью и посвященныя уже владыкъ. Такъ, въ 1211 году народная партія низложила владыку Митрофана и избрала на его мѣсто Антонія, который и былъ посвященъ митрополитомъ²⁾. Но въ 1219 году, вслѣдствіе торжества княжеской партіи, обстоятельства опять совершенно переѣнились. Воспользовавшись удаленіемъ владыки Антонія въ Торжокъ, Новгородцы вновь посадили на кафедрѣ Митрофана, и когда Антоній не захотѣлъ отказаться отъ своего сана, дѣло запуталось до того, что по необходимости пришлось обратиться за разрѣшеніемъ къ митрополиту. Послѣдній уладилъ распрю такъ, что въ Новгородѣ оставилъ владыкой Митрофана, какъ старѣйшаго, а Антонію далъ Перемышль³⁾.

Избраніемъ владыки и отчасти его удаленіемъ собственно и ичерпывалось все вліяніе мірской власти на ходъ церковныхъ дѣлъ; никакихъ другихъ попытокъ къ ограниченію церковной власти въ Новгородѣ мы не видимъ. Правда, бывали случаи, когда вѣче считало нужнымъ приставить къ епископу изъ своей среды людей, которые наблюдали бы за правильнымъ отправленіемъ имъ своихъ обязанностей. Но съ одной стороны, такіе случаи были, кажется, исключительными (извѣстенъ всего одинъ примѣръ) и обуславливались явно сдѣланной двухъ противоположныхъ вѣчевыхъ партій, изъ которыхъ одна приставляла своихъ людей къ владыкѣ, возведенному другой. Съ другой стороны, можно думать, что ограниченіе въ такомъ случаѣ касалось исключительно одной гражданской дѣятельности владыки,

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 42, 1225 г.: «приде архіепископъ Антоніи изъ Перемышля въ Новгородъ и сѣде на своемъ столѣ и ради быша Новгородци своему владыкѣ... Тамъ же, III, 42, 1228 г.: «Понде Антоніи архіепископъ Новгородскимъ на Хутно къ св. Спасу, по своей воли». Ср. тамъ же, III, 44, 1228 г.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 21, 1211 г.: «зависть въложи (дьяволъ) людемъ на архіепископа Митрофана съ кн. Мстиславомъ, и не даша ему правитися, и ведоша ѿ въ Торопць».

³⁾ П. С. Р. Л., III, 37, 1219 г.: «иде Антонъ археп. Новгородскимъ на Тържкъ; Новгородци же въведоша археп. Митрофана въ дворъ опять на столъ, а къ Антонію послаша: повиди, кдѣ ти любо; Антоніи же поиде въ Новгородъ къ св. Спасу въ Нередицяхъ; князь же и Новгородци рекоша Митрофану и Антону: идита къ митрополиту, да кого намъ прислеть, то нашъ владыка... Ср. тамъ же, III, 38, 1220 г.

но отиридь не церковной¹⁾. Въ церковной сферѣ, напротивъ, владыка былъ совершенно независимымъ отъ міровой власти дѣятелемъ. Только въ концу самостоятельнаго существованія Новгородѣ возникаетъ потребность подчинить нѣкоторому контролю по крайней мѣрѣ судебную дѣятельность церковной власти. Но и здѣсь, вопервыиъ, ближайшимъ поводомъ къ учрежденію контроля послужило, по всей вѣроятности, присутствіе въ церковной компетенціи множества гражданскихъ дѣлъ, а вовторныхъ, самъ владыка былъ оставленъ совершенно въ сторонѣ: за опущенія въ церковномъ судѣ долженъ былъ отвѣчать его намѣстникъ, руководившій этимъ дѣломъ. Послѣдній подвергался именно штрафу въ 50 рублей въ пользу города и взысканію убытковъ, понесенныхъ истцомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда по началу какого-либо дѣла, уѣзжалъ изъ Новгорода, не приведя его въ концу²⁾. Собственно говоря, какъ глава мѣстной церкви, Новгородскій владыка если и стоялъ въ какой-либо зависимости, то только отъ Кіевского, впоследствии Московскаго митрополита. Не и эта зависимость являлась болѣе номинальною и была отнюдительною для владыки развѣ въ матеріальномъ отношеніи, но никакъ не въ церковномъ. Единственнымъ дѣйствительнымъ ограниченіемъ, которымъ связывался Новгородскій владыка въ дѣлахъ церкви, должны считаться поэтому одни только каноническіе законы. Послѣдніе составляли предметъ особеннаго попеченія Новгородцевъ и были уже очень рано извѣстны Новгороду. Уже бесѣда владыки Нифонта съ Кирикомъ показываетъ, что около половины XII столѣтія въ Новгородѣ имѣлся Номоканонъ въ XIV-ти титулахъ³⁾. Въ болѣе же поздній періодъ, благодаря стараніямъ митрополита Кирилла II, каноническія правила Великаго Новгорода могли получить законченный видъ. Въ 1282 году составлена была, по волю епископа Климента, полная Новгородская Кормчая и положена въ Софійскомъ соборѣ „на почитаніе священникамъ и на послушаніе крестьяномъ“. Какъ и всѣ другіе списки каноническихъ правилъ того времени, новый Новгородскій (Софійскій) списокъ заключалъ въ себѣ уже толкованія, заимствованныя изъ Кормчей, полученной Кирилломъ изъ Болгаріи. Но въ основаніи его скрывается упомянутый нами ста-

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 14, 1228 г.: «а завтра въведоша опять Автона архиепископа и посадиша съ нимъ 2 мужь, Явуна Моисевица, Миниеора Штаника».

²⁾ А. А. Э., I, 71, № 92, 1471 г.: «или тысяекой поидеть прочь изъ города не кончавъ суда, или владыченъ намѣстникъ, ино взять великимъ княземъ и Великому Новгороду 50 рублевъ, а истцу убытки подойметъ».

³⁾ Павловъ, Первоначальный славяно-русскій Номоканонъ, стр. 58 и д.

рый переводъ церковныхъ правилъ, существовавшій въ Новгородѣ уже въ предшествовавшее время. Вѣдѣтъ съ тѣмъ изъ стараго же Новгородскаго Номоканона перешли въ Софійскій списокъ и статьи русскаго, преимущественно мѣстнаго новгородскаго происхожденія, а именно: дополненія къ церковному уставу Иліи Новгородскаго, каноническіе отвѣты Іоанна II, вопросы Кирика и отвѣты Нифонта, опредѣленія Владимірскаго собора 1274 года и церковныя уставныя грамоты Владиміра Святаго и князя Святослава (1187 г.)¹⁾.

Мы сказали уже, что положеніе, занятое Новгородскою церковью въ общей жизни Великаго Новгорода, не осталось безъ вліянія и на ея внутреннее устройство и управленіе. Прежде всего, благодаря обширному кругу мірскихъ занятій, личная дѣятельность главы Новгородской церкви ограничивалась самымъ необходимымъ, а именно—посвященіемъ ставленниковъ, освященіемъ церквей и общимъ наблюденіемъ за церковнымъ благочиніемъ. Сообразно съ церковными правилами, первая обязанность лежала на владыкахъ безусловно и требовала ихъ особеннаго вниманія, такъ какъ при поставленіи новыхъ лицъ на церковныя мѣста дѣло шло не просто объ одномъ актѣ посвященія, но вѣдѣтъ съ тѣмъ объ ознакомленіи со ставленниками и, впрочемъ, даже о ихъ подготовленіи²⁾. Что же касается до второй, до освященія церквей, то самъ владыка постоянно занимался этимъ дѣломъ, только, кажется, въ одномъ Новгородѣ³⁾. Въ другихъ же городахъ и краяхъ Новгородской земли онъ принималъ на себя эту обязанность рѣдко, только въ исключительныхъ случаяхъ, когда жители известной мѣстности дѣлали изъ освященія храма особенное мѣстное торжество⁴⁾. Въ большей же части случаевъ онъ поручалъ дѣло освященія церквей приближеннымъ лицамъ изъ среды окружающаго его софійскаго духовенства или даже просто обходился при помощи разсылки антиминовъ⁵⁾. Наконецъ, наблюденіе за цер-

¹⁾ Палазовъ, Первон. славяно-руск. Номоканонъ, стр. 73—78.

²⁾ А. И., I, 147, № 104, 1496—1504 г.

³⁾ П. С. Р. Л., III, 100, 1398 и 1399 гг.

⁴⁾ П. С. Р. Л., III, 88, 1364 г.: «Поставища въ Торжку церковь камену... замышленіемъ богобоязливыхъ купцовъ Новгородскихъ, а потягнутіемъ всѣхъ правовѣрныхъ христіанъ; а на зиму свяща ю археп. Новгородскими Алексии, съ попы и съ дьяконы и съ крылосомъ св. Софіа».

⁵⁾ П. С. Р. Л., III, 89, 1367 г.: «биши (Псковичи) челомъ археп. Новгородскому Алексію о священіи св. Троица, и посла къ нимъ владыка отца своего духовнаго Іоана, и протопопа своего, и протодіакона и священа бысть церкви св. Троица... А. И., I, 17, № 8, 1392—1395 г.: «А коли самъ (митрополитъ)

вовнымъ благочиніемъ представляло для владыки нѣкоторый трудъ только развѣ въ отношеніи Новгородской земли. Въ самомъ Новгородѣ ознакомленіе съ теченіемъ церковныхъ дѣлъ совершалось какъ бы само собою, такъ какъ послѣднія происходили какъ бы на глазахъ у владыки. Не такъ легко доставалось оно въ пригородахъ и волостяхъ. Конечно, нѣкоторыя дѣла о положеніи церковныхъ дѣлъ въ области получались владыками иногда отъ нѣк-ихъ областныхъ органовъ, а иногда и отъ частныхъ лицъ, и имъ оставалось только давать свои резолюціи по возбуждавшимся вопросамъ ¹⁾. Но тѣмъ не менѣе, для непосредственнаго ознакомленія съ волостями необходимо было прибѣгать временами и къ личнымъ визитациямъ или „поѣз-камъ“, и сколько мы знаемъ, владыки дѣйствительно имѣли обыкно-веніе совершать поѣздки по своей епархіи и посѣщать отдѣльные края послѣдней, то Заволочье, то Корѣльскую землю, то Псковь ²⁾. Но врядъ ли однако можно утверждать, что эти церковныя визитаціи служили особенно плодотворнымъ средствомъ при устройствѣ епархі-альныхъ дѣлъ. Сколько-нибудь правильному совершенію ихъ должны были мѣшать, независимо отъ постороннихъ обстоятельствъ, обшир-ность Новгородской земли и отсутствіе всякихъ сносныхъ путей со-общенія. Потому визитаціи производились вообще крайне рѣдко, а съ нѣкоторою правильностью изъ всѣхъ Новгородскихъ краевъ только по отношенію къ одному Пскову, занимавшему въ Новгородской епар-хіи привилегированное положеніе и потому требовавшему болѣе надзора.

Слѣдствія общественнаго положенія Новгородской церкви сказывались не только въ отвлеченіи отъ дѣлъ самого владыки, но и въ характерѣ владычней администраціи. Принимая во вниманіе все раз-нообразіе обязанностей, которыя возникали для владыки частію изъ его политической дѣятельности, частію изъ его отношеній къ своимъ поземельнымъ владѣніямъ, мы необходимо должны предполо-жить, что удовлетвореніе этимъ обязанностямъ потребуетъ массы

былъ въ Новгородѣ въ Великомъ, тогда есмь антисисы свящать, а приказалъ бытъ есмь епископу послати и къ вамъ тѣхъ антисисовъ».

¹⁾ А. И., I, 61, № 31, 1426 г.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 119, 1419 г.: «Владыка Семеонъ ѣздилъ по Корѣльской земли». Тамъ же, IV, 125, 1446 г.: «владыка Еуеимій... поѣха за Волокъ благословити Новгородскую отчину и свою архіепископю, и своихъ дѣтей». Тамъ же, III, 11, 1153 г.: «иде... архіеп. Неоонтъ въ Ладогу и заложилъ церковь ка-мяну св. Влиментя». Тамъ же, IV, 123, 1446 г.

святыхъ служъ, специально предназначенныхъ для этой дѣли. И дѣйствительно, владика обиталъ въ новгородскомъ дѣтинцѣ не только среди „духовнаго полка“, но и въ сообществѣ огромнаго „мірскаго воинства“, такъ что дворъ его самъ собою превращался въ точный prototype владикаго оригинала. По патрональному новгородскому храму: св. Софїи мірское воинство владика, со включеніемъ, вѣроятно, и духовнаго полка, носило названіе софіянтъ, а по мѣсту служенія при владычнемъ дворѣ называлось владычными дворянами и помѣщалось частію на самомъ дворѣ, частію же неподалеку въ окрестности, на владычнемъ берегу рѣки Волхова, на рѣчьѣ, называвшейся Крюкомъ¹⁾. Высшую степень между софіянами занимали нарочитые дворяне или бояре-диграншіе, безъ сомнѣнія, немаловажную роль и при самомъ избраніи владика. Бояре служили ближайшими пособниками владика въ его политической дѣятельности: при посредствѣ бояръ владика велъ иногда переговоры съ вѣчемъ, боярамъ же поручалось времянами и исполненіе посольствъ второстепенной важности²⁾. Независимо отъ этихъ отдѣльныхъ порученій, бояре вообще служили запасомъ, изъ котораго владика избирали себѣ людей для заведыванія своимъ дворомъ и для управленія имѣніями, въ особенности же для преемства владычestsваго суда и управы. Такъ изъ бояръ назначались чапники и столъники, введенные владикомъ по образцу чинами владикаго двора, и, вѣроятно, равные имъ чины, имена которыхъ до насъ не дошли³⁾. Точно также изъ бояръ назначались судьи, которые, разбѣгая подъ именемъ поудниковъ или пеньниковъ по владычнмъ волостямъ, давали крестьянамъ судъ и управу, собирали оброки и судебныя пени и доставляли ихъ въ казну епископа, взимая за все это и въ свою пользу нѣкоторые натуральные

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 21, 1193 г.: «Новгородци же съ кн. Ярославомъ, и съ игуменъ, и съ Софїяны, и съ попы съдумавше, изволиша... Тамъ же, VI, 286, 1528 г.: «Онъ же обрѣе мѣсто на Софїйской сторонѣ, идѣже баня стоитъ на рѣчьѣ; а ту рѣчьку преже изъначала звали Крюкъ, а на ней преже жили нарочитые дворяне владычня добра».

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 117, 1419 г.: «Святитель же послуша моленія ихъ, посла его (Стѣпанка) съ попомъ ихъ (Кузю-Дешяцель) на вѣче со своимъ бояриномъ». Тамъ же, IV, 236, 1471 г.: «И Великій Новгородъ всего того не радъ, да своего посла Родіона владычня столъника во Псковъ о томъ прислать».

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 128, 1471 г.: «Князь великій... посъче 4 боярина.. и между ними «Еремїя владычня чапника». Тамъ же, III, 44, 1228 г.: «И разграбша дворъ его... и Андричель владычня столъника и Давидковъ Софїянина?».

поборы съ тѣхъ же крестьянъ ¹⁾. За боярами слѣдовали владычьи дѣти боярскіе, отличительную обязанность которыхъ составляла, быть можетъ, служба, во владычьемъ полку ²⁾. Во всякомъ случаѣ, подобно боярамъ, владыка пользовался и боярскими дѣтьми какъ для отдѣльных порученій, такъ и при управленіи своими вотчинами. Боярскія дѣти были посылаемы владыкой съ поминками къ митрополиту, и изъ нихъ же по всей вѣроятности, назначались имъ волостели, завѣдывавшіе цѣлыми волостями, и поселенники, управлявшіе отдѣльными селами ³⁾. Въ качествѣ такихъ управителей, боярскія дѣти должны были собирать доходы въ пользу землевладѣльца, исполнять полицейскія обязанности и даже, временами, давать управу подчиненнымъ. Такъ извѣстно, что въ позднѣйшее время владычьи люди, управлявшіе вотчинами, обязаны были въ томъ случаѣ, когда обвиненіе въ какомъ-либо важномъ преступленіи, убійствѣ, грабѣжѣ и т. п. падало на владычныхъ крестьянъ, представлять послѣднихъ въ Новгородскій судъ ⁴⁾. Дальнѣйшіе отдѣлы владычныхъ слугъ составляли паробы, занимавшіеся письменными работами, въ особенности перепиской священныхъ книгъ, и холопы, исполнявшіе всѣ низшія обязанности по владычному двору и управленію ⁵⁾.

Но коль скоро вокругъ владыки уже существовали штаты свѣтскихъ владычныхъ слугъ, то естественно ожидать, что при обыкновенномъ въ то время отсутствіи строгаго сознанія о различіи свѣтскихъ и церковныхъ дѣлъ, свѣтскіе слуги архіерея захватятъ въ свои руки и церковное управленіе, и такимъ образомъ вотчинная администрація владыки перейдетъ въ епархіальную. Такой переходъ совер-

¹⁾ А. З. Р., I, 91, № 71, по 1479 г.: «а того здѣшна не бывало, што владычнымъ бояромъ вѣдати по тымъ жеребьемъ многог... Тамъ же, I, 88: «а коли вѣдати по вѣданики владычии по волости, а пригодитъ имъ судити судъ съ королевымъ намѣстникомъ»...

²⁾ Д. къ А. И., I, 57, № 42, 1547—1551 г.: «писалъ еси ко мнѣ (Новгородскому епископу Феодосію) въ своей грамотѣ, что государь князь великій нашихъ дѣтей боярскихъ отъ казанскія службы велѣлъ оставити».

³⁾ А. И., I, 507, № 275, 1461 г.: «А что еси, сыну, прислалъ къ намъ своего сына боярскаго, на имя Василья, и съ своими воишники, по назначельству, какъ прешніе твоя братья, архіепископы В. Новгородска и Пѣскова, поселдани къ моеи братьи, преше бывшимъ мене митрополитомъ, о церковнымъ вѣданикѣ и духовнымъ дѣлакъ».

⁴⁾ А. А. Э., I, 72, № 92, 1471.

⁵⁾ Изв. II-го Отд. Им. Ак. Н., VI, 279, 1362 г.: «а ижедегъ многогрѣшныи худыи неразумныи владыченъ паробокъ Мингула». Тамъ же, стр. 289.

пался. Тамъ легче, что владыка избавился чрезъ это отъ необходимости расходовать свои средства на образованіе и содержаніе новаго, особеннаго штата церковныхъ чиновъ. Правда, нѣкоторая доля церковныхъ дѣлъ, какъ напримѣръ, освященіе церквей, преподаваніе благословенія и т. п., могла быть совершена не иначе, какъ духовными лицами. Но по ея незначительному расширенію, она не требовала образованія особенныхъ постоянныхъ церковныхъ органовъ: при исполненіи такихъ дѣлъ можно было удовольствоваться простою системою порученій. На самомъ дѣлѣ оно такъ обыкновенно и было: при встрѣчѣ съ дѣломъ, требовавшимъ непрѣмннаго участія духовнаго элемента, владыка просто возлагалъ исполненіе его на то или другое лицо изъ окружавшаго его новгородскаго духовенства¹⁾; во всѣхъ же другихъ сферахъ церковной дѣятельности, гдѣ содѣйствіе духовенства не было безусловно необходимымъ, мы встрѣчаемъ не духовныхъ лица, а свѣтскихъ дѣятелей изъ среды мірскаго воинства владыки или софіанъ. Такъ извѣстно, что при совершеніи епархіальныхъ визитацій владыка былъ окруженъ не только своимъ клиромъ, но и многочисленною свитой софіанъ. Во Псковѣ однажды даже произошла свалка софіанъ съ мѣстными жителями, которая и побудила владыку къ немедленному отъѣзду²⁾. Затѣмъ софіане играли важную роль и при владичьемъ управленіи и судѣ. Изъ нихъ именно назначались всѣ низшіе служители, исполнявшіе при судѣ полицейскія обязанности и соотвѣтствовавшіе мірскимъ подвойскимъ и поземникамъ. Новгородская судная грамота сообщаетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда на судъ Новгородскаго владыки требовались лица, живальствовавшія гдѣ-либо въ области, изъ софіанъ посылались къ нимъ особенные говцы, которые и передавали позовъ или судебное приглашеніе на мѣстѣ. Вознагражденіе, которое слѣдовало софіанамъ за путевыя издержки, тою же грамотой было опредѣлено одинаково съ платою, получавшеюся въ подобныхъ случаяхъ мірскими позовниками равно какъ и падала одинаково на лицъ, проигравшихъ тяжбу³⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 89, 1367 г.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 209, 1435 г.: «сталъ бой Псковичамъ съ Софианъ. И владыка разгивался и поѣхъ прочь... а былъ во Псковѣ полгтретя дни (вмѣсто мѣсяца).

³⁾ А. А. Э., I, 70, № 92, 1471 г.: «А кто съ кѣмъ пошлется на послухе, ино взять закладъ шестнику на сто версть по старинѣ: а подвойскимъ, и Софианомъ, и биричемъ, и извѣтникомъ, на сто версть четыре гривны». Тамъ же, I, 70: «А закладъ дати виноватому пеню на сто версть шестнику».

Не только масса церковныхъ владычныхъ слугъ происходила изъ мірскаго воинства владыки, но и главнѣйшіе органы владычнаго управленія и суда почти всѣ носили мірское званіе. Конечно, бывали случаи, когда въ церковныхъ должностяхъ появлялись и духовныя лица. Такъ должность владычнаго ключника, заведывавшаго архивомъ Новгородскаго владыки, замѣщалась иногда лицами монашескаго званія¹⁾. Но такіе случаи были исключительными: обыкновенно же церковныя должности были занимаемы мірянами. Такъ одна изъ важныхъ церковныхъ должностей, должность софійскаго казначей, до XV столѣтія поручалась обыкновенно мірянамъ, и только съ XV вѣка въ ней стали появляться чернецы²⁾. То же должно сказать и о владычнемъ намѣстникѣ. Какъ мы уже видѣли, самъ владыка, вслѣдствіе многочисленности своихъ занятій, не могъ удѣлять много времени дѣламъ церковнымъ. вмѣсто него ходомъ церковныхъ дѣлъ и отправленіемъ владычнаго суда заведывалъ обыкновенно его намѣстникъ, который поэтому и служилъ отвѣтственнымъ лицомъ, когда въ судѣ возникали какія-либо опущенія³⁾. Но не смотря на такое значеніе намѣстника, есть основаніе предполагать, что онъ назначался не изъ духовныхъ, а изъ свѣтскихъ слугъ владыки. Въ 1476 году именно владычній намѣстникъ Юрій Репеховъ былъ назначенъ вмѣстѣ съ двумя другими помощниками выдавать кормы великому князю и его людямъ: такое назначеніе врядъ ли могло бы состояться, еслибы намѣстникъ былъ духовнаго званія⁴⁾. Подобный же свѣтскій характеръ носила и областная архіерейская администрація. Изъ двухъ органовъ областного владычнаго управленія, первый, намѣстникъ, назначавшійся въ главнѣйшіе отдѣлы Новгородской земли, которые составляли большія историческія дѣла, а именно въ Двинскую землю или Заволочье, и во Псковъ, несомнѣнно, избирался изъ среды свѣтскихъ

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 86, 1369 г.: «и избраша себѣ три мужа: Алексѣя чернца ключника дому св. Софіи». Тамъ же, VI, 5, 1471 г.

²⁾ Пам. Стар. Русск. Лит., IV, № 8: «Съи оубо (Евекій II) первый казначей во иноцехъ бысть, яко же и глго есть: преже бо того въ древности вси казначей міряне быху».

³⁾ А. А. Э., I, 69, № 92, 1471 г.: «А посадника и тысяцкаго и владычнѣи намѣстника и ихъ судей съ суда не сбивати».

⁴⁾ П. С. Р. Л., VI, 201—202, 1476 г.: «архіепископъ же добилъ челомъ о томъ великому князю бояры его, а велѣлъ кормы отдавати намѣстнику своему Юрью Репехову, а тѣ (двое другихъ владычныхъ слугъ) съ нимъ же въ поддѣтнѣхъ».

слугъ владыки. По крайней мѣрѣ, псковскій намѣстникъ не только въ источникахъ до времени монетыокъ преобразованія ни разу не названъ духовнымъ лицомъ, но и обыкновенно характеризуется именемъ, отчествомъ и прованіемъ, что всего скорѣе можетъ указывать на свѣтское званіе ¹⁾. Въ кругъ обязанностей областныхъ намѣстниковъ входили вообще все дѣла, которыя составляли сферу владычняго вѣдомства, какъ духовнаго, такъ и мірскаго, а именно—судъ, заботы о правильномъ вносѣ духовенствомъ пошлинъ, шедшихъ въ пользу владыки, и наблюденіе за владычными землями ²⁾. Еще менѣе можно сомнѣваться въ свѣтскомъ значеніи другого органа владычняго управленія, десятильниковъ: свѣтскій характеръ ихъ засвидѣтельствованъ ясно не только жалобой ростовскаго священника Георгія Скрипиды, но и другими, болѣе рѣзкими данными. Не ходя далеко, мы можемъ сослаться на тотъ фактъ, что въ числѣ митрополчельхъ десятильниковъ, половины XV вѣка встрѣчается конюшій бояринъ Юрій ³⁾. Сомнѣніе если еще и остается, то оно касается исключительно мѣстнаго характера десятильниковъ. Но и это сомнѣніе совершенно неосновательно. Церковный уставъ 1274 года, запрещающій ставить десятильниковъ на мздѣ, показываетъ, что это была постоянный церковный органъ, а другой церковный уставъ 1389—1404 гг., опредѣляющій, какіе поборы долженъ брать съ духовенства десятичникъ, „на десятину насѣдъ“, ясно даетъ понять, что это была мѣстная должность ⁴⁾. Согласно съ этими данными, мы должны считать новгородскихъ десятильниковъ представителями владычней церковной власти въ меньшихъ округахъ, на которые была разбита Новгородская земля и которая называлась десятичина ⁵⁾.

¹⁾ *Амероскі*, II. P. I., III, 299—300: «И буди мизость Божія... на посадникахъ Двѣнскихъ... и на владычѣхъ намѣстникѣхъ». П. С. Р. Л., IV, 296, 1471 г.: «мздѣ съдѣль въ Новгородѣ Иванъ Соминоичъ владычнѣхъ намѣстникѣхъ». Русск. Дѣл. Акты, стр. 263, 1509 г.: «unde des Ertzbischofs ho uetman Wassilie Ignescowitz Galckin». А. Ю., 112, № 71, XIV—XV в.: «печатъ Остоюи Яколича, владычн намѣсткѣ».

²⁾ См. нашъ Очеркъ внутренней исторіи Пскова, стр. 195.

³⁾ А. И., I, 98, по 1480 г.: «десятичникъ мой Юрій Конюшой, по моему пожалованію, побѣжалъ по десятинѣ... того моего боярина Юрья Конюшого самого убилъ въ улогѣ, а дворянъ моихъ перебилъ».

⁴⁾ *Русск. Дост.*, I, 112, 1274 г.: «или намѣстеники поставляющии на мздѣхъ или десятичнѣхъ... А. А. Ф., I, 5, № 9, 1389—1404 гг.: «а десятичнику на десятину насѣдъ икати за въздное, и за Рождественое, и за Петровское... Д. къ А. И., I, 362, № 214, 1496 г.: «въ костромской десятичѣхъ».

⁵⁾ А. Ю., 270, № 257, III, XV в.: «а за десятичнина ся яко попь Семень

Сообразно съ характеромъ времени, всѣ акты церковно-правительственной дѣятельности оплачивались непосредственно тѣми лицами, которыхъ они касались. Такой фискальный взглядъ на церковныя дѣйствія необходимо долженъ былъ вести къ превращенію духовенства въ тяглыхъ людей своего епархіальнаго владыки. Къ счастью только, богатство софійской казны дѣлало крайнее развитіе крѣпостническихъ стремленій владыки почти совершенно излишнимъ во все время самостоятельнаго существованія Великаго Новгорода. Но тѣмъ не менѣе зачатки главнѣйшихъ обязанностей новгородскаго духовенства къ своему владыкѣ замѣчаются уже въ этотъ періодъ. Съ нѣкоторыми изъ своихъ обязанностей духовенство встрѣчалось уже на самомъ порогѣ, отдѣленіемъ мірянъ отъ церкви, такъ какъ уже простое посѣщеніе не могло обойтись для ставленниковъ безъ извѣстныхъ расходовъ, количество которыхъ Владимірскимъ соборомъ 1274 года было опредѣлено въ семь гривенъ за посвященіе въ оба сана,—и діакона, и священника вмѣстѣ. Но эти обязанности имѣли только временное значеніе и притомъ возникли не на Руси, а въ Византіи, гдѣ протори при ставленіи распредѣлялись по степенямъ, въ которыя приходилось посвящаться, такъ что дьякъ платилъ одну злотницу, діаконъ и священникъ вносили по три: общая сумма, слѣдовательно, и тамъ составляла семь злотницъ¹⁾. Подобнымъ же временнымъ характеромъ отличались и тѣ пошлыны, которыя приходилось платить духовенству за пользованіе церковнымъ судомъ, и которыя, встать замѣтить, превосходили въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобныя же пошлыны свѣтскихъ судовъ ровно вдвое. Но Новгородской судной граматѣ, напримѣръ, за производство суда церковные судьи брали съ суднаго рубля по гривнѣ или 14 денегъ, тогда какъ мірскіе судьи—только по 7 денегъ²⁾. Настоящія же, постоянныя обязанности духовенства, посредствомъ которыхъ оно превращалось въ

и за Соезіяне. А. А. Э., I, 99, № 91, 1471 г.: «А на Волоцѣ и на Вологдѣ владыцѣ церкви и десятина, пошлына своя, вѣдати по старинѣ».

¹⁾ Рус. Дост., I, 112, 1274 г.: «Не взимати же од нихъ ничто же, разве икоже азъ уставихъ въ митрополи, да боудеть се въ всѣхъ епископыхъ, да възмутъ влврошоне з(7)гривенъ от поповства и от дьяконовства от объего». А. И., I, 44, № 21, 1416.

²⁾ А. А. Э., I, 69—70, № 92, 1471 г.: «А отъ суднаго рубля взять владыкѣ и его намѣстанку и ключнику отъ печати гривна, а отъ бессуднаго рубля... три денги; а посадинку и тмссескому и ихъ судьямъ и инымъ судьямъ имати отъ суднаго рубля по семи денегъ, а отъ бессуднаго рубля по три денги».

оброчныхъ людей епархіальнаго владыки, имѣютъ свой источникъ въ содержаніи церковныхъ органовъ управленія и въ покрытіи владычныхъ расходовъ по визитаціямъ. Обязанность содержать церковные органы управленія дала начало десятинѣ, пошлинѣ, которая вноси-лась духовенствомъ въ пользу архіерейскихъ десятниковъ¹⁾. Что же касается до визитацій, то на совершеніе ихъ уставомъ князя Святослава 1137 года была опредѣлена изъ княжеской казны извѣстная сумма, а именно самому владыкѣ — десять гривенъ, а сопровождающему его священнику двѣ гривны²⁾. Но кажется, наравнѣ съ княжескою казною, и епархіальное духовенство вездѣ принимало участіе въ покрытіи владычныхъ расходовъ по визитаціямъ, по крайней мѣрѣ, въ формѣ даровъ и приношеній. Во всякомъ случаѣ, въ тѣхъ краяхъ, гдѣ визитаціи совершались правильно, участіе духовенства въ удовольствіи владыки и его людей было не только обязательно, но и опредѣлено весьма обстрательно. Такъ извѣстно, что во Псковѣ обязанность покрывать владычїе расходы по подѣзду была организо-вана въ двѣ отдѣльныя подѣздныя пошлинны, а именно поплѣшную которая взымалась съ плѣши или съ гумеца, тонзуры, то-есть, го-ловы, и выражалась въ деньгахъ, и кормѣ или кормовую, которая первоначально была неопредѣленная и обнимала все разнообразіе житей-скихъ потребностей, необходимыхъ во время подѣзда какъ для са-мого владыки, такъ и для его людей и лошадей³⁾.

Чѣмъ выше поднималось значеніе Новгородскаго владыки и его мірскаго воинства, тѣмъ менѣе мѣста оставалось въ церковномъ управ-леніи на долю подчиненнаго ему духовенства. Великій Новгородъ составлялъ въ этомъ отношеніи любопытную противоположность со своимъ младшимъ братомъ: во Псковѣ, благодаря отдаленности вла-дычней власти, „все божїе священство“ представляло общественную силу, пользовавшуюся большимъ вліяніемъ и какъ бы замѣнявшую собою владыку, а союзы духовныхъ лицъ или соборы являлись важ-ными органами церковнаго управленія. Напротивъ того, въ Новгородѣ общественное значеніе „божїа священства“ было совершенно ничтожное, а соединеніе отдѣльныхъ церквей въ особенныя купы или соборы если и встрѣчается, то совершенно въ яномъ, нежели въ Псковѣ,

¹⁾ А. А. Э., I, 99, 1471 г.

²⁾ Рус. Достоп., I, 85, 1137 г.: «Въ поѣздъ от всеи земли владычѣ 10 гри-венъ, а попоу двѣ гривне».

³⁾ См. нашъ Очеркъ внутр. ист. Пскова, стр. 216.

смыслѣ. Новгородскіе соборы не были союзами, обнимавшими въ одинаковой мѣрѣ какъ городское, такъ и сельское духовенство. Сельскія церкви въ Новгородѣ вообще не образовали изъ себя соборовъ, и единственною связью между ними служили владычїе десятильники. Новгородскіе соборы были исключительно городскими союзами. Число ихъ въ началѣ XV столѣтія простиралось до семи; а значеніе почти совсѣмъ ускользаетъ отъ всякаго опредѣленія ¹⁾). Быть можетъ, они служили посредниками между владыкой и отдѣльными церквями, хотя и въ гораздо слабѣйшей степени, чѣмъ соборы во Псковѣ. Первое мѣсто между ними естественно принадлежало Софійскому собору, капитулъ котораго служилъ помощникомъ для владыки при исполненіи имъ епархіальныхъ церковныхъ обязанностей и потому пользовался нѣкоторыми, исключительно ему предоставленными, доходными статьями. Статьи эти падали частію на городскія, частію же на областныя церкви. Къ числу городскихъ доходовъ относились пѣвшія и праздничныя гривны. Быть можетъ, въ видахъ пріученія къ церковному благочинію, новгородское городское духовенство обязано было поочередно отправлять въ Софійскомъ соборѣ недѣльныя службы. Но городскіе священники уже рано стали предпочитать личному исполненію этой обязанности—внесеніе извѣстной денежной суммы въ пользу Софійскаго причта, съ тѣмъ чтобы недѣльная служба была совершаема за нихъ священниками Софійскаго собора. А такъ какъ размѣръ денежной платы равнялся гривнѣ, и платилась она за отправленіе или „пѣвіе“ службы, то она и получила названіе пѣвчей, или какъ тогда говорилось, „пѣвшей гривны“. Въ случаѣ уклоненія уличкаго священника отъ внесенія таможенной платы въ срокъ или въ среду на пѣвчей недѣлѣ, ему грозила пеня въ два рубля въ пользу архіепископа и взысканіе двойнаго урока въ пользу служившаго за него священника и бочки русскаго кислаго меду въ пользу протопопа съ остальными Софійскими причтомъ. Обычай платить пѣвчія гривны былъ окончательно установленъ владыкою Геннадіемъ въ 1486 году; но изъ его распоряженія видно, что онъ въ той же формѣ существовалъ и при владыкѣ Евѣиміѣ II. Изъ этого позволительно заключать, что возникновеніе его относится, по всей вѣроятности, къ гораздо болѣе раннему времени ²⁾). Наравнѣ съ пѣвчею гривной, и про-

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 107, 1417 г.: «а владыка Симеонъ, съ всею семью соборовъ и съ христіанами, съ кресты обходи около всего города»...

²⁾ *Ит. въ Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1866 г., III, свѣдѣ, стр. 8: «И госпо-

исхожденіе праздничныхъ гривенъ нужно относить къ болѣе древнему времени, чѣмъ то, отъ котораго до насъ дошли первыя о нихъ упоминанія. Источникъ ихъ скрывается въ обычай приглашать для служенія на мѣстные храмовые праздники софійское духовенство и чествовать его за трудъ угощеніемъ и даже поднесеніемъ нѣкоторыхъ даровъ. Но являясь вначалѣ актомъ добровольнаго усердія, даръ съ теченіемъ времени становится обязательнымъ, опредѣляется въ размѣрѣ и такимъ образомъ превращается въ известную церковную пошлину ¹⁾.

Что касается до областныхъ пошлинъ, шедшихъ въ пользу софійскаго причта, то—къ разряду ихъ нужно причислить проскурную (просфорную) пошлину и пошлину за антимины. Проскурная пошлина взималась съ просвирицъ, занимавшихся приготовленіемъ просфоръ для храмовъ, и быть можетъ, первоначально была также пошлиною собственно городской. На это указываетъ то обстоятельство, что она падала исключительно на городскія церкви, но отнюдь не на сельскія. Мы же считаемъ нужнымъ отнести ее къ числу областныхъ на томъ основаніи, что, ограничиваясь одними городскими церквами, она въ позднѣйшее время была распространена на большую часть новгородскихъ монастырей. Кромѣ городскихъ церквей, проскурная пошлина была взимаема съ 70 новгородскихъ монастырей, а слѣдовательно, имѣла дѣло не съ однимъ городомъ, а съ цѣлою областью. Размѣръ проскурной пошлины былъ точно опредѣленъ, кажется, только для однихъ городскихъ церквей; въ монастыряхъ же онъ много зависѣлъ отъ степени ихъ зажиточности. Средняя величина проскурной пошлины для монастырей равнялась

день преосв. владыка Геннадій... какъ пожаловали ихъ прежніе архіепископы Евѣмій, и Іона, и Себѣлѣ, волишь держати тѣ недѣли годовыя своимъ соборнымъ Софійскимъ попомъ за тѣхъ поповъ за улицкихъ. А которые попь улицкой не принесеть тое гривна Софійскому попу на пѣвшей недѣли въ среду, и взяти... владыки Геннадію на томъ попь на улицкомъ за его вину 2 рубля, а попу Софійскому за его службу взяти гривна пѣваяя съ другою гривною, а протопопу Гаврилу .. съ братьемъ съ соборныи взяти бочку меду Руского кислого». —

¹⁾ А. И., I, 164, № 111, 1500 г.: «А на праздникъ на Успеніе Пречистые позоветь къ себѣ йгумень на службу попа Софійскаго да діакона, да дасть имъ обѣда на службу гривну Новгородскую, а корить ихъ что ся у него лучить». А. А. Э., III, 453, № 306, 1504 г.: «А что шла пошляна Софійскому протопопу и протодьякону и священникомъ, съ пяти концовъ съ городскихъ церквей, на праздники, и ту имъ имати пошлину по старинѣ жь».

одной новгородской гривнѣ. Богатне монастыри однако платили больше, а бѣдные—меньше ¹⁾. Вторая областная пошлина, дана за антиминсы, взималась, какъ показываетъ самое названіе, за разсылку антиминсовъ по церквамъ. Эта пошлина была по преимуществу областною, падала исключительно на околородскія новгородскія церкви, къ числу которыхъ относились и всѣ храмы города Пскова ²⁾. Размѣръ ея также былъ не всегда одинаковъ и видоизмѣнялся сообразно съ величиной приходоу, приписанныхъ къ извѣстнымъ церквамъ. Въ церквахъ, имѣвшихъ приходы отъ 500 до 600 обжау, плата за антиминсы колебалась отъ одного до полутора рубля. Платой за антиминсы однако еще не исчерпывались расходы областныхъ церквей по освященію. Въ тѣхъ случаяхъ именно, когда освященіе церквей совершаемо было причтомъ Софійскаго собора, въ его пользу должно было идти, по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшее время, и все приношеніе, которое выручалось на освященіяхъ отъ христолюбцевъ ³⁾. Но не смотря на это щедрое вознагражденіе, капитулъ Софійскаго собора, кажется, не всегда оставался чистъ въ своей дѣятельности по раздачѣ антиминсовъ; иногда съ его стороны случались и злоупотребленія. Въ концѣ XV столѣтія Псковичи жаловались митрополиту, что въ бытность свою въ Псковѣ, Новгородскій владыка велѣлъ на четверо рѣзать данные имъ антиминсы. Трудно предположить, чтобы самъ владыка рѣшился допустить такое отступленіе отъ церковнаго порядка; гораздо вѣроятнѣе, что къ нему прибѣгли члены Софійскаго собора, чтобы окутить вчетверо заплаченную въ митрополию пошлину ⁴⁾.

¹⁾ А. А. Э., III, 453, № 318, 1504 г.: «А что шла пошлина Софійскому протопопу и протодьякону и попамъ, съ проскурницъ, и имъ та пошлина съ проскурницъ иматъ по старинѣ». Тамъ же, III, 453, до 1551 г.: «да съ семидесятъ монастырей шла имъ проскурная пошлина, съ иного монастыря до гривны Новгородскія, а съ иного болши того, а со иного менши; а съ посадскихъ (то есть, городскихъ) церквей пошлина проскурная идетъ имъ по старинѣ». Ср. А. А. Э., I, 222, 1551 г.

²⁾ А. А. Э., I, 222, № 229, 1551 г.

³⁾ А. А. Э., III, 453, 1504 г.: «а антиминсы вѣдати Софійскому протопопу и протодьякону и священникомъ по старинѣ жъ». Тамъ же, III, 453, до 1551 г.: «а изстари всему Софійскому собору шла пошлина съ антиминсовъ, съ церквей, которыя церкви около Новагорода, гдѣ въ приходѣ обжау 500 или 600, до рубля и до полутора рубля Новгородскихъ съ церкви, съ антиминса; а гдѣ церкви свящаютъ, и на церковныхъ дѣ священіяхъ все приношеніе имъ же шло».

⁴⁾ А. И., I, 17, № 8, 1392—1395 г.: «Нынѣча слышу, что самъ (Новгород-

Блескъ, окружавшій Новгородскаго владыку, не только мѣшало развитію самодѣтельности въ подчиненномъ ему духовенствѣ, но и почти совсѣмъ скрываетъ послѣднее отъ глазъ изслѣдователя. Не смотря однако на всю скудость имѣющихся у насъ о немъ свѣдѣній, мы все-таки можемъ замѣтить, что и тутъ повторяются тѣ же отношенія, какія отличаютъ положеніе Новгородской церкви вообще. Духовенство въ Новгородѣ не только не составляло отдѣльной касты, но даже и особеннаго сословія, а только развѣ классъ, тѣсно связанный съ остальнымъ обществомъ. Какъ выходи изъ духовенства, такъ и входи въ его ряды, былъ вполне открытъ для всѣхъ желающихъ. Намъ извѣстны примѣры, что лица духовнаго званія, носившія священническій и діаконоскій санъ, слагали его съ себя безъ всякихъ затрудненій и принимали на себя другія обязанности. Между христіанцами, конечно, такая профанація духовнаго сана производила уже тогда нѣкоторый соблазнъ; но это однако не мѣшало разпопамъ, раздіаконамъ достигать высокаго положенія въ обществѣ. Во Псковѣ, на примѣръ, одного раздіакона мы видимъ въ классѣ бояръ ¹⁾. Подобнымъ образомъ, и входи въ ряды духовенства былъ открытъ всѣмъ классамъ новгородскаго общества. Между лицами, пришедшими въ концѣ XV столѣтія къ владыкѣ Геннадію, упоминается, на примѣръ, Омельяно мясникъ ²⁾. Но, не составляя замкнутой касты, духовенство въ Новгородѣ не образовало и отдѣльнаго сословія. На это указываютъ два обстоятельства: отсутствіе въ духовенствѣ наследственности и неимѣніе никакихъ сословныхъ правъ и преимуществъ. Правда, уже въ древнѣйшее время въ церкви существовало мнѣніе, смотрѣвшее на поповичей, какъ на естественныхъ преемниковъ званія священниковъ, и можно даже полагать, что ряды церковныхъ должностей восполнялись по преимуществу изъ духовнаго юношества, больше другихъ обладавшаго знаніемъ грамоты. Но нѣтъ сомнѣнія, что одно происхожденіе отъ духовныхъ лицъ не составляло еще основанія, достаточнаго для того, чтобы быть причисленнымъ къ духовному

скій владыка) былъ тогда у васъ (Псковичей), а далъ вамъ отъ тѣхъ (священныхъ митрополитомъ) антимиговъ, а приказалъ вамъ на четверо рѣзати каждый антимиговъ»...

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 254, 1477 г.: «Пековъ послакъ къ вел. князю 2 посадника... А съ ними два боярина, Опимаха Гладкого да Андрѣя Иванова, сына попова, раздіакона».

²⁾ А. И., I, 148, № 104, 1496—1504 г.: «А нынѣ у меня побѣжали ставленники четыре, Максимко, да Буземка, да Осоноско, да Омельяно мясникъ».

званію. Извѣстно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда поповичи оказывались не знающими грамоты, и слѣдовательно, не могущими рассчитывать на занятія церковныхъ должностей и въ будущемъ, они становились изгоями, то-есть, переставали считаться членами духовнаго званія. И церковь если и предъявляла притязаніе на подчиненіе себѣ подобныхъ людей, то не на сословномъ, а на совершенно другомъ основаніи, на томъ именно, на которомъ она считала своею обязанностью смотрѣть на всѣхъ людей, какъ на своихъ, которыхъ общественное положеніе или было неопредѣленно (выкупившихся холоповъ, задолжавшихъ купцовъ), или же нуждалось въ покровительствѣ (слѣпцовъ, хромцовъ) ¹⁾. Но, кажется, и этому, болѣе скромному притязанію не удалось осуществиться на практикѣ. Поповичи, отдѣлившіеся отъ своихъ семей, но не имѣвшіе возможности занять церковное мѣсто, стали причисляться къ тѣмъ общественнымъ классамъ, положеніе которыхъ было ими усваиваемо. Нѣкоторые изъ поповичей, обратившіеся къ обработкѣ земли, снятой у землевладѣльцевъ, были отнесены такимъ образомъ къ разряду черныхъ людей ²⁾. Но гораздо чаще мы встрѣчаемъ ихъ въ классѣ купцовъ ³⁾ и земцевъ или своеземцевъ, то-есть, мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, частію воздѣлывавшихъ землю на себя, частію же сдававшихъ ее въ аренду чернымъ людямъ ⁴⁾.

Отсутствіе сословности въ духовенствѣ Великаго Новгорода видно также и изъ другаго обстоятельства, того именно, что, какъ духовенство, оно не имѣло никакихъ особенныхъ правъ и преимущ-

¹⁾ Повесть о нач. Печерск. мон. Псковъ, 1849 г., стр. 98—104: «А се церковные люди... изгом трои: поповъ сынъ грамоты не умѣеть». Ср. А. А. Э., I, 5, № 9, 1404 г.

²⁾ А. А. Э., I, 4, № 8, 1372 г.: «Се прѣзаша ко мнѣ къ в. князю... отъ всего Новгорода Иванъ посадникъ... а отъ черныхъ людей Вокславъ поповичъ, Василей Огаоновъ». Писц. кн. Вотской земли во *Вр. М. О. И. и Др.*, XI, мат., стр. 2, 1500 г.: «Деревня Конецъ, у Ладоги на посади, Яковльская Губина сына Селезнева. Дворъ: Максимко Ивацовъ, сынъ поповъ, Стрбыховъ. Светъ ржи... и сѣна косить»...

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 280, 1510 г.: «И переняша Псковичи полоняную свою вѣсть отъ Филиппа отъ поповича отъ купчины отъ Псковитина».

⁴⁾ *Неволина* въ *З. Р. Г. Общ.*, VIII, прил. стр. 222, 1495 г.: «Во Холонскомъ же погостѣ въ в. князя деревняхъ въ огчихъ... Васюку попову сыну Григорьеву своеземцу: въ дер. въ Куреневѣ... на Васюковомъ жеребью дворъ самъ Васюкъ поповъ, светъ ржи 3 короби; а сѣна косить 30 копенъ; обжа... Въ селци въ Рындинѣ... на Васюковъ жеребью попова дворъ» и т. д. Тамъ же, VIII, прил. стр. 17, 1500 г.: «Въ Лузскомъ же погостѣ деревни своеземцевъ... Бориска попова сына Филимонова Гдидцаго»... Тамъ же, VIII, 12.

щество. Правда, въ силу каноническаго права, духовенство было освобождено отъ исполненія личныхъ обязанностей, не несло, напримеръ, наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ, военной службы. Но здѣсь льгота составляла принадлежность только церковнаго сана, а отнюдь не званія. Отъ несенія военной службы освобождались только лица, дѣйствительно посвященныя въ извѣстный церковный санъ. Въ случаѣ войны только они одни могли оставаться дома и молить Бога. Всѣ же остальные церковники, не успѣвшіе получить посвященія, подвергались военной службѣ наравнѣ съ другими классами населенія. Не будучи поставленъ, идти въ походъ долженъ былъ и дьякъ, даже еслибъ у него уже было прострижено гуменце ¹⁾. Самое однако важное—это то, что духовенство въ Новгородѣ ни въ чемъ не отличалось отъ остальнаго общества въ отношеніи къ реальнымъ повинностямъ, падавшимъ на собственность, въ особенности же собственность ноземельную. Конечно, было бы несправедливо не указать, что въ позднѣйшій московскій періодъ у новгородскихъ церквей, какъ въ городахъ, такъ и въ сельскихъ приходахъ, были земли, которыя относились къ разряду не тяглыхъ, то-есть, свободныхъ отъ всякихъ общественныхъ повинностей ²⁾. Но съ одной стороны, мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы рѣшить, на сколько таковой порядокъ можетъ быть перенесенъ на древнѣйшій, собственно новгородскій бытъ. Съ другой стороны, льготная земля была не столько собственно церковною, сколько общественною землею, приписанною въ церквамъ для содержанія приходскихъ пріютовъ. Оттого она была весьма ограничена въ своихъ размѣрахъ: въ городахъ отводилось ей столько, сколько требовалось для помѣщенія храма и дворовъ церковнослужителей, а въ селахъ нѣсколько больше, чтобы сверхъ того дать еще церковникамъ возможность обзавестись собственною пашней ³⁾. Собственно церковною землею должно считать

¹⁾ П. С. Р. Л., II, 40, 1148 г.: «Княже! ать же поидемъ, и всяка душа, аче и дьякъ, а гуменце ему прострижено, а не поставленъ будетъ, и ты поидеть (въ походъ); а кто не поставленъ, ать Бога молить».

²⁾ *Неволинъ* въ *Э. Р. Г. Общ.*, VIII, прил. стр. 23, 1500 г.: «село Бѣлое... а въ немъ церковь Р. Х.; а нетяглыхъ людей въ томъ селѣ дворъ Емельянъ попь, дв. Дмитръ дьякъ, дв. сторожъ Мартюшь; а пашни у нихъ церковныя на 3 коробья ржи, а въ обжи и въ оброкъ не положены».

³⁾ *Неволинъ* въ *Э. Р. Г. Общ.*, VIII, прил. стр. 230, 1495 г.: «А на погостѣ жъ на волостной землѣ: Жабеньскаго десятка дв. Успеньской попь Евсевѣй, дворъ Никольской попь Иванъ... на церковной землѣ на Никольской дв. дьякъ Никольской... дв. Успеньской пономарь Стешко»...

тѣ земли, которыя составляли частную собственность, вотчину церквей и приставленнаго къ нимъ духовенства, священниковъ и дьяконовъ, которыми они распоряжались по произволу и обыкновенно не обрабатывали сами, а сдавали чернымъ людямъ ¹⁾. А такія земли какъ въ московское, такъ и въ новгородское время одинаково со всѣми другими землями подлежали всѣмъ общественнымъ повинностямъ, какъ общимъ, такъ и мѣстнымъ. Къ числу общихъ повинностей относились, напримѣръ, городоставленіе и доставленіе ратниковъ въ народное ополченіе. И вотъ источники говорятъ намъ, что даже самъ Новгородскій владѣка не былъ освобожденъ отъ исполненія послѣдней повинности и долженъ былъ выставлять со своихъ поземельныхъ владѣній особенный полкъ ²⁾. Къ числу же мѣстныхъ повинностей нужно отнести такъ называемыя городовыя подѣлки, постройку мостовыхъ и т. д. Новгородское духовенство не избавлялось отъ участія и въ этихъ подѣлкахъ. Изъ устава о мостѣхъ XII столѣтія видно, что въ постройкѣ городскихъ мостовыхъ принималъ участіе какъ самъ владѣка съ изгоями, такъ и члены Софійскаго собора ³⁾.

Подчиненіе новгородскаго духовенства реальнымъ общественнымъ обязанностямъ не служитъ однако доказательствомъ того, что въ его средѣ совсѣмъ не было стремленій къ освобожденію себя отъ послѣднихъ. Неся разнообразныя тягости на пользу епархіальнаго владыки, духовенство тѣмъ неотравимѣе должно было стремиться къ освобожденію себя отъ тягла общественнаго, и притомъ не только въ смыслѣ приобретенія частныхъ привилегій, имѣвшихъ силу въ отношеніи того или другаго храма, но и въ смыслѣ снисканія общихъ льготъ для всего духовнаго чина. Точекъ опоры для подобныхъ стремленій у него не доставало. Подобно тому какъ въ западной церкви основаніемъ для подобныхъ притязаній служилъ преимущественно Ветхій Заветъ, который по неясности легко могъ быть

¹⁾ Новг. Писц. кн., III, 41, 1500 г.: «В. князя деревни, что были церковные Борисоглѣбскіе въ Загвѣнья, да Спасіе съ Розважи улицы, да Федоровскіе съ Шарковы улицы». А. Ю., стр. 112, № 71: «Се купи Михаило Оеромъевичъ у попа у Ортемья село въ Кехтѣ въ Малой». *Неволимъ* въ *З. Р. Г. Общ.*, VIII, пр., стр. 14, 1500 г.: «А тѣ обжи попова Наумова вотчина». См. тамъ же, VIII, прил., стр. 20, 24, 26, 31.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 127—128, 1471 г.

³⁾ Рус. Пр. по Карамз. сп., ст. 134, XIII в.: «а владыцѣ съвозѣ городная врата съ изгой, а съ другими до Острое улицы... Союзномъ до тысяцскаго»...

источникомъ для всякаго рода доказательствъ, точно также и на Руси, въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ, одинаковую услугу оказывало византийское церковное законодательство. Хотя въ Византии земли церковей и духовенства и не были свободны отъ обыкновенныхъ поголовныхъ повинностей, тѣмъ не менѣе они освобождались отъ обязанностей чрезвычайныхъ и низкихъ, *munera torrida et extraordinaria*. Понятіе о низкихъ повинностяхъ въ каноническомъ правѣ не было строго опредѣлено и съ теченіемъ времени подвергалось разнымъ измѣненіямъ; но во всякомъ случаѣ, между разными другими тягостями, оно заключало въ себѣ заботы о продовольствованіи солдатъ и постройку крѣпостей ¹⁾. Эти-то постановленія каноническаго права и могли легко послужить для новгородскаго духовенства точкой опоры въ его стремленіяхъ освободиться не только отъ участія въ постройкѣ крѣпостей, но и отъ поставленія со своихъ земель ратниковъ. Нельзя сказать, чтобъ эти стремленія духовенства увѣнчались полнымъ успѣхомъ; но нѣтъ сомнѣній, что ему все-таки удалось добиться нѣкоторыхъ облегченій. Въ Новгородѣ вообще постройка городскихъ укрѣпленій не могла причинять духовенству большія хлопоты, такъ какъ она производилась волостями, а горожане играли при этомъ только роль распорядителей. Но и независимо отъ того, позднѣйшія данныя показываютъ, что при городоставленіи духовенство даже не соединялось съ остальнымъ населеніемъ, а несло эту повинность отдѣльно, и притомъ, конечно, не въ особенно большомъ размѣрѣ ²⁾. Относительно Пскова, гдѣ имѣли мѣсто подобныя же отношенія, намъ извѣстенъ даже и размѣръ участка, который выпадалъ тамъ на долю духовенства при городоставленіи: онъ ограничивался постройкой части городской стѣны, величиной въ 160 сажень, и покртіемъ башенъ. Что же касается до обязанности ставить съ церковныхъ земель ратниковъ, то притязаніе на освобожденіе отъ этой повинности духовенство заявило въ концѣ XV

¹⁾ Kuffel, Geschichtliche Darstellung des Verhältnisses zwischen Kirche und Staat, I, 156, 157, 162, 164.

²⁾ П. С. Р. Л., VI, 293, 1534 г.: «онъ бо государи (Иванъ III и Василій III) управляху свою вотчину Великій Новъгородъ 60 лѣтъ и множае, а не таковъ бо бы обычай градъ ставити, а не одну градюю, ни двѣ въ тѣ лѣти ставляти; и егда ставити градъ, ино воставляху всею областію Новгородской земли волостями, елико ихъ есть во всей Новгородской земли и области, а Новгородскіе люди токмо кто пригоже съ торговыхъ рядовъ нарядчики были; а священного лика никако же съ простомъ чадію ни въ какихъ дѣлѣхъ не совокупляли».

столица въ Псковѣ и при помощи Номоканона успѣшно отстояло его не смотря на сильное противодействие такой льготѣ со стороны вѣча ¹⁾ Но чуть ли не всего счастливѣе было духовенство въ отношеніи городскихъ подѣлокъ. По крайней мѣрѣ псковскіе священники сообщали въ 1600 году царю, что они изстари не участвовали съ горожанами ни въ какихъ подѣлахъ и на этомъ основаніи были освобождены отъ нихъ и впродъ ²⁾.

Нигдѣ такъ ясно не сказывается связь духовенства съ новгородскимъ обществомъ, какъ въ отношеніяхъ его къ приходамъ. И это совершенно понятно. Въ древности храмы не только создавались, но и поддерживались по большей части самимъ же обществомъ. Церкви строились какъ частными лицами, такъ и цѣлыми товариществами или мѣстными союзами, улицами и волостями или селами ³⁾. Тѣ же лица и союзы далѣе заботились о сообщеніи храмамъ нѣобходимого благоустройства, о снабженіи ихъ необходимыми церковными предметами и богослужебными книгами ⁴⁾. На нихъ же падало въ значительной долѣ и содержаніе приставленнаго къ церквамъ причта. Такъ общество должно было уже оплачивать трудъ духовныхъ лицъ по исполненію ими заказныхъ службъ и разныхъ церковныхъ требъ, и эта плата ложилась на него тѣмъ чувствительнѣе, что размѣръ ея много зависѣлъ отъ самихъ же исполнителей. Церковная власть старалась, правда, подчинить нѣкоторые виды этой платы опредѣленной таксѣ, постановляла, напримѣръ, что за сорокоустъ должно брать шесть кунъ, а за гривну служить пять сорокоустовъ ⁵⁾. Но вообще плата назначалась самимъ духовенствомъ, и червѣко такъ, что подавала поводъ къ

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 269, 1495 г.: «И Псковичи срубили съ доотца еяго челоуѣкъ конный, да и со священниковъ и со дїаконовъ почали рубити; и священники наши въ правилахъ св. отецъ въ Манаканувѣ, что написано, яко не подобаетъ съ церковной земли рубитися». Тамъ же: «и не взяша съ нихъ ничего въ помощь».

²⁾ *Евгеній*, Ист. Кн. Пск., II, 103, 1600 г.: «а они дон (помовеніе духовные) встари и по сѣ мѣста съ посадскими людьми никакихъ податей и мостевъ по большимъ улицамъ не мащивали, oprичъ городовыя стѣны 160 сажень да башни крмы»...

³⁾ П. С. Р. Л., III, 13, 1165 г.; 18, 1185 г.

⁴⁾ *Изв. Имв. Ак. Н.*, VI, 35, 1390 г.: «написаны быши книги сія, гдѣголемыя прологъ, ко св. чудотворцова Козмы и Дамьяну... повелѣваемъ... всѣхъ боляръ и всея улицы Кузюдемьянъ».

⁵⁾ *Калайдовича* Пам. XII в., 173: «сорокоусты на гривну пятью служить, а на 6 кунъ одинаю».

жалобамъ на его корыстолюбіе ¹⁾. Но кромѣ этого косвеннаго участія, общество оказывало церквамъ и прямую поддержку назначеніемъ руги и пожалованіемъ поземельныхъ владѣній. Подъ ругою разумѣлся хлѣбный или денежный окладъ, опредѣлявшійся общественною властью, а иногда и просто какимъ-либо товариществомъ, на содержаніе известнаго церковнаго причта. Руга вообще встрѣчалась не часто, была принадлежностью такъ-сказать привилегированныхъ церквей. Такою привилегированною церковью была, напримѣръ, храмъ св. Іоанна Предтечи, служившій мѣстомъ новгородскаго торговаго управленія: на содержаніе его причта былъ опредѣленъ известный процентъ изъ пошдины, которая собиралась съ провѣсу воска ²⁾. Сравнительно съ ругою, поземельныя владѣнія имѣли въ содержаніи церквей и ихъ причта гораздо большее значеніе. Какъ уже мы указывали, владѣнія эти были двухъ родовъ. Одни представляли такъ-сказать не отчуждаемую принадлежность церквей, другія же — полную частную собственность или вотчины послѣднихъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ церкви обязаны были ими своимъ прихожанамъ, съ тою только разницею, что вотчины пріобрѣтались отъ отдѣльныхъ лицъ, жертвовавшихъ ихъ въ церкви на поминъ души. Эти тѣсныя отношенія, въ которыхъ стояли къ церквамъ прихожане и жертвователи, дѣлали вышестоятельство послѣднихъ въ церковныя дѣла необходимымъ даже помимо религіознаго интереса. Прежде всего для нихъ не могла быть безразличною судьба церковныхъ владѣній. И вотъ мы дѣйствительно видимъ, что во Псковѣ на судѣ за церковную землю стоятъ сначала всѣ прихожане сообща, а послѣдніе или представляютъ, дерковныя старосты ³⁾. Но затѣмъ для прихожанъ было важно и то, чтобы причты не обременяли ихъ излишними поборами. И вотъ мы видимъ, что они распространяютъ свое вліяніе, на самое назначеніе къ церквамъ священнослужителей, и притомъ тѣмъ легче, что это ни мало не противорѣчило церковнымъ прави-

¹⁾ А. И., I, 13, № 6, 1388—1395 г.

²⁾ Д. къ А. И., I, 3, № 3, 1134—1135 г.: «за оброка... изъ вѣсу вощанаго имати: попомъ по 8 гривенъ серебра, а дякону 4 гривны серебра, а дяку 3 гр. сер., а сторожамъ 3 гр. сер.». Ср. П. С. Р. Л., VI, 218, 1478 г. Тамъ же, VI, 299, 1536 г.: «А вседневную (то-есть, службу) замыслили рядовичи Великого ряду корыстнаго... и поца другого поставили и ругу обещали давати по 3 рубли на всякъ годъ».

³⁾ Пск. Судн. Грам., 2-е изд., стр. 10: «А не церковною землею и на судѣ помощью суетви не ходятъ; итги на судѣ старостамъ за церковную землю».

лицъ. Каноническими законами патронамъ, были ли то частныя лица, или же цѣлые союзы, предоставлялось именно право презентациі или предложенія владыкъ лицъ, изблюбленныхъ для занятія извѣстныхъ церковныхъ мѣстъ. У насъ нѣтъ древнихъ свидѣтельствъ, доказывающихъ, что въ Новгородѣ имѣла мѣсто подобная презентациа ¹⁾; но всѣ поддѣланныя данныя говорятъ однако въ пользу того мнѣнія, что назначеніе церковнослужителей совершалось именно въ этой формѣ. Изъ посланія Геннадія видно, что лица, предназначавшіяся для занятія извѣстныхъ церковныхъ должностей, приводились къ владыкѣ на посвященіе самими мирянами; а Стоглавъ прямо сообщаетъ, что въ Великомъ Новгородѣ уличане принимали къ церквамъ пономѣ, діаконовъ, и дьяковъ и пономарей и затѣмъ приходили съ ними къ владыкѣ, вѣроятно—для посвященія или же для благословенія ²⁾.

Дѣло однако не остановилось на одномъ избраніи. Въ древности вообще не существовало правила, по которому церкви считались изъятыми изъ частной собственности. Кто строилъ и содержалъ церковь, тотъ считался вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы и ея собственникомъ. Сами владыки не менѣе другихъ раздѣляли эту точку зрѣнія и имѣли свои собственные, владычьи церкви и монастыри; только въ этомъ случаѣ не могло возникнуть никакихъ затрудненій, такъ какъ аномалія въ лицѣ владыки сглаживалась на мѣстѣ: владыка былъ непосредственнымъ главою какъ своего собственнаго, такъ и всѣхъ остальныхъ храмовъ ³⁾. Но волею судьбы эта точка зрѣнія переносилась на лица постороннія для церкви, то затрудненія возникали тотчасъ же сами собою: духовенство частныхъ церквей не могло стать въ зависимость отъ своихъ патроновъ безъ того, чтобы не потерпѣла ущерба власть епархіальнаго архіерея. Первымъ явленіемъ въ этомъ родѣ въ Вели-

¹⁾ *Валлес* (Разказъ изъ Руск. Ист., II, 117—118) видитъ доказательство присутствію въ Новгородѣ выборовъ пріята въ одномъ мѣстѣ Всеволодова устава, а именно: «а поповъ св. вел. Ивана, и дьякона, и дьяка, и сторожовъ, призирати старостаъ Иванскихъ и купцамъ» (Д. къ А. И., I, 4, № 3, 1134—1135 г.); но неосновательно: слово «призирати» значитъ не выбирать, а заботиться.

²⁾ А. И., I, 147, № 104, 1496—1504 г.: «занеже вѣдь толко приведутъ кого грымотъ горазда, и мы ему велимъ одны октенія учти, да поставивъ его да отпущаю боржае... Стоглавъ, изд. 1856 г., гл. 41, стр. 176: «Въ Новгородѣ въ Великомъ попы и дьяконы и дьяки и пономари и проскурницы и притворяе уличане къ церкви принимаютъ... да съ тѣмъ идутъ ко владыкѣ всею уличаею».

³⁾ П. С. Р. Л., III, 25, 1199 г.: «Испьсаша церковь въ Русѣ св. Спаса, владычню, въ монастырь». Тамъ же, III, 79, 1339 г.: «кончаша церковь владычьею пишущаею».

князь Новгородѣ были княжескія церкви, помѣщавшіея главнѣйшѣ образомъ на Городницѣ и получавшія свое содержаніе отъ князя: причты княжескихъ церквей не считали себя постою связанными церковною властью Новгородскаго владыки, предпочитая послѣдней зависимость отъ своего князя-патрона¹⁾. Пригнѣтъ князя не остался безъ подрыванія со стороны какъ частныя лица, такъ и цѣлыхъ союзовъ. И еѣ стали смотрѣть на церкви какъ на свою частную собственность, а на священнослужителей—какъ на вполнѣ зависящихъ отъ себя людей, и тѣмъ не мало содѣйствовали измѣненію смысла церковной должности. Хотя посвященіе въ древней Руси, сообразно съ каноническимъ правомъ, и не было абсолютнымъ, то-есть, такимъ, которое сообщало поставленнымъ лицамъ неизвѣстную способность, а не неизвѣстную церковную должность, не мѣсто при неизвѣстной церкви,—тѣмъ не менѣе, при взглядѣ миротъ на священнослужителей, какъ на вполнѣ зависящихъ отъ нихъ людей, оно теряло свой отличительный характеръ, усвоенный ему вселенскими соборами — не quis ordinetur sine titulo—и сдѣлалось фактически абсолютнымъ. Не много было пользы отъ того, что владыка посвящалъ ставленниковъ только въ неизвѣстныя церкви, тамъ какъ вслѣдствіе неудовольствія паствы, послѣдніе легко теряли свои мѣста и такимъ образомъ все-таки оставались при одной способности къ священнодѣянію²⁾. Благодаря такому произвольному отстраненію священнослужителей патронами и прихожанами, на Руси въ бредѣ духовенства изстари существовали два большіе отдѣла, изъ которыхъ первый обнималъ собой мѣстные причты, состоявшіе въ данное время при мѣстныхъ церквяхъ, а второй—безмѣстныхъ церковниковъ, потерявшихъ вслѣдствіе неблагопріятнаго расположенія паствы свои мѣста, на кои они были первоначально посвящены. Хорошо еще, если безмѣстному священству скоро пред-

¹⁾ П. С. Р. Д., III, 7, 1186 г.: «Оженися Святославъ Ожьговецъ Новгородѣ и вънцѣя своими попы у св. Николы, а Нисонтъ его не вънцѣя, ни попомъ на сватбу, ни церенцемъ дать, глагола: не достоятъ ея поняти». С. Г. Г. и Д., I, 4, М 6, 1270 г.

²⁾ *Евгеній*, Ист. Ки. Пек., II, 84—85, 1528 г.: «Да били мнѣ челомъ старосты петросборскія... что деи они по моему наказу поучаютъ дѣтей своихъ духовныхъ, а они деи ихъ не слушаютъ, да съ мирскими людьми и игуменовъ и священноинокъ и священниковъ отъ церквей безъ моего вѣдома отсылаютъ; и азъ призвавъ намѣстнику своему того беречь накрѣпко, чтобы безъ моего вѣдома отъ церквей игуменовъ и священноинокъ и диаконовъ не отсылали, а иныхъ не пораживали».

ставился благоприятный случай выйти изъ своего тяжелого положенія, если въ какомъ-либо мѣстѣ епаркіи открывался сильный недостатокъ въ священникахъ, какъ это, напримеръ, было въ 1388 году, когда Псковичи просили у Новгородцевъ поповъ „которые ходятъ поны безъ церкви“¹⁾. Въ противномъ случаѣ, до полученія новаго мѣста, беамѣстнымъ священнослужителямъ естественно приходилось пользоваться своею собственностью только временно, отправлять службы или по найму, въ замѣнъ мѣстныхъ священниковъ: молебное служилось обыкновенно тогда, когда мѣстные попы не могли по какому-либо причинамъ сами совершать богослуженіе²⁾.

Однако беамѣстные священнослужители рѣдко оставались въ такомъ выжидательномъ положеніи; гораздо чаще, ввязъ съ собою степенную грамоту, свидѣтельствовавшую о ихъ способностяхъ къ священствованію, равно какъ и отпускную, позволявшую имъ искать мѣста въ чужихъ краяхъ, они сами пускались въ погоню за должностью. Вообще духовенство въ древности было также склono къ бродячей жизни, какъ и остальное население; оно также находилось въ постоянномъ движеніи, которое не ограничивалось предѣлами одного роднаго края, а распространилось на всю тогдашнюю Русь. Тамъ въ позднѣйшее время (въ XVI столѣтіи) священнослужители, принадлежавшіе какъ къ бѣлому, такъ и къ черному духовенству, являлись въ Псковъ не только изъ новгородскихъ, московскихъ и тверскихъ предѣловъ, но и изъ Литвы (то-есть, Западной Руси, въ особенности же изъ Кіева), вступали въ сдѣлки съ прихожанами церкви, предлагали выгоднѣйшія для послѣднихъ условія или даже просто подкупали ихъ и такимъ образомъ успѣвали стѣснять мѣстные причты, которымъ въ свою очередь приходилось волочиться безъ мѣстъ³⁾. Въ условіяхъ, заключавшихся духовенствомъ съ прихожанами при принятіи должно-

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 96, 1388 г.: «Псковичи привадиша ко владыцѣ Ивану прошати поповъ во Псковъ къ церквамъ, которми ходятъ поны безъ церкви».

²⁾ А. А. Э., I, 441, № 360, 1594 г.

³⁾ Х. И., I, 61, № 31, 1420 г. *Евгеній*, Ист. Кн. Пск., II, 82—83, 1528 г. «Да что во Псковѣ черныя попы и бѣлые и діаконы съ Москвы и изъ за Твери и изъ Новгорода и изъ Литвы, да у церквей служатъ, а старостамъ петисборскимъ то невѣдомо, есть ли у нихъ ставленныя грамоты и отпускныя, или нѣтъ, и свершены ли въ попы, или не свершены, и есть ли у нихъ жемъ, или нѣтъ, да подъ мѣстныхъ игуменовъ и священниковъ подкупаются, и старые игумены и священнопопы и священники и діаконы, тутошніе ииальцы, волочатся безъ мѣстъ».

сти, опредѣлялось время, въ продолженіе котораго священникъ обязанъ былъ совершать богослуженіе, напримѣръ, годичный срокъ, службы, какія онъ долженъ былъ совершать въ различные дни и требы, за отправление которыхъ ему не вѣдалось брать пошлннъ съ прихожанъ; въ условія же записалась и статья, воспрещавшая прихожанамъ удалять священника безъ вины даже въ томъ случаѣ, когда послѣдній захотѣлъ бы остаться при церкви и по прѣшествіи договорнаго срока ¹⁾. Такимъ образомъ, право презентациі, предоставленное каноническими законами мирянамъ, превратилось въ древней Руси въ частный наемъ священнослужителей, который въ позднѣйшее время совершали даже не безъ нѣкотораго цинизма. По свидѣтельству Стоглава, невоюскіе великокняжескіе дворецкіе и дьяки, раскорякавшіеся мѣстами при русскихъ церквахъ, раздавали ихъ вкупѣ съ владичинымъ намѣстникомъ только за большія деньги ²⁾. Ту же страсть къ наживѣ въ сѣтѣ причта Стоглавъ порицаетъ и въ новгородскихъ прихожанъ. По его словамъ, населеніе новгородскихъ улицъ принимало къ церквамъ поповъ, дьяконовъ и остальныхъ членовъ причта не иначе, какъ воевъ съ нихъ нзрядный откупъ: съ иного пона 15, съ другихъ 20 и даже по 30 рублей. Помянуто, что требованія откупа заявлялись съ особливою настойчивостію тогда, когда владыка самъ отъ себя рѣшался назначать въ приходъ какого-либо священника, гораздгаго грамотъ: ово являлось тогда для прихожанъ средствомъ обороны противъ вторженія владыки въ принадлежавшую имъ сферу дѣятельности ³⁾.

Нравствъ съ церковью и другая, перенесенная изъ Византіи единица религіознаго общенія, монастырь, получила въ древней Руси своеобразное развитіе. Въ Византіи господствовали три формы монастырскаго устройства: 1) киновія или общежитіе, представлявшее соединеніе извѣстнаго числа монаховъ на строгомъ общежительномъ уставѣ; 2) отшельничество, на основаніи котораго тѣмъ же уставомъ

¹⁾ А. Ю., стр. 199, № 185, 1588 г.

²⁾ Стоглавъ, гл. 41, стр. 177: «Также и дворецкіе и дьяки и во Псковѣ наместникъ владыченъ ставятъ сами поповъ къ ружнымъ церквамъ и на нихъ и на всемъ причтѣ церковномъ великие жъ денги емлютъ».

³⁾ Стоглавъ, гл. 41, стр. 176: «и на нихъ емлютъ денги великие, на попу рубльи 15, а на иноу 20, а у иного 30, да съ кѣмъ идуть по владыкѣ всею улицю. А только владыка пона пришлетъ къ которой церкви, хотя грамотъ гораздъ и чюственъ, а только многихъ денегъ улчачномъ не дастъ и они его не примуть».

общезнѣтія связывалось только весьма незначительное число иноковъ, обыкновенно — трое или даже двое, и 3) пустынножителство, своеобразно съ которыми каждый отдѣльный монахъ уже образовалъ особенный монастырь. Последняя форма монашества считалась самою высшею, но принатіе ея совѣтовалось только людямъ, „внѣшнимъ носить великаго и жестокаго житія“¹⁾. Всѣ эти формы монастырской жизни встрѣчаются и въ древней Руси, только съ большими мѣстными особенностями. Преимущественнымъ распространениемъ, особенно въ сѣверной Руси, пользовалось впрочемъ отшельничество, какъ форма, которая при извѣстныхъ условіяхъ всего менѣе могла стѣснять дорогую для того времени личную свободу. По числу членовъ русскіе отшельническіе монастыри еще напоминали свой византійскій образецъ. Обыкновенное количество монаховъ составляло въ нихъ не болѣе двухъ или трехъ и только изрѣдка доходило до шести или семи: въ такомъ случаѣ монастырь считался уже большимъ²⁾. Но въ своемъ устройствѣ они очень мало отвѣчали византійскимъ предписаніямъ. Въ нихъ ясно преобладало „собинное“ существованіе. Тѣсное сообщество монаховъ отнюдь не считалось ихъ принадлежностью. Напротивъ, каждый монахъ селился отдѣльно, въ особенной кельи (кельѣ), по близости, а иногда и совершенно вдали отъ остальныхъ братьевъ. Подобнымъ образомъ нисколько не возбранялась и частная собственность. Каждый монахъ могъ имѣть свое имущество и отдѣльное хозяйство и долженъ былъ заботиться о немъ поддерживать: оттого монахи „были одержимы всякими житейскими печалами“. Вся связь между этими отдѣльными единицами заключалась не болѣе, какъ только во временныхъ совѣщаніяхъ и въ религиозномъ общеніи, въ храмѣ, который они себѣ сооружали³⁾. Съ этимъ собиннымъ мо-

¹⁾ А. И., I, 52, М 26, 1418 г. Преданіе Нила Сорскаго, С.-Пб. 1850 г., стр. 23.

²⁾ П. С. Р. Д., VI, 284, 1528 г.: «А преже бо сего токмо велицыя монастыри во общины быша и по чину, а прочіи монастыри, же окрестъ града, особы живущи, кождо себѣ въ кельяхъ ядоху и всякими житейскими печалами одержимы бяху, а въ лучшихъ монастырѣхъ 6 черньцовъ или 7, а въ прочихъ два или 3».

³⁾ Преданіе Нила Сорскаго, стр. 24: «Нынѣ же въцѣмъ, не внемлюще силѣ Св. Писанія, изобрѣтоша себѣ не по волѣ, не по преданію св. отецъ, четвертый чинъ или житіе: взиждуще бо кельи великы, идѣше аще хочеть, вди далече, или поблизу, живуть уединенно, всякъ свою волю предпочитая и стѣжаніе съ попоченіемъ гоня». Тамъ же, стр. 35: «Отцы пишуть, ублажающе въ двухъ или тріехъ житіи. Возмѣся бо въцѣмъ, яко еже жити не общежительно, но близъ или далече въ своихъ кельяхъ, особы, и сходитися временемъ на совѣтъ, се есть путь средній и царскій»...

нашесини существовавшее было тѣсно связано другое явленіе, на первый взглядъ казавшееся совершенно незначительнымъ, а именно возникновеніе такихъ монастырей, въ которыхъ находились какъ чернецы, такъ и черницы, и въ которыхъ начальствовали игумены, а не игуменьи со овицкиниками-бѣльцами. Странность явленія, которую преев. Макарій несправедливо пытался объяснить призываніемъ черницъ за особенный, только приписной къ мужскому монастырю, нѣсколько сглаженный, какъ скоро принять во вниманіе раздѣльное жителство членовъ монастыря. Отшельническій монастырь есть собственно только мѣсто различнаго общенія: монахи и монахини относятся къ нему почти также, какъ приобщене къ своей церкви¹⁾.

Хотя отшельническіе монастыри и пользовались преобладаніемъ въ сѣверной Руси, тѣмъ не менѣе тамъ встрѣчались и монастыри общежительные, только также въ весьма своеобразной формѣ. Противоположно отшельническимъ монастырямъ, члены общежительныхъ составляли, правда, неъ себя общину, но довольно оригинальнаго устройства. Въ составъ каждой общины входили два элемента, старцы и владыки. Подъ первыми разумѣлись исключительно люди, отрешившіеся отъ міра, иноки по призванію, но въ вторыми же — міряне, обезвнчивавшіе себѣ право на причисленіе къ монастырю внесеніемъ вклада или извѣстной денежной или какой-либо иной цѣнности. Конечно, во многихъ монастыряхъ и старцы нередко приобретали себѣ право на пребываніе въ монастырѣ не иначе, какъ посредствомъ внесенія вкуповъ, вкладовъ или милостынь; но это было не необходимо: въ иноки принимали часто и „за богородѣ“. Напротивъ, въ владыки можно было попасть не иначе, какъ только чрезъ внесеніе въ монастырь опредѣленнаго вклада²⁾: Были двѣ причины, которыя побуждали мірянъ записываться въ монастырскіе владыки. При томъ стремленіи кончать свою жизнь въ ангельскомъ (то-есть, монашескомъ) образѣ, которое характеризуетъ разсматриваемое время, внесеніе вкладовъ, особенно со стороны знатныхъ лицъ, уже само по себѣ должно было быть весьма обыкновеннымъ явленіемъ. Оно обезпечивало владыкамъ не только спокойное

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 278, 1504 г.: «А что въ монастыряхъ въ одномъ мѣстѣ жили черцы и черницы, а служили у нихъ игумены...»

²⁾ Макарь. Мин. Четин, за свят, стр. 476: «и увидавъ сія братія, притекоша скоро къ нему (князю) оскорбленіи... Мы, рече, пришли въ обитель Пречистыи... и давахомъ влады, и по своимъ родителѣхъ имѣнія и села въ наследіе благъ вѣчныхъ». А. А. Д., I, 83, № 108, до 1479 г.

и почетное пребываніе въ монастырѣ въ старости, но и защиту въ оградѣ послѣдняго и даже постоянное поминаніе по смерти. Что же касается до другой побудительной причины, то она имѣла болѣе фактическій характеръ и состояла не въ чѣмъ иномъ, какъ въ желаніи обезпечить свое земное существованіе. Такихъ соображеніемъ руководились по преимуществу малосостоятельные люди, изъ которыхъ составлялось обыкновенно большинство монастырскихъ владѣльцовъ. Внося вкладъ, они не отрывались отъ міра и отъ своихъ мірскихъ занятій, но въ то же время гарантировали себѣ право на поминанное получение изъ монастыря содержанія, которое шло въ послѣднемъ на долю чернецовъ. Въ числѣ такихъ владѣльцовъ встрѣчаются особенно часто лица, стоявшія въ какихъ-либо служебныхъ отношеніяхъ къ монастырю: въ XVI вѣкѣ, напримѣръ, между владѣльцами одного монастыря упоминается конюхъ Карпъ ¹⁾. Но коль скоро вошло въ обычай внесеніе вкладовъ со стороны отдѣльныхъ лицъ, монаховъ и мирянъ, то отчего было не послѣдовать ихъ примѣру и цѣлымъ монастырямъ? И вотъ, мы дѣйствительно видимъ, что игумены съ братіей однихъ монастырей цѣлкомъ владѣваются въ другіе и такимъ образомъ полагаютъ начало монастырямъ приписнымъ. Выгоды при этомъ были обоюдны. Независимо отъ расширенія своей власти, главный монастырь получалъ возможность извлекать доходы какъ изъ вносимаго вклада, такъ и изъ тѣхъ земель и угодій, которыми располагалъ приписной, и которыя въ рукахъ послѣдняго, вслѣдствіе скудости средствъ, легко могли оставаться безплодными ²⁾. Точно также, хотя приписка и сопровождалась обыкновенно для мелкихъ монастырей потерей нѣкоторой доли самостоятельности, тѣмъ не менѣе въ замѣнъ того она доставляла имъ спокойное существованіе. Благодаря опорѣ, которую чрезъ приписку они приобретали въ главныхъ монастыряхъ, имъ уже не могли быть особенно страшны свѣтскіе правители, архіерейскіе слуги и сильные люди. Въсѣтъ съ тѣмъ вѣкъ не нужно было уже много безновотиться и о снисканіи средствъ для своего существованія. Принимая вклады, большой монастырь обязывался обыкновенно выдавать имъ „вѣчно“ такое же содержаніе, какое получали въ немъ чернецы и владѣльцы ³⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 153, 1548 г.: «да въ тѣ жь поры выняли у старца у Еерема въ кельѣ, въ ларци, ризы казенны, да старца связали, да у вкладчика у Карпа у конюха выняли колоколь, кои у трапезы...»

²⁾ *Амеросій*, Ист. Росс. Иерарх., V, 156, 1678 г.

³⁾ *Рус. Ист. Вибл.*, II, 18, № 19, 1459—1471 г.: «се вложися игумень Иг-

Независимо отъ состава, и самый характеръ общины въ новгородскихъ монастырскихъ общинахъ представлялъ важныя особенности. Какъ показывають примѣры Псковскаго Спѣсоторскаго монастыря, община была въ нѣкъ болѣе въ зародкѣ, чѣмъ въ полной дѣятельности. Община существовала безъ опредѣленнаго письменнаго устава, который сколко-нибудь регулировалъ бы отношенія монаховъ; и состояло главнымъ образомъ въ одномъ сожителствѣ въ сѣнахъ монастыря. Общая трапеза соблюдалась не строго, равно какъ не строго удерживалась и частная собственность; сообразно съ своими частными средствами монахи держали „собини“ или отдѣльныя хозяйства, облекались въ нѣмецкое сукно и въ бараньи шубы съ пухомъ¹⁾. Даже поставленіе церковникъ правилъ, воспрещавшихъ монахамъ постъ, постриженіе: сохранять за собою недвижимыя имущества, не имѣло полной обязательной силы. Монахи и монахини не только владѣли вотчинами, но и распорядились ими совершенно свободно, продавали, дарили, отдавали кому хотѣли на завѣщанію, приобретали или наследовали въ свою личную пользу новыя имѣнія, нередко даже состоя въ монашескомъ званіи. Примѣры такого владѣнія и свободнаго распоряженія недвижимою собственностью монахами довольно многочисленны, и хотя въ каждомъ частномъ случаѣ и бывать трудно рѣшить, къ какому монастырю принадлежалъ собственникъ, въ отшельническому или общинному, тѣмъ не менѣе въ общемъ несомнѣнно, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ родѣ монастырей, владѣніе недвижимою собственностью у отдѣльныхъ лицъ было вовсе самою обыкновенною²⁾. Существованіе самой собствен-

натеи Рождества св. Богородицы и вси старци Рождества св. Богородицы с Пенья острова къ св. Спасу въ Передкии вѣдчимъ княземъ и даша десять рублевъ при игуменъ при Митросавъ и при старцахъ при Левентъ и при Ергилъ, и при Сероніемъ, и при Арсѣяни; и при владичикахъ при... и при... и при всихъ владчихъ (то-есть, владичикахъ). А князи нѣтъ хлѣбъ и соль, какъ ченца и владичики в монастырѣ емлютъ въ домъ св. Богородицы и в вѣжи; а в вѣже нѣтъ ни въ что же не вступатис. Нѣкотора выпрашенія въ этой важной грамотѣ приписаны поддѣле.

¹⁾ А. И., I, 52, № 26, 1418 г.: «А повѣдаете ми (Фотію) и пишете, что того устава его ктиторова у васъ написаннаго и не было». А. И., I, 8, № 5. 1852 г.: «А оуданіе потребное князи у игумена, обычными, а не замечскими сукномъ, а шубы бараньи носити безъ пуху». Тамъ же, I, 510, № 578, 1469—1473 г.; А. Ю., стр. 145, № 110.

²⁾ А. Ю., стр. 483, № 409, V: Се азъ... игумень Василій даль есмь въ домъ св. Николы... Урвановскую землю, чѣмъ есмь володѣлъ». Тамъ же, стр.

ности въ монастыряхъ служило обыкновенно для послѣднихъ источникомъ разннхъ затрудненій, такъ какъ оно вызывало постоянное вмѣшательство въ монастырскія дѣла свѣтской власти, чего духовенство вслѣдствіи набѣдало. Нерѣдко случалось именно, что чернецы вслѣдствіе неудовольствій оставляли монастыря, и вочемъ, считали себя въ правѣ не только сохранить за собою свою частную собственность, но даже и требовать обратно влады, внесеннаго въ монастырскую казну. А такъ какъ, съ другой стороны, духовная власть смотрѣла на достоиніе чернецовъ, особенно же на ихъ влады, какъ на имѣніе монастырское, то вышедшимъ ничего иного не оставалось, какъ искать управы у свѣтской власти, и сколько извѣстно, послѣдняя не отказывала въ такихъ случаяхъ въ судѣ и назначала роту игумену и старцамъ ¹⁾. Нерѣдко случалось и такъ: умиралъ въ монастырѣ игуменъ и оставлялъ послѣ себя нѣкоторое имущество. Монастырь естественно склоненъ былъ смѣтрѣть на себя, какъ на самаго законнаго наследника умершаго, но такъ какъ въ то же время и кровные родственники его не отказывались отъ правъ на наследіе, то дѣло опять запутывалось и могло быть разрѣшено не иначе, какъ при вмѣшательствѣ свѣтской власти. Духовное начальство, конечно, порицало мірянъ за это несправедливое, но его нѣмнѣ, вмѣшательство въ церковныя дѣла; но частое повтореніе жалобъ показываетъ, что оны дѣйствовали не довольно успѣшно ²⁾.

Кромѣ устройства общаго, большіе монастыри отличались отъ отшельническихъ характеромъ внутренняго управленія и отношеній къ своему епархіальному владыкѣ. Хотя византийское каноническое право и не допускало изъятія монастырей изъ-подъ власти своего

148, № 110: «Се даде Алексѣе чернецъ св. Николаи и вѣкъ землю... купцю свою... Тамъ же, стр. 432, № 409, III: «Ортемей чернирецъ, отхода сего свята, ниню рукописанье: св. Николѣ... четверть новолока, моего участка»... Тамъ же, 434—435, № 409: «а что моя полявка особная досталаасъ мнѣ отъ братьи, и ту полянку даю (чернирецъ Ермола) св. Михаилу и ниня земля, что въ мезалѣ съ тою землею, всю не купити». У *Несомна* въ *З. Р. Г. Общ.*, VIII, прил., стр. 41, упоминается земля «Овдотьи черницы, съ Ямамъ пророка, гречиданскіи жены».

¹⁾ А. И., I, 50, № 24, 1416—1421 г.: «И тыя чернецы да изъ вашего (Святоторского) монастыря вышедшеи воутъ, да подымаютъ мірскыя люди и мірянскы судья и на старцевъ»...

²⁾ А. И., I, 50, № 24, 1416—1421 г.: «или мірскій человекъ почнегъ чего выскывати умершаго чернца, или племя или родъ общешителева, а тамъ того не искати»...

епископа, тѣмъ не менѣе это правило, вслѣдствіе недостаточнаго ознакомія ивантійскаго образа, не могло сохраниться за Русскою церковью, а чрезъ это и тутъ отделилось обширное поле для разнаго рода исклещеній. Поэтому, между тѣмъ какъ мелкіе монастыри и на Руси вполнѣ подчинялись власти владыки и даже иногда испитывали отъ него притѣненія, въ то же время значительные монастыри мало по малу выходять изъ-подъ владычной оковы и приобретаютъ для своего внутренняго управленія нѣкоторую независимость ¹⁾. Что же касается послѣдняго, то здѣсь разница между общецерковными и отшельническими монастырями только въ степени ея сложности. Въ сущности внутреннее управленіе монастырей въ обоихъ случаяхъ одинаково основывалось на выборномъ началѣ и всякое умощеніе отъ него мерцалось, какъ исключенное. Въ запискахъ Антонія Римлянина предается промѣтию не только иноки, которые издумали бы добиваться игуменства насильемъ или за деньги, но и епископы и князья, которые захотѣли бы проводить въ настоятели Антоніевскаго монастыря своихъ собственныхъ кандидатовъ ²⁾. Въ монастырскомъ управленіи ученые старались отыскать свойственное каноническому праву искусное соединеніе единоличной власти съ коллегиальною; не это соединеніе если и можно допустить, то только въ весьма слабой степени. Въ числѣ единоличныхъ монастырскихъ властей мы встрѣчаемъ прежде всего игумена, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ общее управленіе монастыремъ, а затѣмъ, по крайней мѣрѣ въ важнейшихъ монастыряхъ, келара, заведеннаго свѣтскими, мирскими дѣлами монастыря, и казначая, спеціально распорашавшагося монастырскою казною; иногда, впрочемъ, эти послѣдніе лица носили и другія названія, но это, конечно, имело не наибольшаго сущности дѣла ³⁾. Коллегиальная же власть была представляема соборомъ, заключающимъ въ себя, кромѣ поместныхъ лицъ, или всю родовую братію монастыря, или же только наиболѣе знатныхъ старцевъ, которые отъ этого носили титулъ соборныхъ.

¹⁾ А. А. Э., I, 63, № 87, 1470—71: «А во владычесь судъ и въ тысяцкого, а въ то ея тебѣ не вступати, ни въ монастырскіе суды, но старша».

²⁾ *Аморосія*, Н. Р. I., III, 124, 125; А. А. Э., I, 83, до 1479 г.: «А кого себя възлюбятъ игумена, того себя дернати».

³⁾ А. И., I, 8, № 5. 1382 г.: «Отсеа... на Святной горѣ... ничтоже своего (нигѣт) ни игумену ни братіи... ни асти въ конія ни ниди, не у келара просити; а келарю не дати, ни клучнику не дати, никому же ничто же безъ игуменаова слова»... *Русс. Ист. Библ.*, II, 17—18, 1459—1471 г.; А. И., I, 532, № 292, 1526—1530 г.

Первое, по всему вѣроятію, имѣло мѣсто въ томъ случаѣ, когда монастырь былъ незначительный, второе же—когда въ монастырѣ „стѣдо“ чернецовъ было довольно многочисленно. Сверхъ того, въ монастырскихъ соборахъ принимали участіе какъ церковный причтъ, такъ иногда и церковные старосты, послѣдніе, очевидно—какъ представители мирскаго патроната надъ монастырями ¹⁾. Что же касается до распредѣленія силы и вліянія между единичною и коллегиальною властями, то неограниченнаго авторитетомъ игумена пользовался только въ одной духовной сферѣ: здѣсь безусловное повинованіе игумену составляло существенную черту каждаго монастырскаго устава ²⁾. Во всѣхъ же остальныхъ сферахъ дѣятельности онъ находился въ зависимости отъ монастырскаго собора: онъ судилъ братію при помощи послѣдняго и ему же долженъ былъ отдавать отчетъ въ хозяйственномъ управленіи по словенію доверенности ³⁾.

Въ хозяйственной сторонѣ монастырскаго быта главное мѣсто принадлежало монастырскимъ вотчинамъ. Мы уже раньше имѣли случай замѣтить, что важнѣйшимъ источникомъ въ содержаніи духовности съ этого періода становятся помещельныя владѣнія, и что нѣкъ особенно много было у Новгородскаго владыки. Послѣ владыки нѣкто не обладалъ въ Новгородѣ такими обширными землями, какъ монастыри. Не вѣдъ, конечно, монастыри могли помѣстять обширностию своихъ земель; но у важнѣйшихъ изъ нихъ помещельныя владѣнія несомнѣнно были весьма значительны. Довольно указать на тотъ фактъ, что для удовлетворенія требованій Ивана III по отводу ему новгородскихъ земель Великій Новгородъ предложилъ ему половину волею владыки и шести владычскихъ монастырей. Удивляясь количеству земли, взятое при этомъ отводѣ у каждаго монастыря, мы получили, что въ концѣ независимаго существованія Новгорода общій сумма владѣній составляла у Юрьева монастыря 1440, у Аркажа—666, у Благовѣщенскаго—506 обжай или третиныхъ частей сохи ⁴⁾.

¹⁾ А. И., I, 60, № 24, 1416—1421.: «А какова будетъ котора прѣжеи братіи тоя обители, ино вѣдаетъ прошеи ими игумень и старци и с причетия тоя обители съ старостами св. Богородица». Тамъ же, I, 532, № 292, 1526—1530 г.

²⁾ А. И., I, 8, № 5, 1382 г.: «Послушаніе же и покореніе имѣть во всемъ игумену».

³⁾ А. Ю., 145, № 110, XIV или XV в.: «са поидеть игумень проць изъ монастыря, ино ему дати уцеть чернцѣмъ»...

⁴⁾ П. С. Р. Л., VI, 217, 1478 г.: «да прѣженсанныхъ шести монастырей и половину волею: а у Юрьева монастыря въ половинѣ, что взялъ князь велики».

Свѣтъ обитрыякъ земель монастыри обыкновенно не обработывали на себя, а отдавали ихъ въ пользованіе крестьянамъ и помещикамъ, занимавшимся на монастырской землѣ разными промыслами. Во взаимныхъ отношеніяхъ монастырей и ихъ саланъ господствовала система оброка и только нрѣдка встрѣчается примѣры барщины. Такъ на-примѣръ, временами крестьяне носили сѣно на владыку и монастыри, пахали пугмовыя жеробей и дѣляли разнымъ монастырскимъ подѣлкамъ ¹⁾. Барщина была извѣстна уже потому, что саланъ оброкъ платили обыкновенно естественными произведеніями ²⁾. Кромѣ полевой платы, крестьяне должны были оплачивать всѣ расходы по монастырскому вотчинному управленію и кредже всего по подѣздамъ монастырскихъ настоятелей. Подобно тому какъ Новгородскій владыка совершалъ объѣзды своего духовенства; такъ точно и настоятели монастырей, по крайней мѣрѣ замкнѣвшихъ, заведи обычае совершать периодическія посѣщенія въ свои монастырскія вѣчницы. Расходы, которые вытекали отсюда для крестьянъ, были точно также опредѣленны, какъ и владычній подѣздный пошлины. Въ договорныхъ грамотахъ крестьянъ съ монастыремъ было постановляемо, сколько времени настоятель долженъ былъ пребывать во время подѣзда въ вѣчницѣ, сколько получать пива, рыбной и мясной валочи, овса и сѣна. Въ такъ же грамотахъ опредѣлялись далѣе и всѣ дары, которые шли въ пользу пугмова и его свиты, священника съ діакономъ, чашника, фисвалоча и прислуги. Даръ настоятели поступалъ въ его руку даже и тогда, когда онъ и не совершалъ обычного подѣзда; но его свита въ такихъ случаяхъ не получала ничего ³⁾. Наравнѣ съ

720 оброекъ, а у Армена 433, а у Благовещенскаго 288, а у Никольскаго Нерасслае вала 251, а у Олголава 50 оекъ, а у Михайловскаго 180 оброекъ безъ грехъ.

¹⁾ *Новагиде*, въ *З. Р. Г. Общ.*, VIII, прил., стр. 13, 1500 г.; А. А. Д., I, 6, № 11, 1391 г.

²⁾ *Уч. о М. Общ. Ист. и Др.* за 1858, II, стр. 54: «се урядишася Раби-пчале св. архим. Григоріенъ и съ попы и съ черница Юрѣва монастыря... платили усли въ пятницю 30 коробей ржи, 30 овса въ правую мѣру Новгородскую. А возити имъ самимъ той хлѣбъ в монастырь св. Георгія».

³⁾ *Уч. о М. Общ. Ист. и Др.*, за 1858 г., II, стр. 54: «А коли архимандритъ приде на подѣздъ, стоять ему на стану двѣ ноци. А пива положитя хрестьянъмъ довольно. А хлѣба и валочи, рыбное и мясное, довольно. А конемъ овса и сѣна довольно. А дару архимандриту на томъ стану 5 гривенъ, стольнику полкоробей ржи. Чашнику полкоробей ржи... А коли архимандритъ на подѣздѣ и поиде: ино тогда пошлннникомъ пошлнны вси не надобъ. А архимандритъ

общей монастырской власти, и частные органы монастырского управления, замѣшаны и могольскіе, также получали извѣстные доходы и завѣдывались ими монастырскихъ вотчинъ и соль ¹⁾.

Заботы монастырей по управленію своими вотчинами далеко не исчерпывались одною хозяйственною стороною. Весьма часто къ действительному управленію присоединялось еще вотчинно-административное, и такимъ образомъ монастырь со своими имѣніями почти всегда выдѣлялся изъ общества и становился какъ бы государствомъ въ государствѣ. Конечно, такое обособленіе не было нормальною принадлежностью монастырскаго быта. Оно было не болѣе, какъ результатомъ пожалованія, льготы со стороны свѣтской власти, и потому представляло большое разнообразіе какъ въ своихъ видахъ, такъ и размѣрахъ. На первомъ планѣ однако при этомъ выдѣліи стояло всецѣлое освобожденіе отъ финансовыхъ государственныхъ повинностей, которыя были весьма многообразны и нередко весьма тягостны для земельныхъ владѣній. Освобожденіе приобретаемое ими отъ всѣхъ вообще повинностей, какъ это, напримеръ, было съ землем Юрьевъ монастыря на Волокѣ, или же отъ нѣкоторыхъ, преимущественно торговыхъ повинностей, какъ это видно изъ привѣра Троицкаго Сергіева монастыря, получившаго отъ Новгорода право безпошлинной торговли въ Двинскомъ краѣ ²⁾. Освобожденіе отъ финансовыхъ повинностей было для монастырей тѣмъ важнѣе, что здѣсь льгота обыкновенно обращалась въ привилегію, свѣтская власть не только отказывалась отъ своихъ правъ, но и передавала ихъ въ руки монастырскаго начальства. За финансовыя льготы слѣдовали льготы, которыя касались выдѣліи монастырскихъ людей отъ свѣтскаго суда, обременительнаго для нихъ частію по сокращеннымъ съ ними наборамъ, частію и притѣсненіямъ его органовъ. Судебныя льготы были двоякаго рода: однѣ изъ нихъ относились до разбора внутреннихъ дѣлъ между самими монастырскими людьми, другія же—до разбора тяжобъ ихъ съ посторонними для монастыря лицами. Въ числу первыхъ относилось

даръ 5 гривенъ поставати хрестьяномъ въ монастырь». Ср. Новг. Писц. м., II, 701, *Исволина* въ З. Р. Г. Общ., VIII, пр. 229.

¹⁾ *Цит. съ М. Общ. Ист. и Др.* за 1858 г., II, стр. 54: «А посеминныя поседы по старинѣ».

²⁾ А. А. Э., I, 2, № 4, 1338—1340: «кто сидеть на земли св. Юрья, да семь (Иванъ Калита) имъ волю, не надобѣ имъ потагнути къ городу ни въ торюю дань, ни въ подводы, ни въ кормы, ни въ стагъ, ни къ который и торъ»... А. А. Э., I, 80, № 104, 1477 г.

полное или частичное устраненіе свѣтскихъ судей отъ дѣлъ, возникшихъ между монастырскими крестьянами, и передача этихъ дѣлъ въ руки самихъ монастырскихъ властей¹⁾. А такъ какъ въ древности тѣмъ были судъ, того и пошлины, то вмѣстѣ съ приобретениемъ суда монастырское начальство получало и право собирать въ свою пользу судебныя пошлины, вѣри и продажи²⁾. Что же касается до выбора дѣлъ монастырскихъ крестьянъ съ посторонними людьми, то дѣль главное отягощеніе исходило отъ низшихъ судебно-полицейскихъ органовъ, позволявшихъ себѣ разныя вымогательства съ подданныхъ. Поэтому и пожалованіе состояло тутъ въ томъ, что правительство въ знакъ особеннаго доброжелательства назначало нѣкоторымъ монастырямъ своихъ особенныхъ приставовъ, которые не только призывали къ суду постороннихъ людей въ ихъ столеновѣнныя съ монастырскими, но чрезъ которыхъ однихъ только могъ и совершаться призывъ монастырскихъ крестьянъ въ общіе суды. Кроме судебного, приставы имѣли еще и другое значеніе, а именно значеніе официальныхъ защитниковъ монастырскихъ людей противъ несправедливыхъ притѣсненій чуждыхъ для монастыря властей и частныхъ лицъ³⁾.

Недостатокъ извѣстій крайне затрудняетъ точное опредѣленіе значенія монастырей въ жизни Великаго Новгорода. Но все же по этому предмету можно сдѣлать не безъ основанія нѣкоторыя общія замѣчанія. Какъ и вездѣ на Руси, монастыри были свѣтильниками лучшей нравственной и даже, на сколько это было возможно по тому времени, умственной жизни. Конечно, дѣло не обходилось при этомъ

¹⁾ А. А. Э., I, 2, № 4, 1338—1340 г.: «а волостемъ ихъ (крестьянъ Юрьева монастыря) Волоцкихъ на Волоцѣ не судити, еспричъ татби и разбоя и душегубства, а те судити ихъ человекъ св. Юрья пресвятии собой».

²⁾ Сремский, Град. Юрьеву ноя. 1130 г.: «се азъ Мстиславъ... повелѣхъ еси смлу своему Всеволоду отдати Буицѣ св. Георгиеви съ данню и съ вѣри и съ продажи... и осеннее полюдие даровное погѣретия десете гривенъ... А. З. Р., I, 87, № 71, по 1479 г.: «А присудъ весь королевъ на тыхъ вѣстѣхъ задана: ния ли, коли отъ монастыря вѣдутъ тии поѣздники, а коли кого королевъ намѣстникъ осудитъ и вину возьметъ, ино они противъ стоголко не берутъ вину, а либо по силѣ; а кого тие поѣздники монастырские осудятъ, а вину возмутъ, ино королю противъ стоголко не вину: бе въ тыхъ 20 и 4 днехъ въ году, какъ верху повеае, коли вѣдять, волюю имъ тошъ судити».

³⁾ Ут. со М. Общ. Нам. и Др., 1858 г., II, 54: «Прости вамъ новгородскимъ волгосторонъ ржк». См. А. А. Э., I, 124, № 154, 1512 г.; Д. къ А. И., I, 356, № 206, 1471—1475 г.

безъ большихъ исключеній; но въ дуншихъ случаяхъ иноки несомнѣнно подавали мірянамъ примѣры нравственной сдержанности и гуманнаго отношенія къ угнетеннымъ и бѣднымъ. Извѣстно также, что монастыри служили не только собирателями священныхъ и церковныхъ книгъ, но и органами ихъ распространенія. Въ монастыряхъ переписывались и оттуда разсылались священныя книги въ самые отдаленныя края Новгородской земли¹⁾. Самое распространеніе христіанства обязано монастырямъ очень многимъ. Въ числѣ духовныхъ просвѣтителей Новгородской земли благочестивые подвижники играли едва ли не главную роль. Стремленіе спасти душу побуждало подвижниковъ удалиться отъ міра; а это съ размноженіемъ народонаселенія становилось въ ближайшихъ предѣлахъ все труднѣе и труднѣе. Неудивительно поэтому, что благочестивые отшельники начинаютъ стремиться изъ ближайшихъ странъ въ болѣе отдаленныя изъ непосредственныхъ окрестностей Новгорода — въ пустынный сѣверо-востокъ. А такъ какъ этотъ Новгородскій край очень былъ занятъ массой языческаго финскаго населенія, то естественно, мѣсто противоборства съ внушеніями бѣса, исходи желавшаго для роду человеческому, тутъ должна была заступитъ болѣе практическая борьба пустыльниковъ съ язычествомъ, имѣвшая дѣлю насажденіе между язычниками христіанства. И дѣйствительно мы знаемъ, что многие подвижники посвящали себя этой плодотворной дѣятельности. Для примѣра достаточно указать на основателей монастырей Валаамскаго и Соловецкаго, на Арсенія Коневаго и Лазаря Муромскаго²⁾. — Не менѣе духовной, была важна и мірская дѣятельность монастырей. Монашествующіе Великаго Новгорода вообще должны быть признаны за дѣятельныхъ колонизаторовъ и распространителей земледѣльческой культуры на сѣверѣ. Прежде всего, носителями свѣта христіанскаго ученія, поселаясь въ дуннихъ и пустынныхъ краяхъ, естественно должны были для своего поддержанія обращаться къ земледѣлію, и вотъ мѣстности, прежде покрытыя дремучимъ лѣ-

¹⁾ Куріановъ въ *Изв. II-го Отд. Имп. Ак. Н.*, VI, 302, XIV в.: «написаны были книги сны, нареченныи охтанкы в монастырь св. Троицы на Видогоицъ (щѣ?) къ св. Въскресеилю за Вологъ. в Ракуду на Двинѣ. новелъиіемъ раба божия Пумани грашьянаго, отъца владичья».

²⁾ Архиманд. *Досиселъ*, Опис. Соловецкаго монастыря, I, 53. *Аморосій*, II. P. I., V, 123, XIV в.: «мужъ той (Лопянинъ старшій, сынъ котораго получилъ отъ Лазаря Муромскаго прозвѣніе) жителство ииѣя на Ровдо озерѣ и послѣди бысть мнѣхъ и сынове его крестниася».

Силь, начинали расчищаться подъ лавиною и привлекать къ себѣ поселенцевъ даже не монашескаго званія ¹⁾. А затѣмъ и монастыри, находившіеся въ мѣстностяхъ людныхъ, не отказывались въ видахъ хозяйственныхъ приобретать разными путями земли въ отдаленныхъ краяхъ и заботились о ихъ заселеніи и обработкѣ ²⁾. Въ обычныхъ случаяхъ усильному ходу дѣла много помогали два обстоятельства: вследствие умѣнья монастырей выращивать у свѣтскихъ вѣстной разныя привилегіи, поселеніе на монастырскихъ земляхъ въ матеріальномъ отношеніи было гораздо болѣе выгодною и потому привлекательнымъ для постороннихъ; въ тому же, располагая нѣкоторыми свободными средствами, монастыри легко могли дѣлать земледѣльцамъ всѣ ссуды, которыми были необходимы для первоначальнаго изведенія хозяйства и получать которыя было въ обычай у поселенцевъ; наконецъ, было бы несправедливо не указать и на ту помощь, которую монастыри оказывали промышленной жизни. Нечего же говорить о томъ, что монастыри нередко сами занимались промышленными (особенно солеваренными) и торговыми предпріятіями. Гораздо любопытнѣе другой фактъ, тотъ именно, что монастыри въ древности служили для мірянъ мѣстомъ сохранения капиталовъ и получения ссудъ. Есть несомнѣнныя данныя, что подобно церквамъ, монастыри служили хранителями мірскихъ богатствъ, что туда споспѣшались знатными людьми болѣе чѣмъ нѣкогда ихъ пожитки ³⁾. Весьма возможно поэтому, что міряне отдавали въ монастырскую казну на сохраненіе и всѣ свои наличныя капиталы. Присоединимъ сюда еще, что монастыри очень часто не лишены были и значительнаго собственного достатка, и тогда будетъ совершенно ясно, что въ ихъ рукахъ сосредоточивались тогда большія денежные средства. Нѣтъ основанія думать, что монастыри оставляли ихъ лежать подъ спудомъ, безъ всякаго употребленія. И сколько мы знаемъ, монастыри дѣйствительно производили изъ нихъ, конечно, не безъ процен-

¹⁾ Макар. Вел. Мисси Четин, сент., стр. 481: «И некогда ми въпросивши человека земледѣла, нарицаема жука, много лѣтъ ту живуца: како, рече, сіа мѣста до прихода Іосеова? Онъ же отвѣща: яко веліа лѣсы быша».

²⁾ А. Ю., 270, № 257, XV в.: «что купилъ пос. Иванъ Даниловичъ у игумена св. Спаса (дальше: съ Хутыня) и у всѣхъ чернцовъ, участокъ Омдреевъ для ихъ, за Волокомъ въ Соломбагъ»...

³⁾ П. С. Р. Л., III, 136, 1428 г.: «иъ и монастырь св. Николы на полѣ разграбша, и игумена и чернцовъ оскорбша, ркуще: адъ животы христіанскія и багратіа».

товъ, денежные ссуды, особенно промышленнымъ людямъ, и тѣмъ не мало содѣйствовали дальнѣйшему возростанію своихъ богатствъ ¹⁾. Церковныя власти, конечно, вооружались противъ этой профанации монастырjami духовнаго званія, но дѣле тѣмъ не менѣе шло своимъ неизбѣжнымъ порядкомъ ²⁾.

Монастырей въ Новгородской землѣ вообще было очень много. можно даже сказать, что ихъ было больше, чѣмъ въ какомъ либо другомъ краю древней Руси. Достаточно указать на тотъ фактъ, что по случаю нашествія Дмитрія Донскаго, въ окрестностяхъ одного Новгорода было выжжено въ 1386 году цѣлое 24 монастыря ³⁾. Многие изъ Новгородскихъ монастырей пользовались особенной славой благодаря святости своихъ основателей: тамовн, наприимѣръ, монастыри Хутынский и Антоніевскій. Самое однако важное мѣсто между ними занималъ монастырь Юрьевъ. На воззнесеніе его, вѣроятно, не осталась безъ вліянія древность его основанія: по преданію онъ былъ устроенъ Новгородскимъ княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ. Какъ то бы ни было, только Юрьевъ монастырь вообще выдѣлялся изъ ряду остальныхъ новгородскихъ монастырей и даже игралъ нѣкоторую общественную роль. Настоятель его былъ какъ бы ближайшимъ помощникомъ Новгородскаго владика во всей общественной дѣятельности послѣдняго. Онъ принималъ всегда дѣятельное участіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда владика являлся въ Новгородѣ примирителемъ враждебныхъ партій; онъ исполнялъ иногда за владика обязанности второстепенной важности ⁴⁾. Наконецъ, подобно владикѣ, настоятель Юрьева монастыря былъ добрымъ лицомъ нѣмецкаго купечества. Въ его руки передавались зачетаннныя ключи отъ другой

¹⁾ *Средневекій, Малозв. и чешск. памятники, № XXXV, XIII в.*: «Се азъ рабъ бошій Климнтъ даю св. Георгю. и игумену Варламу и всей братья. что възялъ есмь 20 гривенъ серебра на свои руки. св. Георгя. было же бы ни чимъ заплатит(и) даю за все за то. два села съ обильемъ. и съ лошадыми. и съ бортью. и съ малыни селищи. и пень и колода одерья св. Георгю». А. Ю., 119, № 71, XV в.: «что взялъ Сооонтьевъ дѣдъ Василей у игумена св. Михаила и у старосты у Степана чернеца и у всего стада 9 рублевъ серебра, да 25 сороковъ блинъ, да 9 пувовъ мѣта, да гунь»...

²⁾ А. А. Э., I, 462, № 369, 1410 г.: «А которые игумены или попы или черници, торговали пржеъ сего или серебро давали въ рѣкы, а того бы отъ сѣкъ мѣсть не было». Ср. *Калайдовича, Пам. XII в.*, стр. 174.

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 94, 1386 г.: «А въ то время Новгородцы пожгоша околѣ города монастыревъ 24»...

⁴⁾ П. С. Р. Л., III, 6, 1134; 87, 1359, 100, 1318; 108, 1418; IV, 94, 1386г.

Нѣмецкой церкви (а быть можетъ, и просто другой ключъ отъ той же церкви, отъ которой одинъ вѣручался обыкновенно самому владыкѣ) въ тѣхъ случаяхъ, когда иноземные гости по какой-либо причинѣ принуждены были оставить свой торговый дворъ въ Новгородѣ¹⁾. Наравнѣ съ церковью св. Николая, въ его монастырѣ сохранялись драгоценности, которыя иноземнымъ гостямъ приходилось давать Новгородцамъ въ залогъ того, что протензии, которыя предъявлялись на Нѣмцевъ новгородскими купцами, подвергшимися лишенію имущества въ чужихъ краяхъ, будутъ къ извѣстному сроку разобраны и удовлетворены²⁾. Сообразно съ этимъ общественнымъ значеніемъ, какъ іерархическое положеніе Юрьева монастыря, такъ и его отношеніе къ міру, были совершенно особенныя. Въ отношеніи перваго должно замѣтить, что во всей Новгородской землѣ это былъ единственный монастырь, игумень котораго носилъ титулъ архимандрита, и притомъ, какъ оно и совершенно естественно при этомъ условіи, Новгородскаго, а не Юрьевскаго³⁾. Правда, преосв. Макарій сообщаетъ, будто бы лѣтописью упомянуты однажды два архимандрита въ Новгородѣ; но очевидно, что это—ошибка, и что нужно читать не „архимандрита два“, какъ напечатано въ одной лѣтописи, а „архимандрита Давида“; какъ напечатано правильно въ другой⁴⁾. Затѣмъ, что касается до отношеній Юрьева монастыря къ міру, то здѣсь повторяются тѣ же явленія, которыя характеризовали отношенія міра къ Новгородскому владыкѣ. Какъ мы уже говорили, настоятели монастырей

¹⁾ Hans. Urb., 269, 1354 г.: «Wan men utvaret, socal men de slotete besegelen und don den enen deme bischope van Nougarden, den anderen deme abate von sunte Juriane». Bunge, U.-B., V, 189, № 2105, 1416 (?) г.: «Als ju wol vurdenket, dat unse boden... hodden to ju gesant Hinsen und Claws Durkope, und hadde van ju gerne hat de slotete to unser kerken uppe dat se mochten ud te nomen hebben een dur bar bilde, dat in der kerken steit... und gi en do to kennende deden, dat de abbet van sunte Juriene nicht to hus en were, dar umme wurden en de slotete nicht»

²⁾ Bunge, U.-B., VI, 114, 1337 (?) г.: «Do spreken de Nogerder: «Dat silver und dat want (данныя Нѣмцами въ залогъ за захваченное ихъ братьями у Новгородцевъ имущество) schal vorsegelen de borchgreve ——— und dat silver schal men bringen deme abbate van sunte Juriene, und dat want in sunte Nicolaus kerke to ligende to einem pande to s. Iacopes dage».

³⁾ П. С. Р. Л., III, 42, 1226 г.: «преставился игумень св. Георгія Саватія, архимандритъ Новгородскыи».

⁴⁾ П. С. Р. Л., IV, 94, 1386 г.: «я послаша къ князю архимандрита два»... Но въ П. С. Р. Л., V, 241, 1386 г.: «И послаша... Новгородцы архим. Давыда»...

выбирались обыкновенно самою же монастырскою братіей, напротивъ того, избраніе Юрьевскаго архимандрита было дѣломъ общественнымъ, въ которомъ, кромѣ братіи, принималъ участіе и весь міръ. Одинъ случай показываетъ, что для избранія архимандрита князь, владыка, посадникъ и всѣ Новгородцы собирались въ самомъ Юрьевскомъ монастырѣ; но всегда ли дѣло происходило такъ, рѣшить довольно трудно ¹⁾. Но, вступивъ разъ въ сферу Новгородской общественной жизни, и Юрьевскій архимандритъ не могъ избѣгнуть тѣхъ тревоженій, которыя были свойственны этой жизни. Подобно владыкѣ, и Новгородскій архимандритъ сталъ въ сильную зависимость отъ массы народонаселенія и по ея волѣ нерѣдко лишался своего званія. Иногда, впрочемъ, низверженіе было не болѣе, какъ интригой собственныхъ же членовъ монастыря. Такъ въ 1337 году неудовольствія противъ настоящаго игумена Іосифа было возбуждено старымъ Юрьевскимъ архимандритомъ Лаврентіемъ, и притомъ, какъ показываютъ послѣдующія событія, явно не безъ корыстныхъ цѣлей. Въ самомъ дѣлѣ возбужденный Лаврентіемъ простой народъ, составивъ вѣче, немедленно же заперъ Іосифа въ храмъ и держалъ его тамъ въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока онъ не отказался отъ архимандріи въ пользу своего предшественника ²⁾. Но иногда самый образъ дѣйствія архимандрита вызывалъ неудовольствія: тогда въ дѣло вмѣшивалось вѣче въ его полномъ составѣ, и низложеніе имѣло болѣе прочный, если не безповоротный характеръ ³⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 42, 1226 г.: «преже своего преставленія, Саватія съзва владыку Антонія и пос. Ивоуки и всѣ Новгородцы, и запрошѣ братѣ свои и всѣхъ Новгородецъ: изберѣте собѣ игумена. они же рекоша: въведѣте Грыцина попа... и въведоша».

²⁾ П. С. Р. Л., III, 78, 1337 г.: «сташа простая гадь на архим. Есиѣа, а думоу старого архим. Лаврентія, и створиша вѣче, и запрошѣ Есиѣа въ церкви св. Николы; и създоша около церкви ночь и день коромольница, стрегуще его». Тамъ же, III, 78, 1338 г.: «преставися архим. Лаврентіи св. Георгіа, и посадиша Іосиѣа».

³⁾ П. С. Р. Л., III, 47, 1230 г.: «въведоша съ Хутина... Арсенія игумена... кн. Ярославъ, влад. Спуридонъ и всѣ Новгородъ, и даша игуменьство у св. Георгіа; а Саву лишиша».

А. Никитеній.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОСПОДСТВУЮЩАЯ ГРУППА ВЫВОДОВЪ.

Огромное большинство выводовъ, употребляемыхъ въ наукѣ и жизни, можно свести въ одной группѣ на основаніи единства логическаго процесса, лежащаго у нихъ въ основаніи. Этотъ процессъ состоитъ въ перенесеніи опредѣленія (предиката) съ предмета одного сужденія на предметъ другаго. Нѣтъ ничего проще общаго логическаго принципа, которымъ гарантируется логическая законность всѣхъ выводовъ этой группы. Онъ состоитъ въ томъ, что какой бы то ни было предметъ нашей мысли необходимо долженъ получить опредѣленіе, приписанное нами другому предмету, какъ скоро мы допустили, что мысль имѣетъ право смотрѣть на послѣдній, не какъ на что нибудь отдѣльное или отличное отъ перваго, а какъ на предметъ, тождественный съ первымъ. Но тождество между предметами сужденій можетъ имѣть различныя виды. Соотвѣтственно этому должны будутъ, конечно, видоизмѣняться и частныя условія перенесенія предиката съ одного предмета на другой, хотя родовыя черты вывода всюду останутся тѣже, т. е. всюду выводъ будетъ опираться на признаніе тождества между предметами и всюду онъ останется перенесеніемъ опредѣленія съ одного изъ нихъ на другой.

Мы сдѣлаемъ попытку прослѣдить всѣ модификаціи умозаключеній на основаніи тождества между предметами сужденій. И такъ какъ наша цѣль состоитъ не въ психологическомъ анализѣ ихъ происхожденія и ихъ развитія, а въ разъясненіи ихъ логическихъ особенностей, то мы начнемъ нашъ обзоръ не съ тѣхъ формъ вывода, которыя возникаютъ ранѣе другихъ, встрѣчаются чаще и развиваются

полнѣе, а съ тѣхъ, въ которыхъ чище и рельефнѣе выступаетъ родовая формула и за тѣмъ постепенно будемъ переходить къ тѣмъ, въ которыхъ общая формула встрѣчается съ большими и большими усложненіями.

I.

Сужденія (утвердительныя) часто опредѣляютъ какъ такую операцію мысли, въ которой понятію приписывается (аналитически или синтетически) извѣстное опредѣленіе (свойство или отношеніе). Въ подобныхъ опредѣленіяхъ есть нѣкоторая неточность, которая можетъ сильно затемнять дѣло. Легко можно подумать въ такомъ случаѣ, какъ это часто и бываетъ, что субъектомъ сужденія служить то понятіе или представленіе, которое съ совершенно опредѣленными чертами выступаетъ предъ нашимъ сознаниемъ, когда мы слышимъ терминъ, обозначающій субъектъ. На самомъ дѣлѣ далеко не такъ. Истиннымъ субъектомъ сужденія всегда служить неопредѣленно мыслимый предметъ, о которомъ всегда предполагается, что его содержаніе никакъ не исчерпывается сполна тѣмъ свойствомъ, какимъ онъ характеризуется въ подлежащемъ. Этотъ неопредѣленно мыслимый предметъ ставится въ сужденіи нашею мыслию въ качествѣ нѣкотораго X, чего-то такого, что въ предѣлахъ этого сужденія остается не исчерпаннымъ съ многихъ сторонъ и что можетъ быть исчерпано сполна въ своемъ содержаніи лишь въ цѣломъ рядѣ сужденій. Опредѣленное представленіе, которое непосредственно соединяется съ терминомъ подлежащаго, имѣетъ свою цѣлю только указать на этотъ предметъ, только сдѣлать, такъ сказать, намекъ на то, на что направлена мысль, чему намѣреваются приписать извѣстное опредѣленіе. Подлинный смыслъ сужденій всегда таковъ: предметъ, который ближайшимъ образомъ характеризуется для насъ такою-то совокупностію признаковъ (то-есть, тѣми представленіями, которыя непосредственно соединяются съ терминомъ подлежащаго) имѣетъ кромѣ того еще такіе-то признаки (соединяемые непосредственно съ терминомъ сказуемаго). Опредѣленное представленіе, соединяемое непосредственно съ терминомъ подлежащаго, составляетъ въ сущности только часть содержанія предмета, оно можетъ быть даже такимъ же несущественнымъ признакомъ предмета, какимъ часто бываетъ представленіе, соединяемое съ терминомъ сказуемаго. Они различаются другъ отъ друга только тѣмъ, что одно берется какъ указаніе на предметъ.

то-есть, какъ такой признакъ, который въ состояніи остановить на немъ наше вниманіе, другое—какъ признакъ, теперь прилагаемый къ предмету, все равно на основаніи ли только что сейчасъ добытыхъ нами свѣдѣній о немъ, или на основаніи свѣдѣній, приобретенныхъ нами ранѣе. Этимъ отчасти объясняется, почему мы отлично понимаемъ другъ друга при взаимной передачѣ мнѣній о предметахъ, тогда какъ термины, обозначающіе предметы, часто вызываютъ далеко не сходныя представленія у различныхъ людей. Важно не то, что одинъ съ терминомъ человѣкъ непосредственно соединяетъ представление о разумно-нравственномъ существѣ, другой—извѣстный видимый образъ, что даже этотъ образъ очерчивается далеко не тождественно въ представленіи различныхъ людей, напримѣръ въ мысли врачаго и слѣпаго; важно не то, что мѣтка оказывается не одинаковой; взаимное пониманіе вполне обеспечено, если разныя мѣтки указываютъ на одни и тѣже предметы, на одну и ту же неопредѣленную полноту содержанія, изъ которой онѣ взяты для ея же характеристики, такъ какъ въ сужденіи ей именно приписывается опредѣленіе, а не тому опредѣленному понятію, которое соединяется съ терминомъ подлежащаго. Даже въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ опредѣленіе берется изъ числа тѣхъ самыхъ качественностей, которыми характеризуется предметъ („сужденія аналитическія“), оно прилагается вовсе не этимъ качественностямъ, а поставляемому неопредѣленно мыслію предметамъ, о которыхъ можетъ быть высказано множество другихъ сужденій, которые слѣдовательно представляютъ для нашей мысли неопредѣленную полноту содержанія, предполагаютъ цѣлыя ряды свойствъ и отношеній. Говоря, что тѣла протяженны, мы хотимъ сказать вовсе не то, что въ понятіи тѣла есть признакъ протяженности, а то, что предметы, которые характеризуются признаками, соединенными съ терминомъ тѣло, но которымъ должны принадлежать и многія другія свойства и отношенія, имѣютъ свойство протяженности; называть подобныя сужденія аналитическими можно лишь въ томъ смыслѣ, что для убѣжденія въ ихъ истинности достаточно сослаться на понятіе, непосредственно характеризующее ихъ субъектъ для нашего сознанія, а никакъ не въ томъ, что въ нихъ предикатъ приписывается самому этому понятію.

И такъ опредѣленное понятіе, соединяемое съ терминомъ подлежащаго, вовсе не есть субъектъ сужденія, а представляетъ только нѣкоторыя изъ его свойствъ или отношеній и имѣетъ особое назначеніе выдѣлять этотъ предметъ изъ другихъ, указывать на него. Но

возможность указывать на предметъ, характеризовать его въ нашемъ сознаниі, очень часто вовсе не составляетъ исключительной особенности какой нибудь одной изъ качественностей или какого нибудь одного изъ отношеній, ему принадлежащихъ. Одну изъ египетскихъ пирамидъ мы можемъ назвать пирамидой Хеопса, но ее же можемъ назвать самой большой изъ пирамидъ. Эти два названія будутъ соединяться съ двумя различными представленіями, будутъ характеризовать пирамиду съ двухъ различныхъ сторонъ, одно — со стороны времени и виновника ея постройки, другое — по сравнительной величинѣ ея съ другими пирамидами. Каждое изъ этихъ представленій совершенно достаточно для того, чтобы выдѣлить предметъ, на которомъ оно сосредоточиваетъ вниманіе мысли, изъ ряда другихъ предметовъ. И при всемъ томъ предметъ, который будетъ характеризованъ однимъ изъ этихъ представленій, будетъ совершенно тѣмъ же, реально тождественнымъ съ предметомъ, характеризуемымъ другимъ представленіемъ. Такъ какъ теперь истиннымъ субъектомъ каждаго сужденія служить не то опредѣленное представленіе, которое непосредственно соединяется съ терминомъ подлежащаго, а неопредѣленно мыслимый предметъ, который только характеризуется опредѣленнымъ понятіемъ подлежащаго, то, очевидно, какъ бы различно ни характеризовались предметы двухъ сужденій въ нашемъ сознаниі, мы всегда имѣемъ право перенести опредѣленіе, приписанное одному изъ нихъ, на другой, какъ скоро мы убѣдились, что дѣйствительный субъектъ сужденія въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же и только предъ нашимъ сознаниемъ обрисовывался не одинаковыми признаками. Здѣсь мы имѣемъ самое чистое и самое рельефное примѣненіе той общей формулы выводовъ на основаніи тождества, которую характеризовали мы выше. Разсмотримъ этотъ случай внимательнѣе.

Если я знаю извѣстную пирамиду за пирамиду Хеопса; если я знаю за тѣмъ, что Хеопсова пирамида самая большая изъ египетскихъ пирамидъ, то приписать ей какое-нибудь новое свойство въ качествѣ пирамиды самой большей только затѣмъ, чтобы перенести его на нее же, характеризовавъ ее при этомъ такъ, какъ она обыкновенно характеризуется въ моемъ сознаниі, то-есть, какъ пирамиду Хеопсову, было бы для меня не выводомъ, а пустымъ тожесловіемъ. Новое свойство и вызнавалось мною въ ней именно какъ въ Хеопсовой пирамидѣ; а поэтому сужденіе: Хеопсова пирамида имѣетъ такое-то свойство будетъ для меня не выводомъ, а сужденіемъ, въ которомъ предикатъ мною непосредственно отнесенъ къ субъекту и только субъектъ

ать имѣренно-быть характеризовать иначе, чтобы процессъ получить форму вывода. Но отсюда было бы слишкомъ поспѣшно заключить, что вслѣдй подобный выводъ можетъ представлять только пустня тожесловія. Наше знаніе, разумѣть ли подъ нимъ личное знаніе того или другаго человѣка или результатъ совокупнаго опыта человечества, науку, всегда отрывочно, случайно, не полно. Очень часто потому можетъ случиться, что предметъ, рассматриваемый нами съ иной точки зрѣнія или обсуждаемый на основаніи неполныхъ свѣдѣній о немъ или по какимъ-либо другимъ причинамъ, можетъ казаться намъ особымъ предметомъ, — не тѣмъ, который уже игралъ роль субъекта во многихъ другихъ нашихъ сужденіяхъ. Въ такомъ случаѣ перенесеніе опредѣленія съ предмета перваго на послѣдній, совершенное вслѣдствіе открывшейся возможности отождествить ихъ, или признать, что только для нашего сознанія они представлялись двумя особыми предметами, необходимо расширить наше знаніе о послѣднемъ, будетъ существенно новымъ знаніемъ о немъ. Предметъ, никакъ не характеризованный, не можетъ быть предметомъ нашего сужденія, а слѣдовательно и нашего знанія; точно также и знаніе, отнесенное къ предмету, характеризованному опредѣленнымъ образомъ въ нашемъ сознаніи, не есть знаніе о предметѣ, въ которомъ не приурочены тѣ же характеристическія черты, а поэтому перенесеніе его на послѣдній вслѣдствіе состоявшагося отождествленія предметовъ будетъ бесспорно выводомъ, а не пустнымъ тожесловіемъ.

Прежде чѣмъ показать примѣненіе этой модификаціи вывода въ наукѣ, объяснимъ ее на самомъ простомъ примѣрѣ. Я хожу часто по извѣстной улицѣ и заинтересовался однимъ изъ домовъ, на ней находящихся; я составилъ много сужденій о мѣстѣ его среди другихъ домовъ, о степени изящества его архитектуры, о магазинахъ, въ немъ помѣщающихся. Эти сужденія группируются въ моей мысли около представленія о домѣ, характеризующемъ во многихъ глазахъ какой-нибудь изъ усвоенныхъ ему чертъ. Идя за тѣмъ по другой улицѣ, я могъ также заимѣттить домъ и также составить о немъ нѣсколько сужденій, которыя будутъ группироваться около представленія объ этомъ домѣ, характеризующемъ во многихъ глазахъ также какимъ-нибудь признакомъ. Если затѣмъ отъ кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ я узнаю случайно, что второй домъ есть тотъ же самый что и первый, построенный такъ, что выходитъ своими противоположными сторонами на двѣ смежныя параллельныя улицы, я сейчасъ же составляю сужденіе, что два предмета, казавшіеся мнѣ особыми

предметами, на самомъ дѣлѣ одинъ и тотъ же предметъ. Этотъ предметъ можетъ непосредственно характеризоваться для меня въ будущемъ признаками одного изъ прежнихъ двухъ предметовъ, того именно, на которомъ особо сосредоточено было мое вниманіе, который интересовалъ меня несравненно болѣе. Но этимъ не ограничится результатъ сообщеннаго мнѣ свѣдѣнія. На представленіе о дамѣ, который непосредственно характеризуется для меня признаками одного изъ прежнихъ домовъ, я перенесу теперь всѣ опредѣленія изъ сужденій, составленныхъ мною о другомъ домѣ и кинале не буду сомнѣваться, что образовавшіяся такимъ путемъ сужденія будутъ вѣрны. Но на чемъ они основываются? Ужь конечно, не на моемъ личномъ наблюдении; мое наблюдение приурочивало эти опредѣленія къ особому предмету. Отъ своего знакомаго я могъ слышать только о тождествѣ этихъ двухъ предметовъ, но многія изъ свойствъ, которыя наблюдалъ я во второмъ домѣ, могли вовсе ускользнуть отъ его вниманія и поэтому о принадлежности ихъ первому дому онъ сообщить мнѣ не могъ. Значить, это перенесеніе предикатовъ съ одного предмета на другой могло быть лишь результатомъ вывода и этотъ выводъ, очевидно, расширилъ мое знаніе объ интересующемъ меня предметѣ.

Пользуется ли подобными выводами наука? Археологъ открываетъ развалины города, изучаетъ на нихъ планъ города, характеръ его построекъ, бытъ его жителей и проч. И если при этомъ на основаніи историческихъ и географическихъ соображеній, онъ получаетъ увѣренность, что это развалины такого то древле существовавшаго города, то онъ переноситъ всѣ опредѣленія, которыя приписалъ онъ находящемуся въ развалинахъ городу, на извѣстный ему по историческимъ преданіямъ древній городъ, расширяя такимъ образомъ свое знаніе о послѣднемъ. Не тотъ ли это выводъ, о которомъ идетъ у насъ рѣчь? Когда историкъ убѣждается, что первый самозванецъ одно и то же лицо съ Григоріемъ Отрепьевымъ, онъ переноситъ на перваго извѣстія о происхожденіи и жизни послѣдняго и проясняетъ до нѣкоторой степени, при помощи этихъ свѣдѣній, образъ самозванца. Предположимъ, историкъ считаетъ вѣроятнымъ, что Пинагоръ, о которомъ есть извѣстіе, что онъ остался побѣдителемъ на олимпійскихъ играхъ, есть лицо тождественное съ соименнымъ философомъ самосскимъ, онъ получаетъ право перенести на послѣдняго то опредѣленіе относительно времени его жизни, которое должно быть приложено къ первому на основаніи анализа сообщаемыхъ подробностей о его составаніи на играхъ. Это все выводы того же порядка. Особымъ образомъ пользуются

ими естественныя науки. Химикъ утверждаетъ, что то или другое тѣло, казущееся однороднымъ, въ дѣйствительности состоитъ изъ нѣсколькихъ простыхъ (далѣе не разложимыхъ средствами науки) тѣлъ, на примѣръ, вода изъ кислорода и водорода. Какъ пришелъ онъ къ такому выводу? Онъ имѣлъ предъ собою воду, пропустилъ черезъ нее гальваническій токъ и затѣмъ получилъ два простыхъ тѣла. Изъ этого опыта, руководствуясь единственно закономъ причинности въ томъ общемъ выраженіи, въ которомъ по большей части принимаетъ его физикъ, онъ имѣлъ право заключить, что за однимъ явленіемъ, пропусканіемъ гальваническаго тока черезъ воду слѣдуетъ съ неизмѣнною послѣдовательностью другое—образованіе определенныхъ газовъ. Но сдѣланный имъ выводъ содержитъ нѣчто болѣе: въ немъ утверждается, что вода состоитъ изъ кислорода и водорода (то-есть не прямо изъ тѣхъ газовъ, какъ получились они въ опытѣ, а изъ двухъ отличныхъ другъ отъ друга тѣлъ, наблюдаемыхъ теперь въ новомъ газообразномъ состояніи, иначе сказать, метаморфозировавшихся по своимъ свойствамъ, но по веществу составляющихъ то самое, что составляло воду). Мы спрашиваемъ теперь о логическомъ приемѣ, съ помощію котораго химикъ выводитъ, что вода состоитъ изъ кислорода и водорода. Было бы ошибочно утверждать, что это положеніе выражаетъ собою просто наблюденіе факта, который имѣлъ онъ при своихъ опытахъ надъ водою. Въ продолженіе всего его анализа воды не было ни одного момента, въ который бы онъ могъ сказать, что онъ наблюдаетъ существованіе въ водѣ двухъ простыхъ тѣлъ въ качествѣ составляющихъ ее элементовъ, подобно тому, какъ онъ можетъ сказать, на примѣръ, что онъ наблюдаетъ въ какой нибудь недистиллированной водѣ, разсматриваемой подъ микроскопомъ, присутствіе и движеніе инфузорій или другихъ тѣлъ. До своего опыта онъ имѣлъ воду, въ которой не могъ наблюдать составляющихъ ее элементовъ, послѣ опыта онъ имѣетъ водородъ и кислородъ въ газообразномъ состояніи и уже никакъ не въ качествѣ составныхъ элементовъ воды, а въ качествѣ особыхъ отдѣльныхъ отъ нея тѣлъ. Во время опыта онъ можетъ, правда, наблюдать (если опытъ такого рода, что даетъ возможность наблюдать это) появленіе на поверхности воды пузырьковъ выдѣляющагося газа, но газъ, образующій ихъ, все же существуетъ уже въ этомъ случаѣ передъ нимъ какъ отдѣльное отъ воды тѣло, появляющееся только на ея поверхности, тѣло не составляющее уже элемента воды, но внѣшнее ей и метаморфозировавшееся. Если тѣмъ не менѣе изъ своего опыта онъ выноситъ убѣжденіе,

что вода состоитъ изъ кислорода и водорода, то это убѣжденіе, очевидно, есть выводъ. Въ чемъ же состоитъ, спрашиваемъ опять, логическій приемъ этого вывода? Химикъ твердо убѣжденъ, что вещество въ предѣлахъ нашего опыта не творится вновь и не обращается въ ничто, а можетъ только измѣнять свои свойства. На этомъ основаніи при достаточномъ знакомствѣ съ условіями, въ которыхъ производить онъ свой опытъ, и при надлежащихъ мѣрахъ предосторожности при его совершеніи, онъ убѣжденъ заранѣе, что тѣла, которыя получаютъ при его опытѣ надъ водою, каковы бы они ни оказались, будутъ по веществу тождественны съ исчезнувшюю, по видимому, частію изслѣдуемаго имъ тѣла, то-есть что то, что составляетъ предметъ его анализа есть фактически одинъ и тотъ же по веществу предметъ съ тѣмъ, который долженъ получиться въ результатѣ анализа, и такъ какъ въ послѣднемъ онъ находитъ два дагѣ неразложимыя и отличныя другъ отъ друга тѣла, то онъ и переноситъ это опредѣленіе на предметъ анализа, утверждая, что вода состоитъ изъ двухъ простыхъ тѣлъ. Онъ не переноситъ прямо свойства этихъ тѣлъ на воду потому, что дѣйствительное тожество между тѣломъ анализированнымъ и тѣлами, получившимися изъ анализа, онъ установилъ только по веществу, а не по свойствамъ, какія обнаруживаютъ эти тѣла; онъ поступаетъ въ этомъ случаѣ подобно тому, какъ и археологъ, который не переноситъ на древній городъ тѣхъ особенностей его развалинъ, которыя составляютъ простой результатъ времени и положенія ихъ подъ землею. Но формула вывода въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ установлено тожество между предметами, остается, очевидно, одною и тою же у обоихъ. Вода и тѣла имѣющія быть получены послѣ анализа ея,—таковъ порядокъ мыслей въ этомъ заключеніи,—по самымъ условіямъ опыта не могутъ не быть тѣмъ же самымъ веществомъ, но полученное не однородно по веществу и состоитъ изъ двухъ простыхъ тѣлъ, значитъ и вода по веществу есть сложное тѣло и состоитъ изъ этихъ простыхъ тѣлъ. Возьмемъ еще примѣръ изъ физики. На основаніи извѣстныхъ явленій солнечнаго спектра Ньютонъ сдѣлалъ заключеніе, что бѣлые лучи свѣта не однородны, но состоятъ изъ семи родовъ свѣта различной преломляемости. Опять мы имѣемъ здѣсь нѣчто болѣе заключенія о простой неизмѣнной послѣдовательности явленій. Мы имѣемъ положеніе, что бѣлый лучъ свѣта составенъ, что онъ содержитъ въ себѣ въ совокупности явленія, которыя, встрѣчаясь каждое въ отдѣльности, производятъ въ насъ представленія того или другаго изъ основныхъ цвѣтовъ радуги. Но ме-

жду тѣмъ въ наблюденіи экспериментатора при его опытахъ вовсе не дано факта составности бѣлаго луча изъ семи основныхъ родовъ свѣта; въ его опытахъ какъ разложенія, такъ и составленія бѣлаго луча свѣта, бѣлый лучъ и явленіе солнечнаго спектра даны какъ два отдѣльныя, внѣшнія другъ другу или слѣдующія другъ за другомъ явленія. Утверждая, что бѣлый лучъ свѣта состоитъ изъ нѣсколькихъ разнородныхъ лучей, экспериментаторъ дѣлаетъ, очевидно, выводъ и для этого вывода прежде всего необходимо убѣжденіе, что явленіе на экранѣ при условіяхъ опыта не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ пропущенныхъ чрезъ призму лучей бѣлаго свѣта, то-есть, что въ дѣйствительности оно можетъ быть только самымъ этимъ лучемъ, видоизмѣнившимся только при прохожденіи чрезъ призму. И это именно убѣжденіе заставляетъ его перенести наблюдаемую на экранѣ множественность и разнородность лучей на кажущійся однороднымъ бѣлый лучъ свѣта, то-есть, вывести, что послѣдній не ведетъ только за собою извѣстное явленіе, а самъ состоитъ изъ явленій, которыя, взятыя въ отдѣльности, производятъ въ насъ представленія, соответствующія основнымъ цвѣтамъ радуги.

Одно изъ наиболѣе обычныхъ примѣненій разсматриваемой нами модификаціи вывода представляютъ выводы относительно времени и мѣста предметовъ на основаніи одновременности и совмѣстности ихъ съ другими предметами. Психологическій вопросъ о происхожденіи нашихъ представленій о протяженіи и продолженіи еще не рѣшенъ окончательно; метафизическое значеніе ихъ еще болѣе возбуждаетъ споры. Но все это нисколько не препятствуетъ логикѣ смотрѣть на опредѣленное мѣсто или время, къ которымъ приурочиваемъ мы вещи и событія, какъ на совершенно законный предметъ нашихъ сужденій. Если опредѣленный моментъ во времени, или опредѣленное мѣсто въ пространствѣ и не имѣютъ, подобно другимъ предметамъ, чувственныхъ свойствъ, которыя давали бы обильный матеріалъ для составленія сужденій о нихъ, то въ замѣнъ того они представляютъ рядъ отношеній къ реальнымъ предметамъ и событіямъ, и приурочить предметы и событія къ опредѣленному мѣсту и времени бесспорно составляетъ существенную задачу знанія. Но подобно всякому другому предмету нашихъ сужденій, опредѣленное время и опредѣленное мѣсто, такъ или иначе не характеризованные предъ нашимъ сознаніемъ, не могутъ сдѣлаться предметомъ нашего знанія и поэтому приурочить событіе или предметъ къ какому нибудь мѣсту или времени, не указавъ какимъ нибудь другимъ предметомъ или событіемъ этого мѣста или этого

времени, также невозможно, какъ невозможно приурочить признакъ къ предмету, не охарактеризовавъ предметъ другимъ признакомъ. Желая опредѣлить мѣсто Везувія, я говорю, что онъ помѣщается недалеко отъ Неаполя и послѣднимъ характеризую то мѣсто, на опредѣленномъ разстояніи отъ котораго ставлю въ своемъ представленіи Везувій. Желая опредѣлить время жизни Филолая, мы можемъ сказать, что онъ вѣроятно былъ современникомъ Сократа и жизнь послѣдняго явится для насъ характеристическою чертою того періода времени, въ которому мы хотимъ отнести жизнь Филолая. Мы говоримъ, что нашествіе французовъ на Россію было въ 1812 г. послѣ Р. X. и событіе рождества Христова ставится въ качествѣ черты, характеризующей извѣстный моментъ времени, въ извѣстномъ отдаленіи отъ котораго, то-есть на разстояніи 1812 лѣтъ, мы полагаемъ нашествіе Французовъ на Россію. Когда мы говорили о другихъ предметахъ нашего знанія, мы видѣли, что примѣненіе къ нимъ нашей формулы вывода обусловлено тѣмъ обстоятельствомъ, что предметы двухъ нашихъ сужденій, составляя на самомъ дѣлѣ одну и ту же вещь, могутъ характеризоваться для нашего знанія различными чертами и вслѣдствіе этого представляться намъ различными предметами, поэтому какъ скоро мы приобретаемъ убѣжденіе, что предметы, казавшіеся намъ различными предметами, въ дѣйствительности составляютъ одинъ предметъ, мы приобретаемъ право переносить извѣстное намъ опредѣленіе одного изъ нихъ на другой. Теперь и въ нашихъ сужденіяхъ о мѣстѣ и времени событій мы легко можемъ усмотрѣть возможность того же самаго случая. Одно и то же время можетъ характеризоваться въ нашемъ сознаніи различнымъ образомъ, то-есть, не одними и тѣми же предметами и событіями и мы можемъ быть очень далеки отъ мысли, что имѣемъ дѣло не съ различными временами или мѣстами а съ тѣмъ же временемъ или мѣстомъ. Составляя различныя сужденія объ этихъ временахъ или мѣстахъ, мы будемъ имѣть, очевидно, два порядка сужденій, изъ которыхъ каждый будетъ группироваться около своего особаго предмета какъ своего особаго центра. Но разъ намъ случилось убѣдиться, что эти предметы на самомъ дѣлѣ тождественны и мы получаемъ право перенести всѣ опредѣленія съ одного изъ нихъ на другой. Время, въ которое жили Кевесъ и Симмиасъ, выводимые Платономъ въ его діалогѣ „Федонъ“, мы имѣемъ право опредѣлить какъ совпадающее въ послѣдними десятилѣтіями жизни Сократа, и какъ скоро изъ данныхъ, находящихся въ томъ же діалогѣ, съ вѣроятностію выводимъ, что время, охарактеризованное нами

жизнию Кевеса и Симмиаса, есть то же самое время, на которое должны падать лѣта мужества или можетъ быть старости Филолая, мы переносимъ на время, охарактеризованное жизнію Филолая, опредѣленіе, высказанное нами о времени жизни Кевеса и Симмиаса, то-есть, совпаденіе съ послѣдними десятилѣтіями жизни Сократа и говоримъ, что время жизни Филолая по всей вѣроятности приблизительно совпадаетъ съ жизнію Сократа. А такъ нашъ ближайшій какъ интересъ состоитъ не въ опредѣленіи момента времени просто какъ момента времени, а именно какъ момента опредѣленнымъ образомъ характеризованнаго, то-есть, главный интересъ лежитъ въ лицахъ и событіяхъ, приурочиваемыхъ ко времени, то мы и нашему выводу даемъ такую форму, что въ сужденіяхъ на первый планъ выступаютъ лица и событія. Кевесъ и Симмиасъ, говоримъ мы, были младшими современниками Сократа, Филолай, по видимому, былъ старшимъ современникомъ ихъ, а поэтому онъ долженъ былъ быть приблизительно современникомъ Сократа. Но эта замѣна сужденій о времени лицъ тождественными съ ними сужденіями о лицахъ, конечно, нисколько не препятствуетъ тому, чтобы нашъ выводъ, разсматриваемый съ его логической стороны, основывался на отождествленіи опредѣленныхъ періодовъ времени и былъ перенесеніемъ опредѣленій со времени, характеризованнаго одною чертою, на время характеризованное другою. Все это, какъ понятно само собою, приложимо и къ нашимъ выводамъ на основаніи совмѣстности предметовъ и событій.

II.

Доселѣ мы слѣдили за тѣми случаями выводовъ на основаніи тождества, въ которыхъ предметы двухъ сужденій на дѣлѣ, въ дѣйствительности были однимъ и тѣмъ же предметомъ и только вслѣдствіе того, что были характеризованы не одинаково, ставились нашимъ сознаніемъ въ качествѣ отдѣльныхъ, внѣшнихъ другъ другу предметовъ. Но возможенъ случай тождества между предметами и другаго рода. Предметъ для нашего знанія есть полнота качественностей и отношеній, которыя мы въ немъ познаемъ и съ сознательною отчетливостію относимъ къ нему въ качествѣ его опредѣленій. Правда позади этихъ опредѣленій мы ставимъ что-то еще въ качествѣ ихъ субстрата, въ качествѣ носителя этихъ опредѣленій, объединяющаго ихъ въ себѣ и проявляющагося въ нихъ. Но какъ скоро мы хотимъ вызнать этотъ остатокъ, составить о немъ раздѣльное представленіе,

это представленіе опять оказывается такимъ, что оно вполне раздѣляется на качества и отношенія, которыя опять должны предполагать субстратъ, носителя ихъ, такъ что самое, такъ сказать, зерно бытія скрывается вновь за его принадлежностями, составляя вѣчно ставимую и доселѣ неразрѣшенную мыслью задачу. Но теперь опредѣленія предмета, которыя для сознанія замѣняютъ его качества и отношенія, то-есть составляютъ все наше знаніе о предметѣ, рѣдко бывають на столько специфичны, чтобы мы могли отнести ихъ только къ одному тому предмету, на который въ данный моментъ времени устремлено наше вниманіе; по большей части каждое изъ нихъ, (за исключеніемъ нѣкоторыхъ), взятое въ отдѣльности, таково, что одинаково могло бы причисловаться какъ этому предмету, такъ и многимъ другимъ. Тѣ же самыя представленія, которыя соединяемъ мы съ терминомъ зеленый, сладкій и под., которыя относимъ мы въ сужденіи въ качества опредѣленія какого нибудь одного предмета, тѣ же самыя представленія мы имѣли бы право отнести и къ безчисленному множеству другихъ. Предположимъ теперь, что мы ограничиваемъ наше сужденіе о двухъ предметахъ только тѣми свойствами, которыя касаются какой нибудь одной стороны ихъ. Предположимъ далѣе, что съ этой стороны опредѣленіемъ обоихъ предметовъ можетъ служить одно и то же представленіе. Это будетъ значить, что оба предмета, если отрѣшиться отъ всѣхъ другихъ ихъ опредѣленій, будутъ для нашей мысли по своему содержанію тождественны, такъ какъ ихъ содержаніе сводится для знанія къ ихъ опредѣленіямъ, а опредѣленія въ извѣстныхъ границахъ признаны тождественными. Необходимо точнѣе опредѣлить эту мысль во избѣженіе весьма возможнаго ея перетолкованія. Существовало воззрѣніе, которое придавало самостоятельность и реальность простымъ отвлеченіямъ. Ничего подобнаго мы не имѣемъ въ виду, высказывая нашу мысль о тождествѣ для мысли двухъ реально отдѣльныхъ предметовъ. Мы не имѣемъ ни нужды ни желанія ставить строго логическій вопросъ на доселѣ еще шаткую метафизическую почву. Чѣмъ бы ни были вещи, разсматриваемыя въ качествахъ метафизическихъ реальностей, въ нашемъ непосредственномъ опытѣ онѣ отдѣлены одна отъ другой, видны одна другой со всѣми качествами и отношеніями, которыя принадлежать каждой изъ нихъ. Треугольность, если можно такъ выразиться, бѣлизна или опредѣленная степень упругости для нашего опытнаго знанія непосредственно даны не какъ что-то единое, чему причастны различные треугольники или различные бѣлыя и упругіе предметы, а даны столько разъ,

Сколько существует этихъ вещей, каждый разъ какъ особое свойство, усматриваемое нашимъ воспріятіемъ въ этой вещи, и для нашей души нѣтъ никакого повода изслѣдовать ни того, какъ представлять способъ существованія ихъ въ воспринимаемой вещи, ни тѣмъ болѣе того, какъ можетъ быть растолковано это существованіе съ метафизической точки зрѣнія. И тѣмъ не менѣе для насъ должно остаться безспорнымъ, что одинъ и тотъ же терминъ, возбуждающій въ насъ одни и тѣ же представленія, можетъ служить обозначеніемъ этихъ сходныхъ свойствъ, а самія тѣ представленія, которыя соединяются съ нимъ, если приложить его къ одной изъ сходныхъ вещей,—они самія могутъ одинаково стать опредѣленіемъ и другой, такъ что совершенно сходныя вещи, если ихъ разсматривать исключительно со стороны сходныхъ свойствъ, представляютъ для мысли одно и то же содержаніе, тождественны по своему содержанію. Мысль не должна забывать, конечно, что это содержаніе въ чувственномъ опытѣ дано столько разъ, сколько дано сходныхъ предметовъ, но такъ какъ одно и то же представленіе было бы одинаково способно выразить какой угодно изъ этихъ случаевъ, а содержаніе предмета въ нашей мысли замѣняется представленіемъ, то мы имѣемъ полное право сказать, что предметы, сходные между собою до невозможности различить ихъ одинъ отъ другаго по извѣстнымъ свойствамъ, являются въ нашей мысли тождественными по своему содержанію, то-есть, имѣютъ одно и то же содержаніе.

Эти замѣчанія раскрываютъ предъ нами возможность другой модификаціи выводовъ на основаніи тождества между предметами двухъ сужденій. Два отдѣльные реальные предмета, если разсматривать ихъ со стороны всѣхъ возможныхъ опредѣленій, которыя мы можемъ приложить къ нимъ, никогда не могутъ оказаться, для нашего знанія тождественными по всей совокупности своего содержанія. Еслибы, предположимъ, между ними не существовало никакихъ другихъ различій, самое положеніе ихъ внѣ другъ друга въ пространствѣ и слѣдовательно неодинаковое положеніе ихъ въ пространствѣ относительно другихъ предметовъ, всегда дало бы возможность приписать каждому изъ нихъ опредѣленіе, неприложимое къ другому. Но если изученіе ихъ ограничить одною какою нибудь стороною, напримѣръ—ихъ величиною или ихъ цвѣтомъ или фигурой и такъ далѣе, то легко они могутъ оказаться совершенно тождественными по ограниченной такимъ образомъ части своего содержанія. Предположимъ теперь, что изучивъ два предмета съ какой-либо стороны, мы будемъ въ состояніи

На основаніи этого знанія сказать о нихъ заранее, что они должны оказаться тождественными и по известной другой сторонѣ своего содержанія. Для насъ, очевидно, не будетъ въ такомъ случаѣ никакой необходимости особо изслѣдовать съ этой послѣдней сторонѣи каждый изъ предметовъ, довольно познакомиться съ однимъ и затѣмъ опредѣленіе, ему приписанное, перенести на другой. Не менѣе, очевидно, что имъ получаемъ въ такомъ случаѣ право перенести съ одного предмета на другой не только самое опредѣленіе послѣдняго, но и все то, что прилагаемъ мы послѣднему единственно и исключительно въ силу этого опредѣленія, такъ какъ то, что поставлено въ необходимую связь съ известными опредѣленіемъ, должно необходимо относиться къ каждому предмету, который имѣетъ это опредѣленіе. Чтобы отличить эти выводы отъ выводовъ выше характеризованныхъ нами, мы будемъ называть ихъ выводами на основаніи логическаго тождества предметовъ, а первой группѣ выводовъ усвоимъ названіе выводовъ на основаніи реального тождества предметовъ.

Самыми рельефными примѣрами выводовъ на основаніи логическаго тождества между предметами служатъ неисчислимое количество разъ повторяемые въ математикѣ выводы, основывающіеся на аксіомѣ: двѣ величины, равныя одной и той же третьей, равны между собою. Мы говоримъ: А равно В, а В равно С, слѣдовательно и А равно С. Утверждая равенство между А и В, мы признаемъ полное логическое тождество между ними, если разсматривать ихъ исключительно съ количественной стороны. Что разумѣется въ этомъ случаѣ подъ количественною стороною, опредѣлить это болѣе точно мы будемъ имѣть поводъ при разъясненіи одной изъ дальнѣйшихъ модификацій выводовъ на основаніи тождества. Здѣсь же для насъ достаточно ограничиться тою не точно опредѣленною, но достаточно понятною мыслию, что, устанавливая равенство между А и В, мы устанавливаемъ безусловное логическое тождество между ними по той сторонѣ ихъ содержанія, которую часто называютъ количественной стороною въ противоположность сторонѣ качественной и по которой предметамъ усвоятъ названіе величинъ. Говоря затѣмъ, что В равно С, мы можемъ смотрѣть на связуемое этого сужденія, то-есть, на равенство съ С просто какъ на одно изъ возможныхъ опредѣленій В съ количественной стороны. И въ такомъ случаѣ заключеніе А равно С окажется просто результатомъ перенесенія опредѣленія съ одного предмета на другой вслѣдствіе признаннаго логическаго тождества между ними по одной сторонѣ ихъ содержанія. Выводъ въ такомъ видѣ не нуждается въ

математической аксіомѣ какъ въ особой послѣдствіи: аксіома составляетъ наглядное, практически приспособленное къ известнымъ отношеніямъ между предметами, выраженіе общей логической формулы вывода.— Когда мы говоримъ о равенствѣ между предметами, мы ограничиваемъ логическое тождество между ними одною стороною, которую не точно можно назвать количественною стороною. Но мы можемъ обратиться тождество между ними еще болѣе. Мы можемъ разсматривать предметъ не вообще съ количественной стороны, а единственно со стороны количественнаго отношенія его къ известному другому и это отношеніе его отождествить съ количественнымъ отношеніемъ третьяго предмета къ определенному четвертому. Результатъ, очевидно, окажется тотъ же: все, что поставимъ мы въ качествѣ опредѣленія этого послѣдняго отношенія, мы получимъ право перенести на отношеніе перваго предмета ко второму, такъ какъ оба отношенія мы признали логически тождественными, то-есть представляющими для мысли одно и то же содержаніе. Разъ признали мы, что отношеніе А къ В то же самое, что отношеніе С къ D, тотчасъ мы получаемъ право отношеніе Е къ F, которое считаемъ адекватнымъ выраженіемъ для отношенія С къ D, счесть столько же адекватнымъ выраженіемъ и для отношенія А къ В.—Предметъ, разсматриваемый въ качествѣ величины, мы легко можемъ опредѣлить, не прибѣгая къ абстрактнымъ терминамъ. Мы можемъ просто указать на другой предметъ, болѣе знакомый намъ съ этой стороны и сказать, что опредѣленіе перваго въ качествѣ величины было бы совершенно тождественно съ опредѣленіемъ послѣдняго. Но такъ какъ безчисленное множество вещей могутъ оказаться тождественны съ той же стороны съ известнымъ предметомъ, то для насъ открывается широкая возможность давать предмету въ качествѣ величины разнообразныя опредѣленія путемъ приравненія его къ различнымъ другимъ предметамъ. Этимъ объясняется вообще возможность пользоваться этими выводами, тамъ гдѣ дѣло идетъ о количественной сторонѣ вещей. Но это же объясненіе показываетъ, что область примѣненія ихъ никакъ не ограничивается одною этою стороною. Вѣдь и абстрактное качественное опредѣленіе предмета мы всегда также можемъ замѣнить указаніемъ на другой предметъ, имѣющий то же самое опредѣленіе и также можемъ встрѣчать много предметовъ, которые окажутся логически тождественными съ намъ по той же сторонѣ его содержанія. Въ этомъ могутъ убѣдить насъ тѣ случаи нашей практической жизни, когда по образчику известной матеріи, оставленной нами въ нашей квартирѣ, мы подыскиваемъ въ магазинѣ

подходящій къ ней по цвѣту, рисунку, ткани и пр. кусокъ. Оставленная нами дома матерія и отрѣзанный отъ нея лоскутокъ, взятый нами съ собою, отождествлены въ нашей мысли по цвѣту, рисунку, ткани и пр. и если лоскутокъ походить съ этихъ сторонъ на предлагаемый намъ въ магазинѣ кусокъ матеріи, мы не сомнѣваемся, что и оставленная нами дома матерія будетъ походить на него. Въ математикѣ выводы этого рода получаютъ особое значеніе лишь потому, что послышки для заключенія въ ней получаютъ не на основаніи непосредственнаго сличенія другъ съ другомъ единичныхъ фактовъ и самою дѣлюю своею они имѣютъ тамъ доказательство не частныхъ а общихъ положеній.

Примѣры, которые приводили мы въ разъясненіе своего взгляда, легко могутъ возбудить нѣкоторое недоумѣніе. Тѣ два сужденія, изъ которыхъ выводится третье, оказываются по нашему толкованію ихъ имѣющими не одинаковъи смыслъ: одно логически отождествляетъ два предмета, другое приписываетъ опредѣленіе одному изъ нихъ. Между тѣмъ эти два сужденія обменовенно имѣютъ одно и то же выраженіе и представляютъ одно и то же отношеніе между субъектомъ и предикатомъ. А равно В, говоримъ мы, В равно С слѣдовательно и пр. Матерія, оставленная на дому, сходна съ образчикомъ, образчикъ сходенъ съ кускомъ, который предлагается въ магазинѣ, слѣдовательно и пр. Но это недоумѣніе разъясняется легко. Когда мы говоримъ, что сказуемое втораго сужденія даетъ опредѣленіе одному изъ предметовъ, отождествленныхъ въ первомъ сужденіи, это никакъ не значитъ, что оно по нашему взгляду не можетъ быть отождествленіемъ этого предмета съ какимъ нибудь третьимъ предметомъ. Логическое отождествленіе одного предмета съ другимъ есть установленіе одного изъ видовъ возможныхъ отношеній между предметами; а подъ опредѣленіемъ предмета мы разумѣемъ одинаково разъясненіе какъ его свойствъ такъ и его отношеній, однимъ словомъ все, что можетъ быть поставлено мыслию въ качествѣ его предиката. Не удивительно поэтому, что оба доказывающія сужденія могутъ оказаться по выраженію и смыслу заключающихся въ нихъ истинъ совершенно сходными и тѣмъ не менѣ логическое значеніе каждаго изъ нихъ въ операциіи вывода будетъ не одинаково. Въ обоихъ сужденіяхъ, приравнивая одинъ предметъ къ другому, мы одинаково устанавливаемъ логическое тожество между ними (въ одномъ между А и В, въ другомъ между В и С); но въ одномъ это тожество будетъ имѣть дѣлюю обезпечить за нами право перенесенія предиката съ одного предмета

на другой, въ другомъ оно указываетъ намъ тотъ предикатъ, который слѣдуетъ перенести на субъектъ заключенія.

Определенный предметъ можетъ быть съ известной стороны логически отождествленъ не съ тѣмъ или другимъ столь же конкретно определеннымъ предметомъ, каковъ и онъ самъ, а съ какимъ угодно изъ конкретныхъ предметовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ определенныя свойства. Прилагая къ очень многимъ предметамъ одно и то же названіе, напримеръ треугольника, куска желѣза и пр., мы приписываемъ каждому изъ нихъ одни и тѣ же опредѣленія, соединяемыя съ этимъ названіемъ и слѣдовательно необходимо отождествляемъ ихъ во одной части ихъ содержанія. Но въ этомъ случаѣ часть содержанія каждаго изъ нихъ, отождествляемая съ соответствующею частию содержанія другихъ, рисуется предъ нами не просто какъ известная сторона содержанія, не получившая еще ни въ одномъ изъ нихъ своего разъясненія, только еще ожидающая нужныхъ опредѣленій, а какъ сторона совершенно опредѣленная, такъ что самое отождествленіе предметовъ съ известной стороны (кусковъ желѣза — по матеріалу, треугольниковъ — по формѣ) есть результатъ призванія тождества и самыхъ опредѣленій, относящихся къ этой сторонѣ. А потому подобное отождествленіе одного предмета съ дѣлою массой другихъ, признанныхъ имѣющими съ нимъ одни и тѣ же свойства или отношенія, само по себѣ не можетъ служить основаніемъ для вывода отъ одного изъ нихъ къ какому угодно другому. Но возможность вывода тотчасъ же является, какъ скоро, отождествивъ предметы по известнымъ свойствамъ или отношеніямъ, мы находимъ основаніе кромѣ того отождествить ихъ по какой нибудь другой сторонѣ ихъ содержанія, которая не имѣетъ еще своего прямого опредѣленія въ нашей мысли, такъ что опредѣленіе ихъ съ этой стороны должно еще предполагать особый процессъ мыслительной дѣятельности. Тогда мы получаемъ возможность найти нужное опредѣленіе на одномъ изъ предметовъ, отождествленныхъ въ мысли, и затѣмъ на основаніи той модификаціи вывода, о которой теперь идетъ рѣчь, перенести его на какой угодно другой изъ нихъ.

Лучшіе истинно научные образцы подобнаго рода выводовъ представляютъ намъ каждая теорема Эвклидовой геометріи. Совершенно вѣрно замѣчаютъ, что каждая теорема въ ней доказывается на частномъ случаѣ, на этомъ именно начертанномъ треугольникѣ, кругѣ и пр., и тѣмъ не менѣе каждое заключеніе общее, простирается не на этотъ только чертежъ, но на каждый треугольникъ, кругъ и пр.

Собственно ближайшій выводъ, какой можетъ быть сдѣланъ изъ опредѣленнаго построенія, конечно, всегда непосредственно проектируется на начертанную фигуру. Но съ нимъ соединяется другой обобщающій выводъ и этотъ послѣдній составляетъ простое примѣненіе выводовъ на основаніи логическаго тождества. Въ начертанной фигурѣ при доказательствѣ опредѣленнаго положенія дѣлаются только такія вспомогательныя построенія, изъ нея берутся для доказательства только такія свойства или отношенія, возможность которыхъ обезпечивается самой конструкціей фигуры какъ фигуры, относящейся къ опредѣленному виду фигуръ или какъ фигуры, въ отношеніи къ которой сдѣланы извѣстныя предположенія. Но именно эти вспомогательныя построенія и эти свойства и отношенія даютъ возможность примѣнить къ начертанной фигурѣ процессъ доказательства, результатомъ котораго оказывается то или другое выводное положеніе. Выводное положеніе дѣлается общимъ положеніемъ о какой бы то ни было фигурѣ извѣстнаго рода лишь потому, что предполагается, что доказательство приложимо къ каждой подобной фигурѣ; а что доказательство дѣйствительно приложимо къ каждой такой фигурѣ, это слѣдуетъ изъ того, что вспомогательныя построенія, а равно и взятыя свойства или отношенія начертанной фигуры должны охватываться тѣми же у каждой фигуры этого рода; послѣднее же слѣдуетъ изъ того, что возможность ихъ обезпечивается самой конструкціей фигуры этого именно рода. Значить, въ концѣ концовъ предполагается логическое тождество начертанной фигуры съ какой угодно другою, подходящей подъ то же понятіе, со стороны общихъ условий ея конструкціи, а виждѣть съ ними со стороны какъ вспомогательныхъ построеній такъ и ея свойствъ и отношеній, возможность которыхъ обуславливается этой конструкціей. Этотъ треугольникъ, — такъ можно выразить мысль, которая молчаливо подразумевается при доказательствѣ, — логически тождественъ съ каждымъ другимъ по общимъ условіямъ своей конструкціи а виждѣть съ тѣмъ и со стороны возможности продолжить его основаніе, провести изъ вершины угла, съ которой начинается вновь начертанная линія еще линію, параллельную сторонѣ треугольника, противолежащей этому углу, и смотрѣть на остальные два угла его какъ на углы, образуемыя пересѣченіемъ двухъ параллельныхъ линій двумя прямыми. Но исключительно въ силу этой возможности сдѣлать этотъ чертежъ, извлечени изъ него эти сужденія, получило право примѣнить сюда другія извѣстныя истинны и черезъ то доказать въ отношеніи къ начертанному тре-

угольнику, что сумма угловъ его равняется двумъ прямымъ угламъ. Слѣдовательно, то же опредѣленіе должно принадлежать и каждому другому треугольнику. — Обратимся къ наукамъ оиитнымъ. Когда флорентинскіе академики производили свой извѣстный опытъ надъ золотымъ сфероидомъ, наполненнымъ водою и перенесли свойство скважности, неожиданно для нихъ обнаружившееся въ этомъ сфероидѣ, вообще не золото, они могли сдѣлать это перенесеніе опредѣленія съ одного куска золота на золото вообще лишь подъ тѣмъ условіемъ; что заранѣе признавали за безспорную истину, что расположеніе мельчайшихъ частицъ во всемъ, что подходитъ подъ понятіе о золотѣ, совершенно сходно съ расположеніемъ ихъ въ томъ кускѣ этого металла, надъ которымъ производился опытъ; сказать иначе, — золотой сфероидъ, рассматриваемый со стороны связи между его мельчайшими частицами, экпериментаторами заранѣе отождествлялся съ какою угодно другою кускомъ того же металла. Не это сужденіе о логическомъ тождествѣ каковыхъ бы то ни было кусковъ золота по характеру связи между составляющими ихъ частицами составляло смыслъ выведеннаго ими положенія, а опредѣленіе ихъ со стороны этой связи, признаніе существованія поръ, вредящихъ скважности. Конечно при вѣрѣ въ господство закона причинности самый экпериментъ (—предлагаясь, что онъ сдѣланъ былъ вполне точно—) велъ не къ тому только выводу, что этотъ золотой сфероидъ имѣеть скважность; онъ доказывалъ, что при совершенно подобныхъ условіяхъ должно повториться совершенно подобное же явленіе. Но это послѣднее положеніе все же никакъ не тождественно съ выводомъ, въ которомъ скважность приписывалась золоту вообще. Мы, правда, не назовемъ золотомъ вещь, съ которой не соединяется извѣстныхъ свойствъ, которыя въ нашемъ представленіи связаны съ терминомъ „золото“; а поэтому какаа угодно новая вещь, которая подходила бы подъ установившееся понятіе о золотѣ, непременно должна бы была оказаться сходной по извѣстнымъ свойствамъ съ тѣмъ кускомъ металла, надъ которымъ производился опытъ. Но этими свойствами, соединяющимися съ самымъ терминомъ „золото“, далеко не исчерпываются всѣ свойства вещей, къ которымъ приложимъ этотъ терминъ, и поэтому остается еще вопросомъ, окажутся ли всѣ эти вещи сходны съ предметомъ опыта и въ остальныхъ свойствахъ, то-есть будетъ ли при каждомъ новомъ кускѣ металла дано то совершенное сходство условій съ условіями произведеннаго опыта, которое давало бы право единственно на основаніи закона причинной связи сдѣлать

выводъ отъ одной вещи, подходящей подъ понятіе о золотѣ, къ какой угодно другой, лишь бы она подходила подъ то же понятіе. Если выводъ тѣмъ не менѣе былъ сдѣланъ, то значить предполагалась не только вѣра въ причинную связь событій, но существовала кровъ того увѣренность въ логическомъ тождествѣ всѣхъ вещей, подходящихъ подъ понятіе золота, со стороны связи между ихъ мельчайшими частицами, то-есть, съ такой стороны, съ которой эти вещи получаютъ въ глазахъ экспериментаторовъ точное опредѣленіе. впервые при помощи сдѣланнаго эксперимента. Выводъ могъ имѣть только одну форму: этотъ кусокъ золота по характеру связи между составляющими его частицами долженъ быть логически тождественъ съ какимъ угодно другимъ, подходящимъ подъ то же понятіе, но онъ имѣеть скважность, слѣдовательно, ее долженъ имѣть и какой-либо другой кусокъ золота. Осторожный экспериментаторъ новаго времени, конечно, едва ли рѣшился бы утверждать общее положеніе на основаніи опытовъ надъ однимъ предметомъ. Но отсюда было бы слишкомъ поспѣшно заключать, чтобы и въ наше время не устанавливалось логическое тождество съ извѣстной стороны между предметами, принадлежащими къ одному и тому же виду, — не устанавливалось иногда прежде, чѣмъ найдено опредѣленіе, характеризующее ихъ съ этой стороны; и въ наше время весьма возможно, что эксперименты надъ отдѣльными предметами извѣстнаго вида съ цѣлію дать имъ опредѣленіе съ какой-либо стороны, находятъ въ знаніи заранѣе готовую посылку, способствующую перенесенію этого опредѣленія на какой-либо другой экземпляръ того же вида. Химикъ, приступая къ анализу зерна растенія, принадлежащаго къ опредѣленному виду, не можетъ не имѣть въ виду съ одной стороны тождество по многимъ чертамъ этого зерна съ другими зернами того же растенія, съ другой стороны. весь крошечный опытъ его науки, по которому химическій составъ частицъ экземпляровъ при подобныхъ условіяхъ, вообще говоря, оказывался приблизительно очень сходнымъ. Онъ не можетъ поэтому заранѣе не предполагать приблизительного тождества со стороны химическаго состава какого-либо изъ зеренъ растенія того же вида (конечно за всегда возможными случайными отклоненіями), такъ что его анализъ опредѣленнаго экземпляра всегда находитъ готовую посылку для перенесенія результатовъ на какой-либо другой экземпляръ того же вида. Онъ, по всей вѣроятности, тѣмъ не менѣе никогда не удовлетворится однимъ экземпляромъ. Но здѣсь дѣло зависитъ не отъ недостатка вѣры въ приблизительное тождество экземпляровъ того же

видъ, а съ одной стороны отъ неизбежной неточности частныхъ ошибокъ, съ другой отъ того, что цѣлью ставится не приближительное въ широкомъ смыслѣ этого термина опредѣленіе состава, а такое, которое наиболѣе точно выражало бы его. Выводъ на основаніи логическаго тождества одного предмета съ какимъ угодно другимъ изъ числа известныхъ образомъ характеризованныхъ предметовъ здѣсь, очевидно, не исчезаетъ; но вслѣдствіе возможной при данныхъ условіяхъ его неточности, онъ повторяется нѣсколько разъ; и всѣ выводныя положенія затѣмъ сводятся къ одному болѣе точному положенію.

III.

Предметы нашей мысли только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ составляютъ вѣчто недѣлимое. По большей части они обнимаютъ собою болѣе или менѣе значительную группу реально отдѣльныхъ другъ отъ друга предметовъ, которые или въ видахъ удобства для нашего знанія, или вслѣдствіе особо тѣсной реальной связи между ними мы соединяемъ и рассматриваемъ вмѣстѣ въ качествѣ одного предмета. Представленія, соединяемая нами съ терминомъ треугольника, могутъ быть отнесены одинаково и къ остроугольнымъ и къ тупоугольнымъ и къ прямоугольнымъ треугольникамъ. И безчисленное множество треугольниковъ, относящихся къ каждой изъ послѣднихъ группъ, всѣ одинаково становятся предметомъ нашей мысли, когда говоримъ мы о треугольникахъ вообще. Опредѣленная линія AB можетъ быть легко раздѣлена на нѣсколько частей AC , CD , DB , которыя, если взять ихъ всѣ вмѣстѣ и расположить въ опредѣленномъ порядкѣ, будутъ составлять вновь одинъ предметъ, характеризующійся нами какъ линія AB . Будемъ ли мы говорить о треугольникахъ остроугольных, тупоугольных и прямоугольных или будемъ говорить о треугольникахъ вообще, мы будемъ имѣть въ виду одинъ и тѣ же фактически данныя или могущіе быть данными предметы, въ одномъ случаѣ развитые только на три группы, въ другомъ—соединенные въ одну группу. Будемъ ли мы говорить о линіяхъ AC , CD , DB или будемъ говорить о линіи AB , въ концѣ концовъ будемъ разумѣть одинъ и тотъ же фактически данный предметъ, только въ одномъ случаѣ раздробленный на три части, въ другомъ въ его цѣломъ видѣ. А между тѣмъ каждый изъ видовъ треугольника (треугольника остроугольные, тупоугольные, прямоугольные) какъ и каждая изъ частей линіи AB (линія AC , CD и DB) могутъ быть предметомъ

особаго сужденія, Такимъ образомъ мы можемъ имѣть три сужденія (напримѣръ о каждомъ изъ видовъ треугольника, о каждой изъ частей линіи АВ), предметы которыхъ, взятые вмѣстѣ, какъ разъ охватятся фактически тождественными съ предметомъ одного (о треугольникахъ вообще или о цѣлой АВ). Можемъ имѣть одно или два сужденія (напримѣръ объ одномъ или двухъ главныхъ видахъ треугольника, объ одной или двухъ частяхъ линіи АВ), которыхъ предметъ опять охватится фактически тождественнымъ, если и не съ цѣлымъ, то все же съ одною частью предмета другаго сужденія (о треугольникахъ вообще или о цѣлой линіи АВ). Такимъ образомъ дано безспорное реальное тождество предмета одного сужденія съ предметами нѣсколькихъ (или другаго), а слѣдовательно необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ дана и возможность перенесенія опредѣленія. Но здѣсь же и очевидно, что эта возможность встрѣчается теперь съ болѣе сложными условіями. При выводахъ также на основаніи реального тождества, рассмотрѣнныхъ нами выше, истиннымъ субъектомъ двухъ сужденій былъ не только реально одинъ и тотъ же предметъ, но и въ обоихъ сужденіяхъ онъ одинаково разсматривался за-разъ во всемъ своемъ объемѣ и только характеризовался не одинаково для нашего званія. Въ выводахъ, которые теперь подлежатъ нашему разсмотрѣнію, одинъ и тотъ же реальный предметъ разсматривается въ различныхъ сужденіяхъ не одинаково, то за-разъ во всемъ своемъ объемѣ то по частямъ, въ качествѣ отдѣльныхъ разрозненныхъ предметовъ, взятыхъ въ своей отдѣльности. Переносъ опредѣленія, мы не можемъ игнорировать этихъ особыхъ условій, не можемъ не ставить для вывода оградиченій, съ логическою необходимостію вытекающихъ изъ этихъ условій.

Внимая далѣе въ тѣхъ предметахъ нашихъ сужденій, которые при сличеніи съ предметами другихъ сужденій оказываются группами предметовъ, мы легко можемъ замѣтить, что это соединеніе нѣсколькихъ или многихъ предметовъ въ одну группу имѣетъ въ нашихъ глазахъ не одинъ и тотъ же смыслъ. Мы можемъ соединять предметы въ одну группу то на основаніи сходства между ними, то на основаніи какого нибудь реального совершившагося на дѣлѣ или только представляющагося возможнымъ соединенія между ними. Въ первомъ случаѣ мы будемъ смотрѣть на нихъ какъ на предметы, изъ которыхъ каждый характеризуется особо, во тѣхъ же самыхъ признакахъ, какими и другіе, то-есть, будемъ смотрѣть на нихъ, какъ на предметы, отождествленные логически съ опредѣленной стороны, и только эта установленная нами логическая связь между

ниги дасть нам возможность рассматривать их, во-первых, как совокупности как один предмет суждения, обнимать их, во-вторых, своей мыслью. Во втором случае они являются в наших глазах в качестве частей одного и того же агрегата, характеризующихся (уже не каждая особо) лишь в своей совокупности, так, что характеризующий признак принадлежит не каждой из них в отдельности, а только лишь им в соединении их одной с другой. Соответственно этому и прикладывая группы определения, мы преследуем две существенно различные цели. В первом случае мы имеем в виду определение, которые были бы применимы вообще к каждому из частных предметов, входящих в группу. Так, мы говорим: люди смертны, французы отличаются более живым темпераментом. На частные предметы, входящие в группу, обозначаемо термином „люди“ или „французы“, мы смотрим в этом случае как на предметы, имеющие каждый одно и то же характеристическое свойство и налагаем суждением логик каждому из одинаково характеризующихся предметов приписать известное определение. Отсюда никак не следует, впрочем, чтобы тождество определения, отнесенного к каждому предмету группы, не дозволяло этому определению состоять в свою очередь из нескольких понятий, из которых каждое, взятое в отдельности, могло бы относиться лишь к некоторым, а не ко всем предметам группы. Мы можем произнести суждение такого рода: люди имеют или белый, или жидко-красный, или желтый, или оливковый или, наконец, черный цвет кожи, и это суждение будет суждением о группе, понимаемой в первом смысле, хотя каждое из понятий, соединенных в определении, не составляет определения каждого из членов группы. Но эти понятия, по каждому в отдельности, а только все в совокупности, мы признаем адекватным определением группы; все они составляют одно определение, обнимающее в себя совокупность одинаково возможных предикатов членов группы; всякий член, входящий в группу, характеризуется в ней исключительно общими чертами группы, а поэтому ему может принадлежать (в определении суждения о группе) не какойнибудь из этих частных предикатов, а единственно их совокупность в смысле совокупности исключивших друг друга и одинаково возможных предикатов. В своих суждениях о группах второго рода, мы приписываем ей определение, которое не может относиться к каждому предмету порознь, а лишь ко всем им взятым вместе, в совокупности их совокупности. Пусть АВ, говорим мы, разнородны

GH. Линія АВ можетъ состоять изъ частей AC, CD, DB, въ своей совокупности составляющихъ тотъ же фактически данный предметъ, что и линія АВ; но опредѣленіе въ сужденіи, высказанномъ объ линіи АВ, полагается уже не въ качествѣ опредѣленія принадлежащаго каждой изъ этихъ частей, а въ качествѣ опредѣленія, принадлежащаго всѣмъ имъ взятымъ въ совокупности. Весьма на рѣдко случается, что предметы, соединяемые въ группу втораго рода, могутъ характеризоваться въ наипикъ глазахъ, кромѣ принадлежности ихъ къ одному и тому же агрегату, особо признакомъ, принадлежащимъ и каждому изъ нихъ; поэтому очень возможно, что подлежащее сужденія о такой группѣ по термину, его обозначающему, совершенно совпадетъ съ подлежащимъ группѣ перваго рода. Но если группа въ сужденіи берется и рассматривается какъ агрегатъ предметовъ, подлежащихъ опредѣленію лишь въ качествѣ агрегата, а не просто въ качествѣ совокупности предметовъ, логически отождествленныхъ съ известной стороной, то сужденіе, рассматриваемое въ живомъ процессѣ нашей мысли, а не по термину, выражающимъ этотъ процессъ, будетъ относиться къ сужденіямъ втораго рода, а не перваго. Мы можемъ сказать: люди создали цивилизацію, французы заселяютъ такую—то территорію и хотя подлежащее въ этихъ сужденіяхъ по термину будетъ тождественно съ подлежащимъ сужденія о группѣ перваго рода, однако въ нашей мысли предметъ сужденія будетъ становиться нами иначе, чѣмъ дѣлается это при сужденіяхъ, дѣйствительно имѣющихъ своимъ предметомъ группу перваго рода. Не то хотимъ мы сказать этими сужденіями, что каждый человѣкъ создалъ цивилизацію или каждый французъ заселяетъ такую—то территорію, а то, что люди въ ихъ совокупности или французы, взятыя вмѣстѣ, имѣютъ эти опредѣленія. Мы произносимъ сужденіе: „линіи AC + CD + DB, изъ которыхъ каждая равна давой ни есть GH, равны въ совокупности линіи АВ“ и никто, конечно, не станетъ утверждать, что это сужденіе относится къ сужденіямъ о группѣ въ первомъ смыслѣ, хотя въ подлежащемъ предметъ характеризуется какъ составленный изъ частей, существенно однородныхъ. А между тѣмъ это сужденіе съ логической точки зрѣнія будетъ, очевидно, сродно сужденію: французы заселяютъ такую—то территорію. Назовемъ группу предметовъ перваго рода—логической группой предметовъ, а самые предметы, которые составляютъ ее, ея членами, а группу втораго рода—агрегатомъ, а предметы, составляющіе ее—частями агрегата. Изъ всего того, что сказано мы о группѣ того и

другаго рода, ясно, что опредѣленіе логической группы придается не въ томъ смыслѣ, въ какомъ агрегату. Это различіе не можетъ, конечно, не отразиться въ процессѣ вывода при общій опредѣленій между группой и частными предметами и не образовать особнхъ модификацій вывода.

Есть и еще одно условіе, усложняющее формулу при выводахъ этого рода. Когда одинъ и тотъ же реальный предметъ, характеризованный различно въ двухъ сужденіяхъ, напримеръ въ одномъ какъ А, въ другомъ какъ В, разсматривался тѣмъ же мнѣніемъ въ каждомъ изъ нихъ одинаково сразу во всемъ своемъ объемѣ, тогда при перенесеніи опредѣленія для характеристики процесса вывода было совершенно безразлично, будетъ ли предметъ въ смыслѣ характеризованъ какъ А, а въ заключеніи какъ В, или наоборотъ, въ смыслѣ какъ В, а въ заключеніи какъ А. Когда же одинъ и тотъ же реальный предметъ разсматривается въ сужденіяхъ не одинаково, то сразу во всемъ своемъ объемѣ въ качествѣ логической группы или агрегата, то въ качествѣ частныхъ предметовъ, взятыхъ въ своей отдѣльности, то-есть, въ качествѣ членовъ группы или частей агрегата, тогда, конечно, процессъ вывода долженъ будетъ видоизмѣняться, смотря по тому, какъ берется предметъ въ смыслѣ и какъ берется онъ въ заключеніи, то-есть, направляется ли мысль отъ логической группы на входящія въ нее члены, отъ агрегата на составляющія его части, или она совершаетъ обратное движеніе отъ членовъ логической группы къ самой группѣ, отъ частей агрегата къ самому агрегату.

Начнемъ съ выводовъ отъ членовъ логической группы къ самой этой группѣ.

IV.

Мы можемъ образовать сужденія о многихъ предметахъ, изъ которыхъ каждый характеризуется непосредственно въ нашей мысли чертами, ему одному принадлежащими. Мы можемъ знать вромѣ того, что всѣ эти предметы имѣютъ известныя общія черты, которыми характеризуется въ нашихъ глазахъ логическая группа предметовъ, т. е. что одни и тѣ же реальные предметы имѣются въ виду какъ при образованіи нашихъ частныхъ сужденій, такъ и при нашемъ представленіи опредѣленной логической группы. Такъ какъ опредѣленіе въ сужденіи принадлежитъ не опредѣленному представленію,

важныя характеризуются сво. сущности, а непосредственно мыслимому предмету, который только характеризуетъ определеннымъ представлениемъ, то отождествить предметъ логической группы съ предметами частныхъ суждений, мы получаемъ право перенести опредѣленія съ послѣднихъ на группу. Но это перенесеніе требуетъ выполнения нѣкоторыхъ условій, вытекающихъ изъ того вида тождества, съ которымъ мы имѣемъ теперь дѣло.

Группа обнимаетъ собою совокупность всѣхъ предметовъ, изъюдяе свойства, которыми она характеризуется, поэтому перенести безъ всякаго ограниченія подмѣнявныя у частныхъ предметовъ опредѣленія на группу на основаніи тождества изъ съ нею, мы имѣемъ прямое логическое право въ томъ лишь случаѣ, когда обовѣрили всю совокупность предметовъ, въ нее входящихъ, и составили сужденіе о каждомъ изъ нихъ, потому что только въ такомъ случаѣ установится полное тождество между предметомъ сужденія о группѣ и совокупностью предметовъ суждений, съ которыхъ передается опредѣленіе. Выводъ отъ частныхъ предметовъ въ логической группѣ въ своей самой рефлексивной формѣ, есть такимъ образомъ полная индукція.

Далѣе, давая какому-нибудь опредѣленію предмету, мы разсматриваемъ его съ одной опредѣленной стороны. Въ группѣ предметы обнимаются мыслию за разъ; они составляютъ единый предметъ мысли. Поэтому, чтобы изъ опредѣленихъ частныхъ предметовъ получилось единое опредѣленіе единаго предмета, всѣ они должны касаться одной и той же стороны, съ одной и той же стороны характеризовать предметъ: иначе они не будутъ приложимы къ группѣ, ни въ смыслѣ многихъ, отдѣльныхъ другъ отъ друга опредѣленій, изъ которыхъ каждое характеризуетъ ее съ своей особой стороны, ни въ смыслѣ одного опредѣленія, въ которомъ предметъ берется съ одной известной стороны, — послѣднее потому, что на самомъ дѣлѣ они касаются различныхъ сторонъ, первое потому, что нѣтъ полного тождества между частнымъ предметомъ и группой и слѣдовательно опредѣленіе первого не можетъ быть перенесено на послѣднюю въ качествѣ ея адекватнаго опредѣленія. (Отъ заключенія на основаніи полной (и не полной) индукціи, обыкновенно требуютъ обобщаемо, требуютъ именно, чтобы каждое частное сужденіе прилагало своему частному предмету то же самое опредѣленіе, что и другія подобныя сужденія. Подобное требованіе имѣетъ въ своемъ основаніи ту вѣрную мысль, что опредѣленія въ сужденіи о группѣ принадлежатъ всецѣло каждому члену группы. Но эта мысль понимается слишкомъ узко и ведетъ насъ только къ тому ре-

зультату, что логика опускает изъ внимания одну изъ важныхъ модификацій индуктивныхъ выводовъ вообще. Предположимъ, что мы изучаемъ отдѣльные предметы съ одной опредѣленной стороны и находимъ, что нѣкоторые изъ этихъ предметовъ представляють съ этой стороны известное свойство или отношеніе, у другихъ это именно свойство или отношеніе вымѣняется другимъ, еще у иныхъ иными и т. д. Предположимъ далѣе, что все эти предметы составляютъ одну логическую группу. Въ этомъ случаѣ точно также имѣемъ и въ томъ, когда изучаемые нами предметы все оказались бы имѣющими одно и то же свойство или отношеніе, мы можемъ имѣть потребность опредѣлять ихъ съ изучаемой стороны не въ качествѣ только этихъ отдѣльныхъ предметовъ, а въ качествѣ предметовъ, составляющихъ группу. Лишены ли мы вообще этой возможности? Конечно, нѣтъ. О каждомъ предметѣ группы, характеризованномъ неопредѣленно, то-есть чертами общими ему со всеми другими членами той же группы, мы, правда, не можемъ сказать, ни того, что ему принадлежать всё эти частныя или особенныя опредѣленія, ни того, что ему принадлежить то, а не другое изъ этихъ опредѣленій. Но мы можемъ сказать, что ему принадлежить какое-нибудь одно изъ нихъ, такъ какъ они обнимають собою всё возможные предикаты всѣхъ членовъ группы, если ихъ рассматривать съ одной опредѣленной стороны. Мы переносимъ поэтому изученныя опредѣленія частныхъ предметовъ на каждый членъ логической группы въ смыслѣ возможныхъ его предикатовъ, исключяющихъ другъ друга и исчерывающихъ собою, говоря языкомъ логики, сферу его опредѣлимости, и переносимъ на томъ безспорномъ основаніи, что при изученіи частныхъ предметовъ видѣли, что съ признаками, характеризующими группу, соединяются только эти опредѣленія и непримѣнно какое-нибудь одно изъ нихъ. Предметы, характеризующиеся какъ Q (черта группы), — говоримъ мы, — суть тѣ же самыя, что и предметы, характеризующиеся однимъ какъ A , другимъ какъ B и т. д. послѣдній какъ N , но каждый изъ послѣднихъ предметовъ, продолжая мы въ случаѣ томъ-же изученнаго у нихъ свойство или отношеніе, — имѣеть опредѣленіе P ; следовательно то же нужно сказать и о каждомъ изъ первыхъ. Въ случаѣ же различія ихъ по этимъ свойствамъ или отношеніямъ мы имѣемъ полное право продолжать выводъ такъ: но каждый изъ послѣднихъ предметовъ имѣеть неопредѣленно или опредѣленія P или Q или R , следовательно то же нужно сказать и о первыхъ. Когда гѣтъ настоятельной надобности указывать на каждый членъ группы, то послѣднюю мысль мы

выражаемъ обыкновенно такъ: предметы, характеризуемые какъ G, частью имѣютъ опредѣленіе P, частью Q, частью R. Сужденіе о группѣ, выведенное изъ сужденій о частныхъ предметахъ, не только можетъ совмѣщать въ себѣ нѣсколько предикатовъ, лишь бы они исчерпывали сферу опредѣлимости членовъ группы съ известной стороны; оно можетъ даже указывать болѣе или менѣе точно степень значенія въ группѣ каждаго предиката. Мы можемъ сказать, что несравненно большее число ея членовъ имѣютъ такое-то опредѣленіе и только нѣкоторое такое-то. Подобныя заключенія, очевидно, основывались бы на совершенно томъ же выводѣ и было бы равно столько же бесспорно, какъ и заключенія съ однимъ предикатомъ. Въ продолженіе нашего обзора выводовъ мы не разъ будемъ имѣть случай убѣдиться, какую важную роль играютъ подобныя сужденія въ различныхъ модификаціяхъ нашихъ выводовъ.—Конечно, еслибы у каждаго частнаго предмета оказался свой особый предикатъ, совершенно отличный отъ предикатовъ другихъ предметовъ, мы, по всей вѣроятности, не стали бы переносить на группу такое огромное число соединенныхъ предикатовъ, но и въ этомъ случаѣ мы не перенесли бы ихъ вовсе не потому, чтобы это противорѣчило какому нибудь формальному закону вывода, а потому, что сужденіе съ подобными составными предикатами для насъ практически было бы совершенно бесполезно, никакъ не послужило бы тѣмъ интересамъ, съ какими составляемъ мы сужденіе о группѣ. Въ группѣ предметы характеризуются одинаково, и поэтому сужденіе о группѣ тѣмъ болѣе для насъ важно, чѣмъ болѣе даетъ возможности уяснить эти предметы въ качествѣ предметовъ однородныхъ и точнѣе характеризовать ихъ въ качествѣ членовъ одной и той же группы. Соединеніе нѣсколько предикатовъ въ одно опредѣленіе этому само по себѣ не препятствуетъ. Оно, правда, предполагаетъ разнообразіе въ предметахъ, но если количество соединенныхъ предикатовъ незначительно, а между тѣмъ они обнимаютъ очень значительное число членовъ, то опредѣленіе указываетъ на средство между членами и при этомъ очерчиваетъ опредѣленными чертами границы, внутри которыхъ должны лежать предикаты цѣлой группы и такимъ образомъ служить уясненію предметовъ въ качествѣ членовъ одной группы. Но если каждый членъ группы имѣетъ свое особое опредѣленіе или если предикаты, которыми исчерпывается сфера опредѣлимости членовъ группы, таковы, что ими исчерпывается сфера опредѣлимости съ известной стороны и всѣхъ другихъ предметовъ, не принадлежащихъ группѣ, то соединеніе предикатовъ въ одно опре-

дѣленіе не будетъ свидѣтельствовать ни о какомъ средствѣ между предметами группы и не будетъ способствовать составленію болѣе опредѣленнаго понятія о группѣ какъ единомъ предметѣ нашего знанія.— Можно указать на одинъ случай, когда мы не имѣемъ даже формальнаго права неодинаковаго опредѣленія частныхъ предметовъ перенести на группу. Это бываетъ тогда, когда опредѣленія эти имѣютъ отрицательный характеръ. Изъ сужденій: казакское племя не отличается желтымъ цвѣтомъ кожи, монгольское не окрашивается чернымъ, негринское бѣлымъ и пр. не получится выводнаго сужденія, имѣющаго такой же смыслъ, какой оно имѣетъ при утвердительныхъ сужденіяхъ: Однако это ограниченіе вытекаетъ изъ самаго правила. Нужнаго заключенія не получится здѣсь на томъ же основаніи, на которомъ не получится его и изъ утвердительныхъ сужденій въ родѣ слѣдующихъ: одна изъ сторонъ известнаго треугольника равна линіи АВ, другая той же линіи, третья линіи CD, которой отношеніе къ линіи АВ неизвѣстно. Въ обоихъ случаяхъ при перенесеніи опредѣленія съ частныхъ предметовъ на логическую группу (каждое племя въ одномъ примѣрѣ, каждая изъ сторонъ известнаго треугольника въ другомъ) въ сказуемомъ выводнаго сужденія мы могли бы имѣть ошибочную дилемму, потому что опредѣленія частныхъ предметовъ могли бы оказаться не исключительными другъ друга и слѣдовательно могущими принадлежать одному и тому же члену: не бѣлый можетъ быть вмѣстѣ и не желтымъ и не чернымъ; линія, равная линіи АВ можетъ оказаться равной и линіи CD. Если у частныхъ предметовъ мы беремъ не тождественныя опредѣленія, мы должны брать такіе, которые въ нихъ замѣняютъ другъ друга, то-есть, мы должны быть увѣрены, что опредѣленіе, которое прилагаемъ известному частному предмету, есть именно то самое, которое для него заступаетъ мѣсто опредѣленія, приписаннаго нами другому предмету. Только о такихъ опредѣленіяхъ можно сказать въ собственномъ смыслѣ, что ими характеризуются предметы съ одной и той же стороны, съ одной и той же точки зрѣнія.—Вовсе игнорируя индуктивные выводы съ составными опредѣленіями, логика не можетъ въ свое оправданіе сослаться на то, что въ этихъ выводахъ мы имѣемъ простое соединеніе нѣсколькихъ выводныхъ сужденій, полученныхъ по третьей фигурѣ категорическаго силлогизма. Результатъ индуктивнаго вывода, если опредѣленіе получилось составное, действительно можно выразить такъ: некоторые G имѣютъ предметъ P, другія G—предметъ Q, еще нѣкоторыя—предметъ R. Верно и то, что каждая изъ составныхъ

частей этого сужденія могла бы получиться по третьей фигурѣ категорическаго силлогизма. Но не говоря уже о томъ, что тогда были бы не только тщетны (они тщетны и безъ того), но и странны всѣ усилія отдѣлять ученіе о силлогизмѣ отъ ученія объ индукціяхъ, нельзя не признать совершенно ошибочнымъ подобнаго толкованію индуктивнаго вывода съ составнымъ опредѣленіемъ. Простое соединеніе сужденій о нѣкоторыхъ G само по себѣ никогда не въ состояніи дать исчерпывающаго сужденія о цѣлой группѣ G . Для послѣдняго нужно добавочное убѣжденіе, что предикаты сужденій о нѣкоторыхъ G исчерпываютъ опредѣленіе группы G ешюна, что нѣкоторые G и еще нѣкоторые и еще нѣкоторые равняются смыслу членовъ группы G то-есть требуется, чтобы частныя выводы были не отдѣльными другъ отъ друга выводами, а оборотомъ цѣлой группы; но тогда мы будемъ уже имѣть не выводъ по третьей фигурѣ, а полную индукцію.

Переноса на группу тѣ опредѣленія членовъ, которыя оказались одинаковыми, мы не перечисляемъ ихъ каждое порознь, а замѣняемъ ихъ однимъ, тождественнымъ съ каждымъ изъ нихъ. Это объясняется самымъ характеромъ сужденій о логической группѣ, гдѣ предметы, хотя и за-разъ обнимаются мыслию въ одномъ понятіи, но обнимаются съ цѣлью дать имъ опредѣленіе, которое всецѣло принадлежало бы каждому изъ нихъ въ отдѣльности; а такія именно и должно оказаться опредѣленіе или прямо тождественное съ опредѣленіемъ каждаго частнаго предмета или опредѣленіе, составленное изъ различныхъ понятій; изъ которыхъ каждое тождественно съ опредѣленіями кадой-нибудь одной части изъ всего числа частныхъ предметовъ, относящихся въ группѣ.

Противъ полной индукціи какъ вывода нѣкоторые возражаютъ, что она не даетъ общихъ положеній, такъ какъ общее положеніе должно обнимать неопредѣленное или неограниченное число экземпляровъ или видовъ, а при полной индукціи предполагается изученіе всѣхъ экземпляровъ или видовъ, и слѣдовательно число ихъ не можетъ быть неопредѣленнымъ или неограниченнымъ. Выводное положеніе, получаемое при ея помощи, говорятъ также, есть вресто сокращенное выраженіе существовавшаго уже знанія, а не новая истина, такъ какъ оно не простирается далѣе тѣхъ предметовъ, о которыхъ говорятъ посылки. Присоединиться къ послѣднему мнѣнію мы не можемъ. На томъ же основаніи мы могли бы тогда утверждать, что напримѣръ заключеніе о времени жизни Писагора, которое нѣкто-

рыми выводится на основании известия о Нисеогорі, побуждая к мысли вывести из него, есть не вывод, а простое определение: мнение последнего суждения, такъ какъ и въ этомъ выводе (фактический предметъ, о которомъ говорятъ мысли, какъ предположение тотъ же, что и предметъ вывода. Новость мысли заключается не столько, что въ ней определено распространение на новый фактический предметъ, мысль будетъ новой, если определение дано было уже предмету, но оно характеризуется иначе и поэтому представляется иным предметомъ. Въ полной индукціи, конечно, не хватаетъ допустить увеличения числа и въ этомъ последнемъ смысле. И въ данномъ отношении для этого въ самомъ дѣлѣ найти можно. Составляя сужденія о частныхъ предметахъ, мы только развѣ въ слѣдующемъ случаѣ не знаемъ, что они относятся къ определенной логической группѣ, а поэтому относятъ въ нихъ определения, мы всегда беремъ ихъ лишь въ качествѣ членовъ группы. Въ такомъ случаѣ естественно предстаетъ, что процессъ определения съ ними въ группу не новая мысль, а просто тождество, подобно тому, какъ было бы, если бы тождествомъ переименовалъ на иерархиду Хеопса определение, принятое нами самой большой пирамидѣ, если бы и въ самомъ имени совмещеніи этого сужденія, самая большая пирамида означалась нами въ качествѣ Хеопсовой пирамиды. Здѣсь, нужно думать, заключается истинное побужденіе выдвинуть возраженія противъ полной индукціи какъ вывода. Однако въ сужденіи о группѣ мы характеризовать определение не только предметамъ, характеризовавшимъ въ вѣстивши и признаванши, но и вѣстивши предметамъ, какъ характеристическимъ, вѣстивши сужденіе о группѣ, мы утверждаемъ, что существующія въ предметѣ признаковъ группы совершенно достаточно для установленія за нихъ определенія, вѣстивши группѣ. Но это отбѣнка мысли никакъ не заключается въ сужденіяхъ, въ которыхъ мы признаемъ это определение частнымъ предметамъ. Приписывая предметамъ каждому частному предмету, мы можемъ знать, что означаютъ группы, но не можемъ приписать это ему въ качествѣ члена группы, характеризованнаго единственно членомъ группы, тогда какъ, зная, что Хеопсова пирамида есть самая большая пирамида, мы должны были прямо приписать ей новое определение, какъ пирамидѣ Хеопса, если названіе Хеопсовой считаемъ характеристическимъ для нея. Что достаточно характеризовать предметъ просто какъ членъ известной группы, чтобы придать ему известное определение, этого не вытекаетъ ни изъ сужденій о частныхъ предме-

такъ, вывести отдѣльно отъ сужденія, имѣющаго относительнаго групу съ этими предметами, изъ послѣдняго сужденія, вытѣснить отъ вершинъ. Значитъ, выводъ не можетъ быть только имѣть выраженіемъ для частныхъ сужденій. Сужденіе о нравствѣ Хюссера на самомъ дѣлѣ не нуждается ни въ чемъ, кромя вѣрности моей съ истиннымъ имъ предположъ и наблюденія въ немъ известнаго свойства; сужденіе о группѣ, нуждается не только во вѣрности съ истиннымъ имъ предметами и наблюденія въ немъ известнаго свойства, но и въ особомъ убѣжденіи (все равно было ли оно приобретено ранее или позднее), что эти предметы истощиваются собою сколько группу. Изъ этихъ двухъ послѣдхъ, оно выводится безспорно; но не же одно приложено и къ выводомъ, наприкуръ, относительно совмѣстности или совпаденія предметовъ на основаніи совмѣстности или совпаденія ихъ съ другими и къ безчисленному множеству другихъ выводовъ.

Спорить о томъ, какія положенія считать общими, какія нѣтъ, ми не станемъ: это значило бы спорить въ-за словъ. Но вѣрно то, что для науки наиболѣе цѣнны сужденія о такихъ группахъ, которыя обнимаютъ неисчислимое количество экземпляровъ. Поэтому выводы на основаніи одной индукціи, въ которыхъ сужденія частными суть сужденія объ экземплярахъ, не могутъ имѣть сколько-нибудь значительнаго приращенія въ науцѣ. Но полная индукція можетъ оперировать не съ экземплярами только, но и съ видами. Всякая группа раздѣлится на меньшія и послѣднія въ группѣ могутъ быть опредѣленное, ограниченное число. Если теперь, при посредствѣ какихъ-либо другихъ модификацій вывода, ми получимъ возможность приписать лѣтѣе опредѣленіе каждой изъ этихъ меньшихъ группъ, то перенесеніе его на группу большую, обнимающую сколько меньшихъ, будетъ, очевидно, приращеніемъ нашей индукціи. Известно, что доказательство подобнаго рода не нуждается даже и математика. Если же подъ видомъ видами, относимыми къ лѣтѣе классу, разумѣть все множество, вамъ види, то выводъ на основаніи полной индукціи отъ видовъ въ классу, вовсе не будетъ рѣдкостью и въ другихъ наукахъ.

V.

Гдѣ группу нельзя раздѣлить на опредѣленное число группъ меньшихъ, а количество экземпляровъ, относящихся въ группѣ, неисчислима,

тѣмъ выводъ на основаніи полной индукціи будетъ не приложимъ. Должны ли выводѣ съ тѣмъ исчезнуть и всякая возможность перенесенія предиката съ частныхъ предметовъ на группу? Пусть мы имѣемъ известное опредѣленіе одного или нѣсколькихъ предметовъ и знаемъ, что эти предметы имѣютъ нѣкоторые сходные признаки, характеризующіе собою цѣлую группу, совмѣщающую въ себѣ неопредѣленное множество предметовъ. Наученные нами предметы не покрываютъ собою цѣлой группы, но они покрываютъ собою нѣсколько ея членовъ, реально тождественны съ этими членами. Значитъ, мы имѣемъ безспорное право признавать ихъ опредѣленіе опредѣляемъ нѣсколькихъ членовъ группы. Этотъ процессъ вывода есть тотъ процессъ вывода, который называется третьей фигурой категорическаго силлогизма. Легитимная операція въ немъ ясна. Но есть основаніе думать, что въ выводѣ явно опредѣляется тотъ смыслъ, который мы на дѣлѣ придемъ выводному сужденію.

Всѣе сужденіе относитъ известное опредѣленіе къ предмету, указанному тѣмъ или другимъ способомъ. Въ какому же предмету мы относимъ предикатъ въ выводномъ сужденіи, когда выводъ сдѣланъ по третьей фигурѣ категорическаго силлогизма? Въ чему мы хотимъ отнести, напримеръ, понятие млекопитающаго въ сужденіи: нѣкоторые изъ животныхъ, живущихъ въ водѣ, суть млекопитающіе, какъ скоро это сужденіе выведено изъ наблюденія, что китъ живетъ въ водѣ и есть животное млекопитающее? Хотимъ ли мы отнести его къ тому предмету, въ которомъ его наблюдали? Но въ такомъ случаѣ намъ не было нужды въ выводномъ сужденіи и достаточно было оставаться на той мысли, которая прямо относитъ его къ нему, характеризуетъ предметъ, именно, какъ предметъ частный. Хотимъ ли мы отнести его къ этому предмету, но дополнивъ характеристику послѣдняго признаками группы? Но въ такомъ случаѣ намъ следовало бы въ выводномъ сужденіи сказать, что китъ, будучи животнымъ, живущимъ въ водѣ, есть въѣсть и животное млекопитающее. Хотимъ ли мы отнести его къ предмету, характеризованному исключительно чертами группы, т. е. признасти сужденіе объ одномъ или нѣсколькихъ членахъ группы? Но въ группѣ предметы логически отдѣлены; они правда мыслятся тамъ какъ множество членовъ, но эти члены не отличены одинъ отъ другаго и предикатъ не можетъ быть приуроченъ опредѣленно къ тому, а не къ другому изъ нихъ. Ставъ предикатъ опредѣляемъ члена группы, мы говоримъ только, что онъ относится къ какому-то изъ этихъ членовъ, но не указываемъ, къ какому именно.

Противъ, если наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобы въ членѣ группы указать предметъ, къ которому долженъ быть приуроченъ предикатъ, то мы указываемъ этотъ предметъ очень неопредѣленно, указываемъ собственно на предметъ, а цѣль, несомнѣнный рядъ предметовъ, среди которыхъ нужный намъ предметъ находится. Какой же можетъ быть тутъ определенное указаніе на предметъ въ послѣдствіи замѣнять неопредѣленнымъ, изъ предиката, приуроченнаго къ точно определенному предмету, слѣдуетъ предикатъ, который колеблется между безчисленными предметами? Мы произносимъ сужденія неопредѣленные; кто-то пришелъ, голуби цоклевали кормъ, набросанный курамъ и люд., но исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда или вовсе не знаемъ характеристическихъ чертъ предмета, или когда вполне равнодушны къ нимъ, такъ что предметъ рисуется предъ нашею мыслию исключительно какъ одинъ изъ предметовъ, относящихся къ определенному классу. Но къ выводу по третьей фигурѣ силлогизма мы прибѣгаемъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ намъ достаточно извѣстенъ и имѣетъ значеніе и интересъ въ нашихъ глазахъ. Какой же смыслъ имѣлъ бы выводъ, котораго вся цѣль состояла бы въ томъ, чтобы точное указаніе на предметъ замѣнить указаніемъ, по которому нельзя отыскать его среди множества другихъ? Въ эти недомыслия, перестанутъ для насъ существовать, какъ скоро мы допустимъ, что истиннымъ субъектомъ въ заключеніяхъ по третьей фигурѣ категорическаго силлогизма служить не нѣкоторый членъ группы, а сама группа предметовъ, взятая въ ея цѣломъ, и только опредѣленіе ставится въ ней въ качествѣ опредѣленія неполнаго, недостаточнаго, не-адекватнаго ея опредѣленія. Мы хотимъ опредѣлить не нѣкоторый членъ группы, о которомъ и безъ того у насъ есть сужденіе, но высказать нѣчто о нѣкой группѣ, показать отношеніе къ ней нѣкакаго предиката. Высказывая эту мысль, мы не думаемъ опровергать ни того, что прямой выводъ изъ послѣдствія будетъ говорить о нѣкоторыхъ членахъ группы, ни того, что этотъ выводъ будетъ логически законенъ. Мы утверждаемъ только, что истинная цѣль вывода состоитъ не въ опредѣленіи нѣкоторыхъ членовъ группы, а въ опредѣленіи самой группы, что указывая тѣсный кругъ предметовъ (нѣкоторые члены), къ которымъ предикатъ прилагается, мы пользуемся этимъ только какъ средствомъ для того, чтобы опредѣлить значеніе предиката для болѣе широкаго круга предметовъ, мыслимыхъ въ группѣ. Справедливо замѣчаютъ, что къ этому выводу мы прибѣгаемъ часто при опроверженіи ошибочныхъ сужденій о группѣ. Но вѣдь это зна-

чить, что истиннымъ субъектомъ выводнаго сужденія служитъ здѣсь группа. Спирбоа былъ мыслителемъ, признававшимъ возможность чисто умозрительнаго знанія; онъ отвергалъ ученіе о цѣлесобразности природы, значить, и между философами, признававшими умозрительное знаніе были такіе, которые отрицали ученіе о цѣлесобразности природы. Этотъ силлогизмъ можно бы было противопоставить взгляду того, кто всѣхъ философовъ, признававшихъ умозрительное знаніе, считалъ бы защитниками ученія о цѣлесобразности природы. Но не имѣлъ ли бы очевидно возражатель своимъ силлогизмомъ на цѣлую группу? Не хотѣлъ ли онъ просто сказать, что предикатъ оспариваемаго имъ сужденія не имѣетъ того значенія въ группѣ, которое приписывается ему въ этомъ сужденіи? Впрочемъ, этотъ выводъ не всегда имѣетъ смыслъ опроверженія ошибочнаго сужденія. Кто нибудь можетъ, напримеръ, изучать съ известной стороны известный видъ растеній; онъ можетъ быть убѣжденъ, что особенности этого вида съ той стороны, которая его интересуеъ, не исчерпываются тѣми, которыя онъ уже успѣлъ подмѣтить на многихъ экземплярахъ, и тѣмъ не менѣе при встрѣчѣ съ экземплярами, имѣющими новую особенность, онъ заключаетъ, что значить въ группѣ бывають экземпляры и съ этою особенностію. Опять, очевидно, его интересъ сосредоточенъ на цѣлой группѣ, на изученіи всевозможныхъ опредѣленій ея съ известной стороны и выражая свою мысль въ формѣ частнаго сужденія, онъ указываетъ тѣмъ только на необходимость дополненія найденнаго опредѣленія, для того, чтобы получить вполне адекватное опредѣленіе группы, исчерпывающее всѣ предикаты въ ней встречающіеся. Возьмемъ группу предметовъ, логически отождествленныхъ въ понятіи о металлѣ. По обыкновенному взгляду, развивающему въ логикахъ, известный предикатъ; напримеръ „тяжеле воды“ долженъ или относиться къ ней, или вовсе не относиться; отсюда, какъ скоро сужденіе „металлы тяжеле воды“ признано ошибочнымъ, предикатъ „тяжеле воды“ долженъ совершенно также отрицательно относиться къ цѣлой группѣ металловъ (а не къ нѣкоторымъ изъ ея членовъ) какъ предикатъ существо мыслящее. Между тѣмъ на дѣлѣ отношеніе вовсе не таково. Понятіе о существѣ мыслящемъ вовсе не можетъ быть элементомъ предиката въ сужденіи о металлахъ, тогда какъ понятіе „тяжеле воды“ можетъ войти въ это сужденіе въ качествѣ одного изъ элементовъ полнаго опредѣленія металловъ; имѣя въ виду составить сужденіе о металлахъ по ихъ виду сравнительно съ водою, мы можемъ высказать совершенно законно положеніе: металлы бывають и

тщале и легче воды. Послѣ всѣхъ этихъ разъясненій едва ли покажется парадоксальнымъ, если мы скажемъ, что выводное положеніе въ третьей фигурѣ категорическаго силлогизма по смыслу, который мы придаемъ ему, вовсе не частное сужденіе (хотя подобна сужденія вообще и встрѣчаются въ нашей мысли), но сужденіе общее, въ которомъ указывается или недостаточность опредѣленія группы, считающагося иногда адекватнымъ ее опредѣленіемъ, или устанавливаются элементы для адекватнаго опредѣленія.

VI.

Имѣя сужденія о частныхъ предметахъ, число которыхъ не открываетъ собою всей группы, мы можемъ въ выводѣ на основаніи реального тождества заключать лишь о нѣкоторыхъ членахъ группы. Правда, въ иныхъ случаяхъ положеніе дѣла представляется болѣе благоприятнымъ. Мы можемъ не только знать, что извѣстные предметы, которые бесспорно принадлежатъ къ группѣ, имѣютъ нѣкоторое опредѣленіе, но можемъ не встрѣтить ни одного предмета изъ принадлежащихъ къ группѣ, который имѣлъ бы другое опредѣленіе. Но и при этомъ извѣстные намъ предметы остаются все же одною только частію группы и могутъ завѣрить насъ поэтому только въ принадлежнсти опредѣленія этой части. Однако, несомнѣнно, мы пользуемся такъ называемою неполной индукціей per enumerationem simplicem которая бесспорно представляетъ не другой видъ вывода, а именно перенесеніе предиката съ частныхъ предметовъ на группу и хотя посылкой въ ней служитъ неполное перечисленіе членовъ группы, тѣмъ не менѣе при ея посредствѣ мы получаемъ сужденіе о цѣлой группѣ съ адекватнымъ опредѣленіемъ. Какъ же объяснить логическую состоятельность этого вывода?

Говорятъ, выводное сужденіе въ неполной индукціи основывается на простомъ перечисленіи случаевъ, подтверждающихъ общее положеніе и на отсутствіи случаевъ, ему противорѣчающихъ. Въ обыкновенной жизни дѣйствительно мы очень склонны заключать къ группѣ просто отъ извѣстныхъ намъ членовъ ея, если не встрѣчаемся съ исключеніями. Но можно ли оправдать подобна заключенія съ логической точки зрѣнія? Да и не чаще ли вообще они ведутъ къ ошибкамъ, чѣмъ къ вѣрному положенію? Было бы очень странно считать законнымъ выводъ, который скорѣе ведетъ къ укрепенію заблужденій, чѣмъ къ убѣжденію въ истинѣ. Намъ нашей мысли представ-

жизнь, конечно, фактъ очень интересный съ психологической точки зрѣнія, но задача логики выяснить формулы законныхъ выводовъ, а не санировать тѣ или другіе навмы, приобретенные мыслию. Впрочемъ даже и тѣ, которые формулируютъ неполную индукцію просто какъ выводъ per enumerationem simplicem, ubi non reperitur instantia contradictoria, въ дѣйствительности вовсе не признаютъ законности заключенія, удовлетворяющаго только требованиямъ этой формулы. При подробномъ разъясненіи неполной индукціи, они всегда обстоятельно приписываютъ ей различные требованія, исполненіе которыхъ должно гарантироватьъ правильность вывода. Но если исполненіе этихъ требованій необходимо, то значить формула не выражаетъ вывода, значить, дѣйствительное основаніе вывода въ ней точно не опредѣляется.

Есть и другой поводъ подозревать, что ходячее ученіе о неполной индукціи далеко не достигло совершенства. Одни прямо высказываютъ, другіе очевидно подразумеваютъ, что выведенное при помощи неполной индукціи сужденіе есть только обратное сужденіе во всей той части заключающагося въ немъ утвержденія, которая простирается далѣе числа случаевъ, уже наслѣдованныхъ, и тѣмъ не менѣе оно признается или также обратнымъ и въ качествѣ общаго сужденія. Такимъ образомъ выходитъ, что сужденія о частныхъ предметахъ, которыя не даютъ права съ достовѣрностію заключать хоть объ одномъ членѣ группы далѣе того числа ихъ, которое соответствуетъ числу наслѣдованныхъ предметовъ, тѣмъ не менѣе даютъ право съ обратностію судить о всемъ неопредѣленномъ множествѣ предметовъ, относящихся къ группѣ. Выходитъ, что отъ известнаго числа частныхъ предметовъ съ одинаковою обратностію можно заключать и еще только къ одному предмету сверхъ ихъ самихъ и къ цѣлой группѣ во всемъ неизвѣрномъ ея объемѣ. Не трудно объяснить, какими путемъ доходить до положенія, изъ котораго съ неминуемою необходимостію вытекаютъ такіе странные выводы. Дѣло просто въ томъ, что здѣсь перебивается заключеніе отъ частныхъ предметовъ къ группѣ съ обратнымъ заключеніемъ отъ группы къ опредѣленному частному предмету. Утверждая, что отъ частныхъ предметовъ можно при известныхъ условіяхъ заключать съ извѣстною обратностію къ общему положенію, не могутъ, конечно, не быть уверены, что изъ существованія известнаго опредѣленія у этихъ предметовъ бесспорно слѣдуетъ по крайней мѣрѣ существованіе того же опредѣленія у многихъ другихъ имъ подобныхъ. Но въ то же вре-

мы замѣчаютъ, что каковой бы мы ни взяли опредѣленный частный предметъ изъ принадлежащихъ къ группѣ, но еще не изслѣдованныхъ, мы на основаніи вѣроятнаго сужденія о группѣ можемъ только, съ вѣроятностію заключать къ существованію у него известнаго, опредѣленнаго, то-есть, всегда предполагается возможнымъ, что онъ окажется имѣющимъ этого опредѣленнаго. Сознать такимъ образомъ, что въ группѣ, о которой составлено только вѣроятное сужденіе, мы не можемъ назвать ни одного опредѣленнаго предмета кромѣ изслѣдованныхъ уже нами, о которомъ со всею достовѣрностію мы могли бы сказать, что онъ непременно будетъ имѣть данное опредѣленіе. Эту-то именно невозможность навѣрное приурочить опредѣленіе группы къ тому или другому опредѣленному предмету кромѣ уже изслѣдованныхъ и перетолковываютъ въ смыслѣ невозможности съ достовѣрностію сказать, что въ группѣ есть еще предметы, имѣющіе известное опредѣленіе, кромѣ тѣхъ, которые уже изслѣдованы. Совершенно вѣрно, конечно, что какъ ни бесспорны основанія, которыя заставляютъ перевести опредѣленіе съ однихъ членовъ группы на другіе, но если они недостаточны для того, чтобы составить несомнѣнное сужденіе о всей группѣ, о всѣхъ ея членахъ, никогда нельзя о произвольно или случайно выбранномъ, опредѣленномъ членѣ сказать съ рѣшительностію, что онъ окажется имѣющимъ данное опредѣленіе. Но какъ отсюда будетъ слѣдовать, что мы не можемъ со всею несомнѣностію утверждать о группѣ, что количество ея членовъ, имѣющихъ известное опредѣленіе, несравненно болѣе количества ихъ, нами изслѣдованнаго? Можно быть увереннымъ даже, что известное опредѣленіе въ группѣ въ высокой степени преобладаетъ надъ всѣми другими, почти исключительно господствуетъ въ ней и въ то же время не считать безусловно невозможнымъ, что случайно выбранный предметъ окажется исключеніемъ.

Обратимся къ нашему основному вопросу, въ чемъ состоитъ основаніе заключенія по неполной индукціи какъ заключенія законнаго? Каждый предметъ въ природѣ, доступный человѣческому воспріятію, при известномъ положеніи въ отношеніи къ нему чловѣка, можетъ возбудить въ немъ опредѣленное, ему соответствующее представленіе. Чѣмъ больше въ природѣ предметовъ известной группы, имѣющихъ известное свойство, тѣмъ болѣе значитъ существовать для чловѣка объективныхъ поводовъ получить воспріятіе предмета съ этимъ свойствомъ, и наоборотъ чѣмъ менѣе предметовъ, относящихся къ той же группѣ и не имѣющихъ этого свойства, тѣмъ менѣе объек-

тивныхъ выводовъ имѣть воспріятіе предмета, не имѣющаго этого свойства. Еслибы изъ предметовъ, принадлежащихъ къ известной группѣ, какъ имѣющаго известное свойство, такъ и не имѣющаго его выведены были въ отношеніи къ воспріятію совершенно въ одинаковыя благоприятныя условия за исключеніемъ различія въ нихъ количества, то, очевидно, относительное развитіе количества воспріятіи предметовъ, имѣющихъ известное свойство, отъ количества не имѣющихъ его, опредѣлилась бы количественно относительно различія количества дѣйствительно существующихъ членовъ группы, имѣющихъ это свойство, отъ количества подобныхъ же членовъ, не имѣющихъ его; и дѣйствительно неровное соответствовало бы наблюдаемому. Отсюда печально въ чистъ элементъ сущности того вывода, который выводится немалой индукціей. Если мы изъ предметовъ, относящихся къ известной группѣ, исключительнo знаемъ такіе, которые имѣютъ известное свойство, то этотъ фактъ можетъ имѣть для нашего знанія о дѣлѣй группѣ и очень большое значеніе и почти никакихъ простыхъ слѣдствій по тому, имѣемъ ли мы право думать, что при прочихъ воспріятіяхъ известныхъ намъ членовъ группы мы были поставлены именно въ такія условия, которыя были одинаково благоприятны для воспріятія предметовъ, какъ имѣющихъ это свойство такъ, какъ не имѣющихъ его, такъ что еслибы существовали послѣдніе въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ, они необходимо въ соответствующей степени отразились бы въ нашемъ воспріятіи и знаніи. Опытъ научаетъ насъ съ достаточною точностію опредѣлять въ общихъ чертахъ условия, которыя могутъ назваться одинаково благоприятствующими встрѣчѣ съ членами группы, имѣющими не одинаково опредѣленна. Мы знаемъ, что чѣмъ шире распространяется наше наблюденіе по району возможнаго для насъ опыта, тѣмъ болѣе исключается мѣсто для предположенія, что особенныя благоприятныя обстоятельства для встрѣчи съ предметами, имѣющими известное свойство, замѣсны отъ ограниченія района наблюденія одной или лишь нѣсколькими частями его. Мы знаемъ далѣе, что чѣмъ разнообразнѣе условія, при которыхъ ведутся наблюденія, тѣмъ болѣе устраняется предположеніе, что подобныя благоприятныя обстоятельства замѣчаются въ особенныхъ свойствахъ условій наблюденія. Мы знаемъ наконецъ, что чѣмъ многочисленнѣе случаи, наблюдаемые въ каждомъ определенномъ районѣ опыта, при каждомъ видоизмѣненіи условій, тѣмъ болѣе устраняется предположеніе о томъ, что подобныя благоприятныя обстоятельства замѣчаются въ особыхъ случай-

ныхъ и исключительныхъ условіяхъ, каждаго случая наблюденія въ от- дѣльности. Такъ постоянно убѣждаемся мы, что послѣдство нѣкаваго свойства въ воспринятыхъ нами предметахъ зависитъ не отъ тѣхъ или другихъ случайныхъ условій воспріятія, а отъ послѣдствъ известнаго опредѣленія въ группѣ, имъ опредѣляется. Необходи- мость при неполной индукціи имѣть въ виду всѣ эти требованія, часто слѣдуетъ признавать. Но если исполненіе этихъ требованій не- обходимо, то уже ее малымъ, естественнымъ, характеризовать какъ, выходя вѣр- ствѣ простое перечисленіе подтверждающихъ случаевъ при отсут- ствіи случаевъ противорѣчающихъ. Можно и то, что нами при полной индукціи, такъ и при неполной имѣть двоякой наблюдени- сямъ ограничивать выводъ случаемъ, гдѣ они встрѣчаются, исключи- тельно одно и то же опредѣленіе въ изучаемыхъ предметахъ. Мы можемъ изслѣдовать известныя намъ члены группы съ одной сто- роны, съ какой представляють они нѣкоторое разлѣченіе въ опре- дѣленіяхъ. И если мы указаннымъ выше путемъ можемъ убѣ- диться, что наша встрѣча съ членами группы, нѣблизкими исклю- чительно известныя свойства, зависитъ единственно отъ знанія этихъ свойствъ въ самой группѣ, то выводъ нашъ будетъ имѣть тѣ же права, какъ еслибы дѣло шло объ одномъ опредѣленіи. Мы можемъ даже по сравнительному значенію опредѣленій въ воспринятой части группы судить о сравнительномъ значеніи ихъ въ цѣлой группѣ. Конечно, совершенно точнаго соотвѣстія здѣсь ожидать будетъ трудно: тѣмъ болѣе свойства изучаются до значенія частныхъ свойствъ нѣко- торыхъ предметовъ группы, тѣмъ болѣе наблюденіе надъ ними бу- детъ зависеть отъ частныхъ условій воспріятія частныхъ предметовъ. Но значеніе того или другаго изъ нихъ въ ордѣ воспринятыхъ вре- ментовъ все же будетъ въ значительной степени опредѣляться значе- ніемъ ихъ въ самой группѣ, а потому дастъ возможность судить о послѣдней.

Теперь мы можемъ легко убѣдиться въ томъ, что выводы изъ пол- ной индукціи прямо основываются на томъ же самомъ принципѣ, на которомъ основываются выводы индукціи второй и третьей фигуры силлогизма. Если забыть объ условіяхъ, которыя единственно даютъ право переносить опредѣленія съ частныхъ предметовъ, на нечлен- вающихся группы, на группу, то эти предметы окажутся простымъ со- вокупностію нѣсколькихъ членовъ группы или ея части. Не иначе представляется дѣло, если не игнорировать этихъ условій. Если вос- пріятіе обставляется такими условіями, что помиліе въ немъ

частных предметов, относящихся къ группѣ, съ тѣми, а не съ другими свойствами обуславливается по возможности исключительно значеніемъ этихъ свойствъ въ самой группѣ, то въ воспріятіи поддается, правда, все не только одна часть группы, но часть, опредѣленная строемъ и характеромъ тѣла, часть, совпадающая съ тѣломъ въ своихъ логическихъ границахъ, указываемыхъ предметами, въ своемъ логическомъ очертавіи, обозначаемомъ сравнительно отенечью значенія предметомъ. Сказать иначе, въ воспріятіи предметовъ предъ нами вступаетъ сама группа, правда такъ, что бесцѣльные тѣла для насъ остаются не тѣлыми, но расположеніе дѣлится въ воспріятіи членомъ достаточно указывать расположеніе остальныхъ, наибѣесть: общій логическій строй группы, подобно тому, какъ въ частяхъ прямой линіи вытѣхъ изъ различныхъ мѣстъ ея точенія, но не перекрещиваются одна съ другой, а соединяются на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, какъ занимаютъ они въ самой линіи, дада уже не всю часть этой линіи, а сама линія, правда: постоянно прерывающаяся, но сохраняющая черту общаго своего теченія. Въ неполной индукціи мы заключаемъ на основаніи реального тѣла не просто нѣкоторыхъ предметовъ съ нѣсколькими членами группы, но нѣсколькихъ предметовъ: опредѣленныхъ въми остальными, а заключеніе того въ своихъ логическихъ границахъ, въ своемъ логическомъ очертавіи: совпадающая съ границами и очертаваніи группы. А такъ какъ перешедши предметы касаются этихъ именно границъ, этого очертавіи, то выводъ можетъ быть на столько строгъ, на сколько строгъ установленіе самое тѣла. Вся вопросъ въ томъ: можетъ ли быть это тѣластво установлено съ той полнотой и строгостью, какія требуютъ идеи вывода.

Есть ограниченіе съ этой стороны, которое обыкновенно привносится и едва ли можетъ подлежать спору. Одно изъ самыхъ важныхъ условий для исключенія случайности при изученіи группъ состоитъ въ расширеніи наблюденія на возможно широкую область. Но мы не можемъ забыть, что граница нашего опыта не совпадаетъ съ границами бытія. Поэтому заключеній на основаніи параллель индукціи выводъ не можетъ быть въ собственной силѣ выводомъ къ группѣ вообще, а лишь къ группѣ, на сколько она дана въ предѣлахъ доступной нашему опыту действительности. Если наблюденіе въ отношеніи къ предметамъ, принадлежащихъ къ илѣтвой группѣ, ограничено тѣми или другими районами, то въ предѣлахъ этого района и могутъ быть ограничены только его случайности. Выводъ можетъ

простирается и на будущее, но лишь там только, на сколько предлагается господство въ будущемъ тѣхъ же условий, которые обеспечиваютъ существованіе опредѣленнаго порядка вещей въ настоящемъ. Никто не рѣшится утверждать, что положеніе, которое признается истиннымъ лишь въ качествѣ положенія, точно выражающаго фактически данную теперь действительность, несомнѣнно окажется вѣрнымъ и въ томъ случаѣ, если данный порядокъ волею преобразится, будетъ ли то путемъ постепенныхъ или внезапныхъ измѣненій или путемъ какой нибудь внезапной катастрофы.

Конечно, не часто при неполной индукціи мы можемъ достигнуть того, чтобы случайности наблюденія были достаточно исключены, чтобы единственнымъ и очевиднымъ для насъ обоснованіемъ познанія въ нашемъ воспріятіи предметовъ лишь съ известными свойствами служило значеніе этихъ свойствъ для самой группы. Однако это возможно особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ группа (например тѣла, дѣленія) совпадаетъ со всѣми предметами нашего вѣншнаго опыта, и наблюдаемое въ ней свойство (например, тяжесть) стоитъ съ связи со всѣми нашимъ опытомъ, соприкасается едва не съ каждымъ фактомъ нашего знанія. Значитъ, съ этой стороны достовѣрность вывода основаннаго на неполной индукціи, не имѣетъ тѣхъ ограничений, которыя одинаково простирались бы на всѣ случаи этого вывода. Тѣмъ не менѣе ограниченіе существуетъ и близко принимается къ этой сторонѣ, хотя и не заключается въ ней непосредственно. При помощи исключенія случайности воспріятія мы ставимъ подкленки въ нашемъ воспріятіи предметовъ съ известными свойствами въ очевидную для насъ зависимость отъ значенія этихъ свойствъ въ цѣлой группѣ. Но по строгой формулѣ вывода намъ нужна увѣренность, что логическія границы и очертавіе воспріятой нами части группы вполне совпадаютъ съ логическими границами и очертавіемъ цѣлой группѣ. Но получится ли указаннымъ путемъ это убѣжденіе? Предположимъ, что во всей группѣ въ действительности лишь незначительное количество членовъ имѣетъ свойство, не сходное съ свойствами остальныхъ членовъ, и это ничтожное количество составляетъ тѣмъ сказать, въ нечисленной массѣ остальныхъ членовъ. Пусть въ такомъ случаѣ появленіе предметовъ съ известными свойствами единственно опредѣляется значеніемъ этихъ свойствъ въ группѣ и все же таки мы не можемъ требовать, чтобы ничтожное число предметовъ, составляющихъ исключеніе, имѣло себѣ представителя въ воспріятой нами части группѣ. Представитель не можетъ не быть

полной единицей, особымъ членомъ группы, а между тѣмъ неисчисли-
мое количество членовъ группы можетъ относиться къ ничтож-
ному количеству тѣхъ изъ нихъ, которые составляютъ исключеніе,
такъ, какъ всѣ известные намъ члены группы къ какой нибудь нич-
тожной дроби. Такимъ образомъ мы можемъ поставить наше воспри-
ятіе въ такія условія, которыя дадутъ намъ полную увѣренность въ
томъ, что появленіе въ нашемъ сознаніи предметовъ съ опредѣлен-
ными свойствами исключительно зависитъ отъ значенія этихъ свойствъ
въ группѣ и это поведетъ, конечно, къ убѣжденію, что воспринятая
нами часть группы совпадаетъ, вообще говоря, по своимъ логиче-
скимъ границамъ, и по своему очерчанію съ цѣлой группой, но все же
останется подъ сомнѣніемъ, будетъ ли это совпаденіе полнымъ со-
впаденіемъ или только приблизительнымъ. Средства вполне устранить
это сомнѣніе мы не имѣемъ. Мы можемъ сказать только, что воз-
можность исключенія изъ общаго положенія основывается въ этомъ
случаѣ на простомъ предположеніи, которое не имѣетъ за себя ни-
какихъ данныхъ, тѣмъ не менѣе она остается возможностью и ста-
вить въ вопросъ полную адекватность приписаннаго группѣ опредѣ-
ленія. Если, поэтому, говорятъ, что неполная индукція можетъ да-
вать только вѣроятныя положенія, то это вѣрно въ томъ смыслѣ,
что возможность исключенія изъ ея выводнаго положенія никогда
не можетъ быть устранена, такъ какъ требованія ея формулы при
самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ не могутъ быть совершенно
точно выполнены. Но толковать это ограниченіе въ томъ смыслѣ,
будто достовѣрность вывода простирается исключительно на число
членовъ группы, соответствующее числу изслѣдованныхъ предметовъ,
очевидная ошибка. Признать извѣстныя опредѣленія почти безу-
словно господствующими въ группѣ при вполне благоприятныхъ усло-
віяхъ для вывода мы имѣемъ, очевидно, здѣсь такое же бесспорное
право, какъ и при всякомъ другомъ выводѣ. При менѣе благоприят-
ныхъ условіяхъ возможность заключенія увеличивается настолько,
ка сколько познание въ воспріятіи предметовъ съ извѣстными толь-
ко свойствами можетъ обуславливаться отчасти, случайными условіями
воспріятія. Но и при этомъ можетъ оставаться безспорнымъ широкое
распространеніе этихъ свойствъ въ группѣ, какъ какъ исключеніе
случайныхъ условій воспріятія, хотя сдѣланное и не въ надлежащей
степени, все же должно убѣждать насъ, что значеніе извѣстныхъ
свойствъ въ группѣ служитъ, если не единственнымъ, то все же

однимъ изъ важнейшихъ условий познания въ нашемъ земномъ предметомъ только съ известными свойствами.

Въ очерченныхъ границахъ неполная индукція представляется мощное и иногда законное орудіе вывода и совершенно напрасно хотеть ограничить значеніе ея для точнаго знанія: установивъ аксіомы причинности и другихъ аксіомъ. Вопросъ объ аксіомахъ или послѣднихъ послыжалъ вообще "человѣческаго знанія не входитъ въ нашу задачу. Но неполная индукція важна всею не какъ доказательство ихъ. На ней основывается много очень важныхъ истинъ, постоянно употребляющихся въ качествѣ отдаленныхъ послылокъ для многихъ выводовъ. Ранѣе установившаяся истина о неизмѣнчивости вещества и болѣе поздняя мысль о неизмѣнчивости дѣйствій, рассматриваемая съ метафизической точки зрѣнія, могутъ имѣть другія основанія, но взятая просто въ качествѣ достоверныхъ положеній точнаго знанія представляеть результатъ совпаденія той факта, что всюду, гдѣ наука могла прослѣдить съ точностію измѣненія въ явленіяхъ, какихъ бы разнообразныхъ областей природы: это или являлось, какъ бы разнообразны ни были изучаемыя явленія, — всюду измѣненіе оказывалось простою метамоρφозой вещества и дѣйствія, а не прибавленіемъ и убавленіемъ ихъ, то-есть, эти положенія представляють выводъ на основаніи неполной индукціи. Наврасно думать, что тѣ четыре метода индуктивнаго доказательства причинной связи явленій, которыя были перечислены сполна въ первый разъ Гершлелемъ и развиты Миллемъ, неизмѣнчиво предполагають аксіому причинности. Методъ совпаденія, чтобы получить при его помощи даже только обратныя истины, очевидно, предполагаетъ въ качествѣ одной изъ своихъ отдаленныхъ послылокъ положеніе, что при сколько-нибудь значительномъ числѣ случаевъ наблюденія надъ истинными явленіемъ нѣкоторое случайно совпадающее съ ними событіе не можетъ оказаться сосуществоющимъ съ нимъ столь же часто, какъ выстѣ взятыя его причины, если только случайно совпадающее событіе не относится къ числу событий, слишкомъ часто повторяющихся. Безъ этого положенія при всей вѣрѣ въ законъ причинности и при всякомъ убѣжденіи, что причины событий Е мы должны искать одниъ разъ среди событий АВС, другой — ADG, третій — AHI и т. д. мы не имѣли бы права заключить, что причина события Е во всехъ случаяхъ та же, то-есть, А, а не различная для каждого случая, напримеръ для одного В, для другого D и т. д. А между тѣмъ высказанное положеніе, необходимое для вывода, основано на неполной индукціи: оно

есть результата бесчисленныхъ, обнимающихъ всю сферу опыта, сделанныхъ при самыхъ разнообразныхъ условияхъ, наблюдений надъ событиями случайно встрѣчающимися и такими, которыми связаны между собой причинною связью. Еслибы природа была устроена иначе, еслибы каждое дѣйствіе напримѣръ, могло происходить отъ очень многихъ и разнообразныхъ причинъ и часто встрѣчалось бы случаи совпаденія двухъ явленій, не связанныхъ закономъ причинности, замеченіе по методу совпаденія было бы невозможно, хотя въ устроенной такъ природѣ каждая причина непременно сопровождалась бы своимъ результатомъ, то-есть, законъ причинности нарушался бы не былъ. Если методъ сопутствующихъ измѣненій толковать въ томъ смыслѣ, что соответствующія измѣненія въ событіяхъ А и В могутъ увѣрить насъ въ причинной связи между ними лишь въ томъ случаѣ, когда другія современныя имъ явленія остаются неизмѣнными, то для него кромѣ фактовъ, данныхъ въ наблюденія, нужно будетъ имѣть только положеніе о причинной связи. Но едва ли точно соответствіе между измѣненіями двухъ явленій, еслибы даже состояніе въ которыхъ другихъ явленій за то же время не было известно, не повело исследователя къ въратному предположенію о причинной связи между ними. Изъ строгата соответствія измѣненій въ двухъ явленіяхъ не слѣдуетъ еще, что одно изъ нихъ есть причина другого, но едва ли былъ бы справедливъ тотъ, кто сталъ бы утверждать, что изъ него нельзя съ нѣкоторою въратностію заключать вообще о причинной связи между явленіями, не опредѣляя, будетъ ли состоять эта связь въ зависимости одного изъ нихъ отъ другого или въ ихъ общей зависимости отъ какого нибудь третьяго явленія. Какъ естественно и законно для мысли подобное заключеніе, это видно уже изъ того, что давая формулу методу сопутствующихъ измѣненій, обыкновенно въ ней вовсе не упоминаютъ о наблюденіи надъ другими явленіями; кромѣ испытывающихъ параллельныя измѣненія, и упоминаютъ о нихъ только при развитіи подробностей. Но выводъ, который сдѣлать бы могъ на основаніи наблюденія только соответствующихъ измѣненій двухъ явленій, конечно, опять не могъ бы опираться исключительно на законъ причинности. Природа могла быть устроена такъ, что каждое дѣйствіе въ ней имѣло бы свою причину и все же рядъ измѣненій въ однихъ явленіяхъ могъ бы совпадать съ рядомъ измѣненій въ другомъ, хотя бы оба ряда не были однимъ съ другимъ на въ какой непосредственной причинной связи, и подобныя

случайна совпаденія, помѣненій въ однихъ явленіяхъ съ иными въ другихъ могли бы повторяться очень часто. Если для насъ мало вѣроятно, чтобы точное совпаденіе явленій въ двухъ явленіяхъ не скрывало за собою нѣкоторой причинной связи между ними, то это исключительно зависитъ отъ того, что весь нашъ опытъ, который мы можемъ считать достаточно точно выражающимъ общій порядокъ природы съ этой стороны, обрисовываетъ намъ природу въ иныхъ чертахъ. Это опять заключеніе на основаніи неполной индукціи. И не при установленіи только истинъ, одинаково касающихся всѣхъ предметовъ природы, неполная индукція сохраняетъ свои права въ наукѣ; ею непосредственно пользуются и для установленія законовъ въ частныхъ областяхъ знанія. Если на примѣрѣ, для убѣжденія въ одинаковости всюду состава воздуха, кромѣ вывода этой истины изъ факта постоянного движенія и перемѣщенія его, которое должно всюду сопровождаться уравненіемъ его состава, прибѣгали къ безцѣленнымъ его анализамъ въ разнообразнѣйшихъ мѣстахъ и при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, то здѣсь прекрасно примененный методъ неполной индукціи подтверждаетъ положеніе, конечно, никакъ не медлѣ, чѣмъ побочныя соображенія, приводимыя въ его пользу. Установленіе закона кратныхъ отношеній при опредѣленныхъ химическихъ соединеніяхъ представляетъ примѣръ основаннаго на неполной индукціи заключенія (не отъ экземпляровъ уже, а) отъ видовъ къ роду какъ большей логической группѣ. Каждая наука знаетъ такого рода выводы и сомнѣніе, которое соединяется съ ними, всегда простирается не на широкое господство закона, установленнаго при ихъ помощи, а на полное отсутствіе исключеній для него.

Отмѣтимъ еще случай заключеній на основаніи неполной индукціи, которому даютъ обыкновенно несоответствующее мѣсто. Предполагаютъ, что мы имѣемъ дѣло съ группой, члены которой строго ограничены однимъ опредѣленнымъ райономъ. Этимъ заранѣе исключено одно изъ возможныхъ условій случайности въ нашихъ наблюденіяхъ экземпляровъ, принадлежащихъ къ группѣ. Намъ остается только разнообразить условія наблюденія и имѣть въ наблюденіи достаточное число экземпляровъ. Это именно случается при заключеніяхъ обратныхъ обыкновеннымъ заключеніямъ такъ называемой математической вѣроятности. Если въ известномъ ящикѣ помѣнены шары разнообразныхъ цвѣтовъ, то вынувъ изъ нихъ болѣе или менѣе значительное количество, мы можемъ съ известною степенью точности опредѣлить,

какого цвѣта шары преобладаютъ въ ящикѣ, или даже въ какомъ численномъ отношеніи находятся тамъ шары одного цвѣта къ шарамъ другихъ. Здѣсь дана группа, характеризованная понятіемъ о шарахъ, заключенныхъ въ ящикѣ, значить группа, члены которой строго ограничены по своему мѣсту опредѣленнымъ райономъ; цвѣта шаровъ представляютъ изслѣдуемые предикаты группы, вынимаемые шары суть изслѣдуемые экземпляры; при процессѣ вынутія ихъ, конечно, будемъ брать шары изъ различныхъ мѣстъ ящика, то-есть разнообразить условія встрѣчи съ экземплярами. Наконецъ послѣ достаточнаго числа опытовъ, мы придемъ къ заключенію, что случайныя условія воспріятія достаточно исключены и на вынутые уже шары будемъ смотрѣть какъ на представителей группы, появленіе которыхъ съ опредѣленными свойствами въ нашемъ воспріятіи зависѣло отъ значенія этихъ свойствъ въ группѣ, а потому и перенесемъ эти свойства и степень ихъ значенія для шаровъ, вынутыхъ нами изъ ящика, на цѣлую группу. Если процессъ не доведенъ до того момента, въ который предполагаются случайности воспріятія достаточно исключенными, вѣроятность заключенія окажется слабѣе и тѣмъ ранѣе онъ будетъ прерванъ, тѣмъ болѣе заключеніе будетъ приближаться къ заключенію по третьей фигурѣ силлогизма, хотя полное отсутствіе самаго важнаго условія случайности воспріятія и полная свобода выбора шаровъ при вынутіи ихъ изъ ящика все же будетъ заставлять насъ думать, что сравнительное значеніе свойствъ въ группѣ составляетъ одно изъ самыхъ существенныхъ условій появленія въ воспріятіи экземпляровъ съ тѣми, а не другими свойствами, слѣдовательно будетъ побуждать насъ смотрѣть на воспринятую часть группы не просто какъ на часть группы, но какъ на такую часть, которой появленіе въ воспріятіи опредѣлялось характеромъ цѣлой группы. По своему логическому характеру этотъ случай совершенно тождественъ съ процессомъ вывода натуралиста, изучающаго, напримѣръ, бабочекъ известнаго острова. И здѣсь группа ограничена опредѣленнымъ мѣстомъ. Путешествія натуралиста по различнымъ мѣстамъ острова будутъ выражать то же стремленіе разнообразить условія, какое заставляеть человека, вынимающаго шары изъ ящика, разнообразить при этомъ движенія своей руки. Остальные моменты процесса такъ ясно совпадаютъ въ обоихъ случаяхъ, что нѣтъ никакой нужды развивать сравненіе подробнѣе.

VII.

Логическія группы предметовъ могутъ быть субъектами, не категорическихъ только, но и гипотетическихъ сужденій. На сколько несправедливо основные элементы категорического сужденія ограничивать предикатомъ и тѣмъ опредѣленнымъ представленіемъ, которое непосредственно соединяется съ терминомъ подлежащаго, на столько же несправедливо и основные элементы гипотетического сужденія ограничивать представленіями о двухъ фактахъ или отношеніяхъ, которые носятъ названіе предыдущаго и послѣдующаго, условія и условнаго, основанія и слѣдствія. Въ категорическомъ сужденіи мы опредѣленіе относимъ не къ представленію, непосредственно соединяющемуся съ терминомъ подлежащаго, а къ предмету, только характеризованному этимъ представленіемъ. Совершенно подобно этому фактъ или отношеніе, относящіяся къ той половинѣ сужденія, которая носитъ названіе послѣдующаго, мы относимъ не къ другому факту или отношенію, а къ опредѣленному порядку во времени, который для насъ только указывается, только характеризуется тѣмъ фактомъ или отношеніемъ, о которомъ говоритъ предыдущее. Соединяя два факта въ условномъ сужденіи, мы выражаемъ ту мысль, что одинъ изъ нихъ составляетъ неизбѣжный членъ того порядка фактовъ во времени, который характеризуется другимъ. Два факта, соединяемые въ гипотетическомъ сужденіи такъ же внѣшні другъ другу, какъ только могутъ быть внѣшні другъ другу два понятія, соединяемые въ сужденіи категорическомъ. И какъ соединить послѣднія не можетъ значить ничего другаго, какъ поставить ихъ въ одномъ и томъ же предметѣ въ качествѣ опредѣленій, его составляющихъ, такъ соединить два событія или отношенія не можетъ означать ничего инаго, какъ отнести ихъ къ одному и тому же порядку во времени въ качествѣ членовъ, его наполняющихъ. При этомъ, конечно, все равно съ логической точки зрѣнія, говоримъ ли мы просто, что одинъ фактъ относится къ тому же порядку во времени, къ какому и другой, или говоримъ, что онъ долженъ относиться на основаніи извѣстныхъ намъ законовъ бытія или наконецъ, что онъ долженъ бы относиться, если предполагать осуществленіе нормативныхъ законовъ нравственности, мысли и пр. Какъ предметъ, составляющій истинный субъектъ категорического сужденія, представляетъ для насъ неопре-

дѣлится полноту содержанія, которая указывается только опредѣленною ея частію, но иногда можетъ быть указана и другая и которая только частію выражается въ данномъ опредѣленіи и допускаетъ неопредѣленное количество другихъ опредѣленій: такъ мыслимый нами порядокъ фактовъ или отношеній во времени, составляющій истинный субъектъ гипотетическаго сужденія, можетъ представлять полноту фактовъ или отношеній, которая указывается однимъ изъ нихъ, но иногда могла бы быть указана и другимъ и которая въ такомъ случаѣ только частію будетъ исчерпываться въ послѣдующемъ членѣ, но можетъ быть развита лишь въ цѣломъ рядѣ подобныхъ членовъ. Напрасно стали бы возражать намъ, что вводя представленіе о порядкѣ во времени, мы вводимъ фикцію, нѣчто безусловно невозможное, а слѣдовательно и не дѣйствительное для міра опыта. Это возраженіе совершенно съ тою же силою можно бы было принять и къ тому, что мы назвали предметомъ категорическаго сужденія: въ мірѣ воспріятомъ, мы также не найдемъ чувственно даннаго матеріала, на который мы могли бы указать, какъ на точное выраженіе предмета того или другаго категорическаго сужденія; весь этотъ матеріалъ разрѣшится на опредѣленія и нельзя будетъ указать ничего кромѣ этихъ опредѣленій; а между тѣмъ безъ представленія о предметѣ мы не обойдемся. Не вступая въ споры относительно метафизическаго значенія этого предмета, мы вполне можемъ удовлетвориться сознаніемъ того, что этотъ предметъ въ нашей мысли представляетъ ту своеобразную форму синтеза, въ которой даны въ воспріятіи свойства, относимыя нами къ одному предмету въ качествахъ его опредѣленій. Точно также не задаваясь никакими философскими теоріями, мы вполне можемъ удовольствоваться и въ отношеніи къ представленію о порядкѣ во времени увѣренностію, что и въ немъ мы представляемъ особня своеобразныя формы синтеза, въ которыхъ дѣйствительно даны въ воспріятіи явленія и въ нашемъ сознаніи—мысли. Послѣ этихъ замѣчаній ясно, что разнообразныя виды заключеній отъ членовъ группы къ группѣ также приложимы къ гипотетическимъ сужденіямъ какъ приложимы они къ сужденіямъ категорическимъ. Мы можемъ отнести къ опредѣленнымъ порядкамъ фактовъ или отношеній во времени факты одного и того же рода или различающіеся по роду и вѣтъ увѣрившись, что частныя характеризованныя нами порядки фактовъ или отношеній составляютъ извѣстную группу или часть ея, вслѣдствіе того перенести на группу факты, отнесенные

нами къ частнымъ порядкамъ, слѣдуютъ тѣмъ самымъ правиламъ, которые прилагаются къ сужденіямъ категорическимъ. Математикъ доказывается, на примѣръ, что какъ въ тому порядку отношеній, который характеризуется тѣмъ, что прямая, поставленная на другую прямую, дѣлаетъ смежные углы равными другъ другу, такъ и въ тому, когда она дѣлаетъ ихъ неравными, необходимо принадлежитъ отношеніе равенства обонъ смежныхъ угловъ, вмѣстѣ взятыхъ, двумъ прямымъ и затѣмъ переноситъ послѣднее отношеніе на какой бы то ни было порядокъ отношеній, характеризующійся вообще паденіемъ одной прямой на другую, потому что послѣдняя группа возможныхъ порядковъ отношеній волюнѣ совпадаетъ съ частными порядками, или изслѣдованными. Нѣтъ никакой нужды на другихъ примѣрахъ разъяснять совершенный параллелизмъ выводовъ, состоящихъ изъ условныхъ сужденій, выводимъ изъ сужденій категорическихъ тѣмъ болѣе, что сознаніе тождества логической операціи вывода въ обонъ случаяхъ давно уже проникло въ логику. Но можетъ быть здѣсь не лишнее сдѣлать одно замѣчаніе. Еслибы о фактахъ въ ихъ отношеніи другъ къ другу мы не имѣли возможности составлять общихъ положеній, каковы на примѣръ законъ причинности, невѣроятность слишкомъ частаго совершенно случайнаго совпаденія фактовъ, то методъ совпаденія оказался бы простымъ примѣненіемъ того, что называютъ неполной индукціей, въ сферѣ сужденій гипотетическихъ. Если мы имѣемъ частные порядки фактовъ, характеризуемые то событіями $A B C$, то $A D E$, то $A G H$ и такъ далѣе и такъ далѣе и къ каждому изъ нихъ можемъ отнести событіе E ; если далѣе мы видимъ, что группа, характеризуемая просто существованіемъ событія A , совмѣщаетъ въ себѣ всѣ эти порядки, то наше право перенести на эту группу событіе E , очевидно волюнѣ зависѣло бы отъ того, имѣемъ ли мы основаніе смотрѣть на частные изслѣдованные нами случаи, какъ на такіе, которые достаточно исключаются случайности наблюденія, благопріятствующія появленію въ воспріятіи членовъ группы A въ сопровожденіи именно E , то-есть, нашъ выводъ зависѣлъ бы отъ удовлетворенія требованіямъ индукціи. Но какъ скоро въ процессъ вывода можно ввести общее положеніе вообще о фактахъ, получается возможность не прибѣгать къ изслѣдованію огромной массы случаевъ $A B C, A D E$ и такъ далѣе и превратить индуктивную форму вывода въ другую, о которой рѣчь впереди. Однако для того, чтобы воспользоваться важнѣйшимъ въ данномъ случаѣ общимъ положеніемъ о случайныхъ совпаденіяхъ между

фактани, нужно, чтобы были достаточно известны въ каждомъ частномъ случаѣ наступленія Е всѣ его предшествующія, чтобы они разнились другъ отъ друга и т. п., но это бываетъ не всегда; впрочемъ и при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ выводъ по методу совпаденія получается лишь вѣроятный. Такимъ образомъ все же приходится въ количествѣ изучаемыхъ случаевъ, въ разнообразіи условій наблюденія, то-есть въ возможномъ удовлетвореніи требованіямъ неполной индукціи искать подкрѣпленія вывода и при методѣ совпаденія.

III. Каринскій.

НОВѢЙШІЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕ—ЧЕШСКАГО ЯЗЫКА ¹⁾.

Критическія замѣтки о древнемъ и новомъ по исторіи славистики.

(ПАМЯТИ АББАТА ІОСИФА ДОБРОВСКАГО.)

VIII.

Приступаемъ теперь къ обзору подложныхъ чешскихъ глоссъ. Числомъ ихъ всего 848. Уже одно это обстоятельство доказываетъ, что обманщикъ-палеографъ работалъ долго надъ своими подлогами. Если прибавить къ этому разнообразныя подлоги и поддѣлки, указанныя гг. Баумомъ и Вольтманомъ въ другихъ рукописяхъ, то мы будемъ принуждены положить на эту работу не годъ и не два, а нѣсколько, и довольно много лѣтъ. Изъ того, что *Mater Verborum*, Яромірская Библия, *Concordantia discordantium saconum*, *Mariale Arnesti* и *Liber viaticus*, всѣ эти пять рукописей поступили одновременно въ 1818 г. въ бібліотеку Чешскаго народнаго музея изъ Брезницкой бібліотеки графа Коловрата, изъ этого обстоятельства можно, по видимому, предполагать, что подлоги были совершены не въ Прагѣ, не въ музеѣ, не послѣ, а задолго до 1818 г., во время нахождения этихъ рукописей въ замкѣ графа Коловрата.

Такое предположеніе имѣетъ только видимую, наружную и чисто внѣшнюю вѣроятность. Это предположеніе можетъ быть принято

---

¹⁾ *Продолженіе*. См. февральскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

только съ допущеніемъ разныхъ другихъ предположеній, одно невѣроятіе другаго. По множеству подчистокъ, поддѣлокъ и разныхъ новыхъ приписокъ древнимъ почеркомъ и подъ древнія чернила эти палеографическіе подвиги требовали многихъ лѣтъ продолжительныхъ и постоянныхъ занятій фальсификатора въ Брезницкой библиотекѣ. Слѣдовательно, если подлоги кончились въ 1817 г., то они должны были начаться по крайней мѣрѣ въ 1813—1814, а можетъ быть, и въ 1812 г. и даже гораздо раньше. Допустимъ, что мысль о подлогахъ зародилась у фальсификатора не раньше 1811—1812 гг. Тогда надо признать, что къ этому времени онъ уже приобрѣлъ извѣстныя палеографическія свѣдѣнія, опытность въ опредѣленіи вѣка рукописей, навыкъ писать древнимъ почеркомъ, разныя свѣдѣнія филологическія въ чешскомъ и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Въ то время Чехамъ такихъ свѣдѣній нельзя было приобретать въ высшемъ заведеніи, а только послѣ, по выходѣ изъ него, самостоятельнымъ чтеніемъ и собственными занятіями, и все же не безъ наставленій, если не руководства того или другаго ученаго. Такимъ образомъ надо допустить, что какъ бы фальсификаторъ молодъ ни былъ, а онъ не могъ окончить школьнаго образованія раньше 1807—1808 гг., а можетъ быть, и 1806 г., слѣдовательно, долженъ былъ родиться въ 1780-хъ и чуть ли даже не въ 1770-хъ годахъ. Но каждое поколѣніе имѣетъ, такъ сказать, свои любимыя мечты, свои идеалы, свои стремленія и увлеченія. Эти поддѣлки и подлоги были плодомъ національных, даже можно сказать революціонныхъ мечтаній ускорить во что бы ни стало подвѣтъ народности, плодомъ дилеттантскихъ воззрѣній на палеографію, археологію и филологію чешскую и даже славянскую, плодомъ усвоенія некоторыхъ научныхъ приѣмовъ для цѣлей ненаучныхъ, и даже анти-научныхъ. У молодыхъ слишкомъ 20-ти или 30-ти лѣтнихъ Чеховъ 1806—1812 гг. вмѣстѣ съ любовью къ роднѣмъ являлась и любовь къ старинѣ. Въ трудахъ Добнера, Пельцеля, Ф. Прохазки, Ад. Фойгта, Дуриха и особенно гениальнаго аббата І. Добровскаго (до 1806—1812 гг.) зарождалась истинная наука въ Чехіи, но ея приемы и выводы еще не успѣли на столько распространиться въ обществѣ и такъ сказать опомилиться, чтобы дилеттантство и даже шарлатанство могли успѣть овладѣть ими и пользоваться для своихъ цѣлей. Да и въ то время великихъ мировыхъ событій и политическихъ переворотовъ, когда летѣли въ дребезги старыя троны, разрушались старыя государства, устроились новыя рес-

публики и королевства, Австрія и Пруссія въ нѣсколько битвъ сокращались до скромныхъ размѣровъ и переходили въ полное распоряженіе Наполеона, когда наконецъ съ полумилліонною арміею онъ вторгся въ Россію и дошелъ до Москвы, въ это время быстро сдѣлавшихся событій никакая молодежь въ Европѣ не могла беззавѣтно отдаваться вѣрованіямъ въ великую политическую силу археологін и всеоживляющую и возрождающую мощь палеографін. Эта вѣра могла зародиться нѣсколько позже, въ 1813 — 1815 гг., въ эпоху реставраціи и Вѣнскаго конгресса, Вартбургскаго празднества, карбонаровъ и Тугендбунда, въ эпоху стремленій къ восстановленію всякаго рода поправленныхъ правъ, часто совершенно иначе понимаемыхъ правительствами и обществами. И такъ, невѣроятно, чтобъ указанные подлоги въ рукописяхъ графа Коловрата могли быть совершены въ теченіе 1812 — 1817 гг. Послѣднихъ двухъ лѣтъ было слишкомъ мало для совершенія этихъ подлоговъ. Да и кто могъ быть этотъ фальсификаторъ? Былъ ли онъ совершенно независимый человекъ, простой пріятель и знакомый графа Коловрата, получившій по знакомству доступъ къ его рукописямъ? Или же это былъ кто-нибудь изъ служащихъ графа, его домашній секретарь, учитель его сыновей или племянниковъ, или просто бібліотекаръ? Послѣднее все же вѣроятнѣе перваго. Пріятелями и знакомыми графовъ и вообще магнатовъ чешскихъ и теперь бываютъ и могутъ быть только свои же братья аристократы. Но такъ называемые народовцы и властенцы, или тогдашніе славомилы и властимилы, къ которымъ безъ сомнѣнія принадлежалъ фальсификаторъ, и теперь не являются, а тѣмъ болѣе не появлялись тогда, между надѣвными, гордыми, сдѣвшими чешскими аристократами, преданными по большей части папѣ и Габсбургамъ и съ великимъ презрѣніемъ относившимися къ чешской народности, къ чешскому языку, какъ достойнѣю черни, не любившим и старой чешской исторіи, когда въ Чехіи было столько ересей... Если графъ Коловратъ, тогдашній владѣлецъ Брезницкихъ рукописей, любилъ древнее искусство и вообще древность, то онъ могъ имѣть и особаго бібліотекаря, даже могъ приискать себѣ человека болѣе или менѣе знающаго. Но тогда онъ, значить, интересовался своими рукописями, любилъ смотрѣть и зналъ прекрасныя миниатюры Liber viaticus и прочее. Такіе любители, особенно съ конца XVIII вѣка, бывали между австрійскими, а слѣдовательно, и чешскими, аристократами. Такіе любители-аристократы любятъ показывать друзьямъ и

приятелямъ свои рѣдкости и сокровища. Еслибы такіе былъ графъ Коловратъ, то какой библиотечаръ дерзнулъ бы подчинять, скопировать его рукописи и дѣлать въ нихъ новыя приписки? Если же графъ Коловратъ былъ совершенно равнодушенъ къ своимъ рукописямъ и миниатюрамъ, никогда ими не занимался и въ нихъ не заглядывалъ, то по видимому, были тогда поддѣлки и подлоги удобнѣе и легче. Но въ такомъ случаѣ скупой и экономный, какъ всѣ почти чешскіе аристократы, графъ Коловратъ не тратился бы на особаго библиотечара, какъ не тратятся на нихъ и теперь чешскіе аристократы, имѣющіе сотни тысячъ дохода и богатые дѣдовскіе и прадѣдовскіе архивы. Управляющіе имѣніями и служащіе по экономіи завѣдуютъ этими архивами. На нихъ не тратятся обыкновенно и самыя расточительныя магнаты. Тѣмъ не менѣе о чешскихъ аристократахъ и ихъ отношеніяхъ къ бумагамъ и рукописямъ, завѣщаннымъ отъ предковъ, не надо судить по русскому дворянству, у котораго нѣтъ что называется *ni esprit de corps*, ни старыхъ традицій. У насъ въ рѣдкость не беззаботное и часто совершенно невѣжественное обращеніе дѣтей и внуковъ съ отцовскими и дѣдовскими рукописями и коллекціями. Совсѣмъ иное дѣло въ странахъ болѣе или менѣе старой культуры и съ старою, даже древнею аристократіей. Въ Чехіи же старая аристократія обладаетъ громадными богатствами и по своему своеобразному, уединенному положенію въ странѣ представляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ социальныхъ явленій въ цѣлой Европѣ.—Мнѣ приходилось лично наблюдать въ Венеціи и Фріулѣ представителей двухъ древнихъ графскихъ родовъ, которые доставили мнѣ возможность работать въ ихъ домашнихъ архивахъ. Оба они были люди совершенно беззаботные на счетъ литературы и науки. Одинъ занимался сельскимъ хозяйствомъ, охотой, а въ свободное время бранью и руганью новой Италіи Кавура и Виктора-Эмануила. Другой былъ весь отданъ различнымъ экономическимъ спекуляціямъ. Ихъ архивы, ихъ коллекціи рукописей въ сущности ни мало ихъ не занимали. Но они любили при случаѣ поговорить о нихъ, похвастаться ими; не зная ихъ настоящаго достоинства и значенія, они страшно преувеличивали ихъ внутреннюю и вѣшнюю цѣнность, хотя они никогда не думали объ ихъ продажѣ общественнымъ или правительственнымъ учрежденіямъ. Для этихъ коллекцій были отведены еще дѣдами хорошія помѣщенія въ палацахъ. Рукописи содержались въ чистотѣ и порядкѣ, по издавно введенному обычаю. Владѣльцы никогда ихъ

не читали, тогда въ нихъ рѣшительно не понимали, но гордились ими, величались и тщеславились, какъ своими гербами, генеалогическимъ деревомъ, старыми дипломами и привилегіями своихъ предковъ, портретами своихъ дѣдушекъ и прабабушекъ. Коллекціи древнихъ рукописей и всякаго рода старинныхъ бумагъ вообще составляютъ у старыхъ аристократическихъ родовъ такую же принадлежность и необходимость ихъ старыхъ дворцовъ и замковъ, какъ старое серебро, старая мебель и старые парки. Онѣ составляютъ въ понятіяхъ аристократовъ одно изъ важныхъ и многихъ отличій, которыми высокою породы люди отдѣляются отъ остальныхъ смертныхъ не бѣдойности. Такіе аристократы научно неразвитые и мало просвѣщенные вообще неохотно и на безъ брезгливости припускаютъ постороннихъ, особенно мѣстныхъ уроженцевъ, не изъ ихъ среды, къ своимъ фамильнымъ бумагамъ. Если графъ Колоратъ принадлежалъ къ этому рода аристократамъ, то въ занятіяхъ своими рукописями онъ никогда не далъ бы полной свободы и простора какому-нибудь своему секретарю или служащему. Ему казались бы подозрительными, ему были бы просто неприятны всѣ эти заботы надъ рукописями, его фамильнымъ добромъ, какого-нибудь литерата изъ мѣщанъ или мужиковъ. „Я плачу ему и содержу его для того, чтобы онъ у меня работалъ и дѣлалъ что мнѣ нужно, а не что ему хочется“. Затѣмъ, можно быть увѣрену, надъ всякимъ подобнымъ лицомъ, занимавшимся этими фамильными пергаменами и бумагами, всегда устранился строгій надзоръ. Чѣмъ непросвѣщеннѣе владѣлецъ коллекцій, тѣмъ онъ болѣе готовъ предполагать въ интересующихся ими людяхъ, какія-нибудь практическія, заднія и не всегда чистыя дѣли. Да и число людей, занимавшихся въ то время въ Чехіи древними чешскими рукописями, было такъ малочисленно, что они всѣ были извѣстны наперечетъ. Никто изъ нихъ, какъ извѣстно, не работалъ въ Брезницѣ. Такимъ образомъ подлоги и поддѣлки въ этихъ пяти Брезницкихъ рукописяхъ, а въ томъ числѣ и въ Mater Verborum, должны были быть сдѣланы послѣ поступленія ихъ въ бібліотеку Чешскаго музея. Слѣдовательно, начало ихъ восходитъ не ранѣе, какъ къ 1818 г., что видно впрочемъ и изъ того, что нѣкоторыя особенныя слова такъ называемыхъ Зеленогорской и Краледворской рукописей уже вошли въ число новѣйшихъ чешскихъ глоссъ Mater Verborum.

Прежде чѣмъ перейти къ опредѣленію личности поддѣльщика остановимся еще на подложныхъ глоссахъ. Ихъ всего 848, а подлин-

ныи и дрвиниъ. 329. Впрочемъ изъ этихъ 848 болѣе 700 глоссы не представляютъ никакого особеннаго интереса, такъ какъ значительнѣйшая часть этихъ словъ вошла, напримеръ, въ известный словарь Падковича: „Böhmisch-deutsch-latäinisches Wörterbuch mit Beyfügung der den Slowaken u. Mähren eigenen Ausdrücke. B. (A—N) I. Prag. 1820. II-g B. (O—Z). Prossburg. 1821; затѣмъ проиія находятса въ некоторыхъ современныхъ издаанiяхъ древнихъ чешскихъ словесности, напримеръ, издаанiи Ганки Starobyla: skladanie, Zbirka nejz. slovn., а также въ открытыяхъ въ 1817—1818 годахъ Крадеворской и Злевогородской рукописяхъ. Собственно говоря, изъ этихъ 848 словъ, можно видѣть, какъ особенно заслуживающiя вниманiя, въ древнихъ памятникахъ не встрѣчающiяся и не имѣющiяся въ современномъ чешскомъ языкѣ, только около сотни съ небольшимъ словъ, и даже меньше. Такъ, изъ нихъ надо выдѣлить 10 словъ, о которыхъ мы выше ничего не сказали, приводи при слухѣ глоссы поддѣланныя. Изъ нихъ слѣдуетъ прибавить еще 10 глоссы. Вотъ они:

1) sebole (sebole) ogra. Въ изданномъ экземплярѣ sero loch vocale. Простому глазу видно, что видѣть это же слово было и въ быломъ латинскомъ написанiи sev, какъ это доказывается и пригѣтъ чернилъ.

2) denrice (denrice) aurora. est clarascantia diei initium et primus splendor denice qui grece dicitur ethos. Въ печатномъ экземплярѣ: (splendor auris qui). Имя: auris, поддѣлава; denrice auris: изъ а. сдѣлано d. auris auris, а изъ а. — ser, s было прежде выскоблено, имену оставлено еще слышн.

3) iud (iud) ruber. Въ печатномъ экземплярѣ ruber iungex. Съ и сокращенiемъ: er iud. g. искоблено; и изъ а. иже: еще слышн.

4) remes (remes) barbarus, tardus, trisulentus... immitis. Въ печатномъ экземплярѣ: barbarus... trisulentus, atron, immitis. Глосса remes поддѣлава изъ атрок: изъ ат сдѣлано n, изъ r—w, изъ ok—me, а с вновь приписано; и все остальное, что мѣняло, искоблено. Пятая замѣчаетъ, что это самая неудачная поддѣлка.

5) okurka (okurka) cuscimer... cuscimeris. Въ печатномъ экземплярѣ: cuscimis et cuscimer dicitur huim cuscimeris ut vomis et vomer. Поддѣльная глосса изъ cuscimis (?) dicitur d отчасти и tur выскоблено.

6) plzt (pilzt) centon... Въ печатномъ экземплярѣ filz. Поддѣльная глосса изъ viz: изъ v сдѣлано p и приписано t надъ z.

7) tak (rac) saucer... forgers. Въ печатномъ экземпляръ: saucer, паса forgers... Поддѣльная глосса изъ паса: нѣтъ и сдѣлано г, второе а выскоблено.

8) Srbi (zirbi) Sarabaite, proprie currentes vel sibi viventes.—Въ другомъ мѣстѣ Sirbi. Въ печатномъ экземпляръ: Sargentum a serendo dictum id est quasi sirimentum. Глосса Sirbi сдѣлано изъ sargentum: а отчасти выскоблено; дабы между S и а не оставалось пробѣла, нижняя часть S утолщена, нѣтъ и сдѣлано bi, при этомъ еи выскоблено, а ti оставлено, такъ какъ фальсификаторъ избѣгалъ пробѣловъ, которые могли бы возбуждать подозрѣніе. Изъ dictum сдѣлано dicti, изъ sirimentum siribim. Въ предвѣстѣ мѣстѣ — zirbi Sarmathe porali.

9) svét (svet) consilium... t. consilii. Въ печатномъ экземпляръ: consilium querit consilii. Поддѣльная глосса изъ querit: q частью выскоблено и нѣтъ неге сдѣлано z, нѣтъ v—t, i выскоблено и t оставлено. Въ другомъ мѣстѣ написано svet consilium. Слово svét извѣстно Чехамъ только въ смыслѣ lux и mundus Въ смыслѣ же нашего совѣта (свѣтъ) встрѣчается у одного Далмича svet', i (жанск. р.) и свѣтъ еще въ Краледворской рукописи. Фальсификаторъ нѣтъ, выскобляя и поддѣливая эту глоссу, надѣлся, конечно, услужить комментаторамъ Краледворской рукописи, въ чемъ и не обманулся.

10) varle (varille) venticulus. Въ подлинности было varbe, нѣтъ b сдѣланы два M.

Итакъ, собственно говоря, число неизвѣстныхъ или замѣчательныхъ словъ должно еще уменьшиться. Изъ нихъ надо исключить десять словъ, хотя и замѣчательныхъ, но не неизвѣстныхъ. Это именно béiboh, bodr, hrabiwy, chlavrom, néha, pébovati, plznu, rodny, rodna, vojvoda. О нихъ мы будемъ говорить особо. Такимъ образомъ остается всего 92 слова. Приведемъ ихъ сначала въ алфавитномъ порядкѣ: 1) baceslavie, 2) bazyvatny, 3) blahodobie, 4) blahorodie, 5) blahoslovie, 6) blahovanie, 7) blazovnie, 8) blenie, 9) bores, 10) bracka, 11) cedm, 12) detel, 13) devana, 14) devonub, 15) drebne, 16) hrez, 17) chlast, 18) chlipa salacia dea paganorum, 19) izok, 20) jarobud-demetrius, 21) ječny, 22) jezen, jasní, 23) kamy, 24) kvizny, 25) komoniti (starosta), 26) kony, 27) kory, 28) koty, 29) kroky, 30) kazni, 31) kyvad, 32) letnice, 33) lichoplesy, 34) laby, 35) ložany, 36) lukača, 37) majčenie, 38) matéra, 39) matureju, 40) mlh, 41) mratice, 42) mratina, 43) nečestie, 44) nejesyť, 45) notí, 46)

obuz, 47) ohníševín, 48) opes, 49) oselopy, 50) ostrešty hrad, 51) paz, 52) pešera, 53) pelesty, 54) plamašnik, 55) plasy, 56) plecnicl, 57) plénik, 58) poluša, 59) porvata, 60) poskošnici, 61) pravoslavny, 62) prije, 63) prok, 64) raky, 65) ryd, 66) sestl, 67) škora, 68) skranec, 69) skravad', 70) vnaša, 71) sraša, 72) stran, 73) stoceníc, 74) svor, skvor, 75) svekry, 76) svoba, 77) svor, 78) sytivrat, 79) ščednic, 80) tešt', 81) topeš, 82) trenovci, 83) třepica, 84) tvrd', 85) včed, 86) věty, 87) vřítí, 88) vřv, 89) vzpěsi, 90) zeř, 91) žarovičte, 92) žestoky.

Изъ этихъ 92 словъ—одинадцать (№№ 20, 22, 25, 26, 27, 28, 33, 45, 66, 75, 86) либонитны не въ словарномъ, а въ грамматическомъ отношеніи. Онѣ должны были представлять древнія утраченныя формы. Мы видѣли, что знакомому съ Institutiones Добровскаго составить ихъ было немудрено.

Итакъ, собственно неизвѣстныхъ и замѣчательныхъ словъ остается 81 слово. Но надо принять въ соображеніе, что изъ нихъ 27 словъ принадлежатъ къ самымъ немудренымъ и общезвѣстнымъ словамъ ц.-славянскимъ и русскимъ. Сюда мы причисляемъ №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 16, 17, 24, 36, 39, 42, 43, 44, 47, 51, 52, 57, 58, 61, 67, 69, 72, 84, 88, 92¹⁾. На нѣкоторую еще ученость намекають развѣ 2 слова (44, 47) немцы pejesyt, и огнишавинъ (ohniševín). Но оба эти слова фальсификаторъ могъ узнать изъ Добровскаго Institutiones и Дурька (Bibl. Slav. или другихъ). Для прочихъ же понятій, выраженныхъ этими ц.-слав. и русскими словами древній чешскій языкъ имѣлъ свои реченія, несколько по хуже этыхъ заимствованныхъ, но чешскихъ. Такъ orthodoxus—pravoslavny а въ древнемъ чешскомъ это понятие всегда выражалось словомъ pravověrný и т. д.

Либонитна glossa mrašice. Видно, что слово морозка въ той книгѣ, гдѣ которой фальсификаторъ занконовалъ это слово, было напечатано моротка, то-есть т вмѣсто ш, и вотъ у фальсификатора явилось чешское mrašice. Глосса въ словесахъ издания (Štýrka) включаетъ (с. 390) mrašice (ros. morotka) snad mrašice rubus. По странной случайности и передъ Ганкою русское слово морозка было съ тою же опечаткою: моротка.

Tvrd' firmamentum передано не совсѣмъ по чешски, ибо въ чеш-

¹⁾ Нѣкоторые изъ этихъ словъ понятны каждому Чеху и легко могли быть или вновь стать чешскими.

слово было и есть *tvuz* (съ другимъ значеніемъ). Впрочемъ въ словарѣ Рамка *tvuz* означаетъ материкъ и сводъ небесный. Но это еще ничего не говоритъ въ пользу народности или древности слова.

Слово *izok*, которымъ обозначенъ май, а не июнь, фальсификаторъ могъ узнать изъ Добровскаго *Slovarca. Prag. 1814, стр. 70. Die ältesten slav. Benennungen d. zwölf Monaten* или изъ изданія Ганке-фонъ-Ганкенштейна (1804, см. также стр. 70).

Къ такимъ же заимствованнымъ словамъ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ: 1) *détel pragma causa*. Въ трехъязычномъ лексиконѣ Поликарпова 1704 г. — дѣтелъ зря дѣло (*tręv, factum*), 2) *děvosnub prosax*. Г. Патера приводитъ тутъ польское сл. *dziewosław*. 3) *kuzni machines, cogitationes machas*. Ганка объясняетъ въ своемъ указателѣ *kuzén machinatio*. Суффиксъ здѣсь знь—къзнь. 4) *osloru (ozlori) vestes dicti, quod manibus vastantur*. Г. Патера предположаетъ заимствованіе изъ русскаго *ослонецъ, ослощина*. Не знаю, откуда фальсификаторъ могъ узнать это русское слово. 5) *ostrozu hrad arz, altum aedificium*. Съ русскаго. (См. Дурихъ; *Bibl. slav.*). 6) *pelest varius (equus), pelesty (pelesti) discolor, mutabilis*. Въ чешскомъ языкѣ этого слова нѣтъ. Ганка въ своемъ указателѣ осылается на слов. *peles*. Отчего *pelesty*, а не *pelesy* ¹⁾? 7) *plasy (plazi) temie, infule*. Ганка замѣчаетъ: cf. рус. *розова*. 8) *plešnici genocis sunt velamina humerum et pectoris*. См. Царск. словарь Н. Алексѣева. М. 1816. *оплечье* (и *оплечки*). 9) *stace (stace) tunica vestis antiquissima*. Нѣтъ въ чешскомъ. Ганка замѣчаетъ: см. рус. *зогоша*. Ганка читаетъ *stace*. Но чешски должно было бы быть *staka* или *staku* или *stacice* или *stacka*; изъ *stacice* или *stacse* — *stace*. 10) *šedné (sedne) parce, honeste, moderate*. Г. Патера полагаетъ, что это съ польскаго *szędno*. Но фальсификатору могло быть известно и русское *шедаво*. 11) *vršiti (viršiti) triturare, cavallare, drishin*. Въ чешскомъ нѣтъ. Въ *Institutiones Dobrovskae* (ч. I, гл. I, § 7): „*верхъ* (молотить, *tritigare*); у Сербовъ и нѣкъ *вршети*; *вршети* ии. древнихъ словъ *вршѣ*, *вршѣ*“.

¹⁾ Въ стихотвореніи *Wšemilost* (писанномъ, кажется, до 1825 г.) Ганка употребилъ это слово: *Milost žurěj potuček přes křemen kduž gechá, přes pelestý palauček za potučkem vrěchá. (Hankovy Pjsemé. 1832, стр. 82)*. Въ приложенномъ объясненіи неизвѣстныхъ словъ Ганка говоритъ: *pelestý, peřestý, strakatý*. Въ изданіи 1841 г. уже нѣтъ *pelestý*, а *přes zelený palauček*. Въ прибавленіяхъ къ Словарю Юнгманна, см. подъ слов. *pelesta* сообщеніе Ганки изъ дѣтскаго языка.

(Русск. пер. 2, 182). -12) *vded* (*wded*) -чрара. Въ чешск. нѣтъ. Въ *Institutiones* Добровскаго (ib.): *uded* „вход (удодъ птица, *urupa*) вѣдов, у Карниольцевъ *udeb*, *odeb*, у Кроатовъ *ded* и *dedek*, у Ботемцевъ *dedek* и *ŕadek*. (Русск. перев., I, 182) ¹). 18) *virv* (*virvv*) *resticula*, *restis*. Въ чешскомъ нѣтъ.

Если къ прежнимъ 27 прибавить послѣднія 13, то получимъ 40 словъ. По вычетѣ ихъ изъ 81 слова останется всего 40 (съ однимъ) словъ особенныхъ и неизвѣстныхъ. Итакъ, изъ 848 признанныхъ по палеографическимъ наблюденьямъ подложными, только 92 слова не встрѣчаются въ данномъ видѣ (11 словъ на *f* = *ы*) или съ этимъ значеніемъ въ словарѣ Пайковича 1818—1820 гг., въ древнихъ чешскихъ памятникахъ, изданныхъ Ганкою (*Star. Sklad., Zbirka pejd. slovn.*), въ словарѣ и грамматикахъ (чешской и древне-славянской) Добровскаго. Но въ числѣ этихъ 81 слова, неизвѣстнаго ни въ древнемъ, ни въ новочешскомъ съ даннымъ значеніемъ, находится 40 словъ инославянскихъ, преимущественно ц.-слав., русскихъ и польскихъ. Многія изъ этихъ словъ, по всей вѣроятности, были прямо заимствованы изъ *Institutiones* Добровскаго, остальные изъ русскихъ и польскихъ книгъ, бывшихъ подъ руками фальсификатора: въ то время въ Прагѣ уже было не мало русскихъ и другихъ славянскихъ книгъ, прежде всего въ библиотекѣ Добровскаго, въ музеѣ, затѣмъ у Пухмира, Ганки...

Остающіяся 40 особенныхъ и неизвѣстныхъ глоссы, кажется, могутъ быть распределены слѣдующимъ образомъ:

I. Слово *Dětava*, хотя и сочиненное, но не напечатавъ фальсификаторомъ.

II. Слова *chlipa*, *letnice*, *kuvač*, *plamenník*, *stver*, *svor* употребительны и въ древнемъ, и въ новомъ чешскомъ языкѣ. Фальсификаторъ произвольно придалъ имъ совершенно иной, особый смыслъ.

Chlipa — употребляется въ новѣйшихъ еще Ганкѣ странныхъ Александриды — въ смыслѣ *bujnost*, *žádost*, *Gier*. Въ изданномъ Ганкою словарѣ XIV в. и такъ называемомъ Велешигѣ — читаемъ *effrenata libido mizka znikla chlipnost*. У Роскоханаго *castrimargia chlipstwo*. Фальсификаторъ счелъ возможнымъ назвать богиню *Salacia*

¹) Съ этихъ страницъ грамматики Добровскаго особенно позаимствовался нашъ фальсификаторъ. Такъ глосса «*strel že vtřenie*» (*strel se vtřene*) *radiozum autem ictus*, внушена, кажется, слѣдующимъ мѣстомъ *Institutiones*: «*verg*, *vrēci*. Прич. прош. *veržen*, отсюда *верженіе камне*, Лук. 22, 41, по справедливому показанію Алексѣева въ словарѣ славянскомъ» (русск. перев., стр. 132).

(*dea radepogum quasi martima*) отвѣченнѣмъ названіемъ страсть, жадность, ибо, какъ справедливо замѣтилъ И. И. Срезневскій, — „понималъ слово *salacia* какъ однозначачее со словомъ *salacitas*“. Это воззрѣніе и пріемъ напоминаютъ сочинителя Краледворской рукописи, который изъ Страхъ и Траса (дрожи, боязни) сдѣлалъ также какихъ-то боговъ. „*St(raj)ch uderi u wsie u polani, Ai polene oruzie chuataiu*“ (со страху хватаются за оружіе! — недурно). — „*Zastup sien bie cztirsie hlukow cietni, S niem ze stienow lesniech wirazi trzas, Trzas osiede cetne voie w(ra)ho(m) Wzad wzad strachi iim bi ze wsia lesa, rozprnu sie rsadi semo tamо.—I bi upieti w(ra)he(m)i bi vstupati w(ra)ho(m), Trsas ie hnase z boistce, St(raj)ch z hrrdl iich viraze akrsieki*“¹⁾).

¹⁾ Подобныя олицетворенія нечужды и средневѣковымъ памятникамъ, но такія же самыя попадаются и у чешскихъ стихотворцевъ начала шестнадцатаго столѣтія. Такъ у Пухмира:

Strassný na krwawém zde stogj Smrtonoš wose,
Nad njmž stogaxykę shlabná Sláwa se wanáuj,
Kam se hae kolí, před geho porpěnými se konmi

Ženau Strach a Smrt... (Swatyně Wenussina w Knjdě. Изъ Монтеке, съ французскаго. *Puchmayer*, Nowé Basně, IV, w Praze, 1802, стр. 9.

У Гивковскаго:

Neb kde Putysyla potýkala,
A kde Wádka s zástupem zlých žen,
Tam krew cedila se gen,
Tam Strach bjal, tam Smrt pawsowala.

(Dějín. W Praze. 1806. II, с. 22. Страхъ и Трасъ по переводу Гивкова весьма близки къ стику Гивковскаго: *Strachetby se mohly třásti naše brány*. (Ibid. ч. I, с. 20).

Въ употребленіи слова *Моремъ* сочинитель Краледворской рукописи образиваетъ тоже внутреннее родство съ своимъ предшественникомъ и современникомъ Кл. Бретано, хотя и нѣмецкимъ писателемъ, но избравшимъ тому древне-чешскую (о Любушѣ). Въ его драмѣ: *Die Gründung Prags (Pesth 1815)* хоръ двинушекъ, опуская въ первомъ дѣйствіи юнцы покоривца, поетъ:

Marzana! Marzana!
Du kehrtest zurück,
Frost hat uns erschlagen
Das blühende Glück (S. 406).

Въ другомъ мѣстѣ Любуша говорить:

Goldene Zeit, hier war noch kein Schritter,
Als der Tod, Marzana, das hagere Weib,
Und der Winter deckte des Todten Leib.

Въ третьемъ мѣстѣ Премысль, убившій Розгона, покусившагося на жизнь Любуши, и стоя надъ его трупомъ, говорить такъ:

Слово *letnice* (мн. ч.) пятидесятница, *pentecoste, letniční slavnost, pentecostale festum*; *Letnice* (ед. ч.) — лѣтняя кофта женская у Мораванъ. Словоуъ *Letnice* фальсификаторъ переводить лат. гл. *latona*.

Слово *Kuwaé* у Юнгманна *ktedy při obřinkách čeká na výsluhu; a také kdo kuwá, живающий, махающий*. Фальсификаторъ принисалъ это слово къ латинской глоссѣ — *secundus (digitus) salutaris*.

Слово *plamenník* значить въ чешскомъ собственно факель. Фальсификаторъ употребилъ это слово въ смыслѣ пламенноснца и приписалъ къ латинской глоссѣ *flammaiger*.

Stvor въ древне-чешскомъ употребляется въ смыслѣ творъ, творенія. Почему-то уже къ глоссѣ *Mater Verborum Qsiros. rex fuit egypti et interpretatur paupex, zsvog, Ганка читалъ stvor и прибавилъ Qsiros, creatura (Zbjrka)*.

Svog савана, совъзъ. Это слово, очень употребительное въ чешскомъ, въ разныхъ частныхъ прииженіяхъ, фальсификаторъ приижилъ къ объясненію лат. гл. *zodiacus, circulus*.

III. Слова, вновь образованныя по аналогіи.

1) *Komponiči starosta*. Въ польскомъ есть слово *komponik* кавалеристъ, въ чешскомъ *komel komponu, komonstvo*. Фальсификаторъ образовалъ по аналогіи постельникъ — постельничій прилагательное отъ польск. *komonik*, на томъ, конечно, основаніи, что оно могло быть и чешскимъ: на крайней мѣрѣ, оно было незнакомо Палловичу и Юнгманну; послѣднему только изъ *Bohemagus'a* и подложникъ глоссѣ *M. V. komponiku equiti*.

2) *lozsedu (lozekni) sčičicis, то-есть, большой, лежащій въ постели*. Дабровскій въ *Institutiones* (ч. I, гл. III, § 32) отиѣтилъ между означеніями именъ средн. р. — *esо и esно, „колесо въ коло, небеса отъ небо, посредствомъ придатка es—ложесна множ.“* (Русск. пер. I, 356).

Ich opfre dir, Margara, seinen Bart (S. 250).

При разборѣ Краледворской рукописи мы увидимъ много примѣровъ, какъ въ своей еразеологіи и представленіяхъ о древности языка и родствеина Краледворская рукопись съ стихотворными произведеніями начала нынѣшняго столѣтія, и какъ она далека по своему слогу и возвращеніямъ отъ памятниковъ средневаковой литературы и народной эпической поэзи Славянскихъ и другихъ народовъ. См. у Ганки въ переводѣ Гесснеровыхъ идиллій (*Idylle. w Prage. 1819, с. 223*): *„radostná Spjše, hlasný Smich a Mělek“* — *„der frohe Seherz, der laute Gelächter u. Amoz.“* (Gessners: *Gal. Schriften. Zürich, 1778, I, 123*). О вліаніи Гесснера на Краледворскую рукопись рѣчь впереди.

По аналогіи прил. колесный отъ колѣ, фальсификаторъ образовалъ прилагательное колесный отъ колѣ, имѣя въ виду слово колесо.

9) blenie (blene) balatus vox otium. Въ чешскомъ есть blenim, bleniti, balage, также blekati и blekrouiti, blek. По аналогіи русск. блѣять, блѣну и чешск. блѣти, нѣко фальсификаторъ образовалъ имя блѣне, какъ пѣніе.

4) sedu ex solo rugo. Въ чешск. есть sedim, sediti. Русскому дѣлу, древне-слав. сѣдѣ, соответствовало бы древне-чешское sedia. Но фальсификатору хотѣлось представить форму болѣе нераспространенную по аналогіи вод-у вост-и, пад-у, пас-ти, отъ образовалъ sedu. Шафарикъ въ своемъ изданіи замѣтилъ: „Beachtenswerthe Form, st. sedu. Наши vidúci, horúci предполагають также древн. vidu и. viciu; horu и. hoúu“. Бѣда только въ томъ, что тогда бы нѣд-и sedu должно было бы имѣть во 2-мъ л. ед. и въ 3-мъ л. мн. цѣд-е-ни-и и цѣд-атъ. Но имѣть только видѣти, видиши, видать, такъ пѣдѣти, пѣдиши, пѣдѣти.

5) braska (bracka) sistrum brahcka sines; tintinabulum. Ганка (Sbirka, стр. 369) замѣчаетъ: „bracka neb bracka. tintinabulum et sl. brjascati, unde Bracslaw nunc Břetislaw romanis gloria“. Въ славянской грамматикѣ Добровскаго (корни III разр.) „брацати, брацаніе, брацало должно относить лучше въ русск. сл. бракъ, бракан“: Отъ предположенной формы брака произведено уменьшительное bracka по аналогіи указанного въ Добровскаго Lehrgebäude d. böhm. Sprache приглаго (S. 51): wnučka von wnuk, wnuka.

6) drebne riget, stat rigidus. У Ганки (Sb. 375): drebsti, drebnauti rigere. Въ Institutiones Добровскаго (корни III разр.): „дрѣбну, дрѣбний“. Въ этомъ словѣ русское я соответствуетъ не древне-славян. сербск. е, чешск. а, е, ибо корни дрѣб нѣтъ, а оно, имѣя и, имѣло нѣтъ е → дрѣбъ, дрѣб — дрѣб — (мор. дрѣб и дрѣб), и сомнительно, чтобы съ этими словами въ древнемъ языкѣ соединялось понятие rigere, rigidus; сл. у Далъ — дрѣба — дрѣба, дрѣбина. Дрѣбъ — члѣдъ лѣсная. Дрѣба, дрѣбать (чесать, терѣбить). Въ чешскомъ языкѣ drebnauti или drebsti rigere вовсе нѣтъ. Огнманнъ повторилъ лишь Данку; но въ чешск. есть drbám, drbati, drbnu, drbnauti (нѣм. derb), имѣе дербить.

7) mln (mln) fulgur. Ганка (s. 389) замѣчаетъ mln, mlun (mln), у Роскоханаго arjas (?) mln. Въ Institutiones Добровскаго (корни III разр. млн (моли), при слов. млнѣ, моляи и молии замѣчено: „У Сербовъ теперь муля, гдѣ жеренная бужва и по обыкновенію перемѣняется на ъ. У Далмат. мулуа. Слово другижъ Славянамъ неизвестное. Ибо у Чеховъ вмѣсто онаго употребляется blesk, у Дрогатовъ bleszk, у

Варшавцы: bliskouy Melakow-Blykawica. У Лум. 17, 24. њ остригѣ, њ остригѣова. переведлася нелѣпа блѣтарѣща. Фальсификатору хотѣлось подарить это слово чешскому языку, и еще въ самой чеш. пи на есть древней: фарагѣ (?). рлн

10) орес, ориес vřia. Муж. корень чешск. нѣтъ, но есть ориѣк и. и приведено у Добровскаго (Lehrgeb.). Но аналогия замес, замѣс немудро бы ориес прибавить орес. (см. Lehrgeb. S. 47).

11) разкѣпѣнѣ (růk sešic) vřatona. русосписѣ vřatona. Въ чешск. языкъ есть rozkřowat. Образованъ сл. rozkřowak было кахиро. Смыслъ, конечно, фальсификаторъ и о бѣрск. пѣсочница, космонде (особаго рода веротѣпѣнѣ пѣснѣ). Ф. нѣтъ см. особенно Словарь Вука перво изданіе.

12) прок (proe) gębina. Въ чешск. басно прокнѣ. Въ Institutiones Добровскаго (журн. III разр.): прок, пронѣ.

13) гуд (gid) zingitosa; supriiis vřasom pulnas. Въ чешск. гудѣн, гудѣнѣ — скрывать зѣбки (Малк.) и vřatiti se, зарѣти se fręmęde, gřisgřatitę (Юнрманъ). Придавъ чешск. гудѣнѣ уменьшеніе русскаго рудѣнѣ: фальсификаторъ образовалъ нѣм. гудъ по аналогіи гѣн, гѣк, своимъ же глоссъ.

14) zrosenie (zrosene) factio conjuratio. Кажется, это слово не встрѣчается больше нигдѣ (см. Юнрманъ), но есть въ этомъ же смыслѣ srotitise, zrosenes (ein Verschworner), и образованъ это слово: можетъ вслѣдъ: на это никакой мудрости не требуется. Кстати фальсификаторъ могъ извѣстнѣтъ, что око гласа будетъ прѣтна комментаторъ Краледорскѣ рукописи, гдѣ только и встрѣчается srotititi se: vřatiti se druhý: ka druhému.

15) вѣоба (vřoba) feronia, dea pagaverum. Для обозначенія этой вѣубы vřobody а. азвѣвѣнѣ z. etroctwj Крок II, 879. фальсификаторъ воспользовался уменьшеніемъ Inst. и Lehrgeb. Добровскаго, гдѣ въ вари. III разр.: см. въ Bildungsd. Substantivs etonac: свобода, свобѣ, свободѣ.

16) тѣш (tese) vacua. Въ Inst. Добровскаго (журн. III разр.): тѣш, з. тѣш, е. тѣш, и тѣшѣ, тѣшѣ, тѣше, тѣшѣ, тѣше, тѣшѣ, съ гласною благозвучною, скрытою или неответвенною и подвижною, отсюда у Русск. тѣш, у Краковъ tesh (тѣш), у Карн. tesh, у Иллэрѣвъ tashit. Пелла: ишувѣ: sazu на: tšezę. Чеш. корень тѣш сократили только въ словѣ tšitroba, тѣшѣй желудокъ. Фальсификаторъ хотѣлъ обогатить чешскій словарь. Ганка (Ib. S. 424) замѣчаетъ: „teš, teš, tšit vacuus“. Не знаю, отчего tesc (teš) vacua?

15) *trenovci*—*melares dentes*. Въ чешск. пишутся *třenov* жернокъ, *třenovní*, (*zub*), *třenový*. Не трудно поэтому было образовать *trenoves*, *trenovci*.

16) *trepiče* — *gamula hahala*, трепалка. Въ чешскомъ не употребляется, но есть *těráti*, *těračka*; но аналогіи со сл. *trаница* нетрудно было образовать и это слово.

17) *žaroviče* (*saroviče*) *piram*, *rogam*, *lignorum constructionem* in quo mortui comburuntur. Окончаніе *iče* очень общно въ чешскихъ языкѣхъ, и изъ слав. жаръ легко было образовать это слово, но аналогіи *trh-trhoviče*, *hrach-hrachoviče*.

18) *zeť* (*zerr*) *mania*, ab *insania et furore vesata*. Въ чешскомъ были и есть слова *zůfiti*, *zůfivost*, *zůfivý*, но *zeť* встрѣчается только въ этой glossѣ *Mater Verborum*, ивѣвшей, вѣроятно, цѣлымъ, объяснить и дополнить встрѣчающагося только въ Брагедворской рукописи *zeťivý*. Такъ какъ по признакамъ палеографическимъ glossа *zeť* описывается новѣйшею, то позволительно думать, что она вписана въ рукопись не раньше второй половины сентября 1817 г., ибо 15-го сентября этого года состоялось знаменитое открытіе прославленной рукописи. Позволительно думать, что въ Врзнице о словѣ *zeťivý* еще не знали въ теченіе всего 1817 и начала 1818 г. Слѣдовательно, новѣйшая glossа *zeť* была вписана въ *Mater Verborum* уже въ Прагѣ, въ библіотекѣ музея, послѣ 1818 г.

IV. Слова дѣланныя, кованныя:

1) *Jarobud*. *Demetrius*. Слова сложныя съ Яр- и съ Вуд- встрѣчаются: Ярославъ, Яромиръ, Яромиръ, Вуд, Вудмиръ (въ Дресс. Русск. стихотвор., изд. Ялубовича, 1804). Отчего было не составить Яробудъ и произвольно примѣнить это сочиненное имя къ Дмитрію?

2) *Lichoplezy* (*lichoplezi*) *zugene*. Фальсификатору, очевидно, не нравилось пренесенное слово, которымъ въ его время Чехи переводили сл. сирены, именно *eschesule* *) (см. Словарь Палковича), и онъ призналъ за благо самъ сочинить или взять вѣдь-нибудь другимъ сочиненное слово для сирены. Лихоплезы не хуже множества сочиненныхъ и скованныхъ словъ у Чеховъ первой половины ивѣнѣтшаго столѣтія.

3) *jeseň*, *jasní* (*uzasní*, *yesen*) *Isis lingua egiptiorum terra dicitur*. Это слово сковано, кажется, отчасти въ подобіе *Isis*, отчасти съ прикоминаніемъ вольскаго божества (по Длугошу, Гваинни, Вальскому)

*) У Пухмайера *Sebránj Básnj a zpěvůj*. II. 1797.

Jesse, что Лелевель еще въ 1853 году объяснял: *ten co je, jest* ¹⁾. По свидѣтельству этихъ драгоценныхъ для славянскаго язычества источниковъ, это польское божество было Юпитеромъ. Тунманнъ (*Untersuch. über die Gesch. einiger nördl. Völker*) говорилъ о *poln. Luftgott Jasny*. Въ статьѣ объ обожаніи солнца у древнихъ Славянъ (Ж. М. Нар. Пр. ч. LI, 1846 г., стр. 59 — 60) И. И. Срезневскій, объясняя, что Яровитъ или Руевитъ было божество солнечное, прибавилъ: „Другая форма корня „*яръ*“ есть „*ясъ*“, и отъ нея произошло другое названіе бога свѣта—Ясонъ или Хасонъ, извѣстное Чехамъ ²⁾ въ смыслѣ Феба. Другошъ, а за нимъ и Бѣльскій, говорятъ о немъ (*Jesse*), какъ объ Юпитерѣ; но это не должно наводить никакого сомнѣнія, если сообразить, что и Сварожичей мы знаемъ также двухъ — и бога свѣта, и бога огня, какъ дѣтей неба“.

Если ученому русскому слависту въ 1846 г. казалось возможнымъ сравнивать Яровита съ польскимъ божествомъ *Jesse* (Юпитеромъ) и даже съ чешскими божествами свѣта (?) Ясонемъ и Хасонемъ, а Лелевелью—уже въ 50-хъ гг. сблизать *Jesse* съ *Jasny*, то нашему фальсификатору, чешскому ученому 1818—1827 гг., было совершенно естественно было вспомнить о польскомъ *Jesse* — Юпитерѣ, и не смущаясь, словать слово *jesen*, *jasni* и примѣнить его къ Ивидѣ, *Ieis*.

4) *najšenie* (*maicene*) *priarišmus est rudendorum extensio*. Уже не отъ сербскаго ли маика сочинено это слово?

5) *porvata prozerpina*. Смыслъ этого сочиненія объясненъ Юнгманномъ: *Porvata te byla porvava t. j. unesena*. У насъ въ дѣтскомъ языкѣ оборвата вм. оборвана.

6) *prije* (*prije*) *affrodis grece, latine venus*. Я уже сказалъ, что послѣ замѣчанія Дуриха (1795 г.) о F нѣмецкомъ и П славянскомъ передѣлать Фрейю въ Прию было не мудро. Только, кажется, во второй половинѣ XVIII в. ученые стали Фрейю вводить въ славянскую мисологію. У Фортиса въ Далмаціи оказалась богиня *Dobra Frichia*,

¹⁾ „*Ten co je, jess, jest, dziś wyrażany przez jistny, jistność, jestestwo on jen, jeden, swodjim ja oljawił (jaw) jajo; jego w jít (intuitus) Jaja początek światła, świata; a jego zjer widaje (tworzy, otwiera) twór czyli stwór. Jesse jest stwórca (zwarazici) i Światowitem, Światowidem.... Bie, ten co ma być, bies, bih, boh, lug, bogor и т. д. (Slaw. Watwochw.. Poznań. 1853. I, 21—22).*“

²⁾ Словарь Юнгманна. Тутъ подъ словомъ *Gasoi* поставлено *recent.* — *Phoebus*, а подъ словомъ *Chasoi* — *Phoebus Ros.* (чешскій словарь *W. Rosy*, полов. XVII в.).

что значить по Гебгарди — — *schöne Freya*. „Die Freia, говорятъ Гебгарди, — *war zwar eine deutsche Göttin, allein da die isländische Alterthümer die Wanadis oder die wendische Göttin nennen, so muss sie wohl von den Wenden zu den Deutschen gekommen seyn*“. (Wend. Gesch. S. 243):

Глосса *Prja* имѣетъ также, кажется, нѣкоторое значеніе для хронологіи подложныхъ глоссъ: значить, не дренѣе конца XVIII вѣка. *Prja*, сколько извѣстно, нигдѣ раньше не встрѣчается. Но правильно же палеографическимъ это глосса подложная, конъюнктивная. Спринкивается: кто съ послѣднихъ лѣтъ XVIII в. до 1817 г. могъ вписывать нѣрѣшшія глоссы въ *Mater Verborum* въ Бреславль? Такъ какъ было некому, то значить, эта глосса вписана въ Прагѣ, послѣ 1818 года.

7) *Sytivrat* (*sytiwrat*) *Saturnum pagani illum esse aiunt, qui prius ab olimpo venit, agrua iouis fugiens*. Въ изслѣдованіи объ свѣтлыицахъ и обрядахъ язгческихъ Славянъ И. И. Срезневскаго (1848 г.) Ситивратъ выступаетъ, какъ славяскій богъ времени¹⁾. Въ Дополнительныхъ Замѣчаніяхъ 1878 г. онъ уже помѣщенъ въ третьей категоріи, гдѣ глоссаторъ показалъ себя свободнымъ осмыслителемъ языческихъ вѣрованій древняго міра. Въ той же статьѣ уже найдено остроумнымъ замѣчаніе А. Н. Веселовскаго о томъ, что слово *saturnus* могло быть принято глоссаторомъ какъ *saturnus*. Для насъ же важнее всего тутъ замѣчаніе самого Ганка (Sb., стр. 422): „*Sytivrat* cf. indic. *Saturawata*, *Saturnus*. Другая глосса *picus, saturni filius etraees sytiuratonv zin*.“

Этотъ Ситивратъ, напомнившій Ганкѣ *Saturawata*, дѣйствительно скорѣе сочиненъ и сказанъ по образцу индійскому, чѣмъ *sat-turans*. Если же это толкованіе вѣрно, то объ глоссахъ *Sytivrat* и *Sytivratov sup* также имѣютъ важное хронологическое значеніе. Въ 1817—1820 годахъ молодые Чеди, дилетанты археологи и патристы, уже интересовались древнею Индіей и санскритомъ. Еще въ рецензій на Кайсера, слѣдовательно, въ 1808 г., Добровскій полунасмѣшливо (могъ ли онъ говорить совершенно серьезно о тогдашнихъ мисологахъ?),

¹⁾ *Аванасевъ* (Повѣт. возр., III) съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, приводитъ и Гриммово, и другія ученныя толкованія этого Ситиврата. Тутъ есть и сито (рѣшето), и гора Ситна, и врата (адвы?). Дико и нелѣпо вѣсть эти ученныя звучалъ вопросъ Добровскаго: «Aber warum untersucht man nicht, wer den Kotscha (*Sytiwrat*) zuerst genannt habe?».

наусерднее замечать въ „Sonderbar genug, dass die slavischen Mythologien nicht darauf verfallen sind, ihre Götternamen in Indien zu suchen“. Изъ всѣхъ замечаній Добровскаго о мифологич. кажется, единъ только и воспользовался. Въ 1819 г. (30-го июня) новооткрытию былъ ну о Судѣ Дабутин, доктору, боясь Добровскаго, долго не ператади въ Прагѣ, приводедлинъ въ лонѣ въ Варшаву къ Свороходу Маевскому съ слѣдующею, между прочимъ, рекомендаціей, почти буквально напоминающею разьясненія и выраженія Вервовича объ его знаменитыхъ Родосскихъ оуриднихъ: „Fragmentum adscriptum (?) totum, quantum missum nationali ab anonymo donatum, opto ut legas; in quo certe confraternitatem cechici sermonis cum polonico maximam reperies. Inveniesque simul, Slavos prisicos ex India, paterno solo, non rudes ferocive Europam advenisse, prouti quidam scioli scriptores illos depingunt... Habent Cechi в tempore: Libussae iura scripta (dasky-prawdodatne) divina illis; processus similia erat illis Hindorum: Suditi po zacoza wekozizaych bogow, etc. Lectitans descriptiones Asiae, Hindorum linguam Slavicam affinem dudum esse censui; peregrinatio cuiusdam Cechi Fr. Bresowski, modo tornatoris Zagrabiae (Agram) et eius sincera narratio opinionem evixit, qui, usquam in provinciam Canton Hindos bene intelligebat et invicem ab illis intelligebatur; quaeque hucusque legi de lingua Sanscritana narrationem hominis confirmavit abunde“. Это писалъ Антонинъ Юнгманъ, братъ Иосифа, родившійся въ 1775 г. жившій постоянно въ Прагѣ отъ 1807 г. Очень воззанный профессоръ медицинскаго факультета въ Праземъ университетѣ и отличный врачъ, онъ любилъ заниматься, или такъ сказать, баловаться въ часъ досуга санскритомъ и въ 1821 г. въ журналѣ Крокъ (II) помѣстилъ статью: O varscriptu a mutab z grammatiky.Nal. Фальсификаторъ (1818 — 1827 гг.) могъ отъ Юнгмана или черезъ Юнгмана провѣдать о фиктивномъ индйскомъ боествѣ (?) Satyavata и о близкомъ сходствѣ славянскаго языка къ индйскому, дакто могъ себѣ сказать Снтиврата.

б) Корѣнь (korēn) topšun, topstein. Составить это слово въ виду сходства въмецкаго и латинскаго было очень легко.

в) vzprēi (vzprezi) triptas, species demonum a verbo tripo, ludo, qui delinunt, dormientes.

И. Ю. Орешневскій въ Дополнительныхъ Замѣчаніяхъ (стр. 145—146) говорить: „Лавя не знаетъ, какъ читать въ единств. числѣ: vzprēi или vzprē; Юнгманъ читалъ vzprē; Шиферсъ съ Палацкимъ опять усумнились и задали вопросъ, не надобно ли читать vzprē съ предположеніемъ, не взято ли это отъ глаг. sprati; Патеръ принялъ ихъ чтеніе

какъ вѣрное, безъ оговорокъ; но, вѣроятно, не наложилъ запрета на стараніе продолжать догадки. Можетъ быть, кому нибудь удастся повясть и на болѣе счастливое объясненіе слова⁴. Въ такихъ случаяхъ, я самъ полагаю, чтеніе Ганки должно заслуживать предпочтеніе, развѣ онъ могъ иногда нарочію поддуть туману. Что касается до запрета, то дѣйствительно г. Патера нѣкоторыми образомъ наложилъ его: кому охота продолжать догадки о подложныхъ глоссахъ? Нельзя однако отвергать, что слово *rgwozpie scepticinium* (см. *Hanky Zb. slown.*) тутъ прежде всего имѣлось въ виду сочинителемъ слова *usprěch? usprěs?*, какъ замѣчаетъ Ганка, или какъ читаетъ г. Патера вслѣдъ за Шафарниковъ *vzprěi*—духи, во снѣ являющіеся. Сомнѣніе Ганки или его незнаніе, какъ читать въ ед. ч. *usprěch* или *usprěs*, ничего еще не говоритъ противъ невозможности сочиненія и написанія этой глоссы самимъ Ганкою. Можно такъ неудачно сочинить какое-нибудь слово, что черезъ нѣсколько лѣтъ самъ составитель не будетъ въ силахъ объяснить его. Столь любимнй, какъ увидимъ, немогузнайство и всякіе недоговоры и недосказыванья, Ганка могъ и тутъ быть искреннимъ и нарочно прикидываться не знающимъ.

10) *Radihost wniuk Kirtow*. Глосса эта имѣетъ важное хронологическое значеніе. Объ этомъ божествѣ у Чеховъ (собственно у Моравянъ) впервые упоминается въ XVIII столѣтіи у извѣстнаго друга Стредовскаго. Такъ какъ эта глосса въ палеографическомъ отношеніи представляется новою, а о поддѣлкахъ и подлогахъ въ Брезницѣ нельзя предполагать, то эту глоссу надо считать написанною послѣ 1816 г., то-есть, въ Прагѣ, въ музеѣ. Радигость внукъ Кртоуъ легко могло явиться въ подраженіе встрѣчающимся въ Словахъ о Полку Игоревѣ Боану, внуку Волесову, вѣтрамъ, Стрибожьимъ внукамъ. Далѣе это родство обличаетъ знакомство сочинителя съ Машемъ и Антономъ. Машъ объяснял Радигоста—*Gott der Freude*. Антонъ (*Erste Linien*, 1788) замѣчалъ по этому поводу: „Ebenso gut könnte man in ihm einen wohlthueden freudigen Fremdling finden, wodurch H. Masch in seiner Meynung, dass die Wenden ihn bei ihren Ankunft in Meklenburg schon vorgefunden hatten, bestärkt werden könnte. Nun mir ist der Name nicht erklärbar (S. 46). Радигость нашему сочинителю казался богомъ покровителемъ иностранцевъ, гостей и купцовъ. Оттого онъ и поставленъ рядомъ съ Меркуріемъ (*Mercurius a mercibus est dictus*). Слово гость въ значеніи купца неизвѣстно въ древнемъ и старинномъ чешскомъ языкѣ. Чеши ученые узнали это значеніе гостя только изъ древнихъ русскихъ памятниковъ, начиная конца XVIII столѣтія (см. Дурихъ, *Bibl.*).

Наковецъ почему Радгость—виуъ Кртоуъ? Манъ говоритъ, что Радгость былъ въ сущности бѣлый богъ, но состоялъ въ нѣкоторой связи съ чернымъ богомъ. На Петрскомъ изображеніи, говоритъ Манъ, — *Radegast hat einen fürchterlichen Löwenkopf, u. das Wort Zern auf dem Gewande deutet seinen Zorn an, aber gleich zugleich — Belbog, ein guter Gott genannt wurde* (I, 3944). Въ древности, но Ману, черное божество называлось Tchart. Манъ фальсификаторъ конечно знаетъ, что чертъ въ формѣ чартъ не годится для глубокой древности и для всѣхъ Славянъ, потому счелъ приличнымъ сообщить древнѣйшую, тѣмъ сказать, праславянскую форму черта—Kirt.

Обратимся теперь къ словамъ, хотя и замѣчательнымъ, но не известнымъ, а встречающимся въ другихъ памятникахъ.

1) *belboh-beel, baal, ydelsh.* Изъ того, что въ латинскихъ глоссахъ стоятъ *beel*, не слѣдуетъ, что глоссаторъ, или *belboh*, могъ и не думать о славянскомъ бѣлбогѣ. Такое объясненіе—чистѣйшая натяжка, въ родѣ того, напримѣръ, что Kirt или Kirtov, быть можетъ, стоитъ вмѣсто Крона (Доп. Зам., стр. 131 и 140). Эта глосса одна изъ вѣднѣйшихъ въ хронологическомъ отношеніи, и вотъ почему. О славянскомъ божествѣ Бѣлбогѣ нѣтъ рѣшительно никакого древняго свидѣтельства. Впервые, сколько известно, объ этомъ божествѣ славянскомъ заговорилъ Манъ въ 1771 г. Манъ по крайней мѣрѣ первый пустилъ этого бога въ общее обращеніе и основалъ съ нимъ Славянъ: „*Aus d. Helmsold wissen wir, erzöhlet ons (I, стр. 26),—dass die Welfen einen Belbog u. einen Zernebog gehabt haben*“ (I, стр. 58). За нимъ Антонъ, сказавъ, что мой богъ былъ чертъ, а добрый нигдѣ разна названіа; прибавилъ: „*So ward der Bjelbog der Gott des Lichtes oder d. weisse Gott genannt, welchen Namen schon Helmsold hat*“ (ibid). Самое свидѣтельство Гельмольда о черномъ богѣ довольно подозрительно: Тѣмъ не менѣ вслѣдъ за Маномъ изъ словъ Гельмольда о черномъ богѣ стали выводить новое свидѣтельство Гельмольда же о бѣломъ богѣ, на томъ же основаніи, что если былъ черный, то долженъ былъ быть и бѣлый богъ, при чемъ даже выражали какъ бы нѣкоторую умѣренность, ибо могли бы, на томъ же основаніи, перебрать всѣ цвѣта радуги. „Славянскаго Бѣлбога вмѣстѣ съ Чернобогомъ, безъ сомнѣнія, знаетъ Гельмольдъ. Правда, что въ хроникѣ его есть теперь только второе имя; но это могло сдѣлаться по ошибкѣ переписчика. Ничто не отвергаетъ и того, что слово Бѣлбогъ было дѣйствительнымъ названіемъ славянскаго божества; а въ подтвержденіе этого можно привести нѣсколько славянскихъ названій мѣстностей (Сав.

Свѣд. М. XXXVII. 22)* (см. Дод. Зам. Срѣдннвскаго, стр. 181 и 182). Въ Исследованіи о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ, того же автора, стр. 12, сказано: „О богѣ добра и богѣ зла, какъ сдѣланныхъ божествъ у Славянъ, упоминаеть Гельмольдъ: „отъ одного ожидали Славяне счастья; отъ другаго бѣдъ, и послѣдлаго называли жернобогомъ, а перваго, напротивъ, бѣдбогомъ“. — *Malum deum sine lingua Diabol, sive Zerneboch, id est nigrum deum appellat, ut bonumque Belboch* (послѣднія слова пропущены, вѣроятно, писцомъ¹⁾). Такъ Малова мысль, прочно утвердилась въ наукѣ и безосновательно повторена даже въ томъ изданіи 1878 г., въ которомъ, по видимому, такъ осуживаются Мать.

Эта мысль Мала и его славянофилъ или славяноскитъ бѣдбоги съ помощью сѣтвенія Алгона, утвердилась прежде всего въ разныхъ литературныхъ романтическихъ произведеніяхъ первой четверти вѣка столѣтія. *Bilobogi* являются въ исторической драмѣ Клементя Врента съ нем. им. *вотрѣтисея* — *Die Gründung Prága*. Praha. 1815. Тамъ Тейла, сестра Лмбуши, говоритъ однажды:

*Mein Haupt mücht' in des Mittereis Augen lesen
Der guten Götter, Bilobogi, Wesen,
Und allzu hoch geht also wohl mein Streben.*

Встрѣчаются бѣдбоги и въ романѣ Лиды: *Začá nad rohávatem*, 1818. И едва ли это не первый чешскій памятникъ, въ которомъ явились бѣдбоги или просто бѣдбогъ. Юнгманъ въ своемъ словарѣ подъ словомъ бѣдбогъ, не желая сослаться на Лиду, котораго онъ читалъ — какъ видно изъ нѣкоторыхъ заглавокъ карандашомъ въ экземплярѣ, поступившемъ въ нашу Публичную Библиотечку изъ его собранія книгъ, — сослался на Раковецкаго и Башке. Углубленный мисологъ занимаетъ нѣкоторое мѣсто въ исторіи развитія готической вѣры въ бѣдбога. Въ высокой степени характерственно для тогдашняго составленія славяистики, что Юнгманъ сослался, какъ на важный источникъ, на слѣдующее мѣсто Раковецкаго: „*W swiatyniach poganskich Slowian, rosag Bielogo-boga trzymal w*

¹⁾ Заблуждая, что предпологадь въ некое Гельмольде такую прибавку совершенно излишнее, такъ какъ, вслѣдъ за Чернобогомъ онъ, именуется и збогъ (*bonum deum*) добраго бога, только не называя его бѣдвикъ, а иначе: *Zerneboch, appellant. Inter multiformia autem Sclavorum numina prepollet Zwantewih deus terre Rugianorum, utpote efficacior in responsis. Cuius intuitu ceteros quasi semideos existimabant...* (I, 52). Въ другомъ мѣстѣ (II, 12) онъ замѣчаетъ, что всѣ славянскія земли, а не одна земля Вѣроговъ, принадлежали *Qestowata deum deorum*. Нѣкакого Бѣдбога Гельмольдъ и подражывать не могъ.

roku poświęcone zelazo do probe takowej przeznaczone. W potrzebie brano go z ręki posagu, rozpalano go na ofiarniku przed posagiem stojącym, i po zrobioném dowiadczeniu do ręki posagu wkładano" (Prawda Ruska. Warszawa, 1820. I, 210), Все это, безъ всякихъ подтвержденій, сказанное Раковецкимъ, было принято Юнгманномъ, какъ свидѣтельство первоисточника. Тотъ же Раковецкій (I, 24) говоритъ: „Два божества, одно подъ названіемъ бѣлый богъ, другое черныи богъ, по свидѣтельству историковъ (wedle historyków), были древнѣйшими въ мѣоогіи славянскоѣ“. Въ примѣчаніи, сверхъ Барамизна, есть ссылка на Гельмольда (I, 52). Затѣмъ сказано: „Кажется, названіе черта (szęka) можетъ происходить отъ черно-бога. Въ варкней Лузани есть гора, называемая Черныи богъ. Въ Сербіи былъ городъ того же названія“ (см. Антонъ, Машъ, Тунманнъ и Гебгарди). Замѣчательно, что въ 1820 г. знали въ Лужицахъ еще только одну гору Чернобогъ. Въ концѣ 1830-хъ годовъ дашлась къ общему удовольствію подъ самымъ Будышиномъ и гора Бѣлобогъ, даже рядомъ съ горой Чернобогъ (см. И. И. Срезневскаго, Иасл. обь язык. бог. древи. Сл., стр. 18, прим. 1); далѣе оказалось, что у окрестныхъ жителей Будышина сохраняется важное преданіе объ этихъ любовитныхъ горахъ, „какъ о мѣстахъ языческаго богослуженія“. Потомъ еще отыскался островъ въ Помераніи съ монастыремъ и съ именемъ Бѣлбога (Cod. Romer, 1843. 70), наконецъ нашлось урочище Бѣлме-боги (лѣсъ и лугъ) близъ Москвы, по дорогѣ въ Троицу. Можно однако надѣяться, что и эту мѣстную названія и даже сохранившееся у окрестныхъ жителей Будышина преданіе о горахъ Бѣлобогъ и Чернобогъ Богъ дастъ со временемъ утратить значеніе свидѣтельствъ о древнемъ славянскомъ божествѣ бѣлобогъ или даже бѣлобогахъ. Но время вписанія новѣйшихъ данныхъ въ Mater. Verborum, 1818 — 1827 гг., совпадаетъ съ периодомъ самой горячей вѣры въ существованіе Бѣлбога, и въ этомъ, но только въ этомъ, отношеніи глосса Бѣлобогъ имѣетъ известное значеніе. Она, въ свою очередь, эту вѣру подкрѣпила и распространила между учеными.

2) bodrъ, proprus, zromrus, emreditus. Слова эти очень любовитно. Въ древнемъ и старинномъ чешскомъ языкѣ, сколько-извѣстно, ни bodr, ни bodrost, съ производными не встрѣчаются, за однимъ впрочемъ исключеніемъ: въ Краледворской рукописи говорится: „rozstupi sie bodrost v myslech“. Слова bodru, bodrost появились въ чешской письменности въ новѣйшее время. Первыи чешскій писатель, который далъ въ ней этимъ словамъ право гражданства, былъ Ганка, любивъ

пій вообще вносить новыя, инославянскія, особенно русскія слова въ чешскій письменный языкъ. Что слово *božrost* было новостью въ чешской словесности, видно и изъ того, что Юнгманнъ не могъ при этомъ словѣ сослаться ни на что, кромѣ Краледворской рукописи, а Ганка въ изданіи своихъ стихотвореній, гдѣ употребилъ это слово¹⁾, включилъ его въ списокъ словъ (*perowědoměgých*). См. *Hankowy Pjseň. W Praze. 1831.* Болѣе раннихъ изданій я, къ сожалѣнію, не могъ достать въ Петербургѣ. Первое изданіе: *Dwanáctero písni*, гдѣ одно стихотвореніе изъ 12 на Ганкино: первое отдѣленіе вышло въ Прагѣ въ 1815 г., второе отдѣленіе, тоже 12 стихотвореній, вышло тамъ же въ 1816 г. Второе умноженное изданіе (*swazebek I, 12° 60 стр.*) вышло въ Прагѣ въ 1819 г. Третье въ 1831, а четвертое въ 1841. У меня была подъ рукою только два послѣднія изданія.

3) *něna, něhovati*. Эти слова, равно какъ и прил. *něpný*, нар. *něpné, něpnost*, не встрѣчаются ни въ древнихъ, ни въ старинныхъ чешскихъ памятникахъ. Юнгманнъ первыя два слова взял изъ *Mater Verborum*, а для прочихъ сослался на сочиненія Ганки. Слово *něpnost* (*srdečnost, mřostnost, laskawost*) приведено Юнгманномъ изъ нѣмецко-чешскаго словаря Добровскаго, въ которомъ тоже работалъ Ганка. Въ чешскую словесность это русское слово ввелъ Ганка, который его употреблялъ безпрестанно. Это было одно изъ любимыхъ словъ Ганки. Пристрастіе его къ этому слову одна изъ характернѣйшихъ особенностей его слога. Въ объясненіи неизвѣстныхъ словъ (*Pjseň. 1831*) приведено слово *něpný-zart, zärtlich*. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ стихотвореній:

*Něpná fialínko, Proč se w hauštj skrýváš;—něpná fialinka (с. 42).
Měl gsem krásné děwče, Plno něné wnady;—Wy znáte srdce moje;
Wy znáte něpnost mou;—Nenařikej, nesuzag se Holabínko něná;—
Již zde Maří něné Na břechu twémъ sela;—Něné pége slawjček;—
Gegj hádra gak dvě Holabinky něné;—kde Rudolf se swař něnau Wilhelmi-
nau;—něpná lilie se klonj.*

Въ Ганкиномъ переводѣ Идилліи Гесснера (*Gesnerowy Idylly. W Praze. 1819*) также часто явится это слово: *něpná trawínka*

¹⁾ *Kdeže mogle božrost
utěšenj milé?
ach co sem wás spatřil*

zmizla od té chwile. (Ach wy oči, oči. 1841. S. 4.

Въ переводѣ Гесснеровыхъ Идилліи (*Голки, 1819*): *Božry ginoch Wšacko
gest božro, a každá bylínka omladla rosau. (Id. 66).*

(стр. 17); w něném obgjmánaj (стр. 40); nebylet' něnégi stwoténého (стр. 71); něné přispewky (стр. 81); o něná dobrotiwá Bobyné (стр. 196). Въ книжкѣ Ганки 1817 г.: Prostonárodnej Šrbaká Muza, do Čech přewedená (Č. I). W Praze. 1817: Ptácy něné pjsné pěli, Slysset bylo tam pjsstěly, Slawjček swistal' (стр. 31. Petrburgská pjsen).

Надѣюсь, послѣ этихъ примѣровъ никто не скажетъ, чтобы Ганка сталъ употреблять слова něný и пр. послѣ ужь того, какъ нашлись въ Mater Verborum глоссы něha, něhovati, или что эти глоссы, по палеографическимъ наблюдениямъ оказавшіяся новѣйшими, могли быть написаны (послѣ 1818 г.) какимъ-нибудь Чехомъ, который не меньше Ганки дорожилъ усвоеніемъ древне-чешскому языку словъ něha, něhovati, и вѣроятно, по какой-то особенной случайности, также нѣжно, какъ Ганка, любилъ всѣ производныя отъ нихъ слова.

Отмѣтимъ еще другую случайность. Выше мы привели нѣсколько церковно-славянскихъ или по образцу церковно-славянскому сочиненныхъ чешскихъ словъ, какъ-то: blahodobie, blahodíe, blahovolie, blahozwučie. Въ этому же роду словъ, конечно, принадлежитъ и blahodějné (jutro), встрѣчающееся въ Краледворской рукописи (Čestm. a Vlasl., ст. 116). Этого рода слова также, какъ и слово: нѣжный и пр., были особенно любимы Ганкою. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

ostawila mne zde
w rozwinutém mági,
w blahowěbj, že e wj
zapoletjm k rági. (Pjsne. 1831. Žalost, стр. 44).

„blahozwučné pjšt'aly“ (Hesnerowy Idylly. 1819. с. 124); „iena krásna, autlého zrústu a blahorodného wzeztenj“ (стр. 132); „Swat a potěhnan mi bud' ten, kdož stjny tyto tak blahoděgně sem wtěpil.“ (стр. 131); „plna blahorodných, vznešených citů;“ (стр. 217); „blahodějná teno:“ (стр. 134); „blahoděgný hospodát“ (стр. 170); „každé blahoděgstwj wyléwali na ně“ (стр. 189); „blahonaděgnj snowé“ (стр. 144); „blahowonná dauska“ (стр. 166); „blahowonnost“ (стр. 111).

Едва ли не болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ, чешскихъ писателей, любилъ Ганка употреблять въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ слова русскія, а частью и церковно-славянскія. Напримѣръ, въ чешскомъ языкѣ, ни древнемъ, ни новомъ (народномъ), не употребителенъ глаг. влати. Ганка его употребляетъ, а за нимъ стали употреблять и другіе писатели. Такъ, въ переводѣ Идиллій Гесснера: „spotěženjm se djwám, gak moge šediwá brada bělosněžné

ptes ptes wlage* (стр. 69); Въ стихотвореніи Laubnjr H. (1831, стр. 45):

Po štřem poli
 ajto wlage se ¹⁾;
 teplými wětry
 zakwětage se.

Въроятно, Ганка разрѣшилъ себѣ такую вольность послѣ открытія Суда Любуши, гдѣ за te luta rozvlaiase bura стоитъ совершенною особнякомъ и не находитъ себѣ оправданія и объясненія ни въ одномъ изъ памятниковъ чешской письменности, за исключеніемъ приведеннаго мѣста изъ стихотворенія Ганки.

Весна у Мораванъ и Словаковъ теперь и въ старинномъ чешскомъ называется vesno ²⁾ въ ср. р.; впрочемъ употребительна слово jaro. Ганка въ своихъ стихотвореніяхъ употребляетъ сл. Vesna:

ostawila w kwjty
 gjmž se Wesna skwěge.

Въроятно, Ганка стала употреблять это слово, потому что оно нашлось въ Краледворской рукописи — въ знаменитомъ мѣстѣ: po ruce vsej z Vesny po Moravu, — затѣмъ и въ Mater Verborum, гдѣ, обѣ глоссы (vesna bis), по палеографическимъ признакамъ, г. Патера считаетъ подложными.

Въ списокѣ неизвѣстныхъ словъ, приложенномъ къ стихотвореніямъ Ганки 1831 г., слѣдующія слова заслуживаютъ вниманія: gesep, нрѣдка попадающееся въ старо-чешскомъ, употребительное только у Словаковъ, kurhan (mohyla, hrob), ladný (skwělokrásný), lichý (zlý, falešný), zbor (zhromažděnj), žurčeti (hrčeti).

4) Hrabivý (hrabivi) гарах. Это слово любопытно тѣмъ, что оно встречается еще въ Краледворской рукописи и нигдѣ больше. Г. Патера съ палеографической стороны призналъ эту глоссу новѣйшею. Очевидно, она вписана послѣ открытія Краледворской рукописи, и притомъ дѣцемъ, знающимъ, что это слово рѣдкое и замѣчательное. Случайно или съ извѣстнымъ умысломъ записано это слово въ Mater Verborum?

Тотъ же самый вопросъ возбуждаютъ и слѣдующія глоссы:

5) Chrabrost fortitudo mentis. Это слово встречается, еще только въ Краледворской рукописи. Изъ новѣйшихъ писателей чешскихъ сл.

¹⁾ Въ объясненіи неизвѣстныхъ словъ Ганка отмѣтилъ: wlati se wlnowati se, wlny dělati.

²⁾ Такъ Ганка употребляетъ въ переводѣ Геснеровыхъ Идиллій: radostne Wesno (стр. 222, fröhlicher Lenz).

slavbu, slavbu; чуть ли не первый употребилъ другъ Танкиль Линда, который, какъ увидимъ; Добровский обвинилъ въ поддѣлкѣ связей съ Танкой: въ томъ же Бомеградѣ и Судъ Любуши Линда выпустилъ въ свѣтъ (9-го сентября 1818 г.) свой романъ: Zate nad pohanstvomъ, въ которомъ много разъ упоминается. Въ этомъ романѣ, представляющаго между прочимъ картину чешскаго общества, приводятся словоупотребленія кляузы болу Сяговату, или какъ оны въ романѣ называется—Сван: тошту: Тутъ между прочимъ поется:

Tu gay doh, tu gay doh,

tu gay doh, tu gay doh,

tu gay doh, tu gay doh,

tu gay doh, tu gay doh.

6) *Vojevoda*, *vojvoda*, — *vojevodi*, *vojvod*. Здѣсь любопытно не самое слово; въ древнемъ и новомъ чешскомъ весьма употребительное; а его форма, безъ слоговъ, которая надразе оставалась одну лѣтъ веками: иныя чешки, одобрившей чешскаго въ ряду родственныя славянскаго народы. Но въ старыхъ памятникахъ это слово является въ формахъ сложной, то-есть, *vojevoda*, *vjevoda*. Въ формахъ же *vojevodi* это слово является лишь въ Судѣ Любуши (*vsnak ot svej caliedimvojevodi*), въ Краледворской рукописи и въ книгѣ *vojvoda* въ романѣ Линды, въ самомъ началѣ написаннаго раньше открытій пераго, и надо полагая, означеннаго въ рукописи, какъ увидимъ, почти одновременно съ открытіймъ втораго памятника, если еще не раньше. Възъ прибири въ романѣ! Линды:

„Gji, vojevoda Cech ptichazý do kragin nassich; postavik sem to-hote vaha; ptisessacého za angjmi hgrami a pčacótýru; tebu“ (*Zate nad pohanstvom*. Praha. 1818, стр. 26).

„tam od dalskych vrchtí čerých

powstal Wojwoda Cech se ksturem svým

a gal se gji do kragin nassich,

do nassich vrchtí a hágu. (стр. 30).

„Vraté, vůdce národa Wojwody Cechy“ (стр. 83).

„А powstal li nepřítel vlasti, tu býval kníže prácký Wojwoda národa“ (стр. 164).

Быть можетъ, Линда случайно написалъ *Vojevoda*, а потомъ открылъ слово *vojvoda* и *vojvoda* въ Судѣ Любуши и Краледворской рукописи? Въпротивно, фальсификаторъ Магер Девбогимъ, взявъ слово *vojevoda* безъ вѣдома умисла и не зная, что эти слова Суды Любуши и Краледворской рукописи могутъ возбуждать подозрѣннѣе?

7) *Rodný, rodná*—*bratr rodný* germanus frater, *sestra* (sестра) *rodná* germana. (Здѣсь уже не *sestř*). Слова: родной въ нашемъ смыслѣ у Чеховъ не было: ни въ древнихъ, ни въ старинныхъ памятникахъ оно не встрѣчается. Что этого слова не было и не могло быть въ древнѣйш. чешскомъ языкѣ, въ быліи X—XI в., оно помѣтно, такъ какъ сама помята родной братъ и родная сестра относительно невиня. Эти два выраженія—родной братъ и родная сестра—встрѣчаются только въ Судѣ Любуши, и нашъ фальсификаторъ вписаніемъ этикъ двухъ глессъ въ *Matet Verboium* изобличилъ не только свою личность, но и свою увѣренность въ подложности Суда Любуши. Еслибъ онъ снѣзъ твердо вѣрилъ въ подлинность этого памятника, то вѣдѣлъ бы ему было въ чешскую рукопись XIII в., поддѣлываясь подъ ея древній почеркъ и правописание, вписывать рѣдкимъ, подозрительнымъ слова Суда Любуши?

8) *Přízeň* (*přízní*) *frigiditas*. Въ Судѣ Любуши есть *přízeň die*, и въ Краледворской рукописи *přízeň*. Вотъ три случая употребленія этихъ словъ во всей чешской письменности. Эти слова служатъ однимъ изъ сильныхъ доказательствъ подложности Суда Любуши и... Краледворской рукописи. Это слова, не только никогда въ чешскомъ языкѣ не существовавшія, но и совершенно невозможныя ни въ какомъ славянскомъ нарѣчій. Слово *přízeň*, какъ уже показывалъ Добровский, сдѣланное. Оно сочинено человекомъ, кое-что, только не хорошо, знающимъ по части сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій. Онъ зналъ древне-славянское и русское слово *польза*, и предпологалъ совершенно ошибочно, что имя чешскаго города *Přízeň* (*Přízen*), собственно происходящее отъ древн. слав. *плъзъ*, серб. *пузъ*, русск. *польза*, одного происхожденія съ русск. *польза*, сочинилъ для понятія пользы чешское слово *přízeň*, и затѣмъ образовалъ такое же невозможное прилагательное *přízeň*. Онъ не зналъ и не догадывался, что древне-слав. и русск. *польза* есть прежде всего слово сложное, съ пр. *по*, которое никогда въ слав. языкахъ своего *о* не теряетъ, какъ русскіе предлоги: *во* (въ), *со* (съ), *ко* (къ), гдѣ *о* не первоначальное и гдѣ въ другихъ славянскихъ нарѣчій, не знающихъ вовсе перехода *ъ* въ *о*, какъ напримѣръ, въ сербскомъ, хорватскомъ, словинскомъ, чешскомъ и частью въ польскомъ (гдѣ не тутъ, а въ другихъ случаяхъ еще *о* является въ др. слав. *ъ*), вмѣсто *во*, *со*, *ко* употребляются *оу*, *соу*, *коу*: въ словникѣ: есть *со*—др. слав. *съ*. Этотъ фальсификаторъ не зналъ, что въ-сл. *польза*, русск. *польза* и *польза* (какъ *вельза* = *вельза*) кор. *льгъ*, что это слово одного происхожденія не съ чешск. *Přízeň*, а съ чешск. *lze*, *lhůta*, слов. (мѣстн.) *Lehota* (русск. *льгота*), съ

серб. *пузати*, *пузати*, тогда как чеш. *plzeň* въ сродствѣ съ серб. *пузати*, *пузати*, *пузанје* и проч. ¹⁾). Эта глосса *plzeň* есть одно изъ важнейшихъ хронологическихъ указаній. Она свидѣтельствуетъ вѣдѣть съ другими, что подложныя и поддѣльныя глоссы сочинены и написаны по открытіи Суда Любуши и Краледворской рукописи, следовательно, никакъ не раньше 1817—1818 г., именно послѣ поступления рукописи изъ Врзбниці въ Чешскій народный музей, а следовательно, послѣ 1818 г. Но эта глосса свидѣтельствуетъ еще о другомъ болѣе важномъ обстоятельстве, именно о томъ, что фальсификаторъ чешскихъ глоссъ *Mateř Verbotim* живо принималъ въ сердцу подозрѣнія Добровскаго въ подлинности Суда Любуши, не только старался прискаты данныя, подтверждающія его подлинность, но, что еще любопытнѣе, даже принималъ предохранительныя мѣры противъ могущихъ, по его мнѣнію, возникнуть въ послѣдствіи подозрѣній и сомнѣній относительно самой Краледворской рукописи, въ подлинности которой въ 1820-хъ годахъ никто не сомнѣвался, даже самъ Добровскій. Умышленнымъ выборомъ некоторыхъ словъ, тенденціозностью некоторыхъ изъ своихъ глоссъ фальсификаторъ *Mateř Verbotim* раскрытъ потомству свое

¹⁾ Въ древне-чешскомъ было также это слово, что впрочемъ видно и изъ известнаго названія *Plzeň*. См. въ новооткрытыхъ г. Патеромъ чешскихъ и болгарскихъ глоссахъ (*См. Česk. Měs. 1878. IV, стр. 362*) *XII a, plzeň se (plzeňse) fetentique fluvio laboretur.* въ гмндѣ и зловоннѣ, *plzeň* *plzeňse* въ *plzeňse*. Въ жезлѣ доказать, во что бы ни стало подлинность, древность Суда Любуши не отстававшій отъ Палацкаго, Шаарникъ прибѣгаетъ къ странной натяжкѣ и замѣчаетъ: *Dobrowsky's Ableitung aus po und lza ist zweifelhaft: in Georgii Mochl'schi Hymartoi Chronicon, einetn correcten Serb. Codex auf Perg. vom J. 1566, Hest. slav. ohradnicki: na alomou jazyku: nicht polszu. Fol. 268, col. 2, was mit plzeň, plzeň, plzeň übereinstimmt.* (*Die Alt. Deutsch. S. 55*). Притомъ, что Миллошичъ въ своемъ Словарѣ привелъ еще другой случай столь же ошибочнаго написанія *plzeň* изъ одной рукописи XVI в. Но слово *plzeň* въ славянскихъ рукописяхъ встрѣчается конечно много десятковъ разъ въ совершенно правильномъ видѣ: *plzeň*. Несколькіе случаи ошибочнаго его написанія ничего не доказываютъ, разве какъ древность и правильность списка никогда не можетъ гарантировать отъ друкъ, грехъ и даже болѣе случайныхъ ошибокъ. Прилагательное (отъ *plzeň*) могло первоначально быть *plzeň-in*, съ приставкою *in*, которая въ послѣдствіи замѣнилась приставкою *im*, отвѣчающею и безъ того греч. и лат. *in* *in*, *in*, *in*. Это въ объясненіе *in* (*пользы*), вмѣсто котораго слѣдовало бы ожидать *im*. Форма же *plzeň-in* не явилась, а не удержалась въ языкѣ, ибо легко могла породить противныя древнему и чистому языку недоразумѣнія, отъ которыхъ въ слов. *лцим*, *лскацим*, *за-лска* и производимыя.

навѣрнѣ въ подлинность этихъ памятниковъ или, прѣжде всего, свою увѣренность въ ихъ подложности.

Я указывалъ на некоторые, такъ сказать, слѣды связей и какъ бы интуитивнаго согласія и сечувствія фальсификатора чешскихъ глоссъ съ Линдою, авторомъ романа *Zaře nad rohádstvem*, 1818 г. Глоссы *chrabrost* и *vojevoda* и употребленныя Линдою слова *vojvoda* и *chrabry*, безъ сомнѣнія, покажутся осторожнымъ ученымъ случайностями, ничего не доказывающими. Но спрашивается: какъ имъ угодно будетъ объяснить слѣдующую странную случайность и совпаденіе представленій о богинѣ Живѣ у Линды, у фальсификатора чешскихъ глоссъ и у Ганки. Я предполагаю теперь вмѣстѣ съ осторожными учеными, что тутъ было собственно не два, а три равныя лица, то-есть, не Линда и Ганка, какъ оно было на дѣлѣ, а 1) неизвѣстный фальсификаторъ, 2) Линда и 3) Ганка.

Мы уже знаемъ, что богиня Жива является въ *Mater Verborum* четыре раза. Въ одномъ мѣстѣ *siva* поддѣлано изъ *aiunt*, въ другомъ изъ *sine* (*dea sine imperatrix*), въ третьемъ недавно написано *siva*, въ четвертомъ на первомъ листѣ, въ надписи медальона *aestas siva* тоже новѣйшей приписки. Мы видѣли, что тутъ изображенъ скорѣе юноша, чѣмъ женщина, что во всякомъ случаѣ изображенное тутъ лицо держать въ одной рукѣ (геральдическую) *lilia*, а въ другой (геральдическій) *trilobusvevnikъ*, и что тутъ нѣтъ ничего похожаго на колесы.

Въ своемъ изданіи чешскихъ глоссъ *Mater Verborum* (1833 г.) Ганка слѣдовала алфавитному порядку латинскому и прѣжде сообщала латинскую глоссу, а за нею приводила чешскую. Часто она прописываетъ весь текстъ латинской глоссы, какъ бы пространно, онъ не былъ, напримеръ, *clavis, pallium est, quod ex una parte induitur neque consuitur sed fibula infrenatur, kirzno*. Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ были поддѣлки и подчистки, она какъ будто случайно, но въ сущности конечно для удаленія подозрѣній, сокращаетъ текстъ латинскій. Такъ поступилъ онъ и съ тѣми глоссами, въ которыхъ было поддѣлано, съ помощью подчистокъ, слово Жива. Въ первомъ случаѣ, гдѣ было: *Dea frumenti ceres, sed hoc pagani siva* (вм. *aiunt*), Ганка напечатала такъ: *Dea frumenti, ceres, siva* и выпустила оставшееся въ рукописи послѣ подчистки: „*sed hoc pagani*“. Ганка это сдѣлала очевидно для того, чтобъ удалить всякое подозрѣніе, ибо чтеніе: „*sed hoc pagani siva*“ поразило бы своею странностью всякаго даже новичка въ палеографіи и филологіи. Съ глос-

ср же: „*Diua dea siua imperatrix*“, гдѣ *siua* поддѣляю изъ союза *siua*, Ганка-издатель распорядился такимъ образомъ: онъ пропечаталъ просто *diua, dea, siua* и выдустилъ *imperatrix*, какъ будто ея и не было¹⁾. Еслибъ эти подчистки были сдѣланы не самимъ Ганкою, то какъ ему было бы не остановиться на такихъ чтеніяхъ, которыя легко возбуждали бы сомнѣніе и подозрѣніе въ самомъ неопытномъ вѣдѣчникѣ рукописей, не то что въ ученикѣ Добровскаго, издатель и комментаторъ разныхъ древнихъ памятниковъ, хорошо знавшій и истинна и доказательства Добровскаго относительно прежнихъ подлоговъ: пѣсни о Вышеградѣ, Суда Лѣбуши, отрывковъ Евангелія отъ Іоанна. Хорошо зналъ Ганка, что Добровскій подозрѣвалъ между прочимъ его въ этихъ подлогахъ. Въ высшей степени замѣчательно для характеристики Ганки, что, зная объ этомъ подозрѣніи Добровскаго²⁾, онъ писалъ въ письмѣ къ Добровскому отъ 16-го іюня 1821 г. слѣдующее: „Д-ръ Юнгманъ (акушеръ) прилежно изучаетъ санскритъ, и желая имѣть разсужденіе Маевскаго, которое вы также изволите имѣть, вступить въ переписку съ Маевскимъ, которому дурную копію о Лѣбушинѣ Судѣ сообщилъ (по русск. въ чешскомъ подлинникѣ), а тотъ (тѣ-есть, Маевскій) полѣзъ съ нею (a ten se s tim Rakověckému vyřasil) къ Раковецкому. Въ его сочиненіи (*Pravda Ruská*) эта копія и напечатана вмѣстѣ съ латинскимъ письмомъ Юнгманна. Когда мы это здѣсь получили, увидѣлъ я, какъ это должно было быть ошибочно, почему самъ, находясь здѣсь въ полной практикѣ языка польскаго съ графомъ Любенскимъ, написалъ Раковецкому, что это мы здѣсь имѣемъ въ подозрѣніи (*že to zde v podezření máme*), и приложилъ ему болѣе вѣрный списокъ, дабы о томъ могли лучше судить (a přiložil sem mu věrnější přepis aby se o tom lépe souditi mohlo“³⁾). Итакъ, Ганка писалъ Добровскому, что и для него самого между прочимъ Судъ Лѣбушинъ подозрителенъ

¹⁾ Тѣмъ же странно пропускъ и небрежность допущены Шафарикомъ и Палацкимъ въ ихъ аполючноиъ изданіи (1840 г.), разборъ котораго мы представляемъ при разсмотрѣніи Суда Лѣбуши.

²⁾ Добровскій писалъ Ганкѣ изъ Вѣны (іюнь 1821 г.): „*Polak jakýsi, jenž Pravdu Ruskou přeložil, v předmluvě dosti obšírně mluví také o věších českých votě vyuzděných o libáckém soudu. Kdož pak tu takové věci, za které bysme se studěti měli, tam poslal. Já aspoň to nerád vidím. Homosme se tím, což pravdivého máme a smyšlených věcí nechajmež těm jenž nic staršího namají.* *Čas. Česk. Mus.* 1870. IV, стр. 329.

³⁾ *Čas. Česk. Mus.* 1870. III, стр. 239—240.

и подлинность его не доказана. Раковецкій издаетъ Судъ Любуши, какъ драгоценнѣйшій памятникъ древности. Ганка находитъ, что у Раковецкаго былъ дурной списокъ; и что подлинность этого памятника сомнительна: мы же здѣсь имѣемъ его въ подозрѣніи. Для сего Ганка и сообщилъ Раковецкому болѣе вѣрный списокъ и свое подозрѣніе въ подлинности памятника. Все это онъ сдѣлалъ, дабы лучше могли судить объ этомъ, такъ какъ прежде Раковецкій судилъ поспѣшно. Правда, эти слова можно понимать на двое. Для Добровскаго они должны были имѣть одинъ смыслъ, сейчасъ указанный; но отъ этого смысла можно было, когда понадобится, и отпереться: „Мы здѣсь имѣемъ въ подозрѣніи“. Это не я, Ганка, а нѣкоторые ученые, напримѣръ, Добровскій; я сообщилъ болѣе вѣрный списокъ, а вы же о том *lepe souditi mohli*, то-есть, пусть судятъ, действительно ли этотъ памятникъ подозрителенъ. Важно было бы имѣть это письмо Ганки къ Раковецкому и другія его современныя письма о Судѣ Любуши.

Зная, что Добровскій подозрѣваетъ его въ сочиненіи Суда Любуши, Ганка имѣлъ въ 1824 г. неприятность прочитатъ въ Архивѣ Горманна слѣдующее заключительное замѣчаніе Добровскаго о Судѣ Любуши: „von nun an wird es (das Fragment) Niemand mehr für was anderes halten können, als für einen offenbaren Betrug eines Schurken, der seine leichtgläubigen Landsleute zum Besten haben wollte“.

Безъ сомнѣнія, изъ устъ Добровскаго, человѣка прямого и не стѣсывшагося въ выраженіяхъ, когда шло дѣло о лжи и обманѣ, Ганкѣ приходилось не разъ слышать такіа же строгія и рѣзкія замѣчанія. Вотъ отчего онъ и писалъ Добровскому: *Je to zde v podezreni namne*. Замѣчательно, что до смерти Добровскаго (1829 г.) Ганка публично хранилъ глубокое молчаніе о подлинности Суда Любуши, но по смерти его, въ новомъ изданіи Краледворской рукописи 1829 г., тотчасъ же напечаталъ Судъ Любуши, выдавъ его за памятникъ XI в., и съ того же года сталъ прилагать къ своимъ изданіямъ Краледворской рукописи пѣснь о Вишеградѣ и любовную пѣснь короля Вацеслава. Но къ этимъ подробностямъ мы еще веротимся.

Послѣ такихъ заявленнхъ Добровскимъ противъ него подозрѣній Ганка, если бы былъ невиновенъ, и слѣдовательно, искренне возмущенъ такимъ несправедливымъ о немъ мнѣніемъ, непременно сталъ бы осторожнѣе и внимательнѣе въ своихъ описаніяхъ и изданіяхъ древнихъ рукописей. Нѣкоторыя подчистки въ *Matet Verborgum* сдѣланы до того грубо, что видны простому глазу. Ганка же не только не замѣтилъ ни одной изъ нихъ, но и всѣ испорченныя подчисткою ла-

тичскія глоссы надпечатать (1833 г.) такъ, что видимо его желаніе устранить всякое даже о томъ подозрѣніе.

Обращаемся же теперь къ Живѣ. Надпись на медальонѣ первой миниатюры (буква А) по палеографическимъ признакамъ найдена новѣйшею, подложною. Что навело фальсификатора на мысль обратить и перекрестить эту фигуру въ богиню Живу? Безъ сомнѣнія, представленное въ медальонѣ изображеніе принялъ онъ за женскую фигуру, а не за мужскую. Обнаженная лѣвая грудь легко могла навести его на мысль о женщинѣ, а не о мужчинѣ или юношѣ. Но почему онъ эту женщину назвалъ возможнымъ переименовать въ богиню Живу? Въ его же глоссахъ есть и Дѣвана, Лада и Лѣтница. Отчего же это Жива? Изображенія Живы были извѣстны въ то время. Въ саксонской хроникѣ Вотона конца XV в. она изображена въ видѣ нагой женщины съ длиннѣйшими распущенными волосами и лавровымъ вѣнкомъ на головѣ; въ лѣвой рукѣ, поднятой къверху, она держитъ кисть виноградную съ листьями, въ правой, закинутой назадъ, надѣво ниже груди—золотое яблоко. Гебгардъ говоритъ: „Die Siwa zu Rethra war bekleidet und trug einen schlappenden nackten Mann auf dem Haupte, und eine Weintraube in der Hand“ (S. 243). Онъ же прибавилъ: „Masch hält den Mann für einen Affen“.

Но съ волосами въ рукахъ богини Живы не представляли. И дѣти, которые держитъ въ рукахъ изображенное въ медальонѣ лицо, нисколько не похожи на колоса.

Не могу видѣть случайности въ томъ, что въ исторической повѣсти Ланды: Zate nad rohanstwem 1818 г. говорится о празднествахъ Живы, bohuně augody polnj, слѣдующихъ за празднествами Лады и Перуны и предшествующихъ радованкамъ наступовъ богу Волосу; разказывается также (въ разговорѣ матери съ ребенкомъ на народномъ празднествѣ въ честь Святювита), что „нѣкогда колоса хлѣбные были также высоки, какъ ели, но одинъ изъ злыхъ боговъ захотѣлъ равномъ погубить весь хлѣбъ и насладъ всѣхъ чернбоговъ, дабы оне все пожгли, и дабы ничего болѣе не росло; тогда добрая богиня Жива захватила одинъ колосъ, еще горящій, и уберегла лишь то, что держала въ горсти, и съ той поры хлѣбъ имѣетъ такіе маленькіе колоса“ ¹⁾ (стр. 36—37).

¹⁾ Ганушъ полагалъ, что то не Жива, а Сива (отъ сѣти и пр.) или отъ altsl. siev—anje splendor. «Das erstere ist wahrscheinlicher, da die Gestalt d. Göttin in d. Miniatur Aehren in der Hand zu halten scheint. Wer wird bei diesen

Нельзя не думать, что это мѣсто Линды вдохновило фальсификатора и болѣе всего внушило ему мысль о переименованіи въ Живу этой фигуры въ медальонѣ съ лиліей и трилиственникомъ въ рукахъ. Дѣйствительно ли онъ самъ принялъ лилію или трилиственникъ за колосья, или же успокоился на фикціи и на авось—сойдутъ они и за колосья, мы не знаемъ, но можемъ быть увѣрены, что только съ этою вѣрою, фикціей или авось фальсификаторъ могъ сдѣлать свою надпись на медальонѣ: *Estas Siva*. Нельзя не считать вѣроятнымъ, что на его рѣшимость сдѣлать эту надпись повліяло немало приведенное мѣсто изъ Линды о богинѣ Живѣ. Но фальсификаторъ не раскрывалъ намъ своихъ побужденій и мотивовъ; мы можемъ только догадываться о нихъ, узнавъ теперь, черезъ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ, объ его подлогахъ и ознакомившись съ романомъ или повѣстью Линды: *Zate nad rohanstwem*. Въ 1833 году Ганка издаетъ чешскія *tloussi Mater Verborum*, и въ краткомъ своемъ описаніи миниатюры перваго листа (буква А), остановившись на изображеніи въ медальонѣ, говорить слѣдующее: „Въ зеленомъ вѣнцѣ стоять полунагая, съ распущенными волосами особа (*rozprostowlasatela osoba*), держащая въ одной рукѣ колосья, а въ другой цвѣты. На самомъ вѣнцѣ находится надпись „*Estas Siva*“, богиня, много разъ въ этой рукописи встрѣчающаяся“ (*Zbirka*, стр. VII). Еще раньше, въ 1827 г., Ганка также описывалъ эту фигуру: „богиня, въ половину приодѣтая, въ одной рукѣ держащая колосья, въ другой цвѣты, съ надписью *Estas Siva*“ (*Čas. Česk. M.* 1827, IV, стр. 69 и слѣд.). Что же мы видимъ въ этомъ описаніи Ганки? Онъ совершенно входитъ въ кругъ понятій фальсификатора и самъ видитъ въ одной рукѣ Живы колосья вмѣсто лиліи или трилиственника. Онъ написалъ это въ 1827 г. и повторилъ въ 1833 г. Ганка держался той же вѣры или фикціи фальсификатора, безъ которой послѣдній не могъ изображеніе медальона приписать богинѣ Живѣ. Однимъ изъ факторовъ этой вѣры или этой фикціи должно было быть знакомство фальсификатора съ приведеннымъ мѣстомъ Линды о колосьяхъ въ рукѣ Живы. Все это намъ понятно теперь, но какъ же это понял и схватилъ Ганка? Объясняя, что богиня Жива держитъ въ одной рукѣ колосья, Ганка тоже, значить, припомнилъ себѣ это же представленіе Живы у Линды и ошибся или увлекся совершенно одинаково съ фальсификаторомъ, наведенный къ тому тѣмъ же

Umständen noch behaupten wollen, dass ein moderner Böhme die Glossen fabricirte? (*Sitzungsber. d. k. böhm. Ges.* 1865, стр. 53). Ганушъ о колосьяхъ повторилъ за Ганкой.

мѣстомъ Линды. Линда вовсе не былъ такимъ великимъ поэтомъ и художникомъ, который можетъ одинаково настраивать и вдохновлять людей совершенно разныхъ и чуждыхъ другъ другу. Да и это мѣсто Линды о Живѣ вовсе не такого рода, чтобъ оно легко могло перенестись двумя совершенно разнымъ лицамъ.

Мы уже убѣдились въ невозможности предположить поддѣлки и подлоги въ *Matet Verbohum* до 1818 г., до поступления рукописи изъ Брезницы въ Чешскій народный музей; мы видѣли, что нѣкоторыя отдѣльныя глоссы имѣютъ важное хронологическое значеніе, прямо указывая на время, не болѣе раннее, чѣмъ конецъ XVIII столѣтія, или даже, чѣмъ 1817—1818 гг., годы открытія Суда Любуши и Краледворской рукописи; мы замѣтили, что инныя глоссы изобличаютъ какъ пристрастіе фальсификатора къ рѣдкимъ или вовсе не чешскимъ словамъ, которыя любилъ Ганка или употреблялъ другъ его Линда въ своемъ романѣ, такъ и тожество представленій богини Живы съ колосьями въ рукѣ у фальсификатора, у Ганки и у Линды. Послѣ всего этого мы считаемъ себя въ правѣ всѣ найденныя по палеографическимъ наблюденіямъ новѣйшими и подложными чешскія глоссы *Matet Verbohum* вмѣстѣ съ подчистками и поддѣлками (всего слишкомъ 800 глоссъ) относить къ періоду времени 1818—1827 гг., но никакъ не раньше. Всѣ эти поддѣланныя и подложныя глоссы обличаютъ одного фальсификатора, одно лицо, одну руку. Сверхъ тѣхъ глоссъ, которыя мы придали хронологическое значеніе, еще слѣдующія соображенія не позволяютъ отнести эти подлоги къ первой половинѣ XVIII в., или къ вѣкамъ XVII, XVI, XV и XIV. Писателю XIV в. не было никакой надобности поддѣлываться подъ письмо и правописаніе половины XIII столѣтія. То же самое отчасти можно сказать и про XV в., хотя относительно послѣдняго, равно какъ и про XVI, XVII и XVIII столѣтія, слѣдуетъ прибавить, что въ тѣ времена никто не могъ, если бы даже и хотѣлъ, поддѣлываться подъ письмо, правописаніе и языкъ половины XIII в. Въ эти столѣтія, равно какъ и раньше, совершались довольно часто различныя палеографическія подлоги, но они касались дипломовъ, жалованннхъ грамотъ и различныхъ актовъ, преимущественно на латинскомъ языкѣ, и руководились цѣлями практическими и корыстными. Эти подлоги бывали по большей части грубы, и тѣмъ грубѣе, чѣмъ далѣе отстоялъ фальсификаторъ отъ того времени, которому онъ хотѣлъ приписать свой подлогъ. Но совершать подлоги и подчистки въ памятникѣ чисто литературномъ и ученомъ, не богословскомъ, а филологическомъ, въ памятникѣ не латинскомъ, а народ-

номъ чешскомъ, не было рѣшительно никакой нужды для людей XV, XVI, XVII и первой половины XVIII столѣтій. Наконецъ, въ XV и въ значительной части XVI в., въ духу религіознаго возбужденія умовъ, ученымъ и писателямъ чешскимъ было вовсе не до подложныхъ глоссъ. Въ XVI и частью XVII вв. Чехія имѣла нѣсколько замѣчательныхъ для своего времени филологовъ и знатоковъ чешскаго языка, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ тѣхъ свѣдѣній объ историческомъ развитіи языка, о древнемъ чешскомъ языкѣ, которыя впервые разъяснили и распространили у Чеховъ отчасти Томса и особенно Добровскій въ 1818 г. включительно, и которыми въ это время успѣлъ уже усвоить себѣ, напримѣръ, Ганка.

Въ полномъ сознаніи всей тяжести вводимаго нами обвиненія на человѣка, котораго такъ долго всё въ Россіи, и мы въ томъ числѣ, считали однимъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ славянскихъ дѣятелей, я считаю себя въ правѣ и даже нравственно обязаннымъ — не скрывать правды, не молчать объ обнаруженной и столь долго царившей въ наукѣ лжи, но утверждать прямо и рѣшительно, что эти подчистки, поддѣлки и подлоги принадлежатъ, безъ всякаго сомнѣнія, бывшему бібліотекарю музея В. В. Ганкѣ.

Если вѣрно, что эти поддѣлки и подлоги въ Mater Verborum не могли быть сдѣланы раньше поступленія рукописи въ музей, слѣдовательно, были совершены въ самомъ музеѣ, въ Прагѣ, въ періодъ времени съ 1818 по 1827 г., то также вѣрно, что они не могли быть сдѣланы никѣмъ, кромѣ Ганки. Поддѣланныхъ и подложныхъ глоссъ много, слишкомъ восемьсотъ (848). На эти подчистки, выскабливанія, поддѣлки и вписки новѣйшихъ надписей и глоссъ требовалось много времени. Даже теперь у Чеховъ очень мало людей, преданныхъ наукѣ и на столько свободныхъ и обезпеченныхъ, что могли бы спокойно отдавать цѣлые мѣсяцы и годы своимъ любимымъ ученымъ занятіямъ въ бібліотекахъ и архивахъ. И теперь въ чешскихъ архивахъ и бібліотекахъ преимущественно работаютъ свои же архивариусы и бібліотекари, да тѣ немногіе ученые, которые получаютъ особія порученія и нособія отъ земства и правительства, при чемъ первое не особенно щедро, а послѣднее и вовсе почти не помогаетъ чешскимъ ученымъ. Въ 1818 — 1827 гг. у Чеховъ, за исключеніемъ Добровскаго и отчасти Палацкаго, не было совсѣмъ ученыхъ и даже любителей науки, не заваленныхъ разными текущими работами, которыя не давали имъ времени заниматься по собственному выбору и желанію

разными вопросами по филологии и истории, а такъ болѣе проводитъ утра и дни въ библіотекѣ надъ рукописями.

Разсматривая поддѣльныя и подложныя глоссы, мы замѣчаемъ, что глоссы, такъ сказать, тенденціозныхъ сравнительно очень немного. Напротивъ, мы видимъ между поддѣльными и подложными глоссами огромную массу совершенно, такъ сказать, бесполезныхъ и излишнихъ, ничего рѣшительно не прибавляющихъ, ничего рѣшительно не доказывающихъ, множество словъ простыхъ, обыкновенныхъ и известныхъ чуть не каждому Чеху, или, правда, словъ устарѣлыхъ и вышедшихъ изъ употребленія, но встречающихся въ памятникахъ, изданныхъ, напримеръ, въ Starobyla skladanie, въ хроники Далимцировой. Очевидно, у фальсификатора было много свободного времени. Онъ работалъ себѣ исподволь, не торопясь, ничѣмъ не смущаясь, часто забывая о первоначальной цѣли и просто увлекаясь своимъ обильнымъ дѣломъ. Въ этой продолжительной работѣ, фальсификатора преимущественно занимать, можно сказать, самый процесс подчистокъ, поддѣлокъ и подлоговъ. Онъ часто отъ себя вписывалъ слова, которыя уже встрѣчаются въ подлинныхъ глоссахъ. Положимъ, тутъ могла быть известная цѣль: отстраненіе подозрѣній и приданіе достоверности подлогамъ. Но онъ иногда скоблилъ, подчищалъ и поддѣлывалъ такія слова, за которыя даже можно сказать съ его точки зрѣнія на стояло бы брать на свою думу лишній грѣхъ или изъ-за такихъ пустяковъ марать себѣ руки.

Положимъ, что выскабливая и подчищая атгох и поддѣлывая изъ этого слова глоссу Nemes къ лат. сл. varbagus, фальсификаторъ отводилъ себѣ думу, скрывая давно накопившую у Чеховъ злобу на Нѣмцевъ. Въ этой поддѣлкѣ есть своего рода мысль, тенденція, есть даже удовольствіе не палеографическаго свойства. Но за то сколько же подчистокъ и поддѣлокъ, сдѣланныхъ изъ любви къ искусству, изъ страсти къ подлогамъ, изъ какого-то чисто палеографическаго и фальсификаторскаго самоуслажденія! На чтѣ ему, напримеръ, были нужны sebolle и veses, gak и denise? Стоило ли для нихъ подкабливать и подчищать? Для чего ему понадобились десятки и десятки разныхъ новопринятыхъ имъ и самыхъ обыкновенныхъ, общезвѣстныхъ словъ?

Никакой посторонній посѣтитель и ученикъ, не принадлежащій къ личному составу общественной библіотеки, никогда не рѣшился бы, да и не имѣлъ бы возможности, дѣлать такіе подлоги въ учрежденіи, недавно основанномъ, въ первыя восемь лѣтъ его существованія. И

начальству библиотеки, и всему ученому кругу въ Прагѣ скоро стало бы известно, что NN занимается рукописью *Mater Verborum*. Его спрашивали бы, чего онъ въ ней ищетъ, что въ ней нашеть и что намѣренъ дѣлать съ своею работой. О такихъ работахъ въ общественныхъ библиотекахъ и архивахъ такихъ большихъ городовъ, какъ Москва и Петербургъ, Берлинъ и Вѣна, даже Парижъ и Лондонъ, скоро узнаютъ въ разныхъ ученыхъ кружкахъ. Это въ большихъ столицахъ съ крупными и разнообразными, промышленными, торговыми и государственными интересами, въ болѣе или менѣе старинныхъ учрежденіяхъ, гдѣ издавно работаетъ много ученыхъ. А что сказать о Прагѣ 1818—1827 гг. съ ея слабо развитою общественною жизнью, съ ея мелкими провинціальными интересами, и объ ея только что тогда возникшемъ музее и его библиотекѣ?

До юни 1827 г. никто изъ постороннихъ посѣтителей никогда не спрашивалъ себя *Mater Verborum* и ни единого дня не занимался ею. Кто же совершилъ эти подлоги? Самъ Ганка обличилъ себя какъ нельзя лучше. Въ первой статьѣ своей (1827 г.), оповѣстившей ученому міру о находкѣ чешскихъ глоссъ въ *Mater Verborum*, Ганка повѣдалъ намъ слѣдующее: „14-го юля нынѣшняго года“, говоритъ онъ, (*Mater Verborum: Neustarssj slownjk s ceskými glossami*),—„явился въ музей г. д-ръ Э. Г. Граффъ, совѣтникъ и профессоръ въ Кенигсбергѣ, съ рекомендательнымъ письмомъ отъ хранителя Вѣнской придворной библиотеки П. Копитара (съ просьбою ко мнѣ), чтобы я ознакомилъ его съ древнѣйшими пражскими рукописями и доставилъ ему доступъ къ нимъ, такъ какъ онъ занимается глоссаріемъ древнѣйшаго нѣмецкаго языка. Общаю, сколько мнѣ возможно, исполнить его желаніе и свести его въ библиотеки Капитульную, Страховскую и Клементинскую, я предложилъ ему *Mater Verborum*, сверхъ двухъ рукописныхъ словарей *Uglicí Písani* нашей библиотеки, ибо въ первой (то-есть, въ *Mater Verborum*) тотчасъ при записываніи (ея) въ каталогъ нашеть я нѣкоторыя старонѣмецкія слова (nebot' sem w prwnj hned při zapisowanj w katalog některá staroněmecká slova bych našel). *Mater Verborum* его (то-есть, Граффа) наиболѣе занимала, ибо въ ней онъ тотчасъ узналъ сочиненіе Констанцскаго епископа Саломона, который жилъ въ концѣ IX в., былъ вмѣстѣ съ тѣмъ аббатомъ Санетъ-Галленскимъ и умеръ въ 920 г.⁶⁶ Затѣмъ идутъ извѣстія объ его словарѣ и объ нѣвѣстныхъ его рукописяхъ. „Г-нъ проф. Граффъ“, продолжаетъ послѣ того Ганка,—„вынувъ свои бумаги, попросилъ меня сличить съ нимъ нѣкоторыя слова, и сличивъ нѣсколько, — пришли мы

къ чешскимъ — какъ это меня обрадовало, и съ какою жадностью я искалъ далѣе, (этого) невозможно выразить, особенно когда я нашелъ, что въ словахъ нѣвѣшній г написано просто безъ s или z, такъ что я принялъ бы это за словацкое, и видѣлъ также всюду и послѣ мягкихъ согласныхъ и вмѣсто позднѣйшаго i, но болѣе широкаго a вмѣсто нашего e нигдѣ не нашлось; также простое e стоитъ вмѣсто ie или je. Далѣе посредствомъ внимательнаго обзора мы дошли до года, до писца и живописца, что все находится въ разрисованной буквѣ P второй азбуки, а именно въ этой буквѣ, какъ и въ прочихъ инициалахъ, на золотомъ полѣ нѣе только фигуръ съ различными надписями въ рукахъ: такъ нарисована Вожья Матерь съ младенцемъ въ рукахъ и держитъ свитокъ съ надписью Mater **INU XPI**, подъ нею два монаха въ багряныхъ рясахъ, стоящій на колѣняхъ съ надписью **ORA. p. sc̄re. Vacedo**, а стоящій — **ORA. P. ILLRE. MIROZLAO. A. MCII**. Вообще эта рукопись огромная, самаго большаго формата въ листъ на 243 параллельныхъ листахъ, писана въ 3 столбца, по 51 строкѣ въ каждомъ, и украшена, какъ сказано, разрисованными буквами на золотомъ полѣ въ такой же самой первой буквѣ A, занимающей цѣлый листъ, сверхъ иныхъ аллегорическихъ фигуръ, внизу въ кругу находится богиня на половину бѣлая, въ одной рукѣ держащая колосья, а въ другой цвѣты, и надъ нею надпись **Estas. Siva**. Переплетъ старинный, изъ бѣлой кожи, покрывающей буквенныя доски, съ оловянными застежками. Эта драгоценная рукопись досталась въ музей въ числѣ другихъ древнихъ рукописей изъ Брезницкаго замка, благодаря великодушной щедрости графа Коловрата Краковскаго. Гдѣ эта рукопись прежде находилась, нѣтъ на ней никакой замѣтки, хотя на остальныхъ отмѣчено: **Monasterii in Rudnic, in Saczka, in Jaromir etc.** (Cas. Česk. Mus. 1827. IV, стр. 69—71).

Въ этомъ извѣщеніи, — утверждаемъ положительно — Ганка просто напросто лгалъ. Эта ложь заключается въ томъ, что записывая эту рукопись въ каталогъ, онъ замѣтилъ въ ней нѣмецкія глоссы и не замѣтилъ чешскихъ. Нельзя записать рукописи въ каталогъ, не перелиставъ ея хотя слегка и бѣгло. Первый библиотекарь, Чехъ и патриотъ, въ только что образованной библиотекѣ Чешскаго музея записываетъ въ каталогъ одну изъ рукописей, пожертвованныхъ графомъ Коловратомъ: возможно ли предположить, что онъ эту рукопись, бывшую графскую рукопись, запишетъ небрежно, кое-какъ, не справившись съ содержаніемъ рукописи: вѣдь самъ графъ-жертвователь или кто-нибудь изъ его близкихъ всегда могъ зайти въ музей справиться, за-

писаны ли его пожертвованія, внесены ли въ каталогъ? Кто хотя немного знакомъ съ чешскими общественными условіями, тотъ никогда не предположитъ какой-нибудь небрежности или невниманія со стороны чешскаго ученаго въ какому-либо графу, тѣмъ болѣе такому крупному жертвователю и владчику въ музей. Нельзя этого предположить и теперь, а въ то время, когда чешскіе писатели (и Ганка въ томъ числѣ) сочиняли и подносили стихотворенія къ именитымъ и на свадьбы разныхъ высородныхъ графовъ и князей, такая небрежность показалась бы преступленіемъ. Далѣе Ганка уже въ 1818 г. былъ большимъ любителемъ старинъ книгъ и рукописей, любилъ ходить по антикварамъ, самъ читалъ и списывать для себя и для Добровскаго много рукописей, самъ издалъ нѣсколько древнихъ памятниковъ¹⁾, наконецъ самъ въ сентябрѣ 1817 г., въ тотъ же день, какъ пріѣхалъ въ Краледворъ, отправился съ знакомымъ епископомъ на церковную башню, и тамъ въ подвалѣ, въ углу между стрѣлами, открылъ знаменитую Краледворскую рукопись. Ни одинъ любитель старинъ книгъ и древнихъ рукописей, особенно, если ему удалось сдѣлать такую необычайную и счастливую находку, никогда не оставитъ ее виданной имъ прежде книги или рукописи безъ болѣе или менѣе внимательнаго осмотра. Отъ долгой привычки обращенія съ рукописями и старыми книгами глазъ необыкновенно изощряется, незамѣтно научается быстро отыскивать главные, существенныя черты и особенности памятника. При видѣ неизвѣстной рукописи у такихъ любителей особенно хотъ разъ сдѣлавшихъ какую-нибудь находку, можно сказать глаза разгораются и чешутся руки, и пальцы перелистываютъ рукопись, такъ сказать, инстинктивно и машинально, прежде чѣмъ сознается желаніе посмотреть памятникъ. Рукопись же *Mater Verborum* отличается своею громадною величиною, своимъ письмомъ древнимъ и красивымъ, многими миниатурами. На первомъ же листѣ нарисована сова или филинъ. Должно быть на основаніи же Далмиды (*vůr*) еще въ 1805 г. Гявковскій писалъ о поклоненіи древнихъ язычниковъ Чеховъ совѣ; особенно отмѣченъ сови и въ Краледворской рукописи²⁾.

¹⁾ Шаарикъ говоритъ про Ганку въ 1845 г.: «Bereits im Anfange d. Jahres 1817 hatte er die meisten Bibliotheken Prags u. d. Umgegend durchsucht, die ältesten böhmischen Handschriften durchgesehen, u. aus denselben die für seine Sammlung passenden Stücke abgeschrieben (*Thun*, I. M. Gr. v.) Gedichte aus Böhmens Vorzeit. Prag. 1845, S. 6.

²⁾ Там со стіе Перунowy тѣрпу... Там со взывате вы совн. (*Индикотскы*)

На эту сторону обратили, какъ мы уже видѣли, особенное вниманіе и Ганка въ своемъ изданіи глоссы *Mater Verborum* въ 1833 г., ибо онъ также полагаетъ, что совѣ или филину Чехи изычники полонялись. Въ 1827 г. онъ упоминаетъ только объ аллегорическихъ фигурахъ въ этой миниатюрѣ. На томъ же первомъ листѣ и въ той же миниатюрѣ находится женское изображеніе съ надписью *Estas. Siva*. Записывая *Mater Verborum* въ каталогъ, Ганка не замѣтилъ ни столь важной, по тогдашнѣмъ и его собственнымъ понятіямъ, совѣ въ древности чешской, ни менѣе же важной въ миеологии славянской богини Живы. Первый листъ, первая миниатюра *Mater Verborum* нисколько Ганки не заинтересовали. Онъ не полюбостествовалъ поглядѣть и другія миниатюры, не напалъ поэтому и на миниатюру буквы P, гдѣ написанъ годъ и названы писецъ Вацерадъ и живописецъ Мирославъ. Впрочемъ Ганка не скрываетъ, что прежде, чѣмъ записать рукопись въ каталогъ, онъ все-таки невозможно перелистовалъ и осмотрѣлъ ее, даже нашелъ въ ней древне-нѣмецкія слова, но чешскихъ не приѣтилъ. Последнее онъ утверждаетъ положительно ¹⁾. И нужно было случиться особому обстоятельству, нужно было явиться въ музей проф. Граффу, чтобы тотчасъ открылись, въ великому удивленію и утѣшенію Ганки, чешскія глоссы *Mater Verborum*. Что Ганка тутъ лгалъ и передъ проф. Граффомъ прикинулся не знающимъ, это ясно, какъ Возій день: нѣмецкія глоссы все по большей части писаны въ строку вмѣстѣ съ латинскими, тогда

Děvija. Praha, 1806. II, стр. 61).—Въ Браг. рук. *Tambo i voše dñi tãká sãmo tambo po dñesoch; dñãk hãji ze rãstãno i pãmku svãt Jãzvo souu na dõjãkã. (Kazoj. str. 240—242).*

¹⁾ Въ изданіи 1833 г. Ганка говоритъ, что *Mater Verborum* содержитъ въ себѣ недолго болѣе 500 нѣмецкихъ словъ: *Tak glossovaný exemplář dostal se českému přepisovateli a on gich dwakrát tolik přimnožil, všeho přes patnácte set (собственно не всѣ 1200) dñlem v textu samém, wjce wãak (gãk sezãã pri pãanj tepnu na wuznãtu mysle) nad textem pãpsal.* Эти нѣмецкія глоссы Ганка замѣтилъ только, при выписываніи рукописи въ каталогъ. Но надписавъ *Starob. Skl.*, онъ старательно дѣлъ передъ тѣмъ отдѣльный Бродскерскую рукопись въ углу подвала деревной башни между Жидкинскими (какъ оцъ увидѣлъ) стѣнами, не замѣтилъ чешскихъ глоссъ, коихъ числомъ слишкомъ вдвое больше (подлинныхъ то меньше), и кои вписаны по большей части между строкъ, и слѣдовательно, видѣются въ глаза. Замѣтимъ еще, что Градецкая рукопись, изъ которой заимствована Ганка древне-чешские памятники, издавалась имъ въ I-мъ г. *Starob. Skl.*, содержитъ, по словамъ Ганки, «*Latinsko-ãeský slovar, 5 listã.*» (*Star. Skl. 1817. I, XXX*). Слѣдовательно, Ганка еще съ 1817 г. имѣлъ случай ознакомиться съ древними или старинными латинско-чешскими словарями и понять ихъ важность. Замѣтивъ древне-нѣмецкія слова, Ганка не полюбостествовалъ узнать и справиться, нѣтъ ли въ рукописи и чешскихъ словъ?—Все это явнымъ дожде!

какъ значительно большее число чешскихъ глоссъ введено между строкъ. Перелистывая рукопись, легко можно замѣтить и прочесть чешскія глоссы: онѣ выдвигаются и бросаются глаза. Увидать и найти нѣмецкія глоссы, какъ нашелъ ихъ, по его увѣренію, Ганка, нельзя, не читая латинскаго текста. Если жь онъ, записывая рукопись въ каталогъ, нашелъ въ ней старо-нѣмецкія слова, значить, онъ внимательно, какъ и слѣдовало ожидать, просматривалъ всю рукопись, и слѣдовательно, не могъ тогда же не замѣтить и не найти въ ней чешскихъ глоссъ.

Этотъ очевидною должно Ганка желать предупредить и заранее отвести всякое сомнѣніе и подозрѣніе, конкъ онъ въ данномъ случаѣ боялся и ожидалъ относительно его участія въ подчисткахъ, поддѣлкахъ и припискахъ, въ томъ случаѣ, еслибъ о нихъ догадались или распознавали ихъ. Онъ самъ, должно быть, не былъ твердо увѣренъ въ ихъ неузнаваемости, и потому никого не обвѣщалъ о чешскихъ глоссахъ *Mater Verborum*, рѣшившись дожидаться случая, когда онѣ могли быть найдены или открыты кѣмъ-нибудь другимъ и ему же. Ганкѣ, показаны къ великому его удивленію и удовольствію. Пока же, въ ожиданіи такого счастливаго случая, Ганка само собою не терялъ даромъ времени и вносилъ исподволь въ *Mater Verborum* свои собственныя глоссы. Подложная надпись о Вацерадѣ-писцѣ и Мирославѣ-художникѣ на бѣлыхъ свиткахъ въ ихъ рукахъ обличаетъ тотъ же приемъ и ту же манеру, которыя проявились въ обнаруженныхъ гг. Баумомъ и Вольгманномъ подлогахъ въ Яромірской библіи, *Liber vitae* и двухъ остальныхъ рукописяхъ, хранящихся въ библіотекѣ музея и поступившихъ въ то же Брезницкаго собранія. Слѣдовательно, и эти послѣдніе подлоги точно также должны принадлежать Ганкѣ, какъ несомнѣнно принадлежать ему подчистки, поддѣлки и подлоги въ *Mater Verborum*.

Отъ чешскихъ ученыхъ, пражскихъ палеографовъ и археологовъ, особенно отъ нѣтъшняго библіотекаря музея г. Вртатки и членовъ музейнаго совѣта, мы всѣ въ правѣ ожидать и надѣяться, что они рѣшатся наконецъ прервать свое официальное молчаніе о поддѣлкахъ, о подлогахъ и всякой иной порчѣ рукописей, которыя именно совершены Ганкою во все время продолжительнаго имъ завѣдыванія библіотекою Чешскаго народнаго музея. Голословное и лапачное заявленіе, что невозможно прямо обвинить Ганку въ этихъ подлогахъ, никого не удовлетворить и только обнаружило бы передъ міромъ или недостатокъ критики и незнаніе ея требованій и приемовъ,

~~вѣдѣтъ съ пренебреженіемъ къ обязанностямъ всѣхъ официальныхъ~~
хранителей рукописей и памятниковъ въ общественныхъ бібліотекахъ
и музеяхъ, или же непремѣнное желаніе скрывать правду и дѣлать то
царство лжи и самообмана, изъ котораго повышли разные памятники
древне-чешской словесности и новѣйшая апологетическая о нихъ ли-
тература, къ крайнему сожалѣнію, немалому нашему стыду и къ вели-
кому вреду для науки продолжающая понынѣ процвѣтать и разви-
ваться. Новыя прибывающія у Чеховъ ученныя силы и духъ прямой
и смѣлой общественной критики, обнаруженной особенно въ нынѣш-
немъ году младо-Чехами въ разборѣ дѣйствій Пражской городской думы,
позволяютъ намъ надѣяться, что пожеланія и надежды достопочтен-
наго французскаго ученаго Гастона Париса будутъ въ болѣе или
менѣе мѣроуспѣшнѣе исполнены. ~~Врѣмена близительные оправдаютъ.~~ И ра-
зумно слѣдующія его слова, сказанныя имъ по поводу новыхъ ста-
тей гг. Ягича, Гебауэра, Баума и Патеры: „Nous sommes heureux
de voir des critiques slaves, et notamment tchèques, parler dans
l'étude de ces questions obscures et surtout obscurcies une main si har-
die et si ferme. Les temps sont bien changés à l'avantage des écrivains
de la Bohême. Il y a soixante ans, Prague était un atelier de faus-
saires; il y a vingt ans, — et même moins, — on ne pouvait parler libre-
ment de leurs produits sans être appelé traître si on était tchèque,
allemand (injure aussi grave), si on était étranger. Aujourd'hui la
bonne foi et la science brillent également dans les écrits sérieux qui
paraissent sur ces matières, et la partie éclairée de la nation se pré-
pare évidemment à un sacrifice dont la sincérité lui fait plus
d'honneur que ne lui en premettaient les fabrications naïves
d'une génération aujourd'hui disparue" ¹⁾.

¹⁾ *Revue Critique*. 1878, p. 378.

В. Ламанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

150
1. 0. 11. 192

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Мѣры въ защиту крестьянскаго землевладѣнія.

I.

Византийское государство получило въ наследство отъ времени Римской имперіи двѣ основныя черты социальнаго строя: господство крупнаго землевладѣнія и воловьей или крѣпостное право. Римскіе куріалы и поссессоры соответствуютъ на Востокѣ архонтамъ и куторы, владѣющіе отдѣльными болѣе или менѣе обширными во-вѣстьями, на которыхъ работаютъ или даже хозяйничаютъ полусво-бодные люди, приписанные (*эвекбурачи*) къ землѣ. Только въ видѣ исключенія и не въ большомъ количествѣ удержались волости кре-стьянскія волости, тѣ митрокоміи, о которыхъ говорится еще въ Юстиниановомъ кодексѣ ¹⁾. Въ иконоборческомъ законодательствѣ об-наруживаются послѣдствія какого-то обширнаго и глубокаго перево-рота, причины котораго еще не вполне выяснены, но по всѣмъ при-знакамъ находятся въ связи съ большими славянскими поселеніями на греко-римской почвѣ. Несомнѣнные признаки указываютъ на су-ществованіе въ VIII и IX вѣкахъ многочисленныхъ крестьянскихъ свободныхъ общинъ, на преобладаніе мелкаго крестьянскаго земле-владенія, на ослабленіе или полную отміну крѣпостныхъ отношеній,

¹⁾ L. un. II, 56. Законъ Льва и Анемія 468 года: Non licere metrocomis habitatoribus loca sua ad extraneum transferre. (Ed. Krüger, pag. 992).

даже сосѣди, не находящіяся въ такихъ отношеніяхъ черезуоложности, но однотяглыне (οἱ συμπαραχίταινοι ὀροταλαῖς) и б) наконецъ, простые сосѣди, то-есть, только соприкасающіеся какою-либо частію своего владѣнія съ продаваемымъ или вообще отчуждаемымъ участкомъ" (οἱ ἐκλῆς ἐν τῆσδε μέρῃσιν συγκαταῖς ἡμῶμενοι).

„А однетяглыми мы называемъ“, говоритъ новелла, „тѣхъ, которые записываются (въ податныхъ книгахъ) подъ однимъ тягломъ, хотя бы они и въ разныхъ мѣстахъ вносили свои подати“¹⁾. Толкованіе это въ свою очередь требуетъ объясненія, которое и дадутъ намъ одинъ комментаторъ и позднѣйшіе юридическіе памятники. Византійскій комментаторъ новеллы подъ однетяглыми разумѣетъ тѣхъ, которые тянутъ тягло (платятъ подати) подъ однимъ господиномъ, напримеръ, подъ одною архіепископіей²⁾. Подобнымъ же образомъ, въ одномъ юридическомъ руководствѣ (Μικρὸν κατὰ στοιχεῖον) однетяглыне суть люди, находящіеся подъ однимъ господиномъ и одному и тому же лицу вносящіе и уплачивающіе свои подати и оброки³⁾, а въ другомъ — это суть сосѣди, которые даютъ десятинны и дань одному господину⁴⁾. Итакъ, это тѣ крестьяне, которые хотя и считаются собственниками своихъ участковъ, но находятся подъ патронатомъ какого-либо сильнаго человѣка, которому они вносятъ

¹⁾ ὀροταλαῖς δὲ φέρων πάντας τοὺς ὑπὸ τὸν αὐτὸν ὑποταταγμένον ἀναγραφόμενος, ἐν ἐν διαφόροις τόποισιν τὰ ἴδια τελέσματα καταβάλλονται.

²⁾ Πλὴν καὶ τελοῦσιν ὑπὸ ἑνὸς δεσπότην — — —, οἷον ὑπὸ μίαν ἀρχιεπισκοπήν. Zachar Jus Graecorom III, 236.

³⁾ Οἱ ὑπ' ἑνὸς δεσπότην ὑπάρχοντες καὶ τῷ αὐτῷ καὶ ἐνὶ τοῖς φόροις καὶ τὰ τέλη καταβάλλοντες καὶ ἀποδίδοντες.

⁴⁾ Въ новогреческомъ, наданія Арменопула: γέροντες, δπου δίδουν τὰς δεκατίας καὶ τὰ θεσπάρτα εἰς ἑνὸς ἀνδάντην. Zachar. Gesch des römisch-österr. Rechts, pag. 219. Es hatten nemlich die Kataster der Steuersprengel je nach dem Hebungszustand ihre Unterabtheilungen (ὕποταγα). Für jeden Grundherrn (Kirchen und Kloster, einzelne grosse Grundbesitzer), der von seinen in dem Sprengel wenn auch an verschiedenen Orten belegenen Besitzungen die Steuern zusammen abzuführen hatte, war eine solche Unerabtheilung gebildet, und er wurde insofern als ein ὑποταταγμένος bezeichnet, innerhalb der Unterabtheilung waren dann die betreffenden Besitzungen und die zu denselben gehöriigen Colonen und Häusler mit dem ihrerseits an den Grundherra zu leistenden Abgaben, bezeichnet (ἀναγραφόμενοι). Jeder derselben hatte die Abgaben auf der Besitzung zu entrichten, zu welcher er gehörte; waren diese Besitzungen auch räumlich von einander getrennt, so waren die Bauern und Häusler doch Hintersassen eines und desselben Grundherrn. Solche Hintersassen, denen ein aufbares Eigenthum zugeschrieben wurde, nennt die Novelle im engern Sinne ὀροταλαῖς.

свои подати; такъ какъ онъ представляетъ изъ предъ каменною относително поземельной подати, то они и обозначаются въ писмовой книгѣ подъ его именемъ, составляя въ ней всё вмѣстѣ особую статью.

Далѣе новелла сообщаетъ слѣдующія правила относительно права предпочтительной покупки: При предполагаемомъ отчужденіи должны быть предварены сосѣди, принадлежащіе ко всѣмъ пяти категоріямъ предпочтенія, чтобы въ случаѣ отказа отъ своего права лицъ одной категоріи могли вступить и перенять имѣніе другіе, принадлежащіе къ низшей категоріи. Заявленіе дѣлается при свидѣтеляхъ сначала однимъ, потомъ другимъ по порядку. Если же всё, обладающее правомъ предпочтительной покупки, принадлежитъ къ одной категоріи, то и заявленіе или предвареніе дѣлается всѣмъ вмѣстѣ за одинъ разъ. Въ продолженіе тридцати дней со времени заявленія „предпочитаемый“ долженъ уплатить цѣну имѣнія и взять за себя поземельный участокъ. Если же „предпочитаемый“ находится въ извѣстномъ отсутствіи или мажордѣтѣнъ, то и по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ онъ самъ или его представители и попечители имѣютъ право выкупа въ отношеніи къ постороннему покупщику. Кто въ продолженіе 30-ти дней или 4-хъ мѣсяцевъ не выплатилъ цѣны имѣнія или ранѣе того отказался отъ покупки, тотъ утрачиваетъ право предпочтенія. Точно также утрачиваетъ ее тотъ, кто въ отношеніи къ отчуждающему или его семейству былъ виновникомъ имущественнаго ущерба, покушенія на жизнь или тяжкаго безчестія, и притомъ не случайно, а умышленно. Какъ сказано, „предпочтеніе“ имѣетъ мѣсто при продажѣ, при отдачѣ во временную или наследственную аренду; но оно не дѣйствуетъ при отдачѣ недвижимости въ приданое, предбрачный даръ, при дареніи простомъ или по случаю смерти, или по завѣщанію, а также при мѣнновой сдѣлкѣ. Однако, такого рода юридическія дѣйствія (акты) не должны быть совершаемы притворно только для прикрытія настоящей продажи и купли, поэтому, въ случаѣ подозрѣнія, „предпочитаемые“ всегда могутъ требовать присяги отъ обѣихъ сторонъ въ томъ, что такого рода злоупотребленія не было ими допущено. Если же потомъ окажется, что присяга была дана ложно, то виновные подвергаются наказанію влѣтвопреступниковъ, и сверхъ того, у покупщика отбирается купленное имѣніе, а у продавца полученная за него плата; то и другое поступаетъ въ пользу казны.

Новелла Романа Лакапина прямо высказываетъ, что всё эти правила о предпочтительной покупкѣ относятся также къ крестьянскимъ

свободнымъ общинамъ и поселкамъ. Здѣсь они должны имѣть даже наибольшую силу. Такимъ образомъ уже и первая часть новеллы содержитъ постановленія, служащія къ нѣкоторой охранѣ крестьянской свободной собственности, потому что права предпочтительной покупки со стороны родственниковъ и сосѣдей устраняли въ известной степени постороннихъ сильныхъ людей. Однако, новелла Романа этимъ не довольствуется; слѣдуетъ вторая часть, которая гласитъ слѣдующее:

„Запрещаемъ на будущее время властелямъ приобретать что-либо отъ бѣдныхъ тѣмъ или другимъ способомъ — посредствомъ ли простаго дара (ἀπλῆ δωρεά), или завѣщаніемъ по случаю смерти, или только въ видѣ одного пользованія, или наконецъ, подъ предлогомъ какой-либо помощи и защиты, за исключеніемъ того случая, когда властель будетъ находиться въ родствѣ съ бѣднымъ. Также запрещаемъ властелямъ дѣлать покупки и наймы (μισθωσις) или мѣны въ селахъ и деревняхъ (χωριος ἢ ἀγριδιος), въ которыхъ они не имѣютъ собственнаго (повземельнаго) имущества, отъ мѣстныхъ крестьянскихъ обывателей (κτιτόρων). Если даже дѣло касается участковъ (στέρας), не принадлежащихъ бѣднымъ, а какому-либо другимъ лицамъ, если, наприкладъ, продаются отъ казны такъ называемыя „внморочные участки“ (κλασματικῆ τόκος) ¹⁾ или какое другое имѣніе, находящееся въ рукахъ казны, и тогда пусть имѣютъ „предпочтеніе“ (право преимущественной покупки) κτιτοры-крестьяне, и только въ томъ случаѣ, если они откажутся отъ приобретенія, позволяется и властелямъ вступать въ сдѣлки. Властелями при этомъ должны быть считаемы всѣ тѣ лица, которыя могутъ наводить страхъ на отчуждающихъ не только сами собою, но и вслѣдствіе значенія и силы другихъ, находящихся съ ними въ близкихъ отношеніяхъ, или же могутъ дѣйствовать посредствомъ обещаній какого-либо благодѣянія.

„Если же кто изъ властелей дерзнетъ совершить что-либо противное этимъ опредѣленіямъ, то онъ будетъ лишень приобретеннаго имущества, и сверхъ того, обязанъ будетъ уплатить неводъ на пользу государственной казны. Впрочемъ, по истеченіи десяти лѣтъ безпрекословнаго владѣнія, противъ лицъ, получившихъ имѣніе бѣднаго вслѣдствіе какой-либо сдѣлки или въ видѣ дара и по завѣщанію, уже не можетъ быть заявляемо никакого иска—ни со стороны казны, ни

¹⁾ Glossae Basilic. κλασματικῆ γῆ, ἢ γρον ἐκλασματικῆ. Ср. Ducange, tiré du rôle des tailles.

со стороны тѣхъ, кому принадлежало до тѣхъ поръ право временнаго покаянія.

3) Еще мы повелѣваемъ, чтобы воинскіе участки, отчужденные какимъ-либо способомъ въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, или же имѣющіе впредь быть отчужденными, были безъ всякаго вознагражденія возвращаемы къ своему первоначальному назначенію, то-есть, къ лежавшей на нихъ повинности военной службы, если только послѣ упомянутаго отчужденія за „стратиготомъ“ не осталось столько, сколько достаточно для отбыванія вновь военной службы“²⁾. На сколько оказывается въ этомъ отношеніи недостатковъ, на столько признается недѣйствительнымъ отчужденіе.

2) Новелла Романа Старшаго о владетеляхъ, вступающихъ въ общины убогихъ.

Суровая дѣйствительность скоро подвергла испытанію пользу и достаточность императорскихъ постановленій. Вскорѣ послѣ изданія новеллы наступили тяжелые бѣдственные годы для населенія имперіи. Зима 927—928 года отличалась жестокими, необычайными морозами, такъ что земля въ продолженіе 120 дней оставалась, по словамъ византійскихъ лѣтописей, превращенною въ ледъ (κρυστάλλοθῦμα). Слѣдствіемъ того былъ неурожай, затѣмъ страшный голодъ, „превосходившій всѣ когда-либо бывшіе“, и наконецъ моръ, истреблявшій людей въ такомъ множествѣ, что живые не успѣвали хоронить умершихъ. Царь Романъ, обнаружившій своимъ указомъ о предпочтительной покупке, попеченіе о слабыхъ и бѣдныхъ, показалъ при этомъ случаѣ еще болѣе явнымъ образомъ свою о нихъ заботливость и тѣмъ заслужилъ похвалы „своей сострадательной и милосердой природѣ“. Онъ раздавалъ лично милостыню бѣднякамъ, страдающимъ отъ голода; онъ сдѣлалъ нѣсколько весьма полезныхъ распоряженій для облегченія ихъ бѣдственному положенію, между прочимъ велѣлъ придѣлать двери и досчатые перегородки или заборы съ башенъ при константинопольскихъ портикахъ, гдѣ находили себѣ приютъ неврыбкшіе къ такимъ суровостямъ климата и беззащитные противъ нихъ небогатые жители столицы и т. п. Нѣсколько лѣтъ продолжались

²⁾ βασιλ. τῆ στρατηγομένη πρὸς τὴν τῆς νέας στρατείας οὐσίας ἐξαρταί. Царю въ слова переводить (pag. 256). als ihm (dem Soldaten) bei einem Feldzuge zur Bestreitung einer neuer Ausrüstung genügt.

бѣдствія голода и моровой язвы. Когда же они миновали, то оказалось, что многіе самымъ безчеловѣчнымъ образомъ воспользовались народнымъ несчастіемъ для собственной выгоды и гнусной наживы. Властелин, по словамъ Романа Лакапина, оказалъсь болѣе жестокимъ и неумолимымъ, чѣмъ голодъ и зараза. По самой ничтожной цѣнѣ, за небольшое количество хлѣба они скупали у бѣдныхъ, подвергнувшихся опасности голодной смерти, ихъ главное достояніе, ихъ поземельные участки ¹⁾. Скандалъ былъ такъ великъ, что императоръ счелъ необходимымъ принять противъ него мѣры и выдалъ новую грамоту, въ которой самымъ рѣшительнымъ и даже рѣзкимъ образомъ осуждаетъ поведеніе людей сильныхъ, а также и своихъ собственныхныхъ чиновниковъ, которые обязаны были наблюдать за исполненіемъ прежде изданнаго закона. Вообще новелла, изданная Романомъ Лакапиномъ въ 934 году ²⁾, представляетъ, помимо своего законодательнаго содержанія, въ высшей степени драгоценныя черты для характеристики греко-византійскаго общества и разныхъ его классовъ.

„Есть люди, которые, отрицаясь своей духовной природы и своего создателя, заботятся только о земныхъ благахъ и временномъ благополучіи, отказываясь такимъ образомъ отъ правъ на небесныя награды и забывая о днѣ судномъ. Существованіе такихъ людей, съ жадностію гонящихся за богатствомъ и вполне обладаемыхъ страстію стяжанія, есть причина всѣхъ бѣдствій: отсюда происходятъ всяческія замѣшательства, отсюда—сконленіе всякихъ несправедливостей, отсюда—великія и долгія страданія и многіе стоны бѣдныхъ. Но за бѣдныхъ вступаетъ самъ Господь; онъ говоритъ въ писаніи: „ради мученія бѣдныхъ и воздыханія убогихъ я возстану“. Если же самъ Богъ, возведшій насъ на царство, возстаетъ на отщепеніе убогихъ, то какъ можемъ мы пренебречь своимъ долгомъ или въ концѣ забыть о своей обязанности, когда именно отъ однихъ очей царскихъ

¹⁾ Namartol., p. 835 (Muralt). Theoph. Contin. Bonn., pag. 417. (Первоначальный источникъ здѣсь продолжатель Амартола: См. *Hirsch* Byzantin. Stud. pag. 268). Вся хронологическія соображенія разрѣшаются свидѣтельствомъ слѣдующей новеллы Романа I, гдѣ начало бѣдствія относится къ первому индикту (928 годъ). Отрывокъ изъ Симеона Мегаараста, приведенный неизвѣстно откуда Алеманомъ въ примѣчаніяхъ къ Прокопію Кесарійскому (III, 452 ed. Bonn.), едва ли сюда относится.

²⁾ О годѣ см. *Zachariae*, Geschichte des gr.-römisch. Rechts, pag. 250 (Zweite Ausg.).

бѣдникъ ждетъ себѣ здѣсь утѣшенія? Ради того, дѣтя намѣреніе не только, въ видѣ возмездія, поправить то, что было недавно совершено или держало предпринято противъ отдѣльныхъ лицъ, но и предлагая общее и постоянное врачеваніе, мы издаемъ настоящій законъ, который, съ одной стороны, послужитъ къ устраненію и исцоренію ненасытной страсти (любостязанія), такъ чтобъ отнынѣ уже никто не былъ лишаемъ своего и бѣдный не испытывалъ преобладанія сильныхъ, а съ другой стороны—представляется намъ соответствующимъ общественному благу, пріятнымъ Богу и выгоднымъ для казны и государства. Нужно, конечно, признаться, что вышеозначенныя вредныя стремленія уже и прежде не остались не замѣченными, напротивъ, вызвали надлежащее вниманіе, вслѣдствіе чего ко всѣмъ подчиненнымъ намъ властямъ разосланы были опредѣленія и рѣшенія, остававшія зловредныя посягательства и удерживающія многостязательныя руки. Но такъ какъ всякое зло умѣетъ принимать многообразныя и разнovidныя формы, а любостязаніе въ особенности ухищряется ускользнуть отъ сѣтей закона, то мы почли нужнымъ издать нынѣ болѣе опредѣленное и тщательное изложеніе мѣръ, служащихъ къ пресѣченію всѣхъ уловокъ.

1) Итакъ, мы опредѣляемъ, что во всѣхъ странахъ и областяхъ, подчиненныхъ нашей власти, каждый нашъ подданный долженъ пользоваться безъ всякаго стѣсненія доставшимся ему повсемельнымъ участкомъ. (κατοίχησις). При обыкновенномъ ходѣ вещей имущество пусть передается законнымъ образомъ по наслѣдству или по завѣщанію владѣльца его дѣтямъ или родственникамъ. Если же вслѣдствіе какихъ бы то ни было обстоятельствъ представится необходимость или появится собственное желаніе у владѣльца продать всю свою землю или же только часть ея, то пусть покупка сначала будетъ предложена крестьянамъ (κτῆτορας) того же самаго села, или же деревни, или же сосѣднихъ полей и селеній. Мы постановляемъ это не изъ ненависти къ сильнымъ или какой-либо къ нимъ зависти, но изъ благорасположенія къ бѣднымъ, ради ихъ защиты и ради общаго блага (σωτηρίας). Ибо тѣ, которые получили въ удѣлъ себѣ отъ Бога власть и возвысились надъ толпою славою и богатствомъ, тѣ—амѣсто того, чтобы, какъ это имъ приличествовало, взять на себя попеченіе о бѣдныхъ, напротивъ, смотрятъ на нихъ какъ на свою добычу, отданную имъ на съѣденіе, и досадууютъ, если имъ не удастся проглотить ее какъ можно скорѣе. Не всѣ, конечно, виновны въ такомъ безобразіи (ἀνοσοβούρησις), но пусть законъ будетъ общею охраной и руга-

тѣмъствомъ за то, что къ пшеницѣ не примѣняются плѣбелы. Итакъ, пусть никто впредѣ изъ вельмихъ гражданскихъ, военныхъ и церковныхъ чиновъ¹⁾—ни самъ собою, ни при помощи какого-либо посредствующаго лица не осмѣливается вступать посредствомъ покупки, дара или какимъ другимъ путемъ въ какое-либо селеніе или деревню, покупая въ цѣлости его земли или хотя бы даже часть ея, такъ какъ всякое такого рода пріобрѣтеніе будетъ считаться недѣйствительнымъ, и самое имущество со всякими улучшениями подлежащимъ безвозмездному возврату прежнимъ владѣльцамъ или ихъ наслѣдникамъ, или же, въ случаѣ немѣнн таковыхъ, жителямъ того же самаго селенія или имѣнія. Злоупотребленіе властію со стороны такихъ лицъ, являющихся въ села со множествомъ слугъ, наемниковъ и всякаго рода спутниковъ, не только увеличиваетъ тяготы бѣдныхъ и ведетъ за собою возстанія, преслѣдованія, требованіе подводъ, притѣвленія, вымогательства, но, какъ это пойметъ каждый способный прямо смотрѣть на вещи, служить къ непосредственному и немалому государственному ущербу и вреду. Потому что именно крестьянское землевладѣніе удовлетворяетъ двумъ существеннымъ государственнымъ потребностямъ, внося назенныя подати и исполняя военскую повинность. То и другое должно будетъ сократиться, если сократится число крестьянъ. Тѣ, которые обязаны нещися о государственной безопасности, должны уничтожить причину смятенія, искоренить вредъ и охранить условія общественной пользы. Все это теперь обезпечивается нашимъ подданнымъ относительно будущаго... Однако, намъ слѣдуетъ не только заботиться о будущемъ, но и предпринять возможное врачеваніе относительно прошедшаго. Недавнее общественное бѣдствіе, наведенное на насъ измѣнчивостію времени, или скорѣе, посланное намъ въ наказаніе за наши грѣхи, для многихъ было только удобнымъ случаемъ для собственнаго обогащенія; вмѣсто того, чтобъ оказать бѣднымъ, страдающимъ отъ голода, человѣколюбіе или состраданіе, они спѣшили за деньгами или хлѣбомъ или какими другими выдачами купить по дешевой цѣнѣ поземельные участки не-

¹⁾ Новомка здѣсь перечисляетъ магистровъ, патриціевъ, лицъ, почетныхъ начальствованіями (άρχαις), воеводствами (στρατιώταις), гражданскимъ камильдо или военнымъ саномъ (ἀξιωματικοί), или же числящихся въ царскомъ синклитѣ, дагдѣ областныхъ начальниковъ, действительныхъ и бывшихъ, митрополитовъ, епископовъ, игуменовъ; церковныхъ правителей, завѣдующихъ благотворительными или царскими богоугодными домами. Уже изъ предыдущей новеллы мы знаемъ, что во эти только лица составляли сословіе вѣстелей.

счастливыхъ. Они обнаруживаютъ большую жестокость, чѣмъ сама вознигшая бѣдныхъ горькая нужда, и даже въ послѣдовавшее затѣмъ время продолжали быть для сельскихъ несчастныхъ жителей все тѣмъ же моромъ, или же гангреною, вѣвшагося въ здоровое деревенское тѣло, чтобы довести его до гибели.

2) Итакъ, если кто изъ вятскихъ лицъ, которымъ запрещено было покупать или вообще приобретать имѣнія бѣдныхъ, тѣмъ или другимъ способомъ сдѣлался владѣльцемъ крестьянскихъ полей или селеній въ ихъ цѣлости или въ какой части въ періодъ времени, начиная отъ перваго индикта или отъ начала голода, тотъ долженъ быть удаленъ изъ нихъ, получивъ обратно внесенную имъ покупную сумму, при чемъ право выкупа предоставляется или первоначальнымъ владѣльцамъ, или ихъ наследникамъ и сродникамъ, или же, въ случаѣ отсутствія таковыхъ, тѣмъ, которые несутъ съ ними одно податное тягло (συνταξιόντων), или же наконецъ цѣлой общинѣ (τῆς οἰκίας). Что же касается улучшеній, то если означенныя лица (пользующіеся правомъ выкупа) имѣютъ недостатокъ и добрую волю, то можетъ быть назначено за нихъ нѣкоторое вознагражденіе; а если это будутъ лица не имущія или не желающія платить, то богатымъ, нарушившимъ законъ, придется при своемъ удаленіи удовлетворяться возможностью взять съ собою и унести самый матеріалъ построекъ или вообще сдѣланныхъ улучшеній, предполагая, что это въ самомъ дѣлѣ было результатомъ ихъ стараній и заботъ, а не досталось имъ вмѣстѣ съ землей отъ тѣхъ же бѣдныхъ.... Изложенныя правила, впрочемъ, имѣютъ приложеніе только къ случаямъ дѣйствительной покупки; а въ отношеніи приобретеній, сдѣланныхъ путемъ дара или наследства или какихъ другихъ актовъ, они считаются недействительными; какъ прежде, такъ и теперь, мы полагаемъ, что они должны быть отбираемы и возвращаемы безъ всякаго притяженія на какое-либо вознагражденіе.

3) Далѣе, есть люди, которые по рожденію принадлежатъ къ словію бѣдныхъ, но по милости Божественнаго Промысла или какими другими непонятными судьбами изъ своей болѣе скромной доли поднялись на верхъ и достигли лучшаго положенія въ жизни. Мы считаемъ справедливымъ, чтобы они оставались при томъ наследствѣ и владѣніи, которое имъ съ начала досталось; они не должны, преступая мѣрку своего первоначальнаго состоянія, являться причиною бѣдствія своихъ сосѣдей, отнимая у нихъ разбойнически ихъ имущество, — таково обычное обвиненіе въ отношеніи сдѣлокъ, замѣ-

часныхъ со стороны гордыхъ своихъ высокимъ положеніемъ и славою лицъ съ другими, болѣе скромными. Скорѣе имъ (бѣднымъ, поднявшимся на верхъ) слѣдовало бы, памятуя особенную къ нимъ милость Божию, оказывать благорасположеніе къ своимъ однесельчанамъ (крѣе то *ὀμόχορον*), и имѣя въ виду неизвѣстность будущаго, а также: необходимость страннаго суда, не превращать имуществъ ближнихъ въ предметъ хищничества.

4) Если такіа лица (бѣдные, превратившіеся во владѣтелей) вступили во владѣніе приобретенными ими имуществами равнѣ означеннаго въ нашемъ законѣ срока (то-есть, до начала голода), и если притомъ они остаются съ того времени все въ томъ же положеніи, то и теперь мы позволяемъ имъ оставаться по прежнему, при чемъ имъ, какъ и всѣмъ другимъ (владѣтелямъ), запрещается приобретать сосѣднія имѣнія. Если же они оказываются тягостными и несносными для сосѣдей, причиняя постоянный и тяжкій вредъ убогимъ, то они должны быть удалены и даже изгнаны, въ возмездіе за свою скупость и ненасытность подвергаясь лишенію своей собственности.

5) Что касается вознагражденія, о которомъ рѣчь была выше, то вопросъ о немъ требовалъ тщательнаго разсмотрѣнія, и на основаніи оного получалъ разумное и справедливое разрѣшеніе. Если совершенъ былъ свободный и невынужденный актъ продажи за цѣну, которая можетъ быть признана справедливою, то относительно такъ какъ случается имѣть силу вышестановленная статья о возвратѣ выкупной цѣны—съ небольшимъ только дополненіемъ въ видѣхъ облегченія безпомощной бѣдности. Именно: возвратъ имуществъ и угодій прежнимъ продавцамъ, ихъ наследникамъ, или же ихъ родственникамъ совершается немедленно. Если бѣдные — состоятельны, то они должны тотчасъ же возвратить при этомъ и полученную ими продажную цѣну имѣнія; а если они не имѣютъ средствъ скоро воротить эту сумму, то не слѣдуетъ прибѣгать противъ нихъ къ какимъ-либо насильственнымъ средствамъ, дабы мѣра, принимаемая въ видѣхъ ихъ будущей пользы и благосостоянія, не показалась имъ тягостною и ненавистною влѣдствіе другаго вымогательства въ настоящемъ. Сверхъ того, душевная низость и пронырство, которыми заражено большинство людей, не устыдились бы воспользоваться условіемъ скорого выкупа для того, чтобы повернуть исходъ всего дѣла въ свою пользу. Тѣ люди, которые заражены страстію стяжанія, для которыхъ ничто ведущее къ наживѣ не можетъ считаться постыд-

нымъ, привести все въ дѣйствіе и на все рѣшиться, чтобы только достигнуть своей цѣли и наситить свою алчность¹⁾. Въ видѣ преграды новымъ выдумкамъ и уверткамъ, для обезпеченія дѣйствительнаго исполненія нашихъ постановленій, пусть будетъ назначенъ трехлѣтній срокъ ожиданія, который достаточенъ для того, чтобы и немущему принести богатство и доставить возможность легкой уплаты. Справедливость должна соединиться въ законоположеніяхъ съ милостію и пользою. Такъ какъ однажды уже сдѣлано было постановленіе (запрещающее властелямъ пріобрѣтать крестьянскіе участки), то ничего не было бы страшнаго и противнаго законамъ, если бы люди, уличенные въ виновновеніи нашими повелѣніями, понесли достойное вознагражденіе за свое поведеніе и были лишены пріобрѣтенныхъ ими правъ. Но растворяя челоуколюбивымъ суровую строгость точнаго соблюденія законовъ, мы опредѣлили вмѣсто полнаго и безусловнаго изгнанія (съ купленникъ участковъ безъ всякаго вознагражденія) трехлѣтнюю только отсрочку уплаты, съ умѣренностію наказывая погрѣшителей, но въ то же время ублажала отсрочкою достойныхъ сожалѣнія бѣдныхъ. Такъ какъ мы слышали, что были люди, дошедшіе до такой жадности къ наживѣ, что они захватывали поземельные участки бѣдныхъ за самую дешевую цѣну, нельзя даже сказать, покупая, но развѣ съ разверстою нателью поглощая оныя,—то очевидно, что различіе намеренія и практическаго исполненія требуетъ и неодинаковаго приложенія вышеуказанныхъ постановленій. Итакъ, если окажется, что цѣна, заплаченная за участіе, вдвое ниже дѣйствительной его цѣнности, то покупщикъ лишается ея безъ всякаго вознагражденія.

7) Равнымъ образомъ, если покупка совершилась пусть и не на столько, но все же въ ущербъ и вредъ продавцамъ, и если доходы, полученные съ участія, уже сравнялись съ уплаченною при покупкѣ суммою, они (то-есть, покупщики) не имѣютъ права предъявлять никакихъ требованій (при возвращеніи земли продавцу). Если же

¹⁾ Эта замѣчательная въ устахъ государя характеристика своихъ подданныхъ читается такъ въ подлинникѣ: "Ἄλλως τε δὲ καὶ τὰ περιεργὸν καὶ ἀνελεύθερον τῆς τῶν πολλῶν γνώμης διὰ τῆς ταχείας εἰσπράξεως οὐκ ἐρυθρίασαι μὴ οὐκ ἀκαράθραστον μένειν τὴν τῶν ὑποτιτωθέντων ἔχρασιν διαμηχανήσασθαι. τοῖς γὰρ ἀπληστίας πάθει καὶ ψυχικῇ πενίᾳ πρὸς τοσοῦτον πορισμὸν προστετηχόσι καὶ μηδὲν αἰσχρὸν τῶν εἰς χρηματισμὸν συντελούντων ὑπολογιζόμενοις καὶ τοσαύτης πολυπραγμοσύνης ἐφόδιον τὴν ἐλευθερίαν ἐπιφορτιζόμενοις οὐδὲν ἀσέληκτον, οὐδὲν ἀνεπιχείρητον περιλειπθήσεται εἰς τὴν τῆς οἰκείας συμβαλλόμενον προθέσεως συντέλειαν."

полученныхъ доходовъ еще не достаесть (до заплаченной суммы), то недостающее только должно быть возполнено тѣми, кто имѣетъ право перенять имѣніе или участокъ.

8) Мы не желаемъ, чтобы рѣшенныя нами добрыя мѣры потерпѣли какое-либо нарушеніе подъ предлогомъ пожертвованій и записей, даваемыхъ святымъ обителямъ постригшимися или желающими въ нихъ постричься монахами. Для монастырей будетъ совершенно достаточною выгодною вмѣсто земли или недвижности получать справедливую ея цѣну деньгами, если въ самомъ дѣлѣ ради спасенія души, а не ради обмана, прикрывающаго продажу, дѣлается вкладъ. Мы полагаемъ, что предоставляя право выкупа и преимущественной покупки и въ отношеніи вкладовъ, дѣлаемыхъ въ монастыри, мы устанавливаемъ правило полезное не только для „убогихъ“, но и для священныхъ домовъ, такъ какъ обитатели оныхъ такимъ образомъ будутъ свободны отъ споровъ, тяжобъ и раздоровъ, отъ неблагогоуднаго и неблаговиднаго стяжанія, а имѣ, какъ плотскимъ все-таки созданіямъ, слѣдуетъ избѣгать всякихъ поводовъ къ паденію, а не идти имъ на встрѣчу.

Если кто изъ лицъ чиновныхъ и властныхъ послѣ изданія настоящей нашей заповѣди, человѣколюбиво исправляющей ненасытную страсть къ приобрѣтенію и вводящей полезный обществу порядокъ (τὸ κοινῷ ὠφελουῖν ἀισχυόμενα), рѣшится въ чемъ-нибудь ее нарушить и вкредется посредствомъ поупки, дара или какимъ другимъ образомъ въ сельскія или деревенскія вѣрстанскія земли, то наша воля состоитъ въ томъ, чтобы таковой человѣкъ былъ оттуда изгоняемъ безъ всякаго вознагражденія, лишался при томъ всѣхъ своихъ надержекъ и улучшеній, и сверхъ того, подвергнется наказанію. Для знатныхъ это наказаніе будетъ заключаться въ денежномъ штрафѣ, равняющемся цѣнности имѣнія и взыскиваемомъ не ради выгодъ казны—ибо казна не желаетъ видѣть собственной выгоды въ томъ, что служить во вредъ обществу—но ради попеченія объ „убогихъ“; а для менѣе состоятельныхъ наказаніе будетъ заключаться въ безденежномъ лишеніи купленного участка и въ соответственномъ денежному штрафу взысканіи другаго рода.... Мы желаемъ, чтобы всѣ эти правила получили полную силу—ради блага нашихъ подданныхъ, которое составляетъ предметъ многихъ и постоянныхъ нашихъ заботъ. Мы ничего не щадили, чтобы воротить свободу тѣмъ изъ нашихъ подданныхъ, которые были ею лишены, и при помощи Божіей многія поля, деревни и города отняты нами отъ сопротивляющихъ (Волгарь)

частію оружіемъ, частію одною только угрозою войны или осады; теперь наши подданные свободны отъ напастей непріятельскаго шествія. Если мы успѣли достигнуть такихъ успѣховъ противъ внѣшнихъ враговъ, то, конечно, удастся намъ свергнуть и внутреннихъ враговъ всякаго добраго порядка — острымъ мечемъ сего настоящаго законодательства...

3) Новелла царя Константина Багрянороднаго о властеляхъ, вступающихъ въ общины убогихъ.

Постановленіе 934 года, такъ грозное относительно будущихъ его нарушителей, такъ суровое и рѣзкое по своему тону и языку, допускало, однако, послабленіе относительно властелей, воспользовавшихся для округленія своихъ помѣстій и вытѣсненія крестьянъ съ ихъ общинныхъ земель страшными бѣдствіями голода и мора. Ясное дѣло, что обязанность возвращенія крестьянами купленной суммы хотя и съ всевозможными льготами и расщотками ослабляла дѣйствительность закона въ примѣненіи къ происшедшимъ уже нарушеніямъ его, и примѣромъ сматченія въ отношеніи къ прошедшему возбуждала сомнѣнія въ серьезности угрозъ касательно будущаго. Человекъ, который для избѣжанія голодной смерти продавалъ свою собственность, едва ли будетъ имѣть средства для выкупа ея. Что угрозы Романа относительно будущаго никого не испугали, это доказали послѣдствія. Властели продолжали пріобрѣтати земли „убогихъ“ покупками, сдѣлками и насиліемъ... Вотъ что говоритъ византійская хроника о Константинѣ VII Багрянородномъ, который, послѣ низложенія Романа Лакапина и его сыновей, сдѣлался самостоятельнымъ и единственнымъ правителемъ государства (944 года).

„Онъ увидѣлъ, что жадность людей ненасытныхъ распространяется все болѣе, что сильные люди (архонты) прокрались въ средину провинцій и сель (χωρίων) и угнетаютъ тамъ несчастныхъ убогихъ (ταλακίρους κένυτας), что властели посредствомъ насилія и различныхъ китрыхъ уловокъ пріобрѣли себѣ тамъ (многія) помѣстья (προβάτια): онъ рѣшился отнять у нихъ несправедливо пріобрѣтенное... Что же сдѣлалъ для этого сей во всемъ мудрый государь? Собранный подвластный ему сенатъ, онъ на основаніи его совѣта опредѣлилъ, что всѣ богатые, которые со времени его провозглашенія самодержавнымъ государемъ (944 г.), пріобрѣли покупки, дареніемъ

ли насліемъ номѣстья или поля въ селахъ, будутъ оттуда выгнаны (безъ всякаго вознагражденія. Такимъ образомъ ему удалось нѣсколько остановить заразу и сдержать жадность нещасливыхъ приобрѣтателей¹⁾).

Законъ, остановившій заразу любостыканія, есть новелла 947 года, продиктованная патриціемъ и квесторомъ Теофиломъ, и отъ которой дошли до насъ два списка, представляющіе два экземпляра, отправленные въ двѣ различныя малоазіатскія провинціи (темы Фракіійскую и Анатоликонъ). Нѣкоторые отличія, между двумя видами, находящимися, впрочемъ, только въ началѣ, не лишены интереса.

Отъ многихъ мы слышали, что властелинъ и выдающіеся мужи въ тѣхъ (областяхъ) Фракіійской, презирая царскіе законы и самое естественное право, а также и наши повелѣнія, не перестаютъ вкупаться въ села или вступать въ нихъ посредствомъ даренія и наслѣдства, и подъ этимъ предлогомъ тиранствуютъ надъ несчастными убогими, отнимаютъ ихъ съ ихъ собственныхъ полей, вытѣсняють съ земли, имъ принадлежащей²⁾. Вслѣдствіе того, мы, послѣ разсмотрѣнія съобща (ἐκ κοινῆς διασκεψάμενος), постановляемъ слѣдующій общій законъ и правило:

1) Издааннымъ прежде (то-есть, въ 934 году), закономъ уже запрещено было „особамъ“ (προσώπων) и домамъ царскимъ и богоугоднымъ покупать имѣнія у сельскихъ общинъ или у отдѣльных членовъ оной (ἀπὸ τῶν χωρίων ὁμάδος ἢ τοῦ καθ'ἑαυτοῦ), при чемъ осуждался какъ прошлымъ сдѣлки подобнаго рода (отъ перваго индикта до изданія законоположенія), такъ особенно будущія (послѣ изданія законоположенія). Тѣмъ не менѣе большинство властелей совсѣмъ не думали соблюдать законъ и воздерживаться отъ губительныхъ сдѣлокъ съ бѣдными, такъ что и судьи въ свою очередь, не столько по дурнымъ побужденіямъ, сколько вынуждаемые необходимостью, часто провозносили судебныя рѣшенія въ дѣлахъ такого рода не на основаніи закона, а примѣняясь къ обстоятельствамъ (κατ' ὁμοιωμῆν),—то такъ, то иначе. Вслѣдствіе того мы постановили та-

¹⁾ Theophan. Continuat. de Constantin. Porphyrog. cap. 15 (pag. 447 Bonn.).

²⁾ Вместо этого введенія въ экземпляръ, отправленномъ въ провинцію Анатоликонъ и о тиранніи надъ нимъ властелей (δυνατῶν), и крайне ужаснулись нещасности и бедности ихъ душъ, что ни законъ, ни страхъ царя не смиряетъ въ любостыканія.

кое общее рѣшеніе, чтобы всѣ тѣ, кому вышеупомянутыми законами (934 г.) было воспрещено покупать земли бѣдныхъ и кто, не смотря на то — уже послѣ провозглашенія насъ самодержцемъ (въ 945 году), осмѣлился втереться въ какое-либо село или поселокъ или вообще захватить недвижимость бѣднаго, тотъ немедленно, безъ всякихъ отговорокъ и отсрочекъ прогоняется съ приобретеннаго имъ участка, не имѣя права представлять какихъ-либо требованій за тѣ или другія свои издержки.

2) Относительно тѣхъ, которые приобрѣли участки въ промежутокъ времени отъ большаго голода или перваго индикта (928 г.) до нашего провозглашенія (945 г.), мы постановляемъ слѣдующее общее правило: всякое приобретение посредствомъ дара или наслѣдства, или какой другой юридической сдѣлки, придуманной для обхода закона, признается не имѣющимъ силы и недействительнымъ, отменяется безъ всякихъ правъ на возмѣщеніе издержекъ; точно также уничтожаются и всякія мѣны и мѣновныя сдѣлки, и каждый получаетъ свое, развѣ только самъ убогій пожелаетъ остаться при вымѣненномъ имѣннѣ, находя для себя болѣе выгоднымъ промѣнять отягочительное участіе въ общинѣ на частную собственность, и получить при томъ лучший участокъ ¹⁾. Относительно продажъ и покупокъ наше рѣшеніе, таково, что и онѣ отменяются, и проданныя земли возвращаются прежнимъ владѣльцамъ, или же ихъ наслѣдникамъ, либо однотяглымъ (πρός — συνταξοτάς), какъ определено въ первоначальномъ законоположеніи. Что же касается возвращенія покупной цѣны, то тутъ нужно обращать вниманіе на лица и обстоятельства. Если покупатель принадлежалъ къ разряду властелей или же былъ родственникомъ властеля свѣтскаго, либо духовнаго, а продавецъ былъ изъ сословія бѣдныхъ, такъ что состояніе его не превышало пятидесяти золотыхъ монетъ (номисма, золотая монета около трехъ рублей); то возвратъ покупной суммы не имѣетъ мѣста. Если же продавецъ имѣетъ состояніе выше пятидесяти номисмъ, то онъ долженъ уплатить подлежащую возврату сумму въ теченіе трехъ лѣтъ, пользуясь тѣми же преимуществами, какъ и общинникъ (δμῶς), хотя бы это на самомъ дѣлѣ былъ схолярій (воинъ, служащій въ императорской гвардіи), или чиновникъ, служащій въ приказахъ (σεκρέτος ὑπηρετούμενος). Если же продавцемъ имѣнія была крестьянская община

¹⁾ Zachar., Jus Graecorom III, 254: ἕτε πρὶν ἀνακαχογιώμενος ὦν καὶ οὐ μόνον ἴδια τῆν αὐτοῦ κατασχέσει ἀφορίας διὰ τὸ ἀνεσόκλητον, ἀλλὰ καὶ τὸ κρεῖττον ἀντιλαβών.

(*ei de epas tu ti kaitosasa*), у которой не окажется средствъ для возвращенія полученныхъ за него денегъ (при отобраніи отъ покупателя проданной земли), то пусть она имѣетъ отсрочку на такое число лѣтъ, какое, по мнѣнію судьи, будетъ достаточно для того, чтобы соответствующая должницею возврату сумма могла быть выручена изъ доходовъ имѣнія. Если же окажется, что продавецъ или продавецъ при продажѣ или рѣшѣ подверглись какому-нибудь обману или насилію со стороны покупателя или его фамиліи, то возвратъ покупателямъ денегъ отменяется, хотя бы покупщикъ и не принадлежалъ къ разряду вѣстныхъ. Если же покупателями были болѣе бѣдные изъ монастырей или кто-либо изъ протесаваріевъ, живущихъ въ богоспасаемой столицѣ, или изъ визитковъ армянозовъ, и если они совершили свои покупки безъ всякаго насилія и обмана и безъ содѣйствія со стороны сильнѣе, то они не только получаютъ обратно уплаченныя при покупкѣ деньги, но и всякія издержки, употребленныя на пользу, какъ напримѣръ, на разведеніе виноградныхъ или на устройство водяныхъ мельницъ. Они могутъ свезти и увести и матеріалъ собственныхъ построекъ, не вреда, конечно, прежнему положенію хозяйственныхъ заведеній, и только въ томъ случаѣ, если не получаютъ за нихъ вознагражденія. Если же возвращенію долгаго препятствуетъ неспособность лица, обязаннаго возмѣстить оное, то отчужденное имѣніе остается въ залогъ (*maturoisfas*) въ продолженіе столькихъ лѣтъ, доколе чистый доходъ съ него не покроетъ должной покупной суммы или эквивалентныхъ издержекъ; или пусть лучше имѣніе возвращается во владѣніе прежняго отчуждившаго его хозяина, не только съ тѣмъ условіемъ, чтобы покупатель могъ наблюдать за сборомъ плодовъ (доходовъ) и сохранностью на удовлетвореніе долга. И если отчуждившій имѣніе имѣетъ какихъ-либо другихъ средствъ, напримѣръ, другую землю, то пусть онъ отдаетъ весь сборъ этихъ плодовъ лицу, заключившему съ нимъ запродажную сдѣлку; а если у него нѣтъ другихъ источниковъ существованія, то пусть онъ удерживаетъ изъ доходовъ то, что нужно для удовлетворенія необходимыхъ потребностей и для хозяйственныхъ земледѣльческихъ оборотовъ, а все остальное пусть отдаетъ кому слѣдуетъ.

3) Если же отчужденіе произошло при такихъ условіяхъ, что продавецъ былъ одинъ изъ болѣе видныхъ или знатныхъ членовъ общины (*tis epados*), напримѣръ — схолярій, а покупатель — лицо только не много низшее по достоинству, напримѣръ, стратіотъ, или же если, передача совершилась со стороны одного изъ болѣе бѣдныхъ (*eitelosteron*) въ

пользу другого, только не много надъ нимъ возвышающагося, наврѣмѣрь, со стороны: получившихъ военскую отставку гражданъ (ἀστρατεῶν πολεμῶν) сколаріямъ или привезшимъ (οὐκ ἐστρατοίς), то въ этомъ случаѣ сдѣлка должна сохранять свою силу и оставаться неизмѣнною. Равнымъ образомъ, если кто обязанъ внести въ казну лежащія на немъ подати и повинности или же хочетъ дать своей дочери приданое, но не имѣетъ никакихъ другихъ средствъ уплатить своей долгу казнѣ или являющую на него повинность, или дать обѣщанное приданое, то ради этихъ причинъ не дозволяется отчуждать и недвижимое имѣніе, но только односельчанамъ (συγχωρίταις), или въ случаѣ необходимости, въ села, входящія въ составъ одной и той же волости (μυτισημίῳ) или состоящія подъ одною и тою же конитурою ¹⁾.

Сверхъ того, когда продаетъ или другимъ образомъ отчуждаетъ имѣніе свое властель, то имѣетъ мѣсто „предпочтеніе“ (право выкупа) въ пользу крестьянъ—относительно того, въ чемъ они зависятъ относительно его сообщившами, напримѣръ; относительно вина или воды, или горныхъ мѣстъ, безъ которыхъ они не могутъ вести своего хозяйства ²⁾. Но въ пользу (посторонняго) покущика постигается, что если онъ захочетъ приобрести только это одно (то есть собственность властеля) и отступиться отъ того, что входитъ въ составъ общественнаго владѣнія (ἀπὸ τῶν ἐν κοινῶν κτημάτων), то онъ имѣетъ возможность и право поступить такимъ образомъ. Если же въ отчуждаемомъ имѣніи есть какой-нибудь самостоятельный отдѣльно отмежеванный участокъ (ἐστὶ τι καὶ ἰδιόκτητον), то (крестьяне) обзываются или приобретаютъ его въ цѣлости, или совершенно отъ него отказываются. Въ первомъ случаѣ, они имѣютъ отсрочку четырехъ мѣсяцевъ для сбора той цѣны, какую дастъ другой покущикъ, или лучше—въ какую имѣніе оцѣнивается, если покущики принадлежать къ разряду убогихъ (πένητας).

4) Новелла Константина Византийскаго о военныхъ участкахъ (περὶ στρατιωτικῶν, περὶ στρατιωτοκτησίων).

Авторомъ этой новеллы, какъ и указано въ подлинномъ ея написаніи, былъ знаменитый въ то время юристъ—патрицій и квестеръ Θεодоръ Декаполитъ. Точный годъ изданія ея неизвѣстенъ; несо-

¹⁾ ἢ ἐξ ἀνάγκης πρὸς τὰ ὑπὸ τὴν αὐτὴν μητροχωρίαν χωρία ἦτοι ὑπὸ τὴν αὐτὴν κομητοβραν.

²⁾ προτιμάσθαι τοὺς χωρίτας ἐν οἷς εἶναι ἀνακεκοιμημένοι, ἢ χωρὶς τῆς ἐκείνου νομῆς ἢ ὑδάτων, ἢ τῶν ὄρεων αὐτὸ δύνανται διοικεῖσθαι.

на свободу крестьянских перекодоров. Замѣтно, что власть мелкихъ свободныхъ землевладѣльцевъ получала въ численномъ отношеніи весьма сильное подкрѣпленіе, подобно тому какъ это происходило раньше произошло на Западѣ вслѣдствіе поселяній Готевъ, Вургундовъ и другихъ варваровъ. Славяне дѣльными массами заняли европейскія области имперіи; даже и въ азіатскихъ провинціяхъ поселенія ихъ считались десятками и сотнями тысячъ, то-есть, почти не уступали въ численномъ отношеніи колоніямъ германскихъ варваровъ на Западѣ¹⁾. Иконоборческое движеніе, направленное противъ монаховъ и монастырей, слѣдовательно, и противъ монастырскаго землевладѣнія, точно также могло содѣйствовать возрожденію крестьянской собственности на Востокѣ. Тамъ или иначе, съ VIII вѣка въ Византійскомъ государствѣ существуютъ многочисленныя крестьянскія общины, владѣющія землею на правахъ коллективной собственности, и даже въ помѣстьяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, по прежнему вносимыхъ отдѣльно въ податныя книги, земля обрабатывается вольными людьми — половинками и десятинниками (мергитами). Нѣтъ сомнѣнія, что живительная энергія, обнаруженная Византійю въ борьбѣ съ Арабами и Болгарами, находится въ связи съ этимъ приливомъ новыхъ силъ, съ улучшеніемъ экономическихъ основъ государственнаго быта. Но и новому или вновь усилившемуся крестьянскому сословию и крестьянской общинѣ грозили многообразныя опасности. Византійское государство было проникнуто преданіями римскаго права. Оно могло держаться только постояннымъ напряженіемъ народныхъ силъ, находившихся въ его распоряженіи. Оно всегда налагало на своихъ подданныхъ сложный и крайне тяжелый грузъ прямыхъ и косвенныхъ

¹⁾ Въ 668 году Юстиніанъ II^р переселилъ изъ Славніи въ Виеннію такую массу Славянъ, что изъ среды ее могъ быть набранъ военный корпусъ въ 30 тысячъ человекъ (Theoph., p. 557, 561). Въ 762 году въ Азію добровольно выслана олавянская колонія, численность которой доходила до 208,000 человекъ (Theophan., p. 667., Nicephori patr. Breviar. p. 74). Между тѣмъ численность Весть-Готовъ, поселившихся въ южной Галліи, опредѣляется приблизительно не болѣе какъ въ 300,000 человекъ (См. *Dahn*, Die Könige der Germanen, VI, 50), а касательно Вургундовъ мы имѣемъ одну только цифру въ 80,000 человекъ, способныхъ носить оружіе (арматорумъ), относимую нашими источниками къ 370 году. Дѣлая на, основаніи этой цифры расчетъ для 413 года, для времени перваго утвержденія Вургундовъ въ Галліи (на Рейнѣ), мы придемъ относительно общей цифры (всей ихъ массы) почти къ тѣмъ же самымъ 300,000 человекъ (мужеска и женска пола). См. *Alb. Jahn*, Gesch. der Burgundionen, I, 243, 252, 332.

податей, постоянныхъ и экстраординарныхъ повинностей. Когда они перечисляются въ императорскихъ жалованныхъ грамотахъ, то филологъ приходится въ недоумѣніе предъ изобиліемъ непонятныхъ для него техническихъ выраженій; не менѣе подивился бы и экономистъ изобрѣтательности византійскихъ приказовъ и выносливости народной массы. И здѣсь положеніе было таково, что отдѣльный членъ общины охотно покидалъ иногда свой участокъ и предпочиталъ сѣсть „присельщикомъ“ (*κάρικος*, парикомъ) на чужой землѣ, въ помѣстьи богатаго земледѣльца. Вълѣдствіе давности (тридцатилѣтняго пребыванія на одномъ мѣстѣ) онъ легко превращался опять въ крѣпкаго землѣ челоуѣка. Съ другой стороны, дѣля общины болѣе или менѣе добровольно отдавали себя подъ защиту людей сильныхъ, отказываясь отъ своей свободы и независимости. Положеніе остальныхъ вольныхъ крестьянъ отчасти характеризуется тѣмъ названіемъ, которое утвердилось за ними въ X вѣкѣ, въ періодъ Македонской династїи. Они постоянно именовались „бѣдными“ или „убогими“ людьми (*πένυτες*), точно такъ какъ у насъ въ Московскій періодъ ихъ себѣ братья именовали себя „сиротами“. Выразеніе „убогіе“ употребляется въ сословномъ смыслѣ, подобно однозвучащимъ терминамъ въ западной средневѣковой Европѣ (*pauperes*, аглие *Leute*); законъ различаетъ иногда среди этихъ „убогихъ“ состоятельныхъ и несостоятельныхъ, бѣдныхъ и богатыхъ людей. Но конечно, это не даетъ намъ права заключать, что положеніе „убогихъ“ было вообще хорошо, и что крестьяне назывались убогими и бѣдными потому, что они были зажиточны. Терминъ все-таки выразительно указываетъ на общее дряхло и на существо дѣла.

Словомъ бѣдныхъ или убогихъ противопоставляется въ Македонскій періодъ многочисленное и если не въ политическомъ, то въ социальномъ отношеніи могущественное сословіе „людей сильныхъ“ (*δοῦλοί*), магнатовъ, или заимствуя выраженіе изъ славянскаго быта, развившагося подъ наибольшимъ вліяніемъ Византїи, влаетелей.

Прежде всего это суть, конечно, тѣ же самые архонты и ктиторы, о которыхъ мы говорили выше, то-есть, старинная провинціальная аристократія, нѣкогда заправлявшая дѣлами городскихъ общинъ. Политическое значеніе ея давно уже было затемнено развитіемъ имперской централизаціи. Наконецъ, императоръ Левъ Мудрый уничтожилъ послѣдніе остатки муниципальнаго самоуправленія. Закрывъ городскіе сенаты (курїи, *βουλευτήρια*) и отмѣнивъ всякіе выборы муниципальных властей, такъ какъ такіа учреждения, по выраженію царскаго

увага, не соответствовали существующему порядку вещей, при котором обо всемъ нечется самъ императоръ¹⁾, Левъ Мудрый провозгласилъ имѣть съ тѣмъ окончательное торжество бюрократіи и нанести дѣйствительный смертельный ударъ политическому значенію стариннаго провинціального дворянства. Экономическое значеніе этого сословія было подорвано круговою отвѣтственностію предъ казною за правильное и бездомогочное поступленіе податей и тамскими бѣдствіями, сопровождавшими нашествія Готовъ, Аваровъ, Ново-Персовъ Сассанидской державы; наконецъ оно было убито большими славянскими переселеніями VII вѣка, которыя несомнѣнно сопровождались экспропріаціей въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Многія прежнія латифундіи превратились, конечно, въ крестьянскія славянскія общинныя земли. Но какъ, не смотря на всѣ неблагоприятныя обстоятельства, уцѣлѣли до воздѣйствія времени греческія митрокоміи, точно такъ, нужно думать, удержалась отчасти и прежняя землевладѣльческая аристократія на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Юридическіе памятники позднѣйшаго времени, X и XI вѣвѣтъ, прямо поминаютъ, что помимо чиновной служилой аристократіи — воеводъ, судей, сборщиковъ податей, епископовъ и игуменовъ, въ провинціяхъ существуетъ туземная мѣстная аристократія, всегда старавшаяся удержать право патроната надъ остальнымъ народонаселеніемъ. Въ новеллахъ Юстиніана нерѣдко говорится о „властелинѣ“ (*domator*), о домахъ „властельскихъ“ (*отхо domatō*); магнаты представляются намъ съ свитою оруженосцевъ, они окружены кліентами и стремятся подчинить другихъ несправедливымъ притязаніямъ своего властелина²⁾. Эта провинціальная аристократія, съ притязаніями на древность и благородство происхожденія, продолжаетъ заявлять себя и въ послѣдующихъ столѣтіяхъ. Въ агиографическихъ памятникахъ, подобныя житію Филарета Милостиваго (жилъ во второй половинѣ VIII вѣка), рисуется намъ картина помѣщичьяго быта въ отдаленной Пафлагонской глуши: „сынъ дѣлателя нѣкогого, по мѣстѣхъ старѣйша суща“, имѣеть „имѣніе отъ рукъ рабъ своихъ, благороденъ сынъ“; онъ беретъ собѣ жену „рода благородна и богата“ и самъ ведетъ свое хозяйство, пока не разоритъ его сарацинское нашествіе. Данилида, богатая вдова изъ Пелопоннеса, оказавшая щедрую помощь родоначальнику Македонской династіи Василию I въ предчувствіи его

¹⁾ Novell. Collect. II, № 46, 47; *Zachariae, Jus Graecorom.*, III, 188, 189.

²⁾ Novell., 17, 28, 30.

будущаго вѣдѣнія, принадлежала, но видимаго, изъ тому же сословію ¹⁾. Въ историческихъ сочиненіяхъ XII вѣка; напримѣръ у Никифора Вриеннія, мы встрѣчаемъ указанія на то, что изъ славянскихъ и сирійскихъ городахъ старые архонтскіе роды даже несомнѣнно утратили и свое политическое значеніе ²⁾. Само собой разумѣется, что изъ среди той же самой землевладѣльческой аристократіи восполнялись всегда и сословіе придворной, служилой и бюрократической аристократіи, тѣмъ болѣе что всѣ должности, за исключеніемъ высшихъ правительственныхъ, сами и не были сомнѣнно продажны, то во всякомъ случаѣ сопровождались при пожалованіи вѣдѣніями по тарифу, который въ X вѣкѣ былъ весьма высокъ ³⁾. Впрочемъ, можно было покупать не только дѣйствительныя должности, но и одни наименованія ихъ безъ дѣйствительнаго исполненія службы, обозначаемой наименованіемъ; то есть — продавались титулы. Это обстоятельство облегчало путь землевладѣльческому архаическому классу для вступленія въ ряды новой чиновничьей и титулованной аристократіи. При Романѣ Лацарикѣ обнаруживается, что многіе архонты пелопоннесскіе успѣли приобрести отъ правительства разнаго рода почетныя чиновническіе титулы, превратившись въ протоспадаріевъ ⁴⁾. Исключительно и замкнутою эта землевладѣльческо-чиновная аристократія, которая именно и соответствовала сословію владѣтелей, никакъ не была. Не говоря о разнаго рода императорскихъ любимцахъ низкаго происхожденія, законодательныя намѣтки X-го столѣтія показываютъ, что нерѣдко изъ среди „убогихъ“ и бѣднѣхъ, то есть, изъ среди крестьянскихъ общинъ выходили люди, становившіеся владѣтелями. Стоило только „убоному“ получить первый повелѣнный чинъ, онъ уже выдѣлялся изъ своей среды и стремился обогатить свое новое положеніе экономическими путями: для этого нужно было не только выйти изъ общины, но и приобрести самостоятель-

¹⁾ De Basilio Macedone (біографія Василія, написанная Константиномъ Багрянороднымъ). Theophan. Contin. (Vonn.), pag. 227, 228: Τῆ κατὰ τοὺς αἰῶνας ἐκείνους ἐγυρεύει καὶ κλωσιστάτη γυναικί καὶ τ. п. Дубоуцко, что Василій долженъ былъ заключить союзъ духовнаго братства съ еяномъ, Данцидомъ.

²⁾ Niseph. Bryenn, pag. 88: περί τῆν πόλιν δυναμένους ἐκάλεϊ πρὸς βουλὴν... πρὸς τοὺς ἀρχόντας δὲ μοι ὁ λόγος; pag. 96: τὸ δὲ τοὺς ἀρχόντας ἐθεράπευσεν.

³⁾ Porphyrog. de ceremon., II, cap. 49.

⁴⁾ De administ. Imper., cap. 50 (pag. 134. Paris): τῆς ἀπορίας γενόμενης καὶ στασιῆς παρὰ τοῦ πρωτοπαδάρου Βάρδα τοῦ Πλατοπῆλῆ καὶ τῶν ἀμορρόνων αὐτοῦ πρωτοπαδάρων καὶ ἀρχόντων.

ный учетокъ земли, отдѣльно записываемый въ податной или писцовой книгѣ (ιδιοκτηρίων), что именно и было признакомъ нѣкоторымъ образомъ аристократическаго землевладѣнія. Откуда же можно было взять такой учетокъ? Если экономическое положеніе, наслѣдованное отъ предковъ, помогало прежней землевладѣльческой аристократіи арменовъ и египтянъ приобрести византійскія должности и чины, занять мѣста въ рядахъ чиновнической и придворной аристократіи, то и наоборотъ, всякій новый чиновникъ византійскаго приказа (ἀσκράτωρ), опираясь на свое служебное положеніе, вслѣдствіемъ правды и неправды добивался того, чтобы быть помѣщикомъ и землевладѣльцемъ и болышею частію достигалъ своей цѣли. Кратко сказать: землевладѣлецъ хотѣлъ быть дѣйствительнымъ или титулярнымъ чиновникомъ, чиновникъ стремился быть землевладѣльцемъ. Этими путемъ произошло сліяніе старыхъ и новыхъ элементовъ, уцѣлѣвшихъ: архонтскихъ родовъ и вновь выслужившихся и разбогатѣвшихъ фамилій; въ одно болышее сословіе „властелей“. Безъ поддержки и притока служилыхъ чиновничьихъ элементовъ прежняя землевладѣльческая аристократія едва ли успѣла бы сохранить то значеніе и особенно ту численность, съ которыми является сословіе властелей.

Вотъ это — то сословіе властелей, почти совсѣмъ лишенное какого-либо политическаго значенія, утратившее всѣхъ преданія о муниципальномъ самоуправленіи, безсильное и рабское по отношенію къ центральной власти, и является въ X вѣкѣ опаснымъ врагомъ крестьянскихъ общинъ, малаго крестьянскаго землевладѣнія. Оно ложилось на массу населенія двойнымъ бременемъ: не только вымучивало отъ имени государства, въ званіи всеводъ (стратиговъ), писцовъ и девержановъ, протонотарьевъ — государственныхъ подати и повинности, но и дѣйствовало въ свою собственную пользу, прикрываясь пошлыми титулами, цѣну которыхъ все-таки слѣдовало вернуть въ продолженіи данъ можно болѣе краткаго срока. Государственное жалованье, причисленное должностямъ, представляло только проценты на внесенную при полученіи должности сумму; оплачиваемая жалованьемъ должность была своего рода помѣщеніемъ капитала съ цѣлю полученія ренты. Но проценты были недостаточны высоки, а притомъ многіе ограничивались покупкой однихъ чиновъ и титуловъ безъ жалованья. Довольно оборотливый Грекъ рѣдко руководился при этомъ однимъ честолюбіемъ; онъ надѣялся вернуть свое другимъ путемъ; онъ полагалъ, что взносовъ двѣнадцать литръ, чего стоилъ титулъ про-

тошварія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ приобреталъ нѣкоторыя полномочія въ отношеніи къ „убогимъ“ и къ инымъ крестьянскимъ участкамъ. Жадность къ стяжанію, своекорыстіе, безсовѣстная готовность на всякій обманъ и беззаконную продѣлку составляли общую и характеристическую принадлежность сословія владѣльцевъ, по свидѣтельству самихъ византийскихъ государей X столѣтія. Дѣйствовали, конечно, помимо нравственныхъ и общія социальныя условія, обозначаемыя на языкѣ экономической науки выраженіями: „притягательная сила крупнаго землевладѣнія“, „отсутствіе правильнаго и хорошо устроеннаго поземельнаго кредита“ и т. п. Какъ бы то ни было, X вѣкъ по Р. Х. есть, по видимому, тотъ критическій періодъ въ византийской исторіи, когда преобразовывалась владѣльческая аристократія, то-есть, другими словами, относительно крупная поземельная собственность вела наиболѣе яростное нападеніе, наиболѣе упорную осаду противъ подрываемаго въ теченіе предыдущихъ вѣковъ сословія свободныхъ крестьянскихъ землевладѣльцевъ, противъ крестьянской (славянской) общины. Прежде владѣльческая аристократія не была довольно сильна: для этого, а въ XI вѣкѣ борьба отчасти развилась торжествомъ одной изъ сторонъ, отчасти была приостановлена внѣшними событіями.

На Западѣ такой періодъ прошелъ нѣсколько ранѣе. Вѣкъ борьбы крупной поземельной собственности съ мелкими землевладѣніемъ было тамъ VIII и отчасти IX столѣтіе, время государей Каролингской династіи.

Въ странахъ, сокранивнихъ, подобно Галліи, значительное романское населеніе и римскій социальный строй, исходяю точкой экономического развитія были тѣ же латифундіи и виллы, принадлежавшія большимъ собственникамъ, вслѣдствіе раздробленія большихъ участковъ по третямъ (tertiatio) въ пользу германскихъ поселенцевъ, имѣвшихъ характеръ этого землевладѣнія только на короткое время. Новые болѣе мелкіе участки опять слились въ крупныя, пропали въ крупности землевладѣнія — хотя, конечно, не безслѣдно, такъ какъ крупная поземельная собственность восторжествовала не путемъ прямого поглощенія болѣе мелкихъ участковъ, а путемъ ихъ условнаго водичивенія, образованіемъ такъ называемыхъ зависимыхъ отношеній. Даже и въ такихъ странахъ, которыя болѣе густо и почти сплошь были заняты германскими поселеніями, процессъ разложенія германской общины (марки) и превращенія общиннаго устройства въ помѣстное (Hofverfassung) совершался въ то же самое время, то-есть, при Каролингахъ.

Тамъ этотъ процессъ совершился вдали отъ глазъ центральной власти; отъ начинался видѣніемъ между полноправными владѣльцами первоначальныхъ почти одинаковыхъ и равныхъ поземельныхъ надѣловъ — болѣе предприимчивыхъ людей, которые умѣли, не выходя изъ общинной связи, положить начало своему большому хозяйственному благосостоянію — распашкою дѣла, поднѣтіемъ нови, то-есть, обновленіемъ своего частнаго хозяйства неподалеку отъ общиннаго поля. Въ смыслѣ древнихъ германскихъ правдахъ признаются тавія распашки частною собственностію отдѣльныхъ членовъ общины. Здѣсь находилась для дѣятельныхъ и предприимчивыхъ людей исходный пунктъ для пріобрѣтенія экономическаго преобладанія, для хозяйственнаго подчиненія себѣ другихъ членовъ общины, а мало по малу и цѣлой общины; разныя несчастія и нерѣдкіе голодные годы помогали такому ходу дѣла и ускорали процессъ; достиженіе правительственными должностей графа или центенара (сотника), предоставившихся преимущественно мѣстнымъ землеуладѣльцамъ, служило на этой первоначальной ступени подспорьемъ для экономическихъ стремленій. Дѣло кончалось тѣмъ, что вся община подчинялась одному изъ своихъ членовъ, который собственно и не выступалъ изъ нея. Правительство только тогда замѣтило указанный процессъ, когда уже дѣянія его стали опущаться въ области политической организаціи, когда землеуладѣльцы начинали превращаться въ приверженныхъ чиновниковъ государства, а социальная сила недвижимаго имущества — въ политическую силу, довершая въ то же время при помощи этой послѣдней свою побѣду надъ маркой, надъ крестьянскою общиною; однимъ словомъ, замѣтило воздѣло. Калитупларій Каролинговъ начинаетъ заниматься на личничество людей сильныхъ, которые отнимаютъ землю у бѣдныхъ (pauperes), даже лишаютъ ихъ личной свободы. Образцомъ можетъ служить калитупларій 805 года:

De oppressione pauperum liberorum hominum, ut non fiant a potentioribus per aliquod malum ingenium contra justitiam oppressi, ita: ut coacti res eorum vendant aut tradant. Ideo haec et supra et hic libere hominibus diximus, ne forte parentes contra justitiam fiant exhereditati, et regale obsequium minuatur, et ipsi heredes propter indigentiam mendici vel latrones seu malefactores effiantur.

Или же калитупларій 811 года: *Pauperes se reclamant expoliatos esse de eorum proprietate et hoc aequaliter clamant super episcopos et abbatas et eorum advocatos et super comites et eorum centenarios. Dicunt etiam, quod quicumque proprium suum episcopo, abbati vel co-*

mihi aut iudici vel centenario dare poterit, occasiones quaerunt super illum pauperem, quomodo eum condemnare possint et illum semper in hostem faciant ira, usque dum pauper factus, volens volens suum proprium tradat vel vendat.

Извѣстно, впрочемъ, что серьезной и рѣшительной борьбы противъ возникающей феодальной аристократіи, о злоупотребленіяхъ которой здѣсь говорится, не было предпринято государственною властію. Политика Каролинговъ состояла въ томъ, чтобы воспользоваться вновь выросшею соціальною организаціей для цѣлей государственныхъ, чтобы ввести магнатовъ въ рамки государственнаго строя и чрезъ нихъ вновь привлечь къ службѣ усволяющіе отъ его прямого вліянія низшіе элементы населенія. Секуляризація церковныхъ имуществъ, сеніоратъ и вассальность должны были служить такой цѣли. Средства эти удались только отчасти и временно, а въ сущности привели къ превращенію государственнаго строя, все-таки основаннаго на союзѣ подданныхъ, на обществѣ подчиненія свободныхъ людей одному государю, въ строй феодальный съ его іерархическою лѣстницей зависящихъ отношеній.

Дробнѣйшую аналогію съ жалобами и увѣщаніями веролическихъ канитуляріевъ представляетъ законодательство императоровъ Мавдонской династіи въ X вѣкѣ, направленное въ защиту „убогихъ“ противъ „власадей“. Благодаря другому положенію людей и большей силѣ центральнаго авторитета, благодаря непрерывности римской имперской традиціи, которая здѣсь была еще менѣ нарушена, чѣмъ на Западѣ, въ Византіи не могло быть и рѣчи о какомъ-либо раздѣлѣ правительственныхъ и политическихъ правъ власти. Вооруженные старыми государственнымъ преданіями, Византійскіе императоры гораздо яснѣе и строже понимали свои обязанности въ отношеніи ко всѣмъ подданнымъ и прямо провозглашали, что власть монарха есть общее всѣмъ благо, и что защита слабыхъ и бѣдныхъ противъ сильныхъ и богатыхъ есть ея первѣйшій долгъ. Помимо этихъ идеальныхъ воззрѣній, дѣйствовали, конечно, съ не меньшимъ успехомъ, побужденія реальныя и грубыя. Чѣмъ безграничнѣе была власть восточныхъ автократовъ, тѣмъ болѣе давала она простора ихъ личному произволу, тѣмъ они были ревнивѣе въ охраненіи ея. Чѣмъ безраздѣльнѣе они пользовались ею, тѣмъ болѣе были чужды во всякой опасности, грозившей со стороны какихъ-либо аристократическихъ элементовъ. Наконецъ, и суровыя требованія государственности, поставленной въ необходимость постоянно отвѣщаться отъ тѣнѣншихъ

гося со всѣхъ сторонъ варварства, подкапывали именно болѣе разумныхъ и энергическихъ государей, что никакъ не слѣдуетъ выпускать изъ своихъ рукъ безпримѣтно и непосредственнаго распорядка: народными силами, водатными и военными, и что отдавать крестьянскія общины въ жертву крупнымъ землевладѣльцамъ и вообще властелинъ значить подрывать основы государственной безопасности извнѣ и собственнаго могущества внутри. Однимъ словомъ, византійскіе государя Македонскаго дома лучше, чѣмъ западные ихъ предшественники, поняли вредъ, который пронесялъ для государства отъ уменьшенія количества мелкихъ поземельныхъ владѣтелей, а также и опасность, которая грозила бы ихъ власти и династическимъ интересамъ отъ излишняго усиленія влательскаго фамиліи. По внѣшне-хронологическому счету ихъ законодательство, охранявшее неприкосновенность крестьянскихъ общинъ, относится, конечно, къ болѣе позднему времени, чѣмъ императори Карамниговъ, осланивающія бѣдственное положеніе западныхъ „убогихъ“ (разроста). Не принимая въ расчетъ внутреннюю хронологию, мы должны представлять себѣ дѣло иначе. Такъ какъ возрожденіе греко-римскаго христианскаго востока приливомъ сѣвнскихъ славянскихъ элементовъ произошло по крайней мѣрѣ на два вѣка позже, чѣмъ соответствующее явленіе въ западной исторіи, то и дальнейшее; отсюда развивавшіяся факты внутренней жизни отстаютъ на значительный промежутокъ времени въ одной исторіи противъ другой. Крестьянская славянская община на византійской почвѣ явилась несдѣе, чѣмъ германская мѣрка на западно-римской: точно также и крикъ, грозившій ея существованію, наступилъ для нея несдѣе. Но этотъ крикъ былъ здѣсь задрченъ и задрченъ болѣе своеобразно. Разныхъ образомъ и мѣры, которыя употреблялись со стороны государственной власти, съ цѣлію удрчешія и башенія, были, несомнѣнно, гораздо дѣйствительнѣе и рѣшительнѣе на востокѣ, чѣмъ на западѣ, хотя, конечно, останется вопросъ: устраненіе временно одну опасность, не удрчешія ли онѣ въ органики новаго другого недуга? Эти мѣры отчасти указаны были старыми преданіями Римскаго государства. Еще Юстиніановы юристы обращали вниманіе на опасности, которыя пронекаютъ для мелкой поземельной собственности отъ сосѣдства съ сильнымъ человекомъ: 1). Въ Юстиніановомъ кодексѣ прямо запре-

1) См. схолию Basilic. Lib. XII, tit. 1, cap. 50. (Heslovsk, I, 750). Члоче ѣѣ соото

идется провинціальнымъ областнымъ правителямъ дѣлать какія-либо покупки и вообще пріобрѣтенія въ управляемыхъ ими областяхъ ¹⁾. Послѣ запрещеніе это было хотя и несовсѣмъ отменено, но все-таки смягчено и ослаблено императоромъ Львомъ Мудрымъ. Онъ постановилъ, что только самъ воевода (στρατηγός) не можетъ ни въ какомъ случаѣ дѣлать пріобрѣтеній въ находящейся подъ его управленіемъ провинціи (темѣ), а всѣмъ низшимъ подчиненнымъ чинамъ это дозволяется по усмотрѣнію областнаго начальника, разрѣшенія котораго слѣдуетъ испрашивать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. ²⁾ Такимъ образомъ, уничтожена была единственная, впрочемъ, не особенно дѣйствительная преграда, мѣшавшая влестелѣмъ захватывать имущества бѣдныхъ. Какъ прежде, такъ и теперь, ограниченіе свободной купли относилось только ко времени исправленія должности, такъ что и самъ воевода, сложивъ съ себя самъ или перейдя въ другую провинцію, имѣлъ возможность объявить себя послѣ помѣщикомъ въ прежней своей провинціи. Вотъорыхъ, теперь, такъ и прежде, ограниченіе касалось только административныхъ чиновниковъ, а не всѣхъ сильныхъ людей, не всѣхъ вообще влестелей. Вѣрно то, что новелла Льва Мудраго болѣе широко раскрыла дверь всяческимъ неблаговиднымъ злоупотребленіямъ чиновниковъ. Но въ сущности дѣло было совсѣмъ не въ этихъ однихъ злоупотребленіяхъ. Если чрезъ нѣсколько времени обнаружилась особенно усиленное стремленіе влестелей вторгаться въ крестьянныя общины, то вѣроятно, только въ самой малой степени тутъ виновато было постановленіе императора Льва, ослабившее и безъ того не крѣкую плотину. Соответственно тому, когда преемники Льва VI сознали необходимость выступить на защиту малой земельной собственности, то они прибѣгли не въ простой отиѣнн его постановленія, а стали распространять запрещеніе пріобрѣтать крестьянскіе участки на гораздо большее число лицъ: свѣтскаго и духовнаго званія, на всѣхъ вообще влестелей, и стали обставать эти свои запреты новыми весьма рѣзкими и суровыми угрозами, — и отчасти принимать мѣри, своимъ радикализмомъ и рѣшительностію даже превосходившія общія угрозы закона. Наморъ

πρῶτος καὶ δευτῶς, μὴ πως εἰς δυατὸν εἶθαι πρόσωπον, καὶ μετὰ ἀδικίαται πρὸς δρῶν καὶ ἐτέρων τιῶν διὰ τὴν τοῦ παραχεντημένου ἰσχύος.

¹⁾ L. un. C. de contract. iudicium I, 53 (Ed. *Kröger*, pag. 158). Provincias vero moderantibus non solum donationes sed etiam emptiones quarumcumque mobilium vel immobilium rerum — penitus interdicimus.

²⁾ Novell. 84. *Zacharias*, Jus Gæcorum., III, 180.

со стороны крупнаго владѣльскаго землевладѣнія противъ общиннаго крестьянскаго былъ такъ силенъ и такъ продолжителенъ, что, конечно, онъ не могъ быть выванъ однимъ неважнымъ измѣненіемъ въ гражданскомъ законодательствѣ; за те онъ не могъ быть и оставленъ какому-либо однимъ новымъ строгимъ закономъ, а потребовалъ долгой борьбы со стороны власти, вооруженной самою неограниченною свободою въ выборѣ средствъ.....

Въ тѣсной связи съ крестьянскимъ землевладѣніемъ, по своему характеру и по своимъ судьбамъ, накладываются такъ-называемыя воинскіе участки или военно-помѣстное землевладѣніе (*stratiaticis terris, straticotonia*). Установленіе ихъ восходитъ къ первымъ временамъ Римской имперіи, когда неограниченнымъ отдатамъ, а также и охотникамъ изъ среды чуждыхъ варварскихъ народностей, вмѣсто жалованья и платы были отданы земли на границахъ государственной территоріи (*terrae limitaneae vel castellanicae*), а отчасти и внутри ея—съ обязательствомъ военной службы, или въ частности, пограничной защиты. Ветераны также получали такого рода участки съ условіемъ, что дѣти ихъ, подобно отцамъ, будутъ отбывать военную службу. Такія земли вообще не могли быть свободно отчуждаемы, а должны были переходить къ дѣтямъ, равно жель и къ другимъ наследникамъ, не иначе какъ вмѣстѣ съ лежанцею на нихъ воинскою повинностію. Обычай отводить стратиотамъ воинскіе участки существовалъ и въ царствованіе Юстиніана ¹⁾; вѣроятно даже, что вследствие постройки или возобновленія въ этотъ періодъ многихъ новыхъ и старыхъ крѣпостей и сторожевыхъ пунктовъ на границахъ и въ горныхъ проходахъ (клинсурахъ), онъ получилъ новое развитіе. Итакъ, не было никакой нужды придумывать весьма странную теорію о переходѣ на Востокъ германской ленной системы и о полномъ развитіи ея на византійской почвѣ въ IX и X вѣкахъ. Войны, которыя Юстиніанъ велъ противъ Готовъ за обладаніе Италіей, никакъ не могутъ служить къ объясненію путей, которыми получено было это нинее заимствованіе, тѣмъ болѣе, что въ данное время и самыя варвары-Германцы не имѣли ленной системы ²⁾. Воинскіе участки, о которыхъ идетъ рѣчь въ новеллахъ императоровъ Македонской династіи, суть старое римское учрежденіе, пришедшее, правда, въ упа-

¹⁾ L. 2, 3. C. de fundis limitrophis, II. 60.

²⁾ Здѣсь мы имѣемъ въ виду разсужденія Гфререра (Gfrörer) въ третьей части его: *Byzantinische Geschichten*.

доть въ продолженіи VII вѣка и въ скучныя времена безмяткы славянскихъ поселеній. Въ X столѣтіи оно снова дѣлается предметомъ заботъ для окрѣпшей центральной власти. Военскіе участки приходилось защищать противъ тѣхъ же самыхъ враговъ, которые проявили уничтоженіемъ крестьянскому землевладѣнію. Опасность приходила со стороны властелей, которые стремились скупать военскіе помѣстья точно также, какъ и крестьянскія поля. Едва ли слѣдуетъ предполагать при этомъ какія-либо особыя политическія побужденія со стороны византійской чиновничьей аристократіи. Тѣ, которые откидываютъ западно-европейскіе порядки, на византійской почвѣ, полагаютъ, что властели и магнаты, приобретаая военскіе участки, стали съ нихъ царскихъ ленниковъ, а сѣжали на нихъ эмфитеотоу своихъ людей, своихъ ленниковъ, вслѣдствіе чего возникла, будто бы, настоящая феодальная связь и сословіе имперскихъ князей (Reichsfürstenthum) самаго дурнаго качества ¹⁾. Византійскіе магнаты, конечно, могли иногда вооружить крестьянъ, сидѣвшихъ на ихъ земляхъ, а также личную свою свиту и прислугу, и такимъ образомъ выставить довольно значительное ополченіе; но въ этомъ никакъ нельзя видѣть признаковъ существованія какого-либо класса вассаловъ, и подвассаловъ, обязанныхъ нести за свои участки рыцарскую службу и связанными съ землевладельцемъ общими взаимной вѣрности. Идея такой связи между свободными людьми, всегда оставалась чуждою Византійцамъ; тѣмъ менѣе могли тамъ упрочиться на слѣдствіи отклоненія означеннаго рода. Во всякомъ случаѣ, если и существовали у греческихъ властелей, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, феодальныя стремленія, то они не могли достигнуть развитія и полнаго осуществленія, вслѣдствіе бдительнаго наблюденія со стороны центральной власти. Прежде чѣмъ перенести свои притязанія на политическую почву, властели должны были восторжествовать на экономической или социальной. Но именно здѣсь-то, въ первой стадіи своего развитія, они были застигнуты энергическими мѣрами монархической власти, взявшей подъ защиту и крестьянскую общину, и военскіе участки. Македонская династія не безъ усгѣха вела борьбу съ мусульманскими міромъ въ Сиріи и Малой Азіи, поименованныхъ превратностей въ отношеніяхъ къ Византіи и Славянамъ въ Европѣ; она должна была держать всегда наготовѣ по крайней

¹⁾ Gfrörer, Byzantin. Geschichte, III, 27.

мѣрѣ 130 тысячъ тоговаго вѣсѣна ¹⁾. Понятно, что земля было отдана въ жертву корыстолюбивой жадности чиновниковъ и землевладельцевъ не одного округа. Сверхъ того, нужно знать, что, вопреки предположенію некоторыхъ изслѣдователей, воинскіе участки вовсе не были освобождены отъ поземельной подати, такъ что и князя никѣла интересъ въ ихъ охраненіи. Византійскіе стратиохи, служащіе и оставшіе в д. о. м. и мѣ. были свободны отъ разныхъ натуральныхъ повинностей: новоса, постройки мѣстовъ, дорогъ и укрѣпленій, и т. д., такъ что они должны были получать денежное вознагражденіе, если въ случаѣ нужды приходилось употребить ихъ на такого рода работы; но прямыя государственныя подати они несли съ своихъ земельныхъ участковъ подобно всѣмъ другимъ подданнымъ имперіи ²⁾. Уже одно это подвергало ихъ всѣмъ тѣмъ напоямъ и бѣдствіямъ, какими давали себя чувствовать населенію византійскіе сборщики податей, писцы и доверщики. „Стыжусь сказать“, пишетъ авторъ одного воинскаго трагедіа, жившій въ концѣ X вѣка, — „стыжусь это сказать: люди, вторые по дорожкамъ своему жизнію ради службы благочестивымъ великимъ царямъ и ради свободы христіанъ, такіе люди не рѣдко подвергаются даже тѣлеснымъ побоямъ — и отъ кого? отъ лодниковъ, служащихъ по сбору податей (καρὰ φορολόγων ἀνδρακάριον), которые не приносятъ никакой пользы обществу, а угнѣтутъ только пригнѣтать и давить „убогихъ“ (τοὺς πένητας), извлекать изъ неправды, изъ многой и ровыя убогихъ многія таланты золота для себя самихъ... Въ свою очередь и областныя суды (гражданскіе правители) не должны подвергаться воинновъ безчестию, волочить ихъ и бить, какъ рабовъ, налагать на нихъ (накой позоръ!) цѣпи и колоды и т. д.“ ³⁾... Такого было положеніе многихъ византійскихъ ланитовъ! Послеъ этого нѣтъ старовится тѣмъ понятнѣе, что госу-

¹⁾ Столько считаетъ въ византійской арміи на основаніи довольно точныхъ, основанно, свидѣній арабскій писатель Ибн-Хордадбѣкъ: *Le Livre des routes et des royaumes (Barbarie de Mesouré en l'Asie Mineure)* 1866, pag. 481) Ср. *Cramer, Kulturgeschichte des Orients*, I, 245.

²⁾ Leonis Philosophi *Tactica Constit.*, XX, § 71.... Ἀρκαὶ γὰρ αὐτοῖς τελεῖν τοῦς τε δημοσίους φόρους καὶ τὰ ἐπιχειρήματα αὐτοῖς ἀεὶ κτλ., καὶ μηδὲν ἄλλο κατὰβάρησθαι. Ἐὰν δὲ ἡ καθ' ἑαυτοῦ γένηται — — — ἢ ἀνάγκη τις ἴσθαι τῶν δημοσίων διοικήσεων, καὶ οὐκ ἔπαρκαί εἰς κατὰ τόπον δημοσίων, δια μισθοῦ ταῦτα ἀρτᾶσθαι. Ср. *Constit.* IV, § 1.

³⁾ De velitatione bellica *Nisephorae Phocae*, cap. 19. (При Воинскомъ ладаніи Льва Діакона), pag. 239, 240.

дарственной власти приходилось принимать официальные мѣры для защиты военного землевладѣнія и от злоупотребленій власти, и от собственной готовности владѣльцевъ освободиться отъ своихъ участковъ путемъ продажи ихъ лицамъ другого сословія. Довольно важны и отчетливы свѣдѣнія о военныхъ помѣстьяхъ находимъ мы въ сочиненіи Константина Багрянороднаго о придворныхъ образахъ (L. II, сар. 49). Отсюда мы видимъ, что въ X вѣкѣ особенное значеніе имѣли двоякаго рода помѣстья (τόποι)—конныя и морскія. Вслѣдствіе постоянной и непрерывной борьбы съ Арабами и Сарацинами, которые все еще оставались вѣрными набаднической системѣ войны, и Византіянамъ приходилось заботиться о развитіи и поддержаніи легкой, а послѣ и тяжелой конницы. Участокъ земли въ пять и минимумъ въ четыре литры считался, по свѣдѣтельству сейчасъ указанного источника, достаточнымъ для содержанія коннаго стратега. Обыкновенный участокъ простого перьяна имѣлъ цѣнность трехъ литръ и т. д. Другія подробности, которыя здѣсь находятся, также пригодятся вамъ при объясненіи новыхъ постановленій о военныхъ участкахъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, мы можемъ теперь перейти къ главной задачѣ нашей статьи. Она состоитъ, съ одной стороны, въ изученіи мѣръ, которыя были принимаемы византійскими правительствомъ въ защиту крестьянскаго свободнаго и военного землевладѣнія, а съ другой стороны, въ ближайшемъ ознакомленіи читателей съ самыми документами, которые такъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о существованіи своего рода социальнаго вопроса въ Византійскомъ государствѣ X вѣка, но еще такъ мало обращали на себя вниманіе ученыхъ и такъ мало доступны для общаго пользованія и пониманія... Мѣры, которыя были принимаемы императорами Македонской династїи для защиты крестьянскаго и военного землевладѣнія, въ сущности не многосложны и однообразны. Главнымъ образомъ, онѣ заключались въ запрещеніяхъ властелямъ вкупаться въ крестьянскія общины, приобретать участки стратеговъ. Разнообразныя подробности и частныя правила относительно давности, покрывающей неправильное приобрѣтеніе, относительно возвращенія или невозвращенія покупной цѣны или же издержекъ на улучшенія въ имѣніи, сдѣланныхъ властелемъ за время незаконнаго владѣнія и т. п. Конечно, имѣютъ важность, а также интересъ, и эти частности, равно какъ и другія подробности, то-есть, прямыя историческія указанія, разбѣяныя въ относящихся сюда новеллахъ Константина Багрянороднаго, обоихъ Романовъ, Никифора Фоки, и особенно, Василія II.

Но мы не имѣемъ ограничиться извлеченіемъ такихъ частностей и подробностей. Намъ кажется, что будетъ гораздо полезнѣе, если мы постараемся передать содержаніе означенныхъ документовъ какъ можно полнѣе и ближе къ подлинному ихъ тексту съ сохраненіемъ не только общаго разсужденія, которыми мотивируются постановленія и распоряженія, и въ которыхъ выражается взглядъ Византійскихъ государей на свои обязанности, на государственныя задачи и требованія, но по возможности самого тона рѣчи и ея характеристическихъ особенностей. Не легко читаются „новыя заповѣди“ Византійскихъ государей X вѣка въ подлинникѣ; буквальный переводъ чрезвычайно труденъ, почти невозможенъ, и во всякомъ случаѣ былъ бы неудобопонятенъ. Поэтому мы предлагаемъ нѣчто среднее между буквальнымъ переводомъ и свободнымъ изложеніемъ содержанія, приводимъ новеллы, такъ сказать, въ вольномъ переводѣ.

II.

1) Новелла Романа Лакапина 922 года.

Наше обзоріе соціального законодательства Византійскихъ императоровъ Македонской династїи должно начаться съ новеллы, изданной въ 922 году соправителемъ Константина Багрянороднаго, Романомъ Лакапиномъ. Эта новелла состоитъ изъ трехъ статей. Въ первой — рѣчь идетъ о такъ называемомъ „предпочтеніи“ (*κράτισμος*), то-есть, о правѣ преимущественной покупки отчуждаемаго имѣнія известными лицами, находящимися въ особомъ отношеніи къ продавцу (*Verkaufsrecht, Nöhbergrecht*) или о правѣ выкупа. Существовалъ древній законъ, изданный въ 468 году императорами Львомъ и Анеміемъ, по которому никакой посторонній человѣкъ не могъ приобретать недвижимого владѣнія въ такъ называемыхъ митрокоміяхъ, такъ что если какой житель волости (*vicanus*) пожелалъ бы продать свой участокъ, то онъ могъ передать его только жителю той же митрокомїи, записанному въ той же самой писцовой или податной книгѣ¹⁾. Но, по видимому, этотъ законъ, на который дѣлается указаніе въ самомъ началѣ новеллы Романа Лакапина, былъ забытъ и не имѣлъ приложенія. Что же касается 114-й новеллы Льва Мудраго, которая постановляетъ, что каждый можетъ безпрепятственно отчуж-

¹⁾ См. выше примѣч. на стр. 160.

дать свое имущество третьему лицу, при чемъ однакъ всегда въпреддѣленіи жести иѣнцовъ сохранятьъ право выкупа посредствомъ возврата покупщику заключенной имъ сумки, то законность эта не могла подлежать большому сомнѣнію, и подъ древнимъ закономъ и теперь ссылаясь въ самомъ началѣ закона Романа, разумеется и этотъ законъ Льва, а совершенно другая статья касается, вращающаяся въ Василекѣ¹⁾.

„Оуществуетъ древній законъ, по которому нельзя можетъ препятственно со стороны какихъ-либо родичей или соучастниковъ продавать свое имущество, кому только онъ захочетъ. Но существуетъ также другой законъ, по которому нельзя продавать свое собственности кому-либо другому помимо жителей собственной сельской волости (τῆς οἰκίας πληροκέριας). Обращая надлежащее вниманіе на интересы нашихъ податныхъ людей и выходя съ тѣмъ на потребности государственной казны, мы считаемъ нужнымъ исправить противрѣчіе и неопредѣленность прежняго законодательства симъ нашимъ божественнымъ повелѣніемъ. Мы постановляемъ, что отнынѣ въ каждомъ городѣ, въ каждой странѣ или провинціи при продажѣ, отдачи въ вѣчную или во временную аренду земли, дома, виноградника или какого другого недвижимаго имущества—должно имѣть мѣсто право преимущественной покупки, предоставляемое выше упомянутымъ лицамъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Никакое отчужденіе собственности на недвижимыя имущества не должно быть совершаемо иначе какъ съ предварительнымъ заявленіемъ отчуждающаго предъ тѣми лицами, за которыми признается право на преимущественную покупку. При этомъ соблюдается слѣдующій порядокъ: 1) Прежде всего признаются въ покупкѣ родичи, то-есть, такіа лица, которымъ по силѣ родства, по наследству или завѣщанію, владѣть слѣдуетъ участками одного и того же недвижимаго родового владѣнія, составляющаго или составляющаго нѣкогда одно цѣлое (οἱ οἰκίαι συγγενεῖοι συγγενεῖς). 2) Затѣмъ—соучастники, то-есть, лица, которымъ владѣніе покупка съобща (pro indiviso) или другого подобнаго способа пріобрѣтенія владѣютъ однимъ и тѣмъ же общими недвижимымъ имуществомъ, хотя бы оно и было потомъ (послѣ покупки) раздѣлено на отдѣльные участки (οἱ οἰκίας συμπροκαταβέοι καὶ κοινῶν). 3) Далѣе слѣдуетъ сосѣди, которые имѣютъ какіе-либо чересполосные участки среди земель, подлежащихъ продажѣ (οἱ γείτονεσ ἀντικαταβέοι). 4) И

¹⁾ L. 14 C—de contract. IV, 38. Basilic. XIX, 5.

мѣнно только, что она относится въ періоду единодержавнаго правленія Константина VII (945—959 гг.). Константинъ Вагрянородный никогда не былъ военномъ и не любилъ водить своихъ походы въ поле и на битву; но какъ видно изъ этой новеллы, онъ интересовался военнымъ дѣломъ, не только какъ ученый диллетантъ, занятый вопросами о томъ, какими военными машинами и какими военными хитростями брали города и одерживали победы Греки и Римляне; онъ не былъ слѣпъ и глухъ къ начальной современной ему дѣйствительности, хотя, быть можетъ, несомнѣнно безпристрастно всю отвѣтственность за униженіе имперіи въ послѣднихъ столѣтіяхъ съ Болгарами и Арабами готовъ былъ возложить на своихъ ближайшихъ предшественниковъ, Романа Лакапина и его сыновей. Общія мотивы, вызвавшіе обширное и подробное законоположеніе о воинскихъ сухопутныхъ, а также и морскихъ помѣстьяхъ (о которыхъ мы отсюда и получаемъ тонны свѣдѣнія), весьма яркимъ и откровеннымъ языкомъ изложены въ концѣ новеллы. Злоупотребленія, противъ которыхъ она направлена, были въ сущности двоякаго рода: а) военные участки подверглись, подобно крестьянскимъ, поглощенію со стороны крупной собственности, при чемъ властелины пользовались разнаго рода несправедливостями, а иногда и безлечностію стратіотовъ; б) не только собственность, но и личность стратіота не была ограждена отъ насилія и жадности людей сильныхъ, и особенно начальствующихъ, стремившихся превратить слугу государства въ собственного слугу, парня и раба. Противъ первой бѣды утверждается неотчуждаемость военныхъ помѣстій, о которой была уже рѣчь въ новеллѣ Романа Лакапина, и на сей разъ точно опредѣляется, что должно быть разумѣемо подъ воинскимъ участкомъ, и какъ великъ долженъ быть его нормальный объемъ: вмѣсто какой-либо поземельной мѣры эта величина опредѣляется денежною цѣнностію, при чемъ единицею служить литра золота (около 250 рублей), изъ которой выходило 72 номисмы (около 3 1/2 руб.). Далѣе опредѣляется, какъ вступать, если стратіотъ, кромѣ воинскаго помѣстья, имѣетъ другое поземельное имущество, и какому наказанію слѣдуетъ подвергать властелей, покупающихъ участки, вписанные въ военно-помѣстныхъ книгахъ, а также обозначается срокъ давности, прерывающей неправильную покушку и указываются лица, имѣющія право вчинать искъ о возвращеніи и т. д. Что касается злоупотребленій втораго рода, то противъ нихъ новелла вооружается только угрозою денежнаго штрафа и притомъ не очень высокаго.

„Что въ тѣлѣ голова, то въ государствѣ войско; сообразно съ тѣмъ или другими состояніемъ той и другой, все измѣняется (и въ соотвѣтствующемъ организми); кто не прилагаетъ о нихъ большой заботы, тотъ погрѣшаетъ противъ собственной безопасности. Такъ какъ съ теченіемъ времени воинское устройство ослабло, а источники, откуда стратиготы получали средства къ существованію и жизни, сдѣлались болѣе скудными и затруднительными, то наше царство (величество) приняло мѣры для приведенія ихъ въ болѣе благопріятное положеніе, сообразовывая учинить дѣло полезное для всѣхъ.

„Итакъ, мы постановляемъ то самое, что не писанный обычай уже прежде утвердиль—именно, что не позволено стратиготамъ предавать имѣнія, съ которыхъ они отправляютъ воинскую службу (ἐξ ἑνῶν στρατῶν ὑπορτοῦνται), а напротивъ нужно, чтобы для каждой службы (ἐκ ἐκαστῆς στρατῶν) сохранялось недвижимое имущество въ размѣрѣ для всадниковъ въ четыре литры. Къ нимъ мы повелѣваемъ причислять и отдѣленныхъ для флота моряковъ (πλοῦτοι, матросовъ, пловцовъ) Эгейскаго моря, Самоа и Кивирроотскаго округа; потому что они, будучи обязаны сами снаряжать свои суда и ставить на нихъ гребцовъ (αὐτόστολοι καὶ αὐτοῦροι), несутъ тяжелую службу. А тѣмъ, которые служатъ на жалованьи (ἐκὶ ρόγας) въ царскомъ флотѣ (τῶ βασιλικῶ πλοῦμα) и остальнымъ „пловцамъ“ (πλοῦτοι) уже теперь утвердившіяся обычай предписываетъ имѣть для царской службы недвижимаго имущества на двѣ литры, что и намъ кажется достаточнымъ.

„Итакъ, если въ такомъ недвижимомъ владѣніи обрѣтаются люди, внесенные въ списки той или другой воинской службы (τῶν ἐκαστῶ δουλείας), то они должны сохранять не отчуждаемымъ свой участокъ и передавать его по наслѣдству своимъ угодно сообразнымъ съ закономъ способомъ, но только вмѣстѣ съ лежащею на нихъ повинностію. Воинскій участокъ не можетъ быть переданъ ни по наслѣдству, ни по завѣщанію лицамъ, характеръ или положеніе которыхъ не совмѣстны съ военною службою, то-есть, лицамъ „бановнымъ“ (ἐξαρτατικοῖς). Если же помѣстье при переходѣ по наслѣдству подвергнется раздѣлу на неравныя доли, то обязанность должна распредѣляться сообразно съ количествомъ земли, какое получить каждый, то-есть, владѣльцы должны складываться и сообща ставить одного вооруженнаго человека.

„О движимомъ имуществѣ мы не заботимся и владѣльцу представляется распорядиться онымъ, какъ онъ заблагоразсудитъ, лишь бы только много не удалялось въ тоже время недвижимое; ибо въ

такого случая движимое годилось бы для выдворенія убоги въ недвижимомъ.

„Если же стратиотъ окажется владѣльцемъ нѣсколькихъ недвижимыхъ имѣній, такъ что его имущество въ своей совокупности нѣмо превосходитъ необходимое количество одной службы, то и тогда, если все это записано въ воинскихъ спискахъ (*ἐν τοῖς στρατιωτικαῖς κἀδίκῃ ἀπογραφῆσιν*), отчужденіе отдѣльныхъ участковъ не допускается, хотя бы у владѣльца и посаж отчужденія оставалось земли болѣе, чѣмъ на четыре или двѣ литры. Никто не можетъ покупать что-либо изъ такихъ воинскихъ участковъ, въ особенности челоуѣкъ знатный или савонный, митрополитъ, епископъ, или монастырь, или какой другой богоугодный домъ, или властель дѣше до сколарія. Пусть они знаютъ, что не будетъ принимаемо никакого иска съ нихъ стороны для возвращенія уплаченныхъ при покупкѣ денегъ, и что даже не позволено будетъ нѣрѣчи заводить объ надержкахъ и убитьяхъ, салибъ они и нѣмо истратили на улучшение купленнаго. Имъ дозволено будетъ унести только своей строительный матеріалъ, и то безъ ущерба прежнему пользованію имѣнія. Если же не все окажется внесеннымъ въ списки, и стратиотъ имѣеть самостоятельный участокъ (*κτῆμα ἰδιοκτηρίστου*), не подлежащій военной повинности, то владѣлецъ имѣеть право отчуждать его какимъ угодно способомъ, лишь бы только внесенное въ списки недвижимое имѣніе было достаточно для отряженія военной службы. Ибо если оно окажется недостаточнымъ, то получившій отъ стратиота какимъ бы то ни было способомъ это свободную землю обязанъ будетъ восполнить недостатокъ военного помѣстья. Если же имѣнія стратиота еще совсѣмъ не были внесены въ военно-помѣстныя книги (*οὐδὲν ἀκτατορικάκι εἶσι*), то наиболѣе доходная изъ частей, дѣлностью до четырехъ литръ, предполагается подлежащею повинности, и согласно съ вышнимъ предумотрѣніемъ пусть отчисляется къ не отчуждаемому, а остальное позволяется отчуждать¹⁾. Если при этомъ случится, что одинъ ранѣе купилъ (изъ имѣній стратиота) болѣе доходное, а другой послѣ немѣе доходное, и потомъ болѣе доходное, на основаніи вышеозначеннаго пункта, будетъ присуждено къ возврату, то пусть первый покупщикъ имѣеть право старѣй-

¹⁾ Отсюда, по видимому, можно заключить, что воинскіе участки вовсе не были всегда образуемы посредствомъ отвода государственной или казенной земли, а просто объявленіемъ частныхъ земель, находящихся въ рукахъ крестьянъ, военскими.

нинства предъ поддѣйшимъ (ἐχέτω τὰ τῆς προϋψιστίας δίκαια κατὰ τὸ μεταγενεστέρον ὁ προϋψιστέρος). Если же кто, имѣя нѣсколько надлежащихъ имѣній, продасть именно то, которое внесено въ военно-пожестныя книги, а потомъ возбудитъ споръ съ тѣмъ возвращенію проданнаго участка, какъ находящагося въ апономѣхъ, то онъ, согласно съ вышевыраженнымъ правиломъ, имѣетъ право получить обратно проданный участокъ, но при этомъ долженъ удовлетворить покупателя изъ другаго своего имущества, если окажется, конечно, издѣиель — у всадника противъ четырехъ литръ, у пловца (οἱ πλωτῆρες) — противъ двухъ. Если же кто подлежащій отбыванію военной службы только съ одной части своего достоинства, то равенъ дѣлается сообразно съ величиною этой части. (по аналогіи).

Лица, какимъ бы то ни было способомъ приобретенныя военскія имѣнья, не прежде считаются ихъ господами, какъ по истеченіи срока лѣтъ безспорнаго владѣнія, такъ какъ и недобросовѣстныхъ владѣльцамъ (κατὰ πέντε ἔτη ἀπονομή) старшій обычный называетъ такой же срокъ давности. При этомъ однако, различаются тѣ, которые пользовались имуществомъ на основаніи договора или сдѣлки и не обязаны возвращать плоды или доходы и тѣ, которые подлежатъ обязанности возвратить плоды и доходы и возмѣстить всякій вредъ: это и мы находимъ различнымъ (то-есть, не относимъ къ военнымъ участкамъ, приобретеннымъ bona fide u mala fide).

Стратіотомъ же слѣдуетъ считать не только того, кто вступилъ въ священныя наши легіоны (καθ' ὁμορφίανος ταῖς ἱεραῖς λεγεῖαι), но и тѣхъ, которые, вслѣдствіе каковаго-нибудь случайнаго несчастія (ὁὐκ ἔκ τῆς τοῦ τῆς ἐπιτρέψαν) оказались несостоятельными и получили увольненіе отъ службы ¹⁾). Къ нимъ должны относиться то же ограниченіе и та же привиллегія, то-есть, они не могутъ продавать своихъ имѣній сами, а равно мы не дозволяемъ, чтобы могла продавать ихъ жена. Потому что, если мы запрещаемъ самимъ владѣльцамъ дѣлать это, то какъ можемъ позволить это жазнѣ и такимъ образомъ дать силу закона старому несправедливому обычаю. Напротивъ, таковой обычай слѣдовало совоимъ изгнать съ лица земли и моря, какъ въ высшей степени звѣрскій и жестокой. Тѣ, которые ввели его, пришли по моему мнѣнію, къ государству обычай медвѣдей ²⁾. Известно, что

¹⁾ ἐπιβεῖς ὀφθέντες ἀδωρεῖας ἐνδίκως τετυφῆσαι. Ср. Constant. Porphyrog. de ceremoniis, II cap. 49. ἔαν δὲ παντελῶς ἐξαπορῶσιν ———, τότε ἀδωρεῶνται καὶ δέονται εἰς ἀπελάτας, ἐξ ὧν καὶ Τζέκωνες ἀφορίζονται εἰς τὰ κάστρα.

²⁾ τὴν αὐτὴν ταῖς ἄρτοις φύσιν τῇ πολιτείᾳ προσέμενον.

медвѣди, будучи мучимы голодомъ, лижутъ свои панцири (сосутъ лапу) а стратиоты не суть ли то же, что калыцы или, скорѣе, даже руки въ государствахъ?

2) Эти постановленія должны имѣть силу на будущее время. Что же касается прошедшаго, то до сихъ поръ относительно вышеозначенныхъ злоупотребленій существовало такое общее правило, что покупщики возвращаютъ военныя имѣнія безъ всякаго вознагражденія. Но приложеніе правила къ частнымъ случаямъ, видоизмѣняемое то такъ, то иначе—по произволу тѣхъ, отъ кого зависѣло рѣшеніе, приносило большой вредъ дѣламъ и вслѣдствіе неясности. Разсмотрѣвъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, мы рѣшили отвергнуть всѣ запутанныя и равнообразныя правила, и для всѣхъ возможныхъ случаевъ постановляемъ слѣдующія общія начала:

a) если у внесенныхъ въ списки стратиотовъ есть наследники, то они, сообразно съ степенью своей родственной близости, имѣютъ право преимущественной покупки и вмѣстѣ съ тѣмъ право вчинать искъ для возвращенія военныихъ имѣній, захваченныхъ насиліемъ властей или просто неправильно отчужденныхъ владѣльцами; если же ближайшіе сродники не могутъ или не хотятъ этого сдѣлать, то право судебного иска переходитъ къ болѣе отдаленнымъ родственникамъ;

b) затѣмъ оно „принадлежитъ селадчикамъ и сокопейникамъ (*συνδοκῆς καὶ συναχμοῦς*), то-есть, лицамъ, которыя сообща ставятъ и вооружаютъ стратиота или сами лично несутъ вмѣстѣ военную службу ¹⁾); а если таковыхъ нѣтъ, то болѣе бѣднымъ или нуждающимся стратиотамъ, принадлежащимъ къ одному податному таглу (*συνταξισταῖς*), дабы они изъ этихъ имѣній могли восполнить недостатокъ средствъ и могли оправиться до степени состоятельности;

в) наконецъ, въ случаѣ недостатка таковыхъ, право выкупа и иска переходитъ къ простымъ гражданскимъ податнымъ соплательщикамъ (*πολιτικοὺς συνταξιστάς*), чтобы не пропала по крайней мѣрѣ поземельная подать (*πρὸς τὸ μὴ διακίπτειν τὸν ἕκ τῶν χήμας φόρον*);

d) если и продавцемъ и покупщикомъ были стратиоты, то здѣсь обращается вниманіе на состояніе покупщика: если богатый купилъ бѣднаго, онъ подвергается, какъ и властель, наказанію, лишаясь

¹⁾ Constant. Porphyrog. de ceremon. l. c.: "Ὅτε δὲ πτωχεύουσι (οἱ στρατιῶται) ζῶνται, αὐτοῖς καὶ συνδοκῆται πρὸς τὸ δι' αὐτῶν ἔχειν τὸ ἱκανὸν καὶ δουλεύειν τὴν ἰδίαν στρατίαν.

покупки безъ всякаго вознагражденія; если же купилъ несостоятельный у богатого, то онъ или удерживаетъ за собою купленное или получаетъ обратно заплаченные деньги^а.

Въ концѣ Константинъ описываетъ положеніе дѣлъ, до котораго была доведена имперія и особенно ея военныя силы. Это было всецѣлое паденіе и неудержимое стремленіе къ гибели. Всякой, кто имѣлъ значеніе и силу, захватывалъ себѣ необъятныя территоріи (ἐπιγράφτους χώρας) и превращалъ несчастныхъ поселенцевъ, на нѣтъ сидѣльниковъ, какъ бы въ рабовъ своихъ (ἐν ἀνδραπόδων λόφῳ), не считая при томъ своихъ дѣйствій дурными, секрушаясь только въ томъ случаѣ, если кто другой превзошелъ его ловкостью и захватилъ больше. Шло ужасное какъ бы состязаніе на аренѣ зла; зло не остановилось только на властеляхъ, но, начавшись отъ нихъ, коснулось и „малосильныхъ“ (ὀλιγοδυνεῖς): обычай людей стоящихъ на вершѣ всегда легко передается толпѣ. Такимъ образомъ тѣ, которымъ доставалось начальствовать надъ войскомъ, всѣ безъ исключенія—имѣли будто уже законъ требовать, чтобы стратиговъ велъ себя подобнымъ образомъ,—подвергли своихъ стратиготъ всяческимъ митарствамъ и вымогательствамъ, либо, получивъ хорошіе подарки, совсѣмъ освободили отъ военной службѣ (ἀντιδόσαν αὐτοῖς ἀστράταιαν). Это были люди продажные, и въ то же время, безпечные и невинственные: трусливѣе муравьевъ и хищнѣе волковъ. Не умѣя брать дань со враговъ, они обирали подданныхъ. Не многого недоставало, чтобы довести дѣла до окончательной катастрофы; благодаря ихъ поведенію, Римское государство пришло на край гибели. О нашихъ заботахъ, говорить императоръ,—направленныхъ въ восстановленію и улучшенію дѣлъ, засвидѣтельствуетъ голосъ воіхъ честныхъ и порядочныхъ людей, и еще громче возгласятъ о нихъ толпы людей, освобожденныхъ отъ недрядительскаго плѣна и возвращающихся на родину. Надѣмся, что и другія перемѣны въ лучшему въ быту государственномъ будутъ слѣдствіемъ отъ нашихъ заботъ и впечатеній, которыя не оставяютъ насъ ни днемъ, ни ночью, и которыми вызваны настоящія законоположенія. Чтобы обезпечить ихъ дѣйствительное исполненіе на будущее время и въ всегда, мы опредѣляемъ, что кто будетъ держать страдѣщаго въ видѣ парика, или захватитъ насиліемъ его землю, съ которой онъ долженъ былъ нести военную службу, тотъ подвергнется взысканію въ количествѣ 36 золотыхъ монетъ (номисмъ), изъ коихъ половина должна идти стратиготу, для того чтобы онъ могъ восстановить себя въ первобытномъ своемъ состояніи, а другая половина поступаетъ въ казну

въ возмѣщеніе службы, которой государство будетъ лишено. Если же имѣніе не было захвачено силою, но приобретено покупкою, то полагается штрафъ въ пользу казны въ 24 монеты, и купленное имѣніе отбирается безъ права вчинять иску о возвращеніи покупной цѣны. Но не подвергаются никакой отвѣтственности тѣ лица, которыя изъ жалости принимаютъ къ себѣ въ видѣ париковъ или же батраковъ (εἰς παροικίαι, εἰς ὄψαλοι) стратіотовъ, согнанныхъ другими съ участковъ или добровольно подбившихъ оныя. А тотъ, кто осмѣлится держати стратіотовъ для собственныхъ послугъ, отнявъ ихъ у войска, подвергнется штрафу въ шесть номисмъ за одинъ годъ въ пользу казны, если только стратіоты не были ему переданы съ подобною цѣлію отъ военачальника или другихъ архонтовъ (командировъ) ¹⁾.

5) Новелла Романа Младшаго о стратіотахъ или рѣшеніе на докладъ областного судьи, объявленное магистромъ Феодоромъ Декаполитомъ.

Бъ кратковременному царствованію Романа II (959—963 гг.) относятся двѣ новеллы, касающіяся нашего вопроса. Въ первой изъ нихъ Романъ II разъясняетъ и развиваетъ постановленія своего отца, Константина Багрянороднаго, относительно того пункта новеллы „о властеляхъ“, купившихъ крестьянскіе участки въ періодъ времени отъ 928 года по 945, по которому, съ одной стороны, за крестьянами признавалось право на возвращеніе проданныхъ во время нужды участковъ, а съ другой—за властелями признавалось право на обратное полученіе покупной суммы съ извѣстною рассрочкою въ облегченіе бѣднѣйшихъ крестьянъ. Отсюда мы узнаемъ, что уже самъ Константинъ Багрянородный не дошедшимъ до насъ законодательнымъ актомъ распространилъ обязанность возврата покупной суммы на всѣхъ вообще, даже и бѣднѣйшихъ покупателей означеннаго періода, увеличивъ только отсрочку съ трехъ лѣтъ на пять. Затѣмъ оказывается, что взаимныя притязанія и судебные процессы по этому поводу между богатыми и бѣдными, властелями и убогими, продолжались даже до времени Романа II, и особенно затруднительными и сложными казались тѣ случаи, когда „убогіе“ не вполне воспользовались отсрочкою, то-есть, уплатили въ продолженіе ея только часть слѣдующаго съ нихъ обратнаго взыскація, или же только дали письменныя обязательства, оказавшіяся для нихъ непосильными. Въ новеллѣ Романа II, продиктованной тѣмъ же самымъ юристомъ, которому принадлежитъ эдиктъ

¹⁾ εἰς τις στρατιώτην ἐν παροίκου λόγῳ εὐρηθείη κατέχων.

Константина VII о воинскихъ участкахъ, даются новыя, болѣе подробныя правила для подобныхъ случаевъ, притомъ въ такой степени льготныя для крестьянъ и крестьянскихъ общинъ, что молодой государь, поддававшійся въ другихъ отношеніяхъ вліянію своей придворной аристократіи, никакъ не подлежитъ упреку въ измѣнѣ преданіямъ своего дома. Мы не находимъ здѣсь никакого стремленія смягчить строгія постановленія предшествовавшихъ государей, возбудившія, конечно, неудовольствіе аристократіи и тѣхъ родовитыхъ семей, которыя будто бы пользовались особеннымъ уваженіемъ Романа II ¹⁾). По прежнему остается въ силѣ запрещеніе властелямъ приобретать имѣнія убогихъ, по прежнему остается въ силѣ относительно будущаго угроза безвозмезднаго отобранія такихъ покупокъ у людей богатыхъ, точно такъ какъ не отмѣняется и прежнее законодательство о случаяхъ бевденежнаго возврата такихъ покупокъ. Въ началѣ новеллы находится не совсѣмъ вѣрное показаніе, что такіе случаи въ первый разъ предусмотрѣны въ эдиктѣ Константина Багрянороднаго, тогда какъ мы знаемъ, что уже Романъ Лакапинъ высказалъ ту же самую угрозу. Почему игнорируется новелла Романа I-го, объ этомъ легко догадаться... Прибавимъ, что, какъ уже видно изъ предыдущаго, новелла Романа Младшаго, сочиненная Феодоромъ Декаполитомъ, трактуеть, не смотря на свое заглавіе, не объ однихъ только стратіотахъ, но вообще объ убогихъ и властеляхъ.

„Докладъ твой, освященный господинъ (ἡγιασμένε κόρη), по царскому повелѣнію, переданъ былъ нашему смиренію. Мы думаемъ, что ты и самъ знаешь силу новыхъ заповѣдей. Хотя они имѣютъ разнообразное содержаніе и часто имѣнялись то въ томъ, то въ другомъ смыслѣ по требованіямъ времени, но вполне ясно слѣдующее: ни бѣдные стратіоты, ни простые граждане никогда не получали привилегій бевденежнаго возвращенія проданныхъ ими имуществъ до провозглашенія незабвеннаго и треблаженнаго (покойнаго) государя, то-есть, царя Константина Багрянороднаго. Но и при немъ всѣ стратіоты, имѣющіе болѣе чѣмъ на четыре литры недвижимаго имущества, а равно и всѣ гражданскіе люди (πολίτικοί, простолюдины), на основаніи новыхъ царскихъ постановленій, обязаны были при возвращеніи имъ неправильно отчужденной ими земли возвратить съ своей стороны въ продолженіе трехъ лѣтъ полученную за нее отъ покупателя сумму; только одни бѣдные и несостоятельные стратіоты (не имѣющіе четырехъ литръ) получили

¹⁾ Theophan. Continuat., pag. 471.

облегчение и освобождены были отъ обязанности возвращать взятая при продажѣ своей земли деньги. Сверхъ того, эдиктъ, изданный при блаженной памяти царѣ нашемъ (Константинѣ Вагрянородномъ) и продиктованный Теофиломъ квесторомъ, имѣлъ обратную силу въ отношеніи къ прошлому времени—считая съ голоднаго года, съ котораго вообще началось законодательство по данному вопросу; и здѣсь въ отношеніи этого прошлаго времени постановлялось, что если какой гражданинъ не имѣетъ состоянія болѣе 50 номисмъ, то онъ не нуждается возвращать цѣны, которую онъ получалъ за свою землю. Когда потомъ послѣдовало прошеніе архонтовъ военнаго разряда (*καταλόγου*), то онъ сдѣлалъ только одно новое добавленіе, именно—что и эти лица (*πολιτικοί* съ имѣніемъ ниже 50 номисмъ) возвращаютъ покупную сумму. (Здѣсь указывается на такую новеллу, какой до насъ не дошло). Ибо онъ считалъ крайне несправедливымъ, чтобы ни въ чемъ неповинный покупатель, уплатившій добросовѣстнымъ образомъ свою плату, не только лишился купленнаго участка, но и внесенной имъ покупной суммы. По внимательномъ разсмотрѣніи вопроса, онъ рѣшилъ только продлить отсрочку въ пользу убогихъ, обязанныхъ возвратомъ полученныхъ разъ денегъ, именно такъ, чтобы они проданные участки, если таковыя принадлежали къ сельской ихъ общинѣ (*ἰὰν αἱ κοινότητες χωρίων ᾖσι*), получали обратно тотчасъ послѣ заявленія жалобы, а покупную сумму возвращали бы уже не въ трехлѣтній, а въ пятилѣтній срокъ. Я полагаю, что такимъ образомъ заставляя крестьянъ пятилѣтнимъ потомъ и трудами расплачиваться за собственную расточительность и небрежность, онъ (то-есть, Константинъ Вагрянородный) хотѣлъ привести ихъ къ привычкамъ трудолюбія.

1) Итакъ тѣ, которые получили обратно свою собственность безденежно ранѣ царскаго опредѣленія, если они имѣютъ судебный приговоръ, уже не должны быть тревожимы, но могутъ владѣть своимъ безъ всякаго посторонняго посягательства. Ибо рѣшеніе было произнесено на основаніи правила, имѣвшаго тогда полную силу, и позднѣйшее царское опредѣленіе не предписывало пересматривать прежде рѣшенныя дѣла. Напротивъ, царское правосудіе недостойному рабу своему (то-есть, самому Теодору) дало такое рѣшеніе, что все устроенное прежде должно оставаться непоколебимымъ. Посему, если убогіе какинъ-либо образомъ подверглись уже судебному разбирательству и получили обратно безъ всякаго денежнаго съ ихъ стороны возмездія свои участки, и если они имѣютъ возможность представить письменное судебное рѣшеніе, то вы не должны тревожить ихъ

(обращеніе дѣлается къ окружному суду). Не если они были обязаны при обратномъ полученіи участковъ уплатить покупную сумму съ допущеніемъ известной отсрочки, и если эта отсрочка уже миновала, то на этотъ случай постановляется слѣдующее:

а) если они уплатили хотя малую какую-нибудь часть продажной-покупной цѣны, или же соглашаются и обѣщаются, получивъ другую отсрочку, уплатить всю сумму, то слѣдуетъ требовать отъ нихъ письменныхъ обязательствъ, которыя должны быть ими выданы прежнимъ покупщикамъ въ томъ смыслѣ, что въ теченіе другой отсрочки, которую ты имъ назначишь, они уплатятъ или остальное, или же все;

б) если же они еще совсѣмъ ничего не уплатили, и особенно, если дали письменныя обязательства покупщикамъ и оказались не въ состояніи что-нибудь внести изъ цѣнности имѣнія, то слѣдуетъ имъ выдѣлить участки изъ состава общинной земли (ἀπό τῆς ὁμάδος τοῦ χωρίου ἀποτεταῖν), если ты найдешь это болѣе выгоднымъ для убогихъ, или же публичною властью временно ввести покупщика во владѣніе проданными участками, съ тѣмъ чтобъ онъ сообразно съ количествомъ умышленной при покупкѣ суммы получалъ въ свою пользу доходъ, имѣющій поступать отъ пользованія тѣми участками, которые поступятъ въ его владѣніе на известный срокъ—на три года или болѣе, но не далѣе, какъ на десять лѣтъ. При этомъ слѣдуетъ обѣ стороны заставить другъ другу выдать собственноручныя взаимныя обязательства—покупщиковъ къ крестьянамъ и крестьянъ къ покупщикамъ—такого содержанія, что по истеченіи определенныхъ лѣтъ пользованія имѣніе опять воротится отъ покупщика къ общинѣ (πρός τῆν κοινότητα—ἢ τῶν τόπων χωρίου), которой и будетъ принадлежать пользованіе, а убогіе никогда не будутъ лишены права собственности. Все это должно быть объяснено въ документѣ, дабы не могло быть прикрито какою-нибудь продѣлкою;

с) если же убогіе могутъ и предпочитаютъ часть цѣны (полежащей возврату), на сколько они въ состояніи, уплатить сейчасъ, а за другую часть отдать покупщикамъ недвижимое имущество во временное пользованіе, то допускается и такая сдѣлка, сообразуясь съ вышеприведеннымъ правиломъ о десятилѣтнемъ срокѣ, то-есть, этотъ крайній срокъ пользованія сокращается соотвѣтственно съ долею вложенныхъ денегъ. Если, на примѣръ, убогій получилъ при продажѣ сто номисмъ и уплатилъ въ возвратъ сейчасъ же или обязался уплатить вскорѣ половину этой суммы (50 номисмъ), то покупщикъ можетъ

владѣть участкомъ и пользоваться съ него доходами только въ продолженіе пяти лѣтъ.

2) Это имѣетъ силу по отношенію къ продажамъ, состоявшимся въ продолженіе 17-ти-лѣтняго періода отъ перваго царскаго объ этомъ закона (928 г.) до провозглашенія покойнаго императора. А въ отношеніи къ продажамъ, послѣдовавшимъ отъ начала самодержавія Константина Багрянороднаго, неуклонно слѣдуетъ держаться того, что всѣ стратіоты и престолюдины (κομιστοί) получаютъ обратно свои участки безденежно. Лица, которыя послѣ столькихъ предвареній и царскихъ указовъ все-таки рѣшились, слѣдствіемъ своей жадности, вкравшись внутрь сельскихъ общинъ и мировъ (ἐκ τῶν χωρίων ὀρέδαι καὶ κοινότητος) и производить въ нихъ смутеніе, дѣлая посылки у стратіотовъ и убогихъ, — такія лица уже не имѣютъ никакого основанія жаловаться. Въ трехъ докладѣ говорилось также о совершенномъ неурожѣ плодовъ и объ угрожающей опасности голода¹⁾. Намъ слѣдуетъ описать, чтобы не насмѣть на несчастныхъ убогихъ (ἀλλοίως πένυς) напастъ судейскую бадье свирѣпую, чѣмъ самый голодъ²⁾. Какъ хорошіе доктора отказываются давать лѣкарства въ то время, когда больной находится въ жару, точно такъ и мы должны отерочить требованія и сдѣлать нѣкоторое послабленіе въ виду тяжелаго времени³⁾.

6) Новелла Романа II о военныхъ участкахъ 962 года.

Подлинное заглавіе этой новеллы въ рукописяхъ слѣдующее: „Изъ царскаго эдикта, провозглашеннаго въ тѣмъ, которые находятся въ темѣ (области) Фракісійской, въ мѣсяцѣ мартѣ V-го индикта 6470 (=962) года⁴⁾. Это показываетъ, что новелла дошла до насъ не вполнѣ; то-есть, утратила, по видимому, вступленіе, въ которомъ, по обычаю, должны были излагаться мотивы, вызвавшіе новый законодательный актъ. Что касается ея содержанія, то можно сказать, что она выражаетъ то же самое направленіе, какъ и предыдущая. Въ ней не только нѣтъ рѣчи о какой-либо формальной отиѣвѣ прежняго законодательства, но и совсѣмъ незамѣтно признають, чтобы молодой

¹⁾ Мы принимаемъ здѣсь поправку Пахаріе и читаемъ λιποῦ вѣсто λοιποῦ. Последнее слово бѣже бы болѣе уцѣлено черезъ двѣ строчки ниже, но тамъ и въ текстѣ стоитъ λιποῦ.

²⁾ μὴ λιποῦ βιαστέραν ἀνάγκην χριστοῦ τοῖς ἀλλοίοις ἐκιστήσομεν πένυσι.

царь, весьма не строгій къ себѣ и къ своимъ приближеннымъ, стремился приобрести славу великодушія и удовольствіе видѣть вокругъ себя веселыя лица уступками окружающей его средѣ на счетъ болѣе отдаленной, хотя и болѣе многочисленной массы „убогихъ“ и стратіотовъ. Если и здѣсь вводится явное различіе добросовѣстныхъ и недобросовѣстныхъ покупателей воинскихъ участковъ, то все-таки и для первыхъ не отминяется общаа обязанность безденежно возвращать купленное. Точно также и при разсмотрѣніи пункта, касающагося охраны и защиты личной свободы стратіотовъ, нельзя видѣть особаго послабленія въ томъ, что собственники и власти, принимающіе къ себѣ обвѣдывшихъ и покинувшихъ службу военныхъ людей, объявляются не подлежащими отвѣтственности, особенно если мы примемъ въ разчетъ всѣ оговорки, которыми сопровождается такое постановленіе. Этихъ предварительныхъ замѣчаній достаточно, чтобы предостеречь читателя отъ всякихъ ложныхъ толкованій, высказанныхъ другими ¹⁾, и предоставить ему свободу сужденія. Прибавимъ только для облегченія его памяти и соображеній, что какъ предыдущая новелла обсуждала вопросъ объ условіяхъ возврата денегъ покупщику за отобранное имѣніе и о разныхъ способахъ возмѣщенія этой суммы убогими, такъ въ этой опредѣляются по преимуществу случаи, когда бывшій покупщикъ воинскаго участка долженъ или не долженъ подлежать, сверхъ безденежнаго отобранія земли, еще денежной пенѣ въ пользу казны. Вотъ самое изложеніе новеллы:

1) „Относительно лицъ, владѣющихъ какими-нибудь частями воинскихъ помѣстій, мы опредѣляемъ, что если они приобрѣли ихъ добросовѣстнымъ образомъ (*καλῶ κίστα, bona fide*), то-есть, посредствомъ покупки, дара или мѣны, и не имѣютъ еще въ свою пользу давности (*ἀπὸ τοῦ χρόνου βοήθεια*), то у такихъ слѣдуетъ только отбирать самое помѣстье для возврата жалующимся стратіотамъ, но не слѣдуетъ налагать на нихъ какого-либо штрафа. Достаточно того, что они обязаны безденежно возвратить помѣстье. Если же кто владѣетъ воинскими участками вслѣдствіе насильственнаго завладѣнія, то похитителю назначается пѣня сообразно съ цѣнностію захваченнаго имѣнія. Стратіотъ, купившій у другаго стратіота воинское помѣстье, не подвергается никакому штрафу, если оказывается покупателемъ *bona fide*. Но если продавецъ имѣлъ достаточныя средства къ исполненію воинской повинности, а покупщикъ таковыхъ не имѣетъ,

¹⁾ *Gfrörer*, Byzantinische Geschichten, III, 20.

то продавцу возвращается поместье, а покупщик получает обратно уплаченную сумму. Если же, наоборот, продавец есть несостоятельный человек, а покупатель — состоятельный, то продавец получает обратно поместье без всякаго вознагражденія покупщику (ἀναρτήσας), то-есть, безъ возврата заплаченныхъ имъ денегъ. Если же оба, будучи стратиотами, оба принадлежать къ разряду людей бѣдныхъ, то покупная цѣна точно также возвращается покупщику, но съ тѣмъ облегченіемъ въ пользу продавца, что ему дается для того трехлѣтній срокъ.

2) Если кто купилъ воинскіе участки отъ дозорщика или царскаго человека ¹⁾ посредствомъ заявленія на судѣ (διὰ λιβέλλον), то на этотъ случай мы постановляемъ, что если владѣющіе не могутъ еще прикрыться давностію, и если они принадлежать къ воинскому классу (στρατιωτικοί), то они возвращаютъ имѣнія безденежно, но никакой неси на нихъ не налагается, такъ какъ и они могутъ опираться на правило о добросовѣстной покупкѣ.

3) Если кто посредствомъ покупки, дара или промѣны приобрѣлъ поместья, которыя отчасти или въ цѣлости принадлежали некогда къ военнымъ, и если давность при этомъ еще не имѣетъ мѣста, то владѣлецъ, представляющійся приобретателемъ добросовѣстнымъ, не подвергается никакому штрафу, кромѣ безденежнаго отобранія у него участковъ, но штрафъ переносится на продавца, дарителя или мѣновщика; а если окажется, что и они владѣли bona fide, то и они освобождаются отъ него.

4) Если какіе стратиоты раздѣлившись оставятъ весь воинскій жеребій (κλήρον) своимъ отцамъ или братьямъ, или своимъ содѣлательцамъ (συνδοτακ), чтобы они отбывали за нихъ воинскую службу (ἐκδολεώσασθαι), а сами, совершенно, отдѣлившись отъ воинской доли (μοίρας), пристанутъ къ какимъ-либо людямъ, то принявшіе ихъ не подвергнутся никакому наказанію или пенѣ, если, какъ сказано, ихъ служба (στρατία) отбывается другими, и они не удержали за собою никакой части воинскаго жеребья (κλήρου). Разнымъ образомъ, если кто приметъ стратиотовъ, почавшихъ въ крайнюю бѣдность и уже никакъ не могшихъ отирать воинскую повинность (βάρος), то онъ не подвергается никакому штрафу; но напротивъ, подвергается этому

¹⁾ Мы принимаемъ чтеніе: κατὰ ἐκρίτου ἢ βασιλικού. Другія чтенія см. у Zachariae, Jus Graeco-rom., III, 286. Место это все-таки остается не вполне яснымъ.

штрафу тѣ, которые согдали съ земли стратіота и были виновны его бѣдствіа. Кто приметъ состоятельнаго и не разорившагося стратіота и будетъ держать его, сваяг его положеніа, или получить предостереженіе отъ турмарха, либо воиота (свобѣтов и т. д.), и слѣдовательно, лишившись возможности отговариваться незнаніемъ, тотъ долженъ подвергаться штрафу. Ибо ясно, что если состоятельные стратіоты будутъ отвлекаться отъ военной службы, то наши войска похесутъ немалый вредъ.

7) Новелла Никофора Фоки, продиктованная Патриціемъ и протосекретомъ Симеономъ о предпочтеніи убогимъ властелей при покупкѣ имѣній, продаваемыхъ властелами.

Императоръ Никифоръ Фока (968—969 гг.), восшедшій на престолъ, какъ соправитель и смекнувъ малолѣтнѣнъ законныхъ наследниковъ Македонскаго дома, сыновей Романа II, и какъ мужъ икъ матери Теофано, самъ принадлежалъ къ одной изъ тѣхъ македонскихъ фамилій, которыя стояли во главѣ властельскаго сословія. Естественно было ожидать, что такой государь не пойдетъ далѣе въ ограниченіи социальныхъ правъ чиновно-землевладѣльческой аристократіи. Герои Крита и Сарацинскихъ походовъ, прославившій византийское оружіе давно невиданными блестящими побѣдами и завоеваніями, не могъ, конечно, пожертвовать основаніями военной имперской организаціи, и поэтому стратіоты могли быть совершенно спокойны за свои имѣстья. Но надѣвъ царскую порфиру, Никифоръ Фока все-таки не отринулся отъ своего прошлаго; интересы властелей все-таки были для него болѣе понятными, родными и близкими, чѣмъ для его предшественниковъ. Новелла 967 года, несущая въ заглавіи имя патриція Симеона (Метафраста?), несомнѣнно свидѣтельствуетъ о нѣкоторой реакціи законодательства въ пользу властельскаго сословія, хотя въ ней и говорится только о равно справедливомъ отношеніи къ обѣимъ сторонамъ. Никифоръ Фока, чрезъ посредство своего государственнаго секретаря, заявляетъ, что прежніе государи нарушили возвышенный законъ безпристрастія, подобающаго монарху, и доказательство тому находятъ въ томъ, что они давали убогимъ и стратіотамъ право преимущественной покупки даже въ отношеніи властельскихъ имуществъ. Если мы обратимся назадъ къ законоположеніямъ обоеихъ Романовъ и Константина Багрянородскаго, то мы не найдемъ, чтобы въ нихъ гдѣ-либо содержалось прямо высказанное постановленіе та-

кого рода. Но несомнѣнно, что въ общихъ новеллахъ Романа Лакапина есть пункты, которые и могли быть истолкованы въ такомъ смыслѣ и дѣйствительно должны были привести къ такимъ послѣдствіямъ. Когда постановляется (§ 2 новеллы 928 года), что даже при продажѣ выморочныхъ участковъ, продаваемыхъ казною, или вообще не общинныхъ крестьянскихъ земель, а особыхъ отдѣльныхъ пожестій (στάσις), дается предпочтеніе „убогимъ“, или когда даже тѣмъ властелямъ, которые выросли на почвѣ своей крестьянской общины и владѣли издревле въ своемъ селѣ или деревнѣ полевыми надѣлами, не позволялось передавать эти надѣлы постороннимъ, запрещалось также увеличивать ихъ (§ 3 и 4 новеллы 934 года); тогда, конечно, позволительно было говорить о преимущественномъ прокровительствѣ „убогимъ“ и стратіотамъ. Сверхъ отгнѣны этихъ пунктовъ, Никифоръ Фока усиливаетъ въ пользу властелей дѣйствіе правила о сорокалѣтней давности, указанной уже въ новеллѣ Константина Багрянороднаго о воинскихъ участкахъ.

„Подобно Господу Богу, который равно о всѣхъ печется и для всѣхъ имѣетъ одинаковыя вѣсы, императоры должны наблюдать полную справедливость и равенство въ отношеніи ко всѣмъ подданнымъ и о всѣхъ одинаково заботиться. Въ старинномъ законодательствѣ цари названы законными защитниками, общимъ и для всѣхъ равнымъ благомъ. Между тѣмъ наши предшественники въ своихъ законахъ, изданныхъ по случаю бывшей въ то время нужды и запрещающихъ властелямъ покупать имѣнія бѣдныхъ и стратіотовъ, показали себя пристрастными къ одной сторонѣ, и такимъ образомъ превратили въ ничто и отвергли самую существенную идею Римской державы, заключающуюся въ приведенномъ изреченіи. Запрещая властелямъ покупать имущества убогихъ, и стратіотовъ, они поступали хорошо. Но сверхъ того, они прибавили въ своемъ законодательствѣ, что бѣдные имѣютъ право преимущественной покупки и въ отношеніи имущества властельскихъ—и не только на основаніи общинности (ἐξ ἀνακτοῦσας), но и на основаніи одностатности (ἐξ ὀμοσταθείας). Такимъ образомъ они не только вслѣдствіе преграждали путь возникающимъ состояніямъ, но стѣсняли и доводили до бѣдности прежде существовавшихъ богатыхъ и состоятельныхъ людей, при всякой продажѣ давая предпочтеніе (право преимущественной покупки) убогимъ. Благосостояніе и выгоды богатыхъ не только не были предметомъ предусмотрительной заботы, но имъ даже не давали возможности оставаться при томъ, чѣмъ они уже

владѣли. Наша царская держава, заботясь о законахъ, для всѣхъ равныхъ и одинаковыхъ, нижеслѣдующими постановленіями не имѣетъ въ виду, уничтожить или отмѣнить прежнее законодательство, но скорѣе сохранить, что есть въ немъ справедливаго и прочнаго.

Мы опредѣляемъ, что законодательство прежнихъ царей должно сохранять свою силу, и мы его подтверждаемъ во всемъ, исключая слѣдующихъ пунктовъ:

а) Отмѣняется постановленіе, по которому бѣдныя имѣютъ право преимущественной покупки въ отношеніи къ продаваемымъ имѣніямъ богатыхъ. Ни на основаніи одנותягости (*ομόταλις*), ни на основаніи общинности владѣнія, ни простолюдины, ни стратиоты впредь не будутъ пользоваться такимъ преимуществомъ. Напротивъ, имѣніе влаетеля пусть снова приобрѣтаетъ лице архонтское (*ἀρχοντικόν κρῶσικον*). Нужно понимать такъ, что такое лицо появляется въ известной мѣстности именно для усвоженія и пользы живущихъ подлѣ бѣдныхъ. Если бы такое лицо, послѣ полученія въ свою власть и собственность известнаго поземельнаго имѣнія, задумало обижать сосѣдей, то мы повелѣваемъ, пусть такое лицо, какъ всякое орудіе насилія и зла, будетъ изгоняемо не только съ новаго своего приобрѣтенія, но и съ родовыхъ своихъ земель. Наша воля состоитъ въ томъ, чтобы влаетели приобрѣтали движимой имѣнія отъ однихъ влаетелей, а стратиоты и бѣдныя—отъ людей одного съ ними состоянія; и какъ мы поставляемъ препятствія къ приобрѣтенію бѣдными влаетельскихъ участковъ, такъ на оборотъ запрещаемъ сильнымъ покупать имѣнія несостоятельныхъ стратиотовъ и людей бѣдныхъ подлѣ предлогомъ общинности или одנותягости (*ομόταλις καὶ ἀνακοινώσεως*).

б) До сихъ поръ сократительный срокъ времени, протекшій безъ жалобы или протеста, закрѣпляетъ право собственности за тѣми, которые владѣли приобрѣтеннымъ изъ военныхъ участковъ, но пресѣаемый жалобами, этотъ срокъ имѣетъ способность подвигаться впередъ (вверхъ) и тяготѣлъ даже надъ тѣми, которые одними свои приобрѣтенія ранѣ голоднаго времени (*πρὸ τῆς ἐνδείας*); прилагаемый безъ разбора, законъ этотъ часто лишалъ такихъ лицъ слѣданныхъ ими приобрѣтеній. Мы опредѣляемъ, что тѣ, которые слѣдали свои приобрѣтенія отъ стратиотовъ и простолюдиновъ добросовѣстнымъ образомъ и ранѣ голода, уже должны быть оставлены въ покоѣ; въ отношеніи ихъ сократительная давность не пресѣается и не подвигается впередъ вслѣдствіе заявленія (*ἐπιφωνήσεως*), и соб-

ственность ихъ остается недвижимою и непоколебимою. Только тѣ, которые сдѣлали свои приобретения посредствомъ грабежа, насильственного захвата и вообще недобросовѣстнымъ образомъ, подвергаются дальнейшему дѣйствию закона давности въслѣдствіе заявленія или протеста.

Законодатель прибавляетъ въ объясненіе и оправданіе своего постановленія несомнѣно точное замѣчаніе, что до времени „голода“ не было закона, запрещающаго приобретать имѣнія бѣдныхъ, и что, напротивъ, древнее право, отиѣненное только во время „нужды“, допускало добросовѣстное приобретение крестьянскихъ земель безразлично владѣльцами и бѣдными.

8) Постановленіе Никифора Фоки о постройкахъ, возведенныхъ владѣльцами въ имѣніяхъ, приобретенныхъ отъ убогихъ.

Объ этомъ постановленіи можно сказать, что оно служитъ примымъ дополненіемъ и отчасти объясненіемъ къ предыдущей новеллѣ. Пахаріэ полагаетъ, что оно даже составляло часть ея.

„Между людьми, которыми недавнее законодательство запретило покупать новыя имѣнія и расширяться, есть такіа, которыя по родовому наслѣдству получили недвижимое имущество, принадлежащее къ разнымъ деревнямъ и носельямъ (*ἐν χωρίοις ἢ ἀγροίσις*); а потому прикупили отъ односельчанъ (*ἀπὸ τῶν συχωριτῶν*) немногія и небольшія угодья (*τόκια*), и затѣмъ выстроили на нихъ многоцѣнные громадныя жилища, истративъ на это свои деньги. Мы полагаемъ, что ради малыхъ и неважныхъ мѣстъ (каковы купленные) не должны быть разрушаемы выстроенныя на нихъ громадныя и многоцѣнные здания, но прежніе владѣльцы, пролапцы участковъ, если они наводятся къ живыхъ, или же ихъ наслѣдники, могутъ быть удовлетворены (въ случаѣ нужды) такимъ образомъ: пусть они получаютъ двойное количество первоначально заключенной имъ покупной суммы или же двойное пространство земли такого же качества, (кавъ и застроенная), и пусть купившіе не лишаются плодовъ своего труда...“

9) Новелла Никифора Фоки о стратіотахъ, продавшихъ свои помѣстья и потомъ снова ихъ отыскивающихъ.

Неизвѣстно въ какомъ именно году изданная, но изложенная въ видѣ рѣшенія на докладъ одного сановника, новелла эта свидѣтельствуетъ, что при Никифорѣ Фокѣ и въ отношеніи къ воинскимъ помѣстьямъ случилась ссн, отд. 2.

и существовали желанія большой свободы гражданскѣмъ едіоломъ. Даже, изъ этой доведы видно, въ какой малой степени склонены были названный воинственный государь уступить стремленіямъ, способнымъ поколебать основанія византійской военной организаціи, каковы бы ни были ея хорошія или дурныя стороны. Собственные преобразовательные великіе планы Никифора Фоки, означивалось, требовали не ослабленія, а еще усиленія прежней системы. Позволеніе стратиотамъ отчуждать свои владѣнія, составляющія излишекъ противъ нормальной установленной величины помѣстья, находилось уже въ новеллѣ Константина Багрянороднаго, хотя и съ разными ограниченіями. Отгибались ли эти ограниченія эдиктомъ Никифора Фоки, нельзя сказать положительно, ибо говорится, что прежнее законодательство остается въ силѣ, а потомъ приводится изъ него только одинъ наиболѣе существенный пунктъ. Во всякомъ случаѣ, возвышеніе на будущее время нормальной величины воинскаго помѣстья означаетъ еще большее ограниченіе желательной для властелей свободы приобрѣтенія земельной собственности.

Доложилъ мнѣ протоспасарій Василій, заведывающій прошеніями (ὁ ἐπί δεήσεων), что онъ, отбирая безденежно (безъ возвращенія покупной цѣны) разныя помѣстья (τόπος), возвращаетъ ихъ стратиотамъ, когда обнаруживается, что на этихъ самыхъ мѣстахъ они отправляли свою воинскую повинность. При этомъ онъ полагалъ, что динимъ кажется тагостнымъ стѣпленіе (свобода), владѣтели котораго они не имѣютъ возможности продать что-нибудь изъ своихъ угодій въ другое мѣсто, каковы бы кто ни обладали имуществомъ.

1) Относительно стратиотовъ, продавшихъ свои участки до настоящаго времени, наша воля состоитъ въ томъ, чтобы сохраняло свою силу прежнее законодательство, такъ чтобы у стратиота было надѣль недвижимаго доходнаго имущества въ четыре литры въ виду его военной службы. Если, имѣя такое количество земли, стратиотъ окажется продавшимъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ другой участокъ, а теперь станетъ его отыскивать, то пусть онъ имѣетъ право преимущественной покупки въ отношеніи къ этому участку, то-есть, не безденежнаго возврата, а съ уплатою надлежащей цѣнности. Если же онъ продалъ какую-либо долю изъ недвижимаго доходнаго имѣнія въ четыре литры, то получаетъ ее назадъ безденежно.

2) Но отъ настоящаго времени, когда получили движеніе вопросы о введеніи новаго тяжелаго вооруженія (τῶν κλιβανόφωνων καὶ ἐπιπέφυχοφόρων), мы повелѣваемъ, ни одинъ стратиотъ пусть не имѣетъ права

продавать что-нибудь на другомъ мѣсто изъ своей земли, если только его недвижимое доходное имущество не превзойдетъ цѣнности въ двѣнадцать дитръ. Если же онъ продастъ что-либо имущества, равняющагося вѣнчасъ означенной суммѣ, то онъ получитъ эту долю обратно безъ всякаго съ своей стороны вознагражденія покупщику. Если же онъ, продавъ излишекъ противъ 12 дитръ, теперь будетъ отыскивать проданное обратно, то не можетъ получить того безденежно, а только заплативъ надлежащую сумму.

10) Новелла въ разрѣшеніе доклада объ Армянахъ вообще и о тѣхъ (въ частности), которые подлежатъ обвиненію въ убійствѣ.

Не смотря на нѣкоторыя сомнѣнія и разнорѣчивыя показанія рукописей, новелла съ этимъ заглавіемъ, безъ сомнѣнія, вполне основательно приписывается новѣйшими издателями императору Никифору¹⁾ II. Изъ сочиненія, посвященнаго современникомъ описанію военныхъ пріемовъ этого императора, мы знаемъ, что при немъ въ пограничныхъ съ мусульманскими областями армянскихъ округахъ ('Армянахъ *Варата*), подъ которыми, конечно, разумѣются тамъ — Селевкійская, Ликандъ и Севастійская, Армяне служили стражниками на порубежныхъ наблюдательныхъ постахъ, хотя они и не считались людьми особенно надежными²⁾. Изъ новеллы Никифора Фоки мы видимъ, что Армяне не только употреблялись въ видѣ соглядатаевъ, полезныхъ своимъ знаніемъ путей въ Сирію, получая за это хлѣбное и денежное содержаніе, но допускались также и въ видѣ военныхъ поселенцевъ, владѣя обыкновенными стратіотскими помѣстьями. Но и здѣсь они не являются такимъ элементомъ, на который можно было бы вполне полагаться, и способны были иногда перебѣжать въ Сирію, то-есть, къ Сарацинамъ. Такъ какъ и Сарацины, съ своей стороны, нрвѣдко дѣлали то же самое, то-есть, переходили на службу къ Византіядамъ, то вполне естественно было замѣнять ими ушедшихъ Армянъ. Согласно съ такимъ соображеніемъ мы и читаемъ въ началѣ новеллы вмѣсто словъ *πρὸς φύλαξιν* (для сохраненія) *πρόσφορον* (перебѣщикамъ). Во второй части новеллы, написанной въ видѣ отвѣта на запросъ мѣстнаго воеводы (стратига), содержатся любопытныя постановленія о частныхъ гражданскихъ взысканіяхъ съ убійцы въ пользу наслѣдниковъ убитаго, сопровождающихъ уголовное наказаніе:

¹⁾ De velitatione bellica Nic. Phocae, pag. 188.

несовѣтъ справедливо были бы выходить здѣсь: полное сходство съ системою германскихъ композицій ¹⁾).

Если кто изъ армянскихъ стратіотовъ, удалившись, проведетъ въ отсутствіи три года, а потомъ, воротившись, найдетъ свой участокъ переданнымъ или кому изъ (сарацннскихъ) перебѣнчиковъ, или одному изъ отличившихся стратіотовъ, или же областныхъ аркантовъ и военныхъ стратиговъ, или кому другому въ видахъ общеземной службы (διὰ κοινωφελείας δουλείας), то стратіотъ армянскій, воротившись послѣ трехлѣтняго отсутствія, не имѣетъ права отыскивать свой участокъ или получить его обратно. Ибо если посредствомъ такого установленія не будетъ положено предѣла армянскому непостоянству и склонности Армянъ къ бродяжничеству, но позволено имъ будетъ уходить на чужбину и переселяться, а потомъ снова возвращаться и беспрепятственно получать обратно свои участки, то разбредется вся Арменія (πάντα τὰ Ἀρμενικὰ οὐχῆσονται). Но если, какъ объяснено, пройдетъ три года, то слѣдуетъ участки не возвращающимся Армянъ отдавать или пришельцамъ (πρόσφυγῖν вмѣсто πρόσ φυλάειν), или отличившимся стратіотамъ въ видѣ награды. Если же, какъ ты пишешь, нѣкоторые изъ такихъ армянскихъ помѣстій отданы были царскому монастырю Лаканы (τῆς Λακάνης), или пожертвованы въ другія кураторіи, или же подарены были какимъ властелямъ — не ради общепользныхъ службъ, а въ видѣ пожалованія и милости, то наслѣдники (удалившихся Армянъ) могутъ при возвращеніи своемъ обратно требовать свою собственность — не только въ теченіе трехъ лѣтъ, но и въ теченіе тридцати лѣтъ. Хотя бы лица, пожалованные такими имѣніями, и могли представить записи (ἀβέλλοος) дозорщиковъ (ἐπολιτῶν) или хрисовулы, такіе документы мы все-таки во-вѣлѣваемъ считать за ничто, и наша воля все-таки состоитъ въ томъ, чтобы возвращающіеся наслѣдники стратіотовъ получали обратно свои мѣста. Если же кѣмъ-либо другимъ или самими (временными) владѣльцами дано было (за такіе армянскіе участки), съ своей стороны, вознагражденіе, то пусть стратіоты все-таки получаютъ свое, а тѣ приносятъ жалобу и вчиняютъ искъ для возвращенія того, что дали. Относительно сдѣланныхъ улучшеній мы постановляемъ, что тѣ изъ нихъ, которыя отличаются своею пользою, простотою или дешевизною, какъ то насажденіе виноградниковъ, устройство мельницъ и амбаровъ, тѣ даютъ ихъ виновнику право на вознагражденіе; а все, что служитъ къ одному только украшенію и роскоши, не даетъ та-

¹⁾ Ср. *Gfrörer, Byzant. Gesch.*, III, 46.

кого права, не строгимъ предоставляется взять съ собою самый материал построекъ. А которые изъ Армякъ пересѣжали въ Сирію, то хотя бы они воротились до истечения не только трехъ лѣтъ, но даже одного года, все-таки они не получаютъ обратно своихъ помѣстій, но лишаются своего права собственности, и пусть это служитъ имъ нѣмкого наказанія. Впрочемъ, если они возвращаются, то конечно, слѣдуетъ дать имъ обезпеченіе (*χρη πρόνοιαν γίνεσθαι*) посредствомъ назначенія другихъ помѣстій.

2) Относительно тѣхъ, которые подлежатъ обвиненію въ убійствѣ, ты долженъ, конечно, виновнаго въ злодѣйствѣ подвергать законному наказанію, но его воинскій участокъ вовсе не слѣдуетъ отдавать въ видѣ утѣшенія (*καραποία*) сыновьямъ или родственникамъ убитаго; „утѣшать“ должно движимымъ имуществомъ, а недвижимое слѣдуетъ сохранить для поддержанія военной службы. Если же нѣтъ движимаго, то и въ такомъ случаѣ на наследникахъ убійцы лежитъ обязанность надлежащей уплаты для „утѣшенія“ наследниковъ убитаго, но его нѣмѣстье все-таки не можетъ быть отчуждено. Если же и всё, принадлежащее къ одному и тому же дому, повинны въ преступномъ убійствѣ, то пусть каждый изъ нихъ подвергнется опредѣленному въ законѣ наказанію, но участки военные, какъ уже много разъ сказано, не могутъ быть передаваемы въ другое мѣсто (*ἀλλάχου*); но, хотя бы не оставалось никакого наследника, желающаго взять на себя военскую повинность, пусть это другой (посторонній) возьметъ землю и несетъ за нее службу.

11) Новаелла Василия Младшаго (Болгаробойцы) о властеляхъ, приобрѣтавшихъ имѣнія убогихъ со времени перваго законодательства царя Романа Старшаго, то-есть, отъ II-го индикта 6437 года (928?), въ которой они подвергаются осужденію.

По смерти Цинксихія, отъ котораго не осталось намъ никакихъ законодательныхъ памятниковъ, касающихся отношеній между богатыми и бѣдными, властелями и крестьянами, вступилъ на престолъ своихъ предковъ, старшій сынъ Романа II, Василій II, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Константиномъ. Молодому государю пришлось вести долгую и упорную борьбу съ двумя наиболее сильными магнатскими фамиліями, Фовадовъ и Склировъ, изъ коихъ первая уже разъ достигла трона въ лицѣ знаменитаго Никифора II. Такимъ образомъ, не только въ силу преданій своей династии и вообще предписаній византійско-монархической государственной мудрости, но и вслѣдствіе

своего собственного опята и личными пережитыми имъ искусами. Василий II сдѣвался самымъ строгимъ, суровымъ и непреклоннымъ врагомъ: влательской аристокраціи, и въ особенности, сильныхъ и старыхъ фамилій, стоявшихъ во главѣ ея. Объ этомъ свидѣлствуетъ большая новелла, изданная имъ въ 996 году, заглавіе которой сейчасъ приведено нами выше. Византийскіе историки рассказываютъ, что Василий II, возвращаясь въ 995 году изъ похода въ Сирію противъ Сарацинъ, остановился дорогой у богатаго магната, принадлежавшаго къ фамиліи Маленновъ, который иѣногда былъ замѣчанъ въ одномъ возстаніи (Варды Фоки), но успѣлъ набѣгнуть навазана. Естество Маленнъ принадлежалъ къ тѣмъ богачамъ, которые въ состояніи были, вооружить своихъ рабовъ и крестьянъ (парикотъ), сдѣвшихъ на нихъ земляхъ, выставить военный отрядъ въ нѣсколько тысячъ человекъ. Императоръ съ удивленіемъ увидѣлъ дворецъ Маленновъ, болѣе похожій на крѣпость, и сильно былъ пораженъ богатствомъ и блескомъ домашней обстановки магната. Онъ подумалъ, говорятъ историки, — что человекъ, располагающій 3,000 вооруженныхъ рабовъ и пользующійся большимъ вліяніемъ на сосѣдей, можетъ поднять бунтъ не менѣе опасный, чѣмъ возстаніе Фоки и Варды Сира. Маленнъ приглашенъ былъ сопровождать императора въ столицу и затѣхъ болѣе не возвращаясь изъ Константинополя на свою родину. Его огромныя владѣнія въ Каппадокии были конфискованы. Заключительный актъ 996 года, направленный противъ всего сословія влстелей, очень естественно считать, какъ это и дѣлаютъ многие изслѣдователи, слѣдствіемъ того впечатлѣнія, которое осталось въ мрачной и деспотической душѣ Василія послѣ посѣщенія каппадокійскихъ владѣній Маленна. Въ самой новеллѣ упоминаются имена Маленновъ наравнѣ съ Фокадами, какъ явный примѣръ наследственнаго преобладанія влательскихъ фамилій, не дающаго возможности разъ обременнымъ убогимъ найти противъ нихъ управу хотя бы во второмъ и третьемъ поколѣніи. Впрочемъ Василий II, самъ сдѣлавшій добавленія въ поднесенной къ подписанію конституціи, указываетъ и другіе примѣры нестерпимой будто бы тиранніи людей сильныхъ и богатыхъ. Та самая рука, которая низвергла въ прахъ Славянскую державу Самуила Болгарскаго, та самая рука, которая въ извѣстномъ почти современномъ изображеніи (представляющемъ Василія, поирающаго ногами побѣжденныхъ Болгаръ) такъ характерично и надменно упирается въ бокъ, здѣсь начертала нѣсколько дошедшихъ до насъ строкъ, которыя тоже ярко и живо обрисовываютъ личность

наибольше самозащиты византийского властителя, а также сущность и время его борьбы съ властелинами по ним бѣдныхъ и убогихъ. Что можетъ быть характеристичнѣе его снисходительнаго сожалѣнія о малодушникахъ наследниковъ влательскихъ фамилій, которымъ отцы оставляють въ наследство имѣнія, подлежащія отобранію, такъ какъ не миновала еще давность, прикрывавшая неправильное приобрѣтеніе этихъ имѣній! Но какое прекрасное утѣшеніе для этихъ влательскихъ наследниковъ въ уничтоженіи всякой давности, въ заявленіи, что впродъ не слѣдуетъ расчитывать на какую бы то ни было давность владѣнія, что всегда и во всякомъ случаѣ неправильно купленное имѣніе будетъ отобрано! Или что можетъ быть рѣшительнѣе и радикальнѣе того средства разрѣшать социальныя затрудненія и водворять правду, какъ указываемый въ новеллѣ пріемъ, употребленный по отношенію къ одному властелю, вышедшему изъ среды убогихъ! Вообще во всемъ собраніи византийскихъ государственныхъ актовъ нѣтъ документа болѣе любопытнаго и поучительнаго, какъ эта новелла 906 года. Предоставляя читателю возможность ближе познакомиться съ жизнью нашего перевода, мы замѣтимъ только, что въ ней рѣчь идетъ главнымъ образомъ и прежде всего, объ уничтоженіи борокалѣтной давности, которая первоначально была признана въ отношеніи приобрѣтателей стратегическихъ имѣній, а потомъ перенесена была по аналогіи и на влательскіе, вступавшихъ въ крестьянскія общины, какъ это уже видно изъ новеллы Никифора Фоки. Полемика, которая довольно таки рѣзко обнаруживаетъ свое присутствіе въ виднѣхъ Василія II, направлена именно противъ постановленія, непріятнаго ему по всемъ воспоминаемымъ первымъ соправителямъ, т. е. Никифору Фоки. Сверхъ того, мы должны предупредить читателя, что четвертая глава новеллы, относящаяся къ монастырскому землевладѣнію, нами пока опущена и будетъ приведена въ другой связи, и что другія слѣдующія далѣе главы, не прямо относящіяся къ нашему главному вопросу, переданы нами только въ главныхъ чертахъ ихъ содержания.

„Объ тѣхъ, кто какъ мы получили самодержавную власть и принялись разбирать дѣла между богатыми и бѣдными, мы увидѣли, что властелины, страдая страстію приобрѣтенія, находятъ явное поощреніе своей страсти въ борокалѣтной давности и стараются то посредствомъ подарковъ, то посредствомъ присущей имъ силы и вліянія — миновать какъ-нибудь этотъ срокъ и затѣмъ получить уже полное право собственности. (τὸ δὲ μὴ βουλομένους) надъ тѣмъ, что они дурнымъ

образомъ приобрѣли отъ убогихъ. Желая исправить такое зло, составить въ должныя границы иныѣшнихъ властелей и воспрепятствовать будущимъ слѣдовать по тому же пути, мы издаемъ настоящій законъ, послѣ котораго они будутъ знать, что уже не найдутъ въ этой сорокалѣтней давности никакой помощи, но что чужое будетъ отбираемо не только у нихъ самихъ, но и у дѣтей ихъ или у тѣхъ, кому они оставить свое имущество. А что держава наша не безъ разсмотрѣнія и не безъ исмыслия отиѣнляетъ освящаемое давностью право собственности, но сострадавъ къ бѣднымъ и заботясь о прочности общественнаго порядка, а также изъ любви къ справедливости, изъ желанія уврачевать опасную страсть любостязанія, — это все будетъ изъ того, что мы сейчасъ хотимъ сказать. Не мало были мы обременяемы жалобами бѣдныхъ по поводу этого правила (сорокалѣтней давности), и много разъ путешествуя къ войскамъ и проходя области царства нашего, мы собственными глазами видѣли совершающіяся ежедневно въ отношеніи къ нимъ несправедливости и обиды. Развѣ не можетъ властель, обидѣвшій бѣднаго, долгое время пользоваться своею силою и благосостояніемъ, а потомъ еще передать то и другое своимъ наследникамъ? Чѣмъ же въ такомъ случаѣ можетъ помочь бѣдному одно время (давность)? Развѣ не возможенъ такой случай, что патрицій, магистръ или военный domestикъ, обидѣвшій бѣднаго, будетъ имѣть своими котомками тоже властелей (domini) иногда родственныхъ съ царями и поддерживающихъ въ продолженіе семидесяти или ста лѣтъ силу своего рода и свое благосостояніе. Не должны ли мы сами вступиться, обуздать сильныхъ, поддержать бѣдныхъ въ принадлежащихъ имъ правахъ, которыя нихъ злымъ образомъ бывають отнимаемы или же похищаемы обманомъ? Когда богатые властели посредствомъ покупки, которую лучше было бы назвать денежнымъ наказаніемъ (ἐπιτιμωσιμον — ἐπίτιμος), вторгаются въ сельскія общины (εἰς χωρίων κοινότητες), и когда потомъ ихъ наследники, вмѣстѣ съ иныѣшнихъ, въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній получаютъ по наследству силу и вліяніе своихъ предковъ, то конечно, бѣдному нѣтъ при этомъ возможности подыять дѣло (возбудить искъ) о возвращеніи отнятаго у него насиліемъ или обманомъ. Совершенно ясно, что только въ такомъ случаѣ будутъ обезпечены интересы бѣднаго, если ему предоставлено будетъ право, сколько бы ни прошло времени, безпрепятственно отыскивать и возможность получать обратно свою собственность. Если мы этого не сдѣлаемъ, то мы дадимъ обидчику поводъ говорить: „я теперь благо-

денствую, и бѣднѣе не можетъ со мною тигаться, если и мой сынъ будетъ благоденствовать, и въ такомъ нашемъ благосостояніи пройдетъ все опредѣленное закономъ время, то приобретенное нами превратится въ неотъемлемое наше состояніе, и такимъ образомъ несправедливость моя обращается мнѣ въ пользу⁴⁾.

Явный примѣръ тому — родъ Маленновъ и родъ Фокадовъ (Φοκάδων). Патрицій Константинъ Маленнъ, а потомъ сынъ его магистръ Евстацій, оба были властелями и въ продолженіе ста или даже ста двадцати лѣтъ пользовались благосостояніемъ. Фокады еще долѣ занимали видное положеніе. Ихъ дѣды, потомъ отецъ, а затѣмъ сыновья этого послѣдняго сохраняли, можно сказать, непрерывно до нашего времени свое преобладаніе. Какую же помощь можетъ оказать въ такихъ случаяхъ время¹⁾?

Далѣе: развѣ можно не считать властелемъ того, кто хотя съ начала и принадлежалъ къ числу убогихъ, а потомъ достигъ почестей и дошелъ до верха славы? Онъ — не властель, пока онъ находится внизу, и пока онъ — въ такомъ положеніи, мы допускаемъ, чтобъ ему померла давность. Онъ — властель съ тѣхъ поръ, какъ удостоился чести: съ тѣхъ поръ время (давность) нисколько не должно ему помогать... Подобные случаи (превращенія) случаются каждый день, какъ мы и сами это находили. Такъ мы нашли Филокалеса: первоначально онъ былъ крестьяниномъ и принадлежалъ къ числу убогихъ, а потому вступилъ въ число знатныхъ и богатыхъ. Пока онъ находился внизу, онъ несъ тягло вмѣстѣ съ своими односельчанами и ни въ чемъ ихъ не обижалъ. Когда же онъ достигъ званія — съ начала евдомадарія, потомъ китонита, и наконецъ, провестіарія, онъ, захватилъ все селеніе (χωρίον) и обратилъ его въ собственное помѣстье, измѣнивъ самое его названіе... Когда человекъ такъ поднялся, и когда его дѣла приняли такой видъ, — позволительно ли, чтобъ ему дано было въ помощь еще и время (давность), и предоставлена была возможность владѣть неизмѣнно тѣмъ, что онъ злымъ образомъ приобрѣлъ? — Нивакъ. Поэтому, мы, проходя въ той мѣстности и узнавъ изъ жалобъ со стороны бѣдныхъ о положеніи дѣлъ, приказали разрушить его великолѣпные дворцы и сравнять ихъ съ землею, бѣднѣе возвратили ихъ достояніе, а ему оставили только то, что онъ имѣлъ сначала, то-есть, податную землю (δημόσιον), и

⁴⁾ Приведенный отрывокъ, указывающій два примѣра властельскихъ домовъ, находится не во всехъ спискахъ, а только въ томъ, который былъ у Леунгавія

онячь воротили его въ первобытное состояніе крестьянина. Властелями должны быть считаемы не только такія лица, но и съ тѣхъ, на которыхъ указывается постановленіе правды нашего, Романа Старшаго, подробно ихъ перечислившаго. Онъ помѣстилъ въ число властелей и школаріевъ; а мы считаемъ властелями какъ этихъ, послѣднихъ, такъ еще и протокентаріевъ. Ибо мы узнали на опытѣ, что и они бывають „сильными“ людьми.

Влѣдствіе того мы опредѣляемъ: имѣнія, приобретенныя властелями въ сельскихъ общинахъ (sic *хурионъ ховотъасъ*), до перваго законоположенія Романа Старшаго (то-есть, ранѣе 928 года), если притомъ приобретение можетъ быть доказано письменными документами или достаточными свидѣтелями, должны оставаться собственностію властелей, подлежащей законной охранѣ, какъ это говорится и въ старыхъ законахъ. Письменные документы и достаточныя свидѣтельскія показанія должны быть предоставляемы для того, чтобы властели, по своей хитрой изворотливости (*хата керуина*) не стали выставлять свои недавно приобретенныя имѣнія принадлежащими имъ съ давняго времени тоже на основаніи письменныхъ актовъ. А съ тѣхъ поръ (съ 928 года) и до настоящаго времени, то-есть, до девятаго января 7504 (996) года и дадѣе впрямь, какъ это уже было возвѣщено въ сказанномъ законоположеніи Романа Старшаго, давность уже не имѣетъ никакого значенія, и да въ какомъ случаѣ дѣйствіе ея не можетъ быть направлено противъ бѣдныхъ, когда они имѣютъ споръ съ богатыми; напротивъ (не смотря на какую бы то ни было давность), бѣднымъ возвращаются ихъ имущества, и властели не могутъ даже предъявлять какія-либо притязанія на возмѣщеніе ихъ издержекъ на покупку или на уступленіе (отбираемыхъ имѣній), потому что они оказываются нарушителями вышеозначеннаго законоположенія, и слѣдовательно, скорѣе заслуживаютъ еще взыскація. Когда нашъ предѣкъ, царь Романъ, написалъ и сказалъ: „отнынѣ я запрещаю властелямъ дѣлать приобретения въ сельскихъ общинахъ“ (*sic ховотъасъ хурионъ*), то это значило, что онъ воспретилъ имъ дѣлать это на вѣдѣ и на неопредѣленное-безконечное время и не имѣлъ въ виду какого-либо прикрытія давностію. А мы, какъ уже сказано, постановляемъ свой законъ не только относительно будущаго, но даемъ ему обратную силу. Если мы не исправимъ того, что еще отъ прошедшихъ временъ въ движеніи (*артъ животасъ*), то какъ мы въ состояніи будемъ охра-

нить будущее и держать въ страхѣ послѣдующихъ (нарушителей закона)?

Затѣмъ слѣдуетъ отрывать, считаемии собственноручной припискою императора на поданномъ ему къ подписанію экземплярѣ ¹⁾:

„И какъ перестанутъ другіе дѣлать то же самое? А что всего хуже, такъ это то, что вѣстели передаютъ имѣнія, составленныя грабежомъ и обманомъ, собственнымъ дѣтямъ, полагая въ расчетѣ на сорокалѣтнюю давность, что они имѣютъ надъ такими имѣніями уже неотъемлимую собственность. Когда давняя защита и прикрытіе сорокалѣтней давности отвращается, то дѣти вѣстелей лишаются хиническаго влгдѣнія, достигающагося отъ отца, приходятъ въ бѣдность и послѣднюю нищету, какъ этому подвергались отъ царской нашей державы внуки (ἀγῶνοι) Романа Муселе. Получивъ отъ дѣда и отца подобнаго рода имѣніе около города Филомилія, они были послѣ повергнуты въ бѣдность. Уничтожая такую несправедливость и неравенство и постановляя для всѣхъ одинаково — бѣдныхъ и богатыхъ — полезное и справедливое, мы отмѣняемъ сорокалѣтнюю давность, дабы и богатые, зная это, не оставляли вышеозначеннаго рода владѣнствъ своимъ дѣтямъ, и чтобы бѣдные, лишаемые своего достоянія, не приходили въ отчаяніе, но въ настоящемъ законоположеніи имѣли бы крѣпкую поддержку къ возвращенію своей собственности.

2.) Такъ какъ мы замѣтили большія злоупотребленія и обманъ въ описяхъ (κατορτισμοίς), вписываемыхъ въ нашихъ жалованныхъ грамотахъ (хрисовулахъ), и по этому поводу часто возникали жалобы и тяжбы въ судахъ, то мы опредѣляемъ, что означенныя описи не должны имѣть никакой силы, и что никто не можетъ сослаться на такого рода документы, какъ скоро возникнетъ какой-либо споръ относительно имѣнія. Такого рода описи составляются не на основаніи мысли царской или по указанію царя, но на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ подучателями жалованной грамоты (хрисовула). И съ другой стороны, вписывающій опись въ хрисовулу протосекретъ (оберъ-секретарь) вовсе не бываетъ на самомъ мѣстѣ и не наблюдаетъ, когда совершается тамъ измѣреніе и отводъ имѣнія. Поэтому, какъ сказано, такого рода описи не должны имѣть въ спорныхъ случаяхъ никакой силы. Но если описи находятся въ податныхъ книгахъ (κωδικοίς) общаго (большаго) приказа (τοῦ μεγάλου σεκρέτου) или въ какихъ дру-

¹⁾ См. *Zachariae, Jus Graecorum*, III, 312 примѣч.

гихъ актахъ, имѣющихъ юридическую силу (συντακτικῆς δυνάμεως), то онѣ должны быть принимаемы во вниманіе и соблюдаемы.

4) Сверхъ того, мы постановляемъ, что въ отношеніяхъ къ казнѣ нѣтъ такой давности, которая лишала бы ее собственнаго права; напротивъ, казна можетъ отыскивать свое право, восходя назадъ во времени Августа Кесаря, и требовать по справедливости, чтобы ей было возвращено принадлежавшее ей. Много есть основанийъ къ тому, чтобы казна безусловно могла отыскивать свое. Правительствующій государь часто не имѣетъ возможности все самолично наблизити и досмотрѣть, потому что управленіе государствомъ — дѣло трудное, требующее многихъ заботъ и отнимающее много времени. Государь обыкновенно поручаетъ попеченіе о казенныхъ дѣлахъ чиновникамъ, отправляемымъ въ области (тѣми). Ясно, что все то, что эти послѣдніе совершаютъ хорошо, съ соблюденіемъ справедливости и безъ нарушенія выгодъ казны, должно считаться дѣйствительнымъ и твердымъ; а все то, что сдѣлано будетъ неразумительно и къ ущербу казны, все это останется не имѣющимъ силы; напротивъ, всякой разъ какъ государь, получившій въ свои руки правленіе, того пожелаетъ, казна имѣетъ право отыскивать свое и распоряжаться онымъ, какъ ей угодно. Никакъ нельзя допустить, чтобы сорокалѣтняя давность могла служить при этомъ какимъ-либо препятствіемъ. Весьма легко можетъ случиться, что она минуетъ совершенно незамѣтнымъ образомъ — безъ того, чтобы какой дозорщикъ (ἐκπόστης) или царскій чловѣкъ былъ высланъ для отысканія правъ казны. Сверхъ того, чиновникъ, отправленный для возстановленія правъ казны, можетъ оказаться взяточникомъ и плутомъ (δολερὸς), такъ что онъ и не поботится объ отысканіи и востановленіи ея правъ, а благодаря своей корыстной и злой душѣ, явится предателемъ ея выгодъ. Не можетъ же вслѣдствіе того подвергаться осужденію казна, не представлявшая отыскивать свои права! Нужно прибавить, что мы на практикѣ убѣдились въ томъ, что дозорщики (ἐκπόστα) и вообще другіе чиновники, пекущіеся объ интересахъ казны и посылаемые въ разныя ея службы, на самомъ дѣлѣ изобрѣтаютъ тысячи хитростей и оборотовъ противъ нея, и только немного находится такихъ, которые исполняютъ наши повелѣнія*.

5) По старому закону лица, достигшія званія протоспааріевъ или какого другаго высшаго, будучи повинны въ умышенномъ убійствѣ, наказываются только потерей сана и чести, но не смертною казнію. На будущее время преступники этого класса, если они сами

совершили убійство или составили заговоръ и не наустали въ тому другихъ къ такому преступленію, будутъ подвергаться не только лишенію чести, но и лишенію главы.

6) Въ продолженіе времени отъ начала нашего самодержавнаго правленія до началъ царствованія (постельничаго или сальника) Василия, многое совершалось не по нашему повеленію, и безъ нашего кѣдова, а только по его распоряженію; поэтому всѣ хрисовулы, выдаваемые въ то время, объявляются сами по себѣ недействительными, и только тѣ изъ нихъ сохраняютъ силу, которые были представлены или впередъ будутъ представлены на наше усмотрѣніе, для того чтобы получить собственноручную нашу подтверждающую отъясну (написаніемъ слова *ἐπιπέσει*)...

7) Послѣдній пунктъ касается рынковъ, существующихъ въ разныхъ частныхъ мѣстностяхъ. Нѣкоторые землевладѣльцы жаловались императору, что торговцы и покупатели перевозятъ свободно такіа мѣста купили и продажи изъ одного мѣста въ другое, лишая ихъ многихъ выгодъ. Императоръ постановляетъ, что если купцы и покупатели, мѣстные и иррѣзные, согласно и единодушно рѣшаютъ перенести рынокъ, то уже никто не долженъ имъ препятствовать въ исполненіи такого рѣшенія; но при недостаткѣ единодушія и согласія рынокъ долженъ оставаться на старомъ мѣстѣ, и наконецъ, вообще не можетъ быть перевозимъ съ земель, принадлежащихъ убогимъ, въ мѣстности владѣльцевъ.

12) Новеллы Никитора Феки и Василия II о монастыряхъ.

Помимо земель, составлявшихъ предметъ экономическаго борьбы между свѣтскою аристократіей владѣльцевъ и крестьянскими общинами, покровительствуемыми государственною властію, дагѣ помимо земель казенныхъ и составлявшихъ личное достояніе императорскаго дома, оставалась еще значительная часть территоріи, которая принадлежала церквамъ и въ особенности монастырямъ. Монастырское землевладѣніе какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и въ Византіи, тоже обнаруживало иногда стремленіе къ иллішнему увеличенію и разширенію на счетъ свободныхъ крестьянскихъ участковъ. Слѣдовательно, нужно уже а priori ожидать, что законодательство, поставившее своей задачей защиту крестьянскаго землевладѣнія, не избѣгнетъ если не столкновенія съ церковью, то по крайней мѣрѣ необходимости вступить съ нею въ ту или другую сдѣлку...

Періодъ, когда монастырское землевладѣніе достигло наибольшаго развитія и почти преобладанія, и вслѣдствіе того, возбуждало противъ себя неудовольствіе государственной власти; есть, безъ сомнѣнія, конецъ VII и начало VIII вѣка. Безъ особенной обязанности впасть въ ошибку, можно предположить, что предъ началомъ иконоборства восточная церковь не уступала размѣрами своихъ территориальныхъ земельныхъ богатствъ церкви западной. Франкскіе короли рано начали жаловаться, что ихъ казна остается пустою, что ихъ богатства перешли къ епископамъ и духовенству; къ концу VII вѣка цѣлая треть изъ земельныхъ имуществъ въ Франкскомъ государствѣ принадлежала церкви. Полагаемъ, что нѣчто подобное было и въ Византійскомъ государствѣ за то же время. Въ одномъ мало известномъ, но очень любопытномъ духовномъ памфлетѣ (если можно такъ выразиться), писанномъ, правда, въ концѣ XI вѣка и посвященномъ именно вопросу о монастырскомъ землевладѣніи, авторъ, занимавшій первостепенный постъ въ восточной церкви, категорично утверждаетъ, что предъ наступленіемъ иконоборства весь родъ человѣчскій былъ разделенъ на двѣ совершенно равныя половины—мирскихъ людей и монашествующихъ. Въ известномъ соотношеніи съ показаннымъ отношеніемъ мы должны представлять себѣ и распредѣленіе матеріальныхъ земныхъ благъ, то-есть, прежде всего землевладѣнія. Бѣлое духовенство вмѣстѣ съ церквами, при которыхъ оно состояло, владѣло тоже значительнымъ количествомъ земель: такъ что въ концѣ концовъ одна треть территоріи, находящаяся въ церковномъ владѣніи, окажется, можетъ быть, слишкомъ небольшою цифрою расчета... Авторъ, котораго мы сейчасъ имѣли въ виду, полагаетъ, что иконоборческая ересь, внутреннею заистию дьявольскою къ такому процвѣтанію иконовъ, преимущественно была направлена противъ монастырей и монашескаго дстоянія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи онъ былъ правъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что гоненіе на монастыри, начавшееся при Львѣ Исаврѣ и особенно ренносно и безоглядно проводимое его сыномъ Константиномъ Копрономъ, совпадаетъ по времени, а вѣроятно, и по своимъ мотивамъ съ такъ называемою секуляризацией церковныхъ имуществъ при Карлѣ Мартелѣ и его сыновьяхъ. Такъ или иначе, съ начала произвольнымъ и насильственнымъ способомъ, потомъ болѣе мягкимъ и правильнымъ, даже путемъ соглашенія съ церковью, Франкскіе государи сумѣли воспользоваться монастырскими поземельными имуществами для своихъ свѣтскихъ правительственныхъ цѣлей. Значительная часть церковныхъ и

монастырскихъ земель досталась въ руки королевскихъ людей (вассаловъ), получившихъ отъ него „пожалованія“ изъ руки свѣтскаго даяльща, къ которому они и обязались вассальною службою, безъ отрицанія, впрочемъ, правъ собственности первоначальнаго собственника, то-есть, монастыря или епископа. Въ Византіи была сдѣлана попытка болѣе радикальнаго рѣшенія вопроса—посредствомъ общаго закрытія монастырей и отобранія въ казну монастырскаго достоянія. Хотя эта мѣра и не была проведена вполнѣ, она, нужно думать, все-таки имѣла послѣдствіемъ возстановленіе нѣкотораго равновѣсія между мірскими и церковными землевладѣніемъ; она всеобщимъ образомъ содѣйствовала усиленію мелкаго и крестьянскаго землевладѣнія. Затѣмъ, на соборѣ 787 года, вмѣстѣ съ торжествомъ иконопочитанія рѣшено было и возстановленіе монастырей. Было постановлено, что свѣтскія лица, захватившія въ несчастное для церкви время ея достояніе, то-есть, монастыри, епископии и разныя богоугодныя дома, должны воротить ихъ обратно подъ страхомъ церковнаго отлученія. Реституція монастырскихъ и церковныхъ земель не была рѣшительно и прямо высказана. Но зато на будущее время было постановлено, что ни епископъ, ни игуменъ не могутъ допускать именно того, чѣмъ дѣлалось на западѣ, не могутъ допускать отдачу (επιβολή) церковныхъ доходныхъ земель архонтскому лицу или какой другой знатной особѣ¹⁾; даже тѣ земли, которыя не обрабатываются и не приносятъ дохода, могутъ быть отчуждаемы только клирику или крестьянину; если же крестьянинъ окажется подставнымъ лицомъ, то имѣніе отбирается обратно въ пользу монастыря... Съ окончаніемъ иконоборства и востановленіемъ на престолѣ Македонской династіи число монастырей снова стало увеличиваться, и еще быстрѣе стало возрастать количество земли, поступающей въ монастырское владѣніе. Намклонность къ созерцательной монашеской жизни составляетъ характеристическую черту средне-византскихъ Грековъ; страсть къ монашеству неизменно достигала у нихъ размѣровъ, подрывавшихъ самыя основанія государственнаго быта и государственной силы. Хотя земли монастырей и не были вообще свободны отъ всякихъ податей (отъ поземельнаго сбора), но все-таки онѣ пользовались, въ ущербъ другимъ и самому государству, многими привилегіями много рода, обыкновенно были изъяты отъ всякихъ натуральныхъ повинностей и наборовъ. Но и помимо этого ущерба, а

¹⁾ εἰς ἀρχοντικῆν χεῖρα ἢ ἑτέρω πρῶτον Rallé, Syntagma canon. II, 593. Речь идетъ здѣсь о 12-мъ и 13-мъ канонахъ седьмаго вселенскаго собора.

также убилъ людей, подлежащихъ военному набору, еще чувствительнѣе былъ вредъ, наносимый основаніемъ монастырей крестьянскимъ общинамъ...

Мы уже видѣли, что Романъ Лакапинъ въ своей Новеллѣ 934 года высказалъ, хотя и несовсѣмъ ясно, намѣреніе ограничить разширеніе монастырскаго землевладѣнія на счетъ крестьянскихъ участковъ. Восьмой пунктъ его новеллы византійскіе юристы (Атталіота) понимали такъ, что если какой крестьянинъ, принимая монашество, пожелаетъ пожертвовать въ монастырь свою землю, то его однесельчане имѣютъ право внести вмѣсто того цѣнность имѣнія, а саміи участокъ удержать за собою. Ясное дѣло, что только въ рѣдкихъ случаяхъ крестьяне рѣшились бы воспользоваться своимъ правомъ, которое ни въ какомъ случаѣ не могло заключать для нихъ ничто принудительнаго, а между тѣмъ для другой стороны могло представляться неудобнымъ, несогласнымъ съ благочестіемъ и уваженіемъ къ церкви. Если же мы предположимъ, что восьмая статья новеллы имѣла въ виду только прошедшее, то-есть, другими словами—давать право выкупа на такіе участки, которые были пожертвованы въ монастыри ранѣе изданія закона, а на будущее время рѣшительно и безусловно воспрещала передачу крестьянской земли въ пользу монастырей (такъ объяснялъ доводу Романа императоръ Василій II),—то такая рѣшительная мѣра никакъ не могла быть приведена въ исполненіе или даже въ дѣйствіе двумя-тремя стрелами неразумительнаго законоподоженія. Понадобилась другая болѣе смѣлая вода и другой болѣе энергическій характеръ, чтобы громко сказать то, что жаль, можетъ быть, сказать Романъ Лакапинъ, чтобы прямо указать на дѣйствительныя средства для противодѣйствія ему. Эта честь принадлежитъ императору Никифору Фоку, и безъ сомнѣнія—ему одному, хотя въ заглавіи знаменитой новеллы 964 года опять стоятъ имя патриція и протаскриты Симеона, какъ ея автора или редактора (ср. выше). Вотъ что гласитъ этотъ удивительный законодательный памятникъ:

„Искупитель нашъ, заботясь о нашемъ спасеніи и указывая пути къ нему, прямо наставляетъ насъ, что многосѣжаніе служитъ существеннымъ къ тому препятствіемъ. Предостерегая насъ противъ излишняго, онъ запрещаетъ даже пещися о пищѣ завтрашняго дня, не только что о жезлѣ, сумѣ или другомъ хитонѣ. И вотъ, наблюдая теперь совершающееся въ монастыряхъ и другихъ священныя домахъ и замѣчая явную болѣзнь (ибо иначе я не могу назвать того,

что вижу), которая въ нихъ обнаруживается, я не могу предумать, каковыя вѣдѣствы могутъ быть исправленю зло, и каковыя наказаніемъ я долженъ преслѣдовать безмѣрное любостыжаніе... Кто изъ святыхъ отцевъ училъ этому, и каковыя вѣдѣствы они слѣдуютъ, доислѣди до такого малочества и до такого безумія?—Каждый день они стараются приобрѣтать тысячи десятинъ земли (γῆς κλέφρα πορία), строить роскошныя зданія, разводить превышшающіе всякое число табуны лошадей, стада воловъ, верблюдовъ и другаго скота, обращая на это всю заботу своей души, такъ что монашествованіе уже ничѣмъ не отличается отъ мірской жизни со всѣми ея сутышными заботами. Развѣ слово Божіе не гласитъ нѣчто совершенно тому противное и не заповѣдуетъ имъ полную свободу отъ такихъ попеченій (не щитытеся, рече, что есте или что шете)? Развѣ оно не ставитъ въ примѣръ и порамленіе намъ беззаботность летающихъ воробейвъ? Развѣ апостолъ не говоритъ: „Отъ мои руки послуживши мнѣ и моимъ“ (Дѣян. XX, 34); и въ другомъ мѣствѣ: „имѣя ницу и кровь, будемъ этимъ довольны“ (I Тимое. VI, 8). Посмотри, какой образъ жизни вѣдѣствы отцы, которые нѣкогда просіяли въ Египтѣ, Палестинѣ, Александріи и въ другихъ концахъ земли: ты увидишь, что жизнь ихъ была до такой степени проста, какъ будто они жили одною душою: я уже достигли безтѣлесности ангеловъ.

Христовъ сказалъ, что царствіе Христова возмощается только съ большими усиліями и достигается многими скорбями. Но когда я посмотрю на тѣхъ, которые дають обѣтъ монашеской жизни и вѣрнѣнною одеждою какъ бы знаменуютъ свое отреченіе отъ міра, и вижу, какъ они обращаютъ въ ложь свои обѣты и какъ противорѣчатъ поведеніемъ своему виду (скимъ), то я не знаю, не слѣдуетъ ли скорѣе назвать все это пустынь театральнымъ представленіемъ, придуманнымъ для посмѣванія имени Христова. Не апостольская это заповѣдь, не отеческое преданіе—приобрѣтеніе многодесятиныхъ громадныхъ нагѣстій и множество заботъ о плодовыхъ деревьяхъ. Это не соотвѣтствуетъ строгимъ требованіямъ добродѣтельной жизни, но скорѣе есть дѣло тѣлесной нужды, при чемъ болѣе духовное уступаетъ мѣсто болѣе мірскому: нужда въ потребность съ теченіемъ времени обратилась въ неутиренность (ἀρτηρίαν), какъ обыкновенно все дурное, начавшись отъ малыхъ началъ и потеченіемъ, превращается потомъ въ большее зло.

Въ виду всего этого вспомнитъ, почему люди, движимые желаніемъ сдѣлать что-нибудь для угожденія Богу и вращенія своихъ грѣховъ,

презирать столь удобную для исполненія, освобождающую отъ заботъ заповѣдь Христа, повелѣвающую продать имѣніе и раздать нищимъ; а вмѣсто того, какъ бы намѣренно желая сдѣлать ее трудною и хлопотливою и наложить на себя множество заботъ, наперерывъ стремятся устроить монастыри, странноприимныя дома и богадѣльни. Въ прежнія времена, когда въ такихъ учрежденіяхъ былъ недостатокъ, устройство ихъ заключало въ себѣ много похвальнаго. Но когда число ихъ прератилось во множество и стало превосходить всякую потребность и мѣру, а люди продолжаютъ отказываться отъ добра, совершаемаго съ великою легкостью, и обращаются къ устройству монастырей,—то кто не подумаетъ, что это добро уже не безъ примѣси зла, и не скажетъ, что къ шпенищѣ примѣшались и плевелы. А еще болѣе, кто не замѣтитъ, что богоугодное дѣло сдѣлалось однимъ прикрытіемъ тщеславія, дабы всѣмъ были явны дѣлающіе благое. Они уже не довольствуются тѣмъ, чтобы свидѣтелями изъ добрыхъ дѣлъ были только тѣ, которые при этомъ присутствуютъ, но хотятъ, чтобы и потомки не оставались въ невѣдѣніи объ ихъ добродѣтели. Въ то время, какъ есть тысячи другихъ монастырей, пострадавшихъ отъ времени и нуждающихся въ помощи, у насъ не хватаетъ усердія, чтобы потратиться для поправки ихъ и восстановленія; вмѣсто того мы всячески стремимся заводить собственные новые монастыри, дабы не только мы сами могли самоуслаждаться суетнымъ титуломъ (основателей), но дабы наше стояло явно и отдѣльно...

1) Вслѣдствіе того, желая съ корнемъ вырвать зло этого слабодобія, мы повелѣваемъ, чтобы желающіе быть благочестивыми и совершать дѣла пользы и человеколюбія, слѣдовали заповѣдямъ Христа и предавая имѣніе, раздавали цѣну его нищимъ... Если же есть между ними такіе, которые изъ любви къ прекрасному и высшему (такъ мы называемъ ихъ любочестіе) хотятъ устроить монастыри, странноприимныя и сиротскіе дома, то никто имъ въ этомъ не будетъ препятствовать. Но такъ какъ въ числѣ прежде выстроенныхъ монастырей есть много такихъ, которые, какъ сказано выше, пришли въ упадокъ и даже близки къ полному уничтоженію, то пусть они (такіе люди) прежде всего позаботятся о нихъ, пусть прострутъ руку помощи поверженнымъ на землѣ и на нихъ докажутъ свою любовь къ Богу. Если же, пренебрегая прежними монастырями, находящимися въ означенномъ печальномъ положеніи, и какъ бы закрывая на нихъ глаза, рождаютъ все-таки будутъ стремиться къ постройкѣ новыхъ таковыхъ зданій, то мы не можемъ похвалить такого дѣянія и даже

никакъ не можемъ допустить его, видя въ немъ ни что иное, какъ любовь къ суетной славѣ и явное безуміе... Что же касается способовъ, которыми можетъ быть осуществляема забота объ этихъ нуждающихся въ помощи монастыряхъ, то мы не требуемъ, чтобъ имъ были жертвуемы поля, помѣстья или зданія (ибо такихъ существуетъ за ними уже довольно отъ прежняго времени), но желаемъ, чтобы лица, имѣющія въ виду угодить Богу, продавъ поля и помѣстья, которыми владѣютъ, какимъ угодно мірскимъ людямъ, снабжали пренебреженные и упавшіе монастыри, а также ихъ по недостатку обработки вгунѣ лежація земли, надлежащими средствами ¹⁾), то-есть, доставляя имъ рабовъ, воловъ, стада овецъ и другаго скота. Ибо если мы будемъ жертвовать самыя поля и угодья, намъ принадлежація, то при существующемъ для монастырей законномъ запрещеніи продавать ихъ собственностью, мы прійдемъ къ тому же самому положенію, какъ и прежде, и оставимъ бѣдствующія и покинутые монастыри безъ всякой дѣйствительной помощи, такъ какъ за отсутствіемъ денегъ и рукъ они не въ состояніи будутъ предпринять что-либо полезное на своей землѣ.

Итакъ, огниѣ да не позволено будетъ никому завѣщывать поля и помѣстья монастырямъ, богодѣльнымъ и страннопримнымъ домамъ, или же митрополитамъ и епископамъ, такъ какъ это нисколько не приноситъ имъ пользы.

Если же какіе изъ прежнихъ монастырей или богоугодныхъ домовъ пользовались столь малымъ о себѣ попеченіемъ и находились въ такихъ дурныхъ рукахъ, что остались совершенно лишенными угодій (τόκων), то такимъ и впредь не будетъ препятствія пріобрѣтать достаточествующее съ вѣдома и разсмотрѣнія царскаго. А строить въ пустынныхъ мѣстахъ келліи и такъ называемыя лавры, которыя не стремятся къ пріобрѣтенію имѣній и чужихъ полей, а остаются въ предѣлахъ только собственной своей ограды (τῆ περὶ αὐτῶν τῆ ἰδίᾳ οὐκισμένης), мы не только не воспрещаемъ, но напротивъ считаемъ дѣломъ похвальнымъ.

Внутренняя и поставившая все это, я знаю, что для многихъ слова мои покажутся тяжкими и несогласными съ ихъ образомъ мыслей. Но я о томъ не забочусь, такъ какъ, по апостолу Павлу, я хочу угождать не людямъ, а Богу. Кто имѣетъ умъ и смыслъ и привыкъ смѣрять не на одну только поверхность, но способенъ идти далѣе

¹⁾ ἢ πρόβατα αἰτῶν τῆς προσηκούσης καταβίβωσιν.

и проникать въ глубь вещей, для того будетъ ясно, что ми прониесли рѣшеніе полезное для живущихъ по Богу, а также и для всего общества“ (τῆ κοινῆ πάντι).

Никто не откажетъ суровому солдату, который, однако, смѣлъ послѣ водъ царскимъ облаченіемъ никому невидную власяницу, въ прямотѣ лзыка и рѣшительности законодательныхъ мѣропріятій. Набожная Византія X вѣка должна была выслушать отъ своего императора рѣзкую обличительную проповѣдь, въ которой построеніе монастырей прямо называлось дѣломъ пустой суетности и тщеславія! Новая заповѣдь, которая должна была по обычаю называться божественною, въ сущности сводилась къ двумъ совсѣмъ неблагочестивымъ пунктамъ: въ ней запрещалось строить новые монастыри и дѣлать въ пользу старыхъ наиболѣе общія пожертванія и вклады. Никифоръ Фока говорилъ правду, объявляя, что онъ не ищетъ популярности. Трудно было думать о любви народной послѣ изданія такого закона въ первый годъ царствованія. Не смотря на всѣ свои успѣхи и подвиги военные, Никифоръ Фока до такой степени былъ ненавидимъ въ своей столицѣ, что, по словамъ Лютпранда, долженъ былъ превратить свой дворецъ въ крѣпость и эту крѣпость въ свое постоянное убѣжище.

Что думали о законодательномъ актѣ 964 года люди благочестивые, старцы и монахи, имѣвшіе наибольшее вліяніе на умы населенія, объ этомъ мы узнаемъ изъ новеллы вполнѣ и безусловно законнаго государя, принявшаго наконецъ въ собственные руки бразды правленія, изъ новеллы Василія Порфиророднаго. Въ иныхъ древнихъ спискахъ законоположеніе Никифора Фоки о монастыряхъ сопровождается замѣтою, что оно было отиѣнено (κατήργηθη) уже Іоанномъ Цимисхіемъ, убійцею Фоки (969—975 гг.); однако нѣтъ никакихъ слѣдовъ и признаковъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ послѣдовало формальное заявленіе въ этомъ смыслѣ ранѣе 988 года. Ничто не мѣшаетъ намъ думать, что нечестивый законъ не былъ примѣняемъ на дѣлѣ; но съ другой стороны, очень возможно, что и Цимисхій, и знаменитый „спальникъ“ (παρακοιμήτωρ), управлявшій государствомъ въ первые годы самодержавія Василіева, не желали разстаться съ такимъ оружіемъ, которое могло до времени храниться въ арсеналѣ или архивѣ, а при случаѣ могло очень послужить государственнымъ нуждамъ. Но вотъ наступилъ тяжелый годъ для Византійской имперіи и еще болѣе для царствующей династіи: успѣхи болгарскаго возстанія, сопровождаемаго страшнымъ раззореніемъ городовъ и селъ во Фракіи почти до

самаго Константинополя, неудачи въ южной Италіи, гдѣ Византіи приходилось бороться и съ Нѣмецкимъ императоромъ, и съ своими союзниками, африканскими Сарацинами, враждебныя отношенія къ Русскимъ, примиреніе съ которыми хотя послѣдовало именно въ этомъ самомъ году, но, по видимому, нѣсколько позднѣе апрѣля мѣсяца (когда издана была новелла), наконецъ радъ внутреннихъ междоусобій, готовыхъ завершиться полнымъ торжествомъ двухъ бунтовщиковъ, стоявшихъ въ виду столицы на азиатской сторонѣ пролива, все это вмѣстѣ привело имперію на край гибели и заставило ея правителей спросить себя: гдѣ же причина гнѣва Божія, очевидно, на нее обрушившагося. Тогда-то явилась „Новелла благочестиваго царя Василія Младшаго, окончательнo отмѣняющая (τάλειον ἀνατρέπον) законоположеніе царя Никифора противъ церквей и богоугодныхъ домовъ“, и возстановляющая силу добрыхъ законовъ Василія I и Льва Мудраго (Василики), а также Константина Багрянороднаго (новелла 947 года).

„Отъ монаховъ, засвидѣтельствовавшихъ себя благочестіемъ и добродѣтелью, а также отъ многихъ другихъ людей наше отъ Бога царство (ἡ ἐκ Θεοῦ βασιλεία ἡμῶν) узнало, что законоположеніе о Божіихъ церквахъ и богоугодныхъ домахъ, изданное кромѣ Никифоромъ, присвоившимъ себѣ царскую власть (καρὰ τοῦ τῆς βασιλείας ἐπιβάντος καρὰ Νικηφόρου), сдѣлалось причиной и корнемъ настоящихъ бѣдствій, (причиною) ниспроверженія и смятенія этой вселенной (τῆς οὐκουμένης ταύτης), такъ какъ эти законы направлены къ оскорбленію и обидѣ не только церквей и богоугодныхъ домовъ, но и самого Бога. Все другое, а также и самый опытъ утверждаетъ насъ (въ такой мысли); ибо съ тѣхъ поръ какъ это законоположеніе вошло въ силу и до настоящаго дня никакой, даже самаго малѣйшей удачи мы не встрѣтили въ нашей жизни, но напротивъ не осталось такого вида несчастія, котораго мы не испытали бы. Посему настоящею нашею благочестивою золотою грамотою съ нашимъ подписаніемъ мы постановляемъ, чтобы съ настоящаго дня сказанное законоположеніе считалось не дѣйствующимъ и оставалось впредь отмѣненнымъ и не имѣющимъ силы. Вмѣсто того пусть вступятъ опять въ дѣйствіе тѣ законы о Божіихъ церквахъ и богоугодныхъ домахъ, которые прекрасно и боголюбиво были изданы незабвеннымъ нашимъ дѣдомъ, а также его отцемъ и дѣдомъ. Чтобы настоящее наше постановленіе впредь оставалось твердымъ и неизмѣннымъ, мы подписали оное

собственной рукою и повелѣли приложить внизу нашу золотую печать 4-го дня апрѣля мѣсяца I-го индикта въ 6496 году“.

Ни золотая печать, ни красная подпись Болгаробойцы не сообщили однако постановленію 988 года неумиѣнной прочности. Страхъ Византійцевъ къ построению все новыхъ монастырей была такъ велика, ея разлагающее дѣйствіе на сельскія общины и крестьянскіе землевладѣнія, и слѣдовательно, на государственное благосостояніе было такъ очевидно, что самъ авторъ манифеста, осудившаго нечестивое законоположеніе Никифора Фокія, не могъ остаться вѣрнымъ своему заявленію, вынужденному тяжелыми затрудненіями минуты и монашескими внушеніями. Не прошло десяти лѣтъ, и самъ Василій II принужденъ былъ принимать мѣры къ обузданію набожности своихъ подданныхъ, говорить въ духѣ тѣхъ возрѣній, которыя продиктовали смѣлныя строки богопротивнаго законоположенія 964 года. Въ знаменитой большой новеллѣ 996 года, содержаніе которой относительно свѣтскаго землевладѣнія намъ уже извѣстно, идетъ также рѣчь и о монастырскомъ землевладѣніи.

Изъ заявленій, поступающихъ къ намъ со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ можно сказать округовъ (темъ), мы узнаемъ, что цѣлыя селенія не только терпятъ вредъ и стѣсненія, но и совсѣмъ перестаютъ существовать, забираемыя монастырями (Βλαπτόμενα... ἀδικούμενα... ἀφωυλόμενα). Происходить это, говорятъ, во многихъ селахъ такъ, что вотъ какой-нибудь крестьянинъ (χωρίτης) строитъ на собственномъ своемъ мѣстѣ церковь и приписываетъ къ ней, съ согласія своихъ односельчанъ (Βουλόμενον καὶ τῶν συχωριτῶν αὐτοῦ), собственный участокъ, затѣмъ дѣлается самъ монахомъ, и поселяется при ней (церкви) до конца своей жизни; далѣе также поступаютъ еще одинъ и другой крестьянинъ, и такимъ образомъ набралось тамъ два и три монаха. Эткихъ трехъ монаховъ достаточно; послѣ ихъ смерти мѣстный митрополитъ или епископъ захватываетъ церковь, присваиваетъ ее себѣ и называетъ монастыремъ. Митрополиты и епископы, или удерживая за собою таковыя монастыри, или отдавая ихъ въ видѣ дара властелямъ, наносятъ большой ущербъ селамъ, обижаятъ ихъ и доводятъ до полного уничтоженія (ἐξαλείφουσι). Мы повелѣваемъ, чтобы такимъ образомъ возникшіе молитвенныя дома (εὐχτήρια) — (но мы не хотимъ называть ихъ монастырями) — были всѣ возвращаемы опять „убогимъ“, и чтобы сторона митрополіи или епископіи была оттуда совершенно устранима. А если епископы или митрополиты подарили ихъ какимъ-либо „особамъ“ (προσώποις), то и эти особы от-

туда выгоняются, если даже ихъ владѣніе имѣть за собою долгое время, (ибо мы опредѣляемъ, что давность въ этомъ случаѣ не имѣетъ никакой силы), а сами молитвенные дома возвращаются сельчанамъ и остаются и на будущее время молитвенными домами, но подъ властію сельской общины (ἀλλ' ὅκ' τὰ χωρία), и пусть въ нихъ будутъ старцы (καλοῦήροια), сколько и прежде было. Митрополиты или епископы могутъ имѣть здѣсь только духовныя права: право возношенія (τὴν ἀναφοράν, упоминаніе въ церковныхъ молитвахъ), право поставленія (τὴν ἐφαγίδα) игумена или настоятеля и право исправленія совершаемыхъ калогерами грѣховъ, а впрочемъ не должны получать отсюда ни такъ называемаго „обычнаго“ (τὴν συνήθειαν), ни какихъ-либо другихъ поборовъ, получаемыхъ ими отъ монастырей. Притомъ села, имѣющія вышеозначенные молитвенные дома, обязаны имѣть въ нихъ столько калогировъ, сколько ихъ было прежде.. Если же въ какіе изъ этихъ молитвенныхъ домовъ сдѣланы были пожертвованія и влады императоромъ, и они имѣютъ также келліи (καθίσματα), то хотя это и не согласно съ строгимъ правомъ, но ради царскаго попеченія (πρόνοιας βασιλικῆς), котораго они удостоились, пусть они остаются и впредь подъ властію своихъ митрополитовъ или епископовъ, но съ тѣмъ чтобъ они не могли быть передаваемы другимъ лицамъ... Равнымъ образомъ, если въ монастыряхъ, которые составились такимъ образомъ въ извѣстныхъ селеніяхъ, постриглись потомъ многіе изъ сосѣдей и пожертвовали въ нихъ свои поземельные участки, и такимъ образомъ образовались уже большіе монастыри, имѣющіе выше восьми или десяти монаховъ, то хотя это можетъ быть и несогласно съ строгимъ правомъ, мы все-таки благоволяемъ на то, чтобъ они были подъ властію митрополитовъ и епископовъ и могли быть безпрепятственно даримы или передаваемы кому угодно. Однако, при этомъ нужно имѣть въ виду то условіе, что такіе монастыри должны ранѣе имѣть свыше означеннаго числа восьми или десяти монаховъ и теперь же располагать средствами для ихъ содержанія, такъ какъ они не могутъ дѣлать новыхъ пріобрѣтеній, согласно съ запрещеніемъ, изданнымъ при нашемъ прадѣдѣ царѣ Романѣ Старшемъ (см. новеллу 934 г.), а теперь возобновляемымъ нами. Если бы послѣ изданія настоящаго постановленія митрополиты и епископы отправили въ монастыри, не удовлетворяющіе вышеозначенному условію относительно количества постриженныхъ въ немъ лицъ, и гораздо болѣе восьми или десяти монаховъ, то хотя бъ и земли было достаточно для всѣхъ этихъ мо-

наховъ, мы все-таки не можемъ признать такого монастыря за дѣйствительный монастырь, а будемъ считать его за молитвенный домъ, принадлежащій сельской общинѣ (εις ἀναγκηφόρα κρησιν γυνάμεν) и находящійся подъ властію сельчанъ. Что же касается самостоятельныхъ и большихъ старинныхъ монастырей, то хотя бъ они и не имѣли значительнаго числа монаховъ, и даже вслѣдствіе нерадѣнія митрополита или епископа оставались совсѣмъ безъ монаховъ, мы опредѣляемъ, что они по прежнему должны быть подъ властію митрополитовъ и епископовъ и могутъ быть дарены и передаваемы митрополитами и епископами, кому имъ будетъ угодно.

В. Васильевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЯХЪ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНІЯ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ВЪ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

I.

Курсъ естественной исторіи въ реальныхъ училищахъ трехгодичный; онъ начинается въ V классѣ и заканчивается въ VII (въ основномъ отдѣленіи). Хотя многіе ученики и не доходятъ до VII класса, такъ что для нихъ занятія естественными науками продолжаются всего два года, но въ виду все-таки значительнаго процента юношей, поступающихъ въ VII (дополнительный) классъ, правильнѣе разсматривать курсъ естественной исторіи въ реальныхъ училищахъ, какъ трехгодичный. По требованіямъ программы въ это время полагается ознакомить учениковъ съ минералогіей, съ общими основаніями морфологій животныхъ и растений, съ системою животнаго и растительнаго царства и съ главными основаніями физиологій растений и животныхъ. Преподаватель естественной исторіи въ реальныхъ училищахъ имѣетъ дѣло съ учениками уже взрослыми, средней уровень развитія и подготовка которыхъ обыкновенно въ достаточной степени соответствуютъ уже тѣмъ условіямъ и требованіямъ, при которыхъ возможно болѣе или менѣе серьезное изученіе главныхъ фактовъ и выводовъ естественныхъ наукъ, — тѣхъ фактовъ и выводовъ, которые должны лечь въ основу правильнаго и здраваго пониманія явленій окружающей природы. Очевидно здѣсь нельзя уже смотрѣть на естественно-историческій матеріалъ исключительно съ точки зрѣнія пригодности его для предметныхъ уроковъ и нагляднаго обученія, нельзя

видѣть въ немъ только средство для развитія въ ученикахъ наблюдательности и т. д.; здѣсь, напротивъ, слѣдуетъ смотрѣть на него, какъ на науку, факты и выводы которой способны создать определенное и здоровое отношеніе къ явленіямъ природы. Благодаря такой постановкѣ дѣла, и самое преподаваніе естественной исторіи въ реальныхъ училищахъ не можетъ ограничиваться одною внѣшнею стороною предмета: отыскиваніемъ, сличеніемъ и заучиваніемъ наружныхъ признаковъ съ прибавленіемъ иллюстрацій изъ жизни животныхъ, да указаній на пользу и употребленіе растений; преподаваніе должно стремиться сдѣлать эти элементарные приемы изученія не цѣлью, но средствомъ для полученія нѣкоторыхъ выводовъ и обобщеній. Ученики реальныхъ училищъ сравнительно легко и скоро научатся постигать даже довольно сложныя соотношенія въ расположеніи органовъ; они схватываютъ эти соотношенія даже и въ томъ случаѣ, если послѣднія представлены на разрѣзѣ, или въ видѣ схемы; это обстоятельство, конечно, значительно облегчаетъ дѣло преподавателя и берегаетъ время, потребное на выясненіе сложныхъ подробностей строенія. Научный естественно-историческій матеріалъ, — какъ ни великъ и ни обширенъ онъ въ настоящее время, — представляетъ столько стройности и порядка въ группировкѣ фактовъ, что изъ него безъ затрудненія можно выбрать наиболѣе важное и характерное и устранить второстепенное и менѣе общее, — выдѣлить тотъ рядъ выдающихся и прочно установленныхъ фактовъ, на изученіи которыхъ и основывается правильное пониманіе доступныхъ наблюденію явленій природы. По самому свойству матеріала своего естественныя науки могутъ быть преподаваемы съ успѣхомъ только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы каждый, по возможности, предметъ, изучаемый въ классѣ, находился передъ глазами учениковъ, чтобы они сами могли изслѣдовать всѣ его особенности. Преподаваніе должно сопровождаться показываніемъ тѣхъ объектовъ, о которыхъ идетъ рѣчь; вездѣ, гдѣ можно, въ рукахъ учениковъ должны быть тѣ предметы, которые они изучаютъ; чего нельзя показать въ натурѣ, то должно быть представлено въ видѣ искусственныхъ препаратовъ, или на рисункахъ. Послѣднее условіе вызываетъ необходимость имѣть въ училищѣ благоустроенный кабинетъ естественной исторіи, гдѣ были бы собраны подходящія къ курсу и рационально выбранныя учебныя пособія, то-есть такія, которыя толково задуманы и хорошо исполнены. Практика показываетъ, что составить вполне удовлетворительную коллекцію учебныхъ пособій — дѣло не

совсѣмъ простое, хотя можетъ, быть, съ перваго взгляда и можетъ показаться простымъ и несложнымъ.

Накупить чучелъ, скелетовъ, моделей и картинъ и запереть все это въ шкафы еще не значить составить кабинетъ естественной исторіи. Сколько при этомъ попадетъ нигуда негоднаго и лишняго хлама, сколько денегъ потратится на пошукну дорогихъ и съ виду блестящихъ вещей, которыя потомъ бѣшь всякой пользы: будутъ занимать отведенное имъ мѣсто. Подобные промахи въ большинствѣ случаевъ положительно зависятъ отъ пронырливости и неумѣнья лица, составляющаго кабинетъ, но часто бывають и результатомъ невольнаго отсутствія въ продажѣ, въ извѣстномъ мѣстѣ, родныхъ и хорошихъ вещей. Присматриваясь къ выходящимъ въ свѣтъ различнымъ учебнымъ пособиямъ, не трудно замѣтить, что многія изъ нихъ носятъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ невѣдана и неумѣнья взятца за дѣло; но тѣмъ не менѣе эти пособия покупаются и ужь конечно не за такія небудь достоинства, которыхъ въ нихъ нѣтъ, а просто за неимѣніемъ на мѣстѣ ничего лучшаго. Составитель или издатель пособия, если онъ самъ не педагогъ, рѣдко справляется объ истинныхъ нуждахъ училища, а преподаватель, то-есть тотъ, кому это вѣдать надлежало бы, молчитъ и не заявляетъ о своихъ надобностяхъ. Отсюда и происходитъ равногласіе между спросомъ и предложеніемъ, не совсѣмъ выгодно отзывающаеся и на преподаваніи.

Относительно количества учебныхъ пособій въ настоящее время затрудняться, повидимому, нѣтъ причинъ: достаточно указать на существованіе нѣсколькихъ мастерскихъ въ одномъ только Петербургѣ, не говоря уже о мастерскихъ заграничныхъ. Пространные каталоги, напримѣръ магазина Фену въ Петербургѣ, при выборѣ затрудняютъ скорѣе избыткомъ предлагаемыхъ предметовъ, чѣмъ ихъ недостаткомъ. И съ каждымъ годомъ количество новыхъ учебныхъ пособій увеличивается довольно замѣтно и быстро, по мѣрѣ того какъ растетъ общее сознаніе необходимости нагляднаго преподаванія естественныхъ наукъ. Совсѣмъ не то встрѣтимъ, если обратимъ вниманіе на качество существующихъ въ продажѣ учебныхъ пособій. Въ этомъ отношеніи большинство имѣющагося по этой части матеріала распадается на двѣ группы, соотвѣтствующія двумъ довольно распространеннымъ взглядамъ на методъ преподаванія естественной исторіи въ среднихъ-учебныхъ заведеніяхъ: одни изъ педагоговъ довольно неблагосклонно смотрять на разныя пособия, находя въ нихъ тотъ недостатокъ, что пособия убиваютъ самостоятельность учениковъ; въ

тѣхъ случаяхъ, когда натуральныхъ объектовъ оказывается недостаточно, они вводятъ въ дѣло схематизированные препараты, которые даютъ лишь самое общее представление о строеніи органа. Другіе, напротивъ, стараются показывать въ видѣ искусственныхъ препаратовъ даже такіа вещи, которыя съ гораздо большимъ успѣхомъ могутъ быть изучены на натуральныхъ объектахъ¹⁾. Въ одномъ случаѣ препаратъ будетъ имѣть значеніе не больше, чѣмъ рисунокъ, набросанный мѣломъ на доскѣ; въ другомъ онъ совершенно устранилъ исследование учениками предметовъ въ живомъ состояніи. Главная задача составленія хорошей коллекціи естественно-историческихъ учебныхъ пособій и состоитъ именно въ томъ, чтобы обойти эти крайности.

Между существующими учебными пособиями можно различить три категоріи: въ первой принадлежатъ естественные препараты — чучела, скелеты, гербаріи, собранія минераловъ и т. д., во второй препараты искусственные, сдѣланные изъ гипса, панъ-маши, воска и т. д. Большинство этихъ пособій сдѣлано, конечно, съ цѣлью помочь дѣлу преподаванія: представить съ одной стороны въ возможной ясности тѣ подробности, которыя по сложности своей не могутъ быть исследованы самими учениками, съ другой — дать изображенія и модели такихъ предметовъ, которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не могутъ быть получены на мѣстѣ. Но въ видѣ рисунка или препарата можетъ быть представлено все, что угодно; однако обогащать коллекцію пособій всевозможными препаратами и рисунками только потому, что они представляютъ объекты животнаго или растительнаго міра, очевидно нѣтъ никакого основанія. Прежде всего не слѣдуетъ упускать изъ виду, что натуральный объектъ лучше всякаго препарата и понятнѣе всевозможныхъ рисунковъ, если притомъ во разбѣрамъ своимъ онъ можетъ быть изучаемъ безъ помощи лупы и микроскопа. На этомъ основаніи, конечно, всѣ тѣ рисунки и препараты, которые представляютъ цѣликомъ животныхъ или растенія, могутъ играть въ училищной коллекціи лишь второстепенную роль. Они должны не замѣнять, а только дополнять тотъ живой матеріалъ, который имѣется подъ руками. Нѣсколько больше значенія имѣютъ препараты и рисунки, представляющіе различныя детали строенія или мелкіе микроскопическіе объекты. Но значеніе этихъ пособій опредѣ-

¹⁾ Къ такимъ препаратамъ принадлежитъ, напримѣръ, коллекція гуттаперчевыхъ моделей цвѣтковъ Бренделя.

месте уже другими частями: детальные препараты важны потому, что облегчают изучение запутанных и сложных анатомических отношений; изображения мелких объектов — потому, что в средних учебных заведениях микроскопическим наблюдениям не могут быть значительного применения и знакомство с мелкими суставами, члениками, червями и инфузориями и т. д. может быть приобретено преимущественно с помощью рисунков и препаратов.

Общее же достоинство всевозможных пособий определяется ясностью, отчетливостью, отсутствием излишней схематизации, а также и мелких второстепенных подробностей. Какъ на просты въ сущности эти требования, практика показывает однако, что удовлетворить имъ не такъ-то легко. Рисунокъ или препарат по самой сущности своей не могутъ передать всего, что представляютъ органъ или организмъ въ живомъ естественномъ состояннн. Воспроизводя, тѣмъ или другимъ способомъ, тотъ или другой органъ, всегда приходится жертвовать известными частностями, известными особенностями. Не далеко не все равно, чѣмъ пренебречь, какую сторону оставить безъ вниманнн; какую, наоборотъ, усилить. Нельзя, что пособие, годное для элементарныхъ школъ, будетъ недостаточнн для средних учебныхъ заведеннн; пособие, годное для университетскаго преподаваннн, также не найдетъ мѣста въ среднемъ учебномъ заведеннн. Очень ошиблись бы тѣ, которые захотѣли бы выписать учебныя пособия, руководствуясь исключительно указаннми и рекомендацнми каталоговъ и не потому именно, чтобы въ каталогахъ намѣренно вносили вещи выдавались за хорошия, но потому, что отзывы каталоговъ, составленные обыкновенно въ самыхъ общихъ выраженннхъ, очень мало или даже вовсе ничего не говорятъ о степени пригодности данной вещи для той или другой цѣли. Между тѣмъ целесообразность и стоимость насчитать, вторично, помимо осталнаго, не является достоинство учебныхъ пособнн. Выписывающнй обыкновенно знаетъ, что ему нужно; но убѣдиться, что вещь соответствуетъ требованннхъ, часто можно только тогда, когда она уже въ рукахъ. Очень можетъ быть, многне возражать, что достиженне удовлетворительныхъ результатовъ зависитъ не столько отъ равныхъ пособнн, сколько отъ самого преподавателя, что хорошнй толковнй учитель не затруднится выложить то, что нужно, даже и въ томъ случаѣ, когда у него подъ рукамн будутъ пособия и не вполне удовлетворяющн своей цѣли. Это справедливо, но только отчасти; не слѣдуетъ забывать, что съ дурными и мало пригодными къ дѣлу посо-

бими преподаватель часто можетъ быть, вопервыхъ, поставленъ въ очень неудобное положеніе — примѣнять свой курсъ къ измѣняющимся подъ руками пособіямъ, тогда какъ въ дѣйствительности должно быть какъ разъ наоборотъ; вовторыхъ, онъ потратитъ при этомъ несравненно больше труда и времени. Признавая же въ принципѣ необходимость хорошихъ учебныхъ пособій, необходимо дѣлать изъ нихъ строгій выборъ, что и возможно въ настоящее время при такомъ ихъ изобиліи и сравнительной дешевизнѣ.

Въ предлагаемой замѣткѣ мы попытаемся представить, вопервыхъ, перечень тѣхъ пособій, которыя существенно необходимы въ кабинетѣ естественной исторіи реальнаго училища и вообще средняго учебнаго заведенія; вовторыхъ, общій обзоръ съ точки зрѣнія пригодности или непригодности для преподаванія тѣхъ существующихъ въ продажѣ пособій, которыя намъ удалось видѣть въ разныхъ магазинахъ и мастерскихъ Петербурга и въ музеѣ Солянаго городка. Нисколько не претендуя на полноту и законченность очерка, мы просто желаемъ подѣлиться съ тѣми, кого это интересуетъ, личными впечатлѣніями, вынесенными какъ изъ нашихъ экскурсій по магазинамъ, мастерскимъ и музеямъ, такъ и изъ тѣхъ опытовъ приложенія разныхъ пособій на урокахъ, которые намъ лично довелось сдѣлать.

II.

При одѣнкѣ естественно-историческихъ пособій, какъ и всякихъ другихъ пособій, необходимо имѣть въ виду, вопервыхъ, идею, которой руководствовался составитель, вовторыхъ тотъ подборъ матеріала, въ которомъ выразилась эта идея и, третьихъ, самое исполненіе, то-есть тѣ техническіе приемы, съ помощью которыхъ составитель осуществилъ свою идею. Только то учебное пособіе и можетъ считаться удовлетворительнымъ, которое выдерживаетъ критику съ этихъ трехъ точекъ зрѣнія. Что касается технической стороны дѣла, то здѣсь разногласія быть не можетъ: дурной, то-есть, неясный или невѣрный рисунокъ или препаратъ всѣми будутъ признаны за таковое безъ всякихъ недоразумѣній. Но когда вопросъ коснется основной мысли, дѣла пособія и ея осуществленія, то во многихъ случаяхъ разные лица отнесутся различно въ одной и той же вещи, потому что цѣлесообразность — понятіе относительное и зависитъ отъ личнаго взгляда каждаго на предметъ. Вѣрны ли будутъ эти взгляды, это другой вопросъ; но ихъ всегда нужно имѣть въ виду, иначе не будетъ во-

натию, почему данную вещь признають или не признають удовлетворительною. Различіе во взглядах зависитъ отъ неодинаковаго пониманія курса среднихъ учебныхъ заведеній и можетъ касаться какъ объема, такъ и содержанія курса, такъ что въ крайнихъ случаяхъ разногласіе можетъ быть настолько существеннымъ, что и самыя сужденія объ учебныхъ пособияхъ съ разныхъ точекъ зрѣнія выйдутъ диаметрально противоположными. На этомъ основаніи мы считаемъ умѣстнымъ сказать прежде нѣсколько словъ о постановкѣ курса и объ условіяхъ преподаванія, которыя возможны въ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ естественная исторія проходитъ въ старшихъ классахъ. Изъ всѣхъ отраслей естествознанія биологическія науки, какъ по обширности и разнообразію научнаго матеріала, такъ и по важности выводовъ должны безспорно занимать здѣсь первое мѣсто. Начнемъ съ зоологіи. Здѣсь прежде всего мы позволимъ себѣ остановиться, хотя это и не относится прямо къ дѣлу, на одномъ, недавно появившемся мнѣніи относительно порядка изложенія этой науки въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Мнѣніе это высказано однимъ изъ нашихъ педагоговъ, г. Гердомъ, въ его учебникѣ зоологіи и такъ какъ оно касается, съ одной стороны, самой постановки курса, съ другой является вполне выраженнымъ и законченнымъ, то мы и позволимъ себѣ нѣсколько на немъ остановиться. Г. Гердъ полагаетъ, что зоологію слѣдуетъ преподавать, начиная съ низшихъ формъ и перехода постепенно къ высшимъ на томъ основаніи, что будто противоположный порядокъ ведетъ къ неправильному представленію о постепенной деградаціи и линейномъ расположеніи формъ и что при этомъ совершенно усложняетъ у учениковъ понятіе о концентрическомъ расположеніи формъ жемчужаго типа. Такое мнѣніе нельзя признать правильнымъ и самый порядокъ изложенія зоологіи по этому методу представляеть много неудобствъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы начать курсъ съ вретисловъ, нужно будетъ ознакомить учениковъ съ протоплазмой, хотя настолько, чтобы они могли понимать такіе организмы, какъ амёба; изучать же протоплазму, какъ извѣстно, очень удобно у растений. Слѣдовательно сначала придется познакомить учениковъ съ растеніями. Самъ г. Гердъ признаетъ, что при его методѣ ученики должны сначала пройти ботанику. Не говоря уже о томъ, какъ существенно можетъ быть подобное требованіе, нужно взять еще въ расчетъ то, что протоплазму пришлось бы изучать въ реальныхъ училищахъ въ V классѣ, а изученіе ея требуетъ микроскопическихъ наблюденій и ужь по этой одной причинѣ въ V классѣ оно

немыслимо, потому что употребленіе микроскопа здѣсь еще не удобно и не можетъ принести существенной пользы. Если же имѣть въ виду учениковъ совершенно еще незнакомыхъ ни съ высшими, ни съ низшими растеніями, то очевидно здѣсь пришлось бы просто ограничиться демонстраціею амобы, пласмодія, или протопласматическихъ токовъ въ клеткахъ херъ, влѣткахъ водлистерія и т. д. Такое изученіе протоплазмы, начатое съ абсурта, въ лучшемъ случаѣ имѣло бы послѣдствіемъ только то, что ученики зазубрили бы тѣ ея свойства, которыя указалъ бы имъ преподаватель, но очень сомнительно, чтобы этимъ путемъ они могли, какъ слѣдуетъ, ознакомиться съ протоплазмой. Въ самомъ дѣлѣ для пониманія протоплазмы и какъ вещества и какъ организма, требуется еще многое и прежде всего нѣкоторый запасъ физико-химическихъ свѣдѣній. Пришлось бы слѣдовательно сдѣлать еще одно отступленіе для введенія въ курсъ основныхъ физико-химическихъ свѣдѣній. Это отняло бы немало времени и все-таки не много помогло бы дѣлу, потому что и самыя эти обрывки физико-химическихъ свѣдѣній, введенныя въ курсъ эпизодически и притомъ въ слатомъ видѣ, страдали бы тѣмъ же недостаткомъ, какимъ страдаетъ и самое изученіе протоплазмы въ V классѣ, то-есть неопытною и несвоевременною. Самыя причины, которыя побуждаютъ вести преподаваніе зоологіи въ восходящемъ порядкѣ, вовсе не такъ важны и значительны, чтобы ради ихъ слѣдовало непремѣнно начинать курсъ съ протистовъ, пренебрегая всѣми трудностями, которыя приходится при этомъ одолевать и преподавателю и ученикамъ. По словамъ г. Герда (смъ предисловіе къ его учебнику зоологіи) „при восходящемъ порядкѣ изложенія возможно развитіе въ учащихся основательныхъ понятій о процессахъ обособленія, интегрированія, постепеннаго раздѣленія труда въ отправленияхъ животнаго организма и проч. Только при такомъ порядкѣ возможно осмысленное пониманіе изучаемой формы и ея отношеній къ другимъ формамъ. Наконецъ только при такомъ порядкѣ возможно понятіе о древовидномъ расхожденіи типовъ. Противоположный же порядокъ, отъ высшихъ къ низшимъ, неизбежно вынуждаетъ учащихся ложныя представленія о линейной послѣдовательности и о постепенной деградаци“. Въ этихъ положеніяхъ бросается въ глаза то, что здѣсь хлопочуть о выясненіи процессовъ интегрированія, обособленія раньше, чѣмъ дано понятіе объ общемъ ходѣ развитія, хлопочуть о выясненіи постепеннаго раздѣленія труда въ отправленияхъ организма—раньше, чѣмъ дано понятіе о

самых отвлеченных. А что касается последней причины, то есть опасения вызвать ложное представление о линейном расположении форм, то трудно понять, почему непременно оно должно явиться, если начать с высших, и почему его удастся избежать, если начать с простых. Предполагать возможность появления подобного ложного взгляда у учеников можно было, пожалуй, тогда еще, когда не были выяснены и установлены соотношения между отдельными группами животного царства, когда не обращали внимания на переходные формы, когда еще эмбриология не имела того значения, какое она имеет теперь. Понятно, что и теперь, если избирать указаний на сходные черты, пренебрегать переходными формами и не пользоваться данными эмбриологии, — и теперь можно легко повести дело так, что ученики неизбежно придут къ представлению о постепенной деградации и концентрическое и древовидное расположение форм каждой типа останется для них несмысленным и не спасет их от этого ни восходящий, ни нисходящий порядок. Вся сила в томъ, как излагать и на что обращать внимание, а не въ томъ, съ какого конца начинать. Противъ другихъ возражений, которые можно бы было привести противъ восходящаго метода, укажемъ еще на одно: естественный путь приобретения начальныхъ свѣдѣній изъ какой угодно области человѣческихъ знаній слѣдуетъ считать тотъ путь, который шла сама наука, а это путь отъ явленій ближайшихъ, подлежащихъ непосредственному наблюдению въ явленіямъ болѣе запутаннымъ и сложнымъ. Географія и математика стали процвѣтать въ шлохъ именно съ того времени, какъ вышли на эту дорогу. Почему же должно уклоняться отъ нея естественнѣе? Къ чему начинать съ труднѣйшаго, когда есть возможность избрать болѣе легкій путь? Развѣ изученіе позвоночныхъ не можетъ дать хорошаго запаса фактовъ, развѣ естественная исторія млекопитающихъ, напримеръ, не представляетъ такихъ чертъ, которыя способны доставить матеріалъ для выводовъ и обобщеній. Наконецъ просто непрактично даже начинать съ простыхъ, потому что при этомъ пришлось бы оставить безъ вниманія тотъ матеріалъ, который имеется уже готовымъ у учениковъ, съ которымъ они являются въ училище; всё они читали кое-что, кое-что видѣли сами; остается только разработать этотъ матеріалъ, главнымъ образомъ относящійся къ естественной исторіи высшихъ позвоночныхъ, придать ему надлежащее освѣщеніе и это будетъ лучшимъ началомъ для дальнѣйшаго изученія новыхъ фактовъ.

Переходимъ къ постановкѣ курса зоологій. Курсы этотъ многие начинаютъ съ обзора анатоміи человѣка и млекопитающихъ. Тогда зоологія является какъ бы прибавленіемъ къ курсу анатоміи, что по нашему мнѣнію нарушаетъ равновѣсіе между обоими предметами. Изученіемъ внѣшней формы тѣла и фактовъ, объясняющихъ ея особенности, не только не слѣдуетъ пренебрегать, напротивъ, ему слѣдуетъ предоставить по возможности болѣе мѣста, потому что изученіе внѣшней формы, хотя напримѣръ млекопитающихъ, даетъ въ руки хорошій матеріалъ для обобщеній, выясняя соотношеніе организаціи съ окружающими условіями, зависимость ея отъ образа жизни и постепенное видоизмѣненіе формъ тѣла, конечностей, зубовъ и т. д. параллельно съ измѣненіемъ окружающихъ условій, пищи и т. д. Млекопитающихъ вообще слѣдуетъ изучать подробнѣе, чѣмъ другіе отдѣлы позвоночныхъ потому что, во первыхъ, здѣсь существуетъ больше разнообразія во внѣшнихъ формахъ, во вторыхъ, здѣсь рѣже замѣтна связь внѣшней организаціи съ образомъ жизни и вѣтветныхъ, потому что млекопитающіе лучше другихъ нововечныхъ изучены со стороны образа жизни. Изъ всѣхъ четырнадцати отдѣловъ этого класса не всѣ, конечно, должны быть разсмотрѣны одинаково подробно уже потому только, что представители нѣкоторыхъ могутъ и не встрѣтиться ученику во всю жизнь, напримѣръ полуобезьяны, неполнозубыя, двуутробки, однопроходныя, но и изъ этихъ отдѣловъ нельзя совершенно игнорировать полуобезьяны и однопроходныхъ, важныхъ по тѣмъ переходнымъ формамъ, которыя къ нимъ принадлежатъ. Что касается китообразныхъ и хоботныхъ (слонъ, тапіръ) то, хотя представители этихъ группъ тоже принадлежатъ къ формамъ не часто попадающимся, но они знакомы каждому съ дѣтства по книгамъ и рисункамъ и представляютъ поэтому богатый матеріалъ, на которомъ можно выяснитъ много. Курсъ начинается изученіемъ обезьянъ. Очень удобно при этомъ разсмотрѣть одну какую-нибудь обезьяну, напримѣръ orangъ-утана, и съ нимъ уже сравнитъ остальныхъ типичныхъ обезьянъ старода и новаго свѣта (гориллу, шимпанзе, маингю, цоіана, ревуа, сакалу и уйтити). Изъ этого обзора выводятся общіе признаки и характеристика группы и становятся понятными такіа особенности, какъ переимчивость (слѣдствіе стрессія конечности), стадная жизнь, привязанность къ лѣсу. Полуобезьяны (лемуръ, лори и летучій ланг) не слѣдуетъ обходить потому, что у нихъ отчетливо можно наблюдать постепенное исчезновеніе обезьяняго типа по направленію къ рѣ-

копытныя и настоящія насекомоядныя. Рукокрылая (летучая, ушацъ, вампиръ) представляютъ превосходный примѣръ важнаго измѣненія въ строеніи конечности, строго соответствующаго, подобно всему строенію тѣла, образу жизни. Тоже представляютъ и настоящія насекомоядныя (кротъ, ежъ, землеройка, выхухоль). Хищныя въ лицѣ своихъ представителей (кошки, собаки, гиены, медвѣдя, куньи) даютъ возможность отыскать новую путеводную нить для сравненія отдѣльныхъ формъ: всѣ вышнія отличія выпадаютъ и остается строеніе зубовъ, та новая путеводная нить, которая потомъ, при посредствѣ переходныхъ формъ (выдра, *Enehydria*), даетъ возможность распознать истинную натуру ластоногихъ. Изъ ластоногихъ необходимо рассмотретьъ, по крайней мѣрѣ, тюленя и моржа. У грызуновъ, изъ которыхъ слѣдуетъ обратить вниманіе на бѣлку, суслика, сою, мышъ, хомяка, бобра, слѣпца, тушканчика, дикобраза, зайца, чешушку, лемминга и слѣпца; мы находимъ широкую и полную картину измѣненія вышнихъ формъ сообразно окружающимъ условіямъ: начиная съ бѣлки и сусликовъ и переходя постепенно къ мышамъ, бобру, кротовиднымъ; прыгунамъ, тушканчикамъ и слѣпцамъ, можно нѣтъ за намомъ прослѣдить рѣзкое выраженіе приспособленій. Парноножныя, лошадь, осель, носорогъ, тапиръ, представляющія значительное упрощеніе строенія конечности, помимо того интереса, какой они представляютъ въ качествѣ домашнихъ животныхъ, даютъ возможность выяснитъ зависимость формы конечности отъ способа ея употребленія (лошадь, осель); при этомъ дѣлается обзоръ и сравненіе конечностей группъ, рассмотрѣнныхъ раньше. Парноножныя, свинья, лисица, бегемотъ, верблюдъ, lama, жираффа, кабарга, олень, антилопы, коровы, овцы, козы внесать въ нѣмалой ужь запасъ признаковъ для сравненія новыхъ признаковъ: общія форма тѣла, строеніе зубовъ, конечностей оказываются недостаточными, приходится обратиться къ изученію внутренней организаціи, при чемъ связующимъ признакомъ является строеніе желудка; при этомъ дѣлается краткій очеркъ строенія кишечнаго канала вообще (человѣческаго напр.), дается общее понятіе о пищевареніи и выясняется значеніе процесса пережевыванія жвачки у *Ruminantia artiodactyla*. Киты (морская корова, дельфинъ, гренландскій китъ, кашалотъ), такъ рѣзко отличающіеся своими вышними формами, прибавляютъ новые признаки сравненія и прежде всего строеніе скелета, которое и даетъ ключъ къ разъясненію всѣхъ уклоненій вышней формы ихъ тѣла, а обзоръ устройства ихъ органовъ дыханія, сравнительно съ другими млеко-

птицами, указываютъ имъ въ столупахъ пластинки. Скелетъ изучается сравнительно со скелетомъ человѣка и какого-нибудь другого млекопитающаго, напр. собаки; при чемъ указываются главные отличія скелета нашихъ позвоночныхъ отъ скелета человѣка. Общая картина класса дополняется обзоромъ слоновъ, неполновзбыхъ (дѣнивецъ, броненосецъ, муравьебѣдъ), двуутробокъ (фалангиста, кенгуру) и однопроходныхъ (утконосъ и ехидна). При повтореніи ученики составляютъ аналитическія таблицы, или пользуются готовыми (напр. таблицами книги Лейнса, таблицами учебника Михайлова). Классъ млекопитающихъ заканчивается обзоромъ человѣческихъ племенъ и общимъ очеркомъ анатоміи человѣка. Уже раньше, отъ времени до времени, дѣлаются бѣглыя указанія на устройство внутреннихъ органовъ человѣка, теперь все это приводится въ систему, при чемъ, конечно, имѣются въ виду существенныя и выдающіяся черты. При такомъ изученіи, очевидно, необходимо совершенно оставить тотъ путь, котораго обыкновенно придерживаются наши учебники, предлагающіе сначала только описаніе внѣшней организаціи и внѣшнихъ признаковъ отдѣловъ и классовъ и затѣмъ уже переходящіе къ изложенію анатоміи. Изученіе сначала однихъ внѣшнихъ признаковъ въ высшей степени не практично; оно успѣетъ надобѣть очень скоро учащимся, да и самыя характеристичныя отдѣльныя группы выйдутъ до крайности блѣдными и туманными. Между тѣмъ, если вводить, гдѣ слѣдуетъ, какъ привычки, особенности внутренней организаціи, дѣло будетъ значительно разнообразиться и интересъ будетъ поддерживаться постоянно и до конца.

Птицы изучаются такъ же, какъ и млекопитающіе, но теперь имѣется уже въ запасѣ извѣстный сравнительно-анатомическій матеріалъ; его-то и слѣдуетъ приложить къ дѣлу. Хотя и между птицами передаются формы, которыя принадлежатъ къ числу рѣдкихъ, но такихъ группъ, которыя заключаютъ подобныя формы, немного (бѣгуны), а вродѣ того внѣшняя организація птицъ представляетъ столько разнообразія, что главныя особенности ихъ характера *habitus* могутъ быть сквачены на любой изъ нашихъ птицъ. На курицѣ, напр. легко изучить все, что относится къ анатоміи птицы: скелетъ и пневматичность костей ¹⁾, распредѣленіе мускуловъ, строеніе яйца и т. д.

¹⁾ Пневматичность костей птицъ легко доказать слѣдующимъ образомъ: въ дырчатое горло убитой птицы вставляется плотно стеклянна трубка; другая такая же трубка вставляется въ отверстіе переломленной кости плеча. Вдувая въ

При изучении скелета обращается внимание на тѣ характерныя отличія въ строении черепа, которыя указываютъ на средство птицы съ пресмыкающимися, а во внутренней организаціи — на черты, общія съ однопроходными. Знакомство съ птицами завершается пересмотромъ представителей отдѣльныхъ группъ. Для этого обзора можно выбрать изъ отдѣла плавающихъ птицъ: пингвина, топорика, гагару, чогу, утку, гуся, фламинго, баклана, пеликана, чайку, буревѣстника; изъ отдѣла головастыхъ: дрохву (стрепета), бекаса, кулика, ибиса, цаплю, колпиду, журавля и аиста; изъ назуновъ: дятла, кукушку, сѣраго понуга, какаду, араса и тукана; изъ воробьиныхъ: несорога (Buccon), аморехна, сивоворонку, колбри, медоѣда, ласточку, стража, козодою, ворону, райскую птицу, скворца, сорокопуга, репеца, дровца, соловья, мѣнуру, жаворонка, воробья, синирия, ткачика. Само собою разумѣется, что въ разныхъ группахъ воробьиныхъ птицъ рассматриваются сколько нибудь подробно только главныя представители. Изъ отряда хищныхъ дневныхъ мы выбираемъ сокола, ястреба, орла, луня и коршуна; изъ ночныхъ — сову, сича и филина; изъ отряда курныхъ: галку (Стах), обыкновенную курицу, фазана, павлина, цесарку, тетерева, рябчика, перепела и куропатку; изъ бѣгуновъ — страуса, казуара и киви.

Пресмыкающіяся могутъ быть представлены вполнѣ при разсмотрѣніи трехъ черепахъ: морской, болотной и сухонутной, трехъ змѣй: удава, ужа и гадюки и трехъ лицерицъ: мѣднницы, зеленой и крокодила. Для амфибій слѣдуетъ взять: жабу, лягушку, тритона и асолозю; послѣднюю потому, что она теперь попадаетъ почти въ каждомъ аквариумѣ, а это не послѣднее дѣло, потому что является возможность наблюдать раннее весеннее развитіе его яйца и превращенія головастика. Въ весеннее время картина превращеній амфибій дополняется наблюдениемъ надъ развитіемъ яйца лягушки ¹⁾. Исходною формою при разсмотрѣніи класса рыбъ берется такая какая ни-

первую трубку воздуха, мы получимъ замѣтную воздушную струю, выходящую изъ отверстія плеча.

¹⁾ Лягушка одинъ изъ тѣхъ объектовъ, который пригоденъ въ весьма многихъ случаяхъ. Трудно найти иной объектъ, на которомъ съ такою ясностью можно бы было демонстрировать кровообращеніе, строеніе волосной сѣти, различіе между артеріей и веной и т. д. Поэтому ихъ необходимо имѣть въ запасѣ на зиму. Они очень легко могутъ быть сохраняемы зимой. Для этого лягушекъ, пойманныхъ поздною осенью, держатъ во мху въ подвалѣ при температурѣ около + 3° Ц.

будь рыба. Ученики сами изучаютъ въ общихъ чертахъ ея анатомію подъ руководствомъ преподавателя. Для полного пониманія рыбьяго типа необходимо сдѣлать указанія на рыбъ хрящеватыхъ, на рыбъ дышащихъ легкими и на ланцетника. Вообще же не безполезно рассмотреть по крайней мѣрѣ слѣдующія формы: изъ рыбъ костистыхъ — окуней, летучихъ рыбъ (*Trigla*), макреловыхъ (*Scomber*, *Thyaplos*), тресковыхъ (*Gadus*, *Lota*), камбалевидныхъ (обыкновенная камбала), угрей, сельдей, щуки, лососей, карповыхъ рыбъ, самыхъ выдающихся изъ отряда сросточелюстныхъ (*Orthogoriscus*, *Diodon*, *Ostracion*), затѣмъ рыбъ нучкожаберныхъ (*Hyprosampus*, *Syngnathus*); изъ хрящеватыхъ рыбъ слѣдуетъ обратить вниманіе на носоротыхъ (акулъ и скаты) и эмалево-чешуйчатыхъ (осетри); наконецъ, какъ уже сказано, необходимо прибавить обзоръ рыбъ двоякодышащихъ (чешуйчатникъ); изъ круглоротыхъ необходимо рассмотреть минога и наконецъ ланцетника, какъ низшую ступень типа позвоночныхъ. Очень полезно при переспросахъ учениковъ заставлять ихъ рисовать на доскѣ все то, что они видѣли въ классѣ. Рисунки могутъ служить хорошимъ мѣриломъ знанія и отчетливости представленія; какъ бы ни были обстоятельны разказы, рисунки, хотя и плохо сдѣланный, сразу даютъ возможность судить, вѣрно ли схвачены ученикомъ типичныя черты той формы, о которой онъ говоритъ. Обзоромъ типичныхъ рыбъ заканчивается типъ позвоночныхъ. Далѣе дѣлается краткій очеркъ процессовъ развитія куриного яйца, которое можетъ развиваться при искусственномъ наэрѣваніи, и яйца лягушки и выводится основной типъ строенія позвоночныхъ, строится схема и рассматриваются всѣ главнѣйшія усложненія этой схемы въ разныхъ классахъ типа. Аналитическія таблицы также могутъ быть при этомъ въ высшей степени полезны. Курсъ V-го класса заканчивается обзоромъ моллюсковъ, какъ группы довольно рѣзко очерченной и опредѣленной. Выделяя изъ типа моллюсковъ рѣконогихъ, которыя по всей справедливости должны быть отнесены къ червямъ, и относя къ червямъ же и тунивать, мы получимъ въ типѣ моллюсковъ: головоногихъ, брюхоногихъ и пластинчатожаберныхъ. Эти три класса могутъ быть представлены слѣдующими формами: головоногія — сепіей, осьминогомъ и корабликомъ (*Nautilus*); головастія — слизнемъ (*Limax*), гелиесомъ, прудовникомъ (*Limnaeus*) и *Planorbis*’омъ; для прозобранхій достаточно взять *Paludina*, *Cypraea* и *Murex*, для килевоногихъ — каринарію; для опистобранхій — морскаго зайца (*Aplysia*); для крылоногихъ — *Clio*. Пластинчатожаберныя могутъ быть представлены устрицей (*Ostrea*),

граблякъ (Pecten), жемчужной раковинкой; сѣдлообразной ракушкой (Mulinus), беззубкой (Aplousinca), рѣвкой ракушкой (Unio), черепкомъ (Solen) и двумя буржуйскими моллюсками (Physa и Lymnaea). Такъ какъ въ каждомъ классѣ тѣмъ изучается подробно только одинъ представитель, то звать парвенъ въ будущности выкадуть соединеннѣ, между тѣмъ дается возможность рѣвно обрисовать измѣненіи организаціи у разныхъ представителей класса. При изученіи внутренней организаціи проводится параллель между моллюсками и позвоночными, указываясь основныя черты тѣла.

Для курса VI классовъ остаются тѣла: суставчатоногихъ, червей, иглокожихъ, безкишечныхъ и простѣйшихъ. Въ системѣ животнаго царства суставчатоногія слѣдуютъ за моллюсками и по этой причинѣ, а также потому, что въ осеннее время можно легко имѣть живой матеріалъ, необходимый для изученія этой группы въ классѣ, мы начинаемъ курсъ VI класса суставчатоногихъ. Для первоначальнаго ознакомленія съ типичными особенностями тѣла очень удобно выбрать рѣвнаго рака. Это самое крупное суставчатоногое животное страны и его всегда легко достать въ осеннее время. На этомъ объектѣ выясняются главныя особенности строенія тѣла суставчатоногихъ, расположеніе скелета и мускуловъ, нервной системы, кишечнаго канала, органовъ дыханія и кровообращенія. Затѣмъ можно рассмотреть главныя представители класса ракообразныхъ: крабба, маревохвостаго рака, бокозлава, мшарица водную и сухопутную, циклопа, дафию, Стрѣгу, шития (Ampelisca) и нѣз паразитическихъ тѣхъ, которыя чаще встрѣчаются на мѣлкихъ рыбахъ (Argulus, Ergasilus), нѣз усонюгъ: Lepadocera и Balanus. Въ VI классѣ уже можно употреблять микроскопъ для демонстраціи мелкихъ формъ ракообразныхъ. Паразитическіе раки, помимо того, что являются превосходными объектами для выясненія процесса регрессивнаго метаморфоза, даютъ еще возможность показывать значеніе эмбриологическихъ данныхъ для опредѣленія мѣста животнаго въ системѣ. Для насѣкомыхъ, которыя изучаются также въ главныя представители, не трудно будетъ воспользоваться тѣмъ сравнительно-анатомическимъ матеріаломъ, который недученъ при изученіи ракообразныхъ. Пересматривая представителей отдѣльныхъ группъ, здѣсь не слѣдуетъ, между прочимъ, обходить мелкихъ Cecidomyia и травяныхъ вшей, важныхъ по особенностямъ развитія, — тѣмъ болѣе, что тѣхъ и другихъ легко выдержать всю зиму въ кабинетѣ. Безусловно необходимы формы, безъ которыхъ нельзя обойтись, между насѣкомыми слѣдующія: изъ отдѣла

Нуделюрга—пшона, ога, мурзай, ихлосонна; для жуковъ мшищи-деда, водолюбъ, влазувачъ, молышчикъ, бронзика (*Cetonia*), майскій жукъ, чабачкинь, жеманская мушка (*Lepta leucostoma*), долгоносикъ, *Сегамбих* и *Селанепа*; для перелетчатокрылыхъ—фриганда; для прямокрылыхъ—отросова, эфенора, териттъ, *Grylloratra*, саранча и кушачникъ; для бабочекъ—дворная, вичная (шелкопрядъ) и моль; для двукрылыхъ—муха, *Cecidomya*, блоха; для осужокъ (*Rhynchota*)—вошь, водной скорпиона, *Нера*, *Netonesta*, травная вошь, головная вошь. Пауки могутъ быть вѣданы слѣдующихъ скорпионъ, драконошій паукъ, *Авругонета*, тарантулъ, фаланга, клещи: собачій, чесоточный и сырный. Для многоножекъ достаточно взять сколопендру, вранду и *Glaneris*. Огачъ не безполезно являться съ осени жуками и личинками, которыхъ легко можно выдержатъ зиму въ кабинетѣ. О травяныхъ вѣдяхъ нечего и говорить; каждому извѣстно, какъ легко онѣ уживаются на комнатныхъ растеніяхъ.

Послѣ общаго обзора суставчатоногихъ хорошо дать возможность ученикамъ испробовать свои силы на опредѣленіи насѣкомыхъ. Наибольше удобными объектами для вѣстной работы слѣдуетъ признавать бабочекъ и прямокрылыхъ; здѣсь опредѣленіе ведется по такимъ признакамъ, какъ окраска, форма крыльевъ, строеніе сижковъ и др. Жуковъ, перелетчатокрылыхъ, мухъ и т. д. слѣдуетъ избѣгать по той причинѣ, что при этомъ пришлось бы потратить много времени на отысканіе мелкихъ отличій, не вдругъ бросающихся въ глаза.

Послѣ суставчатоногихъ переходятъ къ червямъ. Пролѣдять у суставчатоногихъ постепенное исчезновеніе гетерономіи сегментовъ (разкообразныя, многоножки), удобно разсмотрѣть накую нибудь аннеиду. Въ начилъ водахъ водятся *Tubifex* и *Nais*; ихъ и слѣдуетъ брать за исходныя формы. *Tubifex* вслѣдствіе своей прозрачности, а также потому, что хорошо уживается въ аквариумѣ, вполнѣ удобенъ для этого; его легко наблюдать подъ микроскопомъ. Съ нимъ сравниваютъ дождеваго червя и морскую аннеиду (если возможно, то двухъ: свободно живущую и живущую въ трубкѣ). Затѣмъ слѣдуютъ *Gephyrea* (переходъ къ многоножкамъ), цинки, трематоды и плоскія глисты (солитеръ, тѣнія), затѣмъ туиниаты (связь съ позвоночными) и мшанки; далѣе ротаторіи, колючеголовые черви, волосатики и вѣонецъ турбелларіи (переходъ къ простѣйшимъ). Тинъ червей по обширности своей представляетъ безъ сомнѣнія самую трудную и объемистую часть курса и въ среднемъ учебномъ заведеніи онъ можетъ быть представленъ лишь весьма небольшимъ числомъ формъ.

Въ случаѣ недостатка времени изъ него можно даже вовсе выключить *Brosiopoda*, который стати совсѣмъ не встрѣчаются въ моряхъ Россіи,—тогда останутся восемь группъ; на объ одной изъ этихъ группъ умолчать невозможно: интересныя превращенія, перемѣна генерацій, переселенія, размноженіе дѣленіемъ, изобиліе колоніальныхъ и калоніеобразныхъ формъ, происходящее отсюда раздѣленіе труда отправленій между отдѣльными членами колоніи и наконецъ сродство нѣкоторыхъ группъ съ другими типами животнаго царства, все это вызываетъ болѣе или менѣе обстоятельный обзоръ этихъ главныхъ группъ.

Для иглокожихъ можно ограничиться гологуріей, плоскимъ и круглымъ ежами, настоящею морской звѣздой, офиурой и крिनодой; этого вполне достаточно, чтобы представить постепенное исчезаніе двусторонней симметріи, распредѣленіе одновачныхъ членовъ около одной общей оси и рѣзко выраженную самостоятельность этихъ членовъ (дѣленіе морскихъ звѣздъ).

Въ типѣ безкишечныхъ необходимо описать: гидру, медузу, гидронта и слеранофору, изъ *Zoantharia*—нѣсколько рифинныхъ ибрааловъ; изъ *Alcyonaria*—*Alcyonium*, горгонию, рипидогоргию, *Antipathes* морское перо (*Penatula*) и органчикъ; изъ губокъ — известковую губку, роговую и нашу прѣсноводную *Spongilla*.

Изъ простѣйшихъ необходимо взять радиоларію, голую и панцирную корненожку, рѣсничную и медузовую инфузорію, грегарию и кокару.

Представители типовъ, перечисленные въ этомъ перечнѣ, намъ кажутся, даютъ возможность съ нѣкоторою полнотою 1) представить все богатство и разнообразіе животныхъ формъ, 2) показать вѣдливое отношеніе между отдѣльными формами и 3) обрисовать каждый типъ, какъ нѣчто обособленное и въ извѣстныхъ предѣлахъ самостоятельное. Опасаться, что приведенный порядокъ изложенія вызоветъ представленіе о линейномъ расположеніи животныхъ формъ едва ли возможно. Необходимо только характеризовать типичныхъ представителей настолько полно, чтобы выдавались ихъ рельефныя черты. Наслѣдуя затѣмъ измѣненія и усложненія этихъ типичныхъ особенностей у другихъ сродныхъ формъ, легко уловить съ одной стороны рядъ постепенныхъ усложненій и усовершенствованій типичныхъ признаковъ, съ другой — постепенное ихъ упрощеніе и деградацию. Дѣлая это въ предѣлахъ каждаго типа и проводя затѣмъ параллель между двумя сосѣдними типами, легко указать на то, до

часть ссн, отд. 3. 2

какой крайней степени можетъ доходить выпаденіе всѣхъ усложеній организаціи у низшихъ формъ, до какого крайняго упрощенія можетъ простираться регрессъ организаціи въ каждомъ отдѣльномъ типѣ. Послѣ этого простое сравненіе низшихъ формъ одного типа съ высшими сосѣдняго сразу покажетъ полную невозможность радоваго распредѣленія этихъ формъ. Какъ на примѣры такого сравненія, укажемъ на головоногихъ и ланцетника, на *Balanus* и аннеиду.

Мы позволили себѣ нѣсколько подробно остановиться на постановкѣ курса зоологіи потому, что этотъ предметъ для успѣшнаго преподаванія требуетъ несравненно больше пособій, чѣмъ ботаника и минералогія.

Преподаваніе ботаники слѣдуетъ начинать съ V класса, подобно зоологіи. Само собою разумѣется, постановка курса должна носить тотъ же характеръ, который принятъ для курса зоологіи; изученіе предмета должно и здѣсь начинаться съ болѣе простыхъ фактовъ; поэтому курсъ ботаники долженъ начаться разсмотрѣніемъ отдѣльныхъ представителей. Не задаваясь обширною программой и сложными цѣлями, въ курсѣ V класса, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ прежде всего сообщать ученикамъ тѣ факты и данныя, которыя необходимы для правильнаго наблюденія формъ растительнаго организма; ученики должны научиться видѣть тѣ особенности, которыя свойственны растенію, взятому отдѣльно, и съ этими данными они должны освоиться настолько прочно, чтобы для нихъ не было затруднительнымъ потомъ примѣнить свои знанія къ опредѣленію неизвѣстныхъ растеній по аналитическимъ таблицамъ. Поэтому въ V классѣ удобнѣе всего главное вниманіе обратить на морфологію. Съ этою цѣлью слѣдуетъ выбрать рядъ крупноцвѣтныхъ растений и подробно разобрать ихъ въ классѣ. Само собою разумѣется, что каждый ученикъ долженъ имѣть въ рукахъ экземпляръ разбираемаго растенія. Излишне говорить, что точное знаніе морфологіи должно предшествовать всѣмъ дальнѣйшимъ шагамъ въ изученіи растительнаго организма и что преподаваніе морфологіи требуетъ большой осмотрительности со стороны учителя, чтобы, не отнимая отъ этого предмета строгаго научнаго характера, въ то же время не превратить его въ сухой перечень мелкихъ и мало интересныхъ подробностей, къ которымъ обыкновенно ученики скоро начинаютъ относиться очень легко и съ пренебреженіемъ. Все, конечно, зависитъ отъ метода изложенія, отъ порядка, въ какомъ слѣдуютъ одинъ за другимъ факты, и отъ большей или меньшей строгости въ выборѣ фактовъ, а все это въ свою очередь

зависитъ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, отъ совершенно внѣшнихъ причинъ и прежде всего отъ того, какія растенія находятся подъ руками. На этомъ основаніи мы не считаемъ возможнымъ дѣлать подробныхъ указаній на тѣ объекты, которые наиболѣе пригодны для выясненія тѣхъ или другихъ морфологическихъ фактовъ. Здѣсь выборъ долженъ быть вполне предоставленъ преподавателю, такъ какъ, въ сущности, все равно, на какихъ формахъ ни выяснитъ, напримѣръ, строеніе цвѣтка, лишь бы выбранныя формы по величинѣ были удобны для разбора и не представляли рѣзкихъ изгибовъ и аномалій. Мы позволяемъ себѣ адѣсь набросать лишь въ общихъ чертахъ тотъ путь, который считаемъ наиболѣе удобнымъ для успѣшнаго преподаванія ботаники. Ботанику можно проходить въ теченіе всего года и нѣтъ надобности устанавливать весеннихъ и осеннихъ курсовъ, такъ какъ въ теченіе всего года можно работать надъ живымъ матеріаломъ. Осеннее и весеннее время посвящаются главнымъ образомъ изученію строенія цвѣтка, а въ глухую зиму можно изучать плоды, устройство сѣмени, почкосложеніе, расположеніе почекъ, строеніе стеблей (клубень, луковицу, корневище), пересматривать гербарные экземпляры и т. д. Въ осеннее время цвѣтущія растенія можно получать весь августъ и сентябрь; даже въ октябрѣ наша сѣверная флора еще не можетъ считаться окончательно обидѣншею и до половины этого мѣсяца экскурсіи могутъ доставить еще кое-какой матеріалъ. Если при этомъ отдѣлать на ботанику въ теченіе августа и сентября три или даже всѣ четыре урока въ недѣлю, назначенные для естественной исторіи въ V классѣ, то получится осенью въ среднемъ числѣ около 25 часовъ, исключительно посвященныхъ разбору живыхъ растеній. Того матеріала, который можно добыть осенью, вполне будетъ достаточно, чтобы ученики могли на живыхъ экземплярахъ ознакомиться въ общихъ чертахъ съ главными особенностями строенія органовъ цвѣтущихъ растеній и съ самыми важными и типичными ихъ измѣненіями. Но при этомъ главное вниманіе, по необходимости, придется обращать на строеніе цвѣтка, какъ части самой сложной и трудной, для того, чтобы впоследствии по возможности меньше пришлось изучать строеніе цвѣтковъ по рисункамъ. Курсъ начинается разборомъ растенія съ простѣйшъ и сложнѣйшъ цвѣткомъ; выбирается такое растеніе, у котораго всѣ части, то-есть цвѣты, листья, стебель, корень ясны и хорошо замѣтны. Для этой цѣли можно взять какое нибудь крупноцвѣтное растеніе, напримѣръ изъ сем. Cruciferae: левкой, *Erysimum*, *Thlaspi*, *Capsella*, *Fragaria*, или изъ другихъ семействъ: *Lysimachia*,

Chelidonium, *Sampanula*, *Saropagia* (последнія, конечно, въ крайнемъ случаѣ, когда нельзя достать другихъ, болѣе удобныхъ). Растеніе подробно разбирается въ классѣ. Его принимаютъ за типическое. Здѣсь устанавливается точная терминологія отдѣльныхъ частей, чтобы потомъ уже не возвращаться къ этому. Слѣдующія за тѣмъ растенія служатъ для того, чтобы изучить главные измѣненія числа и формъ отдѣльныхъ частей цвѣтка, то-есть чашелистиковъ, лепестковъ, тычинокъ и пестика. При этомъ лучше воздержаться по возможности отъ многочисленныхъ подробностей, лучше обо многихъ сторонахъ со всѣмъ не упоминать, а обратить вниманіе на главное и наиболѣе типичное. Такимъ образомъ разсмотрѣвъ, положимъ, *Paraveget*, *Sampanula*, *Convolvulus*, *Geganium*, *Geum*, *Rubus* (такъ называемую испанскую малину) *Epilobium*, *Helianthus*, цвѣточный бобъ, душистый горошекъ, *Lamium album*, *Alisma*, можно выяснитъ непостоянство въ числѣ листочковъ цвѣточного покрова, тычинокъ и пестиковъ и главныя измѣненія формы чашечки и вѣнчика. Крестоцвѣтныя съ одной стороны, *Sampanula* и сложноцвѣтныя (*Bidens* напримеръ) съ другой даютъ различіе между верхнимъ и нижнимъ цвѣткомъ; розоцвѣтныя и мотыльковыя выясняютъ строеніе сложнаго листа, прилистника, наконецъ весь рядъ перечисленныхъ растеній содержитъ нѣсколько примѣровъ различій въ устройствѣ пестика и всѣ почти формы соцвѣтій. Разобравъ далѣе какое нибудь изъ лютиковыхъ растеній (*Ranunculus*), мы получимъ черезъ сравненіе съ предыдущими понятіе объ относительной важности отдѣльныхъ частей цвѣтка (чащеца, а иногда и вѣнчикъ могутъ выпадать, тычинки и пестики остаются). Послѣ этого можно перейти къ прочимъ частямъ растенія: листу, стеблю и корню. Здѣсь изучаются главныя формы простыхъ и сложныхъ листьевъ, вьющіяся и ползучіе стебли, стебли травянистые, деревянистые и кустарные, формы видоизмѣненныхъ стеблей (клубель, луковица, корневище) и главныя формы корней. Съ этимъ матеріаломъ можно уже приступить къ сравненію двухъ близкии степеней растеній (*Geum urbanum* и *G. strictum*, *Melilotus alba* и *M. officinalis*, *Trifolium pratense* и *T. agrostium* и т. д.) и установить принятое представленіе о родѣ и видѣ. При общемъ повтореніи все приводится въ систему, дѣлается сводъ фактовъ, добытыхъ относительно строенія листа, стебля, корня и цвѣточныхъ органовъ и указывается на общность происхожденія всѣхъ частей цвѣтка изъ листа (цвѣты *Nuphara alba*, цвѣты мака махроваго, придцвѣтники *Melomelum nemorosum* и т. д.). Затѣмъ слѣдуетъ очеркъ процессовъ опыленія и начинается

изученіе плодовъ, послѣ этого изучается строеніе сѣмени; матеріаломъ служатъ сѣмена однодольныхъ (кукуруза, овесъ), хвойныхъ и двудольныхъ, послѣ чего разсматриваются вѣрталцѣ общія явленія проростанія. Въ концѣ года изучаются главные семейства двудольныхъ: Papilionaceae, Cruciferae, Labiatae, Compositae, Rosaceae, Scrophulariaceae, Amentaceae, Pomaceae и др. При повтореніи выводится на основаніи имѣющагося подъ руками матеріала въ существенныхъ чертахъ характеристика двудольныхъ растений и отличіе ихъ отъ растений однодольныхъ.

Курсъ VI класса обнимаетъ собою всѣхъ однодольныхъ, а изъ двудольныхъ тѣ семейства, цвѣтки которыхъ по мелкости своей представляютъ нѣкоторыя затрудненія для разбора, а также тѣ, которыя содержатъ много подраздѣленій. Курсъ VI класса будетъ обнимать собою такимъ образомъ эти группы цвѣтковыхъ растений и гистологическое строеніе растительнаго организма. Ученикамъ V класса, переходящимъ въ VI, полезно давать на каникулы задачи, которыя можно сдѣлать до извѣстной степени обязательными. Задачи, конечно, должны касаться тѣхъ морфологическихъ вопросовъ, о которыхъ была рѣчь въ теченіе года; при этомъ условіи задачи будутъ легко исполнимы и принесутъ свою долю пользы, давъ случай ученикамъ хотя и бѣгло и въ общихъ чертахъ отъ времени до времени припоминать пройденное. Задачи эти можно разнообразить, какъ угодно, что и даетъ возможность сообразоваться съ уровнемъ знаній каждаго ученика въ отдѣльности. Содержаніемъ задачъ можетъ служить весь курсъ морфологій и все то, что было пройдено по систематикѣ растений. Болѣе успѣвшіе ученики могутъ заниматься опредѣленіемъ растений, болѣе слабые—анализомъ отдѣльныхъ цвѣтковъ, составленіемъ коллекцій цвѣтковъ, соцвѣтій, плодовъ и т. д. При началѣ года, во время повторенія пройденнаго въ V классѣ, ученики представляютъ свои задачи и отдають отчетъ въ ихъ исполненіи. По большей части исполненіе задачъ оказывается настолько удовлетворительнымъ, что, напримѣръ, анализы цвѣтковъ могутъ быть потомъ употреблены въ классѣ для демонстрацій. Въ кабинетѣ естественной исторіи С.-Петербургскаго 1-го реальнаго училища имѣется цѣлая коллекція таблицъ, содержащихъ анализы цвѣтковъ, а также небольшіе гербаріи, составленные учениками. Тѣ и другіе показываютъ ясно всю тщательность и стараніе, съ какими, по мѣрѣ силъ и возможности, ученики исполнили заданную работу. Послѣ общаго повторенія предыдущаго курса начинается обзоръ тѣхъ семействъ двудольныхъ, которыя не были

пройдемъ въ предыдущемъ году: Umbelliferae, Scrophulariaceae, Cagorphyllaeae, Malvaceae, Ranunculaceae и т. д. Затѣмъ переходятъ къ однодольнымъ. Цвѣты этихъ послѣднихъ придется проходить главнымъ образомъ по гербарнымъ экземплярамъ и по рисункамъ, но это не представитъ уже особаго затрудненія, потому что у учениковъ будетъ достаточный запасъ морфологическихъ свѣдѣній. Зима посвящается изученію гистологическаго строенія цвѣтковыхъ растений. Гистологию удобнѣе начинать не со стебля, а съ листа, вслѣдствіе болѣе простаго строенія этого органа. Показавъ ученикамъ разрѣзъ листа, раздѣляютъ затѣмъ общепринятыми реактивами его кѣтки и изучаютъ сначала просто формы и строеніе отдѣльныхъ кѣтокъ, существующихъ въ данномъ листѣ. При демонстраціяхъ съ микроскопомъ полезно всегда класть подлѣ, на столѣ, слегка набросанный рисунокъ того препарата, который показывается; ученики не сразу привыкаютъ видѣть то, что нужно; рисунокъ же позволяетъ имъ ориентироваться. Затѣмъ переходятъ къ изученію распредѣленія кѣтокъ въ разныхъ частяхъ листа (въ кожцѣ, наречкнмъ и сосудахъ) и дается понятіе о ткани. Послѣ этого уже можно перейти къ строенію стебля сначала травянистаго, потомъ деревянистаго и объяснить различіе въ строеніи стеблей однодольныхъ и двудольныхъ растений. Ученики VI класса имѣютъ уже запасъ свѣдѣній изъ химіи и физики; поэтому имъ могутъ быть сообщены главнѣйшіе факты относительно физиологической роли каждаго органа. Газовый обмѣнъ, зависимость его отъ свѣта въ зеленыхъ частяхъ растений, образованіе хлорофила и крахмала листьями, всасываніе корнями воды и растворовъ, движеніе по стеблю водяныхъ массъ и силы, производящія это передвиженіе (волосность, температура, испареніе воды листьями) все это можетъ и должно быть разъяснено въ VI классѣ въ виду того обстоятельства, что многіе ученики здѣсь и заканчиваютъ изученіе естественной исторіи. Минералогія проходитъ въ V классѣ. Что касается постановки курса этого предмета, то, по нашему мнѣнію, она сдѣлана въ высшей степени удачно г. Гердомъ въ его „Учебникъ минералогіи“ 1875—1877, изд. Тов. Общ. Пользы; въ этой книгѣ мы и отсылаемъ интересующихся этимъ предметомъ. Кристаллографія проходитъ въ VI классѣ. О постановкѣ ея см. учебникъ Герда, выпускъ 3-й.

Въ VII классѣ проходитъ физиологія животныхъ, безцвѣтковые растения и физиологія растений. Такъ какъ въ реальныя училища, въ которыхъ открытъ VII классъ, могутъ поступать юноши и изъ другихъ

реальныхъ училищъ частныхъ и казенныхъ, то само собою понятно что это обстоятельство должно придавать VII классу нѣсколько смѣшанный характеръ, потому что невозможно же ожидать, чтобы всѣ посторонніе ученики, поступающіе въ VII классъ, приносили съ собою совершенно одинакія свѣдѣнія и въ одинаковомъ объемѣ. Поэтому, при изложеніи курса физиологіи, всегда необходимо дѣлать анатомическій обзоръ каждой системы органовъ; эти анатомическіе обзоры, сама собою разумѣется, должны сопровождаться разъясненіемъ гистологическаго устройства тканей, составляющихъ органъ, потому что одно грубо-анатомическое изученіе органа не даетъ еще тѣхъ данныхъ, по которымъ можно разъяснить себѣ его физиологическую роль. Многие начинаютъ курсъ физиологіи животныхъ съ общихъ положеній объ общій веществъ въ организмѣ, переходятъ затѣмъ къ крови, ея составу и физиологической роли, къ питанію, выдѣленіямъ и заканчиваютъ изложеніемъ физиологіи системы органовъ движенія и нервныхъ аппаратовъ. Этотъ путь, начинающійся съ общихъ положеній, въ среднемъ учебномъ заведеніи, по нашему мнѣнію, неудобенъ: онъ нарушаетъ общій принципъ преподаванія, давая ученикамъ въ готовомъ видѣ то, что должно быть выработано ими самими. Мы предпочитаемъ поэтому вести дѣло иначе, шагъ за шагомъ, переходя отъ болѣе простыхъ явленій къ болѣе сложнымъ. Курсъ физиологіи начинается общими обзорами анатоміи человѣка, для того, чтобы освѣжить въ памяти учениковъ уже извѣстные имъ факты. На это обыкновенно уходитъ очень немного времени. При переспросѣ не бесполезно предлагать ученикамъ дѣлать сравнительные обзоры устройства какой нибудь системы органовъ человѣка съ соответствующими системами органовъ животныхъ. Это даетъ возможность довольно точно опредѣлить сумму знаній класса и вѣрно начертить планъ дальнѣйшихъ занятій. Но каковы бы ни были результаты этого предварительнаго инвентаря, все-таки въ курсѣ VII класса необходимо предисказать анатомическій очеркъ каждой системы органовъ изложенію ея физиологической дѣятельности, потому что для пониманія физиологической роли органа во многихъ случаяхъ требуется болѣе подробное знаніе анатоміи, чѣмъ то, которое пріобрѣтается въ курсѣ предшествующихъ классовъ.

Строго говоря, далеко не все равно, съ чего начать изученіе человѣческаго организма. За исходный пунктъ всего удобнѣе избрать такую систему органовъ, которая дѣйствительно могла бы потомъ служить основой при изученіи анатоміи остальныхъ органовъ. За

такую исходную точку мы выбираемъ скелетъ: ему тѣло обязано своею формой, онъ служитъ опорой для органовъ движущихъ, питающихъ тѣло и т. д. Поэтому прежде всего изучается скелетъ и мускулатура. При обзорѣни скелета обращается вниманіе на связь отдѣльныхъ костей и механизмъ сочлененій. Мускулатура изучается, конечно, въ главныхъ чертахъ: подробнѣе рассматриваются мускулы лица (миимка), мускулы конечностей, играющіе роль въ передвиженіи костей главныхъ отдѣловъ конечностей и мускулы грудной кѣтки. При изложеніи строенія костей необходимо обратить вниманіе на распредѣленіе костныхъ пластинокъ; хорошимъ объектомъ можетъ служить распиленная по длинѣ головка бедра вмѣстѣ съ шейкою и вертлюгами; тамъ, какъ извѣстно, хорошо можно видѣть сводчатое расположеніе костныхъ пластинокъ губчатого вещества. Изложивъ гистологию костной и мускульной системы, переходятъ къ механикѣ движеній человѣка; главнымъ образомъ обращается вниманіе на механизмъ ходьбы и бѣга; затѣмъ дѣлаются сравнительныя указанія на механику движеній другихъ животныхъ: птицъ, рыбъ, суставчатоподобныхъ.

Дальнѣйшее развитіе курса идетъ слѣдующимъ образомъ: мысленная работа всегда сопровождается развитіемъ теплоты въ тѣлѣ и выдѣленіемъ пота; эти два явленія служатъ переходомъ къ общей картинѣ траты и восстановленія веществъ въ организмѣ. Восстановленіе производится посредствомъ пищепринятія; изъ принятой пищи выдѣляется только извѣстная часть и то, что выдѣлено, всегда меньше всего количества принятой пищи, слѣдовательно произошло усвоеніе части пищи тѣломъ. Отсюда три важные процесса организма: выдѣленіе, развитіе теплоты и усвоеніе (восстановленіе).

Прежде другихъ рассматривается процессъ питанія, какъ менѣе сложный и болѣе доступный наблюденію. Сначала излагается строеніе пищеварительнаго аппарата, движеніе пищи по кишечному каналу и всѣ ея измѣненія на этомъ пути, при чемъ дѣлается обзоръ пищевыхъ веществъ: углеводовъ, жировъ, бѣлковыхъ веществъ, демонстрируется реакція крахмала на іодъ и измѣненіе свойствъ крахмала подъ влияніемъ слюны, дается общее понятіе о строеніи жировъ и ихъ распадении, сообщаются характерныя реакціи бѣлковъ и цептоновъ; затѣмъ излагается движеніе млечнаго сома по направленію къ кровеносной системѣ. Переходъ къ физиологій кровеносной системы является такимъ образомъ вполне естественнымъ. Но прежде чѣмъ перейти къ органамъ кровообращенія, слѣдуетъ сдѣлать сравнитель-

ный обзор пищеварительнаго аппарата у животныхъ другихъ типовъ и выдѣлить тѣ главнѣйшія особенности, которыя характеризуютъ кишечный каналъ безпозвоночныхъ, то-есть постепенное исчезаніе сначала отдѣльныхъ железъ кишечнаго канала (моллюски), затѣмъ дифференцировки въ самыхъ отдѣлахъ чашки (суставчатоногія, черви), дажѣ слитіе кишечно-желудочной полости съ полостью тѣла (безкишечныя), наконецъ совершенное исчезаніе обособленныхъ пищеварительныхъ органовъ (паразитическіе черви, простѣйшіе), вслѣдствіе распредѣленія функцій пищеваженія по всѣмъ частямъ тѣла. Послѣ этого обзора переходятъ къ органамъ кровообращенія. Здѣсь обращается вниманіе на строеніе стѣнокъ сердца, устройство сердечныхъ клапановъ, стѣнокъ, артерій и венъ. Порядокъ расположенія матеріала слѣдующій: устройство человѣческаго сердца, клапаны сердца, механизмъ сердечнаго насоса, акты сердечныхъ сокращеній; тоны сердца, давленіе крови въ артеріяхъ, кимографы, пульсъ, сфигмографы, различіе кровянаго давленія въ артеріяхъ, болосныхъ сосудахъ и венахъ, скорость кровянаго тока; затѣмъ слѣдуетъ строеніе, химическій составъ крови и опредѣленіе количества крови. При изложеніи механизма кровообращенія, очень не безполезно бы было ввести въ обычай на опытѣ показывать измѣненіе кровянаго давленія въ разныхъ частяхъ кровеносной системы и способы его измѣренія. Но такъ какъ кимографы не мыслимы въ кабинетахъ естественной исторіи среднихъ учебныхъ заведеній, то было бы не безполезно ввести въ употребленіе приборъ, описаніе и рисунокъ котораго даны въ недавно вышедшей физиологій Фостера (перев. Пантелейновой); приборъ этотъ безъ особенныхъ затрудненій могъ бы быть исполненъ средствами училища. Этотъ приборъ нами лично, впрочемъ, не былъ испытанъ, но мы позволяемъ себѣ указать на него, какъ на пособіе очень пригодное для разъясненія важнѣйшихъ деталей кровообращенія. При изученіи строенія и химическаго состава крови, необходимо имѣть нѣкоторое ея количество въ живомъ состояніи, чтобы показать на опытѣ свертываніе ея, выдѣленіе фибрина и т. д. Точно также необходимо имѣть въ запасъ нѣсколько живыхъ лягушекъ (способъ ихъ сохраненія былъ уже указанъ выше) для того, чтобы демонстрировать кровяные шарикъ и кровообращеніе въ перепонкѣ лапки. Сдѣлавъ затѣмъ сравнительный обзоръ органовъ кровообращенія у другихъ позвоночныхъ и безпозвоночныхъ, переходятъ къ лимфатической системѣ; въ общихъ чертахъ излагается строеніе лимфы, лимфатическихъ железъ и сосудовъ, затѣмъ — зубной, щитовидной железъ и селезенки.

Послѣ кровообращенія слѣдуютъ органы дыханія, излагаются анатомическія отношенія ротовой полости, глотки, зѣва и гортани, строеніе дыхательнаго горла, легкихъ, механическая сторона и химизмъ дыханія; въ заключеніе дается понятіе о спирометрѣ. При общемъ обзорѣ органовъ дыханія у другихъ животныхъ, обращается вниманіе на легочное дыханіе, жаберное и трохсальное. При изложеніи устройства аппарата, производящаго голосъ у человѣка, полезно сдѣлать указанія на происхожденіе звуковъ, издаваемыхъ беззвоночною (суставчатоногія). Затѣмъ слѣдуетъ обзоръ выдѣленій; здѣсь суммируются всѣ сюда относящіяся явленія въ процессахъ раньше уже разсмотрѣнныхъ и выводится общій планъ строенія паренхимотныхъ органовъ. Послѣ этого изучается строеніе и физиологія нервной системы и концевыхъ аппаратовъ. Курсъ заканчивается обзоромъ соотношеній между тканями тѣла, изложеніемъ въ общихъ чертахъ ихъ развитія изъ эмбриональныхъ клетокъ и раздѣленіе тканей по происхожденію; въ концѣ дается представленіе о клеткахъ и ея измѣненіяхъ и въ общихъ чертахъ излагаются гистологическіе приемы. Такъ какъ каждая система органовъ изучалась сравнительно съ соответствующими системами органовъ животныхъ другихъ типовъ, то при повтореніи не трудно будетъ самимъ ученикамъ подмѣтить, что въ известномъ ряду организовъ (у простѣйшихъ) всѣ отправленія распределены равномерно по всѣмъ частямъ тѣла и вовсе не замѣчается никакихъ обособленныхъ органовъ; далѣе, что въ появленіи отдельныхъ органовъ, снабженныхъ опредѣленною функціей, существуетъ известная постепенность и мало по малу въ различныхъ типахъ развивается тотъ или другой планъ устройства, то или другое распределеніе живущихъ функцій по отдельнымъ аппаратамъ. Такимъ образомъ они вѣрнѣе и ближе подойдутъ къ пониманію постепенной дифференцировки, постепеннаго усложненія въ организаціи той бесконечно громадной массы существъ, которая составляетъ животный міръ.

Физиологія растений въ VII классѣ не должна, по нашему мнѣнію, заключать только одно изложеніе процессовъ, совершающихся въ растительномъ организмѣ. Подобно тому, какъ въ курсѣ физиологіи человѣка, удобнѣе начинать съ описанія формы и строенія аппарата, такъ и въ курсѣ физиологіи растений, морфологическія данныя должны занимать известное, далеко не послѣднее мѣсто, въ виду того, что курсъ этотъ предлагается ученикамъ, хотя и знакомымъ уже нѣсколько съ морфологіей, но не настолько подробно, чтобъ вовсе

не нуждается въ повтореніи и дальнѣйшемъ разъясненіи извѣстныхъ уже имъ фактовъ. Наца программа слѣдующая. Мы начинаемъ изучать растеніе съ перваго момента проявленія въ немъ жизненной дѣятельности, именно съ проростанія. Опыты надъ проростаніемъ еще возможны въ осеннее время. Изучивъ всѣ явленія, сюда относящіяся, мы выводимъ различія между сѣменемъ и спорой и сравниваемъ растительные организмы, происходящіе изъ сѣмени и споры; оказываются двѣ типичныя группы: въ одной осевыя растенія, въ другой — слоевковныя. Сдѣлавъ общій обзоръ внѣшнихъ признаковъ осевыхъ растеній, находимъ и между ними двѣ группы: группу цвѣтковыхъ и группу безцвѣтковыхъ. Безцвѣтковныя, какъ слоевковныя, такъ и осевныя, изучаются отдѣльно, такъ какъ морфологія ихъ не была пройдена въ VI классѣ. Ихъ удобно отложить до весны; осенью же можно заняться исключительно цвѣтковыми растеніями. Игнорируя себѣ развѣтвившееся изъ сѣмени молодое растение, продолжаемъ изучать явленія, которыя въ немъ происходятъ, и прежде всего питаніе, то-есть всасываніе, движеніе воды по стеблю, строеніе почвы и тѣ вещества, которыя потребляются растеніемъ въ видѣ растворовъ; даже переходимъ къ процессу обмена газовъ. Такимъ образомъ: рассмотрѣны процессы, слѣдствіемъ которыхъ бываетъ наводненіе въ растеніи питательнаго матеріала, увеличеніе въ ширину и ростъ. Послѣ этого слѣдуютъ процессы, наступающіе только тогда, когда питаніе достигло извѣстнаго предѣла, обуславливающаго и некоторый избытокъ вещества; эти процессы — цвѣтеніе, опцленіе и плодоженіе — замыкаютъ циклъ жизненныхъ явленій въ растительномъ организмѣ. Но картина эта была бы неполна, еслибы не были выяснены отношенія физическихъ дѣятелей къ процессамъ растительнаго организма, еслибы не было указано вліяніе на растенія свѣта, тепла и т. д. Эти дѣтели должны быть изучены по отношенію къ растенію, должно быть указано вліяніе свѣта на процессы ассимиляціи, вліяніе тенлота на дѣятельность различныхъ органовъ растенія. Сообразно этому плану, программа курса физиологіи слѣдующая:

1) Проростаніе. Строеніе сѣмянокъ и безсѣмянныхъ сѣмянъ; проростаніе, роль сѣмяночекъ. Измѣненія, наблюдаемыя въ проростаніемъ сѣмени; проростаніе въ темнотѣ и водѣ вліяніемъ свѣта; направленіе стеблевой и корневой частей, различіе между сѣменемъ и спорой. Причины, вліяющія на направленія роста стебля и корня. Данныя въ пользу зависимости роста стеблевой и корневой частей отъ силы тя-

жестки; опиты Нейта. Свойства тѣни кожицы, паренхимы и сосудистыхъ пучковъ и влияние ихъ на направленіе роста стебля и корня.

2) Общее описаніе растительнаго организма. Стеблевныя и слоевочныя растенія. Ихъ существенныя различія. Цвѣтковыя растенія. Отличіе стебля и корня; боковыя разчлененія стеблевой части: листъ, его строеніе и отличительныя морфологическія признаки; почка, расположеніе почекъ, листьевъ и вѣтвей на стеблѣ.

3) Питаніе. Объясненіе процесса всасыванія воды изъ почвы корневыми мочками. Переходъ воды въ стебель, движеніе воды по стеблю; опредѣленіе степени поднятія воды дѣйствіемъ корня и силами, дѣйствующими въ стеблѣ; путь, по которому движется въ стеблѣ вода; роль листьевъ въ процессъ движенія воды по стеблю; движеніе воды въ стеблѣ подъ одновременнымъ дѣйствіемъ стебля, корня и листьевъ. Измѣненіе состоянія растенія, зависящее отъ уклоновъ, наблюдаемыхъ въ дѣятельности стебля, корня и листьевъ. Строеніе почвы; вращиваніе растеній въ растворахъ солей; значеніе органическихъ и неорганическихъ веществъ для растенія.

4) Обмѣнъ газовъ. Движеніе газовъ въ растеніи и опыты для доказательства проницаемости различныхъ частей растенія для газовъ; обмѣнъ газовъ въ зеленыхъ частяхъ растеній въ темнотѣ и подъ влияніемъ свѣта, различіе между дыханіемъ и ассимиляціей.

5) Цвѣтленіе. Строеніе и расположеніе цвѣтковъ, цвѣтень, сѣмяпочка. Опыленіе, перекрестное опыленіе, роль насекомыхъ въ процессъ опыленія; отношеніе цвѣтковой трубки къ сѣмяпочкѣ. Образованіе плода. Растрескивающіеся и не растрескивающіеся плоды.

6) Дѣйствіе свѣта на растенія. Гелиотропизмъ; влияние свѣта на листья; хлороза, влияние свѣта на цвѣты; участіе свѣта въ процессъ ассимиляціи.

7) Вліяніе теплоты на растенія. Вліяніе замораживанія; зимнее состояніе растеній; весеннее пробужденіе дѣятельности растенія.

8) Строеніе тканей растенія. Строеніе стебля (кора, камбій, древесина, сердцевина). Ткани растеній; кожица, сосудистые пучки, паренхима. Растительная клетка (оболочка ея, протоплазма, ядро и ядрышко; кристаллы, крахмалъ, хлорофиллы).

Безцвѣтковыя растенія проходятся также, какъ и высшія, то-есть на отдѣльныхъ представителяхъ. Для папоротниковъ избирается нашъ *Pteris*, для хвощей—обыкновенный хвощъ, для плауновъ—*Lycopodium* и *Isotetes*, для харъ обыкновенная *Chara*, для лишайниковъ *Parmelia*,

Usnea, Setragia, для водорослей одноклѣтчатыхъ Vaucheria, для нитчатыхъ Ulothrix, для морскихъ водорослей Fucus. Грибы могутъ быть представлены слѣдующими формами: Peronospora infestans, Thillities Caries, Agaricus, трифель, какой-нибудь представитель миксомицетовъ, бродильный грибокъ, бактерія; для мховъ берется одна форма изъ листовидныхъ и одна изъ печеночныхъ; для Rhyzocarpeae берется Salvinia.

Такое, по нашему мнѣнію, матеріалъ, достаточный для изученія главныхъ фактовъ биологическихъ наукъ. Сообразно этому перечню представителей, и долженъ быть составленъ кабинетъ естественной исторіи въ реальныхъ училищахъ.

И. Кричагинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

THE HISTORY OF THE
CITY OF BOSTON
FROM 1630 TO 1880
BY
JOHN B. HENNINGSON
BOSTON: PUBLISHED BY
LITTLE, BROWN AND COMPANY
1880

THE HISTORY OF THE
CITY OF BOSTON
FROM 1630 TO 1880
BY
JOHN B. HENNINGSON
BOSTON: PUBLISHED BY
LITTLE, BROWN AND COMPANY
1880

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О НАЧАЛАХЪ ХРИСТІАНСКАГО ВОСПИТАНІЯ.

Слово въ день вѣснества на престолѣ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича ¹⁾.

Будите вы совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть. (Матѣ. 5, 48).

Благочестивѣйшій Государь нашъ въ послѣднее пребываніе Свое въ Москвѣ призывалъ всѣхъ насъ къ содѣйствію, „чтобъ остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь“.

Этотъ милостивый призывъ есть знаменательная историческая черта нашего времени. Исторія отдастъ справедливость великимъ преобразованіямъ, совершеннымъ Александромъ II въ нашемъ отечествѣ, но она также отмѣтитъ и то, что Великій Преобразователь скорбѣлъ о неспособности многихъ изъ не лишенныхъ образованія молодыхъ людей Его времени понять Его великія предначертанія для блага отечества. Исторія отмѣтитъ Его вѣрный, глубокой взглядъ на умственное и нравственное состояніе нашей современной молодежи. Онъ находить наилучшій способъ вразумленія ея не въ преслѣдованіи со стороны власти, не въ карахъ правосудія, а въ средствахъ разумнаго

---

¹⁾ Произнесено въ Московскомъ большомъ Успенскомъ соборѣ преосвященнымъ Амвросіемъ, епископомъ Дмитровскимъ.

убѣжденія. Ему жаль нашу даровитую, горячую русскую молодежь, сбиваемую съ пути, и Онъ хочетъ облегчить ея виновность, признавая ее во всеуслышаніе жертвой людей неблагонамѣренныхъ. Онъ призываетъ родителей, наставниковъ, воспитателей, писателей и всѣхъ гражданъ русской земли спасать отъ увлеченій нашу заблуждающуюся молодежь, такъ какъ въ ней гибнутъ молодныя силы, столь нужныя для блага и преуспѣянія нашего отечества, нынѣ поставленнаго на путь всесторонняго развитія и преуспѣянія.

Чѣмъ же мы можемъ и должны отозваться на это истинно-отеческое слово великаго Государя нашего? Заботливою и усердною дѣятельностью по данному намъ указанію.

Въ рукахъ истинно-просвѣщенныхъ и опытныхъ руководителей много способовъ дѣйствовать на молодыхъ людей, но главный способъ, безъ котораго всѣ остальные безсильны, есть безъ сомнѣнія воспитаніе. Здоровое воспитаніе поставить на прямую дорогу дѣтей и отроковъ, изъ которыхъ молодежь выходитъ. Вѣрныя сужденія о воспитаніи и счастье оныя это вразумить и направить юншій возрастъ своему еще способнѣе развиваться и довоспитать себя. Изъ юности, здраво воспитаннаго, явятся новые отцы и матери на смѣну тѣхъ, которые неисправимы и старѣютъ въ своихъ заблужденіяхъ, поддерживаемыхъ пороками.

Печальные опыты послѣдняго времени убѣдили насъ, что намъ необходимо озаботиться установленіемъ здоровыхъ и единообразныхъ началъ воспитанія. Начала воспитанія ложныя искажаютъ и развращаютъ народъ; начала разнообразныя и противорѣчивыя раздѣляютъ и разлагаютъ его, лишая его цѣлости, единомыслія и единодушія. Но какъ намъ согласиться въ началахъ и основныя приемахъ воспитанія? Невообразимая, ни въ одномъ народѣ невиданная рознь въ воззрѣніяхъ и сужденіяхъ губитъ всякое наше отечественное дѣло и приводитъ въ отчаяніе самыхъ благонамѣренныхъ и здравомыслящихъ русскихъ людей. Мы боимся, что наши люди науки и объ этомъ неотложномъ вопросѣ на много лѣтъ поднимутъ пренія безъ надежды соглашенія. А время уходитъ, молодежь наша не перестаетъ быть жертвою людей не благонадежныхъ.

Что же намъ дѣлать? Одно спасеніе—обратиться къ просвѣщеннымъ семействамъ, сохранившимъ еще, болѣе, или менѣе, христіанское настроеніе и знающимъ по опыту благотворность христіанскихъ началъ воспитанія. Пусть они, эти христіанскія избранныя семейства, возвысятъ свой голосъ за дѣтей Русской земли; покажутъ у себя при-

вѣра дасть чинити кристіанськѣ вѣснитанія дѣломъ, такъ и огражденіи нѣмъ: отъ иныикихъ извѣрженій и прелюбодѣльцѣхъ амеучителѣхъ, вѣдѣнцѣхъ инаго отечества; нѣмъ вѣло съ опрѣдѣлѣть тѣмъ самѣмъ, живущимъ бѣмъ образованіи въ простотѣ вѣры и такъ же страдающимъ отъ извѣрженій инаго дѣломъ думамъ времени; нѣмъ голомъ поддерживать нѣмъ народѣ Русскѣ; удѣмъ вѣдѣнцѣхъ такъ же послѣднихъ товарищѣхъ извѣрженцѣхъ инаго, но, но милости Божіей, еще живущій думомъ вѣры и благодати Христовой.

Но здѣсь чрезвычайно важно одно условіе, именно чтобы пресвѣщенныи кристіанскѣ семейства имѣли сами разумное, сознательное и твердое убѣжденіе, что кристіанскія зачала вѣснитанія суть единственно вѣрныя и надежныя. Они должны быть вооружены самымъ совершеннымъ достоинствомъ христіанскѣмъ нѣмъ началъ противъ инаго инаго современныи философиѣ. Но нѣмъ вѣснитанія (какъ и прежде это было, когда нѣмъ еще только страдали съ пути) забываютъ, что правила и приемы христіанскаго вѣснитанія, дѣйствительно: нѣмъ въ теченіе тысячъ лѣтъ, признаны бундализмомъ, мертвою обрядностью, лишены разумныхъ (раціональных) началъ, и лишены дѣломъ надеждѣмъ развитія, лишаютъ нѣмъ свободы мысли, переживаютъ одностороннихъ асчетовъ, ограничиваясь думомъ нетерпимости, и пр.

Въ отвѣтъ на это родители христіане несутъ противопоставлять не только собственный умъ сердца и жизни, но и имѣли доказательство, что христіанскія бунды и обрядность имѣютъ глубочайшій смыслъ, что христіанскіе приемы вѣснитанія имѣютъ въ своемъ основаніи глубочайшія раціональнѣи начала, которые несли, но до которыхъ не могли достигаются истинно философи древности, и которые не понимаютъ только истѣ философи нашего времени.

Постараемся объяснить это. Но и здѣсь представляется затрудненіе: предметъ отвлеченный; нужно нѣкоторое напряженіе мысли, а мыслятъ нѣмъ и самостоятельно им не привыкли. Отъ того, скажемъ въ слову, им и дѣломъ легкою добычей всякаго амеученія, и неслѣдуетъ въ руки всякому завязаному проповѣднику.

Наша нѣмъ философи не видѣть, или не хотятъ видѣть, что христіанство есть не только Волевымъ откровеніемъ, но и совершеннѣи философія. Еще за нѣкоторѣ тысячѣ лѣтъ говорили люди мысляще, что „душа человѣческая отъ природы христіанна“. Христіанство признаетъ человѣка какъ онъ есть, съ его природою, свойствами, законами мышленія и дѣятельности, и по этимъ имѣнно за-

вѣнамъ его воспитываетъ для временной и вѣчной жизни, направляетъ худое, восполняетъ недостающее. Она не принадежуетъ къ чуждому и чужого несвойственному его, природѣ, не даетъ ему иного началка, не употребляетъ средствъ произвольныхъ, не увеличиваетъ судосудною необходимостью. Поэтому начала и приемы христіанскаго воспитанія суть прежде всего начала философскія, то-есть требуемы природою чловѣка; вѣтамъ христіанскія, то-есть сообщаемыя намъ природою то, чего ей недостаетъ въ ея настоящемъ состояніи.

Что такое воспитаніе?

Въ обширномъ смыслѣ, воспитаніе есть постепенное возведеніе живаго существа къ возможной для него полнотѣ совершенства и благосостоянія, чрезъ правильное развитіе его силъ и способностей. Изъ этого общаго понятія видно, что для правильнаго воспитанія чловѣка, какъ и всякаго живаго существа, требуется, во-первыхъ, какое нибудь понятіе о совершенствѣ, второе для него желаніе, во-вторыхъ, о средствахъ наиболее вѣрнѣхъ для достиженія совершенства, наконецъ, в-третьихъ, о способахъ развитія или ожидаемомъ благосостояніи воспитаннаго.

Всѣ эти условія воспитанія существенно необходимы. Безъ яснаго понятія о чловѣческомъ совершенствѣ воспитаніе пойдетъ по способу хожденія слѣпыхъ—ощупью; безъ увѣренности въ средствахъ—съ колебаніями, нерѣшительностію и робостію; безъ понятія объ истинномъ благосостояніи воспитанника—воспитаніе пойдетъ не на его блага, а въ удовольствіе только предположенныхъ и мечтательныхъ родителей, или въ исполненіе любимой теоріи воспитателей.

Первое условіе или понятіе о совершенствѣ чловѣческому идеалу называется идеаломъ или первообразомъ чловѣческаго совершенства. Недавно еще у насъ была вродѣмъ теорія воспитанія безъ всякихъ идеаловъ и предвѣтныхъ понятій о совершенствѣ, но скоро дѣти, возрастая подъ руководствомъ только своей природы, показывали себѣ развитыми наиболѣе ея недостатки, и отличались преимущественно пороками. Сознались современныя мыслители въ необходимости идеаловъ и растерялись въ иснаніи ихъ.

Подъ вліаніемъ материалистическихъ понятій, что религія есть собраніе суевѣрій, а нравственность—совокупность безсодержательныхъ правилъ и обычаевъ, и что истинное совершенство чловѣка состоитъ только въ знаніи,—новыя мыслители условно, не давая опомниться, гоняли нашихъ юношей и дѣвицъ въ многознанію, воображая въ будущемъ наше отечество въ блескѣ научнаго образованія и всеобщаго

нихъ усовершенствованій. Знанія распространяются; специальности размножаются до безконечности; число специалистовъ даровитыхъ и богачешихъ, сѣдующихъ и несѣдующихъ, увеличивается съ каждымъ днемъ; но вмѣстѣ съ ними умножается и число людей, у которыхъ видно не обработано сердце; неограниченность самолюбія замѣняетъ чувство чести и человѣческаго достоинства; страсти не сдержаны; своеволие не обуздано. Ясно, что въ нихъ не воспитаны цѣлыя обширныя стороны души человѣческой; природа даетъ себя знать. Стало быть идеаль не полноѣ.

Понимая эту односторонность, стали налегать на развитіе чувства красоты, на художественное образованіе, полагая что полюбивъ прекрасное, человекъ и самъ сдѣлается прекраснымъ. И эта надежда не оправдывается. Опытъ показалъ, что илюба прекрасное, человекъ самъ можетъ быть безобразнѣе собственнаго своего произведенія. Здѣсь не демотрируемо одно важное обстоятельство, что сдѣлать самого человека прекраснымъ такъ же трудно, какъ образовывать изъ куска крѣпкаго мрамора прекрасную статую.

Нашли еще идеалы—въ великихъ характерахъ, созданныхъ фантазіей драматурговъ и другихъ поэтовъ, и въ историческихъ личностяхъ новаго и стараго времени. Но, повторить, надо воспитывать цѣлыя народы, а произведенія поэтовъ и великіе люди исторіи, вопреки всѣмъ усиліямъ любителей просвѣщенія, народнымъ массамъ почти если будутъ извѣстны только по имени. Наука дорога, а имъ веру добывать себѣ насущный хлѣбъ. Далѣе, не у всякаго человека доставить силы на великое: что же дѣлать людямъ, обладающимъ малой силой, талантомъ и талантомъ? Намочить во зрѣхъ великихъ личностей, историческихъ и вымышленныхъ, есть односторонности и недостатки: подражаніе, далѣе повторить въ подражаніяхъ недостатки образованія, а работа объ изысканіи нѣхъ недостатковъ подорвать въ подражаніяхъ благоговѣніе къ нимъ. Въ заключеніе же развитіи этой теоріи будетъ созданіе новой этической идеологии, съ преступными героями и безразличными богами.

Гдѣ же идеаль истинный, объемлющій всю природу человека во всей полнотѣ, и въ неограниченномъ ея развитіи, воистинно близкій и для всѣхъ доступный, легко познаваемый, дающій слабому малое, сильному великое, достоянственный, всѣхъ къ себѣ влекущій и всѣхъ удовлетворяющій? Такой идеаль, одинъ,—это Богъ христіанскій: Вудитъ онъ сдержанна, а также Отець вашъ небесный совершенъ есть. Ему-то, несовершенному, обрадовался, когда услышалъ башговъ-

еніе о Немъ, испробовавшій всѣ созданныя идеалы; дравцій міръ эстетическій или—что то же—міръ философскій. Но такъ какъ идеалъ поврежденный во всѣхъ основанъ своей природою не могъ самъ себѣ возвыситься къ Богу не видимому и войти въ общеніе съ Нимъ, то Богъ послалъ въ міръ во плоти Сына Своего Единороднаго (Гал. 4, 4), Который взываетъ: Приняте ко Мнѣ вси (Матѣ. 11, 28), видѣвній Меце видѣ Отца (Іоанн. 14, 9). И вотъ Онъ представляется намъ и нынѣ стоящимъ предъ новыми врагами Своими, какъ стоялъ нѣкогда предъ Іудеями и вопрошавшимъ: много добрыхъ дѣлъ показалъ Я вамъ отъ Отца Моего; за которое изъ нихъ хотите побить Меня камнями? (Іоанн. 10, 32), Только гордость фарисейская и самообольщующіе евангельское могутъ отрицать несовершенство и свойства этого идеала и родстве Его съ душою человѣка. Укажите въ человѣкѣ самое высшее требованіе природы, которое бы въ Немъ не находило удовлетворенія; вообразите самое высшее совершенство, котораго бы въ Немъ не было. Онъ есть сама истина, любовь, благо, чистота, правда, безкорыстіе, самоотверженіе, трудолюбіе, терпѣніе, мужество,—но кто денситъ всѣ Его совершенства? Развѣ те въ Немъ не по дулу нашего вѣка, что въ Немъ нѣтъ страстей, которыми бы мы могли себя оправдывать и Онъ не противостоитъ имъ, что Онъ беззаконія не сотвори, ниже обрѣтѣся уста вѣдущія Его. (Ис. 53, 9).

Къ нему являють, предъ Него ставитъ христіанскія родины евангеліе дѣла въ томъ священный училщѣ, которое называется церковью. Здѣсь воспитаніе идеалъ во любви заповѣдью челоѣческаго развитія. Сначала чрезъ чувствъ—посредствомъ впечатлѣній. Какъ красота природы въ главныхъ чертахъ челоѣческаго чувства возмущаетъ любить раньше всакой науки, знакомое съ этою природою протѣтаго созерцанія и опыта дѣтства, такъ и въ церкви пробуждается первая представленіе о Богѣ, самыя фантасма и наиболее вышнія въ жизни челоѣка, чрезъ созерцаніе изображеній, дѣтскихъ, священныхъ, указывающихъ на міръ духовный. Мать, предметъ всея любви челоѣчести дѣлаетъ, стоять съ благоговѣннымъ выраженіемъ лица и молится предъ иконой Спасителя; дѣти посмотрѣть то на ное, то на образъ, и не нуждается въ дѣтскихъ объясненіяхъ того что это значить. Вотъ первый безмолвный урокъ богоузнаванія. Дѣти въ храмъ благоговѣно храма, освѣщеніе, свѣтлыми облаченіи священнослужителей, цѣние и безмолвное предстоаніе молящихся, обращеніемъ въ алтарь, священными дѣлствіемъ, отсутствіемъ предметовъ ободенной жизни, въ

преданіе, неблагоговѣйныя дѣлѣнія, требованіе вниманія къ чему-то высшему, особающему—это уроки благоговѣія предъ Богомъ, которые не замѣнить никакая краснорѣчивая рѣчь законоучителя. При этихъ урокахъ нельзя замѣтить минуты, съ которой открывется въ дѣтяхъ пониманіе что читается и поется въ храмѣ; мы знаемъ только, что дѣтки нашего Спасителя еще далеко до уроковъ закона Божія потому что часто слышали повѣствованія о Немъ, много Ему молились, любивали Его Евангеліе, плакали о Немъ при чтеніи Его страданій и радовались во всемъ сердцемъ правдѣ Свѣтлое Воскресеніе. Этою обильяю благодѣяніемъ вліяній и самой благодати Божіей лишать родители своихъ дѣтей не нося ихъ въ храмъ для приобщенія св. таинъ и не приводя въ раннемъ возрастѣ въ церковь по тому пустому предлогу, что дѣтя ничего не понимаютъ; какъ будто только однихъ англающихъ рассудковъ есть проводникъ всѣмъ вліяніямъ, дѣйствующимъ на развитіе малолѣтня. Здѣсь собственно воспитывается религіозная чувствъ, главный двигатель духовной жизни. Потеря этого времени и этого способа развитія сердца есть потеря невозмездимая. После дѣтъ и отвлеченныя понятія усвоить будетъ, и уроки терпѣть станутъ, но сердце, которое овладѣло уже нѣмнѣ впечатлѣнія и склонности, будетъ туго и глухо въ восприимчивымъ духовнымъ вліяніямъ.

Дальнѣйшее воспитаніе, сообщаемое церковью, точно также рациональна. Не лезетъ душу человѣка, отъсюду окружающую земными предметами и непосредственно воспринимающую въ міръ вѣдѣній, возвести въ міръ духовный и приучить внутренно чаще къ нему обращаться и жить въ немъ. Для этого мало заставить дѣтей по два часа въ недѣлю слушать церковныя уроки закона Божія, оставая ихъ затѣмъ на все время на широкую землю вліяніямъ, безъ предостерегающаго наполненія въ Богѣ. Церковь поступает не такъ. Она обявляеть своихъ учениковъ съ ранняго дѣтства, съ самаго обученія грамотѣ, дѣтъ не проводить безъ чтенія слова Божія, не опускать ни одного праздничнаго Богослуженія; не обращать домашней молитвы въ минутный безсознательный обрядъ, не пренебрегать урочными временами, въ которыхъ воспріимчивое удовольствіе и развлеченія, духа сосредоточивая на себѣ и обуславливать свое нравственное состояніе. Все это намъ сказать нѣтъ трудно. Намъ самимъ жаль только, чтобы насъ не общинали ни къ какому духовному труду, чтобы у насъ былъ вѣчный праздникъ съ вѣчными увеселеніями, чтобы намъ разрѣшили съѣзжать въ на Свѣтлой недѣлѣ и никто бы нѣтъ не тревожилъ на-

шей совѣсти.. Лѣнясь сами, мы отъ всѣхъ благочестивыхъ увѣ-
реній, какъ ильминникъ, освобождемъ и дѣтей своихъ. За то и по-
жинаемъ что сѣемъ, и оправдывается надъ нами слово Спасителя:
собираютъ ли съ терновника винограды или съ репейника смѣны?
(Мате. 7, 16).

Нѣтъ надобности распространяться о дальнѣйшихъ приемахъ ре-
лигознаго образованія, употреблемыхъ церковью. Заложивъ въ ду-
шахъ дѣтей и отроковъ чувство благочестія первоначальнымъ воспи-
таніемъ, оно открываетъ молодымъ людямъ всѣ источники знанія
подъ охраною вѣры, пріучая ихъ къ употребленію свободы подъ
наблюденіемъ нравственнаго закона. Правила церкви для воз-
растнаго христіанина: все исцѣпайте, хорошаго держитесь (1 Сол.
5, 21), все мнѣ позволительно, но не все полезно (1 Кор. 10, 23).
Она ставитъ закономъ одно основное начало знанія и жизни: все отъ
Бога исходитъ и къ Богу возвращается. Истинный питомецъ церкви
видитъ Бога въ исторіи домостроительства нашего спасенія, въ исто-
ріи міра, въ природѣ, въ опытахъ своей жизни, а главное чувствуетъ
Его въ своемъ сердцѣ; предъ Нимъ трудится, своробитъ и радуется,
отъ Него всего надѣется, съ Нимъ живетъ и къ Нему отходить по
смерти. Съ какими же инымъ идеаломъ человекъ можетъ внутренно
такъ сдрузиться и быть неразлучно, въ какомъ другомъ идеалѣ мо-
жетъ почерпнуть столько внутреннаго успокоенія, вдохновенія и силы?

Вмѣстѣ съ вынесеніемъ въ сознаніи воспитанника высочайшаго
церковнаго образа человѣческаго совершенства церковью приобщаетъ къ
направленію его дѣятельности, согласно съ совершенствами вер-
вообраза. Такъ должно быть по требованіямъ и самой души че-
ловѣка, къ какому бы философскому направленію она не принадле-
жала. Но никакая педагогія не обладаетъ такими средствами или
приемами для направленія человека въ совершенству, какими вла-
дѣетъ церковь.

Внутренняя жизнь человека есть тайна. Мы можемъ говорить
воспитаннику, учить, совѣтовать, но что происходить въ его душѣ
вслѣдствіе нашихъ увѣженій, мы не можемъ знать если онъ самъ
этого не откроетъ, да еще и въ силахъ ли онъ самъ объяснить что
въ немъ происходитъ? Притомъ, всѣмъ нашимъ вліяніемъ становимся,
такъ сказать, на дорогѣ своей способностью человека, составляемъ
величайшее его преимущество, но вмѣстѣ и величайшее затрудненіе
для воспитателей—это его свобода. Можно надлонить его свободу по
нашему желанію хитрестію, обольщеніемъ, но она скоро пойметъ, и

идяи себя обманутыми, повторять къ намъ довѣріе. Его можно при-
нудить дѣлать то, чего мы желаемъ, но онъ внутренне будетъ намъ
противиться, и сдѣланное по насилію не признаеть своимъ. Кто мо-
жетъ войти въ душу челоуѣка и привести все въ ней въ порядокъ,
заставить ее думать, желать, дѣлать все такъ какъ мы полагаемъ
лучшимъ для ея блага? Никто, кромѣ Бога Сердцевѣдца. Ему-то, по-
знавшему дѣтми христіанскими отъ рожденія, церковь и поручаетъ
воспитаніе ихъ, осуждая каждаго изъ нихъ на попеченіе неотлуч-
наго приставника, недремлющаго наблюдателя—ихъ собственной со-
вѣсти.

Что такое совѣсть? По наблюденіямъ психологическимъ, она есть
чувство жизни духовной, подобное чувству жизни физической, какое
мы имѣемъ въ нашемъ тѣлѣ. Это чувство свидѣтельствуетъ о пра-
вильномъ, гармоническомъ настроеніи нашего духа и расширеніи его
жизни, всегда мы дѣлаемъ добро, и о разстройствѣ, сдѣсаніи, стра-
даніи, всегда мы дѣлаемъ зло, подобно тому какъ чувство жизни въ
тѣлѣ даетъ намъ знать тепло ему или холоду, больно оно или здо-
рово: смущеніе дикети, уличеннаго во лжи, краска стыда на лицѣ
дѣвщи при извѣщеніи соблазна—вотъ самыя нервныя проявленія со-
вѣсти; свидѣтельствующей о нравственной замѣшательствѣ или раз-
стройствѣ души. Самыя страдальныя потрясенія совѣсти испытываетъ
взвѣсная злободѣльность при первомъ паденіи. Омнѣи утѣшенія совѣсти
при добромъ дѣлѣ также начинаютъ въ душѣ нашей воевать рано, и
никогда не перестаютъ. Отсюда видно въ чемъ заключается тайна
нравственнаго воспитанія. Она состоитъ въ томъ, во первыхъ, чтобы
сократить въ воспитаннѣи совѣсть чистою, то есть, чуждою, бодрю,
вѣрно-показывающею нравственныя состоянія души, и самую душу
справить отъ разстройства, или внезапною восстановитъ послѣ раз-
стройства, чтобы дать ей такую чашарку почувствовать внутреннее бла-
госостояніе, приобретаемое исполненіемъ нравственнаго закона, или,
имею, посвященіемъ его съ духовнымъ опытомъ. Въ этомъ опять
единственно безошибочною и благонамѣренною руководящею яв-
ляется церковь.

Великія дуслія она укрепляетъ, чтобы прежде всего просвѣт-
ить; она, какъ сказать, выявлять совѣсть своихъ сыновъ юныхъ и
возрастнѣи; чтобы она была безошибочнымъ показателемъ преступ-
ленія и добродѣтели отъ самаго зарожденія ихъ въ мысли и неясной
лучѣ до послѣдннго осуществленія на дѣлѣ. Для этого непрестанно
при богослуженіяхъ въ чтеніяхъ и проповѣдяхъ преподается ученіе

о Богѣ всесовершенномъ и всеправедномъ, всеблагимъ грѣхъ и любящемъ добродѣтели, предлагаются описанія преступленій и подвиговъ добродѣтели и повѣствованія о грѣшникахъ, наказанныхъ, или помилованныхъ и праведникахъ блаженствующихъ; возносится умогательныя молитвы о прощеніи нашихъ согрѣшеній и избавленія отъ соблазновъ и искушеній. Сюда направлены всѣ правила о покаяніи, всѣ законоположенія объ исповѣди и приобщеніи. Здѣсь дѣти видѣтъ съ родителями и всѣми христианами непрестанно поставлены со своею совѣстію предъ Богомъ—ни для кого невидима, но для Него понятно; здѣсь, говоря современнымъ языкомъ, совершается тотъ медленный процессъ, не передаваемый ни въ какомъ краснорѣчивомъ урокъ, процессъ раздѣленія въ нашемъ сознаніи двухъ присутствій намъ природы, или двухъ челоуѣковъ—возлага и неваго, добраго и злаго, и не только предлагается нашей свободѣ выборъ направленія жизни, но и прямо дается чувствовать, что только въ направленіи къ добродѣтели есть истинная жизнь и счастье души челоуѣческой. Чѣмъ вы это замѣните въ научныхъ системахъ воспитанія? Рационалистами могутъ строить только не оправдываемыя опытомъ теоріи; а недальніи позитивности и материалисты изъ любимаго ими животнаго царства и до чего подобнаго и возвыситься не могутъ.

Эти приемы нравственнаго воспитанія церковью звали и въ совѣствѣ. Мать—истинная христианка—въ прежнее время непрестанно указывала дѣтямъ: „это грѣхъ“. Чтѣ это значитъ? Можеть быть намъ это понятіе будетъ на языкѣ ученыхъ, немол на библейскомъ. Это значитъ указаніе на уклоненіе отъ идеала челоуѣческаго совершенства. Ничего не можеть быть рациональнѣе мать замѣчать дѣтямъ въ раняяго возраста ея уклоненія отъ предвѣначеннаго ему совершенства. При мысли о Богѣ, насаждающа грѣхъ, челоуѣкъ указывае на возможность грѣха есть самый вѣрный способъ научить дѣти различать грѣхи и бояться грѣховъ. А такъ какъ грѣше страшныя не только нарушенія заповѣдей десятизаконія, но и воспитательныхъ условій церкви, то случаи отговаривать дѣтей отъ грѣха предостереженія часто. Нынѣ многими ничто не почитается за грѣхъ, провъраніи уголовныхъ преступленій, ведущія въ лишенію всѣхъ правъ собоганія. Но по ученію церкви естѣ грѣхи омане, ведущіе въ лишкнѣ. Дѣтати говорили, когда она просило иище скорбной въ постный день, или въ праздникъ до обѣдина „грѣхъ“. Это значило, учить воздержанію и терпѣлію; когда она позволяла себѣ неумѣреннаго движенія и молитвѣ, говорили: „грѣхъ“; это значило—учить благоговѣнію, ур-

нню части реформы— „грѣхъ“; это значило—чти святую; необходимо обращается съ хлѣбомъ: „грѣхъ“, — повликали въ дару Божию; управителъ исполнителъ принаволеніе огня, или потерн: „грѣхъ“; это значило—повнущая законной власти, и т. п. Отъ того-то прежде и болѣе болѣннхъ грѣховъ, что совѣсть чутка была къ малымъ, что великъ былъ страхъ ответственности предъ Богомъ, что хорошо знакомы были страданія души, выдающей по несчастію въ тяжкій грѣхъ. Ничѣ все можно, и ничто не страшно. Отъ тупости нравственнаго чувства происходитъ это безстрашіе и дерзость во отношенію къ порокамъ и страшнымъ преступленіямъ какія видимъ мы нынѣ.

При откль въ урокахъ церкви зарождается и духовный опытъ, о которомъ мы говорили выше. Онъ начинается борьбой съ влеченіями испорченной природы, обнаруживающнхся съ рѣзкаго дѣйствія, и сопровождается чувствомъ удовольствія при преодолѣніи ихъ, и какии образыъ предлагается начало мужества и твердости въ подвигахъ добродѣтели. Здѣсь пріобрѣтается опытное познатіе высшихъ утѣшеній, какія можетъ имѣть человекъ и помимо чувственныхъ увеселеній, каковыи: молитвенное умаленіе, сладость удивительнаго размышленія при чтеніи Слова Божія, чувство душевнаго мира и при тѣлесной усталости послѣ продолжительныхъ богослуженій, облегченіе совѣсти послѣ исповѣди, радость во приобщеніи Св. Таинъ и при церковныхъ торжествахъ. Все это даетъ опытное понятіе объ иной жизни чѣмъ наша земная, даетъ познать къ этой жизни, соединяющей съ ея желденіемъ къ чувственнымъ увеселеніямъ. Отсюда происходитъ пріобрѣтаемое съ лѣтами и духовною зрѣлостію безстрашное разставаніе съ этою жизнью и надежда вѣчнаго услажденія за гробомъ.

Какіе плоды эти воспитанники церкви приносятъ съ собою, вступаая въ общественную жизнь? Юноши и дѣвнцы во всемъ слагаді или настроеніи своего духа получаютъ прѣтворающіе: обманамъ сѣта, предостереженіе во сѣтѣхъ противъ искушеній; они, иго долѣваемне силою страсти, пройдутъ долгую борьбу, много перепахнутъ внутренно прежде нежели рѣшатся на тяжкій преступокъ; а въ случаѣ паденія имъ есть къ чему возвращаться: они знаютъ способы хлѣсенія душевныхъ болѣзней, имъ знакомо и пріятное чувство нравственнаго выздоровленія. О какъ они не похожи на этихъ одичавшихъ нравственно питомцевъ современной науки!

Воспитанники церкви опытому жизни, съ помощію благодати Божіей, утвердившіеся въ добрыхъ правилахъ и навыкахъ, становятся недоступными для преступленій. Видятъ, или не видятъ ихъ люди,

угрожать, или не угрожать имъ наказаніе,—они не совершаютъ преступленій: оно имъ радно, оно имъ страшно и противно ихъ природѣ. Никакія обольщенія—богатства, наслажденій роскоши не соблазняютъ ихъ: имъ пріятнѣе сухая корка чернаго хлѣба съ миромъ совѣсти, чѣмъ самыя роскошныя яства, добытыя преступленіемъ. Отъ того-то артельщикъ, воспитанный въ деревнѣ, у вдовы-матери, простой христианки, въ страхѣ Божиѣмъ, носитъ миллионы отъ банка до банка и не заглядывается на нихъ, а образованный классиръ систематически обкрадываетъ кредитныя учрежденія. Отъ того прежде бывало, что грубый крестьянинъ, знавшій съ дѣтства цѣрковъ Божию, совершивъ убійство, идетъ донести самъ на себя, чтобы праведною карой закона облегчить страданія своей души, а нынѣ бываетъ, что образованный пьюща-убійца заранѣе добываетъ фальшивые паспорта.

Только воспитанными цѣркви знаютъ возможность быть внутренно счастливыми при трудностяхъ и лишеніяхъ жизни. У нихъ всегда есть въ готовности утѣшеніе: честно день потрудиться, усердно помолиться, оказать ближнему услугу, отдохнуть мирно въ своемъ семействѣ, или въ обществѣ друзей, въ бѣдѣ возложить печаль свою на Господа. Отъ того они всегда довольны своимъ состояніемъ, не слѣдятъ съ завистью на довольство другихъ, не раздѣляютъ мысленно между собою чужаго богатства; безпорядки, волненія, возмущенія—не ихъ дѣло.

Еще Саламонъ говоритъ: въ благословеніи правыхъ возвысится градъ, усты же нечестивыхъ раскопается (Прит. 11, 11). Какъ, поединкому, труды праведниковъ, приобретающіе городамъ и царствамъ Божіе благословіе и благоденствіе, могутъ быть уничтожаемы болтливыми, или лживыми устами? Однако, это такъ: Ничто не познаемъ этого горькимъ опытомъ лучше насъ. Кто расшатываетъ основы нашего могущества: единомысліе, единодушіе, правостенную твердость, вѣрность, покорность властямъ, чистоту нравовъ? Уста и верья нечестивыхъ! Пора намъ заградить, если не уста лживыя, то собственныя наши слухъ отъ ихъ рѣчей и обратиться въ трудамъ благочестивыхъ предковъ нашихъ, чтобы возвратить себѣ пріобрѣтенное ими Божіе благословіе. Аминь.

ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ ОТЧЕТА О ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ ПАРИЖСКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ ¹⁾.

Авторъ отчета о педагогическомъ отдѣлѣ Парижской всемірной выставкѣ въ заключеніи своей статьи сдѣлалъ нѣкоторыя указанія, которыя, по его мнѣнію, должны послужить къ улучшенію учебнаго дѣла въ Россіи. Между прочимъ, онъ указываетъ, какъ на недостатки обученія рисованію въ нашихъ училищахъ, такъ и на неудовлетворительную постановку самаго предмета въ учебномъ курсѣ городскихъ училищъ, учительскихъ институтовъ, учительскихъ семинарій, мужскихъ и женскихъ гимназій. Последнее замѣчаніе совершенно правильно; но врядъ-ли можно надѣяться, чтобы улучшеніе могло быть достигнуто именно при помощи тѣхъ мѣръ, которыя предлагаются авторомъ, что мы и постараемся выяснитъ въ настоящей замѣткѣ.

Прежде всего мы никакъ не можемъ признать за учебными „курсами рисованія“ того значенія, которое придаетъ имъ составитель отчета. Такъ на стр. 32-й читаемъ: „Эта метода рисованія (*frége Victoris*) и черченія можетъ имѣть большое значеніе для нашихъ учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій, потому что въ ней всѣ приемы такъ подробно объяснены, что даже учи-

---

¹⁾ См. *Ж. М. Н. Пр.* 1879 г. Январь. Статя г. Сентъ-Илера.

тель не-спеціалистъ можетъ преподавать элементарныя курсы рисованія и черченія съ успѣхомъ“.

Далѣе, на стран. 33—34: „Въ этомъ отношеніи русскіе учителя начальныхъ и городскихъ училищъ находятся въ гораздо худшихъ условіяхъ, такъ какъ хорошо выработаннаго методическаго курса рисованія для русскихъ народныхъ школъ не существуетъ“. На стр. 36: „Увеличеніе числа уроковъ во всѣхъ вышеозначенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и подробныя указанія на способъ преподаванія этого предмета составляютъ насущную потребность и требуютъ возможно скорого исполненія. Преподаватели нѣкоторыхъ реальныхъ училищъ могутъ оказать большую услугу, взявъ на себя трудъ составить курсы рисованія для разныхъ учебныхъ заведеній и выработать программу этого курса“.

Кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что составитель проекта считаетъ совершенно возможнымъ улучшить успѣхи по рисованію въ нашихъ школахъ однимъ введеніемъ тщательно составленныхъ курсовъ, съ подробными методическими указаніями. Такія ожиданія нельзя не признавать слишкомъ преувеличенными. Рисованіе есть языкъ видимыхъ формъ; усвоить его себѣ возможно лишь посредствомъ основательнаго изученія самыхъ формъ; это изученіе представляетъ въ школѣ весьма большія трудности, даже, можетъ быть, большія, чѣмъ изученіе языка членораздѣльныхъ звуковъ. Поэтому и методика рисованія, даже въ настоящее время, когда уже сознава необходимость вести обученіе и этому предмету въ стройной системѣ, — недостаточно разработана, несмотря на дружныя усилія педагоговъ Австріи, Бельгіи, Германіи и Франціи. Во всѣхъ лучшихъ сочиненіяхъ по методикѣ рисованія за послѣднее время единогласно высказывается та мысль, что успѣховъ въ обученіи этому предмету можно ожидать не только отъ увеличенія числа учебныхъ часовъ, но также отъ лучшей методической подготовки самихъ учителей рисованія, которая въ свою очередь возможна лишь подъ условіемъ учрежденія особыхъ педагогическихъ курсовъ, будутъ ли эти курсы при академіи художествъ или составятъ самостоятельное учрежденіе. Когда будутъ приготовлены хорошіе учителя рисованія, теоретически изучившіе методъ обученія рисованію и достаточно ознакомленные практически со способами его примѣненія, тогда лишь можно будетъ ожидать, что такіе учителя ознакомятъ воспитанниковъ учительскихъ семинарій и институтовъ съ методикой рисованія. Въ этомъ отношеніи

обучение рисованию проводится совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, какъ обученіе грамотѣ, письму, арифметикѣ. Какъ обучать этимъ предметамъ нельзя учиться по какому-нибудь курсу, а необходимо, кроме теоретическаго приговора, поработать сперва самому въ школѣ подъ руководствомъ знающаго и опытнаго преподавателя, такъ точно и обучать рисованію можно научиться лишь такими же образомъ у хорошаго учителя этого предмета.

Поистинѣ, что Императорская Академія художествъ, при содѣйствіи министерства народнаго просвѣщенія, въработала проектъ учрежденія при академіи педагогическихъ курсовъ для усовершенствія учителей рисованія. Остается лишь желать, чтобы этотъ важный проектъ осуществился въ возможно ближайшемъ времени. Когда изъ этихъ курсовъ выйдутъ надлежащимъ образомъ приготовленные учителя рисованія, то отъ нихъ и отъ ихъ руководимыхъ и можно будетъ ожидать правильной разработки метода этого предмета, а затѣмъ и успѣха его въ училищахъ. До того времени успѣхи въ рисованіи будутъ зависеть въ томъ или другомъ училищѣ въ видѣ частныхъ случаевъ, зависящихъ главнымъ образомъ особенно благопріятныхъ обстоятельствъ.

Что касается до курсовъ рисованія, „снабженныхъ подробными указаніями“, то они въ рукахъ учителей неумѣлыхъ или недостаточно подготовленныхъ, приведутъ лишь къ рабскому копированію страницъ курса, какъ это и теперь дѣлается во многихъ училищахъ, но съ той лишь разницей, что теперь ученики копируютъ рисунки курса безъ всякаго вѣстия, а тогда копированіе будетъ происходить въ нѣкоторой послѣдовательности, начиная съ простѣйшихъ формъ; но такъ какъ и эта работа не можетъ быть осмыслена и направлена руководящей мыслью понимающаго учителя, то и она окажется почти столько же безплодною, какъ и нынѣшнее копированіе съ эстамповъ.

Въ пунктѣ 5-мъ своихъ указаній составитель отчета говоритъ слѣдующее о значеніи рисованія не только въ низшихъ, но и въ среднихъ училищахъ (напримѣръ реальныхъ). „Методы преподаванія этого учебнаго предмета еще довольно разнообразны, но всѣ новѣйшіе курсы рисованія очевидно направлены не къ копированію оригиналовъ и моделей (9), а къ возбужденію въ училищахъ самостоятельности въ видѣ возможныхъ рисунковъ различнаго вида. Такъ какъ для учениковъ необходима самостоятельная работа въ смыслѣ рисованія (вир-

тнѣ, портретахъ и пейзажѣхъ ?), то главное значеніе при этомъ приобретаютъ композиціи орнаментовъ и рисунковъ, имѣющихъ техническій характеръ (?). Такое направленіе обученія рисованію особенно приспособлено для учебнаго заведенія съ реальнымъ курсомъ и т. д.

Далѣе говорится о необходимости ввести серьезный (?) курсъ рисованія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ, въ формѣ ученія и ученія переходятъ къ практической дѣятельности и ремесламъ, такъ какъ, нѣтъ другого учебнаго предмета, который бы такъ скоро давалъ возможность практически воспользоваться имъ въ жизни (а грамота? а счетъ?) Составленіе рисунковъ и нѣкоторая спорока въ орнаментации нужна теперь во всѣхъ ремеслахъ и промыслахъ (?); за рисунокъ, составленный съ нѣкоторымъ вкусомъ, платятъ дорого и т. д.

И такъ, по мнѣнію автора, обученіе рисованію во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ реального характера должно имѣть цѣлю возбужденіе въ ученикахъ самостоятельности въ видѣ композицій орнаментовъ и техническихъ рисунковъ различнаго вида; для реальныхъ училищъ такое направленіе, по словамъ составителя, особенно пригодно, а для низшихъ училищъ оно даже необходимо, потому что сейчасъ же выходя изъ школы доставитъ хорошій кусокъ хлѣба, такъ какъ за каждый рисунокъ, составленный съ нѣкоторымъ вкусомъ платятъ дорого! Если мы не такъ поняли автора или онъ не захотѣлъ сказать, что слышно въ его словахъ, то вина же наша. Но со своимъ мнѣніемъ невозможно согласиться нисколько образамъ.

Рисованіе должно быть въ школѣ предметомъ общеобразовательнымъ, предназначеннымъ къ нѣкоторому, ему свойственному, развитію душевныхъ силъ ученика, и въ связи съ этимъ развитіемъ и въ зависимости отъ него, — къ разработкѣ техническаго навыка; въ школѣ оно не должно быть обращено въ ремесло уже потому, что ремесленное обученіе требуетъ и большаго времени и другихъ учителей.

Рисованіе, какъ мы выше замѣтили, есть языкъ видимыхъ формъ: обученіе ему имѣетъ много сходства съ обученіемъ звуку членораздѣльныхъ звуковъ. Сначала ученикъ подъ руководствомъ учителя читаетъ изображенія этихъ формъ: онъ знакомится съ ихъ чертами, главными свойствами и со взаимнымъ отношеніемъ важнѣйшихъ, основникъ имъ ихъ числа. За тѣмъ онъ учится ихъ изображать (писать формъ). Разумѣется, оба процесса находятся въ тѣ-

кой же тѣсной связи, какъ и при обученіи грамотѣ. Но ученикъ не можетъ ограничиваться однимъ умѣньемъ изображать формы, находящіяся предъ его глазами; основныя формы онъ долженъ знать, для того, чтобы имѣть возможность пользоваться ими въ случаѣ необходимости. Отсюда происходитъ необходимость третьяго рода упражненій — изображенія данныхъ формъ на память.

Когда ученикъ усвоитъ себѣ нѣкоторый запасъ формъ, тогда можно повсемѣстному приукину его владѣть ими, видоизмѣняя ихъ или составляя изъ нихъ новыя комбинаціи. Этотъ родъ упражненій при обученіи рисованію и называютъ композиціями. Это самый трудный родъ и за упражненіе этого рода не всякому учителю слѣдуетъ браться, потому что здѣсь всего легче упасть на ложный путь и увлечь туда же своихъ учениковъ. Прежде всего самъ учитель долженъ обладать правильнымъ и хорошо развитымъ вкусомъ; онъ самъ долженъ быть эстетически подготовленъ къ подобному труду и только при этомъ условіи его ученики разовьютъ свой вкусъ на вполне хорошихъ образцахъ и, по возможности, избѣгнуть всего уродливаго или лишеннаго вкуса. При этихъ упражненіяхъ учитель долженъ внимательно слѣдить за всѣмъ проявленіемъ самодѣятельности учениковъ, какъ въ выборѣ готовыхъ формъ, такъ и въ ихъ видоизмѣненіи и употребленіи, остерегая ихъ отъ всего неправильнаго и безобразнаго, но имѣть съ тѣмъ онъ долженъ осторожно руководить ихъ, не насилуя ихъ вкуса. Здѣсь надлежитъ внимательнѣйшимъ образомъ слѣдить за первыми проблесками таланта и тщательно оберегать ее. Въ этихъ упражненіяхъ методическая рутинна и водвореніе всѣхъ вкусовъ и способностей подъ одинъ общій шаблонъ дѣйствуютъ самымъ губительнымъ образомъ на проявленіе самобитности и таланта въ ученикахъ. Но, такъ какъ учитель все же имѣетъ дѣло не съ однимъ ученикомъ, а съ цѣлымъ классомъ; такъ какъ классная работа, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, должна оставаться для всѣхъ учениковъ общою, то въ этомъ соглашеніи условій общей классной работы съ сохраненіемъ особенностей, обуславливаемыхъ индивидуальностію учащихся, и состоитъ для учителя труднѣйшая задача. Самая цѣль этого приѣма уже далеко не такъ опредѣлена, какъ при обученіи изображать видныя формы или приучать рисовать наизусть.

И такъ при обученіи рисованію мы видимъ три главныхъ приѣма:

- 1) изображеніе видныхъ формъ, 2) изображеніе подобныхъ же формъ

наизусть, на память, и 3) композиціи, замѣчающіяся преимущественно, въ выборѣ какъ самихъ формъ, такъ и ихъ расположенія. Этии приѣмами методика рисованія далеко не ограничена: остается, напримеръ, ознакомить учениковъ съ цвѣтами (красками), ихъ гармоніей и употребленіемъ. Въ этомъ отношеніи ищется късколько болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ, но вопросъ этотъ недостаточно разработанъ; поэтому мы пока оставляемъ его въ сторонѣ.

Всѣ названные три приѣма одинаково важны при обученіи рисованію и конечно желательно, чтобы во всѣхъ нашихъ школахъ доставало и времени и педагогическихъ силъ для правильнаго обученія рисованію и, слѣдовательно, для приложенія всѣхъ этихъ трехъ приѣмовъ. Но если школа ограничена и во времени и въ педагогическихъ силахъ, то спрашивается, слѣдуетъ ли при обученіи рисованію сохранить всѣ три названные приѣма въ ихъ нормальной соразмѣрности или ограничиться нѣкоторыми изъ нихъ?

Знакома ученика съ языкомъ формъ, школа должна прежде всего сдѣлать его грамотнѣйшъ въ отношеніи къ этому языку, научить читать и писать на немъ, то-есть, научить понимать данный несложный рисунокъ, а также изображать на бумагѣ несложныя формы, видѣть ли ихъ ученикъ передъ собою, или припоминаетъ видѣнное, или эти формы создаются его собственнымъ воображеніемъ.

Предметомъ изученія могутъ быть: 1) плоскія формы, начиная съ геометрическихъ и перехода постепенно къ болѣе сложнымъ формамъ плоскаго орнамента, и 2) тѣлесныя формы, начиная съ геометрическихъ тѣлъ и ихъ группъ и оканчивая предметами, по своей внѣшней формѣ близкими къ простымъ геометрическимъ формамъ. Далѣе этого врядъ ли можетъ идти элементарная школа; далѣе она встрѣтитъ почти непреодолимыя препятствія и въ возрастѣ учениковъ, и во времени, назначенномъ на обученіе, и въ педагогическихъ силахъ школы. Если ограничиться и этими занятіями, не вести ихъ правильно, то, съ одной стороны, они сами по себѣ представляютъ работу очень не легкую, съ другой, ихъ образовательное значеніе обнаружится самымъ несомнѣннымъ образомъ: ученикъ прежде всего изучитъ внимательно смотрѣть на внѣшнія формы и, слѣдовательно, надлежащимъ образомъ ихъ видѣть. Въ немъ будетъ развита весьма важная способность, которая въ настоящее время, по общимъ отзывамъ, почти совершенно пренебрежена въ школѣ, и въ то же время самый методъ обученія будетъ содѣйствовать развитію пониманія.

соображенія; памяти, находчивости и т. д., не говоря уже о пробужденіи и правильномъ направленіи эстетическаго чувства. Наконецъ, приобретенное въ школѣ умѣнье рисовать желаемый несложный предметъ драгоценно въ такой степени, что трудно представить себѣ тотъ родъ дѣятельности, гдѣ бы оно не пригодилось: оно и будущему артисту послужитъ прочнымъ основаніемъ для дальнѣйшей разработки его способностей; оно же поможетъ сапожнику или портному правильно сшить кусокъ матеріи, а кузнѣцу замѣтить и занести въ свою записную книжку, напримѣръ, форму той затѣвливой и узорчатой сетли, которую онъ случайно увидѣлъ на дубовой двери старинной церкви. Если между учащимися найдутся мальчики очень способности, то они будутъ самостоятельно развиваться и при помощи названныхъ двухъ упражненій и подъ вліяніемъ тѣхъ изящныхъ образцовъ всякаго рода, которыми они должны быть окружены въ школѣ.

Если число уроковъ дозволить, то слѣдуетъ ввести (но не болѣе, какъ одинъ изъ приемовъ обученія) и занятіе учениковъ композиціею. Нѣтъ сомнѣнія, что это упражненіе въ нѣкоторой мѣрѣ будетъ развивать въ ученикахъ способность своеобразно комбинировать и видоизмѣнять готовныя формы и, въ рѣдкихъ случаяхъ, даже — создавать новыя; слѣдовательно, для развитія самодѣятельности вообще оно весьма полезно. Но, чтобы именно оно могло принести учащимся даже въ низшихъ училищахъ значительную практическую пользу, чтобы оно научило ихъ составлять такіе хорошіе рисунки, которые оплачивались бы и хорошими деньгами, — это совершенно напрасныя надежды. Ни возрастъ, ни относительная кратковременность пребыванія въ школѣ не дозволитъ и талантливому ученику развить свои способности до такой степени. При томъ не слѣдуетъ забывать, что на долю простыхъ рисовальщиковъ, какихъ можетъ выпустить общеобразовательная школа, можетъ достаться развѣ копированіе какого нибудь правильнаго узора. А сочиненіе новыхъ, дѣйствительно изящныхъ рисунковъ, всегда поручается артисту, получившему высшее художественное образованіе и притомъ извѣстному своимъ изящнымъ вкусомъ. Вотъ такимъ-то лицамъ и платятъ дорого за хорошіе рисунки. При этомъ нельзя не вспомнить словъ покойнаго А. С. Хомякова, въ его статьѣ объ общественномъ воспитаніи въ Россіи (Русскій Архивъ, 1879 г. № 1). „Такъ несчастный ученикъ ремесленно-художественной школы, вѣкъ свой трудившійся

надъ рисованіемъ орнаментовъ, никогда не зарисуетъ и не приу-
маетъ того затѣдливаго орнамента, который шута накинеть въ одно
мгновеніе рука академика, никогда не думавшаго о сплетеніи эле-
градныхъ и дубовыхъ листьевъ“.

Поэтому мы менѣе всего желали бы, „чтобы курсы рисованія
были у насъ направлены къ возбужденію въ ученикахъ самоде-
ятельности въ видѣ композицій рисунковъ различнаго вида.“ Такое
одностороннее направленіе въ обученіи рисованію было бы вреднымъ
даже въ рукахъ учителей, получившихъ художественное образованіе;
оно было бы вредно уже по своей односторонности; а въ рукахъ
учителя „не специалиста, который, будто бы можетъ обучать рисо-
ванію и черченію съ успѣхомъ на основаніи подробнаго курса, въ ко-
торомъ объяснены всѣ приемы“ (стр. 32), но не имѣющаго ни худо-
жественнаго образованія, ни развитаго долгаго изученіемъ изящныхъ
формъ вкуса, оно могло бы сдѣлаться еще болѣе вреднымъ.

Слѣдя за развитіемъ методики рисованія за послѣдніе годы, мы
можемъ, если не ошибаемся, объяснить себѣ, почему составитель от-
чета въ такой степени увлекся ученическими композиціями.

Въ послѣдніе двадцать лѣтъ, уже послѣ первой Парижской вы-
ставки, методика рисованія, хотя медленно, но вѣрно идетъ впередъ,
завоевывая вмѣстѣ съ тѣмъ своему предмету все болѣе и болѣе
мѣста въ школахъ. Какъ во всякомъ новомъ предметѣ, интересующемъ
весьма живо специалистовъ, и въ методикѣ рисованія появляются по
временамъ приемы, на которые возлагаются самыя преувеличенныя
надежды. Такъ было, напримѣръ, въ свое время съ стигмографіей или ри-
сованіемъ по квадратной сѣткѣ. Когда этотъ приемъ сдѣлался извѣст-
нымъ въ Австріи и Германіи, онъ сразу нашелъ себѣ множество са-
мыхъ горячихъ поклонниковъ. Нѣкоторые дошли до такой крайности,
что давали ученикамъ рисовать на квадратной сѣткѣ предметы въ
перспективномъ сокращеніи! Выставивъ школу въ Германіи были
наполнены стигмографическими рисунками учениковъ; во всѣхъ почти
педагогическихъ журналахъ можно было найти статьи въ защиту или
въ опроверженіе этого приема. Но время взяло свое: увлеченіе прошло
и рисованіе по квадратной сѣткѣ удержало въ школахъ свое мѣсто
какъ приемъ, весьма полезный въ рукахъ владѣющаго имъ пре-
подавателя. То же самое теперь происходитъ съ ученическими ком-
позиціями: это приемъ новый и, самъ по себѣ, полезный, однако тоже
въ рукахъ владѣющаго имъ преподавателя. Но имъ увлечены, какъ

днѣ хорошій учитель желаетъ показать, что успѣли сдѣлать его ученики въ этомъ направленіи. Поэтому-то такое множество школъ и прислало на Парижскую выставку „композиціи“ своихъ учениковъ. Но не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что и это увлеченіе пройдетъ; композиціи займутъ надлежащее мѣсто въ методикѣ рисованія, а главною цѣлію этой методики останется, по прежнему, вести каждаго ученика въ школѣ до умѣнья правильно нарисовать несложную группу простыхъ тѣлъ, съ соблюденіемъ законовъ перспективы и освѣщенія.

В. Эвальдъ.

ОБЪ ОДНОМЪ УЧЕБНИКЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ ДЛЯ НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛЬ.

Въ циркулярѣ по Варшавскому учебному округу (1878 № 10) находимъ мы слѣдующую любопытную записку извѣстнаго нашего писателя, теперешняго начальника Варшавской учебной дирекціи, П. К. Щебальскаго:

„Зимю 1873—74 года, во время управленія моего Сувальскою учебною дирекцію, г. попечитель варшавскаго учебнаго округа предложилъ мнѣ написать русскую исторію для народнаго чтенія въ здѣшнемъ краѣ.

Обдумавъ предложенную мнѣ задачу, я пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: а) предполагаемая исторія должна имѣть характеръ эпизодическій, то есть, касаться лишь нѣкоторыхъ, но важнѣйшихъ событій и дѣятелей нашей исторіи, оставляя прочія событія и лица въ тѣни, или даже вовсе опуская ихъ; б) тѣ событія и историческіе дѣтели, которымъ будетъ отведено мѣсто въ предполагаемой книгѣ, должны быть изображены съ возможною полнотою и выпуклостью, дабы они вѣзались въ памяти читателя; в) для того, чтобы эти событія и лица вѣзались въ памяти читателя, необходимо чтобы все, касающееся ихъ, было написано занимательно, при условіи исторической точности и правдивости и, не оскорбляя ничьихъ религіозныхъ вѣрованій и національныхъ симпатій, содѣйствовало ослабленію мѣстныхъ предубѣжденій противъ народной русской церкви и сближенія съ русскимъ народомъ.

Но,—представилось мнѣ при этомъ,—не такова ли же задача и

учебника по исторіи, предназначеннаго для здѣшнихъ (а можетъ быть, и не для здѣшнихъ только) начальныхъ школь? Не эпизодическій ли характеръ онъ долженъ имѣть въ противоположность систематическому, и не благоразумнѣе ли предлагать вниманію учениковъ начальныхъ школь: нѣсколько, но важнѣйшихъ событій и историческихъ дѣятелей, чѣмъ разсказывать предъ ними всю длинную, сличивъ длинную для нихъ истинную исторію съ исторіею жизни нашего государства? Не слѣдуетъ ли, посредствомъ приспособленнаго къ этой цѣли изложенія, стремиться къ тому, чтобъ избранные историческіе эпизоды врывались съ возможно меньшимъ усиленіемъ въ памяти учениковъ? А если такъ, то не можетъ ли служить предполагаемая Русская Исторія для грамотнаго народа не только для чтенія, но и для преподаванія исторіи въ начальныхъ школахъ? Вѣдь преподаются же въ нихъ естественныя и географія по книгѣ для чтенія Водовозова.

Желая проверить свои соображенія опытомъ, я, написавъ первый выпускъ Русской исторіи, попробовалъ разработать его въ 3-мъ отдѣленіи I-го Сувалскаго городского училища. Разработка производилась порядкомъ, указаннымъ въ особо составленномъ мною Наставленіи для учителя и въ приложенныхъ къ оному Вопросахъ для повторенія. Опытъ оказался удовлетворительнымъ: ученики не только давали отвѣты на предлагаемыя имъ вопросы, но самостоятельно излагали цѣлыя эпизоды, особенно такіе занимательные, какъ смерть Ольги, мщеніе Ольги, походы Святослава, крещеніе Кіевлянъ и т. п. Руководимые моими вопросами, они исправно разказывали, — что горло труднѣе, — о вѣровавіяхъ и обычаяхъ славянъ и кромѣ того показывали на картѣ всѣ мѣстности, упоминаемыя въ моей рукописи. Всего этого я достигъ въ 10 часовыхъ урокахъ, а впоследствии когда написалъ былъ второй выпускъ (Раздробленіе Руси), онъ былъ подобнымъ же образомъ и съ такимъ же успѣхомъ (въ 12 урокахъ) разработанъ подъ руководствомъ учителя I сувалскаго училища.

И такъ опытъ показывалъ, что относительная обширность первыхъ выпусковъ Русской исторіи не дѣлаетъ ихъ неудобными для преподаванія въ начальнымъ училищахъ, — по крайней мѣрѣ въ такихъ, которыя находятся въ такихъ же условіяхъ, какъ I-ое сувалское. Опытъ доказывалъ, напротивъ, что эта обширность устраняетъ два важныя неудобства, представляемыя сматостью и сухостью изложенія учебниковъ, а именно, вопервыхъ, скуку, возбуждаемую ими на учениковъ и, вовторыхъ, поволеніе учениковъ зазубривать эти учебники. Въ самомъ дѣлѣ, даже человѣку, вполне владѣющему словомъ,

мудрено, если онъ захочетъ повторить то, что сказано въ учебникѣ, ничего не опуская и не прибавляя, мудрено, говоря, не повторитъ изложеніе автора буквально или почти буквально; буквально же повтореніе текста Русской исторіи для грамотнаго народа, какъ и текста всякой книги для чтенія, невозможно; ученику волею-неволею приходится приценивать не слова, а сущность прочитаннаго, работать умомъ и упражняться въ русской рѣчи; урокъ исторіи сливается съ урокомъ русскаго языка.

Можно указать и еще на одно преимущество преподаванія въ начальныхъ школахъ исторіи по книгѣ для чтенія сравнительно съ учебникомъ. По прочтеніи ученикомъ страницы (болѣе или менѣе, смотря по степени его развитости), учителемъ, помощью предлагаемыхъ вопросовъ, заставляеть его извлекать изъ прочтеннаго одну только сущность, то-есть, отличать важное отъ неважнаго, первостепенное отъ второстепеннаго, производить слѣдовательно чрезвычайно полезную для умственнаго развитія работу, для которой нѣтъ повода въ учебникѣ, ибо въ немъ всѣ упомянутые факты одинаково требуютъ усвоенія, одинаково не могутъ быть опущены.

И эта важная въ педагогическомъ отношеніи работа, — отдѣленіе важнаго отъ неважнаго и опущеніе послѣдняго, объясняетъ, почему каждый изъ выпусковъ Русской исторіи для грамотнаго народа, немногимъ уступающій по объему цѣлому учебнику Острогорскаго можетъ быть разработанъ въ десять, или даже двадцать разъ меньшее число уроковъ. Объемъ пеминутой Исторіи не составляетъ, слѣдовательно, препятствія въ преподаванію по ней въ начальныхъ школахъ. Однако и заключающееся въ ней неважное не составляетъ бесполезнаго балласта, ибо оно сообщаетъ книгѣ занимательность, поддерживаетъ вниманіе учениковъ, составляетъ какъ бы пріятную для вѣуса каюсю, въ которой ученики прилагать знаніе.

Такіе выводы были въ моихъ глазахъ несомнѣнны. Но я рѣшился подвергнуть ихъ новому опыту. Съ этой цѣлю, во время рождественскихъ праздниковъ 1877—78 года я, рассказавъ по эвоннару бывшихъ въ то время напечатанными первыми четырехъ выпусковъ Рус. Исторіи десяти избраннымъ мною начальнымъ учителямъ и поручилъ имъ, руководствуясь составленными мною Наставленіями и Вопросами, немедленно приступить къ преподаванію по сей Исторіи, а по окончаніи учебнаго года представить мнѣ съ полною откровенностью свои замѣчанія, какъ о своемъ атомъ руководствѣ,

такъ и о послѣдствіяхъ преподаванія по оному. Сущность сихъ замѣчаній заключается въ слѣдующемъ:

а) Четыре выпуска Русской Исторіи были пройдены и повторены въ всѣхъ десяти училищахъ, а въ нѣкоторыхъ повторены по два раза; изъ нѣсколькихъ пройденное было, положено самими учениками письменно, въ видѣ письменныхъ упражненій, въ особыхъ тетрадкахъ, которыя замѣнили нѣмъ книги, недоступныя большинству учениковъ по своей цѣнѣ. На все это потребовалось (въ нѣкоторыхъ школахъ, не болѣе 120 и не менѣе (въ другихъ школахъ) 45 часовыхъ уроковъ. Въ одномъ училищѣ, именно Варшавскомъ, при Маринскимъ пріютѣ, куда я могъ доставлять и послѣдующіе выпуски по дѣржавѣ ихъ выхода, пройдено семь выпусковъ съ употребленіемъ на это лишь 100 часовыхъ уроковъ.

б) Почти всѣ учителя находятъ, что Русская Исторія написана разумительно, просто и занимательно, — что и было моею задачею; нѣкоторые угадали и другую задачу, которую я имѣлъ въ виду, — перебрать лица и событія съ возможною наглядностью, — такъ, чтобы они сами собой вѣшались въ память дѣтей. Только одинъ учитель, не говоря, что этого нельзя достигнуть сжатимъ разказомъ, находитъ, что Русская Исторія слишкомъ пространна; по мнѣнію же нѣкоторыхъ, и, между прочимъ, и учителя образцоваго училища, эта кажущаяся обширность объема разсматриваемой книги составляетъ существенное достоинство, лишая учениковъ возможности зазубривать уроки. Этотъ же учитель указалъ и на полезное въ политическомъ отношеніи вліяніе Русской Исторіи, долженствующей способствовать уничтоженію въ средѣ польскаго крестьянства вѣковыхъ предубѣжденій противъ русскаго народа.

в) Всѣ десять учителей, и за исключеніемъ одного, вовсе не касаясь этого предмета, отдають предпочтеніе Русской Исторіи для грамотнаго народа предъ употреблявшимся дотолѣ учебникомъ, который находятъ сухимъ и незамысловатымъ для дѣтей; нѣкоторые, особенно учитель варшавскаго при Маринскимъ пріютѣ училища, съ оживленіемъ описываютъ интересъ, возбужденный между учениками верховъ изъ сихъ книгъ, а иные замѣчаютъ, что она можетъ замѣнить въ старшихъ отдѣленіяхъ книги для чтенія, и что, слѣдовательно, на уроки исторіи можно отдѣлить часть уроковъ по русскому языку, именно уроки объяснительнаго чтенія.

г) Наконецъ, всѣ учителя, воснувшіеся этого предмета, заявляютъ, что въ городскихъ училищахъ можно съ пользою преподавать по

Русской Исторіи для грамотнаго народа и что для сихъ училищъ она предпочтительнѣе прежняго учебника; многие учителя замѣчаютъ, впрочемъ, что эта исторія нѣсколько дурна.

И такъ новое, незнакомое имъ учителямъ руководство въ числѣ 4-хъ выпусковъ было разработано ими въ продолженіе 45 — 120 уроковъ, при чемъ въ тѣхъ школахъ, гдѣ было употреблено большее число уроковъ, ученики составляли письменныя изложенія прочитанныхъ ими разказовъ. Въ варшавскомъ училищѣ 7 выпусковъ было разработано въ 100 уроковъ, а въ образцовомъ 4 выпуска были пройдены въ 45 — 50 уроковъ. Могу засвидѣтельствовать, что въ училищахъ свержавицкомъ, варшавскомъ и образцовомъ я лично удостовѣрился въ весьма удовлетворительномъ знаніи учениками пройденнаго ими, а г. помощникъ попечителя варш. учебнаго округа остался доволенъ отвѣтами изъ исторіи учениковъ образцоваго училища при посѣщеніи съвѣтской семинаріи въ минувшемъ августѣ, то-есть послѣ 2-хъ мѣсячнаго перерыва въ занятіяхъ учениковъ. А изъ этого можно заключить, что всѣ десять выпусковъ Русской Исторіи для грамотнаго народа могутъ быть основательно разработаны въ 175—200 часовыхъ уроковъ.

Но,—замѣчали мнѣ нѣкоторые педагоги, — можно ли отдѣлить 175—200 уроковъ на одну исторію, когда мы должны въ порядочной школѣ познакомить нашихъ учениковъ и съ закономъ Божиимъ, и съ русскимъ, и съ отечественнымъ языкомъ, и съ естественнѣдѣніемъ, и съ географіей, и съ арифметикой?

Прежде чѣмъ отвѣтить на это возраженіе, слѣдуетъ условиться, что называть „порядочной школой“?

Порядочная школа, по-моему, та, въ которой учитель основательно подготовленъ въ своему дѣлу, и занимается имъ серьезно, и гдѣ дѣйствительный учебный годъ не менѣе 9-ти мѣсяцевъ. Таковы, я полагаю, почти всѣ городскія училища варшавскаго округа, и нѣкоторыя, а можетъ быть и многія посадскія и фабричныя. Въ старшихъ отдѣленіяхъ такихъ училищъ, какъ выше показано, проходятся со включеніемъ исторіи семь предметовъ, и я полагаю бы, что на всѣ эти предметы, кромѣ географіи и природнаго языка, слѣдуетъ назначить по одному часовому уроку ежедневно, а на природный языкъ и на географію (которую можно начинать и во 2-мъ отдѣленіи, то-есть, знакомить съ картой) назначить по три урока въ недѣлю. Такимъ образомъ на каждый изъ первыхъ пяти предметовъ, и въ томъ числѣ на исторію, получится въ 36 недѣль дѣйствитель-

наго учебнаго года въ городскихъ и посадскихъ училищахъ, 216 часовыхъ уроковъ,—число болѣе чѣмъ достаточное, какъ показалъ опытъ, для разработки и усвоенія въ училищахъ всѣхъ 10 выпусковъ Русской Исторіи для грамотнаго народа, подходя къ типу книги для чтенія.

Замѣчу при этомъ, что разработка названной Исторіи порядкомъ, указаннымъ въ Наставленіи, есть въ то же время и урокъ по русскому азыку (урокъ объяснительнаго чтенія), и въ этомъ отношеніи помянутая Исторія представляетъ, какъ мнѣ кажется, преимущество предъ учебникомъ.

Въ виду всего вышеизложеннаго, мнѣ кажется, что если планъ и расположеніе Русской Исторіи для грамотнаго народа соответствуетъ потребностямъ начальныхъ училищъ здѣшняго края, (такихъ, гдѣ учителя получили образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ, и гдѣ учебный дѣйствительный годъ не менѣе 36 недѣль), то объемъ этой книги не можетъ считаться препятствіемъ для введенія ея въ качествѣ руководства для преподаванія исторіи, порядкомъ указаннымъ мною въ Наставленіи и въ Вопросахъ для повторенія ¹⁾.

Къ сожалѣнію, цѣна этой книги дѣлаетъ ее недоступною для большинства учениковъ начальныхъ школь. Но, во первыхъ, при разработкѣ ея можно заставлять учениковъ вписывать въ тетради изложеніе послѣдовательно разработанныхъ разказовъ, какъ это уже и дѣлается въ нѣкоторыхъ училищахъ варшавской дирекціи; во вторыхъ, можно надѣяться, что при послѣдующихъ изданіяхъ Русской Исторіи будутъ приняты мѣры къ ея удешевленію.

¹⁾ Эти *Вопросы и Наставленія* печатаются начальникомъ варшавской дирекціи и будутъ, по заявленіи требованія, высланы по тѣмъ самымъ цѣнамъ, по которымъ обойдутся автору. (Они уже напечатаны. *Ред.*)

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

I) УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго университета въ 1878 году: личный составъ преподавателей; вакантныя катедры; объ усиленіи учебной дѣятельности студентовъ и контролѣ надъ занятіями ихъ; темы для соисканія наградъ медалами; ученые труды преподавателей; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; бюджетъ университета, свидѣнія объ учащихъ; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; дѣятельность ученыхъ при университетѣ обществъ.

Въ Московскомъ университетѣ состояло въ 1878 году, сверхъ профессора богословія, слѣдующее число штатныхъ преподавателей: въ историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 7, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 5, лекторовъ 4; на физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ 13, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 3, астрономъ-наблюдатель 1; въ юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ 7, доцентовъ 6; въ медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 11, прозекторовъ 2, помощниковъ прозектора 3. Вообще при университетѣ находилось штатныхъ преподавателей: ординарныхъ профессоровъ, въ томъ числѣ и профессоръ богословія, 39, экстраординарныхъ 9, доцентовъ 25, лекторовъ 4, астрономъ наблюдатель 1, прозекторовъ 2, помощниковъ прозектора 3, всего 83 преподавателя. Сверхъ того, по приглашенію университета, состояли въ качествѣ стороннихъ преподавателей одинъ заслуженный преподаватель и восемь кандидатовъ по слѣдующимъ предметамъ: русской исторіи, греческому языку, всеобщей исторіи,

торговому праву, уголовному праву, уголовному судопроизводству и энциклопедія права. Некоторымъ преподавателямъ, сверхъ прямыхъ ихъ обязанностей, временно поручено было преподаваніе предметовъ, принадлежащихъ другимъ кафедамъ, именно: заслуженному профессору Басову—ученіе о болѣзняхъ мочевого и желчного органовъ, профессору Троицкому исторіи философіи права, профессору Клейну общей патологіи, лектору Федякову греческаго и латинскаго языковъ и магистру Мизаневичу палеонтологіи; приватъ-доцентовъ при университетѣ состояло 16; по предмету ученія о наклонныхъ болѣзняхъ 2, по ученію о сифилитическихъ болѣзняхъ, 1, по ученію о женскихъ болѣзняхъ 1, по сравнительной эмбриологіи 1, по оперативной хирургіи 2, по предмету ученія о женскихъ операціяхъ 1, по общей терапіи 1, по акушерству и женскимъ болѣзнямъ 1, по микологіи въ приложеніи къ научной медицинѣ 1, по сертаміатріи 1, по электро-терапіи 2, по дѣтскимъ болѣзнямъ 2. Изъ имѣющихся по дѣйствующему уставу кафедръ оставались незамѣщенными три кафедры на юридическомъ факультетѣ: энциклопедія права, исторіи славянскихъ законодательствъ и исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ. Изъ числа преподавателей были командированы за границу съ ученою цѣлю: профессора Богдановъ, Архиповъ и Тимирязевъ, доценты Бегеловскій, Ковалевскій, графъ Комаровскій, Снегиревъ и Орловъ, и лаборантъ Волковскій. Для приготовленія къ профессорскому званію командированы были за границу кандидаты Колесоловъ и Виноградовъ и докторъ Доброправовъ, изъ нихъ первый на два года, второй на шесть мѣсяцевъ, послѣдній на одинъ годъ, всѣ трое на счетъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія.

Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и для контроля надъ занятіями ихъ существовали семинаріи и производились практическія занятія. Въ историко-филологическомъ факультетѣ семинаріи успѣли прочно установиться со времени раздѣленія факультета (начиная съ IV курса) на три спеціальныя отдѣленія: а) классической филологіи, б) славяно-русской филологіи и в) историческое. Въ 1878 году, какъ и прежде, семинаріи обнимали важнѣйшіе предметы факультетскаго преподаванія. 1) Въ отдѣленіи классической филологіи семинаріями руководилъ экстраординарный профессоръ Коршъ и доцентъ Цѣтасевъ: а) по отдѣлу греческой словесности: въ первой половинѣ 1878 года, то-есть во второй семестрѣ 1877/78 года, занятія греческимъ языкомъ состояли въ объясненіи студентами по очереди, то-есть членами и кандидатами семинаріи, отрывковъ изъ греческихъ

лириковъ по „Anthologie aus den Lyrikern der Griechen von Dr. E. Buchholtz, 1-ес Bändchen“, именно: Архилоха, Симоида и Семора (Amorgidus) и Салона, причеиъ источникомъ свѣдѣній по критикѣ текста служило „Poetae lyrici Graeci. Teretis curis. ed. Th. Bergk“. Переводы отрывковъ висались на русскомъ языкѣ, объясненія—на латинскомъ, на второмъ проходили и пренія. Въ 1878/79 академическомъ году были объяснены оды Пиндара, вторая Немецкая и первая Пнейская по второй части той же Антологіи Бухгольца, кромѣ которой пособиями служили: изданіе Дессона, Poetae lyrici Graeci Бергка, переводъ Моммсена и друг. Относительно языковъ, употребляемыхъ въ семинаріи, былъ соблюдаемъ тотъ же порядокъ. б) По отдѣлу римской словесности предметомъ занятій за 1878-й годъ служила латинская эпиграфика. Предварительно руководителемъ представленъ былъ очеркъ развитія эпиграфическихъ знаній въ западной Европѣ съ XV вѣка по настоящее время; при этомъ главнымъ образомъ имѣлось въ виду практическіи ознакомить студентовъ съ важнѣйшими собраніями латинскихъ надписей стараго и новаго времени и дать характеристику ученыхъ Италіи, Голландіи, Франціи и Германіи, усиліямъ которыхъ эпиграфика обязана своими успѣхами. За этотъ очеркомъ слѣдовало чтеніе и объясненіе надписей по 1-му тому Corp. Inscr. Lat. При выборѣ матеріала наблюдалась постепенность: сначала разбирались надписи мелкія и вообще не затрудняющія синтаксическимъ строемъ, и только по прочтеніи большаго количества таковыхъ приступлено было къ таковымъ. Senatus consultum de Bacchanalibus. Интерпретація была почти исключительно грамматическая. Руководствими и пособиями, кромѣ курса лекцій доцента Цвѣтаева, служили: Index grammaticus, приложенный къ 1-му тому Corp. Inscr. Lat. и грамматическіе труды Небе, Керссена, Бухелера, Аве и друг. По ознакомленіи съ болѣе доступнымъ матеріаломъ въ 1-мъ томѣ Corp. Inscr. Lat., студенты раздѣлились на двѣ группы: одна избрала народныя надписи Помпей по IV-му тому Corp. Inscr. Lat.; другая, имѣя въ виду сохраненія древности, пожелала ознакомиться съ tituli sacri sepulcrales, по сборнику Вильмансо „Exempla Inscriptionum Latinarum“. 2) Въ отдѣленіи славяно-русской филологіи, подъ руководствомъ профессора Вуслава, студенты занимались составленіемъ рефератовъ на темы, предложенныя профессоромъ, по рукописямъ и пособиямъ, имѣ же указаннымъ. Подъ руководствомъ профессора Тихонравова, студенты разбирали, со стороны языка и содержанія, въ первой половинѣ года, лѣтонисъ по Лаврентьевскому списку, во второй поло-

вигнѣ—Слово о полку Игоревѣ. Подъ руководствомъ профессора Дювернуа, студенты, въ часы преподаванія, посвященные практическимъ занятіямъ, были руководимы: а) по языку сербскому въ разборѣ и объясненіи народныхъ пѣсень по сборнику Караджича, б) по языку чешскому—легенды о св. Прохорѣ и предисловія Бернелія Вилгерда къ сочиненію „О правахъ земли чешской“, и в) по языку польскому—эпизодъ изъ Мицкевича „Разказъ Васъделюма“. Къ экзамену были представлены всѣми 10-ю студентами переводы по языку сербскому. Во второмъ полугодіи 1878 года, по недостаточномъ ознакомленіи студентовъ съ поэтическимъ языкомъ сербскихъ былинъ, было приступлено къ чтенію „Балкавъ - Дивана“, изданнаго хорватскимъ писателемъ Валемиромъ Гаемъ, при чемъ предметомъ особаго вниманія было отраженіе языка сербской поэзіи въ хорватской прозѣ. Занятія въ семинаріи по исторіи всеобщей литературы ведутся параллельно съ преподаваемымъ курсомъ. Въ 1877/78 академическомъ году былъ читанъ курсъ исторіи средневѣковой нѣмецкой литературы, а въ семинаріи объяснялся подлинникъ Нибелунговъ и Гудруны по изданіямъ Барта. Доцентъ Стороженко читалъ на IV-мъ курсѣ лекціи по исторіи Шекспировской критики, а потому и объясненія въ семинаріи приняли характеръ эстетической оцѣнки. Для рефератовъ предложены слѣдующія задачи: а) Извлечь изъ драматургіи Лессинга его теорію трагедій; б) Сличеніе двухъ редакцій Гамлета 1603 и 1604; в) Разборъ книги Вердера „Vorlesungen über Hamlet. Berlin. 1865“. 3) Въ историческомъ отдѣленіи семинаріи по всеобщей исторіи руководилъ профессоръ Герье, по русской исторіи профессоръ Поповъ. Семинарія по всеобщей исторіи состояли изъ двухъ отдѣленій. Предметомъ занятій въ младшемъ отдѣленіи въ первомъ полугодіи былъ разборъ сочиненія Азаревича „Патрици и плебеи“, а въ старшемъ отдѣленіи—источники для исторіи Франціи въ XVIII вѣкѣ. Во второмъ полугодіи предметомъ занятій на младшемъ отдѣленіи былъ разборъ „Анналь“ Тацита и другихъ источниковъ для исторіи царствованія Тиберія, въ старшемъ отдѣленіи—источники для исторіи Франціи въ XVIII вѣкѣ. Кроме того, для студентовъ IV-го курса, принимавшихъ также участіе въ старшемъ отдѣленіи общаго семинарія, былъ устроенъ особый семинарій по исторіи древнихъ вѣковъ. Занятія въ этомъ семинаріѣ заключались: а) въ переводѣ съ латинскаго и объясненіи хрестоматіи средневѣковыхъ историческихъ и юридическихъ памятниковъ, напечатанной профессоромъ Герье для участниковъ въ семинаріѣ; б) въ разборѣ изслѣдованій студентовъ по во-

просу о землевладѣніи у древнихъ Германцевъ (на основаніи Германіи Тацита и *Leges barbarorum*). Въ семинаріѣ по русской исторіи принимали участіе студенты историческаго отдѣленія, коихъ въ первомъ полугодіи было 2, во второмъ же 6 и кромѣ того одинъ студентъ лицея Цесаревича Николая. Въ первомъ полугодіи студентъ Карахоркинъ читалъ свой рефератъ о Люблинской уніи 1569 года. Рефератъ этотъ, отличаясь полнотою изложенія, свидѣтельствовалъ о совершенномъ знакомствѣ автора съ источниками для избраннаго имъ вопроса. Студентъ Боголюбовъ читалъ рефератъ, предметомъ котораго была характеристика государственнаго управленія въ Россіи XVII вѣка. Главныя положенія обоихъ рефератовъ служили предметомъ диспута для участниковъ въ семинаріѣ. Занятія въ семинаріѣ второго полугодія сосредоточены были сначала на тѣхъ вопросахъ изъ исторіи древне-русскаго быта, объясненіе которыхъ представлено въ первой главѣ XIII тома „Исторіи Россіи съ древѣйшихъ временъ“ С. М. Соловьева. Совмѣстное изученіе текста этой главы съ сочиненіями другихъ писателей о тѣхъ же вопросахъ и провѣрка ихъ историческими источниками послужили предметомъ для нѣсколькихъ рефератовъ. Студентъ Веселовъ разсматривалъ вопросъ „О домашнемъ бытѣ московскихъ государей и придворной службѣ того времени“, основываясь на сочиненіяхъ Оlearія, Котошихина и Кржанича и руководствуясь сочиненіемъ Забѣлина: „Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ“; студентъ Дудышкинъ представилъ рефератъ „О высшихъ классахъ служилаго сословія въ XVI и XVII столѣтіяхъ“; студентъ Мизиновъ—читалъ рефератъ по вопросу объ историческомъ значеніи раскола, пользовался сочиненіями Шапова, Макарія и друг.; студентъ Смирновъ разбиралъ вопросъ „О земствѣ и городахъ въ XVII вѣкѣ“; студентъ графъ Соллогубъ разсматривалъ вопросъ „О воеводскомъ управленіи“; студентъ Якушкинъ изслѣдовалъ вопросъ „О положеніи сельскаго населенія въ Россіи XVII вѣка“; студентъ лицея Цесаревича Николай Алексѣевъ разсматривалъ вопросъ „О приказахъ и ихъ значеніи въ центральномъ и областномъ управленіи московскаго государства въ XVI и XVII вѣкахъ“. Кромѣ разсмотрѣнія названныхъ вопросовъ, обслѣдованныхъ въ вышепоманутой главѣ сочиненія С. М. Соловьева, представлены были рефераты и по другимъ вопросамъ, выходящимъ за предѣлы ея. Такъ студентъ Смирновъ—разсматривалъ вопросъ „О землевладѣніи по Русской Правдѣ; студентъ Дудышкинъ—читалъ рефератъ „О ближнемъ бояринѣ Ордынѣ-Нашо-

книгъ; студентъ Мизиновъ — читалъ рефератъ „О Посошкѣ“; студентъ Веселовъ — читалъ рефератъ о Наказѣ императрицы Евгеніи II; студентъ Якушкинъ читалъ рефератъ подъ заглавіемъ А. Я. Погѣновъ и вопросъ о надѣленіи крестьянъ землею. Наконецъ нѣсколько лекцій въ специальномъ курсѣ по исторіи сѣверо-западной Россіи посвящены были разсмотрѣнію вопроса о языкѣ, какъ источникѣ для исторіи первоначальнаго народнаго быта, причемъ для исторіи финскихъ племенъ главнымъ пособіемъ служило сочиненіе Алленста и *Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen*, а для исторіи Литвы сочиненіе Брикнера *Litau-slavische Studien*, и прочтена была готонисъ *Origines Livoniae sacrae et civiles seu chronicon Livonicum vetus Henrici de Lettis*, съ положеніями Ганзена и Пабста. Въ юридическомъ факультетѣ практическими занятіями студентовъ руководилъ профессоръ Муромцевъ. Въ 1877—1878 академическомъ году студенты 2-го и 3-го курсовъ слушали вмѣстѣ у этого профессора основной курсъ римскаго гражданскаго права. Въ параллель этому курсу были устроены практическія занятія студентовъ. Вслѣдствіе неподготовленности послѣднихъ нельзя было приступить непосредственно къ работамъ по догмѣ Римскаго права, и потому они были заняты преимущественно историческими работами. Были выполнены рефераты, темы которыхъ заимствовались главнымъ образомъ изъ области ученій о владѣніи и давности. Эти рефераты докладывались въ аудиторіи и подвергались общему обсужденію. Съ 1878—79 академическаго года область практическихъ занятій студентовъ по римскому праву значительно расширилась: оно преподается въ 3-мъ курсѣ. Студенты этого курса уже въ прошломъ году усвоили основныя свѣдѣнія по римскому праву, такъ что въ настоящемъ году слушаютъ специальный курсъ, который содержитъ въ себѣ важнѣйшіе отдѣлы этого предмета въ распространенномъ измѣненіи. Семинарій этого года имѣетъ характеръ строго-догматическій. На разрѣшеніе студентовъ предлагаются случаи гражданской практики, заимствованные частію изъ составленныхъ для этой цѣли нѣмецкихъ сборниковъ, частію изъ русской судебной практики. Студенты, принявшіе на себя разрѣшеніе казуса, излагаютъ предъ аудиторіей проектъ рѣшенія, который подвергается вслѣдъ за симъ общему обсужденію. Обсужденіе каждаго случая оканчивается заключеніемъ профессора. На семинарій посвящено еженедѣльно по два часа, такъ что всѣ студенты 3-го курса будутъ участниками его. Кромѣ обычныхъ занятій имѣется въ виду предлагать задачи болѣе сложныя; такъ напримѣръ,

ЧАСТЬ ССІ, ОТД. 4.

уже предложено сравнить русскую судебную практику по вопросам о представительствѣ съ учениемъ современнаго римскаго права о томъ же предметѣ. Удачное выполненіе подобныхъ задачъ зачислено за курсовое сочиненіе. Въ факультетѣ физико-математическомъ семинаріи замѣнялись практическими занятіями студентовъ на астрономической обсерваторіи, въ зоологическомъ музее, въ химическихъ лабораторіяхъ, въ ботаническомъ саду и кабинетѣ. Въ палеонтологическомъ кабинетѣ студенты занимались микроскопическими работами подъ руководствомъ хранителя кабинета. Практическія занятія въ минералогическомъ кабинетѣ происходили отъ 11 до 12-ти часовъ по понедѣльникамъ, а въ остальные дни недѣли послѣ двухъ часовъ; въ физической лабораторіи—въ часы свободные отъ лекцій, между 10 и 4; въ технической лабораторіи—три раза въ недѣлю, по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ. Сверхъ того на практическія упражненія по математикѣ со студентами перваго курса назначено было два часа въ недѣлю, а по теоретической механикѣ студентамъ предлагались задачи для рѣшенія на дому. На медицинскомъ факультетѣ студенты ежедневно были заняты на многочисленныхъ лекціяхъ, которыя въ нѣкоторыхъ курсахъ продолжаются отъ 8-ми утра до 3-хъ часовъ пополудни. Сверхъ того, они занимались практически и въ часы свободные отъ лекцій, показанныхъ въ росписаніи. Студенты-медики упражнялись въ химической и фармацевтической лабораторіяхъ и занимались въ ботаническомъ саду. Профессоръ медицинской химіи руководилъ студентовъ въ производствѣ зоохимическихъ изслѣдованій. Въ анатомическихъ театрахъ студенты разсѣкали труши съ цѣлю изученія нормальной, хирургической и патологической анатоміи и судебной медицины; здѣсь же упражнялись въ производствѣ операций на трупахъ и изучали практически общую патологию. Въ кабинетахъ физиологическомъ и гистологическомъ, въ анатоми-патологическомъ театрѣ студенты занимались практическимъ изученіемъ физиологии и гистологии, нормальной и патологической анатоміей. Въ клиникахъ они писали исторіи болѣзней, на основаніи собственнаго изслѣдованія больныхъ и, въ случаѣ нужды, сами производили термометрическія, химическія и микроскопическія опредѣленія. Профессору судебной медицины студенты представляли протоколы судебно-медицинскихъ изслѣдованій. Ординарный профессоръ Клейнъ, съ цѣлю возможно-полнаго ознакомленія студентовъ съ патологическою анатоміей и патологическою гистологіей въ первомъ полугодіи 1878—79 академическаго года, велъ практическія занятія съ желающими изъ сту-

дѣтвѣ 5-го курса въ праздничные и воскресные дни отъ 1 до 3 часовъ пополудни.

Для соисканія наградъ медалями предложены были студентамъ слѣдующія темы: въ историко-филологическомъ факультетѣ „Литературныя описанія хожденій во Святую Землю и въ Царьградъ съ XII по XVI вѣкъ включительно“, „Эрасмъ и его отношеніе къ реформаціи“ и „Представить состояніе искусства въ эпоху гомерическихъ поэмъ“, въ физико-математическомъ „Очеркъ состоянія и развитія математическихъ наукъ въ Россіи въ половинѣ XVIII столѣтія“ и „О послѣднихъ изслѣдованіяхъ относительно семейства Аммонитидовъ“, въ юридическомъ „Административная юстиція во Франціи, Австріи и Пруссіи въ ея историческомъ развитіи, начиная съ французской революціи“, въ медицинскомъ „О связи болѣзненныхъ явленій, наблюдаемыхъ въ теченіе періода зуборащенія у дѣтей, съ самимъ процессомъ зуборащенія“. За представленныя на эти темы сочиненія награждены медалями золотыми: отдѣленія естественныхъ наукъ кандидатъ выпуска 1878 года Алексѣй Павловъ и студентъ V-го курса медицинскаго факультета Лазарь Миноръ, серебряными: историко-филологическаго факультета кандидатъ выпуска 1878 года Саркисъ Саркисовъ и медицинскаго факультета студентъ V-го курса Петръ Нечаевъ; половинными преміями имени Н. В. Исакова студенты историко-филологическаго факультета Вячеславъ Смирновъ и Вячеславъ Якушкинъ. Сверхъ того, студенты историко-филологическаго факультета Сергій Рождественскій и Сергій Радецкій, за особые успѣхи въ древнихъ языкахъ, удостоены: первый полной, а второй — половинной филологической преміи, а сочиненіе студента Григорія Ульянова удостоено похвальнаго отзыва.

Преподаватели университета и другіе служащіе въ ономъ лицѣ напечатали и приготовили къ выпуску въ свѣтъ слѣдующіе учено-литературные труды: ординарные профессора: протоіерей Сергіевскій напечаталъ нѣсколько проповѣдей, говоренныхъ по разнымъ случаямъ торжественныхъ служеній въ университетской церкви; Буславъ напечаталъ 5-мъ изданіемъ „Учебникъ русской грамматики“ и составилъ академическій отзывъ о книгѣ архимандрита Амфилохія „Описаніе Юрьевскаго евангелія; Тихомировъ прочелъ публичную лекцію: „Древне-русскія сказанія о паденіи Царьграда“; Поповъ напечаталъ въ Православномъ Обзорѣнн рецензію на книгу пастора Фейнера „Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moscau“, въ Русскомъ Архивѣ — статью подъ заглавіемъ „Савва Текели въ Россіи“

(1787—1789 гг.)" и въ Киевскомъ Славянскомъ Ежегодникѣ статья „Австрійская публицистика предъ введеніемъ дуализма (1865—1866 г.)"; Герье напечаталъ въ Вѣстникѣ Европы четыре статьи „О Тенѣ, какъ историкѣ Франціи" и вмѣстѣ съ Б. Н. Чичериннымъ написалъ сочиненіе „Русскій дилетантизмъ и общинное землевладѣніе"; Ивановъ напечаталъ рѣчь, произнесенную на университетскомъ актѣ: „Взглядъ Цицерона на современное ему изученіе краснорѣчія въ Римѣ, въ связи съ его собственнымъ образованіемъ"; Щуровскій къ 50-лѣтнему своему юбилею, по порученію общества любителей естествознанія, пересмотрѣлъ всѣ свои статьи, помѣщавшіяся въ разныхъ журналахъ, и посредствомъ дополненій привелъ ихъ въ уровень съ нынѣшнимъ состояніемъ науки, для новаго ихъ изданія; Цингеръ прочиталъ публичную лекцію въ университетѣ: „О новыхъ воззрѣніяхъ на пространство"; Толстопятовъ прочелъ публичную лекцію „Объ алмазѣ"; Столѣтовъ приготовилъ къ университетскому акту рѣчь: „Очеркъ развитія нашихъ свѣдѣній о газахъ"; Марковниковъ напечаталъ отчетъ о командировкѣ въ дунайскую армію и читалъ курсы неорганической химіи на женскихъ курсахъ; Слудскій помѣстилъ въ Математическомъ Сборникѣ статью „Механика будущаго"; Бредихинъ издаетъ 5-й томъ Анналь обсерваторіи, въ которомъ помѣщаетъ свои работы: „Observations spectroscopiques du soleil en 1878"; „Observations de Jupiter", „Sur la comète de 1877", „Remarque générale sur les comètes", „Mesures micrométriques d'Algol", „Recherches sur les comètes de 1823, 1843 (1), 1853 (2), 1853 (4), 1854 (2), 1854 (3), 1857 (3), 1863 (4), 1807", „Mesures micrométriques du groupe d'étoiles 1460 G. G. H."; Богдановъ прочелъ публичную лекцію объ антропологической физиогномикѣ и напечаталъ ее, издавъ подъ своею редакціею 1) 2-ой томъ „Антропологической выставки общества любителей естествознанія", въ которомъ помѣстилъ статьи: а) „Курганные черепа Юхновскаго уѣзда", б) „Суджанское длинноголовое курганное населеніе" и в) отчетъ о поѣздѣ на всемірную выставку; 2) „Воскресныя объясненія въ политехническомъ музеѣ", въ коихъ помѣстилъ: а) „Объ этнографическихъ и антропологическихъ собраніяхъ", б) „О собраніи полезныхъ и вредныхъ животныхъ" и в) „О паразитныхъ животныхъ"; 3) первый томъ „Акклиматизаціи Зоологическаго сада", въ коемъ помѣстилъ нѣсколько мелкихъ замѣтокъ; Бугаевъ напечаталъ въ Математическомъ Сборникѣ статьи: „Къ теоріи дѣлимости чиселъ" и „Къ теоріи функциональныхъ уравненій", помѣстивъ эти статьи и въ Bulletin des Mathématiques et

и Astronomie; Лешковъ занимался редакціею Юридическаго Вѣстника, издаваемого Московскимъ юридическимъ обществомъ, прочелъ публичную лекцію „Война и благотворительность“ и сообщилъ въ юридическомъ обществѣ рефератъ подь заглавіемъ „За сто лѣтъ пути сообщенія и почты“; Павловъ продолжалъ печатаніе памятниковъ древняго русскаго каноническаго права, по порученію археографической комисіи; Янжұлъ прочелъ публичную лекцію „Британскіе интересы на Востоцѣ“ и напечаталъ ее, помѣстивъ нѣсколько мелкихъ финансовыхъ статей въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ и готовилъ къ печати второй выпускъ сочиненія „Англійская свободная торговля“, Муромцевъ прочелъ публичную лекцію „О защитѣ неимущественныхъ интересовъ въ гражданскомъ правѣ“, помѣстивъ нѣсколько рецензій въ Юридическомъ Вѣстникѣ и приготовилъ рецензію о книгѣ Нересова для помѣщенія въ Сборникѣ государственнхъ знаний; Чупровъ напечаталъ докторскую диссертацию „Желѣзнодорожное хозяйство, томъ II: Уловія, опредѣляющія движеніе и сборъ на желѣзныхъ дорогахъ“ и прочелъ публичную лекцію: „Восточная война и настоящій экономическій кризисъ“; Соколовскій напечаталъ „Основы общей и частной фармакологіи“; Булыгинскій приготовилъ къ изданію 2-й выпускъ перевода „Физиологической химіи Гоппе-Зейлера“; Захарьинъ помѣстивъ въ Berliner klinische Wochenschriftъ статью „Die syphilitische Pneumonie“, въ годовомъ засѣданіи физико-медицинскаго общества сдѣлалъ дальнѣйшее сообщеніе о томъ же предметѣ; сводъ клиническихъ и другихъ сообщеній профессора Захарьина о названной болѣзни, составленный К. М. Павликовымъ, помѣщенъ въ Медицинскомъ Обзорѣнн подь заглавіемъ: „Распознаваніе и леченіе сифилиса легкихъ“; Клейнъ напечаталъ статью „Два случая меланосаркомы головного мозга“ и нѣсколько другихъ статей въ медицинскомъ отчетѣ Московскаго воспитательнаго дома. Экстраординарные профессора: Иванцевъ-Платоновъ напечаталъ нѣсколько статей въ Православномъ Обзорѣнн; Герцъ читалъ публичную лекцію „Статутки въ Танагри“, которую и напечаталъ въ Русскомъ Вѣстникѣ; сверхъ того напечаталъ рецензію на книгу Садовскаго въ Трудяхъ Московскаго археологическаго общества, и рядъ статей объ археологіи и искусствѣ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ; Коршъ написалъ Archiv für slavische Philologie замѣтку о нѣкоторыхъ особенностяхъ русскаго произношенія; Тимирязевъ издалъ обширный курсъ физиологіи растений подь заглавіемъ: „Жизнь растенія“, прочелъ двѣ публичныя лекціи подь заглавіемъ: „Дарвинъ, какъ типъ ученаго“ и

„О грибахъ“, изъ нихъ первую напечаталъ отдѣльною брошурою, и сдѣлалъ въ С.-Петербургскомъ обществѣ естествоиспытателей сообщенія „О родѣ ядра у *Leptomitax (Saprolognia laotea)*. Доцентъ; Стороженко помѣстилъ въ учебно-воспитательной библиотекѣ, издаваемой учебнымъ отдѣломъ Московскаго техническаго общества, рецензію на книгу г. Полеваго „Школьный Шекспиръ“, прочелъ публичную лекцію: „Лордъ Байронъ, какъ защитникъ угнетенныхъ народовъ Востока“, и издалъ въ свѣтъ свою докторскую диссертацию подъ заглавіемъ: „Робертъ Гринъ, его жизнь и сочиненія, критическое изслѣдованіе“; Мидлеръ занимался приготовленіемъ къ печати „Руководства по исторіи Востока“; Фортунатовъ напечаталъ *Lituanica* въ журналѣ *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*; Цвѣтаевъ издалъ трудъ подъ заглавіемъ „*Sylloge Inscriptorum Oſcarum. Vol. I Petropoli. Vol. II Lipsiae*“, готовить къ изданію переводъ соч. „*A dictionary of Roman and Greck Antiquities... by Antony Ried. 4 ed. London. 1874*“. Сабанѣевъ издалъ переводъ учебника неорганической химіи Кольбе; Горожанкинъ сдѣлалъ сообщеніе въ обществѣ испытателей природы „О половомъ процессѣ у хламидомонадъ“; Ковалевскій подготавливалъ сочиненіе „Исторія политической мысли въ Англіи до второй половинѣ среднихъ вѣковъ“, напечаталъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ статью „О методологическихъ приемахъ при изученіи ранняго періода въ исторіи учреждений“ и прочелъ двѣ публичныя лекціи: объ экономическомъ положеніи крестьянъ въ Англіи и Франціи и о причинахъ ухудшенія матеріальнаго быта въ послѣдующія столѣтія“; Нерсеевъ напечаталъ магистерскую диссертацию: „Понятіе добровольнаго представительства въ гражданскомъ правѣ“ и помѣстилъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ рецензію на книгу Гордона „Представительства въ гражданскомъ правѣ“; Ельцинскій редактировалъ Московскую медицинскую газету, въ которой помѣстилъ нѣсколько рефератовъ по вопросамъ практической медицины; Снегиревъ сообщилъ въ физико-медицинскомъ обществѣ случай удаленія фибромы съ маткою и яичниками и удаленія фибромы широкихъ связокъ *per la paratomiam*; Фохтъ напечаталъ статью подъ заглавіемъ: „Ислѣдованіе по поводу происхожденія острой и хронической катарральной пневмоніи“; Макѣевъ приготавливалъ отчетъ по акушерской клиникѣ за всѣ года завѣдыванія ею; Погужевъ напечаталъ сочиненіе: „Анатомическое описаніе сердца у позвоночныхъ животныхъ“; Медвѣдевъ прочиталъ двѣ публичныя лекціи о физическомъ воспитаніи въ отроческомъ и юношескомъ возрастахъ; Ней-

дипл. напечаталъ въ издѣніи Москвитинъ Московской городской думы „Санитарный очеркъ Русской части“. Доваторъ иностраннаго языка: Фелькель выдѣл. пригодился къ печати своей трехлѣтній трудъ — издаше книгъ Цицерона „de officiis“ со введениемъ въ словесную философію и съ подробнымъ комментариемъ, изъясняющъ составъ, крокъ введенія и текста, но крайней мѣрѣ изъ 50-ти печатныхъ листовъ; крокъ того, началъ составлять комментарий къ сочиненію Цицерона „Tusculanae disputationes“ и переводить „Anabasis“ Ксенофонта на латинскій языкъ; Гемиліанъ — помѣщалъ статьи по техническому отдѣлу въ газетѣ Гатчука. Спороніе преподаватели: Зубковъ печаталъ магистерскую диссертацию: „Тракианки, трагедія Софокла“; Карповъ напечаталъ историческую диссертацию: „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка“. Астрономъ-наблюдатель Цераскій представилъ для V-го тома Аппалъ обсерваторіи отчетъ объ астро-фотометрическихъ работахъ до 1879 года, въ которомъ наложилъ рядъ изслѣдованій для установленія теоріи фотометра, и правилъ 540 опредѣленій звѣздъ, лежащихъ между зенитомъ и полюсомъ; крокъ того доставилъ замѣтку о новомъ способѣ опредѣленія разстоянія нашей галактики. Лаборанты: Миллеръ напечаталъ въ журналѣ Русскаго химическаго общества и въ Berliner Berichte статьи: „О нитрофталевоихъ кислотахъ“ и „Ueber den Amidophthaläureäther und Oxidphthaläure d. Herrn Baeyer“; Жуковскій составилъ аналитическую таблицу, какъ руководство при практическомъ изученіи аналитической химіи. Ординаторы: Курбатовъ готовилъ докторскую диссертацию: „Объ искусственной пуги къ желудокъ“; Митропольскій напечаталъ въ Медицинскомъ Обозрѣніи описаніе трехъ случаевъ эхинококковъ въ печени; Муратовъ дѣлалъ сообщенія въ физико-медицинскомъ обществѣ: „Беременность и роды при развѣсѣ одной половины тѣла“ и „Менялиамъ рожденія головы при гидроцефалии: безъ предварительнаго протокола“. Хранитель зоологическаго музея Зоррафъ напечаталъ въ Трудахъ антропологической выставки „Антропологическій очеркъ самоѣдовъ“, въ Воскресенныхъ объясненіяхъ политехническаго музея „О каменномъ углѣ и его продуктахъ“, и приготовилъ къ печати отчетъ о поездкѣ въ Зауральскую часть Пермской губерніи и страну Мещеряковъ, совершеваемой по порученію комитета антропологической выставки. Сверхштатные ассистенты: Тихомировъ напечаталъ нѣсколько рефератовъ въ изданіи общества любителей естествознанія „Зоологическій садъ и акклиматизація“, и статью подъ заглавіемъ „О составѣ фауны

въ зоологическихъ садахъ", въ политехническомъ музеѣ сдѣлалъ три воскресныхъ объясненія коллекцій, изъ которыхъ два напечаталъ въ изданіи этого музея: Воскресныя объясненія: а) „Надѣлія изъ словеновой кости и черепахи“, и б) „Коллекціи пушистыхъ звѣрей“; Вѣлопольскій представилъ, для V-го тома *Annales* обсерваторіи, работы: „Observations photoheliographiques en 1878“, „Observations au cercle méridien en 1878“, „Observations sur les météores du mois d'août de 1878“ и „Recherches sur les microscopes du cercle méridien“. Помещеніе прозектора Тихомировъ печаталъ рефераты въ журналѣ Медицинское Обозрѣніе, напечаталъ отчетъ о санитарномъ состояніи Прочистенской части Москвы въ Московскихъ городскихъ извѣстіяхъ, а въ извѣстіяхъ общества любителей естествознанія „О родничковыхъ востяхъ“.

Совѣтомъ Московскаго университета въ 1878 году утверждены въ степени доктора: магистры: Зеленогорскій философін, Колинъ физики, Чупровъ политической экономіи и статистики, Поняковъ политической экономіи, лекаря Литуновскій, Бернеръ и Эйгесъ медицины; въ степени магистра: докторъ Берлинскаго университета Пироговъ всеобщей исторіи, кандидаты: Милашевичъ минералогін и геогнозін, Кроненбергъ зоологін, Табаниковъ и Нерсесовъ гражданскаго права и Голъцевъ полицейскаго права. Затѣмъ удостоены: степени кандидата: по историко-филологическому факультету 15, по физико-математическому 26, въ числѣ ихъ одинъ студентъ лицея цесаревича Николая, по юридическому 41, изъ нихъ три студента того же лицея; званія дѣйствительнаго студента: по физико-математическому факультету 2, по юридическому 22. По медицинскому факультету удостоено: степени лекаря 84, изъ нихъ 5 съ отличіемъ, уѣзднаго врача 2, провизора 56, аптекарскаго помощника 53, дантиста 2, повивальной бабки 411.

Денежныя средства Московскаго университета находятся въ слѣдующемъ положеніи: 1) изъ государственнаго казначейства ассигновано по финансовой снѣткѣ на содержаніе университета 462,828 руб. 70 коп., именно: на личный составъ 224,682 руб. 60 коп., на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходи 158,896 руб. 60 коп., на стипендіи и пособія студентамъ 3,709 руб. 50 коп. 2) благотворительныхъ капиталовъ 933,463 руб. 98 коп., въ нихъ въ процентныхъ бумагахъ 879,442 руб., въ наличныхъ деньгахъ 54,021 руб. 98 коп. 3) суммы сбора со студентовъ за слушаніе лекцій: къ 1-му января 1878 года оставалось 17,587 р. 44 к., въ теченіе 1878 года посту-

иже 89,756 руб. 95 коп., израсходовано 36,824 руб. 56 коп., затѣмъ къ 1879 году оставалось 20,521 руб. 83 коп. Главнѣйшіе расходы изъ сумми сбора слѣдующіе: на разныя непредвидимыя расходы 16,877 руб. 70 коп., на жалованье и плату сверхъ штатнаго положенія 12,970 руб., на учрежденіе стипендій, на выдачу стипендій и пособій студентамъ, на выдачу содержанія молодымъ людямъ, оставленнымъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ 3,651 руб. 66 коп., на учрежденіе профессоровъ и прочихъ преподавателей за чтеніе лекцій по другимъ кафедрамъ 1,150 руб.

Студентовъ къ 1-му января 1878 года состояло 1,568, въ теченіе 1878 года вновь поступило 366 (изъ правительственныхъ гимназій 247, изъ лицей Цесаревича Николая 12, изъ духовныхъ семинарій 29, изъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній 12, изъ другихъ университетовъ 37, изъ университетскаго отдѣленія лицей Цесаревича Николая 6, изъ бывшихъ студентовъ Московскаго университета 20), въ теченіе года были 291, въ томъ числѣ: до окончанія курса 105, по окончаніи курса и сдачѣ экзамена 186; затѣмъ къ 1-му января 1879 года состояло 1,643 чел., которые распредѣлены были слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 131, на физико-математическомъ 240 (по отдѣлу математическихъ наукъ 188, по отдѣлу естественныхъ наукъ 52), на юридическомъ 318, на медицинскомъ 954. По происхожденію: потомственныхъ и личныхъ дворянъ 769, духовнаго званія 440, почетныхъ гражданъ и купцовъ 138, мѣщанъ и цеховыхъ 224, крестьянъ 37, иностранцевъ 35; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго 1,412, армяно-григоріанскаго 34, евангелическо лютеранскаго 66, реформатскаго 5, римско-католическаго 87, иудейскаго 39; по мѣсту первоначальнаго образованія: окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ 1,166, окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ 373, окончившихъ курсъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ 104. Стипендій выдано было на сумму 115,100 руб. 67 коп.: въ первомъ полугодіи 426 студентамъ, во второмъ 425; размѣръ стипендій простирался отъ 40 до 100 руб. въ годъ. Пособій единовременныхъ выдано: въ первомъ полугодіи 234 студентамъ на сумму 3,995 руб., во второмъ 334 студентамъ на 6,856 руб.; размѣръ пособій отъ 19 до 50 руб. Сверхъ того Московскою купеческою управою выдано пособій: 32 студентамъ по 14 руб. 234 руб., 5 — 7 студентамъ по 50 руб.—250 руб., и одному 15 руб. 50 коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Московскаго университета къ концу 1878 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ универ-

ситетской библіотекѣ имѣлось 100,283 названія въ 168,153 томахъ и 11,518 тетрадяхъ; въ это число не вошли, какъ еще неразобранныя: библіотека упраздненнаго Московскаго славянскаго благотворительнаго комитета и библіотека, завѣщанная покойнымъ профессоромъ О. В. Варявскимъ. Въ студенческой библіотекѣ при юридическомъ факультетѣ 1,158 названій въ 1,830 томахъ. Библіотека эта открыта 17-го октября 1878 года, и съ того числа по 1-е декабря дано было изъ нея для чтенія 408 томовъ русскихъ книгъ и 64 тома иностранныхъ, всего 472 тома, что составляетъ въ среднемъ выводъ въ недѣлю 68 томовъ русскихъ и 10 иностранныхъ. Въ кабинетѣ изящныхъ искусствъ и древностей 20,034 предмета. На астрономической обсерваторіи 74 инструмента и прибора на сумму 29,150 руб. Работы обсерваторіи продолжались по тому плану, который установился въ послѣднее пятилѣтіе: завѣдывавшій обсерваторію профессоръ Бредихинъ продолжалъ свои наблюденія большимъ рефракторомъ, посвятивъ значительную часть времени теоретическимъ изысканіямъ надъ кометами, астрономъ-наблюдатель Цераскій главнымъ образомъ занимался далеко подвинувшимися уже своими фотометрическими изслѣдованіями звѣздъ, кромѣ того принималъ участіе въ работахъ по фотографіи солнца; ассистентъ Бѣлопольскій постоянно производилъ фотографическіе снимки солнца и занимался точнымъ опредѣленіемъ положеній звѣздъ съ ощутимымъ собственнымъ движеніемъ при помощи меридіаннаго круга, кромѣ того принималъ участіе въ другихъ работахъ обсерваторіи и постоянно снабжалъ Москву точнымъ временемъ. Изъ прикомандированныхъ къ обсерваторіи межвѣхъ инженеръ одинъ занимался редуціей меридіанныхъ наблюденій прошлыхъ лѣтъ, а другой, сверхъ того, принималъ полезное участіе въ астрономическихъ наблюденіяхъ, чередуясь съ ассистентомъ какъ въ вышеупомянутыхъ опредѣленіяхъ положеній звѣздъ меридіаннымъ кругомъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ работахъ. Изъ студентовъ IV-го курса восемь челоѣкъ съ большимъ усердіемъ занимались подъ руководствомъ профессора наблюденіями, а также упражненіями въ вычисленіяхъ. Къ концу года наблюденія и вычисленія были изготовлены къ печати въ видѣ пятаго тома *Annales*, котораго первая половина уже вышла къ 1-му декабря, вторая же половина должна была появиться въ началѣ 1879 года. Расходы по печатанію этого изданія университетъ принялъ на свои суммы, отпустивъ для этого 400 руб., въ дополненіе къ штатнымъ средствамъ обсерваторіи на печатаніе трудовъ ея. Проектъ изслѣдованія притяженія въ Москов-

ской губернии приближается къ исполненію, благодаря присылкѣ изъ Гамбурга отъ Репсольда заказаннаго для сего реверсионнаго маятника. Въ механическомъ кабинетѣ числилось: моделей 129, инструментовъ 68, чертежей 54, всего на сумму 5,377 руб. 60 коп. Кабинетъ этотъ, составлявшій прежде, вмѣстѣ съ кабинетами технологическимъ и агрономическимъ, часть такъ называемаго промышленнаго музея, перенесенъ изъ стараго зданія университета въ новое и помещается теперь рядомъ съ аудиторіями физико-математическаго факультета, и штатная сумма кабинета увеличена на 200 руб. Въ химической лабораторіи: а) въ отдѣленіи органической химіи—разныхъ приборовъ, инструментовъ 338 номеровъ 729 предметовъ на сумму 7,356 руб. 86 коп., книгъ 172 названія въ 270 томахъ, періодическихъ изданій 5 названій, б) въ отдѣленіи неорганической химіи: аппаратовъ инструментовъ и мебели 123 номера 232 предмета на 2,804 руб., материаловъ и посуды на 932 руб. Число практикантовъ, занимавшихся въ лабораторіи, считая каждое полугодіе отдѣльно, было 76 человекъ, именно: естественнаго разряда II и III курсовъ 34, медицинскаго факультета тѣхъ же курсовъ 37, фармацевтовъ 3 и 2 окончившихъ курсъ естествознанія, продолжавшихъ ранѣе начатыя изслѣдованія. Практическія занятія велись преимущественно по аналитической химіи; трое студентовъ высшихъ курсовъ занимались изслѣдованіями на заданныя имъ темы. Въ зоологическомъ музеѣ имѣлось разныхъ предметовъ 82,374 номера. Занятія въ музеѣ, за исключеніемъ лѣтнихъ вакацій, были ежедневныя; занимались студенты естественнаго отдѣленія и медицинскаго факультета. Съ начинающими производились общія анатомическія и зоологическія упражненія въ извѣстные часы подъ руководствомъ двухъ преподавателей, которымъ помогалъ одинъ студентъ. Болѣе успѣвшіе занимались постоянно въ свободное отъ лекцій время, имѣя въ своемъ распоряженіи особня помѣщенія на рабочихъ столахъ. Студентами IV курса Насоновымъ и Голубицинымъ, II—Митрофановымъ и Шимкевичемъ и I—Ивовымъ изготовлено было значительное число микроскопическихъ препаратовъ для музейскаго собранія. Въ зоологическомъ семинаріѣ участвовали наиболѣе успѣвшіе и наиболѣе ревностно занимавшиеся практическимъ изученіемъ зоологіи, именно названные пять студентовъ естественнаго разряда и одинъ студентъ медицинскаго факультета. Кромѣ того нѣкоторые изъ занимавшихся въ музеѣ были допущены въ качествѣ посѣтителей, хотя на первое время и не принимали непосредственнаго участія въ трудахъ лабораторіи; такихъ

кандидатовъ на членовъ было четверо. Нижеслѣдующіе студенты, кромѣ систематическаго изученія курса, занимались болѣе спеціальнымъ изученіемъ нѣкоторыхъ формъ. Насоновъ — окончивалъ свою работу о муравьяхъ и сдѣлалъ нѣсколько наблюдений надъ образомъ жизни и развитіемъ животныхъ, жившихъ въ терраріумахъ и акваріумахъ зоологическаго сада; Шимкевичъ — прошелъ анатомію клеца *Eulais*; Митрофановъ — изготовилъ значительную серію препаратовъ по анатоміи позвоночныхъ для музея и антропологической выставки; Голубининъ — изучалъ ядоотдѣлительные органы тарантула; Ивовъ — приготовлялъ серію препаратовъ по развитію мухи, а Адельгейтъ — по строенію пивки. Въ воскресные дни происходили въ музеѣ классы рисованія, устроенные Московскимъ обществомъ распространенія техническихъ знаний; рисованіе происходило съ препаратовъ и предметовъ зоологическаго музея и въ немъ принимали участіе преимущественно медики I-го курса. Въ воскресные же дни музей, за исключеніемъ лѣтнихъ вакацій, былъ открытъ для публики; воспитанники учебныхъ заведеній и дѣти составляли главную массу посѣтителей. Въ геологическомъ кабинетѣ находилось: ископаемыхъ 7,053 нумера, картъ геологическихъ и графическихъ 32 нумера, геологическихъ разрѣзовъ 9, разныхъ моделей 141 нумеръ, картинъ 15 нумеровъ; въ библіотекѣ кабинета: геологическихъ сочиненій 95 названій, палеонтологическихъ 100 названій, 19 оконченныхъ монографій и 12 томовъ неоконченныхъ монографій, издаваемыхъ Лондонскимъ палеонтологическимъ обществомъ, руководствъ 35 названій, періодическихъ сочиненій 222 тома и 360 ливрезоновъ, свѣси 123 сочиненія. Въ минералогическомъ кабинетѣ въ 1877 году числилось: минераловъ, горныхъ породъ и ископаемыхъ 14,000 нумеровъ, физическихъ и химическихъ аппаратовъ 42 нумера, вспомогательныхъ инструментовъ 87 нумеровъ, препаратовъ и моделей 655 нумеровъ, книгъ 45 сочиненій; въ 1878 году приобрѣтена часть коллекцій везувскихъ минераловъ и микроскопъ со шлифованнымъ приборомъ. Въ физическомъ кабинетѣ находилось инструментовъ 362 нумера. Въ физической лабораторіи состояло: инструментовъ 68 нумера на 2,128 руб., книгъ 165 томовъ 39 тетрадей на 487 руб. Ботаническій кабинетъ въ началѣ 1878 г., раздѣленъ былъ на два отдѣленія: систематическое и физиологическое. Въ систематическомъ отдѣленіи учебныхъ пособій состояло около 100,000 нумеровъ, въ физиологическомъ: инструментовъ 17 нумеровъ, посуды 58 нумеровъ; стѣнные таблицы по анатоміи растений, коллекція микроскопическихъ препаратовъ. Ботаниченкій садъ покупкою, об-

дѣломъ и пожертвованіями частныхъ лицъ сдѣлалъ значительныя пріобрѣтенія въ видѣ весьма цѣнныхъ и рѣдкихъ экземпляровъ растений. Въ шести оранжереяхъ и теплицѣ сада культивировалось до 2,460 видовъ съ разнообразіями, причемъ многіе съ необходимыми дублетами и даже триплетами. Растенія оранжерей доставляли обильный матеріалъ для демонстрацій на лекціяхъ и для практическихъ занятій студентовъ въ ботаническомъ кабинетѣ. Ботаническое отдѣленіе сада раздѣлено на четыре отдѣла: медицинскій, техническій, систематическій многолѣтнихъ травъ и систематическихъ лѣтниковъ. Въ медицинскомъ отдѣлѣ культивировалось 122 вида, въ техническомъ 68. При выборѣ растений для посадки на этихъ двухъ отдѣленіяхъ садъ руководствовался современнымъ аптекарскимъ уставомъ, нѣкоторыми сочиненіями по фармакогнозіи, а также техническими сочиненіями. Систематическій отдѣлъ многолѣтнихъ травъ по списку 1877 года содержалъ 1,100 видовъ. Число это опредѣляется численностію видовыхъ этикетовъ при находившихся на лицо травахъ; но точность опредѣленія уже давно казалась сомнительною, а потому съ весны 1878 года было предпринято полное переопредѣленіе названій растений. Пользуясь нѣкоторыми сочиненіями по европейскимъ флорамъ и при содѣйствіи двухъ кандидатовъ университета, удалось переопредѣлить до $\frac{3}{4}$ всей коллекціи многолѣтнихъ травъ: около 400 формъ, считавшихся самостоятельными видами, оказались или разностями, или еще чаще дублетами; всѣ эти растенія были вынуты изъ грядъ. Изъ числа оставшихся на грядкахъ 616 формъ почти половина опредѣлена со всею точностію, а другая половина оставлена безъ опредѣленія до слѣдующаго лѣта. Въ систематическомъ отдѣленіи лѣтниковъ было высажено 300 горшковъ. Такъ какъ получаемые для этого отдѣленія заграничныя сѣмена обыкновенно крайне неточно опредѣлены, то отдѣленіе это, какъ и въ прошлые годы, имѣло мало научнаго интереса. Въ виду сего, а также крайней хлопотливости и большой матеріальной стоимости ухода за отдѣленіемъ лѣтниковъ, предполагается его совершенно уничтожить. Ботаническое отдѣленіе было посѣщаемо въ теченіе вакаціоннаго времени студентами, фармацевтами, учителями и учительницами среднихъ учебныхъ заведеній, а также любителями, получавшими въ отдѣленіи матеріалъ для работъ. Подъ руководствомъ завѣдывающаго садомъ происходили занятія студентовъ естественнаго отдѣленія и медицинскаго факультета, которые упражнялись въ опредѣленіи растений. Число студентовъ, участвовавшихъ въ этихъ занятіяхъ, было болѣе 120; стороннимъ

лицамъ выдано было на постоянное посѣщеніе отдѣленія 78 билетовъ. Публичное отдѣленіе (аллеи и цвѣтники) сада было открыто для публики ежедневно, кромѣ субботы, съ 10-ти часовъ утра и до 8-ми вечера; на посѣщеніе этого отдѣленія было выдано 1,503 сезонныхъ билетовъ. Въ технической лабораторіи состояло: снарядовъ и инструментовъ 176 номеровъ, препаратовъ и реактивовъ 451 номеръ, книгъ и журналовъ 184 названія. Въ агрономическомъ кабинетѣ: аппаратовъ 108 номеровъ 130 экземпляровъ, препаратовъ и реактивовъ 60 номеровъ 78 экземпляровъ, различныхъ сочиненій 88 названій 89 томовъ, періодическихъ изданій 22 названія, различной посуды 25 номеровъ 320 экземпляровъ. Въ медицинской химической лабораторіи: различныхъ инструментовъ и приборовъ 126 номеровъ 433 экземпляра на 1,526 руб., книгъ и періодическихъ изданій и 117 томовъ на 378 руб. Въ кабинетѣ сравнительной анатоміи: препаратовъ и цѣлыхъ животныхъ, могущихъ служить для демонстрацій на лекціяхъ 1,890 номеровъ; матеріаловъ для приготовленія препаратовъ, то-есть неотдѣланныхъ скелетовъ, ихъ частей и цѣлыхъ животныхъ въ спиртѣ 399; анатомическихъ, индексіонныхъ и оптическихъ инструментовъ 360 номеровъ; книгъ и атласовъ 187 названій. Въ физиологическомъ кабинетѣ: снарядовъ и инструментовъ 1,554 номеровъ на 3,879 руб., книгъ и журналовъ 504 названія, атласовъ и рисунковъ 81 названіе, препаратовъ 40 номеровъ. Въ фармацевтическомъ и фармакогнозическомъ кабинетѣ: книгъ и журналовъ 148 названій на 637 руб., химико-фармацевтическихъ препаратовъ 998 предметовъ на 368 руб., фармакогнозическихъ 1,018 экземпляровъ на 240 руб., посуды и стеклянныхъ орудій 400 экземпляровъ на 854 руб. Въ кабинетѣ физиологической анатоміи и состоящемъ при немъ музей: анатомическихъ препаратовъ 3,260 номеровъ, книгъ и атласовъ 309 названій, инструментовъ и аппаратовъ 426 предметовъ, посуды 60 штукъ на 167 руб. Въ анатомическомъ театрѣ занимались практически, подъ руководствомъ профессора и прозекторовъ студенты младшихъ двухъ курсовъ медицинскаго факультета, всего 514 человекъ. Кромѣ того, препаратами и книгами пользовались многіе студенты высшихъ курсовъ и врачи; изъ послѣднихъ нѣкоторые работали по специальнымъ вопросамъ. Для этихъ занятій, а также для лекцій анатоміи получено изъ разныхъ больницъ въ теченіе года 190 труповъ взрослыхъ и 44 дѣтскихъ. Въ музейъ патологической анатоміи: патологическихъ препаратовъ 4,001 экземпляръ; книгъ, журналовъ и атласовъ 239 названій на сумму 3,530 руб., микроскоповъ 19 номеровъ на 2,215 р.

инструментовъ и посуды 1,771 номеръ на 1,508 руб. Въ кабинетѣ судебной медицины: книгъ 190 названій на 819 руб., препаратовъ, рисунковъ и фотографическихъ снимковъ 189 номеровъ, посуды для препаратовъ 80 номеровъ на 30 руб., микроскоповъ, другихъ инструментовъ и прочаго имущества на 327 руб. Въ теченіе года въ анатомическій театръ было доставлено для судебно-медицинскаго изслѣдованія 162 трупа, въ томъ числѣ 9 труповъ новорожденныхъ младенцевъ. Изслѣдованіе производилось подѣ наблюдениемъ доцента и прозектора. Студенты V курса упражнялись въ судебно-медицинскихъ вскрытіяхъ и въ составленіи такихъ же свидѣтельствъ на заданныя темы. Въ фармакологическомъ кабинетѣ: періодическихъ изданій 4 названія, препаратовъ, снарядовъ и инструментовъ 1,009 предметовъ. Въ терапевтическомъ отдѣленіи факультетской клиники инструментовъ 75 экземпляровъ, вновь приобрѣтено 25. Въ клиникѣ этой, имѣющей 30 кроватей, больныхъ въ теченіе 1878 года состояло 166, изъ нихъ выздоровѣло 130, умерло 15, къ концу года оставалось 21; больныхъ, приходившихъ за совѣтами, было 3,270. Каждый изъ учащихся велъ подробныя исторіи своихъ больныхъ и, подѣ руководствомъ профессора клиники, упражнялся въ распознаваніи и леченіи болящихъ. Въ пропедевтическомъ отдѣленіи той же клиники, имѣющей 16 кроватей для лицъ обоого пола, больныхъ пользовалось 61, изъ нихъ выздоровѣло 39, умерло 10, осталось къ концу года 12. Въ вѣдѣніи этого отдѣленія находится лабораторія, снабженная всѣми принадлежностями. Учащіеся подѣ руководствомъ самого профессора, у кровати больного занимались распознаваніемъ болящихъ и веденіемъ исторіи оныхъ, въ лабораторіи же упражнялись въ химическихъ и микроскопическихъ изслѣдованіяхъ. Въ хирургическомъ отдѣленіи факультетской клиники имѣлось: хирургическихъ инструментовъ 843 номера, патологическихъ препаратовъ 289 номеровъ. Больныхъ въ теченіе года состояло 258, изъ нихъ выздоровѣло 205, умерло 13, оставалось на излеченіи 43; приходившихъ за совѣтами было 2,360; операций произведено: большихъ 67, малыхъ 238. Въ акушерскомъ отдѣленіи находилось инструментовъ и препаратовъ 764 номера, въ теченіе года приобрѣтено 40 номеровъ. Акушерская клиника посѣщалась студентами V курса, которые во время дежурства наблюдали за теченіемъ родовъ и, подѣ руководствомъ профессора, занимались изслѣдованіемъ беременныхъ женщинъ, какъ приходившихъ за совѣтомъ, такъ и поступившихъ въ клинику для родовъ; они наблюдали за теченіемъ послѣродоваго періода и производили акушерскія опе-

раціи на фантомѣ, присутствовали при производствѣ операцій, дѣланныхъ въ клиникѣ профессоромъ и ординаторами. Въ теченіе года въ клинику поступило 956 беременныхъ, изъ коихъ 948 разрѣшились отъ бремени, а 8 выписались не разрѣшившись. Правильныхъ родовъ было 876, а въ 72 случаяхъ роды представляли отклоненія, по поводу коихъ произведены были операціи. Изъ родившихъ заболѣло 83, изъ нихъ выздоровѣло 73, умерло 8, осталось на слѣдующій годъ 7. Беременныхъ, приходившихъ за совѣтомъ было 289. Въ поликлиникѣ женскихъ болѣзней находилось инструментовъ 63 нумера. Приходящихъ за совѣтами больныхъ было 999, изъ нихъ 17 помѣщены были на уступленныхъ профессоромъ 4-хъ кроватяхъ, и имъ были сдѣланы операціи. Студенты V курса, подъ руководствомъ доцента и ординаторовъ, упражнялись въ распознаваніи и леченіи болѣзней и вели подробныя исторіи больныхъ. Въ дѣтскомъ отдѣленіи факультетской клиники, имѣющемъ 11 кроватей для дѣтей обоего пола, въ теченіе года больныхъ состояло 59, изъ нихъ выздоровѣло 49, умерло 3, оставалось къ концу года 7; приходившихъ за совѣтами дѣтей было 1,000. Въ специальной факультетской клиникѣ болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ находилось инструментовъ 192 нумера. Больныхъ состояло 62, изъ нихъ выздоровѣло 49, умерло 2, осталось къ 1879 году 11; пользовавшихся совѣтами и леченіемъ клиническаго врача было 500. Операцій произведено: большихъ 34, малыхъ 333. Въ терапевтическомъ отдѣленіи госпитальной клиники больныхъ въ теченіе 1878 года было 858, изъ нихъ вышло 645, умерло 135, въ томъ числѣ умершихъ чахоткою 43, умершихъ въ самый день поступления 10, оставалось къ 1879 году 78, приходившихъ за совѣтомъ было 4,902. Операцій произведено было 54. Въ хирургической госпитальной клиникѣ больныхъ въ теченіе года было 554, изъ нихъ вышло 423, умерло 70, къ концу года оставалось на излеченіи 61, приходившихъ за совѣтомъ было 3,323; операцій произведено 610, изъ нихъ большихъ 113, малыхъ 497. Въ нервномъ отдѣленіи госпитальной клиники больныхъ пользовалось 119, изъ нихъ вышло 73, умерло 16, состояло къ концу года на лицо 30, приходившихъ за совѣтомъ было 768. Въ сифилитической госпитальной клиникѣ больныхъ пользовалось 155; изъ нихъ вышло 129, умерло 2, къ концу года оставалось на излеченіи 24, приходившихъ за совѣтомъ больныхъ было 577. Операцій произведено 90.

Состояція при московскомъ университетѣ ученнаго общества находились въ 1878 году въ слѣдующемъ положеніи:

Общество любителей россійской словесности имѣло 17 почетныхъ, 133 дѣйствительныхъ члена и 2-хъ сотрудниковъ. Засѣданій было: одно публичное и одно обыкновенное. Изъ изданій общества продолжалось печатаніе XI выпуска и 2-го изданія IV выпуска пѣсней, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, а 2-е изданіе выпуска III окончено. Въ библиотекѣ общества числилось: 479 названій 808 томовъ, 5 газетъ и 21 рукопись. Въ кассѣ общества, къ концу года, и въ ссудѣ на изданіе, наличными и билетами, числилось 1,240 руб. 79 коп.

Императорское общество исторіи и древностей россійскихъ. Общество это имѣло три засѣданія и продолжало, подъ завѣдываніемъ секретаря А. Н. Попова, свое изданіе подъ заглавіемъ „Чтенія“, коихъ отпечатано и выпущено въ свѣтъ четыре книги. По изданіи въ 1877 году „Богословіе святаго Іоанна Дамаскина“ въ переводѣ Іоанна, эвзарха Болгарскаго, напечатаннаго покойнымъ О. М. Бодянскимъ въ первую пору его завѣдыванія „Чтеніями“ (съ 1846 по 1848 г.), настоящая редакція приготовила къ изданію также труды Бодянского: „Шестодневъ“, въ переводѣ же Іоанна, эвзарха Болгарскаго, и „Житіе Θεодосія“. Тотъ же другой трудъ напечатанъ по рукописамъ XII — XIII вѣка буква въ букву и слово въ слово. Съ 1877 года начато печатаніемъ въ чтеніяхъ „Описаніе славянскихъ рукописей библиотеки Святой Троице-Сергіевской лавры“, которое въ трехъ томахъ будетъ окончено печатаніемъ въ Чтеніяхъ нынѣшняго года.

Императорское Московское общество испытателей природы. Общество это, по примѣру прежнихъ лѣтъ, продолжало поддерживать дѣятельныя сношенія какъ съ русскими, такъ и съ иностранными учеными учрежденіями. Черезъ посредство своего вице-президента К. И. Ренара и секретарей, общество обмѣнивалось изданіями и вело корреспонденцію научнаго содержанія съ 88-ю учрежденіями и болѣе чѣмъ со 100 лицами, въ Россіи находящимися, и съ 60-ю лицами и 271-мъ учрежденіемъ иностранными, то-есть всего съ 519-ю мѣстами. Въ 1878 году общество имѣло случай коснуться интересовъ сельскаго хозяйства и протянуть руку помощи интересамъ практическимъ. Усть-Медвѣдицкая земская управа и комитетъ Ростовскаго на Дону сельско-хозяйственнаго стѣзда обратились къ обществу съ просьбою указать имъ мѣры для борьбы съ грибоккомъ, причинившимъ тамъ большіе убытки на пшеничныхъ и ржаныхъ поляхъ. Присланные образцы поврежденныхъ растений были пересланы члену

общества, профессору А. А. Фишеру-фонъ-Вальдгейму, по опредѣленію котораго паразитъ оказался *Russinia graminis*. Г. Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ представилъ обществу пространную записку о разнокоженіи этого грибка и о мѣрахъ для успѣшной борьбы съ нимъ. Копія съ этой записки были препровождены въ оба названныя учрежденія. Общество продолжало также переписку съ г. Ревужскимъ въ Ревдинѣ, въ Венгріи, по вопросу о вредности короѣда-типографа для здоровыхъ еловыхъ деревьевъ. Этотъ, болѣе чѣмъ столѣтній вопросъ обострился въ послѣдніе годы вслѣдствіе чрезвычайнаго размноженія короѣда въ Австро-Венгріи. Въ спорѣ о томъ, падаетъ-ли короѣд-типографъ на здоровыя деревья или нѣтъ, сдѣланъ шагъ въ томъ смыслѣ, что нѣкоторыя компетентныя учрежденія высказались въ пользу мнѣнія о безвредности короѣда-типографа для здоровыхъ елей. Къ этому мнѣнію, поддержанному въ прошломъ столѣтіи Тиршемъ, позднѣе Перрисомъ, Ревужскимъ и высказанному въ одномъ изъ засѣданій общества профессоромъ Линдеманомъ, присоединились въ послѣдніе годы: академія наукъ въ Пештѣ и лѣсная академія въ Хемницѣ. Научная дѣятельность общества выразилась въ 1878 году изданіемъ записокъ, продолжавшихъ выходить подъ редакціей вице-президента К. И. Ренара. Въ теченіе года выпущено пять номеровъ Бюллетеней, именно номера 2, 3 и 4-й за 1877-й и номера 1-й и 2-й за 1878 годы. Въ этихъ номерахъ напечатаны статьи: баронъ Шодуаръ „Новые роды и виды семейства Carabidae“; К. Э. Линдеманъ „Продолженіе монографіи короѣдовъ Россіи“; В. Е. Яковлевъ „Новыя полужесткокрылыя астраханской фауны“ и „Описаніе новыхъ видовъ Agadidae“, К. Бергъ „Бабочки Патагоніи“; К. Э. Фаустъ „О нѣкоторыхъ южно-русскихъ видахъ Silpha“ и „Описаніе новыхъ видовъ жуковъ русской фауны“; Я. Бедряга „Образованіе пигментовъ у ящерицъ“; О. И. Родомковскій „Новый методъ опредѣленія шмелей“, К. К. Перепелкинъ „О строеніи спинной струны у миноги“, Э. Э. Валліонъ „Каталогъ жуковъ, собранныхъ въ Кульджѣ“, А. А. Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ „О видахъ *Entyloma*“ и „Обзоръ растений, пораженныхъ ржавчиною (*Ustilaginae*)“; А. А. Кожевниковъ „Исторія развитія цвѣтка въ семействѣ Agaceae“; Ф. Э. фонъ-Гердеръ „Прибавленіе къ *Plantae Raddeanae*“; и „Прибавленіе къ *Plantae Severzovianaе*“; д-ръ Гельдрейхъ „О родѣ *Leopoldia*“; И. Мюллеръ „О лишаяхъ восточно-сибирскихъ тундръ“ и „О лишаяхъ Московской губерніи“; баронъ Ф. Тюмень „О грибахъ Сибири“; Г. А. Траутенпольдъ „О методахъ и теоріяхъ въ

геологій“ и „Объ окаменѣлостяхъ мѣловой формаци въ Россіи“; Н. П. Вишняковъ „О жилой камерѣ нѣкоторыхъ русскихъ аммонитовъ“; С. Н. Никитинъ „О Mesites Puzirefski“; К. О. Милашевичъ „Палеонтологическіе этюды“ и „Отвѣтъ Пренделю“; Р. А. Прендель „Отвѣтъ на статью г. Милашевича“ и „Нѣсколько словъ по поводу „Отвѣта“ г. Милашевича“; Р. Ф. Германъ „Изслѣдованіе объема атомовъ и удѣльнаго вѣса органическихъ соединеній“. Сверхъ того, въ Бюллетенѣ напечатаны письма изъ путешествій и экскурсій: Г. Г. Зенберга, альб. Эд. Регеля, Г. А. Траутшольда и А. К. Беккера, и біографія покойнаго члена общества Н. И. Желѣзнова, составленная Г. А. Траутшольдомъ. Общество имѣло 8 очередныхъ и одно годичное засѣданіе, въ которыхъ, кромѣ текущихъ дѣлъ, были доложены слѣдующіе 22 реферата научнаго содержанія: президента А. Г. Фишера-фонъ-Вальдгейма о метаморфозѣ вообще, Л. П. Сабанѣева о волкѣ, К. Э. Линдемана о *Dendroctonus micans*, С. А. Усова о возрастныхъ измѣненіяхъ *Aquila fulva*, П. М. Куленова объ уродливыхъ измѣненіяхъ внутреннихъ половыхъ органовъ у разнополыхъ двойней коровы, Д. А. Кожевникова объ исторіи развитія и морфологій цвѣтка въ семействахъ ароидныхъ, В. А. Тихомирова а) о абрандіи и пилокарпинѣ, и б) о распознаваніи примѣсей къ чаю, Г. А. Траутшольда а) о нахожденіи *Lepidesthes* въ мячковскомъ горномъ известнякѣ, и б) Никитина а) объ аммонитахъ группы *Amaltheus funiferus*, и б) о желѣзныхъ рудахъ Таврической губерніи, А. П. Сабанѣева о сгущеніи газовъ, Э. Б. Шэне о присутствіи озона въ воздухѣ, Э. А. Бредихина о работахъ, сдѣланныхъ въ астрономической обсерваторіи Московскаго университета, Н. А. Любимова а) о телефонѣ и б) о новомъ снарядѣ, для поясненія явленій земнаго магнетизма, Я. И. Вейнберга а) о передачѣ телеграфическихъ знаковъ безъ помощи проволоки, и б) о значеніи дѣловъ въ климатическомъ отношеніи, П. М. Хайновскаго о телефонѣ, В. В. Николаева изслѣдованіе токопрохожденія въ воздушныхъ телеграфныхъ проволокахъ; Г. Г. Зандебергъ, извѣстный шведскій путешественникъ, посѣтившій засѣданіе въ качествѣ гостя, сообщилъ о естественныхъ богатствахъ прибрежій Ледовитаго океана. Въ число членовъ общества избраны вновь 18 лицъ, изъ числа ихъ 7 почетныхъ и 11 дѣйствительныхъ членовъ. Денежныя средства составляли: 2,857 руб. 14 коп., ежегодно получаемыя отъ правительства, и членскіе взносы, которыхъ поступило 184 рубля. Нѣкоторое усиленіе средствъ въ 1878 году произошло благодаря Н. П. Вишня-

кову, принявшему на себя расходы по напечатанію таблицъ къ сочиненію его, помѣщенному въ Бюллетенѣ общества. Въ библиотеку общества поступило книгъ и журналовъ 1,082 названія; эти книги, имѣющія весьма значительную цѣнность, приобрѣтены въ обмѣтъ въ издаваемые обществомъ Записки. Сверхъ того, общество получило въ даръ: а) коллекцію водорослей, собранныхъ шведскою экспедиціею на Шпицбергенѣ, отъ Стокгольмской академіи наукъ; б) коллекція окаменѣлостей изъ Ронка (въ Итали) и изъ Антверпена, отъ г. Лефевра, и в) коллекцію третичныхъ раковинъ отъ г. Лоулей въ Монтекки. Съ своей стороны общество передало въ ботанической кабинетъ Московскаго университета, для постояннаго пользованія, всѣ свои обширные гербаріи, а въ зоологической музей коллекцію шкурокъ птицъ, собранныхъ бывшимъ секретаремъ Л. П. Сабанѣвымъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, преимущественно на Уралѣ.

Физико-медицинское общество. Общество это имѣло въ своемъ составѣ: почетныхъ членовъ, русскихъ и иностранныхъ 36, дѣйствительныхъ 100, членовъ-корреспондентовъ, русскихъ и иностранныхъ 72, членовъ-соревнователей 1. Въ теченіе 1878 года общество имѣло засѣданій: одно годовое, 7 очередныхъ и 6 неочередныхъ. На этихъ засѣданіяхъ членами общества и посторонними посѣтителями-врачами сдѣланы были слѣдующія сообщенія: Г. А. Захарьинимъ случай специфической пневмоніи, Н. Ѳ. Гагманомъ а) о леченіи врожденной косолапости, съ демонстраціей придуманнаго имъ для этой цѣли снаряда, б) отчетъ о пятилѣтней дѣятельности устроеннаго имъ ортопедическаго заведенія, в) случай замѣчательной деформации грудной кѣтки съ демонстраціей больного, и г) о массажѣ и о гимнастикѣ, А. Х. Репманомъ а) демонстрація изобрѣтеннаго имъ, снабженнаго коммутаторомъ, электрода и б) о дѣятельности контузии воздухомъ; Мороховцемъ изслѣдованія о микроскопическомъ и химическомъ строеніи нервнаго волокна, А. А. Каспари по поводу дѣятельности контузии воздухомъ, Н. А. Тольскимъ случай хроническаго полиомизиста, В. Ѳ. Снегиревымъ случай экстирпаціи фибромы *uteri per laparotomiam*, совмѣстно съ полнымъ удаленіемъ кисти яичника (одной дермоидной) и матки, Г. К. Теръ-Григорьянцемъ случай ограниченной гангрены легкихъ и леченіе ея калийно-кислымъ натромъ, Щербаковымъ о перевозкѣ раненныхъ на санитарныхъ поѣздахъ князя В. А. Долгорукова и Московскаго центральнаго склада, Тихомировымъ о легкомъ способѣ распознаванія подлинности чайныхъ листьевъ съ помощію микроскопа (съ демон-

страціѣ), Д. Н. Зернова о двойной маткѣ съ демонстраціей анатомическаго препарата, В. Е. Глики случай пораженія головныхъ нервовъ съ демонстраціей анатомическаго препарата саркомы въ пазухахъ и основной кости черепа, при чемъ еще при жизни больнаго ему удалось діагностировать мѣсто страданія, А. А. Муратовымъ а) Paraesis одной половины тѣла при беременности и родахъ, и б) механизмъ рожденія головки у гидроцефалика безъ предварительнаго прокола ея (съ демонстраціей плода), Н. О. Филатовымъ о грудицѣ новорожденныхъ, Н. А. Митропольскимъ о циркуляціи крови въ тѣлѣ лихорадочнаго, А. Н. Соловьевымъ отчетъ лихачевскаго родильнаго отдѣленія Казанской губернской земской больницы, В. А. Добронравовымъ экстирпаціи матки по способу Фрейнда-Шредера, В. Ф. Снегиревымъ удаленіе фибромы широкихъ маточныхъ связокъ per laparotomiam (съ демонстраціей). Денежныя средства общества находились въ слѣдующемъ положеніи: къ 1878 году состояло 8,443 руб. 48 коп., въ теченіе года поступило годоваго взноса членовъ и процентовъ по купонамъ 535 руб. 47 коп., въ теченіе того же времени израсходовано на увеличеніе инвентаря, канцеляріи и жалованье служителямъ 165 руб. 60 коп., затѣмъ къ 1-му января 1879 года оставалось процентными бумагами и наличными деньгами 8,713 руб. 35 коп. Въ библіотекѣ общества находилось книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій 1,104 названія.

Императорское общество любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Общество имѣло въ своемъ составѣ: почетныхъ членовъ 24, членовъ основателей 30, непремѣнныхъ членовъ 133, дѣйствительныхъ 308, членовъ-сотрудниковъ 41. Дѣятельность общества выражалась: а) въ засѣданіяхъ, б) экспедиціяхъ и в) научныхъ изданіяхъ. Засѣданій было: общихъ 5, антропологическаго отдѣла 3, этнографическаго 5, отдѣленія физическихъ наукъ 8, комитета антропологической выставки 11. Въ этихъ засѣданіяхъ были слѣдующія сообщенія по зоологіи: А. А. Бѣлопольскаго по анатоміи *coccinella*, А. Е. Голубинина наблюденіе надъ строевіемъ *Muscidae*, Н. Ю. Зографа естествоисторическія наблюденія во время поѣздки на Канинъ полуостровъ, А. А. Коротнева объ амѣбахъ, Н. В. Насонова къ анатоміи муравья; по ботаникѣ: П. Ф. Маевского а) о маховыхъ цвѣтахъ въ растеніяхъ *Primula* и *Dianthus*, и б) о маховыхъ цвѣтахъ *Hyacinthus* и *Samelia*; В. А. Тихомирова а) о трихолахъ у *Synogosphalae*, б) о паразитномъ грибокѣ одного изъ новыхъ туркестанскихъ астрагаловъ, и в) проникновеніе

живыхъ безцвѣтныхъ кровяныхъ вѣткокъ лягушки въ элементы растительныхъ тканей; по геологіи и палеонтологіи: К. О. Милашевича а) о кораллахъ палеозойнаго типа изъ неозойныхъ формацій, и б) о пѣздѣ въ Орловскую губернію для раскопки мамонта; по антропологіи и этнографіи: Ѡ. М. Августиновича о племенахъ, населяющихъ калымскій округъ, П. М. Апостольскаго бытовая и мнѣшеская сторона въ русской народной свадьбѣ, Е. В. Варсова о посланіи неизвѣстнаго автора XVII вѣка противъ свадебныхъ поганскихъ обычаевъ, В. Н. Бензенгра а) историческій очеркъ дѣятельности антропологическаго отдѣла общества любителей естествознанія до открытія комитета антропологической выставки 2-го марта 1877 года, б) о сложныхъ портретахъ, и в) о вліяніи кормленія въ первомъ возрастѣ ребенка, А. П. Богданова а) курганные черепа Смоленской губерніи, находящіяся въ краеологическомъ собраніи общества любителей естествознанія, б) курганные черепа области древнихъ сѣверянъ и в) курганные черепа Тарскаго округа Тобольской губерніи, М. А. Бѣлина о слѣдахъ орудія на костяхъ, Н. Н. Дергачева историческій и этнографическій очеркъ Корель Архангельской губерніи, Н. Н. Зографа а) антропологическій очеркъ Самоѣдовъ и б) о бытѣ Кавинскихъ самоѣдовъ, А. И. Кельсіева а) о русскихъ обитателяхъ Кольскаго полуострова, б) о бытѣ русскихъ Лопарей, в) практика антропологіи, и г) о раскопкахъ языческихъ кладбищъ Тверской и Ярославской губерній, Н. Г. Керцелли обзоръ отдѣленія доисторическихъ древностей Московскаго публичнаго музея, В. И. Колюбакина антропологическія изслѣдованія надъ населеніемъ нѣкоторыхъ московскихъ фабрикъ, М. В. Лосіевскаго обряды присяги у инородцевъ Уфимской губерніи магометанъ и язычниковъ, В. М. Михайловскаго о бушменахъ, ихъ нравахъ и образѣ жизни, Н. П. Мансурова о колтунѣ въ этнографическомъ отношеніи, Ф. Д. Нефедова а) преданія и пѣсни о башкирскомъ батырѣ Салаватѣ, б) отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ Касимовскомъ уѣздѣ, и в) о памятникахъ и народахъ Приуральскаго края Е. А. Покровскаго а) случай микроцефалии въ Москвѣ, и б) вліяніе первыхъ пріемовъ воспитанія на физическое развитіе у разныхъ народностей, Н. А. Попова обзоръ дѣятельности этнографическаго отдѣла за истекшія десять лѣтъ его существованія, В. Н. Радакова а) антропологическія наблюденія надъ населеніемъ Болгаріи и Румыніи, и б) отчетъ о собранныхъ для комитета антропологической выставки коллекціяхъ и о своихъ работахъ за Балканами, А. Г.

Смирнова объ имущественныхъ правахъ жены по русскимъ народнымъ обычаямъ, Г. Г. Сандеберга поѣздка на сѣверъ Россіи, М. А. Тихомирова замѣтка о родичковскихъ востяхъ, Г. Д. Филимонова о доисторической культурѣ въ Осетин; по физикѣ и химіи: Г. Варнерке о приготовленіи по его способу фотографической эмульсіи и о походной камерѣ, Я. И. Вейнберга изслѣдованія по вопросу о вліяніи истребленія лѣсовъ на климатъ данной мѣстности въ зависимости отъ физическихъ свойствъ почвы и направленіе преобладающихъ вѣтровъ, А. С. Владимірскаго а) о сигнальныхъ телефонахъ, б) о телефонѣ Белле, и в) о способахъ канализации электрическаго свѣта. В. Н. Чиволева, Д. П. Езучевскаго о средствахъ пользоваться фотографіей при путешествіяхъ и экскурсіяхъ, П. П. Капустина устройство и употребленіе его лунника, А. И. Кельсіева нѣкоторыя свѣдѣнія о сѣверныхъ сіяніяхъ въ сѣверной части европейской Россіи, В. В. Николаева а) изслѣдованія тонопрохожденія въ воздушныхъ телеграфныхъ проводахъ, и б) новая формула для выраженія теплоемкости насыщеннаго пара, А. Х. Репмана объ изобрѣтенныхъ имъ электрондахъ, назначенныхъ для медицинскихъ цѣлей. М. К. Сидорова о шумѣ и трескѣ при сѣверныхъ сіяніяхъ по ту сторону Урала, П. О. Сиххоненко о нѣкоторыхъ особенныхъ свойствахъ растворенныхъ кремнекислыхъ соединений, К. К. Тизенгаузена о новѣйшихъ системахъ ручнаго скорострѣльнаго оружія, И. М. Хайновскаго значеніе миазмовъ при развитіи болѣзней и пользованіе болѣзней антимиазматическими средствами, Н. Ф. Ягна а) объ отсчитываніи высоты ртутнаго столба на его гидростатическомъ висотомѣрѣ, и б) объ устройствѣ изображеннаго имъ пустотѣлаго поплавка для опредѣленія уровня воды въ паровыхъ котлахъ. Всѣ экспедиціи за 1878 годъ были произведены отъ комитета антропологической выставки на средства, отчасти пожертвованныя, отчасти переданныя заимообразно комитету нѣкоторыми членами его. Командированы были слѣдующія лица: Зографъ, Пельцамъ и Нефедовъ для изученія сѣверо-востока Россіи по отношенію къ его антропологическимъ и до-историческимъ достопримѣчательностямъ; Филимоновъ для изученія въ томъ же отношеніи Крыма; Чернявскій для пополненія результатовъ экспедиціи на Кавказъ; Керцелли и Кельсіевъ для раскопокъ въ Ярославской, Тверской и Костромской губерніяхъ; Милашевичъ въ Орловскую губернію для раскопокъ остатковъ мамонта, Барсовъ для производства раскопокъ въ Олонецкой губерніи, Поповскій и Бернштамъ для раскопокъ въ Херсон-

ской и Екатеринославской губерніяхъ, Богдановъ—на Парижскую всемірную выставку, Севрюгинъ—для осмотра важнѣйшихъ европейскихъ музеевъ и коллекцій Парижской всемірной выставки. Общество выпустило въ свѣтъ въ теченіе 1877—1878 гг. десять томовъ разныхъ своихъ изданій.

Математическое общество. Общество это имѣло въ 1878 году семь засѣданій, на которыхъ дѣлали ученые сообщенія Алексѣевъ, Бредихинъ, Громека, Заловъ, Лѣтниковъ, Слудскій, Соколовъ, Сердобинскій, Петерсонъ по различнымъ отдѣламъ чистой и прикладной математики. Общество приступило къ изданію IX-го тома математическаго Сборника. Средства общества по прежнему состояли изъ правительственной субсидіи въ 500 руб., которая однако далеко недостаточна для удовлетворенія самыхъ настоятельныхъ нуждъ общества.

Юридическое общество. Въ теченіе года избраны были: въ дѣйствительные члены 42 лица, изъ коихъ 10 принадлежатъ къ составу юридическаго факультета, остальные къ судебному и административному вѣдомствамъ; въ члены корреспонденты 2 лица. Въ засѣданіяхъ общества были доложены рефераты: В. П. Даневскимъ о кодификаціи современнаго международнаго права и о сочиненіи Блунчли „Современное международное право“, М. М. Ковалевскимъ а) о совершенныхъ формахъ общиннаго землевладѣнія въ Индіи, и б) англійская поземельная политика въ Индіи, А. М. Евреиновой а) о юго-славянскомъ правѣ, и б) о задружномъ началѣ, В. А. Ульяницкимъ о развитіи конгресса и конференцій, А. Г. Смирновымъ о народныхъ способахъ заключенія браковъ, М. С. Гольденвейзеромъ о новомъ законопроектѣ, объ организаціи адвокатуры, внесенномъ въ Германскій рейхстагъ, графомъ А. С. Комаровскимъ о возраженіяхъ противъ права войны, Н. А. Русановымъ новѣйшія сочиненія объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи, С. П. Матвѣевымъ о торговыхъ несостоятельностяхъ на основаніи данныхъ международной статистики, А. М. Фальковскимъ: а) о сочиненіи Лорана „Принципы гражданскаго права,“ б) сочиненіи Нерсесова и Гордона о представительствѣ въ гражданскомъ правѣ, М. П. Соколовымъ о судебной реформѣ въ Болгаріи, В. А. Лохвицкимъ а) комментарий къ закону о присвоеніи права состоянія, б) о направленіяхъ въ современной юридической литературѣ, и в) объ исполненіи рѣшеній иностранныхъ судовъ; В. Н. Лешковичемъ: за сто лѣтъ пути сообщенія и почты, К. Д. Андиферо-

вымъ обвинительное начало и англійскій уголовный процессъ, И. И. Янжуломъ о табачной монополіи. При юридическомъ обществѣ образованна, подъ предсѣдательствомъ В. Н. Лешкова, коммисія для пересмотра и дополненія существующихъ программъ для собиранія народныхъ обычаевъ. Кромѣ того, общество занималось изданіемъ журнала Юридическій Вѣстникъ, редакторами котораго состояли Лешковъ, Фальковский и Ковалевскій; въ журналѣ этомъ печатались, кромѣ рефератовъ членовъ юридическаго общества, разныя статьи научнаго и практическаго содержанія, а также-библиографическія и критическія замѣтки.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Учебныя заведенія ст. Ладожной (Кубанской обл.)

Станица Ладожская Кубанской области, которую едва-ли можно найти на многихъ географическихъ картахъ, замѣчательна тѣмъ, что въ ней сосредоточено нѣсколько учебныхъ заведеній съ значительнымъ количествомъ учащихся. Главное мѣсто между ними занимаетъ Кубанская учительская семинарія и Ладожскіе женскіе педагогическіе курсы. Несмотря на многія неблагопріятныя условія, при которыхъ эти заведенія возникли и существуютъ въ настоящее время, въ какія нибудь семь лѣтъ они дали краю около 300 хорошо подготовленныхъ учителей и учительницъ. Своими успѣхами они много обязаны Д. Д. Семенову, стоявшему во главѣ Кубанской учительской семинаріи съ первыхъ дней ея существованія. Много труда, много усилій нужно было употребить для того, чтобы поставить эти заведенія на должную высоту; много нужно было умѣнья, чтобы собрать вокругъ себя, на далекой окраинѣ, талантливыхъ помощниковъ, одушевленныхъ высокою идеей приготовленія народныхъ учителей. Только при такомъ условіи можно было вести борьбу съ обстоятельствами, подрывавшими въ обществѣ довѣріе къ заведенію, съ вознями однихъ, которымъ было не по душѣ его преуспѣваніе, съ замыслами другихъ, ставившими личныя симпатіи выше самаго дѣла. Многимъ въ своей дѣятельности на пользу Кубанской области г. Семеновъ обязанъ бывшему попечителю Кавказскаго учебнаго округа Я. М. Невѣрову, оставившему недавно свой постъ. Въ этомъ замѣчательно гуманномъ человѣкѣ Кубанская учительская семинарія находила всегда сильную поддержку

и самое теплое участіе; поэтому его имя на долго сохранится въ сердцахъ всѣхъ воспитателей и воспитанниковъ заведеній ст. Ладожской.

Откладывая до другаго раза разсмотрѣніе учебно-воспитательной части въ названныхъ заведеніяхъ, мы прослѣдимъ за ихъ постепеннымъ возникновеніемъ и вкратцѣ ознакомимъ читателя съ ихъ внѣшней организаціею. Это тѣмъ болѣе будетъ встать, что г. Семеновъ оставилъ въ сентябрѣ ст. Ладожскую и перешелъ въ Горы (Тифлисской губ.), гдѣ занялъ мѣсто директора Закавказской учительской семинаріи.

Кубанская учительская семинарія, въ силу своего устава, Высочайше утвержденнаго 23-го декабря 1869 г., должна была помѣститься въ ст. Старо-Корсунской, но за неимѣніемъ тамъ готоваго помѣщенія она открыта была въ ст. Полтавской 14-го января 1871 года въ зданіи Полтавскаго окружнаго училища, переведеннаго не задолго передъ тѣмъ въ г. Темрюкъ. Помѣщеніе съ промерзавшими насквозь зимою стѣнами, далеко не представляло удобствъ для правильно устроеннаго учебнаго заведенія. Кромѣ того жизнь въ ст. Полтавской, удаленной отъ почтоваго тракта, лишенной совершенно прѣсной воды, окруженной плавнями и болотами, была не совсѣмъ удобна. Учителя семинаріи не могли найти подходящихъ квартиръ; воду приходилось возить за 6 верстъ, а бѣдные учащіеся сильно страдали отъ изнурительныхъ лихорадокъ. Вслѣдствіе такихъ неблагопріятныхъ условій семинарія была переведена въ ст. Ладожскую, занимающую центральное положеніе въ области и лежащую на правомъ высокомъ и песчаномъ берегу р. Кубани. Хотя здѣсь и дуютъ иногда по двѣ недѣли сѣверо-восточные вѣтры, но все-таки климатическія условія болѣе благопріятны. Особенно хороши здѣсь весна и осень; зима же длится не болѣе двухъ мѣсяцевъ, да и то иногда въ половинѣ декабря можно гулять въ однихъ сюртукахъ и безъ калошъ.

Въ ст. Ладожской семинарія нашла довольно просторное зданіе бывшей 1-й бригады и заняла его послѣ необходимыхъ приспособленій. Но оно конечно не могло удовлетворять всѣмъ требованіямъ. Такъ помѣщенія для начальвой школы и дома для садовника не существовало; о больницѣ или лазаретѣ нечего было и думать. Вотъ почему вскорѣ было исходатайствовано около 14,000 р. на постройку новыхъ и ремонтъ старыхъ зданій. Въ теченіе лѣта 1873 г. были произведены всѣ необходимыя работы. Директору была отдѣлана до-

вольно удобная и просторная квартира, вновь были построены помещеніе для образцовой школы, домъ для садовника и обширная баня. Въ саду семинаріи были устроены подъ деревяннымъ навѣсомъ многочисленные и разнообразныя гимнастическіе снаряды. Несмотря однако на значительную затрату, помещеніе самыхъ классовъ все еще было не вполне удовлетворительно. Классныя комнаты были проходными; въ одной и той же комнатѣ до обѣда помѣщался классъ, послѣ обѣда—другой. Нужно было позаботиться или о постройкѣ совершенно отдѣльнаго дома по плану учебнаго заведенія, или о пристройкѣ цѣлаго корпуса съ классными комнатами. Въ 1876 году на такую пристройку изъ войсковыхъ суммъ было отпущено болѣе 8.000 р. Классы теперь размѣщены въ теплыхъ свѣтлыхъ комнатахъ, изъ коихъ каждая имѣетъ въ длину 12 аршинъ, въ ширину 9, въ вышину около 5 аршинъ. Въ такой комнатѣ удобно можно помѣстить отъ 20 до 35 учениковъ. Къ сожалѣнію, не такъ хорошо обставлена образцовая школа; за неимѣніемъ достаточныхъ средствъ зданіе для нея построено на скорую руку, изъ плохаго лѣса; прошло не болѣе пяти лѣтъ, и оно уже оказывается непригоднымъ. Внѣшностью своей оно производитъ непріятное впечатлѣніе: стѣны кривы и низки, крыша несоразмѣрно высока и крута; сѣни тѣсны и грязны; двери поставлены старыя изъ другаго зданія; двойныя рамы не плотно вставляются; вслѣдствіе искривленія стѣнъ, полъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поотсталъ отъ нихъ. Многія станичныя училища, выстроенныя по тому же плану, далеко оставляютъ за собою образцовую школу Кубанской семинаріи, какъ по своей обширности, прочности, такъ и по внѣшней и внутренней опрятности. Необходимо будетъ озаботиться о постройкѣ для образцовой школы новаго и при томъ обширнаго зданія, такъ какъ школа эта, благодаря прекрасному веденію въ ней учебнаго дѣла, привлекаетъ массу учениковъ не только изъ ст. Ладожской, но даже изъ другихъ мѣстъ Кубанской области. Въ самой семинаріи недостаетъ гардеробной, такъ какъ корридоръ, гдѣ помѣщается въ настоящее время верхнее платье воспитанниковъ, чрезъ это очень грязенъ; недостаетъ и рекреационной залы, гдѣ бы воспитанники зимою и въ ненастную погоду могли проводить свободное отъ занятій время. Такая зала должна быть высока, обширна, хорошо вентилирована, снабжена гимнастическими снарядами и простыми свамьями. Еще чувствительнѣе отсутствіе церкви. Г. министръ народнаго просвѣщенія во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ за 1875 годъ говоритъ: „Къ условіямъ, благопріятствовавшимъ правильной

постановкѣ учебнаго и нравственно-воспитательнаго дѣла въ учительскихъ семинаріяхъ, должно отнести существованіе при многихъ семинаріяхъ домашнихъ церквей, въ которыхъ воспитанники, кромѣ пѣнія и чтенія во время богослуженія, совершаютъ общія утреннія и вечернія молитвы въ присутствіи наставниковъ и такимъ образомъ приобретаютъ благочестивый навыкъ не только къ посѣщенію храма, но и къ благоговѣнному стоянію на молитвѣ". Въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ прежде не находилось церквей, приступлено было къ ихъ постройкѣ, при чемъ на каждую ассигновано по 11,750 р. Чѣмъ же объяснить то прискорбное явленіе, что нѣсколько учебныхъ заведеній ст. Ладожской и при томъ заведеній многолюдныхъ не имѣютъ церкви — этой святой и существенно-необходимой принадлежности каждаго благоустроеннаго заведенія и особенно такого спеціальнаго, какъ учительская семинарія, готовящая народныхъ учителей, обязанныхъ распространять нравственно-религіозныя начала въ средѣ сельскаго населенія? Вопросъ о постройкѣ для учебныхъ заведеній ст. Ладожской особой церкви обсуждался въ педагогическомъ совѣтѣ семинаріи и затрогивался въ ея отчетахъ ежегодно. Еще въ 1873 году генераль М. А. Цакки, тогдашній начальникъ Кубанской области, вполне сочувствуя этому дѣлу, обѣщаль ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ объ осуществленіи желаній педагогическаго совѣта, но выходя въ отставку помѣщаль ему исполнить это намѣреніе. Новый наказный атаманъ въ 1874 г. предложилъ педагогическому совѣту семинаріи выработать проектъ, приблизительную смѣту и планъ предполагаемой церкви. Члены совѣта горячо принялись за дѣло; къ сожалѣнію въ войскѣ не оказалось свободныхъ суммъ, — къ тому же, во случаю неурожаевъ, въ хозяйственномъ правленіи было получено очень мало доходовъ.

Въ день открытія семинаріи въ ст. Полтавской находились на лицѣ лишь директоръ, священникъ и одинъ преподаватель наукъ; недоставало врача, одного преподавателя наукъ, учителя пѣнія, учителя начальной школы и садовника. Приемному испытанію подвергалось 55 человѣкъ, изъ которыхъ было принято 36, составившихъ первый классъ. Въ сентябрѣ, когда семинарія перешла въ ст. Ладожскую, число учащихся возросло до 60 и сформировался второй классъ. Начальная школа, существовавшая въ ст. Ладожской до перехода туда семинаріи, была присоединена къ ней подъ именемъ образцовой. Въ школѣ этой съ сентябрю же начались правильныя занятія и учителя второго класса посѣщали по временамъ уроки учителя образцовой

школы, готовясь такимъ образомъ мало по малу къ практическимъ занятіямъ въ 3-мъ классѣ въ слѣдующемъ году.

Вслѣдъ за сформированіемъ 3-го класса семинаріи получила болѣе полную организацію. Такъ образцовая школа раздѣлилась на двѣ: собственно образцовую и практическую или экспериментальную и кромѣ трехъ нормальныхъ классовъ возникли при семинаріи еще два: высшій или специальный и низшій—приготовительный (про-семинарія). Раздѣленіе образцовой школы произошло на томъ основаніи, что она не можетъ удовлетворять своему назначенію, если допустить въ ней къ постоянному преподаванію малоопытныхъ семинаристовъ. Будущіе народные учителя должны видѣть предъ собою образецъ правильно организованной школы; а этого возможно достигнуть лишь тогда, когда кромѣ школы образцовой при семинаріи будетъ существовать еще другая, для практики семинаристовъ.

Педагогическому совѣту Кубанской учительской семинаріи § 31 ея устава предоставлено право оставлять при семинаріи отличившихся въ окончивающихся курсѣ еще на одинъ годъ для болѣе подробнаго изученія какой-нибудь науки съ тѣмъ, чтобы по истеченіи года причислять ихъ къ разряду учителей уѣздныхъ училищъ. Въ 1873 году въ перваго выпуска было оставлено трое и они-то составили новый специальный классъ при Кубанской семинаріи.

Въ 1872 году появился циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія къ попечителямъ учебныхъ округовъ, въ которомъ было выражено, что самымъ лучшимъ контингентомъ учащихся для учительскихъ семинарій должны быть дѣти сельскихъ школъ, ибо въ такомъ случаѣ сельскіе учителя будутъ выходить изъ той же среды, въ которой имъ суждено жить и трудиться; по уставу семинарій въ нихъ могутъ быть принимаемы молодые люди не ранѣе шестнадцати-лѣтняго возраста, но такъ какъ курсъ начальной народной школы оканчивается въ 13—14 лѣтнемъ возрастѣ, то г. министръ предлагалъ, чтобы мальчики, окончившіе курсъ двухклассной народной школы и заявившіе желаніе продолжать образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ, оставались, до достиженія ими 16-ти лѣтняго возраста, при тѣхъ же школахъ для дальнѣйшихъ занятій подъ руководствомъ учителей за особое вознагражденіе и подъ наблюденіемъ инспектора народныхъ училищъ. Принимая въ соображеніе означенный циркуляръ и то обстоятельство, что въ Кубанской области не существовало въ то время мужскихъ двухклассныхъ сельскихъ школъ, педагогическій совѣтъ семинаріи рѣшился организовать особый подготовительный

классъ или просеминарію. Въ такомъ рѣшенію побуждали его еще и особня соображенія, а именно: ученики образцовой школы, окончивающіе курсъ 14-ти лѣтъ, оставались при ней до 16-ти лѣтняго возраста; утромъ помогали учителю, а вечеромъ занимались самостоятельно подъ наблюденіемъ учителя. Не выдержавшіе конкурснаго экзамена въ 1-й классъ обыкновенно оставались въ ст. Ладожской для присканія средствъ подготовки въ семинарію. Какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ учрежденіе пригготовительнаго класса было очень полезно. Имѣя въ виду будущую учительскую дѣятельность воспитанниковъ спеціального класса, совѣтъ вмѣстѣ съ заботой объ ихъ теоретическомъ образованіи, изыскивалъ способы еще болѣе укрѣпить ихъ въ практическомъ отношеніи. Такую практику воспитанники спеціального класса лучше всего могли получить, занимаясь съ учениками просеминаріи. Практикуясь годъ въ образцовой школѣ и годъ въ пригготовительномъ классѣ, они основательно знакомились съ курсомъ уѣздныхъ и двухклассныхъ городскихъ училищъ. Такимъ образомъ, Кубанская семинарія была первою семинаріею въ Россіи съ пригготовительнымъ классомъ. Нынѣ необходимость пригготовительныхъ классовъ совнана почти повсемѣстно.

Преусиѣванію Кубанской учительской семинаріи способствовало въ значительной степени и то обстоятельство, что первоначальный ея штатъ (13,250 руб.), весьма незначительный по сравненію со штатами нѣкоторыхъ другихъ семинарій, былъ въ 1875 году увеличенъ, такъ что, напримѣръ, учителя наукъ стали получать по 1,395 руб., а все содержаніе семинаріи возросло до 17,780 руб. Въ слѣдующемъ же году, съ официальнымъ утвержденіемъ пригготовительнаго класса, учителю котораго опредѣлено 845 руб. содержанія, съ открытіемъ сверхъ 40 существовавшихъ уже стипендій, новыхъ 10 и съ увеличеніемъ размѣра каждой стипендіи со 100 на 120 рублей, штатъ Кубанской семинаріи увеличился на 2,845 руб. и достигъ почтенной цифры 20,625 рублей.

Въ той же Ладожской станицѣ еще до перехода туда учительской семинаріи, подъ веденіемъ бригаднаго командира существовало женское училище на средства Екатеринодарскаго женскаго благотворительнаго общества. Съ упраздненіемъ бригады училище закрылось. Притомъ же трудно было найти хорошо подготовленную учительницу. Между тѣмъ необходимость имѣть женскую школу чувствовалась на каждомъ шагѣ и выражалась неоднократно въ словесныхъ заявленіяхъ общества, которое предложило даже готовое для школы

помѣщеніе. Тогдашній наказный атаманъ отнесся весьма сочувственно къ этому дѣлу и поручилъ устройство женскаго училища директору Кубанской учительской семинаріи. Такимъ образомъ вскорѣ въ ст. Ладожской (1-го марта 1872 г.) послѣдовало открытіе женскаго одно-класснаго училища съ 15-ю ученицами при одной учительницѣ.

Но это еще не все. Потребность въ учителяхъ для станичныхъ школъ была очень велика, а между тѣмъ казаки слишкомъ заняты своею службой; кому же какъ не женщинѣ сподручнѣе занять скромное мѣсто станичной учительницы? Вслѣдствіе того явилась мысль расширить Ладожское женское училище, преобразовавъ его въ двух-классное съ пятилѣтнимъ курсомъ и устроить при немъ женскіе педагогическіе курсы, хотя въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Положеніе и штатъ Ладожскаго женскаго нормальнаго училища съ педагогическими при немъ курсами были утверждены Его Высочествомъ Нахичеванскимъ Кавказскимъ 25-го іюля 1872 года. Въ сентябрѣ того же года курсы и школа были открыты съ 26-ю малолѣтними дѣтьми въ училищѣ и 7-ю взрослыми дѣвками въ курсахъ. Оба эти заведенія содержатся на суммы трехъ вѣдомствъ: 2,400 руб. отпускаетъ Кубанское войско, 250 руб. Екатеринодарское женское благотворительное общество и 300 руб.—общество ст. Ладожской. Средства весьма ограниченны! Было бы трудно на нихъ существовать двумъ учебнымъ заведеніямъ, если бы въ той же станицѣ не было готовой педагогической корпораціи. Это имѣлось въ виду, когда заведеніе открывалось въ видѣ опыта на два года. Но опытъ этотъ длится уже 6 лѣтъ и существованіе курсовъ въ будущемъ подвержено большому сомнѣнію, тѣмъ болѣе что учителя семинаріи за преподаваніе въ курсахъ получаютъ ничтожное вознагражденіе. Такъ учитель исторіи и учитель географіи получаютъ за преподаваніе въ старшемъ классѣ курсовъ по 1 руб. 25 коп. въ мѣсяцъ ¹⁾, а директоръ учительской семинаріи за завѣдываніе двумя женскими учебными заведеніями и за четыре урока педагогики въ курсахъ получаетъ всего 120 руб.

Положеніе курсовъ съ самаго начала ихъ существованія было ненормально. Туда поступали дѣвушки мало подготовленныя и учились онѣ только два года. Что могли онѣ приобрести въ столь короткій

¹⁾ По штату въ старшемъ классѣ курсовъ полагается 1 урокъ въ недѣлю за исторію и географію; а такъ какъ годовой урокъ оплачивается 30-ю рублями, то учитель исторіи и учитель географіи за этотъ урокъ получаютъ по 15 руб. въ годъ или по 1 руб. 25 коп. въ мѣсяцъ.

срокъ? Ничтожное вознагражденіе за трудъ не могло привлекать въ курсы преподавателей. Если они и давали уроки, то ради добраго дѣла и въ надеждѣ на будущее. Всѣхъ недѣльныхъ уроковъ въ первомъ классѣ было назначено 16, а во второмъ—12; между тѣмъ въ учебную программу входили и педагогика, и практическая геометрія и исторія, и географія и проч. Вслѣдствіе этого на каждый предметъ приходилось очень мало уроковъ.

Ходатайство о преобразованіи курсовъ въ женское отдѣленіе Кубанской учительской семинаріи было возбуждено въ 1874 году, на что и испрашивался раскодъ изъ войсковыхъ суммъ въ количествѣ 9,000 руб.

Какъ учебное, такъ и войсковое вѣдомства отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ къ этому проекту и тотчасъ же приняли нѣкоторыя мѣры для осуществленія его, хотя и не вполне. Такъ войско съ 1875 года содержитъ въ курсахъ на свой счетъ 11 стипендіатовъ; при женскомъ училищѣ для усиленія его курса и для практическихъ занятій кандидатовъ устроенъ приготовительный классъ, на жалованье учительницъ котораго отпускается ежегодно 400 руб.

Число учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ ст. Ладожской въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ постепенно увеличивалось, а затѣмъ подвергалось различнымъ колебаніямъ. Въ учительской семинаріи при открытіи ея находилось, какъ уже сказано выше, 69 учениковъ, а въ 1878 году число это возросло до 191, въ женскомъ училищѣ съ педагогическими курсами было въ 1877 году 98 ученицъ; общее число получившихъ педагогическую подготовку въ заведеніяхъ ст. Ладожской простирается до 311; принимали участіе на четырехъ временныхъ учительскихъ сѣздахъ при Кубанской семинаріи 85 человекъ и держали испытаніе на званіе учителей и учительницъ начальныхъ школъ — 39.

По частнымъ и официальнымъ свѣдѣніямъ оказывается, что изъ означеннаго выше числа (311) лишь весьма немногіе отказались впоследствии отъ педагогической дѣятельности. Мѣстомъ этой дѣятельности служатъ не одна только Кубанская область, но также области Терская, губерніи Еваторинославская, Харьковская, Ставропольская, Кутаисская, Бавинская и друг. Нѣкоторые изъ учителей занимаютъ мѣста въ уѣздныхъ училищахъ и въ двухклассныхъ городскихъ, а нѣкоторые изъ учительницъ — въ прогимназіяхъ и въ двухклассныхъ женскихъ училищахъ.

Въ связи съ устройствомъ учебныхъ заведеній въ ст. Ладожской находится возникновеніе въ ней нѣсколькихъ особыхъ учрежденій. Къ таковымъ мы относимъ: войсковую больницу, книжный складъ, столярную мастерскую и метеорологическую станцію.

30-го сентября 1873 года состоялось открытіе въ ст. Ладожской войсковой больницы съ особымъ отдѣленіемъ для учащихся (15 кроватей) на офицерскомъ положеніи.

Отдаленность Ладожской станицы отъ большихъ центровъ Россіи дѣлала крайне затруднительнымъ приобрѣтеніе учебныхъ пособій, руководствъ и вообще книгъ. Войсковые стипендіаты получали книги изъ библиотеки семинарій, стипендіаты же другихъ вѣдомствъ и своекоштные терпѣли большой въ нихъ недостатокъ. Одинъ изъ преподавателей семинаріи выписывалъ частнымъ образомъ книги и продавать ихъ нуждающимся, а въ 1874 году попечителемъ округа ему было разрѣшено на собственные средства открыть при семинаріи складъ книгъ и учебныхъ пособій.

Одновременно съ открытіемъ книжнаго склада тѣмъ же лицомъ была устроена столярная мастерская, въ которой по преимуществу изготовлялась классная мебель и различныя наглядныя пособія, какъ напримѣръ, арифметическіе ящики, модели геометрическихъ тѣлъ, счеты и т. п. Нельзя не замѣтить, что значительную поддержку мастерская встрѣтила въ директорѣ училищъ Кубанской области Н. Ф. Блюдовѣ, который нѣсколько разъ дѣлалъ ей заказы различныхъ наглядныхъ пособій для школъ. Неимѣніе капитала, дороговизна рабочихъ рукъ, затрудненія въ приобрѣтеніи лѣса, невозможность одному лицу, при исполненіи прямыхъ своихъ обязанностей, завѣдывать двумя довольно сложными учрежденіями—вотъ причины, вслѣдствіе которыхъ мастерская не могла просуществовать болѣе трехъ лѣтъ. Но и въ это короткое время она принесла не малую пользу. Что касается книжнаго склада, то и его существованіе не было обезпечено. Выписывать книги приходилось въ кредитъ, а чрезъ это уменьшалась уступка въ цѣнѣ. Вслѣдствіе всего этого завѣдывавшій складомъ рѣшился еще въ прошломъ 1877 г. закрыть его, о чемъ и заявилъ педагогическому совѣту семинаріи.

Въ 1872 году бывшій наказный атаманъ Кубанскаго войска согласился на перенесеніе изъ г. Екатеринодара въ ст. Ладожскую метеорологическаго павильона и находившихся въ немъ инструментовъ, съ тѣмъ, чтобы современемъ при Кубанской учительской семинаріи устроилась метеорологическая станція. На приобрѣтеніе новыхъ инструмен-

товъ генералъ Цакки выдалъ изъ собственныхъ средствъ 150 руб. и въ томъ же году нѣкоторые инструменты были выписаны изъ главной физической обсерваторіи. Остановка была за барометромъ, который надо было налить, а за это дѣло никто не рѣшался вѣстись. При томъ же не находилось и лица, которое аккуратно производило бы метеорологическія наблюденія и составляло бы таблицы. Только въ прошломъ году садоводъ семинаріи Я. П. Страшкевичъ, собогънуя о непроизводительности затраченныхъ на метеорологическіе инструменты денегъ и зная по опыту, какое значеніе для края могутъ имѣть метеорологическія наблюденія, совершаемыя аккуратно и безъ перерывовъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, началъ заниматься ими; занятія его встрѣтили сочувствіе въ директорѣ Тифлисской обсерваторіи А. Ѳ. Моричѣ, который самъ прибылъ въ ст. Ладожскую, провѣрилъ всѣ инструменты и подарилъ семинаріи еще нѣсколько новыхъ. Въ помощь садоводу привлечены были и нѣкоторые воспитанники семинаріи для того, чтобы впоследствии, когда явится возможность устроить въ Кубанской области нѣсколько метеорологическихъ станцій и полуставцій, они могли занять мѣста наблюдателей-метеорологовъ.

Учительская семинарія пользуется сочувствіемъ общества. Сочувствіе это выражается между прочимъ въ томъ, что въ ней имѣютъ своихъ стипендіатовъ общества Терской области, губерній Ставропольской, Еваторинославской и даже Харьковской; между этими молодыми людьми находятся пользующіеся стипендіями имени генераловъ М. Т. Лорисъ-Меликова, М. А. Цакки и тайнаго совѣтника Я. Н. Невѣрова. Сочувствіе общества выражается также во многихъ цѣнныхъ пожертвованіяхъ. Крупнѣйшимъ изъ нихъ былъ участокъ земли въ 300 десятинъ, отведенный учебнымъ заведеніемъ жителями ст. Ладожской въ воспоминаніе посѣщенія станицы 16-го и 17-го сентября 1872 году Его Высочествомъ Намѣстникомъ Кавказскимъ. Въ общественномъ приговорѣ по этому случаю читаемъ слѣдующее: „дабы увѣковѣчить сія достопамятные дни въ сердцахъ нашихъ дѣтей и внуковъ, положили: отвести изъ нашего общаго юрта триста десятинъ земли, доходъ съ которой опредѣлить въ помощь содержанію двухъ училищъ мужскаго и женскаго, въ которыхъ учатся наши дѣти, назвавъ участокъ этотъ училищнымъ участкомъ“.

То же общество отвело для семинаріи подъ садъ и огородъ 4^{1/2} десятины земли за станицей. Нынѣ на этомъ участкѣ вырытъ единственный въ станицѣ колодезь и благодаря труду садовника семина-

рин Я. П. Страшкевича разведенъ обширный фруктовый садъ и виноградникъ, которые года черезъ два могутъ уже принести обильные плоды. Г. Страшкевичъ завелъ также въ саду образцовый пчельникъ, положилъ начало винодѣлю и шелководству. Получая незначительное вознагражденіе онъ вполне предавался своимъ занятіямъ и не скупился иногда на нихъ даже собственными средствами, самъ нанималъ рабочихъ и т. п. Въ настоящее время онъ повиннулъ семинарію або приглашенъ былъ завѣдывать фермой Кубанскаго сельско-хозяйственнаго общества въ г. Екатеринодарѣ.

Къ земельнымъ приобрѣтеніямъ семинаріи слѣдуетъ отнести и пожертвованіе проживающаго въ ст. Ладожской отставнаго генерала Я. Г. Габаева. Сочувствуя успѣхамъ садоводства въ Кубанской области вообще и большому развитію сельско-хозяйственныхъ знаній въ средѣ воспитанниковъ, онъ изъявилъ готовность изъ высочайше дарованнаго ему участка, находящагося на лѣвомъ берегу рѣки Кубани противъ ст. Ладожской, отдѣлить 30 десятинъ земли для устройства образцовой фермы или агрономической станціи.

Цѣннымъ также приобрѣтеніемъ является довольно полный естественно-историческій кабинетъ, уступленный семинаріи Кубанскою войсковою гимназіей. Какъ бы въ дополненіе къ этому кабинету впоследствии, уже на пожертвованныя различными лицами деньги, были прибрѣтены модель глаза и модель уха Озу, а помощникъ директора училищъ Кубанской области г. Черняевскій подарилъ семинаріи очень полный и систематически составленный имъ гербарій преимущественно Кавказской флоры. На деньги, собранныя съ литературно-музыкальнаго вечера, устроеннаго преподавателями и учениками семинаріи, былъ выписанъ изъ главной физической обсерваторіи громаднй, очень хорошо устроенный флюгеръ. Укажемъ здѣсь еще на одинъ цѣнный подарокъ, сдѣланный И. Я. Пясецкимъ: это четыре рельефныя карты, изъ которыхъ Европа помѣщается на 20, Африка на 16, сѣверная Америка на 12, и южная Америка на 12 квадратныхъ аршинахъ. Украшая залу и бібліотеку семинаріи эти карты служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекраснымъ пособіемъ при изученіи физической географіи частей свѣта.

А. Фролковъ.

ЗАМѢТКА КЪ 1-й ОДѢ 1-й КНИГИ ГОРАЦІЯ СТ. 29—36.

Во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ изданіяхъ Горация стихи, о которыхъ я хочу говорить, читаются одинаково; не смотря на то, едва ли найдется комментаторъ, который не счелъ бы нужнымъ сдѣлать оговорку, предупреждая читателя, что здѣсь нѣтъ повторенія одной и той же мысли, и такимъ образомъ принять подъ свою защиту поэта отъ могущихъ быть, или дѣйствительно бывшихъ, нареканій. Такъ Орелли говоритъ: *Ne ter idem dixisse videatur Horatius* (хорошъ же поэтъ, когда можетъ казаться, что онъ трижды повторяетъ одно и то же!), *accurate distinguendae sunt tres sententiae vv. 29. 30. 36 nimirum ita, remotis imaginibus* (29): „*Me vero plus quam omnia delectant studia poetica, quibus dum vaco, summam felicitatem adeptus, inter deos versari mihi videor; (30) ac praesertim, ubi solus loca amoena perambulo, lyrica carmina meditans, plebi longe superiorem me esse sentio. (36) Quodsi tu quoque, qui idoneus es huius facultatis iudex, poetarum lyricorum hoc nomine vere dignorum numero me adscribes, ego Romanae fidicen lyrae, gloriae sempiternae certus ero*“. Нѣужъ дѣлать оговорку только относительно *Dis miscent superis* и *feriam sidera*. Вотъ его слова: „*miscent me s. v. a.* (то-есть, so viel als) *evehunt, ohne deshalb mit feriam sidera zusammenzufallen. Jenes bezeichnet die selige Gemeinschaft mit den Göttern; dieses einen Ruhm und eine Herrlichkeit, die hoch über das Gewöhnliche erhaben, gleichsam bis an den Himmel reichen. Мимоходомъ сказать, странное толкованіе, будто miscent me = evehunt, когда самъ комментаторъ при (palma nobilis) evehit говорить, что nobilis = nobilitans, sofern der Ruhm auf*

den Besitzer fällt, изъ чего видно, что Наукъ считаетъ *evehit* почти—*sidera feriam*. Гораздо вѣрнѣе Митчерлихъ указываетъ на то, что *Dis miscent superis* не то же, что *palma nobilis ...evehit*, какъ, по его словамъ, полагало большинство современныхъ и предшествовавшихъ ему комментаторовъ Горациа. Но при такомъ указаніи онъ, повидному, заботится не столько о томъ, чтобы содѣйствовать болѣе вѣрному пониманію этихъ словъ, сколько о томъ, чтобы оградить Горациа отъ нареканій за повтореніе одной и той же мысли. А въ чему же вся эта защита? Положеніе увѣнчаннаго плющевымъ вѣнкомъ поэта и увѣнчаннаго пальмовою вѣткою составителя на Олимпійскихъ играхъ одинаково; почему же не высказать одну и ту же мысль о томъ и другомъ, только въ другой формѣ? Изъ всего вышесказаннаго видно, что всѣ комментаторы сознаютъ, что что-то въ этомъ мѣстѣ неладно, но въ чемъ именно заключается это что-то, объ этомъ они не имѣютъ яснаго представленія. Что же именно неладно? Неладно то, что при настоящемъ чтеніи этихъ стиховъ не соблюдена постепенность, градація: мысль не только не повышается, но даже понижается, съ чѣмъ соединены другія несообразности, о которыхъ будетъ говорено ниже. Это такого рода поэтическая ошибка, которую допустить у такого поэта, какъ Гораций, никакъ нельзя, особенно если ввать въ соображеніе, что она встрѣчается въ указанномъ мѣстѣ, гдѣ поэтъ восторженно говоритъ о своемъ поэтическомъ призваніи и такихъ же занятіяхъ.

Что дѣйствительно, при настоящемъ чтеніи этихъ стиховъ, не соблюдена градація, въ этомъ не трудно убѣдиться. Очевидно отдѣленіе (выдѣленіе) отъ народа, отъ прочихъ Римлянъ (*populo*), отличіе отъ нихъ и сознаніе своего превосходства надъ ними—мысль гораздо болѣе слабая, чѣмъ присоединеніе къ сонму боговъ, обращеніе въ ихъ средѣ, сознаніе блаженства, испытываемаго въ сообществѣ съ ними. Къ тому же вторая мысль (въ текстѣ первая) заключаетъ въ себѣ *implicite* первую (въ текстѣ вторую), потому что тотъ, кто примыкаетъ къ сонму боговъ, тѣмъ самымъ и отдѣляется отъ людей и превосходитъ даже тѣхъ, которые возвышаются надъ прочими людьми. Потому, при настоящемъ чтеніи, не только нарушена постепенность мыслей, но и вторая мысль заключается, какъ необходимая часть или предположеніе, въ первой; въ такомъ смыслѣ, но только въ такомъ, можно сказать, что она заключаетъ въ себѣ повтореніе предыдущей. Что комментаторы чувствовали и смутно сознавали, что здѣсь должна бы быть градація, видно изъ вышескри-

веденнаго толкованія Орелли (слова *ac praesertim* очевидно указываютъ на такое смутное сознаніе). Поэтому, для соблюденія необходимой градаціи, я предлагаю слѣдующее измѣненіе въ текстѣ, именно вѣсто *Dis miscent superis* поставить *secernunt populo*, и наоборотъ, что вполнѣ допускаетъ размѣръ, то-есть, читать это мѣсто слѣдующимъ образомъ:

- Me doctarum hederæ præmia frontium*
 30. *Secernunt populo, me gelidum nemus*
Nympharumque leves cum Satyris chori
 32. *Dis miscent superis, si neque tibus... etc...*

Только при такомъ распредѣленіи стиховъ, также первая часть этихъ двухъ предложеній, то-есть подлежащая съ дополненіями получаютъ надлежащее значеніе и сохраняется связь этихъ стиховъ съ предыдущими и слѣдующими. Укажемъ сперва на значеніе *gelidum nemus Nympharumque leves cum Satyris chori*. Согласно толкованію комментаторовъ, эти слова должно принимать въ смыслъ занятій поэзіею среди уединенія сельской жизни, среди прекрасной природы, столь благотворно дѣйствующей на поэтическое настроеніе каждаго писателя. Если такъ, а сомнѣваться въ этомъ едва ли возможно, то что же можетъ значить *doctarum hederæ præmia frontium*? Очевидно, это не можетъ значить занятіе поэзіею вообще, какъ толкуютъ комментаторы, потому что эта мысль заключала бы въ себѣ вторую, только что объясненную, относясь къ ней, какъ общее къ видовому. Къ тому же, говоря о занятіяхъ поэзіею вообще, уместнѣе было сказать: лавровые вѣнки, какъ главное украшеніе Аполлона и поэтовъ, а не плющевые. Очевидно упомянутыя слова ничего иного означать не могутъ, какъ занятіе поэзіею среди людской суеты, среди шума города Рима, въ противоположность къ такимъ же занятіямъ среди уединенія сельской жизни. И дѣйствительно, кто же могъ бы награждать Горациа плющевыми вѣнками (*doctarum hederæ frontium*) за его произведенія, какъ не образованные цѣнители и знатоки поэзіи, и гдѣ же жили эти цѣнители, какъ не въ Римѣ? Самое слово *hederæ* не напоминаетъ ли намъ пиршества и попойки, какія происходили главнымъ образомъ въ Римѣ и на которыхъ украшеніе вѣнками было дѣломъ обычнымъ? Если же друзья и покровители поэзіи, лучшіе знатоки ея, награждали Горациа плющевыми вѣнками, то за какія произведенія они могли дать ему такія награды? Очевидно, не за оды, первыя три книги которыхъ онъ впервые посвящаетъ Мecenату; на-

грады могли относиться только къ написаннымъ и изданнымъ имъ раньше произведеніямъ, а такими были лишь его сатиры и нѣкоторые эподы, которыми, какъ извѣстно, Горацій началъ свою литературную дѣятельность. Эти сатиры были не только сочинены имъ въ Римѣ, но самыя сюжетъ ихъ заимствованы главнымъ образомъ изъ римской жизни. Значитъ, подъ вышесказанными словами слѣдуетъ понимать вовсе не занятія поэзіею вообще, а занятія извѣстнымъ родомъ ея, именно главнымъ образомъ сатирами, написанными имъ въ городѣ Римѣ. И эти-то первыя произведенія его, не въ одномъ поэтическомъ смыслѣ, но и въ дѣйствительности отдѣлили его отъ народа (*secessant populo*), то-есть, отъ жителей Рима и вообще Римлянъ, они отпечатали его печатью поэта, они указали ему на истинное его призваніе, которое состояло не въ защитѣ республиканскихъ учрежденій, какъ онъ полагалъ раньше, и вообще не въ томъ, чѣмъ занимались прочіе Римляне, за исключеніемъ нѣкоторыхъ избранныхъ, а только въ занятіи поэзіею. Они отпечатали его печатью поэта, потому что, какъ общезвѣстно, сатиры, при первомъ же появленіи ихъ, обратили на себя вниманіе и заслужили одобреніе не только публики, но и величайшихъ знаточковъ и цѣнителей, Виргилія, Варія, а затѣмъ и сего-Мецената, котораго Горацій безъ сомнѣнія и имѣлъ главнымъ образомъ въ виду, говоря о награжденіи вѣнками. Благодаря снисканному этими произведеніями расположенію послѣдняго, Горацій получилъ отъ Мецената въ даръ Сабинскую виллу, даръ, важный не столько въ матеріальномъ отношеніи, сколько въ духовномъ: среди прекрасной природы и уединенія сельской жизни (*in gelidum nemus* и т. д.) поэтическій талантъ Горація разцвѣлъ въ полномъ цвѣтѣ и принялъ высшій полетъ, плодомъ котораго и были подносимыя имъ Меценату, какъ первому виновнику вдохновенія и разцвѣтанія поэтического гения Горація, три книги одъ. Превосходно и съ необыкновенною силой выражено благотворное вліяніе прекрасной природы на поэтическое настроеніе поэта (согласно предлагаемому мною чтенію): „*Dis miscent superis*“, то-есть подъ вліяніемъ ея Горацій присоединяется къ сонму боговъ, вызванное ею практическое настроеніе возбуждаетъ въ немъ чувство такого блаженства, какое можно испытать только въ сообществѣ съ богами. Чтобы покончить здѣсь съ нитью мыслей поэта, укажемъ на связь ихъ съ послѣдующими. Правда, вліяніе прекрасной природы и уединенія сельской жизни такъ вдохновляютъ меня,—вотъ нить мыслей Горація,—что я чувствую себя какъ бы въ сообществѣ съ богами; но это не всегда, а только (согласно

возврънѣнію древнихъ на Музѣ) въ тѣ счастливыя минуты жизни, когда в Музы, въ частности Музы лирической поэзіи и гимновѣ, вдохновляютъ меня; когда онѣ не отказываютъ мнѣ въ благосклонномъ содѣяствіи (*si neque tibiас Euterpe cohibet nec Polyhymnia Lesboum refugit tendere barbiton*). Но одно высоко-поэтическое настроеніе не даетъ еще мнѣ ручательство въ томѣ, что мои лирическія произведенія отмѣчены печатью гениа, что я великій лирическій писатель: можно быть въ душѣ поэтомѣ, и все-таки не создавать великихъ поэтическихъ произведеній. Потому если публика и лучшіе современные мнѣ поэты, а также ты, Меценатъ, уже признали меня талантливымъ сатирическимъ писателемъ и наградили меня за мои сатирическія произведенія плющевыми вѣнками, то теперь при поднесеніи тебѣ новаго опыта, первыхъ моихъ лирическихъ пѣснопѣній, плода моего вдохновенія среди уединенія и прелестей подаренной тобою Сабинской виллы, я надѣюсь, что и эти оды также заслужатъ твое одобреніе и что, на основаніи ихъ, ты причислишь меня къ лучшимъ лирическимъ поэтамъ (*lyricis vatibus inseres*). Если моя надежда сбудется, то я не нуждаюсь въ одобреніи прочихъ людей: я увѣренъ, что приобрѣту славу, которая превыше всего на свѣтѣ и которая вознесетъ меня до самыхъ небесъ (*sublimi feriam sidera vertice*).

Изъ только что сказаннаго видно, что, при предлагаемомъ мною чтеніи, также лучше соблюдается связь съ послѣдующимъ: переходъ отъ сознанія высочайшаго вдохновенія, выраженіемъ котораго служатъ подносимыя Горациемъ оды, къ надеждѣ, что онѣ заслужатъ полное одобреніе Мецената, которое доставитъ ему безсмертную, возносящую его до небесъ славу, совершенно естественный и непринужденный. Такая строгая связь сохраняется и при переходѣ отъ предыдущихъ стиховъ къ разсматриваемому мѣсту, то есть отъ стремленій и занятій прочихъ жителей Рима и вообще Римлянъ (*populus*), лучшіе представители которыхъ заботятся о приобрѣтеніи военной и гражданской славы, къ поэтическому призванію Горациа.

Говоритъ ли еще о томѣ, что, при предлагаемомъ мною чтеніи, градація соблюдена не только во второй части обонхъ разсматриваемыхъ предложеній, но и въ первой? Очевидно, что городская жизнь, и особенно жизнь въ такомъ городѣ, какимъ былъ тогда Римъ, не могла такъ вдохновить поэта, какъ уединенная сельская жизнь среди прекрасной природы, и самый родъ поэзіи, которымъ занимался Гораций въ Римѣ (сатиры), не могъ возбудить въ немъ такого вдохновенія, какъ лирическія произведенія; не говорю уже о томѣ, что са-

тиры (1-я кн.), какъ первые опыты его поэтическаго таланта, не отличались такою зрѣлостью, какъ его оды.

Мнѣ остается еще доказать, что слова *Dis miscent* неумѣстны при *hederae* и т. д., какъ *secegnunt populo* при *gelidum nemus* и т. д. Что они совершенно умѣстны при предлагаемой мною перестановкѣ, это послѣ всего сказаннаго, кажется, ясно до очевидности. Начну съ послѣднихъ словъ. *Populus* при *gelidum nemus* не могло обозначать никого другаго, какъ сельскихъ жителей. Но какимъ же образомъ можно этихъ послѣднихъ называть *populus*? Правда, комментаторы объясняютъ это слово въ данномъ случаѣ = *vulgus*; но 1) *populus* никогда не имѣетъ такого значенія и 2) даже въ такомъ значеніи это слово было бы неумѣстнымъ, потому что кто же назоветъ сельскихъ жителей *vulgus*? Также неумѣстно было бы выдѣленіе себя (*secegnunt*) отъ сельскихъ жителей и это тѣмъ болѣе, что и сельскіе жители наслаждаются природою и не относятся безучастно къ ней. Къ тому же *gelidum nemus* etc. заключаетъ въ себѣ указаніе на уединеніе отъ людей, каковое понятіе не заключается въ *secegnunt*. При *hederae* же глаголь *secegnunt* тѣмъ болѣе умѣстенъ, что плющевыя вѣтки служатъ какъ бы внѣшнимъ знакомъ, по которому на первый взглядъ можно усмотрѣть (*cerni potest*) отличіе Горациа, какъ поэта, отъ прочихъ Римлянъ. Что *Dis miscent* неумѣстны при *hederae* и т. д. ясно уже изъ предыдущаго; прибавлю только, что сатира, по своему преимущественно дидактическому характеру, не можетъ вдохновлять поэта въ такой мѣрѣ, чтобы онъ чувствовалъ себя какъ бы въ сонмѣ боговъ.

Послѣ всего вышеизложеннаго кажется несомнѣннымъ, что изъ подъ пера Горациа не могли выйти разсмотрѣнные мною стихи въ такой разстановкѣ, каковая до сихъ поръ была всѣми принимаема; предположить, что Гораций могъ сдѣлать подобную ошибку, значить нисколько не понимать характера его поэзіи вообще, и его лирической въ частности, и хотя, по мѣткому выраженію Квинтиліана, Гораций *verbis audax*, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ *felicissime audax*. Вопросъ заключается теперь въ томъ, какимъ образомъ могла произойти такая перестановка?

Побужденіемъ къ ней могло быть, судя по аналогіи съ старыми и современными комментаторами, невѣрное пониманіе 29 ст., а именно будто въ немъ говорится о поэтическихъ занятіяхъ Горациа вообще, въ какомъ случаѣ болѣе умѣстно теперешнее чтеніе, при которомъ *Dis miscent*, заключая въ себѣ болѣе общее и болѣе важное понятіе, лучше соотвѣт-

ствуешь болѣе общему и важному понятію литературныхъ занятій Горациа вообще. Къ самому же пониманію 29 ст. въ сказанномъ смыслѣ могло подать поводъ то обстоятельство, что въ предыдущихъ стихахъ Гораций говоритъ о стремленіяхъ и занятіяхъ прочихъ Римлянъ въ самыхъ общихъ чертахъ, что по самой сущности дѣла и не могло быть иначе; естественно было думать, что въ первой строкѣ затѣмъ онъ, противопоставляя себя имъ, какъ поэтъ, тоже говоритъ о своихъ поэтическихъ занятіяхъ вообще. При этомъ только упущено изъ виду, что вовсе не въ характерѣ такого реалистическаго поэта, какъ Гораций, говорить объ опредѣленной личности, а тѣмъ болѣе о себѣ, въ такихъ общихъ, лишенныхъ опредѣленной реальной подкладки выраженіяхъ; забыли также, что при поднесеніи оды, при посвященіи ихъ Мecenату, онъ не могъ упустить изъ виду послѣдняго, а долженъ былъ связанное о себѣ привести въ связь съ тѣмъ, чьей искренней дружбѣ, высоко образованному уму и тонкому поэтическому чувству онъ такъ много былъ обязанъ даже въ смыслѣ развитія своего поэтическаго таланта.

Къ такимъ ложнымъ заключеніямъ и, можно сказать, грубому непониманію поэтическаго таланта Горациа приводила эта перестановка, тому примѣромъ можетъ служить вполнѣ основательное и необходимо вытекающее изъ настоящаго чтенія замѣчаніе Нѣука. Вотъ что говоритъ онъ: „Wenn die beiden ersten und die beiden letzten Zeilen fehlten, so hätten wir statt der Widmung ein Vorwort: und ein Vorwort das nichts (будто!—а диссонансъ подъ конецъ въ несоблюденіи градаціи, правда, незамѣченный Нѣукомъ?) zu wünschen übrig liesse, während man sich jetzt wundern kann, dass in dem Gedichte selbst nicht die mindeste Beziehung auf den Angeredeten genommen wird. Sollten die vier Dedicationszeilen, welche auch hinsichtlich des Metrums isolirt stehen, vielleicht nachträglich (нечего сказать—хорошій же поэтъ Горациа!)—bei der Übersendung—hinzugefügt sein“? Пусть успокоится остроумный критикъ: при предлагаемомъ мною, единственно возможномъ у такого поэта, какъ Гораций, чтеніи отношеніе къ Мecenату совершенно ясно указывается съ самаго того мѣста, съ котораго оно только возможно, то-есть когда Гораций начинаетъ говорить о себѣ, и проводится чрезъ все послѣдующее до конца. И съ какою необыкновенною тонкостью, съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ указано на эти отношенія. И вотъ, благодаря неискусной перестановкѣ нѣсколькихъ словъ такого поэта, какъ Гораций, да еще въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ его поэтическій талантъ проявляется съ не-

обыкновенною силой, приравливать къ тѣмъ жалкимъ римоплетамъ, у которыхъ можно сокращать и удлинять произведенія, смотря по надобности!

Если Наукъ, на основаніи прежняго текста, сдѣлать предположеніе совершенно несоотвѣтствующее характеру Горациа вообще и поэзіи его въ частности, то я склоненъ сдѣлать совершенно противоположное и, надѣюсь, болѣе правильное предположеніе. Очень вѣроятно, что Гораций только при второй редакціи ослабилъ указаніе на отношеніе, въ которомъ высказанная въ 29 ст. мысль находится къ Меценату: подъ вліяніемъ тѣхъ близкихъ и въ высшей степени дружественныхъ отношеній, въ которыхъ находился Гораций въ послѣднемъ, онъ, глубоко проникнутый сознаніемъ, сколь много онъ обязанъ своему другу и покровителю не только въ матеріальномъ, но и духовномъ отношеніи, вѣроятно при первой редакціи сдѣлалъ невзначайный историческій промахъ, приписавъ Меценату болѣе значительную роль въ награжденіи плющевыми вѣнками, чѣмъ то было согласно съ дѣйствительностью.

А. Мещъ.

НѢЧТО ОБЪ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЯХЪ ПО ДРЕВНИМЪ ЯЗЫКАМЪ.

τῆς ἀρετῆς ἰδρύεται θεοὶ προπάροισιν
ἔδωκαν ἀδάνατοι.

Въ нашей учебной литературѣ со введенія гимназической реформы стали появляться среди полезныхъ книгъ и такія пособія по древнимъ языкамъ, которыми, по вѣдѣнію или невѣдѣнію ихъ авторовъ, подрываются основы, на которыхъ зиждется гимназическое образованіе,—пособія, предлагающія ученикамъ то, что должно быть результатомъ ихъ собственныхъ усидчивыхъ трудовъ. Къ такого рода изданіямъ, между прочимъ, мы причисляемъ слѣдующія: 1) Новый упрощенный словарь къ гѣснѣямъ Гомера по порядку стиховъ—Вергеаупта; 2) его же переводъ гѣсней Гомера; 3) Соснецкаго—рѣчи Цицерона противъ Катилины, два текста: подлинный и по упрощенной конструкціи, съ примѣчаніями и словаремъ, и 4) его же I, II и III книги Энеиды Виргилія, два текста: „подлинный и по упрощенной конструкціи, съ примѣчаніями, объясненіемъ болѣе трудныхъ мѣстъ и словаремъ для употребленія въ гимназіяхъ“.

Всѣ эти изданія мы считаемъ не выдерживающими критики и не стоило бы, конечно, о нихъ говорить, еслибы, къ несчастію, не завлечены были ими книжные магазины столичныхъ и провинціальныхъ городовъ, откуда они проникаютъ въ домашнія бібліотеки учениковъ гимназій. Вотъ почему мы рѣшились печатно высказать наше мнѣніе объ этихъ произведеніяхъ учебной литературы, причѣмъ не намѣрены вдаваться въ подробную ихъ критику, а укажемъ только на

общій ихъ характеръ и на тотъ вредъ, какой они могутъ принести учебному дѣлу.

Начнемъ съ „пособія къ чтенію и изученію Гомера“, составленнаго г. Вернгауптомъ. Пособіе это состоитъ изъ словаря, составленнаго по порядку стиховъ, и изъ русскаго перевода. Къ словарю прибавлены примѣчанія, для ознакомленія съ которыми приведемъ нѣсколько примѣровъ. Стран. 4 стихъ 3: „πολλοῖσι; гом. форма дат. множ. II. склон. вм. πολλοῖς, ἔτησιν гом. форма дат. множ. I. склон. вм. ἔταις; 4) ᾧ ἐνὶ οἴκῳ=ἐν ᾧ οἴκῳ въ своемъ домѣ. 5) Ἀχίλλῆος (=Ἀχιλλέως) οἰεῖ (=οἰεῖ, οἰῶ), т. е. Неоптолемъ.—περτεν прош. несов. безъ приращенія=ἔπερτεν“ и такъ далѣе до конца.—Спрашивается, зачѣмъ печатать словарь по порядку стиховъ? Развѣ недостаточно алфавитнаго словаря, какой находится въ изданіи Кремера? Положимъ, что полезно заставлять учениковъ выписывать слова по порядку стиховъ въ ихъ тетради съ тою цѣлью, чтобы, съ одной стороны, они имѣли возможность тверже запоминать вокабулы, съ другой, всматриваться лучше въ ихъ правописаніе. Но зачѣмъ печатать подобнаго рода словари? Не зачѣмъ ли, чтобы прямо помѣшать достиженію упомянутой цѣли? Или же г. Вернгауптъ принялся за составленіе печатныхъ тетрадей для гимназистовъ съ вокабулами по порядку стиховъ и съ указаніями на гомерическія формы, въ родѣ тѣхъ, которыя приведены выше, въ томъ убѣжденіи, что для учениковъ V и VI классовъ такая работа слишкомъ обременительна? Вотъ до чего доходитъ излишняя заботливость объ облегченіи милымъ дѣтямъ труда, что даже такой бездѣлицы, какъ выборъ словъ по порядку стиховъ и сличеніе гомерическихъ формъ съ аттическими на основаніи извѣстныхъ ученикамъ парадигмовъ, не хотятъ предоставить самостоятельному труду юношей 15—17 лѣтъ! Вотъ, тебѣ готовая книженка, зубри себѣ на здоровье, а преподавателямъ древнихъ языковъ на радость! Но какъ ни безцѣльны подобнаго рода словари съ примѣчаніями, все таки они не причиняютъ такого ущерба учебному дѣлу, какъ полстрочные переводы читаемыхъ въ гимназіяхъ авторовъ, составляемые въ добавокъ на скорую руку. Вернгауптъ и въ этомъ отношеніи не лишилъ гимназистовъ своей заботы о нихъ, снабдивъ ихъ подстрочнымъ переводомъ шести рапсодій Одиссеи, и какимъ переводомъ! Я не считаю здѣсь своею задачей разбирать весь этотъ переводъ, для чего потребовалось бы исписать цѣлыя десятки листовъ бумаги, а полагаю, что достаточно будетъ привести на удачу нѣсколько строкъ чтобы познакомить читателя съ достоинствомъ его. Для сличенія при-

ведемъ сперва подлинныя слова поэта, напริมѣръ, изъ VI рapsодіи, стихъ 13—23:

τοῦ μὲν ἔβη πρὸς δῶμα θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη,
 νόστον Ὀδυσσῆι μεγαλήτορι μητιόωσα.
 βῆ δ' ἴμεν ἐς θάλαμον πολυδαίδαλον, φ' ἔνι κούρῃ
 κοιμᾶτ' ἀθανάτῃσι φωνὴν καὶ εἶδος ὁμοίη,
 Ναυσικαὰ θυγάτηρ μεγαλήτορος Ἀλκινόοιο,
 παρ δὲ δὴ ἀμφίπολοι, χαρίτων ἄπο κάλλος ἔχουσαι,
 σταθμοῖν ἑκάτερθε· θύραι δ' ἐπέχειντο φασίηαι.
 ἣ δ' ἀνέμου ὡς πνοῆ ἑπέσσυτο δέμνια κούρης,
 στῆ δ' ἄρ' ὑπὲρ κεφαλῆς, καὶ μιν πρὸς μῦθον ἔειπεν,
 εἰδομένη κούρῃ ναυσικλειτοῖο Δύμαντος,
 ἣ οἱ ὀμηλικὴ μὲν ἔην, κευχάριστο δὲ θυμῷ.

Въ этихъ стихахъ Гомера художественно описанъ моментъ, когда богиня Аѳина направляется къ дворцу царя Феакянъ, Алкиноя, и затѣмъ является въ спальнѣ его дочери. Всѣ мельчайшія подробности разказаны со строгою послѣдовательностью. Сперва, по словамъ поэта, Аѳина идетъ къ дому Алкиноя (ἔβη πρὸς δῶμα), затѣмъ она направляется въ спальню дочери его (βῆ δ' ἴμεν ἐς θάλαμον), при чемъ нѣсколькими штрихами нарисована внутренность спальни: „спальня— изящно отдѣланная, въ ней почиваетъ богоподобная дочь Алкиноя, при ней (παρ) сторожатъ двѣ служанки, получившія красоту отъ Харитъ; онѣ стоятъ по обѣимъ сторонамъ косяковъ; сіяющія блескомъ двери занерты (ἐπέχειντο), и вотъ при запертыхъ дверяхъ Аѳина проносится, какъ вѣтерокъ, къ ложу дѣвицы, становится у изголовья и, принявъ видъ дочери славнаго мореходца Диманта, ея ровесницы и любимой подруги, говоритъ“. Такой, очевидно, смыслъ приведенныхъ выше стиховъ поэта. Полюбопытствуемъ теперь, какъ перевести это мѣсто г. Веркгауптъ. „Къ дому его (Алкиноя)“, говоритъ переводчикъ, „пошла свѣтлокая богиня Аѳина, заботясь о возвратѣ великодушнаго Одиссея. Быстро (?) вступила она въ художественную спальню, въ которой почивала дѣвица, станомъ и видомъ подобная безсмертнымъ, Навзикая, дочь великодушнаго Алкиноя, и подлѣ нея двѣ служанки, получившія красоту отъ Харитъ, съ обѣихъ сторонъ дверныхъ косяковъ, и свѣтлыя двери находились тамъ. Аѳина свѣшила, какъ дуновеніе вѣтра, къ ложу дѣвицы, стала потомъ надъ ея головою и обратила къ ней слово, принявъ образъ дочери знаменитаго мореходца Диманта, которая была ея ровесница и

возлюблена ея сердцежъ". Какая же, спрашивается, выходитъ картина, по словамъ переводчика? Аэина, пришедши къ дому Алкиноа, быстро входитъ (βῆ δ'ἔρευ?) въ спальню, въ которой почиваетъ Навзикая, а подлѣ нея стоятъ двѣ служанки съ обѣихъ сторонъ косяковъ. Значить, ложе Навзикая стояло тутъ же у дверей, иначе трудно себѣ представить, какимъ это образомъ двѣ служанки могли стоять подлѣ Навзикая и вмѣстѣ съ тѣмъ по обѣимъ сторонамъ косяковъ. Но пусть такъ, что же далѣе? Далѣе говорить переводчикъ, что „свѣтлыя двери“ гдѣ-то „находились тамъ“. *Risum teneatis amici!* „Аэина спѣшила къ ложу дѣвицы, стала потомъ надъ ея головою и обратила къ ней слово“. При этихъ словахъ переводчика невольно подумаешь, что отъ дверей къ ложу дѣвицы была по крайней мѣрѣ дѣлая верста разстоянія, тогда какъ выше сказано было, что служанки стояли по обѣимъ сторонамъ дверныхъ косяковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подлѣ ложа Навзикая. Слѣдовательно, коль скоро Аэина, по словамъ переводчика, вошла въ спальню, она тотчасъ же должна была очутиться у ложа Навзикая. Зачѣмъ же еще говорить, что „она спѣшила“, а „потомъ стала“? Не сумбуръ ли все это? А вѣдь таковъ смыслъ или, лучше сказать, бессмыслица перевода. Въ подлинникѣ, какъ мы видѣли выше и какъ всякій сколько-нибудь знающій языкъ Гомера можетъ заключить изъ приведенныхъ нами стиховъ, изображена картина другая. Переводчикъ искажилъ смыслъ означенныхъ стиховъ. У него выходитъ не картина, а какой-то хаотическій наборъ словъ. Повторяю, что я избралъ это мѣсто на удачу; но есть много другихъ мѣстъ, которыя, пожалуй, и похуже нами разобраннаго. Прибавимъ къ этому такого рода выраженія, каковы, на примѣръ, слѣдующія: стр. 106: „объяви мнѣ по правдѣ“— „прижался къ тебѣ съ рѣчью“— „имѣющій прискорбіе въ душѣ“—; стр. 121: „художественная спальня“— „силою превышали“— „обратила къ ней слово“— „одежды твои лежатъ оставлены безъ вниманія“— „побуди отца до разсвѣта приготовить муловъ“— и т. п. солецизмы и варваризмы, которыми испещренъ весь переводъ отъ первой страницы до послѣдней,— и читатель можетъ себѣ составить ясное понятіе о достоинствѣ перевода г. Верггаупта. И такою-то кашей угощаютъ наше юное поколѣніе, предлагая ему какъ пособіе къ чтенію и изученію Гомера! Вмѣсто того, чтобы совершать высокохудожественныя картины подлинника, которыя Гораций справедливо называетъ „*spectiosa miracula*“, ученикъ зубритъ плохой переводъ, не только искажающій смыслъ подлинника, но чуть ли не въ каждой

строгѣ погрѣшающій относительно чистоты и правильности русскаго языка. Иной ученикъ VI класса гораздо лучше перевелъ бы самъ, но его самодѣтельность сковываетъ страхъ передъ печатнымъ словомъ, итѣющимъ, какъ извѣстно, большое обаяніе на молодые умы, большее иногда, къ сожалѣнію, чѣмъ слова учителя въ классѣ. Мнѣ самому приходилось испытать это въ моей практикѣ. Ученикъ, которому я дѣлалъ замѣчанія по поводу неправильно переведеннаго того или другаго выраженія и заставлялъ лучше вникнуть въ смыслъ подлинныя, относился къ моимъ замѣчаніямъ съ недоувѣріемъ, ссылаясь на печатный переводъ. Если, сверхъ всего этого, принять еще въ соображеніе и тотъ прискорбный фактъ, что внимательность учениковъ, итѣющихъ подъ рукою подстрочные переводы съ готовыми вокабулами по порядку стиховъ и элементарными грамматическими объясненіями, неизбѣжно должна глхнуть, такъ какъ ученики, полагаясь на свое пособіе и разсчитывая найти въ немъ все нужное, не слѣдятъ за тѣмъ, что происходитъ въ классѣ, то мы вполне вѣрно оцѣнимъ вредъ, какой приносятъ учебному дѣлу пособія, подобныя сейчасъ разсмотрѣнному.

Обратимся теперь къ изданіямъ г. Соснецкаго и посмотримъ, что это за плоды досуга почтеннаго автора. Изданія эти заключаютъ въ себѣ два текста, подлинный и по „упрощенной конструціи“, съ краткими примѣчаніями и со словарями въ алфавитномъ порядкѣ. Авторъ для ващаго внушенія юной публикѣ интереса къ заглавію своихъ книгъ не забылъ прибавить: „по лучшимъ иностраннымъ образцамъ“, зная, конечно, какъ наше молодое поколѣніе цѣнитъ всякій заграничный товаръ, какъ бы онъ плохъ ни былъ. Мы не имѣемъ подъ рукою этихъ заграничныхъ образцовъ и не можемъ съ ними сравнить „*fac simile*“, а потому будемъ имѣть въ виду въ дальнѣйшихъ нашихъ замѣчаніяхъ только эти послѣдніе, тѣмъ не менѣе позволимъ себѣ сказать мимоходомъ, что означенные образцы, по всей вѣроятности, стоять своихъ подражаній.

Чтобы избавить читателя отъ необходимости справляться съ самими изданіями г. Соснецкаго для повѣрки нашихъ сужденій, мы приведемъ здѣсь небольшіе отрывки изъ нихъ, полагая, что этого будетъ достаточно, чтобы убѣдиться въ непригодности предлагаемыхъ авторомъ пособій „для употребленія въ гимназіяхъ“. Итакъ разсмотримъ прежде всего хоть бы, на примѣръ, слѣдующій отрывокъ изъ I-й рѣчи Цицерона противъ Катилины:

ПОДЛИННЫЙ ТЕКСТЪ.

Quousque tandem abutere, Catilina, patientia nostra? Quamdiu etiam furor iste tuus nos eludet? Quem ad finem sese effrenata jactabit audacia? Nihilne te nocturnum praesidium Palatii, nihil urbis vigiliae, nihil timor populi, nihil concursus bonorum omnium, nihil hic munitissimus habendi senatus locus, nihil horum ora vultusque moverunt? Patere tua consilia non sentis? Constrictam jam omnium horum conscientia teneri conjurationem non vides? Quid proxima, quid superiore nocte egeris, ubi fueris, quos convocaveris, quid consilii ceperis, quem nostrum ignorare arbitraris?

ТЕКСТЪ ПО УПРОЩ. КОНСТРУКЦІИ.

Quousque tandem Catilina, abutere (ris) nostra patientia? Quamdiu etiam iste furor tuus eludet nos? Ad quem finem audacia effrenata jactabit sese? Nihilne praesidium nocturnum Palatii, nihil vigiliae urbis, nihil timor populi, nihil concursus omnium bonorum, nihil hic locus munitissimus senatus habendi, nihil ora vultusque horum moverunt te? Non sentis tua consilia patere? Non vides tuam conjurationem teneri jam constrictam conscientia omnium horum? Quem nostrum arbitraris ignorare, quid egeris nocte proxima, quid superiore, ubi fueris, quos convocaveris, quid consilii ceperis?

Что же мы видимъ въ „текстѣ по упрощенной конструкціи“? Тѣ же слова и конструкціи, что и въ подлинникѣ, только въ другомъ порядкѣ. Спрашивается, какими соображеніями руководился авторъ, измѣняя порядокъ словъ подлинника? Можетъ быть, онъ желалъ показать юнымъ читателямъ рѣчей одного изъ величайшихъ ораторовъ древности различіе между риторическимъ размѣщеніемъ словъ и обыкновеннымъ, такъ называемымъ логическимъ, чтобы такимъ образомъ выставить на видъ блѣдность рѣчи при обыкновенной разстановкѣ словъ, въ сравненіи съ блескомъ риторическаго построенія ихъ? Но такому предположенію противорѣчатъ многочисленныя мѣста въ измѣненномъ текстѣ, не представляющія вовсе обыкновеннаго логическаго порядка, соответствующаго духу латинскаго языка. По правиламъ латинской грамматики, напримѣръ, слова при обыкновенномъ спокойномъ тонѣ рѣчи должно бы размѣстить слѣдующимъ образомъ: „nostra patientia abutere—nos eludet sese iactabit—nocturnum Palatii praesidium“ или: „praesidium Palatii nocturnum—hic munitissimus senatus habendi locus“ или: „hic locus senatus habendi munitissimus—horum ora vultusque te nihil moverunt?—Non (nonne) vides conjurationem tuam conscientia omnium horum constrictam teneri? Ср. грам.

Мейеринга 1006, 1010—1012 §§; Цумита 786 и слѣдующіе §§. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что точныхъ правилъ относительно размѣщенія какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и цѣлыхъ предложеній въ латинскомъ языкѣ нѣтъ, да и быть не можетъ, такъ какъ разстановка частей рѣчи зависитъ во многихъ случаяхъ отъ того болѣе или менѣе возбужденнаго состоянія, въ которомъ находится говорящій или пишущій, а также отъ того, на что онъ желаетъ обратить особенное вниманіе своихъ слушателей или читателей. Поэтому-то въ разныхъ родахъ прозаическихъ литературныхъ произведеній, не говоря уже о поэтическихъ, бываетъ различное размѣщеніе словъ и предложеній. Въ одномъ преобладаетъ обыкновенное, логическое, въ другомъ риторическое, и это составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ того или другаго слога. Порядокъ словъ въ рѣчахъ Цицерона именно такой, какой болѣе всего соотвѣтствовалъ душевному настроенію оратора въ минуту, когда онъ произносилъ или писалъ рѣчь, а также болѣе всего гармонируетъ съ духомъ и смысломъ каждой изъ его рѣчей. Въ такомъ видѣ гимназисты и должны читать и созерцать рѣчи Цицерона, если мы не желаемъ лишить эти художественныя произведенія великаго оратора ихъ прелести, а учениковъ истиннаго эстетическаго наслажденія при чтеніи ихъ. Но г. Соснецкій, какъ педагогъ, разсудилъ иначе. Онъ говоритъ въ предисловіи къ своему изданію, что „желая быть полезнымъ молодому поколѣнію, онъ рѣшился издать рѣчи Цицерона противъ Катилины, помѣстивъ рядомъ съ подлиннымъ текстомъ текстъ по упрощенной конструкціи. Это сдѣлаю имъ на томъ“, молъ, „основаніи, что трудность при переводѣ съ древнихъ языковъ заключается главнымъ образомъ въ тѣхъ особенныхъ синтаксическихъ оборотахъ, которые не подчиняются правиламъ новѣйшихъ языковъ“. Изъ этихъ словъ автора читатель непременно долженъ заключить, что въ предлагаемомъ авторомъ упрощенномъ текстѣ онъ измѣнилъ не порядокъ словъ, а синтаксическій складъ рѣчи, замѣнивъ особенные и не подчиняющіеся правиламъ новѣйшихъ языковъ синтаксическіе обороты латинской рѣчи болѣе простыми и болѣе легкими для пониманія учениковъ V-го класса. Но мы видѣли изъ приведеннаго отрывка I-й главы, что обѣщанное авторомъ упрощеніе конструкціи не что иное, какъ простая перестановка словъ, сдѣланная вдобавокъ, какъ нами указано выше, не по правиламъ латинской грамматики, а, какъ можно догадываться, согласно съ русскимъ переводомъ, составленнымъ въ умѣ самимъ авторомъ. И что же выходитъ? Ученики, прочитавъ въ заглавіи слова:

„текстъ по упрощенной конструкціи“, и не заглядываютъ въ подлинный текстъ, избѣгая его какъ чего-то для себя непреодолимаго, представляющаго, по словамъ автора, „большія трудности при переводѣ на русскій языкъ“, и обращаются прямо къ упрощенному будто бы тексту, надѣясь найти въ немъ ключъ къ раскрытію мыслей автора и чая чуть-ли не избавленія отъ собственной домашней работы, то-есть отъ логическаго и грамматическаго разбора заданнаго отрывка, безъ чего никакой переводъ невозможенъ. Конечно, общаго авторомъ облегченія ученики не находятъ, потому что произвольное измѣненіе порядка словъ не есть упрощеніе конструкціи и не облегчаетъ ученикамъ домашней подготовки ихъ въ разборѣ назначенной на урокъ главы, а между тѣмъ ученики отыкаются этимъ злосчастнымъ текстомъ отъ созерцанія истинныхъ красотъ подлинника. Сличать же оба текста между собою у большинства учениковъ, если не у всѣхъ, нѣтъ ни времени, ни охоты. По крайней мѣрѣ, какъ мнѣ извѣстно изъ собственной практики и изъ практики другихъ преподавателей, прочтеніе подлинника ученики откладываютъ до вызова ихъ учителемъ къ отвѣту. Мало того, авторъ своимъ текстомъ „по упрощенной конструкціи“ не только не пособляетъ ученикамъ въ ихъ домашней пригтовительной работѣ, но напротивъ, спутываетъ ихъ, заставляя ихъ пригонять свой переводъ къ сдѣланному имъ произвольно въ своемъ текстѣ порядку словъ, который ученики, изъ уваженія къ печатному слову, считаютъ единственно возможнымъ для перевода на русскій языкъ, тогда какъ слова подлинника могутъ быть переведены и другими оборотами русской рѣчи кромѣ тѣхъ, которые придумалъ авторъ, а слѣдовательно и въ другомъ порядкѣ, такъ-какъ другіе обороты могутъ обусловить и другое размѣщеніе словъ, несогласное съ тѣмъ, какое встрѣчается въ „текстѣ съ упрощенной конструкціей“. А если это такъ, то не медвѣжьё ли услугу оказалъ авторъ юнымъ читателямъ Цицерона своимъ двойнымъ текстомъ? Впрочемъ, считаетъ ли авторъ учениковъ V-го и VI-го классовъ, юношей 15 — 17 лѣтнаго возраста, на столько неразвитыми, что они, по его мнѣнію, послѣ надлежащаго разбора заданнаго отрывка изъ легкихъ рѣчей Цицерона не въ состояніи сдѣлать русскаго перевода? Обороты рѣчи и тѣсно связанный съ ними порядокъ словъ въ русскомъ переводѣ слѣдуетъ предоставить находчивости ученика. Да и никакой благовзвѣренный педагогъ не станетъ стѣснять учениковъ въ этомъ отноше-

ни, лишь-бы мысль, заключающаяся въ подлинникѣ, была передана имъ вѣрно и правильнымъ русскимъ языкомъ.

Перейдемъ теперь къ изданію *Виргилія* того же автора и съ тѣмъ-же двойнымъ текстомъ. Разсмотримъ для примѣра 12 первыхъ стиховъ изъ III-й книги *Энеиды*, съ прибавленіемъ текста по упрощенной конструкціи.

Подлинный текстъ.

Postque ¹⁾ res Asiae Priamique evertere gentem
Immeritam visum Superis, ceciditque superbum
Ilium, et omnis humo fumat Neptunia Troja,
Diversa exsilia et desertas quaerere terras
Auguriis agimur divum, classemque sub ipsa
Antandro et Phrygiae molimur montibus Idae,
Incerti quo fata ferant, ubi sistere detur,
Contrahimusque viros. Vix prima inceperat aestas,
Et pater Anchises dare fatis vela jubebat.
Littora tum patria lacrymans portusque relinquo
Et campos ubi Troja fuit. Feror exsul in altum
Cum sociis, natoque, penatibus et magnis dis.

Текстъ по упрощенной конструкціи:

Postquam visum superis evertere res Asiae gentemque Priami immeritam, superbunque Ilium occidit, et Troja Neptunia fumat omnis humo, agimur auguriis divum quaerere exsilia diversa et terras desertas, molimurque classem sub Antandro ipsa et montibus Idae Phrygiae, incerti, quo fata ferant, ubi detur sistere; contrahimusque viros. Vix prima aestas inceperat, et pater Anchises jubebat dare vela fatis, quum relinquo lacrymans littora portusque patriae, et campos ubi fuit Troja. Feror exsul in altum cum sociis natoque, penatibus, et magnis dis.

И здѣсь мы замѣчаемъ то же, что и при изданіи Цицерона. Второй текстъ представляетъ слова и обороты рѣчи, тождественные съ подлинникомъ, только въ другомъ порядкѣ, соответствующемъ, какъ должно волагать, тому строю рѣчи, какой, по предположенію автора, долженъ быть въ русскомъ переводѣ прозой. Такимъ образомъ упрощенія конструкціи въ собственномъ смыслѣ этого слова мы и здѣсь не видимъ, если не считать упрощеніемъ то, что издатель однажды

¹⁾ Вѣроятно описка, должно быть: «postquam».

(ст. 10) вмѣсто сочинительнаго союза „*et*“ поставилъ подчиняющій „*quoniam*“. Да и непонятно, какимъ это образомъ издатель ухитрился бы упростить конструкціи, встречаемыя у Виргилія, проще которыхъ въ синтаксическомъ отношеніи ничего и быть не можетъ. Другое дѣло образный языкъ поэта, который на первыхъ порахъ, пожалуй, можетъ затруднять учениковъ. Но этого вопроса мы не будемъ здѣсь касаться, такъ какъ второй текстъ Энеиды не даетъ намъ никакого повода къ этому. Не станемъ также указывать на странную и своеобразную расстановку знаковъ препинанія въ обоихъ текстахъ, за которую преподаватель русскаго языка едва-ли похвалилъ бы автора, если-бы онъ допустилъ ее и въ русскомъ переводѣ; будемъ говорить о порядкѣ словъ въ измѣненномъ текстѣ. Порядокъ словъ у поэта дѣйствительно бываетъ другой, чѣмъ у прозаика, и зависитъ часто отъ размѣра стиха. Поэтому сначала, пока ученики еще не ознакомились хорошо съ читаемымъ поэтическимъ произведеніемъ, бываетъ полезно, а часто даже необходимо, заставлять ихъ, прежде чѣмъ переводить, размѣщать слова согласно съ логическимъ значеніемъ ихъ въ предложеніи, при чемъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ руководствоваться правилами латинской грамматики, а отнюдь не русской, такъ какъ въ противномъ случаѣ ученики привыкаютъ размѣщать слова въ порядкѣ, несвойственномъ духу латинскаго языка, что не можетъ потомъ не отзываться неблагопріятно на ихъ переводахъ съ русскаго языка на латинскій. Но, замѣтимъ, было бы безтактно со стороны преподавателя, если бы онъ впередъ указывалъ ученикамъ на тотъ порядокъ словъ поэтическаго произведенія, въ какомъ слѣдуетъ ихъ размѣстить по взаимному логическому отношенію ихъ, а не предоставлялъ бы ученикамъ самимъ доискиваться смысла, заключающагося въ заданномъ отрывкѣ, и согласно съ этимъ возстановлять обыкновенный логическій порядокъ словъ, въ отличіе отъ порядка, встречаемаго въ подлинникѣ и обусловленнаго отчасти требованіями метрическаго состава стиховъ. Онъ предвосхищалъ бы у нихъ то удовольствіе, какое испытываетъ всякій при достиженіи цѣли собственными усиліями, и задаваемые уроки теряли бы для нихъ живой интересъ, такъ какъ имъ оставалась бы только скучная работа зубрѣнія назвустъ готоваго. Но если безтактно было бы со стороны преподавателя такъ поступать въ классѣ, то во сколько безтактнѣе предлагать мертвящія душу пособія въ видѣ текстовъ съ упрощенной конструкціей, заключающихъ въ себѣ, въ сущности, тотъ же синтаксическій складъ рѣчи, что и въ подлинникѣ, только съ другою расстановкой

словъ и предложеній, которая къ тому же зачастую не согласуется съ духомъ латинскаго языка. Какая же это услуга молодымъ и неопытнымъ любителямъ музъ? Намъ приходится и здѣсь, какъ и выше, спросить издателя текста Энеиды „съ упрощенною конструкціей“, считаетъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ такую работу, какъ размѣщеніе словъ въ логическомъ порядкѣ, столь головоломною, что она не по плечу даже ученикамъ VI и VII классовъ, въ которыхъ полагается чтеніе Энеиды Виргилія? Неужели имъ легче рѣшать, напримеръ, алгебраическія и геометрическія задачи, относящіяся къ курсамъ VI и VII классовъ, чѣмъ отыскивать логическое соотношеніе частей рѣчи какого нибудь отрывка изъ древнихъ авторовъ? Не думаемъ, а между тѣмъ никакой педагогъ-математикъ не дастъ ученикамъ въ руки книги, въ которой предлагались бы готовые процессы рѣшеній задачъ, не желая лишить ихъ удовольствія самостоятельно добиться рѣшенія оныхъ. Не такого ли правила слѣдуетъ придерживаться и педагогу-филологу? Не мѣшало бы помнить издателямъ „текстовъ съ упрощенными конструкціями“, равно какъ авторамъ плохихъ подстрочныхъ переводовъ, что какъ во многихъ другихъ случаяхъ, такъ въ особенности въ дѣлѣ умственнаго развитія не столько важны результаты изслѣдованій, сколько самыя процессы ихъ. Излишняя заботливость объ облегченіи ученикамъ умственной работы чуть-ли не хуже чѣмъ оставленіе ихъ безъ всякой помощи. „Не легкія занятія и не мимолетныя удовольствія доставляютъ душѣ истинное знаніе и побуждаютъ ее къ достиженію прекраснаго“, говоритъ Сократъ у Ксенофонта, „а занятія соединенныя съ настойчивостью“. „Αἱ μὲν ῥαδιουργίαι καὶ ἐκ τοῦ παραχρήμα ἦδοναὶ οὐτε σφρατὶ εὐεξίαν ἰκανοὶ εἶσιν ἐνεργάζεσθαι, ὡς φασὶν οἱ γυμνασταί, οὐτε ψυχῇ ἐπιστήμην ἀξιόλογον οὐδὲμίαν ἐμποιοῦσιν, αἱ δὲ διὰ καρτερίας ἐπιπέλειαι τῶν κἀλῶν τε καὶ ἀγαθῶν ἔργων ἐξικνεῖσθαι κοιοῦσιν, ὡς φασὶν οἱ ἀγαθοὶ ἄνδρες.

Что же намъ сказать относительно примѣчаній и словарей, приравненныхъ къ изданіямъ г. Соснецкаго? Отвѣчаютъ ли они предложенной цѣли? Для критика, который пожелалъ бы подробно рассмотретьъ и съ этой стороны означеннаго изданія, нашлось бы много матеріала для разсужденія. Мы же, оставаясь вѣрными намѣченному въ началѣ плану, ограничимся и здѣсь только общими указаніями.

По нашему мнѣнію, комментарий къ изданію какого нибудь древняго автора, назначенному пособіемъ „для употребленія въ гимназіяхъ“, долженъ заключать въ себѣ всѣ недоступныя для учениковъ свѣдѣнія по міеологій и древностямъ, а также краткое объяс-

неніе такихъ мѣстъ, истолкованіе которыхъ было бы для нихъ затруднительно. Все же доступное для учениковъ должно быть исключено изъ комментарія. Но примѣчанія къ изданіямъ г. Соснецкаго рѣчей Цицерона и Энеиды Виргилія не совсѣмъ удовлетворяютъ этимъ требованіямъ, такъ какъ по ихъ скудости ученикъ не вездѣ найдетъ необходимыя для пониманія автора свѣдѣнія; къ тому же они изложены мѣстами не совсѣмъ ясно, а мѣстами и не вѣрно. Возьмемъ для примѣра примѣчаніе къ словамъ 23-го стиха III книги Энеиды:

„Forte fuit iuxta tumulus, quo cornea summo
Virgulta et densis hastilibus horrida myrtus“.

„Въ латинскомъ языкѣ“, говоритъ издатель, „слова *horridus* и *horrens* въ сочетаніи, подобномъ сейчасъ приведенному, почти всегда теряютъ свое значеніе: ужасный, страшный (какъ будто бы такое значеніе этихъ словъ было первоначальнымъ!), и принимаютъ особенное: выдающийся, рѣзко бросающийся въ глаза. Слѣдовательно *horrida silva* очень (?) густой (?) лѣсъ; *horrida rupes*—скала, рѣзко отдѣляющаяся отъ массы и поднимающаяся высоко вверхъ“. Ни тотъ, ни другой изъ приведенныхъ примѣровъ не наводитъ ученика на настоящий смыслъ, какой въ этомъ мѣстѣ имѣетъ слово: *horridus*. Ученикъ, прочитавъ выше изложенное примѣчаніе, переведетъ слова: *et densis hastilibus horrida myrtus*, или такъ: „и очень густой миртовый кустъ“, или же: „высокій миртовый кустъ съ густыми вѣтвями“, тогда какъ слова эти слѣдуетъ перевести: „и миртовый кустъ съ густыми торчащими вверхъ вѣтвями“. Извѣстно, что первоначальное значеніе прилагательнаго *horridus* — торчащій, съѣженный, взерошенный.

Такого рода неточностей и недомолвокъ мы могли бы привести болѣе, но, намъ кажется, и этого достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что примѣчанія къ изданіямъ, о которыхъ идетъ рѣчь, не говоря уже о скудости ихъ, не вездѣ отличаются надлежащею обдуманностью.

Что же касается до словарей, прибавленныхъ къ этимъ изданіямъ, то при самомъ бѣгломъ просмотрѣ ихъ нельзя не замѣтить, что словари эти носятъ характеръ такой же необдуманности и торопливости. Авторъ, напримѣръ, показывая при глаголахъ окончанія главныхъ временъ, не придерживается никакой системы. Разъ онъ показываетъ одни только окончанія, другой — окончанія, съ прибавленіемъ одной или нѣсколькихъ буквъ основы, и при томъ иногда только одно изъ двухъ употребительныхъ окончаній, иногда же оба. Напримѣръ

„abeo, ivi, itum, abire“ и „exeo, xii, ivi, xitum, xire“. Крожѣ того, не рѣдко встрѣчаются и грубыя ошибки въ русскомъ переводѣ латинскихъ словъ. Такъ, напримѣръ, слово „aetas“ у автора значить не только „возрастъ“, но и „лѣто“ (!); „congerere“ не только „собирать въ одно мѣсто“, но и „спорить“ (!); „confligere“ крожѣ значенія: „биться, сражаться“ имѣеть будто бы также значеніе: „домогаться“ (?) и т. и. Не рѣдко попадаются и этимологическія ошибки, какъ въ текстѣ, такъ и въ словарѣ, въ родѣ слѣдующихъ: „accido“ вмѣсто accedo; „amantus“ вмѣсто „amatus“; „ampleti“ вмѣсто amplecti и т. д. Сюда же слѣдуетъ отнести и неправильное раздѣленіе словъ при переносѣ съ одной строки на другую, встрѣчаемое чуть ли не на каждой страницѣ обоихъ текстовъ рѣчей Цицерона противъ Катилины. Напримѣръ, на стр. 4 читаемъ: „cons-scripti“ вмѣсто con-scripti; на стр. 5: „illu-strantur“ вмѣсто illu-strantur“; на стр. 6: „cus-todiis“ вмѣсто cu-sto-diis; на стр. 11 „ca-usa“ (sic) вмѣсто cau-sa и т. д.

Словомъ, съ какой стороны ни посмотрѣть на разобранныя нами пособия гг. Верьгаупта и Соснецваго, они не только не выдерживаютъ критики въ качествѣ пособій, но и не удовлетворяютъ самымъ незамѣлимымъ требованіямъ печатнаго слова.

И. Ф.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Одиссея Гомера съ примѣчаніями Е. Шмида. Выпускъ II. Пѣсни IV — VI. С.-Петербургъ 1878.

Въ своей рецензіи 1-го выпуска комментарія г. Шмида къ Одиссѣи Гомера (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, августъ 1878, отдѣлъ класс. фил.) мы высказали сужденіе, что г. Шмидъ — вполне компетентный толкователь Гомера, и выразили желаніе, чтобы онъ продолжалъ дѣло, столь прекрасно начатое, и издалъ въ возможно скоромъ времени всю Одиссею, а также и Илиаду. Желаніе наше отчасти сбылось; предъ нами 2-й выпускъ Одиссеи, содержащій пѣсни IV—VI. Этотъ выпускъ подтверждаетъ сужденіе, высказанное нами относительно перваго выпуска, и можно надѣяться, что съ окончаніемъ всего труда русская учебная литература будетъ обогащена дѣйствительно цѣннымъ пособіемъ.

Приступая къ изложенію своихъ замѣтокъ относительно подробностей, мы руководимся и на этотъ разъ тѣми же соображеніями, какъ и при замѣткахъ, высказанныхъ нами по поводу перваго выпуска.

δ. 14. χρυσή означаетъ, по объясненію г. Шмида, „дорогая, высоко цѣнная человѣческимъ родомъ“. Почему не прямо „золотая“? Эпитетъ этотъ вѣдь и въ другихъ языкахъ употребителенъ. — 50. οἶλας (χλαίνας) объясняется „шерстяной“, при чемъ указывается лат. vellus. Въ примѣчаніи же къ ζ 231 слово это объясняется „густой“, съ ссылкой на δ 50. Яснѣе и понятнѣе для учениковъ было бы поставить и на первомъ мѣстѣ (δ 50) первоначальное значеніе „густой“, изъ котораго уже образовалось значеніе „шерстяной“. — 80.

λινъ съ fut. встрѣчается не особенно „рѣдко“. Скорости, усматриваемой здѣсь г. Шмидомъ въ словахъ Менелая, мы не замѣчаемъ и едва ли она и можетъ быть усматриваема здѣсь.—116: „*ὄψος ἀνιμαδ-
 vertit eum lacrimas effundentem*“. Но здѣсь *ὄψος* = узнавъ, то-есть
 узнавъ (изъ впечатлѣнія произведеннаго на него разговоромъ объ Одис-
 сеѣ), что онъ сынъ Одиссея, какъ видно и изъ ст. 148 (ср. примѣч.
 г. Шмида къ этому мѣсту).—122: *χρυσόλακτος* называется Артемида
 будто бы потому, что стрѣлы имѣли подобіе веретень. Но кромѣ
 Артемиды еще и другія богини имѣютъ эпитетъ *χρυσόλακτος*
 (напримѣръ Латона у Пиндара), при чемъ объясненіе г. Шмида не-
 приложимо, такъ что болѣе подходящимъ кажется намъ объясненіе
 Фези, что *χρυσόλακτος* есть эпитетъ богинь “*zng Bezeichnung der
 weiblichen Würde*“.—133: *κακράντο* г. Шмидъ производитъ отъ *καράν-
 νον*; не лучше ли отъ *κραίνω*?—174: *νάσσα*, по г. Шмиду, имѣетъ „зна-
 ченіе начинательное“. Проще и вѣрнѣе было бы сказать, что это =
 русск. совершенному виду: поселилъ бы.—198: въ *καίρασαι* г. Шмидъ
 допояняетъ *τινά*, въ чемъ однако нѣтъ никакой надобности, такъ какъ
καίρασαι подлежащее къ *γέρας* (*ἐστί*) въ предыдущемъ стихѣ.—206.
 „*δ* π“; должно быть *δπ*.—220: „рѣчь идетъ, во всякомъ случаѣ,
 о наркотической травѣ, а не о оокѣ, поэтому *βάλα*, а не *χίε*“. Намъ
 кажется, что здѣсь *φάρμακον* означаетъ именно какой либо наркоти-
 ческій сокъ (вѣроятно это былъ опиумъ), такъ какъ трава едва ли спо-
 собна смѣшаться съ виномъ; *βάλα* не доказываетъ ничего въ пользу
 мнѣнія г. Шмида, такъ какъ *βάλα* употребляется и о жидкостяхъ,
 напримѣръ, о слезахъ *δ* 114.—Объясненіе г. Шмида къ стиху 278
 не совсѣмъ убѣдительно, и стихъ этотъ вообще кажется страннымъ
 по своему содержанію, такъ что лучше всего признать его за интер-
 полицію.—336: *ὑβρούς* г. Шмидъ объясняетъ „двойнѣта“, безъ осно-
 ванія, какъ полагаемъ; *ὑβροί* здѣсь—дѣтеныши, сколько бы ихъ ни
 было.—352. *τελήσοας* (*ἐκαστόμωας*) значить, будто бы: „ведущія къ
 исполненію молитвъ человека“, что едва ли вѣрно; лучше *τελήσοαι
 ἐκαστόμωας* = гекатомбѣ совершенныя, въ которыхъ нѣтъ никакого упу-
 щенія.—429: *ἀμβροσίη* (*νός*), по г. Шмиду, „освѣщающая какъ амбро-
 зія“. Но этимъ объясненіемъ г. Шмидъ противорѣчитъ отчасти самому
 себѣ, см. прим. къ *δ* 79; по нашему мнѣнію, *νός* называется *ἀμβροσίη*,
 потому что вообще имѣетъ отношеніе къ богамъ.—430. *ῥήγμιν*? пра-
 вильною кажется намъ только форма *ῥήγμικ*.—Въ примѣчаніи къ
 стиху 477, г. Шмидъ говоритъ, что лѣтній поворотъ солнца бываетъ
 около 21 іюня. Чтобъ не вводить въ заблужденіе русскихъ читателей,

слѣдовало прибавить: „по новому стилю“, или просто поставить число по русскому календарю; то-есть 9 іюня. — Въ стихѣ 581 послѣ котораго надо уничтожить запятую, а потомъ уже не нужно къ *εκ*... дополнять *εἶπον*, такъ какъ *εἰς* зависитъ прямо отъ *σπῆρα νέας*, съ замѣною предлоговъ *εἰ* и *εἰς*, какъ на примѣръ О 276 *εφαῦτη λίς εἰς ὄδον*, или: *Ἠερ. Анаб. 1, 2, 2 παρῆσαν εἰς Ἰάρδακ.*—601. Телемахъ отказывается отъ лошадей, потому что на Итакѣ неудобно ихъ держать. Къ этому г. Шмидъ замѣчаетъ: „Однако изъ примѣра Номона (686) видно, что это неудобство не мѣшало жителямъ Итаки держать лошадей“. Но такъ какъ Номонъ своихъ лошадей держалъ не на Итакѣ, гдѣ это было невозможно, а долженъ былъ держать ихъ на материкѣ, то примѣръ этотъ и доказываетъ основательность доводовъ Телемаха.—774. *δαρύνει* объясняется „ослѣпленныя божествомъ“, что едва ли вѣрно.—824. „*ἀμαρόν* безтѣлесный (духъ)“. Но по Курціусу (Grundzüge 3 изд. 516) слово *ἀμαρόν* происходитъ отъ корня *μαρ* (тотъ же корень и въ русск. мра-кт), стало бытъ *ἀμαρόν* = темный, неясный (Фев: *das dunkle Bild, Nebelbild.*—841: „*νοκτός ἀρούρη* = во мракѣ ночи“. Это объясненіе не совсѣмъ ясно; на основаніи словъ г. Шмидъ ученикъ подумаетъ, что *ἀρούρης* = мракъ, что будетъ не совсѣмъ вѣрно. Поэтому слѣдовало объяснить это слово подробнѣе.

ε 47. къ *φράδος* ср. русское верб-а.—65: *συνάζοντε* не „постоянно переводили ночь“, а „гнѣздились“. — 101. Въ объясненіи къ этому стиху г. Шмидъ говоритъ, что боги „участвуютъ въ жертвахъ“, и для доказательства этого приводитъ γ 336 и I 535, гдѣ, однако, никакого „участія боговъ въ жертвахъ“ мы не видимъ. Впрочемъ, можетъ быть, что здѣсь только неясность изложенія.—175. τὸ ζώνονте не отъ *ἐπί*, какъ говоритъ г. Шмидъ, а отъ *περὸς*; *ἐπί* здѣсь нарѣчіе, и мы имѣемъ дѣло съ такъ называемымъ тазисомъ.—275. *οἷη ἀμρότος ἐστὶ Ἀρκτος* (*Ἄρκτος*) *λοετρῶν Ὠκεάνου*. Къ этому стиху г. Шмидъ замѣчаетъ: „Есть и другія созвѣздія, которыя также не заходятъ“. Но дѣло въ томъ, что Большая Медвѣдница теперь заходитъ въ (широтахъ) Греціи, и не можетъ быть причислена къ созвѣздіямъ, такъ называемымъ околополюснымъ, о которыхъ можно сказать, что онѣ *ἀμρότος εἰς* *λοετρῶν Ὠκεάνου*. Чтобы быть околополюсною звѣзда должна имѣть, въ настоящее время, по крайней мѣрѣ 52° уклоненія (*declinatio*) въ широтахъ Греціи (около 39° сѣверной широты); между тѣмъ какъ уклоненіе Большой Медвѣдницы въ этихъ широтахъ только 50°. Очень возможно, однако, что во время возникновенія этой части Одиссеи уклоненіе Большой Медвѣдницы было боль-

ше (если предположить, что эта часть Одиссеи появилась около 900 г. до Р. Хр., то уклонение Вольной Медвядицы было тогда больше 63°), что объясняется перемещен местоположением точки равенства (Ersatzsinus der Nechtgleichen; ср. обь этомъ Littrow, Wunder des Himmels, 5-е издание, страница 248).—269. κάραρ объясняется „веревка, петля“, но скорѣ ли „конецъ, предѣлъ“?—335. θεῶν ἔξ ἕρμας τμηῆς г. Шмидъ объясняетъ: θεῶν ἔξ=ὅσα θεῶν; но тогда τμηῆς остается безъ ближайшаго опредѣленія; какая же это τμηῆς? Поэтому лучше, намъ кажется, читать: θεῶν ἔξ ἕρμας τμηῆς, такъ что θεῶν—опредѣленіе къ τμηῆς; ей досталось божеская почестъ.—346. “τῆ προτινῆ ρυζῆ”; можно было прибавить: русское на.—356 „μὴ ἰμῆβῆτῃ тотъ же смыслъ, что и послѣ глаголъ ἰμῆβῆτῃ, а понятіе боязни замѣчается въ предыдущемъ восклицаніи“. Не понятіе боязни заключается скорѣ въ предложени μὴ—ὄφραίνων; это, конечно, предложіе глагола, неименное, а прииѣдліе г. Шмидъ можетъ привести ушшиа на мысль, будто это—предложеніе придаточное.—459. „fo, первоначально fōo, sui“. Слѣдовало сказать: первоначально φῆο, такъ какъ одного F для объясненія долготы не положенію въ φῆο не достаточно.—469. ἤδη πρό. По словамъ г. Шмидъ, суффиксъ θι въ ἤδη вызванъ вопросомъ: куда? такъ что ἤδη=утромъ, и πρό=преди. Мы, однако, полагаемъ, что суффиксъ θι и здѣсь удерживаетъ свое собственное значеніе—мѣстное, а ἤδη πρό значитъ: предъ утромъ (Фези: vor dem Morgenlichte her); ср. Γ 3 οὐρανὸν πρό, N 349 Ἰλίδι πρό.

ζ 8. ἄνδρες ἀλφρηταί г. Шмидъ (въ α 349) объясняетъ: „питающіеся хлѣбомъ“; но намъ кажется лучшимъ другое объясненіе, по которому ἄνδρες ἀλφρηταί (отъ корня ἀλφ, ἀλφάνω)=qui victum quaerunt, qui quaestum faciunt (смотри Curtius Grundzüge 3 изд., страница 274).—42. „φασί—извѣстно“; болѣе тѣмъ сомнительно, чтобъ φασί могло имѣть такое значеніе.—84 „κίον πῆσжомъ“. Откуда замѣчается г. Шмидъ, что пῆσжомъ? Стихъ 319 не доказываетъ этого, такъ какъ тамъ прибавлено κερσοί; здѣсь же, наоборотъ, можно утверждать, что и служанки ѣхали на телѣтѣхъ (φέρων δ’ ἐσθῆτα καὶ αὐτήν, οὐκ οἶον, ἅμα τῆς καὶ ἀμφίκολοι κίον ἄλλα).—102. г. Шмидъ читаетъ κατ’ οὐρεος. Но лучше, кажется, читать κατ’ οὐρεα, во первыхъ потому, что это лучше согласуется съ слѣдующимъ κατὰ Τηθύετον ἢ Ἐρύμανθον, а во вторыхъ потому, что здѣсь высказывается не то, что Артемида сходила съ горы, а то, что она ходила по горамъ.—121. Колебаніе Одиссея объясняется не тѣмъ, что „онъ только что проспался“, а скорѣ тѣмъ, что онъ въ

самомъ дѣлѣ не знали, гдѣ онъ, и кто живетъ въ странѣ, куда занесла его судьба.—129. „мѣла φερίσσω νηυσί“—не вполнѣ вѣрно и произшло вѣроятно опять отъ стремленія сохранить δαίμονα πατρίσ τευαγείαια; но въ такомъ случаѣ не лучше ли совсемъ не давать объясненія, чѣмъ давать нецѣльное?—149. Въ концѣ этого стиха г. Шмадъ ставитъ знакъ вопроса; но нашему мнѣнію здѣсь вопроса нѣтъ, а смыслъ этого стиха: „я прошу тебя — буди ты! богиня или смертная“.—244. „Подлежащее замѣчается въ σῆς (σιν), а τοῦδε—τοῦδε ἔστω приложеніе въ δαμου“. Такъ ли? По нашему мнѣнію, подлежащее здѣсь—τοῦδε, а сказуемое τοῦδε κελύμενος σῆς.—262. „σῆς глагольное (?) предложіе“. Это вѣроятно только γάρυα σαλαμί.—266. „Посѣщенъ будто бы „Посейдонова яющадь“. Какъ же потомъ обозначитъ ἄρρη? Посѣщенъ здѣсь—храмъ Посейдона, вокругъ (σῆς) потеряно выходяща ἄρρη.

Въ ссимадѣ на предидущія мѣста мы нашли яѣвоверныя погрѣшности, наприкладъ при δ 18 ссыла на α 171, когда здѣсь вѣроятно совсемъ другое; при ε 3 ссыла къ β 26, вмѣсто β 14, впрочемъ ε 45 „къ δ 709“ не совсемъ ясно, при ε 249 „къ δ 337“ вмѣсто δ 335; при ζ 8 въ „δ 175“ вмѣсто 174; ссыла при ζ 149 къ „ε 445“ не ясно. Въ ε 58 въ текстѣ σῆς, въ приѣзжани ἄρρη.

Ш. Шмадъ

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Закѣтка къ 1-й одѣ 1-й книги Горация
ст. 29—36. . . . . А. Месса.

Нѣчто объ учебныхъ пособіяхъ по древ-
нимъ языкамъ . . . . . И. Ф.

Библиографія:

Одисея Гомера съ примѣчаніями. Е. Шмида. Вы-
пускъ II. Пѣсни IV—VI. . . . . И. Мейеръ.

Редакторъ **Е. Феокистовъ.**

(Вышла 2-го марта).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич. и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрести въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (последній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкой въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АПРѢЛЬ.

1879.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССН.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскія мостами, д. № 90-1.

1879.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

- О складѣ народно-русской письменной рѣчи,
разсматриваемой въ связи съ напѣ-
вами. (Продолженіе.) . . . . . С. ШАФРАНОВА.
- Водвореніе Нѣмцевъ въ Ливоніи . . . . . Д. ИЛОВАЙСКАГО.
- Жизнь и труды Фуко . . . . . С. Л.
- А. Шопенгауэръ . . . . . Князя Д. ЦЕРЕТЫЛЕВА.
- Матеріалы для внутренней исторіи Визан-
тійскаго государства . . . . . В. Г. ВАСИЛЬЕВСКАГО.
- Устройство заграничныхъ учебныхъ заве-
деній . . . . . А. М. ГЕЗЕНА.
- Объ учебныхъ пособіяхъ для преподаванія
естественной исторіи въ реальныхъ
училищахъ . . . . . Н. КРИЧАГИНА.
- Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: а) универ-
ситеты, б) низшія училища.
- Письмо изъ Парижа . . . . . Л. Л—РА.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ

(См. на 3-й стр. обертки)

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ В. С. ВАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, д. № 90—1.

1879.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

12. (10-го января 1879 года). Обь учрежденіи стипендіи при Харьковскомъ университетѣ.

Курскій губернаторъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что Курское губернское земское собраніе отчислило изъ своихъ доходовъ пять тысячъ руб., заключающіеся въ 5⁰/₀ билетахъ государственнаго банка, на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала при Харьковскомъ университетѣ одной стипендіи въ память покойнаго предсѣдателя Курскаго губернскаго земскаго собранія князя Салтыкова-Головкина.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Харьковскомъ университетѣ означенной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендіею князя Алексѣя Александровича Салтыкова-Головкина“. При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить Курское губернское земское собраніе за означенное пожертвованіе.

13. (10-го января 1879 года). О присвоеніи двухклассному начальному народному училищу въ сельцѣ Владимірскомъ, Вышневолоцкаго уѣзда, наименованія „Алексѣевско-Сназинскаго“ и обь учрежденіи при этомъ училищѣ званія почетнаго блюстителя.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго

просвѣщенія доклада, Высочайше соизволилъ: 1) на присвоеніе двухъ-классному начальному народному училищу министерства народнаго просвѣщенія, содержимому на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго вдовою гвардіи полковника Марією Сназиною, въ селѣцѣ Владимірскомъ, Вышневолоцкаго уѣзда, Тверской губерніи, наименованія „Алексѣевско-Сназинскимъ“ училищемъ, съ тѣмъ, чтобы ежегодно 9-го января, 16-го апрѣля, 20-го октября и 13-го ноября были совершаемы панихиды въ училищѣ въ память покойныхъ мужа и сына жертвователницы Сназиной, и 2) на учрежденіе при этомъ училищѣ званія почетнаго блюстителя, съ тѣмъ, чтобы на сію должность былъ назначенъ сынъ жертвователницы Владиміръ Сназинъ, по смерти же его это званіе оставалось за семействомъ покойнаго мужа вдовы Сназиной, если кто либо изъ родныхъ его изъявитъ согласіе принять на себя эту обязанность, въ случаѣ же отказа ихъ, чтобы былъ назначаемъ почетнымъ блюстителемъ училища Вышневолоцкій уѣздный предводитель дворянства.

14. (10-го января 1879 года). О присвоеніи капиталу, пожертвованному коллежскимъ совѣтникомъ Петромъ Омеляненко, наименованія капитала Омеляненко.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія доклада, всемилостивѣйше соизволилъ: капиталу въ 500 руб., пожертвованному коллежскимъ совѣтникомъ Петромъ Омеляненко и доставленному въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія въ облигаціи московскаго городскаго кредитнаго общества, съ цѣлью обращенія процентовъ съ этого капитала, составляющаго неприкосновенный фондъ, на выдачу, по полугодіямъ, бѣднѣйшимъ ученикамъ (мальчикамъ) приходскихъ училищъ гор. Остра, Черниговской губерніи, для приобрѣтенія ими учебныхъ пособій и на другія ихъ нужды по опредѣленіямъ совѣтовъ, въ составѣ учителей и законоучителей тѣхъ училищъ, въ коихъ обучаются ученики, присвоить наименованіе „капиталъ Омеляненко“, по фамиліи жертвователя. вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть благодарить жертвователя.

15. (6-го февраля 1879 года). О правахъ по отбыванію воинской повинности воспитанниковъ Кіевскаго музыкальнаго училища Императорскаго русскаго музыкальнаго общества.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ об-

щемъ собраніи, о правахъ по отбыванію воинской повинности воспитанниковъ Кіевскаго музыкальнаго училища Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества, высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ особомъ присутствіи о воинской повинности и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о правахъ по отбыванію воинской повинности воспитанниковъ Кіевскаго музыкальнаго училища Императорскаго русскаго музыкальнаго общества, и соглашаясь въ существѣ съ заключеніемъ его, управлявшаго министерствомъ, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе подлежащихъ статей Высочайше утвержденнаго 1-го января 1874 г. Устава о воинской повинности постановить:

1) Воспитанникамъ Кіевскаго музыкальнаго училища Императорскаго русскаго музыкальнаго общества поступленіе на службу въ войска по вынужденному жеребью отсрочивается до окончанія образованія, въ случаѣ заявленнаго ими желанія, до достиженія двадцати двухъ лѣтъ отъ роду.

2) Воспитанникамъ означеннаго училища, окончившимъ курсъ первыхъ четырехъ классовъ, предоставляются, при отбываніи воинской повинности, права окончившихъ курсъ въ заведеніяхъ 3-го разряда.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателемъ и членами.

16. (6-го февраля 1879 года). О причисленіи Виленскаго и Житомирскаго учительскихъ институтовъ ко второму разряду учебныхъ заведеній по отбыванію воинской повинности.

Государственный совѣтъ, въ особомъ присутствіи о воинской повинности и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о причисленіи Виленскаго и Житомирскаго еврейскихъ учительскихъ институтовъ ко второму разряду учебныхъ заведеній по отношенію къ отбыванію воинской повинности и соглашаясь съ заключеніемъ его, управлявшаго министерствомъ, мнѣніемъ положилъ постановить: „Виленскій и

Житомирскій еврейскіе учительскіе институты причисляются ко второму разряду учебныхъ заведеній по отношенію къ отбыванію воинской повинности, съ предоставленіемъ воспитанникамъ, не окончившимъ полнаго курса въ сихъ институтахъ, правъ окончившихъ курсъ въ заведеніяхъ третьяго разряда“.

Государь Императоръ такое мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

17. (9-го февраля 1879 г.). Высочайше утвержденное положеніе о преміи графа Сперанскаго.

І. Общія положенія.

§ 1. Изъ добровольныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ въ память государственныхъ заслугъ бывшаго статсъ-секретаря графа Сперанскаго, по подпискѣ повсемѣстно производившейся, съ Высочайшаго соизволенія, согласно ходатайству втораго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, по случаю исполнившагося (1-го января 1872 г.) столѣтія со дня рожденія Сперанскаго, образуется при министерствѣ народнаго просвѣщенія, въ числѣ специальныхъ средствъ онаго, особый капиталъ подъ названіемъ „капиталъ имени графа Сперанскаго“.

§ 2. Капиталъ имени графа Сперанскаго имѣетъ назначеніемъ содѣйствовать развитію литературы по отечественному праву увѣнчаніемъ лучшаго изъ вновь выходящихъ сего рода сочиненій поощрительными наградами.

§ 3. Поощрительныя награды за юридическое сочиненіе учреждаются, на капиталъ графа Сперанскаго, въ двумъ видахъ: 1) для автора денежная премія съ малою медалью, и 2) для рецензента, разсматривавшаго такое сочиненіе, большая медаль.

§ 4. Присужденіе наградъ имени графа Сперанскаго предоставляется юридическимъ факультетамъ всѣхъ російскихъ университетовъ, съ соблюденіемъ между ними очереди, установленной по соображеніямъ министерства народнаго просвѣщенія и своевременно опубликованной.

Примѣчаніе. Если министерство народнаго просвѣщенія признаетъ затруднительнымъ для себя заблаговременное назначеніе постоянной очереди между юридическими факультетами (университетовъ), то оно можетъ измѣнять эту очередь, сообразуясь съ обстоятельствами, но при томъ непремѣнномъ условіи,

чтобы въ извѣстный періодъ времени ни одинъ изъ юридическихъ факультетовъ не былъ устраняемъ отъ участія въ присужденіи преміи.

§ 5. Поощрительныя награды имени графа Сперанскаго назначаются въ опредѣленные сроки, къ 1-му января (день его рожденія). Въ это же число обнародываются и всѣ вообще, положенныя по симъ правиламъ ко всеобщему объявленію, извѣстія.

§ 6. Всякое дополненіе и измѣненіе правилъ настоящаго положенія, какое, по указанію опыта, могло бы представиться нужнымъ, дѣлается съ Высочайшаго соизволенія по предварительнымъ сношеніямъ между министерствомъ народнаго просвѣщенія и вторымъ отдѣленіемъ собственной его Императорскаго Величества канцеляріи.

II. О капиталѣ и процентахъ съ оного.

§ 7. Капиталъ имени графа Сперанскаго, обращенный въ гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, остается неприкосновеннымъ на вѣчныя времена. Проценты же съ сего капитала употребляются по назначенію и соотвѣтственно условіямъ, подробно изъясненнымъ въ настоящемъ положеніи.

§ 8. Капиталъ имени графа Сперанскаго приращается: а) пожертвованіями, еслибы таковыя, на этотъ предметъ, еще поступили; б) могущими быть остатками отъ опредѣленныхъ издержекъ, и в) присоединеніемъ къ оному самыхъ процентовъ, еслибы таковыя, по силѣ правилъ сего положенія, въ назначенный срокъ не были расходуемы.

Примѣчаніе. Всѣ пожертвованія въ капиталъ графа Сперанскаго должны сосредоточиваться въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

§ 9. Съ приращеніемъ капитала графа Сперанскаго (§ 8), по мѣрѣ возможности, приобрѣтаются вновь также (§ 7) процентныя бумаги.

§ 10. Проценты, идущіе на капиталъ графа Сперанскаго, остаются нетронутыми въ теченіе не менѣе трехъ лѣтъ (по 1-е мая того года, когда наступитъ срокъ преміи). Изъ сихъ процентовъ, по прошествіи полныхъ трехъ лѣтъ, составитя опредѣленная сумма, которая, на точномъ основаніи положенія, и поступаетъ въ расходъ.

§ 11. О каждомъ новомъ пожертвованіи въ капиталъ имени графа Сперанскаго публикуется во всеобщее свѣдѣніе. О состояніи же са-

маго капитала, съ показаніемъ количества по одному накопившихся и имѣющихся въ виду годовыхъ процентовъ, равнымъ образомъ всѣхъ бывшихъ въ истекшей и предстоящихъ въ наступающій періодъ, изъ такихъ процентовъ, издержекъ,—обязательно, однажды въ годъ (§ 5), помѣщается извѣстіе въ періодическихъ, болѣе распространенныхъ изданіяхъ.

III. О преміи и медаляхъ.

§ 12. Денежная премія графа Сперанскаго, составляя главный расходъ изъ суммы накопившихся, въ положенный срокъ, съ капитала сего имени, процентовъ (§ 10), сообразно количеству оной, выдается круглыми числами, въ двѣ тысячи сто рублей, въ двѣ тысячи двѣсти рублей и т. д., прибавляя сколько окажется возможнымъ (за другими определенными издержками, по наличности суммы), не менѣе, однакожь, ста рублей.

§ 13. Медали графа Сперанскаго (малая и большая) изготовляются, по Высочайше утвержденнымъ рисункамъ, золотыя, цѣнностию—малая во сто рублей, а большая—въ двѣсти пятьдесятъ рублей.

IV. О сочиненіи, удостоиваемомъ наградъ.

§ 14. Сочиненіе, удостоиваемое наградъ имени графа Сперанскаго, должно заключать въ себѣ самостоятельный и отличающійся дѣйствительными достоинствами, ученый трудъ исключительно по отечественному праву, изъ какой бы ни было отрасли права или его исторіи. Такое сочиненіе должно быть изъ числа изданій, напечатанныхъ и вышедшихъ въ свѣтъ въ тотъ именно періодъ времени (какъ объяснится ниже), за какой премія будетъ присуждаться.

§ 15. При условіяхъ, изложенныхъ въ предыдущемъ (14) §, сочиненіе по отечественному праву, гдѣ бы и кѣмъ бы оно ни было написано, въ Россіи или за границею, Русскимъ или иностраннымъ подданнымъ, и не только на русскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ, одинаковыя имѣть права на увѣнчаніе поощрительными наградами графа Сперанскаго.

§ 16. Поощрительныхъ наградъ могутъ быть удостоиваемы какъ вновь вышедшія сочиненія, такъ и новыя изданія прежнихъ сочиненій, въ томъ случаѣ, если сочиненія сіи не удостоились еще прежде награды графа Сперанскаго.

§ 17. Для выхода въ свѣтъ сочиненій, могущихъ быть удостоенными наградою графа Сперанскаго, назначается (какъ и для теченія процентовъ на капиталъ, § 10) трехгодичный періодъ, съ тѣмъ, чтобы срокомъ для начала и окончанія такого періода считать 1-е мая.

Примѣчаніе. При введеніи въ дѣйствіе настоящаго положенія, принявши за начало срока, съ котораго наступаетъ теченіе процентовъ (§ 10), и вмѣстѣ съ тѣмъ установленный трехгодичный періодъ для выхода сочиненій,—1876 годъ (годъ закрытія производившейся на премію повсемѣстной подписки) именно, на точномъ основаніи сего (17) §, съ 1-го мая, — окончаніемъ онаго будетъ 1-го мая 1879 года, а первая премія графа Сперанскаго (§ 5) присуждается 1-го января 1880 года. За симъ новый періодъ для накопленія процентовъ (§ 10) и для выходящихъ вновь сочиненій (§ 17), начинаясь со времени окончанія предшествовавшаго періода (съ 1-го мая 1879 года), истекаетъ черезъ слѣдующіе три года — 1-го мая 1882 года, премія же выдается (§ 5) 1-го января 1883 года. Порядокъ этотъ соблюдается и далѣе.

§ 18. Поощрительныя награды графа Сперанскаго выдаются только самому сочинителю или его законнымъ наслѣдникамъ, издателямъ же не присуждаются.

§ 19. Если изъ сочиненій по отечественному праву, вышедшихъ въ положенный срокъ (§ 17), такого, которое бы удовлетворяло всѣмъ требуемымъ условіямъ (§§ 14—16), не окажется, то накопившіеся на капиталъ графа Сперанскаго, подлежавшіе въ расходъ (§ 10), проценты обращаются въ самый капиталъ (§ 8). Объ этомъ объявляется, принятымъ порядкомъ, во всеобщее свѣдѣніе.

V. О присужденіи наградъ.

§ 20. На полученіе поощрительныхъ наградъ имени графа Сперанскаго никакого конкурса не назначается; а награды эти присуждаютъ непосредственно сами юридическіе факультеты Императорскихъ россійскихъ университетовъ, установленнымъ настоящими правилами порядкомъ.

§ 21. Юридическій факультетъ очереднаго (согласно § 4) университета, зная заранѣе о предстоящемъ ему занятіи по присужденію награды графа Сперанскаго, при наступленіи срока, прежде всего

обращается въ такіе же факультеты прочихъ университетовъ, а также, если признаетъ нужнымъ и къ другимъ учрежденіямъ и лицамъ, прося о сообщеніи перечня сочиненій, кои могли бы подлежать разсмотрѣнію на предметъ назначенія премій. Такимъ же вызовомъ факультета, помѣщаемымъ въ періодическихъ изданіяхъ, приглашаются какъ сами авторы, такъ и всѣ частныя лица, доставить оному, если пожелаютъ, по сему предмету свѣдѣнія.

§ 22. По приведеніи въ извѣстность вышедшихъ, въ назначенный (§ 17) трехгодичный періодъ, сочиненій по отечественному праву, и по предварительномъ обсужденіи ихъ достоинства, факультетъ избираетъ одно изъ сихъ сочиненій, признаваемое имъ за лучшее, и назначаетъ, для подробнаго разсмотрѣнія и оцѣнки онаго, — изъ среди своей, или, по приглашенію, изъ постороннихъ, — рецензента.

§ 23. Рецензія на сочиненіе, присуждаемое къ наградѣ графа Сперанскаго (хотя бы самое сочиненіе было издано и на языкѣ иностранномъ), пишется всегда по русски; если же такая рецензія, въ рѣдкихъ особыхъ случаяхъ, можетъ быть, въ видѣ исключенія, допущена и на иностранномъ языкѣ, то не иначе, однакожь, какъ при сопровожденіи подлинника русскимъ переводомъ.

§ 24. Если сочиненіе, предназначаемое къ разсмотрѣнію на предметъ удостоенія его поощрительными наградами графа Сперанскаго, писано однимъ изъ членовъ факультета, присуждающаго премію, то составленіе рецензіи на такое сочиненіе поручается постороннему лицу.

§ 25. По обсужденіи рецензіи, факультетомъ постановляется окончательное опредѣленіе о томъ, заслуживаетъ ли, и почему, избранное (§ 22) сочиненіе установленной преміи, а рецензія — выдаваемой, въ видѣ вознагражденія за трудъ, медали.

§ 26. Опредѣленіе юридическаго факультета (§ 25) представляется, установленнымъ порядкомъ, для зависящихъ распоряженій, въ министерство народнаго просвѣщенія (§§ 17—18), и публикуется во всеобщее свѣдѣніе.

§ 27. Для напечатанія рецензіи на сочиненіе, удостоенное поощрительныхъ наградъ имени графа Сперанскаго, въ случаѣ надобности, можетъ быть, по заявленію рецензента, оказано пособіе, выдачею на этотъ собственно предметъ, изъ общей суммы накопившихся на капиталъ графа Сперанскаго процентовъ (§§ 3 и 10), до двухъ сотъ пятидесяти рублей. Изъ той же суммы выдается до ста пятидесяти рублей на особые расходы по публикаціи и т. п.

18. (20-го февраля 1879 г.). Объ увеличеніи штатнаго содержанія С.-Петербургскихъ двухклассныхъ приходскихъ училищъ Введенскаго, Андреевскаго и Благовѣщенскаго.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ увеличеніи штатнаго содержанія С.-Петербургскихъ двухклассныхъ приходскихъ училищъ: Введенскаго, Андреевскаго и Благовѣщенскаго, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ увеличеніи штатнаго содержанія С.-Петербургскихъ двухклассныхъ приходскихъ училищъ: Введенскаго, Андреевскаго и Благовѣщенскаго, мнѣніемъ положилъ:

1) За отнесеніемъ содержанія С.-Петербургскихъ: Благовѣщенскаго и Воздвиженскаго одноклассныхъ приходскихъ училищъ на средства города, суммы, остающіяся свободными отъ расходовъ какъ на эти училища, такъ и на бывшую дирекцію училищъ С.-Петербургской губерніи, всего въ количествѣ трехъ тысячъ восьмисотъ восьмидесяти девяти рублей (въ томъ числѣ: 1,529 руб. изъ государственнаго казначейства и 2,360 руб. изъ городскихъ доходовъ), обратить, съ 1-го января 1879 г. на увеличеніе содержанія С.-Петербургскихъ: Введенскаго, Андреевскаго и Благовѣщенскаго двухклассныхъ приходскихъ училищъ.

2) Предоставить министру народнаго просвѣщенія утвердить росписаніе расходовъ на содержаніе означенныхъ трехъ двухклассныхъ приходскихъ училищъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

10-го января 1879 года (№ 2). Производятся, за отличіе: директоръ народныхъ училищъ Бессарабской губерніи, статскій со-

вѣтникъ Ѳеодоръ Соловьевъ, статскій совѣтникъ Иванъ Хаминовъ и ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, надворный совѣтникъ Юліанъ Косинскій—въ дѣйствительные статскіе совѣтники; изъ нихъ Хаминовъ съ утвержденіемъ вновь на три года почетнымъ попечителемъ Иркутской мужской гимназій.

Утверждается на три года: Екатеринославскій уѣздный предводитель дворянства, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій ассесоръ Яковлевъ—почетнымъ попечителемъ Екатеринославскаго реальнаго училища.

Назначается: отставной дѣйствительный статскій совѣтникъ Струве—членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: экстраординарный академикъ Императорской Академіи наукъ, статскій совѣтникъ Штраухъ—на два мѣсяца.

Учитель Одесской 3-й гимназій Фотъ—съ іюня по 15-е сентября 1879 года.

Увольняется въ отпускъ за границу: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, почетный попечитель Немировской гимназій, въ должности шталмейстера двора Его Императорскаго Величества, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Строгоновъ по болѣзни и семейнымъ обстоятельствамъ, на шесть мѣсяцевъ (Высоч. повел. 25-го декабря 1878 г.).

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

8. (28-го октября 1878 г.). Положеніе о стипендіи товарищества Пензенскаго рафинаднаго завода Алексѣя Петровича Сергѣева и графа Ивана Александровича Апраксина при Пензенской мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 26 день апрѣля 1878 г., при Пензенской мужской гимназій учреждается стипендія, съ наименованіемъ: „стипендія товарищества Пензенскаго рафинаднаго завода Алексѣя Петровича Сергѣева и графа Ивана Александровича Апраксина“, на счетъ процентовъ съ капитала въ 800 р., пожертвованнаго для этого А. П. Сергѣевымъ и графомъ И. А. Ап-

раксинимъ и заключающагося: 1) въ 4-хъ процентномъ непрерывно доходномъ билетѣ въ 250 р., 2) въ государственномъ 5% банковомъ билетѣ четвертаго выпуска въ 500 р. и 3) въ облигаціи восточнаго займа 1877 г. 50 р.

2) Стипендія должна состоять въ ежегодной платѣ за право ученія въ Пензенской гимназіи одного ученика, который и именуется стипендіатомъ товарищества Пензенскаго рафинаднаго завода А. П. Сергѣева и графа И. А. Апраксина.

3) Право избранія стипендіата, согласно желанію жертвователей, принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи.

4) Педагогическимъ совѣтомъ гимназіи стипендіатъ избирается изъ числа учениковъ, заслуживающихъ этого поощренія по своимъ успѣхамъ и поведенію.

5) Лишеніе стипендіи предоставляется также усмотрѣнію педагогическаго совѣта, который при этомъ обращаетъ вниманіе, вопервыхъ, на безуспѣшность избраннаго стипендіата и, вовторыхъ, на матеріальныя средства его родителей.

6) Капиталь въ поименованныхъ выше билетахъ, составляетъ неотъемлемую собственность Пензенской мужской гимназіи и остается неприкосновеннымъ, а проценты съ него употребляются въ уплату за право ученія стипендіата. Могущій образоваться остатокъ отъ процентовъ, за произведенною уплатою за право ученія, употребляется на приобрѣтеніе учебныхъ руководствъ и пособій, а также платья и бѣлья для того же стипендіата.

9. (28-го октября 1878 г.). Положеніе о стипендіи имени генераль-лейтенанта Алексѣя Алексѣевича Одинцова.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 26 день апрѣля 1878 г., учреждается при Нижегородской мужской гимназіи стипендія имени бывшаго Нижегородскаго губернатора генераль-лейтенанта Алексѣя Алексѣевича Одинцова, на счетъ % съ пожертвованнаго Нижегородскимъ соединеннымъ всѣхъ сословій клубомъ капитала въ (3,000) три тысячи руб., заключающагося въ трехъ 5% государственныхъ банковыхъ билетахъ 4-го выпуска 1876 года за № 21211, 21212 и 21213, въ 1000 р. каждый.

2) Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ означенныхъ въ § 1-мъ билетахъ, долженъ оставаться на вѣчныя времена неприко-

своеннымъ и храниться въ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, въ отдѣлѣ пожертвованій.

3) Проценты съ этого капитала, въ количествѣ 150 р., должны быть выдаваемы родителямъ или воспитателямъ стипендіата, на его содержаніе, по полугодно, въ сроки означенные на 5% банковыхъ билетахъ, съ удержаніемъ слѣдующей платы за право ученія.

4) Выборъ стипендіата представляется генераль-лейтенанту Алексѣю Алексѣвичу Одинцову, которому педагогическій совѣтъ сообщаетъ чрезъ управленіе клуба списки учениковъ гимназій, имѣющихъ по § 5 сего положенія право на полученіе означенной стипендіи; въ случаѣ же отказа или смерти генераль-лейтенанта Одинцова, право выбора переходитъ къ управленію означеннаго клуба, а если клубъ впослѣдствіи не будетъ существовать, то къ педагогическому совѣту гимназій.

5) Стипендіатъ выбирается изъ дѣтей настоящихъ и бывшихъ членовъ Нижегородскаго соединеннаго всѣхъ сословій клуба, обучающихся въ гимназій и имѣющихъ недостаточное состояніе и хорошее поведеніе; при равныхъ же условіяхъ нѣсколькихъ дѣтей, выборъ стипендіата рѣшается по жребію.

6) Если не окажется въ числѣ учениковъ гимназій кандидатовъ на стипендію изъ дѣтей членовъ того клуба, то можетъ быть избранъ въ стипендіаты, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта и съ согласія управленія клуба, и каждый другой ученикъ Нижегородской гимназій, отличающійся своими успѣхами, поведеніемъ и бѣдностію своихъ родителей.

7) Воспитанникъ гимназій, содержимый на счетъ сей стипендіи, именуется стипендіатомъ генераль-лейтенанта Алексѣя Алексѣвича Одинцова.

8) Объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата начальствомъ гимназій сообщается для свѣдѣнія, генераль-лейтенанту Алексѣю Алексѣвичу Одинцову и въ Нижегородскій соединенный всѣхъ сословій клубъ.

9) Если избранный стипендіатъ будетъ уволенъ педагогическимъ совѣтомъ изъ гимназій за дурное поведеніе или малоуспѣшность въ наукахъ, то совѣтъ сообщаетъ объ этомъ чрезъ директора гимназій генераль-лейтенанту Алексѣю Алексѣвичу Одинцову и управленію клуба, для избранія кого-либо вновь въ стипендіаты, согласно §§ 4 и 5; точно также педагогическій совѣтъ поступаетъ и по окончаніи стипендіатомъ курса гимназій.

10. (11-го января 1879 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ выдачи свидѣтельствъ вольно-опредѣляющимся въ военную службу съ обозначеніемъ ихъ разрядовъ по образованію.

При приѣмѣ вольно-опредѣляющихся въ юнкерскія училища въ текущемъ году замѣчено, что нѣкоторые изъ нихъ приняты на службу неправильно, такъ какъ не удовлетворяютъ требуемымъ для сего условіямъ образованія; при чемъ обнаружено, что начальники войсковыхъ частей впадаютъ въ ошибки отъ смѣшиванія правъ по образованію на поступленіе вольно-опредѣляющимися 3-го разряда съ правами того-же разряда при отбываніи воинской повинности по жеребью. Ошибкѣ этой способствуетъ помѣщаемое въ выдаваемыхъ учебными заведеніями свидѣтельствахъ выраженіе: „по отбыванію воинской повинности принадлежитъ къ 3 разряду“.

Выраженіе это, не вполнѣ точно обозначающее права по образованію при отбываніи воинской повинности, вводитъ въ недоумѣніе не только начальниковъ частей войскъ, но и лицъ, получающихъ такіе свидѣтельства, такъ какъ означенныя лица, въ виду того, что поступленіе вольно-опредѣляющимися составляетъ одинъ изъ двухъ видовъ отбыванія воинской повинности, вполнѣ убѣждены, что они, на основаніи вышеупомянутыхъ свидѣтельствъ, имѣютъ право поступить вольно-опредѣляющимися 3-го разряда.

Для устраненія подобныхъ недоразумѣрій на будущее время, главный штабъ проситъ сдѣлать распоряженіе, чтобы тѣмъ воспитанникамъ учебныхъ заведеній 2-го разряда, которые, по пройденному курсу, вполнѣ усвоили научныя познанія, требуемыя программами, установленными для испытаній на поступленіе вольно-опредѣляющимися 3-го разряда, были выдаваемы особыя свидѣтельства на этотъ предметъ, согласно точному смыслу 7-го пункта правилъ для производства таковыхъ испытаній и дополненія къ нему, изложеннаго въ п. г. III ст. Высочайше утвержденнаго 29-го мая 1876 г. мнѣнія государственнаго совѣта; а въ отношеніи тѣхъ воспитанниковъ, которые по пройденному ими курсу могутъ пользоваться льготами сокращеннаго срока службы по 3-му и 4-му разрядамъ при отбываніи воинской повинности общимъ жеребьевымъ порядкомъ, въ выдаваемыхъ свидѣтельствахъ было-бы обозначено, что воспитанники эти, при отбываніи воинской повинности по жеребью, принадлежатъ къ 3-му или 4-му разрядамъ по образованію.

Имѣю честь, по порученію г. министра, увѣдомить объ этомъ ваше превосходительство для надлежащаго распоряженія по ввѣренному вамъ учебному округу.

11. (13-го января 1879 г.). Циркулярное предложеніе г. попечителямъ учебныхъ округовъ о приобрѣтеніи для библиотекъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ „Исторіи среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи“, соч. Шмида.

Издатель книги „Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи“, наставникъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, Шмидъ, обратился въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о рекомендаціи къ приобрѣтенію всѣми средними учебными заведеніями вѣдомства сего министерства означеннаго его сочиненія.

Принимая во вниманіе, что книга г. Шмида единственная въ своемъ родѣ и по неоспоримымъ своимъ достоинствамъ заслуживаетъ особаго вниманія со стороны всѣхъ интересующихся исторіею развитія у насъ средняго образованія, я имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство предложить всѣмъ гимназіямъ, прогимназіямъ и реальнымъ училищамъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа приобрѣсти эту книгу для библиотекъ названныхъ учебныхъ заведеній.

Къ сему долгомъ считаю присовокупить, что означенную книгу можно приобрѣсти или у самого издателя г. Шмида (въ зданіи Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, кв. № 10) или у книгопродавцевъ по 3 р. 50 к. за экземпляръ.

12. (12-го января 1879 года). Циркулярное предложеніе г. попечителямъ учебныхъ округовъ о приобрѣтеніи для библиотекъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ сочиненія профессора Велишскаго изъ Праги „Быть грековъ и римлянъ“.

Профессоръ Велишскій изъ Праги обратился въ министерство народнаго просвѣщенія съ прошеніемъ о приобрѣтеніи составленнаго имъ сочиненія: „Быть грековъ и римлянъ“.

Имѣя въ виду, что означенный трудъ Велишскаго рекомендованъ ученымъ комитетомъ для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, а также для задачи преуспѣвающимъ воспитанникамъ высшихъ классовъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія, я, по порученію

г. министра народного просвѣщенія, покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить начальникамъ подименованныхъ выше учебныхъ заведеній вѣреннаго вамъ учебнаго округа, не найдутъ-ли они возможнымъ приобрести означенное изданіе, по 8 р. за экземпляръ, отъ автора, для библиотекъ вѣренныхъ имъ заведеній, а также для раздачи въ награду ученикамъ.

13. (16-го января 1879 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о приобретеніи для библиотекъ, гимназій и прогимназій составленной наставникомъ Шмидомъ книги „Одиссея Гомера съ примѣчаніями“.

Наставникъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Шмидъ вошелъ въ министерство народного просвѣщенія съ ходатайствомъ о приобретеніи гимназіями вѣдомства министерства народного просвѣщенія составленной имъ книги: „Одиссея Гомера съ примѣчаніями. Выпускъ II. Пѣсни IV—VI. С.-Петербургъ, 1878 г.“. Принимая во вниманіе, что означенная книга г. Шмида рекомендована ученымъ комитетомъ министерства въ видѣ учебнаго пособия по греческому языку въ гимназіяхъ, а, по порученію его сію минуту г. министра, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство рекомендовать директорамъ гимназій и директорамъ и инспекторамъ прогимназій вѣреннаго вашему управленію округа названную книгу для приобретенія въ фундаментальныя библиотеки поманутыхъ учебныхъ заведеній.

Къ сему долгомъ считаю присовокупить, что книгу эту можно приобрести или у издателя г. Шмида (въ С.-Петербургѣ, историко-филологическій институтъ, кв. № 10) или у книгопродавцевъ.

14. (24-го января 1879 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о наблюденіи за своевременной припискою воспитанниковъ учебныхъ заведеній министерства къ призывнымъ участкамъ по отбыванію воинской повинности.

На основаніи 97 ст. уст. о воинской повинности, всѣ лица мужскаго пола, за исключеніемъ сельскихъ податнаго состоянія обывателей, обязаны, во достиженіи 16-ти лѣтъ отъ роду, не позднѣе 31-го декабря того года, въ которомъ имъ исполнится 20 л., получить свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку.

Между тѣмъ, изъ дѣлъ главнаго штаба усматривается, что въ нѣ- часть ссн, отд. 1.

которыхъ учебныхъ заведеніяхъ начальство заведенія не наблюдаетъ за своевременною припискою воспитанниковъ къ призваннымъ участкамъ и вслѣдствіе сего сами воспитанники не озабочиваются своевременнымъ полученіемъ отсрочекъ для окончанія образованія.

Такъ какъ, по соглашенію министерствъ внутреннихъ дѣлъ и военнаго съ нѣкоторыми изъ главныхъ начальниковъ частей, имѣющихъ въ своемъ вѣдомствѣ учебныя заведенія, возложено на непосредственное начальство этихъ заведеній наблюденіе за своевременною припискою воспитанниковъ къ призваннымъ участкамъ, а также возложена и обязанность извѣщенія подлежащихъ присутствій по воинской повинности о выбитіи изъ сихъ учебныхъ заведеній, до окончанія курса, тѣхъ молодыхъ людей, которымъ, на основаніи 53 ст. уст. о воинской повинности, отсрочено было поступленіе на службу въ войска, то военный министръ, съ своей стороны, признаетъ полезнымъ для дѣла обязанности эти возложить и на начальства учебныхъ заведеній всѣхъ прочихъ вѣдомствъ.

Вслѣдствіе сего, по порученію г. министра, покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить начальникамъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ учебнаго округа наблюдать за своевременною припискою воспитанниковъ ввѣренныхъ имъ учебныхъ заведеній къ призваннымъ участкамъ, а также извѣщать и подлежащія присутствія по воинской повинности о выбитіи, до окончанія курса, тѣхъ молодыхъ людей, которымъ дана была отсрочка по отбыванію воинской повинности.

15. (3-го февраля 1879 года). Циркулярное предложеніе г. попечителямъ учебныхъ округовъ о введеніи обученія ремесламъ и о подготовкѣ къ обученію пѣнію въ народныхъ школахъ.

При чтеніи поступающихъ въ министерство народнаго просвѣщенія отчетовъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ объ осмотрѣ сихъ училищъ замѣчено, что въ большинствѣ училищъ не производится обученіе ремесламъ, и что во многихъ училищахъ преподаватели изъ воспитанниковъ учительскихъ семинарій оказываются не получившими подготовки къ обученію пѣнію въ училищахъ.

Хотя обученіе ремесламъ не составляетъ обязательнаго предмета въ составѣ курса народныхъ училищъ, но, принимая во вниманіе несомнѣнную пользу знанія ремеслъ въ хозяйственномъ сельскомъ быту, я нахожу желательнымъ наибольшее распространеніе обученія

ремесламъ въ народныхъ училищахъ. Разнымъ образомъ, для большаго обезпеченія обученія пѣнію въ народныхъ училищахъ желательнее, чтобы воспитанники учительскихъ семинарій получали надлежащую подготовку въ обученіи этому предмету.

Сособная объ этомъ вашему превосходительству, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, сдѣлать зависящее распоряженіе, чтобы 1) какъ училищные совѣты, такъ и директора и инспекторы народныхъ училищъ склоняли мѣстныя городскія и сельскія общества, а равно земскія учрежденія къ введенію обученія ремесламъ въ школахъ и къ дальнѣйшему развитію онаго; и 2) чтобы педагогическіе совѣты учительскихъ семинарій и школъ обратили вниманіе на подготовку воспитанниковъ сихъ заведеній къ обученію пѣнію въ народныхъ школахъ.

16. (21-го февраля 1879 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ, г. товарища министра народнаго просвѣщенія.

На основаніи п. 3 ст. 63 уст. о воинъ пов., преподающіе въ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ пенношваннскихъ въ распоряженіи къ ст. 53, такъ и во всѣхъ вообще правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ означенныхъ въ означенномъ приложеніи, тѣ предметы, которые, по уставу сихъ заведеній, положено преподавать, а равно штатные воспитатели и штатные помощники ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ, содержащихся правительствомъ, или уставы коихъ правительствомъ утверждены, освобождаются отъ дѣйствительной службы въ мирное время и зачисляются въ запасъ арміи на 15-ть лѣтъ, если ими вынуть будетъ жребій, опредѣляющій поступленіе ихъ въ постоянныя войска. Но до истеченія шести лѣтъ со времени зачисленія въ запасъ означенныя лица обязаны ежегодно представлять въ подлежащее о воинской повинности присутствіе удостовѣреніе ихъ начальства въ томъ, что они не оставили соответствующихъ ихъ званію занятій.

Между тѣмъ, изъ имѣющихся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній видно, что нѣкоторые изъ вышепоименованныхъ лицъ, поступивъ на учительскую должность, извѣщаютъ о томъ воинскія присутствія спустя годъ, а иногда и болѣе.

Вслѣдствіе отношенія по сему предмету г. управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и въ видахъ правильнаго веденія контроля за призванными и вообще въ устраненіе подобныхъ неправомерностей, а, по порученію г. министра, покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы, при назна-

ченіи молодыхъ людей на должности преподавателей, исключеніи и т. п. въ учебныхъ заведеніяхъ, давши право на освобожденіе отъ военной службы въ мирное время, начальники учебныхъ заведеній учебнаго округа, выдавъ установленное свидѣтельство, въ то же время подтверждали этимъ лицамъ объ ихъ обязанности немедленно представить свидѣтельство въ подлежащее по военной повинности присутствіе, согласно 126 ст. устава о военной повинности.

17. (10-го марта 1879 г.) Циркулярное предложеніе г. министра народнаго просвѣщенія гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о допущеніи нѣкоторыхъ молодыхъ людей въ университеты.

Г. попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа представилъ на мое разрѣшеніе возбужденный совѣтомъ С.-Петербургскаго университета вопросъ относительно условій принятія въ число студентовъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ: 1) въ германскихъ гимназіяхъ, 2) въ гимназіяхъ славянскихъ земель и 3) въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ той части Бессарабіи, которая возвращена Россіи по Берлинскому трактату.

Разсмотрѣвъ означенное представленіе, я нахожу, что парано могутъ пользоваться тѣми же правами, какія предоставляны, предложеніемъ моемъ отъ 13 мая 1872 года, окончившимъ курсъ въ эмсическихъ гимназіяхъ Австріи и Пруссіи, то-есть по одному двукратному испытанію, если воспитанники сіи обнаружатъ на испытаніи основательное знаніе русскаго языка; лицамъ второй категоріи права сіи не могутъ быть предоставлены безусловно, такъ какъ въ гимназіяхъ славянскихъ земель не проходятся всѣ предметы, изучаемые въ нашихъ гимназіяхъ; поэтому справедливо предоставить лицамъ этой категоріи означенныя права въ томъ только случаѣ, если они выдержатъ дополнительное испытаніе по тѣмъ предметамъ, которые преподаются въ русскихъ гимназіяхъ и которыхъ сіи молодые люди не обучались; если же они таковаго испытанія не выдержатъ, то могутъ быть принимаемы, въ видахъ желательнаго обилія славянъ съ Россією, въ русскіе университеты вольнослушателями, но съ тѣмъ, чтобы по окончаніи университетскаго курса они получали только свидѣтельство о томъ, какіе предметы выслушаны ими и съ какими успѣхами, безъ предоставленія имъ правъ по службѣ въ Россіи. Что же касается молодыхъ людей, окончившихъ гимназическій курсъ въ той части Бессарабіи, которая нынѣ возвращена Россіи, то по исхо-

чительности ихъ положенія, имъ необходимо предоставлять некоторыя преимущества и они могутъ быть принимаемы въ русскіе университеты безъ испытаній, если только по существовавшимъ въ той области законамъ, аттестатъ зрѣлости, выданный тамъ, давалъ право на поступленіе въ университеты, или соответствующія инымъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, о чемъ и должны быть истребованы университету, предварительныя представленія на разрѣшеніе министерства, сдѣланныя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

18 (13 марта 1879 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о принятіи греческо-рускаго словаря профессора Вейсмана, какъ учебное пособіе при преподаваніи въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ греческаго языка.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, статскій совѣтникъ Вейсманъ, обратился въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ объ одобреніи составленнаго имъ греческо-рускаго словаря, С.-Пб. 1879 г., въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи греческаго языка въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Ученый комитетъ, имѣя въ виду высокія достоинства названнаго словаря, несомнѣнно обнаруживающія солидную ученость автора, полную его добросовѣстность и знаніе дидактическаго дѣла, признаетъ трудъ Вейсмана заслуживающимъ не только одобренія, но и рекомендаціи какъ учебное пособіе по греческому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Вслѣдствіе сего и по порученію г. министра, покорнѣйше прошу Ваше превосходительство предложить начальникамъ гимназій и прогимназій въѣрнаго Вамъ учебнаго округа принять словарь Вейсмана какъ учебное пособіе при преподаваніи во вѣренныя имъ заведенія греческаго языка.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: — книгу: Сборникъ прозаическихъ статей и стихотвореній (съ обозна-

ченіемъ удареній косыми буквами). Двѣ книги Составилъ А. П. Сердобольскій, преподаватель русскаго языка въ казанской учительской семинаріи. Казань. 1878 г. одобрить для употребленія въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ, городскихъ и сельскихъ двуклассныхъ училищахъ.

— Изданныя Фридрихомъ Фишбахомъ (въ Ганау): I) *Stilistische „Flach Ornamente. III Lieferung. Wien. 1866“* и II) *„Ornamente der Gewebe. Lieferung I. 1874“*, одобрить для промишленныхъ и ремесленныхъ школъ, а также Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища.

— Книгу: „Древняя русская литература (до-петровскій періодъ). Выпускъ 2-й (послѣдній) С.-П.б. 1879 г. Книжная словесность. Составилъ П. В. Евстафьевъ, преподаватель въ С.-Петербургскомъ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ. Отрывки изъ разбираемыхъ подлинныхъ сочиненій расположены въ самомъ текстѣ учебника, въ последовательномъ порядкѣ. С.-Пб. 1879 г. Цѣна 1 руб.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия, при разборѣ литературныхъ образцовъ, для мужскихъ и женскихъ гимназій, институтовъ и учительскихъ семинарій.

— Книгу: „Recueil de compositions françaises, comprenant des sujets de lettres, de dialogues, des descriptions, de portraits, de narrations, de discours et de dissertations ou lieux-communs, avec des préceptes généraux sur le style de chaque genre de composition, et un plan et de développements pour chaque devoir, par Jules Mourier professeur de langue et de littérature française. Tiflis. 1878 г. Цѣна 1 рубль,“—одобрить для употребленія въ качествѣ пособия въ старшихъ классахъ женскихъ гимназій министерства и коммерческаго отдѣленія реальныхъ училищъ.

— 1) Земля и Люди. Всеобщая географія Элизе Реклю. Т. 1. (въ 2 выпускахъ) С.-Петербургъ 1876—1877 г. и 2) Земля и ея Народы. Соч. Фрид. фонъ-Ильвальда. Живописная Америка, съ 100 большими рисунками. Живописная Африка съ 70 большими рисунками—одобрить для основныхъ библіотекъ высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданную фирмою Фену и Б° таблицу: „Метрическая система. Учебное пособие, выработанное профессоромъ К. Воншъ и брошюру при ней: „Текстъ къ стѣнной таблицѣ метрическихъ мѣръ Бонна. С.-Пб. 1879 г.“—признать полезнымъ нагляднымъ пособиемъ

для употребленія въ начальныхъ училищахъ и въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Сборникъ примѣровъ и задачъ, относящихся къ курсу элементарной алгебры. Составилъ Ѳ. Бычковъ. Изд. 6-е. С.-Нб. 1879 г. Цѣна 1 р. 25 к.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Учебникъ ботаники. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній съ реальнымъ курсомъ. Составилъ согласно съ учебными планами и программами, утвержденными г. министромъ народнаго просвѣщенія для реальныхъ училищъ, К. Ѳ. Ярошевскій; состоявшій преподавателямъ естественныхъ наукъ въ 3 московской, бывшей реальной, гимназій. Съ 234 полнотипажными въ текстѣ. Москва. 1879 г. Цѣна 1 р. 50 к.“—допустить какъ руководство для реальныхъ училищъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЕ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опрежденіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: — составленныя В. Новаковскимъ брошюры: 1) „Разсказы о Ломоносовѣ“: Чтенія для народа. Изданіе 4-е. С.-Петербургъ 1876, ц. 10 к. и 2) „Разсказы о Суворовѣ.“ Чтеніе для народа изданіе 4-е. С.-Петербургъ 1876, ц. 20 к.—одобрить какъ книжки для чтенія для бібліотекъ начальныхъ народныхъ училищъ, а равнымъ образомъ для народныхъ чтеній.

— Составленную И. Деркачевымъ книгу: „Школьные ступени“. Годъ второй. Книга для чтенія въ начальной школѣ. Изданіе 2-ое съ перемѣнами. Москва. 1878 г., ц. 40 к., допустить для чтенія въ народныхъ училищахъ.

— Составленную г-жею Толмачевою книгу: „Разсказъ старушки о двѣнадцатомъ годѣ. Москва, 1878 г.—допустить въ бібліотеки начальныхъ народныхъ училищъ, а равнымъ образомъ и для народныхъ чтеній.

— Книжку: Времена года. Сборникъ стихотвореній и статей для дѣтскаго чтенія. Сост. С. Миропольскій. 1) Зима, 2) Весна, 3) Лѣто, 4) Осень. Изд. редакціи, „Семья и Школа“. С.-Петербургъ, 1878 г.—допустить въ бібліотеки гимназій.

— Книгу: „Руководство къ педагогической и гимназической гимнастикѣ. Сост. В. Г. Уховымъ, преподавателемъ въ С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ, Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ и проч. учебныхъ заведеній. Часть I. О вольныхъ движеніяхъ. С.-Пб. 1875 г. Часть II. Объ удраженіяхъ на снарядахъ. С.-Пб. 1872 г.— одобрить для библиотекъ всѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподается гимнастика, то-есть гимназій, реальныхъ училищъ, городскихъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтокъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: „А. Е. Субботинъ. Курсъ промышленной экономіи и коммерческой географіи въ связи съ торговлею промышленной статистикой Россіи и другихъ странъ. С.-Петербургъ 1878 г. Цѣна 2 руб.—допустить для библиотекъ городскихъ начальныхъ приходскихъ и сельскихъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Государь Императоръ, въ 10 день текущаго января, Высочайше соизволилъ: на постановку въ двухклассномъ начальномъ народномъ училищѣ министерства народнаго просвѣщенія въ сел. Аринѣ, Царевомокшайскаго уѣзда, Казанской губерніи, портрета г. министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Дмитрія Андреевича Толстого.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 10 день текущаго января, Высочайше соизволилъ: на постановку въ Казанскомъ Ягодинскомъ женскомъ приходскомъ училищѣ портрета попечителя сего училища Казанскаго 2-й гильдіи купца Константина Калинина.

— Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, въ 19 день истекшаго января, Высочайше соизволилъ на устройство шестаго съѣзда русскихъ естественнѣиспытателей въ С.-Петербургѣ въ декабрѣ 1879 г.

— Въ дополненіе къ донесенію попечителя С.-Петербургскаго отъ 7-го октября 1878 г., за № 9379, о томъ, какъ Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Царевичъ съ Августѣйшимъ своимъ братомъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, 27 сентября минувшаго года неожиданно осчастливили своимъ посѣ-

цениемъ Ястребинское двухклассное народное училище, попечитель доносить, что Августѣйшіе посѣтителѣ пробыли въ немъ около часа, разсматривали письменныя упражненія учащихся 2-го класса въ грамотѣ и въ счисленіи, геометрическіе чертежи съ рѣшеніями практическихъ задачъ, чертежи карандашемъ и красками географическихъ картъ и слушали пѣніе учащихся. Государь Наслѣдникъ внимательно осматривалъ постройку училищнаго дома и помѣщеніе учителя, милостиво распрашивая его о мѣстѣ воспитанія, о получаемомъ имъ содержаніи и съ какого времени онъ занимаетъ настоящую должность. Онъ посѣтилъ также ночлежный пріютъ и сапожно-башмачную мастерскую, устроенныя въ верхнемъ этажѣ. Здѣсь вниманіе Его Высочества было привлечено опрятностью помѣщенія, чистотою отдѣлки учениками башмаковъ и дешевой ихъ сбыта, по 1 р. за пару. Одну пару башмаковъ Государь Наслѣдникъ соизволилъ взять съ собою.

Благоустройство училища, многочисленность учащихся, отличное выполненіе чертежей и письменныхъ работъ и вообще отличные результаты всѣхъ занятій въ училищѣ, какихъ Его Императорское Высочество не предполагалъ найти въ народной школѣ, произвели благоприятное впечатлѣніе.—Въ знакъ своего благоволенія Государь Наслѣдникъ осчастливилъ Ястребинское училище даромъ своего портрета за собственноручною подписью на немъ Своего Августѣйшаго Имени.—Этотъ неоцѣненный подарокъ доставленъ чрезъ гофмаршала Двора Его Императорскаго Высочества наканунѣ новаго года его высокопревосходительству дѣйствительному тайному совѣтнику Александру Федоровичу Веймарну для передачи въ училище.

— Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія 13-го сего января, разрѣшилъ пригласить для С.-Петербургскаго 2-го реальнаго училища еще двухъ учителей гимнастики съ платою имъ по триста р. въ годъ каждому изъ суммы сбора за ученіе въ названномъ училищѣ.

Объявленіе отъ департамента народнаго просвѣщенія.

На оборотномъ и титульномъ листахъ книги: „Учебникъ географіи Россіи. Курсъ гимназическій. Сост. М. Мостовскій. Изд. 6-е, исправленное и дополненное. Съ картой Европейской Россіи. Москва 1879 г.—напечатано: „одобренъ ученымъ комитѣтомъ министерства часть ссп, отд. 1.

народнаго просвѣщенія какъ руководство для употребленія въ гимназіяхъ“. Между тѣмъ, означенный учебникъ г. Мостовскаго ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія допущенъ нынѣ, подобно 3-му изданію (Москва. 1870 г.), бывшему на разсмотрѣніи ученаго комитета, въ видѣ пособія при повтореніи курса географіи Россіи въ старшихъ классахъ гимназій.

О СКЛАДЪ НАРОДНО-РУССКОЙ ПѢСЕННОЙ РЪЧИ, РАЗ- СМАТРИВАЕМОЙ ВЪ СВЯЗИ СЪ НАПѢВАМИ ¹⁾.

III.

Народно-русское пѣсенное стихосложеніе.

«Изъ пѣсни слова не выкинешь»

Мнѣніе г. Оленицкаго о тождествѣ народно-русскаго пѣсеннаго размѣра съ древне-еврейскимъ. — *Параллелизмъ*, какъ наиболѣе выдающаяся (но оспариваемая г. Оленицкимъ) особенность *стилистическаго* стихосложенія, въ отличіе отъ *просодическихъ* (количественнаго и тоническаго).—Народно-русскій пѣсенный *ладъ*, совпадая съ греко-латинскимъ ритмомъ по отношенію къ напѣву, разнится отъ него въ приложеніи къ тексту; *складъ* же русскихъ пѣсень имѣеть совершенно иное основаніе, чѣмъ метры количественный и тоническій.—Взаимное отношеніе напѣва и рѣчи въ народно-русской пѣснѣ.—Что значить музыкальность въ стихосложеніи?—Мѣсто народно-русскаго пѣсеннаго стихосложенія въ ряду другихъ.—Напѣвы русскихъ пѣсень.—Ихъ ритмическія схемы.—Систематическій обзоръ сихъ послѣднихъ.

Отыскивая въ русской ученой литературѣ свѣдѣній о библейскомъ параллелизмѣ, для сравненія съ пѣсеннымъ русскимъ, я встрѣтился въ статьѣ г. Оленицкаго: „Риѣмъ и метръ въ ветхозавѣтной поэзіи“ ²⁾, съ двумя совершенно неожиданными утвержденіями, вопервыхъ, о параллелизмѣ, будто онъ совсѣмъ и не относится къ поэтическимъ формамъ рѣчи, и вовторыхъ, о самомъ библейскомъ метрѣ, будто онъ ничто иное, какъ тотъ же народно-русскій пѣсенный тоническій раз-

¹⁾ *Продолженіе*. См. *Ж. М. Н. Пр.* за ноябрь 1878 г.

²⁾ *Труды Киевской духовной академіи*, сентябрь 1872 г.

мѣръ, какъ его опредѣляли Востоковъ и г. Классовскій. Такъ какъ то и другое утверженіе идутъ наперерѣзъ выводамъ изъ моихъ изслѣдованій, то считаю себя обязаннымъ разсмотрѣть основанія обоихъ утверженій, начиная съ послѣдняго.

Къ заключенію о тождествѣ библейскаго метра съ народно-русскимъ г. Олесницкій пришелъ путемъ почти, можно сказать, отрицательнымъ: библейскій метръ долженъ быть тоническимъ, потому что онъ не количественный, ни силлабическій. „Особенности древне-еврейскаго языка“, говоритъ г. Олесницкій (стр. 558),—„показываютъ: α) что стихосложеніе еврейское не можетъ основываться, какъ греческое и римское, на различіи долгихъ и короткихъ звуковъ, потому что такого различія еврейскій языкъ вовсе не зналъ; β) что оно не можетъ быть также стихосложеніемъ силлабическимъ, основывающимся на количествѣ слоговъ и свойственнымъ языкамъ, ударяющимъ слова всегда на послѣднемъ мѣстѣ, какъ на примѣръ, французскому языку, ударяющему слова всегда на послѣднемъ слогѣ, польскому, ударяющему всегда на предпослѣднемъ, англійскому на первомъ, между тѣмъ, какъ еврейскій языкъ ударяетъ слова на послѣднемъ и предпослѣднемъ. γ) Остается предположить въ древне-еврейскомъ языкѣ тоническое стопосложеніе, такъ какъ другихъ стихосложеній наука не знаетъ. Но говоря о тоническомъ первосложеніи стиховъ, мы разумѣемъ не то стихосложеніе, которое господствуетъ въ нѣмецкой поэзіи, и со времени Ломоносова, въ русской, но подобное тому, какое искони существуетъ въ нашей народной поэзіи, именно то, въ которомъ ударяются не отдѣльные слоги, а цѣлыя слова, которыя въ первобытномъ состояніи языка должны были представляться народному поэтическому творчеству неразрывнымъ цѣлымъ. Вотъ примѣръ такого стихосложенія:

«Ты воспой | воспой,

Младъ жавроночекъ,

Сидючи | весной

На проталинкѣ».

„Это было (стр. 581) тоническое стихосложеніе, основывающееся на удареніяхъ цѣлыхъ словъ, поколику около удареній концентрируется вся сила слова; послѣ двухъ, трехъ удареній, то-есть послѣ двухъ, трехъ словъ дѣлается болѣе или менѣе значительная

пауза, то-есть, отдѣляется особенный членъ. Но метръ древне-еврейскій превышаетъ нашу народную метрику особеннымъ музыкальнымъ расположеніемъ отдѣльныхъ группъ или членовъ, хотя это расположение можетъ здѣсь быть очень разнообразно и часто не выдерживаетъ единства тона, своего общаго архитектурическаго склада въ построении стиха“.

Предполагаемаго г. Олесницкимъ въ библейской и въ народно-русской поэзи, „единства архитектурическаго склада“ не оказывается въ сей послѣдней. Такъ даже въ той самой пѣснѣ, которую г. Олесницкій, вслѣдъ за Востоковымъ, приводитъ въ примѣръ народно-русскаго тоническаго стихосложенія, онъ находитъ въ нечетныхъ стихахъ по два ударенія, въ четныхъ по одному, а Востоковъ ставилъ и въ тѣхъ, и въ другихъ только по одному ударенію, и этотъ самый примѣръ приведенъ у него въ такомъ видѣ:

— — — — —
 «Ты воспой, воспой,
 — — — — —
 Младъ жавороночекъ,
 — — — — —
 Сидючи весной
 — — — — —
 На проталинкѣ».

Но съ такимъ же, если не съ бѣльшимъ правомъ этотъ самый примѣръ можно написать въ видѣ двустипіа и перенести риторическія ударенія совсѣмъ на другія мѣста, такъ напримѣръ:

«Ты воспой, воспой, младъ жавороночекъ,
 Сидючи весной на проталинкѣ!»

Ужь изъ одного этого примѣра видна несостоятельность воззрѣнія, принимающаго за метрическую основу пѣсенной рѣчи риторическое удареніе, постановка котораго такъ часто зависитъ отъ произвола говорящаго, отъ связи съ предыдущею или послѣдующею, иногда только подразумеваемою мыслию.

Говоря объ удареніяхъ цѣлыхъ словъ, (а не одного слога въ словѣ), г. Олесницкій, по видимому, подъ удареніемъ разумѣетъ нагнѣнное, (а не декламационное)¹⁾ повышеніе голоса, „У Евреевъ“ (стр. 564), говоритъ онъ, — „законъ движенія звуковъ въ стихѣ дышетъ совершенно восточною силой и стремительностію чувства. Онъ состоитъ вообще

¹⁾ Хотя древне-еврейскіе нагнѣвы вовсе не дошли до насъ.

въ томъ, что поэтическая строка начинается самыми высокими нотами, постепенно понижающимися къ концу строки, но притомъ такъ, что понижающіеся тоны постепенно дѣлаются сильнѣе и въ паузѣ оканчиваются самымъ низкимъ и сильнымъ звукомъ. Два такіа поднятія и опущенія обыкновенно образуютъ собою въ полупоэтическихъ книгахъ полный стихъ; но въ поэтическихъ книгахъ средней стихъ дается тремя поднятіями и опущеніями, стоящими между собою въ такомъ отношеніи, что средняя часть стиха въ цѣломъ своемъ объемѣ представляетъ пониженіе между двумя крайними частями, образующими повышение, между тѣмъ какъ строки, образующія полупоэтической стихъ, близко равны между собою, представляя почти механическое сдѣленіе двухъ частей стиха въ одно цѣлое. Каждая изъ строкъ стиха дѣлится на отдѣльныя малыя части, которыя для отличія мы будемъ называть членами стиха... Свобода въ расположеніи метра (стр. 570) зависитъ главнымъ образомъ отъ большаго или мѣншаго прилива мысли, чувства и одушевленія въ каждомъ данномъ случаѣ, такъ что большей или меньшей степени сопровождающаго мысль чувства соотвѣтствуетъ болѣе или менѣе высокая нота, начинающая строку“.

И здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ о напѣвѣ, а не о декламациѣ, въ которой высота и „стокъ“ звуковъ зависятъ отъ средствъ голоса и не могутъ быть фиксированы, подобно тому какъ въ напѣвѣ, нотами. Если дѣйствительно таково было напѣвное движеніе въ библейской поэзіи (что едва ли можно съ несомнѣнностью доказать при совершенномъ отсутствіи древне-библейскихъ мелодій), то оно напоминаетъ отчасти напѣвъ одной народно-русской лиро-эпической пѣсни; „Какъ во славномъ было градѣ, братцы, въ каменной Москвѣ“ (см. прилож., напѣвъ № 83). Здѣсь мелодія распадается также на три части или на три мотива. Первый мотивъ, начинаясь съ верхняго до надъ первымъ словомъ текста (к а к ъ), постепенно понижается по октавной лѣстницѣ до средняго до надъ послѣднимъ слогомъ слова градѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдніе два слога выполняются вдвое протяжнѣе предыдущихъ. Второй мотивъ, начавшись съ низкой ноты, поднимается на третьемъ слогѣ до той высоты, съ какой начался первый мотивъ, и подобно ему, постепенно опускается до той же ноты, какъ и первый, и къ концу еще почти съ большимъ растяженіемъ. Для третьяго мотива нѣтъ соотвѣтствующей третьей, новой фразы въ текстѣ, а имъ повторяется вторая, и самый мотивъ этотъ, обыкновенно называемый за пѣвомъ, служить переходомъ

отъ наинизшей послѣдней ноты втораго мотива къ наивысшей первой нотѣ перваго мотива, потому что оканчивается какъ разъ тою нотою, съ которой мелодія начинается. Все это относится однако лишь къ поступательному движенію мелодіи, а никакъ не къ тексту строфы, въ которомъ не три, а только двѣ фразы, такъ какъ во всѣхъ строфахъ, кромѣ первой, первое колѣно (запѣвъ) состоитъ изъ повторенія послѣдняго колѣна предыдущей строфы. И такъ, есть сходство, но лишь въ движеніи мелодіи, а не въ складѣ рѣчи, и притомъ въ одной изъ слишкомъ 200 тщательно разсмотрѣнныхъ пѣсенъ. Но даже и относительно одной этой пѣсни предположеніе г. Олесницкаго оправдалось бы хотя лишь отчасти въ томъ только случаѣ, еслибы такъ названное имъ удареніе цѣлыхъ словъ (по нашему, риторическое удареніе) совпадало съ наивысшимъ поднятіемъ голоса въ мелодіи; а этого вовсе нѣтъ. Въ первой же строфѣ:

(.)
Какъ во славномъ было градѣ

(.)
Братцы, въ каменной Москвѣ

высшія ноты означены удареніями въ скобкахъ (') надъ словами какъ и въ каменной, стоящими въ началѣ, или близко къ началу колѣвъ, между тѣмъ какъ риторическія ударенія приходятся на слова градѣ и Москвѣ, стояція въ концѣ колѣвъ.

„Стокъ звуковъ“, какъ выражается г. Олесницкій о постепенномъ пониженіи мелодіи, начинающейся съ самой высокой своей ноты, напомнилъ мнѣ распѣваніе былинъ олонецкимъ рапсодомъ, котораго я слышалъ въ Москвѣ въ 1871 или 1872 году; но у него мелодія, сколько мнѣ помнится, начинаясь съ среднихъ или даже низкихъ нотъ, поднималась къ срединѣ стиха (или предложенія, если оно въ одномъ стихѣ не укладывалось) и опускалась къ его концу, переходя по октавной лѣстницѣ со ступеньки на ступеньку съ точностью, чуждою свободной игрѣ поэтическаго чувства. Такое выполненіе, при замѣчательной своей однообразности, походило на особаго рода дикцію, скорѣе искусственную, чѣмъ естественную; таковой держались, быть можетъ, и гомеровскіе рапсоды. Но въ такомъ движеніи мелодіи, начинающейся съ высокихъ, сперва быстро смѣняющихся, потомъ при постепенномъ опусканіи замедляемыхъ и усиливаемыхъ звуковъ, какъ это соблюдалось будто бы въ библейскихъ напѣвахъ, или въ однообразномъ сочетаніи, по олонецки, въ мелодіи двухъ гаммъ, восходящей съ нисходящею, нисколько не видно „восточной силы и стре-

мительности чувствъ“, какъ говоритъ г. Олесницкій, а скорѣе отражается эпическое спокойствіе, столь приличное впрочемъ былинной поэзіи. Во всякомъ случаѣ такимъ выполненіемъ характеризуется напѣвный складъ, а не складъ пѣсенной рѣчи. Конечно, и въ рѣчи наивысшее, то-есть, риторическое удареніе нерѣдко встрѣчается въ началѣ предложенія, на примѣръ, вопросительнаго или начинающагося съ обращенія, какъ это видно изъ приведеннаго у меня уже неоднократно примѣра:

Будешь ли, реввивый мужъ, пускать меня въ гости?
Государыня жева, ступай хоть вовсе.

Но такое выдвиганіе риторически важнаго слова къ началу предложенія есть ничто иное, какъ инверсія, столь же обыкновенная въ прозаической, какъ и поэтической рѣчи, но ни для той, ни для другой не обязательная, что впрочемъ признаетъ г. Олесницкій и для своей библейской метрики, въ слѣдующихъ словахъ: „Метръ древне-еврейскій превышаетъ нашу народную метрику особеннымъ музыкальнымъ расположеніемъ отдѣльныхъ группъ или членовъ,—хотя это расположеніе можетъ быть здѣсь очень разнообразно и часто не выдерживаетъ единства тона, своего общаго архитектурическаго склада въ построеніи стиха“. Если жь, то и объ этомъ мнимо-тоническомъ строѣ библейской (какъ и народно-русской пѣсенной) рѣчи приходится повторить собственныя слова г. Олесницкаго о ритмѣ мысли или объ метрѣ предложеній, которые Эвальдъ думалъ отвергнуть въ библейской поэзіи: „Такъ какъ выставленныя (Эвальдомъ) формулы (стр. 542) теряются среди безконечнаго разнообразія другихъ отношеній, то самое представленіе о метрѣ исчезаетъ“.

И такъ, особо-тоническаго, такъ сказать — словоударительнаго или пожалуй, мыслеударительнаго метра, какъ уже было доказываемо во второй главѣ нашего сочиненія, не существуетъ въ нашей народной пѣсенной рѣчи, какъ не существовало, вѣроятно, и въ библейской, потому что соблюденіе обыкновенныхъ риторическихъ удареній вовсе не составляетъ особой формы поэтической рѣчи, а составляетъ необходимую принадлежность осмысленнаго произношенія какъ поэтической, такъ равно и обиходной рѣчи. Напротивъ того, въ параллелизмѣ, свойственномъ народно-русской пѣсенной рѣчи почти въ такой же мѣрѣ, какъ и библейской, г. Олесницкій не хочетъ видѣть своеобразной поэтической формы, которою, по нашему мнѣнію, существенно отличается отъ версификацій просодическихъ, движущихся въ ритмическихъ оковахъ (количественной и тонической), версифика-

ція стилистическая, основывающаяся на особенностяхъ слога и на своеобразномъ поступательномъ движеніи рѣчи.

Разсмотримъ различныя теперъ мнѣнія о параллелизмѣ, какъ они приведены въ сочиненіи г. Олесницкаго.

„Самое ходячее и самое наивное объясненіе поэтическаго параллелизма“, говоритъ г. Олесницкій (стр. 503),— „состоитъ въ слѣдующемъ (Von der Form der hebräischen Poesie, von Saalschütz, 98): „Параллелизмъ есть то ближайшее, то отдаленное родство въ содержаніи отдѣльныхъ строкъ или предложеній, обнаруживаемое то въ строкахъ, непосредственно слѣдующихъ одна за другою, то въ смѣшанномъ порядкѣ, напримѣръ, такъ, что первой строкѣ будетъ соотвѣтствовать содержаніе третьей“... ¹⁾

„По объясненію Лофта, въ которому склоняется и Блинкъ, параллелизмъ вышелъ изъ первоначальной неумѣлости человѣческаго слова овладѣвать мыслию, вслѣдствіе которой человѣкъ говорилъ разбросанными предложеніями, не имѣющими между собою внутреннихъ отношеній и связи, но однако же параллельными съ внѣшней стороны, потому что всѣ они стремились овладѣть одною и тою же мыслию. Чѣмъ важнѣе была мысль, и слѣдовательно, чѣмъ труднѣе было овладѣть ею посредствомъ слова, тѣмъ болѣе ставилось параллельныхъ членовъ, прежде чѣмъ мысль казалась болѣе или менѣе удовлетворительно высказанною... Но какимъ образомъ“, справедливо замѣчаетъ на это г. Олесницкій,— „этотъ недостатокъ человѣческаго слова—первоначальная безформенность рѣчи могла сдѣлаться прекрасною поэтическою формою, ни Лофтъ, ни Блинкъ не объясняютъ“... Болѣе серьезное и научное основаніе“—продолжаемъ приводить слова г. Олесницкаго, — „представляетъ, по видимому, указанное Леемъ объясненіе параллелизма изъ началъ аллитераціи: „Подобно тому, какъ повтореніе буквъ, учащаясь болѣе и болѣе, перешло въ повтореніе цѣлыхъ словъ, съ теченіемъ времени, при дальнѣйшемъ

¹⁾ Объясненіе не только ни мало не наивно, но и ближе многихъ другихъ къ истинѣ, то-есть, къ фактамъ поэтическаго еврейскаго и русскаго языковъ.

Еврейск. 1) Небо дождило, и облака лили воду.

Еврейск. 2) Вознесись, моя молитва, словно дымъ съ кадила! Воздыму я къ небу руки свои—это моя вечерняя жертва!

Русск. О чемъ ты, двѣнца, плачешь?

О чемъ ты слезы льешь?

Или: Ужь какъ палъ туманъ на сине море,

А злодѣй-тоска въ ретиво сердце.

интеллектуальномъ развитіи, повтореніе словъ замѣнилось повтореніемъ мыслей, потому что съ усиленіемъ интереса въ мысли, фонетическій интересъ пересталъ обращать на себя вниманіе и постепенно затерся мыслию¹⁾... „Что параллелизмъ представляетъ изъ себя дальнѣйшую фазу развитія аллитераціи“, говоритъ Лей (Hebr. Poësie, 16),—„это достаточно видно ужъ изъ того, что древняя эпическая (?) библейская поэзія не заключаетъ въ себѣ параллелизма, а только метрическую форму аллитераціи“. Эта матеріалистическая теорія Лей основывается на невѣрно поставленномъ отношеніи между звукомъ и мыслию... и противна (также) исторіи: параллелизмъ, вопреки заявленію Лей, полнѣе именно въ древнѣйшихъ пѣсняхъ и съ теченіемъ времени ослабѣваетъ, такъ что въ тѣхъ библейскихъ книгахъ, гдѣ нѣтъ аллитераціи, весьма мало и параллелизма... Материализація библейскаго параллелизма у Лей была вызвана крайнимъ одухотвореніемъ метрическихъ формъ ветхозавѣтной поэзіи, перенесеніемъ ихъ изъ чувственной области вещественнаго метра въ сверхчувственную область риема мысли. Это восхожденіе отъ плоти къ духу, отъ подлежащихъ числу и мѣрѣ звуковъ къ беззвучной метригѣ мысли утверждено съ замѣчательною энергіей, богатствомъ и силою мысли. Эвальдомъ, этимъ вождемъ новѣйшей нѣмецкой библейской критики и признано послѣднимъ словомъ науки... Признавая, что языкъ ветхозавѣтной поэзіи не доразвился до метрической поэзіи, Эвальдъ признаетъ въ Библии только независимый отъ внѣшнихъ обыкновенныхъ формъ внутренней, поэтической риемы мысли (Gedankenrhythmus), то опускающейся, то поднимающейся и такимъ образомъ образующей *Tanz der Gedanken* (пляску мыслей), замѣняющій просодію. „Поэтическая рѣчь“, говоритъ Эвальдъ,—„требуетъ законмѣрности и строгого порядка. Этотъ порядокъ размѣщенія звуковъ необходимъ потому, что иначе стремительность словъ, образовъ, представленій, вообще чувства, глубоко потрясеннаго у поэта, своимъ безмѣрнымъ

¹⁾ Крайне невѣроятное объясненіе происхожденія параллелизма изъ аллитераціи, въ соответствии съ еще болѣе невѣроятнымъ выводомъ фигурнаго повторенія цѣлыхъ словъ изъ той же аллитераціи. Какъ бы ни старались о подборѣ подобозвучныхъ словъ, въ нихъ все же нельзя для того по произволу перемѣнять буквы, не лишая слова ихъ значенія. Въ фигурѣ звукоподражанія, единственно допустимой для русской народной поэзіи, подобозвучію словъ должно во всякомъ случаѣ предшествовать сходство сопоставляемыхъ явленій единческаго и нравственнаго міра, напримѣръ, въ пословицѣ: *мірская молва—морская волна*. С. Ш.

содержаніемъ могла бы подавить слово поэта, или по крайней мѣрѣ, вылиться въ безвидныя очертанія, дикія и безобразныя. Основаніе порядка въ движеніи поэтической рѣчи человѣкъ носитъ въ своей собственной груди. Потокъ звуковъ и словъ не можетъ течь изъ груди человѣка непрерывно, но долженъ подчиняться закону человѣческаго дыханія, дѣлающаго промежутки вдыханія и выдыханія воздуха ¹⁾. Вѣчный естественный риѣмъ прилива и отлива воздуха въ грудь есть глубочайшее основаніе всякихъ поэтическихъ движеній ²⁾.

¹⁾ Можно говорить лишь о нѣкоторомъ соотвѣтствіи движенія рѣчи съ выдыханіемъ, какъ и еще болѣе о подчиненіи ему движеній голоса въ пѣснѣ. Пѣніе повсюду было первоначальною формою проявленія поэтической рѣчи, которая потому вездѣ и отличалась отъ обиходной, прозаической: но ни самое пѣніе, ни рѣчь вообще вовсе не идутъ шагъ въ шагъ съ процессомъ вдыханія и выдыханія, а обуславливаются единственно послѣднимъ изъ нихъ, то-есть, выдыханіемъ, и лишь съ нимъ соразмѣряются. При вбираниіи въ себя воздуха нельзя произнести сколько-нибудь внятно ни одного слова, тѣмъ менѣе опѣть что-нибудь. Какъ произнесеніе членораздѣльныхъ звуковъ рѣчи совершается вълѣдствіе равнообразнаго приращенія къ органамъ рѣчи именно выдыхаемаго воздуха, такъ и пѣніе, въ смыслѣ особаго рода говоренія же, производится тѣмъ же самымъ способомъ. Количество времени, на какое можно, такъ сказать, растянуть выдыханіе воздуха, служитъ основаніемъ всѣхъ музыкальныхъ мѣрѣ, то-есть, главныхъ подраздѣленій голосоведенія именно на періоды или стихи, на колѣна или полустихія и на части колѣнъ—такты. Нѣкоторыя мелодія рассчитаны на выполненіе *однимъ духомъ*; онѣ не обширны и выполняются быстро (большею частью это *одностишія* плясовыхъ и дѣтскихъ пѣсень); другія состояются изъ двухъ колѣнъ, съ *переведеніемъ духа*, по окончаніи перваго колѣна; въ третьихъ голосу дается три отдыха, именно въ четырехколѣнныхъ двустихіяхъ и т. д. Впрочемъ допускается отчасти возобновлять дыханіе (то-есть, запастись воздухомъ посредствомъ вдыханія) и среди колѣна, но не иначе, какъ въ промежуткѣ самостоятельныхъ частей колѣна или тактовъ, и какъ можно быстрѣе и незамѣтнѣе, а отнюдь не среди такта, что было бы столь же непріятно для слуха, какъ если кто спотыкнется въ рѣчи на полусловѣ, то-есть, занякнется. Вотъ съ этими-то основными условіями музыкальнаго голосоведенія сообразуется обыкновенно и пѣсенная рѣчь; то-есть, она распредѣляетъ свои предложенія и отдѣльныя ихъ части по строкамъ, стихамъ или періодамъ, колѣнамъ или полустихіямъ, а въ количественныхъ языкахъ отчасти и по тактамъ (стопы). Прилаживаемыя таковы образомъ къ движеніямъ напѣва предложенія получаютъ иногда много ли, мало ли, но отличный отъ обиходнаго или разговорнаго складъ рѣчи, который и называется *метромъ*, метрическою или стихотворною, пѣсенною рѣчью.

²⁾ Поэтическія движенія, то-есть, усиленные движенія внутренняго чувства, вовсе не имѣютъ своего основанія въ легкихъ, въ процессѣ дыханія, а обуславливаются безтѣлесными движеніями внутренней, душевной жизни, и эти послѣднія скорѣе сами вліяютъ на движеніе легкихъ, чѣмъ подчиняются ихъ вліянію.

Вмѣстѣ съ теченіемъ воздуха изъ груди слова могутъ вырваться съ крайнею энергіей и стремительностію; но въ моментъ, когда кончается отливъ воздуха изъ груди, и воздушная волна возвращается въ гѣдра человѣка,—прерывается потокъ словъ, и человѣкъ дѣлается на мгновеніе бессильнымъ въ выраженію своего напряженнаго чувства. Такимъ образомъ поэтической метръ будетъ состоять въ правильномъ ходѣ вдыханій и выдыханій голоса, приливовъ и отливовъ, повышеній и пониженій... Такимъ образомъ метрическое дыханіе или поднятіе должно заключать въ себѣ полное предложеніе. Но такъ какъ въ моментъ поэтическаго творчества, при напряженіи чувства, бывають усиленныя, а потому быстрѣйшія и кратчайшія выдыханія воздуха ¹⁾ и связанныя съ ними поднятія звуковъ, то и поэтическія предложенія должны быть кратки. Вмѣсто свободной и ровной прозаической рѣчи въ періодахъ, поэтическая рѣчь сокращаетъ мысли въ моментальные скачки, поднимающіеся быстрымъ налетомъ мысли, имѣющей однакожъ всегда полный аккордъ, то-есть, три главныя части предложенія, подлежащее, сказуемое и ихъ связь... Такимъ образомъ поставленный первый шагъ поэтическаго движенія въ поднятѣ предложенія не можетъ стоять уединенно, какъ не можетъ быть самостоятельно мыслимъ актъ одного выдыханія. Точно также

Такъ при сильномъ душевномъ волненіи *замираетъ сердце, спирается въ груди дыханіе*, какъ это прекрасно выразилъ Пушкинъ устами Годунова, пораженнаго вѣстію о появленіи самозванца: «Ухъ, тяжело! Дай духъ переведу» и т. д. Не странно ли само по себѣ предположеніе Эвальда, будто зарожденіе въ душѣ бурнаго и сильнаго чувства непременно совпадаетъ съ выдыханіемъ легкихъ, и слѣдовательно, какъ бы отъ него и зависитъ, а вдыханію соответствуетъ какъ бы обусловливаемое имъ чувство тихое, ослабленное! Напротивъ того извѣстно, что чѣмъ сильнѣе чувство, тѣмъ болѣе *духъ спирается*, то-есть, задерживается выдыханіе, даже хотя бы человѣкъ при этомъ совершенно безмолвствовалъ. Съ другой стороны, дыханіе ускоряется при быстромъ движеніи тѣлесномъ, безъ всякаго отношенія къ мысли и чувству. Вообще и въ нормальномъ состояніи человѣка душа господствуетъ надъ тѣломъ, а не въ услуженіи у него находится.

С. Ш.

¹⁾ Отъ напора чувствъ дыханіе не только не ускоряется, то-есть, не бываетъ быстрыхъ и краткихъ выдыханій, а совершенно наоборотъ, — *дыханіе спирается*, то-есть, затрудняется, какъ бы приостанавливается, отсюда и прерывистая рѣчь, напримѣръ, въ припадкѣ гнѣва, послѣ котораго человѣкъ обыкновенно запыхивается, то-есть, быстрымъ дыханіемъ какъ бы наверстываетъ прешествовавшую задержку дыханія. Вообще при всякомъ внутреннемъ, душевномъ напряженіи человѣкъ, какъ говорится, *притаиваетъ* дыханіе.

С. Ш.

не возможно, чтобы непосредственно за первымъ предложеніемъ явилось такое же трудно выдыхаемое второе, какъ невозможно изъ груди два сряду отлива воздуха. Одно, что возможно послѣ такого повышенія, это—ниспаденіе звука, то-есть, слабое и легкое предложеніе. Въ отношеніи къ звуку оно можетъ быть то короче, то длиннѣе перваго, но во всякомъ случаѣ будетъ слабѣе его и должно произноситься спокойнымъ и пониженнымъ голосомъ ¹⁾). По отношенію къ мысли, оно не должно заключать въ себѣ новаго момента, потому что при полномъ соответствіи между мыслию и звукомъ, всякій новый элементъ въ мысли долженъ вызывать поднятіе звука ²⁾) и не совместимъ съ ослабленіемъ въ звукѣ; приливъ въ мысли немедленно возбуждаетъ отливъ въ дыханіи или поднятіе голоса. Такимъ образомъ послѣ поднятаго поэтическаго предложенія можетъ стоять только его повтореніе ³⁾), которое, какъ такое, уже не даетъ новыхъ рефлексивныхъ движеній и произносится спокойно“. „Взятая вмѣстѣ повышеніе и пониженіе даютъ полное цѣлое, риѣмъ мысли, замкнутый въ себѣ закономъ физически-психической необходимости“.

„Эти основанія, предложенныя Эвальдомъ для объясненія параллелизма“, продолжаетъ г. Олесницкій,—„падаютъ при ближайшемъ и точномъ разсмотрѣніи. Эвальдъ смѣшалъ требованія ораторскаго искусства съ условіями поэтическаго творчества. Повышенія и пониженія голоса необходимы при чтеніи всякаго сочиненія; но особенную заботливость въ отношеніи къ нимъ всегда выказывали древніе ораторы. Для нихъ необходимо было обдѣлывать предложенія такъ, чтобы слушающая толпа ни на мгновеніе не выходила изъ-подъ обаянія говорящаго. Для этого прежде всего нужно было, чтобы ораторъ не остановился среди предложенія. Бывали случаи, что неловко остановившійся среди предложенія ораторъ прогонялся съ трибуны. Далѣе, такъ какъ въ рѣчи существуютъ первостепенныя и второстепенныя части, и такъ какъ, дѣйствительно, держать голосъ на одной высотѣ человекъ не можетъ, то ораторы имѣли обычай равномерными повышеніями и пониженіями опредѣлять

¹⁾ Говорить, какъ и вообще издавать голосомъ звукъ, человекъ можетъ только при выдыханіи, а при вдыханіи безмолвствуетъ, иначе: *переводитъ духъ*.

²⁾ Но мысль движется независимо отъ гласнаго ея выраженія, сопряженнаго, конечно, съ выдыханіемъ; мы можемъ мыслить *про себя*, безмолвно, и не только наяву, но и во снѣ, ни мало не соображаясь съ вдыханіемъ и выдыханіемъ.

С. III.

³⁾ *Повтореніе*, какъ особая поэтическая форма, имѣетъ совершенно другое основаніе, какъ это ниже будетъ доказано.

III. С.

для слушателей ходъ своей рѣчи. Это наглядно можно видѣть въ построеніи латинскаго ораторскаго періода. Первая часть его всегда имѣетъ второстепенное значеніе, бываетъ обширна и потому самому произносится быстро; напротивъ—вторая часть, содержащая сущность дѣла и потому выраженная, по возможности, кратко, все болѣе и болѣе замедляется по направленію къ концу, такъ что послѣднее слово періода—глаголь, правящій всѣмъ періодомъ, произносится возможно-спокойнымъ и важнымъ тономъ власти и достоинства. Сосредоточивая въ себѣ всю сущность рѣчи, вторая часть такъ или иначе повторяла первую или отражала ее въ своемъ содержаніи,—такъ что слушатель, проронившій даже быстрю, первую часть періода, могъ удовлетвориться заключительнымъ членомъ. Эти только общія требованія ораторскаго искусства Эвальдъ прилагаетъ къ ветхозавѣтной поэзіи... И такъ, Эвальдъ (стр. 516) несправедливо смѣшалъ единицу ораторскаго движенія рѣчи (предложеніе) съ единицей, опредѣляющею моменты поэтическаго движенія. Эвальдъ забылъ, что пѣсня не произносится, а поется, и что пройтъ цѣлое предложеніе за однимъ выдыханіемъ воздуха невозможно, да и не нужно, потому что поэтъ имѣетъ въ виду только себя, а не слушателей, и слѣдовательно, предложеніе, высказанное не въ одинъ, а въ нѣсколько моментовъ, ничего не теряетъ.

„1) Самый сильный и прекрасный метръ, по Эвальду, бываетъ въ томъ случаѣ, когда мысль находитъ полное отзвучіе во второмъ членѣ, то-есть, когда вполнѣ повторяется предложеніе (*Wiederholl des ganzen Satzes*). Здѣсь не имѣетъ мѣста тавтологія или повтореніе словъ; но метръ держится только въ области мысли. Такимъ образомъ, гдѣ въ прозѣ два предмета стоятъ одинъ при другомъ, какъ два подлежащихъ, здѣсь для каждаго изъ нихъ отдѣляется особенное предложеніе. Напримѣръ, Притч. 1, 10.

Слушай, сынъ мой, наставленія отца твоего.

И не отвергай назиданія матери твоей.

„Въ прозѣ подлежащія отецъ и мать короче были бы названы въ одномъ предложеніи.

„2) Противоположность этому роду метра представляетъ другой тяжелый метръ, въ которомъ предложеніе, будучи слишкомъ длиннымъ для одного члена, распадается на два члена, такъ что полная мысль дается только совокупностію обоихъ членовъ. Псал. 110, 5: „Гегова по своему правосудію, сокрушилъ, въ день гнѣва своего, царя“.

„Если въ перваго рода параллелизмъ дается при каждомъ новомъ

членъ полувозвратъ (ein halber Rückschritt) назадъ, чтобы то, что уже высказано одинъ разъ, выдвинуть снова и тѣмъ плотнѣе связать между собою отдѣльные члены, то здѣсь каждая строка есть шагъ впередъ (Fortschritt zum Weiteren).

„3) Если наконецъ представляются два предложенія, не повторяющія другъ друга и не продолжающія непосредственно, но равно самостоятельныя, дающія высшій смыслъ своимъ соединеніемъ, будь это въ формѣ предыдущаго и послѣдующаго, то-есть, такимъ образомъ, что одно служитъ противоположеніемъ, сравненіемъ, вообще основаніемъ другому, или даже безъ внѣшней связи между ними, если только они стоятъ одно за другимъ, образуютъ цѣлое посредствомъ общаго рода мысли,—то отсюда происходитъ спокойный, но сильный метръ, стоящій въ срединѣ между двумя первыми родами, который потому можно назвать среднимъ метромъ, напримѣръ: „Сердце тихое есть жизнь тѣла, а злоба это костоѣда въ костяхъ“. Притч. 14, 30.

„Такимъ образомъ Эвальдъ признаетъ три вида метровъ параллельныхъ членовъ: 1) метръ повторенія одной мысли въ двухъ предложеніяхъ; 2) метръ, въ которомъ два члена даютъ двѣ мысли различнаго, какаго бы ни было, содержанія; подъ опредѣленіе этого средняго метра у Эвальда подходятъ всѣ періоды и всякія простыя предложенія, въ какой бы то ни было связи слѣдующія одно за другимъ; 3) метръ тупой, въ которомъ одно предложеніе раздѣляется на части. Хотя Эвальдъ, при опредѣленіи средняго и тупаго метра старается найти случаи нѣкотораго побочнаго повторенія, но въ сущности повтореніе членовъ принадлежитъ одному только первому виду параллелизма.

„Наконецъ (стр. 523), нѣтъ ничего опредѣленнаго во взаимномъ отношеніи между указанными Эвальдомъ родами метра мысли. Обыкновенно присутствіе метра въ пѣспѣ узнается по тѣмъ или другимъ повтореніямъ извѣстныхъ отношеній между звуками. Въ отношеніи къ метру мысли слѣдовало бы ожидать, что каждая пѣснь выдерживаетъ одинъ какой-либо видъ параллелизма или, состоя изъ различныхъ видовъ, повторяетъ ихъ въ правильномъ порядкѣ. Между тѣмъ на дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ, и псаломъ, начавшись повтореніемъ членовъ, можетъ обращаться къ сравненіямъ, противоположеніямъ, дѣлать одну мысль на два члена и т. д., то-есть, употреблять безразлично, смотря по ходу рѣчи, всѣ обороты, какіе существуютъ въ языкѣ, не стѣсняясь никакими условіями метра. „Вообще подвижной метръ библейской поэзіи“, говоритъ Эвальдъ, — „безконечно раз-

нообразенъ (unendlich mannigfach), такъ какъ онъ стоитъ въ зависимости отъ живыхъ внутреннихъ движеній чувствъ, и потому подробное описаніе его въ сущности невозможно". Если сличить это замѣчаніе съ исходнымъ пунктомъ Эвальдова изслѣдованія, что коренная особенность поэзіи состоитъ въ томъ, что въ ней слова и предложенія выбираются и ставятся не какъ попало, подобно прозѣ, а по извѣстному закону и порядку, — то мы поймаемъ Эвальда въ необходимомъ противорѣчїи, потому что бесконечно разнообразное, какъ такое, есть именно рѣшительная противоположность опредѣленному закону и порядку. Такимъ образомъ бесконечно разнообразное построеніе стиховъ, въ отношеніи къ расположенію ихъ предложеній, показываетъ, что ветхозавѣтные поэты, не вслѣдствіе какихъ-либо поэтическихъ условій, разставляютъ части рѣчи, а по тѣмъ простымъ универсальнымъ требованіямъ, какимъ слѣдовало и слѣдуетъ все мыслящее и чувствующее человѣчество въ своихъ словесныхъ выраженіяхъ.

„И такъ“, заключаетъ г. Олесницкій, — „чѣмъ объясняется (стр. 557) явленіе параллелизма? Чтобы мы могли ориентироваться въ предложенномъ вопросѣ, необходимо предварительно принять во вниманіе слѣдующіе неопровержимые факты:

„1) Независимо отъ поэтическихъ книгъ Ветхаго завѣта, параллелизмъ встрѣчается во всѣхъ прозаическихъ, историческихъ книгахъ Ветхаго завѣта, начиная съ книги Бытія: Быт. 2, 2. „И окончилъ Богъ въ день седьмый дѣла, которыя дѣлалъ и почилъ въ день седьмый отъ дѣла, которыя дѣлалъ“. Быт. 2, 5. „Прежде чѣмъ какой-либо кустъ появился на землѣ, прежде чѣмъ какой-либо злакъ полевой выросъ“.

„2) Очень много стиховъ съ параллельными членами встрѣчается въ Новомъ завѣтѣ, написанномъ прозой и на греческомъ, а не еврейскомъ языкѣ, напримѣръ: Матѳ. 10, 26. „Нѣтъ ничего сокровеннаго, что не открылось бы, и тайнаго, что не было бѣ узнано“.

„3) Параллелизмъ встрѣчается у всѣхъ древнихъ восточныхъ народовъ, даже тѣхъ, которые имѣютъ опредѣленную просодію звуковъ: у Египтянъ (слѣдуютъ примѣры изъ надписей), у Индійцевъ (примѣры изъ Ведъ), у Китайцевъ (примѣры), у древнихъ и новыхъ Нѣмцевъ (примѣры Гете и Шиллера), въ каждой русской народной былинѣ и пѣснѣ:

Ужь ты батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!

Что ты свѣтишь не постарому,
Не постарому, не попржему?..

„Параллелизмъ можно встрѣчать отчасти у всѣхъ нашихъ поэтовъ до Пушкина, особенно у Державина, Жуковского и Кольцова. И такъ, параллелизмъ есть нѣчто всеобщее, существующее въ самыхъ различныхъ степеняхъ у всѣхъ народовъ, какъ въ прозаическихъ, такъ и въ поэтическихъ сочиненіяхъ, независимо отъ того, будетъ ли поэзія просодическая (то есть, имѣющая какой-либо особенный метръ, независимый отъ метра мысли), или не просодическая, и постепенно исчезающее у всѣхъ народовъ съ развитіемъ аналитическаго движенія мысли вмѣсто первоначальнаго синтетическаго. Другими словами: параллелизмъ есть обыкновенный древній способъ выраженія мысли всѣхъ народовъ, не только не отличающій поэзію отъ прозы, но именно представляющій нѣчто, связывающее прозу и поэзію“.

Здѣсь приведено изъ сочиненія г. Олесницкаго въ обширномъ изъясненіи опроверженіе теоріи библейскаго метра, выдаваемаго Эвальдомъ за ритмъ мыслей, или даже за пляску мыслей (*Gedankenrhythmus und Tanz der Gedanken*), выражающуюся будто бы въ параллелизмѣ. Изъ трехъ родовъ параллелизма два послѣдніе названы у Эвальда среднимъ и тупымъ, а первый оставленъ имъ безъ особеннаго наименованія, но могъ бы быть названъ, согласно съ его опредѣленіемъ у Эвальда—отзвучнымъ, такъ какъ онъ въ томъ и состоитъ, что мысль одного предложенія находитъ полное себѣ отзвучіе, или проще сказать, повторяется въ другомъ. Г. Олесницкій совершенно справедливо и весьма убѣдительно доказалъ, что въ такъ названныхъ среднемъ и тупомъ параллелизмѣ нѣтъ ничего общаго съ параллелизмомъ, и что они представляютъ собою обыкновенные прозаическіе способы выраженія. Но г. Олесницкій идетъ далѣе и утверждаетъ, что и собственный параллелизмъ (параллелизмъ перваго рода, отзвучный) не есть поэтическая форма библейской поэзіи, ни поэзіи вообще. „Въ настоящее время“, говоритъ онъ (стр. 502),—„вопросъ о древне-еврейскомъ метрѣ сводится на разъясненіе такъ называемаго библейскаго параллелизма членовъ, признаннаго единственною метрическою формою древне-еврейской поэзіи. По нашему мнѣнію, это опредѣленіе совершенно ложно, и параллелизмъ членовъ, хотя онъ и имѣетъ опредѣленное существованіе, къ сущности поэзіи, по самой природѣ своей, вовсе не относится“. Чѣмъ же доказываетъ г. Олесницкій такое свое утвержденіе? Къ удивленію, тѣмъ самымъ, что, между про-

чимъ, служить доказательствомъ противоположнаго мнѣнія. Если параллелизмъ есть обыкновенный первичный способъ выраженія у всѣхъ древнихъ народовъ, то въ этомъ именно и заключается несомнѣнный признакъ его поэтичности. Древнѣйшій способъ выраженія у всѣхъ народовъ былъ непремѣнно поэтической, то-есть, конкретный, образный, и не могъ быть инымъ, такъ-какъ отвлеченіе вообще есть продуктъ позднѣйшаго умственнаго развитія. Огромное количество словъ и выраженій, признаваемыхъ теперь въ каждомъ языкѣ за прозаическія, обязаны происхожденіемъ своимъ переносному, слѣдовательно, поэтическому употребленію. Признавая параллелизмъ связью между поэзіей и прозой и однако столь же чуждымъ нынѣшней прозѣ, сколь онъ обыкновененъ въ древнихъ словесныхъ памятникахъ всѣхъ народовъ, г. Оленицкій потому самому долженъ былъ бы отнести параллелизмъ къ формамъ поэтической рѣчи: не прозу же распѣвали древніе поэты; а если параллелизмъ встрѣчается и въ древнихъ памятникахъ повѣствовательнаго содержанія, то этимъ лишь доказывается, что въ древности и проза обилвала поэтическими элементами, что и не могло быть иначе, если мы даже нынѣ сплошь и рядомъ употребляемъ ихъ безсознательно, на примѣръ, ручка вресель, острый умъ, пламенная молитва и т. п.

Не находя поэтическаго значенія въ параллелизмѣ, г. Оленицкій признаетъ въ немъ однако риѣмъ, но риѣмъ „своего рода“, именно какой-то универсальный, говоря: „Ни слова (стр. 549), и при нашемъ взглядѣ, параллелизмъ, въ смыслѣ попарнаго возникновенія мыслей, понятій и представленій въ духѣ человѣка, заключаетъ въ себѣ своего рода риѣмъ, поколику риѣмъ чувствуется вездѣ, во всѣхъ проявленіяхъ природы и человѣческаго духа; но отъ этого естественнаго, универсальнаго риѣма до опредѣленной метрической формы поэзіи также бесконечно далеко, какъ отъ перваго звука человѣческаго голоса, заключающаго въ себѣ *implicite* всѣ ударенія и всѣ долгіе и короткіе звуки (1), до опредѣленнаго тоническаго или метрическаго стихосложенія. Между тѣмъ, тогда какъ первобытное человѣческое удареніе идетъ постепеннымъ развитіемъ до опредѣленнаго поэтическаго метра ¹⁾, параллелизмъ идетъ обратнымъ путемъ. Чтобы найти

¹⁾ Исторія языковъ указываетъ какъ разъ обратное тому, именно—не постепенное развитіе, а ослабленіе удареній. Такъ въ языкахъ романскихъ, происшедшихъ отъ латинскаго, ударенія не только не развились въ метръ, но приросли къ одному и тому же мѣсту во всѣхъ словахъ, сдѣлались неподвижными и слабыми,

его въ полномъ развитіи, мы должны обращаться къ первобытнымъ временамъ чело́вчества вообще и каждаго народа въ отдѣльности. Съ теченіемъ времени у всѣхъ народовъ этотъ естественный рѣимъ скрывается, отъ того, что возникающія въ сознаніи противоположности ¹⁾ отъ продолжительной практики мысли постепенно болѣе и болѣе сближаются между собою, такъ что мысль, вмѣсто прямого параллельнаго движенія по противоположностямъ, начинаетъ двигаться, такъ сказать, по діагонали параллелограмма. Напримѣръ, вмѣсто того, чтобы сказать:

Гибель на языкѣ нечестивыхъ;
Кто слушаетъ ихъ, погибнетъ,

мы говоримъ: совѣты нечестивыхъ пагубны; то-есть, изъ двухъ параллельныхъ предложеній дѣлаемъ одно, стоящее по срединѣ между тѣмъ и другимъ предложеніемъ, но не совпадающее ни съ однимъ изъ этихъ предложеній, взятыхъ отдѣльно⁴.

Прибавимъ съ своей стороны, что вышеприведенной перефразировкой не только изъ двухъ предложеній сдѣлано одно, но вмѣстѣ съ тѣмъ два конкретныя, образныя представленія замѣнены однимъ отвлеченнымъ; поэтическая рѣчь превращена въ прозаическую, именно вслѣдствіе уничтоженія параллелизма.

Къ изгнанію параллелизма изъ области поэзіи, къ смѣшенію поэтической рѣчи съ прозаическою, почти къ отричанію въ поэтической рѣчи картинности представленій, образности мышленія, что составляетъ самую сущность поэтической рѣчи ²⁾,—къ порабощенію ея шаб-

въ сравненіи съ цѣльными языками, напримѣръ, съ нѣмецкимъ и тѣмъ болѣе съ русскимъ. Правда нѣмецкое или вообще тоническое стихосложеніе основано на удареніи, но на удареніи, соединенномъ съ протяженіемъ, и отнюдь не вслѣдствіе постепеннаго развитія удареній, такъ какъ они въ греко-римской персонификаціи, послужившей первообразомъ для тонической, вовсе въ расчетъ не были принимаемы.

С. III.

¹⁾ Г. Огесниціи называетъ (стр. 548) всякую связь между мыслями, связью противоположности, въ широкомъ смыслѣ этого выраженія. Если обыкновенно параллелизмъ опредѣляютъ—говорить онъ,—какъ соединеніе одинаковыхъ, а не противоположныхъ мыслей, то это не болѣе, какъ оптическій обманъ, потому что сопоставленіе подобнаго и сходнаго въ сущности всегда есть противопоставленіе. Если два члена библейскаго стиха говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ, то они непременно касаются какихъ-либо особенныхъ противоположныхъ свойствъ и дѣйствій; когда же бываютъ тождественныя свойства и дѣйствія, непременно указываются различныя предметы и лица.

С. III.

²⁾ Впрочемъ лишь въ данномъ случаѣ, именно, въ видахъ сближенія библей-

лонамъ количественной и тонической версификаціи г. Олесницкій доведенъ былъ, повидимому, смутнымъ представленіемъ о ритмѣ и метрѣ и о взаимномъ между ними отношеніи, полнымъ смѣшеніемъ принадлежностей поэзіи и музыки. „Постоянное, неразрывное соединеніе поэзіи съ музыкой“¹⁾, говоритъ онъ (стр. 501),—„показываетъ что душою, связующею въ одно цѣлое поэтическій матеріалъ, можетъ быть только темпъ (?) или тактъ, словомъ, законмѣрный ходъ звуковъ, производящій именно то обаятельное ощущеніе, которое свойственно музыкѣ...“²⁾ Подобрать только созвучныя слова и римическія окончанія еще не значитъ составить пѣсню: слуха поэтическому произведенію тѣмъ, что онѣ невольнo останавливаютъ на себѣ вниманіе читателя, приковывая его слухъ, эти созвучія однако представляютъ нѣчто другое и даже противоположное гармоническому внутреннему движенію пѣсни. Импульсъ этой внутренней стороны поэческаго языка въ отличіе отъ ритма, какъ начала созвучій (!), мы называемъ метромъ; онъ состоитъ въ томъ, что отдѣльные звуки, независимо отъ ихъ звуковаго качества, группируются по аккордамъ (?) и тактамъ, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, смотря по особенностямъ языка. Какъ независимый отъ внѣшнихъ звуковъ строй движенія, метръ бываетъ очень разнообразенъ, хотя его общія основы всегда одинаковы“.

Г. Олесницкій, какъ оказывается, опредѣляетъ термины рѣимъ и метръ какъ разъ наоборотъ ихъ общепринятому значенію, какъ будто введенный въ заблужденіе подобозвучіемъ совершенно разнозначащихъ словъ: рѣима и рѣимъ. Такъ онъ считаетъ метръ независимымъ отъ внѣшнихъ звуковъ, то-есть, отъ звуковой сто-

---

скаго метра съ минимотоническимъ народно-русскимъ, г. Олесницкому понадобилось отрицать поэтичность въ параллелизмѣ, въ противорѣчіе самому себѣ, такъ какъ въ другомъ мѣствѣ (стр. 504) онъ самъ называетъ его *прекрасною поэтическою формою*. С. III.

¹⁾ Между тѣмъ извѣстно, что музыка и поэзія уже давнымъ давно раздѣлились, и каждая представляетъ собою особенное, самостоятельное искусство со своими отдѣльными задачами и со своими отдѣльными средствами. Конечно, соединеніе обоихъ искусствъ (напримѣръ, въ пѣснѣхъ, въ оперѣ) возвышаетъ ихъ дѣйствіе, но совокупляя свои средства, они отнюдь не мѣняются ими: обаяніе музыки остается исключительно за музыкаю, какъ сила слова за рѣчью. У музыки мелодія, аккорды и ритмъ, какъ выразители общаго чувства; въ текстѣ рѣчь выражаетъ раздѣльно мысли и чувства. С. III.

²⁾ Поэзія новыхъ временъ обходится и безъ развѣренной рѣчи. Укажемъ на Гетева Эгмонта и Гоголева Тараса Бульбу.

роны словъ, слѣдовательно, отъ свойства ихъ гласныхъ, отъ ихъ долготы или краткости, ударяемости или неударяемости; между тѣмъ именно на этомъ-то взаимномъ отношеніи вышнихъ звуковъ въ словахъ строятся метры какъ количественный, такъ и тоническій. Потому-то г. Олесницкій приписываетъ метру аккорды, мыслимые только въ музыкѣ, а отнюдь не въ поэтическомъ текстѣ, слѣдовательно, и не въ метрѣ. Напротивъ того рѣчь г. Олесницкій называетъ началомъ созвучій и видитъ въ немъ подборъ созвучныхъ словъ (аллитерацію?) и рѣчимескихъ окончаній (рѣимы), что все, какъ извѣстно, относится къ метру, къ сладу пѣсенной и вообще поэтической рѣчи, между тѣмъ какъ подъ ритмомъ всегда разумѣлась и теперь разумѣется размѣренность музыкальнаго движенія главнымъ образомъ въ напѣвѣ, а затѣмъ уже, и лишь по аналогіи, въ текстѣ.

Выше мы видѣли, что г. Олесницкій, не принимая параллелизма въ число поэтическихъ формъ рѣчи, признаетъ однако въ немъ и рѣчь, но лишь такой, какой будто бы усматривается во всѣхъ проявленіяхъ природы и человѣческаго духа, напримѣръ, въ первомъ звукѣ человѣческаго голоса, то-есть, въ первомъ крикѣ новорожденнаго младенца, въ которомъ будто бы *implicite* заключаются всѣ ударенія и всѣ долгіе и короткіе звуки, изъ коихъ впоследствии составятся количественное и тоническое стихосложеніе. Но крикъ новорожденнаго младенца есть звукъ животный и столь же чуждъ музыки, какъ мычаніе вола, визгъ собаки, всѣ птичьи свисты и чилканья, вой вѣтра и стукъ дождевыхъ капель. Если древніе ритмисты находили ритмъ въ паденіи дождевыхъ капель и т. п., и такую механически необходимую мѣрность считали первообразомъ разумно-свободной размѣренности мелодіи и поэтической рѣчи, то это происходило только отъ извращенія аналогіи: тѣмъ или другимъ явленіямъ природы можно приписать музыкальный ритмъ лишь по подобію. На самомъ же дѣлѣ въ безсловесно животной, и тѣмъ болѣе, въ неодушевленной природѣ нѣтъ ни ритма, ни музыки, какъ нѣтъ ни рѣчи, ни разума. Музыка, какъ и слово, составляютъ на землѣ исключительное достояніе человѣка и равно присущи ему съ перваго дня его сотворенія. Утверждать, что человѣкъ перенялъ ритмъ у мертвой природы есть то же самое, что производить человѣческую рѣчь отъ подражанія крику галокъ и воронъ, то-есть, доказывать, что чрезъ подражаніе безсловеснымъ и неразумнымъ тварямъ человѣкъ сдѣлалъ себя словесно-разумнымъ существомъ. Хотя изобрѣте-

ніе первыхъ музыкальныхъ инструментовъ относится, по свидѣтельству Библии, не къ первымъ годамъ жизни человѣчества, но они изобрѣтены, конечно, чрезъ подражаніе существовавшему уже пѣнію и въ пособіе голосу. Позволительно даже думать, что первоначально рѣчь и музыка были неразлучны не только въ поэтическомъ творчествѣ, но и въ обиходной жизни и составляли одно цѣлое, что первые люди не говорили, а пѣли, или говорили на распѣвъ. Безъ этого предположенія трудно объяснить себѣ, какъ происхождение пѣнія вообще, такъ равно и образованіе въ языкѣ долготы и высоты слоговъ или удареній. Эта мысль отчасти высказана и у г. Олесницкаго, который видитъ „характеръ древнѣйшаго стихосложенія и рѣчи“ (стр. 560) въ томъ, что „слово въ каждомъ данномъ случаѣ имѣло свою особую интонацію или удареніе, то-есть, пѣлось, а не читалось“. Въ подтвержденіе онъ приводитъ свидѣтельство (стр. 559) Леона де-Рони: „У жителей Кохинкины всѣ слова односложны, и народъ различаетъ ихъ значенія только посредствомъ различныхъ удареній въ произношеніи, такъ-что здѣсь никогда не говорятъ безъ того, чтобы не пѣть“.

Впрочемъ г. Олесницкій хотя и приписываетъ библейской поэзіи особаго рода тонической или слоударятельной размѣръ, какой находитъ, вслѣдъ за Восточнымъ и Классовскимъ, въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ, но мѣстами склоняется къ мнѣнію, что у древнихъ Евреевъ могло и вовсе не быть никакого просодическаго размѣра, и что они довольствовались прилаживаніемъ текста къ напѣвамъ. „Можетъ быть“, говоритъ онъ (стр. 407),— „даже были близки къ дѣлу тѣ критики Священнаго Писанія, которые не допускали въ немъ опредѣленнаго метра... Такъ какъ въ древнія времена поэзія, музыка и пляска составляли одно нераздѣльное цѣлое, то ихъ основной тактъ долженъ былъ быть одинаковъ. Слова и звуки были поставляемы въ пѣсни только въ такомъ порядкѣ, чтобы ихъ можно было пропѣть“. И въ другомъ мѣстѣ (стр. 555): „Если есть сходство между музыкальными напѣвами и метрическими формами различныхъ народовъ, то это произошло отъ того, что первоначальные поэты въ складкѣ стиховъ всегда поддѣлывались подъ народные музыкальные мотивы. Не даромъ въ Библии нѣтъ слова для обозначенія стихотворнаго метра, но есть много словъ изъ музыкальной терминологіи... Что древній пѣвецъ, взявшись за лиру, ужъ имѣлъ въ виду известный музыкальный напѣвъ, съ которымъ ему нужно

было сообразоваться въ составленіи пѣсенъ, это ясно видно наконецъ изъ того, что напѣвовъ всегда бываетъ опредѣленное количество (у древнихъ даже весьма незначительное), а слова какой бы то ни было мысли удобно могутъ быть подобраны подъ всякую музыку. Такимъ образомъ и богородицovenные пѣвцы еврейскіе строили свои священныя псалмы и пѣсни, спослушествуя еврейскому музыкальному гению, тѣмъ типичнымъ народнымъ напѣвамъ, которые, какъ говоритъ Платонъ, творить народъ нѣкоторымъ божественнымъ искусствомъ (ποίησι θεία τέχνη)¹.

Всматриваясь на живыхъ примѣрахъ русскихъ народныхъ пѣсенъ въ несомнѣнную связь ихъ текстовъ съ ихъ напѣвами, мы вполне можемъ убѣдиться въ справедливости высказаннаго предъ симъ предположенія о совершенномъ отсутствіи въ нихъ (какъ, вѣроятно, и въ еврейской поэзіи) просодическаго искусственнаго метра вообще, равно и небывалаго метра словоударительнаго, то-есть, основаннаго будто бы на риторическомъ удареніи. Такъ какъ метръ во всѣхъ версификаціяхъ не имѣетъ никакого отношенія къ тональности напѣвовъ (въ мелодическому движенію звуковъ вверхъ и внизъ по октавной лѣстницѣ)¹ и можетъ состоять въ связи только съ ихъ ритмическимъ построеніемъ, то-есть, съ ихъ музыкальными размѣрами, то мнимонародный русский (и библейскій, по мнѣнію г. Олесницкаго) тоническій или словударительный размѣръ долженъ бы состоять въ соотвѣтствіи риторическихъ удареній текста съ наибольшими напѣвными протяженіями; такъ слова (или вѣрнѣе— слоги), риторически ударяемыя, пѣлись бы самыми длинными нотами,—ударяемыя только грамматически²—не столь длинными, вовсе же неударяемыя слоги были бы постоянно пѣты самыми краткими или наиболѣе дробными нотами.

Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Ограничимся здѣсь разборомъ двухъ пѣсенъ, одной полупротяжной (хороводной) и одной плясовой, такъ какъ къ тѣмъ же самымъ выводамъ придемъ чрезъ изученіе на-

¹ «Въ пѣсенной поэзіи при пѣніи», говоритъ Вестгаль (Griech. Metr., стр. 15),— «грамматическія ударенія сглаживаются, и мѣсто ихъ занимаетъ гораздо большее разнообразіе повышеній и пониженій голоса».

² Риторическое удареніе, какъ извѣстно, всегда совпадаетъ съ однимъ изъ грамматическихъ, но и всѣ остальные грамматическія ударенія въ предложеніи чрезъ то отнюдь не уничтожаются, а лишь выполняются сравнительно менѣе громко.

пѣнныхъ схемъ и всего собранія рассматриваемыхъ въ этомъ сочиненіи пѣсень.

Катенька веселая! || Катя черноброя! ¹⁾

1-я схема по удареніямъ или тоническая: $\overset{!}{\cup} \cup \cup | \overset{!}{\cup} \cup \cup || \cup \cup \cup | \overset{!}{\cup} \cup \cup$
 2-я схема напѣвная: $\cup \cup \cup \cup | \cup \cup \cup \cup || \cup \cup \cup \cup | \cup \cup \cup \cup$

Пройдѣсь, Катя, горенкой! || Топни, радость, ноженкой.

1-я схема по удареніямъ: $\cup \overset{!}{\cup} \cup \cup | \overset{!}{\cup} \cup \cup || \overset{!}{\cup} \cup \cup \cup | \overset{!}{\cup} \cup \cup$
 2-я схема напѣвная: $\cup \cup \cup \cup | \cup \cup \cup \cup || \cup \cup \cup \cup | \cup \cup \cup \cup$

Рада бы я топнула, || мое сердце дрогнуло

1-я схема по удареніямъ: $\overset{!}{\cup} \cup \cup \cup | \overset{!}{\cup} \cup \cup || \cup \cup \overset{!}{\cup} \cup | \overset{!}{\cup} \cup \cup$
 2-я схема напѣвная: $\cup \cup \cup \cup | \cup \cup \cup \cup || \cup \cup \cup \cup | \cup \cup \cup \cup$

Боюсь, боюсь бабюшки || опасюсь мабушки и т. д.

1-я схема по удареніямъ: $\cup \overset{!}{\cup} \cup \cup | \overset{!}{\cup} \cup \cup || \cup \cup \overset{!}{\cup} \cup | \cup \cup \cup$
 2-я схема напѣвная: $\cup \cup \cup \cup | \cup \cup \cup \cup || \cup \cup \cup \cup | \cup \cup \cup \cup$

Изъ сопоставленія схемъ тонической и напѣвной не только не оказывается повсемѣстнаго совпаденія слоговыхъ удареній съ наибольшими напѣвными протяженіями, но какъ разъ противное тому: ударяемые слоги пропѣты короткими ($\frac{1}{8}$) нотами, а долгими нотами ($\frac{1}{4}$) выполнены не ударяемые заключительные слоги полустишій и стиховъ. И хотя такое распаденіе текстовыхъ удареній съ напѣвными протяженіями вовсе не составляетъ правила, ибо въ слѣдующемъ же затѣмъ, на примѣръ, стихъ риторически ударяемые слоги два раза совпадаютъ съ наибольшими протяженіями, хотя тутъ-же два раза выполняются короткими нотами:

И скажѣ, что не могу; || платкомъ голову свяжѣ.

Схема тоническая: $\cup \cup \overset{!}{\cup} \cup | \cup \cup \overset{!}{\cup} || \cup \cup \overset{!}{\cup} \cup | \cup \cup \cup$
 Схема напѣвная: $\cup \cup \cup \cup | \cup \cup \cup \cup || \cup \cup \cup \cup | \cup \cup \cup \cup$

¹⁾ Надъ текстомъ выставлены ударенія риторическія, именно тѣ, на которыхъ будто бы строится народнорусскій (и библейскій) размѣръ.

²⁾ Въ первой схемѣ знакомъ — указаны грамматически ударяемые слоги, знакомъ ' риторически ударяемые слоги, знакомъ $\cup$ слоги не ударяемые.

Во второй схемѣ подѣ знакомъ — разумѣются четверти такта, подѣ знакомъ $\cup$ восьмыя доли такта.

Слѣдуетъ заключить, что какъ совпаденія такъ и несовпаденія удареній съ протяженіями совершенно случайны и не находятся между собою ни въ какомъ соотношеніи.

Другой примѣръ:

Ой зарі́ ль, моя зѳринька! || зѳринька вечерня́я.

Схема тоническая: — — | — — | — — | — — || — — | — — | — — | — —
Схема напѣвная: — — | □ | — — | — — || — — | □ | — — | — —

Ой люді́, люді́, люді́ || зѳринька вечерня́я.

Схема тоническая: — — | — — | — — | — — || — — | — — | — — | — —
Схема напѣвная: — — | □ | — — | — — || — — | □ | — — | — — |

И здѣсь наибольшія напѣвныя протяженія въ первыхъ колѣнахъ каждаго стиха совпали съ ударяемыми слогами (заря, люді), а во вторыхъ колѣнахъ пришлось на неударяемыхъ слогахъ (зѳринька).

Въ другихъ пѣсняхъ встрѣчаются даже такіе случаи, что протяженія падаютъ помимо ударяемыхъ слоговъ на сосѣдніе съ ними неударяемые, напримѣръ:

Уродися, конопелька, тонкая, высокая, листомъ широкая

Вообще же, тогда какъ схема напѣвная, которая есть ничто иное, какъ напѣвный ритмъ, во всей пѣснѣ съ начала и до конца ея вездѣ равна сама себѣ, схема тоническая, въ обихъ приведенныхъ пѣсняхъ, и какъ увидимъ ниже, во всѣхъ другихъ, не поддаваясь никакимъ правиламъ относительно постановки удареній, тѣмъ самымъ ясно свидѣтельствуетъ о своей метрической несостоятельности. Текстъ пѣсни можетъ быть пропѣтъ на данной мелодіи только вслѣдствіе того, что при пѣсенномъ выполненіи въ немъ сглаживаются ударенія, то-есть, текстъ воиолнѣ подчиняется напѣву, между тѣмъ какъ напѣвъ слагается воиолнѣ самостоятельно, безъ всякаго приноровленія къ удареніямъ въ текстѣ. Что текстъ слагался приноровительно къ напѣву, видно изъ того, что въ каждомъ двоестишіи вмѣстѣ съ окончаніемъ мелодическаго періода заканчиваются постоянно періоды рѣчи, то-есть, или полныя предложенія или самостоятельныя ихъ части (напримѣръ, обращенія). Далѣе, не только періоды текста, полныя предложенія или самостоятельныя ихъ части прилажены къ періодамъ мелодіи въ цѣломъ, но главныя и второстепенныя ихъ части согла-

шевы съ главными и второстепенными частями мелодіи, именно: каждый стихъ въ двоестиціи соответствуетъ одной половинѣ мелодіи, и каждое полустипіе—отдѣльному музыкальному колѣну. Соответствіе текста напѣву не идетъ далѣе этого, въ известномъ смыслѣ, внутренняго соглашенія; народный поэтъ не прибѣгаетъ къ такому подбору словъ, чтобъ ударяемые слоги (какъ въ тонической версификаціи), они-же и протягиваемые (какъ въ стихосложеніи количественномъ) соотвѣтствовали высокимъ или долгимъ рнмымъ напѣвнымъ звукамъ или нотамъ, какъ это достигалось, конечно—лишь отчасти, въ количественномъ, и еще несовершеннѣе достигается въ тоническомъ стихосложеніи. Но о взаимномъ отношеніи ритма и метра достаточно говорилось въ предыдущихъ двухъ главахъ этого сочиненія; здѣсь прибавимъ, что значенія обоихъ этихъ терминовъ по отношенію къ русской народной пѣснѣ, должны быть переданы народно-русскими терминами ладъ и складъ, и въ коихъ значеніе лада вполне совпадаетъ съ значеніемъ ритма, но складъ, замѣняя метръ, существенно отъ него отличается. Ладъ относится къ ритмическому построенію напѣва, складъ къ построенію пѣсенной рѣчи. Ладъ означаетъ размѣренность протяженій голоса, при выполненіи ивъ каждаго отдѣльнаго слога въ словахъ распѣваемой пѣсни. Соблюденіе известной размѣренности въ протяженіяхъ голоса требуется: 1) когда пѣсно поютъ не въ одинъ голосъ, а въ нѣсколько голосовъ, которые и должны одинъ съ другимъ ладить, то-есть, одновременно начинать и оканчивать произнесеніе каждаго слога въ словахъ пѣсни, слѣдовательно, тянуть голосомъ каждый слогъ въ продолженіе опредѣленнаго количества времени; 2) если пѣсня поется и въ одинъ голосъ, но при этомъ сопровождается игрою на какомъ-либо инструментѣ, то игра должна быть подлаживаема къ пѣнію, то-есть, звуки инструмента должны совпадать съ движеніями голоса, произносящаго одинъ за другимъ слоги пѣсенныхъ словъ; 3) при совмѣстной игрѣ нѣсколькихъ лицъ на одинаковомъ или разныхъ инструментахъ, и наконецъ, 4) и въ одиночномъ пѣніи, хотя бы оно и не было сопровождаемо игрою на какомъ-либо инструментѣ, какъ и въ одиночной инструментальной игрѣ, необходимо соблюдать ладъ въ смыслѣ взаимнаго соотвѣтствія частей мелодіи, относительно времени, употребляемаго на выполненіе каждой изъ нихъ. „Въ его пѣніи нѣтъ ни складу, ни ладу“, говорятъ про такого пѣвца, который искажаетъ текстъ пѣсни и напѣвъ ея, путая, на примѣръ, рѣчь, прибѣгая къ разставовѣ

словъ, не подходящій къ мелодіи, вставляя дѣтвѣ или выпуская лишніе слова, сбиваясь въ напѣвъ или не соблюдая такта и т. п.¹⁾

Въ такомъ значеніи, то-есть, въ смыслѣ соблюденія такта, употребляется слово *ладъ* и въ приращеніи къ *ладѣ*, какъ видно изъ словъ пѣсовой же пѣсни:

Ну-ка, дѣти, ладите!
Не жалѣйте ладтей!

то-есть, дружно, въ *ладъ* топочите ногами, одновременно поднимая и одновременно ставя ихъ на землю. Въ этомъ смыслѣ встрѣчается слово *ладъ* въ известнѣйшей дѣтской пѣсенкѣ:

Лады, лады, ладуньи!
Гдѣ были? У бабушки!

при чемъ отбиваютъ и учатъ дѣтя отбивать тактъ, ударяя ладонь объ ладонь.

И такъ, *ладъ* относится къ вѣрному выполненію напѣва или пѣсенной мелодіи, подобно тому, какъ относительно пѣсенной рѣчи требуется соблюденіе ея склада, потому что пѣсня складывается или одновременно съ напѣвомъ, въ одномъ актѣ поэтическаго творчества, или приоровительно къ готовому уже напѣву. Складъ въ точности соответствуетъ ладу, то-есть, пѣсенная рѣчь какъ бы отливается по напѣву, какъ расплавленный металлъ въ готовую форму; отъ того и говорится: „изъ пѣсни слова не выкинешь“; и наоборотъ можно бы сказать: въ пѣсню лишняго слова не вставишь, не повредивъ, то-есть, ея складности, потому что въ обоихъ случаяхъ текстъ уже не подойдетъ подъ напѣвъ, то-есть, не можетъ быть пропѣтъ. Складомъ въ пѣсенной рѣчи слѣдуетъ называть такое построеніе ея, при которомъ она можетъ быть пропѣта по данному напѣву. Подъ построениемъ же здѣсь должно разумѣть не какія-либо особенности въ расположеніи словъ, которое остается въ русскихъ пѣсняхъ всегда есте-

¹⁾ Про хоровое пѣніе, въ которомъ нѣтъ ни складу, ни ладу, баснописецъ Крыловъ выразился народной поговоркой: «Запѣли молодцы, кто въ лѣсъ, кто по дрова». Поговорка напоминаетъ господствовавшій въ старину обычай пользоваться общественнымъ строевымъ и дровянымъ лѣсомъ. Въ заповѣдную рошу отправлялись въ назначенный мѣсяцъ приговоромъ день и часъ цѣлою деревней, и каждый вывозилъ столько, сколько успѣвалъ нарубить въ опредѣленный срокъ, а потому скакали туда въ запуски, чтобы захватить лучшее мѣсто, цѣплялись санями, опрокидывали другъ друга, при чемъ, конечно, неизбежны были такой же шумъ—гамъ и такая же суматоха, какая описана у Гакстаузена въ разказѣ о войсковой рыбной ловлѣ уральскихъ казаковъ.

ственнымъ, а разумѣются разные способы веденія рѣчи (поступательнаго ея движенія), разчитанные, главнымъ образомъ, на усиленіе впечатлѣнія чрезъ разнообразное повтореніе нѣкоторыхъ частей текста и мелодіи. Существенное различіе между складомъ и ладомъ состоитъ въ томъ, что основанія склада суть риторическія, а основанія лада исключительно музыкальны. Требования лада, иначе ритмическія, распространяются, конечно, и на пѣсенную рѣчь, на слова пѣсни, но лишь пока пѣсенная рѣчь расгѣвается, а какъ скоро текстъ отдѣляется отъ напѣва, какъ скоро пѣсня не поется, а говорится, то ладъ, въ объясненномъ выше смыслѣ, уже становится къ ней не примѣнимъ, потому что говореніе никогда не сопровождается игрою на инструментѣ, никогда не выполняется хоромъ, и никто, декламируя стихи, не отбиваетъ себѣ такта (*oratio non descendit ad egeritum digitorum*) и не можетъ его отбивать, потому что безпрестанно, по требованію смысла, нарушаетъ тактъ ¹⁾.

Скажутъ, рѣчь, построенная не ритмически, не можетъ называться стихотвореніемъ, стихъ же не мыслимъ безъ опредѣленной размѣренности протяженій слоговъ и безъ ритмическихъ интоновъ, и если въ народно-русской пѣсенной рѣчи не оказывается ни того, ни другаго.

¹⁾ «Въ обиходной рѣчи», говоритъ Вестгаль (§ 545. стр. 31), — тамъ, гдѣ оканчивается мысль, предложеніе, или самостоятельная часть предложенія, или гдѣ отдѣльными, рядомъ стоящими слова должны быть разительно выдвинуты, мы дѣлаемъ паузу. То же самое соблюдается при чтеніи и декламации стиховъ, а также и при чтеніи классическихъ стиховъ. При этомъ не мало нарушаются строгія требованія ритма.... Надобно полагать, что и греческіе рэпеды, декламируя гекзаметры, поступали точно также.... Въ пѣніи каждый слогъ имѣтъ большее протяженіе, чѣмъ при говореніи или въ декламации; каждый слогъ выполняется въ полную ритмическую мѣру; тутъ не дѣлалось паузы по требованію смысла, какъ при говореніи и въ декламации. За то ритмъ имѣтъ особыя, ему свойственныя, въ большей части не зависима отъ связи мыслей паузы, называемыя какъ въ метрикѣ, такъ и въ музыкѣ *χρόνοι κενοί, tempora inania* *). Изъ собственное мѣсто въ концѣ метрическаго періода или стиха, тамъ, гдѣ оканчивается и слово, а въ древнѣйшей повѣи, вѣроятно, и самое предложеніе; во встрѣчались онѣ также и внутри стиха. Онѣ не растраивали ритма, подобно тому, какъ это бываетъ при паузахъ, наблюдаемыхъ при декламированіи стиховъ, по требованію смысла, потому что онѣ подчиняются ритму, дѣлаются составными частями ритма, какъ слоги и звуки. Паузы допускаются между двумя рядомъ стоящихъ словъ, конечно, не такихъ, которыя неразрывно связаны въ одно понятіе, на примѣръ: предлогъ и его падежъ, не между *enclitici* и *atomi*.

*) Обыкновенныя музыкальныя и нотныя паузы всѣхъ размѣровъ.

то русскія народныя пѣсни сложены не прозой, а не стихами.—Отъ чего же не стихами? Что такое стихи въ собственномъ и достоюжномъ своемъ значеніи? Стихъ есть строка, соответствующая цѣлой мелодіи, или половинѣ, или другой какой-либо значительной ея части, содержащая или цѣлое предложеіе, или важную его часть (Westphal, В. I, 49. 77. 78). Таковъ и есть стихъ нашихъ народныхъ пѣсенъ. Конечно, можетъ быть пѣта и проза, но только речитативомъ, то-есть, такъ, что лишь нѣкоторыя небольшія части періодовъ (конецъ, начало) выполняются на распѣвъ, а прочія четкомъ, безъ всякаго ритма. Не то находимъ въ русскихъ пѣсняхъ: ни одна изъ нихъ не выполняется речитативно, безъ ритма, а во всѣхъ безъ исключенія соблюдается весьма правильно расчлененная мелодія и нарочитое соглашеніе съ нею предложеіа, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ, за исключеніемъ (какъ выше объяснено) такта, къ которому какъ русская, такъ и всякая другая рѣчь, по самой сущности своей неспособна, хотя и подчиняется ему при распѣваніи. При этомъ тактъ все-таки остается принадлежностію только напѣва, составляетъ красоту мелодическаго періода, улаждая слухъ соразмѣрностію въ распредѣленіи звуковъ. И рѣчь красится соразмѣрностію частей періода, но не столько внѣшнюю, звуковую, сколько внутреннюю соразмѣрностію самаго содержанія, понятій и мыслей. Кромѣ этого общаго достоинства всякой рѣчи, распѣваемая или поэтическая рѣчь имѣетъ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ свои особенности, вытекающія изъ самой ея сущности, отличающія ее отъ рѣчи обиходной, отъ прозы ¹⁾. Какъ эти особенности поэтической рѣчи ни мало ни связываютъ пѣснеслагателя въ музыкальномъ его творчествѣ, такъ и рѣчь можетъ неуклонно подчиняться, при пѣніи, тональнымъ и ритмическимъ движеніямъ мелодіи, но при декламированіи вполне высвобождается изъ-подъ музыкальнаго вліянія, которое все же слѣдуетъ признать только внѣшнимъ и временнымъ, — потому что слагается пѣсенная рѣчь не по ритмическимъ, а по логическимъ и грамматическимъ требованіямъ ²⁾. Не таково, какъ мы видѣли, было

¹⁾ Каковы: параллелизмъ, повторенія и другія поэтическія формы рѣчи, о которыхъ говорено будетъ ниже.

²⁾ Что народно-русскій пѣсенный стихъ, слагаясь по логическимъ, а не просодическимъ основамъ, не терпитъ чрезъ то ни малѣйшаго ущерба ни въ поэтическомъ, ни даже въ музыкальномъ отношеніи, видно изъ того, что въ стихотворномъ ритмѣ, то-есть, въ метрѣ, нѣтъ собственно ничего внутренне поэтиче-

происхожденіе количественнаго стихосложенія. Древне-греческій пѣсн-слагатель, сдѣлавъ мелодію, сформировался съ количественною про-содіей своего языка и расколагаетъ напѣвные звуки такъ, чтобы он-протяженіемъ своимъ соответствовали преизяности: долготѣ и корот-кихъ гласныхъ; прилаживаять дѣленіе мелодіи къ совершенно вѣдѣ-нимъ свойствамъ словъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ вѣдѣ-жаннымъ ими понятіямъ. Народно-русскій стихослагатель идетъ почти-обратнымъ путемъ: напѣвъ творится въ душѣ; его подѣ исключитель-нымъ напѣвомъ чувства, следовательно, не одному содержащему-рѣчи, въ полной независимости отъ звуковой; ея стороны, и-уже самая рѣчь прилаживается напѣву, вполнѣ подчиняясь ему, и-подчиняясь только при пѣніи. Здѣсь гласная, въ обиходной рѣчи не-ударяемая, и следовательно, произносимая коротко, можетъ быть не-поднята протяжно, и наоборотъ, гласная ударяемая, и следовательно-произносимая протяжно; можетъ быть пропѣта короткою нотой.¹⁾ У древнихъ Грековъ еще болѣе, чѣмъ музыкальное творчество про-содіей, стѣнялось поэтическое творчество искусственными стихосла-гательными нормами, которыя придумали въ подражаніе музыкаль-ному ритму, и для выполненія которыхъ впоследствии нѣрѣдко при-бѣгали къ извращенію правильнаго естественнаго теченія рѣчи и-ущербъ ея вразумительности; между тѣмъ въ народно-русскомъ пѣс-

снго, а ритмическая дикція, какъ нѣчто механически однообразное, крайне угне-тила бы слухъ, еслибы мы его съ дѣтства къ тому не приучили.

Это даетъ большую свободу русскому слагателю пѣсенной мелодіи въ вы-раженія своего чувства столь длиннымъ рядомъ медленныхъ или быстрыхъ зву-ковъ, какой не возможенъ для греко-латинскихъ спондеевъ и пиррихіевъ, и опять-допускаетъ такую свободную группировку или смѣну тѣхъ и другихъ, которая-произвела бы безысходную путаницу въ греко-римскомъ метрѣ. Все это би-ваетъ такъ въ распѣваемой рѣчи, но та же самая рѣчь, отдѣленная отъ напѣва, не распѣваемая, а говоримая, произносится одинаково съ обиходною, то-есть, съ-прозою, хотя и съ нѣрѣдкими слѣдами бышаго подчиненія (въ повтореніяхъ, со-кращеніяхъ, удлинненіяхъ формъ и т. п.). Между тѣмъ греко-латинскій стихъ въ произношеніи своемъ (по крайней мѣрѣ въ скандовочномъ, которое одно только-у насъ и допускается) долженъ постоянно напоминать пѣніе, напѣвъ, хотя бы-такового вовсе и не существовало, такъ какъ лишь у древнихъ Грековъ творимы-пѣсенъ были вѣсть съ тѣмъ и слагателями напѣвовъ для нихъ, а впоследствии-поэты сочиняли стихи по древле-сложившимся или по вновь (теоретически) из-мысленнымъ нормамъ, вовсе не заботясь о напѣвахъ къ нимъ. Оказывается, что-тогда какъ въ народно-русскомъ стихѣ теченіе рѣчи совершается свободно и-естественно, рѣчь греко-латинскаго стиха движется въ добровольныхъ узлахъ, въ-пользу мнимой ея пѣвучести.

творчествѣ отличительные приемы поэтического текста именно и придуманы ради вразумительности рѣчи, въ предотвращеніе затемнѣнія ея мелодіей. Сладкѣ народно-русской пѣсенной рѣчи объясняется одною сущностію двусоставной природы пѣсни, какъ произведенія музыкальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтическаго, въ которомъ и музыка, и рѣчь, сливаясь въ дружномъ дѣйствіи на слушателя, не стѣсняють одна другую, а сохраняютъ каждая свою свободу и свои средства.

Выяснимъ теперь взаимное отношеніе напѣва и рѣчи въ русской пѣснѣ.

Въ пѣснѣ чувства и мысли выражаются не просто словами, какъ въ обиходной рѣчи, но словами, произносимыми музыкально, по известному напѣву, при чемъ словами выражается рядъ однородныхъ мыслей и чувствъ, а музыкою (напѣвомъ, мелодіей, въ общемъ значеніи этого слова)—общее душевное настроеніе пѣвца въ минуту творчества ¹⁾. Напѣвъ есть рядъ различныхъ по высотѣ и по протяженности звуковъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ известномъ порядкѣ, который въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣляется господствующимъ чувствомъ и врожденнымъ человѣку чувствомъ звуковой красоты. Какъ высота, такъ и протяженность звука, подлежатъ измѣренію, первая основной лѣстницею звуковъ, вторая—тактами. Такъ какъ напѣвъ складывается совмѣстно съ первымъ полнымъ, законченнымъ выраженіемъ мысли или чувства, подъ дѣйствіемъ общаго настроенія души, и это общее настроеніе остается неизмѣннымъ во весь актъ пѣсеннаго творчества, то напѣвъ и повторяется съ каждымъ полнымъ отдѣломъ рѣчи (строфою или періодомъ) до конца пѣсни, какъ повторяется одинъ и тотъ же узоръ въ кружевѣ, въ цвѣтной или въ камчатной ткани. И такъ, напѣвъ есть какъ бы музыкальная форма, въ которую вылилось овеществившаяся въ словѣ первая мысль известнымъ образомъ настроенной души. Разъ сложившаяся такимъ образомъ музыкальная форма остается затѣмъ уже неизмѣннымъ мѣриломъ слаживаемой съ нею рѣчи, до конца ея, опредѣляемаго истощеніемъ мыслей и чувствъ на данную тему. Творецъ народной пѣсни есть творецъ пѣсенной рѣчи и вмѣстѣ съ тѣмъ напѣва ея. Отъ того, вѣроятно, и зависитъ неподражаемая прелесть хоро-

¹⁾ «Задачею музыки у древнихъ», говоритъ Вестгаль, ч. I, стр. 256,—«было вызвать въ душѣ слушателя настроеніе, содѣйствующее уразумѣнію поэтическаго текста... Древняя музыка (стр. 262) есть искусство, хотя дѣйствующее движеніемъ (Kunst, die zwar durch die Bewegung wirkt), но въ этомъ движеніи имѣетъ въ виду лишь одинъ моментъ, на который и направляеть все настроеніе. Подробное раскрытіе этого настроенія предоставляется поэзіи».

шей народной пѣсни, что она является органически цѣльнымъ плодомъ совокупнаго дѣйствія двухъ творчествъ, поэзіи и музыки, неотразимо плѣняющимъ наше чувство, какъ свѣтъ и теплота въ нераздѣльномъ явленіи. Если первый, начальный періодъ пѣсенной рѣчи зарождается въ одномъ актѣ творчества съ музыкальнымъ проявленіемъ чувства, или съ напѣвомъ, то онъ необходимо слагается въ полномъ соотвѣтствіи съ напѣвомъ, сообразуясь во всемъ съ его условіями и требованіями. По складу перваго періода (перваго стиха, или первыхъ двухъ стиховъ) пѣсенной рѣчи непремѣнно слагаются и всѣ остальные періоды (стихи) пѣсни, и притомъ точь въ точь, иначе не могутъ быть подведены подъ напѣвъ перваго періода, который остается общимъ для всей пѣсни,—не могутъ быть пропѣты. И такъ, вся пѣсня составляетъ непремѣнно однимъ складомъ, именно складомъ перваго ея періода; первый же періодъ пѣсни самъ складывается по ея напѣву; напѣвъ подлежитъ мѣрѣ, слѣдовательно, мѣрѣ же подлежитъ и самая рѣчь, но только при музыкальномъ ея исполненіи. Напѣвъ состоитъ не въ исполненіи голосомъ пѣмыхъ, безсловесныхъ звуковъ или музыкальныхъ ихъ наименованій (напримѣръ, до, ре, ми и т. д.), а напѣвнымъ звукамъ подставляются слоги, составляющіе слова. Слѣдовательно, музыкально произнести пѣсенную рѣчь значить—не что иное, какъ спѣть ее, опредѣлить же строй пѣсенной рѣчи значить—показывать, не какъ пѣсня поется, а какъ она сложена, то-есть, какъ она дѣлится на строфы, въ соотвѣтствіе полной мелодіи, на стихи, изъ которыхъ въ каждомъ укладывается половина, или другая крупная часть мелодіи, и наконецъ, на колѣна или полустушія, соотвѣтствующія еще меньшимъ частямъ мелодіи, то-есть, отдѣльнымъ мотивамъ.

Въ напѣвѣ нѣтъ прямого и непосредственнаго выраженія каждой отдѣльной мысли, cadaго отдѣльнаго чувства, содержащихся въ пѣснѣ: это задача пѣсенной рѣчи; а въ напѣвѣ сказывается только общее настроеніе чувствъ пѣвца въ данную минуту. Мгновенные порывы внезапно и извнѣ возбужденнаго чувства (испугъ, радость, удивленіе и т. п.) выражаются отрывочными, междометными, часто бессмысленными звуками; а чувство сознательное, какъ продуктъ внутренней, душевной жизни, прежде всего выражается стройными купами благо-размѣренно волнующихся звуковъ—мелодіей; но ею одною не ограничивается. Чувство сильное, возбужденное какимъ-либо важнымъ событіемъ душевной жизни, пробуждаетъ въ свою очередь и мысль, стремящуюся къ всестороннему уразумѣнію того событія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ полному, отчетливому выраженію себя въ словѣ. Отсюда—

пѣсенная рѣчь, естественно прилаживающаяся во всемъ къ мелодіи, къ напѣву, съ которымъ вмѣстѣ взятая она и составляетъ пѣсню. Напѣвъ есть исключительное проявленіе чувства; чувство же по самой природѣ своей не длительно. И какъ молнія мгновеннымъ, но многократно повторяющимся своимъ блистаніемъ освѣщаетъ и даетъ намъ видѣть среди ночнаго, напримѣръ, мрака очертанія и движенія волнующихся по небу тучъ, такъ чувство, выражаемое напѣвною мелодіей, повторяющеюся въ каждой строфѣ, освѣщаетъ предъ нами глубину души пѣвца, придавая одинъ общій колоритъ всему содержанію пѣсни.

Даже само поэтическое вдохновеніе вообще съ наибольшею удовлетворительностію можетъ быть объяснено внезапнымъ устремленіемъ къ вышнему проявленію сосредоточившагося внутренняго чувства. При взрывѣ чувства, какъ извѣстно, и тѣлесная сила человѣка внезапно увеличивается до сверхъестественныхъ почти размѣровъ; такъ человѣкъ въ испугѣ, напримѣръ, при пожарѣ, наводненіи и т. п. поднимаетъ и переноситъ такія тяжести, которыхъ въ спокойномъ состояніи не можетъ сдвинуть съ мѣста. Ударъ, нанесенный человѣкомъ въ припадкѣ гнѣва, бываетъ также особенно силенъ ¹⁾. Но не однѣ тѣлесныя силы мгновенно, хоть только и на время, возрастаютъ подъ натискомъ вскипѣвшаго чувства; то же самое происходитъ и съ силами душевными; умъ просвѣтляется, осіяваетъ и постигаетъ скрывавшееся какъ бы въ недоступной темнотѣ; воображеніе воспаряетъ на такую высоту, съ которой становятся видными обыкновенно незамѣтныя соотношенія взаимно отдаленныхъ предметовъ: отсюда—смѣлыя сближенія, новыя сравненія, смѣлыя метафоры у вдохновенныхъ поэтовъ. Сердце, какъ источникъ чувства, представляется при этомъ въ пѣснѣ пылающимъ, на подобіе раскаленнаго камня или расплавленнаго металла:

Камень отъ огня разгорается,
И булатъ отъ жару расплывается:
Материнское сердце распушается.

¹⁾ Потому-то, вѣроятно, въ древности единоборствующіе враги, предварительно боя поносили противника, раздражая тѣмъ и самихъ себя. Въ одной солдатовской пѣснѣ храбрая атака вражеской батареи объясняется также разгаромъ сердца:

Трудно, трудно намъ, ребята... городъ взять,
Нужно сердцу разгорѣться,—мы подь пушки, ружья подбѣжимъ.

На это указываетъ и постоянный эпитетъ сердца: ретивое (то-есть, горящее, отъ слова вретн, грѣтъ, горѣтъ). Напоръ взволнованнаго чувства, смотря по его содержанію, различно обнаруживается: кровь или приливаетъ въ головѣ, бросается въ лицо, и человѣкъ краснѣетъ, наприжѣръ, въ гнѣвѣ, въ стыдѣ, или же, какъ наприжѣръ въ испугѣ, кровь отливаетъ къ сердцу, и тогда лицо блѣднѣетъ, „по кожѣ пробѣгаетъ морозъ“; въ другихъ случаяхъ хлынуть слезы, сопровождаемыя иногда рыданіями, то-есть, жалобными восклицаніями, вообще отрывистыми, не связными словами ¹⁾. Эта безсвязность рѣчи у человѣка въ припадкѣ страсти вообще, вздохи горящаго, прерывистое дыханіе гнѣвающагося ясно указываютъ, что у человѣка, душа котораго возмущена взрывомъ чувства ²⁾,—мысли, чувства и представленія, беспорядочно устремляясь къ проявленію, тѣснятъ и подавляютъ другъ друга, какъ это прекрасно выражено въ приводимомъ, въ статьѣ у г. Олесницкаго, мѣстѣ изъ книги Іова (32, 18):

Я половъ словъ:

Тѣснить меня дыханіе въ груди моей.

Грудь моя, какъ вино не открытое,

Какъ мѣха повые, рвущіеся.

Поговорю, и мнѣ легче.

Такимъ образомъ рѣчь служитъ какъ бы отводомъ чувствъ ³⁾, облегченіемъ души, изнемогающей подъ ихъ напоромъ. Но подобно тому, какъ мельникъ, не допуская, чтобы скопившаяся громада воды, прорвавъ плотину, схлынула безслѣдно, пользуется силою натиска ея, направляетъ его водоспускомъ, куда ему надобно,—такъ художникъ слова (въ древности поэтъ—пѣвецъ), сдерживая потокъ мыслей и чувствъ, упорядочиваетъ ихъ напѣвомъ, заставляя укладываться въ слова, предлагаемыя къ размѣренному движенію мелодіи. Даже приливъ и тихихъ ясныхъ чувствъ человѣкъ инстинктивно стремится проявить хоть бы только предъ самимъ собою именно въ пѣснѣ, по Апостолу: „Благодушествуетъ ли кто, да поетъ“.

¹⁾ Ter conata loqui, ter fletibus ora rigavit,
Singultuque piis interrumpente querellas...

..... dixit .....

Оу. Metamm. XI, 421, 422.

Или въ русской пѣснѣ:

Горючьми слезами обливается,

Во слезахъ не можетъ слова вымолвить.

²⁾ Отсюда выраженіе: терпѣніе лопнуло.

³⁾ Отъ избытка сердца глаголютъ уста.

Совокупляя выводы изъ всѣхъ предыдущихъ изслѣдованій о соотношеніи основъ количественнаго (древне-греко-латинскаго), силлабическаго (романскаго), собственно тоническаго (ново-греко-латинскаго и нѣмецкаго) и наконецъ, иксаго, риторическо-тоническаго стихосложеній, убѣждаемся, что тогда какъ три послѣднія суть въ той или другой степени видоизмѣненія перваго, количественнаго, народно-русское пѣсенное стихосложеніе занимаетъ на ряду съ нимъ самостоятельное положеніе, имѣя съ нимъ нѣчто генетически общее, именно—первобытное пѣсенное начало расположенія рѣчи, но вмѣстѣ съ тѣмъ существенно отличается отъ него и отъ всѣхъ его видоизмѣненій главнѣйшею основою, которая во всѣхъ тѣхъ стихосложеніяхъ (за исключеніемъ силлабическаго, въ которомъ, кромѣ рифмы, нѣтъ другой основы) пресодическая, слѣдовательно—внѣшняя, звуковая, а въ народно-русскомъ стихосложеніи—внѣшняя, слѣдовательно—внутренняя, въ собственномъ смыслѣ, поэтическая. Мы видѣли, что расчлененіе пѣсенной рѣчи на строфы, стихи и колѣна или полустихія, какъ явный слѣдъ зароденія рѣчи и мелодіи въ одномъ актѣ творчества, равно свойственно древнѣйшей греческой, какъ и нынѣшней народно-русской рѣчи; но затѣмъ пути ихъ диаметрально расходятся. Древне-греческій пѣснотворецъ, слагая мелодію, веруководился въ голосо-мелодіи—одними движеніями внутренняго чувства, но соображался также съ ритмическою пресодіей словъ, подлаживаясь къ долготѣ или краткости слоговъ въ темпѣ. Стало быть, въ началѣ напѣвъ слагался не только иносказательно разгорѣвшася чувства, и также въ зависимость отъ внѣшней, звуковой стороны текста. Таковыя напѣвы сохранились въ народной памяти, и когда накопился изрядный ихъ запасъ, то послѣдующіе поэты слогамъ свои пѣсви уже по готовымъ напѣвамъ и при этомъ неминуемо расколатали рѣчь по тѣмъ текстовымъ слогамъ, пресодически плотно прилежавшимъ къ ритму тѣхъ напѣвовъ. Вслѣдствіе того текстъ пѣсень, первоначально нѣсколько вліявшій своею пресодіей на ходъ напѣва, теперь въ свою очередь очутился въ полной ему подчиненности, потому что поэтъ принужденъ былъ подбирать слово къ слову такъ, чтобы стихъ составился изъ тѣхъ или другихъ стопъ, соответствующихъ тактамъ напѣвнаго ритма. Послѣ, хотя древніе напѣвы были забыты, но ритмическія ихъ схемы приняты за стихослагательныя нормы, число которыхъ почти необязательно умножилось чрезъ разнообразнѣйшее сочетаніе стопъ, уже помимо всякаго отношенія ихъ къ какой бы то ни было мелодіи. Поэзія и музыка разъединились, поэты стали писать стихи не для пѣнія,

а для чтенія, и потому, мало по малу, оставили строфное построеніе, перестали заботиться о совпаденіи окончанія рѣчи съ окончаніемъ мелодіи, предложенія со стихомъ, а растягивали предложение на нѣсколько стиховъ, оканчивали и начинали его, гдѣ приходилось, напримѣръ, въ срединѣ или даже въ началѣ стиха. Между тѣмъ какъ тѣ существенныя черты внутренняго соответствія поэтической рѣчи съ музыкою, свидѣтельствующія о ихъ нововинномъ родствѣ по акту творчества и придававшія рѣчи своеобразный, восточный, отличный отъ обиходнаго складъ, отброшены,—черта чисто внѣшняго звуковаго соответствія просодической количественности текста музыкальному ритму фиктивныхъ мелодій удержана и даже признана единственною основой строенія поэтической рѣчи. Эта просодическая основа сама по себѣ не имѣетъ, конечно, ничего общаго съ поэтическимъ выраженіемъ мысли, и хотя сопривасается съ напѣвнымъ ритмомъ, но едва ли дѣлаетъ рѣчь музыкальною, какъ не билъ бы музыкаленъ и самый напѣвъ, еслибы можно было представить его себѣ лишеннымъ тональности (собственно мелодіи) и движущимся въ тѣсныхъ предѣлахъ метрической, однообразной долготы и краткости. Правда, древніе, искленно отлекая въ напѣвѣ отъ тональности собственно не раздѣльный съ нею ритмъ, считали его чѣмъ-то высшимъ въ сравненіи съ первымъ. „Ритмъ“, говоритъ Вестфаль (стр. 484, ч. I),—„считался энергическимъ, какъ бы жизнедательнымъ мужскимъ началомъ, между тѣмъ какъ звуки въ движеніи своемъ по требованіямъ мелодіи и гармоніи представлялись древнимъ только матеріей, способною къ жизни, женскимъ началомъ, возбуждаемымъ изъ своей пассивности энергіей ритма“ (Agist. pag. 48). Но мы едва ли можемъ раздѣлять такое мнѣніе древнихъ и считать роль барабана въ оркестрѣ болѣе музыкальною, чѣмъ роль, напримѣръ, флейты. Выше сказано, что въ напѣвѣ мелодія и ритмъ не раздѣльны и не мыслимы другъ безъ друга, какъ напримѣръ, основа и утокъ въ ткани, но красоту ткани все-таки составляетъ преимущественно узоръ ея. Во всякомъ случаѣ отъ музыкальности количественнаго метра, еслибы за нимъ и признавать такую, отнюдь нельзя заключать къ его поэтичности. Поэзія есть достоинство слова, а слово дѣйствуетъ на разумѣніе, слѣдовательно, преимущественно содержаніемъ своимъ, а не внѣшнею звуковою стороною.

Не отыскавъ ничего собственно поэтическаго въ количественномъ метрѣ, мы тѣмъ менѣе найдемъ его въ тоническомъ, все равно—признать ли его выродившимся изъ количественнаго, какъ выше было доказываемо, или самостоятельно возникшимъ изъ начала тонально-

сти. Въ первомъ случаѣ къ нему должно быть отнесено все сказанное о метрѣ количественномъ, съ прибавкою, что онъ еще менѣе можетъ имѣть притязанія на музыкальность, а въ послѣднемъ случаѣ, если, то-есть, согласится съ Вестфалемъ, что ударяемымъ слогамъ чужда усиленная протяжность, должно будетъ тоническому стихосложенію совсѣмъ отказать и въ ритмичности, такъ какъ ритмъ имѣетъ дѣло лишь съ протяжностью, а не съ высотой звука. Если высокіе слоги нѣмецкой и русской рѣчи не признавать вмѣстѣ съ тѣмъ и долгими, то нѣмецкая и наша литературная метрика совершенно приравниваются къ силлабической, съ тѣмъ лишь отъ нея различіемъ, что въ послѣдней ведется орудный счетъ слогамъ высокимъ и низкимъ, а въ первой особо считаются высокіе, и особо днакіе слоги, въ обоихъ же счетахъ не болѣе поэтическаго элемента, сколько его въ самыхъ цифрахъ.

Указавъ, въ ряду изданныхъ утвердившихся къ теоріи стихотворства просодическихъ версификацій, мѣсто народно-русской версификаціи стилистической, мы къ числу ихъ, отнесли бы и мнимое народно-русское риторически тоническое стихосложеніе, еслибъ его вообще можно было признать за особаго рода стихосложеніе; но при разборѣ нѣкнхъ Востовава, Классовскаго и г. Оледицкаго, мы убѣдились, что народные пѣсенные стихи не строятся на риторическомъ удареніи, такъ какъ, при его равновѣстности, они не могли бы быть пропѣты той же мелодіей, а при чтеніи риторическое удареніе соблюдается одинаково и въ прозѣ, и въ стихахъ, какъ условіе осмысленнаго чтенія вообще. Къ сказанному тамъ добавимъ, здѣсь еще, что постановка риторическаго ударенія вѣдса и не относится ни къ складу поэтическому, ни къ прозаическому, а относится къ дикціи, къ способу произношенія; отсюда и неустойчивость его, при томъ такая иногда, что какъ мы видѣли, почти каждое слово въ данномъ предложеніи можетъ принять его на себя и снова утратить, смотря по измѣненію направленія мыслей.

Народно-русскій пѣсенный складъ рѣчи мы неоднократно уже называли стилистическимъ, желая тѣмъ указать на его отличіе отъ версификацій просодическихъ, и названіе это само собою оправдывается при подробномъ разборѣ особенностей пѣсенной рѣчи; собственно же пѣсенный складъ рѣчи, какъ русскій, такъ и всякій другой, всего бы приличнѣе прямо назвать поэтическимъ, потому что именно поэтичностью, и только ею одною, ему и слѣдуетъ отличатся отъ прозы, отъ склада обиходной рѣчи. Говорять о большей или мень-

шей музыкальности того или другого стиховнаго размѣра; но при этомъ употребляютъ это слово не въ собственномъ его смыслѣ. Если вѣрно то предположеніе, что въ первобытномъ человѣчествѣ рѣчь и музыка составляли одно цѣлое, значитъ—тогда не было ни музыки безсловной, ни рѣчи немусикальной; по распаденію же этихъ обоихъ способовъ выраженія внутренней жизни человѣка еще въ незапамятныя времена, музыку стали призывать на помощь только для усиленія дѣйствія рѣчи поэтической; а въ этомъ не было бы надобности, еслибы рѣчь поэтическая и безъ того была музыкальною. Слѣдовательно, приписывать рѣчи въ этомъ смыслѣ музыкальность или немусикальность есть то же самое, что приписывать музыкѣ поэтичность или непоэтичность. Никѣ та рѣчь можетъ считаться музыкальнѣе другой, которая съ большою легкостію можетъ быть музыкально произведена, то-есть, распѣваема, и притомъ не речитативно лишь, къ чему и всякая проза способна, а мелодически; слѣдовательно, съ музыкальною развѣренностію, состоящею не въ тактахъ, а въ совпаденіи главныхъ (логическихъ) расчлененій напѣва и рѣчи. Въ этомъ смыслѣ и народно-русскую пѣсенную рѣчь справедливо назвать вполнѣ музыкальною. Приводимые непосредственно влѣдъ за симъ напѣвы и расположенная по нимъ ритмическая схематизація пѣсенныхъ текстовъ послужатъ нагляднымъ доказательствомъ, что наша народная пѣсенная рѣчь и съ вѣднѣйшей своей стороны не относится къ прозѣ, а строится стихами, то-есть, въ болѣе строгомъ соотвѣтствіи съ мелодіей и съ главными ея расчлененіями, чѣмъ сколько это соблюдается въ другихъ версификаціяхъ. Но какъ будетъ видно изъ приводимыхъ влѣдъ затѣмъ текстовъ и изъ стилистическаго ихъ разбора, важнѣйшимъ отличіемъ пѣсенной рѣчи отъ обиходной или прозаической, сверхъ поэтичности языка, обязательной для всѣхъ поэзій, должно считать все-таки стилистическое отличіе, состоящее въ особенности поступательнаго движенія рѣчи, а таковая особенность обуславливается самою двусоставностію пѣсни, какъ произведенія музыкально-словеснаго.

Приложение I.

НАПѢВЫ, ПРИВОДИМЫЕ ВЪ ПРИМѢРЫ МЕЛОДІЙНЫХЪ СХЕМЪ.

А. Однокопѣнные пѣсни.

а) безъ повторенія мотивовъ.

α*) № 113**).

Мы спо - ем - те гѣ-сню но - ву Про - Ду

ни - шу чер - но - бро - ву.

По схемѣ этой мелодіи составлены пѣсни: №№ 130, 132, 138 и 154.

β) № 18.

Ахъ со - ве - че - ра по - ро - ши - ца

*) Греческими буквами означенъ порядокъ мелодійныхъ схемъ.

***) Цифры при номерахъ указываютъ порядокъ пѣсень въ алфавитномъ къ перечнѣ, приложенномъ въ концѣ сочиненія.

***) Двойною вертикальною чертою указывается закончаніе колѣна или строен, а знакомъ — закончаніе стиха.

****) Пѣсни безъ означенія фамиліи перелагателя положены на ноты авторомъ.

свѣ - гу вы - па - да - ла ко бѣ - гу свѣ - ту до - ро - жень - на про - па - да ла. Религовъ.

По схемѣ этой мелодіи составлены дѣсны: №№ 19, 20, 22, 23, 44, 45, 53, 57, 59, 60, 62, 68, 69, 71, 73, 76, 78, 81, 84, 86, 89, 91, 100, 118, 125, 129, 137, 144, 146, 147, 158, 159, 161, 168, 176, 181, 184, 189, 190, 196, 201 и 203.

γ) № 115.

На - до - ѣ - ли но - чи, на - до - ску - чи - ли. На - до - ску - чи - ли, да на - до - ску - чи - ли, на - до - ску - чи - ли.

По схемѣ этой мелодіи составлены пѣсни: №№ 121, 131, 170, 192 и 198.

о) № 127.

Но - чи тем - - - - ны, ту - чи грозны.

*) Знакъ пересѣкающій не всю строку, показываетъ, что одна стѣка оканчивается, а другой начинается среди такта.

**) Знакъ показываетъ анакрузу (затактъ).

Изъ подъ не ба дождикъ леть.

На ши храбры-е сол-да

ты со у че ні я и дуть. О ни
Пресунитъ.

б), съ повтореніемъ мотивовъ.

а) № 92.

Какъ не па ва, что не па ва, какъ не па

ва по дво ру хо дить... Какъ не па

ва по дво ру хо дить.

в) № 33.

Коль по у ли-цъ мя те ли ца мя тетъ, за ми

те ли-цей мой ми-лень-кій и деть, Ты постой, по

стой кра - са - ви - ца мо - я, Поз-воль на-гля -
 дѣть-ся ра-дость на те - бя Ты по-стой по -
 стой кра - са - ви - ца мо - я, По-зволь на-гля -
 дѣть-ся ра-дость на те - бя. Варламовъ.

В. Двухъвольныя пѣсни:

а) безъ повторенія мотивовъ.

№ 16.

Ахъ не од - на то, не од -
 на (то) во по-лѣ лю -
 ро - - - жень - ка въ по-лѣ про - ле -

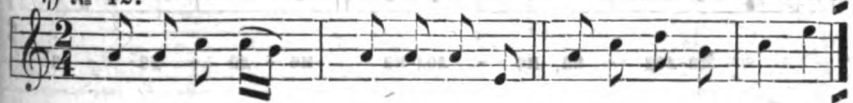

га - ла. ЗАПѢВЪ: Про ле-га - ла. Частымъ ельничкомъ и проч.

Рожновъ.

Сюда №№ 106, 143, 157, 162, 204 и 206.

η) № 12.

Ахъ какъ тошно мнѣ, тошненько нынѣшній го - дочерь.

А е - ще то - го то-шнѣ-е э - тотъ мнѣ де - не-чекъ.

Аванасьевъ.

Сюда: №№ 13, 28, 32, 47, 50, 52, 54, 98, 103, 107, 126, 133, 152, 165, 172, 178, 186, 187, 188, 191, 197.

б) съ повтореніемъ мотивовъ.

δ) № 26.

Ахъ, чтожъ ты, го - лубчикъ, не ве-сель си - дишь,

Не ве-сель си - дишь и не ра - до - стень?

Аванасьевъ.

Сюда: №№ 30, 55, 95, 105, 117, 120, 150 и 171.

ι) № 21.

Ахъ ты, го - ре! ве - ли - ко - е.

Пе-чаль тос-ка не-сно - сна я.

Сюда: №№ 88, 90, 104, 128, 145, 160, 164, 179.

χ) № 122.

Мо-лод - ка, мо - лод-ка мо - ло - да - я!

Сол-дат - ка, сол - дат-ка пол-ко - - ва - - я.

Сюда № 205.

λ) № 5.

А кто у насъ хо-ло - стой! а кто у насъ не женатъ?

Ай лю-ли, ай лю-ли; а кто у насъ не же-натъ?

Альбрехтъ.

Сюда: №№ 6, 14, 15, 35, 40, 43, 64, 77, 82, 94, 102, 108, 110, 134, 135, 136, 173, 200 и 202.

μ) № 1.

Ай, во по - лѣ, ай во

по - - лѣ, Ай во по-лѣ ли-пиль.

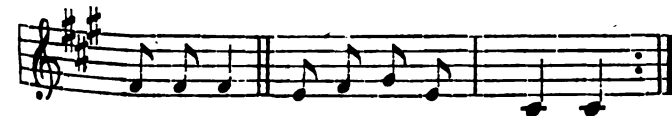
Сюда: №№ 2, 4, 8, 10, 17, 24, 25, 29, 31, 34, 36, 37, 41, 42, 46, 48, 49, 51, 56, 58, 65, 66, 67, 70, 72, 75, 79, 85, 87, 93, 96, 97, 99, 101, 109, 111, 114, 119, 124, 139, 140, 142, 148, 149, 155, 156, 163, 166, 167, 169, 180, 182, 183, 185, 193 и 199.

в) № 195.

Балажоръ.

б) № 61.

Пронутья.

о) № 153.

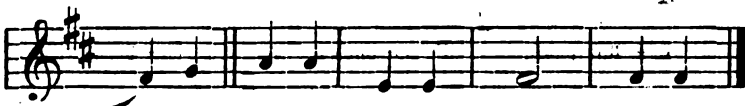
По - ѣ - ха - ла Ду - - ня не на - дол - го

въ го - сти. Ай Ду - ня, Ду - - ня! Ду - ня

тон - ко - прѣ - - ха. Ай Ду - ня, Ду -

ня! Ду - ня тон - ко - прѣ - - ха!

п) № 9.

Ахъ, Ду - нюш - ка! Ахъ, Ду - нюш - ка! Ахъ, Ду - нюш - ка!

Оо - ми - на Ахъ! Ооми - на! Ахъ! Ду - нюш - ка!

Оо - ми - на - Ахъ! Оо - ми - на!

Сюда №№ 60 и 160.

В. Смѣшанныя пѣсни.

I. Двухколыбныя съ одноколыбными.

а) безъ повторенія мотивовъ.

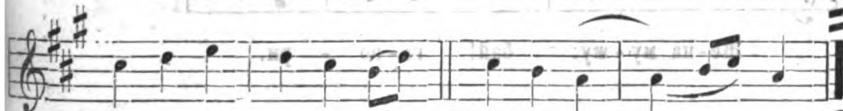
р) № 74.

За-пле-ти - ся пле - тень за - пле-ти - - - ся.

Ты за-вей - ся тру - ба зо - ло - та - - - я.

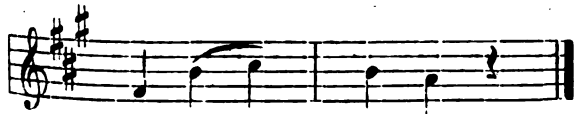
За-вер-ни-ся, кам-ка выхру-ща-та-нд О - П - я.

Ахъ! ты съ - ра-я у - ти-ца, по-то-пи-ла ма-лыхъ дѣ -

- ту-шекъ. Не въ ме-ду и не въ па - то-кѣ, и не въ яст-

вахъ са - - хар-ныхъ.

Сюда №№ 80, 141 и 177.

б) съ повтореніемъ мотивовъ.

о) 151.

По-шолъ ко-зелъ въ о - го - родъ, по-шелъ
 ко-зелъ въ о - го - родъ. Ахъ! Чи - ги - ри-ки, чокъ чи - ги -
 ри, ахъ! ко-ма-ри-ки, му-хи, ко-ма - ри, ахъ!
 Же-на му-жу: бай! го-во - ри.

II. Однокозънные съ двухкозънными.

г) № 63.

Го - - лов - на болитъ. Болитъ больно го-ло - вуш -
 ка. Не зна - - - ю какъ быть.

Сюда №№ 38, 39, 83, 116, 122, 123, 174, 175, 194 и 207.

№ пѣсни по
алфавитному
порядку.

Число мѣръ
въ каждомъ
вогнѣ.

27. 4. Трехстишія изъ стиховъ равнойрѣныхъ .
(Ахъ, ты, воля моя, воля! ахъ воля дорогая! ¹⁾.)
— — | — — | □ □ □ □ □ □ □ □
28. Воля дорога я
— — | □ □ □ □ — — | — — | □ □ □ □
28. Ахъ, ты, воля, воля дорогая!
□ □ — — | □ □ — — | □ □ □ □ □ □
28. Ахъ! дѣвка м о л о д а я!
115. 5. Трехстишія изъ стиховъ неравнобѣрныхъ.
(Надоѣли ночи, надоскучили,
Надоскучили, да надоскучили);
12. Н а д о с к у ч и л и,
□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □
22. С о м н и м ѣ д р у ж к о м ѣ р а з л у ч и л и,
— — | □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □
22. Р а з л у ч и л и д а р а з л у ч и л и.
43. 6. Четырехстишія изъ стиховъ равнойрѣныхъ.
□ □ □ □ — — | — — | — — | — — | □ □ □ □
24. В н я з ъ д о к а м у ш к а м ѣ б ы с т р а р ы ч к а т е ч е т ѣ ;
□ □ — — | — — | — — | — — | — — | — — | □ □ □ □
24. П о б е р е ж ь ю д о б р ы й м о л о д е ц ѣ и д е т ѣ .
□ □ — — | — — | — — | □ □ □ □ □ □ □ □
24. О х о , х о , х о , х о , х о , х о !
□ □ — — | — — | — — | — — | — — | — — | □ □ □ □
24. Л ю б и т ь , л ю б и т ь , л ю б и т ь , м и л ы й д р у г ѣ м е н я !
127. 7. Четырехстишія изъ стиховъ неравнобѣрныхъ.
□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □
26. Н о ч и т а м ѣ н ы т у ч и г р о з ы ;
□ □ □ □ □ □ □ □ — — | — — | — — | □ □ □ □ □ □ □ □
40. И з ѣ п о д ѣ н е б а д о ж д и к ѣ л ь е т ѣ ;

¹⁾ Стихи, оставленные безъ ритмической развѣтки, указываютъ, что новыя строфы начинаются со слѣдующаго за-нѣния стиха.

²⁾ Знакъ) показываетъ, что отдѣленные имъ слоги относятся къ заголовку, или что то же, составляютъ анакрузу.

Э ПѢСНИ ПО
АЛФАВИТНОМУ
ПОРЯДКУ.

Число мѣръ
въ каждомъ
колѣнѣ.

28. Наши храбрые солдаты
18. Слу чени я и дутъ

В. ПѢСНИ ДВУХКОЛѢВНЫЯ.

1. Одностопныя изъ равномѣрныхъ колѣвъ.

106. 16+16. Коледа! Коледа! Л у в о в к а!

2. Одностопныя изъ неравномѣрныхъ колѣвъ.

82. 16+8. Какъ во городѣ ц а р е в н а, ц а р е в н а.

3. Двустопныя изъ равномѣрныхъ стиховъ съ равномѣрными колѣнами.

5. 8+8. А кто у насъ холостой? а кто у насъ не женатъ?

8+8. Ай, люли! ай, люли! а кто у насъ не женатъ?

4. Двустопныя изъ неравномѣрныхъ стиховъ, при равномѣрныхъ колѣвахъ особо въ четныхъ, и особо въ нечетныхъ стихахъ.

2. 8+8. Ай на горѣ дубъ, дубъ; ай на горѣ дубъ, дубъ;

12+12. Да бѣла бере за, да бѣла бере за.

5. Двустопныя изъ равномѣрныхъ стиховъ, при неравномѣрныхъ колѣвахъ.

6. 8+16. А мы просо сѣяли, сѣяли.

8+16. Ой, дидь, гадю! сѣяли, сѣяли.

№ ПѢСНИ ПО
АЛФАВИТНОМУ
ПОРЯДКУ.

Число мѣръ
въ каждомъ
коленѣ.

6. Двустипшія изъ неравномѣрныхъ стиховъ, съ равномерными колѣнами въ нечетныхъ, съ равномѣрными въ четныхъ.

95. 16+12. Какъ пошла наша бабушка вдоль по дорожкѣ.
- 16+16. Фтя! такъ и бить! по дорожкѣ. Фтя! такъ и бить по дорожкѣ.

7. Двустипшія изъ неравномѣрныхъ стиховъ съ равномерными колѣнами.

31. 12+10. Вдоль по морю, вдоль по морю,
- 14+12. Вдоль по морю, морю синему, вдоль по морю, морю синему.

8. Трехстипія изъ равномѣрныхъ стиховъ и колѣнъ.

9. 8+8. Ахъ, Дунюшка! Ахъ, Дунюшка!
- 8+8. Ахъ, Дунюшка Омина! Ахъ, Омина!
- 8+8. Ахъ, Дунюшка Омина! Ахъ, Омина!

В. ПѢСНИ смѣшаннаго склада.

1. Двустипшіе: одноколѣнный стихъ съ двухколѣнными а) при равномѣрныхъ колѣнахъ въ четныхъ стихахъ.

63. 16. Го́л о́вца бо́лѣтъ.

Ъ ПЪСНИ ПО
АЛФАВИТНОМУ
ПОРЯДКУ.

Число мѣръ
въ каждомъ
когѣнѣ.

24+24. Бо-литъ бо-льно го-ло-вуш-ка, Не зна-ю ка-къ бы-ти!

б) при неравномѣрныхъ когѣнахъ въ четныхъ стихахъ.

83. Ка-къ во сла-вномъ бы-ло гра-дѣ, || бра-тцы, въ ка-мен-ной Мос-квѣ.

24. Бра-тцы, въ ка-мен-ной Мос-квѣ,
20+24. Чтѣ у зна-тнаго ли кня-зя бы-ло у Вол-ковъ - сь-а-го.

2. Двустипія изъ двухкогѣннаго стиха съ однокогѣннымъ.

а) при равномѣрныхъ когѣнахъ,

141. 16+16. По-дуй, по-дуй, не по-го-душ-ка,

16. Охъ! не ма-ленькая!

б) при неравномѣрныхъ когѣнахъ,

174. 32+32. У Ду-нюш-ки Лю-буш-ки, у Ду-нюш-ки Лю-буш-ки.

24. Чор-ныя, чор-ныя брови, брови хороши.

3. Трехстипія, два двухкогѣнные стиха съ однимъ однокогѣннымъ.

151. 16+16. По-шелъ ко-зелъ въ о-го-родъ, по-шелъ ко-зелъ въ о-го-родъ; ахъ!

12+12. Чи-гири-ки, чокъ, чи-гири, ахъ! Ко-мары-ки, му-хи, ко-мары! ахъ!

12. Же-на му-жу: пай! го-во-ри!

Обзоръ музыкально-ритмической (метрической) схематизаціи пѣсенъ.

А. Однодѣльные стихи.

1. Одностипія:

№№ пѣсенъ: 130, 138 въ 8 мѣръ каждый стихъ,
 „ 113, 132, 154 > 12 „ „ „ „

2. Двустипія изъ стиховъ равномѣрныхъ.

№№ 76, 125.	въ 12 мѣръ каждый стихъ.
144, 159, 73, 78, 147, 181, 203.	въ 16 „ „ „
57, 196, 20	въ 20 „ „ „
22, 86, 89, 100, 131, 146, 184, 201	въ 24 мѣры „ „ „
7, 18, 19, 68, 81, 176	въ 32 „ „ „
23, 118.	въ 36 мѣръ „ „ „
59	въ 40 „ „ „
129, 161.	въ 48 „ „ „
168.	въ 64 мѣры „ „ „

3. Двустипія изъ стиховъ неравномѣрныхъ ¹⁾.

№№ 60, 190.	нечетные въ 16 мѣръ, четные въ 12 мѣръ.
143, 207.	„ 12 „ „ 16 „
69.	„ 26 „ „ 22 „
204.	„ 36 „ „ 12 „
44.	„ 28 „ „ 24 „
45, 62.	„ 26 „ „ 32 „
189.	„ 32 „ „ 24 „
137.	„ 36 „ „ 30 „
91.	„ 32 „ „ 40 „
84.	„ 46 „ „ 44 „
53.	„ 72 „ „ 48 „

4. Трехстипія изъ стиховъ равномѣрныхъ.

№ 27. по 28 мѣръ въ каждомъ стихѣ.

5. Трехстипія изъ стиховъ неравномѣрныхъ.

№№ 158. 1-й стихъ въ 28 мѣръ, 2-й стихъ въ 32 мѣры, 3-й стихъ въ 16 мѣръ
115. „ 12 „ „ 22 „ „ 22 „
192. „ 12 „ „ 24 „ „ 24 „

¹⁾ Неравномѣрность разумѣется только по отношенію четныхъ къ нечетнымъ; но всѣ четные стихи въ пѣснѣ, какъ и всѣ нечетные равномѣрны во всей пѣснѣ.

№№ 170.	1-й стихъ въ 16 мѣръ,	2-й стихъ въ 24 мѣры,	3-й стихъ въ 24 мѣры
198.	82	24	24
92.	24	32	28
121.	44	40	48

6. Четверостишіе изъ стиховъ равномѣрныхъ.

- №№ 33. въ 16 мѣръ каждый стихъ.
43. въ 24 мѣры.

7. Четверостишіе изъ стиховъ неравномѣрныхъ.

- № 127. 1-й стихъ въ 26 мѣръ, 2-й стихъ въ 40 мѣръ, 3-й стихъ въ 28 мѣръ
4-й стихъ въ 18 мѣръ

В. Двухколынные стихи.

1. Одностишіе изъ равномѣрныхъ колынь.

- № 106. по 16 мѣръ въ каждомъ колынь.

2. Одностишіе изъ неравномѣрныхъ колынь.

№№ 82, 157.	1-е колыно въ 16 мѣръ,	2-е колыно въ 8 мѣръ
162	26	12
206	32	20
16	16	80

3. Двустышія изъ равномѣрныхъ стиховъ съ неравномѣрными колынами.

- №№ 5, 8, 10, 12, 17, 26, 28, 34, 41, 47, 49, 79, } Каждый стихъ въ 16 мѣръ.
80, 101, 105, 110, 111, 135, 140, 149, 156, 171, }
186, 191, 193, 200. } Каждое колыно въ 8 мѣръ.

88. Каждое колыно въ 9 мѣръ.

- 15, 21, 32, 35, 48, 64, 70, 93, 94, 112, 128, } Каждое колыно въ 12 мѣръ.
136, 148, 166, 169, 173, 179, 182, 183, 197, 202. }

- 1, 14, 25, 29, 40, 42, 46, 56, 65, 72, 77, 90, }
96, 97, 99, 102, 107, 124, 134, 139, 142, 152, } Каждое колыно въ 16 мѣръ.
155, 178, 185, 187, 188, 206. }

66. Каждое колыно въ 18 мѣръ.

52, 167, 199. Каждое колыно въ 24 мѣры.

145. Каждое колыно въ 32 мѣры.

4. Двустышія изъ неравномѣрныхъ стиховъ съ неравномѣрными колынами (въ четныхъ и нечетныхъ).

№№ 2, 36, 37, 55, 24, } 30, 109, 117. }	Каждое колыно въ четныхъ	8 мѣръ,	въ нечетн.	16 мѣръ
3, 50, 51, 87, 180		16		8
75.		12		16

№№ 98. . . . . Каждое когѣно въ четныхъ 24 мѣры, въ нечетн. 12 мѣръ
183. . . . . » » » 28 » » 24 »

5. Двухстишія двухкогѣнные изъ равномерныхъ стиховъ съ неравногѣнными когѣнами.

№№

6. Въ 1-мъ когѣнѣ 8 м., во 2-мъ к. 16, въ 3-мъ к. 8 м. въ 4-мъ к. 16 мѣръ
108. » 12 » » 16 » 12 » » 16 »
114. » 14 » » 12 » 12 » » 14 »
54. » 24 » » 32 » 32 » » 24 »
126. » 24 » » 32 » 32 » » 24 »

6. Двухстишія изъ неравногѣрныхъ стиховъ съ неравногѣнными когѣнами въ нечетныхъ, но съ равномерными въ четныхъ.

№ 4. въ 1-мъ кол. 12, во 2-мъ кол. 16, въ 3-мъ кол. 8, въ 4-мъ кол. 8 мѣръ ¹⁾
95. » 16 » 12 » 16 » 16 »

7. Двухстишія изъ неравногѣрныхъ стиховъ съ неравногѣнными когѣнами ²⁾.

№№	мѣръ.	мѣръ.	мѣръ.	мѣръ
11.	1-е когѣно въ 16,	2-е кол. въ 14,	3-е кол. въ 8,	4-е кол. въ 10
31.	» 12	» 10	» 14	» 12
58.	» 12	» 10	» 12	» 14
67, 150, 164.	» 16	» 14	» 8	» 10
103.	» 10	» 14	» 8	» 16
104, 119.	» 16	» 14	» 8	» 10
120.	» 12	» 8	» 12	» 16
165.	» 16	» 14	» 12	» 16
172.	» 16	» 20	» 16	» 12
163.	» 24	» 20	» 24	» 28

8. Трехстишія двухкогѣнные изъ равномерныхъ стиховъ и когѣнъ.

№№ 9, 61. Въ каждомъ когѣнѣ по 8 мѣръ.
3, 153, 160, 195. » » 16 »

В. Смѣшанные стихи.

1. Двухстишія. Однокогѣнный стихъ съ двухкогѣннымъ.

а) При равномерныхъ когѣнахъ въ четныхъ стихахъ.

№№ 39. Четный стихъ въ 24 мѣры, нечетный въ 24+24 мѣры
71. » » 16 мѣръ » 8+8 »

¹⁾ Счетъ когѣнъ ведется здѣсь сподрядъ въ нечетномъ и въ четномъ стихахъ.

²⁾ Неравногѣрность состава здѣсь разумѣется только относительно первой строфы; а затѣмъ нечетные стихи во всей пѣснѣ равны между собою, какъ и первыя ихъ когѣна между собою, а вторыя между собою. Тоже самое должно разумѣть и объ четныхъ стихахъ.

№№ 63.	четный стихъ въ 16 мѣрь, нечетный въ 24+24 мѣры
122.	» » 18 » » 24+24 »
116.	» » 32 мѣры » 28+28 »

б) При неравномѣрныхъ колѣнахъ въ четныхъ стихахъ.

№№ 38.	Четный стихъ въ 12 мѣрь, нечетный въ 24+18 мѣрь.
83.	» » 24 мѣры » 20+24 мѣры
194.	» » 16 мѣрь » 40+48 мѣрь
175.	» » 40 » » 48+16 »
123.	» » 60 » » 16+84 »

2. Двухколѣнный стихъ съ одноколѣннымъ, а) при равномѣрныхъ колѣнахъ.

№№ 74.	Въ нечетномъ 12+12 мѣрь, въ четномъ 12 мѣрь.
141.	» » 16+16 » » 16 »

б) При неравномѣрныхъ колѣнахъ.

№№ 177.	Въ нечетномъ 16+16, въ четномъ 12 мѣрь.
174.	» » 32+32 » 24 мѣры

3. Трехстишія. Два двухколѣнныхъ стиха съ однимъ одноколѣннымъ.

№ 151.	Въ 1-мъ стихѣ 16+16 мѣрь, во 2-мъ 12+12, въ 3-мъ 12 мѣрь.
--------	---

С. Шадринъ.

ВОДВОРЕНІЕ НѢМЦЕВЪ ВЪ ЛИВОНИИ ¹⁾.

Природа и населеніе края.—Нѣмецкіе торговцы и миссіонеры.—Мейнгардъ и Бертольдъ.—Альбертъ Букагевельдъ и основаніе ордена Мечелосцевъ.—Порабощеніе Ливонъ и Латышей.—Полоцкій князь Владиміръ.—Порабощеніе Эстонъ.—Датчане въ Эстоніи.— Столкновеніе съ Новгородцами.—Взятіе Юрьева.—Покчиженіе Эмгоги и Куронь.—Соединеніе Ливонскаго ордена съ Тевтонскимъ.— Упроченіе нѣмецкаго владѣтельства и закрѣпленіе туземцевъ.

Край, ~~завоеванный~~ у насъ подъ именемъ Прибалтійскаго или Ливонскаго, имѣетъ естественныя предѣлы съ трехъ сторонъ: Балтійское море на западѣ, Финскій заливъ на сѣверѣ и Чудское озеро съ рѣкою Наровою на востокѣ. Только на югѣ и на юго-востокѣ предѣлы его были очерчены мечемъ вѣмецкихъ завоевателей, съ одной стороны, русскихъ и литовскихъ защитниковъ родины—съ другой.

¹⁾ Глава изъ второй части «Исторіи Россіи».

Источники и пособія для средневѣковой исторіи и этнографіи Ливонскаго края представляютъ обширную литературу, благодаря, въ особенности мѣстной нѣмецкой наукѣ, которая тщательнѣе собирала, издавала и объясняла историческіе памятники края. Между собраніями источниковъ, главное мѣсто занимаютъ: 1) Monumenta Livoniae antiquae. 5 Vde. Riga, Dorpat und Leipzig. 1835—1847 (исполненныя преимущественно трудами *Наперскаю*). 2) Scriptores regum Livonicarum. 2 Vde. Riga und Leipzig. 1847—1853. Для начальной исторіи водворенія Нѣмцевъ важень первый томъ этого собранія, гдѣ перепечатана латинская хроника Генриха Латыша съ нѣмецкимъ переводомъ и съ комментаріями прое. *Гамзена*, и римованная нѣмецкая хроника Дитлиба фонъ-Альнске (сочиненная въ концѣ XIII вѣка) съ переводомъ на новый нѣмецкій языкъ, въ обработкѣ *Кальмейера*. Затѣмъ извлеченія изъ разныхъ хроникъ у *Бунге* въ его Archiv für die Geschichte Liv Esth und Kurlands; его же Liv- Esth- und Kurländisches

Этотъ край, съ принадлежавшими къ нему островами, представляеть низменную долину въ сѣверной своей половине и возвышенію въ южной. Водяная, пересѣченная мѣстность особенно находится въ юго-восточной части, между озерами Вирдъ-Ерва, Чудскими и Западною Двиною; здѣсь, посреди живонскихъ долинъ и возвышеній изви-вается верхнее теченіе Ливонской Аа и залегаетъ красными озер-довольно студная, несчастливая почва, мѣстами беднѣйшая, мѣ-стами усѣянная залежами съ сѣвера валунами и глыбами скалами, множество ручьевъ и небольшихъ озеръ, сосновыя и еловые лѣса, вѣтви довольно суровый климатъ, морскіе бараны, покрывающіе частью зыбучимъ пескомъ и отмелями, а потому не представ-ляющіе удобныхъ равнинъ — вотъ существенныя черты Ливонскаго края. Неудивительно поэтому, что онъ долгое время остался вне исторической жизни, служа пребываніемъ полудикамъ племенъ и пред-ставляя мало привлекательнаго для болѣе развитыхъ народовъ сѣ-верной Европы. Въ числѣ рѣкъ, текущихъ къ Балтійскому морю, встрѣ-чаются довольно значительныя по своей величинѣ, какими Чернава, Салга, двѣ Аа (Ливонская и Курляндская) и особенно Виллава; но

Urkundenbuch. 4 Bde. Reval. 1852—59. Петра Дювербургскаго. Scriptorum Prussiae. Изд. Гартноха. Jena. 1679 (также въ Scriptorum rerum Prussicarum); «Граматы, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ ганзейскими городами», най-денныя Ниперскимъ и изданныя Археограрическою комисіей. С.-Пб. 1857. Russisch-Livländische Urkunden, также собранныя Ниперскимъ и изданныя Археограрическою комисіей, при участіи академика Лунка. С.-Пб. 1866.

Важнѣйшія пособія: Necrolivonica, oder Alterthümer Liv-, Esth- und Kurlands, Von Fr. Kruse. Dorpat. 1842; Russisch-Liwländische Chronographie. Von Bonnell. Изд. С.-Пб. Академія Н. 1862; «Хронологическія изслѣдованія въ области Русской и Ливонской исторіи въ XIII и XIV вв. А. Энгельмана. С.-Пб. 1858; Geschichte der Ostseeprovinzen Liv-, Esth- und Kurland. Von Otto von Rutenberg. 2 Bde. Leipzig. 1859—1860. Geschichte der deutschen Ostseeprovinzen. Von Richter. 2 Th. Riga. 1857 — 1858, съ указаніемъ на литературу предмета. Своданія о литературѣ (именно 1836—1848 гг.) см у Паукера: Die Literatur der Geschichte. Liv-, Esth- und Kurlands. Dorpat. 1848; Указатель сочиненій о коренныхъ жителяхъ Прибалтійскаго края. X. Варона (въ Зап. Геогр. Об. по отд. этнографіи, II, 1869); также Bibliotheca Livoniae Historica. Von Winkelmann. Zweite Ausgabe. Berlin. 1878.

Относительно почти исчезнувшаго племени Ливовъ любопытно изслѣдованіе академика Видемана: Обзоръ прежней судьбы и нынѣшняго состоянія Ливовъ. С.-Пб. 1870 (прилож. къ XVIII т. Зап. Акад. Н.). Изъ новѣйшихъ сочиненій укажу еще Бунге: Die Stadt Riga im dreizehnten und vierzehnten Jahrhundert. Leipzig. 1878. Для водворенія Тевтонскаго ордена въ Пруссіи главнымъ посо-біемъ служить извѣстный трудъ Фойта: Geschichte Preussens.

онѣ отличаются или мелководіемъ, или пороженными теченіемъ и потому несудоходны. Единственная судоходная жила—это Двина; но и она нерѣдко устья порогами, такъ что плаваніе по ней всегда было сопряжено съ трудностями, и торговля суда могли ходить только въ короткую весеннюю пору, то-есть, въ половодье. Отсюда понятно отчасти, почему древняя Русь не показывала особаго стремленія распространять свою колонизацію въ эту сторону. Хотя ей сообщеніе съ моремъ по Двинѣ восходить ко временамъ очень отдаленнымъ; но она предпочитала ей другой, хотя и болѣе длинный, но за то болѣе удобный путь въ Балтійское море по Волхову и по Невѣ. Впрочемъ, вообще нельзя не замѣтить, что Русское племя, постепенно распространяясь съ юга на сѣверъ по теченію главныхъ рѣкъ восточной Европы, въ продолженіе вѣковъ усвоило себѣ всѣ привычки рѣчнаго (а не морскаго) судоходства, и выработало значительную своровку, чтобы справляться съ рѣчными мелями и порогами. Но, приближаясь къ Балтійскому морю, оно остановилось, съ одной стороны, на Ладожскомъ озерѣ, а съ другой—на нижнемъ теченіи Двины, и не обнаруживало охоты или стремленія закрѣпить за собою концы этихъ двухъ путей и утвердиться на самыхъ берегахъ Балтійскаго моря. Этимъ, конечно, и воспользовались народы Нѣмецкаго корня.

Прибалтійскій край былъ обитаемъ двумя различными племенами—Финскимъ и Литовскимъ. Всю сѣверную и среднюю полосу его занимали народцы Финскаго семейства, извѣстные у древней Руси вообще подъ именемъ Чуди, а у писателей иностранцевъ подъ именемъ Эстивъ (восточныхъ) или Эстовъ. Русскія лѣтописи отличаютъ особыми названіями нѣкоторыхъ изъ этихъ народцевъ; такъ онѣ упоминаютъ: Чудь Перому или Нарову, около рѣки того же имени, дагѣ за нею Чудь Очелу, потомъ Ереву на верхней Чернавѣ и Торму на западной сторонѣ Чудскаго озера. Чудскіе или Эстонскіе народцы, обитавшіе въ этой сѣверной полосѣ Балтійскаго края, ничѣмъ особеннымъ не заявили въ исторіи о своемъ существованіи, и наши лѣтописи упоминаютъ о нихъ только по поводу походовъ, которые Русскіе князья иногда предпринимали въ эту сторону для того, чтобы наказать какое-нибудь племя за пограничныя грабежи или наложить на него дань. Еще при Владимірѣ Великомъ Русь уже собирала дани въ этой сторонѣ; но первая извѣстная попытка утвердиться здѣсь принадлежала его сыну Ярославу—Юрію. Въ Уганіи (область Чуди Торма), на возвышеніяхъ лѣваго берега Эмбаха, онъ построилъ русскій городъ, которому далъ названіе Юрьева въ честь своего христіанскаго имени.

До этого мѣста Эмбакъ отъ своего устья впаивѣ судоходенъ; вѣроятно, тутъ и прежде находилось финское населеніе, носившее туземное названіе Дерита. Чудское язма однако дорожило своею независимостью, и Русь не одинъ разъ должна была вновь завоевывать петеринный Юрьевъ. Когда стало удаваться значеніе великаго князя Кіевскаго, и вниманіе его было отвлечено на югъ борьбою съ Половцами, покореніе Эстонской Чуди остановилось. Сосѣди ея Новгородцы и Псковичи совершали иногда удачныя походы въ ея земли, захватывали въ добычу челядь и скотъ и брали нѣкоторые укрѣпленныя мѣста туземцевъ. Между послѣдними болѣе другихъ получило известность городъ Оденпа, во русски Медвѣжья голова, аскавшій въ югу отъ Юрьева въ одномъ изъ самыхъ возвышеннѣхъ холмистыхъ уголковъ Ливонскаго края. Но съ одной стороны, упорная оборона туземцевъ, съ другой—явный недостатокъ настойчиваго движенія Новгородской Руси въ эту сторону задерживали распространеніе русскаго господства.

Южную полосу этого края занимали народы Литовскаго семейства, а именно—Латыгола и Зимрѣла. Чудскіе народцы при столкновеніи съ Литовскими, очевидно, уступали передъ ними какъ болѣе одареннымъ Арійскимъ племенемъ; ибо въ древности Чудь, безъ сомнѣнія простиралась южнѣе Двины; но Латыши постепенно отбѣснили ее далѣе къ сѣверу и заняли ея земли. При этомъ столкновеніи въ теченіе вѣковъ образовались новыя племенные виды, смѣшанные изъ обоехъ семействъ. Къ такому смѣшенію принадлежалъ народъ Ливовъ, который занималъ нижнее теченіе Двины и морское прибрежье почти отъ Пернавы до Муса или Куронской Аа и далѣе. А еще далѣе на западъ въ приморьѣ жили Куроны также смѣшанные изъ литовской и финской народности, по видимому—съ преобладаніемъ первой, тогда какъ у Ливовъ преобладала вторая. На берегахъ Виндавы жилъ еще какой-то народецъ Венды, неизвѣстно Славянскаго или другаго каковаго семейства, такъ какъ онъ затерялся безслѣдно. Съ Двинскими Ливами сосѣдила ливонская область Торейда, расположенная по рѣкѣ того же имени, болѣе известной подъ именемъ Аа. Къ сѣверу отъ Торейды лежали другія области Ливовъ, Идумея и Метеполе, послѣдняя по рѣкѣ Сались. Имѣя значительную латышскую примѣсь, Ливы немного крупнѣе ростомъ и крѣпче сложены чѣмъ Эсты, но ближе къ нимъ, чѣмъ къ Латынамъ по языку, характеру и обычаямъ. Въ одеждѣ ихъ также преобладаетъ темный цвѣтъ; они также вспыльчивы и упрямы какъ Эсты, и отличались

такимъ же расположеніемъ къ морскому хищничеству. Эзельскіе, ливонскіе и вуронскіе пираты не упускали случая пограбить торговля суда или воспользоваться ихъ кораблекрушеніемъ и вообще наносили немалый вредъ торговому судоходству на Балтикѣ. Около половины XII вѣка эти пираты завладѣли даже частью острова Оланда, и здѣсь, у самыхъ береговъ Скандинавіи, устроили свое разбойничье гнѣздо. Царь Датскій Вольдемаръ I принужденъ былъ отправить противъ нихъ сильный флотъ, которому только послѣ отчаянной битвы удалось уничтожить это гнѣздо (1171 г.). Однако дерзость чуждѣшихъ пиратовъ и послѣ того была такъ велика, что спустя семнадцать лѣтъ они сдѣлали набѣгъ на берега озера Мозара, и разграбили торговый городъ Сягуну. Русское вліяніе простиралось на страну Ливы болѣе, нежели на Эстонскую Чудь, благодаря водному пути къ Западной Двинѣ. Но и здѣсь Полоцкіе князья не обнаружили болѣе сильной настойчивости нежели Новгородцы и не стремились заковать за собою устье этой рѣки или выходъ въ море. Полоцкія укрѣпленія основаны были на Кокенгувенскихъ высотахъ ея праваго берега, и князья ограничивались тѣмъ, что вѣняли небольшую дань съ поселеній, расположенныхъ далѣе внизъ по рѣкѣ. Хотя русское господство и восточное православіе распространялись очень медленно въ этомъ краю, но за то безъ большихъ потрясеній и переворотовъ, безъ истребленія и обнищанія туземныхъ племенъ. Ливы и Латыши сохраняли свой патриархальный бытъ, подъ управленіемъ родовыхъ старшихъ, и безответственно приносили жертвы своимъ богамъ. Населеніе пользовалось нѣкоторою зажиточностію, и мирное его состояніе нарушалось только мелкими порубежными дравами и грабежами; при чемъ Литовскіе народцы болѣею частью обижали Эстонскую Чудь.

Такое презабавіе Прибалтійскаго края продолжалось до тѣхъ поръ, пока не пришли нѣмецкіе завоеватели, которымъ путь въ эту сторону проложили нѣмецкіе торговцы.

Почти на самой серединѣ Балтійскаго моря, между Шведіей и Куроніей, протянулся довольно значительный гористый островъ Готландъ, котораго возвышенныя берега изрѣзаны удобными для мореходовъ бухтами. Около одной изъ такихъ бухтъ на сѣверо-западной сторонѣ острова процвѣталъ торговый городъ Висби, который служилъ главнымъ посредникомъ въ торговлѣ сѣверной Руси съ Варягами или Скандинавами. Варяжскіе купцы сѣзжались здѣсь съ новгородскими, смоленскими и полоцкими и вымѣнивали у нихъ русскія произведенія, особенно дорогіе мѣха, воскъ и кожи. Эта при-

обычная мѣна не замедлила привлечь и нѣмецкихъ торговцевъ изъ сѣверной Германіи. Въ XII вѣкѣ совершился важный переворотъ на южномъ балтійскомъ поморьѣ. Обитавшіе тамъ славянскіе народы, Боричи, Лютичи и частію Поморяне, теряли свою самобитность, тѣснимые Нѣмцами и Датчанами. Славянское поморье подверглось постепенному оиѣмеченію, которое началось съ наиболѣе значительныхъ торговыхъ городовъ, каковы Штетинъ, Воллинъ, Ростокъ и Любекъ. Изъ морская торговля упала на то время, пока совершалась борьба съ нѣмецкими завоевателями, миссіонерами и колонистами. Тогда-то появились на Балтійскомъ морѣ торговцы изъ саксонскихъ или нижне-нѣмецкихъ городовъ, лежавшихъ за Эльбой. Впереди другихъ выступили города Бременъ и Гамбургъ, за ними Миделеръ, Дортмундъ, Сестъ и пр. Ихъ торговцы также основали свои склады и конторы въ Висби и начали производить мѣну съ русскими гостями. Предпримчивые Нѣмцы однако не ограничились посредничествомъ Готланда, а постарались въ то же время войти въ прямыя торговыя сношенія съ народами, обитавшими на восточномъ берегу Балтики.

Около половины XII вѣка бременскіе купцы начали посѣщать нижнее течение Западной Двины и торговать съ прибрежными Ливоніи. Весной и ихъ суда приплывали съ нѣмецкими товарами, а осенью уходили, нагруженныя мѣстными произведеніями. То была эпоха сильнаго религіознаго одушевленія въ западной Европѣ. Крестовые походы противъ невѣрныхъ находились въ самомъ разгарѣ. Насильственное крещеніе Славянъ на Балтійскомъ поморьѣ въ особенности усилило миссіонерское движеніе среди Нѣмцевъ. Разказы купцовъ о ливонскихъ язычникахъ не замедлили направить часть этого движенія въ ту сторону. Между нѣмецкими проповѣдниками здѣсь первое мѣсто, если не по времени, то по успѣху, принадлежитъ Мейнгарду, монаху августинскаго ордена изъ Бременской спаркіи. Весною 1186 года онъ приплылъ на купеческомъ суднѣ въ Двину, и высадился верстахъ въ 35 отъ ея устья на правомъ берегу въ ливонскомъ селеніи Икескола (Иксуль), гдѣ нѣмецкіе купцы уже успѣли построить свой дворъ для склада товаровъ. Жители той мѣстности платили дань Полоцкому князю, по имени Владиміру. Умный монахъ, чтобы обезпечить свое дѣло съ этой стороны, предварительно испросилъ у князя позволеніе крестить язычниковъ и даже сумѣлъ такъ ему понравиться, что получилъ отъ него подарки. Затѣмъ ему удалось обратить нѣсколько почтенныхъ людей изъ туземцевъ, а съ ихъ помощью и другихъ, такъ что въ ту же зиму онъ построилъ въ Ик-

кулѣ христіанскую церковь. Слѣдующею зимою случился набѣгъ Латышей на эту мѣстность. Мейнгардъ воспользовался своимъ знаніемъ военнаго дѣла; вооружилъ жителей Ивскуля и поставилъ ихъ въ засадѣ, въ лѣсу, черезъ который проходили непріатели, обремененные плѣнными и добычею. Латыши не выдержали нечаяннаго нападенія, и побросавъ добычу, обратились въ бѣгство. Эта побѣда много помогла дѣлу проповѣди, и крещеніе ивскульскихъ туземцевъ пошло еще успѣшнѣе. Подъ предлогомъ оградить жителей отъ будущихъ нападеній, Мейнгардъ съ ихъ согласія слѣдующею весной призвалъ мастеровъ и каменщиковъ изъ Готланда и воздвигъ крѣпкій замокъ рядомъ съ туземнымъ селеніемъ. Точно также съ согласія жителей онъ построилъ потомъ нѣсколько ниже Ивскуля замокъ на одномъ двинскомъ островѣ, Гольмѣ, гдѣ еще прежде соорудилъ церковь (откуда получилось названіе Кирхгольма). Это были первыя нѣмецкія крѣпости въ Ливонской землѣ. Въ виду такихъ успѣховъ архіепископъ Бременскій Гартвигъ возвелъ Мейнгарда въ достоинство Ливонскаго епископа, впрочемъ съ подчиненіемъ его своей кафедрѣ, на что получилъ папскую буллу отъ 25-го сентября 1188 года. Одинъ изъ спутниковъ Мейнгарда, монахъ Дитрихъ, подвизался въ сосѣдней области Торейдѣ на берегахъ Ав. Однажды язычники, побуждаемые жрецами, схватили его и хотѣли принести въ жертву своимъ богамъ. Но предварительно надобно было узнать ихъ волю посредствомъ гаданія. Положили копье и заставили пройти черезъ него коня. Послѣдній переступилъ сначала „ногою жизни“. Провели его во второй разъ, и опять повторилось то же. Это не только спасло жизнь монаху, но и вселяло къ нему особое уваженіе; а когда ему удалось вылѣчить травами нѣсколько больныхъ, не только мужчины, но и женщины начали принимать крещеніе.

Но когда Мейнгардъ началъ внушать Ливамъ покорность Бременскому архіепископу и требовать десятины на церковь, новообращенные стали подозрительно и даже враждебно относиться къ своему апостолу. Произошло обратное движеніе, то-есть, возвращеніе къ язычеству; принявшіе крещеніе погружались въ струи Двины, чтобы смыть его и отослать обратно въ Германію. Мейнгардъ хотѣлъ было плыть въ отечество и тамъ собрать помощь людьми и другими средствами; но туземцы съ притворною покорностью упросили его остаться. Убѣдясь въ ихъ притворствѣ, онъ отправилъ къ папѣ своего товарища Дитриха, и папа велѣлъ объявить отпущеніе грѣховъ всѣмъ тѣмъ, которые примутъ крестъ, чтобы силою оружія поддержать возникаю-

дую Ливонскую церковь. Престарѣлый Мейнгардъ однако не дождался этой помощи и скончался въ 1196 году. Передъ смертью онъ собралъ вокругъ себя крещенныхъ старшинъ и увѣщевалъ ихъ остаться вѣрными новой религіи и принять на его мѣсто новаго епископа.

Гартвигъ прислалъ изъ Бремена проемникомъ ему цистерціанскаго монаха Бертольда. Встрѣченный враждебно Ливами, онъ воротился въ Германію, съ помощію папской буллы собралъ отрядъ вооруженныхъ людей и съ ними вновь присталъ къ епископскому замку Гольму въ 1198 г. Тогда началась открытая война Нѣмцевъ съ туземцами. Бертольдъ отступилъ къ устью Двины и расположился на холмѣ Риге. Здѣсь произошла схватка съ Ливами. Хотя послѣдніе были уже разбиты, но Бертольдъ своимъ конемъ занесенъ въ средину бѣгущихъ неприятелей и пораженъ копьемъ въ спину. Побѣдители отомстили его смерть, жестоко опустошивъ окрестную страну, такъ что побѣжденные смирились, приняли священниковъ и согласились платить установленные налоги. Но едва нѣмецкіе ратники отплыли обратно, какъ началось новое смываніе крещенія въ волнахъ Двины и избіеніе священниковъ. На мѣсто убитаго Бертольда Бременскій архіепископъ назначилъ одного изъ своихъ канониковъ, Альберта, происходившаго изъ довольно знатной фамиліи Апельдеритъ или Бусгевдевъ. Этотъ выборъ оказался очень удаченъ. Альбертъ былъ человекъ изворотливый, энергичный и предприимчивый. Онъ менѣе всего мечталъ о славѣ апостола-мученика, а возложилъ дальнѣйшее распространеніе христіанства въ Ливонскомъ краѣ главнымъ образомъ на силу меча. Поэтому, прежде чѣмъ отправиться туда, онъ приготовилъ всѣ средства для будущаго успѣха. Онъ посѣтилъ Готландъ, гдѣ успѣлъ набрать пятьсотъ крестоносцевъ, потомъ Данію, гдѣ получилъ большое денежное вспоможеніе. Затѣмъ Альбертъ объѣхалъ часть сѣверной Германіи и въ Магдебургѣ выхлопоталъ отъ короля Филиппа постановленіе, чтобъ имущества крестоносцевъ, отправлявшихся въ Ливонію, пользовались тѣми же привилегіями, какъ и крестоносцевъ, ходившихъ въ Палестину. Весною 1200 года Альбертъ съ ратными и торговыми людьми на двадцати-трехъ корабляхъ приплылъ къ устью Двины. Оставивъ здѣсь главный флотъ, епископъ на небольшихъ судахъ подался до Гольма и Иксуля. Ливы вооружились, начали новую войну съ Нѣмцами и заставили ихъ выдержать трудную осаду въ Гольмѣ. Но епископъ не затруднился прибѣгнуть къ вѣроломству: ему удалось подъ видомъ переговоровъ заманить къ себѣ ливонскихъ старшинъ, и подъ угрозою отправить ихъ плѣнниками въ Германію, принудить

къ выдачѣ заложниками до тридцати своихъ сыновей. Этихъ мальчиковъ онъ послалъ въ Бременъ, гдѣ они были воспитаны въ христіанской религіи. Епископскую столицу Альбертъ рѣшилъ основать поближе къ морю и выбралъ для этого на правомъ низменномъ берегу Двины то самое нѣсколько возвышенное мѣсто, на которомъ налѣ его предшественникъ Вертольдъ, и которое называлось Риге по имени небольшой впадающей здѣсь рѣчки, въ четырнадцати верстахъ отъ моря. Въ 1201 году начата была постройка отъиъ и заложенъ кафедральный соборъ во имя св. Маріи. Папа, знаменитый Иннокентій III, не только далъ свое согласіе на основаніе епископскаго города, но и даровалъ ему нѣкоторыя привилегіи; напримѣръ, онъ наложилъ запретъ на посѣщеніе нѣмецкими торговцами, соуднаго съ Двинскимъ устьемъ рѣки Муса или Куронской Аа, гдѣ производилась торговля съ туземными Зимголами. Вслѣдствіе такого запрещенія все посѣщавшіе этотъ край нѣмецкіе купцы поневолѣ должны были приставать въ устьѣ Двины. Последнее укрѣщено особымъ замкомъ, получившимъ отъ самаго положенія своего названіе Динамиде (то-есть, Двинскаго устья). Альбертъ постарался привлечь въ епископскую столицу многихъ купцовъ и ремесленниковъ изъ Бремена, Готланда и другихъ мѣстъ, щедро одѣлая ихъ разными привилегіями, и городъ, благодаря выгодному положенію, вскорѣ сдѣлался однимъ изъ самыхъ значительныхъ посредниковъ въ торговлѣ между Германіей и Скандинавіей, съ одной стороны, и восточной Европой—съ другой.

Каждую осень Альбертъ отправлялся въ Германію, и каждую весну, то-есть, съ открытіемъ навигаціи, возвращался въ Ригу, приводя съ собою новыя отряды вооруженныхъ пилигримовъ. Но эти крестовосци оставались въ Ливоніи только одно лѣто и затѣмъ отплывали обратно, въ увѣренности, что они достаточно заслужили папское отпущеніе своимъ грѣхамъ. Подобное пилигримство, конечно, не могло удовлетворить Альберта, который желалъ имѣть въ своемъ распоряженіи настоящую военную силу. Съ этою цѣлью онъ началъ раздавать нѣмецкимъ рыцарямъ замки и владѣнія на ленномъ правѣ. Первые изъ такихъ ленныхъ бароновъ явились въ Иксулъ и Ленневарденъ; послѣдній замокъ построенъ также на правомъ берегу Двины, выше Иксулы. Усиливавшіяся войны съ туземцами заставили епископа подумать о болѣе дѣйствительной мѣрѣ. Видѣвъ съ главнѣйшимъ своимъ сподвижникомъ Дитрихомъ (тѣмъ самымъ, которому гаданье конемъ спасло жизнь) Альбертъ составилъ планъ основать въ Ливоніи монашескій рыцарскій орденъ, по примѣру орденовъ, которые въ то

время существовали въ Палестинѣ. Иннокентій III въ 1202 году одобрилъ бундой утвердилъ этотъ планъ и далъ Ливонскому ордену статутъ Христовниковъ, а отличительнымъ знакомъ его назначилъ изображение краснаго креста и меча на бѣломъ плащѣ. Отсюда орденъ этотъ и сдѣлался извѣстенъ преимущественно подъ именемъ Меченосцевъ. (Утвержденное папой его именованіе было *Fratres militiae Christi*). Высокъ съ обѣтами безбрачія, повиновенія папѣ и своему епископу, орденскіе рыцари давали обѣтъ всю жизнь вести борьбу съ туземными язычниками.

Первымъ магистромъ Ливонскаго ордена Альбертъ назначилъ Вино фонъ-Рорбахъ. Теперь завоеваніе Ливоніи и насильственное обращеніе въ христіанство пошли еще успѣшнѣе. Не одною силою меча Альбертъ распространялъ свое владѣтельство, но еще болѣе хитрою политикою и умѣньемъ пользоваться обстоятельствами. Онъ въ особенности старался привлекать въ себѣ ливонскихъ старшинъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Кауцо, принявъ крещеніе, ѣздилъ даже въ Римъ гдѣ удостоился почтительнаго приѣма и подарковъ отъ самого папы; развѣстывая по возвращеніи своемъ онъ явился самымъ усерднымъ слугою Римской церкви и много помогъ епископу своимъ вліяніемъ на елиноплемениковъ и усерднымъ участіемъ въ войнахъ съ язычниками. Альбертъ искусно поддерживалъ вражду туземныхъ племенъ, являясь съ своею помощію однимъ противъ другихъ, истребляя язычниковъ ихъ собственными руками. Лѣтописецъ его подвиговъ, Генрихъ Латиншъ, передаетъ между прочимъ слѣдующій примѣръ подобнаго истребленія: Литва по обыкновенію грабила и обижала ближніе чудскіе народцы. Однажды зимою Литовцы чрезъ землю Ливонъ предприняли набѣгъ на Эстонъ подѣ начальствомъ своего князика Свелгата и возвращались оттуда съ большимъ количествомъ плѣнниковъ, скота и другой добычи. Узнавъ о томъ, Нѣмцы вмѣстѣ съ союзными себѣ Земгалами расположились гдѣ-то на дорогѣ и поджидали Литву. Поехавшая по причинѣ глубокаго снѣга длинною вереницею одна другъ за другомъ, незамѣтивъ непріятелей, поспѣшила собраться въ толпу. Увидавъ передъ собою большое число, Земгалы не рѣшились сдѣлать нападеніе. Но кучка нѣмецкихъ рыцарей считала отступленіе постыднымъ и двинулась впередъ. Тутъ вполнѣ выказалось, какой перевѣсъ надъ туземцами давали имъ вооруженіе и боевая опытность. Блеставшіе на солнцѣ желѣзные шлемы, панцири и обнаженные мечи нѣмецкихъ всадниковъ навели такой страхъ на нестройную толпу Литвиновъ, вооруженныхъ первобытными орудіями и стрѣ-

часть ссн, отд. 2.

лами, что они, не выждавъ удара, бросились спасаться бѣгствомъ. Тогда Земгалы присоединились къ Нѣмцамъ; произошла жестокая бойня, такъ какъ глубокий снѣгъ мѣшалъ бѣгству Литвиновъ. По словамъ Латыша-лѣтописца, они разсыпались и были избиваемы какъ овцы. Головы Сведьгата и другихъ убитыхъ неприятелей собраны въ сани и увезены Земгалами какъ трофеи. Затѣмъ плѣщенныхъ Литвой Эстовъ Нѣмцы также избили безъ пощады, видя въ нихъ только язычниковъ. Многія жены павшихъ Литвиновъ, узнавъ о пораженіи, сами лишили себя жизни, чтобы немедленно соединиться съ мужьями за гробомъ. Такъ въ одномъ только селеніи удавилось до пятидесяти женщинъ.

Насильно обращенные Ливы часто отпадали отъ христіанства и возставали противъ своихъ поработителей, при чемъ захваченныхъ ими Нѣмцевъ иногда приносили въ жертву своимъ богамъ. Нѣмцы порабощали ихъ вновь, въ отмщеніе избивали плѣнныхъ цѣлыми толпами и выжигали селенія. Такимъ образомъ въ нѣсколько лѣтъ земля Ливовъ была покорена совершенно; но вслѣдствіе жестокаго характера борьбы, этотъ довольно зажиточный край подвергся страшному опустошенію и обнищанію. Голодъ и жоровое повѣтріе докончили дѣло опустошенія, начатаго Нѣмцами. Въ послѣдующіе вѣка обнищавшее, рѣдкое населеніе Ливовъ слилось съ Латышскимъ племенемъ, такъ что въ наше время можно найти только разсѣянные кое-гдѣ, ничтожные остатки этого нѣкогда значительнаго народа, давшаго свое имя почти всему Прибалтійскому краю.

Когда совершилось покореніе Ливовъ, орденъ Меченосцевъ потребовалъ себѣ третью часть завоеванной земли и такую же часть всѣхъ будущихъ завоеваній. Отсюда возникло препирательство между нимъ и епископомъ. Орденъ обратился къ папѣ, и тотъ рѣшилъ споръ въ его пользу. Это былъ первый шагъ къ его будущему преобладанію въ странѣ. Епископъ скоро могъ убѣдиться въ томъ, что онъ ошибся въ расчетѣ создать себѣ независимое положеніе духовнаго имперскаго князя и имѣть рыцарскій орденъ послушнымъ орудіемъ въ своихъ рукахъ. Послѣдній получилъ земли по рѣкѣ Аа или Гойвѣ. Здѣсь на холмахъ ея лѣваго берега былъ построенъ большой, крѣпкій замокъ Венденъ, который сдѣлался мѣстопребываніемъ магистровъ и средоточіемъ орденскихъ земель. По сосѣдству возникли другіе замки; изъ нихъ орденская братья владычествовала надъ окрестнымъ населеніемъ, которое она обратила въ крѣпостное состояніе. Рыцари, обязанные безбрачіемъ и другими монашескими обѣтами, очень мало обращали

внимавші на эти обѣты. При послѣднемъ учрежденіи ордена епископъ не могъ быть разборчивъ въ выборѣ его братьевъ, и тотъ наполнился всевозможными выходцами, испытателями доброты и приключеній, людьми грубыми и жестокими, которые при удобномъ случаѣ давали полную волю своимъ животнымъ страстямъ и производили надъ подданными ордена всякаго рода насилія, а также заводили ссоры и драки между собою. Тщетно обиженные обращались съ жалобами къ епископу; онъ не имѣлъ средствъ обудать буйныхъ рыцарей. Одинъ изъ такихъ отчаянникъ братьевъ попалъ на самого магистра Винно фонъ-Рорбаха, и умертвилъ его, за что, впрочемъ былъ публично извѣщенъ въ Ригѣ (1209 г.) На мѣсто убитаго Винно Альбертъ назначилъ рыцаря Вольквина.

За Ливами наступила очередь Латышей. Завоеваніе и обращеніе въ христіанство послѣднихъ совершилось уже съ меньшими усиліями. Часть Латышей, платившая дань Полоцкимъ князьямъ и подчинившаяся русскому вліянію, склонялась къ принятію православія, и нѣкоторыя селенія были уже окрещены по восточному обряду. Такимъ образомъ въ этомъ краю нѣмецкая проповѣдь встрѣтилась съ русскою, и Ливонская хроника передаетъ любопытный способъ, посредствомъ котораго въ одномъ округѣ рѣшенъ былъ споръ между двумя обрядами. Латыши прибѣгли къ гадавію, чтобъ узнать волю своихъ боговъ, и жребій выпалъ въ пользу латинскаго обряда. Тогда нѣмецкіе миссіонеры безпрепятственно окрестили нѣсколько селеній. Въ нихъ немедленно выстроены были латинскіе храмы; а въ числѣ назначенныхъ сюда священниковъ находился самъ авторъ Ливонской хроники, Генрихъ Латышъ, окрещенный въ дѣтствѣ и воспитанный епископомъ Альбертомъ, которому онъ и сохранилъ навсегда глубокую преданность.

Между тѣмъ распространеніе нѣмецкихъ завоеваній внутрь страны не могло наконецъ не вызвать враждебныхъ столкновеній съ Русью. Первые столкновенія произошли на берегахъ Двины и окончились въ пользу Нѣмцевъ, благодаря съ одной стороны, слабости Полоцкаго княженія вообще, а также личной неспособности и безпечности полоцкаго князя Владиміра, съ другой благодаря начавшемуся напору Литвы, отвлекавшему вниманіе Полоцкой Руси въ иную сторону. Однажды епископъ Альбертъ отплылъ по обыкновенію въ Германію для сбора крестоносцевъ и всякаго рода помощи. Часть Ливовъ думала воспользоваться его отсутствіемъ и малымъ числомъ оставшихся на Двинѣ Нѣмцевъ, чтобы свергнуть ихъ иго; они послали звать на помощь

Владимира Полоцкаго; тотъ дѣйствительно приплылъ на судахъ по Двинѣ съ значительнымъ оенческимъ. Сначала онъ попытался взять Нискуль, но отбитый баллистами или камнететельными орудіями, спустился ниже по рѣкѣ, и приступилъ къ Гольму, въ которомъ находилось нѣсколько десятковъ Нѣмцевъ, да толпа призванныхъ на помощь Ливовъ, на вѣрность которыхъ однако трудно было положиться. Однако осада пошла неуспѣшно; попытка обложить замокъ дровами и сжечь его не удалась; ибо осажденные своими баллистами мѣтко поражали тѣхъ, кто слишкомъ близко подходилъ къ стѣнамъ. По словамъ Генриха Латыша, Полоцане будто бы не были знакомы съ употребленіемъ этихъ орудій, и сражались издали стрѣлами. Они попытались устроить камнететельныя орудія по образцу Нѣмцевъ, но дѣйствовали такъ неискусно, что камни ихъ летѣли назадъ и ранили собственныхъ ратниковъ. Между тѣмъ сама Рига находилась въ страхѣ передъ нашествіемъ Русскихъ, такъ какъ она имѣла слабый гарнизонъ, и самыя укрѣпленія ея были еще не обочены. Чтобы затруднить дороги къ городу, Рижане набросали по сосѣднимъ полямъ желѣзныхъ гвоздей о трехъ загнутыхъ концахъ; эти концы вонзались въ копыта конницы и въ ноги пѣхоты. Между тѣмъ нѣкоторые Ливы извѣстили князя, что на морѣ показались какіе-то корабли. Тогда Владиміръ послѣ одиннадцатидневной осады Гольма, уже едва державшагося, отступилъ отъ него, съѣзъ на суда и отплылъ обратно, доказавъ вновь свою близорукость и безхарактерность (1206 г.) въ слѣдующемъ году тѣтено призывалъ на помощь Владимира Полоцкаго подручный ему державецъ городка Кукейноса князь Вячко, тѣснымъ Нѣмцами, которыхъ владѣнія охватывали его со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, отчаявшись въ успѣхѣ обороны, онъ сжегъ Кукейнось и удалился съ своимъ семействомъ въ Русь. Епископъ велѣлъ на мѣстѣ сгорѣвшаго городка выстроить крѣпкій каменный замокъ и отдалъ его въ ленъ одному рыцарю. Такая же участь постигла вскорѣ и другаго удѣльнаго князя, Всеволода, который владѣлъ слѣдующимъ подвинскимъ городкомъ Герсике.

Въ 1210 году существованіе возникающаго нѣмецкаго государства едва не подверглось сильной опасности. Сосѣдніе Куроны, терпѣвшіе отъ Нѣмцевъ и Фрязовъ помѣху въ своемъ пиратскомъ промыслѣ, вздумали воспользоваться обычнымъ отъѣздомъ епископа Альберта въ Германію и слабостію рижскаго гарнизона: они послали просить Ливовъ, Литву и Русскихъ, чтобы соединиться и общими силами изгнать ненавистныхъ пришельцевъ. Тѣ обѣщали. Многочи-

сленны суда Куроновъ въ усиленное время явились въ устье Двины, и съ такою быстротою успѣли добраться въ Ригѣ, что едва нѣкоторые рыбачьи лодки успѣли извѣстить объ ихъ приближеніи. Власти тотчасъ ударили въ набатный колоколъ и призывали къ защитѣ города все населеніе; даже церковные служители и женщины взялись за оружіе. Немедленно со всѣхъ сторонъ прискакали гонцы съ требованіемъ помощи. Куроны храбро пошли на приступъ, закрывалась евоими щитами, составленными изъ двухъ досокъ. Кто изъ нихъ падалъ раненный, тому ближній товарищъ тотчасъ отрубалъ голову. Рижане съ трудомъ оборонялись цѣлый день, однако устояли до наступленія ночи. А на слѣдующій день къ нимъ стала подходить помощь изъ ближнихъ замковъ; пришла и часть крещеныхъ Ливонъ, подъ начальствомъ вѣрнаго Каупо. Между тѣмъ изъ союзниковъ куронскихъ, нѣкто не являлся. Потерявъ еще нѣсколько дней на лѣвомъ берегу Двины, Куроны сожгли тѣла своихъ павшихъ воиновъ и уцѣли обратно. Юное нѣмецкое государство на этотъ разъ какъ и вообще спаслось отсутствіемъ единства въ дѣйствіяхъ своихъ враговъ. Особенно помогала имъ замѣчательная неспособность Полоцкаго князя Владиміра. Мало того епископъ Альбертъ въ томъ же году сумѣлъ склонить этого князя къ выгодному для Риги торговому договору, который предоставлялъ нѣмцамъ купать свободное плаваніе по Двинѣ въ Полоцекъ и Смоленскъ. При этомъ изворотливый епископъ не только призналъ права Владиміра на дань, платимую прежде жителями, но и обязался самъ ежегодно вносить за нихъ эту дань князю. Такимъ образомъ, ставъ какъ бы данникомъ Полоцкаго князя, онъ ловко устранилъ его отъ непосредственныхъ сношеній съ туземцами. Этотъ князь, до такой степени близорукъ смотрѣлъ на возростающую силу Нѣмцевъ, что вслѣдъ за этимъ договоромъ послалъ ратную помощь епископу въ его войнѣ съ Эстами. Близъ худшимъ политикомъ и патриотомъ оказался князь соседняго Пскова, по имени также Владиміръ, братъ Мстислава Удалаго, одинъ изъ сынодей Мстислава Храбраго. Онъ воевалъ въ большую дружбу съ Нѣмцами и выдалъ свою дочь въ Ригу за епископскаго брата Дитриха. Псковитяне возмутились этою дружбою и выгнали его отъ себя. Изгнанныкъ удалялся въ Ригу; епископъ принялъ его съ почетомъ и сдѣлалъ важнѣйшимъ Ливонской области Идумен.

Между тѣмъ Владиміръ Полоцкій пригласилъ Альберта на личное свиданіе подъ Геренке, который еще не былъ захваченъ Нѣмцами. Онъ предложилъ епископу условиться относительно Ливонъ, возоб-

новленія договора и общихъ дѣйствій противъ Литовцевъ. Въ назначенный день епископъ приплылъ по Двинѣ въ сопровожденіи въ-котораго количества орденскихъ рыцарей, ливонскихъ и латышскихъ старшинъ, и кромѣ того нѣмецкихъ вунцовъ, которые сѣдлы въ лодкахъ, также вооруженные. Владиміръ потребовалъ отъ епископа, чтобы тотъ прекратилъ крещеніе Ливовъ, такъ какъ они данники его, Полоцкаго князя, и въ его власти крестить ихъ или оставить некрещеными. Описывая это свиданіе, Генрихъ Латышъ замѣчаетъ, что Русскіе князья обыкновенно покоряютъ какой-нибудь народъ не для того, чтобы обратить его въ христіанство, а для того чтобы собирать съ него дани. Епископъ очень ловко отвѣтилъ, что онъ обязанъ чтить божеское повелѣніе болѣе челоувѣческаго, и сослался на евангельскую заповѣдь: „Идите и научите всѣхъ языцы, крестяще ихъ воимѣ Отца, и Сына и Святаго. Духа“. Сказалъ, что онъ не можетъ прекратить проповѣдь, порученную ему Римскимъ первосвященникомъ, но что онъ не препятствуетъ платить дань князю, слѣдуя завѣту того же Евангелія отъ Матвѣя: „Воздадите кесарю кесарево, а Богу Богово“. Напомнилъ, что онъ и самъ вносилъ князю подать за Ливовъ, но что эти послѣдніе не хотятъ служить двумъ господамъ и просятъ навсегда освободить ихъ отъ русскаго ига. Отъ ласковыхъ дружескихъ увѣщаній Владиміръ перешелъ къ угрозамъ; всѣ ливонскіе города, въ томъ числѣ и самую Ригу, онъ грозилъ предать пламени. Дружинѣ своей онъ велѣлъ выйти изъ города и стать въ боевомъ порядкѣ, показывая намѣреніе напасть на Нѣмцевъ. Альбертъ также изготовилъ къ сраженію свою свиту. Тогда выступили посредниками Іоаннъ, пробстъ рижскаго собора Св. Маріи, и бывшій Псковскій князь Владиміръ, явившійся въ этотъ случаѣ усерднымъ слугою Нѣмцевъ. Имъ удалось склонить Полоцкаго князя не только къ примиренію съ епископомъ, но и къ отказу отъ ливонской дани и къ подтвержденію свободного плаванія по Двинѣ купеческимъ судамъ. Оба вожда обязались сообща дѣйствовать противъ Литвы и другихъ явчишниковъ, и затѣмъ разошлись каждый въ свою сторону.

За поработеніемъ Ливовъ и Латышей наступила очередь Эстонской Чуди. Первые удары Нѣмцевъ обрушились на ближнія области Эстовъ, Соккалу и Унганію, изъ которыхъ одна лежала на западной сторонѣ озера Вирць-Ерве, а другая на восточной. Эсты вообще оказали Нѣмцамъ болѣе упорное сопротивленіе, чѣмъ другія племена; а потому борьба съ ними приняла самый ожесточенный характеръ.

Нѣмцы безъ пощады выжигали селенія и вырѣзывали мужское население, забирая въ плѣнъ женщинъ и дѣтей; а Эсты въ своръ очередь подвергали мучительной смерти попавшихся въ ихъ руки невѣрителей: иногда они сожигали живыми нѣмецкихъ плѣнниковъ или душили ихъ, предварительно вырѣзавъ у нихъ крестъ на спинѣ. Пользуясь превосходствомъ своего вооруженія и военного искусства, разъединеніемъ племенъ и помощью преданной части Ливонъ и Латышей, Нѣмцы постепенно подвигали впередъ поработженіе Эстовъ и ихъ насильственное крещеніе. Одна треть покоренныхъ земель, по установившемуся обычаю, поступала во владѣніе Ордена, а двѣ другія во владѣніе епископа и Вижекой церкви. Во время этой борьбы съ Эстами неудачный Полоцкій князь Владимиръ еще разъ является на сценѣ дѣйствія. Эсты, подобно Куронамъ, попытались заключить союзъ съ Полоцкимъ княземъ и съ своими соплеменниками, именно съ жителями острова Эвела; рѣшено было съ трехъ сторонъ напасть на Нѣмцевъ. Между тѣмъ какъ Эвеландцы на своихъ лодкахъ общали запереть Двинамъ съ моря, Полоцкій князь условился лично идти Двиною прямо на Ригу. Онъ дѣйствительно собралъ большое ополченіе изъ Руса и Латышей. Войско уже готово было къ походу, но садясь въ лодку, князь вдругъ уналь и умеръ внезапною смертію (1216). И все предпріятіе, конечно, разстроилось ¹⁾.

Первая Чудская область, покоренная Нѣмцами, была Сохвала, средоточіемъ которой является крѣпкій замокъ Феллинь. За Сохвалою слѣдовала Унганія. Но тутъ Нѣмцы встрѣтились съ другою Русью, Новгородскою, которая хотя не оцѣнила вполне важности нѣмецкаго завоеванія и не обнаружила настойчивости въ этомъ дѣлѣ, однако оказала болѣе энергіи и твердости, чѣмъ Русь Полоцкая. Владѣя Юрьевымъ и нижнимъ теченіемъ Эмбака, Новгородцы собирали дани съ ближнихъ Эстовъ и Латышей: Движеніе ихъ въ эту сторону особенно оживилось съ появленіемъ на Новгородскомъ столѣ Мстислава

¹⁾ Этотъ Полоцкій князь Владимиръ, о которомъ Генрихъ Латышь упоминаетъ въ своемъ тринадцатомъ вѣстѣ (1186—1216), совершенно неизвестенъ по русскимъ летописямъ и представляеть пока даже довольно загадочное. Движеніе попытка было отождествить его съ Владимиромъ Рюриковичемъ Смоленскимъ («Два памятника времени Анны Іоанновны» въ *Извѣст. 2-го Отд. (А. Н., VII., 49)*). Но послѣдній только родился въ 1187 г. Во всякомъ случаѣ сомнительно и показаніе Латыши, якобы оданъ и тотъ же князь занималъ Полоцкій столъ и въ 1186, и въ 1216 гг. Известно, какъ трудно и сбивчива матерія Полоцка и его князей за эту эпоху, по крайней скудости источниковъ.

Удалаго. Въ 1212 г. оныя предпринимаютъ судачный походъ на Чудъ Ереву (Ервѣя), достигая до моря (Финскаго залива), и ставятъ ядъ ея городомъ Воробьяннѣмъ. Здѣсь Чудь поклонилась ему и заплатила дань.

Тотъ же Генрихъ Лядицъ, который выше говорилъ, будто Русскіе заботились только о даяхъ, а не обращали вниманіе въ христіанскую вѣру, сознается, однако, что у Датчаней и Эстоновъ Унганскихъ были уже началки православія, и что именно встрѣча его здѣсь съ латинствомъ повела за собою военное столкновеніе Новгородцевъ съ Нѣмцами. Главная битва между ними произошла около помаякутаго Одене, который старались захватить и тѣ, и другіе. Въ этой войнѣ снова выступаетъ Владиміръ Мстиславичъ, бывшій князь Псковскій, но уже не союзникомъ, а противникомъ Нѣмцевъ и предводителемъ русской рати вмѣстѣ съ новгородскимъ посадникомъ Твердиславомъ. Въ союзѣ съ ними находились и многіе Эсты изъ областей Сожскыя, Эзель и Гарріи, ожесточенные противъ Нѣмцевъ насильственнымъ крещеніемъ и опустошеніемъ своей земли. Русь при осадѣ Одене, занятаго Нѣмцами и отчасти Эстами, дѣйствуетъ не только стрѣлами, но и метательными снарядами. Тщетно самъ магистръ ордена Волквинъ пришелъ на помощь осажденнымъ съ своими рыцарями; а также съ толпами Ливовъ и Латышей. Городъ принужденъ былъ сдать Русскимъ. Послѣ того, подъ предлогомъ переговоровъ о мирѣ, Владиміръ Мстиславичъ призвалъ въ русскій лагерь своего зятя Дмитрія; тутъ Новгородцы схватили его и увели плѣнникомъ въ свою землю (1217 г.).

Пораженіе Нѣмцевъ подъ Медвѣжьимъ Головою ободрило Эстовъ, и первымъ пришлось напрягать всѣ силы, чтобы подавить ихъ возстаніе. Новгородцы въ слѣдующемъ году нанесли еще нѣсколько пораженій Нѣмцамъ, двинулись въ глубь Ливоніи и осадили самую столицу ордена, Венденъ. Но съ одной стороны недостаткъ собственныхъ припасовъ, съ другой — извѣстіе о нападеніи Литовцевъ на ихъ собственные предѣлы принудили Новгородцевъ снять осаду и уйти обратно. Стѣсненное положеніе, въ которомъ очутились Нѣмцы во время этой борьбы съ Чудью и Новгородцами; заставило Альберта искать помощи не только въ Германіи, но и въ Даніи. Онъ отправился къ королю Вальдемару II, находившемуся тогда на высшей степени своего могущества, и умолялъ его защитить Ливонское владѣніе Дѣвы Маріи. Въ слѣдующемъ 1219 году Вальдемаръ дѣйствительно присталъ къ берегамъ Ливоніи съ сильнымъ флотомъ и войскомъ. Послѣ храброй обо-

роны, оны вѣдъ ливонскій дорожень. Чуди Ревели и вѣдѣхъ илю заложитъ ирѣшнѣи каменнѣи замоу; а затѣмъ бернумоу домоу, оставивъ часть войска, котораго продолжало завоеваніа сѣверной Эстоніи. Однѣко Нѣмцы ошиблись въ расчетѣ на датскую помощь. Вальдемаръ вскорѣ объявляе, что завоеванная имъ часть Эстоніи принадлежать Датскому королевству, и назначилъ въ нее Банскоюга Датчанина на мѣстолюбитаго при осадѣ Ревели епископа Эстонскаго Дитриха. Ливонскій ердекъ протестовалъ, но не имѣлъ силъ поддержать оружіемъ свое призываніе. Тогда произошло любопытное соревнованіе между нѣмцами и датскими миссіонарами; каждый изъ нихъ старался овладѣть сѣверную еще датскую часть Эстоніи, чтобы тѣмъ закрѣпить ихъ за своею народностію. При этомъ нѣмецкіе миссіонеры ради скорости обыкновенно совершали обрядъ крещенія надъ жителями дѣлой деревни разомъ и сибывали въ другую деревню. А Датчане, имѣя недостатокъ въ священникахъ, во многіа деревни посылали просто служителей съ священною водою; которую и окропляли жителей. Случалось иногда, что нѣ и другіе крестители сталкивались въ какой нибудь мѣстности; и между ними возникалъ споръ. Или нѣмецкіе священники являлись, напримѣръ, въ какое-либо селеніе, собиравъ жителей; и готовились совершить надъ ними тѣмъ обряда, какъ изъ толпы выступалъ старшина и объявлялъ имъ, что наванулъ Датчане ихъ уже окрестили. Альбертъ Буксевденъ отправился въ Римъ и привнесъ славу на короля Вальдемара папѣ Гонорію III. Не ома встрѣилъ тамъ датское посольство; король призывалъ папу своимъ верховнымъ ленимъ владыкою. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, Альбертъ вспомнилъ, что ома когда-то объявилъ Ливонію леномъ Германской имперіи, и потому обратился къ императору Фридриху II. Но послѣдній, занятый другими дѣлами, не захотѣлъ ссориться съ осильными сѣвдомъ. Тогда Альбертъ покорила добротельствомъ; ома отправился опять къ Вальдемару и въ своей очереди привнесъ его верховнымъ владыкою Эстоніи и Ливоніи.

Неожиданныя добитія принесли на поляхъ Ливонскіимъ Нѣмцамъ. Въ 1228 году король Вальдемаръ бимъ ивѣннѣтески на охотѣ захваченъ въ плѣнъ своимъ вассаломъ Генрихомъ, графомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ, чѣмъ и воспользовались нѣкоторые поворонившіи земли, чтобы свергнуть съ себя датское иго. Въ томъ числѣ освободилась и Ливоніа; только въ сѣверной Эстоніи удержались еще Датчане. Въ то же самое время протѣнго первое нашествіе Татаръ на восточную Европу; ома нѣсколько отвлекло вниманіе Руси отъ Балтійскаго моря.

Новгородцы, признаваемые Остами противъ своихъ порабитителей, хотя продолжали войну и доходили до Ревеля или Коэльвина, но дѣйствовали безъ послѣдовательности, временными порывами, и перѣдко оставали въ повоѣ Нѣмцевъ; знатные внутренними смутами и частыми сѣнами своихъ князей, а также отхожденіи изъ южной и сѣверо-восточной Руси. Нѣмцы воспользовались благоприятными обстоятельствами, чтобъ стнть у Руси ее владѣніе на Эмбахѣ, то-есть, городѣ Юрьевѣ или Дерпцѣ. Въ августѣ (1224 года епископъ Альбертъ и магистръ ордена Волквинтъ, съ нѣмецкими рыцарями и пилгримами, также съ Ливоніи и Латвіи, обступили Юрьевъ. Не долго передъ тѣмъ этотъ городъ съ окрестною областью былъ отданъ въ удѣлъ князю Вячкѣ, тому самому, у котораго Нѣмцы отняли Коелгузенъ. Гарнизонъ состоялъ съ небольшимъ изъ двухъ сотенъ Русскихъ и нѣсколькихъ сотенъ Эстовъ. Но это былъ наилучше укрѣпленный городъ въ Балтійскомъ краѣ, и Нѣмцы были принуждены употребить большія усилія, чтобъ имъ овладѣть. Расположившись въ шатрахъ вокругъ города, они соорудили большую деревянную башню, приделали ея къ стѣнамъ и подъ ея прикрытіемъ начали вести подкопъ. Въ то же время дѣйствовали метательныя орудія, которыя бросали въ замокъ стрѣлы, камни, раскаленное желѣзо, и старались его зажечь. Осажденные мужественно оборонялись, отвѣчая съ своей стороны также стрѣлами и метательными орудіями. Наконецъ епископъ предлагалъ князю Вячкѣ сдать городъ и удалиться съ людьми, оружіемъ и всѣмъ имуществомъ. Князь отвергъ всѣ предложенія, надѣясь, что Новгородцы не оставятъ его безъ помощи. Осадныя работы продолжались не только днемъ, но и ночью при заревѣ костровъ, нѣсшая, при звукѣ трубъ и литавръ. Гореть Русскихъ должно была проводить на стѣнахъ бессонныя ночи, обходя себя также штыками и иглами въ своихъ инструментахъ (въ томъ числѣ, по замѣчанію Генриха Латвіи, на каинъ-то „гарантахъ“, вѣроятно дудкахъ). Выведенные изъ терпѣнія мужественною обороной и медленностію осады, Нѣмцы рѣшили наконецъ взять городъ приступомъ, именно въ ту минуту, когда осажденные успѣли зажечь возмнущую осадную башню кляющими колесами и выжечь дровъ. Приставили лѣстницы; Юанъ Алкандеръ, братъ епископа Альберта, первый взобрался на стѣну; за нимъ ринулись рыцари, за рыцарями Латвіи. Произошла жестокая битва. Послѣ отчаянной обороны всѣ Русскіе и почти всѣ Эсты были ибиты. Въ числѣ жившихъ находили и доблестный Вячку. Нѣмцы пощадилъ только одного судальскаго боярина, котораго отравили въ

Новгородъ съ извѣстіемъ о случившемся ¹⁾). Забравъ коней и вскую добычу и шествіе съ оставшимися въ живыхъ женщинами и дѣтьми, Нѣмцы со всѣхъ сторонъ зажгли замокъ и удалились, ибо увидѣли, что приближается большое новгородское войско. Но эта запоздавшая помощь, дошедши до Пскова, узнала о паденіи Дерпта и веротнлась назадъ. Вслѣдъ затѣмъ Новгородъ и Псковъ заключили съ Ригою миръ. Хитрый Альбертъ употребилъ здѣсь ту же политику, какъ и противъ Полоцкаго князя: онъ изъ собственной казны утлатилъ Новгородцамъ часть дани, которую они получали съ нѣкоторыхъ туземныхъ племенъ; и тѣмъ какъ бы признавалъ ихъ верховныя права. Но въ то же время всѣ земли къ западу отъ Чудскаго озера пестурили въ непосредственное владѣніе Ливонскихъ Нѣмцевъ. Впрочемъ, кромя внутреннихъ неурядицъ, Новгородъ принужденъ былъ къ уступчивости тѣми же вѣнскими обстоятельствами, какъ и Полоцкъ, то есть, возростающею опасностію со стороны Литвы: именно въ томъ 1224 г. Литва сдѣлала набѣгъ на Новгородскія владѣнія, проникла до города Русь и подъ этия города нанесла поражение Новгородцамъ.

Послѣ замиренія съ сосѣдними русскими областями, завоеваніе Балтійскаго края пошло еще успѣшнѣе и вскорѣ достигло своихъ естественныхъ предѣловъ. Въ 1227 году, пользуясь холодною зимою, наложившею ледяные окопы на прибрежную полосу моря, нѣмецкая рать прошла по льду на островъ Эзель, послѣднее убѣжище эстонской независимости. Нѣмцы, введя въ страну самими епископомъ Алабертомъ и магистромъ ордена Волывинцемъ, усиленные вспомогательными отрядами Ливонъ и Латвіей, жестоко опустошили островъ, и взяли главное укрѣпленіе туземцевъ Моме, при чемъ разрушили святилище ихъ божества Таранглы, которое имѣло изображеніе фантастической птицы или дракона. Завоеванный островъ по обычаю былъ раздѣленъ на три части между епископомъ, городомъ Ригою и Ливонскимъ орденомъ. Вслѣдъ затѣмъ Волывинъ собралъ опять сильное ополченіе и предпринялъ походъ въ сѣверную Эстонию противъ Датчанъ. Сами Эсты помогали ему при осадѣ Ревеля, который и взяли востъ Нѣмцами, послѣ чего слабые датскіе гарни-

¹⁾ Татищевъ пишетъ, что Нѣмцы взяли Юрьевъ съ помощью вѣрохотства. они заключили перемиріе съ осажденными; а когда бдительность городской стражи вследствие того ослабла, ночью, подравшись къ городу, зажгли его, и пользуясь пожаромъ, сдѣлали прорезуи (III, 431). Незавѣстно, откуда овъ почерпнулъ это свидѣтельство; но оно не заключаетъ въ себѣ ничего невероятнаго.

воны изгнаны изъ ядрѣй страны. Ордень взялъ обѣ провинціи Гаррію, Эрвию и Веррію, а епископу Альберту предоставилъ только Вику, то-есть, самую западную окраину Эстоніи.

Около того же времени докопчено покореніе лѣваго прибрежья Двини, то-есть, страны Земголова. Оно совершено съ большою легкостью, чѣмъ покореніе другихъ туземныхъ племенъ. Слѣдуя простой политической раздѣлительнѣ, Нѣмцы являлись союзниками этого племени противъ сосѣдей, особенно противъ его ливонскихъ соплеменниковъ, а между тѣмъ, успѣли захватить нѣсколько важныхъ пунктовъ и въ нихъ укрѣпиться. Нѣмецкіе миссіонеры также не встрѣтили со стороны мѣстнаго азмѣства таково упорнаго сопротивленія, какъ въ другихъ областяхъ. Последнимъ бойцомъ за это азмѣство и угасающую независимость былъ Востгардъ, наиболее знатительный и храбрый изъ туземныхъ князей. Видя, какъ христіанство со всѣхъ сторонъ вторгалось въ его страну, и священные дубы падали подъ поромъ нѣмецкихъ миссіонеровъ, безъ всякаго ищенья со стороны Перфуна, Востгардъ подъ конецъ жизни созналъ безсиліе домашнихъ боговъ. Онъ умеръ почти въ одно время съ своимъ великимъ противникомъ, епископомъ Альбертомъ, и неслѣ него Земгола окончательно подчинилась нѣмецкому владычеству и христіанству. За нею наступила очередь ея западныхъ сосѣдей Куроновъ. Тамъ уже дѣйствовала нѣмецкая проповѣдь и нѣмецкая политика. Проповѣдники въ особенности упирали на то обстоятельство, что только добровольно принявшее христіанство сохраняетъ имущество и личную свободу, тогда какъ упорныхъ язычниковъ ожидаетъ участь Эстонъ. Между прочимъ, Ливонскимъ Нѣмцамъ удалось привлечь на свою сторону одного изъ вліятельныхъ куронскихъ князей: Ламехина, и съ его помощью она въ 1280—1291 гг. заключила рядъ договоровъ съ старшинами куронскихъ волостей (называвшихся на мѣстномъ языкѣ тиллегунде). Куроны обязались принять христіанскихъ священниковъ, получить отъ нихъ крещеніе, платить подати духовенству и вставлять вспомогательные отряды противъ другихъ язычниковъ; за то они сохраняли себѣ свою личную свободу.

Но уже въ предидущемъ 1229 году скончался знаменитый епископъ Альбертъ Буксгевденъ послѣ тридцатилѣтняго управленія юнымъ Ливонскимъ государствомъ, которое было его созданиемъ. Смерть его случилась во время заключенія известнаго торговаго договора между Ригю и Готландомъ, съ одной стороны, Смоленскомъ и Полоцкомъ—съ другой. Прахъ Альберта съ великою церемоніей былъ положенъ

въ рижскомъ соборномъ храмѣ Богоматери. Капитулъ этой церкви вмѣстѣ съ епископами Дерптскимъ и Эзелскимъ избралъ ему преемникомъ преиностранскаго каноника Николая изъ Магдебурга. Архіепископъ Бременскій задвигъ свои притязанія на прежнюю зависимость отъ него Ливонской церкви и назначилъ другое лицо; но папа Григорій IX. рѣшилъ споръ въ пользу Николая.

Государство, основанное Нѣмцами въ Валтѣвономъ краѣ, достигло своихъ естественныхъ предѣловъ: съ сѣвера и запада море, съ востока и отъ сильныхъ народовъ, то-есть, Русь и Литва. Казалось, для него наступила пора жнрнаго внутренняго развитія. Но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Внѣшніе враги грозили со всѣхъ сторонъ. Датскій король нисколько не думалъ покинуть своихъ притязаній на Эстонию; Новгородская Русь ждала только удобнаго случая воротить свои потери; на югѣ возникло опасное для Нѣмцевъ литовское могущество; покоренныя племена сдерживались только страхомъ жестокаго возмездія. А между тѣмъ, приливъ крестоносцевъ изъ Германіи постепенно уменьшался, и Ливонскіе Нѣмцы должны были довольствоваться почти одними собственными средствами въ борьбѣ съ окружающими врагами. Со смертію же епископа Альберта сошли съ исторической сцены тотъ умъ и та желѣзная воля, которые еще держали въ единеніи разнообразный составъ новаго государства. Послѣ Альберта орденъ Меченосцевъ уже явно стремился стать выше своего леннаго господина, Рижскаго епископа, и обратитъ завоеванный край въ свое непосредственное владѣніе, то-есть, поставитъ Ливонію къ себѣ въ тѣ же отношенія, въ какихъ находилась тогда Пруссія къ ордену Тевтонскихъ рыцарей. Отсюда естественно, почему Ливонскій орденъ началъ искать опоры съ этой стороны. Едва Альбертъ успѣлъ отоидти въ вѣчность, какъ магистръ Вольквингъ отправилъ пословъ къ гротмейстеру Тевтонскаго ордена Герману Зальца съ предложеніемъ тѣснаго союза и даже сліянія двухъ сосѣднихъ орденовъ.

Завоеваніе Пруссіи Поляками, когда-то начатое Болеславомъ Храбрымъ и нѣкоторыми изъ его преемниковъ, было утрачено во время раздробленія Польши на удѣлы и внутреннихъ неурядицъ. Мало того, сами польскія области начали страдать отъ вторженій и грабежей сосѣднихъ Пруссовъ, и князья польскіе, выступавшіе противъ язвниковъ, нерѣдко терпѣли отъ нихъ пораженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, долгое время оставались тщетными попытки послѣдующихъ миссіонеровъ продолжать дѣло, начатое Войтехомъ и Бруномъ; нѣкоторые изъ нихъ нашли въ Пруссіи также мучительную смерть. Только два

нѣма спустя послѣ этихъ двухъ аястоковъ, то-есть, въ началѣ XIII столѣтія, удалось одному монаху изъ Данцигскаго цистеріанскаго монастыря, по имени Христіану, основать христіанскую общину въ крутской Кульми, которая лежала на правой сторонѣ Вислы и вдавалась клиномъ между Славянами Польши и Помераніи. Этотъ Христіанъ до нѣкоторой степени имѣлъ для Пруссіи то же значеніе, какое Альбертъ Буксвердець для Ливоніи. Знаменитый папа Иннокентій III возвелъ его въ достоинство Пруссаго епископа, поручилъ его покровительству архіепископа Гвѣзнецкаго, а также князей Польши и Помераніи, и вообще оказалъ утвержденію католической церкви въ Пруссіи такую же дѣятельную, искусную поддержку, какъ и въ Ливоніи. Въ сосѣдней польской области Мазовіи княжилъ тогда Конрадъ, младшій снѣ Казимира Справедливаго, не отличавшійся никакими доблестями. Пользуясь его слабостію, Пруссы усилили нападенія на его земли. вмѣсто мужественной обороны Конрадъ сталъ откупаться отъ ихъ набѣговъ. По этому поводу разказываютъ даже слѣдующую черту: однажды, не имѣи средствъ удовлетворить жадности грабителей, онъ заввалъ къ себѣ на пиръ своихъ вельможъ съ женами и дѣтьми; во время пира велѣлъ тайкомъ забрать коней и верхніи одежды гостей и все это отослалъ Пруссакамъ. При такихъ обстоятельствахъ малодушный Конрадъ охотно послѣдовалъ совѣту епископа Христіана и добровольно водворилъ въ своей землѣ злѣйшихъ враговъ славянства, Нѣмцевъ. Мысль о томъ подали усилія только что основаннаго въ Ливоніи ордена Меченосцевъ. Сначала Конрадъ и Христіанъ, съ разрѣшенія папы, попытались основать свой собственный орденъ для борьбы съ язычниками. Этотъ орденъ получилъ во владѣніе замокъ Добрынь на Вислѣ и право на половину всѣхъ земель, которыя завоюетъ въ Пруссіи. Но онъ оказался слишкомъ слабъ для такой задачи и вскорѣ потерялъ отъ Пруссовъ столь сильное пораженіе, что не смѣлъ болѣе выступать за стѣны своего замка. Тогда Конрадъ, по совѣту съ Христіаномъ и нѣкоторыми изъ польскихъ епископовъ и вельможъ, рѣшилъ призвать для укрощенія свирѣпыхъ сосѣдей орденъ Тевтонскій.

Этотъ орденъ былъ основанъ Нѣмцами не задолго до того времени въ Палестинѣ, въ честь Богоматери, по примѣру италіанскихъ Іоаннитовъ и французскихъ Тамплиеровъ. Онъ принялъ на себя монашескіе обѣды съ обязательствомъ ходить за больными и сражаться съ невѣрными. Правда, его подвиги въ Палестинѣ мало помогли іерусалимскому королевству; за то онъ былъ надѣленъ разными владѣ-

нѣми въ Германіи и Италіи. Значеніе его много поднялось, благодаря въ особенности гроемейстеру Герману Зальца, который умѣлъ снискать одинаковое уваженіе и Фридриха II Гогенштауфена, и противниковъ его, то-есть, Римскихъ папъ. Въ 1225 году прибылъ къ нему въ южную Италію послы князя Мазовецкаго и предложили ордену переселиться въ области Кульмскую и Добавскую подъ условіемъ войны съ прусскими язичниками. Такое предложеніе, конечно, не могло не понравиться гроемейстеру; но онъ не спѣшилъ своимъ согласіемъ, наученный опытомъ. Около того времени Угорскій король Андрей II точно также призывалъ Тевтонскихъ рыцарей для борьбы съ Половцами и далъ ордену во владѣніе область въ Трансильваніи; но потомъ, замѣтивъ опасность, которая грозила отъ водворенія военной и влѣстолубивой нѣмецкой дружины, онъ успѣшилъ удалить орденъ изъ своего королевства. Очевидно, Угры обладали большимъ инстинктомъ самосохраненія, нежели Поляки.

Тевтонскій гроемейстеръ не столько заботился о крещеніи язичниковъ, сколько имѣлъ въ виду основать собственное независимое княжество. Онъ началъ съ того, что испросилъ ордену у императора Фридриха грамоту на полное владѣніе Кульмскою землею и всѣми будущими завоеваніями въ Пруссіи, ибо, по тогдашнимъ нѣмецкимъ понятіямъ, и самая Польша считалась леномъ Германской имперіи. Зальца хотѣлъ поставить будущее княжество подъ непосредственное верховенство имперіи, а никакъ не Польши. Затѣмъ онъ вступилъ въ продолжительные переговоры съ Конрадомъ Мазовецкимъ объ условіяхъ переселенія ордена въ Кульмскую область. Плодомъ этихъ переговоровъ былъ цѣлый рядъ актовъ и грамотъ, которыми недалековидный польскій князь предоставилъ ордену разныя права и привилегіи.

Только въ 1228 году впервые на границахъ Польши и Пруссіи явился значительный отрядъ Тевтонскихъ рыцарей подъ начальствомъ провинціального магистра Германа Балка, чтобы принять Кульмскую землю во владѣніе ордена. Прежде, нежели приступить къ борьбѣ съ язичниками, Нѣмцы и тутъ продолжали свои переговоры съ Конрадомъ, пода договоромъ 1230 года не получили отъ него подтвержденія на вѣчное, безусловное владѣніе данною областью. Въ то же время они постарались обезпечить себя отъ притязаній помянутаго епископа Прускаго Христіана, который думалъ, что Тевтонскій орденъ будетъ находиться къ нему въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ Ливонскій къ епископу Ришскому. На первое время орденъ припалъ

ленныя права епископа на Кульмскую землю, и обязался платить ему за нее небольшую дань. Выгоднѣйшій для ордена случай вскорѣ помочь ему совсѣмъ освободиться отъ этихъ ленныхъ отношеній. Епископъ Христианъ съ небольшою святою неосторожно углубился въ землю ямчниковъ для проповѣди Евангелія и былъ захваченъ въ плѣнъ, въ которомъ томился около девяти лѣтъ. Ловкій Германъ Зальца, остававшійся въ Италіи и оттуда управлявшій дѣлами ордена, склонилъ папу Григорія IX признать прусскія владѣнія Тевтоновъ непосредственныя духовнымъ леномъ папскаго престола, чѣмъ устранилось притязаніе Кульмскаго епископа. Кромя того, съ согласія папы остатки Добрыньскихъ рыцарей и ихъ имѣніе были включены въ Тевтонскій орденъ. Въ этомъ краю, также какъ въ землѣ Балтійскихъ и Полабскихъ Славянъ, католическая церковь явилась главною связницею германизации.

Верховный покровитель ордена, папа, усердно признавалъ крестоносцевъ изъ сосѣднихъ странъ, Польши, Помераніи, Гольштиніи, Голландіи и другихъ, къ общей борьбѣ съ прусскими ямчниками—и даровалъ этимъ крестоносцамъ такія же привилегіи и отпущеніе грѣховъ, какъ и тѣмъ, которые отправлялись въ Палестину. Его призывъ не остался безъ отвѣта. Въ западной и средней Европѣ того времени еще была сильна вѣра, что ни что такъ не угодно Богу, какъ обращеніе ямчниковъ въ христіанство, хотя бы посредствомъ меча и огня, и что это самое вѣрное средство смыть съ себя всѣ прошлые грѣхи. Тевтонскіе рыцари начали завоеваніе и насильственное крещеніе Пруссіи съ помощью сосѣднихъ католическихъ государствъ, приводившихъ крестоносныя дружины, особенно съ помощью славянскихъ князей Польши и Поморья, которые болѣе чѣмъ сами Нѣмцы работали на пользу германизации. Каждый свой шагъ рыцари закрѣпляли построеніемъ каменныхъ замковъ и прежде всего, конечно, постарались завладѣть нижнимъ теченіемъ Вислы. Здѣсь первою орденскою твердыней явился Торунь, за нимъ Хельмно (Кульмъ), Мариенвердеръ, Эльбингъ и такъ далѣе. Пруссія оборонялась упорно; но не могли устоять противъ новой силы, пользующейся превосходствомъ военнаго искусства, вооруженія, единства дѣйствій и вообще отлична организованной. Чтoby еще болѣе упрочить свое владычество, вмѣстѣ съ построеніемъ крѣпостей орденъ дѣятельно водворялъ нѣмецкую колонизацию, вызывая для того переселенцевъ въ свои новые города, надѣляя ихъ торговыми и промышленными льготами, и кромя того, раздавая участки земли на ленныхъ правахъ переселенцамъ военнаго

сословія. Для утвержденія новой вѣры Нѣмцы особенное вниманіе обращали на юное поколѣніе: они старались захватывать дѣтей, и отправляли ихъ въ Германію, гдѣ послѣдніе и получали воспитаніе на рубахъ духовенства съ тѣмъ, чтобы, воротясь на родину, быть усердными миссіонерами католичества и германизаціи. При завоеваніи Пруссіи повторялись почти тѣ же жестокости, опустошенія и закрѣпощеніе туземцевъ, какія мы видѣли при завоеваніи Ливоніи и Эстоніи.

Къ этому-то Тевтонскому или Прусскому ордену обратился ливонскій магистръ Вольвинъ съ предложеніемъ соединить свои силы и отправилъ для того пословъ въ Италію къ гросмейстеру. Но первое предложеніе было сдѣлано еще въ то время, когда Тевтонскій орденъ едва водворился въ Кульмской области и только начиналъ свою завоевательную дѣятельность. Ливонія отдѣлялась отъ него еще независимыми Литовскими племенами; соединеніе двухъ рыцарскихъ орденовъ могло повести за собою и соединеніе ихъ враговъ для общаго отпора. Германъ Зальца пока благоразумно отклонилъ предложеніе, но не отнялъ надежды. Спустя нѣсколько лѣтъ, переговоры о соединеніи возобновились, и въ Марбургѣ—главномъ германскомъ пріютѣ Тевтоновъ—происходило совѣщаніе орденскаго капитула въ присутствіи пословъ Вольвина. Здѣсь большинство Тевтоновъ высказалось противъ соединенія. Этотъ орденъ состоялъ преимущественно изъ членовъ старыхъ дворянскихъ родовъ, изъ людей закаленныхъ, благочестивыхъ, гордыхъ своими строгими обѣтами и суровою дисциплиною, тогда какъ ряды Меченосцевъ наполнялись сыновьями бременскихъ и другихъ ниже-нѣмецкихъ торгашей, разнообразными искателями приключеній и добычи, людьми лишними у себя на родинѣ. Въ Германію уже проникла молва объ ихъ распутной жизни и такомъ деспотическомъ обращеніи съ туземцами, которое дѣлало для послѣднихъ ненавистнымъ само христіанство и заставляло иногда возвращаться къ язычеству. Тевтоны свысока смотрѣли на Меченосцевъ и опасались унижить свой орденъ такимъ товариществомъ. Изъ Марбурга дѣло перенесено опять въ Италію на разсмотрѣніе гросмейстера. Германъ Зальца на этотъ разъ оказался болѣе расположеннымъ къ соединенію и представилъ вопросъ о немъ на разрѣшеніе папы Григорія IX. Между тѣмъ случилось событіе, которое ускорило это дѣло. Магистръ Вольвинъ съ сильнымъ войскомъ предпринялъ походъ въ глубь литовскихъ земель. Литовцы скрытно собрались въ окрестныхъ лѣсахъ, откуда выступили внезапно и окружили Нѣмцевъ со всѣхъ

часть ссн, отд. 2.

сторонѣ. Отчаянная битва произошла въ день Маврикія, въ сентябрѣ 1236 г. Тщетно рыцари-воскликали: „впередъ, съ помощію св. Маврикія!“ Они потерпѣли полное пораженіе. Самъ магистръ Вольквингъ, сорокъ восемь орденскихъ рыцарей и множество вольныхъ крестоносцевъ остались на мѣстѣ битвы. Орденъ спасся только тѣмъ, что Литва не воспользовалась своею побѣдою, и вмѣсто движенія въ Ливонію, обратилась противъ Руси. Послѣ того Меченосцы усилили свои просьбы о соединеніи, которое наконецъ и было совершено ихъ посланіемъ съ созволенія Григорія IX въ его резиденціи Витербо, въ маѣ 1237 года. Ливонскіе рыцари приняли уставъ Тевтонскаго ордена; они должны были переимѣнить свой орденскій плащъ съ краснымъ изображеніемъ меча на тевтонскую бѣлую мантию съ чернымъ крестомъ на лѣвомъ плечѣ.

Намѣстникъ Зальцы въ Пруссіи, Германъ Балкъ, назначенъ первымъ областнымъ магистромъ (ландмейстеромъ) въ Ливонію. Однимъ изъ первыхъ его дѣяній здѣсь было заключеніе договора съ Вальдемаромъ II. Въ спорѣ между орденомъ и Датскимъ королемъ за Эстонію папа склонился на сторону короля, и гротмейстеръ уступилъ. По заключенному договору орденъ возвратилъ Даніи прибрежныя Финскому заливу области Веррію съ городомъ Везенбергомъ и Гаррію съ Ревелемъ. Въ послѣднемъ городѣ Вальдемаръ поставилъ особаго епископа для своихъ эстонскихъ владѣній. Но онъ уже не былъ въ силахъ вытѣснить отсюда нѣмецкихъ рыцарей, получившихъ отъ ордена земли и разныя привилегіи. Напротивъ, чтобы привлечь на свою сторону это военное сословіе, онъ старался удовлетворить его жадность и властолюбіе новыми привилегіями и правами на закрѣпощеніе туземцевъ. Вообще датское владычество просуществовало въ этомъ краю еще около столѣтія, но не пустило глубокихъ корней. Германъ Балкъ возстановилъ значеніе Меченосцевъ удачною войною съ сосѣднею Новгородскою Русью. Но вскорѣ и онъ, и самъ гротмейстеръ Зальца скончались (1239 г.). Дѣла соединеннаго ордена пошли хуже. Онъ долженъ былъ бороться въ одно время съ Русью, Литвой и съ бывшимъ своимъ союзникомъ Поморскимъ княземъ Святополкомъ. Особенно чувствительныя пораженія понесъ новый ливонскій ландмейстеръ фонъ-Хеймбургъ отъ русскаго героя Александра Невскаго. Къ этимъ пораженіямъ присоединилось еще отчаянное возстаніе Куроновъ и Земгаловъ. Оба племени, какъ мы видѣли, довольно легко подчинились нѣмецкому владычеству и приняли къ себѣ священниковъ. Но скоро они убѣдились, что обѣщанія миссіонеровъ

оставить въ покоѣ ихъ имунство и лянную свободу были только пустыми словами, и что нѣмецкое владичество и нѣмецкое христіанство означали всякаго рода поборы и притѣсненія. Пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ ордена, Куроны возстали: они умертвили своего епископа и тѣхъ священниковъ, которыхъ успѣли захватить въ свои руки, прогнали или жеребили поселившихся между ними Нѣмцевъ и заключили союзъ съ Литовскимъ княземъ Миндовгомъ. За ними возстали и Земгалы.

Подавить это возстаніе удалось Дитриху фонъ-Грюнингенъ, котораго новый тевтонскій гроемейстеръ Генрихъ фонъ-Гогенлое назначилъ ландмейстеромъ въ Ливонію и снабдилъ значительными военными средствами. Суровый, энергичный Грюнингенъ съ огнемъ и мечемъ прошелъ землю Куроновъ и страшными опустошеніями принудилъ ихъ просить мира. Они уже успѣли было воротиться къ своимъ старымъ богамъ; но теперь принуждены выдать заложниковъ и вновь совершить обрядъ крещенія (1244 г.). Въ слѣдующемъ году война возобновилась, когда на помощь угнетеннымъ пришелъ съ литовскимъ войскомъ Миндовгъ. Однако въ рѣшительной битвѣ на высотахъ Амботенскихъ онъ потерпѣлъ поражение. Покоривъ вновь Куронію и Земгалию, Нѣмцы утвердили здѣсь свое владичество укрѣпленіемъ старыхъ туземныхъ городковъ и построеніемъ новыхъ каменныхъ замковъ на окраинахъ и внутри страны во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ. Такимъ образомъ произошли: Виндава, на устьѣ рѣки того же имени, Пильтенъ выше на правомъ берегу той же рѣки, еще выше Гольдингенъ на лѣвомъ берегу ея, противъ того мѣста, гдѣ она образуетъ живописный водопадъ; далѣе Дондангенъ и Ангериминде на сѣверной окраинѣ Куроніи, Газенпотъ, Громинъ и вновь укрѣпленный Амботенъ на югѣ, на предѣлахъ съ Литвою и проч. Нѣкоторые изъ этихъ замковъ сдѣлались резиденціей комтуровъ и фогтовъ, то-есть, орденскихъ или епископскихъ намѣстниковъ, снабженныхъ достаточною вооруженною силою для поддержанія покорности въ своихъ округахъ. Въ Земгаліи около того времени являются нѣмецкія крѣпости Зелъбургъ на лѣвомъ прибрежьи Двины и Бауске на пограничьи съ Литвою, при слияніи Муса съ Мемелемъ. Это слияніе образуетъ рѣку Аа (Семигальскую или Куронскую), на лѣвомъ берегу которой, среди низменной мѣстности вскорѣ положено основаніе Митавскаго замка. При новомъ завоеваніи Куроновъ и Земгаловъ, они уже были лишены тѣхъ правъ, которыя общаны имъ первоначальными договорами. Нѣмцы воспользовались возстаніемъ,

чтобы поработить ихъ окончательно, то-есть, обратить въ такое же крѣпостное состояніе, какое уже было водворено въ Ливоніи и Эстоніи.

Такимъ образомъ Ливонскій орденъ, благодаря соединенію съ Тевтонскимъ, успѣлъ упрочить, бывшее дотолѣ шаткимъ, нѣмецкое владѣтельство въ Балтійскомъ краѣ, отбить враждебныхъ сосѣдей и совершенно закрѣпить туземные народцы. Съ помощью того же соединенія онъ почти достигъ цѣли и другихъ своихъ стремленій: сталъ въ болѣе независимыя отношенія къ епископской власти и вообще къ духовенству, признавая надъ собою только верховную, весьма отдаленную власть императора и паны. Но его борьба съ епископами, затихшая во время внѣшней опасности, въ послѣдствіи возобновилась изъ-за спорныхъ леновъ, доходовъ и разныхъ привилегій. Въ этой борьбѣ весьма видное мѣсто получилъ городъ Рига. Благодаря выгодному положенію на большомъ торговомъ пути, а также тѣсными связями съ Готландомъ и нижнегѣмецкими городами, Рига быстро начала расти и богатѣть. Епископы Рижскіе, вскорѣ получившіе архіепископскій титулъ, награждали значительныхъ гражданъ за разныя услуги ленами или поземельными участками въ окрестной области, а самый городъ надѣляли такими привилегіями, что онъ получилъ почти полное внутреннее самоуправленіе. Это городское самоуправленіе Риги устроилось по образцу ея метрополіи, Времена, и сосредоточилось въ рукахъ двухъ гильдій, большой или купеческой и малой или ремесленной. Рядомъ съ ними возникла еще третья гильдія, подъ именемъ Черноголовыхъ; въ нее первоначально принимались только неженатые граждане, отличившіеся въ войнахъ съ туземными язычниками, и это учрежденіе сдѣлалось ядромъ собственной вооруженной силы города. Кромѣ своей гражданской милиціи, онъ нерѣдко держалъ у себя и наемные отряды. Располагая значительными военными средствами, Рига имѣла возможность оказывать своему архіепископу весьма дѣйствительную помощь въ его борьбѣ съ орденомъ и до нѣкоторой степени уравнивать силы этихъ двухъ соперниковъ. Значеніе ея поднялось еще болѣе, когда она вступила въ знаменитый Ганзейскій союзъ.

Д. Шлёнайскій.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ ФУКО.

Recueil des travaux scientifiques de Léon Foucault, membre d'institut, physicien de l'observatoire de Paris, correspondant de la société royale de Londres, de l'academie de Berlin, de l'academie de St.-Petersbourg etc. etc., publié par M-me veuve Foucault sa mère, mis en ordre par C. M. Garie!, ingénieur de ponts et chaussées, professeur agrégé de physique à la faculté de médecine de Paris, et précédé d'une notice sur les oeuvres de L. Foucault par S. Bertrand, secrétaire perpétuel de l'Académie des Sciences. Paris. 1878.

Имя Леона Фуко известно каждому, кто сколько-нибудь интересуется физикою. Пользуясь изданиемъ полнаго собранія его сочиненій, мы намѣрены здѣсь предложить общій обзоръ главнѣйшихъ его изслѣдованій. Фуко не былъ собственно физикомъ по профессіи; онъ не получилъ даже того обыкновеннаго образованія, которое получаютъ во Франціи люди, посвящающіе себя изученію точныхъ наукъ. Но это былъ человѣкъ, широко надѣленный отъ природы изобрѣтательнымъ умомъ, который ясно проявлялся въ каждомъ придуманномъ имъ приборѣ, въ каждомъ предпринятомъ имъ изслѣдованіи. Не смотря на его сравнительно кратковременную учемую дѣятельность, наука обязана ему изобрѣтеніемъ весьма важныхъ инструментовъ, безъ которыхъ въ настоящее время невозможно опытное преподаваніе физики, равно какъ и многими капитальными изслѣдованіями, которыя дали положительныя, опредѣленные отвѣты на весьма важные вопросы физики.

Жанъ-Бернаръ-Леонъ Фуко родился въ Парижѣ 19-го сентября 1819 г. Въ дѣтствѣ онъ отличался слабымъ здоровьемъ, мягкимъ и робкимъ характеромъ. Медленность, которую онъ обнаруживалъ въ своихъ заня-

тіякъ заставила родителей взять его изъ училища и воспитывать дома. Будучи еще ребенкомъ тринадцати лѣтъ, Фуко, не имѣя почти совсѣмъ надлежащихъ инструментовъ, устраивалъ разныя научныя игрушки, при чемъ ясно выказалъ терпѣніе и умѣніе наблюдать самыя сложныя механизмы. Такъ онъ построилъ корабль, телеграфъ, паровую машину, которая до сихъ поръ еще сохранилась между физическими инструментами, устроенными имъ впоследствии.

Приобрѣтя степень бакалавра, Фуко сталъ изучать медицину; его намѣреніе первоначально было посвятить себя изученію хирургіи. Онъ нѣсколько разъ даже исполнялъ обязанности ассистента въ госпиталяхъ. Его природная ловкость, вѣрность его взгляда и пониманіе дѣла обѣщали ему хорошую карьеру, но онъ долженъ былъ отказаться отъ нея, ибо не въ состояніи былъ видѣть кровь и переносить страданія больныхъ. Во время занятій медициной онъ познакомился съ докторомъ Донне (Donné), у котораго слушалъ курсъ микроскопіи въ медицинскои школѣ. Докторъ Донне нашелъ въ Фуко сперва прилежнаго ученика, затѣмъ безпримѣрнаго препаратора, и наконецъ, неопѣннаго сотрудника; Донне вскорѣ передалъ Фуко редакцію научнаго отдѣла въ *Journal des Débats*, которую Фуко велъ до конца своей жизни.

Ученые труды Фуко относятся преимущественно къ оптикѣ, электричеству и механикѣ. Одна изъ первыхъ работъ, которую Фуко публиковалъ въ 1841 г., была по фотографіи; именно, когда стало извѣстно открытіе Дагера, Фуко собственноручно устроилъ приборъ и сталъ производить опыты надъ приготовленіемъ чувствительной пластинки. Впоследствии вмѣстѣ съ Физо онъ дѣлалъ фотографическія снимки солнца, которые были приложены къ Популярной астрономіи Араго, фотографировалъ солнечный спектръ, микроскопическія препараты и т. д.

Занимаясь микроскопіей съ докторомъ Донне, Фуко приложилъ употребленіе электрическаго свѣта къ солнечному микроскопу и чрезъ это далъ болѣе удобное и широкое приложеніе микроскопа. Онъ первый употребилъ для электрическаго свѣта коксовые угли и устроилъ лампу, которая, послѣ многихъ измѣненій, произведенныхъ самимъ же Фуко, сдѣлалась аппаратомъ, дающимъ возможность производить постоянный электрической свѣтъ. Лампа Фуко, какъ извѣстно, снабжена часовымъ механизмомъ, при помощи котораго два горячіе угля удерживаются на опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга, и свѣтящаяся точка остается постоянно на одной высотѣ. До настоящаго времени

этой лампой пользовались исключительно, когда желали проявить электрическое освѣщеніе. Я говорю до настоящаго времени, имѣя въ виду устройство г. Яблочковнхъ такъ-называемой электрической свѣчи, состоящей изъ двухъ угольныхъ стержней, раздѣленныхъ на всемъ ихъ долевои протяженіи каолиновою массою, которая сама не сгораетъ, но проводитъ электричество. Эта свѣча вполнѣ удобна для электрическаго освѣщенія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не нужно, чтобы свѣтящаяся точка во все время горѣнія находилась на одной высотѣ, наприимѣръ, въ фонаряхъ при освѣщеніи улицъ, публичныхъ зданій и т. п.; но коль скоро электрическое освѣщеніе желаютъ употребить для солнечнаго микроскопа (въ фонарѣ Дюбоска для проглядыванія изображеній) свѣчка г. Яблочкова не можетъ быть прямо употреблена для этихъ цѣлей,—ей нужно дать какое-нибудь механическое приспособленіе, при помощи котораго возможно было бы удерживать свѣтящуюся точку на опредѣленной высотѣ. Въ этихъ-то случаяхъ лампа Фуко и остается до сихъ поръ незамѣнимой. Это изобрѣтеніе Фуко безспорно имѣло важное значеніе, такъ какъ только при употребленіи электрическаго освѣщенія при чтеніи популярныхъ лекцій въ большихъ аудиторіяхъ стало возможно легко и быстро демонстрировать самыя сложныя физическія явленія.

Въ началѣ Фуко много работалъ вмѣстѣ съ Физо; ихъ общія работы объ интерференціи свѣтовыхъ и тепловыхъ лучей принадлежать къ числу капитальныхъ работъ въ оптикѣ, которыя въ исторіи науки всегда будутъ занимать одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ.

Извѣстно было, что при встрѣчѣ двухъ свѣтовыхъ лучей, изъ которыхъ каждый даетъ яркій свѣтъ, могутъ образоваться темныя полосы. Объясненіе этому явленію слѣдующее: эфиръ, колебанія котораго распространяютъ свѣтъ, возбужденъ въ противоположномъ смыслѣ въ точкѣ встрѣчи свѣтовыхъ лучей, которые взаимно противодействуя, уничтожаютъ другъ друга. Для этого достаточно, чтобы путь, проходимый лучами изъ одной общей точки соответствовалъ разности фазъ. Въ прежнихъ опытахъ, Томаса Юнга и Френеля разность хода соответствовала только небольшому числу длинъ волнъ. Напротивъ того Физо и Фуко, употребляя простые, но весьма остроумные методы изслѣдованія, достигли интерференціи свѣтовыхъ лучей при разности хода, равной 7000 длинъ волнъ. Одинъ изъ главныхъ методовъ, ими употребляемыхъ состоялъ въ слѣдующемъ: Зеркала Френеля помѣщались передъ фокусомъ цилиндрической чечевицы (посредствомъ которой собирался солнечный свѣтъ) такимъ образомъ, что на из-

вѣстномъ разстояніи, въ пространствѣ образовались симметрическія интерференціонныя полосы опредѣленной ширины; эти полосы принимались на экранъ, снабженный узкою щелью, на которую падала средняя центральная интерференціонная полоса. Затѣмъ освѣщенная такимъ образомъ щель разсматривалась черезъ систему призмъ (двѣ) и лулу, при чемъ получался совершенно чистый, обыкновенный спектръ съ Фраунгоферовскими линиями. Если одно изъ Френелевскихъ зеркалъ (лучше болѣе отдаленное отъ источника свѣта) станемъ при помощи микрометрическаго винта, передвигать параллельно самому себѣ, то центральная полоса отодвигается, и ея мѣсто заступаетъ полоса высшаго-порядка, и притомъ тѣмъ высшаго, чѣмъ больше было сдѣлано передвиженій зеркала. Теперь спектръ не имѣетъ уже обыкновеннаго вида, а испещренъ черными и свѣтлыми полосами, число которыхъ, въ извѣстномъ мѣстѣ спектра, напримѣръ, въ промежуткѣ между Фраунгоферовскими линиями E и F, въ опытахъ Физо и Фуко доходило до 141. Разность хода свѣтовыхъ лучей могла быть опредѣлена изъ числа этихъ полосъ между двумя Фраунгоферовскими линиями, длина волнъ которыхъ точно извѣстна. Кромѣ того, Физо и Фуко, для производства большой разности хода лучей, вмѣсто передвиженія зеркала, слѣдуя методу Араго, ставили на пути одного изъ свѣтовыхъ пучковъ тоненькую стеклянную пластинку ($0,0005$), тогда спектръ покрывался интерференціонными полосами. Подобную интерференцію свѣтовыхъ лучей они получали также черезъ отраженіе свѣта на тонкихъ пластинкахъ. Наконецъ, они вызывали интерференцію свѣта при помощи двойнаго преломленія послѣдняго, употребляя для этой цѣли слѣдующее расположеніе опыта: Пучекъ солнечныхъ лучей пропускался черезъ Николеву призму, затѣмъ на пути пучка ставились пластинка изъ двойно преломляющаго вѣтъ тѣла и вторая Николева призма, плоскость поляризаціи которой была перпендикулярна или параллельна въ плоскости поляризаціи первой. Если пучекъ свѣтовыхъ лучей, прошедшихъ черезъ названнаго тѣла, собрать на щель и развить спектръ, то послѣдній представится испещреннымъ темными и свѣтлыми полосами, которыя произошли черезъ интерференцію обыкновеннаго луча съ необыкновеннымъ. Помѣщая между двумя Николевыми призмами гипсовыя пластинки различной толщины, можно видѣть, что число интерференціонныхъ полосъ возрастаетъ съ увеличеніемъ толщины пластинки. Кварцевая пластинка съ поверхностями, параллельными оси кристалла, толщиной въ $54,0006$, производила въ спектрѣ около 600 полосъ; въ промежуткѣ между линиями E и F находилось 89 такихъ полосъ. Зная

толщину употребленной кристаллической пластинки, показателя преломления обыкновенного и необыкновенного луча послѣдней и длину волны данной Фраунгоферовской линіи, можно вычислить разность хода свѣтовыхъ лучей.

Эти методы, употребленные Физо и Фуко, не только дали новое блестящее доказательство справедливости теоріи волнъ свѣта, но и доставили этимъ ученымъ возможность измѣрять длину волнъ, темныхъ, тепловыхъ лучей спектра. Еще въ 1800 г. знаменитымъ англійскимъ астрономомъ Вильямомъ Гершелемъ было показано, что солнечный спектръ не оканчивается видимою частью, но что за красными лучами спектра находятся темные, невидимые для глаза лучи, но весьма замѣтные по ихъ тепловому дѣйствию. Произведенныя впоследствии изслѣдованія надъ лучистой теплотой Форбесомъ, Лесли, главнымъ образомъ же Меллони, показали, что эти темные лучи имѣютъ всѣ свойства свѣтовыхъ лучей, другими словами, что лучистая теплота есть также волнообразное движеніе зѳира. Но для того, чтобы это положеніе сдѣлать несомнѣннымъ, слѣдовало доказать, что темные, тепловые лучи способны также интерферировать, какъ и свѣтовые лучи. Это доказательство и доставили Физо и Фуко своимъ изслѣдованіемъ надъ интерференціей тепловыхъ лучей, употребивъ для этой цѣли только что вышеописанную методу интерференціи свѣта при большой равности хода лучей. Для этого нужно было въ спектрѣ, въ которомъ находятся интерференціонныя полосы, изслѣдовать распределеніе тепла, то-есть, опредѣлить температуру темныхъ и свѣтлыхъ полосъ спектра. Понятное дѣло, что вслѣдствіе незначительной ширины этихъ полосъ, большаго измѣненія температуры невозможно было ожидать, и потому нужно было употребить весьма чувствительные термометры. Французскіе ученые употребили для этой цѣли весьма тонкій альгогольскій термометръ; шарикъ этого термометра имѣлъ въ діаметрѣ $1,5^{мм}$, и половина поверхности его была покрыта сажею. Движенія столбика жидкости въ термометрѣ наблюдались при помощи окуляра, снабженнаго микрометрическимъ дѣленіемъ. Не смотря на небольшіе размеры, термометръ былъ столь чувствителенъ, что нагрѣванію на 1 градусъ сто-градуснаго термометра соотвѣтствовало передвиженіе столбика жидкости на $8^{мм}$. Окулярный микрометръ былъ раздѣленъ на 10 частей миллиметра. Сперва на мѣсто термометра была поставлена скала, и найдено было, что $\frac{1}{2}$ миллиметра этой скалы соотвѣтствовала 25 дѣленіямъ въ окулярѣ. Слѣдовательно, если столбикъ термометра отъ нагрѣванія на 1 градусъ подымался на $8^{мм}$, то поднятіе

его на 1 дѣленіе окулярнаго микроскопа соответствовало $\frac{1}{100}$ градуса. Благодаря только такому тонкому способу наблюденія, Физо и Фуко могли показать тѣ слабыя измѣненія температуры спектра, которыя происходили вслѣдствіе присутствія интерференціонныхъ полосъ. Для производства интерференціонныхъ полосъ въ спектрѣ Физо и Фуко употребили оба вышеописанные способы, именно посредствомъ Френелевскихъ зеркалъ и посредствомъ двойнаго преломленія. При этомъ они изслѣдовали послѣдовательно тепловое дѣйствіе, какъ въ свѣтлой, такъ и въ темной части спектра. Опыты показали, что столбикъ жидкости въ термометрѣ попеременно повышался и понижался, какъ въ обѣихъ частяхъ спектра. Въ свѣтлой части его столбикъ жидкости въ термометрѣ подымался, когда послѣдній находился въ свѣтлой блестящей интерференціонной полосѣ, и понижался, когда термометръ находился на мѣстѣ темной интерференціонной полосы. Слѣдовательно, тепловыя полосы совпадали со свѣтящимися, а болѣе холодныя—съ темными интерференціонными полосами. Этотъ методъ опредѣленія измѣненія температуры въ интерференціонныхъ полосахъ далъ Физо и Фуко возможность измѣрить длину волны тепловыхъ лучей спектра, именно чрезъ опредѣленіе положенія интерференціонныхъ полосъ въ темной части спектра отъ полосъ въ видимой части, положеніе которыхъ опредѣлялось по отношенію къ положенію къ извѣстной Фраунгоферовской линіи.

Эти два изслѣдованія, которыя Фуко произвелъ вмѣстѣ съ Физо, бесспорно принадлежать къ числу капитальныхъ изслѣдованій въ экспериментальной физикѣ. Общія изслѣдованія этихъ ученыхъ однако не долго продолжались, ибо каждый изъ нихъ былъ достаточно самостоятеленъ и не нуждался въ содѣйствіи другаго.

Еще въ 1838 году Араго указалъ, что та метода, которую Ватсонъ употребилъ для опредѣленія скорости электричества, можетъ быть приложена для разрѣшенія весьма важнаго вопроса въ оптикѣ, именно—вопроса: съ одинаковою ли скоростью распространяется свѣтъ въ воздухѣ и другихъ прозрачныхъ тѣлахъ, то-есть, оказываетъ ли среда вліяніе на быстроту распространенія свѣта. По этой методѣ самъ Араго, вмѣстѣ съ механикомъ Брегетомъ, произвелъ нѣсколько опытовъ, но техническія трудности, съ которыми связаны были эти опыты, не дали ему возможности окончательно рѣшить этотъ вопросъ. Въ 1850 году Фуко рѣшилъ этотъ вопросъ, употребляя слѣдующую форму опыта: На одной горизонтальной линіи расположены были: квадратное отверстіе, въ которомъ изъ тонкой проволоки сдѣлана была

рѣшетка, ахроматическая чечевица и плоское зеркало, которое могло вращаться съ большою, но точно опредѣляемою скоростью. При помощи гелиостата пучекъ солнечныхъ лучей направлялся на эти три предмета. Квадратное отверстіе (рѣшетка) пропускало пучекъ солнечныхъ лучей, который падалъ на чечевицу, находящуюся нѣсколько менѣе, чѣмъ на ея двойномъ фокусномъ разстояніи отъ рѣшетки; свѣтъ, преломленный чечевицей, отражался отъ плоскаго зеркальца, и на извѣстномъ разстояніи въ пространствѣ получалось изображеніе рѣшетки. Измѣняя разстояніе чечевицы, понятное дѣло, можно измѣнить разстояніе изображенія рѣшетки отъ зеркала. Когда последнее вращалось, то изображеніе описывало кругъ, радіусъ котораго могъ быть по произволу измѣненъ. Такимъ образомъ получалось подвижное изображеніе рѣшетки; но для того, чтобы получить неподвижное Фуко помѣщалъ въ окружности, описываемой изображеніемъ, вогнутое зеркало, радіусъ кривизны котораго совпадалъ съ центромъ вращающагося зеркала; тогда свѣтовые лучи, отраженные отъ вогнутаго зеркала, достигали до рѣшетки и давали прямое изображеніе ея, которое вполне совпадало съ самою рѣшеткою. Это изображеніе наблюдалось такимъ образомъ, что вблизи рѣшетки устанавливалась плоско параллельная стеклянная пластинка, и отбрасываемыя ею изображенія наблюдались при посредствѣ окулира. При быстромъ вращеніи зеркала можно было замѣтить и измѣрить передвиженіе изображенія рѣшетки. Помѣщая между плоскимъ и вогнутымъ зеркалами сосуды съ жидкостью, Фуко могъ замѣтить разницу въ величинѣ передвиженія изображенія рѣшетки, когда свѣтъ проходилъ только черезъ воздухъ, и когда—черезъ воздухъ и жидкость. Опыты показали, что подобное передвиженіе изображенія въ первомъ случаѣ менѣе, чѣмъ во второмъ, или что скорость свѣта въ воздухѣ больше, чѣмъ въ жидкости. Этими опытами Фуко доставилъ несомнѣнное доказательство въ пользу объясненія свѣта колебаніями свѣтоваго ээира.

Это изслѣдованіе Фуко въ 1853 г. представилъ какъ докторскую диссертацию, а по полученіи степени доктора, онъ скоро приобрѣлъ и офиціальное положеніе. Именно на преобразованной въ это время астрономической обсерваторіи въ Парижѣ было устроено особое мѣсто физики, которое и занялъ Фуко, оставаясь на немъ до конца своей жизни. Съ этого времени для Фуко открылось новое поле дѣятельности. Онъ сталъ преимущественно заниматься улучшеніемъ оптиче-

сихъ инструментовъ и достигъ въ этомъ отношеніи, какъ мы увидимъ, громаднхъ результатовъ.

Въ 1855 году Парижская обсерваторія приобрѣла двѣ большія пластинки изъ флинтгласа и кронгласа отъ Шенса изъ Бирмингэма (Chance de Birmingham). Эти пластинки должны были служить для устройства астрономическаго рефрактора, который, по своему дѣйствию долженъ былъ превзойти всѣ до того времени извѣстные инструменты. Фуко было поручено руководить устройствомъ этого рефрактора. Фуко тотчасъ понялъ, что ему при этомъ придется больше имѣть дѣло съ практикою, чѣмъ съ теоріей. Онъ сталъ изучать въ мастерской извѣстнаго парижскаго оптика Секретана всѣ приемы, употребляемые оптиками при приготовленіи оптическихъ инструментовъ. При этомъ изученіи онъ не только приложилъ весь свой аналитическій умъ, но для ближайшаго ознакомленія сдѣлался самъ работникомъ.

При этихъ занятіяхъ Фуко скоро убѣдился, что обыкновенно употребляемая оптиками метода для опредѣленія достоинствъ объективовъ недостаточна, ибо основана на изслѣдованіи изображенія отдаленнаго предмета, — отчетливость такого же изображенія зависитъ не только отъ свойствъ объектива, но также и отъ чистоты и прозрачности воздуха. Въмѣсто этой методы онъ далъ слѣдующій способъ для опредѣленія оптическихъ свойствъ объектива: Въ фокусѣ вогнутаго зеркала онъ помѣщалъ свѣтящуюся точку, родъ искусственной звѣзды, при чемъ лучи, отраженные отъ зеркала, были параллельные лучи, то-есть, какъ бы исходящіе изъ мнимой звѣзды, находящейся на безконечномъ разстояніи. Для этой цѣли Фуко сперва употреблялъ стеклянное зеркало, но опыты показали, что оно не даетъ хорошаго отраженнаго свѣта. Тогда онъ сталъ серебрить стеклянные зеркала, употребляя при этомъ способъ серебренія Дрейтона (Dreyton).

Приготовленіе вогнутыхъ высеребрянныхъ зеркалъ и изслѣдованіе ихъ оптическихъ свойствъ наводило Фуко на мысль устроить зеркальный телескопъ. При этомъ онъ не только далъ новые методы для точнаго изслѣдованія оптическихъ свойствъ вогнутыхъ зеркалъ, но и указалъ способы, какъ черезъ постепенное обшлифованіе и полировку сферическаго зеркала можно приготовить эллиптическое зеркало, и изъ послѣдняго тѣмъ же путемъ параболическое зеркало.

Устроенный Фуко зеркальный телескопъ, въ которомъ въ первый разъ было употреблено параболическое зеркало, имѣетъ многія пре-

иущества передъ обыкновеннымъ астрономическимъ рефракторомъ. Въ зеркальномъ телескопѣ абсолютно нѣтъ никакого цѣлѣназначенія, и достоинство всего инструмента зависитъ исключительно отъ обработки одной зеркальной поверхности. Фотометрическое изслѣдованіе, которое пронавелъ Фуко при помощи своего фотометра, показало, что телескопъ равнаго отверстія съ рефракторомъ, но только вдвое короче послѣдняго, даетъ ту же силу свѣта и болѣе отчетливыя изображенія. Телескопъ Фуко, кромѣ перечисленныхъ достоинствъ, отличается еще дешевизною и потому много содѣйствовалъ распространенію астрономическихъ свѣдѣній; онъ, конечно, не можетъ воишь замѣнить большіе рефракторы, которые употребляются для точныхъ опредѣленій, но такіе рефракторы которые по своей дороговизнѣ могутъ быть только доступны большимъ астрономическимъ обсерваторіямъ.

Кромѣ этого устройства зеркальнаго телескопа, Фуко много работалъ и надъ улучшеніемъ рефракторовъ; но приготовленіе хорошихъ объективовъ связано съ гораздо большими трудностями, чѣмъ приготовленіе зеркалъ, ибо тутъ приходится имѣть дѣло съ двумя стеклами, то-есть четырьмя поверхностями. Впрочемъ, и эти занятія Фуко принесли большую пользу для практической оптики. Онъ не только изобрѣлъ новыя способы для обработки стеколъ, но нашелъ даже вѣрную методу для опредѣленія чистоты стеколъ, далъ способъ эмпирически достигать ахроматизма стеколъ, наконецъ указалъ на средство узнавать и исправлять неправильность шлифованной поверхности. Подъ его руководствомъ были приготовлены два большіе объектива, одинъ для Парижской обсерваторіи, другой—для обсерваторіи въ Лимѣ. При этомъ надо замѣтить, что окончательная отдѣлка стеколъ принадлежала лично Фуко; онъ любилъ себя сравнивать съ скульпторомъ, который послѣднею отдѣлкой даетъ модели окончательную, артистическую форму.

Кромѣ вышеупомянутыхъ изслѣдованій по оптикѣ, столь важныхъ въ теоретическомъ отношеніи, и этихъ чисто практическихъ работъ и пріемовъ для приготовленія оптическихъ инструментовъ, которые безспорно оказали большое вліяніе на успѣхъ науки, я упомяну еще о двухъ весьма извѣстныхъ въ физикѣ приборахъ Фуко, именно—о фотометрѣ, который до сихъ поръ употребляется во Франціи для техническихъ цѣлей, и о поляризаторѣ измѣненной Николевой призмы.

Работы Фуко по электричеству состояли преимущественно въ изо-

брѣненіи новыѣ инструментовъ. Я упомяну здѣсь только о главнѣйшихъ изъ нихъ; таковы:

1) Электрическіе часы, устроенные съ цѣлью передачи показаній времени на большія пространства. Устройство обыкновенныхъ электрическихъ часовъ, какъ напримѣръ, городскихъ гдѣ не требуется особой точности, не представляетъ большого затрудненія; но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ напримѣръ, для астрономическихъ цѣлей, употребляютъ часы, извѣстные подъ названіемъ регуляторовъ, тамъ прохожденіе гальваническаго тока по отдѣльнымъ частямъ часоваго механизма вредно вліяетъ на самый ходъ часовъ. Фуко удалось именно избѣжать этого неудобства тѣмъ, что онъ снабдилъ маятникъ особымъ рычажкомъ, который замыкалъ и размыкалъ гальваническій токъ въ отдѣльномъ отъ часовъ аппаратѣ, и при каждомъ замыканіи тока въ послѣднемъ электромагнитный приборъ былъ секунду.

2) Приборъ, которымъ можно показать развитіе тепла въ металлическомъ проводникѣ, движущемся между полюсами сильнаго магнита. Фуко, исходя изъ извѣстнаго опыта Араго, что магнитная стрѣлка приходитъ въ движеніе отъ вращенія вблизи ея металлическаго проводника, полагалъ, что если вращать металлическій кружокъ между полюсами сильнаго магнита, то вліяніе магнита должно выразиться въ задерживаніи этого вращенія, и производимая при этомъ задерживаніи работа, согласно механической теоріи тепла, должна проявиться въ нагрѣваніи кружка. Аппаратъ, устроенный Фуко съ этою цѣлью, состоитъ изъ сильнаго электромагнита, между полюсами котораго помощью системы зубчатыхъ колесъ и рукоятки вращается рукою латунный дискъ со скоростью 150—200 разъ въ секунду. Если черезъ катушки электромагнита пропустить токъ шести Бунзеновскихъ элементовъ, то черезъ нѣсколько секундъ быстрое вращеніе латуннаго кружка замедляется, задерживается какъ бы отъ тренія, и для того, чтобы преодолѣть это задерживаніе, нужно произвести извѣстную работу, которая и разовьетъ эквивалентное количество тепла въ металлическомъ кружкѣ. Для измѣренія температуры послѣдняго, въ немъ было сдѣлано углубленіе, куда можно вложить термометръ.

Фуко также оказалъ большую услугу наукѣ, устройвъ ртутный прерыватель къ индукціонному прибору Румкорфа, вслѣдствіе чего стало возможнымъ употреблять послѣдній для большаго числа физическихъ опытовъ.

Кромѣ того, существуетъ весьма наглядная форма опыта, которую

Фуео далъ для демонстрированія вторичныхъ процессовъ въ гальваническомъ элементѣ. Такъ какъ эта форма опыта, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ еще не опубликована, то я опишу ее здѣсь подробно.

Въ большой стаканъ наливаютъ насыщенный растворъ сѣрнокислаго натра; цинковую пластинку кладутъ горизонтально въ жидкость; къ этой пластинкѣ, укрѣпленной на краю стакана, привинчиваютъ мѣдную проволоку. Кромѣ того, въ стаканъ опускаютъ изогнутую, на нижнемъ концѣ расширенную, стеклянную трубку. Эту трубку наполняютъ ртутью и пропускаютъ въ нее мѣдную проволоку. Въ началѣ опыта мѣдная проволока соединяютъ съ гальванометромъ, и отклоненіе стрѣлки послѣдняго показываетъ присутствіе гальваническаго тока. При этомъ, какъ извѣстно, образуется сѣрнокислый цинкъ, а натръ переходитъ къ ртути, которая играетъ роль положительнаго полюса. Но вскорѣ замѣчается, что токъ ослабѣваетъ и затѣмъ совсѣмъ уничтожается, что видно изъ движенія стрѣлки къ нулю. Здѣсь происходитъ токъ въ обратномъ направленіи отъ дѣйствія амальгамы ртути на растворъ натра, и это дѣйствіе столь же сильно, какъ и дѣйствіе цинка на сѣрнокислый натръ. Стоитъ только стеклянною палочкой помѣшать растворъ и удалить образовавшуюся на поверхности ртути амальгаму, чтобы вызвать первоначальный токъ, который опять быстро ослабѣетъ и потомъ совсѣмъ исчезнетъ.

Можно также произвести этотъ опытъ слѣдующимъ образомъ: Если исключить изъ цѣпи гальванометръ и соединить идущую отъ ртути проволоку съ отрицательнымъ полюсомъ гальваническаго элемента, а проволоку отъ цинка съ положительнымъ полюсомъ,—токъ разложить сѣрнокислый натръ, и натръ соберется на отрицательномъ полюсѣ, то-есть, у ртути, образуя амальгаму. Если теперь прекратить дѣйствіе гальваническаго тока и возобновить прежнее сообщеніе съ гальванометромъ, то отклоненіе стрѣлки послѣдняго сейчасъ обнаружитъ присутствіе гальваническаго тока. Этотъ токъ обратнаго направленія, сравнительно съ тѣмъ, который мы имѣли прежде; амальгама, имѣя въ избыткѣ натръ, представляетъ отрицательный, а натръ положительный полюсъ; но амальгама исчезаетъ постепенно на поверхности ртути, и токъ ослабѣваетъ; можно заставить его вновь проявиться, приводя въ движеніе массу амальгамы. Наконецъ, спустя нѣкоторое время, всякое дѣйствіе тока прекращается, и амальгама снова приходитъ въ такое состояніе, что она въ химическомъ отношеніи составляетъ равновѣсіе съ цинкомъ. Этотъ опять чрезвычайно ясно показываетъ значеніе второстепенныхъ химическихъ процессовъ, имѣю-

“цѣль мѣсто въ каждомъ гальваническомъ элементѣ и показывающихъ дѣйствіе на первоначальную силу главнаго тока.

Одною изъ первыхъ работъ Фуко по механикѣ было устройство часоваго механизма съ коническимъ маятникомъ. Устройство часовыхъ механизмовъ даетъ достаточно правильный ходъ движенію и вполне удовлетворяетъ той цѣли, для которой эти механизмы предназначены; но движеніе стрѣлокъ въ этихъ часахъ не имѣетъ характера непрерывнаго движенія, и стрѣлки, строго говоря, находятся попеременно въ состояніи покоя и движенія. Въ обыкновенной жизни и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ довольствуются знать время съ точностью одной или много полсекунды, отсутствіе подобной непрерывности не имѣетъ большаго значенія. Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ часовые механизмы служатъ не для измѣренія времени, а должны по возможности совершенно точно подражать движенію небеснаго свода, напримѣръ, если хотять, чтобы зеркало гелиостата удерживало пучекъ солнечныхъ лучей въ одномъ опредѣленномъ направленіи, то надо нормамъ этого зеркала сообщить движеніе, если не столь правильное, какое имѣетъ видимое движеніе солнца, то во всякомъ случаѣ достаточно непрерывное, ибо только въ такомъ случаѣ отраженный пучекъ солнечныхъ лучей можетъ быть неподвижнымъ. Подобное правильное движеніе также необходимо въ томъ случаѣ, когда желаютъ удержать зрѣнію въ узкомъ полѣ зрѣнія сильнаго рефрактора. При этомъ нужно сообщить рефрактору чрезвычайно правильное, непрерывное движеніе, и во всѣхъ этихъ случаяхъ часовые механизмы съ обыкновеннымъ маятникомъ не удовлетворяютъ цѣли.

Для устраненія этого неудобства, Фуко устроилъ часовой механизмъ съ коническимъ маятникомъ. Идея коническаго маятника, какъ замѣчаетъ Фуко, не нова и исходитъ отъ Гюгенса, который называлъ этотъ маятникъ круговымъ, но эта идея никогда не находила серьезнаго приложенія, и по мнѣнію Фуко, по слѣдующимъ причинамъ: во первыхъ, потому что обыкновенный маятникъ, употребляемый для измѣренія времени столь хорошо и просто удовлетворяетъ назначенной цѣли, что почти излишне было искать другихъ лучшихъ средствъ; во вторыхъ, подвѣщиваніе коническаго маятника представляло нѣкотораго рода затрудненіе; въ третьихъ, казалось затруднительнымъ устроить механизмъ, который относительно коническаго маятника игралъ бы ту же роль, какую играетъ *échappement* относительно обыкновеннаго маятника. Дѣйствительно, функція *échappement* весьма тонкая; онъ долженъ отъ часоваго механизма передать маятнику не-

большое количество силы, необходимое для поддержанія его колебаній, не оказавъ при этомъ никакого вліянія на продолжительность самого колебанія и величину его амплитуды. Кромѣ того, еще одно затрудненіе представлялось относительно конического маятника, именно то, что онъ долженъ сохранять вполнѣ круговое движеніе.

Фуко удалось устроить коническій маятникъ такимъ образомъ, что всѣ вышеприведенныя условія были вполнѣ удовлетворены. Подвѣшиваніе конического маятника представляло нѣкоторое сходство съ подвѣшиваніемъ кольца Кадрана, но было проще и потому устроить его было легче. Подвѣшенный такимъ образомъ маятникъ могъ колебаться около одной опредѣленной точки и во всѣхъ направленіяхъ, и потому могъ описывать кругъ около вертикальной линіи, опущенной изъ точки его привѣса. Особое устройство далъ Фуко часовому механизму для сообщенія движенія маятнику. Сдѣлано было также особое приспособленіе, чтобы пускать въ ходъ и останавливать маятникъ.

Но ни одна изъ до сихъ поръ нами рассмотрѣнныхъ работъ не дала Фуко такой громадной извѣстности, какъ его знаменитый опытъ съ маятникомъ. Этотъ опытъ, которымъ Фуко чрезъ кажущееся измѣненіе плоскости качанія маятника доказалъ вращеніе земли около оси, бесспорно принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ открытій въ естественныхъ наукахъ. Вопросъ, оказываетъ ли вліяніе вращеніе земли на явленія, происходящія на поверхности послѣдней, былъ постоянно возбуждаемъ со временъ Коперника, но обыкновенно на него или не давали положительнаго отвѣта, или черезъ ложно понимаемыя наблюденія отрицали это вліяніе. Даже Галилей полагалъ, что вращеніе земли можетъ оказывать только весьма незначительное вліяніе на такія явленія, какъ напримѣръ, полетъ ядра. Затѣмъ цѣлый рядъ знаменитыхъ математиковъ, каковы д'Аламберъ, Пуассонъ, Лапласъ, Гауссъ занимались рассмотрѣніемъ этого вопроса; всѣ они приходили къ тому же заключенію, что вліяніе вращенія земли на наблюдаемыя динамическія явленія весьма незначительно и не можетъ быть экспериментально доказано. Такъ, по вычисленію Пуассона пуля, пущенная въ пустомъ пространствѣ вверхъ изъ ружья, со скоростью 400 метровъ въ секунду, должна упасть на 50 метровъ въ сторону отъ мѣста, изъ котораго она была пущена, между тѣмъ какъ въ воздухѣ она отклонится только на нѣсколько миллиметровъ.

Болѣе тщательные и точные опыты, относящіяся до разсматриваемаго вопроса, были произведены въ 1833 году Рескомъ во Фрей-
часть сс1, отд. 2.

бергѣ; онъ заставлялъ свободно падать грузъ съ высоты 158 метровъ и измѣрялъ его отклоненіе къ западу. Средній изъ 106 опытовъ далъ отклоненіе, равное 28 миллиметрамъ. Но и этотъ результатъ былъ недостаточенъ для того, чтобы доказать съ очевидностью вліяніе вращенія земли на явленія, происходящія на ея поверхности. Нужно было доказательство, которое бы не допускало никакого возраженія, такое доказательство и доставилъ Фуко своимъ опытомъ надъ колебаніями маятника. Онъ замѣчательнъ не только потому, что составляетъ несомнѣнное опытное доказательство, но также и тѣмъ, что указываетъ на явленіе, которое такъ легко наблюдать.

Объ этомъ экспериментальномъ доказательствѣ вращенія земли около оси Фуко сдѣлалъ Парижской академіи наукъ въ засѣданіи ея 3-го февраля 1851 г. слѣдующее сообщеніе, которое я приведу здѣсь, такъ какъ оно лучше всего объясняетъ наблюдаемое имъ явленіе:

„Тѣ многочисленныя и значительныя наблюденія, которыя до сихъ поръ были дѣлаемы надъ маятникомъ, относятся только до продолжительности его колебаній; напротивъ того тѣ наблюденія, о которыхъ я хочу сообщить академіи, касаются направленія его плоскости качанія, которая, перемѣщаясь постепенно отъ востока къ западу, ясно указываетъ на вращеніе земли.

„Прежде чѣмъ приступить къ доказательству справедливости этого объясненія, я дѣлаю предположеніе, что вращеніе земли вовсе не оказываетъ вліянія на явленіе, которое я хочу описать. Я предполагаю, что наблюдатель находится на полюсѣ земли и установилъ маятникъ, состоящій изъ однородной, тяжелой сферической массы и гибкой тонкой нити, укрѣпленной въ абсолютно неподвижной точкѣ; кромѣ того, я предполагаю, что точка подвѣшиванія находится на продолженіи оси вращенія, и что твердыя части, поддерживающія ея, не участвуютъ въ дневномъ движеніи земли. Если при этихъ условіяхъ вывести тяжелую массу маятника изъ ея положенія равновѣсія, то она, если ей только не было сообщено никакого боковаго движенія, подъ дѣйствіемъ силы тяжести пройдетъ черезъ положеніе равновѣсія, и вслѣдствіе пріобрѣтенной ею скорости, подыметъ на другой сторонѣ на высоту почти равную, съ которой была спущена. Достигнувъ этой точки, скорость, пріобрѣтенная чечевицею, исчезаетъ, и она совершитъ движеніе въ обратномъ направленіи: пройдя черезъ положеніе равновѣсія, возвратится въ точку, которая находится нѣсколько ниже того мѣста, съ котораго начала свое движеніе. Такимъ образомъ происходитъ колебательное движеніе по дугѣ

круга, положеніе плоскости котораго вполне опредѣлено и остается неизмѣннымъ въ пространствѣ. Если эти колебанія маятника будутъ продолжаться извѣстное время, движеніе земли, которая безостановочно вращается отъ запада къ востоку, сдѣлается замѣтнымъ по неподвижности плоскости качанія маятника, и линія пересѣченія послѣдней съ поверхностью земли будетъ совершать кажущимся образомъ движеніе, одинаковое съ видимымъ движеніемъ небеснаго свода, и еслибы эти колебанія маятника могли продолжаться двадцать-четыре часа, то линія пересѣченія плоскости колебаній съ поверхности земли совершила бы въ это время полное обращеніе вокругъ вертикальной линіи, опущенной изъ точки привѣса маятника.

„Таковы идеальныя условія, при которыхъ несомнѣнно возможно наблюдать вращательное движеніе земли; но въ дѣйствительности нужно брать точку привѣса на вращающейся землѣ; твердыя части, гдѣ прикрѣпляется верхній конецъ нити маятника, не могутъ быть исключены изъ дневнаго движенія, и съ перваго взгляда можно было бы думать, что движеніе, сообщенное нити и массѣ маятника, не будетъ вліять на направленіе плоскости колебанія. Во всякомъ случаѣ со стороны теоріи тутъ не представляется никакого затрудненія; опытъ показалъ мнѣ также, что если проволока цилиндрична и однородна, то она можетъ быстро вращаться въ томъ или другомъ направленіи, не производя чувствительнаго вліянія на плоскость качанія маятника, такъ что опытъ, который я здѣсь описываю, долженъ былъ бы на долюсъ вполне удалиться.

„Но если мы спустимся къ нашимъ широтамъ, явленіе усложняется отъ обстоятельства, которое трудно опредѣлить, и на которое я сильно желаю обратить вниманіе математиковъ. По мѣрѣ приближенія къ экватору, плоскость горизонта по отношенію къ оси земли принимаетъ все болѣе и болѣе косвенное положеніе, и вертикальная линія, вмѣсто того чтобы обращаться вокругъ себя, какъ это имѣетъ мѣсто на полюсѣ, описываетъ все болѣе и болѣе широкій конусъ,—вслѣдствіе чего происходитъ замедленіе въ кажущемся движеніи плоскости качанія, движеніе, которое къ экватору уничтожается и въ другомъ полушаріи принимаетъ обратное направленіе. Для опредѣленія закона, по которому измѣняется это движеніе въ различныхъ широтахъ нужно прибѣгнуть или къ высшему анализу, или къ извѣстнымъ геометрическимъ и механическимъ соображеніямъ, которыя здѣсь не могутъ быть рассмотрѣны. Я долженъ ограничиться замѣчаніемъ, что при помощи обѣихъ методовъ, пренебрегая нѣкоторыми второстепенными

явленіями, можно показать, что угловое перемѣщеніе плоскости качанія маятника равно угловому движенію земли въ это время, умноженному на синусъ широты даннаго мѣста^а.

Затѣмъ Фуко описываетъ свой опытъ въ той формѣ, въ которой онъ первоначально произвелъ его. Это открытіе Фуко обратило на себя всеобщее вниманіе; всѣ ученые журналы и записки академій наукъ того времени переполнены статьями объ этомъ опытѣ Фуко. Въ однихъ *Comptes Rendus* Парижской академіи за 1851 годъ помѣщено 75 различныхъ статей о маятникѣ. Такіе ученые, какъ Бине, Штурмъ, Повселе, Плана, Браве, Ганстенъ, опубликовали по этому поводу весьма замѣчательныя работы. Во всей Европѣ стали производить опытъ Фуко въ той формѣ, какъ онъ его произвелъ. Первоначальныя наблюденія Фуко дѣлалъ въ погребѣ своего дома, но когда его открытіе получило большую извѣстность, императоръ Наполеонъ разрѣшилъ ему произвести этотъ опытъ съ маятникомъ въ парижскомъ Пантеонѣ. Маятникъ при этихъ наблюденіяхъ имѣлъ проволоку длиною въ 57 метровъ, и продолжительность качанія его равнялась 8-ми секундамъ. На круглой доскѣ былъ насыпанъ влажный песокъ, и остріе, которымъ была снабжена чечевица маятника, производило на песокъ при прохожденіи черту, при каждомъ слѣдующемъ колебаніи увеличивавшуюся влѣво отъ наблюдателя. Эти опыты съ маятникомъ были повторены Момене въ соборахъ въ Аміенѣ и Реймсѣ. Въ 1855 году во время всемірной выставки въ Парижѣ Фуко повторилъ эти опыты, и чтобы дать возможность наблюдать колебанія маятника болѣе долгое время, устроилъ особый электромагнитный приборъ, при помощи котораго возможно было поддерживать колебанія маятника болѣе продолжительно.

Эти опыты съ маятникомъ сдѣлали имя Фуко весьма популярнымъ. Въ бумагахъ, оставленныхъ Фуко, найдена большая масса писемъ, полученныхъ имъ отъ различныхъ лицъ по поводу этого опыта съ маятникомъ. Эти письма заключаютъ въ себѣ самыя разнообразныя замѣчанія и вопросы, иногда даже обнаруживаютъ полное непониманіе того явленія, которымъ интересовались. Такъ одно лицо писало къ Фуко: „М. г., я желаю имѣть одинъ изъ вашихъ маятниковъ, которые качаются отъ движенія земли. Гдѣ его можно достать, я буду вамъ много благодаренъ за указаніе“.

Изучая вопросъ о вліяніи вращенія земли на явленія, происходящія на поверхности послѣдней, Фуко не остановился на этомъ только опытѣ съ маятникомъ; онъ сталъ искать новыхъ болѣе осяза-

тельныхъ доказательствъ вращенія земли. Съ этою цѣлью онъ сталъ изучать вращеніе тѣла, ось котораго можетъ занимать различныя положенія въ пространствѣ. Онъ изобрѣлъ всѣмъ извѣстный приборъ—гироскопъ, при помощи котораго, какъ показалъ Фуко, можно въ комнатѣ, не видя неба и не имѣя компаса, найти положеніе сѣвера и широту мѣста. Устройство гироскопа и производимые обыкновенно съ нимъ опыты такъ извѣстны, что я считаю излишнимъ дольше останавливаться на этомъ предметѣ.

Говоря объ изобрѣтеніяхъ Фуко по механикѣ, слѣдуетъ еще упомянуть о его центробѣжномъ регуляторѣ, который до сихъ поръ употребляется во многихъ машинахъ.

Во всѣхъ изслѣдованіяхъ какъ по физикѣ, такъ по и механикѣ, Фуко обнаружилъ весьма оригинальный умъ, который отличался больше проицательностью, чѣмъ глубиною. Фуко, собственно говоря, не дѣлалъ систематическихъ научныхъ изслѣдованій, но обогащалъ науку новыми изобрѣтеніями; онъ не создавалъ новыхъ теорій, но всегда производилъ рѣшительные опыты, которые служили несомнѣннымъ доказательствомъ справедливости той или другой теоріи.

С. Л.

А. ШОПЕНГАУЭРЪ ¹⁾.

V.

Вещь о себѣ и явленіи. Положительныя науки занимаются только явленіями. Критика атолизма. Самосознаніе даетъ ключъ къ познанію вещи о себѣ. Воля, какъ мировая сущность.

Различеніе вещи о себѣ отъ явленія составляетъ главную заслугу Канта, говоритъ Шопенгауэръ. Кантъ указалъ на то, что всѣ законы мышленія, всѣ логическія истины, правда, необходимы а priori и несомнѣнны, но именно вслѣдствіе ихъ апіорности и формальности онѣ не могутъ довести васъ до вещи о себѣ, до внутренней сущности являющагося, до того, что она такое внѣ нашего представленія ²⁾.

Критика чистаго разума положила, по видимому, непреодолимую преграду между познающимъ субъектомъ и внѣшнимъ реальнымъ міромъ. Самъ Кантъ могъ удержать бытіе вещи о себѣ лишь вопреки своимъ основнымъ положеніямъ, примѣняя къ ней категорію причинности ³⁾. Въ сущности каждое познаніе есть представленіе; но мое представленіе, именно потому что оно мое, никогда не можетъ быть непосредственно съ сущностью вещи о себѣ внѣ меня ⁴⁾. Между тѣмъ задача метафизики въ томъ и состоитъ, чтобы проникнуть глубже феноменальнаго міра отъ явленія къ являющемуся, къ тому, что оно также внѣ его отношеніи къ познающему субъекту.

---

¹⁾ *Окончаніе* См. октябрьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за 1878 годъ.

²⁾ *Welt als Wille*, I, 494, 497; *Parerga*, I, 91.

³⁾ *Parerga*, I, 95, 99; *Welt als Wille*, I, 516, 520, 528—530 etc.

⁴⁾ *Welt als Wille*, II, 216, 217.

Шопенгауэръ, стоя, какъ мы видимъ, на точкѣ зрѣнія Кантовскаго идеализма, не отчаявается разрѣшить эту задачу. Только напрасно было бы надѣяться въ этомъ отношеніи, говорить онъ,—на успѣхи положительныхъ наукъ: онѣ занимаются только явленіями и потому въ настоящемъ случаѣ, не могутъ оказать намъ ни малѣйшей помощи; сами онѣ опираются исключительно на положеніе достаточнаго основанія, которое въ сферѣ явленій вполне достовѣрно, но внѣ этой сферы теряетъ значеніе. Вотъ почему положительныя науки, до какой степени совершенства онѣ ни были бы доведены, могутъ посредствомъ обобщеній дать только полный перечень измѣненій, изъ котораго видно будетъ, что при такихъ-то условіяхъ всегда происходятъ такіа-то явленія; но пойдти далѣе онѣ не могутъ. Первыя силы природы — тяжесть, электричество, химическое средство, всегда должны остаться для нихъ загадкою; правда, онѣ познаютъ законы природы; но сама проявляющаяся сила, внутренняя сущность явленій, совершающихся по этимъ законамъ въ самыхъ простыхъ, какъ и въ самыхъ сложныхъ явленіяхъ, вѣчно останется для нихъ тайной, чѣмъ-то совершенно чуждымъ и неизвѣстнымъ ¹⁾).

Шопенгауэръ правъ, конечно, утверждая, что какъ подробно мы ни изслѣдовали бы міръ формъ и явленій, до какого совершенства ни были бы доведены морфологія и этиологія ²⁾, мы никогда не доберемся до сущности, такъ какъ хотя этиологія лучше всего достигла своей цѣли въ механикѣ и менѣе всего въ физиологіи, однако сила, вслѣдствіе которой камень падаетъ на землю или одно тѣло сообщаетъ толчекъ другому, въ сущности не менѣе намъ чужда, не менѣе таинственна, чѣмъ тѣ, которыя производятъ движеніе или ростъ животныхъ. При самой совершенной этиологіи изслѣдователь-философъ, говоритъ Шопенгауэръ,—долженъ испытывать чувство въ родѣ того, которое ощущалъ бы кто-нибудь, попавъ, самъ не зная какъ, въ совершенно незнакомое ему общество, члены котораго по очереди представляли бы ему одинъ другаго и знакомили бы его другъ съ другомъ, то какъ съ пріятелями, то какъ съ родственниками, и пока онъ каждый разъ увѣрялъ бы, что радъ знакомству, у него постоянно вертѣлся бы на языкѣ вопросъ: кой шутъ занесъ меня въ это общество ³⁾).

¹⁾ Welt als Wille, I, 116.

²⁾ Морфологія—ученіе о явленіяхъ въ ихъ причинной связи: этиологія—ученіе о сеномональныхъ причинностяхъ.

³⁾ Welt als Wille, I, 117.

Правда, во всё времена была и такая этиологія, которая, не понимая своей цѣли, стремилась свести всю органическую жизнь къ химизму и электричеству, затѣмъ химизмъ, то-есть,—качество въ механизму (дѣйствию и формѣ атомовъ), и наконецъ, этотъ послѣдній къ предмету фороніи, то-есть, времени и пространству, соединеннымъ въ возможность движенія, частью же просто къ геометріи, то-есть, прямо къ положенію въ пространствѣ. Но эту теорію, которая въ мірозданіи видитъ ариметическую задачу и утверждаетъ, напримѣръ, что красный цвѣтъ происходитъ отъ 489, а фіолетовый отъ 727 миллионновъ барабанныхъ ударовъ, вымышленнаго съ этою цѣлью ээира на ретину,—эту теорію Шопенгауэръ почти не опровергаетъ, а ограничивается подтруниваніемъ надъ нею или даже бранью ¹⁾. Стоитъ только взглянуть на дѣйствіе бури, когда она все гнетъ, опрокидываетъ и разноситъ, а лучъ свѣта, пробиваясь между тучами, незблещій, стоитъ крѣпче скаль, неподвижно какъ привидѣнье и непосредственно даетъ понять, что онъ принадлежитъ къ другому немеханическому порядку вещей ²⁾. Только Французы, чуждые Кантовской философіи, могли дойти до такихъ абсурдовъ, какъ механическое построеніе свѣта; они разсуждаютъ объ атомахъ, какъ будто когда-нибудь видѣли ихъ.

Нападая на атомизмъ, Шопенгауэръ признаетъ однако тотъ фактъ, что всё науки стремятся сводить по мѣрѣ возможности къ механикѣ; если бы не его личныя антипатія и предвзятое мнѣніе, отъ него не ускользнуло бы и то, что стремленіе это весьма естественно и законо. Конечно, сколько мы ни старались бы, къ какимъ сложнымъ вычисленіямъ ни прибѣгали бы, намъ съ помощью движенія атомовъ не удастся объяснить ни одного самаго простаго факта нашего сознанія; но если справедливо, что ощущенія свѣта или звука совершенно несоизмѣримы съ вибраціями ээира или воздуха, какъ ихъ вѣшнеею причиною, если необходимъ еще иной факторъ, чтобы превратить всё эти явленія, или вѣрнѣе, движенія въ субъективныя сознательныя представленія, то это еще нисколько не мѣшаетъ намъ признать въ виду несомнѣнныхъ фактовъ, что свѣтъ, звукъ, теплота, электричество — хотя для насъ ихъ проявленія совершенно различны — могутъ во вѣшнемъ мірѣ превращаться изъ одной силы въ другую; а отсюда уже весьма недалеко до предположенія, что они имѣютъ одно общее начало, и что начало это всего естественнѣе ис-

¹⁾ Welt als Wille, I, 146.

²⁾ Welt als Wille, II, 342.

вать въ движеніи, тѣмъ болѣе, что такая гипотеза, вполне согласная съ требованіями разума, объясняетъ массу явленій и такимъ образомъ получаетъ эмпирическое подтвержденіе.

Всякое механическое объясненіе предполагаетъ движеніе, а слѣдовательно, и нѣчто движущееся, все равно будемъ ли мы разумѣть подъ нимъ единицы силъ (динамизмъ) или единицы протяженныя (атомизмъ). На разумное основаніе атомизма указываетъ самъ Шопенгауэръ въ слѣдующихъ словахъ: Защиту атомовъ можно основывать на народности: всѣ тѣла имѣютъ поры, слѣдовательно, всѣ состоятъ изъ частей; еслибъ это продолжалось до безконечности, то наконецъ отъ тѣла не осталось бы ничего, кромѣ поръ. Опроверженіе этого доказательства, по мнѣнію Шопенгауэра, состоитъ въ томъ, что оставшее, такъ какъ оно не имѣетъ поръ, должно быть признано абсолютно плотнымъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ оно состояло изъ абсолютно недѣлимыхъ частей, то-есть, атомовъ. Но Шопенгауэръ, по видимому, не вполне оцѣнилъ силу приводимаго имъ аргумента, изъ него слѣдуетъ, что при отрицаніи атомовъ дѣленіе тѣла можетъ продолжаться до безконечности, и потому отъ него ничего (по крайней мѣрѣ матеріальнаго) не останется, развѣ только математическія точки; но плотность, какая бы то ни было, хотя бы даже абсолютная, предполагаетъ уже тѣло, и очевидно, нелѣпо было бы говорить о плотности математическихъ точекъ. Какъ превратно Шопенгауэръ толкуетъ понятіе атомовъ, видно изъ того, что онъ говоритъ о нихъ, какъ объ абсолютно недѣлимыхъ тѣлахъ, то-есть тѣлахъ съ такою значительною силою сцепленія ихъ протяженныхъ частей, что никакая сила не можетъ раздѣлить ихъ; но тогда, рассуждаетъ онъ далѣе—такое тѣло можетъ быть принято какой угодно величины, оно можетъ быть большимъ или малымъ и атомъ могъ бы быть величиною съ быка, еслибъ онъ могъ только удовлетворить этому требованію ¹⁾.

Со стороны Шопенгауэра подобныя возраженія особенно странны; онъ, послѣдователь Канта, говоритъ здѣсь о протяженной величинѣ какъ будто о чемъ-то безотносительномъ. Но даже съ точки зрѣнія реализма это не возраженіе: конечно, атомы могли бы быть величиною съ быка подъ тѣмъ условіемъ, чтобы признаніемъ ихъ объяснялись тѣ явленія, для толкованія которыхъ они допущены; еслибы существовалъ міръ, въ которомъ быки были бы во столько

1) Welt als Wille, II, 343—346.

разъ больше нашихъ, во сколько нашъ бмѣтъ больше нашего атома, въ такомъ мѣрѣ атомы были бы, конечно, величиною съ нашего быка; все дѣло въ сохраненіи пропорціональности.

Главное затрудненіе для пониманія атомизма зависитъ, какъ мнѣ кажется отъ, того, что мы привыкли смотрѣть на безконечную дѣлимость исторіи, какъ на аксіому. Между тѣмъ положеніе это далеко не очевидно. Конечно, матерія была бы дѣлима до безконечности, еслибъ она была только протяженною, такъ какъ дѣлимость пространства до безконечности ясна а priori. Но дѣло въ томъ, что сущность матеріи не исчерпывается протяженностію, хотя послѣдняя и составляетъ ея необходимый атрибутъ; въ противномъ случаѣ не затѣмъ было бы называть матерію протяженною субстанціей (какъ это дѣлаетъ Декартъ),—тогда она была бы просто протяженіемъ или пространствомъ. Отсюда слѣдуетъ, что если существуютъ атомы, то-есть, недѣлимыя части матеріи, то свойство недѣлимости зависитъ не отъ ихъ протяженности (а слѣдовательно, и величина не имѣетъ никакой связи съ этимъ понятіемъ). Атомы, какъ нѣчто матеріальное, должны быть единицами протяженными, но отсюда не слѣдуетъ, чтобъ они въ то же время не могли быть единицами, или по крайней мѣрѣ, носителями единицъ силы. Вотъ почему приводимое Шопенгауэромъ, какъ примѣръ нелѣпости, объясненіе Ампера едва-ли не болѣе вѣско, чѣмъ всѣ его собственные аргументы. Пространство, а не матерія, дѣлимо до безконечности, замѣчаетъ Амперъ,—ибо какъ скоро дѣленіе дойдетъ до атомовъ, то дальнѣйшее дѣленіе должно падать между атомами. Въ самомъ дѣлѣ, дойдя до первыхъ мельчайшихъ составныхъ частей матеріи, какимъ образомъ можемъ мы продолжать ея дѣленіе? Мысленно, пожалуй; но вѣдь тогда дѣленіе это ужъ не будетъ реально, не будетъ дѣленіемъ самой матеріи, а только занимаемаго ею пространства.

Несомнѣнно впрочемъ, что атомизмъ не можетъ отвѣтить на вопросъ о сущности. Еслибъ удалось всѣ явленія природы свести къ законамъ механики, это было бы, конечно, громаднымъ шагомъ впередъ,—уменьшилось бы число неизвѣстныхъ, и можетъ быть, удалось бы свести ихъ къ одному; но какъ первоначальное расположеніе атомовъ, изъ котораго возникъ весь матеріальный миръ, само нуждается въ объясненіи, такъ и переходъ чисто механическихъ явленій въ психическіе факты нашего сознанія, все-таки остался бы для насъ загадкою. Хотя атомизмъ и является вполне разумною гипотезой для объясненія явленій внѣшней природы, нельзя не признать однако.

что онъ становится далеко неудовлетворительнымъ, какъ только пробуетъ объяснить сознание или выдать атомы за единственную вещь о себѣ. Почти всѣ философы со времени Декарта ясно сознавали наоборотъ, что исходную точку всякой метафизической системы можно найти лишь въ самомъ познающемъ субъектѣ: вотъ почему главные изслѣдованія Локка, Лейбница, Юма, Гаркляя и Канта направлены на челоуѣческой разумъ.

Но мы не можемъ выйти изъ себя, чтобы непосредственно схватить сущность другихъ предметовъ, говорить Шопенгауэръ; — они являютъ намъ только какъ наши представленія, но съ другой стороны, мы не только познающіе субъекты, но и сами принадлежимъ къ существамъ, которыя надо познать; мы сами вещь о себѣ и потому къ истинному внутреннему существу вещей, до котораго мы не можемъ проникнуть извнѣ, намъ остается внутренній путь, какъ будто подземное тайное сообщеніе, какъ бы измѣною сразу приводящее насъ въ крѣпость, которую нельзя было взять приступомъ извнѣ. Съ точки зрѣнія положительныхъ наукъ самое доступное и самое понятное намъ это—явленія чисто механическія: по мѣрѣ того какъ мы удаляемся отъ нихъ, чтобы заняться явленіями органической природы, отношеніе слѣдствія къ причинѣ становится все неопредѣленнѣе и темнѣе, и мы совершенно потеряли бы руководящую нить, еслибы не получили вдругъ совершенно неожиданной помощи. Какъ въ гротѣ Павзілипа, гдѣ чѣмъ дальше идешь, тѣмъ больше углубляешься во мракъ, пока не перейдешь наконецъ середины, и дневной свѣтъ не начнетъ освѣщать путь съ другаго конца, такъ и здѣсь. Когда направленный наружу свѣтъ разсудка съ его формами причинности все болѣе и болѣе застигается мракомъ, и наконецъ, бросаетъ только слабый и невѣрный отблескъ, тогда именно является освѣщеніе совсѣмъ иного рода, съ совершенно другой стороны, изнутри изъ насъ самихъ, благодаря тому случайному обстоятельству, что мы, разсуждающіе, являемся здѣсь какъ разъ тѣми предметами, о которыхъ приходится разсуждать. Мы никогда не дошли бъ отъ міра, какъ представленія, до его сущности, еслибы были только познающими субъектами, крылатыми безтѣлесными ангелами; но мы въ то же время сами находимся въ мірѣ какъ индивидуумы, наше познание міра, какъ представленія обуславливается тѣломъ, впечатлѣніями, которыя и служатъ разсудку исходною точкой для познанія этого міра. Собственное тѣло для познающаго субъекта, какъ таковое, есть представленіе наравнѣ съ другими, предметъ между предметами.

Движенія и дѣйствія этого тѣла извѣстны ему тѣмъ же путемъ, какъ и измѣненія въ другихъ видимыхъ предметахъ; они были бы ему также чужды и непонятны, еслибы разгадки ихъ значенія онъ не могъ получить совершенно иначе. Тогда человекъ понималъ бы влѣяніе мотивовъ не лучше, чѣмъ связь другихъ являющихся ему причинъ и слѣдствій; онъ называлъ бы тогда внутреннюю непонятную для него сущность проявленій и дѣйствій своего тѣла силою, качествомъ или характеромъ, какъ угодно, но не понималъ бы глубже ея значенія. Но все это не такъ: являющемуся какъ индивидууму субъекту дано слово загадки, и слово это—воля. Это, и одно это, даетъ ему ключъ къ его собственному проявленію, открываетъ ему значеніе и показываетъ внутреннее устройство его существа, его дѣйствій и движеній.

Я не стану входить здѣсь въ разборъ того, на сколько ново и оригинально такое рѣшеніе; не стану разсматривать отношенія этой части философіи Шопенгауэра къ системамъ Фихте и Шеллинга¹⁾; укажу только на сходство теоріи Шопенгауэра въ этомъ отношеніи со взглядами Мэнъ-де-Бирана. „Фактъ непосредственнаго чувства, говоритъ Мэнъ-де-Биранъ,—непремѣнно служитъ основаніемъ началу причинности; всякое абстрактное понятіе причины или даже самая категорія причинности можетъ происходить и имѣть свое естественное основаніе лишь въ сознаніи нашей собственной силы или усилія, находящагося въ насъ самихъ. Напрасны попытки объяснить этотъ основной фактъ именно потому, что онъ — основной. Идея силы первоначально можетъ быть взята лишь изъ сознанія субъекта, дѣлающаго усиліе, и даже тогда, когда эта идея совсѣмъ абстрагируется отъ факта сознанія, она, будучи перенесена во внѣшній миръ и совершенно лишена этого естественнаго основанія, все еще сохраняетъ отпечатокъ своего происхожденія; мы не можемъ понять никакой силы импульса, толчка или влеченія, не приписывая имъ, не предполагая въ нихъ въ нѣкоторой мѣрѣ эту индивидуальную силу, составляющую наше я. Вся тайна апіорныхъ понятій исчезаетъ передъ свѣтильникомъ внутренняго опыта, который показываетъ намъ, что идея причины имѣетъ свой первоначальный и единственный типъ въ чувствѣ. Я говорю также (какъ Фихте и Шеллингъ), что усиліе, котораго я хочу, непо-

¹⁾ *Maine de Biran, Oeuvres inédites, I, 49, 50, 429, 252, 258.*

средственно сознание, и составляет индивидуальность, первичный фактъ внутренняго чувства ¹⁾).

Но Шопенгауэръ, не смотря на то, что Мэнъ-де-Биранъ говоритъ здѣсь только другими словами то же, что и самъ онъ, относится къ нему свысока и упрекаетъ его въ смѣшеніи совершенно разнородныхъ понятій (*le moi, la cause, la force*). Шопенгауэръ, самъ постоянно смѣшивающій эти понятія, менѣе чѣмъ кто-либо въ правѣ дѣлать такіе упреки; онъ говоритъ, на примѣръ: Только происхожденіе явленій въ данномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время производится причиною и по столько отъ нея зависитъ, но не самое явленіе, не его внутренняя сущность, которая есть воля. Такимъ образомъ причиною извѣстнаго явленія оказывается другое, которое въ сущности само есть также только явленіе, — настоящая же причина (*causa efficiens*) лежитъ въ томъ, что Шопенгауэръ называетъ волею. „До сихъ поръ“, говоритъ онъ, — „субсумировали понятіе о волѣ подъ понятіемъ силы, а же наоборотъ нахожу, что каждую силу природы слѣдуетъ разсматривать какъ волю“. Выходитъ, что и у Шопенгауэра понятіе о силѣ, причинѣ и волѣ совпадаютъ, по крайней мѣрѣ, въ вѣкоторыхъ случаяхъ; правда, что порядокъ ихъ будетъ у него обратный, обыкновенно самымъ общимъ является причина, затѣмъ сила, и наконецъ, уже воля какъ сила сознательная, стремящаяся къ опредѣленной цѣли; у Шопенгауэра же наоборотъ. Но далѣе, хотя Мэнъ-де-Биранъ и признаетъ, что мускульное сопротивленіе всегда уступаетъ моему произвольному усилію, что воля сосредоточивается въ тѣхъ же границахъ, какъ и наша власть надъ нашимъ тѣломъ, что тамъ, гдѣ кончается эта власть, начинается желаніе, а не воля, и наконецъ даже, что самое я не можетъ существовать для себя, не имѣя внутренней перцепціи совмѣстнаго существованія тѣла ²⁾); не смотря на все это, онъ однако, оставаясь спиритуалистомъ, не рѣшается утверждать, какъ это дѣлаетъ Шопенгауэръ, что тѣло есть только видимость воли. Каждое наше хотѣнье, говоритъ Шопенгауэръ, — сейчасъ же становится дѣйствиємъ, движеніемъ; дѣйствіе есть только проявленіе того, что внутри себя мы познаемъ какъ волю; хотѣнье, которое сейчасъ же не выражается дѣйствиємъ, не есть настоящее хотѣнье, а только размышленіе о томъ, чего мы будемъ хотѣть въ моментъ дѣствія. Такимъ образомъ каждое движеніе тѣла есть вмѣстѣ съ тѣмъ актъ воли, и это относится не только къ созна-

¹⁾ Ibid., I, 206.

²⁾ *Oeuvres inédites*, I, 290, II, 211.

тельнымъ, но и во всѣхъ дѣйствіяхъ вообще; хотя въ отдѣльности ростъ, пищевареніе и всѣ физическія отправления совершаются по строго опредѣленнымъ и необходимымъ законамъ, однако въ концѣ концовъ всѣ они, а такимъ образомъ и самое тѣло, какъ ихъ продуктъ, составляютъ только проявленіе объективациі воли. Если каждое дѣйствіе моего тѣла есть проявленіе акта моей воли, въ которомъ при извѣстныхъ мотивахъ всецѣло выражается эта воля, и слѣдовательно, мой характеръ,—то явленіе воли должно быть также необходимымъ условіемъ и предположеніемъ всякаго дѣйствія: явленіе это не можетъ зависѣть отъ чего-нибудь, что не существовало бы непосредственно и единственно черезъ нее, такъ какъ тогда оно было бы для нея случайнымъ, а потому и самое ея явленіе стало бы случайнымъ; это условіе и есть все тѣло; но оно само должно быть явленіемъ воли и должно относиться къ моей воли въ цѣломъ и къ моему умопостижаемому (*intelligibilis*) характеру, проявленіе котораго во времени составляетъ мой эмпирической характеръ, также какъ отдѣльныя дѣйствія тѣла—къ отдѣльнымъ дѣйствіямъ воли, слѣдовательно, все тѣло должно быть ничѣмъ инымъ, какъ моей волею, сдѣлавшеюся видимою. Познаніе, которое я имѣю о моей волѣ, хотя и непосредственно, но не можетъ быть отдѣлено однако отъ познанія моего тѣла. Впрочемъ, тождественность воли и тѣла можетъ быть только указана, то-есть, изъ непосредственнаго сознанія изъ познанія *in concreto*, она можетъ быть поднята до познанія разума, можетъ быть перенесена въ познаніе *in abstracto*; но уже по существу своему она никогда не можетъ быть доказана, то-есть, какъ познаніе посредственное, не можетъ быть введено изъ другаго, болѣе непосредственнаго. Это потому, что само оно есть самое непосредственное, и если мы не понимаемъ и не утверждаемъ его какъ таковое, то напрасно будемъ надѣяться получить его какъ-нибудь иначе, какъ познаніе посредственное, откуда-нибудь вытекающее. Что части нашего организма, движущіяся не произвольно, не по сознанному мотиву, все-таки одушевлены волей и подвластны ей, это доказывается, по мнѣнію Шопенгауэра, симпатіей (*Mitleidenschaft*) при всѣхъ необычайно сильныхъ аффектахъ и страстяхъ и тѣмъ, что произвольно движимые мускулы суть болѣею часть тѣ же самые источники движенія, у которыхъ при другихъ обстоятельствахъ въ произвольныхъ дѣйствіяхъ есть мозгъ, гдѣ *ergo mobile* близко знакомъ намъ, какъ воля черезъ самосознаніе.

Трудно повѣрить однако, что тѣло есть только видимость воли, когда вспомнишь, что достаточно ничтожныхъ механическихъ причинъ,

чтобы произвести параличъ или конвульси, такъ что движеніе или совсѣмъ не происходитъ, или же оно происходитъ даже вопреки нашей волѣ. Шопенгауэръ увѣряетъ впрочемъ, что когда движущій нервъ въ рукѣ моей перерѣзанъ, воля моя не можетъ уже двигать ее; но это не потому, чтобы рука моя перестала быть, какъ и всякая часть моего организма, исключительно объективною видимостью моей воли, или иными словами, чтобъ исчезла возбуждаемость (Irritabilitet), но потому, что дѣйствіе мотива, безъ котораго я не могу двигать мою руку, не можетъ до нея достигнуть, вліять на ея мускулы, какъ возбужденіе (als Reiz): это потому, что соединеніе съ нею мозга прервано. Слѣдовательно, строго говоря, моя воля въ этой части только изъята отъ дѣйствія мотивовъ. Воля объективируетъ непосредственно въ возбуждаемости, а не въ чувствительности ¹⁾.

Не знаю, на сколько убѣдительно покажется другое такое объясненіе, но едва ли оно можетъ хотя сколько-нибудь ослабить силу того несомнѣннаго факта, что для осуществленія моего акта воли во внѣшнемъ мірѣ, для приведенія въ исполненіе самаго простаго своего намеренія, нужна масса механическихъ и органическихъ условій, и несуществованіе одного изъ нихъ дѣлаетъ напрасными всѣ усилія самой энергической воли. Гдѣ же тогда мнимое единство организма моего я, моей воли? „Какъ мало благоприятствуетъ безпристрастное изслѣдованіе мечтѣ о такомъ единствѣ!“ говоритъ Лоце.—„Строй моего тѣла постепенно составляется изъ разбросанныхъ частей внѣшняго міра, и непрерывно мѣняясь, возвращаетъ ему эти части. Что же такое то, съ чѣмъ душа могла бы быть единою? Если она то сливается съ прибывающими замѣщеніями тѣла, то отдѣляется отъ распадающихся остатковъ, тогда гдѣ же можетъ сохраниться это единство, какъ не въ развивающихся и снова погасающихъ взаимодействіяхъ, смотря по тому, допускаетъ ли теченіе природы новые элементы присоединиться къ остальнымъ, или же вытѣсняетъ ихъ. Это движеніе частей похоже на суетню путешествующихъ людей: мы не знаемъ—ни откуда они являются, ни куда идутъ; чуждые, встрѣчаются они между собою, и на короткое время между ними устанавливаются сношенія, соответствующія въ общихъ чертахъ общей цѣли путешествія. Каждый собираетъ въ себѣ впечатлѣнія (Anregungen), которыя сообщаетъ ему знаніе другаго,—такъ что мы можемъ, правда, на каждый атомъ смотрѣть, какъ на мѣсто возможной духовной дѣятельности (geistige

¹⁾ Welt als Wille, II, 283.

Regsamkeit), но ничего не знаемъ ни о ихъ прошломъ, ни о томъ развитіи, которое, можетъ быть, принесетъ имъ будущее. Каждый элементъ, вовлеченный на короткій промежутокъ времени въ правильный круговоротъ нашего живаго тѣла, можетъ обогатить свое собственное внутреннее состояніе новыми опытами и можетъ служить къ нашему развитію посредствомъ дальнѣйшей передачи впечатлѣній, которыя сообщаетъ ему внѣшній міръ; но какъ бы то ни было, его внутренняя жизнь никогда не можетъ быть нашею, и когда исчезаетъ сочетаніе существъ, на которыхъ основано наше живое тѣло, тогда мы всѣ вмѣстѣ пережили, правда, нѣчто общее, но лишь какъ первоначально различныя существа, снова раздѣляющіяся послѣ переходящаго соприсношенія¹⁾.

Единство воли и организма какъ одного и того же существа, только познаваемаго различно, составляетъ однако неотъемлемую часть ученія Шопенгауэра, безъ которой не можетъ удержаться вся его система, основанная въ сущности только на аналогіи между явленіями внѣшней природы и нашими произвольными движеніями: „Когда мы смотримъ“, говоритъ онъ,—испытующимъ взоромъ на могучее неудержимое стремленіе водъ въ глубину, на упорность, съ которою магнитъ обращается къ сѣверу, на жадность, съ которою желѣзо стремится къ нему, на силу, съ которой полюсы электричества стараются снова соединиться, и которая, подобно человѣческимъ желаніямъ, возрастаетъ отъ сопротивленія; когда мы видимъ внезапно и быстро формирующійся кристаллъ съ такою правильностью образованія, что она очевидно есть ничто иное, какъ ясно и точно опредѣленное стремленіе въ разныя направленія, схваченное и удержанное одѣпенѣlostью; когда мы замѣчаемъ тотъ выборъ, съ какимъ тѣла, перешедшія въ жидкое состояніе и освободившіяся отъ узъ твердости, отыскиваютъ или избѣгаютъ другъ друга, соединяются или раздѣляются; когда наконецъ, мы непосредственно ощущаемъ грузъ, стремленіе котораго къ землѣ гнететъ наше тѣло, постоянно давить и жметъ его, стараясь удовлетворить своему единственному влеченію,—намъ не надо будетъ дѣлать большихъ усилій, чтобъ и на такомъ разстояніи узнать нашу собственную сущность. То самое, что въ насъ при свѣтѣ познанія преслѣдуетъ свои цѣли, то здѣсь стремится слѣпо, неясно, односторонне и неизмѣнно; но не смотря на то, вездѣ остается однимъ и тѣмъ

¹⁾ *H. Lotze, Mikrokosmos, 2-te Aufl., I, 415—416.*

же, также какъ блѣдная утренняя заря на-равнѣ съ сіяніемъ полудня называется солнечнымъ свѣтомъ¹⁾).

Прежде думали, что тамъ, гдѣ есть воля, нѣтъ уже причинности, а гдѣ есть причинность, нѣтъ воли; въ противоположность этому ученію, какъ оно ни старо и ни обще, Шопенгауэръ утверждаетъ, что нѣтъ двухъ существенно различныхъ источниковъ движенія, что оно не происходитъ или изнутри, когда его приписываютъ волѣ, или извне, когда оно вытекаетъ изъ внѣшнихъ причинъ; но и то и другое неразрывно и встрѣчается разомъ при движеніи каждаго тѣла. Вездѣ, гдѣ есть причинность, есть воля, и никогда воля не дѣйствуетъ безъ причинности²⁾).

Съ точки зрѣнія идеализма весьма естественно стремленіе свести понятіе силы къ понятію воли; сила, какъ причина движенія, можетъ имѣть смыслъ лишь для того, кто признаетъ возможность движенія реальнаго, а слѣдовательно, и реальность пространства: если вещь о себѣ не можетъ быть представленіемъ, для идеалиста она должна быть выше потому, что внѣ представленія и воли для него ничего не существуетъ. Абсолютное, говоритъ Шеллингъ,—есть замѣна не только себя самого, но замѣна безконечнаго, слѣдовательно всѣхъ формъ, всѣхъ степеней и потенцій реальности. Отпечатокъ этого вѣчнаго и безконечнаго самохотѣнія есть міръ³⁾).

Конечно, безконечная воля Шеллинга или воля къ жизни Шопенгауэра совсѣмъ не то, что мы привыкли называть этимъ именемъ, Шопенгауэръ и самъ считаетъ нужнымъ предупредить, что то, что проявляется всюду, что составляетъ міровую сущность, далеко не та воля, которую мы находимъ въ насъ самихъ, а та, которая дѣйствуетъ по заранѣе сознаннымъ мотивамъ; онъ проситъ не приписывать ему легкаго заключенія, что камень движется по сознанному мотиву на томъ основаніи, что такимъ образомъ воля проявляется въ человѣкѣ⁴⁾). Но тогда имѣемъ ли мы право сохранять названіе воли, и не все ли равно—какое имя мы не дали бы такой міровой сущности?

Это было бы такъ, отвѣчаетъ Шопенгауэръ,—еслибы вещь о себѣ была тѣмъ-нибудь такимъ, о существованіи чего мы только заключали бы и такимъ образомъ познавали бы лишь посредственно, in abstracto: тогда, конечно, можно было бы назвать ее какъ угодно: имя стояло бы

¹⁾ Welt als Wille, I, 140.

²⁾ Ueber den Willen in der Natur, 93, 85.

³⁾ Schelling's Sämmtliche Werke, III, 362.

⁴⁾ Welt als Wille, I, 126.

только, какъ знакъ неизвѣстной величины; но теперь воля, какъ волшебное слово, должна открыть намъ самое внутреннее существо всѣхъ вещей природы, и она—отнюдь не неизвѣстная величина не что-либо полученное посредствомъ заключеній, но нѣчто непосредственно извѣстное и до того знакомое, что мы лучше знаемъ и понимаемъ, что такое воля, чѣмъ что бы то ни было иное ¹⁾.

Положенія этого, впрочемъ, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить, Шопенгауэръ нигдѣ не доказываетъ. Онъ ограничивается вопросомъ: какой же другой родъ бытія или дѣйствительности должны мы приписать остальному тѣлесному міру? Откуда взять элементы, чтобы составить его? Кромѣ воли и представленія, намъ ничего неизвѣстно и немислимо; если матеріальному міру, являющемуся намъ непосредственно только въ нашемъ представленіи, мы захотимъ придать величайшую извѣстную намъ дѣйствительность, мы должны приписать ему ту реальность, которую для каждаго изъ насъ имѣетъ его собственное—тѣло, оно для него самое реальное. Но разберемъ реальность этого тѣла и его дѣйствій, за исключеніемъ того, что оно есть наше представленіе,—и мы не найдемъ въ немъ ничего, кромѣ воли. Этотъ исчерпывается его дѣйствительность, и потому мы нигдѣ не можемъ найти иной, чтобы приписать ее матеріальному міру. И такъ, если міръ этотъ долженъ быть чѣмъ-либо внѣ нашего представленія, мы должны сказать, что онъ внѣ его, то-есть, въ своей глубочайшей сущности есть то, что въ насъ самихъ мы не знаемъ какъ воля? Если обратить этотъ аргументъ Шопенгауэра въ силлогизмъ, выйдетъ:

Міръ долженъ имѣть сущность, независимую отъ нашего представленія.

Но кромѣ представленія и воли, намъ не только ничего неизвѣстно, но и немислимо.

Слѣдовательно, міръ, по скольку онъ не есть представленіе, есть воля.

Но впервыхъ, болѣе рѣшительные идеалисты и скептики въ правѣ не согласиться съ большою посылкою, пока она является только не доказаннымъ постулатомъ, тѣмъ болѣе, что въ первой книгѣ *Welt als Wille* Шопенгауэръ самъ постоянно увѣряетъ, что весь міръ объектовъ есть только представленіе; вовторыхъ, заключеніе въ послыкахъ не содержится: изъ того, что мы ничего не знаемъ о другой сущности,

¹⁾ *Welt als Wille*, I, 138.

кроме воли, или даже, что такая сущность для насъ немислима (то-есть, что мы не можемъ себя представить ее), никакъ не слѣдуетъ еще, чтобы ея не было: это есть заключеніе отъ логическаго къ металоогическому, примѣненіе положенія достаточнаго основанія къ трансцендентному вопросу, то самое, что Шопенгауэръ строго порицаетъ въ другихъ системахъ. При первой же попыткѣ основать метафизическую часть своего ученія, онъ сталкивается съ основными началами своей теоріи познания, которыя въ сущности исключаютъ всякую возможность метафизики. Положеніе, что міръ есть мое представленіе, дѣлаетъ невозможнымъ и эмпирическое доказательство какихъ бы то ни было металоогическихъ истинъ; такое доказательство будетъ находиться тоже въ прямой зависимости отъ положенія достаточнаго основанія, управляющаго всѣми представленіями.

Шопенгауэру остается только попытаться сдѣлать свою теорію сколько-нибудь правдоподобною посредствомъ сравненій и аналогій. Но и тутъ является вопросъ, въ правѣ ли онъ идти этимъ путемъ? Мы познаемъ свое тѣло, себя самихъ какъ волю, говоритъ Шопенгауэръ;—положимъ такъ, но всѣ остальные тѣла являются намъ, какъ имѣющія быть исключительно въ нашемъ представленіи. Какое право имѣемъ мы прилагать результатъ, полученный относительно насъ самихъ совершенно инымъ образомъ, посредствомъ самосознанія ко всѣмъ остальнымъ предметамъ безразлично? Право это тѣмъ болѣе сомнительно, что при такомъ перенесеніи этихъ результатовъ на внѣшній міръ, мы, даже по мнѣнію Шопенгауэра, должны въ нихъ выбросить самосознаніе, то-есть, именно то, что дѣлало ихъ достовѣрными.

Все, что мы познаемъ, по сколько оно нами познано, есть уже наше представленіе, а потому, строго говоря, и въ насъ самихъ мы можемъ познавать не волю, а только представленіе о ней. Воля, проявляющаяся въ матеріальномъ мірѣ, отличается отъ чловѣческой именно тѣмъ, что въ ней нѣтъ сознательнаго стремленія къ цѣли, то-есть, того самого, что намъ извѣстно о волѣ по внутреннему опыту такъ, что если откинуть эту сторону ея, то у насъ остается только неизвѣстное безъ всякихъ данныхъ для его опредѣленія.

Не касаясь вопроса о томъ, на сколько полезенъ можетъ быть принципъ воли въ другихъ идеалистическихъ системахъ при рѣшеніи вопроса о реальности внѣшняго міра, можно смѣло сказать, что онъ останется совершенно безплоднымъ въ тѣхъ изъ нихъ, которыя захотятъ удержать результаты „Критики чистаго разума“.

Какъ ни старъ уже споръ о конечныхъ причинахъ, сколько ни

толковали о телеологіи со времени Аристотеля, Эпикура и Лукреція, многіе до сихъ поръ еще, по видимому, не понимаютъ или не хотятъ понять ея дѣйствительнаго значенія. Для нихъ причины механическія и конечныя продолжаютъ являться противоположностью, и по ихъ мнѣнію, надо выбирать, или тѣ, или другія.

Они не замѣчаютъ, что механизмъ не только не исключаетъ цѣль, но напротивъ того, предполагаетъ ее. Иначе онъ былъ бы уже не механизмомъ, а хаосомъ. Правда, что паровая машина дѣйствуетъ лишь потому, что всѣ части ея имѣютъ извѣстное, строго определенное отношеніе между собою, но для того онѣ и имѣютъ это отношеніе, чтобъ она могла дѣйствовать и производить ту или другую работу. Правда, что мы видимъ и слышимъ, потому что имѣемъ глаза и уши, но это нисколько не исключаетъ возможности положенія, что мы имѣемъ ихъ для того, чтобы видѣть и слышать. Какъ далеко мы ни прослѣдили бы необходимую связь механическихъ причинъ, она въ сущности нисколько не объяснитъ намъ своего послѣдняго результата, являющагося цѣлесообразнымъ, и дойдя до первыхъ причинъ, мы вынуждены будемъ или признать ихъ случайными, то-есть, отказаться отъ всякаго объясненія, ограничившись одними словами ¹⁾.

¹⁾ Какъ велика въ людяхъ способность довольствоваться словами вмѣсто фактовъ, видно изъ того, что, не смотря на изслѣдованія Декарта, Спинозы, Лейбница и Канта, до сихъ поръ многіе продолжаютъ еще совершенно серьезно толковать о случай, какъ о чемъ-то положительномъ; такъ напримѣръ Л. Нуаре говоритъ, *Wollen wir an die Stelle der Natur ein anderes aberstes Princip setzen, das etwa das unendliche All als ein thätiges beherrscht sich in seinem werden manifestirt, so vermögen wir es mit keinem anderen Worte zu bezeichnen als dem Zufall*. И Нуаре затѣмъ приводитъ слѣдующій наивный примѣръ и опредѣленія случайнаго изъ Л. Гейера: «*Zufällig kann eine Thatsache nur in Beziehung auf eine andere heissen, von welcher sie veranlasst werden könnte. Wenn z. B. Mehrere nach dem Genusse der gleichen Speise sterben, so wird dieses Zusammentreffen zufällig sein, wenn die Speise nicht Todesursache gewesen, eben weil sie es hätte sein können. Zufall ist also der Schein causalser Abhängigkeit von etwas Bestimmtem und zwar insofern er mit eines gewissen Bewunderung als Schein erkannt wird*» (Пермонистическая Геданке. Leipzig. 1875, Ss. 309, 312). Ясно, что отношеніе поставлено здѣсь вверхъ ногами: правда, что случайнымъ мы называемъ событіе лишь относительно другаго, но это именно тогда, когда мы не замѣчаемъ между ними никакой необходимой (а слѣдовательно, и причинной) связи. Понятно, что чѣмъ далѣе мы будемъ изслѣдовать причинную цѣль явленій, тѣмъ менѣе останется разрозненныхъ, и слѣдовательно, случайныхъ фактовъ; такимъ образомъ понятіе случая сводится къ чистому отрицанію. Случайны всѣ тѣ явленія или свойства предметовъ, необходимая связь которыхъ съ другими или между собою намъ неизвѣстна.

— Необходимая связь всѣхъ явленій между собою замѣчательно картинно и ясно

или же признать, что въ нихъ заключается уже стремленіе къ осуществленію того, что мы находимъ въ дѣйствительности. Когда художникъ пишетъ картину, когда онъ набрасываетъ контуръ и кладетъ краску на краску все здѣсь совершается по законамъ химіи, физики и механики; каждый штрихъ, каждый оттѣнокъ картины можно объяснить такимъ образомъ. Но едва ли, на томъ основаніи, что какое художественное произведеніе не можетъ существовать вопреки этимъ законамъ, кто-нибудь рѣшится утвердить, что достаточно знать ихъ, чтобы понять дѣйствительное артистическое значеніе этого произведенія. Такимъ же поверхностнымъ является отрицаніе телеологіи, основанное лишь на томъ, что для происхожденія всякаго организма нужна масса чисто механическихъ причинъ. Фрауенштетъ справедливо замѣчаетъ, что борьба за существованіе и половой подборъ, которые въ настоящее время выставляются въ замѣнъ телеологическихъ объясненій, сами служатъ подтвержденіемъ для нихъ. Еслибы настоящее положеніе развитія органической природы было только результатомъ случайности, положеніе это было бы крайне ненадежно. Еслибы животныя тѣла формировались не въ силу внутренней необходимости, а принимали бы тотъ или другой видъ подобно тому какъ облака, гонимыя вѣтромъ, то также какъ вѣтеръ, придавшій имъ этотъ образъ, можетъ его измѣнить или разсѣять, такъ дѣйствовалъ бы и случай, формирующій животныя тѣла ¹⁾). Цѣлесообразность такъ ясно проглядываетъ во всей органической природѣ, что, по видимому, странно было бы отрицать ее.

Вся органическая природа носитъ на себѣ до того ясный отпечатокъ разумности, преслѣдованія какой-то цѣли, что трудно не замѣтить его, и положеніе: *natura nihil facit frustra* стало со времени Аристотеля почти аксіомою, такъ что даже противники психологіи недоумѣваютъ, когда въ организмѣ встрѣчаются части, назначеніе которыхъ намъ неизвѣстно, и стараются такъ или иначе объяснить эти кажущіяся исключенія. Въ виду этого признаніе конечныхъ причинъ въ природѣ, по видимому, совершенно необходимо, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія философской; но говоря о цѣли, надо, конечно, опредѣлить, въ чемъ она состоитъ, и тутъ является главное затрудненіе.

выражена у Фихте въ первой книгѣ его сочиненія: «О назначеніи человѣка», см. *J. G. Fichte's Sämmtliche Werke*, 2-ter B., 171—190.

¹⁾ Neue Briefe, 16.

Въ нашихъ сознательныхъ дѣйствіяхъ цѣль дается мотивомъ, который вліяетъ на волю черезъ посредство интеллекта; ничего подобнаго мы не видимъ при формации растений или животныхъ; если мы даже допустимъ существованіе духа или воли, руководящей этою формацией, то и тогда цѣль ея дѣйствій останется для насъ не ясною,—не говоря о томъ, что, признавая бытіе организующей воли на основаніи кажущейся цѣлесообразности мірозданія и объясняя потомъ эту цѣлесообразность волею, мы сильно рискуемъ попасть въ логическій кругъ.

Послѣднею цѣлью животнаго организма не можетъ быть признано, конечно, то или другое временное переходящее его состояніе, и потому естественнѣе всего, казалось бы, цѣль эту искать въ самомъ его бытіи; въ пользу такого предположенія свидѣтельствуетъ, по видимому, инстинктъ самосохраненія, *vis naturae pudescatix* и т. п.; но такому взгляду противорѣчить необходимость разрушенія отдѣльныхъ организмовъ: еслибы жизнь индивидуума была цѣлью природы — неизбѣжность смерти оказалась бы злою насмѣшкою надъ ея усиліями. И такъ, необходимо идти далѣе и искать цѣль эту въ сохраненіи не индивидуумовъ, а только цѣлыхъ видовъ. Къ такому взгляду склоняется и Шопенгауэръ: въ пользу его свидѣтельствуетъ инстинктъ происхожденія; нѣкоторые насѣкомыя живутъ, повидимому, лишь для того, чтобы произвести себѣ подобныхъ и умираютъ какъ только задача исполнена; но не говоря о томъ, какъ бессмысленно было бы существованіе индивидуума, еслибы само по себѣ, не имѣя никакого значенія, оно имѣло цѣлью только дать бытіе совершенно такимъ же индивидуумамъ, жизнь которыхъ была бы также безсодержательна, не говоря о томъ, какъ такое предположеніе было бы противно самому основанію телеологіи—оно еще потому не выдерживаетъ критики, что и виды оказываются не вѣчными; геологія и астрономія заставляютъ даже предполагать, что наступитъ время, когда исчезнетъ возможность существованія, если не для всѣхъ, то по крайней мѣрѣ для всѣхъ извѣстныхъ намъ организмовъ.

Такимъ образомъ приходится отказаться и отъ того мнѣнія, которое находитъ послѣднюю цѣль природы въ сохраненіи видовъ, и остается искать ея только въ цѣломъ составѣ органическаго или живущаго міра; но такая задача выходитъ далеко не только за предѣлы положительныхъ наукъ, но и дѣйствительнаго или даже возможнаго опыта.

Мы ясно видимъ, говоритъ А. Ланге,—что та цѣлесообразность, ко-

торуую мы замѣчаемъ въ природѣ, не есть человѣческая; что средства, которыми она пользуется, не только не высшія, а наоборотъ низшія изъ намъ извѣстныхъ; но и такое опредѣленіе ихъ значенія въ свою очередь основано на человѣческой природѣ, и такимъ образомъ для метафизическаго и религіознаго пониманія вещей, которыя въ своихъ измышленіяхъ переступаютъ эту границу, все еще остается мѣсто для восстановленія телеологіи, окончательно устраненной изъ сферы естествознанія и критической философіи ¹⁾.

Ланге правъ, безъ сомнѣнія, что цѣлесообразность, замѣчаемая нами въ природѣ, далеко не та, которую мы привыкли видѣть въ отдѣльныхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ; но отсюда еще весьма далеко до отнесенія телеологіи къ области теологическихъ и метафизическихъ бредней, не имѣющихъ связи съ положительными науками. Отдѣльные примѣры ясно показываютъ намъ, говоритъ Ю. Б. Мейеръ,—что понятіе цѣли можетъ помочь отертыю новыхъ истинъ: Гарвей открылъ, говорятъ, такимъ образомъ кровообращеніе. Фехнеръ утверждаетъ, что Веберъ въ Лейпцигѣ исходилъ изъ такихъ же идей цѣли въ своихъ любопытныхъ изслѣдованіяхъ надъ глазомъ морской свинки. Уевель указываетъ на то, что такъ какъ Кювье на основаніи зуба первичнаго (Urweltlichen) животнаго построилъ, согласно идеи цѣли, то животное, которому онъ долженъ былъ принадлежать, то вся новая наука палеонтологіи вытекаетъ изъ понятія о цѣли; но если эти утвержденія вѣрны, то понятіе это имѣетъ положительное эвристическое значеніе ²⁾. Такого значенія телеологіи не отрицаетъ даже и Кантъ ³⁾.

Утвержденіе А. Ланге, что телеологія окончательно изгнана изъ сферы естествознанія и критической философіи, является по малой мѣрѣ преждевременнымъ, не говоря уже о Гартманѣ, который является энергическимъ защитникомъ ея, или о П. Жане, который недавно посвятилъ большое сочиненіе изслѣдованію вопроса о конечныхъ причинахъ; такіе естествоиспытатели какъ на примѣръ, Лоце, далеко не раздѣляютъ мнѣнія А. Ланге, хотя и не впадаютъ въ противоположную крайность.

¹⁾ Geschichte des Materialismus. Dritte Auflage, 1877, 2-ter B., 245—248.

²⁾ Philosophische Zeitfragen, 1874, S. 37.

³⁾ Gleichwohl wird die teleologische Beurtheilung, wenigstens problematisch, mit Recht zur Naturforschung gezogen; aber nur um sie nach der Analogie mit der Causalität nach Zwecken unter Principien der Beobachtung und Naturforschung zu bringen, ohne sich anzumassen sie darnach zu erklären.

Если признать, что настоящее состояніе міра вполне удовлетво- рительно, или что оно по крайней мѣрѣ составляетъ необходимый пе- реходъ къ такому идеалу, тогда, конечно, не мудро будетъ указать на строгую цѣлесообразность въ мирозданіи; и Лоце справедливо за- мѣчаетъ, что если мы будемъ смотрѣть на результатъ, какъ на цѣль, которую требуется осуществить, то сумма всѣхъ его причинъ, непре- мѣнно явится намъ не только строго расчитанною на ея достиженіе, но даже единственною системою средствъ, пригодною для рѣшенія такой задачи. Поэтому замѣчаемая нами внутренняя цѣлесообраз- ность въ строеніи какого-нибудь созданія можетъ считаться дока- зательствомъ его возникновенія изъ расчитывающаго разума только въ томъ случаѣ, если для насъ достаточно выяснить что все строе- ніе этого существа, въ томъ видѣ, какъ оно передъ нами является, имѣетъ право быть разсматриваемо не только какъ необходимый ре- зультатъ, но и какъ преднамѣренная цѣль. Сама по себѣ такая цѣ- лесообразность не могла бы ограничить насъ даже отъ печальной остро- ты, что и горбатый сформированъ вполне цѣлесообразно для гор- батаго; основаніемъ телеологіи должно служить не одно чисто фор- мальное начало, а многозначительное содержаніе результатовъ, кото- рое дѣлаетъ совершенно неправдоподобнымъ случайное совпаденіе причинъ для ихъ достиженія. Лоце не отрицаетъ, что органическое образованіе въ разѣ существующей мировой связи сохраняется посред- ствомъ одной механической передачи, но онъ находитъ невозможнымъ понять первое основаніе этихъ сѣмянъ, въ слѣпномъ развитіи кото- рыхъ состоитъ теперь теченіе природы, не предположивъ управля- щаго сознанія ¹⁾.

Но такую цѣлесообразностью, о какой говорить Лоце, можетъ воспользоваться лишь тотъ, кто имѣетъ уже метафизическую систему и хочетъ провѣрить свои результаты на опытѣ или объяснить ихъ по- мощью того, что находитъ въ дѣйствительности. Нельзя не признать, что въ этомъ случаѣ принципъ Шоненгауэра могъ бы оказаться весьма пригоднымъ. Если міръ обязанъ своимъ возникновеніемъ не простымъ механическимъ причинамъ, а волѣ, то что мудренаго, что въ немъ замѣтна нѣкоторая цѣлесообразность? Но съ другой стороны, если эта воля не есть всевѣдущій и всеблагій Духъ, а только воля къ жизни слѣпая и голодная, неудивительно и то, что созданный ею міръ яв- ляется не раемъ, что въ немъ жизнь одного поддерживается лишь на

¹⁾ См. Mikrokosmos. Leipzig. 1869, II, 22—25.

счетъ другаго, что мировая сущность питается сама собою, вѣчно самою себя пожирая. Принципъ Шопенгауэра вообще далеко не столь богатый, какъ онъ утверждаетъ въ настоящемъ случаѣ, дѣйствительно могъ бы дать весьма правдоподобное объясненіе кажущейся цѣлесообразности мирового процесса, гдѣ, по видимому, все рассчитано лишь на сохраненіе индивидуума или вида, и гдѣ все неизбѣжно кончается гибелью того и другаго. Но и здѣсь вліяніе Канта помѣшало Шопенгауэру стать рѣшительно на реалистическую точку зрѣнія и воспользоваться такимъ объясненіемъ; вмѣсто того, чтобы прямо отстаивать телеологию и указать потомъ на принципъ воли, какъ на единственное возможное рѣшеніе ея кажущихся противорѣчій, онъ колеблется и утверждаетъ вслѣдъ за Кантомъ, что только мы сами вносимъ понятіе цѣли въ наблюдаемыя нами явленія, подобно тому, какъ прежде внесли туда понятіе времени, пространства и причинности.

Сильное возраженіе противъ Кантовскаго взгляда на телеологию дѣлаетъ Тренделенбургъ: Еслибы цѣль была необходимою формою нашего познанія въ томъ же смыслѣ, какъ пространство и время, она являлась бы вездѣ, гдѣ мы ищемъ причины; но оказывается наоборотъ, что цѣль призывается нами на помощь лишь тамъ, гдѣ кончается объясненіе изъ дѣйствующихъ причинъ ¹⁾.

По Шопенгауэру, понятіе цѣли вносится нашимъ разумомъ въ органической міръ точно также, какъ понятіе закона въ неорганической, и то удивленіе, которое мы испытываемъ при созерцаніи безконечной цѣлесообразности въ строеніи животныхъ, зависитъ отъ того, что мы ошибочно предполагаемъ, что согласованіе частей возникло въ организмѣ тѣмъ же путемъ, какимъ оно обнаруживается для насъ, тогда какъ въ дѣйствительности весь организмъ есть только видимость воли и существуетъ лишь въ нашемъ мозгу ²⁾.

Но если такъ, то всѣ дальнѣйшія объясненія Шопенгауэра относительно цѣлесообразности въ природѣ являются совершенно излишними, такъ какъ цѣлесообразность эта не существуетъ въ дѣйствительности и потому не нуждается въ объясненіяхъ. Но Шопенгауэръ подробно развиваетъ свое объясненіе телеологіи изъ единства воли, не обращая вниманія на то, что такое объясненіе находится въ противорѣчій съ его идеалистическимъ взглядомъ. Это дало Фрауенштедту новый поводъ

¹⁾ Logische Untersuchungen. Leipzig Hirzel, 1870, II, 52—53.

²⁾ Welt als Wille I, 188, II, 373—375.

утверждать что Шопенгауэръ въ сущности реалистъ. Вмѣсто того, чтобы считать телеологию Шопенгауэра опровергнутою его идеализмомъ, Фрауэнштедтъ наоборотъ считаетъ его идеализмъ опровергнутымъ его телеологіей: Объективация воли къ жизни въ цѣлесообразномъ организмѣ есть, по Шопенгауэру, реальное расчлененіе воли, такъ какъ воля имѣетъ реальное, а не только представляемое стремленіе къ питанію, произрожденію или познанію. Слѣдовательно, и органы, служащіе этимъ стремленіямъ не могутъ быть только представленіемъ¹⁾. Съ точки зрѣнія объективной Фрауэнштедтъ, можетъ быть, и правъ; но нельзя не признать, что въ системѣ Шопенгауэра его идеализмъ играетъ гораздо болѣе важную роль, нежели его телеологія. Отвергать идеализмъ, чтобы сохранить телеологию, можетъ только тотъ, кто рѣшился, подобно Гартману, продолжать и исправить ученіе Шопенгауэра, а не истолковать его истинный смыслъ.

Но разсмотримъ подробнѣе, какъ объясняетъ самъ Шопенгауэръ видимую цѣлесообразность въ мірозданіи. Онъ утверждаетъ, что цѣлесообразность эта, несомнѣнно существующая въ природѣ, бываетъ двухъ родовъ: одна, внутренняя, то-есть такое согласованіе всѣхъ частей отдѣльнаго организма, что изъ него вытекаетъ сохраненіе этого организма, и его рода, которое и является цѣлью такого согласованія; другая, внѣшняя, состоящая въ отношеніяхъ неорганической природы къ органической, а также отдѣльныхъ частей органической природы между собою; она дѣлаетъ возможнымъ сохраненіе всей органической природы и отдѣльныхъ видовъ животныхъ и потому является нашему сужденію какъ средство для достиженія этой цѣли. Что касается второго рода цѣлесообразности, то-есть, внѣшней, проявляющейся не во внутренней экономіи организмовъ, а во внѣшней поддержкѣ и помощи, которыя они получаютъ извнѣ отъ неорганической природы, а равно и другъ отъ друга, то и эта цѣлесообразность объясняется тѣмъ, что весь міръ со всѣми его явленіями есть объективация единой, недѣлимой воли, идеи которой относятся ко всѣмъ остальнымъ, какъ гармонія къ отдѣльнымъ голосамъ. Движеніе планетъ, склоненіе эклиптики, вращеніе земли вокругъ солнца и своей оси, распредѣленіе твердой почвы и моря, атмосфера, свѣтъ, теплота и всѣ остальные явленія природы какъ бы по предчувствію прировнялись къ послѣдующимъ поколѣніямъ животныхъ существъ, которыя они

¹⁾ Neue Briefe, 178.

должны были носить и сохранять. Почва приноровилась къ питанію растеній, растенія—къ питанію животныхъ, эти послѣднія—къ питанію другихъ животныхъ; но также и наоборотъ все послѣдующее — къ предыдущему; всѣ части природы другъ другу соотвѣтствуютъ, потому что во всѣхъ ихъ проявляется одна воля и слѣдованіе во времени не касается ея въ ея первоначальной и единственной адекватной объективности.

Постепенность явленій неразрывно связана съ такою адекватною объективациею воли, и выраженіемъ этой внутренней необходимости является необходимость внѣшняя, вслѣдствіе которой человѣкъ, для поддержанія своего существованія, нуждается въ животныхъ, животныя—въ растеніяхъ и т. д.; въ сущности все это зависитъ отъ того, что воля должна сама собою питаться, такъ какъ внѣ ея нѣтъ ничего, а сама она есть воля голодная. Отсюда охота, страхъ и страданіе. Но какъ ни печально можетъ показаться такое положеніе вещей, все живущее само выбираетъ однако ту форму, въ которой оно воплощается. *Lex parsimoniae naturae* въ связи съ другимъ закономъ, вслѣдствіе котораго ни у одного животнаго не бываетъ недостатка въ такомъ органѣ, котораго требуетъ его образъ жизни,—доказываютъ, что тотъ образъ жизни, который животное хотѣло вести, чтобы наодить свое пропитаніе, опредѣлили его строй, а не наоборотъ; въ настоящемъ случаѣ результатъ вышелъ совершенно такой же, какъ еслибы познаніе образа жизни и ея внѣшнихъ условій предшествовало построенію тѣла животнаго. Также, какъ охотникъ, идя на охоту, выбираетъ ружье и всѣ свои снаряды, смотря по тому роду дичи, на который идетъ и не потому стрѣляетъ въ кабана, что у него штуцеръ, а не гладкоствольное ружье, а потому онъ и взялъ штуцеръ, что шель на кабана,—также и быкъ не потому бодаетъ, что у него есть рога, но потому у него и есть рога, что онъ хочетъ бодать. Поэтому, говоритъ Шопенгауэръ, при внимательномъ изслѣдованіи конечныхъ причинъ, чтобы выразить ихъ трансцендентную сущность, мы не должны даже бояться противорѣчія и смѣло можемъ сказать, что конечная причина есть мотивъ, дѣйствующій на существо, которымъ онъ не познанъ. Гнѣзда термитовъ составляютъ безъ сомнѣнія, тотъ мотивъ, который вызвалъ беззубую челюсть муравьяда съ длиннымъ, нитевиднымъ и клейкимъ языкомъ; твердая скорлупа, которая держитъ птицу какъ бы въ плѣну, есть мотивъ для рогообразной конечности ея клюва, и когда скорлупа пробита, она отбрасывается какъ бесполезная; законы отраженія и преломленія свѣта составляютъ мо-

тивъ для чрезвычайнаго искуснаго и сложнаго оптическаго снаряда человѣческаго глаза, и на него, строго согласуясь съ помянутыми законами, рассчитаны прозрачность роговой оболочки, различная плотность его трехъ жидкостей, форма хрусталика, чернота хореонды, чувствительность ретины, сжимаемость зрачка и мускулатура. Но эти мотивы дѣйствовали прежде, чѣмъ они были восприняты ¹⁾.

Таковъ въ общихъ чертахъ взглядъ Шопенгауэра на телеологию. Въ заключеніе замѣчу, что, не смотря на возможность сходства въ частностяхъ и на согласованіе, которое пытаются отыскать нѣкоторые критики между этимъ ученіемъ Шопенгауэра и теоріей Дарвина, тотъ и другая по основному вопросу находятся между собою въ прямой противоположности; иначе и быть не можетъ; тогда какъ Шопенгауэръ, разъ признавшій волю міровою сущностью, вполне логично считаетъ уже потомъ всѣ отдѣльные организмы, тѣла и явленія только ея продуктомъ или объективацией и потому утверждаетъ, что не внѣшнія условія вызвали тотъ или другой организмъ и заставили животное вести тотъ или другой образъ жизни, а напротивъ того и этотъ организмъ, и эти условія приворонились къ волѣ животного. Дарвинъ на оборотъ, выходя изъ наблюденій надъ внѣшнимъ міромъ и стараясь объяснить природу механическимъ путемъ, совершенно послѣдовательно приходитъ къ противоположному результату. Я не стану разсматривать здѣсь того, можетъ ли быть механическое или опытное объясненіе природы окончательнымъ, и возвращаться къ вопросу о томъ, существуетъ ли дѣйствительная противоположность между причинами механическими и вѣчными; замѣчу только, что для того, чтобы понятіе вѣчныхъ причинъ могло принести хоть какую нибудь пользу естествознанію, необходимо признать причинность реальную съ реальнымъ пространствомъ и временемъ; въ противномъ случаѣ исчезаетъ возможность всякаго движенія или измѣненія, а слѣдовательно, и развитія, и цѣли. Даже простая постепенность или множественность организмовъ является непонятною, такъ какъ въ объясненіе ея ссылаются на трансцендентность воли, которая будто бы не подлежитъ уже никакимъ логическимъ законамъ, очевидно все равно, что отвѣзаться отъ великаго научнаго объясненія.

¹⁾ См. Welt als Wille, I, 181—192, II, 373—390; Ueber den Willen in der Natur (IV), 34—58.

VII.

Отношеніе исторіи къ телеологіи. Призрачность вывода метафизическихъ положеній или понятій права и нравственности изъ исторіи. «Философія исторіи».

Гегеля, какъ образчикъ такихъ выводовъ. Взглядъ Шопенгауэра.

Отъ телеологіи до исторіи—одинъ шагъ: тогда какъ телеологія старается опредѣлить цѣль, къ которой стремится природа въ развитіи самыхъ разнообразныхъ организмовъ, исторія, если только она не хочетъ остаться простымъ перечнемъ событій или лѣтописью, старается указать на развитіе человѣчества и на законы, управляющіе этимъ развитіемъ. Задача, конечно, немаловажная, но и не легкая. Въ сущности исторія есть только часть телеологіи, также какъ человѣчество только часть всего органическаго міра. Мы видѣли, какъ въ другихъ случаяхъ телеологія сама по себѣ бессильна опредѣлить цѣль жизни животнаго міра; посмотримъ же теперь, счастливѣе ли исторія въ отношеніи своей задачи, и не обладаетъ ли она какимъ-нибудь особымъ средствомъ для ея рѣшенія.

Повторяю, исторія не мыслима безъ идеи развитія: еслибы не было развитія, и событія не находились бы между собою въ необходимой органической связи, а слѣдовали бы другъ за другомъ случайно, тогда не могло бы быть и рѣчи объ опредѣленіи законовъ такого хаотическаго движенія. Но часто довольствуются одними неопредѣленными словами органическаго развитія и прогресса, забывая, что прогрессъ долженъ имѣть опредѣленную цѣль, и что въ противномъ случаѣ то, что одинъ считаетъ прогрессомъ, другой въ правѣ называть упадкомъ. Простая хронологическая связь сама по себѣ не служитъ, конечно, ручательствомъ прогресса, то-есть, перехода отъ худшаго къ лучшему; даже такіе отъявленные оптимисты и сторонники историческаго развитія, какъ Гегель, вынуждены признать, что существуютъ періоды упадка, хотя въ общей сложности они необходимы, какъ переходъ къ иному лучшему состоянію, и потому разумны. Но намъ мало было бы пользы знать, что въ общей сложности ходъ исторіи разуменъ, еслибъ относительно каждаго переживаемаго нами фазиса мы находились въ полномъ невѣдѣніи, составляетъ ли онъ моментъ движенія впередъ, или же необходимаго, хотя и временнаго упадка? Отвѣтить на послѣдній вопросъ можно, конечно, не иначе, какъ зная уже цѣль движенія; а познанія этого мы, оче-

видно, не можемъ искать въ самой исторіи и потому, сколько бы ни толковали объ историческомъ методѣ, съ помощью котораго можно будто бы дойти до социальныхъ и моральныхъ принциповъ, составляющихъ цѣль историческаго развитія, все это не болѣе какъ недоразумѣніе, возможное лишь при упадкѣ здоровой логики, которому содѣйствовали матеріалистическія ученія, съ одной стороны, и диалектика Гегеля—съ другой.

Прогрессъ, движеніе впередъ государства или всего человѣчества есть, очевидно, не что иное, какъ приближеніе къ цѣли его развитія, и поэтому для того, чтобы говорить о немъ, прежде всего необходимо опредѣлить эту цѣль. Строго говоря, существуетъ лишь одна исторія всемірная, а исторіи отдѣльныхъ народовъ имѣютъ значеніе только какъ ея составныя части. Но допустивъ противоположное воззрѣніе и рассматривая каждое государство какъ отдѣльный организмъ, мы замѣтимъ въ немъ то же, что и въ индивидуумахъ, то-есть, періоды возрастанія, процвѣтанія и затѣмъ упадка; отсюда ужъ ясно, что государство не можетъ быть само цѣлью, и слѣдовательно, приходится рассматривать его только, какъ звено въ развитіи всего человѣчества. Но если при наблюденіи надъ государствомъ намъ трудно опредѣлить его цѣль и тотъ моментъ, когда кончается развитіе и начинается упадокъ, то въ отношеніи всего человѣчества это становится почти невозможнымъ; мы не знаемъ ни того, какъ оно начало свое существованіе, ни того, какъ ему прійдется окончить его. Нужно много смѣлости, чтобы опредѣлять, какъ это дѣлаетъ, напримеръ, Гегель роль Романскаго или Германскаго племени въ развитіи абсолютнаго духа. Что если не только исторія того или другаго народа, но и все до сихъ поръ извѣстное намъ о человѣчествѣ окажется едва замѣтнымъ моментомъ всемірнаго развитія? А какъ можно поручиться въ противномъ? Если справедливо, что со временемъ, какъ бы оно ни было отдаленно, нашей планетѣ суждено лишиться всѣхъ ея обитателей, гдѣ тогда цѣль исторіи? Можно ли серьезно говорить о развитіи человѣчества, если въ результатъ является небытіе?

Только въ томъ случаѣ, еслибы міровой процессъ продолжался до безконечности, переходя отъ худшаго къ лучшему, или еслибы по окончаніи его достигнутое лучшее состояніе длилось бы вѣчно, только тогда можно было бы говорить о прогрессѣ. Но рѣшеніе упомянутыхъ вопросовъ, если и признать его возможнымъ, во всякомъ случаѣ опять выводитъ насъ далеко за предѣлы всѣхъ частныхъ наукъ. Не отрицая значенія и интереса исторіи вообще, нельзя не

загнать однако, что она не въ состояніи дать сколько-нибудь твердаго основанія для философіи, этики или права; напротивъ того, сама она не можетъ существовать безъ нихъ и только при ихъ помощи можетъ стать наукою. Только имѣя заранѣе опредѣленное понятіе о правѣ, о нравственности, объ идеалѣ человѣчества, историкъ можетъ освѣтить общимъ взглядомъ разрозненныя событія и связать ихъ од- нод идеей,—выводъ же этихъ понятій изъ исторіи не болѣе какъ иллюзія. Какими средствами обладаетъ въ самомъ дѣлѣ исторія для полученія своихъ выводовъ и законовъ? Откуда почерпаетъ она свои факты? *Le présent est gros de l'avenir*, говоритъ Лейбницъ, и какъ изъ настоящаго родится будущее, такъ и само это настоящее съ полною необходимою обусловливается прошедшимъ, и еслибы намъ удалось узнать вполне хоть одинъ моментъ этого прошедшаго, мы знали бы не только настоящее, но и будущее. Духъ, который зналъ бы расположеніе и силу всѣхъ частицъ матеріи, могъ бы съ полною достовѣрностію опредѣлить безконечное развитіе вселенной, говоритъ Лапласъ. Все это такъ; это несомнѣнный выводъ изъ закона причинности; но исторія находится отъ такого познанія своего предмета несравненно далѣе всѣхъ остальныхъ наукъ. Законъ движенія и развитія мы можемъ опредѣлить, зная его причину. Чѣмъ проще и однообразнѣе причины, тѣмъ легче предвидѣть и опредѣлить ихъ дѣйствія; физика и химія уже менѣе точны, чѣмъ механика, фізіологія менѣе, чѣмъ физика, психологія менѣе чѣмъ фізіологія. Но что же сказать объ исторіи? Въ ней каждое событіе является итогомъ безчисленнаго множества всѣхъ этихъ причинъ вмѣстѣ взятыхъ. Ясно, что дѣлать здѣсь выводы несравненно труднѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, даже если бы мы могли наблюдать историческія событія, какъ наблюдаемъ другія явленія природы. Но здѣсь являются новыя затрудненія; тогда какъ физикъ или фізіологъ каждый день можетъ провѣрить свою гипотезу новыми опытами, повторяя ихъ и измѣняя ихъ условія, историкъ не только лишенъ возможности провѣрить свои соображенія нарочно приравленнымъ опытомъ,—онъ не только не можетъ примѣнить къ своему предмету экспериментальнаго метода, но лишенъ даже возможности непосредственнаго наблюденія и вынужденъ пользоваться часто весьма сомнительными источниками. А предметъ такъ обширенъ и такъ сложенъ, что въ немъ можно найти подтвержденіе какой угодно теоріи. Мудрено ли, что, приступая къ изслѣдованію, историкъ вноситъ въ него свой взглядъ и потому не только увѣряетъ другихъ, но и самъ убѣждается, что до-

шелъ до него путемъ всесторонняго изученія и строгой критики источниковъ? Правда, онъ можетъ, минуя подробныя изслѣдованія причинъ и основываясь на общихъ чертахъ и сходствѣ положеній, строить догадки о дальнѣйшемъ развитіи, но что тутъ научнаго? Въ составленіи такихъ догадокъ главную роль играетъ болѣе или менѣе тонкое чутье,—это скорѣе искусство чѣмъ наука, и тотъ, кто на основаніи исторіи угадываетъ будущія событія, находится въ отношеніи положительныхъ наукъ въ такомъ же положеніи, какъ человѣкъ, угадывающій по примѣтамъ погоду, къ астроному, съ математическою точностью вычисляющему затмѣніе за десятки и сотни лѣтъ впередъ.

Исторія, также какъ и телеологія, можетъ дать подтвержденіе того или другаго положенія только въ томъ случаѣ, если, приступая къ нему, мы имѣемъ уже какія-нибудь истины, на которыя можно опереться; самъ Гегель хотя и увѣряетъ, что изъ разсмотрѣнія всемірной исторіи, само собою должно обнаружиться, что все въ ней происходитъ разумно, что она есть необходимый разумный ходъ міроваго духа ¹⁾, долженъ признать однако, что идея о томъ, что міромъ управляетъ разумъ, вносится въ исторію философіей, которая сама не имѣетъ предположеній, и что такая идея истинна, вѣчна и абсолютно могущественна, что она проявляется въ мірѣ, и что въ немъ, кромѣ нея, ея славы и величія, не проявляется ничего другаго; это должно быть доказано въ философіи и потому въ исторіи предполагается какъ доказанное ²⁾. Заключение, къ которому должна привести философія, состоитъ въ томъ, что дѣйствительный міръ таковъ, какъ онъ долженъ быть, что истинно благой, всеобщій Божественный разумъ есть также сила самосуществованія ³⁾. Допустивъ даже, что всѣ эти весьма туманныя и далеко не безспорныя положенія вполнѣ достовѣрны, не трудно убѣдиться, что основываясь только на нихъ и съ помощію одного наблюденія не легко будетъ дойти до положеній въ родѣ того, что

¹⁾ Philosophie der Geschichte. *Hegel's Werke*, IX, 14. Dritte Auflage.

²⁾ *Ibid.*, S. 13.

³⁾ Во всей исторіи Гегель видитъ подтвержденіе этой идеи. Любопытно сопоставить съ его ученіемъ взглядъ Майнлендера, который находитъ въ ней переходъ отъ политеизма черезъ монотеизмъ и пантеизмъ къ атеизму (см. предисловіе къ *Die Philosophie der Erlösung von P. Mainländer*). Это ясно показываетъ, что относительно историческихъ событій, какъ относительно изреченій Дельейскаго оракула, нужно только нѣкоторое искусство, чтобы истолковать ихъ въ свою пользу.

Востокъ зналъ и знаетъ только то, что свободенъ одинъ, греческій и римскій міръ, — что свободны нѣкоторые; германскій міръ знаетъ, что свободны всѣ. Такимъ образомъ первая форма, которую мы встрѣчаемъ во всемірной исторіи—деспотизмъ, вторая— демократія и аристократія, третья—монархія¹⁾; теперь противоположность между государствомъ и церковью исчезла; духъ находится въ мірѣ и образуетъ его какъ органическое цѣлое; государство не уступаетъ уже церкви и не является подчиненнымъ ей; она не сохраняетъ никакихъ привилегій, и духовное уже не чуждо государству. Свобода нашла средство реализовать свое понятіе и свою правду, — это цѣль всемірной исторіи²⁾. Германскій духъ есть духъ новаго міра, цѣль котораго есть осуществленіе абсолютной истины, какъ безконечнаго самоопредѣленія свободы, имѣющей своимъ содержаніемъ абсолютную форму³⁾.

Въ виду такихъ далеко ненаучныхъ выводовъ, едва ли не справедливейше является совершенно противоположный взглядъ Шопенгауэра на исторію, которая, по его мнѣнію, есть знаніе, но не наука, потому что ей недостаетъ основнѣйшей черты науки, собирающей безчисленно многое, разнообразное и разрозненное въ видовыя понятія, а эти послѣднія въ родовыя, такъ что открывается путь къ познанію общаго и частнаго, въ свою очередь охватывающаго безчисленное единичное. Въ исторіи нѣтъ такого подчиненія познанаго, и она указываетъ лишь на соотношенія въ немъ; вотъ почему въ исторіи нѣтъ системы, какъ это бываетъ во всѣхъ другихъ наукахъ. Это зависитъ отъ того, что она знаетъ единичное не посредствомъ общаго, а должна непосредственно схватывать единичное и потому однообразно пресмыкаться на почвѣ опыта, тогда какъ истинныя науки парятъ надъ нею. Тогда какъ всѣ онѣ занимаются тѣмъ, что существуетъ вѣчно, исторія говоритъ о томъ, что разъ случилось и чего уже нѣтъ. Если свяжутъ, что въ исторіи существуетъ подчиненіе частей общему, такое возраженіе покажетъ лишь ложное понятіе объ общемъ. Общее въ исторіи чисто субъективно и зависитъ только отъ недостаточности въ познаніи отдѣльныхъ предметовъ; оно состоитъ въ обзорѣ главныхъ періодовъ, изъ которыхъ отдѣльныя событія не могутъ быть выведены и находятся къ нимъ лишь относительно времени въ положеніи подчиненія, въ отношеніи же понятія — только въ координаціи. Къ

¹⁾ Ibid., 128.

²⁾ Ibid., 135.

³⁾ Ibid., 415.

общему—въ исторіи, въ ея главнымъ періодамъ и событіямъ частное относится какъ часть къ цѣлому, а не какъ отдѣльный случай къ правилу ¹⁾.

Съ философіей, которая всюду указываетъ на неизмѣнное и на вѣчное, исторія находится въ прямой противоположности; къ поэзи она относится, какъ живопись портретная къ исторической: одна даетъ истину въ частномъ, другая—въ общемъ. Историкъ старается вѣрно воспроизвести событіе, что при недостаточности источниковъ часто бываетъ невозможно; поэтъ черпаетъ изъ своей внутренней сущности; и тотъ, кто хочетъ имѣть вѣрное понятіе о человѣчествѣ, скорѣе найдетъ его въ произведеніяхъ великихъ поэтовъ, нежели въ повѣствованіяхъ историковъ. Съ этой точки зрѣнія представляется сомнительнымъ, — стоитъ ли содержаніе исторіи серьезныхъ и трудныхъ изслѣдованій преходящаго человѣческаго ума, который именно въ виду своей временности долженъ бы избирать для своихъ наблюденій неизмѣнное?

Это не мѣшаетъ однако Шопенгауэру признать за исторіей относительную пользу и интересъ; хотя она и не есть наука въ строгомъ смыслѣ этого слова, хотя она и уступаетъ философіи и поэзи въ отношеніи познанія истинной сущности человѣчества, — она однако не совсѣмъ лишена значенія, — для нея остается особое поле, на которомъ она занимаетъ почетное мѣсто. То, что разумъ составляетъ для индивидуума, то исторія для человѣческаго рода: она поднимаетъ его выше непосредственной узкой дѣйствительности, которой ограничивается животное, простираетъ взглядъ за предѣлы настоящаго въ прошедшее и будущее и такимъ образомъ дѣлаетъ возможною сознательную, обдуманную и связанную жизнь ²⁾.

По видимому, этимъ могли бы удовольствоваться самые горячіе сторонники историческихъ знаній; но затѣмъ въ исторіи оказывается столько недостатковъ, что за нею трудно удержать и это значеніе.

Муза исторіи Кліо, говоритъ Шопенгауэръ, сильно заражена ложью: какъ критико-историческія изслѣдованія ни стараются правда изличить ее, но осидываютъ съ помощію своихъ мѣстныхъ средствъ лишь частныя проявляющіяся тамъ и сямъ симптомы ³⁾. Историческія событія, вѣроятно, приблизительно также похожи на дѣйствительно су-

¹⁾ См. Welt als Wille, I, 75—76, 288—291; II, 501—510.

²⁾ Welt als Wille, II, 508.

³⁾ Parerga, II, 480—481.

ществовавшия, какъ большею частію портреты писателей на гравюрахъ, прилагаемыхъ къ ихъ сочиненіямъ. Исторія становится тѣмъ интереснѣе, чѣмъ она специальнѣе; но вмѣстѣ съ тѣмъ она все менѣе достовѣрна и во всѣхъ отношеніяхъ болѣе приближается къ роману. Историкъ въ отдѣльныхъ событіяхъ долженъ строго слѣдовать жизни, тому, какъ она развивается во времени согласно многообразно сплетенной цѣпи причинъ и слѣдствій; но невозможно, чтобъ онъ на это имѣлъ всѣ данныя; невозможно, чтобъ онъ все видѣлъ, все узналъ; его то и дѣло—или совсѣмъ покидаетъ оригиналь его картины, или фальшивый втирается на его мѣсто, и это случается такъ часто, что есть основаніе предполагать, что въ любой исторіи больше лжи, чѣмъ истины.

И можно ли утверждать послѣ того, что исторія нужна была для философіи, то-есть, для пониманія сущности жизни? Нѣтъ, стоитъ только яснымъ взоромъ взглянуть на міръ, все равно гдѣ, чтобы познать эту сущность. Грѣхъ, страданіе и смерть, и какъ приманка къ нимъ, сладострастіе; это—вездѣ, во всѣхъ десяткахъ тысячъ калейдоскопически мѣняющихся фигуръ.

VIII.

Главенство воли въ самосознаніи.—Отношеніе воли къ чувству.—Воля какъ вещь о себѣ.

Для Шопенгауэра, какъ мы видѣли, весь міръ есть объективация воли; человѣчество не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи, и въ человѣкѣ первоначальное, основное есть воля, а разумъ только вторичное, только функція мозга. Этотъ взглядъ Шопенгауэра идетъ въ разрѣзъ съ рационалистическою философіей, которая въ человѣкѣ прежде всего видѣла существо разумное.

Главенство воли въ самосознаніи составляетъ на столько существенный пунктъ системы Шопенгауэра, что во второмъ томѣ своего главнаго сочиненія онъ посвящаетъ ему отдѣльную главу и приводить въ подтвержденіе своей точки зрѣнія цѣлыя двѣнадцать доказательствъ, какъ будто сознавая слабость каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Эти доказательства я и постараюсь разобрать теперь.

10) Такъ какъ въ каждомъ познаніи мы должны различать познающее отъ познаемаго, то слѣдовательно, въ самосознаніи познаваемыхъ не можетъ быть интеллектъ, такъ какъ само познающее, какъ таковое, не можетъ быть познаннымъ,—ибо тогда оно было бы познан-

нымъ другаго познающаго. Въ самосознаніи, какъ познанное мы находимъ волю, а во всякомъ познаніи первое и существенное это познанное, а не познающее ¹⁾).

Справедливо, что во всякомъ познаніи слѣдуетъ различать субъективные и объективные элементы; справедливо также и то, что наше познаніе, подобно нашему глазу, направлено на внѣшніе предметы и какъ только захочетъ смотрѣть на познающее, на себя самого, передъ нимъ является мракъ и пустота ²⁾; но отсюда не слѣдуетъ ни того, чтобъ интеллектъ и воля не могли быть свойствами одного и того же разумнаго существа, ни того, чтобы познанное, то-есть, воля, въ этомъ существѣ была главнымъ. Такое главенство познающаго надъ познающимъ тѣмъ менѣе выдерживаетъ критику, что все познаваемое, по Шопенгауэру, есть только представленіе, и слѣдовательно, необходимо падаетъ вмѣстѣ съ познающимъ и представляющимъ; наоборотъ исчезновеніе познаваемаго не мѣшаетъ познающему познавать что нибудь другое.

2) Сознаніе извѣстно намъ исключительно какъ свойство животное, такъ что мы не должны и даже не можемъ мыслить его иначе какъ сознаніе животное, и это выраженіе есть уже тавтологія; но то, что проявляется во всякомъ животномъ сознаніи, есть воля, есть извѣстное желаніе,—это въ нѣкоторомъ смыслѣ извѣстно намъ а priori, и мы знаемъ не только то, что животныя имѣютъ нѣкоторыя желанія, но даже и то, чего они хотятъ—бытія и наслажденія ³⁾).

Но все это доказательство не имѣетъ почти никакого отношенія къ настоящему предмету; допустивъ даже (что далеко не доказано), что сознаніе есть только органическое свойство животныхъ существъ и не мыслимо безъ воли, для того, чтобъ отвѣтить на вопросъ въ томъ смыслѣ, какъ этого требуетъ Шопенгауэръ, надо признать еще обратное, то-есть, что воля возможна безъ сознанія, и что именно она создаетъ организмъ и черезъ него даетъ бытіе интеллекту; но это есть явное *petitio principii*.

3) Спускаясь по лѣстницѣ животныхъ существъ, мы видимъ, что интеллектъ становится все слабѣе и слабѣе, все несовершеннѣе; ничего подобнаго мы не замѣчаемъ относительно воли; она всюду остается тою же самою и оказывается вполне въ самомъ маленькомъ

¹⁾ Welt als Wille, II, 224—227.

²⁾ Parerga, II, 47.

³⁾ Welt als Wille, II, 227.

насъкомомъ. Разница состоитъ только въ томъ, чего она хочетъ, то-есть, въ мотивахъ; но это уже дѣло интеллекта. Простота и единство воли, въ противоположность со сложными и вторичными свойствами интеллекта, станетъ намъ еще яснѣе, когда мы замѣтили какъ въ насъ самихъ образы и мысли, возникающія въ интеллектѣ, приводятъ въ движеніе нашу волю, и какія различныя роли играютъ здѣсь интеллектъ и воля. Положимъ, напримѣръ, мы вспоминаемъ о дѣйствительно угрожающей намъ опасности и живо представляемъ себѣ возможность несчастнаго исхода; беспокойство такъ и охватываетъ наше сердце, и кровь останавливается въ жилахъ. Но интеллектъ переходитъ къ возможности противоположнаго исхода и предоставляетъ фантазіи рисовать наконецъ достигнутымъ счастье, на которое мы долго надѣялись; кровь весело приходитъ въ движеніе, и на сердцѣ становится легко до тѣхъ поръ, пока интеллектъ не пробудится отъ своихъ грезъ; но пусть что-нибудь вдругъ напомнитъ намъ давнишнее оскорбленіе или обиду, и гнѣвъ и досада врываются въ грудь, за минуту передъ тѣмъ совершенно спокойную. Пусть теперь случайно явится образъ давно утраченной любимой женщины, съ которою связанъ цѣлый романъ съ его волшебными сценами, и гнѣвъ разомъ уступитъ мѣсто глубокой тоскѣ и жалости; наконецъ, пусть припомнится намъ какое-нибудь давнишнее постыдное приключеніе,—мы ежмиса, краснѣемъ, готовы провалиться и часто стараемся какимъ-нибудь громкимъ возгласомъ насильно отклонить или разсѣять эти мысли, какъ будто отгоняя злыхъ духовъ. Интеллектъ такимъ образомъ играетъ, а воля должна танцовать подъ его музыку. Онъ даже заставляетъ ее играть роль ребенка, который болтовней и разказами своей нянюшки, то веселыми, то грустными, приводится въ какое угодно самое разнообразное расположеніе духа. Это зависитъ отъ того, что воля сама по себѣ не имѣетъ познанія, а связанный съ нею разсудокъ не имѣетъ воли. Это не мѣшаетъ однако волѣ господствовать надъ интеллектомъ. Такъ она можетъ совсѣмъ ему запретить думать о нѣкоторыхъ предметахъ, которые ей неприяты, и какъ оно ни трудно бываетъ, она всегда заставитъ себя слушаться, если только сердце захочетъ этого. Интеллектъ представляетъ намъ мотивы, но въ рѣшеніи воли не участвуетъ, такъ что для него самого оно часто бываетъ неожиданностью, и только тогда, когда дѣло уже сдѣлано, онъ узнаетъ относительную силу мотивовъ; это случается такъ часто, что онъ наконецъ перестаетъ вѣрить волѣ, и даже тогда, когда она рѣшилась на что-нибудь, въ немъ все еще остается сомнѣніе—исполнитъ ли

она свое рѣшеніе. Воля—хозяинъ, интеллектъ—рабъ; она легко можетъ оттолкнуть его и однимъ знакомъ заставить успокоиться, тогда какъ онъ, съ своей стороны, при крайнихъ усиліяхъ едва въ состояніи заставить волю сдѣлать хоть маленькій перерывъ, чтобы дать ему слово ¹⁾).

Шопенгауэръ, увлекаясь своимъ возвеличеніемъ воли, не замѣчаетъ—къ какимъ страннымъ заключеніямъ оно приводитъ его: интеллектъ при всѣхъ своихъ усиліяхъ не получаетъ почти никакого вліянія на волю, воля же легко можетъ заставить интеллектъ думать о томъ, что ей пріятно, избѣгая непріятнаго. Но для того, чтобы дѣлать усилія, интеллектъ долженъ чего-нибудь хотѣть; а для того, чтобы запретить интеллекту думать о томъ, что ей будетъ непріятно, воля должна уже знать это; выходитъ, что у интеллекта есть своя воля, а у воли свой интеллектъ, и въ человѣкѣ оказывается двѣ воли и два интеллекта. Но Шопенгауэръ все продолжаетъ сравнивать: то же, что для воли поводья и удила, то въ человѣкѣ интеллектъ для воли посредствомъ этого повода надо управлять ею ²⁾).

Но если самая сущность человѣка есть воля, то гдѣ же тутъ всадникъ, и кто долженъ управлять конемъ?

4) Вторичная природа интеллекта, по мнѣнію Шопенгауэра, доказывается и тѣмъ, что онъ утомляется, тогда какъ воля не утомима. Послѣ продолжительной головной работы, усталость скоро чувствуется, точно также, какъ усталость руки послѣ работы физической. Всякій продолжительный усиленный трудъ требуетъ перерывовъ и отдыха; и если въ этомъ отдыхѣ слишкомъ долго отказывать интеллекту, въ немъ можетъ произойти совершенное разстройство и притупленіе, какъ это часто случается въ старости ³⁾).

Но фактъ этотъ, какъ мнѣ кажется, не только не подтверждаетъ, а скорѣе противорѣчитъ теоріи Шопенгауэра. И продолжительное напряженіе воли, по замѣчанію Ю. Б. Мейера, также утомительно, какъ стремленіе къ познанію и наоборотъ, простое логическое утвержденіе или отрицаніе разсудка также мало утомляетъ, какъ простое согласованіе или несогласованіе воли. Ничто такъ не поддерживаетъ ясности ума, какъ умственная работа, и ничто такъ не ослабляетъ его силу, какъ продолжительное желаніе или хотѣніе. Это допускаетъ и

¹⁾ Welt als Wille, II, 230—236, 238.

²⁾ Ibid., 238.

³⁾ Welt als Wille, II, 239.

самъ Шопенгауэръ, когда онъ выводитъ изъ воли страданіе жизни, которое должно привести къ отрицанію міра вслѣдствіе утомленія жизнью ¹⁾).

Ю. В. Мейеръ въ сущности правъ, хотя мысль свою выразилъ не совсѣмъ точно; эта неточность выраженія даетъ Фрауенштэдту поводъ возразить, что при такой поверхностной полемикѣ интеллекту дѣйствительно нѣтъ причинъ утомляться; Шопенгауэръ говорилъ объ ослабляющемъ дѣйствиіи напряженной головной работы. Совсѣмъ наоборотъ бываетъ въ дѣйствительности²⁾, возражаетъ профессоръ Мейеръ, — „ничто такъ не поддерживаетъ ясности ума, какъ умственная работа“. Какъ будто этимъ опровергается расслабляющее дѣйствіе напряженной головной работы! Что умственный трудъ поддерживаетъ ясность ума, этого никто не станетъ оспаривать; но никто, исключая того, кто дѣлаетъ для себя этотъ трудъ весьма легкимъ, не станетъ искать здѣсь аргумента противъ утомляемости интеллекта, о которой говорить Шопенгауэръ ³⁾. Фрауенштэдъ, съ своей стороны, полагаетъ, что противъ такой утомляемости нельзя ничего возразить, потому что она черезъ чуръ ясно доказывается опытомъ; стоитъ однако припомнить, что, какъ самъ онъ говоритъ, усталость мозга зависитъ не отъ мышленія, а отъ усилія мыслить (можно думать цѣлый день не утомляясь, и достаточно самаго короткаго промежутка времени напряженного вниманія, чтобы вызвать сильное утомленіе). Припомнимъ, что всякое усиліе есть, очевидно, актъ воли, что самая усталость есть чувство или ощущеніе, и что всякое чувство, какъ утверждаетъ Шопенгауэръ, — есть аффектъ воли, а интеллектъ самъ по себѣ совершенно безстрастенъ; имѣя все это въ виду, легко понять, къ какимъ противорѣчіямъ съ основными его положеніями приводитъ Шопенгауэра же мнимое преимущество воли.

5 и 6) То, что воля есть единственное реальное и существенное въ человѣкѣ, а интеллектъ — только вторичное и обусловленное на мнѣніи, противоположномъ явленію, а именно на томъ обстоятельстве, что иногда функціи интеллекта возвышаются понуканіемъ воли ⁴⁾. Но очевидно, эти два доказательства совершенно исключаютъ другъ друга, такъ какъ если вмѣшательство воли то повышаетъ, то унижаетъ функціи интеллекта, то причину такого явленія нельзя искать

¹⁾ J. В. Mayer, Arthur Schopenhauer als Mensch und Denker, 35—36.

²⁾ Neue Briefe, 75.

³⁾ Ibid., 252.

въ одной волѣ, потому что тогда дѣйствіе ея должно было бы всегда оставаться одинаковымъ.

7) Также неудаченъ является и аргументъ Шопенгауэра, что еслибы, согласно общепринятому допущенію, воля вытекала изъ познанія какъ результатъ или продуктъ его, то тамъ, гдѣ есть сила воли, должно было быть много познанія пониманія разсудка, въ дѣйствительности же бываетъ совершенно иначе ¹⁾.

Но если мы допустимъ, что не воля вытекаетъ изъ познанія и интеллекта, а интеллектъ есть продуктъ воли, то помянутое возраженіе нисколько не теряетъ своей силы; также какъ въ уравненіи равенство не зависитъ отъ того, какую величину мы нашли прежде, какую послѣ, такъ и здѣсь можно сказать: если мозгъ есть продуктъ воли, а интеллектъ продуктъ мозга, то тамъ, гдѣ есть много воли, должно быть много интеллектовъ, и наоборотъ. Впрочемъ, такое количественное сравненіе различныхъ духовныхъ свойствъ едва ли имѣетъ какой-нибудь смыслъ, а самъ Шопенгауэръ не долженъ бы говорить о немъ, разъ допустивъ, что вся воля недѣлима и проявляется вся въ каждомъ существѣ, хотя бы самомъ мелкомъ насѣкомомъ.

8) На первый взглядъ гораздо болѣе вѣскимъ является доказательство, основанное на разницѣ въ качествахъ и недостаткахъ воли и интеллекта Шопенгауэра и тѣмъ, что онъ только тогда правильно и отчетливо можетъ отправлять свои функціи, когда воля молчитъ и дѣлаетъ паузу, и наоборотъ, каждое замѣтное возбужденіе ея мѣшаетъ функціямъ интеллекта, а всякая примѣсь ея дѣлаетъ результатъ ошибочнымъ. Еслибы интеллектъ и воля не были совершенно различны, а составляли бы только свойства одного простаго существа, тогда съ возбужденіемъ и повышеніемъ воли, въ которыхъ и состоятъ эффектъ, долженъ былъ бы возвышаться и интеллектъ, но какъ мы видѣли аффектъ, наоборотъ, подавляетъ его, мѣшаетъ ему, такъ что древніе называли аффектъ *animi perturbatio* ²⁾.

Примѣровъ этого можно найти, конечно, сколько угодно, но едва ли они что-нибудь значатъ, такъ какъ въ слѣдующемъ доказательствѣ Шопенгауэръ требуетъ основывать превосходство воли надъ интеллектомъ на примѣрѣ. Впервыхъ, говоритъ Шопенгауэръ, — между ними нѣтъ необходимой связи, и значительныя блестящія качества интеллекта могутъ встрѣчаться при самой злой волѣ, а также и наоборотъ.

¹⁾ Ibid., 252.

²⁾ Welt als Wille, II, 241, 242.

Но когда про одного человѣка говорится, что у него доброе сердце и плохая голова, а про другаго—что у него прекрасная голова, но дурное сердце, каждый чувствуетъ, что въ первомъ случаѣ похвала значительно превосходитъ порицаніе, а во второмъ порицаніе—похвалу. Поэтому, когда кто-нибудь совершаетъ дурной поступокъ, друзья его и самъ онъ стараются свалить вину съ воли на интеллектъ и ошибки сердца выдать за ошибки головы. Они скажутъ, что это было одно непониманіе, необдуманность, легкомысліе, глупость, въ случаѣ надобности сошлутся въ оправданіе на пароксизмъ, на временное помѣшательство, а когда рѣчь идетъ о тяжкомъ преступленіи, даже на сумасшествіе для того, чтобы волю очистить отъ вины. И передъ другими, и передъ самими собою мы охотно принимаемъ обвиненіе въ *stultitia*, чтобы избѣгнуть упрека въ *malitia*. Вотъ почему при одинаково несправедливомъ приговорѣ судьи такая громадная равница, когда онъ произноситъ этотъ приговоръ вслѣдствіе подкупа, или же по ошибкѣ. Интеллектъ—только орудіе и можетъ имѣть недостатки, въ которыхъ воля не участвуетъ. Обвиненіе въ неразуміи передъ судомъ совѣсти совершенно ничтожно, оно даетъ даже нѣкоторое преимущество. Точно также въ судѣ гражданскомъ, чтобы избавить преступника отъ всякаго наказанія, надо свалить вину его съ воли на интеллектъ, указавъ или на неизбежность ошибки, или на умственное разстройство, потому что тогда онъ не болѣе виновенъ, чѣмъ еслибъ у него рука или нога двинулись противъ воли.

Какъ ни правдоподобны кажутся эти доводы, они однако не имѣютъ особаго значенія. Вопросъ состоитъ совсѣмъ не въ томъ, что другіе считаютъ важнѣе въ человѣкѣ, а въ томъ, что внутри его есть существенное неотъемлемое свойство ея природы, воля или интеллектъ, или же оба они одинаково необходимы, и потому между ними существуетъ только соотношеніе, а не подчиненіе. Понятія же (морально) добра и зла всегда предполагаютъ нѣкоторое отношеніе къ другому, и съ этой точки зрѣнія весьма естественно, что воля должна стоять на первомъ планѣ, а интеллектъ—на второмъ, такъ какъ человѣкъ дѣйствуетъ на другихъ, смотря по тому, чего онъ хочетъ. Несомнѣнно, что въ бытіи для другаго главное мѣсто принадлежитъ волѣ, а интеллектъ имѣетъ значеніе лишь по столько, по сколько проявляется при посредствѣ акта воли. Что касается того, что и сами мы гораздо охотнѣе принимаемъ обвиненіе въ недостаткахъ умственныхъ, нежели въ нравственныхъ, то это правило далеко не безъ исключенія, и встрѣчаются люди, которые также хвалятся ловкимъ мошенничествомъ,

какъ другіе добрымъ дѣломъ, и многіе не дѣлаютъ этого только изъ осторожности. Несомнѣнно впрочемъ, что, вообще говоря, мы и передъ собою неохотнѣе сознаемъ въ ошибкѣ или заблужденіи, нежели въ зломъ умыслѣ; но для объясненія этого факта нѣтъ никакой надобности признавать главенство воли; и съ точки зрѣнія обыкновеннаго спиритуализма воля опредѣляется мотивами, а потому, если при вѣрно понятomъ мотивѣ, дѣйствіе оказывается дурнымъ, то отсюда слѣдуетъ, что недостатокъ коренится въ самой волѣ; но ошибка или заблужденіе далеко не всегда свидѣтельствуютъ о слабости интеллекта, и бывають геніальныя ошибки, которыя лучше доказываютъ его силу, нежели случайно найденныя истины.

9) Я не стану подробно разбирать тѣ доводы, которые Шопенгауэръ думаетъ извлечь изъ того, что органъ воли есть будто бы сердце, центръ всего тѣла, а органъ интеллекта—мозгъ, который есть только высшее распрѣтаніе тѣла. Это только сравненіе, которое едва ли можно считать серьезнымъ аргументомъ.

10) Что касается тожества личности, которое при измѣняемости интеллекта и неизмѣнности воли необходимо должно быть основано на волѣ, то съ одной стороны, неизмѣняемость воли или нравственнаго характера человѣка—положеніе далеко не безспорное и не ясное, а съ другой интеллектъ въ извѣстномъ смыслѣ, тоже неизмѣненъ; такъ напримѣръ, логическіе законы остаются въ силѣ все время, пока существуетъ сознаніе, а это несомнѣнно и ригорі даже тамъ, гдѣ они, по видимому, нарушаются; можно себѣ представить, что мысли совсѣмъ нѣтъ, но нельзя допустить, чтобы существовала немислимая мысль. Въ виду этого мы должны признать или интеллектъ въ своихъ основныхъ свойствахъ совершенно неизмѣннымъ, хотя быстрота соображенія, память и пр. подвержены множеству случайностей и перемѣнъ. (Это касается впрочемъ интеллекта вообще, и потому, конечно, не можетъ служить основой индивидуальности и тожественности лицъ. Но то же самое слѣдуетъ сказать и о волѣ. Если можно признать еще, что въ главныхъ чертахъ характеръ человѣка остается неизмѣннымъ, то нивакъ нельзя сказать того же о подробностяхъ. Если въ молодости умъ воспримчивѣе, то и воля также гораздо легче подвержена увлеченіямъ. Часто характеръ человѣка отъ внѣшнихъ усилій значительно измѣняется, и самъ Шопенгауэръ въ одномъ случаѣ допускаетъ возможность совершеннаго перерожденія воли, а допустивъ одно такое исключеніе, трудно думать, что измѣненіе это происходитъ разомъ посредствомъ скачка; правда, съ точки зрѣнія

Шопенгауэра можно возразить, что всё остальные измѣненія воли, исключая это единственное и радикальное перерожденіе, касаются только ея проявленій, только эмпирическаго, а не умопостигаемаго характера человѣка; но вопервыхъ, какъ привести между ними границу, а вовторыхъ, почему не сказать того же и объ интеллектѣ, то есть, что и въ немъ мѣняются только его внѣшнія проявленія, а не внутренняя его сущность? Тождественность лица сама по себѣ есть одинъ изъ самыхъ сложныхъ и трудныхъ метафизическихъ вопросовъ, а потому не разрѣшивъ этого вопроса, строить на немъ доказательства другихъ положеній по малой мѣрѣ преждевременно; Шопенгауэръ и самъ сознаетъ даже, что невозможно сказать, на сколько глубоко идутъ корни индивидуальности.

11) Доказательство главенства воли Шопенгауэръ находитъ также въ истиннѣйшемъ самосохраненіи; привязанность къ жизни основана не на интеллектѣ, она не есть слѣдствіе какого-нибудь размысленія и вообще не дѣло выбора, а наоборотъ, это желаніе жизни есть нѣчто само собою разумѣющееся, это *prius* самого интеллекта¹⁾. Мы сами воля въ жизни, и потому хорошо ли, дурно ли, мы должны жить; но если такъ, то интеллектъ самосохраненія долженъ быть непреодолимъ, и Шопенгауэръ, напоминая о самоубійствѣ и основывая его не на органическомъ разстройствѣ, не на помѣшательствѣ, самъ уничтожаетъ силу приведеннаго доказательства.

На невыразимомъ *horo mortis* основано, говорить онъ,—излюбленное положеніе дюжинныхъ головъ, что тотъ, кто лишаетъ себя жизни, долженъ быть сумасшедшій, и то удивленіе, которое каждый разъ вызываетъ самоубійство даже въ мыслящихъ людяхъ. Оно зависитъ отъ того, что этотъ поступокъ до того противорѣчитъ сущности всего живущаго, что мы въ нѣкоторомъ смыслѣ должны удивляться тому, кто въ состояніи его исполнить, мы должны даже находить здѣсь нѣкоторое успокоеніе, такъ какъ въ самыхъ худшихъ случаяхъ такой исходъ дѣйствительно открытъ намъ, а мы могли бы сомнѣваться въ этомъ, еслибы оно не подтверждалось опытомъ²⁾.

Такимъ образомъ вопросъ сводится просто къ тому, когда наступаетъ этотъ худшій случай? Когда одинъ мотивъ — дѣйствительное страданіе—въ состояніи превозмочь другой—страхъ смерти? Оцѣнка, конечно; всегда останется здѣсь чисто субъективною.

¹⁾ Welt als Wille, II. 271.

²⁾ Welt als Wille, II, 271.

Всѣ до сихъ поръ разсмотрѣнные нами доводы Шопенгауэра до того шатки и сомнительны, что подтверждаютъ только его собственное замѣчаніе, что предвзятая гипотеза даетъ намъ глаза рыси на все, что подтверждаетъ, и дѣлаетъ слѣпымъ во всему, что ей противорѣчить. Намъ остается теперь коснуться послѣдняго и наиболѣе вѣскаго аргумента.

12) Ничто такъ ясно не доказываетъ вторичной условной природы интеллекта, какъ періодическіе перерывы въ его дѣятельности. Въ глубокомъ снѣ превращается всякое познаніе и представленіе. Во внутреннемъ существе наше, его метафизическая сторона, которую предполагаютъ всѣ органическія функціи какъ свой *primum mobile*, никогда не можетъ приостановиться, пока не прекратится самая жизнь; но оно какъ метафизическое и потому безтѣлесное и не нуждается въ покоѣ ¹⁾.

Еслибы можно было посредствомъ опыта доказать, что дѣятельность интеллекта во время сна хотя на минуту совершенно приостанавливается, этого одного было бы достаточно, чтобы дать философіи Шопенгауэра рѣшительное преимущество надъ всѣми рационалистическими системами; къ сожалѣнію однако, опытъ не можетъ ни подтвердить, ни опровергнуть такое предположеніе. Тотъ фактъ, что послѣ пробужденія мы иногда не помнимъ того, о чемъ мы думали, или даже того, была ли у насъ какая-нибудь мысль и представленіе во время сна, не можетъ служить доказательствомъ, что ни мыслей, ни представленій не было; въ этомъ отношеніи память можетъ совершенно измѣнять намъ; и на яву перѣдко случается, что мы не можемъ припомнить, гдѣ за минуту передъ тѣмъ были наши мысли. Далекое не всѣ представленія и ощущенія доходятъ до пылкой ясности въ сознаніи и сохраняются памятью, и потому вопросъ о томъ, думаемъ ли мы во время сна, не можетъ быть рѣшенъ непосредственнымъ опытомъ. Точно также нельзя доказать опытомъ существованіе невидимыхъ тѣлъ и незамѣтныхъ движеній ²⁾.

¹⁾ Ibid., 271—272.

²⁾ Вотъ что по этому поводу говорилъ уже Лейбницъ: «On la décide (cette question) comme l'on prouve qu'il y a des corps imperceptibles et des mouvements invisibles, quoique certaines personnes les traitent de ridicules. Il y a de même des perceptions peu relevées qui ne se distinguent pas assez pour qu'on s'en aperçoive ou s'en souviennne, mais elles se font connaitre par des conséquences certaines (Nouveaux Essais, Liv. II, ch. 1, § 10). *P*h. Il n'est pas aisé de concevoir qu'une chose puisse penser et ne pas sentir qu'elle pense. *T*h. Voilà sans doute le

Во время сна, говоритъ Лейбницъ, — мы всегда сохраняемъ нѣкоторое ощущеніе, хотя и слабое, даже тогда, когда не видимъ сновидѣній; это доказывается самымъ пробужденіемъ ¹⁾, Въ настоящее время теорія Лейбница о незамѣченныхъ безсознательныхъ ощущеніяхъ получаетъ развитіе не только въ области философскаго мышленія, но и въ сферѣ естествознанія.

Отъ сна нельзя абстрагировать, какъ еслибъ онъ былъ ничѣмъ для нашей души, замѣчаетъ Фехнеръ, — нельзя колебаніе жизни относить исключительно къ бдѣнію; бдѣніе души есть высота колебанія надъ предѣломъ сознанія; сонъ есть глубина колебанія ниже этого предѣла, и если мы обозначимъ высоту сознанія положительными величинами (Werthen), намъ необходимо прійдется глубину сна обозначить отрицательными. Еслибы мы захотѣли, наоборотъ, колебанія психическаго напряженія ограничить состояніемъ бдѣнія, а напряженія сна всюду означать нулемъ, душевная жизнь явилась бы разорванною совершенно густыми промежутками времени.

Пониженіе тѣлесныхъ функцій, лежащихъ въ основѣ сознательныхъ феноменовъ, продолжаетъ Фехнеръ, — можетъ считаться несомнѣннымъ; спрашивается только: не доходить ли такое пониженіе до полнаго прекращенія? Правда, несомнѣнно также, что останавливается

---

noeud de l'affaire et la difficulté qui a embarrassé d'habiles gens. Mais voici le moyen d'en sortir. Il faut considérer que nous pensons à quantité de choses à la fois, mais nous ne prenons garde qu'aux pensées les plus distinguées; et la chose ne saurait aller autrement, car si nous prenions garde à tout il faudrait penser avec attention à une infinité de choses en même temps que nous sentons toutes et qui font impression sur nos sens. Je dis bien plus: il reste quelque chose de toutes nos pensées passées, et aucune n'en saurait jamais être effacée entièrement (Ibid. § 11).

¹⁾ *Th.* On n'est pas sans quelque sentiment faible pendant qu'on dort, lors même qu'on est sans songes; le reveil même le marque; plus ou a de sentiment de ce qui se passe au dehors et plus on est aisé à être éveillé, quoique ce sentiment ne soit pas toujours assez fort pour causer le réveil. § 14 *Ph.* Il paraît bien difficile de concevoir que dans ce moment l'âme pense dans un homme endormi, et le moment suivant dans un homme éveillé, sans qu'elle s'en resouvienn. *Th.* Non seulement cela est aussi à concevoir, mais même quelque chose de semblable s'observe tout les jours pendant qu'on veille; car nous avons tous les jours des objets qui frappent nos yeux ou nos oreilles, et par conséquent l'âme en est touchée aussi, sans que nous y prenions garde, par ce que notre attention est baudée à d'autres objets jusqu'à ce que l'objet devienne assez fort pour l'attirer à soi en redoublant son action ou par quelque autre raison; c'était comme un sommeil particulier à l'égard de cet objet-là, et ce sommeil devient général, lorsque notre action cesse à l'égard de tous les objets ensemble. (Ibid., § 13, 14).

не вся мозговая дѣятельность; но могли бы прекратиться тѣ функціи, которыя по природѣ своей служатъ сознанию—функціи психофизическія. Эти функціи могли бы совершенно остановиться во время сна безъ сновидѣній, и такое возрѣніе до сихъ поръ могло казаться самымъ естественнымъ. Но противъ него говорить, во первыхъ, потребность сохранить психофизическую связь возрастающей глубины сна съ возвышеніемъ сознания во время бдѣнія. Если психофизическая дѣятельность совершенно угасаетъ въ моментъ засыпанія, тогда съ наступленіемъ сна психофизическая связь прерывается; наоборотъ, если при засыпаніи психофизическая дѣятельность спускается только до нѣкоторой границы, до нѣкотораго предѣла, тогда, соотвѣтственно возвышенію сознания, и глубина сна находитъ свое выраженіе въ паденіи психофизической дѣятельности ниже этого предѣла. Въ подтвержденіе этого формальнаго требованія являются опыты надъ пробужденіемъ и засыпаніемъ ¹⁾.

И такъ, психофизическая дѣятельность во время сна только падаетъ ниже извѣстнаго предѣла, но не прекращается совершенно: предѣлъ этотъ есть потеря сознания. Для Фехнера, равно какъ и для Лейбница, бессознательность здѣсь не абсолютная, не нуль, а только относительная, и сила опущеній во время сна различается только количественно отъ ихъ силы во время бдѣнія. Для пробужденія нужно не особаго рода возбужденіе, а только то, чтобы оно достигло достаточнаго напряженія на какомъ бы то ни было полѣ психофизической дѣятельности, точно также, какъ для пробужденія какого-нибудь особаго ощущенія во время бдѣнія нужна извѣстная сила этого возбужденія; а прежде чѣмъ она будетъ достигнута, здѣсь, какъ и тамъ, означенная психофизическая дѣятельность должна расти, но для того, чтобы расти, она должна уже существовать.

Бурдахъ въ нѣкоторомъ смыслѣ мѣтко говоритъ (*Physiol.* III, S. 460), что „еслибы мы слышали и чувствовали не во время самаго сна, а только послѣ пробужденія, то вообще разбудить не было бы возможности“. Но еслибы во время сна мы слышали и чувствовали совершенно также, какъ во время бдѣнія, тогда не было бы никакой разницы между временемъ до пробужденія и послѣ него. И такъ, разница эта можетъ состоять только въ томъ, что до пробужденія пси-

¹⁾ Elemente der Psychophysik. Leipzig. Breitkopf und Härtel. 1860, Th. II. S. 442, 443.

офизическая дѣятельность остается ниже предѣла, а затѣмъ поднимается выше него ¹⁾).

„Въ душѣ“, говорятъ съ своей стороны Лейбницъ, — „должны происходить вещи, которыхъ мы не замѣчаемъ, потому что то, что замѣтно, должно состоять изъ частей незамѣтныхъ; ничто не можетъ возникнуть разомъ: мысль не болѣе чѣмъ движеніе“ ²⁾). Нельзя утверждать, чтобы въ душѣ не происходило ничего такого, чего она не замѣчала бы и не сознавала; такое требованіе, по мнѣнію Лейбница, содержитъ въ себѣ противорѣчіе ³⁾).

Но если во время сна, и то не всегда, прекращается сознательное мышленіе и представленіе, то вопервыхъ, относительно сознательной воли мы въ правѣ сказать то же самое. Въ вторыхъ, какъ я уже замѣтилъ, предположеніе, что во время сна совершенно прекращается сознательная психическая дѣятельность, далеко не есть необходимый выводъ изъ того, что мы не помнимъ нашихъ мыслей и представленій послѣ пробужденія. Опредѣленіе предѣла между бдѣніемъ и сномъ, какъ той точки, на которой прекращается сознательная психофизическая дѣятельность, кажется мнѣ не совсѣмъ удобнымъ, въ виду того, что и во время сна сознаніе прекращается далеко не всегда и не относительно всего, а только относительно вѣшнихъ предметовъ ⁴⁾).

¹⁾ Psychophysik, II Th., 444—445.

²⁾ Nouveaux Essais, Liv. II, ch. 1, § 18.

³⁾ Il n' est pas possible que nous reflexions toujours expressement sur toutes nos pensées; autrement l'esprit ferait reflexion à l'infini sans pouvoir jamais passer à une nouvelle pensée. Par exemple en m'apercevant de quelque sentiment présent je devrai toujours penser que j' y pense, et penser encore que j' y pense d'y penser, et ainsi à l'infini. Mais il faut bien que je cesse de reflexir sur toutes ces réflexions et qu'il y ait enfin quelque pensée qu'on laisse passer sans y penser; autrement on demeurerait toujours sur la même chose (Ibid. § 22).

⁴⁾ Весьма интересно въ этомъ отношеніи слѣдующее замѣчаніе Канта: Gewisse Philosophen glauben, sich ohne den mindesten besorglichen Einspruch auf den Zustand des festen Schlafes berufen zu können, wenn sie die Wirklichkeit dunkler Vorstellungen beweisen wollen, da sich doch nichts weiter hievon mit Sicherheit sagen lässt als dass wir uns im Wachen Keiner von denjenigen erinnern, die wir im festen Schlafe etwa mochten gehalt haben, und daraus nur so viel folgt, dass sie beim erwachen sucht klar vorgestellt worden, nicht als dass sei auch damals, als wir schliefen dunkel waren. Ich vermuthe vielmehr, dass dieselben klärer und ausgebreiteter sein mögen, als selbst die klarsten im Wachen; weil dieses bei der völligen Ruhe ausserer Sinne von einem so thätigen Wesen als die Seele ist zu erwarten ist, wiewohl da die Körper des Menschen zu der Zeit nicht mitempfunden wird, beim Erwachen die begleitende Idee desselben ermangelt, welch dem vorigen

Странно видѣть, что до сихъ поръ не только многіе естествоиспытатели, но и философы смотрятъ на прекращеніе психической дѣятельности во время сна, обморока или смерти, какъ на несомнѣнный фактъ, и въ замѣчаніи, что изъ отсутствія проявленія извѣстнаго фактора нельзя еще прямо заключать о его несуществованіи, они склонны видѣть придирку отживающаго метафизическаго воззрѣнія. Впрочемъ, даже между естествоиспытателями нѣкоторые изъ наиболее извѣстныхъ далеко не раздѣляютъ такого взгляда. Клодъ Бернаръ, напримѣръ, съ замѣчательною ясностью указываетъ на различіе между бытіемъ и проявленіемъ психическихъ функцій ¹⁾. Что касается Шо-

Zustand der Gedanken als eben derselben Person gehörig zum Bewusstsein verhelfen könnte. Die Handlungen einiger Schlafwandlerer, welche bisweilen im solchen Zustand mehr Verstand, als sonst zeigen, ob sie sich gleich nichts davon beim Erwachen erinnern, bestätigen die Möglichkeit dessen, was ich vom festen Schlafe vermuthete. Die Traume dagegen, das ist die Vorstellungen des Schlafenden, deren er sich beim Erwachen erinnert, gehören nicht hierher. Denn alsdann schläft der Mensch nicht völlig; er empfindet in einem gewissen Grade klar, und webt seine Geistes-handlungen in der Eindrücke der äusseren Sinne. Daher er sich ihres zum Theil nachher erinnert, aber auch an ihnen lauter wilde und abgeschmakt Chimären antrefft, wie sie es denn nothwendig sein müssen, da in ihnen Ideen der Phantasie, und die der äusseren Empfindung unter einander geworfen werden. (Sämtl. Werke, II B, 346 S).

¹⁾ По поводу опытовъ трансфузіи крови онъ говоритъ: Ces faits ne nous semblent extraordinaires que parceque nous confondons les causes des phénomènes, avec leurs conditions. Nous croyons à tort que la science conduit à admettre que la matière engendre les phénomènes que ses propriétés manifestent, et cependant nous répugnons instinctivement à croire que la matière puisse avoir la propriété de penser et de sentir (De la physiologie générale. Hachette 1872 p. 80) Si dans une montre on enlevait un rouage on ne concevrait pas que son mécanisme continuât de marcher, mais si l'on restituait ensuite convenablement la pièce supprimée, ou ne comprendrait pas non plus que le mécanisme ne reprit pas son mouvement. Cependant on ne se croirait pas obligé pour cela de conclure que la cause de la division du temps en heures, en minutes et en secondes, manifesté par la montre, réside dans les propriétés du cuivre ou de la matière qui constitue ses aiguilles ou les rouages de son mécanisme. De même, si l'on voit l'intelligence revenir dans un cerveau, et dans une physionomie auxquels on rend le sang qui leur manquait pour fonctionner, on aurait tort d'y voir la preuve que l'intelligence est dans le sang ou la matière cérébrale (p. 81). La matière n'engendre pas les phénomènes qu'elle manifeste. Elle ne fait absolument que donner aux phénomènes leurs conditions de manifestation (p. 156). La sensibilité inconsciente, la sensibilité consciente et l'intelligence sont de facultés que la matière n'engendre pas, mais qu'elle ne fait que manifester (p. 253). Il faut en effet se garder de confondre les fonctions des organes avec les propriétés de la matière organisée. Dans toutes les manifestations de la vie, les fonctions se montrent à nous, comme

пенгауера, то его материалистическое воззрѣніе на интеллектъ кажется мнѣ тѣмъ менѣе извинительнымъ, что оно противорѣчитъ другимъ его взглядамъ, и въ этомъ отношеніи нельзя согласиться даже съ условною похвалою Гартмана ¹⁾, что Шопенгауеръ первый сдѣлалъ разумную, хотя неудачную попытку включить материализмъ въ философію.

Впрочемъ и самъ Гартманъ въ другомъ сочиненіи называетъ этотъ компромиссъ между спиритуализмомъ и материализмомъ „невозможною и неимѣющею значенія попыткой“ (Dieser Versuch ist eben so unzulässig als werthlos). Она не возможна потому, что всѣ доказательства матеріальнаго происхожденія интеллекта точно также пригодны или непригодны относительно воли. Она лишена значенія потому, что при такомъ частномъ сопротивленіи материализму міръ нисколько не дѣлается болѣе понятенъ, чѣмъ при совершенномъ и полномъ материализмѣ ²⁾. Здѣсь не мѣсто разсматривать, на сколько удачна попытка самого Гартмана исправить эту непоследовательность Шопенгауера уступкою материализму всей области сознанія и требованіемъ отъ него безсознательныхъ представленій для спиритуализма ³⁾. Странно только, что и Гартманъ безъ дальнѣйшей критики признаетъ фактомъ положеніе материализма, что всякая сознательная духовная дѣятельность можетъ происходить лишь посредствомъ нормальныхъ функций мозга, тогда какъ положеніе это даже со вставкою сознательная, на ко-

---

des phénomènes métaphysiques que nous ne pouvons rattacher à la constitution de la matière considérée en elle même, tandis que les propriétés organiques au contraire nous apparaissent comme des phénomènes physiques ou physiologiques, qui dérivent directement de la constitution matérielle elle même (p. 267).

¹⁾ Den ersten Versuch den Materialismus in die Philosophie auf verständliche Weise aufzunehmen machte Schopenhauer, und es liegt in diesen Versuche nicht die geringste Theil sowol seines Verdenken, als seiner seit einiger Zeit beginnenden Popularität. Aber sein Compromiss war ein halber, es lass dem Materialismus den Intellect, und reservirte des Speculation den Willen. Diese gewaltsame Zerreiſung ist sein sinwucher Punct, denn wenn dem Materialismus einmal das Bewusste Vortillen und Denken eingraemitist, so hat er yolles Recht, auch das bewusste Fuhles und damit das bewusste Begehren und Wollen in Anspruch zu nehmen, da die Physiologischen Erscheinungen für alle bewusste Geistesthatigkeiten das Gliche aussagen. (Philosophie des Unbewusten, 3. Aufl., 387 S.).

²⁾ Gesammelte Studien und Aufsätze, S. 639, Berlin, 1876.

³⁾ In der That giebt es kein Mittel, als Ignoriren oder spitzfindiges Wegdenken, um der ersten Fundamentalsatz des Materialismus umzustossen; alle bewusste Geistesthatigkeit kann nur durch normale Function des Gehirns zu Stande kommen. (Phil. d. Unbewusten, S. 388).

торую едва ли согласятся настоящіе матеріалисты, все-таки остается однимъ *petitio principii*. Не стану также останавливаться на вопросѣ о томъ, на сколько возможно распространять понятіе безсознательнаго и придавать ему положительное значеніе. Гартманъ совершенно правъ однако въ томъ отношеніи, что, разъ допустивъ безсознательную волю, необходимо допустить и безсознательное представленіе. Если во всей природѣ, не только въ животныхъ, но даже въ растительномъ и въ неорганическомъ мірѣ, гдѣ нельзя предположить сознанія, проявляется воля, то эта воля должна быть безсознательною, какъ это утверждаетъ и Шопенгауеръ; но для того, чтобы сохранить за нею названіе воли, необходимо однако предположить, что она чего-нибудь хочетъ, а такъ какъ въ ней нѣтъ сознанія, то цѣлью ея хотѣнія не можетъ быть мотивъ или сознательное представленіе, а только безсознательное.

Если воля сама по себѣ слѣпа, говоритъ Гартманъ,—то какъ можетъ она сдѣлаться зрячею въ хотѣніи? Если воля, какъ воля, есть безграничное и неразумное стремленіе, то какъ можетъ она быть такою же безграничною и неразумною въ хотѣніи? Какъ можетъ то, что не имѣетъ цѣли, само дать себѣ цѣль, а то, что не имѣетъ опредѣленій, опредѣлить, детерминировать себя? Шопенгауеръ долженъ допустить, что воля, которая чего-нибудь не хочетъ, не есть истинное и дѣйствительное хотѣніе, а развѣ только стремленіе къ хотѣнію; онъ долженъ допустить, что воля, которая чего-нибудь хочетъ, ставитъ себѣ это нѣчто цѣлью или объектомъ хотѣнія, и что эта цѣль не можетъ быть мыслима иначе, какъ въ формѣ представленія, такъ какъ ея задача состоитъ въ томъ, чтобы идеально антиципировать то, что еще не существуетъ. Все это косвеннымъ образомъ допускаетъ и Шопенгауеръ, но смѣшиваетъ хотѣніе, какъ актъ воли, и цѣль этого хотѣнія и забываетъ, что только послѣдняя, а не первый, имѣетъ форму представленія, и что только первый можетъ быть потенциальнымъ истеченіемъ воли, цѣль же должна быть особымъ, противоположнымъ волѣ, но равноправнымъ съ нею и необходимымъ принципомъ, и никогда идея не можетъ быть произведеніемъ безыдейнои воли ¹⁾.

Гартманъ правъ, конечно, полемизируя противъ насильственнаго разрыва между интеллектомъ и волею, который пытается установить Шопенгауеръ. Въ самосознаніи намъ никогда не удастся найти ихъ

¹⁾ См. Studien und Aufsätze, S. 645.

разрозненными: гдѣ есть воля, тамъ есть и то, чего она хочетъ, цѣль, въ которой она стремится, то-есть, представленіе; но съ другой стороны, и воплѣтъ чистое мышленіе найдти не возможно, потому что нельзя себѣ представить, чтобы человѣкъ думалъ о предметахъ совершенно безынтересныхъ для него: почти съ каждою мыслью связанъ хотя бы весьма слабый оттѣнокъ удовольствія или неудовольствія. Во всякомъ случаѣ, гораздо легче представить себѣ мышленіе безъ воли, нежели хотѣніе безъ представленія, такъ какъ хотя не возможно допустить, чтобы мы начали сами думать о чемъ-нибудь для насъ совершенно безынтересномъ, можно себѣ допустить однако, что начатки мышленія происходятъ безъ участія нашей воли, и что такимъ образомъ мы остаемся какъ бы зрителями нашихъ мыслей; нѣчто подобное допускаетъ и самъ Шопенгауэръ въ отношеніи эстетическаго наслажденія.

Рѣзко разграничивая волю и мышленіе, Шопенгауэръ оставляетъ безъ вниманія третью сторону человѣческой природы — способность чувствовать. Для него она не представляетъ ничего опредѣленнаго; подъ словомъ чувство группируется, по его мнѣнію, масса темныхъ понятій, не имѣющихъ между собою ничего общаго. Все то, что обыкновенно называютъ этимъ именемъ—любовь, ненависть, гнѣвъ, дружба, страхъ, и т. д.,—все это только различныя состоянія или аффекты воли. Если мы станемъ разсматривать каждый изъ нихъ, мы, дѣйствительно, прійдемъ къ заключенію, что ихъ можно раздѣлить на два разряда: одни изъ нихъ намъ пріятны, доставляютъ намъ наслажденіе, и мы хотимъ ихъ, другія, наоборотъ, вызываютъ страданіе и мы ихъ избѣгаемъ, не хотимъ. Такимъ образомъ, всѣ наши чувства являются неразрывно связанными съ волей, и поэтому легко можетъ прійти въ голову разсматривать ихъ какъ аффекты или состояніе нашей воли.

Каждый по опыту знаетъ однако, что воля опредѣляется чувствомъ, а не на оборотъ. Мы хотимъ одного, потому что оно намъ пріятно, и избѣгаемъ другаго, потому что оно намъ непріятно. Все то, о чемъ мы не знаемъ, доставитъ ли оно намъ удовольствіе, или страданіе, оставляетъ нашу волю спокойною, совсѣмъ не афицируетъ ея; но какъ только отношеніе такихъ предметовъ къ нашему чувству опредѣлится, мы начинаемъ стремиться къ нимъ или избѣгать ихъ. Это было бы, очевидно, невозможно, если бы чувство опредѣлялось волею, потому что все то, относительно чего она не имѣла бы опредѣленной склонности сначала, всегда должно было бы оставаться для нея безразличнымъ.

Каждый легко отвѣтитъ на вопросъ, почему онъ хочетъ того или другаго, потому что оно доставляетъ ему удовольствіе,—и почти всегда подразумѣвая это, укажетъ на то свойство предмета, которое вызываетъ въ немъ это удовольствіе. Если спросить, напримѣръ, ребенка—почему онъ хочетъ сахара, онъ отвѣтитъ: потому что онъ сладкій; но если спросить его—почему онъ хочетъ или любитъ сладкое, то не только ребенокъ, но и взрослый, вѣроятно, затруднится отвѣтить. Это весьма естественно. Всякое чувство есть фактъ внутреннего сознанія и потому не можетъ быть опредѣлено, ни объяснено никакимъ инымъ путемъ.

Въ сознательныхъ дѣйствіяхъ отношеніе между чувствомъ и волею совершенно ясно: положимъ, напримѣръ, что человѣку предлагаютъ кушанье, котораго онъ никогда не ѣдалъ; онъ пробуетъ его не потому, чтобъ ему хотѣлось ѣсть (я предполагаю, что онъ не голоденъ), а потому, что хочетъ узнать его вкусъ; положимъ, оно ему понравится, тогда онъ будетъ ѣсть его и въ другой разъ, потому что знаетъ, что оно вкусно. Такихъ примѣровъ можно набрать множество; но перейдемъ къ другому случаю, который, на первый взглядъ, сложнѣе. Человѣку голодному, напримѣръ, пища доставляетъ удовольствіе не потому, что она имѣетъ пріятный вкусъ, а потому, что ему хочется ѣсть: то же самое можно сказать относительно всѣхъ инстинктовъ: здѣсь по видимому, не воля опредѣляется чувствомъ, а чувство волею; но разсмотрѣвъ дѣло внимательнѣе, и здѣсь мы найдемъ обратное отношеніе.

Справедливо, что когда человѣкъ хочетъ ѣсть, пища независимо отъ ея вкуса доставляетъ ему удовольствіе; но дѣло въ томъ, что это хотѣніе опредѣляется уже чувствомъ голода, и если бы не было этого чувства, не было бы и удовольствія отъ насыщенія. Но если человѣку проголодавшемуся дать вкусную пищу, удовольствіе, которое онъ будетъ испытывать, будетъ больше и составитъ изъ двухъ элементовъ—утоленія голода и наслажденія вкуса. Что не только удовольствія вкуса, но даже страданія голода не могутъ быть объяснены волею къ жизни, и что они не находятся съ нею въ непосредственной связи, доказывается и тѣмъ, что во время болѣзни чувство это иногда совершенно исчезаетъ, и больнаго приходится кормить противъ воли для поддержанія силъ.

Итакъ, воля всегда должна хотѣть чего-нибудь, къ чему-нибудь стремиться, воля, которая ничего не хочетъ, есть *contradictio in adjecto*. Если же признать, что она хочетъ самой себя, хочетъ жизни,

что она по природѣ своей есть *Wille zum Leben*, такого допущенія будетъ еще далеко недостаточно, чтобъ опредѣлить всѣ ея аффекты и понять, какимъ образомъ она можетъ часто находить пріятными вещи, которыя не только не поддерживаютъ жизни, но на оборотъ, способствуютъ разрушенію организма.

Ученіе о главенствѣ воли въ самосознаніи, какъ оно ни шатко само по себѣ, составляетъ однако краеугольный камень философіи Шопенгауэра. Въ самомъ дѣлѣ только отсюда переноситъ онъ это понятіе на цѣлый міръ, хотя при такомъ перенесеніи оно должно, конечно, значительно расширяться и измѣняться.

Простое эмпирическое изслѣдованіе природы обнаруживаетъ уже, говоритъ Шопенгауэръ,—постоянный переходъ отъ самыхъ простыхъ и необходимыхъ проявленій какой-нибудь общей силы природы до человѣческой жизни и сознанія черезъ послѣдовательный рядъ ступеней, имѣющихъ также относительныя и болѣею частью колеблющіяся границы. Развивая этотъ взглядъ и стараясь проникнуть глубже, мы скоро прійдемъ къ заключенію, что внутренняя сущность, которая проявляется и обнаруживается во всѣхъ этихъ явленіяхъ и выступаетъ все яснѣе, — вездѣ одна и та же, такъ что все то, чтѣ представляется въ милліонахъ образовъ безконечнаго разнообразія и даетъ самое пестрое и дикое зрѣлище, не имѣющее ни начала, ни конца, все это есть то же единое существо; оно спрятано за всѣми этими масками и такъ плотно закутано, что само уже не узнаетъ себя и потому часто жестоко обращается съ самимъ собою. Вотъ почему великое ученіе объ *in kai pan* рано выступило и на Востокѣ, и на Западѣ, удержалось или по крайней мѣрѣ снова возобновляется, не смотря на всѣ противорѣчія ¹⁾. Это единое существо, какъ мы уже видѣли, для Шопенгауэра есть воля; рассматриваемая отдѣльно отъ ея проявленій, она находится внѣ времени и пространства и потому не знаетъ множественности, и слѣдовательно, едина; однако, она едина не какъ индивидуумъ или какъ понятіе, а какъ нѣчто такое, чему чужды условія и возможность множественности, чуждо *principium individuationis* ²⁾. Воля, какъ вещь о себѣ, находится вся нераздѣльно въ каждомъ существѣ, также какъ центръ есть неотъемлемая часть всякаго радіуса, пока периферическая часть этого радіуса вмѣстѣ съ поверхностью, которая соотвѣтствуетъ времени и его содержанію, находится

¹⁾ Welt als Wille, II, 361—362.

²⁾ Welt als Wille, I, 152.

въ самомъ быстромъ вращеніи, другой его конецъ у центра, слѣдовательно, тамъ, гдѣ находится вѣчность въ глубокоемъ покоѣ; это потому, что центръ есть тотъ пунктъ, поднимающаяся половина котораго не отличается отъ опускающейся ¹⁾).

Кромѣ единства, воля, какъ трансцендентная сущность, отличается отъ индивидуальной тѣмъ, что она не можетъ опредѣляться внѣшними мотивами, такъ какъ внѣ ея ничего не существуетъ, и потому она обладаетъ способностью безусловнаго самоопредѣленія, безусловною свободой, тогда какъ индивидуальная воля, проявляясь въ пространствахъ и времени, должна подчиняться ихъ законамъ, и каждый отдѣльный поступокъ ея строго необходимъ. Я не стану теперь излагать это ученіе, потому что мы вернемся къ нему при разборѣ этики Шопенгауэра; замѣчу только, что оно представляетъ явное сходство съ пантеизмомъ Спинозы. Хотя Шопенгауэръ и указываетъ на основное различіе между его системой и пантеизмомъ, состоящее въ томъ, что онъ признаетъ только первую половину положенія *eu kai pau*, а вторую *pau θεος* совершенно отвергаетъ, какъ нелѣпость, это различіе относительно Спинозы не имѣетъ значенія, потому что и у него самъ Богъ получаетъ чисто условный смыслъ, въ сущности гораздо болѣе близкій къ понятію абсолютнаго, нежели къ тому, что разумѣется подъ этимъ именемъ въ теизмѣ. Я нисколько не намѣренъ навязывать системѣ Шопенгауэра названія пантеизма, а замѣчаю только, что это названіе, строго говоря, не примѣнимо и къ системѣ Спинозы.

Сходство между ними станетъ еще яснѣе, когда мы вспомнимъ, что истинною сущностью вещи Спиноза считаетъ то усиліе, посредствомъ котораго она стремится сохранить свое существованіе (*Eth.* III par., pr. 7), и что усиліе это, на сколько оно сознано и относится къ душѣ, называется волею; когда же оно касается и души, и тѣла, оно называется стремленіемъ (*appetatus*), а желаніе есть сознательное стремленіе (*ibid.* Pr. *Sebat.*) (*Ib.* 56). Еще менѣе выражаетъ Спиноза ту же мысль въ 56 Pr. III, г.

Дѣлая настоящее сближеніе, я вовсе не намѣренъ разсматривать того, на сколько ученіе Спинозы могло, прямо или косвенно, черезъ Шеллинга ²⁾ отразиться на взглядахъ Шопенгауэра; я хочу сказать

¹⁾ *Ibid.*, II, 371.

²⁾ Es giebt in der letzten und höchsten gar kein anderes Seyn als Wollen. Wollen ist Urseyn, und auf dieses allein passen alle Prädicate desselben: Grund-

только, что обѣ системы, выходя изъ абсолютнаго единства сущаго, не могутъ дать объясненія тождественности явленій, и переходъ отъ *natura naturam* къ *naturam naturatam*, и объективациа единаго въ множествѣ организмовъ оказываются одинаково непостижимыми. Справедливо, что относительно пространства и времени мы не можемъ представить себѣ никакой множественности; но отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобъ ихъ было достаточно для объясненія этой множественности, если являющееся въ нихъ едино. Сравненіе Шопенгауэра съ калейдоскопомъ и съ волшебнымъ фонаремъ, который даетъ самыя разнообразныя образы, не смотря на единство освѣщающаго ихъ пламени, ничего не объясняетъ, такъ какъ для того, чтобы намъ являлись разныя образы въ волшебномъ фонарѣ, необходимо, чтобы картины въ немъ перемѣнялись, хотя свѣтъ и можетъ оставаться тотъ же самый. Можно представить себѣ, что весь внѣшній міръ, какъ мы его видимъ, обусловливается формами самаго познанія. Но нельзя допустить, чтобъ измѣненія представленія зависѣли исключительно отъ самаго неизвѣстнаго, представляющаго субъекта. Если мы отрицаемъ всякую реальную множественность и всякое реальное измѣненіе во внѣшнемъ мірѣ, какъ причину соответствующихъ измѣненій нашего сознанія, необходимо допустить по крайней мѣрѣ, что измѣняется отношеніе этого внѣшняго *x* къ нашему сознанію; но и для этого надо признать по крайней мѣрѣ его дѣйствительность хотя бы совершенно неопредѣленною, какъ это и дѣлаетъ Кантъ; это необходимо, потому что для измѣненія отношенія, надо чтобъ оно существовало, а всякое отношеніе предполагаетъ по крайней мѣрѣ два предмета. Но и такой множественности не можетъ объяснить намъ монизмъ; онъ долженъ или приписать его по крайней мѣрѣ потенціально своему первому началу, черезъ чтò перестаетъ быть монизмомъ, или предположить это начало совершенно безразличнымъ, и тогда становится невозможною множественность даже въ явленіяхъ. И Шопенгауэръ, и Спиноза, какъ мы видѣли, выходятъ въ настоящемъ случаѣ изъ одинаковыхъ посылокъ и потому должны бы прійти послѣдовательно къ одинаковымъ заключеніямъ, но тогда какъ Спиноза, развивая свою монистическую теорію, приходитъ къ заключенію чистой феноменальности индивидуумовъ, исключаящей всякую ихъ самостоятельность, и слѣ-

---

losigkeit, Ewigkeit, Unabhängigkeit von der Zeit, Selbsbejahung. Die ganze Philosophie strebt nur dahin, diesen höchsten Ausdruck zu finden (*Schelling's Werke*, I Abth., 7 B., S. 350).

довательно, и свободу и отвѣтственность, Шопенгауэръ не можетъ рѣшиться вполне признать это заключеніе и напрасно пытается избѣгнуть его. Это стараніе сохранить во что бы то ни стало хотя тѣнь индивидуальной самостоятельности доводить его до сознанія, котораго трудно было ожидать отъ него.

Указанное здѣсь единства воли, въ которомъ мы узнали сущность феноменальнаго міра, говоритъ онъ,—лежитъ по ту сторону явленія; это единство метафизическое, и потому познаніе его трансцендентно, то-есть, основано не на функціяхъ нашего интеллекта, а потому, собственно говоря, не можетъ быть понято съ ихъ помощью. Вотъ почему оно открываетъ для изслѣдованія пропасть, глубина которой не допускаетъ уже совершенно яснаго и вполне послѣдовательнаго взгляда, а позволяетъ только иногда бросить въ нее взоръ и увидѣть его въ томъ или другомъ отношеніи вещей — то въ субъективномъ, то въ объективномъ; а черезъ это опять возникаютъ новыя задачи, которыя я не берусь всѣ разрѣшить, и на оборотъ, ссылаюсь на всѣ *quadam proderi tempus*, стараясь болѣе о томъ, чтобы не выставить чего-нибудь ложнаго, произвольнаго или вымышленнаго, нежели о томъ, чтобы все объяснить¹⁾.

Конечно, странно было бы требовать отъ философа, чтобъ онъ разрѣшилъ всѣ задачи, даже тѣ, за рѣшеніе которыхъ онъ и не брался; но мы въ правѣ требовать отъ него, чтобы между тѣми, которые онъ даетъ, не было противорѣчій, чтобъ онъ не выдавалъ за факты положеній, другъ друга исключających; а таковы именно и теорія единства воли при множественности индивидуумовъ и самостоятельнымъ умопостигаемымъ характеромъ.

Я кончу эту главу словами Гартмана, который ясно выражаетъ эту особую сторону философіи Шопенгауэра, хотя и самъ не могъ избѣгнуть подобной же трудности. „Въ умопостигаемомъ, то-есть, въ сущности или о себѣ вещей нѣтъ никакой множественности, а слѣдовательно, нѣтъ и индивидуумовъ; или есть индивидуальное существо, находящееся выше явленія,—тогда монизмъ ошибоченъ, и его слѣдуетъ замѣнить плюрализмомъ или монадологизмомъ; или недѣлимость всеединой воли справедлива, и тогда признаніе уже постигаемаго индивидуальнаго характера и трансцендентной свободы этого умопостигаемаго характера есть явное противорѣчіе. Всеединое существо не

¹⁾ Welt als Wille, II, 267—268.

можетъ, конечно, не быть свободнымъ, такъ какъ внѣ его нѣтъ ничего, чѣмъ оно могло бы опредѣляться; но эту свободу (не исключаящую внутренней необходимости) знаетъ и Спиноза; она нисколько не касается индивидуума. Индивидуальный характеръ начинается только тѣмъ, что Шопенгауэръ называетъ эмпирическимъ характеромъ, но что касается послѣдняго, то детерминизмъ относится одинаково, какъ къ его дѣйствіямъ, такъ и къ его бытію, такъ какъ онъ есть то, что онъ есть, потому что недѣлимая воля полагаетъ его таковымъ, и нельзя признать безъ противорѣчія, что индивидуальный характеръ избираетъ себѣ свою сущность прежде бытія ¹⁾.

---

¹⁾ Studien und Aufsätze, 647—648.

Князь Д. Церетелевъ.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКАГО ГОСУДАРСТВА ¹⁾.

Властели, монастыри и сборщики податей въ XI и XII
вѣкахъ.

I.

Весьма важный источникъ для изученія государственнаго и соціальнаго быта Византіи въ началѣ XI вѣка, то-есть, въ тотъ нѣсколько глухой періодъ между прекращеніемъ мужской линіи Македонскаго дома и возшествіемъ на престолъ Комниновъ, когда почти совсѣмъ прекратилась законодательная дѣятельность императорской власти, представляютъ намъ нѣкоторые частные юридическіе свѣдѣнія и духовные памятники. Въ нихъ слѣдуетъ искать указаній на то, какъ примѣнялись въ жизни постановленія о крестьянскомъ и властельскомъ землевладѣніи, о монастырскихъ имуществахъ и т. д., какъ сложились сословныя отношенія послѣ семидесятилѣтней борьбы между чиновно-землевладѣльческою аристократіей и государственною властію, взявшею на себя трудную задачу защищать убогихъ то-есть, свободную крестьянскую общину. Слѣдуя хронологическому порядку, мы прежде всего останавливаемся на любопытномъ сборникѣ, называемомъ по гречески Πάφα, что собственно означаетъ судебные обычаи, судебную практику или совокупность юридическихъ актовъ, которыми проводится примѣненіе началъ права къ практическимъ случаямъ. Въ данномъ случаѣ разумѣются судебная практика и судебныя рѣшенія одного знаменитаго юриста, жив-

---

¹⁾ См. *Жур. Мин. Нар. Пр.* за мартъ 1879 года.

шаго въ концѣ X и въ началѣ XI вѣка, именно Евстаѳіа Романа, сохраненныя и переданныя намъ однимъ изъ его почитателей. Авторъ сборника по имени неизвѣстенъ, но по всѣмъ признакамъ самъ былъ ассессоромъ, а потомъ и судьей въ одномъ изъ столичныхъ константинопольскихъ судовъ ¹⁾. Полагаютъ, что ему принадлежитъ одно судебное рѣшеніе (*συνείσιμα*), направленное противъ нѣкоего Каниклина, тоже судьи, и напечатанное Леунклавіемъ. Составитель рѣшенія говоритъ о себѣ, что онъ семнадцать лѣтъ служилъ господину своему, мистіку (то-есть, Евстаѳію Роману), когда тотъ былъ еще квесторомъ. Такимъ образомъ, время его жизни приходилось бы около половины XI вѣка, когда въ самомъ дѣлѣ и написано занимающее насъ сочиненіе. Въ двухъ мѣстахъ этого сочиненія императоръ Романъ Аргиропулъ (1026—1034 гг.) называется блаженнымъ (*μακαρίτης*), а такой эпитетъ обыкновенно прилагается только къ недавно умершимъ лицамъ. Сочинитель далѣе имѣлъ предъ глазами синодальное постановленіе патріарха Алексѣя, который занималъ патріаршій престолъ при только что названномъ государѣ; а также имѣлъ возможность изучать сочиненія юриста Гариды, прославившагося при Константинѣ Дукѣ (1059—1067 гг.). Юридическіе случаи, о которыхъ сообщаетъ авторъ, начинаются съ половины X вѣка и доходятъ только до времени Романа Аргиропула. Евстаѳіа Романа, который былъ еще живъ въ 1025 году, нашъ авторъ хотя и не называетъ „блаженнымъ“, но превозноситъ его такими похвалами, какія приличны и возможны только по отношенію лицу, не находящемуся въ живыхъ.

Составъ сборника—двойной. Въ немъ содержится изложеніе разныхъ затруднительныхъ юридическихъ случаевъ и рѣшеніе ихъ тѣмъ славнымъ законовѣдомъ и юристомъ, при которомъ такъ долго состоялъ авторъ какимъ-то помощникомъ, при чемъ сообщаются и самыя мотивы рѣшенія. Сверхъ того, въ сборникѣ буквально приводятся, и притомъ въ большомъ изобиліи, простыя выписки изъ Василикъ (византійскаго свода законовъ); выписываются статьи, которыя могли бы служить въ качествѣ ссылокъ при рѣшеніи дѣлъ. Цахаріэ

¹⁾ О Псіра, ея происхожденіи, составѣ, и объ ея авторѣ см. статью Цахаріэ въ *Schneider's Kritische Jahrbücher* 1847, pag. 597—613; изъ которой многое заимствуетъ и Геймбахъ въ своей Исторіи византійскаго права, помѣщенной въ Энциклопедіи Эриа и Грубера. Ср. *Азаревича*, Исторія византійскаго права (Ярославль, 1877), II, 264 и сл.

теперь думаетъ, что тамъ, гдѣ въ „Практикѣ“ называется патрикій Евстаѳій, и просто патрикій, магистръ, мистивъ, друнгарій, ὁ βέστωρ, квесторъ, ὁ ἐξάκτωρ, судья, — подъ всѣми этими титулами рѣчь идетъ все объ одномъ и томъ же лицѣ: тутъ мы имѣемъ какъ бы послужной списокъ Евстаѳія, прошедшаго постепенно всѣ эти должности и званія. Несомнѣнно, что компиляторъ пользовался при составленіи своего сборника однимъ собственнымъ трудомъ Евстаѳія. Извѣстно, что Евстаѳій самъ собралъ и еще при своей жизни издалъ свои реляціи и рѣшенія (ὁπόμνημα), и они то и были въ рукахъ нашего автора. Изъ немногихъ другихъ скудныхъ данныхъ, относящихся къ біографіи знаменитаго юриста, для насъ не лишнее интереса упоминаніе о „магистрѣ Евстаѳіи“ въ новеллѣ Василія II (996 года): такъ какъ тутъ рѣчь идетъ несомнѣнно все о томъ же великомъ юристѣ, который далъ матеріалъ для „Практики“, то оказывается, что Евстаѳій принадлежалъ къ знатной властельской фамиліи Малейновъ и былъ сыномъ Константина Малейна¹⁾. Далѣе, изъ самой „Практики“, собранной анонимнымъ ученикомъ Евстаѳія, мы узнаемъ, что Василій II въ своей грозной для властелей новеллѣ пересчиталъ далеко не всѣхъ предковъ магистра Евстаѳія: еще прадѣдъ (πρόπαππος) его былъ членомъ одного императорскаго судилища, и слѣдовательно, сановнымъ лицомъ (Παῖρα τίτ. 30 § 76). Вотъ болѣе несомнѣнныя данныя, по которымъ можно прослѣдить судебную карьеру Евстаѳія — по порядку. Онъ былъ съ начала, по видимому, при Никифорѣ Фокѣ, ἀπὸς κριτής (простой судья): Παῖρα т. 30 § 75. т. 44 § 1. За тѣмъ:

ἐξάκτωρ т. 44 § 1.

κοισίστωρ т. 16 § 20; т. 51 § 2.

πρωτοσπαθάριος т. 61 § 4.

μυστικός т. 65 § 1.

μαγίστρος καὶ πατρικίος Novell. Basil. 996. и ὁπόμνημα у Леункливи 1025 года.

Евстаѳій дожилъ до глубокой старости. Его судебныя рѣшенія, по свидѣтельству новѣйшихъ знатоковъ римскаго и византійскаго права, отличаются обширнымъ знаніемъ законовъ, при чемъ онъ пользовался всѣми вспомогательными средствами интерпретаціи. Въ

¹⁾ См. въ первой нашей статьѣ: мартовская книжка *Журнала Мин. Нар. Просвѣщ.* за 1879 г. стр. 217.

сходяхъ къ Василикамъ встрѣчаются нерѣдкія ссылки на него; кромѣ того, отъ Евстаѳіа сохранился фрагментъ περί ὀποβολῶν и т. п.

Согласно съ своимъ содержаніемъ, „Практика“ даетъ намъ прежде всего ясное представленіе о томъ, какъ прилагались въ X и XI вѣкахъ начала права къ практическимъ случаямъ. Главною задачею автора было представить тогдашнюю юриспруденцію или, какъ говорить новые Греки, номологию (Νομολογία). Практическими источниками права въ Пѣтра являются Василики (τὰ βασιλικά, οἱ βασιλικοὶ δέκτοι τὸ ἕδραφос τῶν νόμων) и новеллы Льва, Романа и Василия II. Только въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, въ судахъ высшихъ инстанцій, при интерпретаціи отдѣльных мѣстъ закона, дѣлаются ссылки частію вообще на Юстиніановы законныя книги (ἀνακτάματα τῶν νόμων Юстиніана), частію на ихъ греческіе полные или буквальные переводы (πλάτος Стефана, πλάτος τῶν κωδίκων или κατὰ πόδας Θεοδорея), или же сокращенныя изложенія (Кирилла и Θεодора). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ясно, что эти творенія употреблялись въ оригиналѣ на ряду съ Василиками (XVI § 9); въ иныхъ случаяхъ остается сомнительнымъ, не слѣдуетъ ли относить приводимыя ссылки къ заимствованіямъ изъ сходій къ Василикамъ, которыми несомнѣнно пользовался составитель „Практики“. Что касается примѣненія этого матеріала и этихъ источниковъ, то авторитетныя ученые полагаютъ, что, судя по реляціямъ въ Пѣтра, нельзя утверждать, чтобы судьи вообще вполне владѣли ими и умѣли надлежащимъ образомъ распоряжаться; напротивъ, они болшею частію выхватываютъ изъ Василикѣхъ односторонне отдѣльныя мѣста и примѣняютъ ихъ къ конкретнымъ фактамъ, не имѣя даже предчувствія о здоровой интерпретаціи и органической связи законовъ и правовыхъ институтовъ; иногда ихъ рѣшенія являются совершенно произвольными. Впрочемъ, не было недостатка и въ дѣльныхъ юристахъ, особенно среди персонала высшаго императорскаго судилища; Евстаѳій является наиболѣе блистательнымъ ихъ представителемъ.

Само собою разумѣется, что въ „Практикѣ“ встрѣчается не мало указаній на византійское судебное устройство X и XI вѣка. Въ каждой отдѣльной провинціи (темѣ) на ряду съ воеводами (стратигами), вѣдѣнію которыхъ подлежитъ военная и гражданская администрація, на ряду съ многочисленною толпою фискальныхъ чиновниковъ, зависящихъ отъ главнаго приказа въ Константинополѣ, играть важную роль областныя судьи (θεματικοὶ δικασταὶ или κριταί). Въ частности упомянуты въ „Практикѣ“ судья Месопотаміи (7 § 16)

и судьи Пелопонниса и Эллады, то-есть, соединенныхъ двухъ старинныхъ областей этого имени (51 § 25, 64, 6). Одивъ изъ послѣднихъ оставилъ послѣ себя ту память въ исторіи и еще болѣе въ филологіи, что на какомъ-то судебномъ рѣшеніи подписалъ свой титулъ не совсѣмъ правильно и допустилъ грамматическую ошибку, именно—начерталъ слово Эллада съ тонкимъ, а не густымъ придыханіемъ ('Ελλάδος въ мѣсто 'Ελλάδος). Документъ, на которомъ обнаружилась такая погрѣшность, именно на этомъ самомъ основаніи былъ отвергаемъ одною изъ тяжущихся сторонъ, какъ подложный, какъ будто предполагалось, что судья не въ состояніи былъ сдѣлать ошибки въ правописаніи; но Евстаѳій нашель, что несправедливо было бы заставлять владѣльца документа поплатиться за легкую погрѣшность, которую судья могъ сдѣлать просто потому, что занятъ былъ при подписаніи своего имени другими мыслями.—Областные судьи, по видимому, все еще имѣли право и обычай поручать простымъ частнымъ лицамъ разборъ отдѣльныхъ не особенно важныхъ дѣлъ; такіе судебскіе делегаты называются *χαριδικασταί* (= *judices pedanei*). Апелляціи на рѣшенія судебныхъ палатъ провинціальныхъ поступаютъ въ верховное императорское судилище (*τὸ αὐτοκρατορικὸν δικαστήριον* или *βῆμα*), членами котораго состоятъ высшіе сановники имперіи и должностныя лица; въ „Практикѣ“ поименованы патриціи, протоспаеарин, друнгарій—то-есть, начальникъ царской стражи, магистръ, городской эпархъ, квесторъ, *ὁ ἐπὶ καυκλείου* (завѣдывающій царскою чернилицей), *ἐξάκτωρ* (финансовый чиновникъ) и *πολίτικοι δικασταί*. Верховное судилище собирается въ засѣданія, которыя называются селенціумами (*σελέντιον*), по приглашенію самого государя, который въ нихъ самъ и предсѣдательствуетъ; а въ случаѣ его отсутствія предсѣдательствуетъ эпархъ, а послѣ—друнгарій царской стражи, являющійся важнымъ судебнымъ сановникомъ уже въ нашей „Практикѣ“. Рѣшеніе, принятое въ отсутствіи царя, непременно ему докладывается и получаетъ отъ него утвержденіе (49 §§ 4, 26. 63 § 4). Множество исковъ вчиналось обращеніемъ къ лицу монарха—суппликаціями или прошеніями на высочайшее имя (*δεήσεις*), и не смотря на разныя запрещенія, мало имѣвшія силы въ виду утвердившихся воззрѣній и обычая, даже съ обходомъ надлежащихъ судебныхъ инстанцій. Таковаго рода дѣла тоже могли разсматриваться въ верховномъ судилищѣ, гдѣ они уже рѣшались въ первой и послѣдней инстанціи; но гораздо чаще они поручались особымъ судебнымъ комиссіямъ. Еще Юстиніанъ именно съ этою цѣлію учредилъ двѣнадцать божественныхъ, то-есть,

императорскихъ судей (θεῖοι δίκασταί), которые имѣли свое пребываніе въ столицѣ и получали опредѣленное содержаніе. Одному или двумъ изъ этихъ двѣнадцати высшихъ судей и поручались дѣла, возникавшія вслѣдствіе просьбъ къ государю; впрочемъ, во главѣ подобныхъ судебныхъ комиссій въ „Практикѣ“ являются иногда и другія лица, сановники и простые чиновники— даже второстепеннаго значенія (ἀσάτωρ). Входя въ составъ верховнаго апелляціоннаго судилища, разбирая извѣстныя дѣла въ комиссіяхъ по уполномочію всякій разъ императора, „божественные судьи“ имѣли также и свою опредѣленную юрисдикцію по отношенію къ городскому населенію Константинополя; они суть мѣстные судьи самой столицы— впрочемъ, нужно думать, только по дѣламъ гражданскимъ. Ради того, со времени Евстація, они уже имѣли свои особыя присутственныя мѣста (келліи, κελλίαι) на городскомъ ипподромѣ, отъ чего послѣ стали называться судьями на ипподромѣ. Къ высшимъ судамъ столичнымъ принадлежить также судъ эпарха, которому собственно перешли по наслѣдству функціи и городского префекта, и префекта преторія. Благодаря одной сторонѣ наслѣдства, онъ предсѣдательствуетъ въ верховномъ судилищѣ за отсутствіемъ царя; благодаря наслѣдству отъ городского префекта онъ уже въ „Практикѣ“ является спеціальнымъ судьей ремесленнаго городского населенія. Квесторъ, стоявшій во главѣ тоже отдѣльной судебной палаты, является въ „Практикѣ“, какъ судья, юрисдикціи котораго подлежатъ дѣла по завѣщаніямъ и по наслѣдствамъ; онъ или же его помощникъ назначаютъ опекуновъ малолѣтнимъ сиротамъ. Кромѣ того, разные сановники имѣли свою собственную административную юрисдикцію надъ подчиненными имъ чиновниками и другими лицами, находящимися подъ ближайшимъ ихъ надзоромъ. Отчасти съ этой точки зрѣнія нужно объяснять слѣдующее любопытное мѣсто въ „Практикѣ“ (51, 29): „Одни изъ людей состоятъ при (царскихъ) дверяхъ (служать тѣлохранителями) и подлежатъ суду протоверіарія и начальниковъ иностранныхъ дружинъ (ἐταρραρχίας); другіе плаваютъ по морю и подлежатъ вѣдѣнію приморскаго судьи (παρθαλασσίου), а моряки— друнгарія (то-есть, δρουγγαρίων τῶν πλοῦμων). Люди, занимающіеся ремеслами, судятся у эпарха, а дѣла о завѣщаніяхъ принадлежатъ квестору... Если бы кто имѣлъ дѣло о запрещенныхъ тканяхъ (μηκωλορέων βλατίων) или по поводу какого другаго ремесла и привлекъ бы отвѣтчика на судъ приморскаго судьи, то приговоръ послѣдняго не имѣлъ бы никакой силы“. Сверхъ всего этого, нужно еще предполагать существованіе въ столицѣ другихъ су-

довъ низшей инстанціи, такъ какъ ни судъ епарха съ квесторомъ, ни судъ двѣнадцати императорскихъ судей не могли ни какъ удовлетво- рять всѣмъ потребностямъ въ судѣ огромнаго населенія царегра- скаго, простиравшаго полагаютъ, до одного милліона.

Переходимъ теперь къ тѣмъ даннымъ, которыя ближе касаются главной нашей темы, и прежде всего приводимъ нѣсколько судебныхъ дѣлъ, могущихъ служить къ характеристикѣ властельскаго сословія. Затѣмъ слѣдуютъ выписки, которыя, съ одной стороны, показываютъ, какъ прилагалось въ судебной практикѣ разсмотрѣнное нами въ пред- дущей статьѣ законодательство о крестьянскомъ и властельскомъ зем- левладѣніи, а съ другой—сообщаютъ намъ весьма важныя и драгоцѣн- ныя, но еще требующія разъясненія, данныя о системѣ византійскихъ податей и сборовъ, то-есть, наиболѣе темномъ и трудномъ вопросѣ науки. Поставляя своюю задачею собрать предварительно необходимый и весьма мало изученный матеріалъ для разъясненія подобнаго рода вопросовъ, мы пока не останавливаемся на толкованіяхъ и подро- бностяхъ. Мы полагаемъ, что уже и самый нашъ переводъ, представ- лявшій въ иныхъ случаяхъ большія, почти непреодолимыя труд- ности, можетъ на первый разъ служить пользамъ историческаго изъ- ченія.

На магистра Склира была принесена жалоба священникомъ, что онъ избилъ его бичемъ (*μαγγαβίαις*); но магистръ отрицалъ это; однако священникъ успѣлъ доказать справедливость своей жалобы достато- чными свидѣтелями: они приняли присягу въ томъ, что они видѣли, какъ священникъ былъ битъ, а священникъ далъ письменное пока- заніе, что ему нанесены были побои. Магистръ присужденъ былъ Евстаѳіемъ къ денежной пенѣ въ одну литру (42 § 11).

Сынъ патриція Ваасакія былъ обвиняемъ въ томъ, что онъ уби- лъ насиліе, именно вошелъ на островъ Газуру (*Γαζουράν*) съ боль- шою толпой и отнялъ тамъ и похитилъ много вещей. Когда ма- главить (то-есть, Ваасакій сынъ) отрицалъ это, то магистръ (Евста- ѳій) опредѣлилъ, что обвинители должны доказать показаніями сви- дѣтелей нанесенное имъ насиліе и разбой, и если свидѣтели удосто- вѣряютъ и о насиліи, и о количествѣ похищеннаго, то дѣло рѣшается на основаніи ихъ свидѣтельства и показанія; а если будетъ засви- дѣтельствовано только нашествіе (*ἐπέλευσις*), а количество похищеннаго остается неизвѣстнымъ, то свидѣтели принимаютъ присягу только относительно того, что знаютъ, а судья уже самъ разыскиваетъ до- ходы тѣхъ лицъ, которыя возбудили искъ о насиліи, и сообразно съ

ними, опредѣляетъ вѣроятное количество ихъ потерь, относительно котораго они и приносятъ присягу... Чтò для насъ важно, оказалось, что не только Ваасакій, но и его сотоварищи, люди тоже состоятельные, были признаны виновными въ разбойническомъ нападеніи (—§ 17).

Протоспаерарій Романъ Склизъ учинилъ насиліе надъ крестьянами, сдѣлалъ набѣгъ на ихъ дома; потомъ заключилъ съ ними мировую сдѣлку и далъ обязательство, что онъ уплатитъ имъ золотомъ, а затѣмъ переимѣнилъ свое намѣреніе. Крестьяне снова жаловались и говорили, что они принуждены были къ сдѣлкѣ судьей. Изъ дальнѣйшаго производства обнаружилось, что и здѣсь цѣлю „нашествія“ былъ грабежъ (—§ 18).

Дозорщикъ (ἀπαλακτίτης) Романа Склизы самовольно передалъ участки нѣкоторыхъ крестьянъ, ихъ скотъ и движимое имущество другимъ. Магистръ присудилъ воротить все назадъ съ прибавленіемъ известнаго вознагражденія (—§ 19).

Нѣкоторые лица возбудили обвиненіе въ убійствѣ противъ сына киръ Ваасакія, но оказалось, что убійство было совершено рабомъ, безъ вѣдома манклавита... Евстаеій присудилъ, чтобы рабъ былъ выданъ родственникамъ убитаго, именно его вятю (66 § 28).

Кураторъ одной церкви (τοῦ διακονῆ?) сдѣлалъ нападеніе вмѣстѣ съ народомъ на сборщика податей¹⁾, и хотя никого не убилъ, но нанесъ большіе побои сборщику, а казенное золото, бывшее у этого послѣдняго, было расхищено... (—§ 26).

Кураторъ св. Софій тоже сдѣлалъ нападеніе на одного стратіота, желая согнать его съ церковнаго имѣнія. Въ нашествіи участвовали другіе обыватели; изгоняемый сопротивлялся и ударилъ, впрочемъ не смертельно, одного изъ рабовъ куратора, но потомъ двое рабовъ успѣли вытѣснить его изъ дома; тогда стратіотъ бросился на лошадь, а кураторъ его преслѣдовалъ, крича другимъ: „παῖδια ἄς ἀποδάνη“ (дѣти, пусть онъ умретъ!). Желаніе его исполнилось; стратіота догнали и убили. Послѣ, конечно, дѣло поступило въ судъ (—§ 27).

Рядомъ съ этими примѣрами самоуправства и насилія, приведемъ еще одинъ случай, свидѣтельствующій тоже о грубости нравовъ въ средѣ сословія властелей и представляющій любопытный образецъ простонароднаго браннаго языка въ Константинополѣ. Одинъ кандидатъ, стоя на ипподромѣ, произнесъ хотя и ругательныя, но не очень

¹⁾ χρυσωτῆλῃ Ср. Paell. epistol. 21, 43.

обидныя и жестокія слова противъ протоснаварія Льва: ἐξαιτιὰ δὲ τοῦ ἡφάνισας τὸν κόσμον, а тотъ отвѣчалъ кандидату: κερატὸν κοῦρῆς οἶόν. Затѣмъ послѣдовала драка (61 § 6).

Вотъ данныя другаго рода (9 § 10 и 15 § 10):

„Когда власти судятся объ имѣніяхъ, входящихъ въ составъ крестьянской общины, то каждый получаетъ принадлежащій ему податной (собственно казенный) участокъ, то-есть, то, что вписывается за нимъ въ податной писцовой книгѣ, а относительно остальной податной земли, хотя бы ея было и много (дѣло рѣшается такъ, что) если остается хотя бы одинъ только обыватель (πολίτης=χωρίτης, крестьянинъ), то онъ признается имѣющимъ право владѣть всѣми внесенными въ списки крестьянскими участками, а власти отгоняются отсюда на далекое разстояніе ¹⁾. Такъ разсудилъ магистръ между епископомъ Кратинъ и наслѣдниками патриція Евсевія въ отношеніи селенія Ріакіи (εἰς τὸ χωρίον τῶν Ρῦακίων)“.

„Нѣкто возбудилъ искъ противъ монастыря Нисійскаго, что онъ владѣеть болѣе большимъ количествомъ участковъ (τόπων), чѣмъ это слѣдовало бы по сравненію съ вносимою имъ податью въ его селеніи (ἐν τῷ χωρίῳ αὐτοῦ). Отъ монастыря были представлены запродажный актъ (πρῶσις) и жалованныя грамоты, восходящія за время перваго законоположенія Романа (новелла 922 года); сверхъ того, представлена была выписка изъ писцовой книги (καὶ ἰσοκώδικον ἐγγραφοῦ), которая гласила:

„Часть третья св. Захарія (μέρος τρίτον τοῦ ἁγίου Ζαχαρίου).

„Часть третья Малѳа (μέρος τρίτον τοῦ Μαλθοῦ).

На этихъ основаніяхъ сторона монастырская отыскивала и третью часть селенія, и участокъ, соотвѣтствующій той подати, которую она вносила по писцовой сельской книгѣ (καὶ τὸν τόπον τοῦ δημοσίου, ὅπερ ἐν τῷ ἰσοκώδικῳ τῶν χωρίων ἐτέλου), то-есть, три номисмы 16 милліарсій. Магистръ разсудилъ: „пожертвованными имуществами монастырь владѣеть на тѣхъ же самыхъ правахъ, какія принадлежали прежнимъ владѣльцамъ (жертвователямъ), еслибъ онъ и не имѣлъ собственной податной земли (εἰ καὶ μὴ δημοσίον ἴδιον εἶχε), какъ это опредѣляетъ новая заповѣдь (новелла) царствующаго государя (Василія II). Потому

¹⁾ Tit. IX § 9. ὅτι ὅτε δυνατοὶ δικάζονται περὶ κτημάτων ἀνακοινώσεως ὄντων χωρίταις (Cod. χωρίοις), τὰ μὲν οἰκεία αὐτῶν δημοσία, ἤγουν τὰ ἐν τῷ ἰσοκώδικῳ ἀναγραφόμενα ἕκαστος λαμβάνει, τὰ δὲ λοιπὰ τῶν δημοσίων. . . . . ἐκεῖνος δικαιοῦς εἶναι πάντα τὰ τῶν χωρίων ἐκαστίχια δημοσία и т. д.

на основаніи выраженія и прямого смысла (выписки изъ) податной книги (τοῦ δηροσίου), оказывается равнымъ образомъ принадлежащею монастырю и третья часть окружности селенія (τῆς τοῦ χωρίου περιμέτρου)—безъ всякаго разысканія времени (владѣнія; то-есть, не поднимая вопроса о давности). Потому что монастырская писцовая книга (τὸ τῆς μονῆς ἰσοχρόσιον) представляетъ это владѣніе очень давнимъ и современнымъ самой (первой) переписи¹⁾. Но такъ какъ еще въ прежнія отдаленныя времена лица, завѣдывавшія монастыремъ (οἱ προνοήτες τῆς μονῆς), соединивъ въ одно принадлежавшее имъ, на основаніи разныхъ правъ, —удовольствовались третьею частію, то постановляется, что и впредь монастырь долженъ довольствоваться третьею частію, и потомъ рассмотреть, не владѣетъ ли монастырь болѣшимъ того количествомъ. Оказалось, что монастырь владѣлъ только третьею частію села; и такимъ образомъ обвинитель потерялъ процессъ²⁾.

XV § 10. „Митрополитъ Клавдіопольскій много лѣтъ тому назадъ передалъ имѣніе монастыря Влахны на сторону патриція Евсевія, и когда прошло много времени, митрополитъ возбудилъ предъ магистромъ дѣло объ этомъ имѣніи. Нашедши, что годы, на которые сданъ былъ монастырь, истекли, магистръ присудилъ, что митрополитъ долженъ получить обратно свою собственность съ доходами за три года и подать (δηροσίον), сколько ея, по указанію митрополита, сторона патриція Евсевія окажется не уплатившею³⁾). Но когда передача уже должна была совершиться, возникло сомнѣніе: слились границы двухъ разнородныхъ составныхъ частей монастырской земли, такъ какъ монастырь имѣлъ и свое собственное отдѣльное помѣстье (ιδιόστατον προνόμιον), и общинную долю въ селеніи Ріакіевъ (ἀνακοίνωσιν εἰς τὸ χωρίον τῶν Ῥβακίων). Вслѣдствіе того, снова разбирая дѣло, магистръ опредѣлилъ: пусть собственное отдѣльное помѣстье монастыря (ιδιόστατον κτήμα) будетъ обозначено при помощи не писанныхъ или письменныхъ свидѣтельствъ,—ибо онъ не принялъ представляемый ему πρακτικόν (владѣнную запись) со стороны митрополита, учи-

¹⁾ μακρότερον γὰρ καὶ ἤλικα τοῦτον τῇ κηρῶσει τὸ τῆς μονῆς περίστην ἰσοχρόσιον. Что разумѣется подъ переписью, κηρῶσις, рѣшить трудно. Императоръ Василій II такъ называлъ предполагаемую всеобщую перепись при императорѣ Августѣ (см. его новеллы 996 года).

²⁾ Ср. XIX § 16. Здѣсь говорится слѣдующее: «долгое время владѣли имѣніемъ митрополіи родственники (συγγενῶν) Киръ Евсевія. Когда же митрополитъ Клавдіопольскій одержалъ верхъ и доказалъ, что имѣніе принадлежитъ мона-

ненный нотаріемъ Мануиломъ и судьбою и содержащій опись (καρτοριόν) имѣнія, но не имѣвній ни подписей, ни печати судьи.

Итакъ, онъ опредѣлилъ, чтобы собственное монастырское имѣніе было отмежевано (καριοιοθηῖναι) посредствомъ доказательствъ. А то, что отыскивалось, какъ общинная доля въ селеніи, онъ выдѣлилъ слѣдующимъ образомъ: Онъ нашелъ въ переписной мѣстной книгѣ (ἐν τῇ ἰσοχωδίῳ τοῦ χωρίου), что монастырь владѣть податною землею съ участіемъ въ тяглѣ (ὡς ἀπὸ τελεσμάτος ἔχουσαν τὴν μὲν δημόσιον), но вслѣдствіе перенесенія (ἀπὸ μεταθέσεως) соединяемою съ собственнымъ его помѣстьемъ (ἐνοούμενην εἰς τὸ ἰδιώτατον), и сказалъ, что это принадлежитъ монастырю.— Но представители митрополита противорѣчили и говорили: „вотъ въ статьѣ (или столбцѣ) монастыря (ἐν τῷ στίχῳ τῆς μονῆς) написано: уплатягъ Даниилъ игумень“ (ἐτάλεσε δανιὴλ ἡγούμενος), и ты считаешь это нашимъ; а вотъ и вторая статья съ именемъ Даниила (καὶ ὁ δεύτερος στίχος ἔχει τελεστήν δανιὴλ): почему же ты не считаешь это принадлежащимъ монастырю. Магистръ возразилъ: „въ селеніи много Данииловъ, и если за вами будетъ признано право, брать на себя всѣ тягла (τελοούμενος στίχος), оплаченныя податью отъ имени Даниила, то вы не оставите ничего другимъ (οὐδὲν ἄστυχον ἀφήσετε). Ибо когда составляема была податная книга ¹⁾, то тѣ, которые переписывали писцовыя книги, тщательно наблюдали, чтобы вписывать въ книги властелей, подлежащихъ повинности послѣ царя Льва; слѣдовательно, еслибъ они нашли, что и второй Даниилъ былъ игумень, то они непременно приписали бъ и это слово: „игумень“, и тогда было бы засвидѣтельствовано, что это статья (στίχος) монастыря; но такъ какъ они отбросили (ἐδίωξαν) титулъ игумена, то статья (στίχος) является крестьянскою (χωρικὸς); и поэтому и не могу этотъ участокъ счесть монастырскимъ.—Эти слова оказались какъ бы пророчественными и вполне соответствующими истинѣ. Когда я, по приказанію магистра, отыс-

тырю, то магистръ присудилъ, чтобы имѣніе возвращено было митрополіи съ доходами за три года. Если же члелатея за имѣніемъ какія казенныя недоимки (εἰ δέ τινα δημόσια ὑπὲρ τοῦ κτήματος ὑραστοῦνται), то все это должно быть выскано отъ (бывшаго) владѣльца и. т. д.

¹⁾ Εὐαὶ γὰρ ἰσοχωδικὸν γέγονε... Когда же составляема была или же вновь переписываема податная или писцовая книга? Отвѣтъ на этотъ вопросъ едва ли не заключается въ слѣдующемъ мѣстѣ Кодина, на которое еще никто не обращалъ вниманія. (Annoquum et imperat., series: pag. 156 Bonn). Οὗ χύριος Βασίλειος ὁ πορφυρογέννητας... προτάξας γίνεσθαι τὰ ἰσχωδικὰ ἐτελεσθε ταῦτα ἐν ἔτει 5 φυ (6503=995). Не слѣдуетъ-ли вѣсто безмысленнаго ἰσχωδικὰ читать ἰσχωδίσκα?

каль старинные податные (писцовые) списки (*κατατῶν ἐκστίχων*), то пять статей просто имѣли имя Давида, какъ уплатчика подати (*πέντε μὲν στίχοι εἶχον Δαυιδῆ τελεστήν*), и только одна статья (*στίχος*) имѣла прибавку „шугень“, что удержали и кеністы (*ὅπερ καὶ ἰσοκωδικάριοι ἀπεβέβαλλοντο*). Такимъ образомъ, магистръ опредѣлилъ, чтобы на основаніи писцовой книги, раздѣлены были подати; онъ, сверхъ того, опредѣлилъ, чтобы если монастырь можетъ письменными и не письменными доказательствами выдѣлить (*διαρῆσαι*) собственное имѣніе, то пусть получить оное. А если не можетъ, то пусть изъ раздѣла цѣлаго сельскаго общаго тягла получить количество земли, соотвѣтствующее его податнымъ взносамъ¹⁾. Противъ этого опять вставали представители митрополита: „но и наши противники (*ἀντίδοχοι*) тоже принадлежатъ къ властелямъ; почему же ты оставляешь имъ всю остальную землю села, а не предоставляешь имъ только ихъ собственные податные участки (*τὰ δημόσια*)? Магистръ отвѣчалъ: для того чтобы имъ могла быть выдѣлена ихъ собственная податная земля (*τὰ οἰκεία δημόσια*) и чтобы они получали свои доли. А остальные крестьянскіе участки (*λοιπὰ χωρτικὰ στοιχεῖα*) будутъ отданы крестьянамъ: еслибъ остался только одинъ младенецъ, наследующій отъ простолюдиновъ (*ἐκ τῶν πολιτῶν*), то онъ долженъ получить все и владѣть тѣмъ; ибо онъ имѣетъ предпочтительное предъ всѣми властелями право владѣть податными (*τὰ δημόσια*) землями вымершихъ крестьянъ (*ἐξαλειφθέντων χωρτῶν*).

XXXVI § 23. Здѣсь представляется намъ образецъ податной мѣстной книги, редакция которой, какъ оказывается, представлялась неясною и для самихъ Византійцевъ. „Статью податной книги (*στίχων δημόσιον*) магистръ истолковалъ слѣдующимъ образомъ: *στάσις καμμένη εἰς τὸ αὐτὸ χωρίον συν γῆ*: участокъ, лежащій въ томъ же селеніи съ землею, отдѣленной отъ этого селенія, Эвдома, участокъ вблизи Орофисса, какъ онъ былъ отмѣренъ съ водою и землею, и участокъ Омала (тоу Ο'μαλοῦ) и епископа Скевгеніи (Σκευγένης), киръ Агаѳоника, участокъ Θεοδοσία, участокъ Φίλι (Φήλη), брата его, лежащій въ томъ же селеніи Πλατὰ καὶ στάσις Μιτζοῦ στάσις Χρυσοῦ καὶ μέρος στάσεως Θεοφίλου καὶ Αβραμίου υἱοῦ αὐτοῦ, καὶ στάσις καλλίστου πρᾶ... т... ὀγδοὺν

¹⁾ ἵνα ἐκ τοῦ ὑποτεταγμένου καὶ τῆς ἀνακοινώσεως τοῦ χωρίου τὰ δημόσια διαρῆθωσιν ἐκ τοῦ ἰσοκωδικίου, καὶ διήρθησεν αὐτὰ, καὶ ἐψηφίσατο . . . . . εἰ δὲ οὐ δυναθῆ, ἀπολάβῃ ἐξ ἀνάσασμοῦ τοῦ ὅλου ὑποτεταγμένου τοῦ χωρίου τὴν προσήκουσαν αὐτῇ τῶν δημοσίων αὐτῆς γῆς.

ἐν τῇ αὐτῇ χωρίῳ καμφίλου, περιβολῇ καμένη ἐν τῇ αὐτῇ χωρίῳ διὰ βασιλείου οὐν τόπω λεγομένη πηγαδίφ.—При такомъ выраженіи статьи (οὕτω τοῦ στίχου φράζοντες) было признано, что такъ были обозначены мѣстности (τοποθεσίαι), отдѣльныя одна отъ другой, и что вѣдѣсь объясняется, какъ каждая называется и гдѣ она лежитъ. Первая στάσις, будетъ такая: καμένη ἐν τῇ αὐτῇ χωρίῳ οὐν γῆ ἀποσταθείσῃ ἀπὸ τοῦ αὐτοῦ χωρίου εὐδομα (sic); такъ что предлогъ οὐν означаетъ соединеніе^а и т. д. Дѣло въ томъ, что магистръ Евстаθій насчиталъ тутъ шесть участковъ (στάσεις) и согласно съ тѣмъ раздѣлилъ на шесть частей подать, которая слѣдовала по этой статьѣ; эта подать составляла три номисма, 4 милліарисія и 12 фолловъ, такъ что съ каждой στάσις пришлось по одной съ половиною номисмѣ и 19 фолловъ¹⁾.

XV § 4. Монастырь Пиперата (τοῦ πιπεράτου) былъ, съ начала домомъ одного міранина; потомъ былъ подаренъ одному монаху; этотъ послѣдній, превративъ домъ въ благочестивое учрежденіе (σεμνείον), отдалъ киръ Роману Старшему ранѣе его воцаренія. Романъ, сдѣлавшись царемъ, много поднималъ учрежденіе и отдалъ потомъ Маріану протовестіарію—съ тѣмъ чтобы онъ могъ распоряжаться монастыремъ и принадлежащимъ монастырю, какъ захочетъ. Затѣмъ патриархъ Николай (при Василии II и Константинѣ VIII) сталъ искать подчинить монастырь своей патриархеской власти и владѣнію. Но царь и судья, разбирая дѣло, рѣшили (σημειώσαντο), что патриархъ предъявляетъ несправедливыя притязанія, ибо монастырь, оказался, не былъ записанъ подъ властію патриарха, и поэтому воспрещатьствовали патриарху, говоря, что самыя церковныя законы и древнія постановленія воспрещаютъ то, чего онъ хочетъ, и не позволяютъ отнимать того, что принадлежало самодержавной власти. Если же, вслѣдствіе обычая, и допускалось гдѣ перенесеніе (μετάθεσις) по снисходительности владѣльцевъ, то совершившееся противъ закона не имѣетъ законной силы (ссылка на Василики tit: 1 и 2 гл. 48).

§ 8. Въ землѣ Халдейской (ἐν τῇ τῶν χaldaίων γῆ) есть селеніе (κώμη) по имени св. Авесентія и храмъ, называемый именемъ того же мученика. Многіе изъ благочестивыхъ людей приносятъ въ этотъ храмъ дары, которыми и распоряжались жители страны той. . . Но много лѣтъ тому назадъ—не знаю какимъ способомъ, немногія лица, вравшись (ὑπεισελθόντες), овладѣли церковью, потомъ къ нимъ при-

¹⁾ οὕτως διαιρέσας τὰς στάσεις καὶ τοῦ στίχου τέλος τὰ τρία ὑμίσηματα μιλιάρησι δ' ἄλλοις ἢ εἰς ἕξ ἡμερῶν, εἰτ' οὐν ἀνά νόμισμα ἡμισυ φόλλεις ἰθ'.

стали другіе и подѣлили между собою доходы. Два года тому назадъ, тѣ, которые съ древнихъ временъ имѣли привилегію на церковь, принесли жалобу областному судѣ (ἐπί θρασυλοῦ δικαστοῦ). Приговоръ судьи былъ—раздѣлъ, но безъ указанія, какъ и на сколько. Теперь они снова принесли обвиненіе, и магистръ рѣшилъ: всѣ приношенія благочестивыхъ мужей въ видѣ утвари — золотомъ или серебромъ — все это принадлежитъ храму. А изъ остальнаго одна часть достается церкви, то-есть, раздѣляется между священниками, а остальные три части достаются крестьянамъ, имѣющимъ старинныя права на церковь, а тѣ уже раздѣляютъ свое между собою по старому обычаю... Но протопопа они не должны смѣнять съ его архіерейства (πρωτοπλά μὴ ἀποκλιναῖται τῆς ἀρχιερωσύνης), но если онъ присваиваетъ себѣ деньги, они могутъ только отнять у него распоряженіе церковнымъ имуществомъ.

§ 9. Церкви, дѣлая наложеніе руки (χαιρὸς ἐπιβολήν, manus in-jectio) на сданныя ими поля (ἐκδοθεῖαι ἀγροῖς), не погрѣшаютъ въ самоуправствѣ. Монастырь св. Фоки сдалъ свое помѣстье (въ аренду) безъ согласія казначея или кого-либо изъ приказныхъ (τοῦ ἐπί οὐκάλου ἢ τινὸς σκερτικῶν) на 29 лѣтъ; а съемщикъ (ὁ ἐκλαβόμενος) передалъ Зографу, который тоже держалъ помѣстье нѣсколько времени. Но ректоръ (ραϊκτωρ) Никита, получивъ монастырь въ видѣ пожалованія (διὰ χριστικῆς), отобралъ помѣстье по истеченіи только пятнадцати лѣтъ и безъ всякаго судебного рѣшенія, и былъ вполне оправданъ судьей, какъ представлявшій права монастыря, къ нему законно перешедшія.

Вотъ еще нѣсколько указаній, также важныхъ для исторіи податныхъ отношеній въ Византійской имперіи.

XXXVII § 2. „Если многіе участвуютъ во владѣннн пастбищами и не будетъ притомъ явныхъ границъ у каждаго въ своемъ, (и нужно будетъ сдѣлать раздѣлъ), то слѣдуетъ, если можно, дѣлиться на основаннн количества казенной подати, если подать у обоихъ будетъ въ одномъ тяглѣ (διὰ πόσου δημοσίου, εἰν ὑπάρχη εἰς ἐνὸς ὑποταταμένου δημοτέρου τὸ δημοσίον). Если же границы не могутъ быть раздѣлены, то слѣдуетъ всѣмъ имѣющимъ скотъ внести каждому пастбищное за свой скотъ (ἐνὸς μόνου, но читать слѣдуетъ, конечно, ἐνὸς μόνου), и собрать все вмѣстѣ, и тогда дѣлить собранное между всѣми на основаннн подати, ибо часто одинъ имѣетъ много скота, а другой мало, а иной крестьянинъ и совсѣмъ не выгонялъ скота на пастбище. Вслѣдствіе того, что такой крестьянинъ не даетъ десятины (μὴ

δοῦναι δεκάτην), онъ не долженъ быть устранимъ, но и онъ долженъ что-нибудь получить по уравненію съ другими, такъ какъ его пастбищемъ воспользовался другой.

XVIII § 2. Нѣкто снялъ имѣніе безъ подымнаго и хлѣбной продажи (χωρίς κτηνικοῦ καὶ σωματῆς) и когда хотѣлъ воротить имѣніе (вѣроятно, вслѣдствіе того, что оказалось необходимымъ платить то и другое), то былъ призванъ къ суду ¹⁾. Магистръ рассудилъ, что если имѣніе въ моментъ сдачи (ὅτε ἀφεδίδοτο) подлежало и подымному и продажѣ, то пусть будетъ возвращено съ такими повинностями епископіи, — а если оно прежде было свободно, то пусть попечитель (ὁ ἐπίτροπος) ²⁾ приметъ на себя подымное, потому что имѣніе сдавалось, конечно, не для того, чтобы оставаться необитаемымъ (ἐπὶ τὸ ἀόικητον εἶναι), а чтобы получить работника (τὸν ἐργαζόμενον); но взисканія, называемаго хлѣбною продажей (σωματῆ), онъ не обязанъ на себя принимать, если по смыслу сдѣлки предполагалось, что имѣніе отдается для чего-нибудь другаго, а не для запашки (ἀλλ' οὐχὶ ζευγαλατῆον) ³⁾. На самомъ дѣлѣ мѣсто было поросшее камышемъ.

§ 6. Цѣна виноградника въ 4,000 лозъ равняется одной дитрѣ, въ три тысячи—54 номизмамъ.

II.

Относительно церковныхъ и монастырскихъ имуществъ и положенія ихъ въ XI вѣкѣ мы находимъ рядъ весьма важныхъ опредѣленій Константинопольскаго помѣстнаго собора, изъ которыхъ одни дошли до насъ въ цѣлости, а на другія существуютъ только указанія (при патріархѣ Сизиніѣ). Оказывается, что вопросъ о монастырскихъ имуществахъ принялъ съ начала XI столѣтія совершенно новый видъ. Дѣло идетъ уже не объ излишнемъ расширеніи монастырскаго землевладѣнія, а о разореніи монастырей такъ называемыми харистикаріями. Такъ именовались свѣтскіе люди, которые получали въ свое управленіе монашескія обители и особенно монашескія поля—отчасти отъ духовныхъ властей, отчасти

¹⁾ Σωματῆ, принудительная поставка хлѣба для арміи по цѣнѣ, опредѣленною казною. См. Cod. X, 27, 2 (Krüger, 901). Justin. novell. 130; Procop. III, 130.

²⁾ То-есть, съемщикъ имѣнія; рѣчь идетъ о церковномъ имѣніи.

³⁾ Ср. Acta graeca, IV, 275: ζευγαλατῆον... ἤρουν ἢ ἀβάσιμος γῆ τῶν Βραστῶν.

отъ самого императора. Дѣло оячь шло о томъ же, о чемъ хлопотали иконоборцы, и что совершенно было на западѣ ихъ современниками, то-есть, объ обращеніи церковныхъ земель на потребности и нужды свѣтскаго общества и свѣтскаго государства. Византійскіе хартистаріи въ нѣкоторомъ отношеніи равняются первоначальному франкскому бенефициаріямъ, получившимъ надѣлы изъ монастырскихъ земель. Изъ весьма любопытнаго памятника, на который доселѣ не было обращено почти никакого вниманія, а также изъ нѣсколькихъ кистъ въ перенесеннѣ Феофилакта Болгарскаго, несомнѣнно обнаруживается, что Византійскіе несари стремились приобрѣсть себѣ право жаловать своихъ свѣтскихъ слугъ церковными, то-есть, собственно монастырскими землями, хотя тутъ они встрѣчали большое соперничество и со стороны духовныхъ іерарховъ, тоже иногда распорядившихся монастырями весьма своекорыстно и приобтѣвшихъ равнымъ образомъ въ посредничествѣ частныхъ мірскихъ лицъ. Первый документъ, разъясняющій дѣло, есть соборное опредѣленіе патріарха Алексѣя, изданное въ 1027 году.

Патріархъ возстаетъ противъ вновь появившагося и скоро распространившагося обычая, допущеннаго его предшественниками—отдавать монастыри въ управленіе и распорядженіе свѣтскимъ людямъ подъ предлогомъ поддержанія, улучшенія и расширенія ихъ. Вслѣдствіе того монастыри сдѣлались предметомъ неблагороднаго промысла и постыдной торговли, какъ этого и слѣдовало ожидать въ такое время, когда оскудѣло число ходящихъ правымъ путемъ и увеличилось числе сѣющихъ, гдѣ не слѣдуетъ, по выраженію Іова,—когда всякій жадно смотритъ на деньги, и когда никакой доходъ не считается постыднымъ, никакой барышъ преступнымъ. При всеобщемъ господствѣ сребролюбія нѣтъ ничему пощады: святое и проклятое одинаково служатъ средствомъ приобрѣтенія; исчезаетъ различіе между священнымъ и мірскимъ, чистымъ и оскверненнымъ. Люди съ обманчивымъ языкомъ, хитрые лицежры насмѣялись надъ простодушіемъ и добротой патріарховъ. Они стали выпрашивать у нихъ монастыри въ видѣ дара (*diá дарѣас*), обманывая обѣщаніемъ всякаго рода благодѣяній, мнимую готовностію быть усердными попечителями и защитниками обителей, дѣлать все возможное для украшенія ихъ. Дѣла обыкновенно представляютъ совершенное и безстыдное противорѣчіе словамъ. Мнимый попечитель до сытости пользуется выгодами, которыя приносятъ ему монастырь, и не хочетъ сдѣлать хотя бы скудной надержки на его потребности; и вотъ обитель доходитъ до

послѣдней крайности и полнаго заустѣнія. Ризоривъ такимъ образомъ полученный въ распоряженіе монастырь, попечитель еще продаетъ его другимъ на подобіе совершенно обыкновеннаго имѣнія (ἐπίσης κοινῆς κτησασιῶς), или просто передаетъ те же въ видѣ дара, дабы то, что пощадилъ гусеница, было докончено саранчею. Совершается нѣчто похожее на варварское непріятельское нашествіе и всѣмъ уже не сообразное съ христіанскимъ благочиніемъ. Но что еще неприличнѣе и нечестивѣе, — женщины получаютъ начальство (ἐπιστάτους) надъ мужскими монастырями и мужчины надъ женскими, то-есть, волки пасутъ стадо, и огонь пускается въ сухую траву.

Патріархъ опредѣляетъ, чтобы впредь никто, получившій монастырь въ видѣ дара, не могъ переносить своего права на другое лицо или же, что еще постыднѣе и неприличнѣе, продавать его. Всякая сдѣлка въ этомъ смыслѣ заранее объявляется недействительной, подлежащею даже преслѣдованію и штрафу. Точно также предписывается строго наблюдать во всѣхъ митрополіяхъ и епископіяхъ подлежащимъ церковнымъ властямъ, чтобы не допускалось еоблазнительнаго управленія женскихъ обителей мужчинами — особенно подозрительнаго возраста, и на оборотъ. Сверхъ того, на будущее время воспрещается всякое отчужденіе или отдача во временное пользованіе монастырей, монастырскихъ имѣній, помѣстій и виноградниковъ — безъ разрѣшенія патріарха или безъ вѣдома патріаршаго хартофілакія, иначе отчужденіе будетъ считаться недействительнымъ, а имѣніе подлежащимъ безденежному отобранію, такъ чтобы священныя обители не подвергались никакому убытку, а несли его тѣ, которые отдали и которые получили: первые — за то, что злонамѣренно и безъ позволенія святѣйшихъ архіереевъ, ради собственной выгоды, отчуждали то, чего не имѣли права отчуждать, а другіе — за то, что не позаботились удостовѣриться въ позволительности и законности своего пріобрѣтенія. Такое правило имѣетъ особенную силу въ томъ случаѣ, когда онаяется, что „вступное“ (τὰ εἰσδαχτικά) было истрачено на расходы ненужныя и бесполезныя для монастыря... Постановленіе патріаршее простирается на всѣ митрополіи, архіепископіи и епископіи. Сверхъ того, есть епископы, которые владѣютъ монастырями, полученными въ даръ отъ митрополитовъ, и бываютъ случаи, что митрополія находится въ бѣдности и стѣсненіи, а епископія благоденствуетъ: при такомъ положеніи вещей епископъ по справедливости долженъ возвратитъ полученный въ даръ монастырь митрополиту, чтобы сдѣлать ему хотя небольшое утѣшеніе и облегченіе. То же самое

относится и къ другимъ лицамъ. Ибо несправедливо и неразумно, чтобы митрополи подвергались всякаго рода высканіямъ за бѣдныя епископіи, а богатія епископіи отказывались помогать митрополіямъ и уступать монастыри, имъ же принадлежащіе. Какъ первое дѣлаютъ невѣроятнымъ и необходимымъ условіа взноса казенныхъ податей, такъ и второе устанавливается настоящимъ рѣшеніемъ...

Въ январѣ слѣдующаго 1028 года на мѣстномъ патриаршемъ соборѣ принято было рядъ новыхъ постановленій, касающихся имущественныхъ интересовъ высшаго духовенства, и въ частности, злоупотребленія монастырскими имуществами.

Нѣкоторые изъ епископовъ, безразлично относясь къ церковному имуществу и неосторожно обращая его на собственные нужды, не только доводятъ, подъ предлогомъ дурныхъ временъ, свои епископіи до крайняго разоренія и гибели, но и подвергаютъ невыносимымъ убыткамъ и высканіямъ стояція надъ ними митрополи, съ которыхъ казна въ такихъ случаяхъ взыскиваетъ лежація на епископіяхъ повинности, такъ что и онѣ мало по малу увлекаются на путь такой же катастрофы. Поэтому патриархъ съ синодомъ пришли къ убѣжденію, что для освобожденія митрополій отъ необходимости подвергаться всяческому ущербу изъ за подчиненныхъ епископій, нужно найти какое-нибудь согласное съ канонами средство. Въ тѣ епископіи, представители которыхъ своимъ неразуміемъ наносятъ вредъ митрополіямъ, могутъ быть назначаемы митрополитомъ экономы, которые и будутъ завѣдывать доходами, пока не будетъ возмѣщенъ каждою изъ епископій ущербъ, нанесенный митрополіи, и не будетъ дозволено, почему та или другая изъ епископій дошла до тѣсноты и бѣднѣнія. По словамъ митрополитовъ, есть основанія опасаться, что иныя епископіи очутятся въ такомъ положеніи прямо вслѣдствіе дурнаго и безчестнаго поведенія своихъ предстоятелей, считающихъ своимъ призваніемъ нарушать и презирать божественные каноны. Такіе епископы, въ предвидѣніи осужденія, могутъ забрать всѣ плоды и доходы церквей (*καρπὸς καὶ προόδους*) и перенравить ихъ туда, куда имъ самимъ будетъ желательно — съ цѣлю при первомъ появленіи сборщиковъ податей (*ἐπιδημιούτων ἀκατητάων*) покинуть свою епархію, переселиться въ какое-нибудь другое мѣсто и оттуда поручить митрополіямъ въ видѣ защиты (*ἀμύνης χάριν*) взысканіе слѣдующихъ имъ долговъ (?). Необходимо противъ таковыхъ замысловъ принять тоже соотвѣтствующія мѣры, то-есть, разрѣшить митрополитамъ назначать и сюда своихъ попечителей (*φροντιστάς*), которые должны бу-

дуть имѣть всяческую заботу о церквахъ наравнѣ съ епископами, держать контроль надъ хозяйствомъ въ продолженіе года, и оказывающійся излишекъ доходовъ, если таковой будетъ, неприкосновенно сохранять въ пользу церкви. Эти постановленія, основывающіяся на правилахъ помѣстныхъ древнихъ соборовъ, должны быть соблюдаемы безъ всякаго колебанія—какъ въ отношеніи епископовъ, сдѣлавшихся виновными въ ущербахъ и убыткахъ для митрополій, такъ и въ отношеніи тѣхъ, отъ которыхъ это ожидается въ будущемъ, которые дурно распоряжаются церковными имуществами, отчуждаютъ ихъ и неблагородно расточаютъ, чего сами не собирали...

Относительно монастырей, отдаваемыхъ въ видѣ дара, члены синода согласно пришли къ тому заявленію, что лица, получающія ихъ на такомъ основаніи, весьма мало заботятся о монастырскихъ нуждахъ или выгодахъ, приводятъ обитатели въ крайнее разореніе, переводятъ къ себѣ домой ихъ доходы, лишаютъ ихъ послѣдннго достоинства, наконецъ, даже просто превращаютъ иные монастыри въ мірскія гостиницы (*καταλύματα*), нуждой и всякимъ стѣсненіемъ вынудивъ удалиться настоящихъ хозяевъ, то-есть монаховъ. Епископамъ и митрополитамъ внушается совершенно безобязательно преслѣдовать всякаго, кто окажется виновнымъ въ такого рода дѣйствіяхъ по отношенію къ своему монастырю, и съ позоромъ изгонять недобросовѣстныхъ попечителей. Если при этомъ попечители (*οἱ προνοηταί*) будутъ имѣть возможность ссылаться на какія-либо уважительныя права, то они не должны обращаться къ свѣтскимъ судьямъ, ибо этимъ они лишаютъ себя всякаго права, а должны обращаться къ священному собору (синоду), и тогда ихъ дѣло будетъ удостоено надлежащаго разбирательства. Впрочемъ, патріархъ и его соборъ (синодъ) полагаютъ, что никто изъ митрополитовъ и прочихъ архіереевъ не рѣшится изгнать изъ монастыря харистикарія безъ всякой съ его стороны вины и безъ всякаго суда; это было бы несправедливо и недостойно.

Если же какіе изъ монастырей изъ древности имѣли по своему уставу обычай вносить какой-либо взносъ (*συμβολορὰν συμβολορέων*) митрополитамъ, напримѣръ, для содержанія судей или сборщиковъ государственныхъ податей (*εἰς τὴν τροφαίαν χριστῶν καὶ τῶν τοῦ δημοσίου ἀπαιτητῶν*), или для другихъ цѣлей, и если потомъ такой взносъ былъ сложенъ, то мы опредѣляемъ, чтобъ онъ все-таки былъ возвращенъ и неизмѣнно доставляемъ митрополіямъ. Сверхъ того, не могутъ быть отдаваемы въ даръ тѣ монастыри, на которые имѣютъ

какія нибудь права митрополіи—или въ свѣдѣствіе софѣдства или соучастія (*ἀνακοίνωσις*), но только отдаленныя и отдѣльно лежащія (τὰ ῥῆκον καὶ ἰδιοπαρίοιστα). Наконецъ, совершенно запрещается отдавать монастыри въ аренду, на примѣръ, на двадцать девять лѣтъ, потому что это значило бы торговать святинею....

Запрещенія и ограниченія, постановленныя на мѣстномъ Константинопольскомъ соборѣ 1028 года, были, нужно думать, весьма мало-дѣйствительны противъ укоренившагося обычая. Не смотря на скудость дошедшихъ до насъ актовъ свѣтскаго и духовнаго законодательства за все время отъ смерти Василія II до восшествія на престолъ Алексѣя Комнина, мы все-таки имѣемъ одинъ документъ, прямо свидѣтельствующій, что и черезъ сорокъ лѣтъ на помѣстныхъ Константинопольскихъ соборахъ продолжали разсуждать все о тѣхъ же злоупотребленіяхъ. Въ 1073 году вновь постановленный митрополитъ Кизиа, по имени Константинъ, явившихъ на соборъ, заявилъ, что его предшественники раздали разнымъ лицамъ монастыри, состоявшіе прежде подъ прямою властію митрополіи, и что теперь харитикаріи извлекаютъ изъ нихъ значительные доходы, а между тѣмъ сама церковь митрополіи находится въ бѣдственномъ положеніи, митрополитъ нуждается въ самомъ необходимомъ и даже затрудняется вносить ежегодныхъ податей (*καὶ πρὸς αὐτῆν ἀκροβύτος τῆν τῶν ἐτησίων τελεσμάτων καταβολήν*). Вслѣдствіе просьбы митрополита о помощи соборъ нашель, что вопросъ уже прежде былъ обсуждаемъ; и вотъ прочтенъ были соборныя постановленія 1027 и 1028 года: по мнѣнію участвовавшихъ въ засѣданіи іерарховъ, въ числѣ которыхъ находился и Русскій митрополитъ Георгій ¹⁾, они должны были получить приложение и къ Кизической митрополіи. Тѣ изъ монастырей, которые теперь не имѣли совѣмъ монаховъ, но обратились въ мірскія пристанища (*καταφυγία*), вслѣдствіе присоеенія харитинаріями всѣхъ доходовъ, могли быть совершенно благовидно потребованы ми-

¹⁾ Что Русскій митрополитъ участвовалъ въ засѣданіяхъ собора, это отмѣчено въ самомъ соборномъ актѣ (τῆς Ῥωσίας); что это былъ митрополитъ Георгій, мы узнаемъ изъ русской лѣтописи, которая подъ соотвѣтствующимъ (1073 годомъ) отмѣчаетъ пребываніе митрополита Георгія въ *Грицяхъ*. Кстати замѣтимъ, что соборное опредѣленіе 1073 года остается мало извѣстнымъ потому, что напечатано пока одинъ только разъ въ каталогъ Флорентійской бібліотеки См. *Bandini, Catalog. Biblioth. Laurent., p. 76, Cod. XL*. Постановленія двухъ предыдущихъ сборовъ находятся между прочимъ въ собраніи канонівъ *Palani* и *Потам.*

трополитомъ обратно. Что же касается отчужденія недвижимыхъ имуществъ, принадлежавшихъ непосредственно Къзической церкви и тоже ей утраченныхъ, то по этому вопросу, возбужденному еще предшественникомъ Константина, поставлены были на видъ правила вселенскаго собора 787 года. Наибогѣе плодородныя земли, которыя должны были составлять основной фондъ церкви, позволялось по этимъ правиламъ сдавать въ аренду только крестьянамъ и клирикамъ; поэтому всякая другая отдача подлежала отиѣнѣ; и означенныя земли должны были воротиться безусловно къ митрополіи. Относительно другаго рода поземельныхъ участковъ, могли оставаться въ силѣ сдѣлки, правильными образомъ заключенныя, то-есть, не служившія во вредъ и большой ущербъ церкви: отчужденіе ихъ (ἐκποίησις) не воспрещалось безусловно.

Во всѣхъ трехъ приведенныхъ нами документахъ, въ сущности, осуждаются только крайности и злоупотребленія, происшедшія отъ передачи монастырскихъ земель и монастырей въ свѣтскія руки, но не воспрещается прямо и рѣшительно самая система, служившая источникомъ зла. Далѣе, чѣмъ Константинопольскіе синоды, пошелъ патріархъ Антиохійскій Іоаннъ, жившій въ самомъ концѣ XI вѣка и въ началѣ XII, лице небызвѣстное современнымъ западнымъ историкамъ крестоноснаго движенія. Въ своемъ словѣ о монашеской жизни или монашеской дисциплинѣ, которое мы раньше назвали памфлетомъ, патріархъ Іоаннъ прямо осуждаетъ и тѣхъ, кто даетъ монастыри мірскимъ людямъ—виновными оказываются сами православные цари и слабые патріархи,—и тѣхъ, кто ихъ принимаетъ; въ глазахъ строгаго обличителя, тутъ ничего нѣтъ, кромѣ нечестія, ведущаго свое начало отъ иконоборческой ереси. Любопытное сочиненіе начинается краткимъ обзоромъ возникновенія монашества и объясненіемъ его высокаго значенія въ христіанской церкви ¹⁾.

Гл. 7) Вся вселенная, возбужденная евангельскими словами и отеческими писаніями, видѣла совершенное спасеніе въ отреченіи отъ міра въ аскетической или монашеской жизни. Не одна только Антиохійская церковь пошла по этому пути; но еще ранѣе ея на него вступили Египетъ и Ливія, Палестина, Сирія, Персія, страна Алаповъ и Ивировъ (Грузія), восточный и западный предѣлы, и всѣ народы, подчиненные Римской церкви... Вселенная раздѣлилась на два

¹⁾ Напечатано слово Іоанна Антиохійскаго въ *Cotelarii Monumenta ecclesiae Graecae*, t. 1:

народа почти равночисленныхъ, на живущихъ въ браѣ и остающихся безбрачными ¹⁾). Не только мужескій полъ, но и женскій, по природѣ болѣе нѣжный и боящійся труда, устремился къ этому роду жизни.

Видя такое умноженіе путей спасенія, врагъ рода человѣческаго пришелъ въ ярость и сталъ искать удобнаго орудія для своей злобы. Онъ нашелъ таковое въ лицѣ Льва Исавра. Черезъ посредство этого дара и его преемниковъ и послѣдователей, особенно же черезъ посредство Константина Копронима, онъ хотѣлъ совершенно уничтожить монашескій чинъ. Но это ему не удалось; вмѣстѣ съ уничтоженіемъ иконоборческой ереси восстановлено было и монашество. Съ тѣхъ поръ до настоящаго времени, въ продолженіе 400 лѣтъ, монашескій чинъ пользовался такимъ уваженіемъ, что къ монахамъ перешла исповѣдь и отпущеніе грѣховъ, какъ это мы видимъ и нынѣ...

8) Но врагъ изобрѣлъ снова средство вредить богоугодной монашеской жизни, и на этотъ разъ средство хитрое и обманчивое. Онъ сталъ внушать, чтобы пожертвованія, принесенныя благочестивыми царями, архіереями, архонтами, монахами, мірянами, отдавались въ даръ другимъ людямъ; чтобы порабощались монастыри, богадѣльни и страннопріимныя дома и принадлежащія имъ имѣнія, не смотря на то, что вѣтторы оныхъ въ своихъ завѣщаніяхъ налагали страшныя проклятія противъ поработителей. Это беззаконіе, какъ всѣ знаютъ, пошло отъ иконоборческой ереси и отъ самаго ревностнаго ея неборника, Копронима, отличавшагося непримиримою ненавистію къ монахамъ; но оно приостановилось, когда просіяло благочестіе.

9) Потомъ, какъ сказано, изворотливостію и хитростію врага, который всегда обѣщаетъ доброе, но кончаетъ великимъ зломъ, это беззаконіе опять воспріяло ходъ — съ начала подъ предлогомъ попеченія о монастыряхъ (ἐξ αἰτίας δῆθεν προνοητικῆς). Цари и патриархи стали отдавать разрушенныя или разрушающіеся монастыри и богадѣльни (πτωχεῖον) свѣтскимъ сановникомъ (ἀρχόντι) первоначально не въ видѣ дара и не ради тѣлесной выгоды, но для восстановленія и украшенія, и ради душевной пользы. Съ теченіемъ времени, врагъ пріемшалъ и въ это дѣло собственный ядъ, то-есть, любостязаніе и

¹⁾ ἀλλ' ὡς ἔστιν ὄραον, εἰς θῶο λαοὺς σκεδόν. ἰσαριθμοὺς, τῶν ἐν γάρῳ τέ ψημὶ καὶ ἀγαρίῳ οἰχομένην μεμερισται.

страсть къ гнусному прибытку. Ухватившись за благовидный предлогъ, то-есть, за вышеозначенную временную и оправдываемую обстоятельствами сдачу монастырей (οἰκονομικῆν δῆθεν ἔχρασαν), послѣдующіе цари и патріархи начали уже дарить въ видѣ полнаго дара даже состоятельные (τὰ σπουδαίονα) монастыри и богадѣльни (πτωχολαῖα), а потомъ, съ теченіемъ времени, и тѣ изъ нихъ, которые были наиболѣе обширны и доходны. Иже во святыхъ патріархъ Сизинній, недавно бывшій патріархъ Константинопольскій, не могши выносить такого беззаконнаго вѣдѣнія, возсталъ противъ него, какъ это разказываютъ нѣкоторые, хотя оно еще не достигло тогда той степени, до какой дошло позднѣе. Преемники Сизиннія, пренебрегши добрымъ примѣромъ, снова возобновили зло. Мало по малу возросши, оно кончилось нынѣ видимымъ бѣдствіемъ. Уже не тотъ или другой монастырь, но всѣ вмѣстѣ розданы и раздарены—большіе и малые, бѣдные и богатые, мужскіе и женскіе, исключая немногихъ старинныхъ монастырей и нѣсколькихъ вновь устроенныхъ киновій. Но и тѣ, того и жди, подвергнутся такой же участи, при господствѣ злаго обычая, какъ и въ самомъ дѣлѣ этому подверглись самыя большія и древнія киновіи. Онѣ подарены мірянамъ и даже женщинамъ ¹⁾, наконецъ инопленицамъ (ἐθνικοῖς), и увѣ! даже на два лица (то-есть, съ правомъ передачи одному наследнику). Какой умъ, какой языкъ выразить множество беззаконій; заключающихся въ этомъ зломъ обычаѣ!

10) Уже самое начало душегубной дарственной грамоты исполнено богохульства. „Царство мое—мѣрность моя—дарить тебѣ такому-то такой-то монастырь; на примѣръ—Спасителя нашего Иисуса Христа или Пресвятой Дѣвы или какого изъ святыхъ—съ его имѣніями, движимыми и недвижимыми, на время твоей жизни или же на два лица.—Остановись, человѣкъ, пойми, что ты пишешь, и содрогнись!—Какъ ты, будучи смертнымъ человѣкомъ, можешь дарить то, что принадлежитъ Богу... (гл. 11): Развѣ ты не знаешь, что такое монастырь, и для чего ему нужны его доходы?..

12) Что всего хуже—это безуміе измѣнять и спутываетъ порядокъ церковнаго благоустройства. Въ церкви существуютъ три степени или чина: за священническимъ сейчасъ слѣдуетъ чинъ монашескій, а за симъ уже на третьемъ мѣстѣ стоять міряне. Но обычай

¹⁾ Κοσμηκοῖς καὶ ἀνδρογύναις. Ср. Пеіра, XV, § 18. Монастырь св. Маманта получила за долгъ въ управленіе дочь Скпіра.

отдачи монастырей мірянамъ поставилъ надъ монахами мірянъ и подчинилъ мірянамъ монаховъ...

13) Сказусть, что монастыри жалуются для поддержанія и благоустройства ихъ. Но противъ этого сейчасъ же вопіють монастыри, разрушенные харистикаріями (ὄπο τῶν χαριστικαρίων), или же обращенные ими въ собственные помѣстья, а такихъ притѣровъ не мало. Мы не знаемъ, найдется ли монастырь, поддержанный или возобновленный харистикаріемъ; если и найдется, то Богъ не приметъ даръ беззаконія. До настоящаго дня процвѣтають и растутъ свободные монастыри, а поработенные падаютъ (καταλύονται). Ты говоришь нѣчто подобное тому, какъ еслибы кто сталъ утверждать, что вѣчное рабство лучше свободы... Что не ради поддержки и упроченія отдаются монастыри, ясно отсюда: отдаются въ даръ не тѣ, которые разрушены, пришли въ упадокъ (καταλαλεμένα), но скорѣе тѣ, которые стоятъ и получаютъ хорошій доходъ. Это же обнаруживаетъ еще явнѣе самое пожалованіе, которымъ иногда сопровождаются дары такого рода, и въ которомъ часто говорится, что доходы, остающіеся послѣ положенныхъ уставомъ монастырскихъ расходовъ, обращаются безотчетно въ пользу харистикарія. Если же кто скажетъ, что это дѣлается для освобожденія монастырей отъ повинностей (διὰ τὸ ἐξκοσμοῦσθαι ἀπὸ τῶν ἐπιτροπῶν), тотъ пусть выслушаетъ подобающій отвѣтъ на это: отягощать или не отягощать монастырь поборами—это дѣло вашей власти: остановите притѣснителей, и не нужно (освободительныхъ) привилегій. Тотъ, кто такъ разсуждаетъ, похожъ на князя (архонта), который чрезъ посредство своихъ служителей притѣсняетъ свободного бѣдняка, потомъ, какъ бы подвигнутый состраданіемъ къ бѣдному, прикажетъ вмѣстѣ со всѣмъ его имуществомъ за одно отнять у него и свободу и превратить его въ раба: пусть, де, онъ не подвергается притѣсненіямъ. Но вѣдь это только притворство и пустой предлогъ.

14) Необходимо сказать нѣсколько словъ о тѣхъ, которые принимаютъ такого рода подарки, и которыхъ по дурной привычѣ называютъ харистикаріями. Получивъ въ свою власть монастырь, онъ тотчасъ распускаетъ ненасытную назуху и кладетъ туда все принадлежащее монастырю: не только дома, помѣстья, скотъ и всякіе доходы, но и самые храмы; игумена и монаховъ, онъ почитаетъ за своихъ рабовъ, и всѣхъ и все разсматриваетъ, какъ свою благопріобрѣтенную собственность, всѣмъ пользуется, какъ своимъ наслѣдствомъ. Божіимъ храмамъ и монахамъ онъ удѣляетъ какую-

нибудь самоалѣйшую часть изъ всего дохода, да и это давая какъ свое задушное (ψυχικόν). Я уже не говорю о разрушеніи храмовъ, жилищъ и помѣстій — вслѣдствіе того, что онъ больше смотритъ только на то, чтобы были доходы, и не любитъ расходовъ. Особенно худо, если съ этимъ душегубительнымъ даромъ соединяется безответственность. Въ такомъ случаѣ, тотчасъ прекращаются установленная ктиторами благочестивая служба, возжиганіе свѣчей, псалмопѣніе, раздача милостыни, назначенная на большіе праздники или же на каждый день при дверяхъ въ воспоминаніе о строителяхъ и основателяхъ обители, утѣшенія для монаховъ; мало того — прекращается отпускъ самого необходимаго пропитанія для монаховъ. Еще ранѣе того разрушается всякій монастырскій порядокъ и иноческое правило; игумень теряетъ свою власть; всѣмъ начинаетъ распоряжаться харистиварій; онъ даетъ распоряженія, присылаетъ игумену письменный приказъ постричь такого-то въ монахи: „Мы опредѣлили такого-то брата въ нашъ монастырь; прійми его, игумень, постриги и отведи ему келлію для жительства; пусть онъ получаетъ, что и другая братія; и выдай ему копию (ἰσον) нашего повелѣнія“.

Такъ поступаютъ еще болѣе благочестивые изъ харистиваріевъ; другіе совсѣмъ не удостоиваютъ игумена какимъ-либо къ нему обращеніемъ, но прямо распоряжаются чрезъ своего человѣка, поставленнаго для управленія монастыремъ¹⁾. Никакая монашеская дисциплина не можетъ держаться при такомъ униженіи духовной власти предъ мірскою. Когда власть настоятеля отиѣнена свѣтскою властію, и тѣлесныя потребности монаховъ доставляются не настоятелемъ, а харистиваріемъ, то кто будетъ слушаться настоятеля или его бояться? А когда падаетъ послушаніе, то необходимо разрушается весь аскетическій и монастырскій строй и порядокъ. Даже и внѣшній видъ монашества началъ уже изчезать, какъ это можно наблюдать въ монастыряхъ, порабощенныхъ мірскими людьми. Въ одинаковомъ числѣ съ монахами въ нихъ находятся помѣщенные царями и харистиваріями свѣтскіе братья, живущіе внутри и внѣ обители (κοιτωνὶ ἀδελφοὶ ἐσωμονῆται καὶ ἐξωμονῆται). И внутри святой ограды мірскіе люди убиваютъ (σκοτῶν), ѣдятъ мясо, поютъ пѣсни (τραγουδοῦσι) и творятъ невозбранно всякія мірскія дѣла. Кто еще можетъ сомнѣваться, что съ теченіемъ времени, съ дальнѣйшимъ развитіемъ этого зла, мона-

¹⁾ ἀλλὰ πρὸς ὃν ἐπέστησε τὰ τῆς μονῆς προνοεῖσθαι ἀνθρώπων αὐτοῦ.

стыри не превратятся совсѣмъ въ мірскія убѣжища. То, что не могъ совершить евангельскій Копронимъ, будетъ исполнено правовѣрными.

15) (Опять и съ новыми подробностями говорится о печальномъ положеніи настоятеля и монаховъ въ монастырѣ, порабоченномъ харистикариемъ). Если игуменъ, проникнутый важностію своихъ духовныхъ обязанностей, вздумаетъ дѣйствовать самостоятельно, не повиная харистикарию, онъ скоро увидитъ себя оставленнымъ и презираемымъ монахами, и въ концѣ концовъ, принужденъ будетъ покориться... Что касается монаховъ, то кромѣ вышеуказанныхъ причинъ, гибель приходитъ къ нимъ и другими разнообразными путями. Отъ бѣдности и недостатка монахъ пускается въ торговлю и барышничество (*εμπορίαν και κερλευτάς*) и во всякое мірское занятіе... Это дѣлается въ мужскихъ монастыряхъ, а то, что бѣваетъ въ женскихъ, еще хуже того. Богѣе богатые изъ нихъ отдаются архонтамъ на имя ихъ женъ—на два или на три лица, какъ это говорится, а богѣе бѣдные—менѣе богатымъ мужьямъ и женамъ. Овладевъ ими, они тотчасъ присвоиваютъ себѣ весь доходъ, предоставляя самую малость монахинямъ; иные еще строятъ дома внутри обители, имѣя въ виду закрѣпить тѣмъ за собою вѣчное владѣніе монастыремъ. И вотъ происходитъ смѣшеніе мірскихъ мужчинъ и женщинъ, рабовъ и рабынь съ монахинями. Какой при этомъ возможенъ хорошій порядокъ?...

16) Хуже всего то, что современные цари и патриархи, видя все это невозможное зло, равняющееся любой ереси, и располагая властію остановить уничтожить и прекратить оное, не только не принимаютъ мѣръ, но еще укрѣпляютъ его, поступая по примѣру своихъ предшественниковъ... Они совсѣмъ не думаютъ о томъ, что въ этомъ есть грѣхъ... Если же бы кто имъ напомнилъ о грѣхѣ, то они всегда готовы сложить его на первыхъ виновниковъ обычая, забывая, что всякій грѣхъ падаетъ не только на тѣхъ, кто подалъ первый примѣръ его, но и на тѣхъ, кто продолжаетъ совершать его.

17) Странно также и то, что люди, рѣшающіеся на такіе поступки съ монастырями, осмѣливаются строить новые монастыри. Они не красѣются, разрушая одни монастыри и созидая другіе, какъ будто они не могутъ сообразить, что если нынѣшній злой обычай останется въ силѣ, то монастыри, нынѣ возводимые ими, если не сегодня, то завтра неизбежно будутъ подарены, порабочены и разрушены.

18) Слава долготерпѣнію твоему, Господи! Не смотря на то, что въ Романіи и въ христіанскомъ государствѣ столько времени господствуетъ столь великое явное и преступное зло, ты не до конца

разгнѣвался и не предалъ насъ конечному уничтоженію. И нынѣ ты возбудилъ въ наставленіе намъ дикій и безбожный народъ Турецкій, опустошающій страну восточную; нынѣ же (ты наславъ на насъ) Печенѣговъ, Кумановъ и Франковъ, опустошающихъ западь. Ты устранилъ насъ также большимъ землетрясеніемъ, тяжелыми бѣдствіями, ужасною смертною и пожарами¹⁾. Но ты только хочешь насъ этимъ привести къ сознанию и побуждаешь къ исправленію.

Сочиненіе Іоанна Антиохійскаго, на которое историки до сихъ поръ не обращали никакого вниманія, бросаетъ чрезвычайно яркій свѣтъ на затрудненія, съ которыми долженъ былъ бороться въ началѣ своего царствованія императоръ Алексѣй Комнинъ, на неприятную и опасную борьбу, которую онъ принужденъ былъ вести съ частію своего высшаго духовенства, раздѣлявшею воззрѣнія Льва Халкидонскаго. Судя по историческимъ указаніямъ, находящимся въ концѣ памфлета, можно думать, что появленіе его относится именно къ первой половинѣ правленія Алексѣя Комнина. Опустошительные набѣги Печенѣговъ на Византійскую имперію на долго прекратились послѣ страшнаго пораженія, нанесеннаго имъ въ маѣ 1091 года при устьяхъ Марицы²⁾. Вскорѣ за этимъ пораженіемъ послѣдовало нашествіе Кумановъ или Половцевъ съ самозванцемъ же-Диогеновичемъ, непосредственно предшествовавшее движенію крестоносныхъ отрядовъ, внутри византійскихъ провинцій. Изъ словъ патріарха видно, что когда онъ писалъ свое сочиненіе, Франки не дошли еще до Востока и разоряли только западныя области имперіи; по видимому, онъ еще не ознакомился съ ними ближе и не видалъ ихъ въ самой Сиріи и въ стѣнахъ своего города. Современникъ Іоанна Антиохійскаго, знаменитый Болгарскій архіепископъ Теофилактъ, говоря о крестоносныхъ отрядахъ, посѣщавшихъ его епархію по пути къ Константинополю, недоумѣвалъ, какъ назвать ему это движеніе — прохожденіемъ или же нашествіемъ; во всякомъ случаѣ — это

¹⁾ καὶ οὖν μὲν τὸ τῶν Τούρκων ἄγριον καὶ ἀθεώτατον ἔθνος ἡμῶν εἰς παιδείαν ἤγειρας, τὴν τῆς Ἀνατολῆς χώραν ληϊζόν, οὖν δὲ τὰ τῶν Πατζινάκων καὶ Κομάνων καὶ Φράγγων τὰ τῆς Δύσεως λεηλατοῦντα κ. τ. λ.

²⁾ См. нашу статью: «Византія и Печенѣги», въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* ноябрь 1872 г. Что касается до указанія на четыреста лѣтъ, протекающихъ отъ иконоборчества до времени, когда жилъ авторъ, то это число, очевидно, слѣдуетъ считать только круглою и не точною цифрою.

была горячая чаша, въ которой онъ не скоро привыкъ ¹⁾). Нѣтъ ничего удивительнаго, что еще менѣе привыкшій и болѣе отдаленный современникъ видитъ въ этомъ просто непріятельское нашествіе, сопровождаемое такимъ же опустошеніемъ, какъ и завоеванія Турокъ Сельджуковъ на востокѣ. Внутренній смыслъ, выражающійся въ заключительныхъ словахъ посланія, совершенно соотвѣтствуетъ тѣмъ монашескимъ внушеніямъ, предъ которыми уступилъ на время самъ Василій II въ тяжелую для него минуту: бѣдствія имперіи въ борьбѣ съ византинскими врагами объясняются, какъ наказаніе Божіе за неправильное пользованіе церковными, и въ частности, монастырскими имуществами, какъ будто за византійскимъ правительствомъ и государствомъ не числилось никакихъ другихъ болѣе тяжелыхъ прегрѣшеній. Жалобы на злоупотребленія, которыми сопровождалась система раздачи монастырскихъ земель харистикаріямъ, въ извѣстной степени могутъ быть признаны справедливыми и основательными, но во всякомъ случаѣ онъ крайне односторонни. Въ чести высшаго византійскаго духовенства нужно сказать, что не всегда и не всѣ его члены раздѣляли тотъ слишкомъ ограниченный и узкій взглядъ, который продиктовалъ многія строки въ словѣ Іоанна Антиохійскаго. Мы увидимъ далѣе, что просвѣщеннѣйшій и ученѣйшій изъ греческихъ іерарховъ XII столѣтія, Евставій Солунскій, находилъ даже полезнымъ для монастырей и монаховъ, что ихъ поземельныя имущества отдаются въ распоряженіе свѣтскимъ людямъ, и въ противоположность недостаткамъ свѣтскаго управленія, выставленнымъ на видъ въ памфлетѣ патріарха, нашелъ весьма много темныхъ и грѣшныхъ сторонъ и въ монашескомъ хозяйничаньи въ монастырскихъ помѣстьяхъ. Мы можемъ теперь же привести слова одного весьма образованнаго и умнаго свѣтскаго историка, писавшаго свою исторію въ самомъ началѣ царствованія Алексѣя Комнина, изъ которыхъ будетъ слѣдовать, что и ближайшіе современники патріарха Іоанна способны были смотрѣть на дѣло иначе. Мы имѣемъ въ виду отзывъ Михаила Аталіоты о первомъ императорѣ изъ дома Комниновъ, Исаакѣ (1057—1059 гг.), имѣющій для насъ тѣмъ болѣе значенія, что въ немъ идетъ рѣчь о мѣрахъ, послужившихъ образцемъ и для финансовой политики Алексѣя Комнина (1081—1118 гг.). „Получивъ власть, онъ обращаетъ вниманіе на громадность издержекъ, идущихъ на содержаніе

¹⁾ Epistol. XI, Ex codic. Vaticano (*Migne*, 126, 324) πρῶτον μὲν Φραγγικῆ διαβάσις, ἢ ἐπιβάσις ..... τῶν Φραγγικῶν ἐπιπρατῶν ἐδάδας ἤδη γεγονότες.

двора и на прокормленіе войска, и на то, что на государствѣ лежать многія войны, влекущія большія траты, такъ какъ противники усилились и со всѣхъ сторонъ подыались противъ Ромея. Увидѣвъ, что онъ будетъ нуждаться въ деньгахъ, и сообразивъ, что пріобрѣтеніе ихъ въ наибольшемъ количествѣ составляетъ немалую настоящую потребность, онъ явился тяжелымъ взыскателемъ податей противъ должниковъ казнѣ. Онъ первый сократилъ выдачи чинамъ (*ὄφρῆσιον δόσασι*), и со всѣхъ сторонъ, какъ жадный охотникъ, выискивалъ деньги. Онъ заботился также о бережливости и о томъ, чтобы доставить царству (коронѣ, τῇ βασιλείῃ) прибавку полей. Ради того онъ у многихъ частныхъ лицъ поотбиралъ много повземельныхъ имуществъ (*κτῆσασιν*), пренебрегая ихъ жалованными грамотами, которыми закрѣплялось за ними владѣніе. Онъ наложилъ руку и на нѣкоторые изъ монастырей, имѣвшихъ большія и богатыя имѣнія, нисколько не уступавшія (цѣнности) тому, что лежало въ царскихъ сокровищницахъ. Отнавъ многія изъ этихъ имуществъ и оправдываясь тѣмъ, что онъ оставляетъ монастырямъ и монашествующимъ достаточно, все излишнее онъ причислялъ къ царскимъ владѣніямъ (*τοῖς βασιλικαῖς τῷ περιεῶσι κροσαφύρασι*); дѣло, которое казалось беззаконіемъ и нечестіемъ, а благочестивыми прямо приравнивалось къ святотатству, но которое въ глазахъ людей, благоразумно смотрящихъ на вещи, имѣло вовсе не дурныя послѣдствія. Оно оказывалось выгоднымъ съ двухъ сторонъ: 1) Оно освобождало монаховъ отъ заботъ, не соответствующихъ образу ихъ жизни, отвращало отъ стяжательности тѣхъ, которые были научаемы нестяжательности, не лишая ихъ, однако, необходимаго для жизни, и въ то же время оно освобождало сосѣднихъ крестьянъ (*ἀγρογεῖτονας*) отъ тяжкаго бремени, потому что монахи, опираясь на мнжество и богатство своихъ владѣній, принуждали ихъ покидать собственныя ихъ (участки). Заболѣвъ уже любостыжаніемъ и прійдя въ состояніе страсти, монахи брали верхъ надъ своими противниками, если когда дѣло доходило до тяжбы въ судѣ; вслѣдствіе прилива имѣній и денегъ, которыми они могли распоряжаться безотчетно, восторжествовавъ надъ противниками, они еще удостоивались похвалы. 2) Съ другой стороны, и казна, многообразно вынуждаемая полными руками расточать свое достояніе, получила приращеніе и не малую поддержку безъ какого-либо при этомъ вреда для другихъ" (*Attaliot.*, pag. 61). Преемники Исаака Комнина, по видимому, отвѣзались отъ его смѣлой финансовой политики; о Константиѣ Дукѣ прямо гово-

рится, что онъ, не смотря на всю свою скупость, экономность и мелочную заботливость о казенныхъ интересахъ, все-таки былъ другомъ монаховъ даже сверхъ мѣры (Attaliot., pag. 76). Любимецъ Михаила Дуки, логоеетъ Никифоръ, котораго всѣ источники представляютъ безжалостнымъ вымогателемъ податей, безсовѣстнымъ и жаднымъ грабителемъ и лихоимцемъ, не щадилъ, по видимому, и монастырей. О немъ говорится, что онъ за немалые подарки дарилъ кому хотѣлъ почести и проііа ¹⁾: способъ выраженія, съ одной стороны, напоминаетъ старую обычную терминологию, обозначающую отдачу монастырей харистикаріямъ, а съ другой — представляетъ едва ли не первый случай употребленія слова проііа въ новомъ болѣе конкретномъ смыслѣ... Нельзя обойти здѣсь замѣчанія, которое напрашивается само собою. Новые историки очень охотно говорятъ о феодализмѣ въ Византійскомъ государствѣ въ вѣкъ Комниновъ и Ангеловъ и большею частію ограничиваются внѣшними, несущественными, а часто и ложными признаками подобія въ учрежденіяхъ и явленіяхъ; но отъ нихъ ускользаетъ именно наиболѣе напоминающая первоначальная феодальная учрежденія система проііа, развивавшаяся, очевидно, на почвѣ монастырскихъ поземельныхъ отношеній. Когда въ послѣдствіи мы будемъ встрѣчать царскихъ ленниковъ (λίσκος въ греческой передѣлкѣ) и рыцарей (καβαλλάριος), получавшихъ отъ царя проііаю—всею скорѣе и всею чаще изъ монастырской земли, съ нѣкоторымъ правомъ присуда надъ крестьянами и париками, на ней поселенными, то это уже будетъ дѣйствительный зародышъ феодальнаго порядка, хотя далеко не вся его система. Возвращаясь къ ближайшей своей темѣ, мы должны прибавить, что упомянутый нами Никифорица, какъ его звали современники, стараясь захватить въ свои собственныя руки какъ можно болѣе недвижимаго имущества, получилъ въ даръ большой монастырь Евдома, который онъ сдѣлалъ центромъ всѣхъ своихъ владѣній, и на который записывалъ всѣ свои новыя пріобрѣтенія (Attaliot., pag. 201). Не смотря на эти частныя явленія, объясняемыя жадностію и злоуправіемъ всемогущаго вѣременщика, позднѣйшіе церковные писатели хвалятъ фамилію Дуки за расположеніе къ церкви и монастырямъ. Что касается ихъ почти непосредственнаго преемника, Алексѣя Комнина, который соединилъ въ своемъ лицѣ наслѣдственныя при-

¹⁾ Attaliot., pag. 200 въ концѣ: τὰς τιμὰς καὶ προίιας οἷς ἐβούλετο χαρισόμενος διὰ λημμάτων οὐχὶ μικρῶν.

тизанія на престолѣ обѣихъ фамилій (Дукъ, съ которыми онъ породился чрезъ свою жену, и Комниновъ), то какъ мы уже видѣли, — именно къ его царствованію относится наиболѣе рѣзкое заявленіе монашескаго неудовольствія на злоупотребленія по раздачѣ монастырскихъ имуществъ свѣтскимъ людямъ, хотя, конечно, упреки падаютъ не на одного только монарха, но и на самыхъ духовныхъ сановниковъ, митрополитовъ и епископовъ. Если не въ историческихъ сочиненіяхъ, то въ современной перепискѣ Болгарскаго архіепископа Теофилакта мы находимъ указанія на то, что, вынуждаемый трудными обстоятельствами и крайнею нуждою въ денежныхъ средствахъ и доходахъ, императоръ Алексѣй воротился къ системѣ своего дяди, императора Исаака, и не пощадилъ ни монастырей, ни духовенства, ни даже свѣтскихъ архонтовъ: распорядился поземельными владѣніями первыхъ, ограничивалъ не особенно обширныя привилегіи церковниковъ по уплатѣ разныхъ податей и повинностей, и тоже отбиралъ у архонтовъ земли, разъ имъ пожалованныя.

III.

Письма Теофилакта Болгарскаго, о которыхъ мы сейчасъ упомянули, вообще представляютъ чрезвычайно любопытный и важный источникъ для ближайшаго ознакомленія съ внутреннимъ бытомъ Византійскаго государства въ самомъ концѣ XI столѣтія и въ началѣ XII, въ эпоху перваго крестоноснаго движенія, то-есть, тѣснѣйшаго сближенія и столкновенія интересовъ Запада и Востока. Эти письма, по своему количеству составляющія очень почтенный сборникъ, весьма давно — худо ли, хорошо ли — изданы; однако, до сихъ поръ они остаются почти не тронутымъ и заповѣднымъ сокровищемъ для исторической науки. Тотъ, кто первый ими воспользуется и введетъ заключающийся въ нихъ матеріалъ въ общій ученый оборотъ, тотъ окажетъ положительную заслугу очень важной отрасли знанія историческаго и юридическаго, византійскаго и славянскаго. Къ сожалѣнію, эта задача не такъ легка и проста, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда; первая, правда, случайныя и мимоходныя попытки къ ея выполненію оказывались совершенно неудачными. Бѣда состоитъ въ томъ, что именно въ мѣстахъ, наиболѣе интересныхъ для современнаго историческаго изслѣдователя, тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ экономическихъ отношеніяхъ и податныхъ порядкахъ, языкъ Теофилакта изобилуетъ трудными техническими выраженіями, для которыхъ не всегда найдется подходя-

щее толкованіе въ лексиконахъ и глоссаріяхъ. Латинскіе переводы, которыми съ давняго времени сопровождается греческій текстъ сочиненій Θεοφιλαкта, въ данномъ, впрочемъ, вовсе не единственномъ случаѣ, поражаютъ больше всего своимъ крайнимъ безсмисліемъ, несомнѣнно доказывающимъ, что переводчики XVII вѣка были способны переводить то, чего они совсѣмъ не понимали, и наполнять страницы пустымъ наборомъ латинскихъ фразъ, неизвѣстно что означающихъ. Новѣйшая наука, конечно далеко ушла отъ такихъ переводовъ, но все-таки не очень давно одинъ извѣстный эллинистъ, занимавшійся византійскими авторами и новогреческою литературой, не сумѣлъ благополучно справиться съ небольшимъ сочиненіемъ такого же рода и содержанія, какъ письма Θεοφιλαкта. Мы разумѣемъ переводъ Еллисеномъ докладной записки Михаила Акомината, знакомство съ которою давно сдѣлалось обязательнымъ для всѣхъ, интересующихся судьбою Аѳинъ въ средніе вѣка. Тѣмъ менѣе можемъ мы поставить въ упрекъ двумъ русскимъ ученымъ промахи, сдѣланные ими въ отношеніи обохъ писателей, то-есть, Θεοφιλαкта Болгарскаго и Михаила Аѳинскаго, отчасти вслѣдствіе довѣрія къ прежнимъ руководителямъ ¹⁾.

Желая съ своей стороны подвинуть впередъ разрѣшеніе задачи и облегчить другимъ путь къ изученію или (что на первый разъ было бы самое лучшее) переводу писемъ Θεοφιλαкта, мы предлагаемъ здѣсь, какъ результатъ давно начатыхъ нами занятій этимъ писателемъ, небольшую лепту въ видѣ переложенія шести наиболѣе важныхъ для нашей темы посланій Болгарскаго іерарха. Лица, къ которымъ адресованы переведенныя нами письма, принадлежали въ свое время къ числу наиболѣе высоко поставленныхъ и оставили послѣ себя болѣе или менѣе замѣтные слѣды на страницахъ византійскихъ сочиненій и хроникъ, описывающихъ царствованіе Алексѣя Комнина. Паниперсевасть Вріенній, къ которому адресовано первое посланіе, есть извѣстный кесарь Никифоръ, мужъ знаменитой дочери императора Алексѣя и писательницы, Анны Комнины; царскимъ зятемъ овъ сдѣлался около 1097 года, а пышный титулъ паниперсеваста по-

¹⁾ Мы разумѣемъ небольшіе отрывки изъ писемъ Θεοφιλαкта въ сочиненіи *Е. И. Голубинскаго*: Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской, стр. 693 и сл., и переводъ докладной записки Михаила Акомината въ статьѣ, посвященной біографіи этого знаменитаго архипастыря Аѳинскаго архимандритомъ *Арсеніемъ*, въ *Православномъ Обзорннн* 1873 г., № 11, стр. 705—709.

лучилъ около 1108 г. Подъ фамильнымъ провансіемъ Палеолога во второмъ письмѣ скрывается, нужно думать, Георгій Палеологъ, главный сподвижникъ Алексѣя Комнина въ началѣ царствованія, прославившій себя обороною Драча (Диррахія) противъ Роберта Гвиссарда. Далѣе мы выбрали изъ обширной корреспонденціи Геофилакта три посланія къ Иоанну Комнину, племяннику жара Алексѣя, сыну его старшаго брата Исаака, въ продолженіе многихъ лѣтъ занимавшему важный постъ дуки (то-есть, генераль-губернатора) Драчской области, власть котораго простиралась отчасти на митрополичій округъ Охридскаго архіепископа (именно на болѣе западную его часть). Наконецъ, шестое приводимое нами письмо обращено къ патриарху Константинопольскому, который въ данное время именовался Николаемъ. Главное содержаніе всѣхъ писемъ составляютъ жалобы на злоупотребленія и притѣсненія со стороны сборщиковъ податей и разнаго рода финансовыхъ чиновниковъ; но при этомъ сообщаются чрезвычайно важныя и любопытныя указанія на общія начала византійской системы государственнаго хозяйства и управленія, изъ-подъ дѣйствія которой не было изъято и духовное сословіе, и вслѣдствіе которой въ Болгаріи разбѣгались по лѣсамъ церковныя крестьяне или парики, и бѣдствовали клирики,—то-есть, по видимому, обыкновенныя церковнослужители, необходимыя при каждомъ храмѣ (они отличаются и отъ священниковъ и отъ мірянъ, а равнымъ образомъ и отъ церковныхъ людей).

1) Павиперсевасту Врѣннѣю, царскому зятю.

Приидите, послушайте, и повѣдаю вамъ, всѣ боящіяся Бога, а также и вамъ, которые его не боитесь, что сдѣлалъ для души моея дѣйствительно - всеагустѣйшій. Одни, порадовавшись вмѣстѣ съ нами, пусть и впредь успѣвають (въ благочестіи) и взирають къ нему одному, на котораго и мы уповая не обманулись; а этотъ всеблагій пусть еще дѣятельнѣе будетъ подвизаться въ добродѣтели. Когда я уже находился въ положеніи во адѣ нисходящихъ и содержался во тьмѣ унынія, онъ меня снова вывелъ на свѣтъ жизни и возвратилъ къ веселію; онъ снова заставилъ мнѣ свѣтити царя-солнце еще теплѣе и привѣтливѣе прежняго. Онъ не далъ злобѣ поднять главы противу истины и увѣнчаться (побѣдою), хотя она уже разверзла свою пасть, шипѣла и хвалилась отнять наше достояніе, какъ оставленное птичье гнѣздо. Она замышляла это сдѣлать чрезъ своихъ служите-

лей, которые говорили: „языкомъ нашимъ переселимъ; уста наши съ вами; кто намъ господишь“ (псал. XI, 5). Изблевавъ противъ насъ адъ асидовъ, они возбудили противъ насъ горячь въ богоподобнѣйшей душѣ царя и нанесли смертный ударъ достоинію нашей церкви (τὰ τῆς ἐκκλησίας ἐνέκρησαν). Всему этому виною неенаситность и злонавіе податныхъ сборщиковъ (πρακτόρων). Не вынося моего языка, который, какъ сѣкира, подсѣкалъ пружины ихъ неправды (злоупотребленій), они зачали трудъ и родили беззавоніе (псал. 11, 15). Они отчасти самолично наговаривали великому государю нашему противъ моего ничтожества, недѣйствительное представляя дѣйствительнымъ, наряжая ложь въ пышный нарядъ. Приведши разныя свидѣтельства нашей непобѣдимой силы, они убѣдили его (царя), что онне сторукие и стоглавые Вриарей или Тифоны мнѣовѣ—пустяки въ сравненіи съ нами. Они хотѣли такимъ образомъ не допустить передъ нимъ нашей свободной рѣчи, острота которой, оставшаяся на днѣ ихъ сердцець, заставляла ихъ трепетать и опускать руки. Съ другой стороны, эти достойные Тартара люди дѣйствовали чрезъ подставныхъ лицъ, и возводя до неба свою лбеду, вооружили противъ насъ нѣкоего Лазаря, который, будучи парикомъ нашей церкви и настроенный нѣсколько свободолюбиво, желалъ свергнуть съ своей вни мго неволи (парикія, παροικίας ζυγόν): они научили его, что и какъ говорить; и вотъ чрезъ него они наполнили слухъ царскій и сдѣлали по отношенію къ намъ мрачнымъ (чернымъ) то сердце, которое прежде было свѣтлымъ (бѣлымъ).

Разъ увидѣвъ, что его вымысламъ открыто свободное теченіе, а наша сторона, сторона истины—вынуждена бороться съ противотечущими волнами, этотъ Лазарь не останавливается болѣе, давая волю своей природѣ. А это—природа болгарская, кормилица всякой злобы. Какъ будто ему было мало, что онъ вывелъ на войну противъ насъ въ видѣ своихъ союзниковъ—жителей Охриды (Αχριδιώτας); онъ обходитъ другія болгарскія области и усердно разыскиваетъ, нѣтъ ли гдѣ такого человѣка, который былъ бы нами осужденъ за ересь, или же за многоженство, либо за незаконный бракъ былъ связанъ церковными узами. Нашедши множество таковыхъ, онъ приводитъ ихъ (какъ свидѣтелей) на насъ, какъ будто все это были Охридоты, изстрадавшіяся души, похищенныя нами на пашняхъ и виноградникахъ. Наконецъ, въ самой столицѣ отыскались люди, которые имѣли дѣла до царя по другимъ причинамъ: и этихъ онъ заставилъ вопить противъ насъ предъ царемъ, чтобы обезславить мое имя. Онъ зналъ, что онъ нанесетъ

мнѣ смертельный ударъ (поразить въ високъ) однимъ только тѣмъ, если, призывая на помощь царя, подниметь противъ архіепископа обвиненія, которыми моя слава поворится, или говоря словами духа, превращается въ прахъ. Итакъ, онъ утверждалъ, что недавно онъ былъ мною подоженъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ никогда и никѣмъ не былъ подоженъ и ничего у него не было, что онъ могъ бы терять. Не имѣя никакого занятія, кромѣ занятія плутнями, научившись искусно мѣнять свой цвѣтъ по желанію сборщиковъ податей, онъ высматриваетъ только того, чтобы ему была брошена какая-нибудь подачка, ради которой онъ готовъ лаять на другихъ собакъ, своихъ прозорливыхъ сотрапезницъ. Самъ по себѣ онъ голъ, какъ рѣчной ракъ. Да еслибъ онъ и былъ подоженъ, то это нисколько меня не касалось бы, точно такъ какъ совершающееся въ Ливіи не касается Индовъ въ Ниссѣ (τοὺς Ἰνδοὺς τῆς Νέσσαν Ἰνδοῦς). Находясь вдали отъ Охриды, когда его постигло то мнимое страшное бѣдствіе, онъ какимъ-то другимъ способомъ находился опять въ Пелагоніи, одержимый тяжелою болѣзнію. Чего только еще болѣе темнаго не могъ бы разказать и даже подтвердить всякимъ ручательствомъ (ἐχεγγύω) человѣкъ, который такимъ образомъ въ одно время можетъ быть видимъ въ разныхъ мѣстахъ¹⁾? Однако, этотъ мошенникъ (κατάντρος) успѣлъ оболстать царя, человѣка весьма замкнутого и не легко поддающагося лжи. Какой только видъ онъ не принималъ на себя, въ какомъ только жалобнымъ рыданіемъ не прибѣгалъ, какими клятвами пренебрегъ, чтобы только поставить на сцену этотъ пожаръ и убѣдить, что онъ пострадалъ такимъ образомъ отъ архіепископа, въ воздаяніе за свое усердіе къ казнѣ, которую тотъ разорялъ. Сверхъ того, онъ утверждалъ, что у меня пути текутъ сыромъ, а мои горы текутъ млекою, и клялся, будто я дошелъ до того, что мои доходы считаются — не знаю во сколько талантовъ, что я располагаю громадными богатствами, веду жизнь сатрапа, что даже мидійская пышность показалась бы жалкою въ сравненіи съ архіепископскою, а дворцы въ Сузѣ и Экватанахъ — безхитростными хижинами въ сравненіи съ тѣми многостаянными и прохладными палатами, въ которыхъ, проводя лѣто, я освѣжаю и прохлаждаю жаръ еще остающейся на мнѣ плоти. Все это выдумки демонской души и призраки, созданные языкомъ, научившимся только злорѣчію. На дѣлѣ оказалось, что я, такъ великій сво-

¹⁾ Θεοφιλάκης здѣсь отождествляетъ область Пелагонію и городъ Охридъ, центральный ея пунктъ.

ею силой и соперник Алоадамъ по богатству, кромѣ той пресловутой земли, ничѣмъ казеннымъ болѣе не владѣю, хотя я подвергался такому ровиску и учету ¹⁾). Итакъ, пусть никто не осуждаетъ меня заочно, какъ чловѣка, не явившагося на судъ, принимая вслѣдствіе того клеветы практора (сборщика податей) за нѣчто вѣрное; но пусть подождетъ, что онъ скажетъ и какія послѣдуютъ оправданія со стороны церкви.

Слѣдуетъ те, о чемъ я особенно прошу ваше царство; и это не есть какое-либо новое требованіе, необычное для святой и божественной души императора. Нѣтъ, я желаю, чтобы то, что соблюдается всегда и въ отношеніи ко всѣмъ, было соблюдено и въ отношеніи меня, чтобы не даваемо было заранѣе преимущества словамъ моего врага и преслѣдователя предъ моими. Если онъ скажетъ, что онъ доставитъ доходъ казнѣ отъ клириковъ (что клирики должны дать доходъ казнѣ), то это мнѣ не большая забота; и не будетъ мнѣ отъ этого какого-либо (новаго) уцербъ, такъ какъ и прежде не нами были получаемы отъ нихъ выгоды. Кромѣ одного участка (вевгарія), освобожденнаго отъ всякихъ повинностей, за все, превышающее эту норму, они платили подати казнѣ ²⁾). Далѣе клирики прежде сего были освобождены отъ десятиннаго сбора (δεκατώσας) со всѣхъ животныхъ; и это никакой даже не расположенный чловѣкъ не могъ бы счесть кражею у казны, но нѣкоторымъ безсрочнымъ даромъ царской милости, коимъ безобидно пользовались получившіе его. Но теперь, когда эта милость получила свой предѣлъ и точную ясную границу (γυφρμον πῆιϋ), все, превышающее положенную норму (ἐπὲκεινα τοῦ προδιορισμοῦ) естественнымъ образомъ обратилось въ пользу казны, и притомъ еще при взысканіи подати сборщики стали прилагать нѣкоторую надбавку. Втретыхъ, что уже достойно счесть, большая часть клириковъ не пользовались даже и обѣльностью (ἀτελεία) одного вевгарія, ни свободою отъ подати на животныхъ въ известной нормѣ ³⁾; напротивъ перечислить, или скорѣе, описать,

¹⁾ Ἐκτός γάρ τῆς περιλαλήτου γῆς, οὐδέν τῶν δημοσιακῶν κέρεθην κατέχων καί τοι ἐπιπράστικῶς ἐρευνώμενος καί λογοπραγούμενος.

²⁾ Εἰ μὲν γάρ ἐκ τῶν κληρικῶν προσαγαγεῖν φῆσαι κέρθη τῶ δημοσίῳ, οὐ φροντίς Ἰπποκλείδῃ. Οὐ γάρ παρὰ τοῦτο ἐγὼ ὑπεύθυνος πρῶτον μὲν, ὅτι οὐδὲ πρότερον παρ' ἡμῶν ἐκέρθαινοντο, ἀλλ' ἐν ζευγάριον ἕκαστος ἐξκουσεύοντες τὰ ἐπέκεινα τούτων ἐπετελοῦν τῶ δημοσίῳ.

α) οὐδὲ ἐπὶ τῆς ζωῆς ὀριεθείσης ἐξουασίου чит. ἐξκουσείας.

если намъ позволено сказать нѣчто смѣшное¹⁾, увелѣчивая посредствомъ прибавки дѣйствительное число зевгаріевъ (татолъ, сохъ) и животныхъ, и такимъ образомъ клирики не только подвергались несправедливости съ того, въ чемъ они должны были быть свободными отъ подати, но еще и съ излишкомъ. Тому же самому подвергались они въ высшей степени незаконно и относительно другикъ (податникъ) статей (κεφαλαίων). За мельницы клирики внесли налогъ вдвое большій, чѣмъ міряне; равнымъ образомъ и за такъ называемые на болгарскомъ языкѣ струги, что по гречески можно бы назвать канавами (στρώμας... δίωρυχας), устраиваемыми для рыбной ловли, съ клириковъ было взысвано въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ съ остальныхъ людей. И это все придумалъ онъ, вѣрный и благочестивый, чтобы увеличить прибыли, достающіеся въ казну отъ клириковъ, и чтобы подвергся клеветѣ я, неблагодарный и ненасытный, ухищряющійся нанести такой ущербъ благодѣтелю и заступнику моему. То же самое я могу сказать о податяхъ, которыя онъ взыскалъ съ людей церковныхъ (τοὺς ἀγιωτικούς τῆς ἐκκλησίας); ибо и они самымъ несправедливымъ образомъ подверглись взысканію, хотя это суть монахи и священныя свѣчки, и только нѣсколько мірянъ, не болѣе, я думаю, пяти, и притомъ ничѣмъ не пользующихся изъ казенной (податной) земли: какимъ образомъ они сочтены достойными обложения податями, (не понятно): самъ царь этого не можетъ (?). Наконецъ, меня самого онъ подвергнулъ такому великолѣпному взысканію (ὄστω μετὰλοκρέκτεςτρον ἀνεκπράξτετο), что мнѣ уже не нужно будетъ стыдиться величія моего сана. Онъ взыскалъ съ меня обычную подать за мельницы, которыя уже давно разрушились, а за существующія на лице-вдвое противъ Волгарь. За одно озерное мѣстечко, доставляющее свѣдную рыбную добычу, я восемь статей вынужденъ былъ внести съ тринадцати(?), хотя я получилъ оттуда рыбы не болѣе какъ на одинъ діоволь, и хотя другіе вносятъ за каждое такое мѣсто именно по одному діоволу. Хотя церковь имѣла свободу отъ налога на скотъ—крупный и мелкій—вслѣдствіе царскаго пожалованія, однако вышеуказанные (церковныя) люди подверглись взысканію десятины (ἐδεκατῶθησαν) за то небольшое количество скота, которое они получили отъ меня въ кратковременное утѣшеніе.

1) Παρά τοῦ μᾶλλον καταγραφῆος ἢ ἀναγραφῆος, ἰν' εἶπω τι καὶ γελοῖον. Небольшая игра словами, заключающаяся въ томъ, что переписчикъ называется созвучнымъ словомъ, означющимъ также обвинителя, клеветника.

Проходя молчаніемъ многое другое, чтобы меня не сочли явнымъ свирѣльщикомъ притчи, (скажу о томъ, что) собираю въ податей сдѣлать для насъ совершенно бесполезнымъ недавнее повелѣніе вашей благости. Онъ всяческими способами старался напугать крестьянъ въ нашемъ селѣ (χωρίφ), угрожая на каждого изъ нихъ выложить подати, превышающія его силу, если они опять пожелають остаться за архіепископіей, какъ за своимъ господиномъ. Съ другой стороны, онъ злоухищрялся, какъ бы не передавать церкви влишнихъ въ селеніи крестьянъ (τοὺς ἐν χωρίφ περισσεύς), относительно которыхъ онъ обязанъ былъ исполнить царское повелѣніе. Когда мы требовали, чтобы они были описаны (ἀναγραφῆναι) сообразно съ благосостояніемъ каждого, а затѣмъ переданы намъ, онъ отвѣчалъ намъ, раздражаясь и уже усматривая въ нашемъ заявленіи какъ бы обиду: „Если я потребую, чтобы за перваго было внесено церковно столько же, сколько за седьмаго во время вноса податей (ἐν κισφὶ συντάλας), то и противъ воли будете платить столько. Ибо кто можетъ противиться моей волѣ? Кто меня будетъ судить, если я человека, столько-то стоящаго, опѣню во столько-то?“ Я до сихъ поръ знаю, что только обращаясь къ Богу, мудрая Юдѣя гласъ: „Что помыслилъ ты, то и совершилось: что опредѣлилъ, то и явилось“ (Юдѣя IX, 4). А теперь—дѣлаетъ себя участникомъ такой благодати—кто? какой? какъ великій? Такой, внизу котораго постелить гнѣзъ (στῆψον). Онъ еще прибавляетъ, что и съ дарованныхъ церкви париковъ, число которыхъ онъ при описи несправедливымъ образомъ преувеличилъ, онъ ничего другаго не уступить церкви, кромѣ одного зевгарія (одной сохи, тягла). Относительно всѣхъ другихъ статей онъ угрожаетъ тоже самъ вступаться, чего, очевидно, не предполагаетъ повелѣніе относительно передачи села. Все это онъ дѣлаетъ для того, чтобы я, разочаровавшись (ἀγασθεὶς), сдѣлаюя вслѣдствіе того менѣе дѣятельнымъ и настойчивымъ относительно села пожалованнаго мнѣ въ утѣшеніе, и чтобы такимъ образомъ могъ возобладать любезнѣйшій изъ друзей его, Лазарь. При передачѣ земли, онъ уменьшаетъ мѣру (длину) веревки (σχοίνου) и поступаетъ самымъ не математическимъ способомъ при вычисленіи количества модіевъ¹⁾. Ибо какая ему забота о геометріи?.. А затѣмъ и я самъ перечисляю число песку и капли дождевыя? Всяческимъ образомъ, на всякомъ мѣстѣ, во всякомъ дѣлѣ и лицѣ—этотъ справедливѣйшій

¹⁾ Модій—въ смыслѣ мѣры поверхности.

мужъ придумываетъ мнѣ вредъ и ущербъ, ухищряется подвергнуть меня посмѣянію, чѣмъ, какъ онъ знаетъ, лучше всего достигаются его виды. Относительно всего этого—пусть будетъ оставлено мѣсто нашему оправданію, какъ сказано о томъ выше, и пусть слова его не принимаются какъ изреченія оракула. Когда разсѣются тѣни, то спадетъ личина льва и обнаружится сидящая внизу безобразная обезьяна. Сверхъ всего другаго, прошу, чтобы мнѣ дано было повелѣніе, открывающее мнѣ безпрепятственный отсюда выгъздъ или освобожденіе (*ἀνάρροσις*), дабы я не былъ поглощенъ отчаяніемъ. Сила моя не есть сила камня. Я могу преждевременно потерять свою жизнь, хотя я—сколько отъ моихъ силъ зависѣло—ни въ чемъ не погрѣшилъ здѣсь ни противъ Бога, ни противъ вашей царственности“.

Письмо почти совершенно такого же содержанія отправлено было, нужно думать, одновременно и къ Адриану, брату царя Алексѣя. Въ немъ точно также говорится о Лазарѣ и его проискахъ, и при этомъ сообщается та подробность, что въ то время, когда произошелъ пожаръ, происшедшій будто бы отъ поджога, мнимый виновникъ этого поджога, то-есть самъ Теофилактъ находился вдали отъ Охриды.

2) Палвологу.

„Вслѣдствіе твоего высшаго заступленія, всеавгустѣйшій мой государь, мы получили нѣкоторое успокоеніе въ томъ немногомъ, что въ Охридѣ осталось у нашей церкви. Прибѣгнувъ къ заклинаніямъ противъ нашего практора въ пользу нашей слабости, ты, конечно, не могъ остаться безуспѣшнымъ ходатаемъ. Посему мы не перестаемъ приносить несравненной твоей благости съ нашей стороны все, что имѣемъ: предъ Богомъ молитвы, какъ его служители, предъ людьми—благодарность, хотя, впрочемъ, ты мало заботишься о славѣ, которую доставляютъ слова, сознавая человѣческую слабость. Но не переставай смягчать намъ эту пустыню горести твоими для насъ чудотвореніями. Такими я считаю въ самомъ дѣлѣ твои дѣла въ пользу нашей церкви, которыми притупляются всегдашніе замысли практоровъ (*αἱς οἱ τῶν ἐκείνῃ πρακτόρων σκοποῖ ἀμβλύονται*). Если бы ты самъ не былъ намъ помощникомъ, то ничто не помѣшало бы тому, чтобы мы были поглощены змѣями, которыхъ питаетъ во множествѣ эта пустыня, которыхъ живить и укрѣпляетъ поущеніе свыше, оправдываемое, въ свою очередь, нашими грѣхами. Праведный Судія

и Воздатель сплететь тебѣ тѣмъ больше вѣнцевъ въ день воздаянія, сохраняя здѣсь свободнымъ отъ всякаго зла и печали.

3) СЕВАСТУ КИРУ ИОАННУ, СЫНУ СЕВАСТОКРАТОРА (ИСААКА).

Всеавгустѣйшій государь мой! Дары божественныхъ мужей, также какъ и дары Божіи, должны быть неотмѣнны (*ἀμεταμέλητα*). Итакъ, когда высота твоей власти снова даровала намъ то, что предварительно было пожаловано нашей церкви боговѣнчаннымъ и могучимъ государемъ, земнымъ, такъ сказать, Богомъ, то-есть, совершенную для сосѣднихъ съ городомъ іереевъ свободу отъ податей съ оставленіемъ на нихъ одного только бремени поземельной подати и съ увольненіемъ отъ всѣхъ другихъ повинностей ¹⁾, то что измѣнить такую милость, святой мой господинъ и заступникъ? Если мы въ чемъ и погрѣшили противъ твоей славы и запятнали неблагодарностію совершившееся благодѣяніе, то и въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ отмѣнять милость, оказанную дому Божію; ибо церковь почитается и называется домомъ Божіимъ. Если же мы считаемъ тебя своимъ господиномъ и благодѣтелемъ, то конечно, мы не на столько обезумѣли, чтобы быть неблагодарными и грубымъ образомъ отнестись къ вашей благосклонности. Ты видишь, какъ легко было отмѣнено пожалованіе (*συγγίλιον*) Комнина самимъ Комниномъ. Въ этомъ есть доля обиды и насильственности; но еще не время — приложить къ раѣ смѣгчающее лѣкарство... (Далѣе не ясно, и кажется, испорчено въ подлинникѣ, но смыслъ, по видимому, такой:) Но все-таки—если кто всего удобнѣе можетъ помочь дѣлу, то это онъ, сынъ севастократора. Для этого ему стоитъ только подписать своею августѣйшею (*σεβαστή*) рукою опредѣленіе своему наместнику (*τῷ ἐκ πρῶτου*), что священники освобождаются отъ всѣхъ повинности и службы (*ἐκπρησίας καὶ θεουσίας*), относящейся къ свѣтскому управленію (*τῷ πρατορίῳ*), и чтобы іереи были возвращены клирики или другіе люди, если таковые кѣмъ-нибудь были у нихъ отняты. Нужно, чтобы я еще пережилъ и это превращеніе къ лучшему, предписанное твоимъ наместникомъ, вслѣдствіе высокаго заступленія господина моего, именно — что если кто изъ такъ

¹⁾ Φημι δὲ τὴν πολιτεῖσιν ἱερέων πάντεσσι ἐξουσίαν (чит. ἐξουσιαστικὴν) μόνῃ καταβαρυνομένην τῷ τοῦ Σευστοκράτου τέλει, τῶν ἄλλων δὲ πασῶν ὑπερχειμένην ἐκπρησίῳ.

называемыхъ посредниковъ ¹⁾ держитъ священниковъ, употребляя ихъ на свои службы, то по крайней мѣрѣ, не допускалось бы такой тиранніи противъ архіереевъ, имъ подчиненныхъ... Ибо они и простой народъ отпугнули (жалуюсь господину моему) ради іереевъ, желая сами извлекать изъ нихъ выгоды и нарушая привилегію церкви ради собственныхъ выгодъ ²⁾).

Въ объясненіе нѣсколько темному. содержанію этого письма можетъ служить отрывокъ изъ слѣдующаго посланія Теофилакта къ Торноскопулу: (Lami 13). „Іереи, находящіеся въ городкѣ, не получили никакой привилегіи или облегченія, хотя ты, господинъ мой, писалъ намъ, что ты грамотою къ своему намѣстнику (πρός τὸν ἐκ πρῶσπου) даровалъ имъ облегченіе. Они привлекаются къ сторожевой службѣ, къ поставкѣ хлѣбовъ, хотя есть хрисовулъ, освобождающій ихъ отъ всякихъ низкихъ службъ и отъ хлѣбныхъ дачъ“ ³⁾).

4) СЫНУ СВАСТОКРАТОРА (Исаака).

Высочайшій мой государь и заступникъ! Ты много сдѣлалъ посреди земли нашей; ты оживилъ Преспу и вмѣстѣ Дѣволь духомъ своей прямоты и справедливости обнаруженныхъ тобою противъ тѣхъ, кто ихъ обижалъ. Не менѣе, но еще болѣе важное дѣло совершить рука твоя, если ты сжалишься надъ епископіей Дѣвольскою ⁴⁾, находящеюся въ большой опасности. Какая это опасность? Она почти осталась безъ церковнаго нѣнія, безъ освѣщенія, почти безъ епископальной ⁵⁾. Находясь на распутіи, на подобіе того Давидова виноградника, который сначала широко распустилъ свои вѣтви, а потомъ сталъ добычею для хищенія всѣхъ мимоходящихъ, она не имѣетъ даже епископа, постоянно пребывающаго на мѣстѣ. Ибо онъ не желаетъ отдавать свою спину для бичованій и ланиты на заушенія; а когда епископъ спасается бѣгствомъ ради страшныхъ притѣснителей, то понятно, что едва ли кто другой останется при храмѣ-

¹⁾ Ἰνα εἰ πάντες τῶν λεγομένων μεσάζοντες ἱερεῖς ἔχωσιν εἰς οἰκίας ὑπηρεσίας κατὰ κράτος.

²⁾ Οὗτοι γὰρ δὴ καὶ τὸν κοινὸν λαὸν ἀπεσώβησαν, ἐγκαλέσαι τῷ αὐθέντῃ μου, διὰ τοὺς ἱερεῖς, οἳ δὴ (δὲ Cod.) θέλοντες τούτους αὐτοὶ καρπίσειναι κ. τ. δ.

³⁾ Καὶ εἰς παρανομίας εἰλκονται καὶ εἰς ψευδοζήμιον, καὶ ταῦτα χρυσοβόλου κελύσαντος ὑπερτέρους εἶναι καὶ ῥυπαριῶν λειτουργοῦς τε καὶ ψευδοζημιῶν.

⁴⁾ Въ подлинникѣ: εἰ τὴν ἐπισκοπὴν διαβολαῖς οἰκταιρήσης.

⁵⁾ ἄφαλα μικροῦ γεγένηται καὶ ἀφωταγώγητα.

Съ головою связано остальное тѣло. Такимъ образомъ, и данные ему грамотою могучаго и святаго нашего государя сидѣвшіе вокругъ церкви люди (οἱ τετὴν ἐκκλησίαν κόλφον περιαθήμενοι), по той же самой причинѣ еще прежде оставили свои отеческія мѣста, и скрываются ввѣривъ себя густотѣ лѣса. Вслѣдствіе того, въ прекраснѣйшей изъ болгарскихъ церквей не осталось ни діакона, ни, увы, пресвитера. Я отправился, чтобъ обозрѣть ее, и увидѣвъ опечалился, и опечалившись спросилъ о причинѣ, и спросивъ узналъ, и узнавъ сообщая другимъ, этимъ моимъ смиреннымъ посланіемъ донося моему господину. Такова опасность! Но въ чемъ теперь помощь? Помощь удобна и не тягостна: требуется только протануть руку. Ибо если ты, великій господинъ нашъ и заступникъ, согласишься даровать крестьянамъ, даннымъ нѣкогда этой церкви государемъ и царемъ, а потомъ разбѣжавшимся вслѣдствіе притѣсненій, твою покровительственную грамоту, то они, ободрившись, снова выйдутъ изъ лѣсовъ; церковь опять процвѣтетъ, въ ней будутъ и свѣчи и церковное пѣніе. Видишь теперь, какъ велика опасность, и какъ легко врачеваніе, удобосовершимое тремя церстами. Итакъ, умоляю, принадавая эту грамотою (къ ногамъ твоимъ) какъ бы тѣлою: скажись надъ церковію, нѣкогда богатѣйшею, — одною изъ тѣхъ семи соборныхъ церквей, которыя построилъ оный христіаннѣйшій царь Борисъ Болгарскій. Онъ создалъ, ты возобнови, чтобъ и внутри тебя былъ возобновленъ духъ правый Богомъ, воскресшимъ и обновившимъ упавшую нашу скинію и природу. Онъ да даруетъ во всѣхъ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ десницѣ твоей искусство, дѣлая тебя точнѣйшимъ подражателемъ святаго и христіюбываго отца твоего и господина нашего.

5) Тому же.

Я вызывался уже и за другихъ посредничать предъ высочествомъ общаго господина нашего, питая себя ложными надеждами; но судьба насмѣялась надо мною, такъ жалко сбившимся съ настоящаго пути. Конечно, я не переставала любить и свое собственное, и притомъ такъ горячо, что постигшее меня несчастіе превышаетъ всякую помощь. Извѣстно, господинъ мой, что село (χωρίον), которымъ церковь владѣла съ древнихъ временъ, и которое никому больше не принадлежало, отнято было у меня царемъ, оторвано отъ церкви; что съ нимъ случилось то, что и съ имѣніями всѣхъ другихъ ар-

хонтовъ ¹⁾. Потомъ, при помощи малаго угѣшенія, я приобрѣлъ себѣ снисходительныя услуги со стороны бывшаго тогда практора и владѣль своимъ, какъ многіе другіе—своимъ же. Лишаемый теперь этого селенія государемъ, желающимъ отдать его въ даръ (ῥωσόμενος ὑπὸς βασιλέως), я не противорѣчу, хотя было бы справедливѣе со стороны благочестиваго рода Дукъ, чтобы никто не былъ предпочитаемъ церкви, которая притомъ издревле владѣла селомъ. Но я все-таки ничего не говорю о селѣ: можетъ быть, оно будетъ отнято и у всякаго другаго. Только относительно церковнаго дома и двора — я не вѣрю, чтобы на этотъ счетъ существовало какое-нибудь приказаніе нашего господина. Во всякомъ случаѣ — вотъ мною посылается мой человѣкъ: при добромъ расположеніи вашего благородства, пусть ему будетъ прочтено самое предложеніе и пусть будетъ доставлена возможность узнать, по какимъ причинамъ мы, рабы царскіе, согнаны съ земли, которую мы доселѣ считали своею и людами которой пользовались. Если же она оказывается не нашею, то конечно, съ насъ будетъ сложена поземельная подать, какъ это признаеть справедливымъ и ваше превосходство, и она уже перейдетъ на всѣхъ ²⁾. Когда намъ принадлежащее у васъ оттягивается, когда сучекъ бываетъ видимъ, и комаръ обсасывается, тогда не должно оставаться незамѣченнымъ и бревно, и нельзя проглатывать верблюда. Ты имѣешь власть: сдѣлай относительно двора, что хочешь. Пусть онъ будетъ преданъ огню; пусть будетъ сожженъ; пусть поимется высокое пламя, чтобы при егѣ свѣтѣ обнаружилось невидимое. Богородица, которой принадлежитъ земля и дворъ, нынѣ вызывающія притѣсненія, да сохранишь тебя отъ всякаго стѣсненія.

6) ПАТРИАРХУ (НИКОЛАЮ).

Какъ ты рѣшился, скажетъ кто-нибудь, — свободно обращаться къ господину, послѣ того какъ ты въ продолженіе столькихъ лѣтъ замыкалъ свои уста храненіемъ молчанія и ничего ни о маломъ, ни о важномъ не говорилъ своему благодѣтелю, котораго ты долженъ былъ бы привѣтствовать и устами, и духомъ, и письмомъ, и во всемъ

¹⁾ ὡς περ καὶ τὰ τῶν ἀρχόντων, πάντων.

²⁾ Ἐπεὶ δὲ οὐχ ἡμετέρα δοκεῖ, ζευρόλογον πάντως καταθησομεθα τοῦτο, γινώσκουσι τῆς σῆς ὑπεροχῆς, ὡς καὶ εἰς πάντας ἀραμείται τοῦτο. Латинскій переводъ, въ который мы вѣдь заглянули изъ любопытства, совершенно бессмысленъ.

святить, сколько подобаетъ—и тѣмъ болѣе, что это не только господинъ, но и отецъ, расположеннѣйшій и любезнѣйшій изъ отцевъ? Если у меня есть душа, то эту душу патриархъ создалъ и устроилъ (Второзак., 32, 6) созданиемъ и устроениемъ крѣпкимъ и спасительнымъ; и кромѣ того, онъ способенъ по природѣ и навыку сострадать нашимъ слабостямъ. Можетъ быть, и самъ подвергавшійся испытанію, онъ изъ собственнаго опыта научился понимать наши страданія, чтобы не сказать чего большаго (ибо если съ зеленѣющимъ деревомъ это дѣлають, то съ сухимъ что будеть?), а можетъ быть, высотой своего ума онъ обнимаетъ то, что позналъ, не испытавъ самъ. Ему не безызвѣстны (увы, какъ бы это сказать?) нѣмѣншіе волчцы и тернии архіерействующихъ, которыя, воззившись въ нашу грудь, причиняютъ намъ глубокія страданія. До неба поднимаетъ главу свою наглость грѣшниковъ, убивающихъ вдову и сироту, умерщвляющихъ и туземца и пришельца (Псал. 93, 6); и нѣтъ помогающаго, нѣтъ избавляющаго, когда все отнимается и раскидается. Наши надругатели будутъ надъ нами господствовать; наши практоры (сборщики податей) собираютъ меньшія (колосья), оставленныя серпомъ (Ис. III, 4, 4). Всѣ надъ нами поставленные моложе насъ и возрастомъ, и умомъ, но тѣмъ они живѣе (дѣятельнѣе) на всякую несправедливость и обиду; они не старѣются, не отвѣтають, но постоянно вновь изобрѣтають новый видъ лихоимства и всегда обновляя внутри себя духъ кривды (Псал. 50, 12), не унимаясь ни предъ вразумленіями, ни предъ страхомъ людскимъ, но постоянно обращая свой взоръ къ чему то болѣе сильному, чѣмъ они укрѣпляются во злѣ, воспитываются и вѣрѣчаютъ въ беззаконіи. Если кто напомнитъ о царской власти и о сѣкирѣ, которую царь носитъ отъ Бога на страхъ злодѣямъ, то они насмѣхаются надъ устарѣвшимъ изреченіемъ и потѣшаются надъ простотою собесѣдника,—не знающаго ¹⁾, что это оружіе давно слѣлало тупымъ ихъ лицемѣріе. Болѣе того, ухищряясь тяжелымъ ударомъ подсѣчь излишнее его усердіе, они сознають ему ²⁾, собственныя бѣдствія, дабы, будучи свободенъ отъ заботъ о собственныхъ дѣлахъ, находящихся въ хорѣшемъ положеніи, онъ не стремился хлопотать о чужихъ, и такимъ образомъ, какъ бы направляя въ противную сторону теченіе, они отводятъ грозу отъ себя. Однимъ словомъ, сильные хвалятся своимъ зло-

¹⁾ μή εἰδότες; но слѣдуетъ читать, конечно: μή εἰδότες.

²⁾ αὐτῶν: слѣдуетъ читать: αὐτῶ.

дѣйствомъ (Псал. 21, 3). Они перехитряютъ такимъ образомъ жребій (μοῖραν) Божій и едва ли не говорятъ и сами подобно Фаравону: „Праздны вы, праздны, и отъ того придумываете праздникъ и отдохновение для народа“ (Иск. 5, 77). Послѣ этого работы дѣлаются еще тяжелѣе и приставники еще болѣе жестоки; клириковъ лишаютъ послѣдней одежды и оставляютъ нагиши; крестьянъ пересчитываютъ и подвергаютъ самому точному обследованію; земля измѣряется стопами блохи (κηθήμασι τῆς φύλλης), дабы она на самомъ дѣлѣ произрастила намъ терніе и волчцы; все разыскивается и взвѣшивается такъ что это безуміе доходить до измѣренія плоти и костей; испытаніе утробы и сердце — принадлежить уже сообща Богу и праторамъ. Вседержитель уже ни въ чемъ не имѣетъ преимущества предъ властителями міра, и отецъ будущаго вѣка — предъ князьями міра сего. Они шли впередъ: отъ оскверненія хищничествомъ принадлежащихъ Богу вещей (τὰ ἐν χρήμασι θεία), они дошли до присвоенія себѣ божественныхъ свойствъ, и муравей изъ среди нихъ превратился во льва, согласно съ загадкою у Иова. Свертъ того, они присваиваютъ себѣ безотчетность, и заблаговременно устраивая себѣ невозможность изобличенія, они наизобрѣнно производятъ путаницу въ дѣлахъ. Наконецъ, они допускаютъ смягчать себя подарками (μολύματα), и когда ихъ получаютъ, раздражаются и пугаютъ всегда тѣхъ, кто далъ однажды, какъ осужденныхъ (δεδωτημένους) давать всегда; а если не получаютъ, то бываютъ свирѣпы (ἀγρυπνοῦσιν). Они полагаютъ, что епископъ не испытываетъ голода, что у него все рождается изъ земли безъ посѣва и безъ обработки; что рѣки у него влекутъ на днѣ своемъ самородное золото; что собаки рождаютъ ему коней и лошаковъ, и что у служителя Вожія всегда все ново, а если этого нѣтъ, то онъ уже не служитель Бога, а человѣкъ проклятый и оскверненный, оскорбитель Божества — вслѣдствіе пресыщенія, пристрастный къ своимъ близкимъ, раздаватель приданаго, и едва ли не худшіе самыхъ демоновъ. Они не страшатся обвинять его въ томъ, въ чемъ они сами безумно грѣшатъ противъ христіанъ, побуждаемые страстію стяжанія; но напротивъ, на обвиненіяхъ противъ епископовъ они строятъ собственную защиту, какъ будто имъ предстоитъ еще какой побѣднѣйшій призъ (ἐπαύλιον), когда они, разоривъ церковное имущество, опозорятъ еще и настоятелей церкви. Все это совершается; можетъ быть, не безъ разума (имѣетъ смыслъ); именно, чтобы не оставалось ничего, на что они не посягнули бы, и чтобы при расхищеніи стада пастырь не оставался не пораженнымъ; но чтобы видно было

единство главы съ тѣломъ — не только изъ сочувствія ея къ боли остальныхъ членовъ, но также изъ того, что и она не остается свободною отъ поражения и раны; пусть она страдаетъ двойнымъ страданіемъ: и вслѣдствіе соучастія, которое она принимаетъ въ другихъ, и вслѣдствіе боли, которую она сама испытываетъ. Ради того, я рыдаю, говоритъ Іеремія;—ради того, какъ и тебѣ самому извѣстно, я сдѣлался безгласенъ. Ибо я не такъ вѣрюкъ душею, чтобъ я могъ легко страхнуть съ себя такія тяготы и легко относиться къ своему долгу. Но признаюсь, я стою ниже такой высоты золь; сила моя—не сила камня. Я бѣдный человѣкъ (Римл. 7, 24) и нуждающийся въ успокоеніи. Ради того, я снова разрѣшилъ узы языка моего, убѣжденный, что ты не отвергнешь словъ того, который, какъ ты знаешь, замолчалъ по неволѣ (βλαίωσ). Я знаю, что мнѣ будетъ легче, послѣ того какъ я, сколько возможно, иволю то, что меня тяготитъ; еще болѣе — можетъ быть, я избавлюсь отъ своего горя твоими молитвами, или по крайней мѣрѣ, буду подвергаться болѣе умѣренному испытанію, либо соберусь съ силами, чтобы переносить его терпѣливѣе. Итакъ, не пренебреги настоятельными просьбами предъ милостивымъ нашимъ государемъ, зная (какъ ты и самъ насъ тому учишь), что ты окажешь великое благодѣяніе не только обижаемымъ, но—еще большее — самимъ содѣвающимъ зло, такъ какъ для нихъ отъ собственного беззаконія — еще больший вредъ, вредъ, поражающій душу. Если бы дѣло шло о пользѣ одной стороны, и тогда нашъ владыка былъ бы готовъ сдѣлать доброе; когда же предстаетъ выгода для обѣихъ сторонъ, да еще духовная, то не приведетъ ли онъ въ движеніе всѣ способы, не пуститъ ли въ ходъ всякую жалобную мольбу, чтобы разлилось добро и направилось туда, гдѣ болѣе поводовъ для благодѣянія? Вотъ съ чѣмъ мы обращаемся къ тебѣ, мудрое и чистое жилище Духа! Это, можетъ быть, нѣчто большее письма, но меньшее—трагедіи, а даже и сказать нельзя — во сколько меньшее, чѣмъ самна дѣла. Дай Богъ, чтобъ эта чаша горести или убавилась или бы переполнилась, или же чтобы мы приучились легче пить ее твоими за всѣхъ молитвами, святой владыко!

Изъ писемъ Теофилакта, какъ бы не были преувеличены содержащаяся въ нихъ жалобы, несомнѣнно слѣдуетъ то заключеніе, что положеніе духовенства въ его время (о монастыряхъ онъ не говоритъ) было и не особенно выгодно, и не особенно почетно. Духовенство, за нѣкоторыми исключеніями, основанными на частныхъ привилегіяхъ, вообще обязано было платить поземельную подать съ своихъ земель-

ныхъ участковъ и не было свободно отъ другихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ казенныхъ поборовъ. Оно, вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ населеніемъ, было отдано въ жертву многочисленной своекорыстной, жадной и дерзкой толпы сборщиковъ податей, подкрѣпленной отрядами писцовъ и дозорщиковъ: впрочемъ, объ функціи, судя по письмамъ Теофилакта, въ его время соединялись иногда въ однихъ и тѣхъ же лицахъ. Первая извѣстная намъ попытка улучшить положеніе низшаго свѣтскаго духовенства относится къ царствованію четвертаго императора изъ дома Комниновъ (считая также Исаака). Валсамонъ (который жилъ во второй половинѣ XII вѣка) въ своихъ толкованіяхъ на соборные каноны сообщаетъ намъ содержаніе золотой грамоты, изданной Мануиломъ Комниномъ въ 1144 году, въ началѣ его правленія. Эта грамота давала всѣмъ іереемъ, живущимъ въ какой бы то ни было изъ областей Романіи и числящимся въ податныхъ спискахъ, не только полную свободу отъ всякой казенной повинности, но вмѣстѣ съ тѣмъ изытаніе отъ поземельной подати (*ἀτάλαια τοῦ ζευγολογίου*). Черезъ нѣсколько времени потомъ, онъ, по словамъ Валсамона, даровалъ казеннымъ, то-есть, на государственной податной землѣ сидящимъ, священникамъ освобожденіе и отъ особыхъ сборовъ, которые помимо другихъ повинностей, давали на землевладѣльцахъ и назывались „четырьмя статьями“¹⁾. Онъ распространилъ свободу отъ казенныхъ повинностей и на всѣхъ священниковъ, живущихъ на земляхъ монастырскихъ и владѣльческихъ (*προσῳπικαῖς*). Послѣдніе, изытанные такимъ образомъ отъ всякаго отношенія къ казнѣ, даже не должны были подлежать впредь переписи, то-есть, имена ихъ уже не вносились въ податные списки. Что же касается священниковъ, живущихъ на казенныхъ податныхъ земляхъ, то напротивъ, слѣдовало тотчасъ составить ихъ списокъ и описать ихъ земельныхъ участковъ, съ тѣмъ чтобы въ будущемъ количество обильной церковной земли не увеличивалось. Валсамонъ прибавляетъ, что когда черезъ нѣсколько времени появилось извѣстное количество казенныхъ священниковъ сверхъ нормы, опредѣленной грамотою, то съ нихъ сборщики податей стали взysкивать не только поземельную подать, но и всѣ повинности. Послѣднее, впрочемъ, синодомъ Констан-

¹⁾ Объ этихъ четырехъ статьяхъ рѣчь будетъ послѣ. Здѣсь мы замѣтимъ только, что Цехаріевъ въ своемъ изданіи новеллъ, приводя изложеніе Валсамона, опустил вслѣдствіе недоразумѣнія, которое съ его стороны представляется удивительнымъ, тѣ именно слова, которыя говорятъ о четырехъ статьяхъ.

тинопольскимъ признано было несправедливостію и злоупотребленіемъ.

Здѣсь же должны быть отмѣчены два постановленія императора Мануила, касающіяся—одно имѣніе великой Софійской церкви, другое монастырскихъ недвижимыхъ имуществъ. Для тѣхъ и другихъ были дарованы совершенно одинаковыя льготы, для первыхъ въ 1153 году, для вторыхъ въ 1158 году ¹⁾. Льготы эти состояли въ томъ, что 1) всѣ земли, накопившіяся въ фактическомъ владѣніи великой церкви и монастырей, расположенныхъ по сосѣдству съ столицей на обѣихъ сторонахъ пролива и на островахъ, объявлялись ихъ неотъемлемою и бесспорною собственностію, хотя бы св. Софія и монастыри и не имѣли надлежащихъ документовъ на ту или другую землю, или же имѣли бы документы и права „хромающія“, либо оспориваемыя какою чрезъ посредство писцовъ и дозорщиковъ; 2) земли эти, такимъ образомъ утверждаемыя за монастырями, должны были на будущее время сдѣлаться совершенно свободными отъ всякихъ новыхъ переписей; никакой писецъ, дозорщикъ или приправникъ (ἐπιστάτης), или же членъ какого-либо приказа не имѣлъ права появляться на нихъ для переписи, сбора подымнаго, для изысканія мѣръ земли или количества париковъ и такъ далѣе. Одинъ разъ на всегда, вслѣдъ за изданіемъ грамоты, предполагалось составить и выдать монастырямъ *πρακτικά*, то-есть, владѣнныя записи, содержащія въ себѣ и опись имѣнія; 3) при этомъ дѣлалась весьма важная оговорка, которая, быть можетъ, и даетъ только настоящій смыслъ царскимъ жалованнымъ грамотамъ: на будущее время монастыри не будутъ имѣть права увеличивать своихъ поземельныхъ владѣній или умножать число париковъ (крестьянъ), на нихъ сидящихъ.

Какъ видно изъ сообщеній Валсамона, предполагавшіяся владѣнныя записи не были выданы монастырямъ въ назначенный срокъ, а въ 1176 г. совсѣмъ было отмѣнено постановленіе 1158 года относительно монастырей, такъ что, по словамъ нашего ученаго іерарха, недвижимыя монастырскія имущества расхищались послѣ этого съ новымъ усердіемъ.

Въ заключеніе мы приводимъ одинъ небольшой отрывокъ изъ знаменитаго и обширнаго сочиненія Евстаѳія Солунскаго „о исправленіи монастырской жизни“, такъ какъ мы уже ранѣе противопоставили взглядъ Евстаѳія на монастырское землевладѣніе жалобамъ и сѣто-

¹⁾ См. *Zachariae*, Jus Graecorum, III, 446, 450.

ваніямъ патріарха Антиохійскаго Іоанна. Отрывокъ, начинающійся съ 117-й главы представляетъ любопытную и поучительную картину монастырскихъ хозяйственныхъ правовъ и отношеній монастырей къ сосѣднимъ крестьянамъ и помѣщикамъ. Обращаясь къ монахамъ, Евставій говоритъ:

117) Кто приходитъ къ вамъ, вмѣсто того, чтобы поучиться скромности, разумности, благоприличію и всякой доброй наукѣ, уходитъ, не получивъ отъ подвижниковъ какой-либо другой пользы, кромѣ одного мірскаго знанія, при томъ не какого-либо благороднаго знанія, а совершенно пошлаго. Напримѣръ, чтобы изъ многихъ примѣровъ выбрать немногіе: какимъ способомъ и какъ долго можно сохранить жито, и въ какое время можно продать его дороже? Гдѣ можно найти другой его запасъ по надлежущей, или что то же, по дешевой цѣнѣ, чтобы сдѣлать выгодный оборотъ и получить барышъ и отъ этой покупки? Какіе возможны подобнаго же рода обороты относительно вина? Винныя выжимки (σά γίγαρτα, винныя ягоды) слѣдуетъ сберегать, потому что они приходятся на милостыню просящимъ ея, и особенно слѣдуетъ хранить отруби, потому что и онѣ хороши такимъ людямъ во время голода для прокормленія. Парики (ἡ παροκία) находятъ въ хорошемъ положеніи вслѣдствіе урожая: слѣдуетъ наложить на ихъ землю болѣе тяжелой педаты. Жильцы (ἡ ἐνοικία) богатѣютъ отъ всякаго рода торговли и другими путями: слѣдуетъ возвысить съ нихъ плату за помѣщеніе. Такой-то братъ, хозяйничавшій на такомъ-то помѣстии монастырскомъ, возбуждаетъ подозрѣніе, что слишкомъ наживаетъ: нужно обойти его ловкимъ образомъ, чтобы не одинъ кормился оттуда. И вотъ усиленнымъ образомъ усчитывается управитель (ὁ διακονήτης): и если онъ ничего не имѣетъ, то осуждается какъ простякъ, добрякъ и глупецъ; а если будетъ уличенъ, что нѣчто имѣетъ, и если какъ-нибудь тѣмъ не подѣлится, когда у него потребуютъ, то его топчутъ и рвутъ самымъ жестокимъ образомъ, и то, что выжмутъ изъ него, то не причисляется къ монастырскому имуществу, но достается великому отцу (игумену) и слѣдующимъ за нимъ избранникамъ, что называется — лучшимъ старцамъ.

118) Когда такимъ образомъ одинъ будетъ уволенъ отъ управления (ἀποχωροτοδότης τοῦ προνοήτου), отыскивается другой практикъ, который уже не подвергъ бы осужденію главы своей и не заставилъ бы избранную компанію волноваться и сердиться и такимъ образомъ нарушать законъ братолюбія. И вотъ отыскивается желаемый

братъ (потому что никогда не оскудѣеть у нихъ такой человѣкъ): его берутъ и отдѣльно готовятъ ко вниманію, послушанію и безкорности. Отецъ (игуменъ) поучаетъ жить во всемъ благопріично (*καθαρίως*) и какъ слѣдуетъ лицу, представляющему во внѣ роль са-мого гавны, а всякую прибыль, приходящую отъ Бога; (ничего, по-нашагося, говорить онъ, — не должно опускать, когда есть на то право) слѣдуетъ представлять старцамъ и полагать предъ отческими сто-пами, и не должно, де, при этомъ обманывать хотя бы даже на одинъ оволь; иначе онъ подвергнется великому несчастію, на подобіе Ана-ніи и Сапфиры, а сверхъ того, такому же потоптанію ногами, какъ и прешественикъ, даже до изверженія.

119) Такъ поучаютъ учителя и во главѣ ихъ великій отецъ (игу-менъ). А посвящаемый (въ таинство) киваетъ утвердительно головой, благопріично надѣваетъ на себя маску послушанія, хотя и вовсе не того, какое требуется духовно; затѣмъ удаляется, дѣлаетъ, чего естественно ожидать отъ такого человѣка, возвращается во время свое и даетъ грязный плодъ свой кому слѣдуетъ, и такимъ образомъ обращаются благая душѣ его. Его не топчутъ ногами, а принимаютъ какъ дражайшаго сына. Онъ получаетъ свою долю и въ украденномъ, и въ похищенномъ. Потомъ, когда онъ усвоитъ себѣ этотъ приемъ, послѣ многократныхъ повтореній, изъ него выходитъ настоящій бо-гачъ (*Ζαδύκλουτος*). Еще немного, и уже другой ему соревнуеть, обнаруживая природныя способности къ такой наукѣ. Такой урокъ, часто повторяемый, умножаетъ число учениковъ, которые не будутъ вироками, непохожими на отца. И такимъ образомъ погибаетъ онъ самъ, и они, и весь монастырь.

120) Вотъ еще нѣчто, принадлежащее къ тому же разряду совре-менной намъ монашеской практики. Такой-то, говорятъ, разбогатѣлъ: славится полями, домами, скотомъ и всѣмъ прочимъ, что составляетъ кажущееся благополучіе міра сего. Нужно подойти къ нему посред-ствомъ угощенія, на чтò всего легче падки мірскіе люди. И вотъ плачь приводится въ исполненіе. Поймавъ на удочку простаковъ, обо-ротливые монахи увлекаютъ ихъ къ себѣ; и съ начала, вымывъ ихъ въ теплой банѣ, чтò, на подобіе святой воды, служить у нихъ нѣ-которымъ мистическимъ предварительнымъ дѣйствиємъ, приводящимъ человѣка въ благопріятное настроеніе, — предлагаютъ имъ разныя пріятности пици и питья. Впрочемъ, это даже не благовидный пред-логъ, какъ бы, пожалуй, сказалъ другой, — а просто дѣтская приманка (*ἰουταία τιθεοτική*). Большую часть они сами же проглотятъ и тре-

будутъ, чтобы гости были имъ благодарны за угощеніе. Но вотъ, угостивъ ихъ какъ-ни-какъ, они пускаютъ въ ходъ и духовную приманку: они хвалятся своимъ воздержаніемъ — они, не обладающіе никакого различія въ лицѣ; говорятъ о томъ, какъ они по своей добродѣтели чужды голода и жажды — они, пресыщенные; и какъ они потому легко бодрствуютъ вслѣдствіе необремененности тѣла. Постывшись въ святую философію, они замѣчаютъ, что обремененный желудокъ столько же неудобенъ для бѣга, сколько и для сна. Они предъявляютъ въ видѣ похвалы и видѣнія, и богоявленія, и чудотворенія, и другое тому подобное; всѣмъ этимъ набожный умъ и любитель божественнаго оперяется и боголюбиво возгорается желаніемъ горняго. Все это на самомъ дѣлѣ сонныя мечтанія, какія развѣшиваются на слоновыхъ воротахъ (?).

121) Когда, такимъ образомъ очаровавъ своего слушателя, они привлекутъ его соблазнами духовнаго убѣжденія къ постриженію, и онъ будетъ ссылаться на суровость монашеской жизни, и станетъ говорить, что ради этого самаго онъ медлитъ постриженіемъ, тогда они тотчасъ заюютъ другую пѣсню; завлекая намѣреющагося войти, они сбѣщаютъ ему бевтрудную святость, спасеніе безъ пѣта, близость къ Богу безъ всякаго посредства, входъ въ рай, отъ котораго будетъ удаленъ огненный мечъ, добродѣтель, для достиженія которой не будетъ необходимости обмываться потоками пѣта, жатву безъ посѣва и пашни, самородящійся сборъ винограда, плаваніе столько же безопасное, сколько и прибыльное, и другія такъ же привлекательныя вещи. И вотъ когда они научатъ и убѣдятъ, что совершенство достигается вовсе не трудами, и соблазнять человека, когда обманутый окажется удовлетненнымъ внутри сѣтей со всѣмъ своимъ достоинствомъ, имѣніями и деньгами, тогда-то они покажутъ, каковы они въ своей наукѣ, и что они посредствомъ ея могутъ доказать. Очистивъ пазуху пришельца, исполнивши желаніе своего сердца, они отпускаютъ его гулять свободно на волю, такъ какъ въ немъ не оказалось даже и слѣда добродѣтели... Если онъ какъ-нибудь задумаетъ воротать, тогда сейчасъ же найдетъ многое противъ него: и что ты за человекъ, и какая въ тебѣ сила, и какая отъ тебя польза? Они угрожаютъ этому человеку, что онъ лишится и остальнаго, что ему было оставлено по общему соглашенію при отпущеніи на свободу; они сошлются при этомъ на правило и свой почтенный уставъ (типики), по которому каждый изъ братьевъ обязывается къ нестяжательности — у нихъ такихъ стяжателей.

122) Въ слѣдующей главѣ, въ очень яркихъ образахъ и съ большимъ юморомъ, Евставій развязываетъ дальнѣйшія превращенія обманутаго постриженца. Лишившись всего, что было у него за пазухой, онъ дрожитъ за то, что ему оставлено; и такъ какъ въ слѣдствіе постриженія онъ не можетъ убѣжать отъ плѣнившихъ его, то остается при монастырѣ. Впрочемъ, игумень съ братіей скоро даютъ ему волю ходить по желаніямъ сердца его. Онъ опять обращается къ хозяйству; изъ него выходитъ отличнѣйшій промышленникъ и кулакъ: онъ сѣетъ лѣтъ, разводитъ и обдѣлываетъ ленъ, занимается лошадьми, потому что если конь — и лошъ во спасеніе, то хорошая статья въ торговлѣ; онъ держитъ табуны лошаковъ и ословъ, возитъ на нихъ дрова для себя и для другихъ, торгуетъ волами; онъ гордится умноженіемъ числа дѣтей у крестьянъ, мальчиковъ и особенно дѣвочекъ и т. д.

123) Вотъ уловки, посредствомъ которыхъ наши мудрые практики улавляютъ челоѣва богатаго, способнаго поддаться на удочку. Они заучаютъ также и бѣднаго, часто и его тоже не совѣмъ по доброй волѣ; а если у него есть одно только жилище, хотя бы даже похожее на пшалашъ, но расположенное въ удобномъ мѣстѣ, то еще и съ какими хлопотами: и чего они только не выдѣлываютъ потомъ надъ нимъ и чрезъ него! Надъ нимъ — потому что этотъ челоѣвъ не найдеть у нихъ себѣ отдыха во всю свою жизнь; пренебрегаемый, унижаемый, презираемый, онъ выноситъ все то, что испытываютъ бѣдные люди (*καλορίται*), не платящіе подати (*ἀροντελαίς*), отъ господъ, которые, въ слѣдствіе излшества, доходятъ до полнаго къ нимъ презрѣнія. Чрезъ него — потому что они (монахи), усѣвшись подлѣ, строятъ за тѣмъ засаду то противъ сосѣдящаго съ бѣдною хижиною виноградника, то противъ поля; они поджидаютъ удобнаго случая захватить чужое жилище или лугъ, либо задавивъ сосѣдей, либо обманувъ ихъ. Такимъ образомъ они расширяются на подобіе пламени, пожирающаго все близь лежащее, не потому чтобы они имѣли какую въ томъ нужду, но чтобы легче было скрыть свои грѣхи при неизмѣни вѣнокъ себя сосѣдей, чтобы казаться страшными своимъ большимъ богатствомъ, и чтобы, укаливъ всѣхъ, обратить ихъ, если можно, въ рабство.

124) Таковъ ихъ образъ дѣйствій. — Остается нѣчто, еще болѣе грубое, покрытое болѣе густымъ слоемъ грязи; но это могъ бы избрать какой-нибудь обличительный писатель предметомъ своего сочиненія; мы же далеки отъ того на большое разстояніе, потому что мы держали и доселѣ рѣчь не для огорченія, а для исправленія, если еще

возможно въ чемъ исправленіе для нынѣшнихъ людей. Таково, чтобы выразить все одною чертой, поведеніе этихъ вышнихъ (то-есть, нестолычныхъ) большихъ монастырей—грубое, негнѣное, нестройное, расплывающееся со всѣми условіями приличія. Древніе блаженныя цари, по видимому, предвидѣли, что и въ монастыряхъ, которые они сами устроивали, водворятся тѣ же самыя обычаи, если они не придумаютъ какой-нибудь мудрой мѣры, на сколько это было возможно. И вотъ, они положили совѣтъ, которымъ на дальнее разстояніе отгонялось отъ монастыря фальшивая и вредная для монашеской жизни практика, нисколько не служащая къ улучшенію самихъ монашествующихъ, но приносящая положительный вредъ посѣтителямъ ихъ и другимъ искушаемымъ, а вмѣсто ея вводилась боголюбивая и общественная практика, не обращающая въ притворную ложь божественное имя. Слѣдствіемъ этой царской предусмотрительности было поставленіе во главѣ большихъ монастырей начальниковъ изъ среды мирскихъ людей, дабы подвижники (то-есть, монахи) были единственно заняты богоугодными дѣлами, а (мирскіе) начальники пеклись о многомъ, и на подобіе нѣкоторыхъ выставленныхъ впередъ ослотовъ, отражали житейскія волны и обращали ихъ назадъ, сохраняя саміи монастырь отъ всякаго волненія, если только природа допускаетъ это, или, по крайней мѣрѣ, отъ сильнаго потрясенія.

125) Есть въ этихъ монастыряхъ и такіе, которые добровольно подчинили себя какому-нибудь многомогущему боголюбивому лицу; предоставивъ ему вышнюю оборону, все дѣлать и все выносить, что касается закона и суда, они сами остаются спокойными, заботятся о душѣ, заняты однимъ дѣломъ, исполненіемъ заповѣдей..... Знакомые намъ по опыту монастыри не таковы..... Здѣсь вмѣсто псалтыри и всякаго священнаго писанія подвижники держатъ въ рукахъ вѣсы, чтобы обвѣшивать, и счеты, чтобы обсчитывать (паразитическаго характера) и т. д.

В. Васильевскій.

УСТРОЙСТВО ЗАГРАНИЧНЫХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ¹⁾.

I. ПРУССІЯ.

I.

Преобразованія въ устройствѣ прусскихъ гимназій.

Предположенія о преобразованіяхъ въ устройствѣ Прусскихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія до сихъ поръ, еще не обнародованы; выработанный же въ этомъ министерствѣ проектъ новаго учебнаго закона былъ только сообщенъ для обсужденія другимъ вѣдомствамъ. Вотъ почему мнѣ удалось получить объ означенномъ законѣ лишь немногія и отрывочныя, но все-таки интересныя, свѣдѣнія, которыя касаются во 1-хъ измѣненій въ учебныхъ планахъ гимназій, реальныхъ и городскихъ училищъ, а во 2-хъ соображеній и совѣщаній о программѣ математики и объ объемѣ, въ какомъ необходимо преподавать эту науку въ гимназіяхъ, дабы абитуриенты могли съ успѣхомъ слушать высшую математику и техническія науки въ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Прежде всего считаю необходимымъ сообщить таблицу предполагаемаго числа недѣльныхъ уроковъ въ гимназіяхъ. Въ этой таблицѣ высшій классъ, по прусскому обычаю, обозначенъ VI-мъ (секста), а высшій Ia—или высшая прима — соотвѣтствовалъ бы у насъ 9-му классу, если бы наши гимназіи были 9-классныя.

---

¹⁾ Статья эта есть извлеченіе изъ отчета члена совѣта министра народнаго просвѣщенія А. М. Гезена о заграничномъ путешествіи его въ теченіе лѣта 1878 года.

Для нагляднаго представленія предполагаемыхъ измѣненій, въ таблицѣ, послѣ итоговъ числа уроковъ по разнымъ предметамъ по проекту новаго устава, въ особой графѣ обозначено число уроковъ по тѣмъ же предметамъ по нынѣ дѣйствующему уставу, и наконецъ— въ послѣдней графѣ—разница между обоими числами.

Таблица числа недѣльныхъ уроковъ въ гимназіяхъ по проекту новаго прусскаго учебнаго закона.

ПРЕДМЕТЫ:	К Л А С С Ы:									Всего.	Было.	Измѣнен.
	VI	V	IV	III b.	III a.	II b.	II a.	I b.	I a.			
Законъ Божій.	2	2	2	2	2	2	2	2	2	18	20	- 2
Языкъ отечеств.	3	2	2	2	2	2	2	3	3	21	20	+ 1
> латинскій	10	9	10	9	9	9	9	8	8	81	86	- 5
> греческій	—	—	—	7	7	7	7	7	7	42	42	—
> французскій.	—	4	4	2	2	2	2	2	2	20	17	+ 3
Исторія и географ.	3	3	4	3	3	2	2	2	2	24	25	- 1
Математика.	4	4	4	3	3	4	4	4	4	34	32	+ 2
Естеств. исторія	2	2	2	2	2	—	—	—	—	10	8	+ 2
Физика.	—	—	—	—	—	2	2	2	2	8	6	+ 2
Рисованіе.	2	2	2	—	—	—	—	—	—	6	6	—
Чистописаніе	2	2	—	—	—	—	—	—	—	4	6	- 2
Итого.	28	30	30	30	30	30	30	30	30	268	268	—

При разсмотрѣніи этой таблицы и сравненіи ея съ учебными планами нынѣ существующихъ прусскихъ, а также нашихъ, гимназій оказывается слѣдующее:

1) Общее число уроковъ по новому проекту остается безъ измѣненія какъ въ цѣломъ, такъ и отдѣльно въ каждомъ классѣ. Оно превышаетъ по прежнему число уроковъ въ нашихъ гимназіяхъ въ двухъ высшихъ классахъ на 3, въ остальныхъ на 4 и на 6.

2) Наиболье уроковъ прибавляется по французскому языку, именно 3; общее число этихъ уроковъ за всѣ 9 лѣтъ будетъ теперь 20, а въ продолженіе первыхъ 8 лѣтъ 18; въ нашихъ гимназіяхъ оно 19.

3) На математику и физику предполагается прибавить по 2 урока, вслѣдствіе чего за первые восемь лѣтъ число уроковъ физики будетъ 6, ровно столько же сколько и въ нашихъ гимназіяхъ; число уроковъ математики будетъ 30, однимъ урокомъ больше чѣмъ въ нашихъ гимназіяхъ, тогда какъ доселѣ въ продолженіе тѣхъ же 8 лѣтъ было лишь 28.

4) На естественную исторію также прибавляется 2 урока къ теперешнимъ восьми; но такъ какъ изъ этихъ 8 уроковъ 4 не обязательны, а изъ новаго учебнаго плана не видно, предполагается ли и впредь оставить таковыми нѣсколько уроковъ въ низшихъ классахъ, то, по имѣющимся у меня даннымъ, нельзя еще опредѣлить сколько въ точности будетъ обязательныхъ уроковъ по естественной исторіи.

5) На отечественный языкъ прибавляется 1 урокъ, такъ что въ продолженіе всего курса будетъ этихъ уроковъ 21, въ продолженіе же 8 лѣтъ только 18, противъ 25 въ нашихъ гимназіяхъ.

Такимъ образомъ на пять поименованныхъ сейчасъ предметовъ прибавляется 10 уроковъ; но такъ какъ общее число учебныхъ часовъ довольно значительно, то по нѣкоторымъ другимъ предметамъ предполагается убавить всего также 10 уроковъ, а именно: 1) по исторіи и географіи 1 урокъ, черезъ что число уроковъ по этимъ предметамъ за первые 8 лѣтъ сравняется съ числомъ тѣхъ же уроковъ въ нашихъ гимназіяхъ.

2) По закону Божію 2 урока, послѣ чего останется еще 18, а въ продолженіе 8 лѣтъ 16 уроковъ, противъ 13 въ нашихъ гимназіяхъ, въ коихъ, сверхъ того, еще 4 урока по этому предмету въ приготовительномъ классѣ.

3) По чистописанію также два урока; останется лишь 4, противъ 5 въ нашихъ гимназіяхъ

4) По латинскому языку предполагается убавить 5 уроковъ, такъ что вмѣсто 86 останется 81 урокъ, въ продолженіе же первыхъ 8 лѣтъ 73 урока, все еще на 24 урока—около одной трети—болѣе чѣмъ въ нашихъ гимназіяхъ. Касательно греческаго языка предполагается лишь то измѣненіе, что онъ будетъ преподаваться въ продолженіе 6 лѣтъ по 7 часовъ, вмѣсто 7 лѣтъ по 6 часовъ, общее же число уроковъ останется то же что и теперь, т. е. 42, противъ 36 въ нашихъ гимназіяхъ.

Изъ предшествующаго обзора видно, что въ нашихъ гимназіяхъ на законъ Божій, математику, физику, исторію съ географіей, новѣйшій иностранный языкъ и чистописаніе положено почти одинаковое число уроковъ какъ и по новому учебному плану прусскихъ гимназій за первые восемь лѣтъ учебнаго курса, затѣмъ у насъ гораздо—на цѣлую треть—болѣе уроковъ по отечественному языку, но за то огромный недочетъ противъ прусскаго учебнаго плана по самому главному—вмѣстѣ съ математикой—предмету, т. е. по древнимъ языкамъ, не смотря на предполагаемое въ прусскихъ гимназіяхъ сокращеніе преподаванія латинскаго языка на пять уроковъ.

Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что въ трехъ низшихъ классахъ прусскихъ гимназій было и будетъ обязательно обученіе рисованію, — а этотъ предметъ отнесенъ у насъ къ числу необязательныхъ.

Соображенія и совѣщанія о программѣ математики.

По поводу предполагаемой прибавки двухъ уроковъ по математикѣ прусскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія были высказаны слѣдующія соображенія.

1) Примѣчаніе о числѣ уроковъ:

„Увеличеніе числа уроковъ, назначенныхъ на преподаваніе математики, имѣетъ цѣлю не усиленіе требованій, но болѣе твердое усвоеніе познаній и примѣненій ихъ на практикѣ. Обученіе геометріи начинается въ кварталѣ. ¹⁾ Обусловленная важностію другихъ учебныхъ предметовъ необходимость удержать въ обоихъ отдѣленіяхъ терціи теперешнее число 3 уроковъ не представляетъ особеннаго неудобства потому, что курсъ каждаго изъ этихъ отдѣленій продолжается по году. Въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ низшая и высшая терція соединены въ одинъ классъ, онъ долженъ быть раздѣленъ, для математическихъ уроковъ, на два послѣдовательные класса“.

2) Цѣль преподаванія:

„Навыкъ въ производствѣ вычисленій надъ опредѣленными числами, также въ примѣненіи этихъ вычисленій къ потребностямъ повседневной жизни. Ариметика до вывода формулы Ньютонова бинома и алгебра до уравненій второй степени включительно. Планиметрия и стереометрія, а также плоская тригонометрія. По всѣмъ этимъ

¹⁾ По нашему въ 3-мъ классѣ.

отраслямъ должно достигнуть не только знанія основныхъ предложеній, но также навыка въ ихъ примѣненіи“.

3) Объясненія:

а) „Обученіе элементарной ариметикѣ въ низшихъ классахъ должно производиться такимъ образомъ, чтобы оно не только согласовалось съ послѣдующимъ преподаваніемъ математики, но служило бы подготовленіемъ къ оному и подспорьемъ. Строго слѣдуетъ соблюдать благоразумную умѣренность въ производствѣ такъ называемыхъ обиходныхъ способовъ вычисленій, которымъ въ нѣкоторыхъ учебникахъ дается слишкомъ много мѣста. Во многихъ случаяхъ затрудненіе лежитъ не въ самомъ вычисленіи или подведеніи извѣстныхъ обстоятельствъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ подѣ форму ариметическаго правила, но въ пониманіи самыхъ тѣхъ обстоятельствъ. Это пониманіе, лишь съ большою потерей времени и рѣдко съ прочнымъ успѣхомъ достижимое для мальчиковъ въ низшихъ классахъ, не представляетъ затрудненія при дѣйствительномъ вступленіи на поприще подобныхъ сношеній для того, кто приобрѣлъ навыкъ въ вычисленіяхъ вообще“.

б) „Вслѣдствіе увеличенія числа уроковъ математики въ квинтѣ и квартѣ и вслѣдствіе введенія одно-годичныхъ курсовъ, программы всѣхъ классовъ оказались на столько умѣренными, что могутъ быть исполнены безъ затрудненія. Такъ какъ въ области математики пробѣлы въ элементарныхъ познаніяхъ и умѣньяхъ труднѣе чѣмъ въ какой-либо другой области могутъ быть восполняемы домашними занятіями, и такъ какъ затрудненія, встрѣчаемыя при обученіи математикѣ въ высшихъ классахъ, какъ дознано опытомъ, почти безъ исключенія зависятъ отъ таковыхъ элементарныхъ пробѣловъ, то добросовѣстная строгость при переводѣ изъ класса въ классъ становится тѣмъ болѣе настоятельнымъ долгомъ относительно учениковъ“.

с) „Дѣйствительное усвоеніе математическаго знанія и умѣнья въ томъ объемѣ, какой обозначенъ какъ цѣль для преподаванія въ гимназіяхъ, по положительному заявленію компетентныхъ специалистовъ, достаточно и для поступленія въ высшія техническія учебныя заведенія. Этого объема не должно суживать, но и не слѣдуетъ расширять его введеніемъ въ школьное преподаваніе сферической тригонометрии или аналитической геометрии, а тѣмъ менѣе дифференціального изчисленія. Впрочемъ этимъ не возбраняется, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія изъ сферической тригонометрии на сколько они могутъ служить для уясненія ос-

новыхъ понятій математической географіи, или же изложить аналитическимъ способомъ элементарное ученіе о коническихъ сѣченіяхъ, при чемъ даже возможно дать воспитанникамъ понятіе о дифференціальномъ коэффициентѣ. Однако не должно давать учащимся повода предполагать, что они уже ознакомились со сферическою тригонометріею или аналитическою геометріею*.

Выработанный въ министерствѣ просвѣщенія проектъ новаго учебнаго закона въ Пруссіи, какъ уже выше упомянуто, былъ сообщенъ на разсмотрѣніе другимъ вѣдомствамъ, въ томъ числѣ и министерству торговли. Такъ какъ этому министерству до сихъ поръ были подчинены промышленныя училища и политехническіе институты, то оно обратило особенное вниманіе на программу математики въ гимназіяхъ, изъ коихъ абитуриенты пользуются правомъ поступленія во всѣ высшія учебныя заведенія, а слѣдовательно и въ техническія. Желая узнать мнѣнія компетентныхъ лицъ объ означенной программѣ, бывший министръ торговли Ахенбахъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1878 г. препроводилъ ее вмѣстѣ съ учебнымъ планомъ и соображеніями министерства просвѣщенія во всѣ 4 высшія техническія учебныя заведенія Пруссіи: Берлинскія промышленную и строительную академіи, и въ Ганноверскій и Ахенскій политехническіе институты. Учебнымъ корпораціямъ этихъ заведеній, въ особенности же преподавателямъ, преимущественно заинтересованнымъ изученіемъ математическихъ наукъ, было поручено подвергнуть тщательному обсужденію вопросъ о томъ, достаточенъ ли для поступленія въ высшія техническія училища объемъ математическихъ познаній, приобретаемыхъ на основаніи новаго учебнаго плана.

Отвѣты на этотъ вопросъ распадаются на двѣ категоріи: съ одной стороны весьма схожи между собою отвѣты Ганноверскаго и Ахенскаго политехническихъ институтовъ, которые нашли новую программу вполне достаточною; а съ другой объ Берлинскія академіи находятъ желательнымъ нѣкоторое разширеніе той-же программы. Последнее обстоятельство, быть можетъ, зависитъ отчасти и отъ того, что въ комисіи, разсматривавшей этотъ вопросъ въ Строительной академіи, половина членовъ были тѣ же самые, что и въ Промышленной академіи, именно трое изъ шести, то-есть профессора высшей математики Аронгольдъ и Коссакъ, и профессоръ геодезіи Дѣрингъ.

Требованія Берлинскихъ Промышленной и Строительной Академій заключаются въ слѣдующемъ:

1) Прибавленіе еще по одному уроку въ обоихъ отдѣленіяхъ терціи, такъ чтобы въ каждомъ классѣ было по 4, а всего 36 уроковъ по математикѣ вмѣсто 34-хъ.

2) Обязательное изложеніе: а) главныхъ положеній сферической тригонометріи въ соединеніи со стереометріею; б) первыхъ элементовъ аналитической геометріи.

3) Нѣкоторое расширеніе программы алгебры, при чемъ Промышленная академія упоминаетъ о неопредѣленныхъ уравненіяхъ, о непрерывныхъ дробяхъ, теоріи соединеній, объ опредѣлителяхъ на сколько они служатъ къ рѣшенію уравненій 1-й степени; о логарифмическихъ и тригонометрическихъ строкахъ и т. п.

4) Строительная академія требуетъ нѣ котораго навыка въ геометрическомъ черченіи, а Промышленная академія—знакомства съ первоначальными элементами начертательной геометріи и ученія о проекціяхъ.

Считаю не лишнимъ сообщить тѣ соображенія, на которыхъ Промышленная академія основываетъ требованіе преподаванія элементовъ начертательной и аналитической геометріи. „Слѣдуетъ замѣтить (сказано въ этихъ соображеніяхъ), что объ эти отрасли (математики) важны не только для техниковъ, и что техники, имѣющіе въ послѣдствіи заняться этими предметами болѣе подробно, могутъ даже скорѣе обойтись безъ нихъ при приготовительномъ своемъ образованіи, нежели ученики, посвящающіе себя другимъ занятіямъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, только одна начертательная геометрія (ученіе о проекціяхъ) даетъ возможность ученику представлять объеты стереометріи нагляднымъ и понятнымъ образомъ. Именно недостатокъ пространственнаго созерцанія затрудняетъ изученіе стереометріи, хотя заключенія и формулы принадлежатъ къ самымъ простымъ. Лишь при соединеніи стереометріи съ начертательною геометріею ученику открывается пониманіе пространственныхъ формъ и чертежей, изображающихъ таковыя. Но послѣдній случай представляется каждому, кто разсматриваетъ какой-либо планъ или картину.

„Если затѣмъ и аналитическая геометрія внесена въ учебный планъ гимназій, какъ училищъ, коихъ главная цѣль есть достиженіе общаго образованія, то и это оправдывается тѣмъ, что въ наше время самыя разнообразныя выраженія функцій изображаются кривыми линиями въ сѣти координатъ, и что всякому разсматривающему эти кривыя долженъ представляться вопросъ, въ какой связи находятся ихъ свойства съ алгебраическими выраженіями“.

Не смотря на требованіе нѣкотораго расширенія программы математики, обѣ академіи отвергаютъ однако весьма рѣшительно введеніе въ среднія учебныя заведенія дифференціального изчисленія.

„Должно избѣгать всякой ссылки на дифференціальное изчисленіе“, сказано въ соображеніяхъ Промышленной академіи. А Строительная академія высказалась болѣе подробно, представивъ нижеслѣдующіе доводы:

„Прежде всего учебная коллегія выражаетъ свое полное согласіе на то, чтобы дифференціальное изчисленіе было исключено изъ школьнаго преподаванія. Формализмъ дифференціального изчисленія не можетъ представлять трудностей студентамъ, усвоившимъ себѣ достаточныя познанія въ высшей математикѣ. Но для пониманія этого предмета необходимо такое развитіе мыслительной способности, какое достигается только при окончаніи школьнаго образованія. Поэтому было бы желательно исключить изъ „объясненій“ въ учебному плану то примѣчаніе, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ дозволяется дать воспитанникамъ понятіе о дифференціальномъ коэффициентѣ“.

Совершенно тождественное желаніе было выражено, какъ мы сейчасъ увидимъ, обоими политехническими институтами, Ганноверскимъ и Ахенскимъ, которые притомъ высказались вмѣстѣ и противъ всякаго расширенія программы, проектируемой министерствомъ просвѣщенія. Вотъ что пишетъ объ этомъ директоръ Ганноверской политехники, извѣстный инженеръ Лаунгардтъ: „Вся учебная коллегія высказала полное свое согласіе съ установленною программой и цѣлью преподаванія математики въ гимназіяхъ, считая требуемый оными объемъ математической подготовки достаточнымъ для поступленія въ высшія техническія учебныя заведенія.“

„Учебная коллегія находитъ крайне опаснымъ вводить (въ среднія учебныя заведенія) обученіе высшей математикѣ, какъ о томъ предложено въ заключительномъ замѣчаніи „объясненій“ къ учебному плану, гдѣ не возбраняется излагать аналитическимъ способомъ элементарное ученіе о коническихъ сѣченіяхъ, причѣмъ даже считаютъ возможнымъ дать воспитанникамъ понятіе о дифференціальномъ коэффициентѣ.“

„Опытъ показалъ, что изложеніе началъ аналитической геометріи, а тѣмъ болѣе основныхъ понятій о дифференціальномъ изчисленіи, почти всегда возбуждаетъ въ ученикахъ преувеличенное мнѣніе о значеніи ихъ математическихъ познаній, а такое мнѣніе легко можетъ

подать имъ поводъ заниматься въ послѣдствіи слишкомъ поверхностно. Но еще вреднѣе то обстоятельство, что занятія высшею математикой весьма часто становятся поводомъ къ пренебреженію менѣе интересною низшею математикой какъ со стороны преподавателей, такъ и учениковъ.

„Посему учебная коллегія высказалась единогласно за исключеніе выше упомянутаго заключительнаго примѣчанія“...

Мнѣ остается еще привести мнѣніе комисіи, учрежденной при Ахенской политехникѣ изъ слѣдующихъ профессоровъ: высшей математики Гаттендорфа, геодезіи Гельмерта, механики Риттера, начертательной и новой геометріи Шталя и физики Вильнера. Эта комисія единогласно постановила слѣдующее:

„Установленная министерствомъ программа математики для гимназій, относительно ея объема, составлена вполне цѣлесообразно, и основательное усвоеніе ея достаточно для подготовленія учениковъ къ учебнымъ занятіямъ и въ высшихъ техническихъ училищахъ. Предполагаемое число уроковъ оказывается достаточнымъ. Но необходимо, чтобы въ предѣлахъ указанной рамки ученіе шло настойчиво и чтобы, рядомъ съ основательнымъ знаніемъ, было обращено особенное вниманіе и на умѣніе. Какъ намъ доселѣ показывалъ опытъ, абитуриенты гимназій обнаруживали иногда не столько недостатки въ познаніяхъ, сколько въ навыкѣ или умѣнью примѣнять свои познанія какъ въ области ариметики и алгебры, такъ и геометріи. Въ частности была бы желательна бѣльшая сноровка въ употребленіи линейки и циркуля.

„Дѣйствительному выполненію предлагаемой гимназіямъ задачи относительно выше означенныхъ учебныхъ предметовъ много способствовало бы, по нашему мнѣнію, если бы при испытаніи учителей главное вниманіе было обращено не столько на высшія части математики, сколько на основательное и полное обладаніе тѣмъ, чему испытываемый долженъ будетъ обучать юношество, а равно на педагогическія и дидактическія его способности.

„Далѣе, при преобладающемъ значеніи филологіи въ гимназіяхъ, представляется важнымъ избѣгать всего, что могло бы возбудить въ воспитанникахъ мнѣніе, будто ариметика и математика предметы второстепенныя. Въ этомъ отношеніи учитель-филологъ въ гимназій можетъ иногда значительно затруднить своего товарища-математика въ выполненіи его задачи.

„Рѣшительно нельзя желать, чтобы въ гимназіяхъ обученіе распространялось далѣе предѣловъ элементарной математики, что становится вообще лишь въ ущербъ основательности. Поэтому мы считаемъ необходимымъ исключить изъ „объясненій“ окончательныя замѣчанія отъ словъ: „впрочемъ этимъ не возбраняется“... до словъ: ... „аналитической геометріе“.

При сличеніи мнѣній всѣхъ четырехъ вышеупомянутыхъ учебныхъ заведеній оказывается, что всѣ они согласны въ необходимости рѣшительнаго исключенія дифференціального изчисленія изъ подготовительнаго къ высшимъ техническимъ училищамъ курса; притомъ Ганноверская и Ахенская политехники высказываются также, не смотря на 9-лѣтній курсъ ученія въ прусскихъ гимназіяхъ, противъ всякаго расширенія программы, предполагаемой по проекту новаго учебнаго закона. Берлинскія же академіи хотя и предлагаютъ нѣкоторое расширеніе этой программы чрезъ введеніе элементовъ начертательной и аналитической геометріи, но при этомъ Промышленная академія оговаривается, что эти предметы въ гимназіяхъ менѣе необходимы для будущихъ техниковъ, нежели для учениковъ, посвящающихъ себя другимъ занятіямъ. И такъ собственно для готовящихся поступить въ высшія техническія училища, и Промышленная академія, въ сущности, находитъ достаточную проектируемую министерствомъ просвѣщенія программу, которая, какъ относительно распредѣленія уроковъ математики по классамъ, такъ и по составу самаго курса, вполне соответствуетъ установленной для нашихъ гимназій.

Все выше изложенное подтверждаетъ приведенныя мною въ прежнихъ моихъ отчетахъ свидѣтельства директоровъ и преподавателей политехническихъ институтовъ о томъ, что они не желаютъ „имѣть студентовъ, прослушавшихъ уже въ среднемъ учебномъ заведеніи курсъ дифференціального изчисленія“. Въ первомъ моемъ отчетѣ связано объ этомъ: „Такіе молодые люди обыкновенно слишкомъ самонадѣяны и пренебрегаютъ математическими лекціями въ политехникахъ. Гораздо важнѣе и лучше, если поступающіе въ высшее техническое училище основательно ознакомились съ элементарною математикой и, посредствомъ многочисленныхъ упражненій, приобрѣли умѣніе и навыкъ быстро и точно рѣшать всѣ практическія задачи, разрѣшимыя безъ пособія высшаго анализа ¹⁾“.

¹⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. 1874 г., май, стр. 23.

II.

Гимназическій курсъ какъ подготовительный для поступленія въ высшія техническія училища.

Достаточность одной элементарной математики для молодыхъ людей, готовящихся къ поступленію въ высшія техническія учебныя заведенія, устроенныя по образцу прусскихъ и большинства германскихъ, доказывается и тѣмъ фактомъ, на который я также имѣлъ случай указывать въ своихъ прежнихъ отчетахъ, что повсюду лучшими студентами высшихъ техническихъ училищъ оказываются молодые люди, получившіе классическое образованіе въ гимназіяхъ, въ коихъ вездѣ преподается лишь элементарная математика, и притомъ въ меньшемъ объемѣ чѣмъ въ реальныхъ и промышленныхъ училищахъ.

Къ многочисленнымъ свидѣтельствамъ удостовѣряющимъ этотъ фактъ, прежде мною приведеннымъ, я могу нынѣ еще прибавить отзывы нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ специалистовъ, съ коими мнѣ приходилось бесѣдовать о томъ же предметѣ въ послѣднее время. Именно въ такомъ же смыслѣ высказались: извѣстные физики Вюльнеръ въ Ахенѣ и Коппъ въ Гейдельбергѣ, профессора Беецъ въ Мюнхенѣ и Паальцовъ въ Берлинѣ; химики: профессора Гинтль въ Прагѣ, Ландольтъ и Штальшмидтъ въ Ахенѣ и Бирнбаумъ въ Карлсруэ; профессора прикладной механики, машиновѣдѣнія и машиностроенія: Шмидтъ въ Прагѣ, Грасгофъ въ Карлсруэ, Линке въ Дармштадтѣ; профессора высшей математики въ Вѣнской политехникѣ Кольбе и въ Ахенской Гаттендорфъ; профессора начертательной и новой геометріи Шталь въ Ахенѣ и Шмитъ въ Люттихѣ. Послѣдній мнѣ сообщилъ, что не только онъ самъ всегда находилъ, что лучшіе студенты Люттихскаго спеціальнаго училища гуманисты, но что то же замѣчали и всѣ его товарищи, съ которыми онъ объ этомъ бесѣдовалъ. Объ одномъ изъ этихъ товарищей г. Шмита я упоминалъ уже во 2-мъ своемъ отчетѣ¹⁾, именно объ извѣстномъ профессорѣ механики Де-Кейперѣ. Этотъ ученый послѣ того—въ 1875 г.—издалъ сочиненіе о вѣмецкихъ политехникахъ, изъ котораго видно, что собранныя имъ наблюденія о сравнительномъ достоинствѣ реальной и классической подготовки совершенно тождественны съ тѣми, которыя были сообщены

¹⁾ Журн. Минист. Нар. Просв. 1875 г., мартъ, стр. 34—37.

въ моихъ отчетахъ. Вотъ слова г. Де-Кейпера¹⁾: „Политехническія училища получаютъ своихъ воспитанниковъ изъ реальныхъ и классическихъ гимназій. Ученики, воспитанные на изученіи новыхъ языковъ и наукъ физико-математическихъ, въ началѣ кажутся болѣе способными слѣдить за курсами техническихъ наукъ; но вообще получившіе полное классическое образованіе скоро одерживаютъ верхъ и почти всегда изъ нихъ выходятъ люди, достигающіе самаго блестящаго положенія“.

Всѣ выше названные ученые отдають рѣшительное преимущество гимназической подготовкѣ и для изученія высшихъ техническихъ наукъ; лишь нѣкоторые изъ нихъ упоминали при томъ о необходимости усилить для этой цѣли обученіе математикѣ и рисованію въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, гдѣ на эти предметы обращается слишкомъ мало вниманія; чего впрочемъ, ни какъ нельзя ставить въ вину классической системѣ образованія, но только одностороннему направленію нѣкоторыхъ директоровъ гимназій. Одинъ изъ извѣстныхъ нѣмецкихъ инженеровъ, г. Фонъ Кавенъ, директоръ Ахенской политехники, въ запискѣ, поданной имъ въ 1877 г. въ министерство, говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Во многихъ гимназіяхъ естественныя науки, математика и рисованіе далеко не имѣютъ того значенія, какъ то можетъ казаться если судить по таблицѣ числа недѣльныхъ уроковъ; ибо многіе директора - филологи даютъ такое предпочтеніе языкамъ, домашнія работы по коимъ отнимаютъ притомъ у воспитанниковъ столько времени, что невольно думается, не слишкомъ ли поверхностно проходятся въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ выше названные предметы“.

Въ той же запискѣ г. Фонъ Кавенъ излагаетъ всѣ недостатки, въ какихъ, по его мнѣнію, можно упрекать нѣмецкія гимназіи и вредное вліяніе этихъ недостатковъ на нѣкоторыя стороны умственнаго развитія учениковъ, и затѣмъ прибавляетъ: „Поэтому можно бы рѣшительно усомниться въ пригодности классической подготовки для изученія техническихъ наукъ, если бы нельзя было думать, что во многихъ случаяхъ даже болѣе даровитые ученики становятся жертвами односторонняго направленія гимназіи и педантизма такихъ преподавателей, которые могутъ быть отличными языковѣдами, но, какъ люди

---

¹⁾ *De Cuypers*, l'Enseignement technique supérieur dans l'Empire d'Allemagne, p. 4.

односторонніе и лишенные педагогическаго такта, не умѣютъ побуждать учениковъ къ занятіямъ“.

Не наше дѣло судить на сколько справедливы жалобы г. Фонъ Кавена; но въ Прусскомъ министерствѣ считаютъ эти жалобы весьма преувеличенными и потому не придаютъ имъ особеннаго значенія. Во всякомъ же случаѣ, какъ я уже выше замѣтилъ, никакія погрѣшности школы не могутъ быть поставлены въ вину самой системѣ образованія. Впрочемъ и самъ г. Фонъ Кавенъ сознается въ полезности древнихъ языковъ и для техникумовъ; лучшимъ же доказательствомъ, что онъ вообще предпочитаетъ классическое образованіе реальному, заключается въ томъ фактѣ, что онъ, не смотря на строгую критику гимназій, воспитываетъ своего сына въ одномъ изъ этихъ учебныхъ заведеній.

По поводу благотворнаго вліянія классическаго образованія на развитіе молодыхъ умовъ, я имѣлъ случай заявить, между прочимъ, въ первомъ своемъ отчетѣ¹⁾, что тогдашній Бельгійскій министръ г. Делькуръ, высоко цѣня классическое образованіе, упоминалъ о вредности направленія, стремящагося къ его ослабленію, „направленія, усвоиваемаго съ особеннымъ сочувствіемъ преимущественно матеріалистами“. Г. Делькуръ, бывший профессоръ Лёвенскаго университета, — одинъ изъ выдающихся членовъ католической партіи въ Бельгій, которая недавно, лишившись парламентскаго большинства, должна была уступить министерскіе портфели партіи такъ называемой либеральной. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій новаго кабинета было учрежденіе особаго министерства для народнаго просвѣщенія, завѣдываніе коимъ прежде относилось къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Уже этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о важномъ значеніи, придаваемомъ либеральною партіею дѣлу народнаго просвѣщенія, и потому весьма интересно знать, какъ эта партія смотритъ на классическое образованіе въ сравненіи съ реальнымъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти въ торжественной рѣчи, произнесенной 23 сентября 1878 г. при раздачѣ премій или наградъ присужденныхъ по общему конкурсу лучшимъ воспитанникамъ всѣхъ среднихъ Бельгійскихъ учебныхъ заведеній. Рѣчь эта была произнесена профессоромъ Вагенеромъ, деканомъ философскаго факультета Гентскаго университета, по порученію правительства и въ присутствіи Ихъ Величествъ Короля и Королевы, новаго министра народнаго просвѣщенія г. Ванъ-Гумбеeka и другихъ

¹⁾ Журн. Мин. Народ. Просв. 1874 г. мартъ, стр. 19.

министровъ, ученыхъ, членовъ учебнаго и судебнаго вѣдомствъ, администраціи и многочисленной публики, выразившей свое сочувствіе оратору громкими рукоплесканіями.

Г. Вагенеръ въ своей рѣчи говоритъ сначала о важности и необходимости образованія вообще, а затѣмъ, оставляя въ сторонѣ начальное образованіе, переходитъ къ среднему и ставитъ вопросъ „Слѣдуетъ ли давать всѣмъ нашимъ молодымъ людямъ одинаковое среднее образованіе, не обращая вниманія на то—имѣютъ ли они или не имѣютъ намѣреніе посвятить себя высшимъ научнымъ занятіямъ“?

Вотъ отвѣтъ г. Вагенера: „Я отвѣчаю, не колеблясь и не смущаясь многочисленными возраженіями, которыя можетъ возбудить мой отвѣтъ: каково бы ни было специальное поприще къ которому мы предназначаемъ своего сына, пожелаемъ ли мы сдѣлать изъ него промышленника или торговца, адвоката или врача, инженера или военнаго, прежде всего мы должны желать образованъ изъ него человѣка, человѣка достойнаго этого названія, сколь возможно близкаго къ совершенству нашей природы. Вотъ великая задача жизни: все остальное имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Возвысить человѣка до челоѣчества, вотъ цѣль къ которой нужно прежде всего стремиться. Какъ ея достигнуть? Отвѣтъ на этотъ вопросъ очень простъ. Въ челоѣкѣ осуществляется, таинственнымъ и доселѣ необъяснимымъ образомъ, тѣсное соединеніе души и тѣла. И такъ необходимо развивать его тѣло и вмѣстѣ просвѣщать его душу“.

Затѣмъ г. Вагенеръ излагаетъ свои мысли объ относительной важности различныхъ учебныхъ предметовъ гимназическаго курса и объ объемѣ и методахъ преподаванія ихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. При этомъ онъ, разумѣется, болѣе всего распространяется о преобразованіяхъ, какія считаетъ необходимыми въ Бельгійскихъ атенейхъ (гимназіяхъ), въ коихъ курсъ ученія продолжается только семь лѣтъ, и потому на многие предметы, особенно на греческій языкъ, назначено слишкомъ мало уроковъ. Онъ настаиваетъ на необходимости прибавить по крайней мѣрѣ восьмой годъ, причеиъ указываетъ на превосходство французской и германской системы, гдѣ курсъ классическаго образованія продолжается отъ 9 до 10 лѣтъ.

Относительно языковъ вообще онъ говоритъ: „Изученіе языковъ и литературъ всегда будетъ составлять существеннѣйшую часть средняго образованія“. По поводу вопроса о древнихъ и новыхъ языкахъ онъ высказываетъ свое мнѣніе слѣдующими словами: „Я сторонникъ изученія языковъ и древнихъ и новыхъ, и на столько довѣряю силѣ

человѣческаго ума, что считаю его способнымъ сочетать это двойное ученіе безъ смѣшенія и безъ утомленія“.

А вотъ его мысли о древнихъ языкахъ въ частности: „Когда мы изучаемъ подробно эти сочетанія словъ, иногда столь противоположныя духу новѣйшихъ языковъ, эти сравненія столь своеобразныя и вмѣстѣ столь вѣрныя во всѣхъ своихъ подробностяхъ, эти оттѣненныя мысли и чувства, столь различныя отъ современныхъ намъ,—когда мы все это изучаемъ, то тѣмъ самымъ обогащается наше воображеніе, нашъ вкусъ очищается, нашъ слогъ становится болѣе разнообразнымъ и гибкимъ“.

Подъ конецъ своей рѣчи, имѣя въ виду промышленныя отдѣленія Бельгійскихъ атенеевъ, г. Вагенеръ говоритъ: „Я знаю, что молодые люди, продолжающіе наше среднее образованіе до конца, будутъ поступать въ университетъ лишь около 20-лѣтняго возраста, и что этотъ срокъ покажется многимъ родителямъ слишкомъ отдаленнымъ. Другіе родители, и число ихъ значительно, не слишкомъ заботятся объ общемъ образованіи своихъ дѣтей, желаютъ насколько возможно скорѣйшаго вступленія ихъ на поприще торговли или промышленности. Для удовлетворенія такой прискорбной торопливости, которую, однако, нельзя же вовсе не принимать въ соображеніе, слѣдуетъ сохранить промышленное отдѣленіе (атенеевъ); но это, по моему мнѣнію, лишь крайнее средство въ нуждѣ (pis-aller), и всѣ родители, вѣрно понимающіе интересы своихъ дѣтей, заставятъ ихъ пройти полный курсъ классическаго образованія.“

„Я увѣренъ, что очерченная мною средняя школа, которая имѣла бы цѣлю образовывать только человѣка, не принимая, до времени, въ расчетъ никакой спеціальности, доставляла бы и государству отличныхъ гражданъ. Получившій основательное гуманистическое образованіе будетъ вооруженъ противъ матеріалистскихъ ученій, ведущихъ неизбежно къ теоріи личнаго интереса и къ отрицанію долга. А тотъ, кто заботится лишь о своемъ собственномъ интересѣ, никогда не будетъ хорошимъ патріотомъ“.

Замѣчательное совпаденіе: пять лѣтъ тому назадъ министръ католикъ говорилъ мнѣ объ особенномъ сочувствіи, съ какимъ преимущественно матеріалистами усвоивается направленіе, стремящееся къ ослабленію классическаго образованія; а въ 1878 г. офиціальный ораторъ либеральнаго министерства утверждаетъ, что классическое образованіе даетъ оружіе противъ матеріалистскихъ ученій. Такое единомысліе тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что возрѣнія пар-

тій католической и либеральной почти по всѣмъ вопросамъ религиознымъ и политическимъ—діаметрально противоположны между собою. Не менѣе замѣчательно и то обстоятельство, что общее убѣжденіе въ превосходствѣ классической подготовки даже для техниковъ и другихъ специалистовъ высказывается съ такимъ единодушіемъ именно въ Бельгіи, странѣ, въ которой промышленность развита въ такой степени, что соперничать съ нею въ этомъ отношеніи могутъ лишь весьма немногія другія мѣстности Европейскаго материка.

III.

Преобразованія въ устройствѣ прусскихъ реальныхъ училищъ.

Прусскія реалки ¹⁾, какъ извѣстно, до сихъ поръ раздѣляются на 2 разряда. Реальныя училища 1-го разряда отличаются тѣмъ, что въ нихъ обязательно изученіе латинскаго языка и курсъ девятилѣтній; училища же 2-го разряда не имѣютъ однообразнаго устройства и схожи между собою лишь отрицательными качествами, изъ коихъ главные: а) отсутствіе или необязательность латинскаго языка; б) право сокращенія учебнаго курса до 8 и 7 лѣтъ, и вслѣдствіе того в) отсутствіе общаго учебнаго плана.

По проекту новаго учебнаго закона предполагается во всѣхъ реалкахъ установить 9-ти-лѣтній курсъ, а затѣмъ: 1) въ нынѣшнихъ реалкахъ 1-го разряда произвести въ учебномъ планѣ нѣкоторыя измѣненія; 2) установить общій учебный планъ и для тѣхъ реалокъ, въ которыхъ не будетъ преподаваться латинскій языкъ.

1) Реалки съ латинскимъ языкомъ.

Для уясненія перемѣнъ, предполагаемыхъ въ реальныхъ училищахъ 1-го разряда, здѣсь помѣщается вновь проектированная таблица числа недѣльных уроковъ, къ которой, какъ выше было сдѣлано относительно гимназическаго учебнаго плана, прибавлена графа, заключающая нынѣшніе итоги числа уроковъ по каждому предмету, и другая графа, гдѣ обозначено число прибавляемыхъ или убавляемыхъ уроковъ.

¹⁾ Слово *реалка*, какъ упомянуто въ одномъ изъ моихъ прежнихъ отчетовъ, заимствовано мною у западныхъ и южныхъ Славянъ.

Таблица числа недѣльныхъ уроковъ въ Прусскихъ реальныхъ училищахъ съ латинскимъ языкомъ.

ПРЕДМЕТЫ:	К Л А С С Ы.									Всего.	Было.	Измѣн.
	VI	V	IV	III b.	III a.	II b.	II a.	I b.	I a.			
Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	2	2	2	18	20	— 2
Языкъ отечествен	4	3	3	3	3	3	3	3	3	28	29	— 1
» латинск	8	8	8	6	6	5	5	5	5	56	44	+ 12
» французск	—	5	4	4	4	4	4	4	4	33	34	— 1
» англійск	—	—	—	4	4	3	3	3	3	20	20	—
Истор. и географ	2	2	4	4	4	3	3	3	3	28	30	— 2
Естеств. исторія	2	2	2	2	2	—	—	—	—	12	} 34	— 4
Физика	—	—	—	—	—	3	3	3	3	12		
Химія	—	—	—	—	—	—	2	2	2	6		
Математика	5	4	5	5	5	5	5	5	5	44	47	— 3
Числописаніе	3	2	—	—	—	—	—	—	—	5	7	— 2
Рисованіе	2	2	2	2	2	2	2	2	2	18	20	— 2
Итого	28	30	30	32	32	32	32	32	32	280	285	— 5

Эта таблица показываетъ, что въ шести высшихъ классахъ предполагается по два недѣльныхъ урока болѣе нежели въ гимназіяхъ, вслѣдствіе чего общее число учебныхъ часовъ доходитъ до 280, противъ 268 въ гимназіяхъ. Въ нынѣ существующихъ реалкахъ 1-го порядка еще болѣе уроковъ, именно 285, такъ что по новому уставу

на 5 уроковъ менѣе, не смотря на то, что на одинъ предметъ—латинскій языкъ число уроковъ увеличивается противъ теперешняго на 12, и будетъ составлять 56 вмѣсто 44. Затѣмъ по каждому изъ остальныхъ (за исключеніемъ англійскаго языка) предметовъ, убавляется отъ 1 до 4, а всего 17 уроковъ.

Въ этомъ учебномъ планѣ замѣчательно слѣдующее: 1) значительное (болѣе чѣмъ на цѣлую четверть) увеличеніе числа уроковъ латинскаго языка, такъ что въ прусскихъ реалкахъ на этотъ языкъ будетъ назначено 7-ю уроками болѣе чѣмъ въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ, а если считать лишь первые 8 классовъ, то все таки въ тѣхъ реалкахъ будетъ 51 урокъ противъ 49, положенныхъ на этотъ предметъ въ русскихъ гимназіяхъ; 2) не смотря на то, что число уроковъ математики убавлено на 3, оно будетъ превышать на 10 число уроковъ по тому же предмету въ гимназіяхъ. Но такъ какъ самые компетентные специалисты (коихъ мнѣнія приведены выше) высказались съ одной стороны противъ введенія высшей математики въ среднія учебныя заведенія, а съ другой находятъ вполне достаточными 34 до 36 уроковъ для подготовки молодыхъ людей къ поступленію въ высшія техническія училища; то, если реалки должны быть по преимуществу подготовительными къ политехникамъ училищами, эти 10 уроковъ могутъ быть употребляемы лишь на повторенія и на болѣе подробное изученіе нѣкоторыхъ менѣе необходимыхъ частей элементарной математики. Принимая затѣмъ во вниманіе, что лучшими воспитанниками политехническихъ институторъ оказываются молодые люди, получившіе полное классическое образованіе, невольно представляется вопросъ: не лучше ли было бы сократить еще болѣе число уроковъ по математикѣ, новымъ языкамъ, исторіи и естественнымъ наукамъ, выгодать такимъ образомъ время, необходимое на изученіе греческаго языка, и такимъ образомъ превратить эти реалки въ классическія гимназіи? Такое преобразование имѣло бы для учащихся въ нихъ ту огромную выгоду, что они, по окончаніи курса, могли бы поступать не только въ политехники, но и въ университетъ.

2) Реалки безъ латинскаго языка.

Для нихъ, какъ уже выше упомянуто, также устанавливается общій учебный планъ, по которому предполагается слѣдующее распределеніе учебныхъ предметовъ:

ПРЕДМЕТЫ:	К Л А С С Ы									Всего.
	VI.	V.	IV.	III b.	III a.	II b.	II a.	I b.	I a.	
Законъ Божій.	2	2	2	2	2	2	2	2	2	18
Языкъ отечеств.	4	4	4	3	3	3	3	3	3	30
" французск.	8	8	8	6	6	4	4	4	4	52
" англійск.	—	—	—	5	5	4	4	4	4	26
Исторія и географ.	2	3	4	4	4	3	3	3	3	29
Естеств. исторія	2	2	2	2	2	3	—	—	—	13
Физика	—	—	—	—	—	4	4	3	3	14
Химія	—	—	—	—	—	—	3	3	3	9
Математика	6	6	6	6	6	6	6	6	6	54
Числописаніе.	2	2	2	—	—	—	—	—	—	6
Рисованіе.	2	2	2	2	2	3	3	4	4	24
Итого.	28	29	30	30	30	32	32	32	32	275

Для замѣщенія значительнаго времени, выгадываемаго въ реалкахъ этого рода исключеніемъ латинскаго языка изъ учебнаго плана, почти на всѣ предметы прибавлено по нѣскольку часовъ, болѣе же всего— 27 часовъ—на новые языки, и затѣмъ еще 10 на математику, на которую положено 54 урока—противъ 34-хъ въ гимназіяхъ. Здѣсь еще настоячивѣе представляется вопросъ, въ какомъ объемѣ должна проходить математика? Къ сожалѣнію я не имѣлъ возможности ознакомиться съ программами математики, установленными для реалокъ обоихъ разрядовъ, и потому на этотъ вопросъ можно будетъ отвѣчать

лишь по обнародованіи новаго законопроекта. Но такъ какъ для изученія въ достаточномъ объемѣ всѣхъ предметовъ, имѣющихъ прямое значеніе для научныхъ занятій молодыхъ людей въ политехническихъ институтахъ, было бы совершенно достаточно (за отсутствіемъ обоехъ древнихъ языковъ) 7-лѣтняго или много 8-лѣтняго курса; то при продленіи этого курса до 9 лѣтъ правительство могло имѣть въ виду лишь то обстоятельство, что если бы воспитанники реалоекъ могли поступать въ политехнику черезъ 7 или 8 лѣтъ, то они, *de facto*, находились бы въ гораздо выгоднѣйшемъ положеніи нежели гуманисты, для коихъ обязательнъ 9-лѣтній курсъ въ гимназіяхъ. Такое обстоятельство могло бы побудить многихъ родителей предпочесть для своихъ сыновей такъ называемое реальное образованіе классическому и черезъ это заграждался бы путь въ университеты для многихъ, можетъ быть весьма талантливыхъ молодыхъ людей, а съ другой стороны въ политехническихъ институтахъ оказался бы слишкомъ большой перевѣсъ учащихся изъ абитуриентовъ реалоекъ. Такимъ образомъ установленіемъ для реалоекъ 7 или 8-лѣтняго курса съ правомъ поступления изъ оныхъ въ высшія техническія учебныя заведенія, правительство оказало бы особое предпочтеніе и даровало бы особыя преимущества лицамъ не получившимъ классическаго образованія; что рѣшительно не мыслимо въ Германіи, гдѣ, какъ и во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, господствуетъ всеобщее и глубокое убѣжденіе, что для всякаго рода высшаго научнаго образованія наилучшая подготовка есть гимназическая.

IV.

Высшія городскія училища.

Подобно прусскимъ реалкамъ 2-го разряда и высшія городскія училища не имѣли до сихъ поръ общаго устава, но курсъ ученія въ нихъ продолжается обыкновенно 6 лѣтъ и учебный планъ вообще соотвѣтствуетъ такому въ реальныхъ училищахъ 1-го или 2-го разряда за первые 6 лѣтъ, такъ что и городскія училища существуютъ до сихъ поръ частію съ латинскимъ языкомъ, частію безъ онаго. По проекту новаго учебнаго закона курсъ этихъ училищъ устанавливается 6-лѣтній, а учебные предметы распределены слѣдующимъ образомъ:

ПРЕДМЕТЫ:	К Л А С С Ы.						Всего.
	VI.	V.	IV.	III.	II.	I.	
Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	12
Языкъ отечеств.	4	4	4	3	3	3	21
> французск	8	8	8	6	5	5	40
> англійскій	—	—	—	5	4	4	13
Истор. и географ	2	3	4	4	4	4	21
Естеств. исторія.	2	3	3	3	2	—	13
Физика	—	—	—	—	3	5	8
Математика	5	5	5	5	5	5	30
Чистописаніе;	3	3	2	—	—	—	8
Рисованіе!	2	2	2	2	2	2	12
Итого	28	30	30	30	30	30	178

Этотъ учебный планъ имѣетъ сходство съ учебнымъ планомъ основнаго отдѣленія нашихъ реальныхъ училищъ. Болѣе значительныя различія заключаются въ слѣдующемъ: 1) На новые языки, исторію съ географіей и естественную исторію у насъ положено менѣе уроковъ, именно 40, 16 и 6 вмѣсто 53-хъ, 21-го и 13-ти. 2) Значительно большее число уроковъ назначено у насъ на естествовѣдѣніе, то-есть физику съ механикой и химію и на рисованіе, именно 14 и 30 (для нѣкоторыхъ учениковъ 24) вмѣсто 8 и 12.—Затѣмъ по остальнымъ предметамъ число уроковъ не представляетъ значительной разницы, а по математикѣ, хотя у насъ значится двумя уроками менѣе, эта незначительная разница съ избыткомъ вос-

полняется тѣмъ, что у насъ на урокахъ черченія (въ 4-мъ классѣ два урока, въ 5-мъ три, въ 6-мъ три, а всего 8 уроковъ) положены геометрическія построенія и исполненіе задачъ, относящихся къ курсу начертательной геометріи; вслѣдствіе чего наша программа математики гораздо полнѣе той же программы прусскихъ высшихъ городскихъ училищъ, въ которыхъ притомъ, какъ уже упомянуто, на черченіе вмѣстѣ съ рисованіемъ положено только 12 уроковъ, тогда какъ у насъ на эти предметы опредѣлено отъ 24 до 30 уроковъ.

Цѣль преподаванія математики въ высшихъ городскихъ училищахъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Значительный навыкъ въ производствѣ вычисленій надъ опредѣленными числами въ примѣненіи ихъ къ обыкновеннымъ потребностямъ всенедельной жизни. Алгебра, до прогрессій и логарифмовъ включительно, оканчивается рѣшеніемъ нетрудныхъ уравненій 2-й степени. Планиметрия и стереометрія, элементарный курсъ плоской тригонометріи.

О начертательной геометріи не упомянуто, но вѣроятно предлагается на урокахъ рисованія и черченія излагать основанія ученія о проекціяхъ, на что, однако, при ограниченномъ числѣ уроковъ рисованія, можетъ быть употреблено лишь весьма мало времени.

V.

Прусскія промышленныя училища.

Въ отчетѣ о заграничномъ моемъ путешествіи въ теченіе лѣтъ 1874 г. было упомянуто, ¹⁾ что уже тогда нѣкоторые изъ директоровъ прусскихъ промышленныхъ училищъ убѣдились въ необходимости измѣнить учебный планъ общаго отдѣленія спеціальнаго класса этихъ училищъ, въ которомъ по уставу 1870 г. воспитанники обременены слишкомъ большимъ количествомъ спеціальныхъ предметовъ ²⁾. Возбужденный въ то же время вопросъ объ общемъ пересмотрѣ устава промышленныхъ училищъ оставался безъ движенія до 1878 года, въ первой половинѣ котораго министерствомъ торговли были выработаны по этому дѣлу нѣкоторыя соображенія, предложенныя за-

¹⁾ Журн. Мин. Народ. Просв., мартъ 1875 г., стр. 1—2.

²⁾ Этотъ учебный планъ сообщенъ въ 1-мъ моемъ отчетѣ. См. Журн. Мин. Народ. Просв., январь 1874 г., стр. 60—61.

тѣмъ въ видѣ цѣлаго ряда вопросовъ на обсужденіе особой комисіи, состоявшей, подъ предсѣдательствомъ министеріальнаго директора доктора Якоби, изъ директоровъ четырехъ высшихъ прусскихъ техническихъ училищъ—Берлинской промышленной академіи Рёло, Строительной академіи—Вибе, политехническихъ институтовъ: Ганноверскаго—Лаунгарда и Ахенскаго—фонъ Кавена; изъ восьми директоровъ промышленныхъ училищъ и нѣсколькихъ другихъ компетентныхъ лицъ. Делегатомъ министерства просвѣщенія былъ тайный совѣтникъ Гандтнеръ, а со стороны министерства торговли въ комисіи участвовали тайные совѣтники Людерсъ, докторъ Веддингъ и докторъ Веренфеннигъ, изъ коихъ послѣдній, какъ завѣдывающій дѣлами всѣхъ техническихъ учебныхъ заведеній, излагалъ передъ членами вида министерства.

Комисіи были предложены слѣдующіе вопросы:

„1) Существующія нынѣ (преобразованныя по уставу 1870 г.) промышленныя училища должны быть вмѣстѣ и спеціальною школою для молодыхъ людей, прямо приступающихъ къ практической дѣятельности, и подготовительною школою для политехническаго училища. Доказалъ ли до сихъ поръ опытъ, что обѣ эти цѣли вмѣстѣ достигаются и достижимы ли онѣ вообще одновременно въ одномъ и томъ же училищѣ при теперешнемъ устройствѣ учебной части?

„2) Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на послѣдній вопросъ, можно ли считать полезнымъ раздѣлить существующія промышленныя училища по возможности на двѣ группы, такъ чтобы одни готовили къ политехническому институту, а другія къ практической жизни,—или же въ тѣхъ училищахъ, въ коихъ найдется достаточное число учениковъ, желающихъ достигнуть какъ той, такъ и другой изъ этихъ цѣлей, не слѣдуетъ ли по крайней мѣрѣ ранѣе и совершеннѣе нынѣшняго раздѣлить ходъ научныхъ и практическихъ учебныхъ занятій для каждой категоріи учениковъ?

„3) Какія, вслѣдствіе сего, должно ввести измѣненія въ устройствѣ промышленнаго училища, поколику оно должно быть спеціальною школою для практической жизни? Не слѣдуетъ ли продлить нынѣшній одногодичный курсъ техническихъ отдѣленій до двухъ лѣтъ? А если это окажется необходимымъ, то какъ выгадать это время? Согласно ли было бы съ потребностями промышленной жизни удерживать молодыхъ людей въ школѣ еще годомъ долѣе, или же слѣдуетъ выгадать этотъ излишекъ времени, начавъ годомъ ранѣе

обученіе спеціальнымъ предметамъ, то-есть при вступленіи учениковъ во 2-й классъ (приму)?

„4) Если бы послѣднее оказалось желательнымъ, то уже въ теперешнемъ 2-мъ классѣ общеобразовательные предметы должны бы уступить мѣсто спеціальному обученію. Это невозможно, пока право на льготу по воинской повинности (одногодичная добровольная служба) приобрѣтается лишь съ окончаніемъ курса 2-го класса или примы. Не желательно ли поэтому, чтобы означенное право приобрѣталось ранѣе и какія предварительныя условія должны бы быть исполнены для этой цѣли промышленными училищами?

„5) Такъ какъ абитуриентъ шестикласснаго высшаго городского училища съ двумя иностранными языками пользуется правомъ на льготу по воинской повинности, то не было ли бы желательно побудить мѣстныя общества къ пополненію числа приготовительныхъ классовъ промышленныхъ училищъ до пяти, такъ какъ эти 5 классовъ вѣдѣтъ съ секундою (1-мъ классомъ) самого промышленнаго училища и состоя съ нею въ органическомъ соединеніи представляли бы ту же шестигодичную систему?

„6) Такое пополненіе приготовительныхъ классовъ не желательно ли и потому, что только этимъ путемъ обезпечивается высшимъ классамъ собственно промышленнаго училища постоянный и правильный приливъ учениковъ, и притомъ учениковъ равномерно подготовленныхъ?

„7) Начинаясь уже со 2-го класса (примы) двухлѣтнее обученіе спеціальнымъ предметамъ слѣдуетъ ли вездѣ производить по всѣмъ тремъ отдѣленіямъ (b, c, d ¹⁾), установленнымъ правилами 1870 г. или не лучше ли учреждать предпочтительно лишь одно и не болѣе какъ два такихъ отдѣленія, сообразуясь при выборѣ ихъ съ дѣйствительными нуждами мѣстной и областной промышленности?

„8) Учебное заведеніе, организованное сообразно съ изложенными выше подъ № 3—7 видами, могло бы быть обозначено какъ промышленное училище для образованія среднихъ техниковъ. Принимая во вниманіе потребности нашей промышленности и строгія въ настоящее время требованія отъ поступающихъ въ политехническіе институты, а равно введеніе 4-лѣтняго курса ученія въ этихъ институтахъ,—можно ли надѣяться, что такія среднія училища будутъ имѣть достаточное число учениковъ?“

¹⁾ То-есть строительному, механическому и химическому.

„9) При преобразованіи промышленномъ училищѣ, по-скольку оно ставитъ себѣ задачей подготовку воспитанниковъ къ поступленію въ политехнику, слѣдуетъ ли еще удержать названіе: „отдѣленіе α спеціальнаго класса?“ Не слѣдовало ли бы исключить изъ этого отдѣленія тѣ учебные предметы, которые принадлежатъ собственно политехникумъ? Въ замѣнъ того не преобразовать ли учебные планы по математикѣ, на которую теперь назначено въ трехъ классахъ 10, 8 и подѣ вонецъ только 2 часа, и по естественнымъ наукамъ, изъ коихъ теперь по физикѣ и химіи лишь ренетиціи, и не расширить ли объемъ преподаванія новѣйшихъ языковъ, на которые теперь положено лишь по 2 часа въ каждомъ изъ трехъ классовъ?

„10) Было ли бы возможно предоставить устроенному такимъ образомъ промышленному училищу, отличающемуся преобладающимъ значеніемъ математики, рисованія и черченія, такія же права относительно высшихъ техническихъ школъ, какими пользуется нынѣ реальное училище 1-го разряда съ обязательнымъ латинскимъ языкомъ? Или же для такого уравненія правъ было бы необходимо произвести измѣненія относительно продолжительности курса, и какія именно?“

По обсужденіи этихъ вопросовъ въ засѣданіяхъ 2-го и 3-го августа 1878 г., комиссія одобрила правительственную программу и высказала свои взгляды въ слѣдующихъ постановленіяхъ:

1) „Такъ какъ опытъ показалъ, что нельзя на основаніи одного и того же учебнаго плана достигать обѣихъ цѣлей, какія доселѣ имѣлись въ виду промышленными училищами, то-есть, готовить и къ высшимъ техническимъ школамъ и къ непосредственной практической дѣятельности на промышленномъ поприщѣ, то въ будущемъ промышленныя училища должны быть раздѣлены на двѣ группы.

„Училища одной группы должны быть организованы какъ приготовительныя для поступленія въ политехнику, а училища другой группы какъ приготовительныя и спеціальныя школы для техниковъ средняго разряда. Въ какомъ изъ этихъ двухъ направленій должно развиваться каждое изъ существующихъ училищъ, должно быть определено смотря по мѣстнымъ и областнымъ потребностямъ и съ согласія мѣстныхъ обществъ.

2) „Для обѣихъ группъ промышленныхъ училищъ необходимо, чтобы воспитанники поступали въ оныя не прямо въ секунду изъ другихъ заведеній, но чтобы эти воспитанники готовились самими промышленными училищами въ приготовительныхъ классахъ начиная отъ сексты. Опытъ показалъ, что только при соблюденіи этого усло-

вія возможно имѣть постоянный и правильный приливъ равномѣрно подготовленныхъ учениковъ для высшихъ классовъ.

3) „Крайне желательно, чтобъ эти приготовительные классы были органически соединены съ классами собственно промышленнаго училища не только относительно подчиненія одному директору, но и вообще относительно коллегіи учителей, управления и инспекціи.

4) „По существу правилъ, воими руководствуется Имперская училищная комиссія, пятигодичная система приготовительныхъ классовъ, начиная отъ сексты, составляетъ условие для приобрѣтенія воспитанниками промышленныхъ училищъ, по окончаніи ими курса нынѣшней секунды, права на льготу по воинской повинности. Только слѣдя этой системѣ будетъ возможно выгадать болѣе времени для спеціального образованія тѣхъ учениковъ, которые изъ промышленнаго училища пожелають прямо приступить къ практикѣ. Поэтому необходимо побуждать мѣстныя общества пополнить до числа пяти существующіе уже почти вездѣ приготовительные классы.

5) „По осуществленіи этого предположенія тѣ училища, которыя будутъ предназначены для образованія техниковъ средняго разряда, должны готовить своихъ воспитанниковъ, начиная отъ сексты и до нынѣшней секунды включительно, впродолженіе 6-лѣтняго курса, соотвѣтствующаго курсу высшаго городского училища съ двумя новыми иностранными языками, но съ болѣе обширою программой рисованія, и доводить этихъ воспитанниковъ до той степени, гдѣ ихъ общее школьное образованіе будетъ закончено и они приобрѣтутъ право на льготу по воинской повинности. Послѣ секунды слѣдуетъ двухгодичный курсъ спеціальныи. Въ спеціальныхъ классахъ преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ вовсе прекращается; обученіе сосредоточивается на познаніяхъ и умѣніяхъ, необходимыхъ для каждой спеціальности. Эти классы готовятъ учениковъ къ спеціальности строительной, или механико-технической, или химико-технической. Смотря по особеннымъ мѣстнымъ и областнымъ потребностямъ въ одномъ училищѣ могутъ быть соединяемы разныя спеціальности. Воспитанникамъ спеціальныхъ отдѣленій, по окончаніи ими курса, выдается въ томъ свидѣтельство, на основаніи выдержаннаго каждымъ изъ нихъ испытанія. Не возбраняется принимать воспитанниковъ другихъ учебныхъ заведеній на основаніи полученныхъ ими аттестатовъ, или же постороннихъ лицъ на основаніи особаго приѣмнаго испытанія.

6) „Необходимо чтобы образованіе будущихъ техниковъ средняго

разряда, сверхъ обученія ихъ въ спеціальному отдѣленіи училища, заканчивалось практическими работами. Время этихъ работъ, ихъ продолжительность и самый способъ, какимъ онѣ на практикѣ наиболѣе цѣлесообразно могутъ быть соединяемы съ теоретическимъ спеціальнымъ образованіемъ, предоставляется опредѣлить на основаніи дальнѣйшихъ соображеній. Въ особенности нужно будетъ обсудить, не слѣдуетъ ли соединить съ нѣкоторыми училищами учебныя мастерскія.

7) „Промышленныя училища, подготовляющія къ высшимъ техническимъ учебнымъ заведеніямъ имѣютъ нынѣ, со включеніемъ пяти приготовительныхъ классовъ, восьмилѣтній курсъ. Дабы воспитанники этихъ училищъ уже по окончаніи курса низшей секунды могли получить право на льготу по военной повинности и вмѣстѣ расширение прочихъ правъ своихъ, — восьмилѣтній курсъ должно продлить до девяти лѣтъ.

„Слѣдуетъ настаивать на томъ, чтобъ абитуранты такихъ учебныхъ заведеній съ девятилѣтнимъ курсомъ — какъ то и состоялось уже въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ — были допускаемы не только ко всѣмъ высшимъ техническимъ учебнымъ занятіямъ, но и къ государственнымъ экзаменамъ по всѣмъ отраслямъ техники.

„Изъ учебнаго плана этихъ училищъ слѣдуетъ исключить тѣ предметы, которые подлежатъ изученію въ высшемъ техническомъ учебномъ заведеніи. Высшій классъ не долженъ болѣе называться спеціальнымъ.

8) „Хотя учебный планъ этихъ училищъ долженъ быть установленъ сообразно съ цѣлю ихъ — готовить воспитанниковъ къ высшимъ техническимъ учебнымъ заведеніямъ, — однако при семъ не возбраняется, въ случаѣ, если то по мѣстнымъ или областнымъ потребностямъ будетъ желательно, присоединять къ основному отдѣленію училищъ спеціальныя отдѣленія для образованія техникумовъ средняго разряда, въ каковыя отдѣленія могутъ поступать, по окончаніи курса низшей секунды, тѣ изъ воспитанниковъ, которые не желаютъ продолжать ученія въ политехникѣ“.

Хотя наложенныя предположенія были высказаны большинствомъ комиссіи съ согласія министерства торговли и напечатаны въ Прусскомъ государственномъ указателѣ ¹⁾, но они не получили еще окон-

¹⁾ *Deutscher Reichs-Anzeiger und Königlich-Preussischer Staats-Anzeiger*, № 182, 5 August 1878 г.

чательнаго утвержденія и могутъ быть подвергнуты измѣненіямъ тѣмъ болѣе, что въ Пруссіи предполагается изъять всѣ техническія учебныя заведенія изъ подѣлія министерства торговли и подчинить ихъ министерству народнаго просвѣщенія ¹⁾). Не смотря на то, однако, предположенія комиссіи для насъ весьма интересны уже потому, что прусскія промышленныя училища какъ по организаціи, такъ и по цѣлямъ своимъ имѣютъ сходство съ нашими реальными училищами. Поэтому я полагаю не излишнимъ представить здѣсь краткое сравненіе главнѣйшихъ измѣненій, предполагаемыхъ въ устройствѣ прусскихъ промышленныхъ училищъ съ настоящимъ устройствомъ нашихъ реальныхъ.

1) По дѣйствующему уставу прусскихъ промышленныхъ училищъ, при нихъ вовсе не полагается приготовительныхъ классовъ, а принимаются ученики подготовленные въ гимназіяхъ, реальныхъ или городскихъ училищахъ. Но такъ какъ тотъ же уставъ предоставляет общинамъ учреждать, въ случаѣ надобности, приготовительные классы при промышленныхъ училищахъ, то таковыя при многихъ изъ нихъ и были открыты, причемъ однако, за недостаткомъ общаго положенія, курсъ этихъ приготовительныхъ классовъ установленъ при разныхъ училищахъ весьма разнообразно, какъ относительно продолжительности его, такъ и относительно учебныхъ плановъ, на что уже было указано въ первомъ моемъ отчетѣ ²⁾). Такъ въ Бригѣ приготовительный курсъ продолжается $2\frac{1}{2}$ года, въ Кальбѣ 3, въ Глейвицѣ 4, въ Эльберфельдѣ 5 лѣтъ; на математику въ Кальбѣ полагается 17 часовъ, въ Глейвицѣ 31 часъ; на французскій языкъ въ Бригѣ 4, въ Глейвицѣ 22 часа и т. д.

Столь рѣзкія различія и несообразности, вмѣстѣ съ нѣкоторыми соображеніями о правѣ на льготу по воинской повинности, вызвали обозначенное выше подѣліе № 5 и 6 заявленіе министерства и отвѣты комиссіи подѣлія № 2—5 о необходимости учредить при промышленныхъ училищахъ одинаково организованные приготовительные классы.

Въ нашихъ реальныхъ училищахъ самый уставъ предотвращаетъ возможность неудобствъ, подобныхъ выше изложеннымъ, ибо онъ не только допускаетъ существованіе при каждомъ училищѣ низшихъ

¹⁾ По послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ это предположеніе уже одобрено палатою представителей въ засѣданіи $\frac{9}{21}$ января 1879 г.

²⁾ Журн. мин. нар. прос. 1874 г., февраль, стр. 93—94.

или пригготовительныхъ классовъ, но въ § 17 обязываетъ министерство установить правила испытанія учениковъ какъ при поступленіи ихъ въ реальное училище, такъ и при переводѣ изъ каждаго класса въ слѣдующій. Во исполненіе этого требованія и были изданы подробные для всѣхъ классовъ учебные планы и примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ реальныхъ училищахъ и правила объ испытаніяхъ; чѣмъ устраняется неравномѣрность въ подготовкѣ учениковъ при поступленіи ихъ въ высшіе классы. А такъ какъ въ силу § 25-го устава реальныхъ училищъ ученики гимназій и прогимназій, удостоенные перевода во II, III, IV и V классы сихъ заведеній, принимаются въ соотвѣтствующіе классы реальныхъ училищъ безъ предварительнаго экзамена, то министерство народнаго просвѣщенія озабочилось и о томъ, чтобы предметы общіе гимназіямъ и реальнымъ училищамъ, въ особенности же самый важный изъ нихъ — математика, — проходились въ одинаковомъ объемѣ въ первыхъ четырехъ классахъ обоюго рода учебныхъ заведеній, такъ что въ реальныхъ училищахъ только рисованіе и новыя иностранныя языки проходятся подробнѣе нежели въ гимназіяхъ; причемъ однако должно имѣть въ виду, что изученіе въ гимназіяхъ древнихъ языковъ значительно облегчаетъ послѣдующее изученіе новыхъ.

Итакъ, первое изъ вышеизложенныхъ требованій для преобразованія русскихъ промышленныхъ училищъ—учрежденіе пригготовительныхъ классовъ—у насъ получило удовлетвореніе уже при самомъ составленіи устава реальныхъ училищъ.

2) Второе предположеніе, высказанное въ вопросахъ 1-мъ, 2-мъ и 7-мъ и въ отвѣтахъ 1-мъ, 5-мъ и 8-мъ, касается, неудобствъ, сопряженныхъ съ тѣмъ положеніемъ прусскаго устава, въ силу коего каждое промышленное училище должно имѣть въ высшемъ классѣ, такъ называемомъ специальномъ, соотвѣтствующемъ нашему дополнительному классу, четыре отдѣленія, а именно одно, подобное нашему общему отдѣленію, для подготовленія учениковъ къ поступленію въ высшія техническія училища, и три спеціальныя отдѣленія для подготовленія молодыхъ людей, прямо приступающихъ къ практической дѣятельности по части строительной или механико-технической или химико-технической. Вслѣдствіе сего весьма часто нѣсколько изъ этихъ отдѣленій остаются пустыми по недостатку желающихъ поступать въ оныя. Теперь предполагается установить, чтобы не всѣ училища имѣли обязательно всѣ четыре отдѣленія, но чтобы могли быть училища двухъ видовъ — одни для

подготовленія воспитанниковъ къ политехническимъ институтамъ, другія для образованія техникумовъ средняго разряда по одной или нѣсколькимъ спеціальностямъ, и притомъ такъ, чтобы училища обоого вида были учреждаемы или отдѣльно одни отъ другихъ, или же соединяя ихъ вмѣстѣ, смотря по мѣстнымъ потребностямъ и условіямъ.

Такъ какъ по § 4-му устава нашихъ реальныхъ училищъ, дополнительный классъ, смотря по мѣстнымъ потребностямъ, можетъ состоять или изъ трехъ отдѣленій: общаго, механико-техническаго и химико-техническаго, или же изъ одного или двухъ изъ сихъ отдѣленій, то очевидно, что нашъ уставъ предвидѣлъ и предотвратилъ неудобства, возбуждившія разсматриваемое нами второе предположеніе прусскаго министерства.

3) Въ вопросѣ 9-мъ и отвѣтѣ 7-мъ, указывается на необходимость исключить изъ учебнаго плана училищъ подготовляющихъ къ высшимъ техническимъ учебнымъ заведеніямъ тѣ предметы, которые подлежатъ изученію въ сихъ послѣднихъ. Сюда относятся: технология, механика, землѣдѣіе и нивелировка, машиновѣдѣніе, строительное искусство. Въ нашихъ реальныхъ училищахъ въ общемъ отдѣленіи дополнительнаго класса эти предметы и нынѣ не преподаются, но за то назначено болѣе уроковъ на языки отечественный и новый иностранный, на географію и исторію, — однимъ словомъ на общеобразовательные предметы.

4) Вопросъ 3-й и отвѣтъ 5-й предполагаютъ продлить нынѣшній одноступенчатый спеціальный курсъ техническихъ отдѣленій до двухъ лѣтъ; а въ отвѣтѣ 6-мъ указывается на необходимость для будущихъ техникумовъ заканчивать свое образованіе практическими работами. Способъ производства этихъ работъ еще не опредѣленъ и только опытъ можетъ рѣшить, будетъ ли достаточное число учениковъ, желающихъ пробить два года на спеціальномъ курсѣ. Что же касается учебныхъ мастерскихъ, то таковыя уже существуютъ при нѣкоторыхъ изъ нашихъ реальныхъ училищъ съ механико-техническимъ отдѣленіемъ дополнительнаго класса.

5) Вопросъ 10-й и отвѣтъ 7-й касаются правъ, приобретаемыхъ воспитанниками промышленныхъ училищъ, подготовляющихъ къ поступленію въ высшія техническія учебныя заведенія. Дабы абитуранты этихъ училищъ имѣли право поступать во всѣ высшія техническія учебныя заведенія и дабы они допускались затѣмъ къ государственнымъ экзаменамъ по всѣмъ отраслямъ технической службы,

комиссія находитъ необходимымъ продлить нынѣшній восьмилѣтний курсъ означенныхъ училищъ до девяти лѣтъ.

Такое требованіе объясняется изложенными выше (по поводу реалкъ) соображеніями о вредныхъ послѣдствіяхъ допущенія въ высшія техническія училища молодыхъ людей, не получившихъ классическаго образованія, ранѣе 9-ти-лѣтняго курса ученія. Очевидно, что въ Пруссіи не одно министерство народнаго просвѣщенія заботится о томъ, чтобы никакія училища не давали своимъ воспитанникамъ правъ большихъ, нежели классическія гимназіи.

У насъ въ этомъ отношеніи реальныя училища пользуются огромнымъ преимуществомъ, ибо даютъ доступъ къ высшимъ спеціальнымъ училищамъ годомъ ранѣе, чѣмъ классическія гимназіи.

Для вывода изъ всего вышележеннаго дальнѣйшихъ заключеній относительно техническаго образованія, должно обратить особенное вниманіе на слѣдующія обстоятельства:

а) Всѣ ученые спеціалисты и профессора высшихъ техническихъ училищъ согласны въ томъ, что объемъ, въ какомъ можетъ проходить математика въ классическихъ гимназіяхъ, вполне достаточенъ для подготовки молодыхъ людей къ успѣшному слушанію лекцій въ тѣхъ высшихъ училищахъ.

б) Лучшими студентами этихъ высшихъ училищъ вездѣ оказываются молодые люди, получившіе образованіе въ классическихъ гимназіяхъ.

в) Въ прусскихъ гимназіяхъ, имѣющихъ 9-ти-лѣтній курсъ, считается вполне достаточнымъ отъ 34 до 36 уроковъ на математику, и 18 на естественныя науки; между тѣмъ въ реалкахъ на математику полагается 44 и 54, а на естественныя науки 30 и 36 уроковъ, слѣдовательно по этимъ двумъ предметамъ 22 и 38 уроковъ болѣе. Но мы видѣли, что профессора высшихъ техническихъ училищъ не только не желаютъ, но считаютъ вреднымъ расширеніе программы установленной для математики въ гимназіяхъ. Очевидно, что въ прусскихъ реалкахъ тратится много времени почти напрасно, тогда какъ въ спеціальныхъ классахъ промышленныхъ училищъ время употребляется съ пользою на приобрѣтеніе техническихъ познаній, прямо приложимыхъ къ практической жизни.

Изъ этихъ фактовъ явствуетъ:

1) Что собственно для высшихъ техническихъ училищъ не нужно бы другихъ подготовительныхъ учебныхъ заведеній кромѣ гимназій.

2) Что затѣмъ могутъ быть полезны учебныя заведенія для обра-

зованія техникувъ средняго разряда по разнымъ спеціальностямъ. Таковыми представляются спеціальныя отдѣленія прусскихъ промышленныхъ училищъ и техническія отдѣленія нашихъ реальныхъ училищъ; также промышленныя отдѣленія бельгійскихъ атенеевъ, спеціальныя отдѣленія французскихъ лицеевъ и коллегій, французскія училища искусствъ и ремеслъ и т. п.

3) Что если и неудобно, по сложившимся обстоятельствамъ, вовсе не допускать лучшихъ воспитанниковъ названныхъ сейчасъ среднихъ учебныхъ заведеній къ слушанію лекцій въ политехническія институты, то для блага этихъ институтовъ должно однако жевать, чтобы въ нихъ между учащимися преобладали абитуриенты гимназій.

4) Что затѣмъ существованіе среднихъ учебныхъ заведеній, которыя подобно прусскимъ реальнымъ имѣли бы главною цѣлію готовить молодыхъ людей къ поступленію въ высшія спеціальныя училища, не имѣетъ никакого разумнаго основанія и потому составляетъ лишь бесполезную и часто даже вредную обузу для государства, ибо такія заведенія предрѣшаютъ слишкомъ рано судьбу отдаваемыхъ въ онны дѣтей, предназначаемыхъ родителями по какимъ нибудь расчетамъ къ поступленію въ высшія техническія училища, между тѣмъ какъ многія изъ нихъ въ послѣдствіи могутъ оказаться не имѣющими ни наклонности, ни особенныхъ способностей къ техническимъ наукамъ, а будутъ лишены возможности избрать себѣ другое учебное поприще; тогда какъ если бы они обучались въ гимназій, то всѣ дальнѣйшіе пути были бы имъ открыты. Выше приведенные учебные планы прусскихъ реалокъ ясно показываютъ, какъ трудно растянуть на 9 лѣтъ такъ называемый общеобразовательный курсъ безъ древнихъ языковъ, курсъ, который, въ сущности, и не есть и не можетъ быть общеобразовательнымъ, ибо prepares учащихся только къ дальнѣйшему изученію нѣкоторыхъ спеціальныхъ наукъ; при чемъ опять не должно забывать, что и для этой цѣли лучшей подготовкой оказывается гимназическая. Тамъ гдѣ подобныя реалки существуютъ, трудно отъ нихъ отдѣлаться, тѣмъ болѣе что онѣ учреждены болѣею частію на средства мѣстныхъ обществъ; но и въ Пруссіи многіе сознаютъ ихъ бесполезность. Покойный г. Поттебомъ, завѣдывавшій всѣми техническими учебными заведеніями въ Пруссіи, говорилъ мнѣ по этому поводу еще въ 1873 г.¹⁾, что „такъ называемыя реальныя училища составляютъ ракъ прусской школьной

¹⁾ Журн. Мин. Народн. Просв., январь 1874 г. стр. 64—65.

система" и въ бесѣдѣ со мною выразилъ желаніе, чтобы мы, Русскіе, навсегда были избавлены отъ оныхъ. Въ заключеніе уважу на тотъ фактъ, что ни Франція, ни Бельгія, ни Италия не завезли у себя училищъ, подобныхъ нѣмецкимъ реалькамъ, хотя во всѣхъ этихъ государствахъ въ теченіе послѣднихъ 12 лѣтъ среднія спеціальныя училища были отчасти вновь устроены, отчасти преобразованы.

II. ФРАНЦІЯ.

I.

Высшая нормальная школа въ Парижѣ.

Немногія европейскія учебныя заведенія пользуются столь громкою и заслуженною славой какъ Высшая нормальная школа въ Парижѣ. Она служитъ рассадникомъ превосходно подготовленныхъ преподавателей средних и высшихъ учебныхъ заведеній, и изъ нея же вышли многіе знаменитые дѣятели науки. Но такъ какъ имѣющіяся объ этомъ училищѣ печатныя свѣдѣнія весьма скудны и касаются почти только правилъ о приѣмѣ воспитанниковъ, то подробности внутренней организаціи онаго мало извѣстны. Лишь благосклонному радушію директора г. Берсо (Ernest Bersot), снабдившаго меня важными рукописными данными, я былъ обязанъ возможностью ознакомиться со многими неизвѣстными публикѣ подробностями устройства нормального училища. Считаю долгомъ представить очеркъ этого устройства, пользуясь какъ рукописными, такъ и печатными свѣдѣніями.

Высшая нормальная школа подлежитъ непосредственному вѣдѣнію министра народнаго просвѣщенія и имѣетъ цѣлью приготовленіе преподавателей для классическихъ лицеевъ (гимназій) и для университетскихъ факультетовъ. Она состоитъ изъ двухъ отдѣленій или факультетовъ: 1) наукъ словесныхъ (lettres) и 2) наукъ физико-математическихъ (sciences). Каждое изъ этихъ отдѣленій имѣетъ особую бібліотеку; кромѣ того при школѣ существуютъ кабинеты и лабораторіи. Двѣ лабораторіи находятся въ завѣдываніи знаменитыхъ ученыхъ Сентъ-Клеръ—Девилля и Пастѣра.

Нормальная школа есть заведеніе закрытое, воспитанники живутъ въ зданіи оной, обученіе и содержаніе ихъ производятся на счетъ казны; на семьяхъ лежатъ только расходы на первоначальное об-

заведеніе. Число воспитанниковъ не съ большимъ сто; въ нихъ около $\frac{2}{3}$ по словесному отдѣленію, и около $\frac{2}{5}$ по физико-математическому.

Пріемъ воспитанниковъ происходитъ ежегодно на основаніи конкурсныхъ испытаній и притомъ въ такомъ числѣ, какое опредѣляется каждый разъ министрами, смотря по подробностямъ учебной службы.

Желающіе поступить въ нормальное училище подають о томъ заявленіе въ канцелярію мѣстной академіи (académie), то есть учебнаго округа, съ 1-го января по 1-е марта. Они должны быть Французы или пользоваться правами французскихъ гражданъ. При этомъ, для внесенія ихъ въ списокъ кандидатовъ, отъ нихъ требуются слѣдующіе документы:

1) Свидѣтельство о рожденіи; удостоверяющее, что 1-го января того года, въ который кандидатъ желаетъ поступить, ему было не менѣе 18 и не болѣе 24 лѣтъ.

2) Свидѣтельство о привитіи оспы.

3) Свидѣтельство академическаго врача (médecin de l'académie) о томъ, что кандидатъ не страдаетъ никакою болѣзнію и никакимъ органическимъ недостаткомъ, лишающимъ его способности быть преподавателемъ.

4) Обязательство прослужить десять лѣтъ по учебному вѣдомству, если кандидатъ совершеннолѣтній; въ противномъ случаѣ заявленіе отца или опекуна, разрѣшающее кандидату принять на себя означенное обязательство.

5) Если кандидату болѣе 20 лѣтъ, то онъ долженъ представить свидѣтельство мера своей общины объ отбытіи имъ военной повинности или объ освобожденіи отъ оной.

6) Подписанное кандидатомъ заявленіе о званіи его отца, о мѣстѣ жительства его семейства, о мѣстахъ его пребыванія послѣ достиженія имъ 15-лѣтняго возраста, объ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ онъ продолжалъ или окончилъ свое ученіе, и, наконецъ, объ его вѣроисповѣданіи.

7) Свидѣтельство о нравственныхъ качествахъ, необходимыхъ для исполненія преподавательскихъ обязанностей, выданное начальствомъ заведеній, въ коихъ онъ могъ находиться въ качествѣ воспитанника или преподавателя.

Сверхъ того, кандидаты, желающіе поступить въ словесное отдѣленіе, должны представить удостовѣреніе въ томъ, что они пробыли полный учебный годъ въ высшемъ классѣ (философіи) средняго учебнаго заведенія, общественнаго или частнаго.

Начальники учебныхъ округовъ представляютъ министру, до 15 мая, собранныя ими свѣдѣнія о нравственныхъ качествахъ каждаго кандидата, присовокупля къ нимъ и свое личное мотивированное мнѣніе.

Министръ, на основаніи представленныхъ документовъ, назначаетъ кандидатовъ которые могутъ быть допущены къ испытаніямъ и сообщаетъ свое рѣшеніе окружнымъ начальникамъ, для извѣщенія объ ономъ тѣхъ кого оно касается.

Испытанія для поступления въ нормальную школу раздѣляются на двѣ серіи—предварительныя или письменныя, и окончательныя или устныя. Первымъ подвергаются все кандидаты, получившіе разрѣшеніе участвовать въ конкурсѣ; отъ исхода ихъ зависитъ допущеніе или недопущеніе каждаго изъ кандидатовъ къ устному экзамену. Допущенные къ устному экзамену подвергаются другому ряду испытаній, рѣшающихъ окончательно принятіе или непринятіе ихъ въ училище.

Первый рядъ испытаній производится въ тѣхъ учебныхъ округахъ (академіяхъ), гдѣ кандидаты были записаны; они начинаются въ концѣ іюня и состоятъ въ письменныхъ работахъ; на каждую изъ этихъ работъ во всѣхъ округахъ назначается одинъ и тотъ же день, одна тема и одинаковое время.

Эти работы изготовляются подъ непосредственнымъ наблюденіемъ начальниковъ учебныхъ округовъ; онѣ пишутся на листахъ съ печатнымъ заголовкомъ и въ самый день послѣдняго испытанія посылаются къ министру.

Письменныя работы различны, смотря по тому въ какой факультетъ готовится кандидатъ. Для отдѣленія словесныхъ наукъ онѣ состоятъ въ слѣдующемъ: философское разсужденіе на французскомъ языкѣ; латинское сочиненіе; французское сочиненіе; латинское экстерпорале (переводъ), греческое экстерпорале; латинское сочиненіе въ стихахъ; историческое сочиненіе.

Для физико-математическаго отдѣленія, кромѣ философскаго разсужденія на французскомъ языкѣ и латинскаго экстерпорале, требуется рѣшеніе одной или нѣсколькихъ задачъ по математикѣ, а также одной или нѣсколькихъ задачъ по физикѣ.

Для изготовленія письменныхъ работъ назначается: по шести часовъ—на философское разсужденіе, на французское и латинское сочиненія, на латинское стихотвореніе, на сочиненія по исторіи, по мате-

матикѣ и физикѣ; но четыре часа—на латинское и греческое эстетическое.

Кандидаты физико-математическаго отдѣленія не могутъ приносить съ собою никакихъ книгъ, кромѣ таблицъ логарифмовъ; а кандидаты словеснаго отдѣленія, кромѣ необходимыхъ учебныхъ словарей.

Протоколы объ испытаніяхъ и письменныя работы препровождаются въ двѣ комиссіи, которыя назначаются министромъ—одна по словеснымъ наукамъ, другая по физико-математическимъ. Эти комиссіи рѣшаютъ вопросъ о допущеніи кандидатовъ къ устнымъ испытаніямъ, на основаніи достоинства ихъ работъ. Затѣмъ составляются, въ алфавитномъ порядкѣ, два списка кандидатовъ въ двойномъ числѣ противъ количества вакантныхъ мѣстъ; эти списки подписываются членами комиссій и посылаются къ министру, который затѣмъ назначаетъ кандидатовъ допускаемыхъ къ устнымъ испытаніямъ.

Эти кандидаты должны явиться въ нормальное училище въ первыхъ числахъ августа, дабы подвергнуться второму ряду испытаній, исходъ которыхъ долженъ рѣшить ихъ окончательный пріемъ. Тогда они должны еще представить слѣдующіе документы:

1) Дипломъ на степень бакалавра словесныхъ наукъ или бакалавра физико-математическихъ наукъ, смотря по отдѣленію, въ которое они желаютъ поступить.

2) Обязательство родителей или опекуна возратить казнѣ расходы на содержаніе кандидата въ такомъ случаѣ, если бы онъ не исполнилъ своего обязательства прослужить десять лѣтъ по учебному вѣдомству. Кандидаты должны и сами дать подобное обязательство, если они уже достигли совершеннолѣтія или должны достигнуть оного во время пребыванія въ училищѣ.

Второй рядъ испытаній состоитъ въ слѣдующемъ:

1) По словесному отдѣленію: въ объясненіяхъ и отвѣтахъ на вопросы грамматическіе, историческіе и литературные, относящіеся къ текстамъ авторовъ, изучаемыхъ въ двухъ высшихъ классахъ лицеевъ;

2) по физико-математическому отдѣленію: въ отвѣтахъ на вопросы касающіеся предметовъ спеціальнаго курса математики въ лицейхъ. Кромѣ того кандидаты физико-математическаго отдѣленія должны вычертить эпюру по начертательной геометріи и срисовать контуръ головы съ оригинала.

Испытанія происходятъ въ присутствіи членовъ комиссій и продолжаются не менѣе часа для каждаго кандидата.

На основаніи этихъ испытаній членами обѣихъ комиссій состав-

даются списки кандидатовъ не въ алфавитномъ порядкѣ, но по степени оказанныхъ ими успѣховъ, причѣмъ принимаются также во вниманіе умствѣнные способности и нравственныя качества кандидатовъ. Списки эти представляются министру, который рѣшаетъ окончательно, кто изъ кандидатовъ должны быть приняты въ училище.

Курсъ ученія въ обоихъ отдѣленіяхъ продолжается три года; онъ подготавливаетъ воспитанниковъ къ экзаменамъ на степень лиценціата или магистра (*licencié*) и затѣмъ къ конкурсу на званіе лицейскаго адъюкта (*agrégé de lycée*), званіе необходимое для полученія штатнаго мѣста преподавателя или профессора при высшихъ лицейхъ, точно такъ какъ степень доктора необходима для занятія профессорской катедры при университетскихъ факультетахъ. Всѣ эти испытанія воспитанники держатъ внѣ школы, вмѣстѣ съ университетскими студентами.

Относительно экзамена на степень магистра слѣдуетъ замѣтить, что воспитанники словеснаго отдѣленія подвергаются этому экзамену въ концѣ перваго года пребыванія въ училищѣ; для воспитанниковъ же физико-математическаго отдѣленія этотъ экзаменъ раздѣляется такъ, что половина оного сдается по окончаніи перваго года, другая же половина по окончаніи втораго года.

Не выдержавшіе испытанія въ концѣ учебнаго года могутъ просить о переекзаменовкѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, а воспитанники словеснаго отдѣленія также во время пасхальной вакаціи.

Такъ какъ воспитанники держатъ экзамены на степень магистра и на званіе адъюкта внѣ училища, то они въ самомъ училищѣ не подвергаются испытаніямъ, за исключеніемъ воспитанниковъ 2-го года словеснаго отдѣленія, которымъ въ концѣ этого года не производится никакого экзамена внѣ училища, ибо они должны получить степень магистра уже послѣ 1-го года.

Учебные курсы въ словесномъ отдѣленіи въ продолженіе первыхъ двухъ лѣтъ всѣ читаются въ самомъ училищѣ; на 3-й годъ воспитанники слушаютъ еще лекціи въ Сорбоннѣ, во Французской коллегіи (*collège de France*) и въ Школѣ высшихъ наукъ (*Ecole des hautes études*), смотря по избранной каждымъ специальности. Эти специальности, соотвѣтствующія разнымъ преподавательскимъ должностямъ въ лицейхъ, суть: философія, словесность, грамматика, исторія, иногда новые языки. (Въ отдѣленіи словесности преобладаютъ классическіе языки и древности; въ отдѣленіи грамматики романскіе языки и сравнительная грамматика).

Въ отдѣленіи физико-математическихъ наукъ воспитанники всѣхъ трехъ курсовъ, кромѣ чтеній въ самой школѣ, слушаютъ въ Сорбоннѣ и во Французской коллежѣ различныя лекціи, также смотря по избраннымъ ими спеціальностямъ, коихъ въ этомъ отдѣленіи школы только двѣ: чистая математика и физика.

Отличительный характеръ обученія въ нормальной школѣ состоитъ въ заглавіи чтеній бесѣдами (conférences). По этому профессора или преподаватели школы официально называются *maîtres de conférences*.

Эти бесѣды облегчаются малочисленностію учениковъ, коихъ въ одномъ классѣ никогда не бываетъ болѣе двадцати. Профессоры не читаютъ лекцій какъ въ университетахъ, гдѣ студенты на самой дѣлѣ только слушатели. Воспитанники нормальной школы непрерывно самодѣятельны; они объясняютъ авторамъ, рассуждаютъ объ исправленіи своихъ сочиненій или работъ, читаютъ лекціи на заданную тему передъ профессоромъ и своими товарищами. Этотъ характеръ особенно выдается въ 8-мъ курсѣ, когда для воспитанниковъ уже приближается время приступить къ преподаванію въ лицеехъ. Каждое собесѣдованіе продолжается $1\frac{1}{2}$ часа. Чтеніе пробныхъ лекцій г. директоръ находитъ особенно важнымъ и гораздо болѣе полезнымъ, чѣмъ слушаніе особыхъ лекцій педагогики, которая въ нормальной школѣ вовсе не читается, хотя самъ директоръ специалистъ по философіи.

Нормальная школа, какъ мы уже нѣсколько случаевъ упомянуть, есть заведеніе закрытое или пансіонъ (internat). Воспитанники пользуются правомъ увольненія въ отпускъ по четвергамъ отъ 12 до 10 часовъ, по воскресеньямъ отъ 8 до 10, а лѣтомъ до $10\frac{1}{2}$ часовъ; кромѣ того на время большихъ и наскальныхъ вакацій. Директоръ можетъ разрѣшать воспитанникамъ посѣщеніе театра одинъ разъ въ мѣсяцъ и вообще во всякое время увольнять ихъ въ отпускъ по уважительнымъ причинамъ.

Порядокъ соблюдается строго, что однако не стѣсняетъ воспитанниковъ, особенно въ ихъ занятіяхъ, относительно которыхъ они пользуются значительною свободою.

Воспитанники встаютъ зимою въ 6, а лѣтомъ въ 5 часовъ; завтракъ отъ $7\frac{1}{2}$ до 8 часовъ; обѣдъ въ 12, послѣобѣденная рекреація до $1\frac{1}{2}$ часовъ; еще отдыхъ отъ $4\frac{1}{2}$ до 5 часовъ, ужинъ отъ 8 до 9, а желающіе могутъ заниматься до 10 часовъ.

На основаніи дисциплинарныхъ правилъ воспитанники не могутъ принимать посѣтителей, за исключеніемъ родителей или родственни-

ковъ, безъ разрѣшенія директора, и притомъ только во время послѣ-обѣденной рекреаціи (ст. 9 дисциплинарныхъ правилъ).

Воспитанники не могутъ протупать ни къ какому коллективному дѣйствию, ни составлять коллективно или отъ имени школы никакого письма ниже подписки, безъ особаго разрѣшенія директора (ст. 10).

Въ вакаціонное время воспитанникамъ можетъ быть разрѣшаемо вочевать изъ школы, но только у родителей или лицъ заступавшихъ ихъ мѣсто и представившихъ о томъ письменную просьбу директору. Всякій воспитанникъ, переночевавшій изъ школы безъ особаго разрѣшенія, исключается изъ оной (ст. 11).

Воспитанникъ, нарушившій свои обязанности, подвергается, смотря по степени его вины, выговору, или лишается отгула на одинъ или на нѣсколько праздничныхъ дней. Въ важныхъ случаяхъ директоръ можетъ лишать воспитанника отгула на цѣлый мѣсяць или даже возвратитъ его на время родителей или заступающему ихъ мѣсто. Въ послѣднемъ случаѣ онъ доноситъ о томъ министру. Исключеніе изъ школы, определенное высшимъ начальствомъ, можетъ повлечь за собою лишеніе права служить по учебному вѣдомству (ст. 14).

Книги вреднаго или не серьезнаго содержанія не должны быть допускаемы въ школу. Чтеніе газетъ и журналовъ, будучи вреднымъ для ученія, запрещается, за исключеніемъ офиціальнаго журнала, ежедневно доставляемаго въ бібліотеку. Всякая частная подписка на газеты и всякаго рода изданія также воспрещается воспитанникамъ. Помощникъ директора, при содѣйствіи надзирателей, пересматриваетъ книги такъ часто, какъ онъ находитъ это полезнымъ (ст. 21).

По мѣрѣ того какъ воспитанники поднимаются въ курсѣ ученія, они все болѣе разобщаются въ своихъ занятіяхъ. Такъ 1-й курсъ обоихъ факультетовъ раздѣляется лишь на 2 класса; 2-й курсъ каждаго факультета на 4 класса, а въ 3-мъ курсѣ почти каждый воспитанникъ имѣетъ особую комнату или раздѣляетъ ее съ однимъ только товарищемъ.

Кромѣ директора и его помощника, при школѣ состоитъ главный инспекторъ (*surveillant général*) и два надзирателя (*maîtres surveillants*), по одному въ каждомъ отдѣленіи.

Каждое утро собирается дисциплинарный совѣтъ, въ которомъ участвуютъ помощникъ директора, главный инспекторъ и два надзирателя. Въ этомъ совѣтѣ обсуждаются происшествія предшешаго дня

и, въ случаѣ надобности, опредѣляются изисканія, которыя затѣмъ объявляются по средамъ и субботамъ въ столовой залѣ.

Между самими воспитанниками набираются старшіе или такъ называемые *chefs de sections* (начальники отдѣловъ), которыхъ всего десять: четверо на 1-мъ и 2-мъ курсахъ обоихъ факультетовъ; двое на 3-мъ курсѣ физико-математическаго и четверо на 3-мъ курсѣ словеснаго факультетовъ, соответственно числу специальностей. Названіе *chef de section* дается первому по успѣхамъ воспитаннику своего курса или своей специальности. Есть также старшій во всему училищу, каковымъ бываетъ обыкновенно лучшій изъ воспитанниковъ 2-го курса словеснаго отдѣленія, перешедшихъ на 3-й курсъ. Эти старшіе воспитанники доводятъ до свѣдѣнія школьной администраціи просьбы и желанія воспитанниковъ своихъ отдѣловъ или и всего училища.

Выше уже было указано, что ближайшая и главнѣйшая цѣль нормальной школы заключается въ подготовкѣ воспитанниковъ къ конкурсу на званіе лицейскаго адъюнта. Къ этому конкурсу допускаются воспитанники, прошедшіе съ успѣхомъ трехгодичный курсъ ученія въ нормальной школѣ, причемъ они освобождаются отъ представленія свидѣтельства о трехъ или четырехлѣтнемъ исправленіи учительской должности въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній, каковое свидѣтельство требуется отъ магистровъ или лиценціатовъ, посѣщавшихъ обыкновенные факультетскіе курсы.

Но кромѣ подготовки къ званію лицейскаго адъюнта, нормальная школа имѣетъ въ виду и докторскую степень. Съ этою цѣлю существуетъ учрежденіе адъюнтовъ препараторовъ (*agrégés préparateurs*). Это кончившіе курсъ воспитанники школы, выдержавшіе конкурсный экзаменъ на лицейскаго адъюнта, оставляемые при школѣ и пользующіеся стипендіею въ 1,500 франковъ, сверхъ общаго получаемого всѣми адъюнтами содержанія въ 600 фр. Они продолжаютъ жить въ школѣ въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ, для сочиненія диссертациі, пользуясь библіотекою самой школы, равно какъ другими Парижскими библіотеками, лекціями и совѣтами ученыхъ и т. д. Адъюнты-препараторы физико-математическаго отдѣленія состоятъ при кабинетахъ и лабораторіяхъ; адъюнтъ по чистой математикѣ при математической библіотекѣ. Всѣ они, каждый по своей специальности, дѣлаютъ также репетиціи учащимся.

Относительно распредѣленія учебныхъ предметовъ по курсамъ и числа бесѣдъ и лекцій, посвящаемыхъ еженедѣльно на каждый предметъ, печатныхъ программъ не существуетъ. Но г. директоръ обяза-

тельно сообщилъ мнѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія, на основаніи которыхъ составлено мною слѣдующее обозрѣніе учебнаго плана нормальнаго училища.

А) По отдѣленію наукъ словесныхъ:

1-й годъ.

Языкѣ и литература французскіе	2	бесѣды.
" " латинскіе	3	"
" " греческіе	3	"
Философія	2	"
Исторія древняя	2	"

Всего въ недѣлю . . . . . 12 бесѣдъ.

Сочиненія на означенныхъ трехъ языкахъ; чтеніе и толкованіе авторовъ; причѣмъ имѣются въ виду предстоящія испытанія на степень магистра или лиценціата словесности.

2-й годъ.

Исторія литературы французской	2	бесѣды.
" " римской	2	"
" " греческой	2	"
Исторія философіи	2	"
" средняя и новая	2	"

Всего . . . . . 10 бесѣдъ.

Толкованіе авторовъ французскихъ, латинскихъ и греческихъ. Сочиненія и самостоятельныя работы воспитанниковъ. Эти работы, по отзыву г. директора Берсо, составляютъ главную особенность 2-го курса и нерѣдко служатъ началомъ или основаніемъ послѣдующихъ диссертаций на степень доктора.

Уже въ продолженіе этого курса воспитанники начинаютъ выказывать особыя наклонности и способности къ извѣстнымъ специальностямъ, хотя всѣ ихъ занятія общія и между ними нѣтъ никакого officialнаго раздѣленія.

3-й годъ.

На основаніи этихъ наклонностей и способностей, воспитанники распределяются на 4 группы по нижепоименованнымъ специально-

ствямъ. Въ теченіе 8-го года воспитанники, вромѣ домашнихъ и шкoль собесѣдованій или конференцій, посѣщаютъ еще лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній; поэтому мы обозначимъ особо недѣльное число бесѣдъ и лекцій по каждой специальности.

1. Словесность.

а) бесѣды:

Исторія литературы французской	1 бесѣда.
„ „ римской	2 „
„ „ греческой	1 „
	<hr/>
Всего	4 бесѣды.

б) лекціи:

Языки романскіе	1 лекція.
Латинская филологія	1 „
Греческое краснорѣчіе	1 „
Греческая поэзія	2 „
Греческія древности	2 „
Греческая эпиграфика	1 „
	<hr/>
	8 лекцій.

2) ГРАММАТИКА.

а) бесѣды:

Грамматика	4 бесѣды.
Исторія и географія	2 „
	<hr/>
	6 бесѣдъ.

б) лекціи:

Сравнительная грамматика	2 лекціи.
Языки романскіе	2 „
Латинская филологія	1 „
Греческое краснорѣчіе	1 „
	<hr/>
	6 лекцій.

3. История.

а) бесѣды:

Исторія древняя	2 бесѣды.
---------------------------	-----------

Исторія средняя и новая	2 бесѣды
Географія древняя и новая	4 „
	<hr/>
	8 бесѣдъ.

б) лекціи:

Географія . . . . . 2 лекціи.

4. Философія.

а) бесѣды:

Философія . . . . . 2 бесѣды.

б) лекціи:

Философія . . . . . 2 лекціи.

Философія греческая и римская . . . . . 2 „

Исторія философіи . . . . . 2 „

---

6 лекцій.

Относительно воспитанниковъ, посвящающихъ себя исторіи, слѣдуетъ замѣтить, что они сверхъ вышеозначенныхъ предметовъ должны еще заниматься геологіею; а ищущіе званія адъюнкта по философіи должны выдержать экзаменъ на степень бакалавра наукъ, въ особенности же имъ необходимы свѣдѣнія изъ физики и зоологіи.

Б) По отдѣленію наукъ физико-математическихъ.

Въ этомъ отдѣленіи воспитанники уже съ 1-го года посѣщаютъ нѣкоторыя лекціи внѣ школы.

1-й годъ.

а) бесѣды:

Дифференціальное и интегральное изчисленіе . . . . . 3 бесѣды.

Химія . . . . . 2 „

Минералогія . . . . . 1 „

Ботаника . . . . . 1 „

---

7 бесѣдъ.

Кромѣ того воспитанники занимаются рисованіемъ и черченіемъ, практическими работами по химіи и ботаникѣ.

б) лекціи:

Высшая алгебра . . . . . 2 лекціи.

Дифференціальное и интегральное изчисленіе . . . . . 1 „

Аналитическая механика	1 лекція
Химія	2 „
	<hr/>
	6 лекцій.

2-й годъ.

а) бесѣды:

Теоретическая астрономія	2 бесѣды.
Физика	1 „
Геологія	1 „
Зоологія	1 „
	<hr/>
	5 бесѣдъ.

Сверхъ того рисованіе и практическія работы по физикѣ.

б) лекціи:

Аналитическая механика	2 лекціи.
Физическая астрономія	2 „
Физика	2 „
	<hr/>
	6 лекцій.

3-й годъ.

Воспитанники распредѣляются на 2 группы по слѣдующимъ спеціальностямъ:

1. ЧИСТАЯ МАТЕМАТИКА.

а) бесѣды:

Математика (3 преподавателя)	4 бесѣды.
Графическія работы	1 „
	<hr/>
	5 бесѣдъ.

б) лекціи:

Высшая алгебра	2 лекціи.
Аналитическая механика	2 „
	<hr/>
	4 лекціи.

2. ФИЗИКА.

а) бесѣды:

Физика	2 бесѣды.
------------------	-----------

Химія	1	бесѣды
Геологія	1	"
Ботаника	1	"
Зоологія	1	"
	<hr/>	
	6	бесѣдъ.

Практическія работы по химіи и ботаникѣ.

б) лекціи:

Математическая физика	2	лекціи.
Химія неорганическая	2	"
Химія органическая	2	"
	<hr/>	
	6	лекцій.

Кромѣ того воспитанники занимаются два раза въ недѣлю практическими работами по физикѣ въ Сорбоннѣ.

Воспитанники 3-го года, обоихъ факультетовъ, въ продолженіе двухъ недѣль около Пасхи, дадутъ пробные уроки въ Парижскихъ лицезахъ, подъ наблюденіемъ преподавателей этихъ учебныхъ заведеній.

Раздѣленіе курсовъ между факультетами словеснымъ и физико-математическимъ не всегда соблюдается съ безусловною строгостью. Такъ уроки нѣмецкаго и англійскаго языковъ посѣщаются вмѣстѣ воспитанниками обоихъ факультетовъ, распределенными на группы по степени ихъ познаній. Уроки рисованія, обязательные для физико-математиковъ, могутъ быть посѣщаемы и желающими изъ словесниковъ. Нѣкоторыя лекціи по предметамъ физико-математическаго отдѣленія читаются преподавателями или старшими воспитанниками этого отдѣленія тѣмъ воспитанникамъ словеснаго, которые, какъ уже было упомянуто, нуждаются въ нихъ для занятій по исторіи и философіи.

Вообще же въ продолженіе 3-го года воспитанники обоихъ отдѣленій, приготовляясь къ конкурсу на званіе адъюнкта (agrégé), занимаются каждый всѣмъ тѣмъ, что необходимо лицейскому преподавателю по избранной имъ спеціальности.

Библіотеки обоихъ факультетовъ открыты ежедневно отъ 1½ до 3 часовъ для всѣхъ воспитанниковъ; они могутъ брать книги и въ свои комнаты. Кромѣ того есть учебныя бібліотеки и книги, принадлежащія самимъ воспитанникамъ.

Воспитанники, чувствующіе особенное влеченіе къ какой-либо отрасли наукъ, могутъ посѣщать относящіяся къ этимъ наукамъ лек-

ціи и вѣн нормальной школы, что для нихъ не можетъ быть затруднительно по малочисленности обязательныхъ бесѣдъ и лекцій, которыхъ въ совокупности, какъ видно изъ выше сообщеннаго обзорѣн, по разнымъ специальностямъ бываетъ лишь отъ 8 и не болѣе 13 въ недѣлю.

Эта умѣренность въ требованіяхъ относительно обязательныхъ занятій воспитанниковъ не мало способствуетъ той самостоятельности ихъ, о которой мы упоминали выше, указывая на особенность въ характерѣ обученія нормальной школы, состоящую въ замѣнѣ чтеній бесѣдами.

Полезность бесѣдъ вообще признава во Франціи и министерствомъ народнаго просвѣщенія, которое установило подобныя же бесѣды и для университетскихъ студентовъ, хотя не обязательно. Эти бесѣды поручаются адъюнтамъ, а при недостаткѣ въ нихъ и профессорамъ. Онѣ имѣютъ предметомъ повтореніе курса каждаго года, развитіе и приложеніе началъ, изложенныхъ на лекціяхъ профессоромъ.

Указывая на пользу, приносимую воспитанникамъ бесѣдами, ученый директоръ нормальной школы придаетъ не менѣе важное и благотворное для успѣховъ этой школы значеніе тому обстоятельству, что экзамены въ ней, какъ уже выше было изъяснено, отдѣлены отъ преподаванія. Въ этомъ смыслѣ г. Берсо высказывался неоднократно и въ печати; такъ онъ говорилъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ началѣ курсовъ 1872 года: „Нормальная школа имѣетъ ту особенность, что она не бываетъ сама себѣ судьей, что она не даетъ ни ученой степени, ни какого-либо званія своимъ воспитанникамъ, которые должны состязаться со всѣми посторонними кандидатами, чтобы выдержать экзаменъ на лиценціата въ одномъ изъ факультетовъ или побѣдить соискателей въ конкурсѣ на званіе адъюнта передъ комиссиями, назначенными правительствомъ⁶. То же самое высказалъ онъ шестью годами позже въ другой рѣчи, въ засѣданіи 29-го іюня 1878 г.: „Каково бы ни было достоинство нашей системы обученія, одинъ изъ элементовъ силы нормальной школы заключается въ томъ, что она не бываетъ сама себѣ судьей, что она относительно лиценціатства подвергается суду Сорбонны (университетскихъ факультетовъ), а относительно адъюнктура суду правительственныхъ комиссій въ публичныхъ конкурсахъ, всѣмъ доступныхъ, гдѣ она не пользуется никакими преимуществами, кромѣ плодовъ своей дѣятельности и хорошей подготовки своихъ воспитанниковъ“ . . .

И во время личныхъ бесѣдъ со мною, г. Берсо высказывалъ твер-

кое свое убѣжденіе, основанное на многолѣтнемъ опытѣ, что нормальная школа обязана блестящими результатами своей дѣятельности, кромѣ единаго классической подготовки поступающихъ въ оную молодыхъ людей и кромѣ высокаго достоинства профессоровъ, болѣе всего той самодѣятельности, которая возбуждается и поддерживается въ воспитанникахъ съ одной стороны учрежденіемъ бесѣдъ, а съ другой сознаніемъ, что судить о ихъ успѣхахъ будутъ не свои преподаватели, а лица постороннія и имъ, болѣею частью, вовсе незнакомыя.

II

Статистика французскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ первомъ моемъ отчетѣ описано устройство специальныхъ отдѣленій французскихъ лицеевъ и коллегій ¹⁾, и сообщены статистическія свѣдѣнія о числѣ воспитанниковъ въ этихъ отдѣленіяхъ сравнительно съ воспитанниками отдѣленій классическихъ за три года: 1865, 1872 и 1873.

Такъ какъ недавно вышелъ новый отчетъ о среднемъ образованіи за 1876 годъ ²⁾, то я заимствую изъ него послѣднія статистическія свѣдѣнія для сравненія ихъ съ таковыми же за 1872 и 1873 годы. Всѣхъ учащихся было:

	Въ отдѣленіяхъ.		Всего.	
	а) въ лицеехъ:	Классич.		Спеціальн.
Въ 1872 г.		29469	7287	36756
„ 1873 „		29796	7918	37714
„ 1876 „		32299	8696	40995
б) въ коллегіяхъ:				
Въ 1872 г.		13310	11767	25077
„ 1873 „		13437	12198	25635
„ 1876 „		14992	14012	29004

Изъ этихъ цифръ видно, что за послѣдніе три года отношеніе между числами учащихся въ обоихъ отдѣленіяхъ лицеевъ и коллегій почти не измѣнилось; въ специальныхъ отдѣленіяхъ лицеевъ учатся

¹⁾ Журн. Мин. нар. просв., мартъ 1874 г. стр. 31 — 36.

²⁾ Statistique de l'enseignement secondaire en 1876. Paris 1878.

омаго 21%, всѣхъ лицейскихъ учениковъ, а въ тѣхъ же отдѣленіяхъ коллегій около 48% учениковъ этихъ заведеній. Всего въ 1876 г. было учащихся въ лицеехъ и коллегіяхъ — 69999, изъ коихъ 22708 въ спеціальныхъ отдѣленіяхъ, что составляетъ, какъ и въ 1873 г., менѣе одной трети общаго числа воспитанниковъ.

Интересны также свѣдѣнія, заключающіяся въ отчетѣ объ относительномъ числѣ учениковъ въ соответственныхъ классахъ обоихъ отдѣленій лицеевъ и коллегій.

При сличеніи этихъ чиселъ нужно имѣть въ виду слѣдующее:

Такъ какъ коллегіи, содержимыя общинами, и казенные лицея одинаково подлежатъ вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія, ученіе во всѣхъ происходитъ по однѣмъ и тѣмъ же правительственнымъ программамъ, и коллегіи отличаются отъ лицеевъ только тѣмъ, что во многихъ изъ нихъ неполное число классовъ, наприимѣръ высшій или 9-й классъ изъ 252 коллегій существуетъ только при 123-хъ, то значительное число воспитанниковъ низшихъ классовъ коллегій переходить въ послѣдствіи въ лицея, для окончанія курса. Такимъ образомъ въ лицеехъ число воспитанниковъ въ высшихъ классахъ необходимо должно быть относительно больше, чѣмъ въ коллегіяхъ. Поэтому для точнаго опредѣленія числа учащихся въ разныхъ классахъ классическихъ и спеціальныхъ отдѣленій французскихъ общественныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, соответствующихъ нашимъ гимназіямъ и реальнымъ училищамъ, необходимо сложить вмѣстѣ числа учениковъ одинаковыхъ классовъ лицеевъ и коллегій.

Слѣдующая таблица показываетъ число учениковъ состоявшихъ къ 1-му января 1877 г. въ каждомъ изъ 9-ти собственно гимназическихъ или основныхъ классовъ классическаго отдѣленія названныхъ заведеній. Поэтому исключены какъ ученики дополнительныхъ математическихъ курсовъ (коихъ было всего 6088), такъ и 4799 учениковъ существующаго при лицеехъ элементарнаго класса, въ которомъ еще не обучаются латинскому языку и изъ коего многіе переходятъ въ пригготовительный классъ спеціальныхъ отдѣленій. Отсюда происходитъ, что подведенные въ таблицѣ итоги менѣе показанныхъ выше, въ которыхъ сочтены всѣ учащіеся. Низшіе гимназическіе классы мы назовемъ по нашему обычаю I-мъ, II-мъ и т. д., тогда какъ они во Франціи называются VIII-мъ, VII-мъ и пр.; седьмой классъ нашихъ гимназій во Франціи называется II-мъ (seconde); затѣмъ слѣдуетъ классъ реторики (Rhétorique), соответственный нашему VIII-му.

и наконецъ классъ философіи (Philosophie), послѣдній или IX-й классъ по нашему счету.

Число учащихся.

Въ классическ. отдѣлен.	Въ классахъ.									Всего.
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.	
а) лицеевъ	2698	2675	2930	2849	3121	2759	1898	2174	1461	22565
б) коллегій	2241	2037	2052	1725	1653	1344	1022	1122	643	13839
Итого	4939	4712	4982	4574	4774	4103	2920	3296	2104	36404

Эти цифры показываютъ, что въ первыхъ пяти классахъ общее число воспитанниковъ классическихъ отдѣленій весьма мало измѣняется, колеблясь между 4574 въ IV классѣ и 4982 въ III, гдѣ въ отчетномъ году было наибольшее число учащихся; затѣмъ въ VI классѣ противъ V менѣе на 671 учениковъ; наибольшая же разница между VI и VII классами почти на 1,200, что зависитъ отъ того, что изъ этого класса многіе поступаютъ на дополнительные математическіе курсы, подготавливающіе воспитанниковъ въ поступленію въ нѣкоторыя спеціальныя училища, допускающія молодыхъ людей не вполне окончившихъ классическій курсъ лицей. За всѣмъ тѣмъ однако мы видимъ, что даже въ высшемъ, IX классѣ, состояло 2104 воспитанника, слишкомъ 42% числа учениковъ, находившихся въ то же время въ I классѣ.

Совсѣмъ иныя отношенія показываетъ намъ слѣдующая таблица о числѣ воспитанниковъ спеціальныхъ отдѣленій.

Число учащихся:

Въ спеціальн. отдѣленіяхъ:	Въ классахъ.					Всего.
	Приготови- тельн.	I	II	III	IV	
а) лицеевъ	2599	2791	1968	1075	263	8696
б) коллегій	4471	4425	3245	1451	420	14012
Итого	7070	7216	5213	2526	683	22708

Здѣсь мы видимъ уже съ 3-го года быстрое пониженіе числа учащихся, коихъ во II классѣ на 28⁰/₀ меньше, чѣмъ въ I, въ III классѣ менѣе половины учениковъ въ сравненіи съ II, въ высшемъ IV, не много болѣе четверти въ сравненіи съ III, а въ сравненіи съ I-мъ классомъ лишь около 9¹/₃⁰/₀, тогда какъ мы сейчасъ видѣли, что въ классическихъ отдѣленіяхъ въ IX классѣ слишкомъ 42⁰/₀ числа учениковъ I-го класса. Эти процентныя отношенія доказываютъ, съ одной стороны, огромное преобладаніе во Франціи классическаго образованія надъ реальнымъ, а съ другой стороны, что большинство родителей, помѣщающихъ своихъ сыновей въ спеціальныя отдѣленія, не имѣютъ средствъ содержать ихъ долѣе двухъ или трехъ лѣтъ въ этой школѣ, или же имѣютъ въ виду лишь нѣсколько пополнить свѣдѣнія, вынесенныя ихъ дѣтьми изъ народнаго или элементарнаго училища.

Все сказанное доселѣ относится къ французскимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ общественнымъ или правительственнымъ, то-есть, находящимся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Но, какъ извѣстно, во Франціи существуетъ значительное число подобныхъ учебныхъ заведеній частныхъ, называемыхъ свободными—*Etablissements libres d'instruction secondaire*. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія объ этихъ училищахъ далеко не такъ подробны, какъ свѣдѣнія о правительственныхъ; не только не показано число учениковъ по классамъ обоихъ отдѣленій, но ни даже общее число учениковъ каждаго отдѣленія порознь. Поэтому о состояніи спеціальныхъ отдѣленій сравнительно съ классическими можно судить лишь приблизительно, на основаніи общихъ статистическихъ данныхъ.

Свободныя училища распадаются на двѣ категоріи: на содержащія духовенствомъ и содержащія свѣтскими лицами. Въ отчетѣ представлено сравненіе ихъ состоянія въ 1865 и 1876 годахъ. Въ 1865 году было свободныхъ училищъ:

содержимыхъ духовенствомъ	278,	въ нихъ учениковъ	34897
„ свѣтск. лицами	657,	„ „ „	43009
всего свободныхъ училищъ	935,	„ „ „	77906

Въ то же время въ общественныхъ среднихъ училищахъ было 65668 учениковъ.

Въ концѣ 1876 г. было свободныхъ училищъ:

содержимыхъ духовенствомъ	309,	въ нихъ учениковъ	46,816
„ свѣтск. лицами	494,	„ „ „	31,249
всего свободныхъ училищъ	803,	„ „ „	78,065

изъ коихъ однако 8972 посѣщали классы лицеевъ и коллегій. Въ общественныхъ училищахъ, со включеніемъ элементарнаго класса, существующаго при большинствѣ коллегій, въ то же время было 75,259.

При сличеніи этихъ итоговъ оказывается, что въ продолженіе 11 лѣтъ число воспитанниковъ въ общественныхъ училищахъ увеличилось на 9591, а въ свободныхъ только на 159. Замѣчательно, что число свѣтскихъ училищъ уменьшилось на 163, и вмѣстѣ съ тѣмъ число воспитанниковъ въ нихъ на 11,760; число же училищъ, содержимыхъ духовенствомъ увеличилось на 81, а число учениковъ на 11,919, нѣсколько болѣе того, на сколько уменьшилось число учениковъ въ свѣтскихъ свободныхъ училищахъ. Кромѣ того духовенствомъ содержатся еще семинаріи, въ коихъ около 30,000 воспитанниковъ.

Относительно состава свободныхъ училищъ слѣдуетъ замѣтить, что классическія отдѣленія въ полномъ составѣ высшихъ курсовъ находятся: изъ 494 свѣтскихъ училищъ только при 95 или 19⁰/₁₀₀, а изъ 309 училищъ духовенства при 149 или 48⁰/₁₀₀; но за то спеціальныя отдѣленія состояли при 285 свѣтскихъ училищахъ (около 58⁰/₁₀₀) и только при 120 (около 39⁰/₁₀₀) училищахъ духовенства, изъ чего можно заключить, что въ сихъ послѣднихъ сравнительно болѣе развито классическое обученіе нежели въ свѣтскихъ училищахъ, хотя и въ этихъ оно преобладаетъ надъ спеціальнымъ. И такъ при всѣхъ 803 свободныхъ училищахъ было спеціальныхъ отдѣленій 405, тогда какъ изъ 333 правительственныхъ училищъ—81 лицей и 252 коллегіи—324 имѣли спеціальныя отдѣленія. Слѣдовательно, вообще при свободныхъ училищахъ почти вдвое менѣе этихъ отдѣленій чѣмъ при общественныхъ, и потому ясно, что въ свободныхъ учебныхъ заведеніяхъ относительное число учениковъ спеціальныхъ отдѣленій должно быть еще менѣе въ сравненіи съ учениками классическихъ отдѣленій, чѣмъ въ лицейхъ и коллегіяхъ; преобладаніе же классическаго обученія и въ свободныхъ училищахъ еще болѣе подтверждается значительнымъ увеличеніемъ числа учениковъ—за послѣдніе 11 лѣтъ почти на 12,000—именно въ училищахъ духовенства, въ коихъ, какъ мы сейчасъ видѣли, сравнительно болѣе полныхъ классическихъ отдѣленій.

Весьма интересно сравнить, на сколько то позволяютъ имѣющіеся статистическія данныя, положеніе спеціальнаго обученія во Франціи съ положеніемъ реального въ Пруссіи, по отношенію къ классическому образованію въ обѣихъ этихъ странахъ. Мы видѣли выше, что во

французскихъ лицейхъ и коллегіяхъ число учениковъ спеціальныхъ отдѣленій менѣе одной трети (въ 1873 г. около 32%) общаго числа учениковъ. Въ прусскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія въ томъ же году изъ общаго числа 108,379 учащихся было 41,900 учениковъ реальныхъ и городскихъ училищъ, что составляетъ около 39%; если же къ нимъ присоединить еще около 4000 учениковъ промышленныхъ училищъ, то въ Пруссіи число учащихся въ неклассическихъ училищахъ составитъ около 41% общаго числа учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Слѣдовательно въ Пруссіи ихъ на 7—9% болѣе, нежели во Франціи, если считать одни лицей и коллегіи; со включеніемъ же свободныхъ французскихъ училищъ эта разница должна быть еще значительнѣе.

Но если въ Пруссіи въ данное время относительное число обучающихся въ реальныхъ учебныхъ заведеніяхъ превышаетъ число таковыхъ же во Франціи; то съ другой стороны, слѣдуетъ принять во вниманіе, что полный курсъ французскихъ спеціальныхъ отдѣленій продолжается только пять лѣтъ, а въ Пруссіи курсъ реальныхъ и городскихъ училищъ отъ 6 до 9, и затѣмъ, что во Франціи гораздо менѣе учениковъ доходятъ до высшаго класса, въ коемъ лишь около 9% въ сравненіи съ низшимъ, нежели въ Пруссіи, гдѣ высшіе классы гораздо многочисленнѣе, такъ какъ число учениковъ въ нихъ доходитъ до 15% въ сравненіи съ низшими классами.

Такимъ образомъ при болѣе продолжительномъ пребываніи учениковъ въ прусскихъ реальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, число получающихъ реальное образованіе сравнительно уменьшается и вѣроятно, не многимъ превышаетъ относительное число получающихъ подобное образованіе во Франціи, хотя вообще число лицъ, получившихъ до настоящаго времени реальное образованіе, должно быть гораздо значительнѣе въ Пруссіи нежели во Франціи уже потому, что прусскія реальныя училища были организованы въ 1832 г., а французскія спеціальныя отдѣленія окончательно устроены лишь въ 1866 г.

Но при сравненіи результатовъ прусскихъ и французскихъ реальныхъ учебныхъ заведеній, не только важно относительное число лицъ, получающихъ реальное или спеціальное образованіе, но также, и даже еще болѣе, вопросъ о степени или объемѣ получаемаго ими образованія.

Для рѣшенія этого вопроса мы должны вновь обратиться къ фактамъ, сейчасъ приведеннымъ, именно, что курсъ французскихъ спеці-

альныхъ отдѣленій продолжается только пять лѣтъ и что весьма мало учениковъ доходятъ до высшаго класса, между тѣмъ какъ курсъ прусскихъ реальныхъ учебныхъ заведеній продолжается до 9 лѣтъ и высшіе классы оныхъ гораздо многочислѣе высшихъ классовъ французскихъ специальныхъ отдѣленій. Изъ этихъ данныхъ легко убѣдиться, что курсъ этихъ французскихъ училищъ далеко не можетъ быть такъ обширенъ, какъ курсъ прусскихъ реаловъ 1-го разряда, и мы должны согласиться, что въ этихъ послѣднихъ училищахъ научное образованіе стоитъ гораздо выше, чѣмъ во французскихъ. Изъ этого же слѣдуетъ далѣе, что во Франціи почти вовсе нѣтъ людей, получившихъ реальное образованіе, подобное тому, какое дается въ прусскихъ училищахъ. Техники и промышленники средняго разряда получаютъ не столь обширное научное, но за то болѣе практическое образованіе въ специальныхъ отдѣленіяхъ лицеевъ, въ муниципальных школахъ, въ училищахъ искусствъ и ремеслъ (*Ecoles d'arts et métiers*); въ высшія же спеціальныя училища поступаютъ почти исключительно молодые люди изъ классическихъ лицеевъ и коллегій. А между тѣмъ французскіе инженеры, строители, архитекторы, механики и т. д. ни въ чемъ не уступаютъ нѣмецкимъ; что же касается собственно заводской и фабричной промышленности, то она почти по всѣмъ отраслямъ стоитъ во Франціи гораздо выше, чѣмъ въ Германіи, даже если оставить въ сторонѣ художественно-промышленныя произведенія.

Такимъ образомъ положеніе и результаты технического обученія во Франціи приводятъ къ тѣмъ же главнымъ выводамъ, къ какимъ мы пришли выше, въ отдѣлѣ о прусскихъ учебныхъ заведеніяхъ, именно, что реалки прусскаго образца бесполезны какъ для образованія техниковъ средняго разряда, такъ и для подготовки воспитанниковъ къ высшимъ техническимъ училищамъ. Въ первомъ отношеніи ихъ превосходятъ спеціальныя и промышленныя училища разнаго вида, въ другомъ—классическія гимназій.

Въ явѣе подтвержденіе этой послѣдней истины и въ дополненіе къ собраннмъ мною частнымъ наблюденіямъ отдѣльныхъ учебныхъ спеціалистовъ, считаю полезнымъ привести еще слѣдующія офіціальныя свидѣтельства, основанныя на многочисленныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ офіціальными лицами въ Пруссіи и сообщенныя въ извѣстномъ сочиненіи доктора Визе о прусскихъ училищахъ,

изданномъ по порученію министра народнаго просвѣщенія. Вотъ слова г. Визе ¹⁾).

„По поводу свѣщеній Г. Фалька съ прочими министрами, были сообщены министромъ финансовъ, Кампаузенемъ, въ чьемъ вѣдѣніи находятся дѣсныя академіи, статистическія сопоставленія объ экзаменахъ на должность главнаго дѣснаго. Изъ нихъ, по наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ, выводится заключеніе, что гимназическая подготовка дѣйствуетъ положительно благотворнѣе реальной какъ на общее образованіе высшихъ дѣсныхъ чиновниковъ, такъ и на развитіе ихъ практическихъ способностей. И министръ торговли, Ахенбахъ, по тому же поводу замѣчаетъ, что по наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ его вѣдомствѣ, студенты, имѣющіе гимназическое свидѣтельство зрѣлости, за немногими исключеніями, стоятъ выше тѣхъ, которые обучались въ реальныхъ училищахъ“.

Къ этимъ свидѣтельствамъ считаю излишнимъ прибавлять какія либо дальнѣйшія разсужденія.

---

¹⁾ *Wiese*, Das höhere Schulwesen in Preussen, III, S. 41.

А. Гезенъ.

ОБЪ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЯХЪ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНІЯ ЕСТЕ- СТВЕННОЙ ИСТОРИИ ВЪ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ ¹⁾

III.

Въ предшествующихъ главахъ мы очертили тотъ матеріалъ, который, по нашему мнѣнію, долженъ быть подъ руками учителя при преподаваніи биологическихъ наукъ въ реальныхъ училищахъ. Теперь представляемъ списокъ учебныхъ пособій, необходимыхъ для такого преподаванія, составленный сообразно тѣмъ требованіямъ, которыя изложены въ первой половинѣ нашей статьи. Тутъ же мы сообщаемъ свѣдѣнія и о томъ, гдѣ такіа пособія могутъ быть приобретаемы въ лучшемъ видѣ и по возможно доступнымъ цѣнамъ.

1) Естественные препараты.

Всего больше требуется учебныхъ пособій для курса зоологіи, такъ какъ тутъ живой матеріалъ можетъ быть употребляемъ только въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ и по необходимости приходится изучать анатомическіе факты по готовымъ естественнымъ и искусственнымъ препаратамъ. Одно изъ главныхъ мѣстъ между естественными препаратами занимаютъ скелеты. Кромѣ человѣческаго скелета необходимо имѣть скелеты нѣкоторыхъ млекопитающихъ, птицъ, рыбъ, земноводныхъ и амфибій. Но цѣлыя, связанные скелеты не дадутъ возможности разсмотрѣть, какъ слѣдуетъ, многія важныя особенности,

---

¹⁾ Окончаніе. См. Ж. М. Н. Пр., мартъ 1879 года.

напримѣръ, сочлененіе черепа съ первымъ шейнымъ позвонкомъ, соединеніе позвонковъ другъ съ другомъ, самую форму отдѣльныхъ позвонковъ и т. д. Поэтому, кромѣ цѣлыхъ скелетовъ, необходимо запастись еще отдѣльными костями. Такихъ отдѣльныхъ костей всего больше потребуется при изученіи скелета человѣка. Скелеты въ Петербургѣ можно заказывать черезъ магазинъ Фену (зданіе Солянаго городка, близъ Цѣльнаго моста) въ лабораторіи Стрембицкаго. Магазинъ Фену высылаетъ заказы довольно скоро. Кромѣ магазина Фену можно имѣть скелеты еще изъ института практической анатоміи (въ Медикохирургической Академіи). Съ заказомъ слѣдуетъ обращаться къ директору института практической анатоміи, профессору Груберу, но здѣсь удобно заказывать скелеты только въ томъ случаѣ, если есть возможность лично хлопотать о заказѣ, объ исполненіи его, о пересылкѣ и т. д., не говоря уже о томъ, что самый заказъ долженъ быть сдѣланъ заблаговременно, мѣсяца за два или три. Мы совѣтуемъ приобретать человѣческой скелетъ со штативомъ, устроеннымъ въ видѣ глаголя, къ которому и подвѣшивается скелетъ за кольцо, вдѣланное въ черепъ. Штативы другихъ формъ менѣе практичны, а особенно тотъ штативъ, который состоитъ изъ деревянной тумбы съ углубленіемъ на вершинѣ для помѣщенія желѣзнаго стержня, проходящаго черезъ позвоночный столбъ скелета; стержень выходитъ наружу черезъ крестцовую кость и вставляется въ углубленіе тумбы. Подобнаго штатива мы совѣтуемъ избѣгать; потому что углубленіе въ тумбѣ штатива мало по малу расширяется, стержень перестаетъ держаться плотно и положеніе скелета дѣлается неустойчивымъ. Можно хорошіе скелеты достать и за границей, напримѣръ, у Фрига и Эгера.

Приведемъ цѣны скелетовъ и отдѣльныхъ частей ихъ по каталогамъ Фену, Фрича и Эгера, ¹⁾ а также цѣны этихъ препаратовъ въ институтѣ практической анатоміи.

	У Фену.	У Фрича.	У Эгера.	Въ инст. Практ. Ан.
Скелетъ человѣка . . .	40 р.	30—50 флор.	50 флор.	27 р.
Черепъ человѣка . . .	5 "	3—5 "	8 "	2 "

¹⁾ Мастерская Фрича находится въ Прагѣ. Адресъ ея: V. Fric, Lehrmittel-und Naturalien-Händler in Prag, Wassergasse № 15 и 21 neu, цѣны въ флоринахъ. Заведеніе Эгера находится въ Вѣнѣ (Dr. Z. Eger's Naturalien-Comptoir, Wien Mariahilfstrasse № 18.) Цѣны тоже показаны въ гульденахъ.

	У Фену.	У Фрича.	У Эгера.	Въ инст. Практ. Ан.
Скелеть конечности че- ловѣка	7 р.	8 фл. р.	—	3 р.
Тазъ съ натуральными связками	—	—	—	8 "
Кости таза, соединен- ныя проволокою	—	—	—	3 "
Отдѣльныя кости поло- вины скелета	—	—	—	5 "
Сочлененія суставовъ	—	—	—	по 5 "
Височная кость съ рас- пиломъ	—	—	—	2 "
Та же кость со щетин- ками въ каналахъ	—	—	—	3 "
1-й, 2-й, и 3-й шейные позвонки на штативахъ по 1 р.	—	—	—	—
Скелеть собаки	12—15 р.	12—15 фл.	10 фл.	—
„ кошки	8—10 „	8—10 „	18 „	—
„ бѣлки	5 р.	—	6 ¹ / ₂ „	—
„ летучей мыши	5 „	5 „	3 ¹ / ₂ —4 „	—
„ врата	5 „	2 „	3 ¹ / ₂ „	—
	Цѣны Фену.	Цѣны Эгера.	Цѣны Фрича.	
Черепъ коровы	5—7 р.	16 флор.	?	
„ оленя съ ро- гами	8 „	4 ¹ / ₂ „	?	
„ лошади	6—8 „	10 „	?	
„ свиньи	5 „	10 „	?	
„ зайца	1 „	1—1 ¹ / ₂ „	?	
Скелеть гуся съ махо- выми и руле- выми перьями	9—10 „	10 „	?	
		скелеть безъ перьевъ.		
„ бурицы	6 р.	4 фл. р.	?	
„ хищной птицы	6—20 р.	5—6 „	?	
„ попугая	?	10 „	?	
„ голенастой	6—15 „	4—7 „	?	
„ колибри	?	5 фл. р.	?	

	Цѣны Фену.	Цѣны Эгера.	Цѣны Фрича.
Черепъ дятла	75 к.—1 р.	1 фл.	?
„ вороны	50—70 к.	1 „	?
„ щегленка	?	1 „	?
„ соровопута	?	1 „	?
Скелетъ черепахи	4—8 р.	5 ¹ / ₂ —6 „	?
„ ащерицы	4—8 „	5 ¹ / ₂ —10 „	?
„ ужа	6 р.	6 „	?
„ лягушки	3 р. 50 к.	3 „	?
„ карпов. рыбы. 8—12 р.		8 „	?

У Фрича не показаны цѣны отдѣльныхъ скелетовъ, но у него имѣются двѣ коллекціи: одна, содержащая 6 скелетовъ (млекопитающаго, птицы, черепахи, змѣи, лягушки и рыбы) и стоящая 40 флориновъ, другая—содержащая 13 скелетовъ и стоящая отъ 80 до 100 флориновъ; къ этимъ цѣнамъ за упаковку первой коллекціи прилагивается 6 фл., второй—10 фл. По нашему мнѣнію, удобнѣе покупать отдѣльные скелеты, по крайней мѣрѣ есть возможность выбирать.

Кромѣ перечисленныхъ скелетовъ и череповъ необходимо имѣть еще нѣкоторыя отдѣльныя части скелетовъ и нѣкоторыя кости, а именно:

Конечность лошади; у Фену скелетъ цѣлой ноги можно имѣть за 6 р., а часть ноги (отъ колѣна до копыта) за 4 р. 50 к.

Конечность коровы (отъ колѣна до копыта) у Фену стоитъ 4 р. У Фрича лошадиная конечность стоитъ 3 фл.; коровья—2 р. 50 к.

Далѣе необходимо имѣть:

Рога: быка, козы и сѣвернаго оленя; у Фену эти рога съ поддерживающими пеньками стоятъ вмѣстѣ отъ 3 р. до 5 р. 50 к.

Крыло и ногу курицы; у Фену это стоитъ 1 р. 50 к.

Грудную кость курицы . . . . . — „ 50—70 к.

Грудную кость сокола . . . . . — „ 75—1 р.

Скелетъ хрящевой рыбы, цѣна у Фену около 8 р.

Черепъ человѣка и какого нибудь млекопитающаго (собаки) съ фронтальнымъ и сагиттальнымъ распилами для показанія строенія черепнаго дна и отношеній рѣшетчатой кости къ сосѣднимъ костямъ. Цѣны не показаны ни у Фену, ни у заграничныхъ торговцевъ, но въ институтѣ практической анатоміи человѣческой черепъ съ фронтальнымъ или сагиттальнымъ распиломъ стоитъ 4 р.

Общая стоимость перечисленной остеологической коллекции равняется 150—180 р.

Здѣсь перечислены только тѣ вещи, которыя безусловно необходимы для кабинета. Но остеологическая коллекція легко можетъ пополняться и помимо покупки; сами ученики могутъ въ этомъ случаѣ помочь дѣлу. Если имъ объяснить значеніе естественноисторическихъ препаратовъ въ родѣ отдѣльных частей скелетовъ, зубовъ, плодовъ, сѣмянъ, гнѣздъ, яицъ и т. д., они съ охотою начнутъ собирать ихъ, и этимъ путемъ довольно скоро можетъ накопиться довольно разнообразный матеріалъ, который всегда съ пользою можетъ послужить для демонстрацій на урокахъ.

Кромѣ перечисленныхъ магазиновъ, прекрасные скелеты случайно можно получать отъ г-на Булашевича, преподавателя Гатчинскаго Сиротскаго института. Работы г-на Булашевича далеко оставляютъ за собою произведенія всякихъ мастерскихъ, какъ по изяществу отдѣлки, такъ и по дешевизнѣ (скелетъ гуся стоитъ 6 р., карповой рыбы 5—6 р. и т. д.) и мы рекомендуемъ желающимъ имѣть дѣйствительно превосходные скелеты — обращаться къ г-ну Булашевичу (Гатчина, Николаевскій Сиротскій институтъ). Къ сожалѣнію, г-нъ Булашевичъ не занимается специально изготовленіемъ учебныхъ пособій; поэтому къ нему слѣдуетъ обращаться съ заказами заблаговременно, мѣсяца за три или четыре.

ЧУЧЕЛА.

Въ каталогъ Фену мы нашли очень немного чучель изъ числа тѣхъ, которыя необходимы для кабинета. Мы приводимъ поэтому цѣны недостающихъ чучель по каталогамъ Фрича и Эгера.

	Цѣны Фену.	Фрича.	Эгера.
			въ гульденахъ.
Обезьяна	12—18 р.	10—25	<i>Cercopithecus</i> 20
Летучая мышь	2—4 р.	2—50	<i>Vesperugo</i> 2½—4
Бротъ	2 р. 50 к.	2	" 2
Землеройка	?	?	" 3—3½
Ежъ	4—5 р.	3—20	" 4—5½
<i>Mustela putorius</i>	?	2	" 7
<i>Jutra vulgaris</i>	?	?	" 18
<i>Meles taxus</i>	?	?	" 18
<i>Didelphis</i>	?	?	" 15

	Цѣны Фену.	Фрнча...	Эгера.
		ВЪ ГУЛЬДЕНАХЪ.	
<i>Sciurus vulgaris</i>	2—50	2—80	3
<i>Spermophilus</i>	?	3	4
<i>Mus decumanus</i>	?	2—50	3
<i>musculus</i>	?	?	3—3 ¹ / ₂
<i>Cricetus frumentarius</i> .	?	3	4
<i>Spalax typhlus</i>	?	?	8
<i>Dipus jaculus</i>	?	?	6
<i>Cavia</i>	?	3	4
<i>Anas</i>	4 р.	?	3 ¹ / ₂ —5
<i>Larus</i>	4 р. 50 в.	?	5—8
<i>Uria</i>	?	?	4
<i>Carbo</i>	?	?	7
<i>Colymbus</i>	?	?	6
<i>Scolopax</i>	3 р.	?	2 ¹ / ₂ —4
<i>Numenius</i>	3—4 р. 50 в.	?	4
<i>Ardea</i>	8 р.	?	4—10
<i>Vultur fulvus</i>	?	?	40
<i>Cathartes perenopte-</i> <i>rus</i>	?	?	20
<i>Haliaetos albicilla</i> . . .	?	?	15
<i>Falco</i>	5—8 р.	?	4—11
<i>Strix</i>	5—12 р.	2 fl. 70 kr.	3—3 ¹ / ₂
<i>Columba</i>	2 р.	2	3 ¹ / ₂ —9
<i>Perdix</i>	4 р.	?	3
<i>Cothurnix</i>	2 р. 50 в.	?	3
<i>Tetrao</i>	4—8 р.	?	6—20
<i>Picus</i>	2 р.	?	3—5
<i>Cuculus</i>	3 р.	?	3 ¹ / ₂
<i>Psittacus</i>	6—12 р.	3—5	9
<i>Cacathua</i>	?	?	10
<i>Alcedo</i>	?	?	3
<i>Lusciola</i>	3 р.	?	2—3
<i>Turdus</i>	?	?	2 ¹ / ₂ —3 ¹ / ₂
<i>Oriolus</i>	?	?	3 ¹ / ₂
<i>Lanius</i>	?	?	2 ¹ / ₂ —3
<i>Parus</i>	2 р.	?	2—3 ¹ / ₂
<i>Alauda</i>	1 р. 50 в.	?	2—2 ¹ / ₂

	Цѣну Фену.	Фрица.		Эгера.
		въ гульденахъ.		
Laxia	?	?	"	3
Cocotraustes	?	?	"	2
Passer	1 р. 50 к.	?	"	2
Fringilla cannabina. . .	3 р.	?	"	2
Fringilla canaria . . .	3 р.	1 fl.	"	?
Pyrrhula	1 р. 50 к.	?	"	2
Bombicilla	?	?	"	3
Sturmus	2 р. 50 к.	?	"	2 ¹ / ₂
Corvus	2—3 р.	2	"	3—4
Garrulus	?	?	"	3 ¹ / ₄
Урүпа	?	?	"	3—3 ¹ / ₂
Trochilus	5 р.	3	"	3—3 ¹ / ₂
Гвѣздо колибри . . .	?	2	"	?
Hirundo	2 р.	?	"	3
Cypselus	2 р. 50 к.	?	"	3
Caprimulgus	?	?	"	3 ¹ / ₂
Emys	} 3 р. 50 к.—8 р.	?	"	4
Testudo		?	"	5

	Въ спиртѣ.		Въ спиртѣ.	Въ спиртѣ.	
	Чу-чела.	Чу-чела.		Чу-чела.	Чу-чела.
Anguis fragilis. . .	?	?	1—1 fl. 50	1 ¹ / ₂	2 ¹ / ₂
Chamaeleon . . .	?	?	3—5	6	15
Lacerta	?	3—6 р.	1—2	1—4 ¹ / ₂	2 ¹ / ₂ —6
Aligator или Crocodilus	?	?	5—8 (мален. экз.)	?	60 (круп.)
Coronella laevis . .	?	?	2 fl. 50	2	4
Tropidonotus. . .	?	?	2	1 ¹ / ₄	4 ¹ / ₂
Pelias berus . . .	?	?	3	4 ¹ / ₂	5
Vipera	?	?	4	—	9
Hyla arborea. . .	?	?	1—1 fl. 50 kr.	1	2
Rana	?	3—6 р.	1 fl. 50	1 ¹ / ₂	2
Bufo	?	3—4 р. 50	1 fl. 70	1	2 ¹ / ₂
Salamandra maculata	?	?	1 fl. 80	1	2
Triton	?	?	1 fl.—1 fl. 50	1	2 ¹ / ₂
Proteus anguineus	?	?	3	?	?
Perca fluviatilis .	5 р.	?	?	3	4

	Въ спиртѣ.	Чу- чала.	Въ спиртѣ.	Въ спиртѣ.	Чу- чала.
Lucioperca	?	?	?	?	4
Acerina	?	?	1 fl. 70	2	3
Uranoscopus	?	?	2	—	4
Scomber scombrus	5	?	2 fl. 60	?	?
Chaetodon	?	?	3	?	?
Mugil.	?	?	3	?	3 1/2
Trigla	?	?	2	?	4
Cottus	?	?	1 fl. 30	?	?
Syngnathus.	?	1—2 p.	1 fl. 40	?	?
Hypocampus	?	1—2	1	1	1/2
Salmo.	?	1—12 p. (fario)	2	?	?
Cyprinus	?	5—8 (auratus)	2	(carpio) 3 1/2	4
Esox	?	6 p. 50	1 fl. 50—2	?	?
Exocoetus.	?	?	3—6	3	6
Clupea	2—2 p. 50	2 fl. 10 kr.	— 1 fl. 20 kr.	?	?
Silurus glanis	?	10—18	2	?	?
Gadus navaga	2 p. 50	? minut.	2 fl. 50—3	?	?
Platessa	?	8—12	1 fl. 80—2	4	?
Rhombus	?	?	?	?	13
Solea	?	?	1 fl. 30	2	?
Echeneis.	?	?	2—4	?	?
Anguilla	?	4 p. 5—6	1—1 fl.—50	?	5
Tetrodon	?	?	2—4	?	?
Balistes.	?	?	2 fl. 50—3 fl. 50	?	5
Squalus catulus	?	?	1 fl. 80—2 fl. 50	?	?
Raja	10	?	1 fl. 50—2 fl. 50	clavata ?	5
Acipenser.	?	5—10	3	?	6
Petromyzon	?	2—2 p. 50	1—2 fl. 20	6	6
Amphioxus.	?	?	2—3	1 1/2	?
Ammocetes	?	?	1 fl. 30	?	?

Если исключить изъ числа приведенныхъ чучель и спиртовыхъ препаратовъ такихъ, какъ Рапа, Вуфо, обыкновенныя змѣи и рыбы, которыхъ можно собрать и на мѣстѣ, то цѣнность остальной коллекціи будетъ равняться 400 — 450 р. Общая же стоимость выйдетъ около 500 р. с.

КОЛЛЕКЦІЯ ВЪЗНОВОЖОЧНЫХЪ.

1) Mollusca.

	Цѣны Фрича.	Цѣны Эгера.
<i>Octopus vulgaris</i>	3—5 флор.	6 флор.
<i>Argonauta argo</i>	?	6
<i>Sepia officinalis</i>	1 fl. 50—4	6
<i>Nautilus pompilius</i>	?	8
<i>Clio borealis</i>	3	?
<i>Limax</i>	1	
<i>Arion empericorum</i>	1 fl. 20	
<i>Murex</i>	1 fl. 50	
<i>Haliotis</i>	1 fl. 50	
<i>Aplysia</i>	1 fl. 50	
<i>Ostrea</i>	1 fl. 50	
<i>Margaritana</i>	2	
<i>Pholas</i>	1 fl. 50	
<i>Teredo</i>	2—5	
<i>Cynthia momus</i>	1 fl. 50	<i>Cynthia papillata</i> 2
<i>Ascidia</i>	1—2	
<i>Botryllus</i>	2	
<i>Pyrosoma</i>	2—3	3 ¹ / ₂
<i>Salpa</i>	1 fl. 30	1 ¹ / ₂

Вся коллекція моллюсковъ, содержащая 41 видъ (5 головоногихъ, 20 явноголовыхъ, между прочимъ три крылоногихъ (*Clio*, *Hyalea*, *Cleodora*), 9 пластинчатожаберныхъ и 7 туникатъ, между прочимъ *Voltehia*, стоитъ отъ 80—90 флориновъ. Мы привели изъ нея только тѣхъ представителей, которые необходимы для курса.

У Эгера мы не нашли цѣны отдѣльныхъ экземпляровъ брюхоногихъ и пластинчатожаберныхъ.

У Фену тоже нѣтъ цѣны отдѣльныхъ экземпляровъ. Изъ коллекцій, предлагаемыхъ Фену, заслуживаетъ вниманія коллекція изъ 3-хъ представителей, если не ошибаемся, одного головоногого, одного головастаго и одного безголового, стоящая 4 р. 50 к., и коллекція восковыхъ моделей въ натуральныхъ раковинахъ, состоящая изъ 6-ти представителей (*Unio*, *Ostrea*, *Pecten*, *Mytilus*, *Patella* и *Pholas* съ кускомъ породы); цѣна каждой модели 1 р. 75 к., *Pholas*—2 р. Мо-

дели эти могутъ быть полезны на урокахъ, хотя даютъ самое общее представление о строеніи тѣла моллюсковъ.

Суставчатоногія.

У Фрича есть прекрасная коллекція пауковъ изъ 18 представителей, между которыми имѣются *Buthus*, *Phrynus*, *Mygale*, *Русногонум*, стоящая отъ 34 до 45 гульденовъ, которую не дурно купить и цѣликомъ. Для курса она, впрочемъ, велика и если не желаютъ дѣлать затраты на всю коллекцію, то можно ограничиться слѣдующими представителями: *Scorpio europaeus* 1 fl., *Phalangium opilio* — 80 kr., *Lycosa* — 1 fl. (*Tarantula* 3 fl.), *Ixodes ricinus*—80 kr., *Русногонум littorale*—2 fl. 20 kr. У Эгера есть нѣсколько коллекцій: изъ 12 представителей—цѣною 6 fl., изъ 25—15 fl.; изъ 30—25 fl. и изъ 100—60 fl. Можно ограничиться коллекціей изъ 25 представителей. У Фену коллекція пауковъ, между которыми есть скорпионъ и фаланга или тарантулъ, стоитъ 8 р. Всѣ эти коллекція содержатъ спиртованные экземпляры.

У Эгера имѣются коллекція, содержащая отъ 12 до 100 видовъ, цѣнностью отъ 6 до 60 флориновъ. Для средняго учебнаго заведенія достаточно имѣть въ коллекціи видовъ 25—30, что стоитъ, какъ и у Фрича, отъ 15 до 20 флориновъ. У Эгера тоже всѣ экземпляры въ спиртѣ.

Коллекція насѣкомыхъ предлагаются всѣми магазинами и выбрать есть изъ чего. У Фену, напр., находится въ продажѣ техническая коллекція Гестермана, изъ которой очень хорошо приобрести двѣ вещи: пчелу и ея продукты (стеклянная коробка съ сотами, трутнемъ, маткой и т. д.; цѣна 2 р. 50.) и шелкъ, его добываніе и употребленіе (стеклянная коробка, содержащая шелковичную бабочку, личинку, куколку, яйца, коконъ и листь тутоваго дерева, а также 45 образцовъ матерій; цѣна 7 р. с.). Далѣе у Фену находятся въ продажѣ: черный муравей, его жилище, самка, самецъ, рабочий (въ одномъ ящикѣ) цѣна 3 р. 50 к., шмель съ гнѣздомъ (въ ящикѣ), цѣна 2 р. 50 к. и цѣлая коллекція, въ которой всѣ представители (72), интересные по ихъ характернымъ гнѣздамъ, препарированы въ ихъ естественной обстановкѣ, съ добавленіемъ ихъ гнѣздъ и жилищъ, въ отдѣльныхъ коробкахъ: цѣна коллекціи 30 р. с. Последней коллекціи, къ сожалѣнію, намъ видѣть не удалось.

У Эгера отдѣльныя коллекція насѣкомыхъ предлагаются въ боль-

помѣ выборѣ: за 22 флорина у него можно имѣть коллекцію изъ 135 видовъ (39 жуковъ, 17 перепончатокрылыхъ, 56 бабочекъ, 5 двукрылыхъ, 3 сѣтчатокрылыхъ, 9 прямокрылыхъ и 6 полужесткокрылыхъ). Тысяча видовъ (300 жуковъ, 200 мухъ, 150 бабочекъ, 206 перепончатокрылыхъ, 40 сѣтчатокрылыхъ, 100 сосуновъ и 10 личинокъ) стоитъ у него 75 флориновъ. Коллекція вредныхъ и полезныхъ насѣкомыхъ стоитъ 18 флор. Кроме того, у Эгера можно получать собраніе отдѣльныхъ отрядовъ насѣкомыхъ; такъ, коллекція, содержащая 100 жуковъ, стоитъ 5 флор., коллекція, содержащая 100 видовъ бабочекъ, стоитъ 7 флор., сто видовъ мухъ стоятъ 6 флор.; за ту же цѣну можно получить 100 видовъ перепончатокрылыхъ и 30 видовъ сѣтчатокрылыхъ; 100 видовъ полужесткокрылыхъ стоятъ 13 флориновъ. У Фрича 100 видовъ насѣкомыхъ изъ всѣхъ отдѣловъ въ общемъ ящикѣ стоятъ 12 флор., собраніе въ 200 видовъ въ трехъ ящикахъ стоитъ 25 флор., собраніе въ 500 видовъ стоитъ 67 флориновъ и т. д. Цѣны коллекцій отдѣльныхъ отрядовъ такія же, какъ и у Eger'a, но у Фрича есть коллекціи отдѣльныхъ разрядовъ съ меньшимъ числомъ представителей, именно 36 видовъ жуковъ — цѣною 2 флор. 50 кр., 20 видовъ бабочекъ — цѣною 2 флор. 50 кр. Но вообще отъ большихъ затратъ на коллекціи насѣкомыхъ лучше удержаться, тѣмъ болѣе, что главнѣйшіе и общезвѣстные представители могутъ быть собраны на мѣстѣ. Въ маленькихъ глухихъ городахъ, гдѣ преподаватель естественной исторіи бываетъ иногда чуть ли не единственнымъ судьей и экспертомъ по части разныхъ естественно-историческихъ вопросовъ, было бы въ высшей степени полезно имѣть коллекцію мѣстныхъ представителей; но въ продажѣ такихъ коллекцій нѣтъ, а покупать иностранныя коллекціи съ большимъ числомъ представителей едва ли рационально, потому что не вездѣ же мѣстные представители окажутся тождественными съ германскими. По нашему мнѣнію, слѣдуетъ запастись образцовою коллекціею, гдѣ были бы собраны наиболѣе типичныя формы и ею ограничиться, не тратясь на заманчивыя и дорогія собранія, которыя не будутъ играть никакой роли на урокахъ и, будучи чужды мѣстной фаунѣ, не принесутъ особенной пользы и преподавателю. Подобныя образцовыя коллекціи были уже указаны: это коллекція Эгера въ 1000 видовъ, коллекція Фрича, составленная изъ собраній отдѣльныхъ разрядовъ. Не бесполезно имѣть также собраніе полезныхъ и вредныхъ насѣкомыхъ (коллекція Eger'a, стоящая 18 флориновъ).

Разнообразныя предлагаются тоже въ большомъ выборѣ. У Фрича—коллекція изъ 36 представителей, изъ которыхъ 25 принадлежать къ 10-ногимъ, остальные къ прочимъ разрядамъ, стоятъ отъ 80 до 90 флориновъ. Но можно ограничиться и отдѣльными формами:

У Фену высушенный краббъ стоитъ 3 р. 50.

Такой же краббъ, поменьше ростомъ — 2 р.

Коллекція изъ 8 представителей въ спиртѣ 11 р.

	Цѣны Фрича.		Цѣны Фену.	
	Въ спиртѣ.		Сухіе.	Въ спиртѣ.
<i>Nephrops norvegicus</i>	2 фл.		1½ фл.	2 фл.
ИЛИ				
<i>Homarus vulgaris</i>	?		7	—
<i>Palemon squilla</i>	80		—	¾
<i>Astacus fluviatilis</i>	1 фл. 50		¾	1
<i>Pagurus</i> sp.	1 ф. — 1 ф. 50 кр.		½	¼—2
<i>Carcinus moenas</i>	2 ф. 30		½	¾
<i>Maja squinado</i>	?		3¼	3
— <i>verrucosa</i>	2		1	—
<i>Calappa granulata</i>	?		?	3
<i>Squilla mantis</i>	3 фл.		¾	1¼
<i>Gammarus locusta</i>	80 кр.		?	½
<i>Caprella monacantha</i>	?		?	1½
<i>Idothea</i>	1—2 фл.		?	½
<i>Sphaeroma cinerea</i>	2		?	½
<i>Apus cancriformis</i>	1 фл. 50 кр.		?	1½
<i>Branchipus</i>	?		?	½
<i>Lerneia branchialis</i>	?		?	2
<i>Dichelestium sturionis</i>	?		?	1
<i>Anatifera</i>	1—3		¼	1½
<i>Balanus</i>	1—3		½	?

Многоножки.

<i>Scolopendra electrica</i>	1	?	2
<i>Julus terrestris</i>	1	?	½
<i>Glomeris</i>	1	?	?

Черви. У Фену коллекція червей изъ пяти представителей (въ спиртѣ) стоитъ 7 р. 50 коп. У Фрича прекрасная коллекція, содер-

жащая 40 формъ, стоитъ 60 флориновъ. Въ этой коллекціи, кро-
мѣ такихъ формъ, какъ *Meckelia*, *Trichoscephalus*, *Echinorhynchus*
gygas, есть 4 вида *Taenia* (съ головками), *Cysticercus* и *Coenurus*.
Изъ этой коллекціи обязательно имѣть формы приведенныя ниже. Для
сравненія рядомъ выставлены цѣны Эгера. Всѣ черви въ спиртѣ.

	Цѣны Фрича.	Цѣны Эгера.
<i>Aphrodite aculeata</i>	2 фл. 50 кр.	3
<i>Nereis</i> sp?	1	?
<i>Serpula</i> sp?	2	<i>S. venusta</i> 2 1/2
<i>Arenicola piscatorum</i>	2	?
<i>Enchytraeus vermicularis</i>	1	?
<i>Sipunculus verrucosus</i>	1	?
<i>Aulocostomum gulo</i>	1	?
<i>Hirudo medicinalis</i>	1	1
<i>Clepsine</i>	60 кр.	?
<i>Strongylus armatus</i>	1	?
<i>Echinorhynchus gygas</i>	1—1 фл. 50	?
<i>Taenia expansa</i>	3	—
— <i>crassicollis</i>	1 фл. 60	1 1/2
— <i>solum</i> съ головкой	2	2 1/2
<i>Cysticercus cellulosae</i>	1	?
<i>Coenurus cerebralis</i>	3	?
<i>Botriocephalus proboscideus</i>	2 лф. 50	?

Въ коллекціяхъ ракообразныхъ и червей не приведены такія фор-
мы, которыя попадаются на каждомъ шагѣ, напримѣръ, *Argulus*, *Daph-
nia*, *Cypris*, *Cyclops*, *Lumbricus terrestris*, *Ascaris*, *Filaria* и т. д. Ихъ
легко собрать на мѣстѣ.

Иглокожія. У Фену коллекція изъ 4 представителей стоитъ 8 руб-
лей (въ спиртѣ). Отдѣльныя формы у Фену имѣютъ слѣдующія цѣны:
морская звѣзда обыкновенная отъ 2 до 5 р., морской ежъ отъ 2 р. 50 к.
— 4., офиура (сухая) отъ 2-хъ рублей, голотурія 3—10 рубл. У Фрича
коллекція иглокожихъ (въ спиртѣ), состоящая изъ 14 видовъ, стоитъ
около 49 флориновъ; въ ней находится 3 голотуріи, 5 ежей, три на-
стоящихъ звѣзды и три офиуры. У Эгера коллекція иглокожихъ, со-
держащая 2 голотуріи, 2 ежей, три настоящихъ звѣзды и одну офиу-
ру, стоитъ около 14 флориновъ. Отдѣльныя формы, обязательныя для
кабинета, стоятъ:

У Фрича.		У Эгера.	
<i>Holothuria</i> sp?	3—5 фл.	<i>H. tubulosa</i>	4
<i>Synapta</i> sp.	2 ф. 50 кр.	<i>S. digitata</i>	2 1/2
<i>Echinus saxatilis</i>	2	<i>E. vulgaris</i>	1 1/2 ?
<i>Spatangus</i> sp?	2—3	<i>S. purpureus</i>	1 1/2 ?
<i>Astracantion helianthus</i>	3	<i>A. rubens</i>	1 ?
<i>Astriscus palmipes</i>	2	1	? ?
<i>Ophioderma</i> sp?	2	<i>O. longicaudata</i>	1 ?
<i>Comatula mediterranea</i>	2—4	?	? ?

Asclerpha. У Фену медуза въ спиртѣ стоитъ отъ 2—5 рублей. У Фрича коллекція изъ 3 медузъ, 4-хъ гидрорцовъ и 4 плавающихъ полиповъ стоитъ около 39 флориновъ. (Всѣ представители въ спиртѣ). У Эгера медуза (*Ombrella pelagica*) стоитъ 5 фл. (въ спиртѣ), *Hydra grisea* 2 фл., тоже въ спиртѣ. Изъ коллекціи Фрича обязательно имѣть медузу, цѣна ея отъ 2 фл. 50—4 фл.; *Sertularia* стоитъ 1—2. 50 фл.; *Phylisalia*—2 фл. 40 кр.—6 флориновъ. Гидрориды у Фену продаются заспиртованными; *Plumularia* стоитъ 1 р. 50 к., *Sertularia* — 1 р. 50 к. Изъ коралловъ мы нашли въ каталогѣ Фену только актинію; она стоитъ (въ спиртѣ) 1 р. 50 к. У Фрича *Actinia corallina* стоитъ 1 флор. 20 кр., *Act. viridis*—2, *Pennatula rubra*—5—10 фл.; *Alcyonium palmatum*—1—3 фл. У Эгера *Gorgonia viminalis* стоитъ 2 фл., *Pennatula granulosa* — 6 фл., *Tubipora musica* 2 1/2 фл. Всѣ животныя въ спиртѣ. Изъ каменныхъ коралловъ у Эгера *Fungia dentata* стоитъ 2 1/4 ф., *Madraera spinifera*—2 1/2 (оба въ спиртѣ). Фричъ предлагаетъ коллекціи сухихъ коралловъ разной стоимости: собраніе изъ 15 формъ стоитъ у него 3 фл. (небольшіе куски, въ 1 1/2 кв. дюйма); собраніе 20 формъ (2—6 дюйм. длиною каждый) — 10 фл.; собраніе изъ 25 видовъ (3×4 дюйма)—25 фл.; то же собраніе на деревянныхъ подставкахъ въ гипсѣ—30 флориновъ. Губка (въ спиртѣ) у Фену стоитъ 1 р. 50 к., у Фрича (*Spongilla fluviatillis*) стоитъ въ спиртѣ 1—2 фл.; кромѣ того у Фрича продаются губки въ сухомъ видѣ; стоимость одного экземпляра отъ 1 — до 5 флор. Скелеть *Euplectella aspergillum* стоитъ — 10 флор.

Общая стоимость коллекціи беспозвоночныхъ доходитъ до 250—350 р. с.

ИСКУССТВЕННЫЕ ПРЕПАРАТЫ.

При изученіи анатоміи настоятельно необходимы препараты, представляющіе отдѣльные органы и ихъ строеніе. Необходимо, чтобы

препараты эти были приготовлены изъ вещества неломкаго и чтобы они представляли болѣе или менѣе точно извѣстныя подробности внутренняго устройства органовъ. Изъ такихъ препаратовъ обязательными для кабинета слѣдуетъ считать слѣдующіе: головной мозгъ человѣка, на которомъ ясно были бы видны мозговые желудочки, отношеніе Варолиева моста къ окружающимъ частямъ, выходы головныхъ нервовъ и т. д. Препарат, однимъ словомъ, долженъ быть разборный съ необходимыми продольными и поперечными разрѣзами. Такой препаратъ изданъ Озу. Его цѣна по каталогу магазина Рихтера (С.-Петербургъ, Адмиралтейская площадь № 4) 75 рублей. Есть въ продажѣ и другой препаратъ головного мозга Озу, съ болѣе подробнымъ обозначеніемъ строенія, цѣна котораго по каталогу Рихтера 135 р. Рихтеръ предлагаетъ кромѣ того нѣмецкую модель мозга за 50 р. Этой модели намъ видѣть не удалось.

У Фену есть модель головного мозга, приготовленная Стрембицкимъ, цѣна ея 6 р. 50 коп.; на ней показаны мѣста прикрѣпленія головныхъ нервовъ, но для изученія внутренняго строенія она недостаточна. Въ мастерской Шиндгельма ¹⁾ можно также получить препаратъ головного мозга; цѣна около 12—15 р. Хотя этотъ препаратъ и представляетъ нѣсколько разрѣзовъ, но онъ до такой степени зализъ, что ясно ничего разобрать нельзя. Особенно неудовлетворительно исполненъ въ немъ третій желудочекъ, а также вся нижняя поверхность большихъ полушарій; ко всему этому самый препаратъ построенъ изъ смѣси гипса и папье-маше и довольно ломокъ.

Далѣе необходимы:

можжечекъ со спиннымъ мозгомъ;

глазъ, съ частью глазной орбиты, съ показаніемъ глазныхъ мышцъ и канала слезной железы;

ухо съ частью височной кости;

сердце, разбирающееся на части для показанія строенія желудочковъ и мѣсть выхода сосудовъ и

гортань.

Можжечекъ и спинной мозгъ Озу у Рихтера можно имѣть за 25 р.

У Фену этотъ препаратъ (лабораторіи Стрембицкаго) стоитъ 12 р.

Модели глазъ, изданныя Озу, двухъ родовъ: одна представляетъ полное глазное яблоко, другая только внутреннюю его половину, слѣ-

¹⁾ Мастерская Шиндгельма (бывш. Гейцера) помещается въ Измайловскомъ полку, на Загородномъ проспектѣ, противъ Технологическаго Института.

довательно разръзъ (объ стоятъ у Рихтера по 40 р.) Очевидно, удобнѣе покупать цѣлый препаратъ. Нѣмецкая модель глаза у Рихтера стоитъ 30 р. У Фену препаратъ глаза мастерской Стрембицкаго стоитъ 22 р., у Шиндгельма около 25 р.; но и этотъ препаратъ у Шиндгельма не вполне удовлетворителенъ: глазныя мышцы не раздѣлены, каналъ слезной железы неясенъ.

Препаратъ уха у Озу стоитъ 75 р. Онъ состоитъ изъ височной кости съ поднимающеюся пластинкой каменистой части, длина его 60 сантиметровъ; другая модель съ тѣми же подробностями, но въо меньшей величины, стоитъ 50 р. У Фену модель уха мастерской Стрембицкаго стоитъ 22 р., у Шиндгельма около 20 р., но и этотъ препаратъ оставляетъ желать очень многого: онъ залитъ и сдѣланъ довольно грубо. Гортань Озу стоитъ 12 р. у Фену 4 р. Кромя этихъ препаратовъ, безусловно необходимыхъ для преподаванія анатоміи человѣка, не бесполезно приобрести еще нѣкоторыя модели мастерской Стрембицкаго, именно: маску съ открытымъ ртомъ; верхняя часть маски снимается и видны полости рта, носа, глотки, языкъ миндальныя железы и пищеводъ; цѣна 11 р. 50 к., и легкія разборныя съ разборнымъ сердцемъ и гортанью, цѣна 11 р. 50 коп. Стрембицкій издалъ 17 моделей по образцу коллекціи Бока; общая стоимость ихъ 158 р. с.; но кромѣ перечисленныхъ уже, полезными могутъ быть еще развѣ сочлененія — тазобедренное (2 р. 50 к.) и плечевое (2 р. 50 к.). Остальныя модели его, наиримѣръ, торсъ съ главными внутренними органами, продольный разръзъ головы, разръзъ кожи и т. д. не составляютъ необходимыхъ для кабинета пособій. Для изученія анатоміи низшихъ животныхъ необходимо имѣть:

желудокъ жвачнаго, органы кровообращенія и дыханія рыбы, модель улитки, насѣкомаго (жука), пиявки. Желудокъ жвачнаго Озу стоитъ 40 р. У Шиндгельма можно имѣть этотъ препаратъ за 15 р. Органы кровообращенія рыбы Озу стоятъ 20 р. У Фену тотъ же препаратъ стоитъ 19 р. Модели улитки, жука и пиявки принадлежать къ однимъ изъ самыхъ дорогихъ; модель улитки Озу у Рихтера стоитъ 115 р. — у Фену менѣе подробный препаратъ стоитъ 20 р., модель жука Озу у Рихтера стоитъ 115, у Фену—120 р. модель пиявки Озу у Рихтера стоитъ 100 р., у Фену—95 р. Общая стоимость моделей Озу 604 р. с. Но если нѣкоторыя модели Озу замѣнить болѣе дешевыми, то цѣна понизится до 460. Такую замѣну можно произвести, взявъ у Фену изъ коллекціи моделей Стрембицкаго мозжечекъ, глазъ, ухо; вмѣсто подробной модели улитки препа-

ратъ менѣе подробный и вмѣсто желудка жвачнаго изд. Озу таковой же препаратъ мастерской Шиндгельма.

2. Рисунки.

Рисунковъ въ продажѣ существуетъ огромная масса, такъ что тутъ выбирать есть изъ чего. Мы приведемъ перечень такихъ рисунковъ, которые считаемъ годными и необходимыми для преподаванія. Годными для преподаванія мы считаемъ такіе рисунки, которые отличаются прежде всего значительными размѣрами. Всякій согласится, что крупный, видимый одинаково ясно цѣлымъ классомъ рисунокъ несравненно удобнѣе на урокъ, чѣмъ мелкій; крупный рисунокъ допускаетъ возможность общей работы, мелкія же изображенія, которыя нужно показывать отдѣльно каждому ученику, заставляютъ прерывать занятія и отнимаютъ не мало времени на разъясненія. Далѣе, мы предпочитаемъ иллюминированный рисунокъ черному и рисунокъ, сдѣланный на бѣломъ фонѣ, рисункамъ на черномъ фонѣ. Послѣднихъ мы даже вовсе стараемся избѣгать, потому что съ извѣстнаго расстоянія бѣлый рисунокъ на черномъ фонѣ не совсѣмъ ясно видѣнъ.

По анатоміи человѣка вполнѣ пригодныхъ для преподаванія рисунковъ несравненно больше, чѣмъ по зоологіи. По зоологіи даже, можно сказать, вовсе нѣтъ такихъ рисунковъ, съ которыми можно бы было помериться. Намъ удалось видѣть слѣдующіе атласы и рисунки по анатоміи человѣка¹⁾:

1) Маршалъ: стѣнные таблицы по анатоміи и физиологіи человѣка цѣна 60 р., на холстѣ 90 р. с. (англійское изданіе). Таблица 1 содержитъ органы пищеваренія; всѣ рисунки крупны. Содержаніе таблицы: зубы, разрѣзъ челюсти, продольный разрѣзъ головы (плохой), гортань (тоже плохо сдѣлана), железы кишечнаго канала, ворсинки, разрѣзъ кишки, схема расположенія внутренностей, внутренняя поверхность кишки и такъ далѣе, все это отчетливо и ясно. Таблица 2-я: лимфатическая система всего тѣла, сердца, легкаго, кишечной ворсинки, строеніе лимфатическаго сосуда и железы; всѣ рисунки хороши. Таблица 3-я органы чувствъ: строеніе кожи, волоса, языка, распространіе нервовъ въ языкѣ и небѣ, строеніе органа обонянія, слуховаго органа (плохъ), глаза; всѣ эти рисунки хороши. Таблица 4, нервная система: распредѣленіе нервовъ по тѣлу, головной мозгъ (не особенно

¹⁾ Всѣ эти атласы можно выписать прямо отъ Фену.

отчетливъ), хребетный мозгъ и такъ далѣе. Всѣхъ таблицъ 9. Величина свыше $2\frac{1}{2}$ аршинъ.

2) Атласъ Фидлера, цѣна 3 р. 50, на холстѣ 7 р. Рисунки крупны и исполнены сносно.

3) Атласъ анатоміи органовъ чувствъ Венцеля, цѣна 11 р. с. Рисунки крупны и удовлетворительны.

4) Келлеръ: нервная система человѣка, цѣна 3 р. 10 к. головной и хребетный мозгъ человѣка, симпатическая нервная система, продольные разрѣзы мозга (неудовлетворительны), мозгъ снизу (отчетливъ).

5) Келлеръ: органы кровообращенія и дыханія человѣка и пресмыкающихся, ц. 3 р. 10. Всѣ рисунки довольно мелки, но сдѣланы хорошо, нѣкоторые схематичны.

Кромѣ этихъ рисунковъ, которыхъ болѣе чѣмъ достаточно, укажемъ еще на нѣкоторые.

6) Frohier. Icon synoptica arteriarum corporis humani, рисунокъ въ ростъ человѣка, контуры тѣла и костей обозначены линіями, артеріи сдѣланы штрихами, рисунокъ очень подробный.

7) Frohier. Icon synoptica nervorum corporis humani, исполненъ какъ и предыдущій. Эти двѣ таблицы годятся для справокъ преподавателю.

8) Hans Kundrath, анатомическій атласъ (5 таблицъ), рисунки хотя небольшого размѣра, но отчетливы. Таблица 1, 2 и 4 скелетъ, мускулы и кровеносные сосуды, таблица 3 органы грудной кѣтки, таблица 5 нервная система, 3 и 5 таблицы лучше, потому что рисунки больше.

Рисунки по зоологіи:

1) Paterson: Zoological diagrams (Патерсонъ: стѣнной атласъ по зоологіи). Цѣна въ каталогѣ Фену 21 р., на холстѣ 27 р. 50 к. Изъ числа 10 таблицъ этого атласа мы видѣли только 5. Sheet A представляетъ млекопитающихъ: обезьяну (Ateles), летучую мышь, ежа, тигра и такъ далѣе и исполнена весьма удовлетворительно. Таблица 2 (Sheet B) по размѣрамъ рисунковъ приближается къ атласу Лейтмана: на ней изображены: бѣлка, дельфинъ, лѣнивецъ, олень, бегемотъ, кенгуру. Таблица 8 (Sheet H) содержитъ уже не особенно крупные рисунки насѣкомыхъ (ночная бабочка, дневная бабочка, водяной скорпионъ, муха, комаръ, тля). Таблица 9 (Sheet I) исполнена превосходно, рисунки достаточно крупны и отчетливы: циррипедія, дафнія, циклопъ, омаръ, краббъ, сепія, дождевой червякъ, цѣвка. Всѣ

удовлетворительны. Таблица 10 (Sheet K) страдает уже избытком рисунковъ, на ней изображены: морской ежъ, морская звѣзда, медуза, гидроидъ, актинія, мшанка, инфузорія, фораминифера, ротаторія, глисты ленточная и пузырчатая и губка. Судя по этимъ таблицамъ можно сказать, что выборъ матеріала удачный, взяты животныя довольно характерныя и исполнены они удовлетворительно, то-есть отчетливо, и при томъ въ большинствѣ случаевъ въ такихъ размѣрахъ, что могутъ быть разсматриваемы съ нѣкотораго разстоянія, но этотъ атласъ нельзя не упрекнуть въ томъ, что на одной таблицѣ въ немъ скучено нѣсколько рисунковъ; это было бы удобно, еслибъ изображенныя животныя относились къ одной и той же группѣ, а то здѣсь встрѣчаются рядомъ представители разныхъ даже типовъ (суставчатоногія съ моллюсками, черви съ иглокожими и простѣйшими). Тѣмъ не менѣе атласъ этотъ можетъ сослужить службу на урокахъ естественной исторіи, хотя, понятно, имъ однимъ ограничиться нельзя. По низшимъ животнымъ можно прибавить атласъ Курца, цѣна 3 р. 80 к., а по высшимъ атласъ Дейроля (Deugolle) ц. 14 р. Въ этомъ послѣднемъ атласѣ 16 таблицъ съ рисунками некрупными, но старательно исполненными. По образцу этого атласа составленъ атласъ по зоологій и ботаникѣ, изданный Императорскимъ Вольно-экономическимъ обществомъ, цѣна 8 р. Число таблицъ 20. Рисунки по большей части тѣ же, что и въ атласѣ Дейроля, но въ техникѣ нѣсколько уступаютъ послѣднимъ. Величина ихъ, какъ и у Дейроля, незначительная. Вотъ и всѣ атласы и таблицы изъ числа видѣнныхъ нами, которые мы позволяемъ себѣ рекомендовать. Что касается другихъ атласовъ, напримѣръ атласа по зоологій и ботаникѣ Ветштейна, то этотъ послѣдній предназначается для низшихъ училищъ и по объему матеріала недостаточенъ для курса среднихъ учебныхъ заведеній. Но кромѣ того въ рисункахъ этого атласа допущена такая схематизація (въ зоологической части), которая не желательна даже и въ атласѣ для низшихъ училищъ. Атласъ Бирнмана хотя составленъ изъ значительнаго числа таблицъ (20), съ большимъ числомъ рисунковъ, но рисунки не отличаются ни ясностью, ни чистотой; они черныя, оттушеваны штрихами и въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно мелки. Атласъ Рупрехта (ц. 13 р., на холстѣ 28, на папкѣ 30 р.) нѣсколько выдается между остальными, но въ немъ мало формъ; атласъ Любена годится въ низшихъ училищахъ и недостаточенъ для курса среднихъ учебныхъ заведеній. Остальные же атласы въ родѣ англійскихъ—*Exemples of plants and animals from*

which the principal perfumes are obtained — слишкомъ спеціальны и содержатъ очень небольшое число формъ животныхъ. Есть одинъ атласъ съ чрезвычайно крупными рисунками и при томъ раскрашенными: это атласъ Лейтемана. Онъ состоитъ изъ значительнаго числа таблицъ, около 1½ кв. арш. каждая; на таблицѣ изображено вездѣ одно животное; но по выбору матеріала его слѣдуетъ причислить къ пособіямъ для нагляднаго обученія. Атласъ Шуберта нельзя признать годнымъ: врядъ ли кто будетъ употреблять эти картинны, раскрашенные по большей части однимъ мазкомъ, на манеръ лубочныхъ издѣлій. Мы не упоминали еще объ атласѣ Ашиля Конта. Атласъ этотъ, во первыхъ, чрезвычайно дорогъ; онъ стоить 150 р., а на холстѣ 205 р.,—такую сумму не всякое училище можетъ заплатить за одинъ атласъ. Во вторыхъ, атласъ этотъ наполненъ такими подробностями (въ ботанической части), что еслибъ даже покупать отдѣльно всѣ его части: ботаническую (26 таблицъ), зоологическую (54 таблицы) и минералогическую (10 табл.), то все таки на зоологическую часть пришлось бы очень крупная сумма, около 90 р., и въ числѣ полученныхъ рисунковъ оказалась бы масса такихъ, которые вовсе не нашли бы примѣненія на урокахъ. Мы лично считаемъ такой атласъ скорѣе роскошью, чѣмъ необходимостью. Его купить удобно уже тогда, когда удовлетворены настоятельныя нужды кабинета. Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ перечисленныхъ, существуетъ еще масса другихъ атласовъ заграничнаго изданія; но въ петербургскихъ магазинахъ за это время намъ видѣть ихъ не пришлось, и мы, по необходимости, должны ограничиться этимъ короткимъ перечнемъ. Сознаемся откровенно, что и перечисленные рисунки и атласы насъ мало удовлетворяютъ; но мы миримся съ ними за неимѣніемъ лучшаго. Самый существенный недостатокъ атласовъ былъ уже указанъ нами, это—незначительный размѣръ рисунковъ. Это очень серьезный недостатокъ, такъ какъ, благодаря ему, приходится ходить съ таблицей по классу и показывать ее отдѣльно у каждаго стола, что, конечно, отнимаетъ не мало времени и прерываетъ занятія. Второй недостатокъ тотъ, что на одной и той же таблицѣ находится нѣсколько рисунковъ; это обстоятельство развлекаетъ вниманіе учениковъ и не даетъ имъ сосредоточиться на одномъ. Третій недостатокъ тотъ, что взятая формы далеко не всегда принадлежатъ къ наиболѣе характернымъ. Этотъ послѣдній недостатокъ зависитъ оттого, что большинство атласовъ уже не новые, или составлены по устарѣвшимъ сочиненіямъ. Наконецъ, четвертый недостатокъ заключается въ отсутствіи плана,

въ отсутствіи выдержанной программы, такъ что иногда даже вовсе не знаешь, съ какою цѣлью помѣщенъ извѣстный рисунокъ; самъ по себѣ онъ, можешь быть, очень хорошъ и отчетливъ, но никакой связи съ другими не имѣеть.

Позволимъ себѣ здѣсь обратиться съ совѣтомъ къ лицамъ, издающимъ учебныя естественно-историческія атласы. Если они хотятъ дѣйствительно сослужить службу дѣлу преподаванія, то пусть послѣдуютъ примѣру Н. П. Животовскаго, и издають большія таблицы съ крупными рисунками, что именно и желательно для преподаванія. Но для зоологическаго атласа, по нашему мнѣнію, одного увеличенія раамѣра рисунковъ и размѣщенія ихъ на отдѣльныхъ таблицахъ еще недостаточно; нужно еще принять въ расчетъ источники, изъ которыхъ берутся оригиналы для рисунковъ. Оригиналы не слѣдуетъ брать изъ такихъ сочиненій, въ которыхъ рисунки сдѣланы съ чучель. Въ настоящее время за границей есть много художниковъ, воспроизводящихъ типы и сцены животнаго царства. Кромѣ извѣстныхъ уже по книгѣ Брема „Жизнь Животныхъ“ Кречмера и Циммермана, можно указать на Вольфа, Фримана, Эмиля Шмидта, Зюса, Дейкера, Шлиппера, Кремера и др., рисунки которыхъ попадаютъ во многихъ заграничныхъ иллюстраціяхъ. Ихъ рисунки обыкновенно сдѣланы съ живыхъ экземпляровъ, а не съ чучель, какъ въ старыхъ сочиненіяхъ, и сразу бросаются въ глаза своею правдивостью. Почему не взять за оригиналы рисунки этихъ художниковъ и по нимъ не составить атласа? Школа имѣла бы пособія дѣйствительно цѣнныя и вполне достойныя той цѣли, для которой они предназначены. Могутъ сказать, что такіе рисунки трудно исполнимы въ техническомъ отношеніи, что такіа таблицы будутъ стоить очень дорого; но это еще не бѣда; лучше заплатить много за дорогую, но хорошую вещь, чѣмъ тратиться по мелочамъ на цѣлую серію атласовъ, какъ теперь приходится, и все таки въ результатѣ оказаться безъ пособій вполне удовлетворительныхъ. Относительно безпозвоночныхъ еще можно какъ нибудь обойтись безъ новыхъ атласовъ, если, впрочемъ, только бѣгло знакомить учениковъ съ этими формами; но для позвоночныхъ и особенно для млекопитающихъ хорошей атласъ положительно необходимъ. Въ немъ прежде всего должны быть тѣ животныя, чучела которыхъ среднее учебное заведеніе купить не въ состояніи, но безъ которыхъ курсъ будетъ не полонъ. Къ такимъ животнымъ принадлежатъ: орангъ-утангъ (по Брему, или по Wallace: Malaische Archipel), ревуны (по Брему), уйстити, летучій маки, демуры,

каланъ, тюлень, дикобразъ, бобръ, слонъ, антилопа, сѣв. олень, бобарга, жираффа, бегемотъ, пекари, носорогъ, тапиръ, гренландскій китъ, кашалотъ, дельфинъ, лѣннвецъ, броненосецъ, муравьедъ, кэнгуру, дидельфисъ, фалангиста, утконосъ, ехидна. Эти животныя должны быть представлены въ той обстановкѣ, въ которой живутъ. Затѣмъ въ атласѣ должны быть скелеты: обезьяны (гориллы напр.), летучей мыши, тюленя, кита, двуутробки и утконоса. Скелеты слѣдуетъ брать изъ такихъ сочиненій, какъ остеологія Pander'a und d'Alton'a (птицы и млекопитающія), сочиненіе Blanchard'a (остеологія китовъ) и т. д. Изъ класса птицъ, помимо другихъ рисунковъ, желательны имѣть рисунокъ африканскаго страуса и его скелета, рисунокъ пингвина, топорика, фламинго и т. д. Изъ класса рептилій необходимы рисунки крокодила, хамелеона, морской черепахи. Для рыбъ—акула, скать, амфиоксусъ (по I. Müller'у или Ковалевскому) и двоякодышащая рыба. Относительно безпозвоночныхъ, если проходить ихъ скольконибудь подробно, тоже нельзя не пожелать хорошихъ, а главное крупныхъ рисунковъ анатоміи хотя одного представителя изъ каждаго типа. Какъ на наиболѣе необходимыя, укажемъ на Osdorus'a или вообще какоенибудь головоногое, какогонибудь представителя пластинчатожабрныхъ (Upio), асцидью, кольчататаго червя, кругллага червя, плоскаго червя, морскаго ежа и актинію.

Но пока мы дождемся такого атласа, который годился бы вполне для класснаго употребленія, приходится такъ или иначе изворачиваться и помогать себѣ собственными средствами. Преподаватель естественной исторіи, какъ натуралистъ, по большей части хоть кое-какъ, да умѣетъ рисовать; между учениками тоже всегда можно найти нѣсколько человекъ болѣе или менѣе бойко владѣющихъ карандашомъ и кистью. Съ этими силами можно въ училищѣ изготовить тѣ рисунки, которыхъ недостаетъ. Подобныя рисунки слѣдуетъ дѣлать такимъ способомъ, который требуетъ по возможности меньше времени. Мы поступаемъ въ этихъ случаяхъ слѣдующимъ образомъ: на большихъ листахъ бумаги (ширина полосы 2½ арш., цѣна за аршинъ отъ 25—50 коп.) углемъ наносится контуръ, затѣмъ все покрывается красками, а тѣни и всѣ подробности дѣлаются углемъ или итальянскимъ карандашомъ, блики дѣлаются мѣломъ. Выходитъ нѣсколько грубоватый, но для преподаванія вполне пригодный рисунокъ. Для прочности его обрызгиваютъ, посредствомъ пульверизатора, растворомъ шеллака въ 95% алькоолѣ. Въ кабинетѣ естествен-

ной исторіи С.-Петербургскаго 1-го реального училища имѣется цѣлая серія картинъ, приготовленныхъ этимъ способомъ.

3. Гистологическіе препараты для курса анатоміи и фізіологіи животныхъ и растений.

Очень многіе препараты по растительной и животной гистологіи могутъ быть приготовлены самимъ преподавателемъ, именно всѣ тѣ, гдѣ не нужно дѣлать тонкихъ разрѣзовъ. Искусство дѣлать хорошей разрѣзъ пріобрѣтается долгою практикой, поэтому не всегда самъ преподаватель будетъ въ состояніи приготовить такіе разрѣзы, которые удовлетворяли бы цѣли, такъ что является необходимость имѣть запасъ готовыхъ препаратовъ. Всего труднѣе приготовить хорошіе шлифы костей, зубовъ, минераловъ. Эти препараты можно получать у Рихтера по 60 коп. за препаратъ. У Эгера шлифы зубовъ и костей продаются по 3 фл. за препаратъ. Кромѣ отдѣльныхъ объектовъ можно выписывать гистологическіе препараты цѣлыми коллекціями. Особенно хороши препараты заведенія Буронъ въ Парижѣ, затѣмъ препараты Родига въ Гамбургѣ и Гиртля въ Вѣнѣ. У Рихтера препараты Родига продаются по 4 р. за дюжину, съ описаніемъ, 2 дюжины стоятъ 7 р.

4. Пособія для курса ботаники.

Для курса ботаники мы считаемъ вполне достаточнымъ имѣть нѣсколько хорошо составленныхъ таблицъ рисунковъ, какъ цѣлыхъ растений, такъ и анализовъ цвѣтовъ и діаграммъ и хорошей образцовой гербаріи. Строеніе цвѣтка изучается на живыхъ экземплярахъ; поэтому мы считаемъ совершенно излишними всѣ искусственные препараты отдѣльныхъ цвѣтовъ. Въ продажѣ существуетъ цѣлая серія такихъ препаратовъ, изданныхъ Озу (модели цвѣтовъ по 48 р. за штуку, плодовъ—отъ 9—24 р.) коллекція разборныхъ моделей Бренделя (31 модель цѣна 160 р), затѣмъ его же модели для элементарнаго курса (10 штукъ, 55 р.) и кромѣ того еще 35 моделей, не вошедшихъ въ эти коллекціи, отъ 5—7 р. за экземпляръ. Стрембицкій тоже издалъ 5 моделей (опыленіе—12 р., плодъ пшеницы—15 р., осоки—10 р., лопуха—10 и *Conium maculatum*—18 р.). Кто видѣлъ эти модели, особенно модели цвѣтовъ, тотъ легко себѣ представить, какое извращенное представление можетъ получить ученикъ, изучая по нимъ строеніе цвѣтка. Можно поручиться, что если онъ въ одно время съ моделью не увидитъ живаго цвѣтка, то потомъ не узнаетъ его, а если ему показать на урокъ и модель и живой цвѣтокъ, то модель окажется совершенно излишней. Изъ рисунковъ, годныхъ для преподаванія, мы

укажемъ прежде всего на стѣнной атласъ Животовскаго. Атласъ этотъ вышелъ уже весь; полная стоимость его около 50 р. На каждой таблицѣ изображено одно растеніе съ необходимыми деталями. Взятые растенія принадлежатъ нашей флорѣ. Всѣ рисунки чрезвычайно хороши и отчетливы. Это единственный, можно сказать, атласъ, рационально задуманный и вполне удачно исполненный. Сколько намъ извѣстно, Н. П. Животовскій думаетъ издать подобный же атласъ и по зоологii. Нельзя не порадоваться этому намѣренію и не пожелать скорѣйшаго его осуществленія.

По гистологii растений очень хорошій атласъ составленъ Кни (Кн.: Botanische Wandtafeln) цѣна 24 р. с. Всѣ рисунки сдѣланы въ большомъ масштабѣ, таблицы не загромождены подробностями и выборъ матеріала вполне удачный. Табл. 1 содержитъ формы клѣтокъ, табл. 2—крахмальныя зерна, табл. 3—кристаллы и друзы, табл. 4—млечные сосуды, табл. 5—строеніе кожицы, табл. 8—волоски и т. д.

Кромѣ этихъ атласовъ есть еще много другихъ нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ, но большинство не свободно отъ разныхъ недостатковъ:

1. Генсло: Ботаническія таблицы, ц. 21 р. (англійское изданіе). На каждой таблицѣ по нѣскольку растений; отъ этого рисунки мелки, хотя отчетливы и подробны; кромѣ рисунковъ цвѣтовъ есть и діаграммы.

2. Врюллоу: Стѣнная ботаническая таблица: ц. 4 р. Это огромнаго размѣра листъ ($2 \times 2\frac{1}{2}$ арш.), на которомъ изображено строеніе стебля и листа, проростаніе зооспоры и сѣмени, строеніе клѣтокъ и тканей (довольно схематично), опыленіе, листорасположеніе, строеніе плодовъ, Ugrpflanze и споровыя растенія. Рисунки сдѣланы не дурно, хотя не всѣ достаточно крупны.

3. Henfrey: Botanical diagrams, ц. 4 р. 50 к. На таблицахъ изображены соцвѣтія (мелки), плоды (болѣе удачно и рисунки крупны); таблица, изображающая пестики, даже очень хороша.

4. Стюартъ: Таблицы по ботаникѣ. Это небольшія таблицы, содержащія по нѣскольку рисунковъ, изображающихъ анализы цвѣтовъ и анатомическое строеніе растений.

5. Андерсонъ: Стѣнныя таблицы по ботаникѣ, ц. 17 р. Двадцать таблицъ, изображающихъ каждая по одному растенію.

6. Johnston: Illustrations of botany. Годны для курса морфологii. Таблицы большія, но на каждой соединено множество рисунковъ, сдѣ-

ланныхъ иногда очень схематично. Хороша таблица, изображающая плоды, какъ цвѣтковыхъ, такъ и безцвѣтковыхъ растений.

7. Карицкій: Атласъ устройства цвѣтка. 1-й выпускъ, ц. 1 р. 75 к. Рисунки раскладные, раскрашенные не дурно, но, какъ пособіе, особенной роли играть не могутъ.

5. ГЕРБАРИИ.

Гербаріи предлагаются различныхъ цѣнъ, смотря по количеству экземпляровъ. У Фену гербарій, состоящій изъ 150 представителей, стоитъ 4 р. 50 к. У Эгера такой же гербарій стоитъ 6 флоринновъ. Но маленькіе гербаріи нѣтъ расчета покупать; они содержатъ самыя обыкновенныя растенія, которыя легко и самому собрать. Для справокъ же необходимо запастись большимъ образцовымъ гербаріемъ въ родѣ гербарія Мейнсаузена, *Herbarium florum ingricae*, 10 выпусковъ котораго стоятъ 100 р. (у Фену). По безцвѣтковымъ растеніямъ отличный гербарій изданъ г. Серединскимъ (въ Одессѣ).

6. ОПТИЧЕСКІЕ ИНСТРУМЕНТЫ.

Хорошіи микроскопы и удобная для препарированія лупа должны считаться въ кабинетѣ естественной исторіи предметами на столько же необходимыми, какъ и другія пособія. Кромѣ извѣстныхъ фирмъ Шнека и Гартнака (мастерская котораго теперь находится въ Потсдамѣ) можно получать прекрасныя микроскопы у Zeis'a въ Йенѣ у Belthle и Seibert'a и Krafft'a (наслѣдникъ Гундляха) въ Вецларѣ. Микроскопы этихъ фирмъ ничѣмъ не уступаютъ прежнимъ микроскопамъ Гартнака. Для училища вполне достаточно имѣть средній микроскопъ съ нѣсколькими объективами (изъ которыхъ одинъ иммерціонный) и окулярами, позволяющими получать различныя увеличенія, наименьшее разъ 20—30, наибольшее—до 1,000. Такой микроскопъ предлагается фирмою Seibert und Kraft in Wetzlar; онъ имѣетъ подковообразную ножку, къ століку штатива снизу приделаны салазки, въ которыя вкладываются діафрагмы (числомъ 3); головка микрометрическаго винта находится на нижнемъ концѣ столбика, поддерживающаго трубку микроскопа, зеркало двойное и позволяетъ устраивать боковое освѣщеніе; линзы, въ числѣ четырехъ (три сухія и одна иммерціонная) въ комбинаціяхъ съ тремя окулярами даютъ слѣдующія увеличенія: линза № 1 съ окуляромъ № 0 увеличеніе въ 30 разъ,

та же линза съ окуляромъ № 1 увеличеніе въ 45, наконецъ съ окуляромъ № 2 увеличеніе въ 68 разъ; слѣдующая по силѣ линза этого микроскопа, № III, съ тѣми же окулярами даетъ увеличенія 10, 100, 200, третья линза, № Va, даетъ увеличенія 200, 305, 610 и наконецъ четвертая линза, № VIIa, даетъ увеличенія 460, 690, 1375. Для класснаго употребленія полезны комбинаціи линзъ №№ III и Va и окуляра № 1. Большія увеличенія этого микроскопа даютъ рѣзкія, неокрашенныя изображенія, а при косомъ свѣтѣ съ иммерціонною линзой можно разсмотрѣть всѣ системы ливій у *Pleurosigma angulatum*. Ящикъ микроскопа снабженъ пробными объектами, предметными пластинками и покровными стеклышками. Въ ящикѣ съ линзами помѣщенъ микрометръ. За 70 рублей у Seibert u. Krafft можно имѣть подобный же микроскопъ, но только съ тремя линзами и двумя окулярами (линзы №№ II, Va и VIIa, окуляры I и III, увеличеніе 70—1375).

Мы не совѣтовали бы брать болѣе дешевыхъ микроскоповъ, исключая того случая, когда есть уже въ кабинетѣ хорошей микроскопъ съ большими увеличеніями; въ такомъ случаѣ можно у Seibert'a получить инструментъ съ тремя объективами, I, III и Va и окулярами № I и III (увеличенія 45 — 610), стоимость его 50 руб. Онъ имѣетъ тотъ же штативъ, что и предыдущій, также снабженъ микрометромъ, пробными объектами и т. д. Если невозможно сдѣлать большихъ затратъ на приобрѣтеніе микроскопа, то по нашему мнѣнію, удобнѣе взять послѣдній изъ числа приведенныхъ, потому что комбинаціи его линзъ и окуляровъ несравненно выгоднѣе для класснаго употребленія, чѣмъ второго, у котораго наименьшее увеличеніе 70. Кромѣ этого микроскопа полезно имѣть еще такъ называемый салонный микроскопъ (*Salonmikroskop*). Этотъ инструментъ состоитъ изъ трубки съ широкимъ, воронкообразнымъ расширеніемъ на концѣ, выложеннымъ на внутренней поверхности нейзильберомъ. Препараты помѣщаются въ центрѣ этого расширенія и рассматриваютъ при проходящемъ свѣтѣ, держа трубку въ рукѣ и обративъ ее расширеннымъ концомъ въ окну. Удобство этого микроскопа состоитъ въ томъ, что препаратъ можетъ быть рассматриваемъ учениками не сходя съ мѣста, но увеличеніе здѣсь незначительное и поэтому онъ годится только для препаратовъ не особенно мелкихъ, напримѣръ для отдѣльныхъ небольшихъ формъ безпозвоночныхъ, *Daphnia*, *Cyclops* и т. д. Такой микроскопъ приготовленъ Цейссомъ и стоитъ съ линзами A, B и C и Цейсовскимъ окуляромъ № 1 — 32 руб. Увеличеніе здѣсь въ 45, 75 и 100 разъ. Но если ограничиться двумя линзами: A и B

и окуляромъ № 1 (увеличенія 45 и 75 разъ), то цѣна понизится до 20 руб. Зейбертъ и Крафтъ предлагаютъ такой же микроскопъ за 13 руб., при немъ 3 объектива и окуляръ, что даетъ увеличенія въ 40, 80 и 120 разъ. Мы предпочитаемъ микроскопъ фабрики Зейберта и Крафта. Въ каталогъ этой фабрики онъ называется Demonstrations Mikroskop. Луна, наиболѣе удобная для препарированія, по нашему мнѣнію, можетъ быть получена отъ Верика, въ Парижѣ (Verick, Paris, Rue de la Parchéminerie, 2). Она состоитъ изъ деревяннаго штатива и трехъ линзъ (loupe montée). Штативъ, съ широкими откосами для помѣщенія рукъ, имѣетъ въ столикѣ вырѣзку, въ которую вставлена стеклянная пластинка; подъ этой пластинкой помѣщено зеркало, такъ что отраженный отъ него свѣтъ проходитъ сквозь стеклянную пластинку столика, что даетъ возможность работать при проходящемъ свѣтѣ. Фокусныя разстоянія линзъ на столько значительны, что позволяютъ свободно дѣйствовать зглами. Увеличенія небольшія, 3—15 разъ. Перестановка фокуса линзъ производится посредствомъ зубчатки. Лупы Цейсса (съ короткимъ фокусомъ) и Шика (съ очень узкимъ столикомъ) уступаютъ въ удобствѣ лупѣ Верика.

7. Пособія по минералогии.

Для преподаванія минералогии необходимо имѣть въ кабинетѣ коллекцію стеклянныхъ кристаллографическихъ моделей, коллекцію деревянныхъ моделей комбинацій и коллекцію горныхъ породъ и минераловъ.

У Фену имѣются двѣ коллекціи стеклянныхъ моделей, приготовленныя Скибиневскимъ: одна содержитъ 25 моделей гомоэдрическихъ формъ, другая 14 моделей формъ полугранныхъ. Первая стоитъ отъ 44 руб. 50 коп. до 49 руб. 25 коп., смотря по тому одноцвѣтная ли ребра или разноцвѣтная; вторая коллекція стоитъ отъ 30 руб. до 37 руб. 50 коп. Смотря по тому, изъ чего сдѣланы полногранные формы, помѣщенныя внутри гомоэдрическихъ, большая цѣна приходится на коллекцію, гдѣ полногранные формы изъ стекла и ребра разноцвѣтны, меньшая—на коллекцію съ картонными полногранными формами и одноцвѣтными ребрами. Необыкновенно изящныя стеклянныя модели, приготовленныя Шнабелемъ, Кязеусомъ и др., предлагаются у Рихтера въ С.-Петербургѣ. Но они дороже моделей Фену. Для сравненія приводимъ цѣны нѣкоторыхъ.

Октоэдръ у Р и х т е р а .		У Ф е н у .	
		Съ одною. ребрами.	Съ разною. ребрами.
	1 р. 20 к.	1 р.	
Кубъ съ лежащимъ внутри октоэдромъ . . .	2 р. 10 к.	1 р. 50 к.	
Гранометръ	2 „ 25 „	1 „ 50 „	2 р.
Пирамидальный ок- тоэдръ	3 „ 60 „	2 „ — „	2 „
48-гранникъ	7 „ 20 „	3 „ — „	3 „ 50 к.

и т. д. Коллекція моделей Рихтера, состоящая изъ гомоэдрическихъ формъ, числомъ 25, стоитъ 64 руб. 90 коп. Точно также и коллекція формъ геміэдрическихъ у Рихтера значительно дороже, чѣмъ у Фену, но самыя модели изящнѣе.

Деревянные модели у Фену имѣются въ большомъ выборѣ: коллекція изъ 80 моделей по Рива 40 руб.; та же коллекція, но съ моделями большого формата—60—80 руб.; коллекція изъ 38 моделей, работы Шредера — 20 руб. У Эгера деревянные модели, 30 штукъ, продаются за 7½ флориновъ, коллекція изъ 25 моделей стоитъ 9 фл. Болѣе значительная по количеству формъ коллекція, напримѣръ коллекція изъ 100 формъ, по Науману, стоитъ 30 флориновъ.

Коллекція минераловъ предлагаются всѣми фирмами въ большомъ выборѣ. У Фену есть коллекція для класснаго употребленія, стоящая 100 руб., она содержитъ 60 коробовъ, заключающихъ по нѣскольку экземпляровъ (отъ 3—20) каждаго камня. Минералогическій компендіумъ (коллекція горныхъ породъ, минераловъ и кристалловъ) стоитъ 40 руб. Минералогическій кабинетъ (коллекція, составленная по руководству Медвѣдева, содержащая 200 представителей) стоитъ 120 р. У Эгера минералы продаются безъ ящичковъ или въ ящикахъ.

Минералы въ ящикахъ:

Число кусковъ	50	75	100	150	200	300
	Ф л о р и н о в ъ .					
6×6 ст. величиною . . .	14	20	26	40	54	85
5×4 ст. „	6	9	13	22	36	45

Минералы въ ящичкахъ:

Число кусковъ	25	50	75	100	150	200	300
	Ф л о р и н о в ъ .						
4×5 ст. величиною . . .	5½	9	13	16½	28	42	60
6×6 ст. „	8	17	25	32	50	65	100

Скала твердости по Моосу съ алмазомъ стоитъ у Эгера $3\frac{1}{2}$ фл., безъ алмаза $2\frac{1}{2}$ фл.

У Фрича предлагаются очень дешево гипсовыя модели кристалловъ, пропитанныя стеариномъ, но они по ломкости своей неудобны. Мы ихъ не рекомендуемъ.

Горныя породы можно получать у Фрича въ кускахъ различнаго формата. Мы совѣтуемъ брать куски большаго формата; они всегда поучительнѣе. У Фрича подъ большимъ форматомъ разумѣется величина 3×4 дюйма. Коллекція изъ 100 породъ этого формата стоитъ у него 24 флорина.

Но помимо покупки преподавателю не мѣшаетъ самому запастись, если возможно, большими штуфами гранитовъ, известняковъ, глинъ, песчаниковъ, каменныхъ углей и т. д.; чтобъ можно было отламывать отъ нихъ куски для раздачи ученикамъ на урокахъ.

8. Акваріи.

Въ случаѣ недостатка мѣста въ кабинетѣ, можно и не обзаводиться настоящими акваріями; вмѣсто нихъ можно употреблять большія широкогорлыя банки изъ бѣлаго стекла. Насыпавъ на дно такой банки просѣянной земли и посадивъ туда *Vallisneria*, *Elodea* и др. растенія, покрываютъ землю слоемъ песку и наливаютъ сифономъ воду. Въ такихъ сосудахъ, поставленныхъ на полкахъ, вдѣланныхъ въ окно, можно держать цѣлую массу животныхъ, которыя потомъ не разъ могутъ пригодиться на урокахъ. Къ числу животныхъ, хорошо уживающихся въ акваріяхъ, кромѣ карповыхъ рыбокъ, принадлежатъ еще тритоны и аксолотли. Изъ безпозвоночныхъ хорошо живутъ въ акваріяхъ прѣсноводные брюхоногіе моллюски, изъ пластинчатожаберныхъ—*Cyclos* и *Unio*, многія ракообразныя (*Asellus*, *Daphnia*, *Cypris*, *Cyclops*), черви, гидры и личинки различныхъ насѣкомыхъ, особенно стрекозъ и комаровъ. Мало по малу заводится въ такой банкѣ, если она простояла на окнѣ годъ или два, цѣлый миръ живыхъ существъ, массы инфузорій, турбелларій и т. д.

Акварій, какъ его обыкновенно дѣлаютъ, то-есть ящикъ съ прямыми стеклянными стѣнками, безспорно удобнѣе и красивѣе банокъ. Мы предпочитаемъ акваріи по возможности простые, съ желѣзной рамой и съ двумя только стеклами (боковныя стѣнки изъ металла). Очень хорошо, если стекло, обращенное къ свѣту, имѣетъ здѣсь зашѣтный фіолетовый оттѣнокъ; въ такихъ акваріяхъ особенно роскошно развиваются растенія. Горки изъ туфа и разныя украшения

изъ раковинъ и т. д., особенно безобразныя въ нѣмецкихъ акваріяхъ, могутъ быть совсѣмъ изгнаны: они скорѣе вредны, чѣмъ полезны, объ нихъ царяютъ рыбы и аксолотли, особенно, если взять туфъ мягкій, распадающійся въ водѣ. Горки лучше дѣлать изъ гидравлическаго цемента, съ легкимъ и постепеннымъ уклономъ; тогда животныя, тритоны и аксолотли дѣйствительно будутъ имѣть возможность выползать изъ воды на воздухъ.

Относительно растений для акваріа мы отсылаемъ интересующихся къ книгѣ Регеля: „Комнатныя растения“. Къ сожалѣнію, у Регеля ни слова не сказано о томъ, какъ выращивать водяныя растенія изъ сѣмянъ.

Нами лично были испытаны сѣмяна Нелюмбіа: *Thalia dealbata*, *Damasonium*, *Sagurus*, *Carex*, *Alisma chinensis*. Изъ этихъ сѣмянъ, купленныхъ частью у Бука, частью у Запѣвалова и Лисицына, взошли *Nelumbium*, *Damasonium* и *Carex*. Что касается *Alisma*, то ни одно сѣмя не дало всхода, точно также и *Thalia*. Можно, впрочемъ, и не обращаясь къ экзотическимъ растеніямъ, съ одними нашими устроить хорошій акварій: *Elodea*, *Hydrocharis*, *Hippuris* и т. д. хорошо уживаются въ акваріяхъ.

Акваріи можно получать въ Россіи и за границей. Заграничныя акваріи очень дорого обходятся. Сколько-нибудь объемистый ящикъ у Ленуара въ Вѣнѣ стоитъ 50—60 руб., а съ пересылкой, конечно еще больше. Изъ русскихъ акваріевъ въ ходу акваріи Мулерта (С.-Пб., Конюшенная ул.), Циммермана (С.-Пб. зданіе экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ) и мастерской учебныхъ пособій и игръ.

Мулертовскіе акваріи чрезвычайно дороги; акваріи Циммермана, устроенныя всегда цѣлесообразно, дешевле Мулертовскихъ, но намъ не удавалось видѣть. Въ мастерской учебныхъ пособій попадаются очень хорошіе и не дорогіе акваріи, но имъ вредятъ иногда туфныя горки и разныя украшенія. Помимо означенныхъ мѣстъ, гдѣ есть всегда готовые акваріи, въ Петербургѣ можно заказать недорогой, но удовлетворительный акварій у одного любителя, г. Кратирова, (уголъ Ивановской и Боровой д. № 20, кв. № 14). За 40 руб. г. Кратировъ дѣлаетъ акварій длиною въ 1½ арш., шириною въ ½ арш. съ двумя трубками, фонтанною и отводною, проходящими сквозь дно.

Этимъ мы заканчиваемъ перечень учебныхъ пособій, необходимыхъ для курса естественной исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Ш. Истричагинъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ С.-Петербургскаго университета въ 1878 году: личный составъ преподавателей; вакантныя кафедры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; присужденіе наградъ за сочиненія на заданныя темы; ученые труды служащихъ при университетѣ и читанныя ими публичныя лекціи; удостовѣреніе ученыхъ степеней и званій; командировки съ ученою цѣлью; бюджетъ университета; свидѣнія объ учащихъ; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; ученые общества при университетѣ.

Въ С.-Петербургскомъ университетѣ состояло въ 1878 году, сверхъ профессора православнаго богословія, слѣдующее число штатныхъ преподавателей: въ историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 8, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 6, лекторовъ иностранныхъ языковъ 4; въ физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 4; въ юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ 7, экстраординарныхъ 1, доцентовъ 5; въ факультетѣ восточныхъ языковъ: ординарныхъ профессоровъ 6, экстраординарныхъ 2, доцентовъ 5, лекторовъ 4; всего штатныхъ преподавателей, сверхъ профессора православнаго богословія, состояло 72, именно: ординарныхъ профессоровъ 32, экстраординарныхъ 11, доцентовъ 20, лекторовъ 8. Сверхъ того, при университетѣ состояли: три сверхштатные ординарные профессора, изъ нихъ два по кафедрѣ зоологіи и одинъ по кафедрѣ фізіологіи, и пять преподавателей латинскаго и греческаго языковъ, энциклопедіи законовѣдѣнія и исторіи философіи права. Приватъ-доцентовъ было 12, именно: по русской словесности 1, по римской словесности 1, по сла-

ЧАСТЬ ССП, ОТД. 4. 1

вянской филологіи 1, по математикѣ 1, по физикѣ 4, по ботаникѣ 2, по астрономіи 1 по зендскому языку 1. Преподавательскихъ вакансій къ концу 1878 года было 11, именно: на историко-филологическомъ факультетѣ одинъ доцентскій окладъ по философіи; на физико-математическомъ въ общемъ итогѣ полное число штатныхъ преподавателей, во вмѣсто одного изъ пяти экстраординарныхъ профессоровъ состоитъ одинъ доцентъ; на юридическомъ два оклада ординарнаго профессора, три экстраординарнаго профессора и одинъ доцента, причемъ не замѣщены только двѣ каѳедры: исторіи важнѣйшихъ законодательствъ древнихъ и новыхъ и исторіи славянскихъ законодательствъ; три каѳедры: римскаго права, гражданскаго права и финансоваго права заняты не профессорами, а доцентами, и наконецъ чтеніе лекцій по энциклопедіи права и исторіи философіи права, за неизмѣнимъ профессоромъ, поручено временно двумъ преподавателямъ; на факультетѣ восточныхъ языковъ не замѣщены: одинъ окладъ экстраординарнаго профессора, такъ какъ чтеніе лекцій по каѳедрѣ исторіи востока возложено на одного изъ штатныхъ доцентовъ, и три доцентскіе оклада.

Въ 1878 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій 28, физико-математическій 32, юридическій 27, факультетъ восточныхъ языковъ 18. Въ отношеніи распредѣленія предметовъ и порядка преподаванія никакихъ новыхъ распоряженій и измѣненій не послѣдовало. Для усиленія учебной дѣятельности слушателей университетскихъ лекцій служили практическія ихъ занятія, подъ руководствомъ профессоромъ и преподавателей, заключавшіяся въ нижеслѣдующемъ: въ историко-филологическомъ факультетѣ: по предмету славянской филологіи студенты 3-го и 4-го курсовъ, обязанные слушать спеціальныя лекціи по этой наукѣ, занимались приготовленіемъ изслѣдованій по памятникамъ древней письменности и представляли профессору свои научныя работы, въ видѣ диссертаций на темы, предложенныя имъ профессоромъ по древностямъ языка, письма и словесности. По русской словесности, подъ руководствомъ профессора, студенты занимались письменными работами по предмету народной словесности и древней русской литературѣ: Долговъ о новгородскомъ богатырскомъ эпосѣ, Рутковскій о духовномъ стихѣ про Голубиную книгу сравнительно съ апокрифами, Кирсановъ о спискахъ житій Петра митрополита, написанныхъ Прохоромъ, епископомъ Ростовскимъ, и митрополитомъ Кипріяномъ. По русской исторіи, независимо отъ слушанія лекцій, студенты 3-го и 4-го курсовъ, за-

нимались изученіемъ разныхъ источниковъ; лучшимъ изъ представленныхъ профессору сочиненій было обзорное актовъ о казакахъ, изданныхъ кievскою археографическою комиссіей. По римской словесности, по примѣру прежнихъ лѣтъ, практическія занятія со студентами 3-го и 4-го курсовъ, избравшими своею спеціальностію классическую филологію, состояли въ руководствѣ студентовъ въ пониманіи авторовъ и въ разработкѣ темъ, относившихся къ частнымъ вопросамъ латинскаго языка, литературы и древностей; студенты младшихъ двухъ курсовъ также имѣли практическія занятія по латинскому языку подъ руководствомъ двухъ преподавателей. По греческой словесности для практическихъ занятій студентовъ профессоромъ употреблялись лекціи, назначенныя для эпиграфическихъ упражненій по архаическому періоду греческой эпиграфики. Вопросы научные, возникающіе при объясненіи предлагаемыхъ надписей, если не были слишкомъ сложны и трудны, рѣшались самими студентами по очереди; такія письменныя работы разсматривались и профессоромъ, и прочими студентами на лекціяхъ, затѣмъ подвергались критикѣ товарищей подъ руководствомъ профессора. Практическія занятія по греческому языку происходили подъ руководствомъ другаго профессора; по основательности своей обратили на себя вниманіе студенты Сперанскій и Шнукъ представленными ими работами по Оукидиду. По всеобщей исторіи практическія занятія происходили со студентами старшихъ двухъ курсовъ, разъ въ недѣлю, причемъ читаны были нѣкоторые источники римской исторіи и были изучаемы греческія надписи. Въ физико-математическомъ факультетѣ: по ботаникѣ, подъ руководствомъ профессора, студенты разряда естественныхъ наукъ занимались опредѣленіемъ растений по сухимъ экземплярамъ, въ 1-мъ курсѣ въ продолженіе одного полугодія, а въ высшихъ постоянно. По анатоміи и физиологіи растений подобныя же занятія происходили подъ руководствомъ другаго преподавателя. Въ зоологическомъ кабинетѣ постоянно происходили практическія занятія студентовъ, въ особенности послѣднихъ курсовъ; нѣкоторыми изъ студентовъ написаны были весьма дѣльныя разсужденія причемъ они пользовались животными, хранящимися въ кабинетѣ. Занятія въ томъ же кабинетѣ, происходившія подъ руководствомъ другаго преподавателя, заключались въ ознакомленіи студентовъ съ приемами препарирования животныхъ и ихъ органовъ. Главныя затрудненія, встрѣченныя при этомъ, заключались въ недостаткѣ мѣста для занятій и въ отсутствіи зоологической лабораторіи и необходимыхъ для анато-

мическихъ занятій инструментовъ. Практическія занятія по физиологiи со студентами 2-го курса происходили по гистологiи два раза въ недѣлю; студентамъ высшихъ курсовъ предоставлена была возможность, которою они и пользовались, заниматься гистологiей ежедневно до 4-хъ часовъ пополудни; два студента занимались эмбриологическими изслѣдованіями, пять производили гистологическія работы для изготвленія кандидатскихъ диссертацій, трое занимались спеціальными гистологическими изслѣдованіями; подъ руководствомъ профессора физиологiи пять студентовъ занимались изслѣдованіями по части сосудодвигательныхъ вліяній и явленій раздражительности; практическія занятія по химiи производились въ аналитическомъ отдѣленіи химической лабораторiи, подъ руководствомъ профессора и при участіи трехъ лаборантовъ; въ качественномъ отдѣленіи записавшихся было сравнительно немного (около 80), и потому учебныя занятія можно было удобно расположить; въ количественномъ же отдѣленіи, вслѣдствіе наплыва желающихъ (40 человекъ на 16 мѣстъ), оказалось необходимымъ установить двѣ очереди, что неблагоприятно отозвалось на занятіяхъ студентовъ 3-го курса. Въ отдѣленіи органической химiи, подъ руководствомъ профессора, занимались: студентъ 3-го курса Туголѣзовъ работами надъ отнятіемъ водорода отъ ди-алимена, 4-го курса: Кракау—работами надъ стирономъ и его полимерами, Богомолецъ—способами образованія двубромистаго тримэтилена, Явейнъ—работами надъ детексиленами, Діонинъ—надъ присоединеніемъ фторо-водорода къ непредѣльнымъ углеводородамъ и надъ азотными соединеніями фосфора, 1-го курса Коноваловъ надъ—изодибутиленомъ; кандидаты: Каширскій—дѣйствиємъ цинкорганическихъ соединеній на обрамленные галоидалгидриды кислотъ, Пржебытокъ—надъ дѣйствиємъ ацетиленистаго натрія на углекислоту; слушатель Ждановъ работалъ надъ тетробутиленомъ, окончившій курсъ Голубевъ занимался опытами надъ полученіемъ третичныхъ эфировъ. По физикѣ производились практическія упражненія въ употребленіи физическихъ, преимущественно измѣрительныхъ приборовъ. Эти занятія, хотя и не обязательныя, постоянно привлекаютъ столь значительное число студентовъ, что по временамъ бываетъ затруднительно удовлетворить всѣхъ желающихъ, вслѣдствіе недостатка руководителей, которыхъ имѣется только четыре. Въ первую половину года занимались 55 студентовъ въ продолженіе 32-хъ дней, во вторую половину 60 студентовъ въ продолженіе 41 дня; всѣ они принадлежали къ младшимъ двумъ курсамъ обоихъ разрядовъ физико-математическаго факультета; во второй же

половинѣ года шесть студентовъ 3-го и 4-го курсовъ занимались физическими работами уже самостоятельно. По астрономіи студенты старшихъ двухъ курсовъ разряда математическихъ наукъ упражнялись въ производствѣ наблюдений на малой академической обсерваторіи, а во второй половинѣ года, сверхъ того, приватъ-доцентъ Глазенапъ занимался со студентами 3-го курса численнымъ рѣшеніемъ астрономическихъ задачъ, при чемъ студенты самостоятельно рѣшали предлагаемыя имъ задачи, которыя г. Глазенапъ выбиралъ по порядку изъ разныхъ отдѣловъ сферической астрономіи по программѣ, представленной имъ факультету. Практическія занятія по палеонтологіи и петрографіи, подъ руководствомъ профессора, производились ежедневно въ палеонтологическомъ кабинетѣ: студенты-спеціалисты работали надъ заданными темами, и изъ нихъ пять студентовъ 4-го курса отличались особеннымъ успѣхомъ. По минералогіи практическія занятія состояли въ опредѣленіи кристалло-графическихъ формъ какъ на моделяхъ, такъ и на натуральныхъ кристаллахъ. Студентъ 4-го курса Александровъ занимался измѣреніемъ кристалловъ клиножеора и кочубента нѣкоторыхъ новыхъ мѣсторожденій этого минерала; трудъ этотъ оконченъ и нынѣ обрабатывается какъ со стороны вычислений, такъ и со стороны литературной. По агрономіи студенты 4-го курса занимались, подъ руководствомъ консерватора, механическимъ анализомъ почвъ и изслѣдованіемъ ихъ физическихъ свойствъ, а по указанію профессора—письменными работами. Нѣкоторыя изъ такихъ работъ, напримѣръ Ренгартена о фосфорной кислотѣ въ почвѣ, и Шульца о важности почвы, исполнены весьма отчетливо. Въ юридическомъ факультетѣ: по статистикѣ практическія занятія производились со студентами 3-го и 4-го курсовъ административнаго разряда по два раза въ недѣлю, и заключались главнѣйшимъ образомъ въ обработкѣ сыраго статистическаго матеріала. Студентъ Георгіевскій собиралъ свѣдѣнія по программѣ Вольнаго экономическаго общества объ общинномъ землевладѣніи и напечаталъ объ этомъ статью въ журналѣ Слово подъ заглавіемъ „Общественно-экономическія отношенія въ юго-восточной Россіи“. По полицейскому праву устроены были постоянныя практическія занятія по одному разу въ недѣлю, на которыхъ студентами читаются рефераты изъ проштудированныхъ ими сочиненій или кодексовъ, и затѣмъ открываются пренія. По заявленію профессора, не мало представлено было рефератовъ дѣльныхъ, свидѣтельствующихъ о самостоятельныхъ занятіяхъ студентовъ. По государственному праву, согласно просьбамъ студентовъ, предлагаемо

было нѣсколько темъ, съ указаніемъ источниковъ, для представленія рефератовъ. Эти послѣдніе, по мѣрѣ ихъ составленія, читаются въ аудиторіи, въ особо-назначенные для этого часы, и затѣмъ студенты представляютъ свои возраженія. Такого рода занятія должны принести пользу въ тройкомъ отношеніи: а) составители рефератовъ знакомятся близко съ нѣкоторыми писателями, сочиненія коихъ являются предметомъ реферата; б) добросовѣстно составленный рефератъ облегчаетъ и всѣмъ слушающимъ знакомство со специальными сочиненіями и вопросами, и в) возникающая по поводу реферата бесѣда поддерживаетъ интересъ къ совмѣстнымъ занятіямъ. По церковному праву, по примѣру прежнихъ лѣтъ, устроены были особыя лекціи для практическаго и нагляднаго ознакомленія студентовъ съ греческими и русскими рукописями, заключающими въ себѣ памятники и сборники церковнаго законодательства греческой и русской церкви. Подобныя занятія способствуютъ привлеченію и подготовкѣ молодыхъ людей къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ въ исторіи церковнаго права, которая проливаетъ свѣтъ на весьма многія стороны юридической и государственной жизни русскаго народа. По международному праву студентамъ 3-го и 4-го курсовъ предлагаемы были темы для рефератовъ. Представленныя сочиненія читались ихъ авторами въ присутствіи товарищей, по окончаніи же чтенія происходили весьма оживленныя пренія. Студентъ 4-го курса Федоровъ представилъ сочиненіе „О картельныхъ конвенціяхъ“, заслужившее особеннаго вниманія. По политической экономіи студенты занимались съ профессоромъ толковательнымъ и критическимъ чтеніемъ: въ 1-мъ курсѣ Адама-Смита, во 2-мъ Давида Рикардо; въ двухъ старшихъ курсахъ студенты занимались чтеніемъ собственныхъ изслѣдованій при обсужденіи всѣхъ товарищей. Всѣ такія занятія посѣщались весьма ревностно и студентами юридическаго разряда и другихъ факультетовъ. По уголовному судопроизводству для студентовъ 4-го курса въ теченіе всего года устроены были практическія занятія. Студенты излагали классическія сочиненія по уголовному судопроизводству, по указанію профессора, и разрабатывали отдѣльные вопросы, предлагавшіеся имъ. Занятія шли весьма успѣшно и недостатка въ желающихъ трудиться не было. Предлагая излагать въ рефератахъ избранныя по уголовному судопроизводству сочиненія, съ устраненіемъ элемента критическаго, преподаватель руководствовался двоякими соображеніями: а) чтобы студенты выходили изъ университета съ знаніемъ не однихъ записокъ, но и литературы предмета, и б) желаніемъ облегчить студентамъ первыя само-

стоятельныя занятія, яко намѣтивъ имъ тѣ предѣлы, которыхъ они должны держаться. По римскому праву практическія занятія для студентовъ устроены въ 1877 году. Предметомъ этихъ занятій были источники римскаго права и литературныя пособія. Въ первомъ отношеніи нѣкоторые студентами были сравниваемы институты Гая съ институтами императора Юстиніана; во второмъ студентомъ Матвѣевскимъ сдѣланъ былъ рефератъ о сочиненіи Фюстель-де-Куланжа „La cité antique“. Занятія происходили въ формѣ бесѣды преподавателя съ учащимися, которые нерѣдко предлагали вопросы, свидѣтельствующіе о вниманіи, съ которымъ они слѣдили за предметомъ. Въ факультетѣ восточныхъ языковъ студенты, являясь на лекціи, должны предварительно подготовиться надлежащимъ образомъ, то-есть разобратъ и уяснить себѣ при помощи словарей и грамматикъ, на сколько это возможно, текстъ переводимаго на лекціи автора, безъ чего профессорская лекція не будетъ имѣть надлежащаго значенія; студентамъ весьма часто приходится переписывать восточные тексты для перевода ихъ на лекціяхъ; для постоянныхъ же практическихъ занятій въ изученіи языковъ арабскаго, турецкаго, персидскаго и монгольскаго при факультетѣ состоятъ четыре лектора. Независимо вышеизложенныхъ практическихъ занятій, средствами контроля надъ учебными занятіями студентовъ служатъ испытанія ихъ, стипендіальныя и переводныя.

На предложенныя студентамъ для соисканія наградъ медалями темы представлены были слѣдующія сочиненія по историко-филологическому факультету. „О критикѣ лирическихъ сочиненій Горация“, „о сочиненіяхъ Тертуліана“ и „о сношеніяхъ Византіи съ западомъ при Пипинѣ и Карлѣ Великомъ“; по физико-математическому „удобнѣйшій способъ предварительнаго вычисленія солнечныхъ затмѣній“ „о развитіи зародышевыхъ пластовъ у цыпленка“; по юридическому „разсмотрѣть важнѣйшія законодательства сравнительно съ русскими правилами о биржахъ, биржевыхъ установленіяхъ и мѣрахъ ограниченія биржевой игры“ и „о силѣ судебныхъ рѣшеній“; по факультету „восточныхъ языковъ“ „описаніе юго-восточной Монголіи“. Изъ числа авторовъ названныхъ сочиненій награждены золотыми медалями студенты: историко-филологическаго факультета Андрей Шаукъ; физико-математическаго Владиміръ Юденичъ, Герофей Костеничъ, Иванъ Дансвій; Борись Колонко и Владиміръ Еремѣвъ; юридическаго Аванъ Тиграновъ, Леопольдъ Нисселовичъ и Александръ фонъ-Сталь; серебрянными: историко-филологическаго факультета

тета Михаилъ Сперанскій и Валеріанъ Майковъ; физико-математическаго князь Андрей Гагаринъ и Эдуардъ Мичерлихъ; юридическаго Сигизмундъ Познанскій и Николай Гусаковскій; факультета восточныхъ языковъ Владиміръ Савоновъ; почетнаго званія студентъ юридическаго факультета Александръ Ермонскій.

Въ 1878 году преподаватели университета и другіе служащіе въ ономъ лица издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: профессоръ И. И. Срезневскій напечаталъ въ изданіяхъ академіи наукъ и отдѣльными оттисками статьи: „О фриульскихъ славянахъ“, „о чешскихъ глоссахъ въ словарь *Maier verborum*“, „о трудахъ трехъ изъ первыхъ преподавателей славянской филологіи (Прейсѣ, Григоровичѣ, Бодянскомъ)“, „о книгѣ Геденова „Варяги и Русь“, въ филологическихъ запискахъ изслѣдованіе о древней чешской былинѣ о судѣ Любуши; М. И. Сухомлиновъ напечаталъ четвертый выпускъ „Исторіи руссiйской академіи“; О. Ѡ. Миллеръ напечаталъ въ Вѣстникѣ Европы половину труда своего о Байронѣ, и отдѣльно „учебный обзоръ русскаго богатырскаго эпоса“ (какъ составляющую часть новаго изданія исторіи русской литературы А. Д. Галахова) и приготовилъ къ печати публичныя лекціи о Грибоѣдовѣ; В. И. Ламаисскій сверхъ нѣкоторыхъ статей, напечатанныхъ въ журналахъ, приготовилъ къ печати критико-политическое изслѣдованіе объ явно подложныхъ и сомнительныхъ намятникахъ древне-чешской словесности; Г. С. Дестунисъ приготовилъ къ печати 2 книгу Прокопія Кесарійскаго „Исторія войнъ римлянъ съ персами въ русскомъ переводѣ съ комментариемъ; И. О. Помяловскій по порученію св. синода издалъ избранныя мѣста изъ латинскихъ христіанскихъ писателей въ VIII вѣкѣ; издалъ подъ своей редакціей сочиненія А. Н. Оленина „о формѣ древнихъ греческихъ племенъ“, и помѣстилъ въ Извѣстіяхъ Русскаго археологическаго Общества изслѣдованія объ одной греческой христіанской надписи, найденной недавно въ Египтѣ; К. Н. Вестужевъ-Рюминъ напечаталъ въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія рецензію на изданную за границей книгу „*Histoire de la Russie*“; А. Н. Веселовскій напечаталъ: въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія „Красавица въ теремѣ“, „Русская былина о подсолнечномъ царствѣ“ и „Хорватскія пѣсни о Радославѣ Павловичѣ и итальянская поэма о гнѣвномъ Радо“, въ Вѣстникѣ Европы „Рабле и его романъ“, въ *Archiv für Slavische Philologie* „Phol als aethiopischer König“ и „Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos“, въ запискахъ

академіи наукъ „Слово о двѣнадцати снахъ Шаханаши по рукописи XV вѣка“; И. Н. Минаевъ издалъ описаніе своего путешествія по Индіи: „Очерки Цейлона и Индіи“, помѣстивъ въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія статью „Община буддійскихъ монаховъ“ и окончилъ печатаніемъ книгу „Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи“; А. Н. Бекетовъ напечаталъ статью „О питаніи чловѣка въ настоящемъ и будущемъ“, издалъ подъ своею редакціею томъ „Трудовъ Общества естествоиспытателей“ и продолжалъ заниматься подготовленіемъ къ печати окончанія 2 тома курса ботаники для университетскихъ студентовъ; А. С. Фаминцынъ напечаталъ въ изданіяхъ академіи наукъ статью „Embryologische Studien“; А. Н. Савичъ напечаталъ въ запискахъ академіи наукъ свои наблюденія надъ разными планетами и записку относительно употребленія поворотнаго маятника для вывода длины простаго маятника, и новымъ изданіемъ на нѣмецкомъ языкѣ „Практическую астрономію“; П. Л. Чебышевъ напечаталъ въ Бюллетенѣ французскаго математическаго общества читанную въ засѣданіи этого общества статью: „Sur la résistance de deux forces appliquées à un seul point“, въ Сборникѣ Московскаго математическаго общества „О простѣйшихъ сочлененіяхъ“, въ Nouvelle correspondance mathématique читанную на конгрессѣ ученыхъ въ Парижѣ статью „Sur la transformation des séries contenant tous les nombres en séries qui ne contiennent que les nombres premiers“, въ запискахъ академіи наукъ „О параллелограммахъ, состоящихъ изъ трехъ элементовъ и симметрическихъ около одной оси“; А. М. Бутлеровъ продолжалъ свои изслѣдованія надъ изотрибутиленомъ; Ф. В. Овсянниковъ занимался гистологическимъ изслѣдованіемъ мозжечка у млекопитающихъ; работа эта печатается въ Мемуарахъ академіи наукъ; И. М. Сѣченовъ окончилъ работу объ угольной кислотѣ крови; К. Ф. Кесслеръ напечаталъ въ Трудахъ С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей „Путешествіе по Закавказскому краю съ зоологическою цѣлію“, въ Bulletin de la Société des Naturalistes de Moscou „Reisebriefe aus der Krym“ и въ Бюллетенѣ академіи наукъ „Beiträge zur Ichthyologie von Central-Asien“; Ф. Ф. Петрушевскій напечаталъ въ Морскомъ Сборникѣ статью, которая потомъ вышла отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: „Современное состояніе электрическаго освѣщенія и физическіе вопросы, сюда относящіеся“; А. В. Совѣтовъ выпустилъ въ свѣтъ 4-е значительно дополненное изданіе книги „О разведеніи кормовыхъ травъ на поляхъ“ и редактировалъ Труды Волынаго эконоическаго

Общества; А. Н. Коркинъ напечаталъ въ протоколахъ засѣданій совѣта С.-Петербургскаго университета статью „О частныхъ дифференціальныхъ уравненіяхъ втораго порядка“; Н. А. Меншуткинъ напечаталъ: въ Мемуарахъ академіи наукъ и въ журналѣ физико-химическаго общества третью и четвертую главы изслѣдованія „Вліянія изомерій спиртовъ и кислотъ на образованіе сложныхъ эфировъ“, въ журналѣ физико-химическаго общества статью „Явленія изомерій и ихъ объясненія“, и редактировалъ 10 томъ журнала физико-химическаго общества, содержащій 50 печатныхъ листовъ; Р. Э. Деицъ напечаталъ въ Извѣстіяхъ технологическаго института: „о гальваническомъ сопротивленіи водныхъ растворовъ солей водорода, калия, натрія и аммоніа“ и „Ртутный инверторъ“; А. А. Иностранцевъ лѣтомъ 1878 года былъ занятъ изслѣдованіемъ новой разновидности аморфнаго углерода, выдаваемого за антрацитъ; работа эта помѣщена въ Запискахъ минералогическаго общества; Ф. Ю. Янсонъ напечаталъ 1 томъ сравнительной статистики Россіи и приготовилъ къ изданію сборникъ статей по теоріи статистики въ переводѣ съ дополненіями и примѣчаніями; И. Е. Андреевскій напечаталъ подъ своею редакціей изданный вольнымъ экономическимъ обществомъ: „Земской ежегодникъ“ за 1876 годъ; А. Д. Градовскій напечаталъ въ Сборникѣ государственныхъ знаній статью „Системы мѣстнаго управленія“, въ Русской Рѣчи „Соціализмъ на западѣ Европы и въ Россіи“, въ юридическомъ обществѣ сдѣлалъ два доклада: а) о правѣ ходатайства, предоставленномъ земскимъ собраніямъ, и б) о преобразованіи полиціи въ Россіи; Н. С. Таганцевъ напечаталъ: а) 2-й томъ курса русскаго уголовнаго права, и б) второе изданіе устава мирового, съ разъясненіями по рѣшеніямъ сената и съ приведеніемъ извлеченій изъ мотивовъ; В. И. Сергѣевичъ напечаталъ въ Сборникѣ государственныхъ знаній статью „Государство и право въ исторіи“; Ф. Ф. Мартенсъ издалъ 1 и 2 части IV тома „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами“ и редактировалъ посвященный Россіи отдѣлъ въ изданіи *Annuaire de l'Institut de droit international* за 1878 годъ; М. И. Горчаковъ напечаталъ въ Сборникѣ государственныхъ знаній нѣсколько критическихъ статей и замѣтокъ о новѣйшихъ сочиненіяхъ русской и иностранной литературы по церковному праву; Э. Р. Вреденъ приготовилъ къ печати второе изданіе своего курса политической экономіи; В. П. Васильевъ напечаталъ книгу: Три вопроса публицистическаго содержанія и помѣстивъ въ періодическихъ изданіяхъ нѣсколько

статей - о различных событіяхъ въ Китаѣ; И. Н. Березинъ издалъ X, XI и XII выпуски Русскаго энциклопедическаго словаря, К. А. Коссовичъ продолжалъ свои изслѣдованія объ отношеніи Арійскихъ нарѣчій къ Семитскимъ и о театрѣ въ древней Индіи. Оба труда приготовлены къ печати; К. П. Паткановъ издалъ: а) текстъ исторіи императора Дракла, написанный епископомъ Себеосомъ въ XII вѣкѣ, съ прибавленіями; Д. А. Хвольсонъ напечаталъ: 4 отдѣлы его статьи подъ заглавіемъ „Послѣдняя пасхальная вечера Иисуса Христа и день Его смерти“, „Die Quiescentes he, waw, und Jod in der althebraischen Orthographie“, и приготовилъ къ печати подробный отчетъ о его находкахъ на еврейскомъ кладбищѣ въ Чуфуть-Кале во время его командировки въ 1878 году въ Крымъ; В. Θ. Гиргасъ печаталъ арабско-русскій словарь къ хрестоматіи; К. Θ. Голстунскій приготовилъ къ изданію „Калмыцкіе законы Батуръ-Хунъ-Тайджія, утвержденные на сеймѣ монгольскихъ и зюнгарскихъ князей въ 1640 году. Калмыцкій текстъ, русскій переводъ и примѣчанія къ тексту, касающіяся исторіи, религіи и грамматики“; кромѣ того занимался по порученію министерства народнаго просвѣщенія, согласно требованію св. синода, разсмотрѣніемъ переводовъ евангелія, священной исторіи и другихъ книгъ. Лекторы: А. Θ. Видертъ напечаталъ нѣсколько рецензій въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія; И. И. Флѣри напечаталъ: „Un peuple, retrouvé par la grammaire“ и вторымъ изданіемъ „Histoire élémentaire de la littérature française“; К. И. Тѣрцерьъ приготовилъ къ изданію въ свѣтъ Англійскую хрестоматію съ примѣчаніями и объясненіями. Доценты: Е. Е. Замысловскій по порученію академіи наукъ написалъ рецензію на книгу В. Борзаковскаго „Исторія тверскаго княжества“ и напечаталъ въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія статью: „Историко-географическія извѣстія Герберштейна (XV вѣка); В. Г. Васильевскій по порученію академіи наукъ написалъ критическій разборъ на сочиненіе Бруна „Черноморье или сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи“ и напечаталъ въ журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія слѣдующія статьи: „Житіе Іоанна Готскаго“, „Житіе Георгія Амастридскаго“, „Законодательство иконоборцевъ“ и „Замѣтку о московскихъ синодальныхъ греческихъ рукописяхъ эклоги и земледѣльческаго закона“ и нѣкоторыя изъ рецензій, относящихся къ новымъ и болѣе важнымъ историческимъ учебникамъ; И. Е. Троицкій приготовилъ къ печати письма и другія неизданныя сочиненія Ареоп, архіепископа Кесарійскаго (X вѣка),

имѣющія весьма важное значеніе какъ для Византійской исторіи, такъ и для филологіи; И. С. Будаевъ занимался составленіемъ курсовъ Механики системъ матеріаль—точекъ и аналитической геометріи; М. Н. Богдановъ приготовилъ къ печати: а) „Монографію Сорокопутовъ“, б) „Арало-каспійская фауна“, и в) Птицы Кавказа; В. А. Лебедевъ помѣстилъ въ Сборникѣ государственныхъ знаній нѣсколько рецензій о сочиненіяхъ русскихъ и иностранныхъ по предмету финансоваго права; И. Я. Фойницкій напечаталъ въ журналѣ гражданскаго и уголовнаго права статьи: „Судебные кодексы Германіи“, „О преступномъ присвоеніи чужаго имущества“ и „Историческій очеркъ вопроса объ отвѣтственности должностныхъ лицъ по французскому законодательству“. Послѣдніе два труда представлены были, какъ рефератъ и сообщеніе, юридическому обществу при С.-Петербургскомъ университетѣ; К. И. Малышевъ напечаталъ 1 томъ курса общаго гражданскаго права Россіи и оканчивалъ печатаніе III тома курса гражданскаго судопроизводства; В. Д. Смирновъ приступилъ къ печатанію одной рукописи на турецкомъ языкѣ, содержащей въ себѣ и документы и различныя любопытныя данныя для исторіи эпохи присоединенія Крыма къ Россіи; баронъ В. Р. Розенъ напечаталъ въ Запискахъ академіи наукъ „Извѣстіе Ал. Бекри о Славянахъ и Руси“ и предпринялъ изданіе каталога персидскихъ рукописей института восточныхъ языковъ при азіатскомъ департаментѣ; Н. В. Веселовскій представлялъ для трудовъ 3 съѣзда ориенталистовъ „Обзорніе преподаванія восточныхъ языковъ въ Россіи“. Приватъ-доценты: А. И. Незеленовъ напечаталъ въ журналѣ Женское образованіе статью „Русская словесность въ средне-учебныхъ заведеніяхъ“; И. И. Воргмапъ напечаталъ въ журналѣ физическаго общества статья: „О вліяніи окружающей среды на электродинамическія явленія“ и „Объ опредѣленіи функціи намагничиванія жидкостей“, и редактировалъ физическій отдѣлъ журнала физико-химическаго общества, въ которомъ помѣщено 16 оригинальныхъ статей; О. Д. Хвольсонъ напечаталъ: „О магнитной индукціи на двухъ шарахъ“ и „О вліяніи прокаливанія на гальваническое сопротивленіе жесткихъ проволокъ“; Х. Я. Гоби напечаталъ: а) въ журналѣ *Nedroigia* и въ Трудахъ С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей „О новомъ растительномъ организмѣ *Rivularia flos aquae*, причиняющемъ цвѣтеніе водъ“, б) въ *Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg* и въ Трудахъ общества естествоиспытателей „Флора водорослей Вѣлаго моря и прилежащихъ къ

нему частей Сѣвернаго Ледовитаго океана"; кромѣ того приготовилъ къ печати: предварительный отчетъ объ экскурсіяхъ по Финскому заливу, совершенныхъ лѣтомъ 1877 года, и краткій отчетъ объ ученой прогулкѣ лѣтомъ 1878 года по порученію общества естествоиспытателей; С. П. Глазенацъ напечаталъ въ Журналѣ химическаго общества статью подъ заглавіемъ: „Наблюденія прохожденія Меркурія передъ солнцемъ 6-го мая 1878 года“; Н. А. Гезехусъ напечаталъ двѣ статьи: „Объ особенномъ случаѣ прохожденія гальваническаго тока чрезъ электролиты“ и „О приборѣ для измѣренія удлинненій проволоки“; К. Г. Залеманъ приготовилъ къ печати: а) статью подъ заглавіемъ: „Ueber eine Parsenhandschrift der kaiserlichen oeffentlichen Bibliothek zu St.-Petersburg“ и б) библиографическое обзорѣніе ученыхъ трудовъ по части филологіи новоиранской и армянской, относящихся къ Средней Азій. Преподаватели: И. И. Захаровъ занимался печатаніемъ Маньчжурской грамматики; протоіерей Н. Н. Дорджеевъ составилъ практическое руководство къ изученію бурятскаго языка, съ присокупленіемъ бурятско-русскаго лексикона. Лаборанты: В. В. Лермонтовъ напечаталъ въ Журналѣ физико-химическаго общества статью о калиброваніи термометровъ и составлялъ рефераты о русскихъ работахъ по физикѣ для Journal de Physique и для Beiblätter zu Poggenдорф's Annalen; М. Д. Львовъ напечаталъ предварительное сообщеніе „Объ уплотненіи бромистаго вина подѣ вліяніемъ свѣта“; Н. Любавинъ напечаталъ въ Журналѣ химическаго общества: „О кислотахъ, образующихся дѣйствіемъ щелочей на цинхонинъ“ и „Исслѣдованія молочнаго нуклеина“; А. Потылицынъ прочелъ въ общемъ собраніи физико-химическаго общества сообщеніе „О химическихъ дѣйствіяхъ тихаго разряда“ и принималъ участіе въ изданіи журнала общества составленіемъ рефератовъ; Е. Вагнеръ составлялъ рефераты для журнала физико-химическаго общества. Публичные лекціи читали: ординарный профессоръ ботаники Бекетовъ въ пользу студентовъ и университетскаго попечительства для пособія вдовамъ и сиротамъ воиновъ, пострадавшихъ въ минувшую войну, и доцентъ Богдановъ по приглашенію Вольнаго экономическаго общества, четыре лекціи по прикладной зоологіи и о домашнихъ животныхъ и условіяхъ ихъ культуры въ Россіи. Кромѣ того, профессора Вагнеръ, Бестужевъ-Рюминъ, Владиславлевъ, Веселовскій, приватъ-доценты Боргманъ, Гезехусъ, преподаватели Шеборъ и Мусселіусъ и лаборантъ Потылицынъ читали лекціи въ женскихъ курсахъ.

Совѣтъ С.-Петербургскаго университета имѣлъ въ продолженіе

1878 года 17 засѣданій. Утверждены въ степени доктора магистры: Николай Стороженко исторіи всеобщей литературы, Оскаръ Гриммъ зоологіи и Иванъ Дитятинъ государственнаго права; въ степени магистра кандидаты: Вячеславъ Срезневскій славянской филологіи, Василій Докучаевъ минералогіи и геогнозіи, Дмитрій Дубяго астрономіи, Сергій Ведровъ полицейскаго права. Затѣмъ удостоены: степени кандидата: по историко-филологическому факультету 9, по физико-математическому 44, по юридическому 56, по факультету восточныхъ языковъ 5; званія дѣйствительнаго студента: по историко-филологическому факультету 3, по физико-математическому 8, по юридическому 47, по факультету восточныхъ языковъ 3. Для приготовленія къ профессорскому званію отправлены за границу: магистръ полицейскаго права Сергій Ведровъ, магистрантъ политической экономіи Андрей Исаяевъ и кандидатъ факультета восточныхъ языковъ Алексій Позднѣевъ. Съ цѣлю приготовленія къ экзамену на степень магистра оставлено было при университетѣ 35 кандидатовъ: по историко-филологическому факультету 11, по физико-математическому 15, по юридическому 8, по факультету восточныхъ языковъ 1. Изъ нихъ 11 получали содержаніе изъ суммъ университета, 3 изъ суммъ, жертвуемой почетнымъ членомъ университета П. П. Демидовымъ, 1 изъ суммъ, отпускаемой С.-Петербургскимъ Собраніемъ сельскихъ хозяевъ, и безъ содержанія 20. Командированы были за границу съ ученою цѣлю: профессора Бекетовъ, Чебышевъ, Янсонъ, Верезинъ, Мартенсъ, Люгебиль, Вредень, Иностранцевъ, Менделѣевъ и доцентъ Праховъ. Изъ нихъ Бекетовъ участвовалъ въ Парижскомъ конгрессѣ ботаниковъ и садоводовъ; Чебышевъ, во время пребыванія въ Парижѣ, прочелъ два изслѣдованія свои, напечатанныя на французскомъ языкѣ: одно въ засѣданіи французскаго математическаго общества, другое на международномъ конгрессѣ; Янсонъ въ демографическомъ отдѣлѣ бывшей парижской выставки экспонировалъ атласъ картъ и діаграммъ по движенію населенія въ Россіи; работы и вычисленія, изъ которыхъ состоитъ атласъ, произведены были большею частію самимъ профессоромъ и отчасти, подъ его руководствомъ, студентами и удостоены на выставкѣ почетнаго отзыва; Иностранцевъ, путешествовавшій по берегамъ Рейна и по центральной Франціи для изученія погасшихъ вулкановъ, былъ членомъ бюро международного конгресса геологовъ, собиравшихся въ Парижѣ; Вредень во время Парижской выставки содѣйствовалъ успѣхамъ занятій постоянной международной статистической комиссіи (la société statistique de Paris) конгрессовъ желѣзно-

дорожного и представителей политической экономии и торговли, и въ одномъ изъ засѣданій послѣдняго конгресса исполнять обязанности предсѣдателя собранія; Мартенсъ принималъ дѣйтельное участіе въ конгрессѣ членовъ института международного права, бывшемъ въ Парижѣ, и въ одномъ изъ засѣданій этого конгресса энергически протестовалъ противъ сдѣланнаго англійскими членами института предложенія выразить строгое осужденіе русскому правительству за совершенныя будто бы русскими войсками въ Румыніи и обнаруженныя Родонскою комиссіею звѣрства; вслѣдствіе этого протеста предложеніе англійскихъ туркофиловъ было конгрессомъ отвергнуто, какъ лишенное всякихъ основаній; Березинъ былъ представителемъ русской науки на IV-мъ международномъ конгрессѣ оріенталистовъ, бывшемъ во Флоренці; Менделѣевъ занимался въ Западной Европѣ изслѣдованіями надъ упругостію газовъ. Во внутреннія губерніи командированы были профессора: Паткановъ въ Эчмиадзинскій монастырь, для изученія армянскихъ рукописей богатой библіотеки монастырской; Хвольсонъ въ Крымъ, для повѣрки снимковъ съ еврейскихъ надгробныхъ надписей, находящихся въ С.-Петербургской публичной библіотекѣ, и копій съ нихъ, изданныхъ Фирковичемъ, и для производства раскопокъ на древнемъ караимскомъ кладбищѣ въ Чуфуть-Калѣ; Срезневскій въ Москву, Рязань и Ярославль для продолженія наблюдений своихъ надъ малоцвѣтными и неизвѣстными памятниками славянской и русской письменности, причемъ онъ ознакомился съ нѣсколькими собраніями рукописей, въ подробности изучилъ глаголическое четвероевангеліе Григоровича и чрезъ то получилъ возможность приготовить изданіе его текста въ Кирилловскомъ перепискѣ; доцентъ Цагарели въ Мингрелію, для изслѣдованій мингрельскаго языка и Богдановъ въ центральныя губерніи, для зоологическихъ наблюдений; консерваторъ Докучневъ въ южныя губерніи, для производства изслѣдованій юго-восточной части черноземной полосы; отчетъ объ этихъ изслѣдованіяхъ приготовленъ къ печати.

По финансовой смѣтѣ къ отпуску изъ государственнаго казначейства на 1878 годъ было ассигновано на С.-Петербургскій университетъ: на содержаніе личнаго состава 200,133 руб., на хозяйственные расходы и учебныя пособія 74,950 руб., на стипендіи и пособія студентамъ 73,983 руб., всего 349,066 руб. Специальныя средства университета находились въ слѣдующемъ положеніи: остатка отъ университета имѣлось 28,741 руб. 74¹/₂ коп., въ теченіе 1878 года поступило 43,550 руб. 50 коп., въ теченіе года израсходовано 47,035 р.

15 коп., затѣмъ къ 1-му января 1879 года въ остаткѣ было 25,257 р. 9¼ коп. Главнѣйшія статьи расхода изъ специальныхъ средствъ были слѣдующія: на жалованье профессорамъ и преподавателямъ сверхъ штата, на вознагражденіе приватъ-доцентовъ, на содержаніе сверхштатныхъ лаборантовъ и консерваторовъ и вообще на личный составъ 23,983 руб.; на учебныя пособія, на дополнительное содержаніе библиотеки, кабинетовъ, лабораторій и т. д. 2,253 руб., на печатаніе ученыхъ сочиненій 4,894 руб., на ученые путешествія и командировки профессоровъ и преподавателей 8,050 руб., на выдачу пособій студентамъ 2,350 руб., на содержаніе пріемнаго покоя для студентовъ, на лекарства и вообще медицинскую часть 705 руб., на изготовленіе медалей студентамъ за сочиненія на темы, предложенныя факультетами 1,611 руб., на расходы по погребенію преподавателей и служащихъ, на канцелярію и другіе расходы 3,287 руб.

Студентовъ къ 1-му января 1878 года состояло 1,418; въ теченіе 1878 года поступило 595 (изъ гимназій 345, духовныхъ семинарій 146, частныхъ гимназій 7, Гатчинскаго сиротскаго института 8, училищъ при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій 11, Нижегородскаго Александровскаго института 1, лицей Цесаревича Николая въ Москвѣ 2, историко-филологическаго института 2, студентовъ другихъ университетовъ 38, студентовъ С.-Петербургскаго университета 40); въ теченіе года выбыло 461 (по окончаніи курса 160, по выслушаніи полнаго курса съ правомъ подвергнуться въ установленный срокъ испытанію 31, уволено за невзносъ въ срокъ платы за ученіе 80, по случаю выбытія въ другія учебныя заведенія 181, умерло 12); затѣмъ къ 1-му января 1879 года оставалось на лицо 1,549, которые распределены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 251, на физико-математическомъ 629 (по разряду математическихъ наукъ 313, по разряду естественныхъ наукъ 316), на юридическомъ 640 (по разряду юридическихъ наукъ 580, по разряду административныхъ наукъ 60), на факультетѣ восточныхъ языковъ 29. Изъ общаго числа бывшихъ въ 1878 году студентовъ освобождено было: отъ полной платы 458, отъ половинной 66. Стипендіями пользовались въ теченіе года 372 студента на сумму 87,326 руб. Изъ означеннаго числа стипендій было: 3—Имени Государя Императора, 100 Императорскихъ, 100 университетскихъ, 64 разныхъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений, 105 на пожертвованія частныхъ лицъ. Пособіями воспользо-

лись 162 студента, которымъ выдано было 6,237 руб.; размѣръ пособій отъ 10 до 70 рублей.

Учебно-вспомогательныя учрежденія С.-Петербургскаго университета къ 1-му января 1879 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ университетской библиотекѣ имѣлось: книгъ 54,739 названій 112,255 томовъ на сумму 238,082 руб., періодическихъ изданій 893 названія 18,665 томовъ на 49,455 руб., рукописей 877 названій 954 тома на 9,232 руб., плановъ, гравюръ, эстамповъ 430 номеровъ 520 экземпляровъ на сумму 11,547 руб. Въ астрономическомъ кабинетѣ астрономическихъ и геодезическихъ инструментовъ 19 номеровъ на 4,927 руб. Въ кабинетѣ практической механики: книгъ 245 названій 286 томовъ на 2,171 руб., приборовъ, моделей и чертежей 91 номеръ на 6,974 руб., мебели и утвари 325 номеровъ. Въ физическомъ кабинетѣ 728 номеровъ 733 экземпляра на сумму 31,085 руб.; въ химической лабораторіи: приборовъ, инструментовъ и образцовыхъ вещей 4,352 номера на 19,076 руб.; въ технической лабораторіи приборовъ и вещей 631 номеръ 939 экземпляровъ на 3,861 руб.; въ минералогическомъ кабинетѣ коллекцій и минераловъ 9,556 номеровъ 9,662 экземпляра на сумму 15,285 руб. Въ геологическомъ и палеонтологическомъ кабинетѣ: окаменѣлостей 3,738 номеровъ 6,252 экземпляра на сумму 9,331 руб., горныхъ породъ 2,660 номеровъ на 1,084 руб., приборовъ 31 номеръ 35 экземпляровъ на 743 руб., книгъ 629 названій на 1,864 руб., коллекція животныхъ и растений Эйхвальда 625 номеровъ 1,150 экземпляровъ на сумму 6,000 руб., коллекція моллюсковъ и ископаемыхъ Бутурлина 3,950 номеровъ 9,500 экземпляровъ на 2,000 руб. Въ ботаническомъ кабинетѣ: инструментовъ, приборовъ, посуды, таблицъ 1,010 номеровъ 1,385 экземпляровъ на сумму 6,435 руб. Въ ботаническомъ саду: живыхъ растений въ оранжереяхъ, гербарій и справочныхъ книгъ 34,650 номеровъ 62,850 экземпляровъ на сумму 7,890 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ: набитыхъ чучелъ, скелетовъ, рыбъ въ спирту и другихъ предметовъ 14,660 номеровъ на сумму 13,510 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ: коллекцій морскихъ животныхъ, спиртовыхъ препаратовъ и приборовъ 1,265 номеровъ 1,865 экземпляровъ на 5,519 руб. Въ физиологическомъ кабинетѣ: книгъ, препаратовъ и инструментовъ 628 номеровъ на 8,137 руб. Въ агрономическомъ кабинетѣ: предметовъ, моделей и книгъ 722 номера 847 экземпляровъ на сумму 7,660 руб. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей: монетъ, медалей и сочиненій 6,964 номера 7,034 экземпляра на сумму 22,030 руб.; въ ка-

бинетъ восточныхъ монетъ: монетъ и медалей 9,160 нумеровъ на сумму 14,150 руб.

При С.-Петербургскомъ университетѣ состоятъ четыре ученыя общества: филологическое, учрежденное 4-го февраля 1869 года; С.-Петербургское общество естествоиспытателей, учрежденное 22-го января 1877 года, и русское физико-химическое, которое въ 1878 году образовалось чрезъ соединеніе двухъ отдѣльныхъ обществъ, физическаго и химическаго, и состоитъ нынѣ изъ двухъ отдѣленій. Въ очередныхъ засѣданіяхъ филологическаго общества читаны были сообщенія и изслѣдованія преподавателей университета: Срезневскаго, Васильевскаго, Ламанскаго и Горчакова; содержаніе читанныхъ изслѣдованій касалось нѣкоторыхъ памятниковъ древняго письма, нѣкоторыхъ статей Кормчей книги и нѣкоторыхъ археологическихъ памятниковъ. С.-Петербургское общество естествоиспытателей состояло къ началу 1879 года изъ 232 членовъ. Общество дѣлится на три отдѣленія: ботаники, геологій и зоологій. Отдѣленія эти имѣли засѣданій: первое 8, второе 6, третье 7; общихъ же собраній въ теченіе 1878 года 4. Общество издало на свои средства, при пособіи университета, IX-й томъ своихъ Трудовъ, состоящій изъ 32-хъ печатныхъ листовъ, въ которомъ заключается, кромѣ протоколовъ общихъ собраній и отдѣленій общества, цѣлый рядъ ученыхъ изслѣдованій членовъ общества: Кесслера, Докучаева, Гоби, Мережковскаго, Есаулова, Штукенберга и Павлова. По порученію общества совершили экскурсіи съ ученою цѣлю члены Гриммъ, Богдановъ, Гоби и Шмидтъ. Общество имѣло членовъ 232, которые распредѣлены по отдѣленіямъ слѣдующимъ образомъ: въ отдѣленіи зоологій 118, въ отдѣленіи ботаники 62, въ отдѣленіи геологій 52. Юридическое общество, состоящее изъ трехъ отдѣленій: гражданскаго права, уголовнаго права и администраціи, имѣло 261 дѣйствительнаго члена и 4 членовъ сотрудниковъ. Въ 11-ти засѣданіяхъ гражданскаго отдѣленія рассмотрѣны были слѣдующіе рефераты дѣйствительныхъ членовъ: И. Е. Андреевскаго „О нотаріальныхъ порядкахъ“, В. У. Люстиха „О связи между владѣніемъ и правомъ собственности на движимыя вещи по русскимъ законамъ“, П. А. Гедримовича „О рѣкахъ судоходныхъ и рѣкахъ сплавныхъ по русскому праву“ и А. А. Герке „Объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ по перевозкѣ грузовъ“; сверхъ того заслушаны были два сообщенія: А. П. Башилова „О швейцарскомъ желѣзнодорожномъ законѣ 1875 года“ и А. А. Герке „О результатѣ бив-

шей въ маѣ 1878 года въ Бернѣ желѣзнодорожной международной конференціи“. Въ уголовномъ отдѣленіи, имѣвшемъ восемь засѣданій, окончены пренія по реферату Н. А. Неклюдова „О преступленіяхъ противъ брака“, рассмотрѣны рефераты В. Л. Владимірова „О непоколебимости вошедшихъ въ законную силу рѣшеній по дѣламъ уголовнымъ“ и И. Я. Фойницкаго „О преступномъ присвоеніи чужаго имущества по русскому праву“ и выслушанъ докладъ А. П. Зубова, „О затрудненіяхъ въ судебной практикѣ при освидѣтельствованіи умственныхъ способностей обвиняемыхъ и о средствахъ къ устраненію этихъ затрудненій“. Кромѣ того были представлены сообщенія: В. К. Случевского „О проектѣ австрійскаго уголовного кодекса“, Н. С. Таганцева „О покушеніи на преступленіе надъ негодными объектами по кассационной практикѣ правительствующаго сената“, И. Я. Фойницкаго „О преданіи суду должностныхъ лицъ по французскому законодательству въ историческомъ развитіи“ и В. Д. Спасовича „О возможности или невозможности упразднить особый порядокъ преданія суду должностныхъ лицъ по уставу уголовного судопроизводства“ и „Объ особенностяхъ новой редакціи уголовно-судопроизводственныхъ законовъ въ изданіи свода законовъ 1876 года“. Административное отдѣленіе имѣло восемь засѣданій, въ которыхъ рассмотрѣны рефераты: Н. М. Коркунова „Объ административныхъ искахъ и жалобахъ“, А. Д. Градовскаго „О правѣ ходатайствъ, предоставленномъ земскимъ собраніямъ“, Ф. Ф. Мартенса „О натурализаціи“, и выслушанъ докладъ А. Д. Градовскаго „О преобразованіи полиціи въ Россіи“. Общія собранія дѣйствительныхъ членовъ созывались шесть разъ; въ годовомъ собраніи избраны два члена совѣта и ревизіонная коммисія, которая нашла отчеты общества правильными. Остальныя затѣмъ общія собранія посвящались баллотировкѣ дѣйствительныхъ членовъ и рассмотрѣнію предположеній совѣта объ открытіи въ составѣ общества отдѣленія администраціи, о приобрѣтеніи юридическимъ обществомъ изданія „Журналъ гражданского и уголовного права“ и о выдачѣ обществомъ въ 1879 г. испрашиваемой на продолженіе означеннаго журнала субсидіи въ тысячу руб. Всѣ эти предположенія совѣта приняты обществомъ. Физико-химическое общество состоитъ изъ двухъ отдѣленій: физическаго и химическаго, которыя до 1878 года были отдѣльными учеными обществами, а въ настоящее время соединились и получили одинъ общій уставъ. Всѣхъ членовъ въ обществѣ 210, изъ нихъ 120 принадлежали химическому отдѣленію, остальные физическому. Обще-

ство имѣло въ теченіе года два общихъ собранія, въ отдѣленіяхъ было по девяти очередныхъ засѣданій. Въ очередныхъ засѣданіяхъ сдѣлано было 77 научныхъ сообщеній, изъ которыхъ 57 помѣщены въ X-мъ томѣ журнала, издаваемого обществомъ на свои средства при нѣкоторомъ пособіи отъ университета. О дѣятельности химическаго отдѣла общества членами его доставлялись подробности корреспонденціи: Е. Е. Вагнеромъ Берлинскому химическому обществу, Ю. В. Лермонтовымъ Парижскому, В. В. Лермонтовымъ въ нѣмецкіе спеціальныя журналы.

Сверхъ ученыхъ обществъ, при С.-Петербургскомъ университетѣ состоитъ еще общество вспомоствованія недостаточнымъ студентамъ сего университета, учрежденное въ ноябрѣ 1873 года. Къ 1-му января 1879 года въ обществѣ числилось 799 членовъ. Комитетъ общества въ теченіе 1878 года имѣлъ 29 засѣданій. Главнымъ предметомъ его дѣятельности была выдача денежныхъ пособій въ видѣ ссудъ и внесенія платы за слушаніе лекцій. При опредѣленіи степени нужды просителей большую пользу оказывали комитету студенты, приглашаемые, какъ эксперты, для участія въ его засѣданіяхъ. Плата за слушаніе лекцій внесена была за 171 студента на сумму 4,122 руб. Плата вносилась или въ размѣрѣ 25 руб. за одно полугодіе, или же, смотря по надобности, въ количествѣ 15 руб. или 12 руб. 50 коп. Несмотря на то, что комитетъ относился къ выдачѣ ссудъ для взноса за слушаніе лекцій съ должною осмотрительностію и выдавалъ для этой цѣли ссуды только тогда, когда просителю было напередъ отказано ректоромъ и правленіемъ университета, но все-таки сумма, выданная въ 1878 году для уплаты за слушаніе лекцій, болѣе чѣмъ вдвое превосходитъ сумму, выданную на этотъ предметъ въ 1877 году. Денежныхъ пособій, въ теченіе года, по 762 прошеніямъ, было выдано на 9,442 руб.; всего такимъ образомъ ссудъ и пособій выдано обществомъ на 13,564 руб. Денежныхъ пожертвованій въ теченіе года отъ спектаклей, публичныхъ лекцій, съ обѣда 8 февраля и отъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ поступило всего 7,084 р. 65 коп. Сверхъ денежныхъ выдачъ, обществомъ производились также, хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ, пособія вещами, платьемъ и т. п.; семь петербургскихъ аптекъ доставляли лекарства или по уменьшеннымъ цѣнамъ, или же и вовсе бесплатно. Членскихъ взносов годовыхъ отъ 366 лицъ получено 2,240 руб. и пожизненныхъ отъ пяти лицъ 493 руб. 67 коп., всего 2,733 руб. 67 коп. Неприкосно-

венный капиталъ общества, образующійся изъ пожизненныхъ взносовъ членовъ, состоялъ въ 1878 году изъ 5,603 руб. 67 коп.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Начальныя училища Нижегородскаго, Ардатовскаго и Арзамаскаго уѣздовъ Нижегородской губерніи въ сентябрѣ и октябрѣ 1878 года.

Въ сентябрѣ и октябрѣ 1878 года директоръ народныхъ училищъ Нижегородской губерніи обозрѣлъ 32 начальныя народныхъ училища, которыя найдены въ слѣдующемъ положеніи:

Борисово-Шокровское одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія, въ Нижегородскомъ уѣздѣ. Личный составъ этого училища слѣдующій: попечитель училища мѣстный волостной старшина, законоучитель мѣстный священникъ изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, учитель прочихъ предметовъ—окончившій курсъ учительской семинаріи. Преподающіе получаютъ содержанія: законоучитель 50 руб., учитель 300 руб. въ годъ и пользуется помѣщеніемъ при училищѣ, состоящемъ изъ двухъ комнатъ и кухни. Помѣщеніе училища свѣтлое, удобное и теплое. Учащихся было 29, изъ нихъ 3 дѣвочки: въ старшемъ отдѣленіи 11, въ среднемъ 10, въ младшемъ 8, къ окончанію сельскихъ работъ ожидалось увеличеніе этого числа. Успѣхи учащихся по Закону Божію, благодаря особенному вниманію мѣстнаго преосвященнаго, найдены лучше прежняго, по прочимъ предметамъ успѣхи оказались удовлетворительными: ученики младшаго отдѣленія начали изучать звуки по методу Бунакова; ученики средняго отдѣленія выучились читать и писать по русски и читать по церковно-славянски, но переводятъ съ славянскаго на русскій еще плохо; ученики старшаго отдѣленія пересказывали прочитанное довольно толково, подѣ диктовку же писали мало; изъ ариметики разрѣшили они нѣсколько задачъ довольно бойко. Поютъ ученики плохо, но есть надежда, что дѣло это пойдетъ къ лучшему, благодаря заявленной вторымъ мѣстнымъ священникомъ готовности заняться съ учениками церковнымъ пѣніемъ бесплатно два раза въ недѣлю и сформировать изъ нихъ хоръ пѣвчихъ для церкви. Библіотека училища находится въ слѣдующемъ положеніи: въ фундаментальной библіотекѣ 62 книги на 42 руб. 96 коп., въ учительской книгъ 270 названій 339 томовъ на сумму 16 руб., учебныхъ пособій на 92 руб. 60 коп.,

и въ складѣ для продажи книгъ 189 экземпляровъ на 73 руб. 94 коп. По хозяйственной части обнаружены нѣкоторыя, немаловажные впрочемъ, недостатки, объ исправленіи которыхъ предложено мѣстному инспектору народныхъ училищъ.

Стексовское приходское училище. Открыто въ 1844 году и содержится на доходы, въ размѣрѣ четвертой части, съ базарной площади въ селѣ Стексовѣ, пожертвованные въ презнее время г. Сошниковымъ. Преподавателями состоятъ: Закона Божія мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи, прочихъ предметовъ, учитель, окончившій курсъ уѣзднаго училища и приобрѣвшій званіе сельскаго учителя. Жалованья они получаютъ: законоучитель 60 руб., учитель 240 руб. въ годъ и пользуется квартирою при училищѣ. Учащихся было до 40, но должно быть еще болѣе, такъ какъ ученики младшаго отдѣленія еще не всѣ поступили. Учитель сдѣлалъ ошибку, открылъ классы, не сформировавъ, какъ слѣдуетъ, младшаго отдѣленія и предположивъ начать занятія въ этомъ отдѣленіи не ранѣе, какъ всѣ ученики младшаго отдѣленія будутъ въ сборѣ. Поэтому директоръ предложилъ учителю назначать срокъ для приѣма учениковъ въ младшее отдѣленіе и не заставлять поступившихъ въ него ожидать занятій неопредѣленное время. Успѣхи по Закону Божию учениковъ старшаго и средняго отдѣленій болѣе или менѣе удовлетворительны: ученики отвѣчали о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ земной жизни Спасителя, но не знали подробностей объ ученіи Спасителя, на каковое упущеніе обращено вниманіе законоучителя. Одинъ изъ учениковъ не зналъ молитвы „Богородице Дѣво“, на что также обращено вниманіе, другой не зналъ имени Государя Императора, вслѣдствіе чего директоръ распорядился, чтобы, по примѣру прочихъ училищъ, имела членовъ царствующаго дома выставлены были за стекломъ въ особой рамѣ. Чтеніе механическое идетъ удовлетворительно, но ученики невѣрно дѣлаютъ ударенія; объяснительнымъ чтеніемъ занимались съ успѣхомъ; подъ диктовку пишутъ тоже удовлетворительно. Изъ ариѳметики ученики не знали мѣръ времени, устныя же задачи, особенно въ старшемъ отдѣленіи, рѣшаютъ бойко и вѣрно. По церковно-славянски упражнялись достаточно. По всему видно, что учитель занимался своимъ дѣломъ усердно. Училище помѣщается въ наемномъ домѣ, сравнительно удобномъ и свѣтломъ. Въ бібліотекахъ училища состоятъ: въ учительской книгъ 29 названій 43 тома на 27 руб. 31 коп., въ ученической 81 названіе 295 экземпляровъ 195 томовъ, на 104 руб. 61 коп. При училищѣ имѣется запасный капиталъ

до 600 руб., который мѣстнымъ обществомъ переданъ на храненіе одному изъ крестьянъ. О лучшемъ сохраненіи этого капитала и объ употребленіи его на постройку собственнаго для училища дома сдѣлано сношеніе съ Ардатовскимъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ.

Ардатовское уѣздное училище. Въ училищѣ этомъ состоятъ: штатный смотритель, законоучитель и учителя: русскаго языка, ариметики и геометріи, исторіи и географіи. Послѣдній изъ сихъ учителей откомандированъ для занятій въ Московскій учительскій институтъ и преподаваніе исторіи и географіи возложено на штатнаго смотрителя, бывшаго прежде учителемъ этихъ предметовъ; мѣсто учителя рисованія, черченія и чистописанія вакантно и преподаваніе ихъ распредѣлено между штатнымъ смотрителемъ и наличными преподавателями. Всѣ учителя имѣютъ право на занятіе своихъ должностей и занимаются усердно. Учениковъ имѣлось 65, изъ нихъ въ 1-мъ классѣ 21, во 2-мъ 25, въ 3-мъ 19. Учебная часть представляется въ слѣдующемъ видѣ: по Закону Божію ученики 3-го класса прошли изъ пространнаго катихизиса до 2-го члена Символа вѣры, ученики 2-го класса, изъ новозавѣтной исторіи, по руководству Попова,—до Крещенія Господня, ученики 1-го класса, изъ ветхозавѣтной исторіи по тому же руководству,—до жертвоприношенія Исаака. Сверхъ того ученики 2-го класса знакомились съ праздниками Господними и троцарями на праздники, а ученики 1-го класса повторяли главныя молитвы. На предложенные по Закону Божію вопросы ученики большею частію отвѣчали удовлетворительно. Къ сожалѣнію, о самомъ преподаваніи законоучителя нельзя дать удовлетворительнаго отзыва: законоучитель говоритъ тихо и усыпительно, рѣдко обращается съ вопросами къ ученикамъ, катехизаціей не занимается и отъ его методы преподаванія ученики мало развиваются. Зная твердо учебникъ, онъ не прибавляетъ отъ себя къ его содержанію ничего оживляющаго умъ и сердце. Его преподаваніе отличается сухостью, апатіей и старческою усталостью. Замѣна его другимъ, болѣе свѣжимъ педагогомъ была бы весьма желательна въ интересахъ учебнаго заведенія; къ сожалѣнію, въ Ардатовѣ въ данное время не имѣется лица, близко знакомаго съ преподаваніемъ Закона Божія, на сторонѣ же нынѣшняго законоучителя, по крайней мѣрѣ, опытность и знаніе учениковъ. По русскому языку ученики 1-го класса прошли разборъ простаго предложенія и объ имени существительномъ; ученики 2-го класса—склоненіе именъ существительныхъ по русскн и по славянски. Ученики 3-го класса—о согласованіи словъ, а по сла-

вянски—спраженіе глагола „быти“. Изъ обзорѣніи пройденнаго видно, что въ распредѣленіи грамматическаго матеріала нѣтъ строгой послѣдовательности. Замѣчаніе это получать еще болѣе значенія, если прибавить, что разборъ простаго предложенія ведется во всѣхъ трехъ классахъ почти одинаково, тогда какъ ученики 3-го класса должны бы имѣть дѣло съ разборомъ предложеній болѣе распространенныхъ и сложныхъ. Объясненіемъ этого положенія можетъ служить только то обстоятельство, что уроки по русскому языку въ училищѣ были въ самомъ началѣ, когда во 2-мъ и 3-мъ классахъ могло идти повтореніе. О такомъ распредѣленіи содержанія курса директоромъ народныхъ училищъ сообщено преподавателю русскаго языка и указано на необходимость въ дальнѣйшемъ веденіи курса исправить замѣченный недостатокъ въ преподаваніи этого языка. Преподаваніе русскаго языка во всѣхъ трехъ классахъ въ сравненіи съ прежнимъ временемъ лучше и толковѣе: ученики пишутъ довольно порядочно подѣ диктовку и занимаются объяснительнымъ чтеніемъ съ болѣшимъ противъ прежняго успѣхомъ. Преподавателю рекомендовано перемѣнить избранные имъ учебники для русскаго языка (Кирпичникова и Перевлѣскаго) на учебникъ Ушинскаго „Родное Слово“ (годъ 3-й), представляющій хорошее методическое руководство для самого преподавателя. На славянскій языкъ преподавателемъ обращено должное вниманіе: ученики 3-го класса переводили отрывокъ изъ Евангелія отъ Марка довольно сознательно. По географіи пройдено: въ 1-мъ классѣ понятіе о землѣ, странахъ свѣта, пяти океанахъ, пяти частяхъ свѣта, раздѣленіе суши на материкъ и острова; во 2-мъ географія Африки, въ 3-мъ географія Россіи: границы, пространство, горы и рѣки Европы. Изъ исторіи пройдено: во 2-мъ классѣ: по русской исторіи до Владиміра Мономаха, по всеобщей—исторія Греціи до Солона; въ 3-мъ классѣ: по русской исторіи до воцаренія династіи Романовыхъ, по всеобщей до Константина Великаго. Успѣхи учениковъ по исторіи удовлетворительны, по географіи слабѣе, что особенно замѣтно въ 3-мъ классѣ. Черченіе картъ ведется не правильно, такъ какъ ученики чертятъ ихъ безъ градусовъ; на это обращено вниманіе преподавателей. По ариѳметикѣ ученики 1-го класса занимались устнымъ и письменнымъ рѣшеніемъ задачъ и познакомились съ нумераціей по десятичной системѣ; во 2-мъ классѣ изучали числа первоначальныя и кратныя и признаки дѣлимости чиселъ, начали изучать дроби; въ 3-мъ классѣ по ариѳметикѣ прошли простое и сложное тройное правило, а по геометріи кубъ,

призму и конусъ. Успѣхи учащихся по ариѳметикѣ и геометріи хорошіе; учитель опытный, знающій и вполне добросовѣстный. Въ присутствіи директора народныхъ училищъ ученики 3-го класса разрѣшали 620-ю задачу изъ сборника Евтушевскаго на тройное правило. Преподаватель обратилъ при этомъ особенное вниманіе на анализъ задачи, заставилъ учениковъ опредѣлить вопросы, подлежащіе по сущности задачи рѣшенію и потомъ написать ея рѣшеніе въ строчкахъ. Способъ преподаванія его катехетическій, затрогивающій вниманіе цѣлаго класса. Тетради для рѣшенія ариѳметическихъ задачъ ведутся учениками, благодаря вниманію преподавателя, аккуратно и чисто и исправляются имъ тщательно. На урокъ геометріи ученики 3-го класса принесли геометрическія тѣла, сдѣланныя, подъ руководствомъ учителя, ими самими. По геометріи преподаваніе начинается пропедевтическимъ курсомъ, который продолжается два мѣсяца. Уроки чистописанія, черченія и рисованія, за немѣншіемъ постояннаго учителя, раздѣлены между штатнымъ преподавателемъ и двумя учителями. Чистописаніе и черченіе идутъ удовлетворительно, рисованіе же хуже, но все-таки лучше нежели въ другихъ училищахъ, гдѣ нѣтъ настоящаго преподавателя этихъ искусствъ; всѣ три учителя усвоили преподаваемое имъ директоромъ народныхъ училищъ обученіе чистописанію по темпамъ и исполняютъ свое дѣло съ полнымъ усердіемъ. На воспитаніе учениковъ обращено должное вниманіе: ученику за первый проступокъ, дѣлается выговоръ наединѣ, если онъ будетъ замѣченъ въ томъ же другой разъ, то ему дѣлается выговоръ въ присутствіи товарищей, въ третій разъ—при всѣхъ ученикахъ училища; серьезныя проступки вносятся въ кондуктныя списки, и за нихъ уменьшается отмѣтка въ поведеніи. Для ознакомленія родителей съ успѣхами и поведеніемъ учащихся, послѣднимъ чрезъ каждые два мѣсяца выдаются свидѣтельства, на которыхъ родители должны росписаться въ томъ, что читали ихъ. Если ученикъ не исправляется, то штатный смотритель вызываетъ родителей и дѣлаетъ имъ внушеніе, чтобы они помогли учебному заведенію въ исправленіи ихъ сына. Въ праздничные дни ученики, собравшись въ училищѣ, отправляются въ церковь въ сопровожденіи штатнаго смотрителя или одного изъ преподавателей; во время великаго поста говѣютъ и бываютъ у св. причащенія. Зданіе училища, истребленное бывшимъ въ іюнѣ 1877 года пожаромъ, возстановлено не вполне: отстроены лишь главный флигель, на что употреблено 3,466 руб. Положеніе училищной бібліотеки опредѣлить нельзя, за истребленіемъ пожаромъ каталоговъ и нѣкото-

рой части библиотечнаго имущества. Составленіе новыхъ каталоговъ, къ которому уже приступлено, потребуетъ не малаго времени, такъ какъ до пожара въ библиотекѣ считалось болѣе 600 названій книгъ на сумму 2,800 руб. и большая часть книгъ спасена.

Ардатовское приходское мужское начальное народное училище. Училище это, послѣ бывшаго въ Ардатовѣ въ іюнѣ 1877 года пожара, нѣсколько мѣсяцевъ было закрыто и еще въ октябрѣ 1878 года помѣщалось въ зданіи мѣстнаго уѣзднаго училища. Преподаваніемъ въ немъ занимаются: закона Божія окончившій курсъ духовной семинаріи, прочихъ предметовъ окончившій курсъ въ уѣздномъ училищѣ и приобрѣвшій званіе приходскаго училища. Жалованья они получаютъ: первый 60 руб., второй 200 руб. Учащихся состояло при осмотрѣ 83 мальчика, которые раздѣлены на три отдѣленія. Перерывъ въ занятіяхъ, вызванный пожаромъ, имѣлъ неблагопріятныя послѣдствія для состоянія училища въ учебномъ и воспитательномъ отношеніи: дѣти, долго не учившись, многое перезабыли и отвыкли отъ дисциплины, которая, по числу учащихся, требуетъ со стороны учителя многихъ заботъ. Но благодаря усердію, опытности и педагогическимъ свѣдѣніямъ преподавателей, познанія учениковъ вскорѣ должны возвыситься, и уже при ревизіи училища инспекторомъ ученики старшаго отдѣленія отвѣчали хорошо Символь вѣры и разказывали связано о событіяхъ новозавѣтной исторіи; ученики средняго отдѣленія читали хорошо по-русски и по-славянски и рѣшали задачи въ предѣлахъ 16-ти, а ученики младшаго отдѣленія прошли пять звуковъ; до пожара же успѣхи были гораздо лучше. Бывшая при училищѣ библиотека сгорѣла; ко времени осмотра училища приобрѣтено для ученической библиотеки книгъ 27 названій на 17 руб. 93 коп., для учительской 33 книги на 25 руб. 21 коп. Учебныхъ пособій училище не имѣетъ, и потому директоръ народныхъ училищъ вошелъ съ ходатайствомъ объ отпускѣ на этотъ предметъ 100 руб. изъ средствъ учебнаго округа, такъ какъ городское общество, по бѣдности, не въ состояніи ничего удѣлить.

Саконское одноклассное начальное народное училище министерства народнаго просвѣщенія. Село Саконь, Ардатовскаго уѣзда, въ которомъ находится это училище, отстоитъ въ 25-ти верстахъ отъ гор. Ардатова и принадлежитъ землевладѣльцу Дурново. Въ Саконяхъ считается 700 жителей, въ томъ числѣ до 200 дѣтей школьнаго возраста. Училище открыто въ октябрѣ 1877 г. и получаетъ на свое содержаніе: отъ министерства народнаго просвѣщенія 226 руб. и отъ земства

294 руб., всего 520 руб., которые распредѣлены слѣдующимъ образомъ: на жалованье учителю 300 руб., законоучителю 100 руб., служителю 48 руб., на библиотеку и учебныя пособія 32 руб., на дрова п освѣщеніе 40 руб. Есть нѣкоторая надежда, что средства училища въ недалекомъ будущемъ усилятся, благодаря изъявленному землевладѣльцемъ согласію принять на себя званіе попечителя училища. Преподаваніемъ въ училищѣ занимаются: Закона Божія мѣстный священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи, заслуживающій хорошаго о себѣ отзыва, не смотря на замѣченные директоромъ нѣкоторые педагогическіе промахи; прочихъ предметовъ—окончившій курсъ учительской семинаріи, могущій вести обученіе дѣтей съ успѣхомъ; ему недостаетъ еще опытности и практическаго умѣнья, которое, какъ нужно ожидать, онъ усвоитъ. Учащихся состояло на лицо 44, изъ нихъ въ среднемъ отдѣленіи 23, въ младшемъ 21, въ томъ числѣ 3 дѣвочки; старшее отдѣленіе не образовалось, за недавнимъ открытіемъ училища. Успѣхи учащихся оказались въ слѣдующемъ видѣ: ученики младшаго отдѣленія выучили нѣсколько звуковъ и читать еще не начали; способъ преподаванія звуковой, соединяющій письмо съ чтеніемъ: въ среднемъ отдѣленіи читаютъ по русски хорошо и прочли съ успѣхомъ нѣсколько статей при помощи объяснительнаго чтенія изъ Роднаго Слова (годъ 2-й); изъ Закона Божія ученики толково отвѣчали на всѣ предложенные имъ изъ священной исторіи новаго завѣта вопросы, какъ-то о рожденіи и крещеніи Спасителя, объ апостолахъ, о чудесахъ Спасителя и его страданіяхъ, крестной смерти, воскресеніи и вознесеніи на небо. Училище помѣщается въ собственномъ, недавно отстроеномъ домѣ, лучшемъ изъ домовъ министерскихъ училищъ въ Нижегородской губерніи; классная комната просторна, свѣтла и суха. Училище нуждается въ книгахъ, учебныхъ пособіяхъ и въ удобной классной мебели: въ фундаментальной библиотекѣ оказалось книгъ на 5 р. 37 коп., въ ученической на 66 руб. 28 коп. Впрочемъ, на устраненіе этихъ недостатковъ уже ассигновано 205 руб. изъ мѣстныхъ источниковъ, и все необходимое уже заказано.

Глуховское начальное народное училище въ селѣ Глуховѣ, Ардатовскаго уѣзда. Въ Глуховскомъ училищѣ ко времени приѣзда директора народныхъ училищъ, 30-го сентября, занятія, прерванныя 30-го апрѣля, еще не начинались. Директоръ, объяснивъ учителю всю важность своевременнаго открытія ученія, предложилъ ему на будущее время въ точности исполнять постановленія мѣстнаго училищнаго совѣта о прекращеніи мѣстныхъ вакацій 15-го сентября.

Преподаваніемъ въ училищѣ занимаются: Закона Божія священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи, получающій жалованья 36 руб. въ годъ; прочихъ предметовъ—учитель, окончившій курсъ уѣзднаго училища и приобрѣвшій званіе учителя приходскаго городскаго учителя; онъ получаетъ жалованья 200 руб. въ годъ и пользуется квартирой съ отопленіемъ. Учащихся въ 1877—78 учебномъ году было 30, въ томъ числѣ двѣ дѣвочки; изъ числа учениковъ пять окончили курсъ и получили право на льготу по воинской повинности. Изъ объясненій съ учителемъ оказалось, что онъ не заставляетъ учениковъ выучивать наизусть стихи, а для диктовки не имѣетъ никакого систематическаго курса.; посему директоромъ объяснено ему, въ чемъ заключается важность изученія наизусть хорошихъ стихотвореній и какой системѣ слѣдуетъ держаться въ обученіи дѣтей правописанію, при чемъ ему рекомендованы для руководства книги Пуцковича и Тихомирова. Въ училищныхъ бібліотекахъ оказалось книгъ: въ фундаментальной 43 названія 47 томовъ на 8 руб. 62 коп., въ ученической 69 названій 278 томовъ на 73 руб. 9 коп. Училище помѣщается въ собственномъ домѣ, построенномъ на земскія средства; помѣщеніе нѣсколько тѣсно.

Кременковское одноклассное начальное народное училище министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Кременкахъ, Ардатскаго уѣзда. Учащихся въ этомъ училищѣ 34 мальчика, изъ нихъ въ старшемъ отдѣленіи 10, въ среднемъ 15, въ младшемъ 9. Занимаются преподаваніемъ: закона Божія — мѣстный священникъ, прочихъ предметовъ—учитель, имѣющій званіе учителя городскаго приходскаго начальнаго училища; сверхъ того при училищѣ имѣется попечитель, мѣстный землевладѣлецъ. Преподающіе получаютъ жалованья: законоучитель 72 руб., учитель 260 руб. въ годъ и сверхъ того пользуется хорошей квартирой при училищѣ и десятиной земли, на которой въ 1878 году родился отличный хлѣбъ. Законоучитель, по болѣзни, вовсе не посѣщалъ училище съ послѣднихъ чиселъ ноября до конца декабря, а въ январѣ и февралѣ, по болѣзни же, являлся весьма несправно и при посѣщеніи классовъ обращалъ преимущественное вниманіе на учениковъ старшаго отдѣленія; по всему этому объемъ пройденнаго по закону Божию оказался весьма ограниченъ: ученики старшаго отдѣленія повторили по закону Божию молитвы, десять заповѣдей, изъ катихизиса три члена символа вѣры и по священноіи исторіи до крещенія Господня, и пройденное знаютъ порядочно; ученики средняго отдѣленія выучили четыре молитвы, младшаго—знаютъ

о сотвореніи міра. Преподаваніе учителя оказалось неудовлетворительно. Такъ, онъ обращается съ вопросомъ къ одному ученику и долго занимается съ нимъ, оставляя прочихъ безъ всякаго вниманія; заставляя учениковъ разграфить тетради, не замѣчалъ что они дѣлаютъ это неправильно; данный имъ, въ присутствіи директора народныхъ училищъ, урокъ обученія чтенія вышелъ очень плохъ; урокъ объяснительнаго чтенія показалъ, что учитель не умѣетъ вести такое чтеніе; тетради учениковъ содержатся небрежно и учитель ихъ не исправляетъ; лучше прочаго идетъ преподаваніе ариметики, но и въ этомъ учитель оказался не вполне состоятельнымъ, упустивъ изъ виду рѣшеніе задачъ въ строчкахъ. Въ виду такихъ слабыхъ сторонъ учителя, директоръ училищъ вошелъ съ ходатайствомъ о замѣнѣ этого учителя однимъ изъ окончившихъ курсъ въ правительственныхыхъ учительскихъ семинаріяхъ. Училище помѣщается въ собственномъ домѣ, теплою и свѣтлою. Училищныя бібліотеки содержатся въ порядкѣ и имѣютъ достаточное количество книгъ: въ фундаментальной бібліотекѣ ихъ имѣется 113 названій 152 экземпляра 184 тома на 57 руб. 14 коп. въ ученической 56 названій 316 экземпляровъ на 87 руб. 75 коп., въ складѣ книгъ имѣется 8 названій 426 экземпляровъ и столько же томовъ на сумму 191 руб. 30 коп., изъ которыхъ продано 22 экземпляра на 5 руб. 73 коп.; учебныхъ пособій находится на 36 руб.

Арзамасское городское двухклассное училище, преобразованное изъ мѣстнаго уѣзднаго, по положенію 1872 года открыто 25-го сентября 1878 года. Сформировавшійся личный составъ его слѣдующій: завѣдывающій училищемъ — кончившій курсъ въ С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ, бывшій уже преподавателемъ городского двухкласснаго училища въ Верхнедѣпровскѣ, Екатеринославской губерніи; второй учитель — состоявшій учителемъ въ Семеновскомъ городскомъ училищѣ и приобрѣвшій отъ Московскаго учительскаго института званіе учителя городского училища; законоучитель — занимавшій такую же должность въ бывшемъ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи. Учащихся при открытіи училища поступило 91, изъ нихъ принято въ 3-е отдѣленіе 1-го класса 51, въ 4-е отдѣленіе того же класса 40; второй классъ долженъ открыться въ 1879 году. Одновременно съ открытіемъ училища начато и обученіе пѣнію, для чего приглашенъ и особый преподаватель. Плата за ученіе, съ утвержденія начальства Московскаго учебнаго округа, опредѣлена по 3 руб. въ годъ съ ученика. Дирек-

торомъ народныхъ училищъ прослушаны были, въ теченіе недѣли, съ цѣлю ознакомленія съ преподаваніемъ, слѣдующіе уроки: изъ геометріи—о призмѣ, изъ русской исторіи—о принятіи Владиміромъ Святѣмъ христіанской вѣры, изъ русскаго языка—разборъ распространеннаго предложенія, изъ естественной исторіи—сравненіе лошади и коровы, изъ географіи—о горизонтѣ, изъ исторіи—о Славянахъ, кромѣ того онъ присутствовалъ при занятіяхъ учениковъ рисованіемъ и чистописаніемъ. Въ общемъ преподаваніе оказалось удовлетворительнымъ, и есть основаніе надѣяться, что преподаватели поведутъ дѣло съ усиліемъ. Библіотеки фундаментальная и ученическая, переданныя изъ упраздненнаго уѣзднаго училища, заключаютъ въ себѣ книгъ 685 названій 1,769 томовъ на сумму 4,117 рублей. Домъ бывшаго уѣзднаго училища, приспособленный къ потребностямъ городскаго училища на столько, что въ немъ можно было открыть это послѣднее, будетъ окончателно приведенъ въ должный порядокъ въ 1879 году городскимъ обществомъ, согласно данному имъ на это обязательству.

Владимірское приходское училище въ г. Арзамасѣ. Преподаваніемъ въ училищѣ занимаются: закона Божія мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи, прочихъ предметовъ—окончившій курсъ уѣзднаго училища и пріобрѣтшій званіе учителя городскаго приходскаго училища. Жалованья они получаютъ: законоучитель 72 р., учитель 272 руб. Учащихся состояло 59, изъ нихъ въ старшемъ отдѣленіи 12, въ среднемъ 25, въ младшемъ 22. Въ предыдущіе годы число это доходило до 80-ти, и уменьшилось съ открытіемъ въ 1877 году по сосѣдству новаго училища. Успѣхи учениковъ старшаго и средняго отдѣленій по закону Божію, ариметикѣ и русскому языку вполне удовлетворительны: въ младшемъ отдѣленіи пройдено 20 звуковъ и ученики начали разбирать составленныя изъ нихъ слова: звуковой методъ понятъ учителемъ хорошо; подъ диктовку ученики пишутъ тоже хорошо и умѣютъ разказывать содержаніе прочитанныхъ ими статей; на церковно-славянскій языкъ обращено должное вниманіе. Библіотечное имущество содержится въ порядкѣ; въ фундаментальной библіотекѣ находится книгъ 58 названій, 63 экземпляра, 92 тома, всего на 63 руб. 70 коп., въ ученической 465 экземпляровъ на 178 руб. 23 коп. Училище помѣщается въ наемномъ домѣ, помѣщеніе свѣтлое, теплое и просторное; классная обстановка мало удовлетворительна.

Рождественское мужское начальное народное училище въ г. Арзамасѣ открыто въ февралѣ 1877 г. Преподаваніемъ въ этомъ учи-

лицѣ занимаются: закона Божія тотъ же священникъ, который преподаетъ въ Владимірскомъ приходскомъ училищѣ (см. выше); прочихъ предметовъ—учитель, вышедшій изъ 2-го класса духовной семинаріи и пріобрѣвшій званіе учителя начального народнаго училища. Жалованья они получаютъ: первый 72 руб., второй 252 руб. Учащихся состояло 77, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи 16, въ среднемъ 35, въ младшемъ 26. Успѣхи учащихся представляются въ слѣдующемъ видѣ: ученики младшаго отдѣленія прошли 18 звуковъ по руководству Бунакова и пройденное усвоили толково, ариѳметикой еще не занимались, потому что все вниманіе учителя сосредоточено на звуковомъ методѣ обученія грамотѣ; ученики средняго и старшаго отдѣленій читаютъ по русски и по славянски удовлетворительно, но къ разказу прочитаннаго еще мало пріучены; подѣ диктовку пишутъ удовлетворительно; по ариѳметикѣ ученики старшаго отдѣленія разрѣшаютъ задачи на вычитаніе и знакомятся съ нумераціей, въ среднемъ—рѣшаютъ задачи въ предѣлахъ 20-ти; успѣхи по закону Божию вообще удовлетворительны. Училище помѣщается въ наемномъ домѣ, классная комната высокая и свѣтлая, классная обстановка удовлетворительная. Къ сожалѣнію, при домѣ не имѣется двора для прогулки учениковъ въ промежутки между уроками. Библиотечный матеріалъ находится въ слѣдующемъ положеніи: въ фундаментальной библиотекѣ—11 книгъ на 7 руб. 17 коп., въ ученической—21 названіе 204 тома на 86 р. 77 коп. Такое незначительное количество книгъ объясняется недавнимъ открытіемъ училища.

Рождественское женское начальное народное училище въ гор. Арзамасѣ. Училище это открыто одновременно съ Рождественскимъ мужскимъ училищемъ и помѣщается въ одномъ съ нимъ домѣ. Помѣщеніе училища свѣтлое, теплое и было бы вполне удовлетворительно, еслибы число дѣвочекъ, бывшее при открытіи около 40, не увеличилось до 60. Поэтому невозможно было болѣе размѣстить ученицъ въ одной комнатѣ, и онѣ занимаютъ двѣ комнаты, раздѣленныя между собою двумя другими комнатами. Выходитъ такъ, что если учительница сидитъ въ одномъ отдѣленіи, то другое въ это время остается безъ надзора. Объ устраненіи такого важнаго неудобства—прибавленіемъ одной комнаты или опредѣленіемъ второй учительницы—директоръ народныхъ училищъ вошелъ въ сношеніе съ мѣстнымъ городскимъ головою, который общалъ всевозможное съ его стороны содѣйствіе. Преподаваніемъ въ училищѣ занимаются: закона Божія — мѣстный священникъ, окончившій курсъ въ духовной семи-

наріи, прочихъ предметовъ—окончившая курсъ женской прогимназіи и пріобрѣвшая званіе учительницы начальнаго народнаго училища. Они получаютъ жалованья: законоучитель 48 руб., учительница 120 р. Учащихся было 64 дѣвочки, которыя раздѣлены на два отдѣленія: среднее—въ коемъ было 29 и въ младшемъ 35; старшаго не существовало: хотя въ это отдѣленіе и перешли четыре ученицы, но двѣ изъ нихъ за болѣзнію прекратили посѣщеніе школы, а двѣ другія перешли въ мѣстную женскую прогимназію. По закону Божію ученицы на предложенные имъ вопросы отвѣчали толково. При преподаваніи закона Божія принято за правило сначала пройти ветхозавѣтную исторію, а затѣмъ новозавѣтную, дабы прообразы ветхозавѣтныя получили настоящій смыслъ и оправданіе въ исторіи новозавѣтной и чтобы между всѣми событіями священной исторіи была проведена строгая богословская мысль. Съ такимъ мнѣніемъ законоучителя директоръ народныхъ училищъ не могъ, однако, согласиться, имѣя въ виду, что ученицы часто выбываютъ изъ училища, не окончивъ курса, а между тѣмъ желательно, чтобы и такія ученицы выходили съ необходимыми для каждаго христіанина знаніями изъ новозавѣтной исторіи. Успѣхи ученицъ по русскому языку и ариѳметикѣ достаточны: младшія ученицы прошли десять звуковъ и могли читать и писать слова, составленныя изъ этихъ звуковъ; звуковой методъ обученія изученъ преподавательницею довольно основательно; анализъ разобранныхъ словъ дѣлался внимательно; въ среднемъ отдѣленіи ученицы хорошо читали по русски и по славянски, но для изученія наизусть выбраны были стихотворенія довольно трудныя, какъ напримѣръ „Эхо“ Пушкина, поэтому учительницѣ предложено относиться строже къ выбору стихотвореній для этой цѣли. Въ училищныхъ бібліотекахъ оказалось: въ фундаментальной 9 книгъ, а въ ученической 282. Каталогъ найденъ неисправнымъ, что поставлено на видъ учительницѣ.

Троицкое мужское начальное училище въ гор. Арзамасѣ. Преподаваніемъ въ этомъ классѣ занимаются: закона Божія мѣстный священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи, недавно поступившій законоучителемъ и не успѣвшій еще близко ознакомиться съ педагогической стороною дѣла, но человѣкъ толковый и занимается своимъ предметомъ усердно; прочихъ предметовъ учитель, изъ учениковъ духовной семинаріи, пріобрѣвшій званіе учителя городскаго приходскаго училища, опытный и знающій преподаватель. Сверхъ того, въ виду значительнаго числа учащихся, при училищѣ имѣется

помещеникъ учителя, окончившій курсъ въ уѣздномъ училищѣ и приобрѣвшій званіе учителя начального училища. Учащихся состоитъ 108, изъ нихъ въ старшемъ отдѣленіи 22, въ среднемъ 47, въ младшемъ 39. Успѣхи учениковъ по русскому языку и ариметикѣ хороши, но грамотѣ еще не опредѣлились: ученики, занимающіеся у немощнаго учителя, знаютъ еще очень мало. На урокъ закона Божія законоучитель разсказывалъ довольно плохо; съ катехизаціей онъ вовсе незнакомъ и, подобно законоучителю предыдущаго Рождественскаго женскаго училища, совершенно ошибочно смотритъ на способъ преподаванія священнои исторіи ветхозавѣтной въ начальномъ школь. Поэтому прообразы у него являются на первомъ планѣ, педагогическая же точка зрѣнія отодвигается имъ на второй планъ. Законоучителю передано, что всего удобнѣе въ начальномъ народномъ училищѣ обученіе закона Божія распределить по концентрическимъ курсамъ, которые дадутъ возможность начинать преподаваніе по всѣмъ частямъ закона Божія (молитву, свящ. исторію, катехизисъ и богослуженіе) съ перваго же года и въ каждомъ отдѣленіи сообщать ученикамъ, соотвѣтственно ихъ возрасту, необходимыя свѣдѣнія изъ всѣхъ отдѣловъ по каждому предмету. Образцомъ такою учебника указана книга Д. Соколова „Начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ“, употребляемая почти во всѣхъ начальныхъ школахъ Московскаго учебнаго округа. Училище помещается въ собственномъ домѣ, классная комната въ которомъ свѣтлая, просторная и теплая. Учащіеся отличаются хорошей дисциплиной; подъ руководствомъ учителя они обучаются гимнастикѣ. Библиотека училища содержится въ порядкѣ; въ фундаментальной имѣется книгъ 153 экземпляра, 190 томовъ на 118 руб. 27 коп., въ учебической 475 экземпляровъ, 546 томовъ на 167 руб. 9 коп.

Троицкое женское начальное училище въ гор. Арзамасѣ. Училище это открыто въ 1876 году и помещается въ одномъ домѣ съ мужскимъ; помещеніе удобное, свѣтлое и чистое. Преподаваніемъ закона Божія занимается мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи; онъ мало обращаетъ вниманія на ученіе Спасителя, и ученицы его ни о любви къ Богу, ни о любви къ ближнему ничего не знаютъ; онъ выразилъ, впрочемъ, надежду пополнить этотъ пробѣлъ въ теченіе года. Преподаваніемъ прочихъ предметовъ занимается учительница, окончившая курсъ въ духовномъ женскомъ училищѣ; она занимается съ ученицами усердно, но мало опытная преподавательница и еще видимо затрудняется веденіемъ своей части сош, отд. 4.

его дѣла. Преподающіе получаютъ содержаніе: законоучитель 48 руб., учительница 120 руб. въ годъ и квартиру при училищѣ. Учащихся состояло всего 53 дѣвочки, изъ нихъ въ старшемъ отдѣленіи 13, въ среднемъ 15, въ младшемъ 25. Познанія ученицъ обнаружались въ слѣдующемъ: такъ какъ уроки по закону Божію начались незадолго до осмотра училища, то ученицы прошли вновь только о сотвореніи міра и блаженной жизни Адама и Евы въ раю; пройденное въ послѣднемъ году знали, но старое требовало повторенія; въ среднемъ и старшемъ отдѣленіяхъ ученицы выучились читать по-русски и по-славянски и занимались достаточно объяснительнымъ чтеніемъ; по арифметикѣ успѣхи не выше посредственныхъ.

Кирилло-Меодіевское мужское училище въ гор. Арзамасѣ. Преподаваніемъ въ этомъ училищѣ занимаются: закона Божія мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи и получающій жалованья 120 руб. въ годъ, включая въ этотъ окладъ и жалованье за уроки закона Божія въ мѣстномъ женскомъ Кирилло-Меодіевскомъ училищѣ; прочихъ предметовъ приобрѣвшій званіе учителя городского приходскаго училища и получающій жалованья 250 руб. въ годъ. По успѣхамъ учащихся, это училище оказалось ниже другихъ Арзамасскихъ училищъ. Принимая во вниманіе сравнительно незначительное число учащихся, которыхъ всего 46, лучшіе успѣхи по закону Божію въ Кирилло-Меодіевскомъ женскомъ училищѣ, въ которомъ преподаетъ тотъ же самый законоучитель, и положительное знаніе учителемъ арифметики, которую онъ въ теченіе года преподавалъ въ Ардатовскомъ уѣздномъ училищѣ, трудно объяснить низкій уровень знаній учащихся въ Кирилло-Меодіевскомъ мужскомъ училищѣ. Зависѣлъ ли онъ отъ тихаго и робкаго характера учителя, отъ его неумѣнья поддерживать дисциплину, необходимую для правильного хода учебныхъ занятій, зависѣлъ ли отъ недостаточнаго обращенія въ минувшемъ году вниманія на младшее и среднее отдѣленія, дабы, подобно многимъ другимъ училищамъ, во что бы ни стало, представить болѣе кандидатовъ на полученіе аттестатовъ, дарующихъ льготы по воинской повинности, или отъ какихъ либо другихъ причинъ, это осталось невыясненнымъ. Совокупность всѣхъ этихъ причинъ, можетъ быть, повліяла на положеніе учебнаго дѣла въ училищѣ. По закону Божію сдѣлана была та ошибка, что законоучитель въ старшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ проходилъ одно и то же—заповѣди и молитвы; по чтенію замѣчено, что ученики не приучены произносить читаемое громко и внятно; звуковой методъ ус-

волею самими учителями еще не исполнѣнъ; почему изученіе грамоты идетъ какъ-то тихо. Кромѣ ариметики, ни одинъ предметъ не идетъ удовлетворительно. Такое положеніе учебнаго дѣла вынудило директора народныхъ училищъ сдѣлать нѣкоторыя наставленія учителю, который занимается своимъ дѣломъ съ любовью, и есть надежда, что наставленія эти приведутъ къ удовлетворительнымъ результатамъ. Помѣщеніе училища было бы исполнѣнъ удобно, если бы бывшая перегородка въ классной комнатѣ, оставшаяся доселѣ у потолка, не мѣшала звуку голоса равномерно распространяться по всей комнатѣ. Недостатокъ этотъ, къ сожалѣнію, не легко устранить, такъ какъ оставшаяся часть перегородки составляетъ балку, поддерживающую потолокъ, уничтоженіе которой можетъ повлечь за собою паденіе потолока. Въ бібліотекахъ училища оказалось книгъ: въ фундаментальной 25 названій 27 томовъ на 30 руб. 59 коп., въ ученической: 352 названія, 378 тома на 149 руб. 74 коп. Въ числѣ книгъ фундаментальной бібліотеки оказалось нѣсколько лишнихъ книгъ, безъ которыхъ можно легко обойтись учителю, и вмѣстѣ съ тѣмъ недостаетъ нѣкоторыхъ болѣе серьезныхъ и необходимыхъ. Узнавъ, что книги для бібліотекъ Арзамасскихъ училищъ приобрѣтаются на общественныя деньги, по указаніямъ учителей и рѣшенію городской думы, директоръ народныхъ училищъ обратился въ думу, чтобы списки, предназначаемые къ выпискѣ книгъ и сочиненій, предварительно покупки, присылались къ нему, директору, или мѣстному инспектору народныхъ училищъ.

Кирилло-Меѳодіевское женское училище въ гор. Арзамасѣ. Оно помѣщается въ одномъ домѣ, рядомъ съ мужскимъ училищемъ того же названія. Помѣщеніе это исполнѣнъ неудобно: ученицы помѣщены въ тѣсной комнатѣ и такъ плотно, что между столами, за которыми онѣ сидятъ, еще возможно пройти, но впереди столовъ вовсе нѣтъ мѣста для учительницы; рядомъ съ этою комнатою имѣется другая, пустая, но соединить эти комнаты оказывается невозможнымъ, такъ какъ ихъ раздѣляетъ капитальная стѣна. Объ устраненіи такихъ неудобствъ помѣщенія сдѣлано сношеніе съ городской думой. Преподаваніемъ занимаются: заковъ Божія—законоучитель Кирилло-Меѳодіевскаго мужскаго училища, прочихъ предметовъ—учительница, окончившая курсъ въ женской прогимназій и получающая жалованья по 120 руб. въ годъ. Учащихся состояло 53, изъ нихъ въ младшемъ от-

дѣленіи 24, въ среднемъ 16, въ старшемъ 13. Познанія ихъ, оказавшіяся высшими сравнительно съ познаніями учащихся мѣстнаго мужскаго училища, выразились въ слѣдующемъ: по закону Божию младшіяу ченицы знаютъ очень мало—могли дать лишь объясненія о крестномъ знаменіи; но въ старшемъ отдѣленіи нѣкоторыя очень толково стумѣли пересказать о страданіяхъ Спасителя, его смерти, воскресеніи и вознесеніи на небо. По русскому языку: ученицы младшаго отдѣленія прошли девять звуковъ; ученицы средняго отдѣленія читаютъ очень хорошо, но произносятъ вслухъ слова очень тихо; послѣ прочтенія 2-й книжки Роднаго Слова онѣ принимаютъ за Дѣтскій Міръ Ушинскаго; ученицы старшаго отдѣленія выучили наизусть нѣсколько стихотвореній, вещественный разборъ которыхъ сдѣланъ былъ учительницею внимательно, перескавъ же прочитаннаго страдаетъ непониманіемъ какъ вести это упражненіе, которымъ обыкновенно заканчивается такъ называемое объяснительное чтеніе. Изъ ариметики, по соглашенію съ учительницею, задачи были въ старшемъ отдѣленіи и даны изъ сборника Ентушевскаго; ученицы рѣшили ихъ и объясняли удовлетворительно. Библіотека училища, за недавнимъ открытіемъ его, невелика: въ фундаментальной бібліотекѣ книгъ 25 названій, 30 томовъ на 21 руб. 81 коп., въ ученической 31 названіе, 239 томовъ на 91 руб. 75 коп. Способъ пополненія бібліотекъ въ этомъ училищѣ такой же, какъ и въ предъидущемъ.

Ильинское приходское мужское училище въ гор. Арзамасѣ. Это одно изъ лучшихъ училищъ въ городѣ. Оно имѣетъ свой собственный домъ, деревянный, внутри оштукатуренный, въ которомъ классная комната свѣтлая и просторная; при домѣ довольно просторный дворъ, на которомъ дѣти въ хорошую погоду прогуливаются въ промежутки уроковъ. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи, получающій жалованья 72 руб., прочихъ предметовъ учитель, кончившій курсъ уѣзднаго училища и пріобрѣтшій званіе учителя приходскаго городскаго училища, жалованья получаетъ 252 руб. въ годъ; оба они занимаются преподаваніемъ съ замѣчательнымъ усердіемъ. Учащихся имѣлось 75, изъ нихъ въ младшемъ отдѣленіи 25, въ среднемъ 35, въ старшемъ 15. Познанія и успѣхи ихъ выразились въ слѣдующемъ: ученики младшаго отдѣленія прошли 11 звуковъ, пройденное усвоили вполне толково, и со всѣми упражненіями, необходимыми для правильнаго знакомства съ

звуковымъ способомъ изученія грамоты достаточно ознакомлены; въ среднемъ отдѣленіи ученики читали по церковно-славянски о сошествіи св. Духа и изъ Дѣяній апостольскихъ и переводили прочитанное хорошо. Объяснительное чтеніе понято учителемъ нѣсколько обширнѣе, тѣмъ оно можетъ проходиться въ первоначальной школѣ; на примѣръ: учитель въ старшемъ отдѣленіи указываетъ ученикамъ на сколько частей можетъ быть раздѣлена статья для удобнѣйшаго усвоенія ея смысла, и объясняетъ взаимное отношеніе частей; тѣмъ не менѣе содержаніе прочитаннаго нечерпывается учениками вполне, и они не охватываютъ и болѣе существенныя стороны объяснительнаго чтенія, — вещественный разборъ; пересказъ прочитаннаго и т. п. Письменные работы ведутся учениками и исправляются учителемъ весьма аккуратно. По примѣривъ ученики старшаго отдѣленія рѣшили вполне удовлетворительно предложенную задачу; большинство ихъ разрѣшили правильно, а одинъ ученикъ обнаружилъ при этомъ замѣчательную смѣтливость. По закону Божію: ученики отвѣчали толково на предложенные имъ вопросы и высказали близкое знакомство съ евангеліемъ какаго директоръ дотошъ не встрѣчалъ въ училищахъ: ученики, на примѣръ, знаютъ наизусть многія мѣста изъ нагорной провѣди Спасителя, кромѣ того, передаютъ содержаніе ученія Спасителя вполне сознательно, своими словами. На вопросъ законоучителю: не затрудняетъ ли онъ учениковъ, заставляя заучивать евангельскій текстъ, онъ отвѣтилъ, что ученики сами дѣлаютъ это охотно. Тѣмъ не менѣе, директоръ счелъ нужнымъ замѣтить, что хотя такое знаніе несомнѣнно полезно, однако оно не требуется и должно быть отдано на волю учащихся. Библіотеки находятся въ слѣдующемъ положеніи: въ фундаментальной библіотекѣ книгъ 102 названія, 105, томовъ 118 экземпляровъ на сумму 103 руб., въ ученической 112 названій, 495 томовъ 445 экземпляровъ на 173 руб. 76 коп., учебныхъ пособій на 13-руб. 15 коп. Каталоги библіотекъ и журналовъ найдены въ порядкѣ.

Выѣздно-Слободское мужское начальное народное училище, находящееся въ с. Выѣздной Слободѣ, близъ Арзамаса. Преподавателями состоятъ: закона Божіа священникъ мѣстной церкви, прочихъ предметовъ окончившій курсъ въ уѣздномъ училищѣ и пріобрѣтшій знаніе сельскаго учителя. Они получаютъ жалованье: законоучитель 50 руб., учитель 200 руб. Учащихся 80, изъ нихъ: въ старшемъ от-

дѣленіи 16, въ среднемъ 26, въ младшемъ 40. Въ учебномъ отноше-
ніи училище не выше посредственныхъ. Это объясняется многолюд-
ностію учащихся, превышающею нормальное число ихъ для селѣ од-
ного учителя, недостаточною педагогическою подготовкою обѣихъ пре-
подавателей и недостаточно-внимательнымъ отношеніемъ ихъ въ дис-
циплинѣ учениковъ, которая не можетъ быть названа удовлетвори-
тельною. Успѣхи учащихся незначительны: въ младшемъ отдѣленіи
ученики знаютъ что такое молитва, какъ складывать крестное зна-
меніе, молитву „Царю Небесный“ и, кромѣ того, четыре звука; въ
среднемъ читаютъ плохо, дѣлаютъ невѣрные ударенія, а изъ ариме-
тики рѣшаютъ задачи въ предѣлахъ 15-ти; въ старшемъ отдѣленіи
ученики рѣшаютъ задачи въ предѣлахъ 40; пересказать прочитанное
не умѣютъ, даже въ старшемъ отдѣленіи. Тетради учениковъ содер-
жатся и учителямъ просматриваются небрежно; много, впрочемъ, нельзя
и ожидать при значительномъ числѣ учениковъ. Для возможнаго улуч-
шенія учебной части, директоръ народныхъ училищъ предложилъ учи-
телю не принимать болѣе 60-ти учениковъ, указать ему на необхо-
димость заняться внимательнѣе дисциплиной, въ той мѣрѣ, какъ она
введена въ нѣкоторыхъ другихъ школахъ, и передалъ ему тѣ педа-
гогическія замѣчанія, которыя относились къ его преподаванію. Учи-
лище помѣщается въ каменномъ домѣ, который, благодаря заботамъ
непечителя училища, находится въ хорошемъ положеніи; въ этомъ же
домѣ помѣщается и женское начальное училище. Въ библиотекѣ
находится книгъ: въ фундаментальной 70 названій, 73 экземпляра на
сумму 48 р., въ ученической 146 названій, 162 экземпляра на 52 руб.

Выѣздно-Слободское женское начальное народное училище,
находящееся въ томъ же селѣ, гдѣ и предыдущее. Въ училищѣ
этомъ состоятъ преподавателями: законъ Божій имѣющій священникъ
окончившій курсъ духовной семинаріи, получаетъ жалованья 25 руб.
прочихъ предметовъ имѣющая званіе начальной народной учитель-
ницы, получаетъ жалованья 120 руб. Учащихся состояло 65 дѣво-
чекъ, изъ нихъ въ старшемъ отдѣленіи 15, въ среднемъ 22, въ млад-
шемъ 28. Несмотря на сравнительно-значительное число учащихся, и
на то, что законоучитель, вслѣдствіе болѣзни, вынужденъ бываетъ иногда
пропускать уроки, а учительница еще не можетъ быть названа опыт-
ною преподавательницею, это училище, въ учебномъ отношеніи, сто-
итъ значительно выше мужскаго того же названія училища. Учитель-

ница ведетъ объяснительное чтеніе толково и понимаетъ его сущность; ученицы читаютъ и пишутъ удовлетворительно, передаютъ прочитанное; также и по ариѳметикѣ сдѣлали видимые успѣхи. Въ присутствіи директора ученицы рѣшили задачи изъ сборника Евтушевскаго: и учительница и ученицы показали, что понимаютъ, какъ взяться за рѣшеніе задачъ. По закону Божію ученицы отвѣчали о главныхъ событіяхъ земной жизни Спасителя и объ ученіи его удовлетворительно. Помѣщеніе класса просторное и свѣтлое. Библіотеки училища очень незначительны: въ фундаментальной бібліотекѣ 8 книгъ на 1 руб. 90 коп., въ ученической 166 на 45 руб. 30 коп.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

I.

Новый президентъ французской республики вручилъ портфель министерства народнаго просвѣщенія г. Жюлю Ферри, который былъ до сего времени адвокатомъ, однимъ изъ редакторовъ газеты Тетрз, а затѣмъ при г. Тьерѣ занималъ короткое время должность посланника въ Афинахъ. Онъ былъ всегда политическимъ человѣкомъ и нисколько не соприкасался съ нашимъ педагогическимъ міромъ. Утверждаютъ, что онъ намѣренъ осуществить многія важныя реформы, — такъ, на примѣръ, народное обученіе будетъ сдѣлано обязательнымъ, подвергнется пересмотру законъ, предоставляющій право католическимъ университетамъ раздавать ученыя степени, и будетъ ослаблено вліяніе, которымъ католическое духовенство пользуется въ высшемъ совѣтѣ народнаго просвѣщенія. Г. Ферри поспѣшилъ сдѣлать нѣсколько новыхъ назначеній: г. Ватвилль, директоръ отдѣленія наукъ и литературы въ министерствѣ, уволенъ въ отставку, г. Греаръ, за вѣдывавшій народнымъ образованіемъ въ Сенскомъ департаментѣ, назначенъ ректоромъ (попечителемъ) Парижской академіи, а прежнее его мѣсто занялъ г. Бюиссонъ, авторъ педагогическаго словаря. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что начальникомъ канцеляріи новаго министра назначенъ хорошо извѣстный русскимъ читателямъ профессоръ словеснаго факультета въ Нанси г. Альфредъ Рамбо.

Не такъ давно сообщалъ я вамъ, что въ Парижѣ образовалось новое общество, которое поставило себѣ задачею изученіе вопросовъ

касающагося высшего преподаванія; президентомъ его состоитъ г. Лабурэ, а вице-президентомъ: отдѣла наукъ — г. Жаме, отдѣла филологій — г. Вюффуръ и отдѣла медицинскаго — докторъ Лефоръ, секретаремъ — г. Лависсъ, профессоръ главной нормальной школы. Недавно это общество выдало интересный сборникъ, въ которомъ останавливаются на себѣ вниманіе статьи объ университетахъ Боннскомъ, Геттингенскомъ и Гейдельбергенскомъ, объ юридическихъ факультетахъ въ Австрійскихъ университетахъ, о состояніи высшихъ учебныхъ заведеній въ Вельрин, Голландіи и Англіи и, наконецъ, статья г. Лависсы о состояніи такихъ же учебныхъ заведеній во Франціи въ 1878 году. Эта послѣдняя статья начинается разборомъ отчета министра народнаго просвѣщенія, о которомъ я говорилъ въ предшествовавшемъ своемъ письмѣ, и сравниваетъ его съ отчетомъ 1868 года г. Дюрри, а затѣмъ авторъ рассматриваетъ, какія реформы могли бы быть произведены ни въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ничего не будетъ сдѣлано до тѣхъ поръ, говоритъ онъ, пока вмѣсто слушателей не будутъ они ни въ студентовъ. Необходимо, чтобы преподаваніе профессоромъ отличалось чисто научнымъ характеромъ и чтобы число лекцій было увеличено, но возможно ли это послѣднее условіе при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ? Г. Лависсъ доказываетъ, что въ настоящее время французскіе профессора слишкомъ отягощены отъ преподаванія экзаменами и различными другими обязанностями, лежащими на нихъ; для примѣра онъ беретъ наиболѣе трудолюбиваго изъ нашихъ профессоромъ г. Фюстель-Куданжа и высчитываетъ, что изъ 286 учебникъ дней онъ, при всемъ добромъ желаніи, можетъ посвятить только 154 собственно преподаванію. Г. Лависсъ справедливо удивляется тому благотворному вліянію, которое въ Германіи университеты оказываютъ на общественную жизнь, и желаетъ бы того же самаго и для насъ. Многіе озабочены теперь у насъ начальнымъ образованіемъ, но — по замѣчанію г. Лависсы — и его успѣхи находятся въ непосредственной зависимости отъ успѣховъ преподаванія университетскаго. „Въ средѣ высшихъ учебныхъ заведеній, говоритъ г. Лависсъ, развивается тотъ научный духъ, который не довольствуется лишь поверхностными знаніями; отсюда проникаетъ онъ, освѣщая все своимъ свѣтомъ, въ область образованія средняго и начальнаго, или непосредственно — путемъ подготовки преподавателей для лицеевъ и коллегіумовъ, или посредственно — путемъ книгъ и руководствъ. Для процвѣтанія начальныхъ школъ необходимо.

чтобы тотъ учебный матеріалъ, который входитъ въ нее программу, былъ тщательно подготовленъ для этихъ людей науки. Если не мало нелѣпныхъ способовъ преподавать исторію, географію и грамматику, какъ свидѣтельствуютъ о томъ различныя учебники этихъ предметовъ, но и учебники быстро совершенствуются тамъ, гдѣ высшее преподаваніе не находится въ застоѣ; успѣхи его тотчасъ же и самымъ благотворнымъ образомъ отражаются какъ на среднѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и на народныхъ школахъ.

На дняхъ появился у насъ первый томъ статистики начальнаго образованія съ предисловіемъ вѣрнаго ученаго г. Девассера. Въ этой книгѣ содержится не мало интересныхъ свѣдѣній. Во время ревизіи, происходившей во Франціи въ 1876 году, оказалось дѣтей 6—13 лѣтняго возраста 4.509,894, изъ коихъ 2,278,295 мальчиковъ и 2.224,599 дѣвочки; начальныхъ школъ всѣхъ разрядовъ было тогда 71,547, въ томъ числѣ 9,355 совершенно даровыхъ. Мужскихъ школъ находилось 25,418, женскихъ 29,126, обоюго пола 17,003; цифра свѣтскихъ школъ простиралась до 51,667, изъ коихъ 38,149 мужскихъ и 38,149 женскихъ. Любопытны также свѣдѣнія о числѣ начальныхъ училищъ, имѣвшихся въ 1875—1876 году удобныя и неудовлетворительныя помѣщенія: первыхъ было 34,108, а послѣднихъ 17,641, — уже это говорить краснорѣчиво въ пользу состоявшейся недавно мѣры объ учрежденіи особой кассы для постройки школьныхъ зданий. Всѣхъ преподавателей въ начальныхъ училищахъ общественныхъ и частныхъ составило 110,709, при чемъ болѣе половины этой цифры, а именно 58,992 приходится на долю женщинъ. Надо замѣтить, однако, что преобладающее принадлежитъ имъ въ школахъ частныхъ; что же касается до общественныхъ школъ, то тутъ онѣ въ меньшинствѣ — 33,663 учительницы на 46,400 учителей. Въ свѣтскихъ школахъ всего 64,025 преподавателей (42,249 мужчинъ и 21,776 женщинъ), а въ школахъ, содержимыхъ духовенствомъ, 46,684 (9,468 мужчинъ и 37,216 женщинъ); оказывается между прочимъ, что изъ 100 школъ не болѣе 28 принадлежатъ духовенству, но за то на каждые 100 учителей приходится 42 учителя, занимающіеся преподаваніемъ въ духовныхъ школахъ; объясняется это тѣмъ, что конгрегаціи содержатъ училища не одноклассныя только, но съ двумя и даже большимъ числомъ классовъ, а потому онѣ должны имѣть болѣе значительный учебный персоналъ.

Установленныя свидѣтельства для преподаванія имѣли въ 1876

году 68,997 учителей и учительницъ, а 41,712 занимались обученіемъ безъ свидѣтельствъ.

Всѣхъ дѣтей, посѣщавшихъ въ 1875 — 1876 году начальныя школы, было 4.716,935, изъ коихъ 2.400,882 мальчиковъ и 2.316,053 дѣвочки; между ними 6—13 лѣтняго возраста было 3.742,376, а именно 1.907,027 мальчиковъ и 1.853,349 дѣвочки. Изъ другихъ свѣдѣній оказывается, что въ означенное время 624,745 дѣтей того же возраста (270,680 мальчиковъ и 354,068 дѣвочки) не посѣщали вовсе училищъ.

Въ томъ же сборникѣ, о которомъ я говорю теперь, помѣщенъ отчетъ министра народнаго просвѣщенія о суммѣ, ассигнованной въ прошломъ году касѣ для постройки училищныхъ зданій. Сумма эта простирается до 126 мил. фр., изъ коихъ 66 мил., вынлачиваемые въ теченіе пяти лѣтъ, назначаются на пособія сельскимъ общинамъ, а изъ остальныхъ 60 мил. общины имѣютъ право дѣлать займы. До настоящаго времени 1,500 общинъ уже воспользовались пособіемъ на сумму почти 12 мил. фр., а 778 общинамъ выдано было взаимн 2.572,700 фр. Такимъ образомъ, когда правительство представитъ палатамъ проектъ закона объ обязательномъ обученіи, противникамъ его нельзя будетъ ссылаться на то, что начальныя училища терпятъ у насъ недостатокъ въ самомъ необходимомъ, и между прочимъ въ удобныхъ помѣщеніяхъ.

II.

Приступая къ обзору появившихся въ послѣднее время ученыхъ произведеній, замѣчу прежде всего, что г. Дюрюи издалъ первый томъ своей „Римской исторіи“ съ иллюстраціями: рисунки представляютъ точное изображеніе уцѣлѣвшихъ памятниковъ древности, монетъ, медалей и т. п. Одновременно съ тѣмъ, почтенный авторъ ревностно трудится надъ окончаніемъ своего труда, нестой томъ котораго появился на дняхъ; въ немъ изложены событія отъ исхода II в. до вступленія на престолъ Діоклеціана, то-есть одинъ изъ самыхъ печальныхъ періодовъ въ исторіи римской имперіи. И тутъ находимъ мы ту же добросовѣстность и то же талантливое изложеніе, которыя обеспечивали до сихъ поръ успѣхъ г. Дюрюи. Г. Перрансъ издалъ четвертый томъ своей исторіи Флоренціи: онъ изображаетъ въ немъ событія XIV вѣка и между прочимъ ту страшную чуму, которая приводила

въ ужасъ современниковъ Боккачіо. Появился второй томъ изслѣдованія г. Бодрильера объ исторіи роскоши съ древнѣйшихъ временъ, посвященный Риму республиканскаго и императорскаго періодовъ, а также Византійской имперіи; объ этомъ сочиненіи справедливо было замѣчено нашею критикою, что оно не удовлетворяетъ читателя, что авторъ не изглянулъ на свой предметъ достаточно широко, хотя можно найти у него много интересныхъ подробностей.

Г. Шарверіа (Charvériat) пополнилъ существенный пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ своимъ сочиненіемъ объ „Исторіи тридцатилѣтней войны“. Извѣстно, что одинъ изъ Пражскихъ ученыхъ, г. Гинделей, занимается этимъ предметомъ и трудъ его отличается весьма высокими достоинствами, но въ вышедшихъ донынѣ трехъ томахъ событія доведены лишь до битвы при Вѣлой горѣ; нельзя, конечно, ставить на ряду съ нимъ книгу г. Шарверіа, но и она заслуживаетъ вниманія. Къ сожалѣнію, авторъ не могъ, по незнанію языка, пользоваться чешскою литературою и чешскими источниками. Описывая борьбу двухъ враждебныхъ партій онъ видимо старается сохранить полное безпристрастіе; главный урекъ, который можно ему сдѣлать, состоитъ въ нѣкоторой монотонности и сухости изложенія, такъ что читать его не легко.

Въ книгѣ весьма полезной, хотя и не столь обширной по объему, г. Луи Лежеръ изложилъ исторію Австро-Венгерской монархіи: она вошла въ коллекцію историческихъ руководствъ, издаваемую г. Дюрри. Съ тѣхъ поръ какъ въ началѣ нынѣшняго вѣка было переведено на французскій языкъ сочиненіе Кокса, не появлялось у насъ ни одной серьезной монографіи объ Австріи. Нѣкоторые изъ нашихъ писателей, пробовавшіе свои силы на этомъ поприщѣ, занимались или какими нибудь отдѣльными эпизодами австрійской исторіи или же останавливали свое вниманіе на судьбахъ той или другой народности, входившей въ составъ этого государства; кромѣ того, болѣею частью смотрѣли они на предметъ съ нѣмецкой точки зрѣнія и упускали изъ виду различныя этнографическіе элементы, изъ которыхъ образовалось государство Габсбурговъ. Г. Лежеръ, хорошо знающій языки, которыми говорятъ австрійскія народности, старался быть одинаково безпристрастнымъ къ нѣмцамъ, славянамъ, мадьярамъ и другимъ племенамъ. По примѣру г. Э. Реклю, онъ ввелъ славянскія обозначенія географическихъ и историческихъ названій тамъ, гдѣ это представлялось возможнымъ. Къ книгѣ, содержащей около 650 стр., при-

ложены карты и подробный указатель. Заговоривъ о коллекціи Дюрчи, я долженъ упомянуть, что „Исторія Россіи“ г. Рамбо почти со-всѣмъ раскуплена и выйдетъ вскорѣ вторымъ изданіемъ. Въ той же коллекціи должна появиться въ непродолжительномъ времени „Исторія еврейскаго народа“ г. Мориса Верна, профессора протестантскаго богословскаго факультета, въ Парижѣ.

Къ числу замѣчательныхъ новыхъ книгъ слѣдуетъ отнести 16 томъ „Географическаго Ежегодника“, который былъ издаваемъ прежде г. Вивьеномъ С. Мартеномъ, а теперь издается г. Дюверье. По обыкновенію, находится въ немъ весьма обстоятельный обзоръ вышедшихъ въ послѣднее время сочиненій по географіи, путешествіямъ, открытіямъ и т. д. Тутъ же помѣщена карта странствованій Станлея въ Африкѣ. Не могу не упомянуть здѣсь кстати о значительномъ успѣхѣ „Географическаго обозрѣнія“ (*Revue géographique*), издаваемого г. Драпейрономъ: карты, которыя прилагаются къ каждой его книжкѣ, сдѣланы весьма отчетливо. Г. Э. Реклю издалъ третій томъ своей „Всеобщей географіи“, посвященный Бельгіи, Голландіи и Англіи. Достоинства этой книги такъ извѣстны, что нѣтъ надобности распространяться о нихъ.

Для археологовъ должно быть, конечно, пріятною новостью появленіе въ свѣтъ 5-го выпуска „Словаря греческихъ и римскихъ древностей“, издаваемого г. Дарамберомъ и Салио. Подвигается онъ впередъ медленно, но все заставляетъ предполагать, что будетъ доведено до конца. Новый выпускъ содержитъ статьи начиная съ *coelatura do castrenses*; укажу на наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ: *cauis*, должная заинтересовать не только археологовъ, но и натуралистовъ, *calendarium*, *sandelabrum*, *Capitolium*, *carcer*, *castellum* и др. Особенно много мѣста удѣлено статьѣ о *castra*. Рисунки суть точное воспроизведеніе древнихъ памятниковъ и фантазія не играетъ въ нихъ никакой роли.

Одинъ изъ нашихъ ученыхъ, г. Жираръ де-Риалль (*Girard de Ri-alle*) предпринялъ обширный трудъ о сравнительной мѣологіи. Первый томъ появился недавно и содержитъ много хорошаго. Авторъ различаетъ въ исторіи религій три главнѣйшія фазы: фетишизмъ, политеизмъ и монотеизмъ. Подъ фетишизмомъ подразумѣваетъ онъ обоготвореніе матеріальныхъ предметовъ — камней, растений, животныхъ, при чемъ предполагается, что они въ самихъ себѣ заключаютъ таинственныя силы; политеизмъ создаетъ божества внѣ этого матери-

альнаго міра и сочетается съ антропоморфизмомъ; затѣмъ уже наступаетъ монотеизмъ—высшее проявленіе религіознаго чувства. Каждый изъ этихъ фазъ соотвѣтствуетъ извѣстное воззрѣніе на будущую жизнь. У г. Жирана де-Ріалля есть весьма любопытная глава о томъ, какъ понимаютъ ее народы, проникнутые фетишизмомъ; затѣмъ онъ очень остроумно доказываетъ, что у одного и того же народа могутъ встрѣчаться всѣ три означенныя выше степени религіознаго міросозерцанія; все это подтверждается у него множествомъ фактовъ, заимствованныхъ у историковъ и путешественниковъ. Было бы желательно, чтобы авторъ не ограничился изданнымъ имъ и нынѣ томомъ. Кстати: носятъ слухи, что въ Collège de France будетъ учреждена кафедра исторіи религій; если это такъ, то г. Жиранъ де-Ріалль будетъ однимъ изъ серьезныхъ кандидатовъ на нее.

Г. Гедозу (Gaidoz) принадлежитъ появившееся на дняхъ краткое, но интересное изслѣдованіе надъ заглавіемъ: „Очеркъ религіи Галловъ“. Ученый редакторъ Revue celtique резюмировалъ тутъ всѣ положительныя свѣдѣнія о вѣрованіяхъ нашихъ предковъ и даже дѣлаетъ нѣкоторыя разысканія, изъ коихъ одно имѣетъ въ виду опровергнуть установившееся мнѣніе, будто слово друидъ происходитъ отъ греческаго дрѣ; дубъ. Между прочимъ, вотъ курьозъ: нѣсколько времени тому назадъ г. Гедозъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ гравюру, изображавшую кельтское божество грома, внизу коей стояла подпись: Елсіпа. Одинъ молодой Нѣмецъ, занимающійся всѣмъ, что касается древнихъ Кельтовъ, принялъ это слово за именованіе божества и прислалъ г. Гедозу мемуаръ, въ которомъ старался доказать, что Елсіпа обозначаетъ богиню необходимости (soeva necessitas), тогда какъ это не болѣе и не менѣе какъ фамилія художника, дѣлавшаго гравюру и живущаго въ Парижѣ, boulevard Montparnasse, 58. Не мало былъ бы онъ удивленъ своею апропозитою, если бы изслѣдованіе юнаго Нѣмца появилось въ печати!

Вышло новое изданіе извѣстнаго сочиненія г. Тена „De l'intelligence“ съ значительными дополненіями противъ прежнихъ. Г. Карбъ издалъ изслѣдованіе о пессимизмѣ въ связи съ философіей Шопенгауэра, а г. Фулье — начало обширнаго труда о современной идеѣ права въ Англии, Германіи и Франціи.

Оканчиваю свое письмо нѣсколькими новостями по филологіи. Здѣсь первое мѣсто принадлежитъ весьма важному изслѣдованію г. Соссюра (Sausure) „О первоначальной системѣ гласныхъ въ indo-

европейскихъ языкахъ“ (*Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes*): Г. Соссюръ еще очень молодой человекъ и, по отзыву знатоковъ, упомянутымъ сочиненіемъ сразу составилъ себѣ имя въ наукѣ. Онъ смѣло выступилъ противъ нѣкоторыхъ теорій, очень утвердившихся между лингвистами; напримѣръ, противъ теоріи о гунѣ или подъемѣ звука и противъ теоріи объ односложности корней. Ему удалось отыскать въ индоевропейскомъ языкѣ корни двусложные. Это открытіе должно, вѣроятно, водить насъ къ весьма любопытнымъ выводамъ, во всякомъ случаѣ, оно возбудитъ оживленную полемику. Къ числу полезныхъ трудовъ слѣдуетъ отнести „Грамматику современнаго греческаго языка“ г. Эмиля Леграна. Онъ давно уже занимался этимъ предметомъ и конечно никто у насъ не могъ лучше его исполнить предложенной имъ задачи. Особенно подробно изложено у г. Леграна отдѣлъ о синтаксисѣ; къ книгѣ своей онъ приложилъ подробный указатель всѣхъ руководствъ по современному греческому языку, появившихся въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Г. Литтре только что окончилъ весьма любопытный трудъ: онъ перевелъ французскими стихами XIV вѣка „Адъ“ Данте. Нельзя не подивиться неутомимому трудолюбію, которое обнаруживаетъ этотъ человекъ даже въ преклонной старости! По словамъ его, онъ имѣлъ между прочимъ цѣлью привлечь вниманіе публики къ старинной рѣчи, которая все еще не, надлежащимъ образомъ изслѣдована до сихъ поръ, хотя вполне заслуживаетъ этого. Къ переводу его приложенъ итальянскій текстъ и подробный глоссарій, вызывающій на любопытныя сравненія.

Въ послѣднее время сошли въ могилу два члена Французской академіи: г. Сильвестръ де-Саси и г. С. Рене-Тальяндье. Первый изъ нихъ, сынъ знаменитаго ориенталиста, составилъ себѣ нѣкоторую репутацію главнымъ образомъ въ качествѣ литературнаго критика *Journal de Débats*. Лучшія изъ его статей изданы были отдѣльною книгой подъ заглавіемъ: „Variétés littéraires, morales et historiques“. Въ 1867 году онъ былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ г. Дюрюи при составленіи отчета о состояніи наукъ и искусствъ; онъ основательно зналъ французскую литературу XVII вѣка и ему принадлежатъ отличныя изданія Фенелона и г-жи Севинье. Что касается С. Рене-Тальяндье, то этотъ писатель по справедливости считался однимъ изъ талантливѣйшихъ сотрудниковъ *Revue des deux mondes*. Обу-

чался онъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ въ то время, когда нѣмецкая литература была очень мало извѣстна во Франціи и поставилъ себѣ задачей знакомить съ нею нашу публику. Онъ имѣлъ также нѣкотора свѣдѣнія, хотя заимствованныя имъ изъ вторыхъ рукъ, о литературѣ русской и чешской, о чемъ свидѣтельствуютъ его статьи о Паладионѣ и Лермонтовѣ. Между болѣе обширными его сочиненіями особенно пользовались успѣхомъ книги о королѣ Прусскомъ Фридрихѣ Вильгельмѣ IV и о графинѣ Адлбани.

Скончались также ученый ориенталистъ аббатъ Алексисъ, авторъ любопытной монографіи „Египетъ и Моисей“ и „Географическаго и этнографическаго атласа вѣдлага и новаго свѣта“ и одинъ изъ нашихъ эллинистовъ г. Шерренъ, издатель Гомера и составитель руководства къ изученію исторіи греческой литературы.

Л. Л.—ръ.

ОБЪ ОСНОВАХЪ ТЕКСТА АНДОКИДА, ИСЕЯ, ДИНАРХА, АНТИФОНТА И ЛИКУРГА.

Рѣчи поименованныхъ въ заглавіи аѳинскихъ ораторовъ первымъ изданіемъ появились въ печати вмѣстѣ съ рѣчами Эскина, Лисія и нѣкоторыхъ другихъ. ORATIONES HORVM RHETORVM. Aeschinis. Lysiae. Alcidasantis. Antisthenis. Demadis. Andocidis. Isaei. Dinarchi. Antiphontis. Lycurgi. Gorgiae. Lesbonactis. Herodis. Item Aeschinis uita. Lysiae uita,—одинъ томъ in folio, выпущенный въ маѣ 1514 г. ¹⁾ въ Венеціи apud Aldum et Andream Socerum. Одновременно Альдомъ же изданы были рѣчи Исократъ, diligentius ²⁾ recognitae, какъ говорить самъ ученый типографъ въ посланіи къ Іоанну Баптисту Эгна-

---

¹⁾ Въ маѣ 1514, а не въ апрѣлѣ 1513 г., какъ полагаютъ обыкновенно. Въ концѣ книги, послѣ словъ Venetiis apud Aldum et Andream Socerum, дѣйстви-тельно начато: mense Aprilii M. D. XIII. Однако epistola dedicatoria къ Франческо Фазеоло помѣщена: Fride Nonag. Maii, M. D. XIII, а май 1513 г. по тогдашнему Венеціанскому календарю соответствуетъ тому же мѣсяцу 1514 г. грегорианскаго. Вообще библиографы, въ томъ числѣ почтенный авторъ новѣйшаго спеціальнаго сочиненія объ Альдѣ, Ambroise Firmin Didot, Alde Manuce et l'hellénisme à Venise, Paris 1875, точною въ своихъ показаніяхъ объ этой Editio Princeps не отличаются. Эбертъ, Allgemeines bibliographisches Lexicon, Leipzig 1820—1830, а за нимъ и Graesse, Trésor de livres rares et précieux, tome cinquième, Drede 1863, даже положительно утверждаютъ, что Алкидаманта въ настоящей книгѣ вовсе нѣтъ. Заглавіе собственнаго издѣлія помѣщено у Beriah Botfield, Prefaces to the First Editions of the greek and roman classics and of the sacred scriptures, London 1861.

²⁾ Исократъ былъ изданъ еще ранѣе (въ 1493 г.) въ Миланѣ, curante Demetrio Chalcondyla.

цію, служащемъ по тогдашнему обычаю вмѣсто предисловія. Такое же посланіе, обращенное къ Франциску Фазеолу (Franciscus Faseolus Ibtus ac Senatus Veneti a Secretis Magnus), находится и при изданіи означенныхъ выше ораторовъ; однако о какой нибудь recognitio въ немъ нѣтъ рѣчи. Врядъ ли на этотъ разъ смѣлый и провицательный сотрудникъ Альда, особенно въ послѣдніе годы его жизни, Критянинъ Маркъ Музуръ исправилъ предварительно рукопись, добытую для напечатанія Альдомъ, какъ это было, наприимѣръ, при изданіи Платона въ томъ же году, или Аѳиней и (къ сожалѣнію) Исихія — въ слѣдующемъ. Впрочемъ, и настоящее изданіе не есть простое воспроизведеніе какихъ нибудь списковъ, а представляетъ, какъ увидимъ ниже, на ряду съ массою опечатокъ немалое количество оознательныхъ измѣненій, далеко не всегда, разумѣется, удачныхъ, авторомъ коихъ приходится считать самого Альда, или одного изъ его корректоровъ *minorum gentium*.

Какой именно списокъ легъ въ основаніе перваго изданія, объ этомъ мы имѣемъ весьма немногія достовѣрныя свѣдѣнія. Въ большинствѣ случаевъ оно и безразлично, такъ какъ съ тѣхъ поръ найдены гораздо лучше источники текста. Editiones principes печатались по первому появившемуся списку, обыкновенно позднему и плохому. Причины просты: поздніе и нецѣнные списки легче доставались, ихъ же не жаль было подвергнуть порчѣ и даже уничтоженію при печатаніи; наконецъ Editio Principes древняго автора являлось событіемъ, каковъ бы ни былъ текстъ. Публика на этотъ счетъ была невзыскательна и готова была считать всякое подобное даяніе благомъ.

Въ упомянутомъ посланіи Альда къ Фазеолу встрѣчается слѣдующее любопытное мѣсто: Tot itaque ac tantis tuis impulsus laudibus. tum quia tua potissimum opera, tuo studio, Venetiae hoc tempore Athenae alterae vere dici possunt, propter literas graecas, quarum studiosi undique concurrunt ad Marcum Musurum, hominem huius aetatis eruditissimum, quem tu publico stipendio conducendum curasti, cuique, quae tua est in doctissimum quemque benevolentia, faves plurimum, Aeschinis, Lysiae, et caeterorum qui in fronte libri excusi videntur, orationes sub tuo nomine, qui et haberi, et es magnas, illustrisque orator, exire ex aedib. nostris, volui in manus studiosorum; id quod eo gratius tibi futurum existimaui, quoniam quas plerique horum scripserunt orationes, multis seculis abditae latuerunt, latebant autem in Atho Thraciae monte. Eas Lascaris is, qui abhinc quinquennium pro Christianissimo Rege Venetiis, summa cum laude, legatum agebat, doc-

tissimus et ad unguem factus homo, in Italiam reportavit. miserat enim ipsum Laurentius de Medicis in Graeciam ad inquirendos simul, et quantovis emendos pretio bonos libros. unde Florentiam et cum iis ipsis orationibus, et cum alijs tum raris, tum pretiosis voluminibus rediit. Далѣе идетъ прославленіе Лоренцо и въ особенности сына его, кардинала Джованни Медичи, въ то время уже папы Льва X. Нельзя сказать, чтобы показанія Альда о его рукописяхъ (или рукописяхъ) отличались тою определенностью и отчетливостью, какая требуется отъ издателя въ настоящее время. Однако скажемъ ему и за это спасибо. Большаго отъ него нельзя было требовать. Новые критики сами виноваты, если не сумѣли лучше воспользоваться его данными, сопоставляя ихъ съ тѣмъ рукописнымъ матеріаломъ, который сталъ общедоступнымъ вслѣдствіе трудовъ И. Беккера.

Для Лисія и Эскина уже ближайшій изъ преемниковъ Альда, Henri Estienne имѣлъ возможность считать кое-какія рукописи. Что касается другихъ „мелкихъ“ ораторовъ, то первымъ, располагавшимъ новыми рукописными данными издателемъ ихъ является, слѣдующимъ три столѣтія спустя, Иммануэль Беккеръ ¹⁾: *Oratores Attici ex recensione Immanuelis Bekkeri. Tomus I. Antiphon Andocides Lysias. Oxonii MDCCCXXIII. Tomus III. Isaeus Dinarchus Lycurgus Aeschines Demades.* Тамъ же одновременно ²⁾. Это въ своемъ родѣ тоже Editio princeps. Съ появленіемъ этого изданія критика текста аѳинскихъ ораторовъ вообще, особенно же тѣхъ, которымъ посвящено настоящее исследование, стала на научную почву. Это же изданіе дало возможность опѣнить по достоинству заслуги прежнихъ издателей и критиковъ, руководившихъ въ своихъ догадкахъ единственно знаніемъ языка и здравымъ смысломъ, преимущественно Голландца Валкенара (L. C. Valckenaer), Англичанина Тейлора (I. Taylor) и — last, not least — нѣмца Рейке (Io. Iac. Reiske).

Рукописи, съ которыми насъ познакомили Беккеръ, суть слѣдующія:

¹⁾ Немного, впрочемъ, опередили Беккера издатели Ликурга, С. F. Нейсигъ (Niesig), *Lycurgi Oratio in Leocratem*, Bonnæ 1821, и Фрид. Осанн, *Lycurgi Oratio in Leocratem ad fidem codd. MSS. adiecta annotatione crit. . . recens. Ienæ 1821.*

²⁾ Берлинское изданіе «Аттическихъ ораторовъ» Беккера (1823 г. и слѣд.) обязано своимъ появленіемъ въ свѣтъ мотивамъ ненаучнаго характера книгопродавца Реймера. Оно отличается отъ Оксфордскаго тѣмъ, что раздѣленіе текста на §§ нѣсколько измѣнено, и что старыя опечатки замѣнены новыми въ большемъ количествѣ.

1. Codex Crippsianus или Burneianus 95 (Plut. CLX. D), на пергаментѣ, 170 листовъ in folio, вѣка XIII-го. Такъ, по крайней мѣрѣ, опредѣлили время написанія Озаннъ въ предисловіи къ своему изданію Ликурга; возраженія, сколько мнѣ извѣстно, не послѣдовало, и я съ своей стороны не имѣю основанія осмѣливать это мнѣніе¹⁾. „Fuit Batopedii, est musei Britannici (Burnei. 95. B. f.) delatus in Angliam Burneioque venditus ab eo, cuius nomen gerit, itineris Clarkiani socio“. Вотъ исторія рукописи по Веккеру, коротко и—ясно. Повидимому, дѣло происходило такъ: купленная на горѣ Афонѣ въ монастырѣ Ватопедѣ Крипсомъ (John Martin Cripps, M. A. of Jesus College, Cambridge), другомъ и спутникомъ извѣстнаго путешественника и натуралиста Кларка (Edward Daniel Clarke, LL. D.), она была привезена въ Англію и продана Чарльзу Верни (Charles Burney), послѣ смерти котораго, послѣдовавшей въ 1817 г., рукопись поступила наконецъ въ Британскій музей въ числѣ другихъ Burneiana. Однако Веккеръ не утверждаетъ, собственно говоря, что рукопись была приобретена Крипсомъ на Афонѣ. Этого и быть не могло. Кларкъ и Крипсъ на Афонѣ не были. „So many reasons“, говоритъ Кларкъ въ описаніи своего путешествія²⁾, „had visited Mount Athos, that

¹⁾ Рукопись слыхана была мною лѣтомъ 1876 г. Первый воспользовавшійся ею былъ М. Raine, S(anctae?) T(rinitatis?) P(rofessor?). О немъ и о его слыханіи упоминаетъ Dobree, Advers. ed. I. Scholefield, t. I, pars 1, Cantabr. M. DCCC. XXXI, p. 176. Судя по тому, что сообщаетъ Добри, слыханіе это оставило желать многого. Несравненно лучше справились съ деломъ Веккеръ и Добсомъ, издавшій античeskихъ ораторовъ и такъ называемыхъ ораторовъ²⁾ спустя недолго послѣ Веккера. Озаннъ ограничился однимъ Ликургомъ, и его слыханіе собственно не заслуживаетъ быть названо таковымъ. Не знаю, къ какому именно времени относится слыханіе крипсiанскаго списка Бёрджесъ (George Burges), видѣнное мною въ Оксфордѣ у пров. Байуотера (Ingram Bywater) на поляхъ одной Альдины, надо полагать, что—также ко времени до 1825 г. Въ этомъ именно году умеръ Добри, а въ его Adversaria есть слѣдующая записка къ Андрониду I 38 (pag. 6, lin. 14 Steph.): ὄλο τῆν σκιάν «ὄλο τῆν στοάν (vel στοάν) MS. A. а рг. manus». G. B. Я думаю, что буквы G. B. означаютъ именно George Burges. Codex Cripps первоначально въ указанномъ мѣстѣ дѣйствительно имѣлъ не σκιάν, но и не στοάν или στοάν, а, какъ замѣтилъ еще Веккеръ, σικιάν. Далѣе, пров. Килъскаго университета Фридр. Власъ (Blas) гринды, если не ошибаюсь, залгидывалъ въ рукопись. Наконецъ г. Мюллеръ-Стрёмбингъ (Hermann Müller-Ströbing), въ 70-хъ, кажется, годахъ, слыхалъ Ликурга для Вазена (?), а Зиггъ (Ioh. Sigg) — Антифона для Арнольда Нугъа. Часть послѣдней колянціи сообщена Нугъомъ въ его Commentatio de arte critica in Antiphonae orationibus factitanda, Turici 1872.

²⁾ Travels in various countries of Europe, Asia and Africa, part the second section the third, London 1816, стр. 388.

we gave up all thoughts of going to see the monasteries which are there situate". Они полагали, что всё нужным свидѣніямъ относительно библиотекъ и другихъ достопримѣчательностей Аеона успѣли собрать пѣкій Mr. Tweddell, о трудахъ котораго имъ сообщали въ Солунии. „Неизвѣстно положительно“, говорится далѣе, „удалось ли ему (то-есть, Тведделю) открыть что нибудь замѣчательное по части греческихъ рукописей; однако надо, повидимому, отвѣчать на это утвердительно, because the author has since purchased a valuable manuscript of the Greek Orators, from a Greek Prince, who thence obtained it“, то-есть: „потому что авторъ (Кларкъ) послѣ того приобрѣлъ цѣнную рукопись греческихъ ораторовъ отъ одного греческаго князя, добывшаго ее оттуда“, и потому, что послѣдующіе путешественники въ своихъ письмахъ въ Англію упоминаютъ о существованіи тамъ рукописи Гомера и другой—Аристотеля.

Итакъ codex Crippsianus, въ тождественности котораго съ „цѣнною рукописью греческихъ ораторовъ“ врядь ли кто нибудь станетъ сомнѣваться, купленъ былъ на Аеонѣ „греческимъ княземъ“, но когда — неизвѣстно; разумѣется, не раньше второй половины прошлаго столѣтія. На первомъ листѣ его находятся двѣ замѣтки, одна древняя, теперь поблекшая:

θεσεως γ

то-есть, θεσεως τρίτης=plutei tertii=полки третьей ¹⁾, другая новѣйшая или, точнѣе, совсѣмъ новая, какъ видно по черниламъ и по начертаніямъ буквъ:

ἐκ τῆς μεγάλης βιβλιοθήκης
τοῦ βασιπαιδίου.

Вторая замѣтка тѣми же (или одинаковыми) чернилами зачеркнута. Не трудно догадаться, что она написана была рукою того самаго греческаго князя, о которомъ упоминаетъ Кларкъ, или, по

¹⁾ По Занетти и Бонджованни, Graeca D. Marci Bibliotheca Codd. Mss. MDCCXL, стр. 186 Codex CCCXXXIX этой библиотеки in 4°, chartaceus, saeculi circiter XIV, содержащій сочиненія Евсевія Памфела и Сократа Схоластика, въ концѣ имѣетъ такого рода приписку:

Βιβλίον τῶν Κατηχομένων τῆς ἱερᾶς Λαύρας τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου
τοῦ ἐν τῷ Ἄθῳ, τῆς β' θεσεως.

Последнія слова авторы каталога переводятъ «secundae positionis (id est plutei)». Имѣю основаніе думать, что такія именно замѣтки встрѣчаются не часто. Любопытно, что и второй примѣръ относится къ рукописи Аеонской.

крайней мѣрѣ, въ то время, когда рукопись находилась у князя. Во всякомъ случаѣ такіа буквы не могли выдти изъ подъ пера Англичанина, получившаго англійское университетское образованіе, хотя бы минералога, не говоря уже о томъ, что Кларкъ, или Кринсъ, или Бёрни врядъ ли написали бы подобную замѣтку на иномъ, кромѣ какъ на своемъ природномъ или еще на латинскомъ языкѣ.

На оборотѣ того же листа написано:

Les dix orateurs athéniens.

Andocides, orateur Athénien. né vers l'an 468 avant l'ère chrétienne, se distingua par son éloquence. il fut plusieurs fois exilé de sa patrie, et toujours rappelé. Son style était simple et presque entièrement denué de figures et d'ornemens. il nous reste de lui quatre discours qui furent publiés p: Guillaume Canterus a Bâle 1566 in fol.

Isée, orateur grec né à chalcis en syrie, avait été de Lysias, et fut maître de demosthènes à athènes où il tenoit une école d'éloquence. il nous reste 10 de ses harangues. on les trouve dans les anciens orateurs grecs d'Etienne, 1575. il y a eu un autre isée aussi orateur grec, contemporain de pline le jeune, qui en parle dans ses lettres, et en fait un grand éloge.

Тутъ пишущій почему-то счелъ нужнымъ остановиться и уже не продолжалъ. Замѣтимъ его промахи: orateurs (въ заглавіи) и rappellé и явное нерасположеніе въ accent grave. Кому болѣе свойственны такіа особенности—греческому ли князю или англійскому натуралисту, сказать трудно; однако сталъ ли бы Англичанинъ выписывать подобныя статейки изъ французскаго энциклопедическаго (или біографическаго) словаря (допуская, что онъ сносно зналъ по французски)? У Англичанъ были и есть свои подобнаго рода словари. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія Французы не побрезгали перевести одинъ англійскій энциклопедическій словарь: Biographical, historical and chronological dictionary. . . . by John Watkins, LL. D. ¹⁾ Вотъ заглавіе перевода: Nouveau dictionnaire universel, historique, biographique, bibliographique et portatif. . . . traduit de l'anglais de John Watkins . . . et considérablement augmenté par M. l'Écu, ci-devant docteur de Sorbonne et abbé de Prémontre. A Paris. An XI=1803. 2 voll. Останавливаюсь на этомъ фактѣ потому, что въ кодексѣ нашемъ статья объ

¹⁾ Не знаю, въ какихъ годахъ вышли 1-е и 2-е изданія. Мнѣ известно только 3-е, London 1807.

Исея взята цѣликомъ изъ этого переводнаго словаря ¹⁾. Это обстоятельство окончателъно не позволяетъ приписать помннутыя замѣтки на оборотѣ перваго листа нашего кодекса кому-либо кромѣ безъимяннаго „греческаго князя“. Князь повидимому филологическою акрибіею не отличался, а потому, думается мнѣ, не слишкомъ смѣло будетъ предположить, что и въ словахъ „Dictionnaire des hommes illustres“ онъ позволилъ себѣ нѣкоторую неточность. Въмѣсто „Dictionnaire des hommes illustres“ я предложилъ бы читать такимъ образомъ: Dictionnaire universel, historique, critique et bibliographique. . . huitième édition, Lyon 1804 ²⁾. У меня въ рукахъ было девятое изданіе этого словаря, въ которомъ за словами „par Guillaume Canterus, à Bâle 1566, in—fol.“ слѣдуетъ еще вотъ что: Ils se trouvent aussi dans les Oratores graeci d’Etienne, 1575, in—fol., et à la suite de l’Antiphon, Nanau, 1619, in—8°: Auger les a traduits en français en 1783, in—8°. Le plus curieux est celui qu’il prononça contre Alcibiade. Voyez Ruhnken, Hist. Crit. or. graec. a la tête de son P. Rhul. (sic) Lupus, p. 47,57. Успокоился ли князь на томъ, что Андокидъ изданъ былъ. Гильомомъ Кантеромъ, или въ его изданіи Dictionnaire universel (восьмомъ или болѣе раннемъ) не было еще приведеннаго выше прибавленія, этого я, къ сожалѣнію, сказать не могу. Несомнѣнно то, что девятаго изданія, вышедшаго въ Парижѣ въ 1810—1812 гг., въ 20 томахъ, онъ не зналъ. Не зналъ потому, что означенныя замѣтки въ кодексѣ нашемъ записаны равнѣе 1808 г. Этотъ terminus ad quem доставляетъ намъ одинъ англійскій библиографическій журналъ, *Censura Literaria*, томъ VIII 1808 г., гдѣ на стр. 212 — 213 имѣется Report of Sales of Books for March und April 1808, а затѣмъ на стр. 214 читается слѣдующее: In the above enumerated sales only 18, 756 volumes have been disposed of. The Persian and Arabic Manuscripts contained и т. д. They were outrivalled as curious or valuable by a Greek manuscript sold by Messrs King and Lochée, on April 28. It was the property of R. Gripps, Esq., a gentleman whose pursuits, in a continental tour, obtained a considerable number of vases and fragments from magna Graecia, of singular curiosity, with specimens

¹⁾ Съ тою лишь разницею, что въ словарѣ напечатано: *avait été disciple de Lycias и, разумеется, Athènes.*

²⁾ Первые семь изданій были трудомъ (анонимнымъ) аббата Шодона (Chaudon), 8-е было редактировано имъ же вмѣстѣ съ Delandine, 9-е—par une société de savans français et étrangers.

of minerals from Egypt, Germany, etc. and an extensive collection of plants, the whole forming an assemblage for atbiquity, rareness, and value, seldom to be equalled by the possession of an individual. The manuscript was in the performance of no ordinary scribe. In following article is preserved a minute description of the contents of the volume from the pen of Dr. Raine, of the Charter House. It was purchased by Mr. Nicol, of Pall Mall, at 355 guineas.

Далѣ идетъ подъ заглавіемъ *The Codes Scirpsianus* подробный обзоръ содержанія той самой рукописи, о которой я говорю. Въ заключеніе указано важное значеніе этого „precious volume“. Мы узнаемъ, что Dr. Raine отчасти слычилъ рукопись; но никакихъ вариантовъ въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ не приводитъ.

Итакъ подтверждается, что рукопись была нѣкогда собственностью Крипса, который, впрочемъ, тутъ ошибочно названъ „R.“: его звали John Martin. Надо думать, что она была уступлена ему Кларкомъ, купившимъ ее у греческаго князя, хотя трудно себѣ представить, отчего Кларкъ отдалъ такую цѣнную рукопись (самъ же онъ называетъ ее цѣнною, а *valuable manuscript*) въ руки частнаго человѣка и въ добавокъ не специалиста. 28-го апрѣля 1808 она была продана нѣкому м-ру Николь, а отъ него уже перешла (да и то неизвѣстно, непосредственно ли) къ Чарльзу Бѣрни.

Путешествіе Кларка съ Крипсомъ по Европѣ, Азіѣ и Африкѣ продолжалось отъ 1799-го по 1802 г. Въ 1802 г. они возвратились на родину чрезъ Австрію, Германію и Францію, ставшую доступной въ то время для Англичанъ вслѣдствіе Аміенскаго мира (27 марта 1802 г.). Но если одна изъ замѣтокъ взята изъ труда, вышедшаго въ 1803 г., очевидно, что рукопись не могла быть куплена Кларкомъ во время этого путешествія или онъ былъ на материкѣ еще разъ раньше 1808-го г., или же греческій князь продалъ ему рукопись въ самой Англии. Слова Беккера: *delatus in Angliam Burneioque venditus ab eo, cuius nomen gerit, itineris Clarkiani socio*, послѣ всего того, чтó изложено выше, довѣрія не заслуживаютъ. Беккеръ, вѣроятно, составилъ свою исторію рукописи на основаніи словъ *ἐκ τῆς μεγάλης βιβλιοθήκης τοῦ βασιλευσίδου* и двухъ наименованій *Scirpsianus*: и *Burneianus*.

Лицевая сторона втораго листа ничѣмъ не занята. На оборотѣ находится оглавленіе во всю страницу въ два столбца, съ заглавіемъ *τάδε ἐνεστίν ἐν τῆδε τῇ βιβλῳ* и съ припискою: *εἰσὶ τῶν πάντων οἱ λόγοι μᾶ*. Въ оглавленіи пересчитаны всѣ рѣчи, содержащіяся въ спискѣ,

не болѣе не менѣе, въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ дѣйстви-
тельно слѣдуютъ одна за другой. Содержаніе списка слѣдующее:

1.	Андовидъ,	4 рѣчи,	въ порядкѣ принятомъ въ изданіяхъ.
2.	Исей,	11 рѣчей,	тоже.
3.	Динархъ,	3 рѣчи,	тоже.
4.	Антифонтъ,	15 рѣчей,	тоже.
5.	Либургъ,	1 рѣчь.	
6.	Горгій,	2 рѣчи:	a) Ἐλένης ἐγκώμιον, b) ὑπὲρ Παλαμῆδους ἀπολογία. 'Οδοσεὺς κατὰ Παλαμῆδους προδοσίας.
7.	Алкидантъ,	1 рѣчь:	'Οδοσεὺς κατὰ Παλαμῆδους προδοσίας.
8.	Лесвонавъ,	3 рѣчи:	a) Πολιτικός περὶ τοῦ πολέμου τῶν Κο- ρινθίων, b) Προτραπτικός τοῦ αὐτοῦ, c) ἔτι τοῦ αὐτοῦ περὶ τῶν αὐτῶν. ¹⁾
9.	Иродъ,	1 рѣчь.	

Текстъ начинается на 3-мъ листѣ и идетъ вплоть до 170-го (стор.
лиц.). Строки на каждой страницѣ отъ 37 до 32. Вся рукопись пи-
сана одною рукою, чернилами одинаковыми, темными, кое-гдѣ при-
жавшими цвѣтъ ржавчины. Заглавія, инициалы и слова въ родѣ νόμος,
ὄνομα, ψήφισμα, μάρτυρες, μαρτορία (при перерывѣ рѣчи для прочте-
нія документовъ, законовъ, свидѣтельскихъ показаній и т. п.) писаны
книварью. Сокращеній вообще мало. Иногда попадаются сокращенія
словъ καί, γάρ, δέ, — сокращенія, въ сожалѣнію, менѣе всего предста-
вляющія возможность судить о времени написанія. Конечные слоги
av, ac, ηv, ηc, ov, oc, таи и т. д. являются сокращенными преиму-
щественно въ концѣ строки, во избѣжаніе переноса на другую строку.
Другое дѣло, когда текстъ подправленъ (тою же рукою), причемъ
поправка требовала больше мѣста нежели первичное чтеніе. Знаковъ
препинанія три: точка, запятая, и двоеточіе; поставлены же они рѣ-
шительно наугадъ и даже сплошь и рядомъ невольно. Бываетъ напр.
что ἔν находится (или находилось первоначально) между запятыми.
Весьма часто такого рода знаки впоследствии были выскоблены, и
притомъ тою же рукою, какъ есть основаніе полагать. Не думаю,
чтобы можно было классифицировать по ихъ внѣшнему виду разурн,

¹⁾ Беккеръ на основаніи cod. Stirps. раздѣлялъ первый Протрапτικός отъ
второго. Въ другія спискахъ (?) и въ изданіяхъ до Беккера заглавіе второго
опущено.

но подобныя разуръ попадаются весьма часто, напр. въ Андокидѣ, котораго руга поддѣйшаго корректора вовсе не коснулася. О значеніи и относительной важности поправокъ первой и второй рукъ рѣчь впереди. Тутъ же приходится охарактеризовать ихъ съ вѣдѣнной стороны.

Была попытка ¹⁾ различить три рода корректуръ, на томъ основаніи, что будто бы кромѣ корректуръ самого писца и второй руки, руки явно поддѣйшей, вѣка, быть можетъ, XV-го, встрѣчаются поправки, сдѣланныя „послѣ написанія всего (nachdem das ganze geschrieben war), чернилами въ большинствѣ случаевъ (?) неодинаковыми, хотя и не очень отступающими (mit meist abweichender, wenn auch nicht stark verschiedener Tinte)“. „Разуръ этого корректора“, продолжаетъ г. Зиггъ, „лучше сдѣланы (нежели разуръ самого писца) и не такъ повредили пергаментъ. Онъ, быть можетъ, одно и то же лицо съ писцомъ; въ частныхъ случаяхъ часто нельзя рѣшить, кому изъ нихъ должно приписать поправку. Во многихъ мѣстахъ корректоръ 1-й на полѣ добавилъ слова, опущенныя первоначально“. Относительно разуръ я выше уже замѣтилъ, что не считаю возможнымъ установить какую нибудь классификацію. Если же этотъ корректоръ „можетъ быть одно и то же лицо съ самимъ писцомъ“, если „часто нельзя рѣшить, кому изъ нихъ приписать поправку“, то чернила врядъ ли представляютъ надежный критерій. Я полагаю, что разница въ чернилахъ мнимая, не больше нежели мы находимъ между чернилами первой руки въ различныхъ мѣстахъ кодекса, иногда на одной и той же строкѣ. Разницу въ почеркѣ г. Зиггъ повидимому и самъ не нашелъ. То, что добавлено надъ строками (1—4 буквъ) и на поляхъ, отличается, правда, буквами меньшими, характера курсивнаго и болѣе сравнительно числомъ сокращеній; однако все это объясняется весьма просто недостаткомъ мѣста и не даетъ намъ права отнести эти прибавленія къ другому лицу.

Поправки второй руки (по г. Зиггу—третьей) сразу бросаются въ глаза блѣдно-желтымъ цвѣтомъ чернилъ. Относительно ихъ, собственно говоря, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ можетъ возникнуть сомнѣніе. Тѣмъ не менѣе Блясъ (Blass) въ статьѣ, помѣщенной въ *Rheinisches Museum*, т. XXVII, стр. 92 и слѣд., не разъ ошибся на этотъ счетъ,

¹⁾ Она принадлежитъ г. Зиггу, слившему отчасти рукопись для Арнольда Нугъа. См. Нугъа, *Commentatio de arte critica in Antiphontei orationibus factitanda*, Turici 1872, стр. 5.

даже тамъ, гдѣ это вовсе непозволительно, напримѣръ въ рѣчи Антифонта „объ убійствѣ хоревта“ (6-ой). Г. Зиггъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что корректуры этой руки окончиваются Antiph. V 84. Начинаются же онѣ съ третьей рѣчи Исея и, стало быть, разсѣяны по большей части Исея и Антифонта и по всему Динарху.

Поправки первой руки естественно начинаются съ начала Андокида и идутъ вплоть до послѣдняго листа рукописи. Я готовъ допустить, и самъ уже думалъ при сличеніи, что не всѣ онѣ сдѣланы тотчасъ, въ то время, когда писалась та или другая страница; но скоро долженъ былъ убѣдиться, что хотя нерѣдко нѣтъ сомнѣнія въ немедленномъ исполненіи исправленія или, скажемъ, измѣненія, никогда съ увѣренностью нельзя сказать, что оно сдѣлано значительно позже, „по написаніи всего“, какъ выразился г. Зиггъ.

2. Codex Laurentianus Plut. IV Cod. XI, бумажный, in 4° maiori, въ 125 листовъ, вѣка XV-го по каталогу Бандини ¹⁾. Содержание то же, чтó у предъидущаго и въ томъ же порядкѣ. Впрочемъ, „notandum inter p. 100. (гдѣ начинается рѣчь Ликурга) et 101. decem integra huius orationis folia propter malam Codicis compacturam suo loco mota, in Alcidasantis oratione inter pag. 108. et 119. fuisse inserta“. Замѣтимъ, что въ приведенныхъ сейчасъ словахъ Бандини pagina означаетъ то же, чтó folium. Стало быть, если Бандини немного раньше, говоря о томъ, что въ изданіи Альда имѣются всего пять (конечныхъ) строкъ (второй) рѣчи Исея περί τοῦ Μενεχλήους κλήρου, выражается такъ: totus autem defectus est quinque nostri codicis paginarum, то надо разумѣть десять страницъ, что въ самомъ дѣлѣ лучше идетъ къ слѣдующему: unde conicere est exemplar illud ex quo Aldina profluxit editio uno fortasse quaternione mutilum fuisse. Монфокоуъ, въ своей Bibliotheca Bibliothecarum nova (Parisiis MDCCXXXIX) т. I, дважды упоминаетъ объ этомъ спискѣ, разъ на стр. 251., согласно съ Бандини, другой разъ на стр. 234., въ краткомъ каталогѣ, составленномъ самимъ Монфокоуомъ ²⁾, но очевидно на скорую руку. Тутъ мы читаемъ: Cod. bomb. XV saeculi Antocidis, Isaei, Demosthenis, Dinarchi, Antiphontis, Gorgiae, Alcidasantis, Lycurgi orationes quaedam. Нетрудно понять опущеніе Лесвоакта и Ирода и (если вспомнить при-

¹⁾ *Bandinius*, Catalogus Codd. MSS. bibliothecae Mediceae Laurentianae, tom. I, (Florentiae 1764), p. 532—533.

²⁾ Стр. 233, заглавіе: «In bibliotheca Laurentiana Florentiae observata sunt a D. Bernardo de Montfaucon anno 1700 mense Martio et Aprili».

веденное выше „notandum“ Вандини) нарушение порядка именъ, труднѣе—какъ попалъ въ перечень Демосеенъ. Развѣ вследствие того, что первая рѣчь Динарха озаглавлена какъ *Ἀπρὸς Δέμοσειον*. — Оличена вся рукопись однимъ Беккеромъ, но еще въ 1785 г. Th. Tugwhitt изъ нея двоишилъ или, точнѣе, по ней издалъ вторую рѣчь Исея.

3. Codex Marcianus, „арр. class. 8. cod. 6“, какъ говоритъ Беккеръ, скудными свѣдѣніями котораго объ этомъ спискѣ приходится къ сожалѣнію, пока довольствоваться, такъ какъ ни у Монфокона, ни у Занетти—Бонджованни въ (вышедшемъ въ 1740 г.) каталогѣ греческихъ рукописей Марціанской библиотеки, ни у Морелли (*Asc. Morellii Bibliothecae Regiae D. Marci Venetiarum Custodis Bibliotheca manuscripta graeca et latina. Tom. I. Bassani MDCCCII*) о немъ не упомянуто, новый же каталогъ обнимаетъ пока лишь латинскія рукописи. По Беккеру рукопись—пергаментная, въ 140 листовъ, quorum primo haec scripta sunt a manu recentiore: τοῦν καὶ παλαιῆ γένους εὐδοξία καὶ περὶ ἄμφω τὸ λόγῳ προκοπῆ διαφέρειντων ἐφήβων καὶ αὐτῶν ποορλιῶν ¹⁾. Ни вѣка написанія, ни въ точности содержанія Б. не опредѣляетъ. Recentibus (codicibus) unus sum quattuor, говоритъ онъ въ предварительной замѣткѣ къ Антифону, и тамъ же, сообщая содержаніе одного изъ нихъ, Крисианскаго, прибавляетъ лаконически: sicut ceteri. Впрочемъ, изъ примѣчанія къ Исею I 29 видно, что въ Марціанскомъ спискѣ тутъ находится тотъ же громадный пробѣлъ (идущій до II 57), что и въ Альдинѣ. Далѣе, нѣтъ, очевидно, какъ и въ Альдинѣ, „похвального слова Еленѣ“ приписываемаго Горгію. Сличень и этотъ списокъ Беккеромъ однимъ, который ограничился приведеніемъ вариантовъ: 1) къ первой рѣчи Андокида, 2) къ первымъ тремъ (=двумъ) рѣчамъ Исея, 3) къ первой рѣчи Динарха, 4) къ первымъ 3 (=9, то-есть до конца второй тетралогіи) рѣчамъ Антифонта и 5) къ Ликургу. Еще меньшаго вниманія удостоился съ его стороны:

4. Codex Burneianus 96 B. e. „Est quoque ubi insperatum“, заяв-

¹⁾ Интересно бы узнать, что это за граммъ Павелъ и Владиславъ *Πυρρῶν* (?). *Περὶ ἄμφω τὸ λόγῳ προκοπῆ διαφέρειν* означаетъ вѣроятно «выдаваться, отличаться въ диалектикѣ». Ср. въ письмѣ М. Музура къ къ его зятю Иоанну Григоропуло, напечатанномъ у Didot, *Alde Manuce et l'hellénisme à Venise*, стр. 506: καθ' αὐτὸν ἐν δημοτικῇ παντοδαπῶν περὶ ἄμφω τὸ λόγῳ βιβλίῳν καὶ νῦν ἐμφοροῦμενον, καὶ πολλὰ πλείονων μετὰ μικρὸν ἐμφοροῦσθαι μέλλοντα, что Дидо переводитъ такъ (стр. 25): dans une chambre ou je jouis de toute sorte de livres traitants du pour et du contre и т. д.

лнеть онъ въ своей praefatiuncula къ Андокиду, „quos perpetua cura indignos ipse arguebat aspectus, Burnesianum (96. B. e.) et Ambrosianum (A. 99), qui chartacei ambo sunt et forma quadrata (относительно eod. Burnei. 96 это неврѣно, онъ — in folio), ille cum Andocide Isaacum Dinarchum, Antiphontem, Lycurgum, Gorgiae Pajmedem (стало быть, нѣтъ и тутъ его же Ἑλένης ἑγκώμιον), Alcidasantis Ulixem, Lesbocactis Corinthiasam (и, надо прибавить, два κροταρτικοί), Herodem et ab alia manu Hagnocratonem complexus, hic* и т. д. Далѣе: „Burnesianum fuisse monasterii S. Petri Perusini legitur, ubi Hagnocratonis incipit littera X“. Озанъ (praef. ad Luc. p. XII), видѣвшій рукопись, считаетъ ее писанной въ XIV вѣкѣ. Видѣлъ и я ее и совершенно согласенъ съ Беккеромъ, что perpetua cura indignam ipse arguit aspectus. Ее смѣло можно отнести къ концу XV вѣка. Озанъ сообщил варианты въ Ликургу, Беккеръ только изрѣдка заглядывалъ въ нее, Добсонъ ¹⁾ съ терпѣніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, слнчилъ всю рукопись „отъ доски до доски“, кромѣ, кажется, Арпократіона. Никто однако не обратилъ вниманія на subscriptio, находящуюся въ концѣ ораторовъ: τότε τὸ βιβλίον (или ἦδε ἡ βίβλος) ἐτελεσθη σὺν θεῷ ἐν Φλωρεντίᾳ πόλει Ἰταλίας. Къ сожалѣнію, не могу найти того, что я отмѣтилъ себѣ объ этой рукописи. Первые слова и послѣднія два помню смутно, но за ἐτελεσθη σὺν θεῷ ἐν Φλωρεντίᾳ готовъ поручиться. Много въ рукописи помарокъ и поправокъ надъ строкой, сдѣланныхъ тою же, кажется, рукою. Въ концѣ первой рѣчи Исея тотъ же пробѣлъ, что и въ предыдущей рукописи.

5. Codex Vratislaviensis (Z) гимназіи св. Магдалины, бумажный, то же съ Арпократіономъ въ концѣ, съ одною только рѣчью (ὕπερ Παλ. ἀπολ.) Горгія и съ тѣмъ же пробѣломъ въ концѣ первой рѣчи Исея. Первый, обратившій вниманіе на эту рукопись, былъ Францъ Пассовъ, Symbolae criticae in scriptores Graecos et Romanos e codicibus manuscriptis Vratislaviensibus depromptae, Vratisl. 1820. Онъ отнесъ ее къ XIV вѣку. Вѣроятно въ книгѣ Пассова, которою мнѣ пользоваться не приходилось, есть указаніе на итальянское происхожденіе рукописи, такъ какъ Озанъ (praef. ad Lycurg. p. X) не задумывается отождествить ее съ codex Italicus другаго издателя Ликурга, Гейнриха. Въ

¹⁾ Oratores Attici et quos sic vocant sophistae opera et studio G. St. Dobson A. M. Londini A. S. MDCCCXXXVIII. Этому изданію, кстаи сказать, единственнаго полнаго собранія ораторовъ, вышедшаго въ Англіи, нѣтъ въ Британскомъ музеѣ, что для музея поворно, а для посѣтителей неудобно, тѣмъ болѣе что оно давно уже стало библиографическою рѣдкостью.

Ликургѣ она была сличена нѣсколько разъ, вся же—опять таки однимъ Беккеромъ, который съ начала до конца не устаетъ приводить ея варианты, хотя самъ весьма рѣдко ими пользовался.

Вотъ списки, содержащіе всѣхъ избранныхъ мною ораторовъ, въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они въ первый разъ были напечатаны Альдомъ. Обратимся теперь къ другимъ спискамъ, неполнымъ съ нашей точки зрѣнія, хотя бы они содержали много другаго, до насъ не касающагося.

Такихъ у Беккера два, а именно:

6. Codex Ambrosianus, D. 42., recentissimus по Беккеру, recens it bombycinus по Монфокоу, Diarium Italicum (Parisiis MDCCII) p. 16. Что Б. и М. имѣютъ въ виду одну и ту же рукопись, это ясно видно изъ перечня содержанія.

Монфокоу:

Orationes Lysiae, Gorgiae, Aristidis, Polemonis, Andocidis, Isaei.

Беккеръ:

Isaei solas habet primam et secundam, aliorum multa, patrum fragmenta, Lysiae ἐπιτάφιος, Gorgiae Helenam, Aristidis et Polemonis declamationes aliquot, Andocidis de Pace et adversus Alcibiadem orationes.

Не думаю, чтобы опущеніе Беккеровскихъ patrum fragmenta Монфокоу представляло серьезное затрудненіе. А что Исея у Беккера находится впереди, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Б. говоритъ объ этомъ спискѣ въ своей praefatiuncula къ Исею.

Изъ этого то списка Анджело Май первый дополнилъ первую рѣчь Исея (ἸΣΑΪΟΥ λόγος παρὶ τοῦ Κλεωνόμου κληροῦ. Isaei oratio de hereditate Cleonymi nunc primum duplo auctior inventore et interprete A. Mai. Meliolani MDCCCXV) и сообщилъ варианты ко второй его рѣчи, въ γένος Ἰσαιοῦ, и отчасти къ рѣчи Андокида противъ Алкивиада. По мнѣнію Май (praef. p. 9) списокъ принадлежитъ XIV вѣку.

7. Codex Ambrosianus, A. 99, тоже recentissimus по Беккеру, представившему его варианты къ первой рѣчи Исея, къ Ликургу и кое гдѣ къ Андокиду. Надо полагать, что рукопись эта тождественна съ упоминаемой Монфокоу въ Diarium Ital. p. 17: Harpocratonis Lexicon, atque in eodem codice qui recens est, Orationes X oratorum. Последнія слова врядъ ли нужно понимать буквально а то, чего добраго, и Ипериды пришлось бы тутъ искать.

По Беккеру рукопись содержит на 265 листах: Арпократіона, Андокида, Исея, Динарха, Ликурга, Горгія (ὕπερ Παλ. ἀπολ.), Лесвонакта, Ирода, Лисія, Алкидаманта, Антисеена, Димада, Эскина. На оборотѣ 216-го листа имѣется subscriptio: τῷ συντελεστῇ τῶν καλῶν θεῶν χάρις. μιχαῆλος ἀργεῖος. ἐν φλωρεντίᾳ πόλει ἰταλίας μετὰ πολλῶν ἄλλων καὶ ταύτην ἐξέγραψα τὸ ἐπίκλην τάχατε καὶ σουλιάρδος. οὐ χάριν δῶρων ἀλλ' ὑπὲρ πατρίδος.

Другими списками, кромѣ перечисленныхъ мною, Беккеръ не пользовался. Извѣстны еще слѣдующіе неполные источники вариантовъ.

8. Codex Oxoniensis, бумажный, нѣкогда находившійся въ богатой библиотекѣ іезуитскаго collège de Clermont (на первомъ листѣ самой рукописи написано: Colleg. Clagom. Paris. Soc. Iesu 228), оттуда перешедшій въ 1764 г. ¹⁾ въ извѣстную Bibliotheca Meermanniana и наконецъ попавшій въ Оксфордскую Bodleian Library, гдѣ онъ значится Auctar. T. II. 8. или въ числѣ codices miscellanei 208, in 4°, въ 88 листовъ, нумерація которыхъ идетъ отъ 122 до 209. Впереди три листа нунумерованныхъ, прибавленныхъ очевидно когда рукопись въ послѣдній разъ была переплетена. На первомъ изъ нихъ читается сверху:

Bibl. Meermann. tom. 4. n. 327.

Gu. 30. o

Въ каталогѣ Мэрмановской библиотеки т. IV, стр. 51 сказано: „Dinarchi et Antiphontis orationes. In charta bombyc., saec. XVII, fol. 86. vermibus corrosus est. p.“ Если XVII опечатка вмѣсто XV, то время опредѣлено, быть можетъ, не ошибочно; хотя впрочемъ нѣтъ надобности считать рукопись моложе XIV вѣка. Къ этому времени она отнесена и въ каталогѣ Кокса ²⁾. Того же мнѣнія держался сначала и Крамеръ, извѣстный издатель, но потомъ, когда поднялся споръ о значеніи кодекса, онъ сталъ относить его къ XIII вѣку. Не думаю, чтобы тутъ были αὶ δευτέραί πως φροντίδες σοφώτεραί; скорѣе, онъ убѣдился въ важности рукописи, а это уже побудило его относить ее къ возможно раннему времени.—Библиотека Мэрмана была распродана въ 1824 г. Въ Оксфордъ же рукопись была привезена Θ. Гэсфордомъ (Th. Gaisford), какъ откуда-то узналъ Крамеръ.—Содержаніе слѣдующее:

¹⁾ См. L. Delisle, Le Cabinet des manuscrits de la bibliothèque impériale. T. I. Paris 1868. стр. 434. .

²⁾ Catalogi Codicum MSS. Bibl. Bodl. pars prima recensioem codicum graecorum continens. Confecit Henricus O. Coxe, A. M., Oxonii 1853, p. 766.: «sec. XIV exeuntis».

1. Динархъ, I, II и III fol. 122 —144a= 1 —23a
2. Антифонтъ, I—V 59
κχι πολὸ „ 144b—169b=23b—48b
3. Онъ-же, V 59 ἄν δι-
καίωτερον—VI 25 εἶεν
μὲν „ 178a—185b=49a—56b
4. Ликургъ, §§ 1—34
ὕπερ προδοσίας „ 173a—177b=57a—61b
5. Антифонтъ, VI конецъ „ 170a—172b=62a—64b
6. Лик., §§ 98 τὸν Ποσει-
δῶνος—123 ὁπότε γάρ-
εχεῖνοι „ 190a—193b=65a—68b
7. Онъ-же, §§ 123 ἀνά-
στατον — 147 ἐγχατα
(λιπόν) „ 186a—189b=69a—72b

На остальныхъ 16-ти листахъ другой бумаги другими чернилами и позднѣйшею рукою написаны кое какія декламации Ливанія. Къ этой послѣдней части кодекса примѣнны слова: *vermibus corgosus est*. Текстъ же ораторовъ, особенно въ началѣ, пострадалъ отчасти отъ сырости, отчасти отъ того что, по милости и небрежности переплетчика, листы слипались, вслѣдствіе чего, при раздѣленіи ихъ, въ прежнихъ мѣстахъ соприкосновенія утратились, то-есть или совсѣмъ исчезли или остались на другомъ листѣ, части буквъ, буквы, слоги или цѣлыя слова. Весьма часто мы находимъ, что чья то рука чернилами болѣе свѣтлыми постаралась дополнить утраченное или обновить буквы пострадавшія. Насколько эта рука заслуживаетъ наше довѣріе, увидимъ впоследствии. Впрочемъ, реставраторъ не воздержался вопліть отъ корректуръ въ такихъ случаяхъ, когда слово было и есть совершенно удобочитаемо, однако никогда почти не обнаруживается у него стараніе окончательно устранить, искоренить первоначальное чтеніе. Иногда, сравнительно весьма рѣдко, поправка принадлежитъ перу самого писца; тогда она, повидимому, сдѣлана тотчасъ по написаніи слова или строки или предложенія. По крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны такому выводу ничто не препятствуетъ.

Издѣе на поляхъ встрѣчаются сколии или другія замѣтки, то первой, то второй руки. Такъ какъ онѣ относятся уже къ характеристикѣ отношеній писца и корректора къ тексту, то и о нихъ я скажу впоследствии, при оцѣнкѣ преданія Оксфордскаго списка.

Сокращеній и въ этомъ спискѣ не особенно много, меньше нежели свойственно спискамъ XV вѣка, но больше нежели въ Крипцианскомъ. β часто имѣетъ форму нашего писаннаго μ , чего въ Cripps. я не встрѣчалъ. Иота подписная, которой нѣтъ вовсе въ Cripps. отъ первой руки (второю рукою она въ немъ прибавлена исключительно къ глагольнымъ формамъ съ приращеніемъ, въ родѣ напримѣръ $\kappa\alpha\theta\eta\rho\epsilon\upsilon\theta\eta$) тутъ то поставлена, то нѣтъ, безъ всякой послѣдовательности, напримѣръ Antiph. V 7: $\epsilon\nu\ \tau\omega\ \beta\rho\epsilon\tau\epsilon\rho\omega\ \delta\iota\kappa\alpha\iota\omega\ \omicron\upsilon\chi\ \eta\sigma\sigma\omega\nu\ \eta\ \epsilon\nu\ \tau\omega\ \epsilon\mu\phi$. Замѣчательно еще, что слова $\mu\epsilon\nu$, $\delta\epsilon$, $\alpha\nu$, $\kappa\alpha\nu$ иногда являются съ двумя тяжелыми удареніями,—явленіе далеко не единичное, по крайней мѣрѣ относительно $\mu\epsilon\nu$ и $\delta\epsilon$, но пока, какъ кажется, неразгаданное ¹⁾.

Изъ сказаннаго уже явствуетъ, что мнѣ самому довелось видѣть и слѣдить эту рукопись. Раньше (въ 1836 г.) Антифонтъ и Динархъ были слѣжены неизвѣстно кѣмъ для Эдуарда Мэцнера (Ed. Maetzner), издавашаго впоследствии этихъ ораторовъ ²⁾; одинъ Динархъ еще разъ нѣкимъ Турландомъ для Цюрихскихъ издателей сборника *Oratores Attici*, а Ликургъ въ первый разъ—Blass'омъ, сообщившимъ свою коллацію въ *Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik*, t. CXI (1875 г.), стр. 597 и слѣд.

Не упомянута Беккеромъ, но едва ли незнакома ему была одна парижская рукопись Исея, которую Шеманъ ³⁾ такимъ образомъ отрекомендовалъ своимъ читателямъ (praef. p. XII): *novis subsidiis non usus sum praeter collationem codicis Parisini, quem sigla R. designavi, ad primae orationis partem priorem. Hanc Meierus meus ad me transmisit a Boissonadio olim sibi curatam. Totum codicem accuratius conferre vix operae pretium fore arbitror, quippe qui, ubi a ceteris dissentit, id quod non raro accidit, eas habeat lectiones, quas manifestum sit non ex meliore aliquo exemplari ductas esse, sed correctori, non indocto quidem, deberi.* Варианты, сопровождаемые буквою R, вполне подтверждаютъ неодобрительный отзывъ Шемана о рукописи. Незачѣмъ было и знакомить насъ съ такимъ хламомъ. Почтенный уче-

¹⁾ См. Bast, *Commentatio palaeographica* стр. 824 слѣд. R. Schöll въ *Hermes* Bd. XI S. 202, гдѣ указано на то же явленіе въ схолахъ $\mu\epsilon\nu$, $\delta\epsilon$, $\epsilon\tau\alpha\iota$ въ Палагинской рукописи Лисія.

²⁾ *Antiphontis* orr. XV. *Recogn. etc.* Ed. M. Berolini, Posnaniae, Bidgostiae 1838.—*Dinarchi* orr. III. *Recogn. etc.* Ed. M. Berolini 1842.

³⁾ *Isaei Orationes XI cum aliquot deperditarum fragmentis.* *Recognovit etc.* G. F. Schoemann. Gryphiswaldiae MDCCCXXXI.

ный самъ еще находился подъ влияніемъ того (нынѣ благополучно сданнаго въ архивъ) воззрѣнія, что рукопись, все равно какая, всегда предметъ болѣе или менѣе авторитетный. Авось-де, тотъ или другой изъ вариантовъ окажется помудренѣе или „позлегантиѣ“ другого, принятаго чтенія, и можетъ быть, употребленъ въ дѣло. Уваженіе къ рукописи, какъ таковой, помѣшало Шеману сдѣлать весьма простое наблюденіе. Въ 22 первыхъ параграфахъ рѣчи „о наслѣдствѣ Клеонима“ (на этомъ мѣстѣ обрывается рѣчь въ R нѣсколько раньше нежели въ другихъ, приведенныхъ выше спискахъ съ пробѣломъ) всего разъ R сходится съ остальными списками въ чтеніи, не представляемомъ Альдиною: § 15 во всѣхъ спискахъ, въ томъ числѣ и R, читается ἀρχονίδην, одна Альдина представляетъ ἀρχονίδην. Говорять, что исключеніе подтверждаетъ правило. Въ данномъ случаѣ, при постоянномъ смѣшеніи σ съ ω , при небрежности, съ какою явно написанъ R, такое исключеніе не противорѣчитъ по крайней мѣрѣ выводу, что R—копія съ изданія Альда. Факты подобныя несомнѣнно бывали; а Буасонадъ, должно быть, позабылъ сообщить Мейеру, отъ котораго Шеманъ получилъ коллацію, что рукопись парижская написана въ XVII вѣкѣ и снабжена латинскимъ переводомъ. Въ ней имѣются всего двѣ рѣчи Исея: „о наслѣдствѣ Никострата“ (IV) и „о наслѣдствѣ Клеонима“. Кромѣ того она содержитъ начало XV рѣчи Лисія (κατὰ Ἀλκιβιάδου ἀστρατείας), да еще „exemplum orationis in genere deliberativo, à Dionysio Halicarnasseo allatum è Lysia. Adjuncta est textui Graeco versio Latina, atque in fine sola versio descripta est, omisso textu“. Рукопись, разумѣется, бумажная. Въ каталогѣ рукописей королевской бібліотеки (Catalogus Codicum manuseriptorum bibliothecae Regiae. Tomus II. Parisiis MDCCXL), откуда я заимствую приведенныя свѣдѣнія, она значится подъ № 2989. Если кому отождествленіе Шеманова R съ cod. Reg. Paris 2989 покажется дѣломъ рискованнымъ, тому предоставляется до поры до времени предполагать въ Парижѣ существованіе не одного, а двухъ нигуда не нужныхъ списковъ Исея. Итогъ одинъ: O+O=O.

Въ томъ же каталогѣ королевской бібліотеки подъ № 3034 приведенъ „Codex chartaceus, olim Colbertinus, quo continetur Lycurgi oratio adversus Leocratem. Is codex saeculo decimo sexto exaratus videtur“. О немъ упоминаетъ и Добри (Dobree) въ примѣч. къ „Богатству“ Аристофана, ст. 586¹⁾. Оказывается, что „ms. Reg. Paris.“,

¹⁾ R. Porsoni Notae in Aristophanem. Ed. P.P.Dobree. Cantabrigiae 1820, стр. 76.

согласно съ изданіемъ Альда (и всѣми извѣстными намъ списками) въ извѣстномъ отрывѣ изъ Эрекоея Еврипида, приводимомъ Лидургомъ, представляеть чтеніе (ст. 46):

οὐδ' ἔν τελευτίας χροώας τε Γοργύονος

вмѣсто

οὐδ' ἀντ' ἐλάας и т. д.

Сообщеніе это, къ сожалѣнію, не сообщаетъ намъ ничего характернаго. Несравненно краснорѣчивѣе молчаніе Беккера.

Еще извѣстенъ „*Andocides in codice recenti*“, найденномъ Монфокономъ въ Римѣ въ *bibliotheca Chiggia* ¹⁾. Одинъ-ли Андокидъ содержится въ кодексѣ? или же Андокидъ впереди? Самъ Монфоконъ свидѣтельствуетъ ²⁾, что *bibliotheca Chiggia* принадлежитъ къ числу сравнительно поверхностно осматрѣнныхъ имъ книгохранилищъ. Не знаю, слѣдуетъ ли и тутъ молчаніе Беккера считать краснорѣчимъ. Такъ или иначе, а *codex Chisianus* для насъ пока не существуетъ.

Въ заключеніе и для полноты перечня, скажу о вариантахъ, отмѣченныхъ на поляхъ двухъ Альдинъ, одной—Лейденской, другой—Гамбургской.

Первою, Альдиною Лейденской бібліотеки, пользовался голландецъ Янъ Оттонъ Слейтеръ, при составленіи своихъ прекрасныхъ *Lectiones Andocidaeae* ³⁾. „*Fortasse ex horum quoriam*“ (то-есть, изъ одного изъ италіанскихъ кодексовъ, упомянутыхъ Монфокономъ въ *Diar. Ital.*), говоритъ онъ въ предисловіи (стр. XVI), „*fluxerunt viri docti ad Andocidem Animadversiones, quas e margine Aldinae Editionis, quae servatur in Bibliotheca Leidensi, saepius protulimus: certe nonnullas earum e Codice MS. esse excerptas hinc efficitur, quod quaedam notatae sunt lectiones, vel non meliores vulgata vel etiam deteriores; nonnullis quoque de varietate lectionis adnotationibus nota γρ. aut C. est adjecta. De Codice Italo conjecturam hinc*

¹⁾ *Bibliotheca bibliothecarum I p. 175.*—*Diar. Ital. p. 238.*

²⁾ *Sic subtilius adornatam vides Bibliothecarum Basilianae ac S. Mariae Florentinae, quam Chiggiae ac Justinianae notitiam, quia scilicet non ad arbitrium semper, sed pro temporis ratione aditusque facultate rem gessimus. Diar. Ital. praef.*

³⁾ *Iani Ottonis Sluiter Lectiones Andocidaeae. Interiectae sunt Lud. Casp. Valckenærii ineditae et Io. Luzacii in Andocidem Animadversiones; item nonnulla ex codicibus mss. excerpta. Lugd.—Bat. MDCCCIV.*

duco quod auctor harum adnotationum ad initium Orationum Lysiacarum adscripserit (το-εсть, adscripsit) se eas excerptisse e Codice Veneto". Приходится, къ сожалѣнiю, гадательно отвѣчать на вопросъ: относятся ли Лейденскiе варианты только къ Лисию и Андокиду, любимцамъ Слейтера ¹⁾, или также къ другимъ ораторамъ, изданнымъ Альдомъ въ томъ же томѣ?

Считаю нелишнимъ привести цѣликомъ варианты къ Андокиду, такъ какъ книга Слейтера мало-кому доступна, а на сообщенiя Добсона въ изданiи ораторовъ (тоже, впрочемъ, рѣдко) положиться нельзя.

Ald.	Margo Ald.
I, 3 καταγινώσκειν	προκαταγινώσκειν
9 ὀρῶ δ' ὑμᾶς	ὀρῶν ὑμᾶς
15 προσωμολογεῖται	προσωμολόγηται
17 θημακέως	γρ. male μαθήκως ²⁾
19 ἀπογράφας αὐτῶν	ἀπογράφας αὐτὸν
23 οὐδὲ νῦν τοῖς ἐμέλησεν	οὐδὲν αὐτοῖς ἐμέλησεν
26 ἐλέετη	ἐλέετη
32 ἐπισκέπτω	ἐπισκῆπτω
44 μόλις	μόλις δὲ
47 ὀρχησάμενος	Ὀρχησαμένους
— μητέρας	μητέρας
56 κακῶν εἶναι	κακῶ εἶναι
— μὴν κακίας	μετὰ κακίας
61 ὁ μόνην	ἐμὸν ἦν, πωλείον autem equuleum accipio seu πωλίον potius.
71 εἰς ὅτι μὴδ' ἴσον	εἰς ὅτι μὴδ' ἴσου
74 ναυμαχίας	ἀναυμαχίας
81 ἐπειδὴ	ἐπειδὴ δὲ
85 χρῆσθε	χρῆσθε. καὶ μοι ἀνάγνωσθε τὸν νόμον· ἀγράφω νόμους τὰς ἀρχὰς μὴ χρῆσθαι.
— ἄνω γεγραμμένους	ἀναγεγραμμένους.
87 τὰς δὲ δίκας—ἐγένοντο	„librarii negligentia in codice omis- sa fuerunt“. (Sl.)

¹⁾ Praef. p. XII.

²⁾ Βεῖροιατο οπечатка у Сл. вмѣсто μαθήκως.

92	καὶ ἐκ ταύτης ἐπιχαρπίας	τάς ἐκ ταύτης ἐπιχαρπίας
96	ἐὰν τις	videtur esse corruptum ex aliquo nomine proprio: leg. Διαντίς· ἐστὶ δὲ φολή.
97	καὶ λόγῳ καὶ ψήφῳ	καὶ λόγῳ, καὶ ἔργῳ, καὶ ψήφῳ
98	πολλά καὶ ἀγαθὰ	πολλά καὶ καλὰ καὶ ἀγαθὰ
101	ἀπὸ τῶν τριάκοντα	ὑπὸ τῶν τριάκοντα
—	οὐδὲν τούτων πεποιήκας οὐδέν;	οὐδὲ τούτων πεποιήκας οὐδέν;
δέν;		
121	συναϊκήσων	συναϊκήσων
122	εἰμὶοὶ χρωμένους	εἰμοὶ καὶ χρωμένους
124		„Ad hanc narrationem de facinore Calliæ et duabus ejus uxoribus, altera matre, filia altera, simile A. Aurii Melini scelus notat Vir Doct. in M. Ald. (quod narrat Cicero pro Cluentio c. 5)*. (Sl.)
125	μὲν εἶναι	μὴ εἶναι
126	οἶον	ἦγον.
—	εἶναι οἶον	εἶναι οἱ οἶον
133	τὸ, πόσους ὑμεῖς	οὗς ὑμεῖς) aliquis declarandi causa addidit τόπος.
134	δύο	τρία
—	ἀπελάσας καὶ τούτους	ἀπελάσας, δὲ τούτους
138	οὐκ ἐξῆν	ὄτ' ἐξῆν
146	τότ' αὖ	τότ' ἦν
147	ὑπέδειξαν	ἀπέδειξαν
149	χρόνῳ μεταμελήσῃ	χρόνῳ ὑμῖν μεταμελήσῃ.

Κο второй рѣчи вариантовъ у Сл. не имѣется, къ третьей—точно также, къ четвертой—всего четыре:

IV, 6	ἐπιθομητάς	ἔτι μιμητάς
18	συμβούλοις	σύμβολοις ¹⁾
27	ἀφαιρούμενους	ἀφαιρούμενος
32	Διδυμίου	Διδύμου

Изъ четырехъ послѣднихъ вариантовъ первый и четвертый конъектуры, и притомъ неудачныя. Второй и третій подтверждаются всѣми

¹⁾ Опіска или опечатка.

известными списками. Если они тѣмъ не менѣе тоже конъектуры, что весьма возможно (συμβόλος предложилъ и Рейске, ἀφαρόμενος — Этьенъ), то, стало быть, въ четвертой рѣчи Андокида „vir doctus“ не сличалъ никакой рукописи. Въ первой рѣчи несомнѣнно основаны на догадкѣ слѣдующіе варианты: I 15 προσωμολόγηται (предл. и Рейске), 47 Ὁρχησαμένου (ὄρχησαμένος не правилось и Рейске), 61 ἐμὸν ἦν, 74 ἀναυμαχίου ¹⁾ (предл. Валкенаръ и другіе), 96 Αἰαντίς, 101 οὐδὲ τούτων πεποιήκας οὐδέν; 121 συνοικήσειν, 126 εἶναι οἱ οἶόν (предл. и Рейске), 133 οὐς ὑμεῖς, 138 ὅτ' ἔξῃν (рукописи: οὐ παρ' ἦν). Почти все остальные варианты согласны съ чтеніями всѣхъ нашихъ рукописей. Часть этихъ поправокъ могла быть опять таки сдѣлана безъ помощи рукописи, напримеръ: 19 ἀπογράφας αὐτὸν (предл. и Рейске), 23 οὐδὲν αὐτοῖς ἐμέλησεν (Рейске и Валкенаръ), 26 ἐλέγη (Этьенъ), 32 ἐπισκήπτω (онъ же), 56 μετὰ κακίας (Рейске), 81 ἐπιπῶ δὲ (Слейтеръ), 85 ἀναγεγραμμένους (Рейске), 101 ὑπὸ τῶν τρ. (Валкенаръ), 125 μὴ εἶναι (Рейске и Валкенаръ), 134 ἀπελάσας δὲ τούτους (Рейске), 146 τὸτ' ἦν (Рейске), 147 ἀπέδειξαν (Рейске) и еще нѣкоторые другія. За то, напримеръ, 3 προκαταγινώσκειν, 71 εἰς ὅτι μηδ' ἴσου (= Ἰσοτιμίδης οὐδ'), 85 вставка словъ καὶ μοι ἀνάγνωσθα (то-есть καὶ μοι ἀνάγνωθι) τὸν νόμον· ἀγράφ (δὲ) νόμῳ τὰς ἀρχὰς μὴ χρῆσθαι, 97 вставка καὶ ἔργῳ, 134 τρία, 149 вставка ὑμῖν, навѣрное взяты изъ какой нибудь рукописи. О сличеніи рукописи прямо свидѣтельствуютъ двѣ замѣтки: 17 „γρ. male μαθηκῶς“ (такъ читается въ нашихъ BLMZ, А имѣеть θημακῶς) и 87 τὰς δὲ δίκας—ἐγένοντο „omissa in codice“. Каковъ же былъ этотъ кодексъ? Сколько известно, ни въ одномъ изъ нашихъ списковъ не опущены въ § 87 слова τὰς δὲ δίκας—ἐγένοντο. Кромѣ того замѣчательнъ вариантъ 98 πολλὰ καὶ καλὰ καὶ ἀγαθὰ (вмѣсто πολλὰ καὶ ἀγαθὰ), quod sive ex codice sive ex conjectura notaverit V. D., necessarium non videtur, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Слейтеръ. Ничего другого своеобразнаго въ Лейденскихъ вариантахъ къ Андокиду нѣтъ. Въ виду чтенія 17. μαθηκῶς можно думать, что источникъ ихъ былъ списанъ съ одной изъ рукописей BLMZ. Однако, такъ ли это или нѣтъ, рѣшительно безразлично: Лейденскіе варианты къ Андокиду намъ не нужны.

То же можно сказать, по моему разумѣнію, о вариантахъ, написанныхъ на поляхъ изданія Альда Гамбургской городской бібліотеки

¹⁾ ἀναυμαχίας, должно быть, опечатка у Слейтера. Онъ самъ говоритъ, что *ту же* догадку предложили Пети, Кустеръ и Тейлоръ, а они предложили именно ἀναυμαχίου. Нечего и говорить, что ἀναυμαχία не греческое слово.

(Stadtbibliothek) ¹⁾. О нихъ въ довѣйшее время много писалъ Розенбергъ, писалъ и, какъ общалъ, будетъ писать и, надѣясь, придетъ наконецъ къ тому же выводу, какъ и я, хотя, впрочемъ, надежда, что онъ придетъ къ какому нибудь выводу, плоха ²⁾. Мнѣ известны Гамбургскіе варианты къ Эскину, Лисію и Либургу, а имѣются таковыя, по словамъ Розенберга, еще къ Андокиду и Исею. Варианты къ Либургу приведены въ изданіи Озана, числомъ 13. Оказывается, что 9 изъ 13 тождественны съ чтеніями всѣхъ нашихъ рукописей; одинъ вариантъ представляетъ собою случайное искаженіе принятаго теперь общаго рукописнаго чтенія ³⁾, одинъ нашелся только въ Cod. Crippsianus, остальные два не найдены ни въ одномъ изъ списковъ. Послѣднія три чтенія (§ 40 τῶν νόμων вм. τὸν νόμον, § 4 ὅτ' ἀμφότερων вм. ἐπ' ἀμφ., § 12 βουλευέσθε вм. βούλεσθε) предложены были также Этьенномъ, Рейске и Тейлоромъ, такъ что въ возможности ихъ возникновенія по догадкѣ нѣтъ никакого сомнѣнія. Такимъ образомъ значеніе Гамбургскихъ вариантовъ въ Либургѣ сводится къ нулю. О вариантахъ къ Андокиду и Исею я, не издавши ихъ, судить не могу; однако имѣю нѣкоторое основаніе думать, что первые, то-есть варианты къ Андокиду, совершенно одинаковаго значенія съ Лейденскими. Основаніе это заключается въ тождествѣ Лейденскихъ вариантовъ (и замѣтокъ) къ Лисію съ Гамбургскими, на столько полно, что они должны быть списаны одни съ другихъ, если не предположить общій для тѣхъ и другихъ источникъ, то-есть не рукопись какую нибудь ораторовъ, а такіе же точно варианты и замѣтки. Выше уже приведены слова Слѣйтера: auctor harum (Лейденскихъ) adnotationum ad initium orationum Lysiacarum adscripsit se eas ex-

¹⁾ См. Fr. Franke, *Lectiones Aeschineae* въ *Philologus*, Erster Supplementband стр. 429.

²⁾ *E. Rosenberg* 1) *Progr. Ratibor* 1875 г. (известна мнѣ только по ссылкамъ). 2) *Zur Handschriftenkunde des Aeschines* въ *Neue Jahrbücher für Philol. Fleckheisen*, томъ 111, стр. 59 и слѣд. 3) *Handschriftliches zu Lysias* въ *Philologus* т. XXXV, стр. 263 и слѣд. За полноту перечня не ручаюсь.

³⁾ § 46 ἐπειδὴ κάκεινοι εἰς τὴν κοινὴν σωτηρίαν τῆς πόλεως τὰς ψυχὰς αὐτῶν ἀνάλυσαν ἐν τοῖς δημοσίοις καὶ κοινοῖς ἀγῶσι τῆς πόλεως и т. д. У Альда слова τὰς ψυχὰς — τῆς πόλεως замѣнены однимъ словомъ ἐτελεύτησαν. Въ гамб. Альдиннѣ предложено вмѣсто τῆς πόλεως ἐτελεύτησαν читать τὰς ψυχὰς — τῆς πόλεως. Недоразумѣніе явное, но быть можетъ не того, кто приписалъ вариантъ. Муретъ въ своихъ *Variae Lectiones* кн. XVII, гл. 6 совершенно также, также не вполне, исправляетъ ошибку Альда, на основаніи какого списка—неизвестно.

cerpsisse e Codice Veneto (стр. XVI); первая рѣчь in Codice Veneto inscribitur κατ' Ἐρατοσθένους μουχείας (стр. 242). Въ Гамбургской Альдинѣ на стр. 86, гдѣ начинается Лисій, написано „ex libro veteri veneto locutio κατ' ἐρατοσθένους μουχείας“. Не имѣя тутъ дѣла съ Лисіемъ, предоставляю желающимъ самимъ сравнить между собою тѣ и другіе варианты ¹⁾; уважу только на одну еще общую тѣмъ и другимъ замѣтку въ началу XII рѣчи: zunächst wird daran erinnert, dass der anfang der rede ähnlichkeit habe mit Cicero pro lege Manilia. Такъ говоритъ Розенбергъ ²⁾. А Слэйтеръ: Initium Orationis monente V. D. in M. Ald. expressit Cicero pro lege Manilia cap. 1. Hujus autem orationis difficilius est exitum, quam principium invenire ³⁾. Мнѣ думается, что мы не напрасно будемъ считать виноградъ кислымъ.

¹⁾ Sluiter l. d. стр. 242 и слѣд. Rosenberg, Philologus, т. XXXV, стр. 263 и слѣд.

²⁾ Стр. 269.

³⁾ Есть предположеніе, что авторъ этихъ замѣтокъ и вариантовъ никто иной, какъ Маркъ Антоній Муретъ. См. дѣльную статью Тальгейма въ Neue Jahrbücher Флекейзена, т. 105 (1877 г.), стр. 679.

В. Ермишсдтъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БИБЛИОГРАФІЯ.

Греческо-русскій словарь, составленный *А. Д. Вейсманомъ*, экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-Филологическаго института. С.-Петербургъ 1879. Напечатанъ въ типографіи Бера и Германа въ Лейпцигѣ.

Врядъ ли когда нибудь ожидалось въ нашей учебной литературѣ появленіе учебнаго пособия съ большимъ нетерпѣніемъ, врядъ ли ощущался сильнѣе въ гимназіяхъ недостатокъ въ книгѣ, удовлетворяющей потребностямъ ежедневныхъ ученическихъ занятій, какъ это случилось съ греческо-русскимъ словаремъ, примѣненнымъ къ нуждамъ учащагося юношества. Дѣйствительно, въ виду неудовлетворительности того, что до сихъ поръ имѣлось, можно было только удивляться изворотливости и изобрѣтательности учениковъ, умудрившихся читать и отлично переводить такихъ писателей, какъ Геродотъ, Демосенъ, Лукіанъ, Софокль и Еврипидъ, если бы нескромный взглядъ въ закулисныя тайны не убѣждалъ каждый разъ преждевременно восторгавшагося способностями своихъ учениковъ преподавателя, что такое мнимо блестящее пониманіе трудныхъ мѣстъ авторовъ достигалось лишь при помощи разныхъ иностранныхъ изданій съ подстрочными переводами или вслѣдствіе того, что немногіе ученики, владѣвшіе иностранными словарями, готовили въ свободное время своихъ товарищей.

Давно уже существующій греческо-русскій словарь г. Косовича нельзя считать пособиемъ для учащихся уже потому, что онъ раскупленъ, и очень немногимъ удастся теперь пользоваться имъ. Кромѣ

того, онъ страдаетъ значительными недостатками, которыхъ я здѣсь не касаюсь, ибо въ свое время, вѣроятно, было на нихъ указало.

Г. Синайскій при составленіи своего словаря не хотѣлъ или, можетъ быть, не сумѣлъ сообразоваться съ потребностями нашихъ гимназій: неправильныя формы глаголовъ означены имъ только въ рѣдкихъ случаяхъ; словарь его обнимаетъ всю греческую литературу съ древнѣйшихъ временъ (чуть ли не за полуторы тысячи лѣтъ), но при этомъ онъ вовсе не содержитъ объясненій, когда и какъ долго данное слово употреблялось или имѣло извѣстное значеніе. Результатомъ было то, что слово, встрѣчающееся лишь у Гомера, стоитъ рядомъ съ словомъ, попадающимся у какого-нибудь позднѣйшаго церковнаго писателя или — что еще хуже — безъ всякаго порядка указано множество самыхъ разнородныхъ значеній извѣстнаго слова, изъ которыхъ ученіе конечно не сумѣетъ выбрать необходимое для него. Для примѣра остановлюсь на словахъ λέγω и κόσμος, наудачу выбранныхъ: „λέγω, говорю, повѣствую, называю; кладу, укладываю въ постель, усыпляю; сред. ложусь, лежу (!), сплю, складываю, собираю, избираю, выбираю; причисляю, считаю, исчисляю; имѣю основаніе (!), говорю дѣльное; ὁ λεγόμενος извѣстный“. (!)—должно бы: такъ называемый—; „τὸ λεγόμενον какъ говорить пословица, какъ говорить, οἱ λέγοντες, ораторы; κακῶς λέγειν τινα (безъ ударенія) худо отзываться о комъ нибудь“. Тутъ ничего не упоминается ни о разницѣ между ἐλέγην и ἐλέχθην, εἰλέμαι и ἐλέεμαι, ни о томъ, что λέγω въ смыслѣ выбирать, избирать и т. п. встрѣчается въ прозѣ только въ сложныхъ и т. д. „Κόσμος“, значится на стр. 422: „порядокъ, красота, доброе распоряженіе...; міръ, свѣтъ..., οἱ κόσμοι свѣтила небесныя; космосъ (Гумбольда), савонникъ въ Критѣ съ властью эфоровъ“. — Для любителей остроумныхъ толкованій я указываю еще на сказанное подъ словомъ μῆδος: „μῆδος, τὸ, забота, рѣшеніе, планъ; замысль, намѣреніе; μῆδεα τὰ, тайн. муж. члены, такъ какъ въ устройствѣ этого органа замѣтна не описанная премудрость“!!

Какъ образецъ просто чудовищной въ наше время этимологій приведу еще одно мѣсто о происхожденіи слова πατήρ: „πατήρ, отецъ.. (πα—πάπα и τήρ τήρει, τήρεω,—папа! соблюди меня (??), возьми меня! голосъ младенца, протягивающаго свои ручки къ родителю, голосъ младенца, съ проявленія въ эту жизнь, требующаго помощи, защиты противъ горестей этой жизни, голосъ падшаго человѣка“. Не говоря уже о существованіи этого слова въ другихъ языкахъ (санскритскомъ, латинскомъ, германскихъ), неужели г. Синайскій не замѣтилъ, что если

въ корнѣ слова *πατήρ* имѣется вообще звукъ *e*, то это *e* коротко; съ какою же стати онъ усматриваетъ въ слогѣ *τήρ* глаголь *τήρει*? Если бы г. Синайскій составилъ когда нибудь латинскій словарь, то намъ пришлось бы вѣроятно встрѣтить у него слѣдующую этимологию латинскаго *pater* какъ pendantъ къ его греческому собрату *πατήρ*: „*pa-ter*, *pa*—*pa*ра, *te*re, *te*ro,—папа! три меня, три мнѣ уши, голосъ „падшаго“ человѣка, сознающаго свои грѣхи“. Къ этимъ недостаткамъ словаря присоединяется еще почти полное отсутствіе оборотовъ и указаній съ какимъ падежомъ или съ какимъ предлогомъ сочетается данное слово.

Въ исключительномъ почти употребленіи у учениковъ среднихъ и высшихъ классовъ нашихъ гимназій были изданія г. Кремера, то-есть, Тейбнеровскіе тексты съ присоединенными къ нимъ специальными словариками.

Употребленіе специальныхъ словарей со стороны учащихся вредно уже потому, что пользующійся такимъ пособіемъ не можетъ составить надлежащаго понятія о дѣйствительномъ значеніи и употребленіи даннаго слова, ибо въ специальныхъ словаряхъ указываются только такія значенія (точнѣе слѣдовало бы сказать переводы) и сочетанія, которыя встрѣчаются въ томъ произведеніи, для котораго предназначены словарь. Если что нибудь, то именно эти специальные словари способствуютъ ложному представленію учениковъ, будто переводъ и значеніе слова одно и то же. Кромѣ того, словари эти часто уже черезъ чуръ облегчаютъ трудъ ученику, такъ какъ переводовъ помѣщено въ нихъ болѣе чѣмъ слѣдовало бы. Что касается въ частности словарей г. Кремера, то единственно коммерческими соображеніями могу я объяснить, почему заграничный текстъ переплетается вмѣстѣ съ русскимъ словаремъ и все это вмѣстѣ продается подъ видомъ русскаго издѣлія? Вслѣдствіе какихъ причинъ словари г. Кремера не продаются отдѣльно? Вѣдь неудобства того, что текстъ съ словаремъ переплетены вмѣстѣ, слишкомъ очевидны: постоянно приходится преподавателю напоминать ученикамъ, чтобы они слѣдили за урокомъ и не рылись во время классныхъ занятій въ своихъ словаряхъ. Но и съ этимъ можно было бы еще примириться, если бы словари г. Кремера не страдали другими важными недостатками, на которые я укажу здѣсь только мимоходомъ, потому что всякій, употребляющій ихъ, можетъ подтвердить каждое изъ моихъ замѣчаній достаточнымъ числомъ примѣровъ: 1) они не полны (напримѣръ недостаетъ *ἡσπίς* въ словарь къ *Κεν. Anab.*), 2) они не принимаютъ

въ расчетъ тѣхъ тексты, къ которымъ относятся, то-есть въ текстѣ находится одно чтеніе, а въ словарь другое (напримѣръ Xen. Суг. I 3, 4 въ текстѣ λεχάριον, въ словарь λεχάριον, а слова λεχάριον тамъ нѣтъ), 3) въ нихъ встрѣчаются иногда очень грубыя ошибки (напримѣръ въ словарь къ Киропедіи смѣшиваются οἰκῆτωρ и οἰκῆτης, ибо о послѣднемъ изъ этихъ словъ сказано, что оно означаетъ „житель“; въ словарь къ Геродоту ученики знакомятся съ неслыханнымъ глаголомъ ἐξανδραποδιώμασι, потому что Her. I 68 читается part. fut. ἐξανδραποδιώμενοι).

Впрочемъ, даже если бы словари г. Кремера были во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненны, они все таки не избавили бы учениковъ отъ необходимости имѣть общій словарь, потому что для тѣхъ писателей, для которыхъ не предвидѣлось значительнаго числа покупателей, какъ-то для Геродота (книги 2 — 9), Софокла, Еврипида, Демосоена, Фукидида и др., подобные словари г. Кремеромъ не составлены.

Наконецъ надо обратить вниманіе еще на одно обстоятельство: большинство учениковъ гимназій не богаты, и пріобрѣтеніе восьми словарей составляетъ для нихъ чувствительный расходъ; не слѣдуетъ при этомъ забывать, что навѣрно половина всѣхъ словъ непременно будетъ находиться въ каждомъ отдѣльномъ словарѣ.

Пора однако обратиться къ словарю, который далъ мнѣ поводъ высказать всѣ эти замѣчанія. Но и тутъ я долженъ еще сдѣлать оговорку. Дѣло въ томъ, что словарь не такая книга, прочитавъ которую отъ начала до конца можно составить вполне основательное о ней сужденіе; конечно, отдѣльныя достоинства или недостатки его будутъ замѣчены и при подобномъ просмотрѣ, но только долговременное употребленіе знакомитъ насъ съ нимъ надлежащимъ образомъ. Если поэтому я рѣшился уже теперь, почти тотчасъ по выходѣ книги въ свѣтъ, приступить къ ея разбору, то мною руководитъ желаніе дать читателямъ этого журнала хотя нѣкоторое понятіе о трудѣ г. Вейсмана. Нижеслѣдующія мои замѣтки отнюдь не претендуютъ на полноту.

Было бы излишне говорить о причинахъ, побудившихъ автора напечатать свой трудъ за границей, въ Лейпцигѣ; внѣшняя сторона словаря и правильность греческаго текста отъ этого только выиграли.

Просматривая довольно тщательно нѣкоторыя части словаря, я не нашелъ въ греческихъ словахъ ни одной опечатки, которая не была

бы замѣчена и исправлена самимъ издателемъ въ концѣ книги ¹⁾, если не считать немногихъ погрѣшностей въ знакахъ и удареніяхъ. Можно было ожидать, что вслѣдствіе сравнительно малой распространенности знанія русскаго языка за границей, русскій текстъ будетъ исцещренъ множествомъ опечатокъ. Какъ неосновательно оказалось однако это предположеніе, видно изъ того, что на первыхъ 135 страницахъ мнѣ удалось отыскать лишь слѣдующія ошибки:

Стр.	Стр.	Напечатано.	Вмѣсто.
8	4	начинающаго	начинающагося
15	21	Эллада	Эллада
28	42	Эгипетскій	Египетскій
		и чаще	Египеть
41	33	на тощайъ	на тощахъ
—	39	извѣстковаго	известоваго
56	50	перемѣнятся	перемѣнятся
59	27	богина	богиня
64	21	промѣнимать	промѣнивать
64	52	городъ	городъ
96	60	унич-тожать	уни-чтожать
127	27	протестовать	протестовать
133	59	продиводѣйствовать	противодѣйствовать.

Если заключить изъ этого (и нѣтъ причины сомнѣваться въ вѣрности такого вывода), что и на остальныхъ страницахъ опечатки одинаково ничтожны и малочисленны, то по всей справедливости словарь г. Вейсмана можетъ въ этомъ отношеніи соперничать, если не со всякою книгой, напечатанною въ Россіи, то по крайней мѣрѣ со всѣми въ Россіи изданными словарями. Онъ обладаетъ однимъ важнымъ преимуществомъ передъ всѣми однородными ему изданіями, а именно, почти вездѣ строго разграничиваетъ виды русскихъ глаголовъ, такъ что inf. praes. переводится несовершеннымъ видомъ, а inf. aor. видомъ совершеннымъ; отступленія отъ этого правила чрезвычайно рѣдки; такъ я замѣтилъ на стр. 454 ἐξαφρίσσαι „дать выкипѣть“ вмѣсто давать выкипѣть, ἀνατρέσαι „зачать“; нерѣдко даже указывается прямо на видовое различіе греческихъ глагольных формъ, напримѣръ стр. 855 „ξηραίνω сушить, aor. высушить, страд. сохнутъ, aor. высохнуть“.

¹⁾ Число ихъ не болѣе 170 (приблизительно) на 1360 страницахъ въ 71 строку каждая.

Относительно допущенія или недопущенія извѣстныхъ словъ, выбора оборотовъ и т. д. словарь г. Вейсмана имѣеть много общаго съ извѣстными словарями Вензелера и Шенкля, не будучи однако простымъ переводомъ ни того ни другаго изъ нихъ, хотя по многимъ признакамъ можно предполагать, что авторъ положилъ въ основу своего труда словарь Шенкля. Для того, кто знакомъ съ упомянутыми мною нѣмецкими словарями, мнѣ не остается ничего прибавить къ сказанному для характеристики разбираемаго новаго русско-греческаго словаря: всѣ тѣ качества, которыя обезпечили обоимъ нѣмецкимъ словарямъ огромный успѣхъ въ Германіи,—тщательность, добросовѣстность труда, полное знаніе дѣла, строгая выдержанность и послѣдовательность въ соблюденіи положенныхъ въ основаніе принциповъ, устраненіе лишняго для учащихся матеріала — заключаются вполне и въ словарь г. Вейсмана.

Прежде чѣмъ приступить къ тѣмъ отдѣльнымъ замѣткамъ, къ которымъ даетъ поводъ разбираемая книга, считаю не излишнимъ выписать одно мѣсто изъ предисловія, гдѣ авторъ излагаетъ основную свой взглядъ: „При составленіи словаря“, говоритъ онъ, „имѣлъ я въ виду преимущественно учебную цѣль. Поэтому я ограничился тѣми авторами, которые большею частью читаются въ нашихъ гимназіяхъ и высшихъ заведеніяхъ, а именно Гомеромъ, Геродотомъ, Эсхиломъ, Софокломъ, Еврипидомъ, Ксенофонтомъ, Фукидидомъ, Демосѣеномъ, Платономъ и Плутархомъ ¹⁾. Присоединилъ я къ нимъ еще слова Новаго Завѣта. Затѣмъ при объясненіи словъ обратилъ я вниманіе на все то, что можетъ служить помощію при чтеніи автора и вообще содѣйствовать болѣе точному пониманію слова и его употребленія въ языкѣ. Съ этою цѣлью: 1) указаны мною конструкціи при глаголахъ и именахъ и способъ ихъ передачи на русскій языкъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда конструкціи обоихъ языковъ значительно расходятся между собою; 2) приводятся особыя выраженія и фразы, преимущественно такія, которыя не могутъ быть переданы дословно или же непонятны въ дословномъ переводѣ; 3) обращено особенное вниманіе на трудныя мѣста въ авторахъ, и,

¹⁾ Изъ названныхъ авторовъ только Ксенофонтъ, Платонъ и Плутархъ не вполне вошли въ составъ словаря: изъ сочиненій Ксенофонта приняты во вниманіе только Анабазисъ, Киropедія, Меморабилія и Гелленика, какъ наиболее читаемыя, изъ Платона все, кромѣ заподозрѣнныхъ диалоговъ и сочиненія его о законахъ, изъ Плутарха только жизнеописанія.

если существуютъ различныя толкованія, то приводятся и эти толкованія; въ мѣстахъ же испорченныхъ указываются поправки или конъектуры новѣйшихъ филологовъ; 4) по возможности точнѣе разграничивается значеніе синонимическихъ словъ, разумѣется, если для такого разграниченія представляются данныя самими авторами; 5) для облегченія болѣе правильнаго чтенія стиховъ отмѣчается краткость и долгота слоговъ въ каждомъ первообразномъ словѣ и въ тѣхъ составныхъ словахъ, которыя происходятъ отъ словъ, не вошедшихъ въ этотъ лексиконъ; 6) отдѣляются формы глаголовъ, именъ, а также и другихъ частей рѣчи, употребительныя и общія отъ менѣ употребительныхъ, діалектическихъ и поэтическихъ; для того, чтобы облегчить присканіе слова, помѣщены отдѣльно формы болѣе трудныя въ томъ мѣстѣ, гдѣ имъ приходится стоять въ алфавитномъ порядкѣ, съ указаніемъ на то слово, къ которому онѣ относятся; 7) указывается особыми сокращенными знаками на то, принадлежитъ ли слово или извѣстное значеніе его общему прозаическому языку, или же только поэзіи, или же какому либо діалекту или, наконецъ, одному какому-либо писателю; за исходную точку при этомъ опредѣленіи принять языкъ аттическихъ прозаиковъ (Ксенофонта, Демосеена, Платона, Лизія и др.); наконецъ, 8) помѣщены въ словарь и имена собственные, особенно тѣ, которыя требуютъ нѣкотораго объясненія, какъ то: имена боговъ, храмовъ, праздниковъ, и т. п., а также имена собственные, употребляемыя въ нарицательномъ значеніи. Изъ именъ географическихъ я помѣстилъ только главнѣйшія, преимущественно тѣ, которыя встрѣчаются у поэтовъ. Помѣщать же всѣ имена собственные, какія только упоминаются избранными мною авторами, я считалъ излишнимъ, такъ какъ это увеличило бы напрасно объемъ лексикона, безъ всякой пользы для учащихся“.

Если бы кто нибудь составилъ сужденіе о новомъ словарѣ только на основаніи этихъ словъ г. Вейсмана, то онъ не былъ бы въ состояніи оцѣнить надлежащимъ образомъ ту пользу, которую учащіеся могутъ извлечь изъ означенной книги. Дѣло въ томъ, что г. Вейсманъ не только выполняетъ обѣщанія, содержащіяся въ предисловіи, но даетъ даже болѣе, чѣмъ обѣщаль.

Такъ, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда простой переводъ не достаточно выяснилъ бы значенія даннаго слова, словарь предлагаетъ иногда пространныя объясненія, относящіяся къ исторіи или древностямъ; вслѣдствіе того, во многихъ случаяхъ, онъ замѣняетъ такъ называемый реальный словарь: см., напримѣръ, сказанное при сло-

вахъ *καὶ* *αὐτοῦ* *αὐτοῦ*, *πρωταεῖα*, *πρωταεῖτον*, *κὺρβας*, *λεϊτοοργία*, *σπιμωρία*, *ξένος*. Недостаточно, впрочемъ, сказаннаго о словѣ *σῆκος* въ виду известной рѣчи Лизія (VII περὶ σῆκοῦ). Руководствовался г. Вейсманъ, очевидно, тою вполне вѣрною мыслью, что, за неимѣніемъ реального словаря въ нашей учебной литературѣ, учащіеся будутъ обращаться и за такими свѣдѣніями къ греческо-русскому словарю, какъ и вообще желательно, чтобы ученики приготавливаясь къ урокамъ, сосредоточивали свои занятія на возможно меньшемъ числѣ книгъ.

Тѣмъ менѣе понятно, почему авторъ поспешилъ относительно собственныхъ именъ (см. выше, пунктъ 8-й предисловія). Можно было бы думать, что соображенія, побудившія автора помѣстить въ словарь упомянутыя выше объясненія историческія и т. п., должны были бы заставить его не пропускать многихъ именъ собственныхъ. Совершенно непонятно для меня, почему онъ принялъ „изъ именъ географическихъ преимущественно тѣ, которыя встрѣчаются у поэтовъ“. Дѣйствительно, напрасно было бы искать въ словарѣ г. Вейсмана такія имена, какъ *Καλαυρία*, *Ἡρακλεία*, *Ἐρύθραι*, *Ἀλεξάνδρεια*, *Βούζαντιον*, *Κορώνεια*, *Ἰσόος*, *Κοῦναξα* или *Ἀρκάς*, *Πανάσις*, *Ἠσίδοος*. Полагаю, что при чтеніи историка, свѣдѣнія о странахъ, рѣкахъ, городахъ, народахъ и т. д. даже гораздо важнѣе для пониманія даннаго мѣста, чѣмъ при чтеніи поэта, гдѣ мѣстность играетъ обыкновенно не столь важную роль. Кромѣ того, надо обратить вниманіе еще на одно немаловажное обстоятельство, которое въ другихъ отношеніяхъ, очевидно, не упущено авторомъ изъ виду, именно на письменные переводы съ русскаго на греческій. Гдѣ искать ученику указаній относительно правописанія, окончанія и склоненія даннаго собственнаго имени, если не въ греческо-русскомъ словарѣ?

На основаніи всего сказаннаго, я не могу не посовѣтовать автору при второмъ изданіи его труда быть пощедрѣе на собственные имена. Даже если бы пришлось помѣстить ихъ цѣлую тысячу, то, по моему разсчету, это заняло бы не болѣе 15—20 страницъ, что никакъ нельзя назвать значительнымъ увеличеніемъ объема книги, заключающей въ себѣ 1368 столбцевъ или 684 страницы.

Выше я замѣтилъ, что авторъ, очевидно, имѣлъ въ виду письменныя упражненія учащихся. Заключаю это изъ того, что при всѣхъ глаголахъ, сколько нибудь неправильныхъ, указаны главныя формы, причемъ принято въ расчетъ, употребляется ли известная форма у аттическихъ писателей или нѣтъ. Такъ, напримѣръ, замѣчено вполне вѣрно, что *σέπτομαι* въ Praes. и Imperf. замѣняется у аттиковъ со

отвѣтствующими формами глагола *οκοιέω*, не употребляющагося въ прочихъ формахъ. Сообщенный г. Вейсманомъ матеріалъ только въ рѣдкихъ случаяхъ нуждается въ пополненіяхъ или исправленіяхъ. Такъ, напримѣръ, слѣдовало при *ἔρχομαι* сказать, что *adi. verbale* этого глагола *ἵσταν*.

При глаголѣ *ποιέω* не мѣшало бы замѣтить, что оборотамъ *ποιεῖσθαι εἰρήνην*, *σπονδάς*, *κόλασεν* и т. д. соотвѣтствуетъ въ смыслѣ страдательнаго залога *εἰρήνην*, *κόλαστος* и т. д. *γίγνεται*. — При соотвѣтствующихъ глаголахъ замѣчено вѣрно, что Fut. Med. *δηλώσομαι*, *εὐχαροῦμαι*, *καλοῦμαι*, *ὀνειδιῶμαι*, *στογῆσομαι*, *τιμῆσομαι* употребляются у Софокла въ смыслѣ будущаго страдательнаго; слѣдовало бы указать то же самое относительно формъ *ᾠανοῦμαι*, *ἀξιώσομαι*, *λέξομαι*, *ἐξνώσομαι*, *τελοῦμαι* и *φολάζομαι*.

При *τόπτε* выставлены страдательныя формы *τέτομμαι* и *ἐτόπην* какъ правильныя; тутъ упущено изъ виду, что эти формы у классическихъ прозаиковъ вовсе не встрѣчаются и что вмѣсто нихъ были въ употребленіи *πέπληγμαι* и *ἐπλήγην* (см. статью г. Наука, Жур. Мин. Нар. Пр. 1878; июнь, стр. 231, отд. кл. фил.). При томъ же глаголѣ значится „рѣдко поэт. ао. 2. ἔτοπον“; вмѣсто этого надо было бы сказать, что эта форма встрѣчается у классиковъ всего только одинъ разъ (Eur. Ion. 767) и что новѣйшими критиками она заподозрѣна. — При *δαίω* не говорится ни одного слова о томъ, что этотъ глаголъ въ Graes. и Imperf. у доалександрійскихъ писателей не встрѣчается (не исключая даже Гомера, хотя въ большинствѣ изданій этого поэта формы эти еще встрѣчаются; ср. Жур. Мин. Нар. Пр. июнь 1878, стр. 249).

При *ἔπομαι* названы формы сильнаго аориста *ἔσπεμαι*, *ἔσποιμην* *ἔσπεσθε*, *ἔσπομενος* апическими; по изслѣдованіямъ И. Беккера слѣдовало бы сказать, что эти въ нынѣшнихъ изданіяхъ часто еще попадающіеся формы невѣрны — вмѣсто *σπῶμαι*, *σποιμην*, *σπέσθε* и т. д. (см. Жур. Мин. Нар. Пр. 1878, июнь, стр. 235 сл.).

При *ὄραω* мы находимъ невѣрное Perf. *ὄραχα*. Если эту форму нельзя было совершенно исключить изъ словаря, въ виду того, что она

еще встрѣчается почти во всѣхъ грамматикахъ и многихъ текстахъ, то по крайней мѣрѣ не слѣдовало обойти молчаніемъ единственно вѣрную форму *εώρακα*. Такъ какъ рукописи писателей относительно этой формы постоянно колеблются, а надписи представляютъ исключительно *εώρακα*, то въ правильности одной изъ этихъ формъ и неправильности другой (*εώρακα*) сомнѣваться нельзя.

То же самое надо сказать относительно формъ прошедшихъ временъ глагола *εώρακω*; у г. Вейсмана помѣщено только *εωρον* и т. д., между тѣмъ какъ надписи представляютъ исключительно *εωρον*, *εωρισκω*, *ηδωρικα*, *εωρισκας* и т. д. (ср. Wecklein, *Cyprae epigraphicae*, p. 33 и Ж. М. Н. Пр. 1876, ноябрь, стр. 45).

Далѣе находятся у г. Вейсмана вымышленные византийскими грамматиками глаголы *διαφρέω*, *επισφρέω*. Г. Наукъ (см. Ж. М. Н. Пр. 1876, дек., стр. 57, и 1878 июнь, стр. 260) совершенно убѣдительно доказалъ, что вмѣсто этихъ формъ слѣдуетъ образовать *διαφρίμι*, *επισφρίμι*.

При *χρή* не упомянуто *Put. χρήσται*, что тѣмъ менѣе слѣдовало пропустить, что во многихъ грамматикахъ еще говорится невѣрно *χρήσται*. Кромѣ того, г. Вейсманъ, кажется, держится еще старой теоріи, будто *χρήσται* происходитъ отъ *χράσται*, какъ можно это заключить по его словамъ: „корень *χρα.*, ср. *καυρημάτος* (*χράσται*) собственно задѣвать, касаться, желать, нуждаться“. *χρή* — нарѣчіе, а прочія формы произошли отъ сліянiя съ формами отъ *είναι*: *coni. χρή* вм. *χρή ή*, *opt. χρείη* вм. *χρή εἴη*, *part. χρεών* вм. *χρή ὄν* (ср. *βασιλέως* — *βασιλέως*), *inf. χρήναι* вм. *χρή εἶναι*. Далѣе читаемъ мы въ новомъ словарѣ: „неопр. *χρήναι* и поэт. *χρήν*“. Однако послѣдняя форма встрѣчается только *Eug. Нес. 260*, гдѣ вѣроятно надо читать *τὸ χρή*, какъ *Eug. Нес. 828*. При *δῶ* умолчено о разницѣ значенiя двухъ прош. соверш. *δέδοκα* съ долгимъ и короткимъ *ο*. При *τρέφω* *Aog. Pass.* поставлено невѣрно *ἀτρέφθην* вм. *ἐτρέφθην*. Тамъ же: „корень *τραφ*, *τροφ*“; первое однако можно считать только основою (нѣкоторыхъ формъ), а не корнемъ (всего глагола).

Вездѣ заботится издатель словаря о нуддахъ и возможныхъ за-

труднѣннѣхъ неопытнѣхъ учащихся. Такъ, наиримѣрь, принятіи имъ въ алфавитнѣй порядоѣ такія отдѣльныя формы, относительно которыхъ нетвердый въ этимологіи ученикъ можетъ сомнѣваться, къ какимъ глаголамъ онѣ относятся; такъ, наиримѣрь, при εἶω, ἤνευχον сказано см. φέρω, при εἶδον см. βράω и т. д. Не мѣшало бы принять и εἶων, ибо я знаю по опыту, что эта форма нерѣдко затрудняетъ учениковъ. Впрочемъ, заботливость о возможныхъ затрудненіяхъ учащихся не давала г. Вейсману права образовати несуществующую форму εἶθη; не болѣе основанія имѣлъ онъ для образованія формы εἶθη (безъ приращенія вм. εἶθη), такъ какъ она не встрѣчается у тѣхъ писателей, которыхъ г. Вейсманъ имѣлъ въ виду при составленіи своего словаря.

Вслѣдствіе того выше упомянутаго обстоятельства, что мнѣ не достаточно долго удалось пользоваться новымъ словаремъ при чтеніи авторовъ, я не могу считать себя вполне компетентнымъ судьей относительно полноты разбираемой книги. Тѣмъ не менѣе я долженъ замѣтить, что при различныхъ опытахъ, предпринятыхъ мною съ цѣлью провѣрки полноты словаря, я почти всегда находилъ тѣ свѣдѣнія, которыя нужны для пониманія авторовъ, читаемыхъ въ нашихъ гимназіяхъ. При чтеніи разныхъ отрывковъ Эвклида, Ксенофонта, Платона, Гомера, Геродота, Софокла и Еврипида я замѣтилъ только слѣдующее: недостаетъ словъ λεχάριον (чтенія нѣкоторыхъ изданій у Xen. Cyn. I 3, 4), συμπαιστός (чтенія у Xen. Cyn. I 3, 14), οἰκτιρῶ (чтенія [основывающагося на двухъ доэвклидовыхъ надписяхъ и подтверждающагося словами οἰκτιρός и οἰκτιρῶν] въ новыхъ изданіяхъ Софокла [Наука] и Еврипида [Привка]). При чтеніи ὄ, ἦ, τὸ не упоминается, что Gen. τοῦ сѣ неопр. обозначаетъ намѣреніе, наиримѣрь, Thuc. I, 4; при томъ же словѣ слѣдовало бы сказать, что τὸ δὲ у Платона часто встрѣчается для противопоставленія слѣдующей мысли предыдущей, такъ что можно перевести „между тѣмъ какъ“, наиримѣрь, Plat. Apol. 23 A. Слово ἀνθηραστός переводится „не Гефестовъ“; при такомъ переводѣ остается непонятнымъ Eur. Or. 621 ὀφθε δ᾽ αὖ ἀνθηραστῶ πορῆ. Наконецъ, недостаетъ въ словарѣ разныхъ грамматическихъ и другихъ терминовъ, какъ то: κατάληξις, καταληχτικός, ἀκατάληκτος, δέσμοφρον, συναλοιφή, ἐγκλιτικός, μετὰφορά, μετωνομία, στέσφρον и др. Хотя эти термины встрѣ-

чаются по большей части у писателей довольно позднихъ, однако желательно, чтобы ученикъ, постоянно слышащій въ школахъ эти термины, могъ отыскать ихъ въ словарѣ съ указаніемъ на ихъ настоящее значеніе. На стр. 253 надо исправить одну ошибку: Бэотійцы выражается не οἱ Βοιωτοί, какъ говорится въ словарѣ, а (οἱ) Βοιωτοί.

Относительно гомеровскихъ словъ и конструкций г. Вейсманъ придерживается иногда еще устарѣлыхъ возрѣній; приведу только два примѣра: 1) Ἀργεῖφόντης переводится: „убійца Аргоса“; это объясненіе отвергнуто въ теперешнее время почти всѣми на томъ основаніи, что Гомеръ еще не знаетъ мива объ Аргосѣ; по крайней мѣрѣ слѣдовало бы упомянуть о другомъ толкованіи, что Ἀργεῖφόντης происходитъ отъ прилаг. ἀργός и φαίνομαι, φαίνομαι. 2) Εἰ δ' ἄγε объяснено авторомъ по примѣру древнихъ грамматиковъ пропускомъ βούλει послѣ εἰ δέ. Если употребленіе этой формулы даже въ условномъ предложеніи (Od. IV 831 — 34) дѣлаетъ подобное объясненіе крайне невѣроятнымъ, то послѣ изслѣдованій Л. Ланге (ср. Philologus т. 36, стр. 689) оно просто невозможно. — По примѣру всѣхъ до сихъ поръ изданныхъ грамматикъ и словарей названъ и у г. Вейсмана именительный ἀργύ „предполагаемю“ и „неупотребляющеюся“ формой, такъ что онъ помѣщаетъ это слово подъ формою род. пад. ἀργός послѣ ἀργίον. Между тѣмъ нашлась форма ἀργύ въ одной недавно изданной аттической надписи, такъ что ее „предполагаемю“ называть болѣе нельзя.

При словѣ προσφύτεω (стр. 1091) говорится: „въ н(овомъ) з(акѣтѣ) съ неправильнымъ приращеніемъ προσφύτεωα“. Дѣйствительно, во многихъ грамматикахъ принято, что глаголы, произведенные отъ сложныхъ существительныхъ или прилагательныхъ, принимаютъ приращеніе въ началѣ (см., напримѣръ, R. Kuehner, Ausfuehrliche Grammatik d. gr. Spr. I, p. 516). Если это правило исполнѣно вѣрно относительно глаголовъ, произведенныхъ отъ такихъ сложныхъ словъ, первая часть которыхъ не предлогъ, то съ другой стороны такое множество глаголовъ, произведенныхъ отъ сложныхъ съ предлогомъ словъ, встрѣчается съ приращеніемъ послѣ предлога и число такихъ же глаголовъ съ приращеніемъ, будто бы правильнымъ, такъ незначительно,

что правило перестаетъ быть правиломъ и скорѣе должно быть названо неправильностью. Впрочемъ, какъ бы то ни было, если προσφύγεα „неправильно“, почему же не называть тогда г. Вейсмана ἐξελκταίου, ἀπεδήμησα, ἀπελογισμένη, ἐνεγύησα, ἐνεχωμιάζου, встрѣчающагося у аттиковъ, тоже образомъ неправильнымъ, или почему **обладать** полнымъ молчаніемъ мнимую неправильность приращенія такихъ формъ, какъ κατηγόρου, ἐνεχεύραου, ἐνεχεύρασα, ἐνηδρεύθη, ἀπεθύμησα, ὑποκταέτο и др.? Вѣдь отъ всѣхъ этихъ сложныхъ не существуютъ simpliciа: χεῖρῶ, χεῖρίζω, ἔδρευῶ, θυμέω, ὀπτεύω и т. д. Вообще можно сказать, что авторъ разбираемаго словаря не придерживается опредѣленнаго принципа относительно глаголовъ, произведенныхъ отъ сложныхъ словъ. Дѣло въ томъ, что онъ печатаетъ иногда вѣрно: δυστοχέω, δυστομέω, δυσφορέω, εδραγέτω, εὐπορέω, иногда невѣрно дос-αγρέω, дос-арестέω, невѣрно потому, что простыхъ глаголовъ агρέω, арестέω не существуетъ и, стало быть, досагрэω, досарестэω нельзя считать сложными глаголами; по той же причинѣ совершенно вѣрно напечатано καχοδαίμωνάω, χερσотоμέω съ одной, а καχο-δαίμων, χερσόνηος съ другой стороны. Непослѣдовательность обнаруживается также при сложныхъ съ предлогами прилагательныхъ или существительныхъ; напримѣръ, печатается то πάρ-εργος, πάρ-ευνος, то πάρεδρος, пар-εχλεις. Наконецъ, непонятно, почему при глаголахъ, сложныхъ съ двумя предлогами, отдѣляется только первый, какъ то: σὺμ-παραπλέω, пар-εξέρχομαι. Подобный способъ можетъ вызвать у учениковъ ошибочное предположеніе, будто приращеніе слѣдуетъ ставить послѣ перваго предлога.

Впрочемъ, я далекъ отъ мысли ставить подобныя незначительныя неправильности въ укоръ почтенному автору, ибо сознаю вполне, что совершенной послѣдовательности при первомъ изданіи такого обширнаго труда, какъ словарь г. Вейсмана, достигнуть чрезвычайно трудно. Все это легко выравнится и исправится при второмъ изданіи; а такъ какъ немногія и незначительныя неправильности рѣшительно теряются въ массѣ во всѣхъ отношеніяхъ безупречнаго матеріала, то онѣ и не могутъ сколько нибудь умалить

огромную важность новой книги для успешнаго изученія греческихъ классиковъ въ нашихъ гимназіяхъ. Можно надѣяться, что благодаря ей преподаваніе греческаго языка пойдетъ у насъ теперь еще успешнѣе.

Э. Мертъ.

О Т Ч Е Т Ъ

С.-Петербургскаго отдѣленія общества классической филологій и педагогики за 1878 годъ.

Въ истекшемъ 1878 году С.-Петербургское отдѣленіе общества классической филологій и педагогики продолжало свою дѣятельность по разработкѣ научныхъ и педагогическихъ вопросовъ по древне-классической филологіи.

Всѣхъ засѣданій означенное отдѣленіе имѣло восемь. На основаніи § 13 устава, они происходили одинъ разъ въ мѣсяцъ, за исключеніемъ канicularнаго времени и экзаменовъ въ гимназіяхъ, а также и мая, который; при установившемся обычаѣ собираться въ послѣдній вторникъ каждаго мѣсяца, оказался также неудобнымъ для собраній.

Занятія въ истекшемъ году, какъ и въ прежніе годы, кромѣ текущихъ дѣлъ заключались съ одной стороны, въ обсужденіи рефератовъ и сообщений по научнымъ и педагогическимъ вопросамъ, читанныхъ членами общества, а съ другой—въ обсужденіи рецензій и отзывовъ о сочиненіяхъ, представленныхъ авторами въ общество, и о статьяхъ, присланныхъ въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія для напечатанія въ филологическомъ отдѣлѣ.

Сверхъ того, въ истекшемъ году С.-Петербургское отдѣленіе общества по почину предсѣдателя А. И. Георгіевскаго съ особенной энергіей занималось обсужденіемъ педагогическихъ вопросовъ, касающихся преподаванія древнихъ языковъ.

Всѣхъ рефератовъ и отзывовъ, читанныхъ и обсуждаемыхъ въ засѣданіяхъ въ 1878 году, было 13; а именно:

- 1) Э. А. Верта о словѣ *Erodus*.
- 2) Его же о значеніи словъ „*comitia curiata*“ у Цицерона.

3) Профессора Л. А. Миллера о составленных имъ двухъ учебникахъ: а) *Rei metricae poetarum latinorum praeter Plautum et Terentium summarium*, и б) *Orthographiae et prosodiae Latinae summarium*.

4) Р. Г. Моора о нѣкоторыхъ статьяхъ латинскаго синтаксиса.

5) Э. Э. Кесслера „О постепенности въ письменныхъ упражненіяхъ учениковъ гимназій по древнимъ языкамъ“.

6) Э. Э. Гельбе о томъ же.

7) Профессора Л. А. Миллера „Объ основахъ для критики текста стихотвореній Горация“.

8) К. Ф. Друаьера „Замѣтки по поводу преподаванія латинскаго синтаксиса“.

9) А. А. Гофмана отзывъ о трудѣ г. Ростовцева „Комментарій на 5-ю рѣчь Цицерона in Verrem“.

10) Г. Кербера „О введеніи въ преподаваніе элементарныхъ основъ изящныхъ искусствъ, на сколько они касаются древняго міра“.

11) Э. А. Верта рецензія на трудъ г. Ростовцева (дополненіе къ рецензіи Г. Гофмана).

12) Э. Э. Гельбе разборъ книги Петушина „Фонетика и морфология латинскаго языка“.

13) Я. Г. Моора продолженіе чтеній о нѣкоторыхъ статьяхъ латинскаго синтаксиса.

Нѣкоторые изъ рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ, были напечатаны во опредѣленію собранія въ филологическомъ отдѣлѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Сверхъ обсужденія рефератовъ, С.-Петербургское отдѣленіе общества, какъ сказано выше, съ особеннымъ интересомъ занималось обсужденіемъ вопросовъ, имѣющихъ педагогическій интересъ. Въ этомъ отношеніи особенное вниманіе собранія остановили на себѣ вопросы: а) о соблюденіи постепенности въ письменныхъ упражненіяхъ учениковъ нашихъ гимназій при переводахъ съ отечественнаго языка на древніе, и б) о возбужденіи въ ученикахъ возможно большаго интереса къ чтенію древнихъ авторовъ.

При обсужденіи послѣдняго вопроса, общество приняло къ убѣжденію въ необходимости усилить чтеніе древнихъ авторовъ въ гимназіяхъ, не увеличивая притомъ числа недѣльныхъ уроковъ.

При обсужденіи вопроса о соблюденіи постепенности въ письменныхъ работахъ учениковъ по древнимъ языкамъ, собраніе поручило

членамъ общества Э. Э. Кесслеру и О. О. Гельбке разработать этотъ вопросъ подробнѣе и предложить мѣры къ устраненію замѣченнаго въ ученическихъ работахъ недостатка. Мѣры, предложенныя гг. Кесслеромъ и Гельбке, приняты собраніемъ и рекомендуются къ свѣдѣнію гг. преподавателей древнихъ языковъ. (См. протоколъ С.-Пб. отдѣленія общества за 25 апрѣля 1878 г. въ филолог. отдѣлѣ Журн. Мин. Нар. Просв.).

Въ минувшемъ же году С.-Петербургское отдѣленіе общества разсматривало присланный изъ Новороссійскаго учебнаго округа проектъ правилъ о присужденіи, изъ специальныхъ суммъ округа, премій преподавателямъ гимназій Новороссійскаго учебнаго округа за лучшіе труды по древнимъ языкамъ. Собраніе вполне одобрило мысль объ учрежденіи премій, какъ мѣру, поощряющую дѣятельность преподавателей, и выразило желаніе, чтобы такія же преміи были учреждены и въ другихъ учебныхъ округахъ.

Библіотека С.-Петербургскаго отдѣленія общества по прежнему составляется изъ выписываемыхъ имъ періодическихъ изданій, каковы: 1. Rheinisches Museum. 2. Philologus. 3. Hermes. 4. Филологическія записки. 5. Revue philologique. 6. Jahresbericht über die Fortschritte der classischen Alterthumswissenschaft. 7. Philologischer Anzeiger. 8. Zeitschrift für die vergleichende Sprachwissenschaft. 9. Mnemosyne 10. Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik. 11. Zeitschrift für das Gymnasialwesen. 12. Zeitschrift für die österreichischen Gymnasien. 13. Указатель по дѣламъ печати.

Сверхъ того, въ истекшемъ году С.-Петербургское отдѣленіе общества рѣшило пріобрѣтати въ свою бібліотеку всѣ выходящіе учебники и пособія по классическимъ языкамъ.

Средства общества, по прежнему, составляютъ изъ членскихъ взносовъ по 10 рублей въ годъ и единовременныхъ пожертвованій.

По произведенной въ октябрѣ мѣсяцѣ членами ревизіонной комисіи А. А. Гофманомъ, И. А. Смирновымъ, А. А. Каммерлингомъ и О. О. Гельбке ревизіи кассы Общества, суммы ея находились въ слѣдующемъ состояніи:

- а) кредитными билетами и наличными деньгами 120 руб. 46 коп.,
- б) облигаціями С.-Петербургскаго городского кредитнаго общества 3,700 рублей;
- в) долговое обязательство члена общества г. Вейсмана на выданную ему обществомъ ссуду въ 1,000 рублей.

Суда г. Вейсману была выдана безъ процентовъ на полтора года по опредѣленію собранія и рѣшенію совѣта общества, на печатаніе составленнаго имъ греко-русскаго словаря,—что составляетъ въ настоящее время насущную потребность нашихъ гимназій. Словарь г. Вейсмана уже вышелъ изъ печати и поступилъ въ продажу.

Въ истекшемъ 1878 году по баллотировкѣ, произведенной во всѣхъ отдѣленіяхъ общества, составленъ вновь совѣтъ общества на наступившее трехлѣтіе на основаніи § 11 устава. Избранными абсолютнымъ большинствомъ голосовъ оказались: предсѣдателемъ А. И. Георгіевскій, вице-предсѣдателемъ В. Х. Лемониусъ, членами совѣта К. И. Смирновъ, А. И. Чистяковъ и А. А. Гофманъ.

Казначей общества К. И. Смирновъ, вслѣдствіе избранія его членомъ совѣта общества, сложилъ съ себя обязанности казначея и на его мѣсто избранъ Ѳ. Ѳ. Гельбе, который и вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей съ 7 октября 1878 г.

Въ началѣ истекшаго года секретарь общества А. А. Радонежскій просилъ собраніе освободить его отъ обязанностей секретаря. Въмѣсто него секретаремъ общества былъ избранъ И. А. Смирновъ.

Въ 1878 году С.-Петербургское отдѣленіе общества классической филологіи и педагогикѣ составляли слѣдующіе члены: Г. В. Бюригъ; К. М. Блюмбергъ; А. Д. Вейсманъ; Э. А. Вертъ; А. И. Георгіевскій; Ѳ. Ѳ. Гельбе; А. А. Гофманъ; Б. Ф. Друатьеръ; А. И. Давиденковъ; Ѳ. Ѳ. Зборилль; В. А. Канскій; О. Ю. Клеменчичъ; А. А. Кеммерлингъ; М. А. Кеммерлингъ; Э. Ю. Керберъ; Э. Э. Кесслеръ; М. И. Костевъ; М. С. Буторга; В. Х. Лемониусъ; Э. Э. Мейеръ; Л. А. Миллеръ (профессоръ); Я. Г. Мооръ; А. К. Наукъ (академикъ); Н. П. Поповъ; М. В. Пустонскій; А. А. Радонежскій; Н. В. Рубинскій; Ѳ. А. Струве; К. И. Смирновъ; И. А. Смирновъ; А. И. Чистяковъ; К. Э. Шнейдеръ; И. Ѳ. Шрамеъ.

Въ 1878 году дѣйствительныхъ членовъ было 34. Выбыли: гг. Базъ, Эрнштедтъ, Добрглавъ, Крутковъ, Пальмцвейгъ и Щепинскій.

Денежный отчетъ общества классической филологіи и педагогикѣ, представленный казначеемъ общества:

Приходъ

Къ 1 января 1879 года въ кассѣ наличныхъ . . .	355 р. 49 к.
Поступило членскихъ взносовъ:	
1) за 1877 годъ отъ 4-хъ членовъ	40 „
2) за 1878 годъ отъ 24-хъ членовъ	240 „

Изъ Кіевскаго отдѣленія общества	80 р.
оттуда же	100 „
% съ облигацій С.-Петербур. кредитн. общ.	180 „
Продано 6 облигацій С.-Петербур. кредитн. общ.	558 „ 17 к.
Итого	1,553 р. 66 к.

Расходъ

По счету эконома 3-й гимназіи на расходы по случаю собраній общества	30 р.
По счету смотрителя дома мин. нар. просвѣщенія на тотъ же предметъ	4 „ 80 к.
За храненіе облигацій въ Госуд. банкѣ	1 „ 70 „
По счету секретаря общества за печатаніе пригласительныхъ билетовъ къ засѣданіямъ, на почтовые расходы и переписку протоколовъ за прежніе годы	14 „
Книгопродавцу Шмицдорфу за подписку на журналы	152 „ 20 „
Члену общества г. Вейсману въ ссуду	1,000 „
Итого	1,202 р. 70 к.

Въ кассѣ 1 января 1879 года находится:

- а) Наличными деньгами . . . . . 350 р. 66 к.
- б) Облигаціями С.-Петербур. горд. общ. . . . . 3,700 „
- в) Денежное обязательство г. Вейсмана въ . . . . . 1,000 „

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ А. Рабонезскій.

Изданіе пятое, дополненное согласно послѣднихъ учебныхъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія.

Цѣна 75 коп.

Складъ изданія: въ С.-Петербургѣ, книжный магазинъ Фену и К°.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

въ видахъ распространенія въ средѣ публички свѣдѣній о письменныхъ памятникахъ отечественной старины, признало полезнымъ издавать въ опредѣленные сроки приложенія къ своимъ изданіямъ, подъ именемъ:

Памятники Древней Письменности.

Въ составъ этихъ приложеній войдутъ: монографіи о древнерусскихъ памятникахъ, извлеченія изъ рукописей, описанія общественныхъ и частныхъ книгохранилищъ, библиографическія свѣдѣнія и замѣтки о всемъ, что появляется у насъ и на западѣ по части изданія старинныхъ текстовъ.

„Памятники древней письменности“ выходятъ четыре раза въ годъ въ январѣ, апрѣлѣ, августѣ и ноябрѣ, выпусками отъ 7—15 листовъ каждый, на велевовой бумагѣ; всего въ годъ составитса около 60 листовъ вмѣстѣ съ литографическими факсимиле.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ съ пересылкой и доставкой 15 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (Невскій, 60), Н. Фену и К^о (Невскій, д. Армянской церкви), Риккера (Невскій, д. 14), а равно и у всѣхъ извѣстныхъ столичныхъ книгопродавцевъ.

Подписчики получаютъ одинъ изъ МѢ изданій общества за текущій годъ и пользуются уступкой 25% съ изданій, поступившихъ въ продажу.

Желающіе ознакомиться съ характеромъ подобнаго изданія могутъ приобрести пробный томъ его:

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ С.-ПЕТЕРБУРГА

подъ тѣмъ же заглавіемъ:

„ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ“

съ 5-Ю ЛИТОГРАФИЧЕСКИМИ ФАКСИМИЛЕ.

Содержаніе этого тома: Архивъ славянской филологіи, изд. проф. Ягичемъ, князя П. П. Вяземскаго.—Биографія Юрія Крижанича, П. О. Морозова.—Историческія свидѣтельства о славянской народной поэзіи, его же.—О литературной исторіи „Физиолога“, князя П. П. Вяземскаго.—Сборникъ повѣстей скорописи XVII вѣка, Ѳ. И. Булгакова.—Сказаніе о страстяхъ господнихъ, его же.—Историческое развитіе русскаго искусства.—Литература средневѣковыхъ романскихъ текстовъ за 1875—1876 гг.—Палеографическое собраніе князя П. А. Путятина, А. Н. Виноградова.—Фотографическіе снимки съ старинныхъ вещей Ипатьевского монастыря. Цѣна **четыре** руб.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ:

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА Л. ДР. ПИСЬМЕННОСТИ за 1877 г.

Содержащій въ себѣ описаніе 16-ти изданій общества, 5 литографическихъ снимковъ и въ видѣ приложенія къ „Протоколу годового собранія“, статьи князя П. П. Вяземскаго «О значеніи русскихъ лицевыхъ изображеній, со древней музыкѣ» и спросеть Вортнианскаго «о введеніи въ Россію Крюковаго пѣнія». Цѣна **три** руб.

„СТЕФАНИТЬ И ИХНИЛАТЬ“

съ предисловіемъ и примѣчаніями Ѳ. И. Булгакова. Цѣна **5** руб.

Съ требованіями обращаться: къ секретарю общества, С.Пб., Фурштатская, д. 42, кв. 31.

— 4 —

ПРИ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ ТИПОГРАФИИ В. С. БАЛАШЕВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Средняя Подъячская № 1.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Сочиненія П. И. Павлищева. Томы I, II и III: Польская анархія съ портретами и картой польской рѣчи посполитой. Цѣна 6 р.

Я. И. Пелонскій. «Озимы» новый сборникъ стиховъ, двѣ части, по 1 р. 50 к.

Строительная памятная книжка на 1879 г. Составилъ В. Карловичъ, профессоръ строительнаго искусства Николаевской Инженерной Академіи. Цѣна 3 р. 50 к.

Русскій справочный альманахъ, заключающій въ себѣ, помимо прочихъ свѣдѣній необходимыхъ въ каждомъ коммерческомъ дѣлѣ, 15000 адресовъ С.-Петербургскаго, Московскаго, Варшавскаго, Киевскаго, Одесскаго и Харьковскаго купечества. Цѣна 3 р.

Очеркъ исторіи русскаго дворянства отъ половины IX до конца XVIII вѣка. Соч. П. А. Парай-Кошица. Цѣна 1 р. 50 к.

Железнодорожныя трудобы, К. А. Лебедева. Цѣна 1 р. 20 к.

Практическое объясненіе о предохраненіи имущества послѣ умершихъ, о порядкѣ наследованія и составленія духовныхъ завѣщаній, о раздѣлѣ имущества и т. д. Цѣна 50 к.

СОДЕРЖАНИЕ
ДВѢСТИ ВТОРОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи въ Рижской Александровской гимназій	3
2. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Стерлитамавской прогимназій	—
3. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Казанской Маріинской женской гимназій	4
4. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи въ Самарской гимназій	—
5. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Муромскомъ реальномъ училищѣ	—
6. (10-го января 1878 года). Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургской 1-й гимназій	5
7. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ	—
8. (10-го января 1879 года). О принятіи пожертвованія, сдѣланнаго статскимъ совѣтникомъ И. С. Хаминнымъ	—
9. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Рижской женской Ломоносовской гимназій	6

10. (10-го января 1879 года). Обь учрежденіи стипендій въ Астраханской гимназін	6
11. (10-го января 1879 года). Обь учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ	7
12. (10-го января 1879 года). Обь учрежденіи стипендіи при Харьковскомъ университетѣ	43
13. (10-го января 1879 года). О присвоеніи двухклассному начальному народному училищу въ селѣ Владимірскомъ, Вышневолоцкаго уѣзда, наименованія „Алексѣевско-Сназинскаго“ и обь учрежденіи при этомъ училищѣ званія почетнаго блюстителя	—
14. (10-го января 1879 года). О присвоеніи капитала, пожертвованному коллежскимъ совѣтникомъ Петромъ Омеляненко, наименованія капитала Омеляненко	44
15. (6-го февраля 1879 года). О правахъ по отбыванію воинской повинности воспитанниковъ Кіевскаго музыкальнаго училища Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества	—
16. (6-го февраля 1879 г.). О причисленіи Виленскаго и Житомирскаго учительскихъ институтовъ во второму разряду учебныхъ заведеній по отбыванію воинской повинности	45
17. (9-го февраля 1879 г.). Высочайше утвержденное положеніе о преміи графа Сперанскаго	46
18. (20-го февраля 1879 г.). Обь увеличеніи штатнаго содержанія С.-Петербургскихъ двухклассныхъ приходскихъ училищъ Введенскаго, Андреевскаго и Благовѣщенскаго	51

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

22-го декабря 1878 года (№ 13)	7
29-го декабря 1878 года. (№ 14)	9
1-го января 1879 года. (№ 1)	—
10-го января 1879 года (№ 2)	51
ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ	11

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (5-го августа 1878 г.). Положеніе о стипендіи имени Императора Александра I-го при Олонецкой гимназін	25
2. (29-го августа 1878 г.). Положеніе о стипендіи имени Им-	

ператора Александра I-го при Устюженской мужской прогимназии. 25

3. (7-го сентября 1878 г.). Правила составленія, хранения и употребленія особаго капитала, принадлежащаго Обществу вспомошествованія нуждающимся ученикамъ С.-Петербургской шестой гимназiи и назначеннаго, съ Высочайшаго разрѣшенія, послѣдовавшаго 14 августа 1878 г., на воспитаніе въ этой гимназiи одного изъ сиротъ офицеровъ, павшихъ въ войнѣ съ Турками . 26

4. (28-го сентября 1878 г.). Положеніе о стипендіи „памяти Евгенія Стахѣва“ при 6-й С.-Петербургской прогимназiи. . . 28

5. (7-го октября 1878 г.). Положеніе о стипендіяхъ маіора Максима Павловича Подколзина при Воронежской мужской гимназiи на капиталъ въ 100,000 р. 29

6. (27-го октября 1878 г.). Положеніе о стипендіи статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина, при Костромской гимназiи 31

7. (27-го октября 1878 г.). Положеніе о стипендіи при Ярославской губернской гимназiи имени статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина 32

8. (28-го октября 1878 г.). Положеніе о стипендіи товарищества Пензенскаго рафинаднаго завода Алексѣя Петровича Сергѣева и графа Ивана Александровича Аправсина при Пензенской мужской гимназiи. 52

9. (28-го октября 1878 г.). Положеніе о стипендіи имени генераль-лейтенанта Алексѣя Алексѣевича Одицова. 53

10. (11-го января 1879 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ выдачи свидѣтельствъ вольно-опредѣляющимся въ военную службу съ обозначеніемъ ихъ разрядовъ по образованію. 55

11. (13-го января 1879 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о приобрѣтеніи для библиотекъ гимназiй, прогимназiй и реальныхъ училищъ „Исторiи среднихъ учебныхъ заведеній въ Россiи“, соч. Шмида 56

12. (12-го января 1879 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о приобрѣтеніи для библиотекъ гимназiй, прогимназiй и реальныхъ училищъ сочиненія профессора Велишскаго изъ Праги „Бытъ грековъ и римлянъ“ . . . . . —

13. (16-го января 1879 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о приобрѣтеніи для библиотекъ,

гимназій и прогимназій составленной наставникомъ Шмидомъ книгъ „Одиссея Гомера съ примѣчаніями“ . . . . .

14. (24-го января 1879 г.) Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о наблюденіи за своевременной припискою воспитанниковъ учебныхъ заведеній министерства къ призывнымъ участвамъ по отбыванію воинской повинности . . . . .

15. (3-го февраля 1879 г.) Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о введеніи обученія ремесламъ и о подготовкѣ къ обученію пѣнію въ народныхъ школахъ . . . . .

16. (21-го февраля 1879 г.) Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ г. товарища министра народнаго просвѣщенія . . . . .

17. (10-го марта 1879 г.) Циркулярное предложеніе г. министра народнаго просвѣщенія гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о допущеніи нѣкоторыхъ молодыхъ людей въ университеты . . . . .

18. (13-го марта 1879 г.) Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о принятіи греческо-русскаго словаря профессора Вейсмана какъ учебное пособие при преподаваніи въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ греческаго языка . . . . .

ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

9-го декабря 1878 года. (№ 18) . . . . .

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕБНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Атласъ географическихъ сѣтокъ съ очертаніемъ материковъ: изд. картографическаго заведенія А. Ильина. 3

О книгѣ: „Русская хрестоматія“. Изд. 17 безъ перемѣны Т. I. Проза. Соч. А. Галахова . . . . .

О книгѣ: „Бытъ Грековъ и Римлянъ“. Соч. Ф. Ф. Велинскаго. Переводъ съ чешскаго членовъ кievскаго отдѣленія общества классической филологіи и педагогики, подъ редакціею И. Я. Ростовцева. Выпуски I, II, III и IV . . . . .

О книгѣ: „Соловь и его стихотворенія“. Историко-филологическое изслѣдованіе О. Гордіевича . . . . .

О книгѣ: „Теоретическая, практическая и аналитическая химія“, въ приложеніи къ искусствамъ и промышленности, Муспратта. Переводъ со втораго и третьяго нѣмецкаго изданія. Ре-

дація и дополненія проф. Киттары. Томъ первый. Съ 288 по- литипажами	38
О книгѣ: Сборникъ прозаическихъ статей и стихотвореній (съ обозначеніемъ удареній косыми буквами). Двѣ книги. Сост. А. П. Сердобольскій	61
Объ изданіяхъ Фридриха Фишбаха	62
О книгѣ: „Древняя русская литература“ (допетровскій пе- ріодъ). Выпускъ 2-й (послѣдній). Книжная словесность. Состав. П. В. Евстаевъ	—
О книгѣ: „Recueil de compositions françaises, comprenant des sujets de lettres, de dialogues, des descriptions, de portraits, de narrations, de discours et de dissertations ou lieux-communs, avec des préceptes généraux sur le style de chaque genre de composi- tion, et un plan et de développements pour chaque devoir, par Jules Mourier, professeur de langue et de littérature française	—
О книгѣ: 1) Земля и Люди. Всеобщая географія Элисе Реклю Т. 1. (въ двухъ выпускахъ и 2) Земля и ея народы. Соч. Фрид. Фонъ-Ильвальда. Живописная Африка съ 70 большими рисунками. —	—
О таблицѣ: „Метрическая система. Учебное пособіе, вырабо- танное профессоромъ К. Бонпъ и о брошюрѣ при ней: „Текстъ къ стѣнной таблицѣ метрическихъ мѣръ Бонпа. Изданы фир- мою Фену и К ^о	—
О книгѣ: „Сборникъ примѣровъ и задачъ, относящихся къ курсу элементарной алгебры“. Составилъ Ѡ. Бычковъ	63
О книгѣ: „Учебникъ ботаники“. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній съ реальнымъ курсомъ. Сост. К. Ѡ. Ярошевскій. —	—

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О брошюрахъ 1) „Разказы о Ломоносовѣ“ 2) „Разказы о Су- воровѣ“. Чтеніе для народа, изданіе 4-е. Сост. В. Навыковскимъ. —	—
О книгѣ: „Школьные ступени“. Годъ второй. Книга для чте- нія въ начальной школѣ. Изданіе 2-е съ перемѣнами. Состав. И. Деркачевымъ	—
О книгѣ: „Разказы старушки о двѣнадцатомъ годѣ“. Состав. г-жею Толычевою	—

О книгѣ: Времена года. Сборникъ стихотвореній и статей для дѣтскаго чтенія: 1) Зима. 2) Весна. 3) Лѣто. 4) Осень. Изд. редакціи „Семья и Школа“. Сост. С. Миропольскій 36

О книгѣ: „Руководство къ педагогической и гигиенической гимнастикѣ“. Сост. В. Г. Уховымъ. . . . . —

О книгѣ подъ заглавіемъ: Курсъ промышленной экономіи и коммерческой географіи въ связи съ торговопромышленной статистикой Россіи и другихъ странъ. Сост. А. Е. Суботинъ. . . . . —

Официальныя извѣщенія. . . . . 38 и 64 ✓

О премии фрейлины М. С. Мухановой за жизнеописаніе императрицы Маріи Феодоровны . . . . . —

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Очеркъ внутренней исторіи церкви въ великомъ Новгородѣ. А. Никитскаго.	1 ✓
Господствующая группа выводовъ. М. Каринскаго.	67 ✓
Новѣйшіе памятники древне-чешскаго языка. В. Ламанскаго	118
Матеріалы для внутренней исторіи византійскаго государства. В. Васильевскаго.	160 и 386 ✓
О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвами. С. Шафранова.	233 ✓
Водвореніе нѣмцевъ въ Ливоніи. Д. Иловайскаго	288
Жизнь и труды Фуво. С. Л.	317
А. Шопенгауэръ. Князя Д. Церетелева	334

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Объ учебныхъ пособіяхъ для преподаванія естественной исторіи въ реальныхъ училищахъ. Н. Кричагина.	1 и 85 ✓
Устройство заграничныхъ учебныхъ заведеній. А. Гезена	31 ✓

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Слово пр. Амвросія о началахъ христіанскаго воспитанія.	1
Замѣтка по поводу отчета о педагогическомъ отдѣлѣ парижской всемірной выставки. В. Эвальда	13
Объ одномъ учебникѣ Русской исторіи для начальныхъ школъ	22
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты б) низшія училища.	28 и 69
Письмо изъ Парижа. Л. Л—ра.	108✓

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Замѣтка къ 1-й одѣ 1-й книги Горація ст. 29—26. А. Месса.	87✓
Нѣчто объ учебныхъ пособіяхъ по древнимъ языкамъ. И. Ф.	95
Одиссея Гомера съ примѣчаніями Е. Шмида. Выпускъ II. Пѣсни IV—VI. И. Мейера.	109
Объ основахъ текста Андокида, Исея, Динарха, Антифонта и Ликурга В. Ернштедта.	113
Греческо-русскій словарь, составленный А. Д. Вейсманомъ, экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института	137✓
Отчетъ С.-Петербургскаго отдѣленія общества классической филологіи и педагогики за 1878 годъ	151✓

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Объ основахъ текста Андокида, Исея, Динарха, Антифонта и Либурга . . . . В. Ернштедта.

Библиографія.

Греческо-русскій словарь, составленный А. Д. Вейсманомъ, экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-Филологическаго института . . . . . Э. Верта.

Отчетъ С.-Петербургскаго отдѣленія общества классической филологіи и педагогики за 1878 годъ.

Редакторъ **Е. Феокистовъ.**

(Вышла 1-го апрѣля).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогичи и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрести въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (последній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкой въ другіе города.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

~~LIBRARY USE~~

STORAGE
ANNEX

LIBRARY USE

AUG 16 1963

JUL 16 1976

25 Mr '65gM

REC. CIR. MAR 4 '76

IN STACKS

MAY 11 1965

REC'D LD

JUN 4 '65-7 PM

NRLF LIBRARY USE OCT 18 '90

STORAGE
ANNEX

LD 21A-50m-11.'62
(D3279s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

YD 22675

